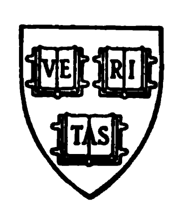


ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ,

изданный подъ редакціею орд. проф. А. А. Кочубинскаго

ОДЕССА,
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИП. Г. УЛЬРИХА, КРАСНЫЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ № 3.
1880.

вышелъ 19 февраля 1880 г. 51 листъ.

1900 МО

Въ редакціи «Записокъ императорскаго новороссійскаго университета» имѣются и прежніе томы этого изданія, заключающіе въ себѣ:

Томъ I. *Соколовъ И. Д.* Замѣчаніе относительно интегрированія диффер. уравненій движенія свободной точки. *Лапшинъ В. И.* О вулканическихъ явленіяхъ близь остр. Санторина. *Брунъ Ф. К.* Путешествіе Ив. Шильтбергера по Европѣ, Азіи.... *Леонтовичъ Ѳ. И.* Древнее хорвато-долматское законодательство. *Юргевичъ В. Н* De Jovis Lycaei natura.... *Бернштейнъ.* Отчетъ о командировкѣ. *Абашевъ Д. Н.* О тепловыхъ явленіяхъ, обнаруживающихся при соединеніи жидкостей.

Томъ II. *Смирновъ М. П.* Ягелло Владиславъ и первое соединеніе Литвы съ Польшею. *Берккевичъ Л. Ѳ.* Изслѣдованіе движенія пл. Юноны. *Патлаевскій И. I.* Денежный рынокъ въ Россіи отъ 1700 до 1762.

Томъ III. *Орбинскій Р. В.* Англійскіе деисты XVII—XVIII ст. *Соколовъ Н. Н.* О молочной кислотѣ изъ β—іодопропіоновой кислоты. *Вольскій М. М.* Рабская обработка земли. *Струве Ѳ. А* Путевыя замѣтки.—Празднованіе въ и. нов. ун—тѣ тысящелѣтія со дня кончины св. Кирилла (14 февр. 1869).

Томъ IV. *Некрасовъ И. С.* Зарожденіе національной лит—ры въ сѣв. Руси. *Богдановскій А. М.* Молодые преступники. *Абашевъ Д. Н* О механическомъ анализѣ почвъ. *Шведовъ Ѳ. Н.* О законахъ превращенія электричества въ теплоту.

Томъ V. *Ярошенко С. П.* О розысканіи особенныхъ рѣшеній диффер. уравненій 1 порядка. *Брунъ Ф. К.* О странствованіяхъ царя пресвитера Іоанна. *Бекетовъ.* Рецензія соч. г. Абашева «О тепловыхъ явленіяхъ...». *Лапшинъ В. И.* Мнѣніе о томъ же. *Соколовъ Н. Н.* Разборъ того же сочиненія. *Абашевъ Д. Н.* Замѣчанія на разборъ пр. Соколова. *Григоровичъ В. И.* Рѣчь на 11 мая 1869.—Отчетъ о состояніи и. нов. ун—та за $18^{69}/_{70}$ ак г.; при немъ: *Шведовъ Ѳ. Н.* Объ отношеніи физики къ естествознанію.—Протоколы засѣданій совѣта: 4 янв.—30 мая 1870. *Богишичъ В. В.* Отчетъ о командировкѣ.

Томъ VI. *Некрасовъ И. С.* Пахомій сербъ, писатель XV в. *Патлаевскій И. I* Теорія денежнаго обращенія Рикардо. *Шпилевскій М. М.* Политика народонаселенія въ царствованіе Екатерины II. *Григоровичъ В. И.* Изъ лѣтописи науки славянской.—Протоколы засѣданій: 19 авг.—21 дек. 1870 г.

Томъ VII. *Павловъ А. С.* Истор. очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи. ч. I *Лигинъ В. Н.* Вступ. лекція. *Ярошенко С. П.* Вступ. лекція.—Отчетъ о состояніи и. нов. ун. за $18^{70}/_{71}$ ак. г.; при немъ: *Некрасовъ И. С.* Разборъ соч. «Объ азовскомъ сидѣніи». *Мечниковъ И. И.* Позвоночная теорія черепа.—Протоколы зас. сов.: 18 янв.—21 мая 1871 г. *Бернштейнъ Н. О.* Отчетъ о командировкѣ *Мечниковъ И. И.* Отчетъ о командировкѣ.

Томъ VIII. Протоколы засѣданій совѣта: 16 авг. 1871—29 мая 1872. *Кочубинскій А. А.* Славянскія нарѣчія и сравнительное языкознаніе (вст. лекція). *Кондаковъ Н. П.* Наука классич. археологіи и теорія искусства (вст л.). *Марковниковъ В.* Двѣ вст. лекціи. *Головкинскій Н. А* Двѣ вст. лекціи. *Павловъ А. С.* Номоканонъ при большомъ требникѣ.

Томъ IX. Протоколы зас. сов.: 18 янв.—23 дек. 1872 Отчетъ о состояніи и. нов. ун. за $18^{71}/_{72}$ ак. г. *Вольскій М. М.* Задача политической экономіи и отношеніе ея къ прочимъ наукамъ. *Брунъ Ф К.* Периплъ каспійскаго моря по картамъ XIV ст. *Павловъ А. С.* Еще наказный списокъ по Стоглаву. *Умовъ Н. А.* Историческій очеркъ теоріи свѣта *Ярошенко С. П.* Начала новой геометріи.

Томъ X. Протоколы зас. сов.: 18 янв.—27 апр. 1873. *Малининъ М. И.* Убѣжденіе судьи въ гражд. процесѣ. *Ярошенко С. П.* Начала новой геометріи. *Умовъ Н. А.* Теорія простыхъ средъ. *Его же.* Замѣтка о соч. г. Лигина «Теорія абсолютнаго движенія неизмѣн. системы».

Томъ XI. Протоколы зас. сов.: 1 мая—18 авг. 1873. Отчетъ о состояніи и. нов. ун. за $18^{72}/_{73}$ ак. г. *Кочубинскій А. А.* Братья—подобои и чешскіе католики въ началѣ XVII в. *Лигинъ В. Н.* Отвѣтъ на «замѣтку» г. Умова.

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ,

изданный подъ редакціею орд. проф. А. А. Кочубинскаго

ОДЕССА,
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИП. Г. УЛЬРИХА, КРАСНЫЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ № 3.
1880

Печатано по опредѣленію Совѣта императорскаго новороссійскаго университета. Ректоръ *Н. Головкинскій*.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Часть оффиціальная.

ПРОТОКОЛЫ
ЗАСѢДАНІЙ СОВѢТА
ИМПЕРАТОРСКАГО НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Засѣданіе 18 января 1879 г.

Присутствовали 18 профессоровъ:

Слушали:

Предложенія г. попечителя одесскаго учебнаго округа:

2. Отъ 15-го декабря 1878 г. за № 8940 съ разрѣшеніемъ студентовъ-стипендіатовъ III и IV курсовъ юридическаго факультета освободить отъ полугодичныхъ контрольныхъ испытаній, возложивъ на нихъ обязанность представить письменныя работы въ началѣ втораго полугодія. *Опредѣлили:* сообщить въ юридическій факультетъ.

3. — № 8786 о разрѣшеніи г. министра остатокъ отъ содержанія личнаго состава университета въ 1878 г., въ количествѣ 1050 р. 86 коп., употребить на уплату за выписанныя для библіотеки книги и на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій для кабинетовъ и лабораторій. *Опредѣлили:* сообщить въ правленіе.

4. — № 8787 о томъ, не пожелаетъ-ли совѣтъ войти въ сношеніе съ институтомъ Оссолинскихъ въ Львовѣ на счетъ обмѣна съ онымъ учеными изданіями. *Опредѣлили:* снестись съ институтомъ, заявивъ ему готовность

новороссійскаго университета установить обмѣнъ своими изданіями.

5. — № 8826 о согласіи на перечисленіе студента Валицкаго съ филологическаго на юридическій факультетъ.

При этомъ доложено, что г. Валицкій перечисленъ уже на юридическій факультетъ. *Опредѣлили:* за сдѣланнымъ распоряженіемъ принять къ свѣдѣнію.

6. — № 8938 о согласіи на зачисленіе студента университета св. Владиміра Льва Геникеса въ студенты новороссійскаго университета.

При чемъ доложено, что, по распоряженію г. ректора, Геникесъ зачисленъ уже на юридическій факультетъ. *Опредѣлили:* принять къ свѣдѣнію.

7. — № 8939 съ разрѣшеніемъ перечислить студента Мойше-Лейбу Цвиллинга съ математическаго на юридическій факультетъ.

При этомъ доложено, что г. Цвиллингъ уже перечисленъ. *Опредѣлили:* принять къ свѣдѣнію.

8. — № 9046 объ увольненіи профессора Ковалевскаго, согласно его прошенію, отъ должности проректора новороссійскаго университета. *Опредѣлили:* сообщить въ правленіе и увѣдомить г. Ковалевскаго.

9. — № 9158 съ препровожденіемъ, для исполненія и руководства, утвержденныхъ г. министромъ народнаго просвѣщенія главныхъ основаній для составленія правилъ о библіотекахъ высшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія. *Опредѣлили:* принявъ къ руководству, сообщить утвержденныя г. министромъ главныя основанія для составленія правилъ о библіотекахъ въ правленіе, библіотечную комисію и г. библіотекарю.

10. — № 9159 о непринятіи отъ воспитанниковъ ду-

ховныхъ семинарій прошеній о зачисленіи ихъ въ студенты, если въ ихъ семинарскихъ аттестатахъ будутъ неточно, или совершенно не будутъ обозначены тѣ или другія свѣдѣнія, требуемыя установленными правилами. *Опредѣлили:* принять къ руководству.

11. — № 9449: «Одинъ изъ кандидатовъ, командированныхъ отъ министерства народнаго просвѣщенія заграницу для приготовленія къ профессорскому званію по древнеклассической филологіи, заявилъ, что германскіе университеты не допускаютъ иностранцевъ, а въ томъ числѣ и русскихъ, въ члены филологическихъ семинарій, которые обыкновенно получаютъ отъ своего правительства особое вознагражденіе. По этому поводу членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Георгіевскій, командированный заграницу по дѣламъ службы, между прочимъ, для разрѣшенія вопроса относительно допущенія нашихъ молодыхъ ученыхъ, командируемыхъ заграницу для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрамъ классической филологіи, къ дѣятельному участію во всѣхъ занятіяхъ и работахъ, существующихъ при германскихъ университетахъ филологическихъ семинарій, входилъ въ сношеніе какъ съ прусскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія относительно всѣхъ университетовъ, существующихъ въ королевствѣ прусскомъ, такъ и относительно лейпцигскаго университета съ тамошнимъ профессоромъ, тайнымъ совѣтникомъ Георгомъ Курціусомъ, который нынѣ состоитъ очереднымъ главнозавѣдывающимъ дѣлами этихъ семинарій и который, по совѣщаніи съ другими двумя директорами, профессорами Риббекомъ и Ланге, сообщилъ письмомъ нижеслѣдующее: «Вступленіе въ королевскую филологическую семинарію въ качествѣ *экстраординарнаго члена*

вполнѣ и безъ всякихъ околичностей доступно каждому молодому человѣку, а въ томъ числѣ, разумѣется, и русскимъ подданнымъ, подъ условіемъ удостовѣренія, что ими начаты филологическія университетскія занятія. Экстраординарные члены семинаріи имѣютъ право: 1) принимать дѣятельное участіе въ происходящихъ въ семинаріи диспутахъ; 2) быть отъ времени до времени особо назначаемы въ оппоненты назначенному интерпретатору и предлагать на общее обсужденіе свои замѣчанія на его работу и 3) при случаѣ, насколько это не вредитъ интересамъ ординарныхъ членовъ семинаріи, брать на себя самую интерпретацію автора. Въ *ординарные члены* семинаріи, по уставу, принимаются только такіе молодые люди, которые зарекомендовали себя дирекціи семинаріи какою либо работою филологическаго содержанія на латинскомъ языкѣ, какъ уже болѣе преуспѣвшіе въ классической филологіи. Представленіе подобной работы было бы непремѣннымъ условіемъ и для молодыхъ русскихъ ученыхъ, дабы они могли быть поставлены въ одинаковое положеніе съ ординарными нѣмецкими членами семинаріи. Если молодой русскій ученый представитъ въ семинарію работу означеннаго рода, которая по сужденію дирекціи окажется не ниже средняго уровня подобныхъ же представляемыхъ ей работъ, то при этомъ условіи дирекція нынѣ же заявляетъ свою готовность принять такого молодого человѣча сверхштатнымъ ординарнымъ членомъ, само собою разумѣется, безъ права на стипендіи, назначенныя семинаріи для 12 ординарныхъ членовъ германскихъ подданныхъ; но такъ какъ въ уставѣ случаи подобнаго рода не предусмотрѣны, то дирекція должна будетъ испросить на то согласіе саксонскаго министра народнаго просвѣщенія». При этомъ предполагается,

что число такихъ русскихъ членовъ семинаріи будетъ очень ограниченное, т. е. не болѣе одного или двоихъ, такъ какъ иначе дѣятельность нѣмецкихъ ординарныхъ членовъ была бы слишкомъ стѣснена.

Что же касается до прусскихъ университетовъ, то устройство филологическихъ семинарій при сихъ университетахъ почти такое же, какъ при лейпцигскомъ университетѣ, а потому и условія допущенія иностранцевъ въ экстраординарные и ординарные члены сихъ семинарій тождественны съ изложенными выше; при этомъ въ прусскомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія было сообщено тайному совѣтнику Георгіевскому, что для допущенія въ ординарные члены семинарій русскихъ молодыхъ ученыхъ, которымъ вмѣнено въ обязанность участвовать въ занятіяхъ филологическихъ семинарій прусскихъ университетовъ, необходимо предварительное сношеніе нашего министерства народнаго просвѣщенія съ прусскимъ, которое, на основаніи сего сношенія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ сдѣлаетъ безпрепятственно соотвѣтствующее распоряженіе.

Такъ какъ означенный вопросъ получилъ нынѣ удовлетворительное разрѣшеніе въ Лейпцигѣ и Берлинѣ, то его сіятельство увѣдомилъ меня для предложенія совѣту новороссійскаго университета къ свѣдѣнію на случай командированія кого либо изъ кандидатовъ историко-филологическаго факультета заграницу для приготовленія къ профессорскому званію по классической филологіи.

Получивъ объ этомъ предложеніе дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Д. А. Толстаго за № 13210, сообщаю объ ономъ совѣту новороссійскаго университета». *Опредѣлили:* принявъ къ свѣдѣнію, копію настоящаго предложенія сообщить въ историко-филологическій факультетъ.

12. Отъ 8-го января 1879 г. за № 151 объ оставленіи при университетѣ на два года кандидата Бучинскаго для приготовленія къ профессорскому званію по зоологіи съ производствомъ изъ суммъ министерства содержанія по 600 рублей въ годъ. *Опредѣлили:* сообщить въ правленіе и увѣдомить физико-математическій факультетъ, прося его установить надлежащее наблюденіе надъ занятіями г. Бучинскаго.

13. № 237 объ утвержденіи г. министромъ предположенной юридическимъ факультетомъ мѣры относительно испытаній студентовъ въ иностранныхъ языкахъ при переходѣ съ I курса на II.

Доложено, что объ этомъ сообщено уже въ юридическій факультетъ. *Опредѣлили:* за сдѣланнымъ распоряженіемъ принять къ свѣдѣнію.

14. Представленія факультетовъ о назначеніи студентамъ стипендій. *Опредѣлили:* передать въ правленіе университета.

15. Представленіе физико-математическаго факультета объ освобожденіи студентовъ IV курса отъ контрольныхъ испытаній по всѣмъ предметамъ, а студентовъ III курса отдѣленія математическихъ наукъ отъ испытаній по гидравликѣ. *Опредѣлили:* просить разрѣшенія г. попечителя.

16. Представленіе юридическаго факультета объ утвержденіи въ степени кандидата Левитскаго Владиміра. *Опредѣлили:* утвердить и выдать дипломъ.

17. Представленіе историко-филологическаго факультета объ отсрочкѣ представленія кандидатскихъ диссертацій на 6 мѣсяцевъ гг. Грушевому и Мацкову. *Опредѣлили:* отсрочить.

18. Внесенное г. ректоромъ прошеніе студента Сими-

ренко о разрѣшеніи ему проэкзаменоваться по нѣкоторымъ предметамъ въ январѣ мѣсяцѣ.

Въ виду примѣчанія къ § 4 правилъ для студентовъ и постороннихъ слушателей новороссійскаго университета, большинствомъ 11-ти голосовъ (гг. Кудрявцевъ, Войтковскій, Кочубинскій, Малининъ, Шпилевскій, Дювернуа, Ярошенко, Патлаевскій, Мечниковъ, Сабининъ, Некрасовъ) противъ 6 (гг. Лигинъ, Умовъ, Кондаковъ, Вальцъ, Шведовъ, ректоръ) *Опредѣлили:* въ просьбѣ студенту Симиренко отказать.

19. Прошеніе студента I курса историко-филологическаго факультета Санеблидзе о перечисленіи его на юридическій факультетъ.

Большинствомъ 13 голосовъ (гг. Лигинъ, Умовъ, Войтковскій, Малининъ, Дювернуа, Цитовичъ, Ярошенко, Вальцъ, Мечниковъ, Сабининъ, Шведовъ, Некрасовъ, ректоръ) противъ 5-ти (гг. Кудрявцевъ, Кочубинскій, Кондаковъ, Шпилевскій, Патлаевскій) *Опредѣлили:* просить разрѣшенія г. попечителя.

20. Предложеніе г. ректора о предоставленіи учредителю высшихъ женскихъ курсовъ въ Одессѣ нѣсколькихъ университетскихъ аудиторій для уроковъ, устраиваемыхъ съ разрѣшенія г. попечителя съ цѣлію подготовленія слушательницъ проектируемыхъ курсовъ.

Послѣ обмѣна мнѣній, большинствомъ 10 голосовъ (гг. Кудрявцевъ, Войтковскій, Кочубинскій, Малининъ, Дювернуа, Цитовичъ, Ярошенко, Сабининъ, Патлаевскій, ректоръ) противъ 8 (гг. Умовъ, Лигинъ, Кондаковъ, Шпилевскій, Вальцъ, Мечниковъ, Шведовъ, Некрасовъ) *Опредѣлили:* разсмотрѣніе въ совѣтѣ ходатайства учредителя высшихъ женскихъ курсовъ отклонить.

21. Представленіе историко-филологическаго факультета объ избраніи магистра Пирогова доцентомъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи.

Въ приложенномъ къ представленію факультета донесеніи профессора Трачевскаго и доцента Успенскаго изложено слѣдующее: «Владиміръ Николаевичъ Пироговъ, авторъ историческихъ изслѣдованій, о которыхъ нижеподписавшіеся честь имѣютъ доложить факультету свое мнѣніе, принадлежитъ къ числу весьма немногихъ русскихъ ученыхъ, посвятившихъ себя строгому изученію древней исторіи. Извѣстно, какъ рѣдки въ настоящее время въ русской исторической литературѣ имена, съ которыми бы соединялось представленіе объ оригинальныхъ изслѣдованіяхъ въ области древней исторіи; не менѣе также извѣстно, что трудно назвать русскій университетъ, въ которомъ бы эта часть исторіи была поставлена въ состояніе, способное обезпечить привлеченіе къ занятіямъ молодыхъ силъ и вызвать въ скоромъ будущемъ появленіе самостоятельныхъ изслѣдованій въ этой области. Труды Влад. Ник. должны представляться у насъ одинокимъ явленіемъ, если даже принять во вниманіе довольно значительный истекшій періодъ. Они объясняются исключительно благопріятными въ этомъ отношеніи обстоятельствами, въ которыхъ находится авторъ, получившій образованіе за границей и слушавшій университетскіе курсы въ Гейдельбергѣ, Берлинѣ и Лейпцигѣ. Начало самостоятельныхъ историческихъ изслѣдованій положено имъ въ образцовой семинаріи Моммсена. Нужно-ли говорить, что обширное дарованіе, глубокая эрудиція и талантливая способность обобщеній, съ которыми этотъ крупнѣйшій изъ современныхъ авторитетовъ въ области древней исторіи заставляетъ говорить камни и призываетъ ихъ въ

качествѣ свидѣтелей къ разрѣшенію противорѣчивыхъ показаній древнихъ писателей, — что эти качества преподавателя живо заинтересовали Влад. Ник., привлекли его къ изученію древней исторіи и оказали вліяніе на его методъ и пріемы изслѣдованія?

Первый его трудъ о характерѣ и источникахъ Евтропіева Бревіарія (De Eutropii Breviarii ab U. C. endole ac fontibus) въ 1873 г. берлинскимъ университетомъ удостоенъ былъ докторской степени. За сочиненіе, вышедшее въ нынѣшнемъ году: «Изслѣдованія по римской исторіи преимущественно въ области третьей декады Тита Ливія», онъ получилъ степень магистра исторіи въ московскомъ университетѣ. Тотъ и другой трудъ преслѣдуетъ одинаковыя задачи въ нѣсколько различныхъ областяхъ и составленъ по одному и тому же методу, что̀, замѣтимъ кстати, дѣлаетъ честь автору, продолжающему занятія въ трудной, но весьма интересной сферѣ, примыкающей прямо къ школѣ Моммсена. Тотъ и другой тяготѣетъ къ отцу римской анналистики, Титу Ливію и вводитъ въ изученіе кульминаціонной эпохи римской исторіи, — періода пуническихъ войнъ. Различіе лишь то, что докторская диссертація, защищенная въ Берлинѣ, главнѣйше занимается разсмотрѣніемъ вопроса, ка̀къ пользовались Т. Ливіемъ позднѣйшіе историки, Евтропій и другіе, магистерская же, на оборотъ — по какимъ источникамъ и подъ какими вліяніями составился трудъ Ливія. Безспорно, задача, поставленная во второмъ произведеніи, встрѣчаетъ многія трудности и, несмотря на богатую литературу, весьма добросовѣстно авторомъ изученную [указанія на литературу самыхъ мелочныхъ вопросовъ, входящихъ въ кругъ изслѣдованія, могутъ быть названы роскошными: авторъ не удовлетворяется ссылкой

на Маркварда, Römische Alterthümer, но прибавляетъ, что не имѣлъ въ рукахъ книжки Киттлица (стр. 259); ссылаясь на монографію Гессельбарта De pugna Cannensi, оговаривается, что знаетъ о ней только по указаніямъ Вёльфичина (стр. 49) и др.], не вездѣ доведена до такихъ результатовъ, которые бы пе оставляли мѣста для новыхъ поисковъ и изслѣдованій. Таковы вопросы о Фабіи Пикторѣ, какъ источникѣ Ливія и Діодора, объ источникахъ Аппіана и т. п. Но спѣшимъ оговориться: В. Н. основываетъ свои заключенія на такой массѣ текстовъ и подкрѣпляетъ ихъ такими учеными авторитетами, что полемизировать съ нимъ было бы въ высшей степени трудно, если опонентъ не обладаетъ такою же начитанностію и историческимъ пониманіемъ эпохи, какъ авторъ.

Нельзя не привѣтствовать автора за счастливую мысль — сосредоточить свои изслѣдованія на источникахъ Т. Ливія. Уже давно признано, что этотъ вопросъ принадлежитъ къ числу краеугольныхъ во всей римской исторіографіи. Разбору отношеній Т. Ливія къ Поливію посвящены капитальные труды Ниссена, Нига, Класона, Петера. Новое разсмотрѣніе этихъ отношеній приводитъ автора къ весьма интереснымъ детальнымъ наблюденіямъ и къ оригинальнымъ выводамъ о составленіи труда Ливія (стр. 17-42). Первоначальныя наблюденія подтверждаются изученіемъ римской традиціи (у автора вульгата) и различныхъ наслоеній ея. Лучшимъ и удачнѣйшимъ результатомъ этой части нужно признать тотъ, что Аппіанъ представляетъ собой древнѣйшую традицію, и что согласіе Аппіана съ Поливіемъ, писателями, независимыми одинъ отъ другаго, можетъ служить вѣрнымъ критеріемъ традиціи (стр. 135—223).

Анализомъ писателей и сличеніемъ текстовъ далеко не исчерпывается содержаніе труда В. Н. Онъ пытается ввести читателя въ самые тайники римской лѣтописи, знакомя съ политическими и научными направленіями, отразившимися въ ней. Замѣтивъ, съ чѣмъ трудно не согласиться, что вторая пуническая война, въ особенности три первые года ея, составляетъ поворотъ во всемъ римскомъ развитіи и что съ этихъ поръ намѣчается уже революція, эпоха временщиковъ и имперія, авторъ останавливается на указаніяхъ на существовавшія политическія партіи и кружки и преслѣдуемыя ими цѣли. Анализъ политической дѣятельности Фабія Кунктатора и вопросовъ, связанныхъ съ исторіей рода Фабіевъ, равно какъ разъясненіе роли Г. Фламинія должны быть признаны одними изъ болѣе удавшихся частей труда.

Въ виду того, что изслѣдованія В. Н. направляются къ той области, которая такъ мало представима въ русской исторической литературѣ, что строго научный методъ и правильная постановка вопросовъ обличаютъ въ авторѣ прекрасную школу, и что, наконецъ, древняя исторія въ нашемъ университетѣ не имѣетъ равнаго г. Пирогову по подготовкѣ преподавателя, нижеподписавшіеся честь имѣютъ рекомендовать В. Н. Пирогова, какъ ученаго, съ честью могущаго занимать мѣсто доцента всеобщей исторіи на историко-филологическомъ факультетѣ».

Въ результатѣ произведеннаго засимъ въ совѣтѣ баллотированія г. Пироговъ оказался избраннымъ единогласно. *Опредѣлили*: согласно состоявшемуся избранію и на основаніи § 42 унив. уст. л. А. п. 1. представить г. попечителю одесскаго учебнаго округа объ утвержденіи магистра Пиро-

гова доцентомъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи съ 18 января 1879 года.

22. Представленіе физико-математическаго факультета объ избраніи кандидата Бородина консерваторомъ ботаническаго кабинета.

Въ результатѣ произведеннаго въ совѣтѣ избранія г. Бородина получилось 18 голосовъ избирательныхъ и 1 неизбирательный. *Опредѣлили*: представить г. попечителю объ утвержденіи кандидата естественныхъ наукъ Бородина консерваторомъ ботаническаго кабинета съ 18 января 1879 г.

23. а) Представленіе того же факультета объ исходатайствованіи экстраординарному профессору Волкову заграничной командировки для окончанія, какъ видно изъ прошенія его въ факультетъ, начатыхъ имъ изслѣдованій надъ мимозой и разработки вопросовъ, относящихся къ вліянію свѣта на растенія.

б) Представленный при вышеозначенномъ донесеніи факультета, въ копіи, рапортъ профессора Вальца о томъ, что занятія со студентами IѴ-го курса, которыя лежатъ на профессорѣ Волковѣ, онъ безвозмездно принимаетъ на себя.

При происшедшемъ засимъ баллотированіи вопроса о командированіи профессора Волкова заграницу съ ученою цѣлію, на 8 мѣсяцевъ съ 1-го января текущаго 1879 года, получилось 13 голосовъ утвердительныхъ и 5 отрицательныхъ. *Опредѣлили:* ходатайствовать предъ г. попечителемъ о командированіи экстраординарнаго профессора Волкова съ ученою цѣлію заграницу на 8 мѣсяцевъ съ 1-го января 1879 года.

Засѣданіе 8-го февраля.

Присутствовали 19 профессоровъ.

Слушали:

Предложенія г. попечителя одесскаго учебнаго округа:

2. Отъ 26 января за № 648 объ освобожденіи студентовъ IV курса обоихъ отдѣленій физико-математическаго факультета отъ контрольныхъ испытаній и студентовъ III курса отдѣленія математическихъ наукъ отъ такихъ же испытаній по гидравликѣ.

При чемъ доложено, что объ этомъ сообщено уже въ физико-математическій факультетъ. *Опредѣлили:* за сдѣланнымъ распоряженіемъ принять къ свѣдѣнію.

3. — № 649 объ утвержденіи магистра Пирогова доцентомъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи съ 18 января 1879 г.

Доложено, что объ утвержденіи г. Пирогова сообщено уже въ историко-филологическій факультетъ. *Опредѣлили:* копію настоящаго предложенія передать въ правленіе университета.

4. — № 650 объ увольненіи профессора Войтковскаго, согласно его просьбѣ, отъ должности секретаря историко-филологическаго факультета и объ утвержденіи на мѣсто его доцента Перетятковича и. д. секретаря означеннаго факультета.

При этомъ заявлено, что о вышеизложенномъ сообщено

уже въ историко-филологическій факультетъ. *Опредѣлили:* сообщить въ правленіе.

5. — № 651 о послѣдовавшемъ Высочайшемъ соизволеніи на принятіе въ число студентовъ II курса юридическаго факультета новороссійскаго университета бывшаго студентомъ университета св. Владиміра А. Цвѣта.

При этомъ доложено, что г. Цвѣтъ зачисленъ уже въ студенты. *Опредѣлили:* принять къ свѣдѣнію.

6. — № 712 о разрѣшеніи перечислить съ историко-филологическаго на юридическій факультетъ студента Самсона Санеблидзе. *Опредѣлили:* перечислить.

7. — № 1169 объ увольненіи ординарнаго профессора новороссійскаго университета Ягича отъ настоящей должности. *Опредѣлили:* сообщить въ историко—филологическій факультетъ.

8.—Представленія факультетовъ о распредѣленіи лекцій доцента Пирогова и профессора Мечникова и о прибавленіи одной лекціи профессору Богдановскому. *Опредѣлили:* сдѣланныя факультетами распоряженія утвердить.

9. Представленіе историко-филологическаго факультета о выдачѣ доценту Успенскому 500 экз. печатающагося въ университетскихъ запискахъ сочиненія его подъ заглавіемъ «Второе болгарское царство». *Опредѣлили:* выдать безвозмездно.

10. Предложеніе профессора Кочубинскаго: «въ настоящее время оконченъ печатаніемъ V отдѣлъ — «русская словесность» — и начатъ отдѣлъ VI — «греческая словесность». Въ виду того обстоятельства, что отдѣлы: III — «сравнительная грамматика», IV — «славянская филологія» и V — «русская словесность» составляютъ нѣкоторымъ образомъ извѣстное цѣлое и что число печатныхъ

листовъ «каталога», обнимающихъ эти отдѣлы, достаточно уже для образованія особаго выпуска (листы: конецъ 7-го, 8-й, 9-й, 10-й, 11-й, 12-й, $^1/_2$ 13-го или 90 страницъ) я полагалъ бы, что можно сдѣлать *второй* выпускъ «каталога» и въ томъ же количествѣ экземпляровъ — 60, какъ и первый выпускъ (Отдѣлы I и II).

Объ этомъ имѣю честь просить разрѣшенія совѣта. *Опредѣлили:* разрѣшить.

11. Предложеніе его же: «согласно постановленію совѣта, типографія Ульриха, по отпечатаніи каждаго листа «каталога библіотеки», приготовляетъ 50 экз. съ раздвинутыми столбцами (мѣстами промежь отдѣльныхъ номеровъ) и съ печатью на лицевой сторонѣ столбца. Изъ этихъ экземпляровъ имѣетъ составиться *подвижной печатный алфавитный указатель* нашей библіотеки — до сихъ поръ былъ рукописный — и въ любомъ количествѣ экземпляровъ (не болѣе, конечно, 50) — до сихъ поръ былъ одинъ.

Въ виду того обстоятельства, что уже имѣется на складѣ въ типографіи 12 отпечатанныхъ листовъ или 7800 названій (въ листѣ около 650 названій или номеровъ), я, изъ опасенія, чтобы эти листы не потерялись какимъ нибудь образомъ въ типографіи и чтобы постоянно возрастающее число листовъ «каталога» не затрудняло въ будущемъ приготовленіе подвижнаго печатнаго указателя, считалъ бы уже въ настоящее время удобнымъ приступить къ этой работѣ.

Занятый этимъ вопросомъ, я предварительно обратился въ типографію Ульриха съ просьбою дать мнѣ счетъ, во что бы обошлось изготовленіе указаннаго подвижнаго указателя самой типографіей въ размѣрѣ одного экземпляра. Приготовленный г. Ульрихомъ приблизительный счетъ пре-

взошелъ всѣ мои ожиданія — приготовленіе указателя стоитъ дороже самаго печатанія. За каждыя 50 штукъ номеменровъ на *картонѣ* (размѣръ нынѣ существующихъ карточекъ) типографія требуетъ по 55 коп.; на *бумагѣ* (александрійской) — по 37 к. А такъ какъ на каждомъ листѣ въ 16 страницъ около 650 номеровъ, то каждый отдѣльный листъ будетъ стоить: на картонѣ 11 р. 5 к., на бумагѣ 4 р. 81 к. Принимая же во вниманіе, что печатный каталогъ нашей библіотеки будетъ состоять, приблизительно, изъ 100 листовъ, выходитъ, что *одинъ* экземпляръ печатнаго подвижнаго указателя всего каталога, при изготовленіи его въ типографіи, обойдется: на картонѣ 1150 руб., на бумагѣ 481 р. Но университету нуженъ не одинъ экземпляръ, а нѣсколько: сообразно съ этимъ увеличится и стоимость изготовленія. Полагаю, что совѣтъ согласится, что университетъ не въ состояніи воспользоваться услугами типографіи для изготовленія ею подвижнаго указателя.

Въ виду такого положенія дѣла, я осмѣливаюсь предложить вниманію совѣта нѣкоторыя свои соображенія: быть можетъ совѣтъ найдетъ ихъ удобопріемлемыми.

Изготовленіе подвижнаго алфавитнаго указателя возложить на библіотеку университета и на первое время ограничиться экземплярами четырьмя, пятью (два для библіотеки основной и студентской три для факультетовъ). Работа не сложная, требующая одной аккуратности, и могла бы быть выполняема мало по малу, не торопясь, толковымъ и грамотнымъ служителемъ библіотеки, при руководствѣ и постоянномъ наблюденіи начальства библіотеки. Предварительно оборотная сторона каждаго листа смазывается гуми-арабикомъ, листъ высушивается (извѣстно, такъ приготовляются марки для писемъ), страница разрѣзывает-

ся вдоль пополамъ, затѣмъ разрѣзываются отдѣльные номера и наклеиваются на приготовленныя заранѣе картонныя или бумажныя карточки. Понятно, что для этой работы былъ бы нуженъ лишній служитель въ библіотекѣ, содержаніе котораго — въ теченіи извѣстнаго періода времени — не обошлось бы очень дорого университету. Сортировка приготовленныхъ такимъ путемъ карточекъ лежала бы уже на самыхъ членахъ библіотеки.

Внося это мое предложеніе въ совѣтъ, я руководился однимъ — крайнимъ убѣжденіемъ, что — время приступить къ изготовленію подвижнаго печатнаго алфавитнаго указателя нашей библіотеки». *Опредѣлили:* принять предложеніе въ принципѣ, препоручивъ исполнить библіотекарю, который долженъ представлять свои соображенія въ подробности правленію.

12. Представленіе историко-филологическаго факультета объ избраніи въ члены библіотечной комисіи исправляющаго должность доцента Лебедева. *Опредѣлили*: увѣдомить библіотечную комисію.

13. Представленіе правленія университета о выдачѣ писцу библіотеки Кальсадѣ единовременнаго пособія въ размѣрѣ 50 рублей.

Въ результатѣ баллотировки закрытыми голосами вопроса о выдачѣ г. Кальсадѣ въ пособіе 100 рублей изъ суммъ сбора за матрикулы всѣ 19 голосовъ оказались утвердительными. *Опредѣлили*: о состоявшемся рѣшеніи сообщить въ правленіе для зависящихъ отъ него распоряже-
о выдачѣ разрѣшеннаго г. Кальсадѣ пособія.

14. Прошеніе ординарнаго профессора Абашева: «окончательно разстроенное здоровье мое не дозволяетъ мнѣ продолжать научныхъ занятій. По этому имѣю честь покор-

нѣйше просить распоряженія объ освидѣтельстованіи состоянія моего здоровья, на законномъ основаніи, и затѣмъ объ исходатайствованіи мнѣ увольненія отъ службы и назначенія пенсіи по сокращенному сроку, на основаніи 506 ст. III. т. св. зак. уст. о пенс. и единовр. пособ. по продолж. 1868 года».

При этомъ доложено, что, по сношенію г. ректора съ одесскимъ градоначальникомъ, одесское врачебное отдѣленіе произвело уже 27 января освидѣтельствованіе профессора Абашева, но акта освидѣтельствованія еще не доставило. *Опредѣлили:* представить объ уволненіи профессора Абашева отъ службы и о предоставленіи ему пенсіи, согласно его прошенію.

15. Происходило избраніе въ составъ правленія попечительства о недостаточныхъ студентахъ по одному члену отъ каждаго факультета, причемъ оказались избранными: отъ историко-филологическаго факультета профессоръ Кондаковъ, физико-математическаго — профессоръ Мечниковъ и юридическаго — профессоръ Дювернуа. *Опредѣлили:* донести г. попечителю объ избранныхъ совѣтомъ въ члены правленія попечительства о недостаточныхъ студентахъ.

Засѣданіе 8-го марта.

Присутствовали 24 профессора.

Слушали:

Предложенія г. попечителя одесскаго учебнаго округа:

2. Отъ 2-го марта за № 2142 о томъ, не пожелаетъ

ли кто-либо изъ окончивающихъ или окончившихъ съ успѣхомъ курсъ студентовъ, въ особенности по механической или химической спеціальности, поступить въ московское техническое училище стипендіатомъ на два года для приготовленія въ учители реальныхъ училищъ по механикѣ. *Опредѣлили*: передать въ физико-математическій факультетъ, прося его заключенія.

3. — № 1562 объ утвержденіи ординарнаго профессора Леонтовича деканомъ юридическаго факультета на три года съ 8 декабря 1878 года.

При этомъ доложено, что объ утвержденіи г. Леонтовича сообщено уже въ правленіе университета и самому г. Леонтовичу. *Опредѣлили*: за сдѣланнымъ распоряженіемъ принять къ свѣдѣнію.

4. Предложеніе г. ректора: «въ Правительственномъ Вѣстникѣ (№ 31) опубликованъ приказъ г. министра объ увольненіи отъ службы, за выслугою лѣтъ, профессора Богдановскаго. На основаніи распоряженія министерства народнаго просвѣщенія о принятіи за правило приглашать оканчивающихъ среди академическаго года службу профессоровъ продолжать чтеніе лекцій до конца учебнаго года, имѣю честь предложить совѣту университета пригласить А. М. Богдановскаго къ продолженію преподаванія и принятію участія въ годичныхъ испытаніяхъ».

Послѣ преній, большинствомъ всѣхъ наличныхъ голосовъ противъ одного (профессора Вальца, заявившаго о подачѣ отдѣльнаго мнѣнія) *Опредѣлили*: пригласить.

5. Докладъ секретаря о томъ, что приказомъ г. министра народнаго просвѣщенія отъ 24 февраля, опубликованномъ въ Правительственномъ Вѣстникѣ отъ 3-го сего марта за № 49, ординарный профессоръ по каѳедрѣ поли-

тической экономіи и статистики А. С. Посниковъ утвержденъ проректоромъ новороссійскаго университета на три года.

При чемъ заявлено, что г. ректоромъ предложено уже г. Посникову вступить въ должность проректора. *Опредѣлили*: записать въ протоколъ и сообщить въ правленіе университета.

6. Представленіе физико-математическаго факультета объ утвержденіи г. Имшенецкаго въ степени кандидата естественныхъ наукъ. *Опредѣлили*: утвердить.

7. Представленіе того-же факультета о разрѣшеніи профессору Головкинскому чтенія добавочныхъ лекцій по минералогіи студентамъ II-го курса естественнаго отдѣленія по 2 часа въ недѣлю. *Опредѣлили*: разрѣшить.

8. Представленіе того же факультета: «въ засѣданіи физико-матетатическаго факультета 1-го марта, вслѣдствіе предложенія г. декана возобновить ходатайство о возведеніи экстраординарнаго профессора Лигина въ званіе ординарнаго профессора, происходило баллотированіе профессора Лигина и въ результатѣ закрытой баллотировки было 13-ть голосовъ утвердительныхъ и 2 отрицательныхъ. Препровождая при этомъ всѣ бумаги, относящіяся къ этому дѣлу, согласно постановленію, состоявшемуся въ томъ же засѣданіи, физико математическій факультетъ честь имѣетъ ходатайствовать предъ совѣтомъ о возведеніи профессора Лигина въ званіе ординарнаго профессора».

Приложенныя къ этому представленію бумаги:

а) выпись изъ протокола засѣданія физико-математическаго факультета 1-го марта 1879 г. (ст. 17-ая):» предложеніе г. декана возобновить ходатайство о возведеніи экстраординарнаго профессора Лигина въ званіе ординарнаго

профессора. При этомъ профессоръ Карастелевъ просилъ баллотировать г. Умова въ ординарные профессоры и назначить для этого засѣданіе въ субботу 3-го марта и на субботу же отложить баллотированіе профессора Лигина. При этомъ профессоръ Умовъ выразилъ мнѣніе о дѣятельности профессора Лигина, которое при семъ приложено къ протоколу, и прибавилъ, что онъ не желаетъ баллотироваться въ ординарные профессоры одновременно съ профессоромъ Лигинымъ, такъ какъ, по его мнѣнію, послѣдній имѣетъ предъ нимъ старшинство по службѣ. — Г. деканъ же заявилъ, что онъ спросилъ бы факультетъ о томъ, не желаетъ-ли факультетъ, въ виду заявленія проф. Карастелева, отложить дѣло до будущаго засѣданія, но, въ виду заявленія самаго г. Умова, онъ не считаетъ такой вопросъ возможнымъ. Профессоръ Беркевичъ заявилъ слѣдующее: «такъ какъ въ настоящее время свободной ординатуры нѣтъ, то я полагаю преждевременнымъ баллотировать профессора Лигина въ ординарные профессоры». Въ виду этого было спрошено мнѣніе факультета, который призналъ, 12-ью голосами противъ 2-хъ, представленіе не преждевременнымъ. На предложенный вопросъ деканомъ, желаетъ-ли факультетъ приступить къ баллотированію сегодня или отложить, факультетъ постановилъ, 11-ью голосами противъ 3-хъ, баллотировать сегодня. При этомъ профессоръ Беркевичъ заявилъ, что онъ войдетъ въ факультетъ съ отдѣльнымъ мнѣніемъ въ виду того, что мѣста нѣтъ. Заслушавъ мнѣніе профессора Беркевича, изложенное письменно, деканъ поставилъ вопросъ: остается-ли факультетъ при прежнемъ рѣшеніи или согласенъ съ мнѣніемъ профессора Беркевича. Факультетъ остался, большинствомъ 9 голосовъ противъ 3-хъ, при прежнемъ рѣшеніи. Затѣмъ происходила закры-

тая баллотировка, въ результатѣ которой оказалось 13 голосовъ утвердительныхъ и 2 отрицательныхъ. *Опредѣлили:* ходатайствовать предъ совѣтомъ объ избраніи профессора Лигина ординарнымъ профессоромъ и препроводить всѣ бумаги, относящіяся къ настоящей статьѣ».

б) Предложеніе въ физико-математическій факультетъ декана этого факультета, профессора Шведова: «въ октябрѣ 1876 года физико-математическій факультетъ, согласно предложенію значительнаго числа своихъ членовъ, ходатайствовалъ единогласно о возведеніи экстраординарнаго профессора В. Н. Лигина въ званіе ординарнаго профессора. Означенное ходатайство не получило однако утвержденія со стороны его сіятельства г. министра по неимѣнію въ то время на физико-математическомъ факультетѣ свободной вакансіи ординарнаго профессора. Имѣя въ виду, что въ настоящее время, за подачею ординарнымъ профессоромъ Абашевымъ прошенія въ совѣтъ объ отставкѣ по болѣзни, предстоитъ освобожденіе одной ординатуры, я полагаю своевременнымъ и имѣю честь предложить факультету войти вновь съ ходатайствомъ о возведеніи г. Лигина въ званіе ординарнаго профессора».

в) Заявленіе профессора Умова, сдѣланное имъ въ засѣданіи физико-математическаго факультета 1-го марта 1879 года: «заключеніе, къ которому пришли профессора Ярошенко, Сабининъ, Беркевичъ, Шведовъ, Блокъ и я, въ предложеніи факультету отъ 14-го октября 1876 г. о возведеніи В. Н. Лигина въ званіе ординарнаго профессора, заключеніе о непрекращающейся полезной ученой и педагогической дѣятельности В. Н. Лигина, подтверждается новыми фактами — рядомъ работъ, изданныхъ имъ въ промежутокъ времени отъ 14-го октября 1876 года по на-

стоящее время, а именно: 1) Note sur l'origine de la Cinematique въ Nouvelles Annales de Mathématiques, 1876, XX— историческая замѣтка, въ которой показывается, что мысль о выдѣленіи кинематическихъ свойствъ движенія въ отдѣльную отрасль механики (кинематику) высказана впервые Эйлеромъ, а не Вронскимъ, Карло или Амперомъ; 2) доказательство 2-хъ теоремъ Лизана и Неймана, въ Nouvelle Correspondance mathematique; 3) замѣтка о способѣ Кемпе для механическаго рѣшенія уравненій (въ Зап. новор. универс. т. XXII). Здѣсь В. Н. Лигинъ показываетъ, что приборъ, придуманный Кемпе для разысканія вещественныхъ корней алгебраическихъ рѣшеній всѣхъ степеней, пригоденъ лишь для уравненій весьма частнаго вида и видоизмѣняетъ его такимъ образомъ, что онъ становится примѣнимымъ къ рѣшенію алгебраическихъ уравненій самого общаго вида. 4) Очеркъ новыхъ воззрѣній Рело на машину — въ Запискахъ математической секціи новороссійскаго общества естествоиспытателей т. I.; 5) Note, relative au theorème sur la composition des accelerations d'ordre quelconque — въ Comptes rendus de l'Academie des sciences de Paris, 1878, t. 87; 6) Sur les aires des trajectoires décrites dans le mouvement plan d'une figure plane invariable — въ Bul. des Sciences Math. et Astr. 1878, t. II (2-de serie). Часть этой работы была сообщена В. Н. Лигинымъ на послѣднемъ парижскомъ съѣздѣ французской ассоціаціи для успѣховъ науки. Это сообщеніе вызвало мемуаръ Дюрвиля о томъ же вопросѣ, помѣщенный въ томъ же журналѣ. Нѣкоторые результаты работы помѣщены Кемпе въ Messenger of Mathematics. О сообщеніи В. Н. Лигина сдѣланъ краткій рефератъ въ Revue Scientifique, причемъ указано, что комбинація ре-

зультатовъ Лигина и Кемпе раскрываетъ весьма важныя свойства движенія.

г) Отдѣльное мнѣніе профессора Беркевича, поданное имъ въ факультетъ 1-го марта 1879 г.: «въ виду того, что ординатуры на физическомъ факультетѣ нѣтъ, то я считаю баллотировку преждевременною, хотя факультетъ и рѣшилъ баллотировать сегодня проф. Лигина въ званіе ординарнаго профессора».

Послѣ преній, по требованію 11-ти членовъ (гг. Умовъ, Посниковъ, Кондаковъ, Трачевскій, Шпилевскій, Дювернуа, Вериго, Вальцъ, Сабининъ, Шведовъ, Некрасовъ) произведена была, закрытой подачей голосовъ, баллотировка вопроса о томъ, избирать-ли экстраординарнаго профессора Лигина въ ординарные профессоры въ сегодняшнемъ засѣданіи или нѣтъ, въ результатѣ которой вопросъ оказался рѣшеннымъ утвердительно большинствомъ 16-ти голосовъ противъ 5-ти.

Вслѣдствіе такого рѣшенія приступлено было къ избранію г. Лигина въ ординарные профессоры по занимаемой имъ каѳедрѣ, причемъ получилось 21 голосъ избирательный и 3 неизбирательныхъ*). *Опредѣлили:* согласно состоявшемуся избранію и на основаніи § 42 унив. уст. л. В. п. 1-й, просить ходатайства г. попечителя одесскаго учебнаго округа предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія объ утвержденіи г. Лигина ординарнымъ профессоромъ по занимаемой имъ каѳедрѣ, со дня увольненія профессора Абашева.

---

*) Отсутствовавшіе, по болѣзни, профессора Абашевъ и Мечниковъ передали свои шары для баллотировокъ въ сегодняшнемъ засѣданіи первый профессору Посникову, второй — профессору Умову.

9. Представленія факультетовъ историко-филологическаго, физико-математическаго и юридическаго о начатіи годичныхъ испытаній студентовъ въ текущемъ учебномъ году съ апрѣля мѣсяца. *Опредѣлили:* ходатайствовать предъ г. попечителемъ о разрѣшеніи начать годичныя испытанія по всѣмъ факультетамъ и курсамъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, съ 20-го апрѣля.

10. Представленіе историко-филологическаго факультета о дозволеніи доценту Успенскому, въ виду необходимости отправиться послѣ Пасхи въ Петербургъ для защищенія докторской диссертаціи, произвести экзамены студентовъ III и IV курсовъ по всеобщей исторіи въ первые дни страстной седьмицы. *Опредѣлили:* ходатайствовать предъ г. попечителемъ о разрѣшеніи г. Успенскому произвести экзамены 26, 27 и 28 текущаго марта.

11. Представленіе того же факультета о разрѣшеніи выписать, на спеціальныя средства, журналы «Критическое Обозрѣніе» и «Россійская Библіографія». *Опредѣлили:* разрѣшить.

12. Предложеніе профессоровъ Дювернуа, Шпилевскаго и Посникова: «нижеподписавшіеся ординарные профессора Н. Дювернуа и М. Шпилевскій входили 5-го марта 1879 года въ юридическій факультетъ Императорскаго новороссійскаго университета съ предложеніемъ замѣстить вакантную каѳедру уголовнаго права исправляющимъ должность доцента демидовскаго юридическаго лицея, магистрантомъ Н. Д. Сергѣевскимъ, объ ученыхъ трудахъ котораго и о близкихъ видахъ его на пріобрѣтеніе степени магистра мы имѣли честь докладывать факультету.

Юридическій факультетъ, въ своемъ засѣданіи 5-го марта текущаго года, большинствомъ 4-хъ голосовъ (гг. де-

кана Леонтовича, и профессоровъ: И. I. Патлаевскаго, П. П. Цитовича и М. И. Малинина), опредѣлилъ: дальнѣйшаго хода бумагѣ не давать въ виду § 68 унив. устава и распоряженія г. министра. Тогда три профессора, оставшіеся въ меньшинствѣ (Дювернуа, Шпилевскій и Посниковъ), просили г. декана поставить на голосованіе вопросъ: не захочетъ ли факультетъ обратиться къ совѣту съ запросомъ о томъ, не найдетъ-ли совѣтъ возможнымъ дать ходъ предложенію Дювернуа и Шпилевскаго. Большинствомъ тѣхъ же четырехъ голосовъ (гг. Леонтовича, Патлаевскаго, Цитовича и Малинина) факультетъ отклонилъ это ходатайство трехъ членовъ.

Имѣя въ виду: 1. что отказъ факультета въ основѣ держится на буквѣ закона, отъ которой условно, въ интересахъ преподаванія, допускаемы были многократныя отступленія по особому ходатайству совѣта, и 2. что по силѣ § 23-го л. Б п. 2 унив. устава «принятіе мѣръ къ временному и постоянному замѣщенію открывшихся по факультету профессорскихъ каѳедръ и другихъ преподавательскихъ вакансій принадлежитъ вѣдомству совѣта», мы считаемъ себя въ правѣ обратиться съ нашимъ предложеніемъ въ совѣтъ.

Основанія для нашего предложенія заключаются въ томъ:

во-первыхъ, что въ юридическомъ факультетѣ новороссійскаго университета незамѣщено ниже половины штатныхъ по уставу профессорскихъ должностей (13 профессоровъ и 6 доцентовъ, а на лицо всего 7 ординарныхъ профессоровъ), такъ что, по своему настоящему составу, факультетъ справедливо долженъ быть разсматриваемъ какъ образующійся, а не образовавшійся. Въ такихъ именно усло-

віяхъ допускаются высшимъ управленіемъ чрезвычайныя мѣры для развитія полной факультетской дѣятельности.

Въ связи съ этимъ, *во-вторыхъ*, мы мотивируемъ наше предложеніе баллотировать г. Сергѣевскаго слѣдующими о лицѣ кандидата соображеніями. Г. Сергѣевскій окончилъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ, въ которомъ его руководили два извѣстнѣйшихъ русскихъ криминалиста: И. С. Таганцевъ и А. П. Чебышевъ-Дмитріевъ. Тамъ же, въ Петербургѣ, у этихъ лицъ, Сергѣевскій подвергался и съ успѣхомъ выдержалъ испытаніе на степень магистра уголовнаго права. Съ 1874 года г. Сергѣевскій преподавалъ уголовное право и судопроизводство въ демидовскомъ юридическомъ лицеѣ и помѣстилъ до шести статей по предметамъ его спеціальности въ юридическихъ журналахъ. Двухлѣтнее его пребываніе за границей дало ему время не только обработать его курсъ, программу котораго онъ разослалъ лучшимъ русскимъ криминалистамъ, но и настолько подвинуть свою диссертацію, что онъ считаетъ возможнымъ защитить ее осенью будущаго академическаго года. Во всей предшествующей литературной и педагогической дѣятельности Сергѣевскаго нѣтъ никакихъ основаній для опасеній, что онъ не выполнитъ нашихъ расчетовъ на него, и всего вѣроятнѣе, что всѣ условія, требуемыя закономъ отъ доцента, будутъ на лицо почти въ одно время съ началомъ его преподавательской дѣятельности въ Одессѣ.

Мы почитаемъ не излишнимъ, *въ-третьихъ*, обратить вниманіе совѣта на то, что въ составѣ нашего университета, въ факультетахъ образующихся, практика, которую мы предлагали юридическому факультету, съ пользой допускалось и прежде и послѣ министерскаго распоряженія, на которое указываетъ большинство, и что въ настоящее

время даже мы имѣемъ не только въ составѣ преподавателей, но и въ числѣ членовъ совѣта лицъ, носящихъ званіе исправляющихъ должность профессора или доцента.

Мы рѣшаемся, *наконецъ,* настаивать на скорѣйшемъ, по возможности, разсмотрѣніи нашего предложенія потому въ особенности, что хорошо подготовленныхъ криминалистовъ, какъ намъ достовѣрно извѣстно, не достаетъ не только у насъ, въ Одессѣ, но ихъ не находятъ ни въ Москвѣ, ни въ Казани. Согласіе Сергѣевскаго перейти сюда было для насъ неожиданностью, ибо съ переходомъ его изъ Ярославля въ Одессу онъ, какъ состоящій уже тамъ исправляющимъ должность доцента, въ матеріальномъ смыслѣ ничего не выиграетъ, и мы не сомнѣваемся, что только вниманіе и довѣріе къ нему нашего факультета и совѣта можетъ рѣшить его предпочтеніе одесской каѳедры, другимъ, на которыя ему легко расчитывать.

Заключая наше предложеніе совѣту новороссійскаго университета, мы имѣемъ честь просить совѣтъ, на вышеприведенныхъ основаніяхъ, подвергнуть г. Сергѣевскаго баллотированію, въ виду § 42 л. Б. п. 2, и, если это не будетъ найдено возможнымъ, сообщить факультету, что совѣтъ, находя необходимымъ ходатайствовать о перемѣщеніи г. Сергѣевскаго съ званіемъ исправляющаго должность доцента изъ Ярославля въ Одессу, предлагаетъ юридическому факультету, на основаніи § 70 и § 23 л. Б. п. 2 и 11 унив. устава, произвести въ ближайшемъ засѣданіи факультета баллотировку Сергѣевскаго въ названную должность съ условіемъ выполнить требованія устава въ теченіе будущаго академическаго года»

Приложенный къ этому предложенію списокъ ученыхъ трудовъ г. Сергѣевскаго:

1. Основныя начала и формы уголовнаго процесса. Врем. Дем. Юрид. лиц. т. IX.

2. О судѣ присяжныхъ (тамъ же).

3. Рецензія на учебникъ Кистяковскаго Жур. граж. и угол. права, 1876 г. кн. 2.

4. Институтъ государственныхъ обвинителей въ новомъ австрійскомъ процессѣ. Жур. граж. и угол. пр. 1878 г. кн. 1.

5. Институтъ государственныхъ обвинителей въ германскомъ процессѣ. Жур. граж. и угол. пр. 1878 г. кн. 2.

6. Шеффенгерихтъ въ русской литературѣ. Юрид. Вѣст. Москва, 1879 г. кн. 3.

Послѣ доклада этихъ бумагъ, деканъ юридическаго факультета, ординарный профессоръ Леонтовичъ, заявилъ совѣту о принятыхъ имъ тотчасъ по вступленіи въ должность декана юридическаго факультета мѣрахъ къ пріисканію кандидатовъ на вакантныя каѳедры означеннаго факультета, и переходя затѣмъ къ только-что заслушанному предложенію профессоровъ Дювернуа, Посникова и Шпилевскаго, замѣтилъ, что онъ считаетъ необходимымъ прежде всего объяснить дѣйствія по настоящему дѣлу большинства членовъ юридическаго факультета.

Во 1-хъ, факультетское рѣшеніе по настоящему дѣлу строго держится устава, который вовсе не знаетъ исправляющихъ должность доцентовъ, министерскаго распоряженія 1872 г., по смыслу котораго назначеніе на преподавательскія должности, безъ требуемыхъ уставомъ ученыхъ степеней, ведетъ къ ослабленію университетскаго устава. Но, во 2-хъ, бываютъ случаи, когда необходимо допустить экстраординарныя мѣры въ дѣлѣ замѣщенія вакантныхъ каѳедръ. Такъ было на историко-филологическомъ факультетѣ

въ 1872 г., когда шелъ вопросъ о кандидатурѣ А. А. Кочубинскаго. Но нельзя не замѣтить, далѣе, большой разницы въ положеніи дѣла тогда и теперь. Въ первомъ случаѣ предложеніе о принятіи экстренной мѣры шло по инниціативѣ самаго факультета; послѣдній призналъ необходимость и настоятельность этой мѣры, — въ виду того профессоръ Леонтовичъ и поддерживалъ въ совѣтѣ кандитатуру, предложенную факультетомъ. Иная постановка настоящаго дѣла о кандидатурѣ г. Сергѣевскаго: юридическій факультетъ не видѣлъ необходимости немедлено же дать ходъ предложенію объ этой кандидатурѣ, согласно съ требованіемъ вышеупомянутыхъ профессоровъ, и вотъ по какимъ именносоображеніямъ. Для факультета предстояло впереди еще цѣлыхъ полгода, — въ теченіе этого времени онъ могъ свободно и не спѣша обставить, какъ слѣдуетъ, вопросъ о замѣщеніи вакантной каѳедры уголовнаго права. Кромѣ того членамъ факультета было извѣстно, что въ будущемъ сентябрѣ состоится магистерскій диспутъ г. Сѣргѣевскаго; значитъ, къ тому времени въ дѣлѣ оцѣнки кандидатуры г. Сергѣевскаго факультетъ будетъ имѣть предъ собой не небольшія библіографическія статьи и этюды (какъ теперь), но цѣлый ученый трудъ, и потому тогда факультетъ можетъ съ большей основательностію оріентироваться и при оцѣнкѣ предложенной кандидатуры на должность доцента. Далѣе, предложеніе упомянутыхъ профессоровъ мотивируется тѣмъ, что г. Сергѣевскій — единственный кандидатъ, который можетъ быть въ настоящее время представленъ на каѳедру уголовнаго права; но и съ этимъ положеніемъ рѣшительно нельзя согласиться. Какъ заявилъ профессоръ Леонтовичъ, онъ вступилъ въ настоящее время въ сношенія съ Кистяковскимъ и другими спеціалистами и

вскорѣ будетъ указано факультету нѣсколько кандидатовъ; даже и теперь уже можно указать на двухъ кандидатовъ: стипендіата нашего университета, магистра уголовнаго права Палаузова и приватъ-доцента харьковскаго университета Васильевскаго.

Переходя затѣмъ къ предложенію, внесенному въ совѣтъ по тому же самому вопросу, профессоръ Леонтовичъ замѣтилъ, что онъ не знаетъ никакого закона въ силу котораго совѣтъ могъ бы, какъ предлагаютъ упомянутые профессора, произвесть избраніе университетскаго преподавателя безъ предварительнаго обсужденія этого дѣла въ подлежащемъ факультетѣ — спеціальномъ органѣ, не только уполномоченномъ, но и обязанномъ по уставу давать экспертизу по всѣмъ дѣламъ, гдѣ требуется оцѣнка научной и преподавательской дѣятельности предлагаемыхъ въ преподаватели кандидатовъ. Въ этомъ случаѣ вся инииціатива должна принадлежать по уставу и по самому существу дѣла исключительно факультету, — лишь предложеніе факультета, а не отдѣльныхъ его членовъ (какъ въ данномъ случаѣ), можетъ быть поводомъ баллотированія кандидата въ совѣтѣ. — Послѣ изложенныхъ заявленій профессоръ, Леонтовичъ сказалъ: «я обращаюсь къ совѣту съ покорнѣйшей просьбой не нарушать правъ факультета, признанныхъ за нимъ самымъ уставомъ университетовъ, и потому предлагаю отклонить предложеніе профессоровъ Дювернуа, Шпилевскаго и Посникова о немедленномъ баллотированіи г. Сергѣевскаго въ совѣтѣ безъ предварительнаго обсужденія этого дѣла въ юридическомъ факультетѣ, такъ какъ такая баллотировка прямо противорѣчила бы яснымъ и категорическимъ тробованіямъ университетскаго устава». Затѣмъ профессоръ Леонтовичъ замѣтилъ, что нѣтъ надобно-

сти передавать настоящее дѣло въ факультетъ, такъ какъ въ послѣднемъ уже возбужденъ вопросъ о замѣщеніи вакантной каѳедры уголовнаго права и факультетъ въ свое время войдетъ по этому предмету съ особымъ представленіемъ въ совѣтъ.

Возражая профессору Леонтовичу, профессоръ Дювернуа обращалъ вниманіе совѣта на то, что основаніемъ отказа факультета (т. е. большинства 4-хъ, гг. Леонтовича, Патлаевскаго, Цитовича, Малинина) дать ходъ предложенію меньшинства послужило вовсе не то обстоятельство, на которое указываетъ профессоръ Леонтовичъ. Въ факультетѣ ровно ничего не говорилось объ отсрочкѣ, совсѣмъ не оспаривалась необходимость экстренной мѣры. Будь то или другое предметамъ факультетскаго обсужденія и рѣшенія, меньшинство не имѣло бы никакого повода обращаться въ совѣтъ, никакихъ недоразумѣній не произошло бы. Если бы четыре профессора, составляющіе большинство, хотѣли противупоставить нашему кандидату, г. Сергѣевскому, своего, то они могли бы сдѣлать это въ то же засѣданіе. Времени было не мало съ того дня, когда профессоръ Богдановскій подалъ въ отставку, и времени теперь остается немного, чтобы озаботиться своевременнымъ замѣщеніемъ каѳедры. Профессоръ Богдановскій подалъ въ отставку въ декабрѣ, а теперь мартъ мѣсяцъ. Не одинъ деканъ, но каждый изъ профессоровъ — юристовъ могъ входить въ сношеніе съ другими факультетами о имѣющихся кандидатахъ-криминалистахъ. Очевидно, что не мы только, а также и г. деканъ не находилъ, что каѳедра уголовнаго права обезпечена уже нашимъ стипендіатомъ г. Палаузовымъ, иначе незачѣмъ было-бы списываться съ спеціалистами. Точно также вовсе не поспѣшнымъ, а именно своевременнымъ было наше пред-

ложеніе кандидата на каѳедру, если мы не хотимъ остаться къ сентябрю безъ преподавателя, ибо, указывая на шесть мѣсяцевъ, которые мы имѣемъ отъ марта до сентября, г. деканъ не обращаетъ вниманія на то, что изъ шести мѣсяцевъ четыре неудобны для выборовъ. И теперь мы едва успѣемъ придти къ цѣли съ нашимъ представленіемъ.

Истинная причина, по которой факультетъ отклонилъ предложеніе двухъ членовъ, выражена въ факультетскомъ опредѣленіи, которое вовсе несходно съ объясненіями г. декана. Эта причина заключается въ томъ, что предложеніе несогласно съ уставомъ. Факультетъ «большинствомъ (4-хъ голосовъ—Леонтовича, Патлаевскаго, Цитовича и Малинина, противъ 3-хъ—Дювернуа, Шпилевскаго и Посникова) рѣшилъ дальнѣйшаго хода бумагѣ не давать въ виду § 68 унив. устава и распоряженія г. министра». И такъ, не тѣ или другія свойства предложенія и условія, въ коихъ оно было сдѣлано, а именно незаконность составляла причину отказа, послѣдовавшаго со стороны 4-хъ членовъ факультета 3-мъ другимъ его членамъ. При этомъ не отсрочка рѣшена, а полный и окончательный отказъ разсмотрѣть предложеніе 3-хъ членовъ. Въ виду этого трудно сказать съ какою цѣлью внесено было г. деканомъ наше предложеніе въ факультетскую повѣстку. Если предложеніе незаконно, возможно было возвратить его предлагавшимъ съ надписью, незачѣмъ было вызывать такое факультетское опредѣленіе. Меньшинству ничего не оставалось дѣлать, въ цѣляхъ выполненія обязанностей каждаго члена факультета (§ 70 унив. устава), какъ просить факультетъ войти въ совѣтъ для разъясненія, не найдетъ-ли совѣтъ возможнымъ дать ходъ ихъ предложенію. Тоже большинство 4-хъ и также рѣшительно отказало и въ этой просьбѣ меньшинству.

Что оставалось дѣлать, какъ не обратиться къ совѣту, независимо отъ факультета, съ новымъ предложеніемъ?

Въ такія условія было поставлено меньшинство, и въ виду ихъ г. деканъ проситъ совѣтъ не нарушать правъ факультета. Но объ этомъ послѣ, сперва—вопросъ о томъ, въ самомъ-ли дѣлѣ предложеніе 3-хъ членовъ противорѣчитъ § 68 устава? § 68-й устава требуетъ для пріобрѣтенія званія доцента степени магистра. Но вѣдь три профессора вовсе не предлагаютъ сдѣлать г. Сергѣевскаго доцентомъ, а просятъ лишь ходатайствовать о допущеніи его къ исправленію должности доцента, къ чему онъ уже и допущенъ въ демидовскомъ юридическомъ лицеѣ. Извѣстно, что высшее управленіе допускало эту мѣру, какъ временную и условную, для лицъ, имѣющихъ въ скоромъ времени достигнуть требуемой уставомъ степени. Только о такой мѣрѣ и полагало ходатайствовать меньшинство. Возможно было отвергать необходимость этой мѣры и вовсе не было надобности указывать на ея незаконность. § 68 останется въ полной силѣ независимо отъ временнаго и условнаго допущенія извѣстнаго лица къ преподаванію, въ качествѣ-ли исправляющаго должность доцента, или даже приватъ-доцента. Что касается правъ факультета, о ненарушимости которыхъ говоритъ г. деканъ, то профессоръ Дювернуа не раздѣляетъ его взглядовъ. Если совѣтъ принимаетъ мѣры къ временному и постоянному замѣщенію факультетскихъ каѳедръ, то онъ этимъ не нарушаетъ предѣловъ компетенціи, всего менѣе въ данномъ случаѣ, когда объ этомъ ходатайствуютъ три члена того же факультета. Совершенно справедливо мнѣніе г. профессора, когда онъ думаетъ, что факультетъ есть единственный органъ, спо-

собный оцѣнивать научныя достоинства аспирантовъ. Вездѣ, гдѣ рѣчь идетъ о промоціи въ ученыя степени кандидата, магистра, доктора, тамъ дѣйствуетъ необходимо факультетъ. Гарантіей справедливости факультетской оцѣнки служитъ въ этомъ случаѣ то, что ищущій степени, свободно обращается въ любой изъ русскихъ университетовъ для цѣлей достиженія ученыхъ степеней и званій. Г. Сергѣевскій, кандидатъ котораго мы представили, избралъ для своей промоціи тотъ изъ русскихъ юридическихъ факультетовъ, въ которомъ выше всѣхъ другихъ качества преподаванія уголовнаго права и, я полагаю, соотвѣтственно этому выше другихъ требованія при промоціи. Петербургскій юридическій факультетъ оцѣнивалъ г. Сергѣевскаго на магистерскомъ экзаменѣ. Мы не имѣемъ надобности въ другой оцѣнкѣ. Въ оцѣнку ученыхъ достоинствъ лицъ, въ самомъ дѣлѣ, совѣты университетовъ едва-ли когда вмѣшиваются вопреки мнѣнія факультетовъ. До сихъ поръ профессоръ Леонтовичъ совершенно правъ, отстаивая права факультетовъ, на которыя никто не нападалъ. Но идти далѣе съ профессоромъ Леонтовичемъ я не могу. Я не могу раздѣлять его взгляда, что права факультета нарушены, когда три члена факультета обращаются къ совѣту по вопросу о замѣщеніи факультетской должности достойнымъ кандидатомъ. Если бы три члена вовсе не обращались предварительно къ факультету, если бы факультету не было дано возможности такъ или иначе вступить своевременно въ дѣло, — это было бы несправедливо. Въ данномъ случаѣ не факультетъ, а три члена устранены отъ дѣла по недостаточному, я полагаю, основанію. Вопросъ о замѣщеніи факультетской должности не есть только вопросъ объ ученыхъ достоинствахъ лица. Въ немъ заключается больше

этого. Какимъ бы способомъ не обошлось съ этимъ вопросомъ въ факультетѣ, забаллотированіемъ-ли предложеннаго кандидата, или простымъ устраненіемъ на основаніи § 68 устава и министерскаго распоряженія, въ томъ и другомъ случаѣ не большинство факультета, а большинство совѣта компетентно окончательно рѣшить вопросъ. Уставъ не противорѣчитъ нашему взгляду, а подтверждаетъ его вездѣ, гдѣ рѣчь идетъ о замѣщеніи должностей въ факультетѣ (§ 23, б. 2, 5, 6; § 42 А. 6, Б. 1, 2, 3, 6; § 8 пр. 1-е; §§ 70, 78, 81, 84). Практика указываетъ многократные случаи неизбранія въ совѣтѣ того лица, которое избрано факультетомъ большинствомъ, и наоборотъ, избранія того, кто получилъ меньше шаровъ въ факультетѣ. Иной порядокъ былъ бы невозможенъ. Если въ оцѣнкѣ ученыхъ достоинствъ лица одинъ факультетъ конкурируетъ съ другимъ и въ этомъ лежитъ гарантія правильности оцѣнки, то чѣмъ бы гарантировалась правильность дѣйствій факультета въ вопросѣ о замѣщеніи должностей, если бы въ этомъ случаѣ не было дано дѣятельнаго и рѣшающаго участія совѣту?

Въ виду этого профессоръ Дювернуа думаетъ, что совѣтъ, принимая поддержанную въ факультетѣ тремя членами кандидатуру лица, котораго ученыя достоинства признаны другимъ факультетомъ, поступилъ совершенно согласно уставу, дастъ надлежащее признаніе правамъ трехъ членовъ и ничѣмъ не нарушитъ правъ факультета.

Противъ мнѣнія профессора Леонтовича мнѣ остается сказать два слова по вопросу о томъ, есть-ли на лицо другіе кандидаты, которые исключаютъ необходимость чрезвычайной мѣрѣ. Если мы будемъ считать въ числѣ кандидатовъ на здѣшнюю каѳедру, всѣхъ тѣхъ, кто имѣетъ

степени магистра или доктора уголовнаго права, то мы никогда не сдѣлаемъ выбора. Профессоръ Леонтовичъ называетъ двухъ криминалистовъ. О первомъ изъ нихъ, о г. Палаузовѣ, если бы онъ былъ дѣйствительно кандидатомъ на каѳедру, можно было говорить очень давно. Мнѣ о немъ извѣстно только, что онъ занимаетъ высокій патріотическій постъ въ Болгаріи, къ которому его призываетъ его происхожденіе и интересы его родины. Не знаю, думаетъ-ли онъ занять нашу доцентуру и есть-ли онъ въ самомъ дѣлѣ конкурентъ г. Сергѣевскому. Другой названный профессоромъ Леонтовичемъ криминалистъ, г. Васильевскій, приватъ-доцентъ въ Харьковѣ. Есть-ли г. Васильевскій тоже конкурентъ? Ни о томъ, ни о другомъ не было сказано ни слова въ факультетѣ. Оба лица суть возможные кандидаты, но ни о ихъ готовности конкурировать, ни объ ихъ отношеніяхъ къ учрежденіямъ, въ которыхъ они служатъ, мы вовсе не имѣемъ свѣдѣній. Тѣмъ менѣе мы въ правѣ судить о ихъ преимуществахъ предъ г. Сергѣевскимъ. Я заключаю, что единственный, дѣйствительно идущій нашей каѳедры криминалистъ, котораго можно назвать въ точномъ смыслѣ кандидатомъ, есть представленный нами исправляющій должность доцента демидовскаго юридическаго лицея Н. Д. Сергѣевскій, котораго мы и просимъ подвергнуть баллотированію въ совѣтѣ съ условіемъ защиты имъ его диссертаціи въ теченіи будущаго академическаго года.

Профессоръ Вальцъ, отвѣчая на то мѣсто рѣчи профессора Леонтовича, въ которомъ онъ заявлялъ, что избраніе въ совѣтѣ, помимо факультета, нарушаетъ права послѣдняго, замѣтилъ: «въ кіевскомъ университетѣ, когда историко-филологическій факультетъ былъ крайне не полонъ, была составлена комисія, въ которой участвовалъ и ме-

дикъ, профессоръ Покровскій. По предложенію этой комисіи избирались профессора непосредственно совѣтомъ. Кромѣ того, имѣю честь покорнѣйше просить занести въ протоколъ, что гг. профессора Дювернуа и Шпилевскій заявили кандидата на каѳедру уголовнаго права и г. деканъ юридическаго факультета заявилъ о двухъ кандидатахъ на ту же каѳедру».

Послѣ продолжительныхъ преній*), въ которыхъ принимали участіе профессора Беркевичъ, Карастелевъ, Сабининъ, Кочубинскій, Ярошенко, Шведовъ, Вериго, Трачевскій, Малининъ, Патлаевскій, Кондаковъ, профессоръ Дювернуа, возражая профессорамъ Ярошенко, Кочубинскому и Вериго, находилъ, что предложеніе трехъ членовъ вовсе не есть жалоба на факультетъ, ибо никто не называетъ жалобой акта, въ которомъ говорится, что такое-то учрежденіе дѣйствовало на основаніи такого-то закона. Мы не указываемъ въ нашемъ предложеніи на незаконность дѣйствій факультета, какъ намъ указываютъ на незаконность нашего предложенія. Мы поддерживаемъ такую мѣру замѣщенія вакантной каѳедры, которой не принялъ факультетъ и которую можетъ принять совѣтъ. Что касается ученыхъ достоинствъ г. Сергѣевскаго, то къ нему надлежитъ прилагать не ту мѣру, какая прилагалась къ нѣкоторымъ лицамъ, составившимъ себѣ давно большое имя въ наукѣ. Мы основываемъ наше сужденіе о достоинствахъ г. Сергѣевскаго не на перечнѣ статей, имъ написанныхъ въ разныхъ журналахъ, а на томъ, что онъ съ успѣхомъ выдержалъ магистерскій экзаменъ въ Петербургѣ, что онъ четыре года со-

*) Предъ началомъ ихъ профессоръ Войтковскій оставилъ залу засѣданій.

стоитъ преподавателемъ уголовнаго права, что онъ два года занимался уголовнымъ правомъ въ Германіи, что въ его литературной дѣятельности видна отзывчивость на всѣ серьезнѣйшіе вопросы его спеціальности. Въ виду этого мы позволяемъ себѣ думать, что нѣкоторое замедленіе съ диссертаціей не можетъ быть поставлено ему въ упрекъ и въ предосужденіе. Напротивъ, при тѣхъ требованіяхъ, которыя установились въ Петербургѣ для ученой промоціи, особенно по наукѣ уголовнаго права, весьма понятно, почему молодой ученый не спѣшитъ съ своей работой.

Ординарный профессоръ Шпилевскій, въ своей рѣчи, сказанной во время преній, старался объяснить легальность, законность предложенія, внесеннаго имъ въ совѣтъ вмѣстѣ съ профессорами Дювернуа и Посниковымъ. Онъ указывалъ, *во-первыхъ*, на законность и возможность назначенія исправляющимъ должность доцента. При этомъ онъ объяснилъ, что университетскій уставъ 1863 г. дѣйствительно ничего не говоритъ объ исправляющихъ должность доцента. Но точно также и спеціальные уставы другихъ заведеній и установленій ничего не упоминаютъ объ исправляющихъ ту или другую должность. Это потому, что въ данномъ случаѣ имѣетъ силу общій уставъ о службѣ гражданской, на основаніи котораго «во всѣхъ вообще вѣдомствахъ начальствамъ дозволяется, по усмотрѣнію дѣйствительной нужды въ замѣщеніи должностей опредѣлять въ оныя или назначать къ исправленію ихъ (т. III св. зак. уст. о служ. гражд. изд. 1876 г. ст. 156). На это было указано въ 1872 г. бывшимъ ректоромъ, ординарнымъ профессоромъ Леонтовичемъ. Въ протоколахъ совѣта новороссійскаго университета за этотъ годъ напечатано подробное донесеніе его о цѣлесообразности, необходимости и законности допу-

щенія лицъ, неимѣющихъ надлежащихъ ученыхъ степеней, къ исправленію должности доцента. Нынѣ профессоръ Леонтовичъ, деканъ юридическаго факультета, высказываетъ совершенно противуположное мнѣніе. Что касается циркуляра министра народнаго просвѣщенія отъ 27 мая 1872 г. за № 5594, то циркуляръ этотъ, не отрицая возможности и права ходатайства о допущеніи къ исправленію должности доцента лицъ, неимѣющихъ надлежащихъ ученыхъ степеней, указываетъ на особенный порядокъ разсмотрѣнія и утвержденія подобнаго ходатайства. Практика показываетъ, что послѣ 1872 года, какъ напр. въ новороссійскомъ университетѣ относительно профессора Кудрявцева и въ демидовскомъ юридическомъ лицеѣ, допускались исправляющіе должность штатныхъ преподавателей. Профессора Шпилевскій, Дювернуа и Посниковъ, внося свое предложеніе въ факультетъ и въ совѣтъ, имѣли въ виду и то весьма важное обстоятельство, что магистрантъ Сергѣевскій уже исправляетъ должность доцента по каѳедрѣ уголовнаго права въ демидовскомъ юридическомъ лицеѣ и, слѣдовательно, они предлагаютъ ходатайствовать только о перемѣщеніи г. Сергѣевскаго на ту же каѳедру съ тѣмъ званіемъ въ новороссійскій университетъ. Поэтому, въ данномъ случаѣ, какъ кажется, даже и не потребуется прибѣгать къ тому особенному порядку утвержденія ходатайства совѣта, о которомъ говорится въ циркулярѣ г. министра. *Во-вторыхъ*, профессоръ Шпилевскій объяснилъ законность того пути, который былъ избранъ проф. Дювернуа, Шпилевскимъ и Посниковымъ относительно ихъ предложенія. Сначала они избрали обычный порядокъ, внося свое предложеніе предварительно въ факультетъ. Но 4 члена факультета, составляющіе большинство, не входя въ разсмотрѣніе означеннаго хода-

тайства по существу, отвергли его на одномъ вышеуказанномъ формальномъ основаніи и даже лишили предлагавшихъ возможности перенести дѣло обыкновеннымъ порядкомъ въ совѣтъ, постановивъ не давать никакого хода предложенію трехъ членовъ. Такое отношеніе большинства членовъ факультета въ предложенію профессоровъ Дювернуа, Шпилевскаго и Посникова составляетъ нарушеніе права, предоставленнаго уставомъ 1863 года каждому члену факультета, представлять кандидата на вакантную каѳедру. Послѣ этого оставался единственный законный путь для возстановленія этого нарушеннаго права инициативы въ замѣщеніи вакантныхъ каѳедръ—внести предложеніе въ совѣтъ. Въ своемъ предложеніи профессора Дювернуа, Шпилевскій и Посниковъ предлагаютъ совѣту два способа рѣшенія: баллотированіе исправляющаго должность доцента прямо въ совѣтѣ, или предложить факультету произвести въ ближайшемъ его засѣданіи предварительное баллотированіе. Но послѣ того, какъ г. деканъ юридическаго факультета снова, въ совѣтѣ, доказывалъ незаконность внесеннаго предложенія и указанныхъ въ немъ способовъ рѣшенія и предлагалъ его отвергнуть, профессоръ Шпилевскій, принимая во вниманіе нижеслѣдующія основанія, считаетъ необходимымъ поддерживать предложеніе о баллотированіи г. Сергѣевскаго прямо въ совѣтѣ. Основанія, представленныя проф. Шпилевскимъ въ пользу этого суть слѣдующія:

1) Рѣшительный отказъ факультета въ лицѣ большинства членовъ отъ своего права и обязанностей, какъ выразился г. деканъ, дать свое заключеніе о предложенномъ кандидатѣ посредствомъ предварительнаго баллотированія.

2) Существенное значеніе баллотированія въ совѣтѣ на штатныя должности, между тѣмъ какъ предварительное

баллотированіе въ факультетѣ имѣетъ характеръ простой рекомендаціи, предоставленной факультетамъ только со времени изданія устава 1863 года и имѣющей значеніе преимущественно для лицъ, незаявившихъ преподавательской дѣятельности въ университетахъ и въ соотвѣтствующихъ имъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ данномъ случаѣ, при избраніи лица, уже заявившаго свою учено-преподавательскую дѣятельность, при малочисленности состава юридическаго факультета новороссійскаго университета и вслѣдствіе того, что экспертиза по отношенію къ достоинствамъ лица, ищущаго мѣста преподавателя уголовнаго права, должна быть предложена членамъ факультета, предложившимъ кандидата, т. е. профессору Дювернуа, какъ преподавателю римскаго права, этой основѣ всего юридическаго образованія, и профессору полицейскаго права Шпилевскому, какъ призванному по закону быть экзаменаторомъ при испытаніяхъ на степень магистра уголовнаго права, — предварительное баллотированіе въ факультетѣ не имѣетъ никакого существеннаго значенія и только можетъ напрасно затормозить дѣло.

3) § 71 устава унив. 1863 г. кромѣ факультетскихъ кандидатовъ указываетъ на кандидатовъ совѣта. Университетская практика, какъ напр. кіевскаго университета, какъ видно изъ заявленія профессора Вальца, допускаетъ возможность избранія штатныхъ преподавателей прямо въ совѣтѣ безъ предварительнаго баллотированія въ факультетѣ.

Послѣ возобновившихся преній, предсѣдателемъ былъ поставленъ на голосованіе вопросъ: приступить-ли къ избранію представленнаго лица въ смыслѣ предложенія или нѣтъ, при чемъ 11-ть членовъ совѣта (гг. Кондаковъ, Умовъ,

Синцовъ, Шпилевскій, Трачевскій, Дювернуа, Вальцъ, Сабининъ, Шведовъ, Некрасовъ, Посниковъ) потребовали, согласно 4-му п. § 46 унив. устава, рѣшенія этого вопроса закрытой подачей голосовъ; въ результатѣ произведеннаго за симъ голосованія получилось 14 голосовъ утвердительныхъ и 7 отрицательныхъ.

Вслѣдствіе такого рѣшенія, въ которомъ принимали участіе всѣ находившіеся на лицо члены совѣта, г. ректоръ началъ раздачу шаровъ для предстоящей баллотировки; когда очередь дошла до профессора Патлаевскаго, то онъ отказался взять шаръ, письменно заявивъ г. ректору слѣдующее: «имѣю честь почтительнѣйше заявить вашему превосходительству, что въ виду состоявшагося рѣшенія совѣта, противорѣчащаго законамъ, объ избраніи въ совѣтѣ, помимо избранія въ факультетѣ, въ званіе исправляющаго должность доцента Сергѣевскаго, я не могу принять участія въ выполненіи принятаго совѣтомъ рѣшенія о баллотированіи. Болѣе подробное изложеніе мотивовъ, согласно моимъ устнымъ объясненіямъ, я представлю вашему превосходительству послѣ».

Къ этому заявленію г. Потлаевскаго присоединились и профессора Леонтовичъ, Малининъ и Ярошенко, также отказавшіеся взять шары для баллотировки.

Такъ какъ и послѣ напоминанія г. предсѣдателя о неоднократныхъ замѣчаніяхъ г. министра народнаго просвѣщенія, что «всякій членъ коллегіальнаго учрежденія, явившійся въ засѣданіе онаго для обсужденія того или другаго вопроса, не въ правѣ отказываться отъ подачи голоса и долженъ непремѣнно высказать свое мнѣніе въ томъ или другомъ смыслѣ», а также и послѣ вторичнаго приглашенія имъ, г. предсѣдателемъ, профессоровъ Патлаевскаго,

Леонтовича, Малинина и Ярошенко подчиниться принятому совѣтомъ рѣшенію, въ которомъ и они сами, наравнѣ съ другими членами совѣта, принимали участіе, они снова отвѣчали отказомъ, профессоръ же Кочубинскій заявилъ, что хотя онъ и подчинится требованію г. предсѣдателя и приметъ участіе въ баллотировкѣ, но отдѣльное мнѣніе свое по сему дѣлу доставитъ послѣ, для представленія онаго на благоусмотрѣніе высшаго начальства при дѣлѣ о выборѣ г. Сергѣевскаго,—было приступлено, безъ участія вышеозначенныхъ четырехъ профессоровъ, къ баллотировкѣ г. Сергѣевскаго, въ результатѣ которой получилось 15 голосовъ избирательныхъ и 3 неизбирательныхъ. Послѣ объявленія результата баллотировки, профессоръ Шпилевскій просилъ занести въ протоколъ, что профессора Цитовичъ, Беркевичъ и Вериго предъ настоящей баллотировкой оставили залу засѣданія, не заявивъ г. предсѣдателю о причинѣ ухода. *Опредѣлили:* согласно состоявшемуся избранію ходатайствовать.

13) Представленіе исправляющаго должность профессора православнаго богословія, священника Кудрявцева о назначеніи для лекцій по богословію въ будущемъ академическомъ году тѣхъ же дней и часовъ, что и въ текущемъ году, т. е. по понедѣльникамъ и вторникамъ отъ 10 до 11 часовъ. *Опредѣлили:* сообщить въ факультеты.

При подписаніи настоящаго протокола сдѣланы слѣдующія оговорки: профессоромъ Кочубинскимъ «подписываю съ оговоркой, что противъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ въ статьѣ объ избраніи г. Сергѣевскаго дѣлаю поправки, которыя имѣютъ быть занесены въ протоколъ настоящаго засѣданія»; профессоромъ Беркевичемъ — «подписываюсь съ оговоркой, что хотя въ протоколѣ указано, что я при-

нималъ участіе въ преніяхъ — но не указано какое возраженіе мною было сдѣлано — при томъ указано — что я послѣ баллотировки, сдѣланной по требованію 10 членовъ я ушелъ, не вѣрно — я ушелъ до баллотировки и на счетъ моего ухода я представилъ объясненіе»; профессоромъ Патлаевскимъ: «относительно 12 статьи я дѣлаю слѣдующую оговорку: въ протоколѣ совсѣмъ не упомянуто содержаніе заявленій гг. Вериго, Малинина, Ярошенко, Беркевича и другихъ, а между тѣмъ подробно изложены рѣчи гг. Дювернуа и Шпилевскаго, въ которыхъ пространно опровергаются возраженія, совершенно не внесенныя въ протоколъ. Затѣмъ, невѣрно изложено о моемъ заявленіи о незаконности рѣшенія совѣта немедленно баллотировать г. Сергѣевскаго. Я сдѣлалъ это заявленіе г. ректору немедленно, какъ только состоялось вышеупомянутое рѣшеніе и дѣло шло не столько объ отказѣ отъ баллотированія, сколько о протестѣ противъ незаконнаго рѣшенія въ смыслѣ ст. 100 2-го тома 1-й части. При этомъ г. ректоръ сказалъ мнѣ, что о моемъ заявленіи о незаконности рѣшенія и объ отказѣ въ исполненіи его принимать всякое участіе имъ доведено будетъ до свѣдѣнія высшаго начальства»; профессоръ М. Малининъ: «съ оговоркой, сдѣланной отъ Патлаевскаго».

(Приложенія къ ст. 12-й протокола 8-го марта 1879 года.)

1) Въ совѣтъ Императорскаго новороссійскаго университета ординарнаго профессора Патлаевскаго заявленіе: «въ засѣданіи совѣта Императорскаго новороссійскаго универси-

тета 8-го марта сего 1879 г. по дѣлу объ избраніи въ званіе исправляющаго должность доцента магистранта Сергѣевскаго я отказался отъ исполненія рѣшенія, принятаго совѣтомъ. О причинахъ такого отказа, заявленныхъ мною устно, представляю теперь письменное заявленіе. 1) Параграфомъ 70 университетскаго устава точно и ясно опредѣленъ порядокъ избранія лицъ на должности штатныхъ преподавателей въ университетѣ По точному смыслу словъ этого закона, какъ первоначальное разсмотрѣніе дѣла о способностяхъ кандидатовъ на штатныя преподавательскія мѣста, такъ и избраніе, принадлежатъ факультету, и только послѣ донесенія совѣту факультетомъ о результатѣ баллотированія въ факультетѣ, дѣло поступаетъ на разсмотрѣніе совѣта. Въ настоящемъ случаѣ, по дѣлу избранія г. Сергѣевскаго въ званіе исправляющаго должность доцента, не было ни предварительнаго баллотированія въ факультетѣ, никакого бы то ни было донесенія факультета въ совѣтъ. Дѣло возникло въ совѣтѣ прямо по представленію въ совѣтъ гг. профессоровъ Дювернуа, Посникова и Шпилевскаго.

Если § 71 устава и указываетъ на то, что совѣтъ самъ можетъ имѣть кандидатовъ, помимо представляемыхъ факультетомъ, то нѣтъ нигдѣ указанія въ уставѣ, чтобы совѣтъ могъ прямо приступить къ избранію, не передавая дѣла на предварительное разсмотрѣніе и выборы въ факультетъ, который въ такихъ дѣлахъ по смыслу устава является единственнымъ законнымъ, компетентнымъ экспертомъ въ университетѣ.

2) Параграфъ 68 устава не знаетъ званія исправляющаго должность доцента, а предписаніе г. министра народнаго просвѣщенія отъ 27-го мая 1872 г. за № 5594 устра-

няетъ всякія сомнѣнія относительно толкованія этого параграфа. Въ настоящемъ же случаѣ, въ противность уставу и распоряженію г. министра, дѣло идетъ объ избраніи совѣтомъ г. Сергѣевскаго въ званіе исправляющаго должность доцента.

3) Хотя практика университетовъ и указываетъ на существованіе исправляющихъ должность какъ профессоровъ, такъ и доцентовъ съ Высочайшаго разрѣшенія, но очевидно ходатайство объ утвержденіи лицъ въ званіи исправляющихъ должность, если и допускается, то должно быть мотивировано дѣйствительною необходимостью, заставляющею, въ отмѣну устава, для частнаго случая просить сепаратнаго закона. Но и при такихъ обстоятельствахъ первоначальное сужденіе о необходимости дальнѣйшаго ходатайства о Высочайшемъ разрѣшеніи должно принадлежать первоначально факультету, а не прямо совѣту, такъ какъ оцѣнить настоятельность такого ходатайства прежде и ближе всего можетъ факультетъ. Въ настоящемъ случаѣ, по дѣлу объ избраніи г. Сергѣевскаго, изъ преній, происходившихъ въ совѣтѣ, вполнѣ выяснилось, что настоятельной надобности въ назначеніи г. Сергѣевскаго исправляющимъ должность доцента совершенно нѣтъ и не было. Независимо отъ другихъ кандидатовъ, о которыхъ заявлялось въ совѣтѣ, оказывается, что новороссійскій университетъ имѣетъ своего стипендіата, магистра уголовнаго права г. Палаузова, о магистерской диссертаціи котораго въ юридической литературѣ существуютъ самые лестные отзывы, и который слѣдовательно можетъ быть назначенъ прямо доцентомъ.

Такимъ образомъ изъ всего изложеннаго слѣдуетъ, что избраніе въ званіе исправляющаго должность доцента г. Сергѣевскаго прямо въ совѣтѣ и рѣшеніе вопроса о насто-

ятельности такой мѣры въ совѣтѣ помимо факультета есть очевидное нарушеніе закона и правъ факультета.

Въ виду изложеннаго и на основаніи статей свода законовъ: ст. 228 и примѣчанія т. 1 учрежд. правит. сената ст. 233 т. 1 общій наказъ министрамъ и ст. 100 т. 2 общее образованіе управленія въ губерніяхъ изд. 1876 г., я считаю своимъ долгомъ заявить, что рѣшеніе совѣта 8-го марта о немедленной баллотировкѣ г. Сергѣевскаго въ званіе исправляющаго должность доцента я признаю незаконнымъ и въ исполненіе его отказываюсь принимать всякое участіе. — Ординарный профессоръ Иннокентій Патлаевскій. Къ сему заявленію присоединяемся: профессоръ С. Ярошенко, профессоръ М. Малининъ, профессоръ Ѳ. Леонтовичъ.

2) Въ совѣтъ Императорскаго новороссійкаго университета ординарнаго профессора А. Кочубинскаго отдѣльное мнѣніе.

Въ засѣданіи совѣта Императорскаго новороссійскаго университета 8-го марта сего 1879 г. было заслушано предложеніе гг. трехъ ординарныхъ профессоровъ юридическаго факультета: полицейскаго права, М. М. Шпилевскаго, политической экономіи и статистики, А. С. Посникова и римскаго права, Н. А. Дювернуа, состоявшее, по существу своему, изъ двухъ частей: 1) изъ заявленія, что они входили въ юридическій факультетъ съ предложеніемъ о выборѣ кандидата, выдержавшаго магистерскій экзаменъ, г. Сергѣевскаго *исправляющимъ* должность доцента по каѳедрѣ уголовнаго права, но что факультетъ, т. е. большинство 4-хъ членовъ, отклонилъ ихъ предложеніе въ виду требованія университетскаго устава; и 2) изъ просьбы въ совѣтъ — нроизвести выборъ г. Сергѣевскаго на сказанное

званіе прямо въ совѣтѣ, въ виду якобы малочисленности факультета (7 членовъ ординарныхъ профессоровъ), иными словами, произвести избраніе *помимо* факультета, а такъ какъ большинство голосовъ есть воля или общее мнѣніе факультета, то слѣд. противъ желанія факультета.

Въ какомъ положеніи могъ найтись членъ совѣта, какъ я, изъ чужаго факультета, въ виду предложенія гг. трехъ профессоровъ юридическаго факультета? Я могъ понять одно, что прежде всего дѣло идетъ о законности или незаконности дѣйствій юридическаго факультета, что̀ тоже, большинства, что совѣтъ, какъ высшая инстанція, имѣетъ прежде всего разрѣшить этотъ вопросъ. Вотъ почему я позволилъ себѣ въ засѣданіи же заявить, что разсматриваемый вопросъ для меня является прежде всего обжалованіемъ. Затѣмъ уже, будучи разрѣшенъ въ томъ или другомъ смыслѣ, вопросъ этотъ указывалъ сейчасъ же на другое требованіе (особенно послѣ того какъ г. деканъ юридическаго факультета объяснилъ мотивы факультетскаго отклоненія *экстренной* мѣры гг. трехъ профессоровъ: что факультетъ завелъ уже сношенія съ другими университетами по замѣщенію каѳедры уголовнаго права, что несмотря на крайне короткое время, протекшее со дня оставленія каѳедры г. Богдановскимъ — 8 декабря — уже имѣются на лицо кандидаты, и магистранды, и магистры, имѣющіе всѣ формальные права на каѳедру — былъ названъ напр. г. Васильевскій изъ Харькова) — обратить предложеніе гг. трехъ профессоровъ въ факультетъ съ просьбой дать свое заключеніе о кандидатурѣ г. Сергіевскаго въ то самое время, когда на факультетѣ будутъ обсуждаться кандидатуры другихъ лицъ, но не позже напр. начала будущаго академическаго года.

Но большинство совѣта было иного мнѣнія. Несмотря даже на категорическое заявленіе въ концѣ преній нѣкоторыхъ членовъ, и изъ большинства (укажу на рѣчь г. ординарнаго профессора А. С. Трачевскаго), что не было до сихъ поръ рѣчи о главномъ — о *научныхъ* достоинствахъ работъ кандидата гг. трехъ профессоровъ, совѣтъ большинствомъ голосовъ (при чемъ, по требованію 10 членовъ, при иниціативѣ г. ординарнаго профессора Θ. Н. Шведова, имѣла мѣсто *тайная* подача голосовъ) постановилъ: прямо избирать г. Сергіевскаго въ томъ же засѣданіи въ званіе исправляющаго должность доцента, а затѣмъ послѣдовали и самые выборы, при чемъ г. Сергіевскій оказался избраннымъ.

Такая поспѣшность по такому первому дѣлу въ университетской жизни, какъ приглашеніе новаго профессора на каѳедру, поспѣшность, которая, по моему посильному разумѣнію, ничѣмъ не вызывалась, вынудила меня заявить г. предсѣдателю-ректору о подачѣ съ моей стороны *отдѣльнаго* мнѣнія о незаконности, какъ постановленія объ избраніи г. Сергіевскаго *помимо факультета* и *безъ предварительной баллотировки въ факультетѣ* (что для совѣта имѣетъ значеніе законной рекомендаціи), такъ и самаго акта избранія. Если я и принималъ участіе въ баллотировкѣ, то только по напоминанію со стороны г. предсѣдателя имени закона.

Основанія моего возраженія ясны изъ предшествующаго изложенія, а именно:

1) Уставъ говоритъ ясно, что забота о благоустройствѣ факультета: о замѣщеніи вакантныхъ каѳедръ, право рекомендаціи и т. д. принадлежатъ факультету же. Слѣд. иниціатива по замѣщеніи каѳедры уголовнаго права при-

надлежала факультету: *помимо факультета*, *безъ факультетской баллотировки*, замѣщеніе или приглашеніе на каѳедру незаконно. Тѣмъ необходимѣе мнѣніе факультета въ *экстренномъ* дѣлѣ, какъ настоящее.

2) Совѣтъ вмѣшивается въ спеціальную юрисдикцію факультета лишь въ опредѣленныхъ случаяхъ: по малочисленности факультета, когда число членовъ менѣе 3 (былъ примѣръ въ университетѣ св. Владиміра по отношенію къ историко-филологическому факультету), по безрезультатности его дѣйствій при выборѣ декана (примѣръ былъ въ нашемъ университетѣ — выборъ въ деканы г. ординарнаго профессора Н. Л. Дювернуа) и др.

3) При замѣщеніи каѳедры новымъ лицомъ для стороннихъ членовъ совѣта не безразлично — чье мнѣніе, представителей какихъ спеціальностей выслушиваетъ онъ. При возведеніи извѣстнаго лица въ ученую степень магистра, доктора, участвуютъ непосредственно, прежде всего, тѣ члены факультета, каѳедры коихъ имѣютъ непосредственное или близкое отношеніе къ наукѣ, по которой дается степень. Кажется, не иной порядокъ желателенъ и при предоставленіи каѳедры новому лицу. Но что же мы видимъ при предоставленіи каѳедры уголовнаго права г. Сергіевскому? Если бы при предложеніи гг. трехъ профессоровъ представлена была совѣту и критическая оцѣнка научныхъ трудовъ г. Сергіевскаго, ихъ достоинства, то и тогда, въ виду того, что спеціальности гг. предлагавшихъ— полицейское право, политическая экономія и статистика, римское право, или не находятся совсѣмъ или только въ нѣкоторомъ соприкосновеніи съ замѣщаемой каѳедрой уголовнаго права, тогда какъ на факультетѣ есть представители: спеціально-гражданскаго права, гражданскаго судо-

производства; то совѣтъ не могъ бы не желать знать и мнѣніе этихъ послѣднихъ о научныхъ достоинствахъ предложеннаго лица. А между тѣмъ ни со стороны послѣднихъ, ни со стороны самихъ гг. предлагавшихъ совѣтъ не слышалъ оцѣнки работъ г. Сергіевскаго. Гг. предлагавшіе дали одинъ *голый перечень* статей.

4) Въ виду основанія 3) я, участвуя *по необходимости* въ дѣлѣ избранія, дѣйствовалъ какъ автоматъ, *безсознательно:* для меня кандидатъ гг. предлагавшихъ былъ и остался неизвѣстнымъ лицомъ; а потому, клалъ ли я свой шаръ при избраніи на-право, клалъ ли на-лѣво, я поступалъ безъ убѣжденія, безъ сознанія, т. е. прямо противъ живѣйшихъ интересовъ университета, прямо противъ закона. Ясно, что и съ этой стороны актъ избранія г. Сергіевскаго исправляющимъ должность доцента по каѳедрѣ уголовнаго права не можетъ почитаться правильнымъ.

Представляя настоящее отдѣльное мнѣніе въ совѣтъ, я почтительнѣйше прошу пріобщить его къ протоколу засѣданія совѣта 8-го текущаго марта, а затѣмъ представить его на благоусмотрѣніе высшаго начальства при дѣлѣ о выборѣ г. Сергіевскаго. — Орд. профессоръ А. Кочубинскій. Одесса, марта 10-го дня 1879 года.

Засѣданіе 22-го марта.

Присутствовали 19 профессоровъ.

Слушали:

1. Былъ прочтенъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія совѣта 8-го сего марта.

По прочтеніи 12-й статьи были доложены: отдѣльное мнѣніе ординарнаго профессора Кочубинскаго и заявленіе ординарнаго профессора Патлаевскаго, къ которому присоединились профессора Ярошенко, Малининъ и Леонтовичъ.

Отдѣльное мнѣніе и заявленіе приложены въ подлинникахъ къ протоколу.

Затѣмъ профессорами Патлаевскимъ, Малининымъ, Берковичемъ и Кочубинскимъ сдѣланы указанія на неполноту и неточность въ изложеніи проекта протокола, существенное содержаніе которыхъ профессора Патлаевскій, Малининъ и Берковичъ выразили въ оговоркахъ при подписаніи протокола. Кромѣ того, профессоръ Берковичъ просилъ занести въ протоколъ, что, по прочтеніи г. заступавшимъ мѣсто секретаря совѣта цѣлаго доклада, касающагося представленія профессоровъ Дювернуа, Шпилевскаго и Посникова, онъ первый попросилъ право голоса и, получивъ таковое отъ г. предсѣдателя совѣта, высказалъ слѣдующее: «выслушавъ представленіе профессоровъ Дювернуа, Шпилевскаго и Посникова и отзывъ факультета, я нахожусь, какъ не спеціалистъ по уголовному праву, въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи, — изъ представленія гг. профессоровъ, подписавшихъ представленіе, я только услыхалъ перечень брошюръ г. Сергѣевскаго безъ всякой ихъ критической оцѣнки, посему я не въ состояніи составить себѣ

понятія объ достоинствахъ предлагаемаго кандидата; вотъ причина, по которой я прошу дѣло это не разсматривать въ сегодняшнемъ засѣданіи, а отложить его до слѣдующаго, передавъ его предварительно въ факультетъ. Такого критическаго обзора въ засѣданіи 8-го февраля не было — препія затянулись настолько, что я, какъ завѣдывающій астрономическою обсерваторіею, лежащею внѣ города, неимѣющею вблизи полицейскаго поста, не снабженною оградою, опасаясь за цѣлость казеннаго имущества ушелъ въ то время, когда профессоръ Трачевскій дѣлалъ свои опровержения и не подозрѣвалъ могущей произойти баллотировки въ этомъ засѣданіи, ибо § 70 устава ясно говоритъ: «всѣ предложенные кандидаты записываются въ отдѣльную книгу и баллотируются въ слѣдующемъ засѣданіи». А профессоръ Кочубинскій замѣтилъ, что въ протоколѣ указаны нѣкоторыя обстоятельства — и именно въ рѣчи ординарнаго профессора Шпилевскаго, о которыхъ не было и упоминанія во время самыхъ преній:

1) Г. ординарный профессоръ Шпилевскій не касался вопроса о степени компетентности профессора полицейскаго права при обсужденіи кандидата на каѳедру уголовнаго права, такъ какъ, по его словамъ, при экзаменѣ на степень магистра уголовнаго права полицейское право входитъ, какъ второй предметъ экзамена.

2) Г. ординарный профессоръ Шпилевскій не касался также вопроса о томъ, что дѣло идетъ лишь о простомъ перемѣщеніи исправляющаго уже должность въ ярославскомъ юридическомъ лицѣе на таковую же въ Императорскій новороссійскій университетъ.

Если бы оба эти пункта вошли въ рѣчь ординарнаго профессора Шпилевскаго, то на оба есть нѣсколько весьма

существенныхъ возраженій; но они не могли имѣть мѣста, такъ какъ не было повода къ тому.

Въ отвѣтъ на замѣчанія, что мнѣнія однихъ членовъ изложены въ протоколѣ подробно, а другихъ не приведены и вкратцѣ, г. ректоръ указалъ на дѣйствующее правило которымъ руководствовался составитель протокола, включать въ протоколы только мнѣнія, написанныя самими дебатирующими. Чтò было передано желавшими для занесенія въ протоколъ — то и вошло въ него.

Послѣ продолжительныхъ преній протоколъ былъ подписанъ членами, изъ нихъ профессорами Кочубинскимъ, Беркевичемъ, Патлаевскимъ и Малининымъ съ оговорками. *Опредѣлили:* протоколъ этотъ съ приложеніями представить г. попечителю при заключеніи, что онъ можетъ быть напечатанъ вполнѣ.

Предложенія г. попечителя одесскаго учебнаго округа:

2) Отъ 7-го марта за № 2312 съ положеніемъ о преміи графа Сперанскаго. *Опредѣлили:* сообщить юридическому факультету.

3) — за № 2620 съ разрѣшеніемъ начать годичныя испытанія по всѣмъ факультетамъ и курсамъ съ 20-го апрѣля, а доценту Успенскому по всеобщей исторіи — 26, 27 и 28 марта.

При этомъ доложено, что о настоящемъ разрѣшеніи сообщено въ факультеты. *Опредѣлили:* за сдѣланнымъ распоряженіемъ принять къ свѣдѣнію.

4) — № 2769 о томъ, не пожелаетъ-ли кто воспользоваться на нѣкоторое время остающимся нынѣ свободнымъ рабочимъ столомъ на станціи доктора Дорна въ Неаполѣ.

По прочтеніи настоящаго предложенія профессоръ Мечниковъ заявилъ, что онъ желаетъ воспользоваться вакант-

нымъ мѣстомъ въ поѣздку за границу нынѣшняго лѣта. *Опредѣлили*: сообщить въ физико-математическій факультетъ.

5. Прошеніе студента естественнаго отдѣленія физико-математическаго факультета Бакумова о перечисленіи его на отдѣленіе математическихъ наукъ. *Опредѣлили:* перечислить.

6) Представленныя правленіемъ смѣты доходовъ и расходовъ по университету на 1880 годъ. *Опредѣлили*: 1) утвердивъ смѣту доходовъ и расходовъ, представить одинъ экземпляръ въ департаментъ народнаго просвѣщенія, а другой г. попечителю одесскаго учебнаго округа; и 2) согласно заявленію г. редактора «Записокъ новороссійскаго университета» увеличить цѣну тома; о размѣрахъ увеличенія редактору войти въ правленіе.

7) Проектъ отчета о дѣятельности новороссійскаго университета за 1878 гражданскій годъ. *Опредѣлили*: утвердить и представить, чрезъ г. попечителя, министру народнаго просвѣщенія.

8) Представленіе физико-математическаго факультета объ избраніи лаборанта Спиро въ сверхштатные доценты по физіологіи.

Въ приложенномъ къ представленію факультета предложеніи доцента Бернштейна и ординарнаго профессора Мечникова излагается слѣдующее: «два раза въ теченіе настоящаго академическаго года въ физико-математическомъ факультетѣ сдѣлано было предложеніе объ избраніи приватъ-доцента по физіологіи, магистра зоологіи П. А. Спиро въ штатные доценты. Оба раза факультетъ отклонялъ это предложеніе на томъ основаніи, что желательно оставить вакантныя штатныя мѣста открытыми — одно для физи-

ческой географіи, другое для агрономіи. Если факультетъ и впредь останется вѣренъ этому принципу пріуроченія штатныхъ мѣстъ къ отдѣльнымъ каѳедрамъ, то и въ будущемъ не предвидится возможности имѣть особыхъ преподавателей для анатоміи человѣка и для физіологіи животныхъ, которыя по уставу составляютъ отдѣленія каѳедры зоологіи. Такое положеніе не согласно ни съ дѣйствительною потребностію, ни со смысломъ устава.

До настоящаго времени преподаватели анатоміи и физіологіи доставлялись исключительно медицинскими факультетами. Въ университетахъ, имѣющихъ медицинскіе факультеты, оно какъ-будто разумѣется само собою, что профессорамъ этихъ факультетовъ должно быть предоставлено преподаваніе анатоміи и физіологіи слушателямъ физико-математическаго факультета. И въ университетахъ, неимѣющихъ медицинскихъ факультетовъ, преподавателями анатоміи и физіологіи всегда были доктора медицины, которые не имѣли и не имѣютъ требуемыхъ уставомъ степеней по зоологіи (единственное извѣстное исключеніе составляетъ профессоръ Сѣченовъ, получившій отъ нашего университета почетную степень доктора зоологіи)

Далѣе, во всѣхъ университетахъ анатомія и физіологія преподаются двумя особыми преподавателями. Въ университетахъ съ медицинскими факультетами преподаваніе анатоміи на физико-математическомъ факультетѣ поручается медицинскому профессору анатоміи, а преподаваніе физіологіи — медицинскому профессору физіологіи. Изъ двухъ университетовъ, не имѣющихъ медицинскихъ факультетовъ, с.-петербургскій имѣлъ прежде и теперь имѣетъ особыхъ преподавателей для анатоміи и для физіологіи. Въ нашемъ же университетѣ за 14 лѣтъ его существованія анатомія

постоянно преподавалась мною, а физіологія преподавалась 4 года мною (1867—68, 1869—70, 1870--71, 1877—78), 5 лѣтъ профессоромъ Сѣченовымъ (1871—72, 1872—73, 1873—74, 1874—75, —1875—76), одинъ годъ приватъ-доцентомъ Спиро (1878—79), а 4 года совсѣмъ не преподавалась (1865—66, 1866—67, 1868—69, 1876—77). Ясно, слѣдовательно, что и послѣ введенія нынѣ дѣйствующаго устава соединеніе анатоміи и физіологіи въ однѣхъ рукахъ составляло не правило, а исключеніе, а преподаваніе той или другой лицами, имѣющими ученыя степени по медицинѣ, составляло правило безъ исключенія.

Уставъ требуетъ, чтобы преподаватели анатоміи и физіологіи на физико-математическомъ факультетѣ имѣли ученыя степени по зоологіи; на дѣлѣ оказывается, что они этихъ степеней не имѣютъ. Для того, чтобы была возможность удовлетворить этому требованію устава, необходимы два условія: во 1-хъ, преподаваніе анатоміи и физіологіи на физико-математическихъ факультетахъ должно быть обставлено такъ, чтобы учащіеся могли пріобрѣтать въ нихъ солидныя познанія въ этихъ наукахъ, а это возможно только при особомъ преподавателѣ той и другой; во 2-хъ, лица, посвящающія себя спеціально этимъ наукамъ, должны имѣть предъ собою будущность, а это невозможно, когда имъ открывается доступъ къ каѳедрамъ. Если университеты, имѣющіе медицинскіе факультеты, берутъ своихъ преподавателей между медицинскими профессорами, то для такихъ лицъ остаются открытыми только тѣ университеты, въ которыхъ нѣтъ медицинскихъ факультетовъ. На этихъ-то университетахъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и новороссійскій, лежитъ обязанность поощрять

тѣхъ ученыхъ, которые, стоя внѣ медицинскаго факультета, посвящаютъ себя анатоміи и физіологіи.

Такой ученый представляется намъ теперь въ лицѣ приватъ-доцента Спиро. Онъ окончилъ курсы естественнаго и медицинскаго факультетовъ, въ нашемъ же университетѣ Получилъ три года тому назадъ степень магистра зоологіи и приватъ-доцента физіологіи. Въ теченіи восьми лѣтъ онъ состоитъ при нашемъ университетѣ лаборантомъ по физіологіи и пріобрѣлъ большую опытность въ вивисекціяхъ и вообще въ методикѣ физіологіи. Нашимъ же университетомъ онъ былъ командированъ на два года за границу съ цѣлью приготовленія къ преподаванію физіологіи, и эти два года занимался весьма успѣшно разными отраслями физіологіи, преимущественно физіологическою химіею. Профессоръ Лудвигъ въ Лейпцигѣ, въ лабораторіи котораго г. Спиро занимался цѣлый годъ, далъ мнѣ о немъ самые лестные отзывы, какъ устно, такъ и письменно; письменный отзывъ его находится при дѣлахъ факультета. Онъ написалъ нѣсколько работъ по физіологіи, которыя обнаруживаютъ въ немъ хорошаго экспериментатора и ученаго, хорошо знакомаго съ своею наукою (списокъ этихъ работъ при семъ прилагается). Въ теченіи двухъ лѣтъ онъ читалъ въ нашемъ университетѣ курсы физіологіи (одинъ годъ — обязательный, по порученіи факультета) и руководилъ практическими занятіями студентовъ. Однимъ словомъ, г. Спиро представляетъ не только всѣ качества, требуемыя отъ преподавателя, но и всѣ качества ученаго, котораго слѣдуетъ поощрять. Первый шагъ въ этомъ направленіи нашъ факультетъ уже сдѣлалъ, командируя его за границу для приготовленія къ занятію каѳедры, теперь слѣдуетъ сдѣлать второй шагъ, — назначая его доцентомъ по этой каѳедрѣ.

Если факультетъ считаетъ себя связаннымъ вышеупомянутымъ рѣшеніемъ, то мы покорнѣйше просимъ, въ виду желанія сдѣлать каѳедру анатоміи и физіологіи независимою отъ медицинскихъ факультетовъ, и наконецъ въ виду личныхъ заслугъ приватъ-доцента Спиро, ходатайствовать узаконеннымъ порядкомъ о назначеніи г. Спиро сверхштатнымъ доцентомъ по физіологіи».

Послѣ преній, возникшихъ вслѣдствіе заявленія ординарнаго профессора Беркевича, что при наличныхъ силахъ преподавателей по каѳедрѣ зоологіи онъ считаетъ излишнимъ избраніе на ту же каѳедру еще новаго преподавателя, при чемъ профессоръ Беркевичъ удерживалъ за собою право представить высказанное имъ мнѣніе въ письменномъ изложеніи, а также вслѣдствіе предложенія профессора Умова отнести содержаніе г. Спиро на счетъ общихъ остатковъ отъ содержанія личнаго состава преподавателей, поставлены были г. предсѣдателемъ на голосованіе примѣнительно къ высказаннымъ во время преній мнѣніямъ слѣдующіе вопросы:

1) Возвратить-ли представленіе въ факультетъ по отсутствію въ немъ указаній, на какія средства отнести содержаніе г. Спиро, или нѣтъ, — и

2) Обсуждать-ли вопросъ объ источникахъ содержанія г. Спиро предварительно избирательной баллотировки, или нѣтъ?

Первый вопросъ рѣшенъ отрицательно большинствомъ 11-ти голосовъ противъ 7-ми (гг. Кочубинскій, Малининъ, Шпилевскій, Синцовъ, Беркевичъ, Сабининъ, Карастелевъ). По второму вопросу большинство 15 голосовъ противъ 3-хъ (гг. Сабининъ, Синцовъ, Карастелевъ) подано за вторую часть предложенія.

По произведенной послѣ того баллотировкѣ закрытыми голосами, магистръ Спиро оказался избраннымъ въ сверхштатные доценты большинствомъ 14-ти голосовъ противъ 5-ти.

Затѣмъ, послѣ продолжительныхъ преній объ источникахъ содержанія избраннаго въ сверхштатные доценты г. Спиро, предложенъ на голосованіе вопросъ: ходатайствовать-ли объ ассигнованіи необходимой суммы изъ государственнаго казначейства, согласно предложенію профессора Синцова, или же ходатайствовать, согласно предложенію профессора Сабинина, о разрѣшеніи отнести содержаніе г. Спиро на счетъ общихъ остатковъ отъ штатной суммы до тѣхъ поръ, пока они есть? Большинство 11-ти голосовъ противъ 6-ти (гг. Кочубинскій, Малининъ, Шпилевскій, Синцовъ, заявившій о подачѣ особаго мнѣнія, Патлаевскій, ректоръ) высказались за второе предложеніе. Профессоръ Беркевичъ, не подавая голоса по поставленному вопросу, повторилъ сдѣланное прежде баллотировки заявленіе о подачѣ особаго мнѣнія. *Опредѣлили:* просить ходатайства г. попечителя предъ министромъ народнаго просвѣщенія о назначеніи лаборанта зоотомической лабораторіи, магистра зоологіи Спиро сверхштатнымъ доцентомъ по предмету физіологіи съ отнесеніемъ слѣдующаго ему содержанія на счетъ общихъ остатковъ отъ штатной суммы, ассигнованной на содержаніе личнаго состава, до тѣхъ поръ, пока они есть.

9) Прошеніе секретаря правленія А. Марченко объ увольненіи его отъ службы, по разстроенному здоровью, и объ исходатайствованіи ему единовременнаго пособія. *Опредѣлили:* отложить разсмотрѣніе до слѣдующаго засѣданія.

10) Прошеніе ординарнаго профессора Кочубинскаго о разрѣшеніи ему выпустить 150 экземпляровъ отдѣльныхъ

антропологіи и этнографіи при московскомъ университетѣ съ приглашеніемъ къ участію въ антропологической выставкѣ, имѣющей открыться въ началѣ апрѣля 1879 года; и

б) Отзывъ физико-математическаго факультета, въ который сообщено было, при предложеніи г. ректора отъ 13 марта, приглашеніе общества, что факультетъ постановилъ просить г. Мечникова принять участіе въ ученыхъ засѣданіяхъ общества во время выставки. *Опредѣлили:* принять къ свѣдѣнію.

19. Докладъ комисіи съ проектомъ правилъ веденія совѣтскихъ протоколовъ. *Опредѣлили:* отложить.

20. Представленіе правленія по поводу доклада комисіи 5-го октября 1878 г. по вопросу объ испрошеніи ассигнованіи изъ казны 11.450 р. 18 к. на ремонтъ университетскихъ заведеній. *Опредѣлили:* отложить.

21. Представленіе физико-математическаго факультета объ утвержденіи магистра Ефима Клименко въ степени доктора химіи. *Опредѣлили:* утвердить и выдать дипломъ.

Засѣданіе 24 апрѣля.

Присутствовали 21 профессоровъ.

Слушали:

1. Былъ читанъ протоколъ засѣданія совѣта 22 ист. марта.

Вслѣдъ за 8-й ст. доложены были особыя мнѣнія ординарныхъ профессоровъ Беркевича и Синцова. Особое мнѣніе профессора Беркевича, какъ относящееся къ вопросу, рѣшенному закрытою подачею голосовъ, опредѣлено пріоб-

щить въ подлинникѣ къ протоколу. Особое мнѣніе проф. Синцова заключается въ слѣдующемъ:» въ засѣданіи совѣта, происходившемъ 22-го марта сего года, я, оставшись въ меньшинствѣ по дѣлу о содержаніи сверхштатнаго доцента физіологіи, заявилъ о подачѣ особаго мнѣнія, которое имѣю честь теперь представить и которое заключается въ слѣдующемъ: изъ справокъ, данныхъ секретаремъ совѣта, оказывается, что, судя по современному состоянію дѣлъ въ университетѣ, къ концу 1879 года предвидится весьма незначительный остатокъ отъ личнаго состава, а именно всего только 2384 р. 25 к. на эту сумму должны быть произведены: 1) повышенія доцентовъ и экстраординарныхъ профессоровъ и 2) выборы новыхъ преподавателей. Кромѣ того, значительную часть этой же суммы университетъ ежегодно затрачиваетъ на пополненіе библіотеки, на нужды кабинетовъ и многія другія надобности. Посмотримъ же теперь, какъ всѣ эти потребности могутъ быть удовлетворены означенными остатками. Изъ того только, что мнѣ лично извѣстно, оказывается, что въ ближайшемъ засѣданіи совѣта предстоитъ повышеніе трехъ доцентовъ въ экстраординарные профессоры и избраніе одного доцента и одного экстраординарнаго профессора по юридическому факультету. Кромѣ того, на тотъ же факультетъ недавно избранъ г. Сергѣевскій въ исправляющіе должность доцента и на естественномъ отдѣленіи физико-математическаго факультета имѣются въ виду кандидаты для замѣщенія доцентуры по агрономіи. Если мы остановимся только на одномъ этомъ, то оказывается, что предвидимый остатокъ будетъ вполнѣ израсходованъ съ выборомъ ординарнаго профессора на юридическій факультетъ (считая жалованье ему со дня окончательнаго выхода проф. Богдановскаго изъ университета)

и съ повышеніемъ друхъ доцентовъ въ экстраординарные профессоры. При удовлетвореніи же другихъ вышеупомянутыхъ надобностей, совѣту предстоять весьма сильныя затрудненія. Но я указалъ только на такіе факты, которые мнѣ лично извѣстны. Само собою разумѣется, что ими далеко не исчерпываются всѣ тѣ случаи, въ которыхъ понадобится обратиться къ тѣмъ же самымъ предполагаемымъ остаткамъ отъ личнаго состава. Въ доказательство сказаннаго обратимся къ нынѣ дѣйствующему штату нашего университета. Оказывается, что на историко-филологическомъ факультетѣ въ настоящее время состоитъ 5 ординарныхъ профессоровъ и 5 доцендовъ, а по нынѣ дѣйствующему штату отпускается сумма на 8 ординарныхъ, 3 экстраординарныхъ профессоровъ и 3 доцентовъ. На юридическомъ факультетѣ въ настоящее время состоитъ 9 ординарныхъ профессоровъ, а по нынѣ дѣйствующему штату отпускается сумма на 9 ординарныхъ, 3 экстраординарныхъ профессоровъ и 3 доцентовъ. Такимъ образомъ на тѣ же остатки возможно избраніе 3-хъ ординарныхъ, 2-хъ экстраординарныхъ профессоровъ на историко-филологическомъ факультетѣ и 3-хъ доцентовъ на юридическомъ. Я сказалъ возможно избраніе, но слѣдуетъ прибавить и въ высшей степени желательно, такъ какъ на упомянутыхъ факультетахъ до сихъ поръ еще не замѣщены слѣдующія каѳедры: на историко-филологическомъ: философіи, римской словесности, сравнительной филологіи и исторіи всеобщей литературы; на юридическомъ: энциклопедіи права, государственнаго права, международнаго права и церковнаго законовѣдѣнія. Вышеприведенныхъ данныхъ, я полагаю, вполнѣ достаточно, чтобы судить, какъ мала та сумма, которая слыветъ подъ названіемъ предполагаемыхъ остатковъ отъ содержанія лич-

наго состава, въ сравненіи съ тѣми потребностями университета, которые должны быть ею удовлетворены. На основаніи вышеизложеннаго, мнѣ кажется, что содержаніе сверхштатнаго доцента физіологіи на остатки отъ личнаго состава не можетъ быть отнесено безъ явнаго ущерба для интересовъ университета».

Голосованіе поставленнаго предсѣдателемъ вопроса, остается-ли совѣтъ при прежнемъ рѣшеніи, или соглашается съ особымъ мнѣніемъ профессора Синцова, дало слѣдующіе результаты: 11 голосовъ (гг. Кудрявцевъ, Кочубинскій, Малининъ, Шпилевскій, Синцовъ, Патлаевскій, Беркевичъ, Вериго, Цитовичъ, Леонтовичъ, Некрасовъ) подано въ пользу мнѣнія профессора Синцова, а 10 (гг. Умовъ, Лигинъ, Войтковскій, Кондаковъ, Трачевскій, Дюверну, Вальцъ, Сабининъ, Посниковъ, ректоръ) за прежнее рѣшеніе совѣта. Затѣмъ протоколъ былъ подписанъ. *Опредѣлили*: въ отмѣну состоявшагося въ засѣданіи совѣта 22 марта по ст. 8-й протокола рѣшенія, ходатайствовать о назначеніи г. Спиро: сверхштатнымъ доцентомъ съ ассигнованіемъ ему содержанія, по 27 § унив. устава, изъ суммъ государственнаго казначейства.

Предложенія г. попечителя одесскаго учебнаго округа:

2. Отъ 23 марта за № 3032 объ увольненіи профессора Абашева отъ службы, за болѣзнію, съ 10 марта.

При чемъ доложено, что объ увольненіи г. Абашева сообщено уже въ физико-математическій факультетъ и въ правленіе университета. *Опредѣлили*: за сдѣланнымъ распоряженіемъ принять къ свѣдѣнію.

3. — № 3033 о командированіи профессора Волкова за границу съ ученою цѣлію на 8 мѣсяцевъ съ 1 января 1879 года.

Доложено, что о командированіи г. Волкова сообщено уже въ правленіе. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

4. Отъ 26 марта за № 3100: «г. попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа представилъ на разрѣшеніе г. министра народнаго просвѣщенія возбужденный совѣтомъ с.-петербургскаго университета вопросъ относительно условій принятія въ число студентовъ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ: 1) въ германскихъ гимназіяхъ, 2) въ гимназіяхъ славянскихъ земель и 3) въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ той части Бессарабіи, которая возвращена Россіи по берлинскому трактату.

Разсмотрѣвъ означенное представленіе, его сіятельство находитъ, что первые могутъ пользоваться тѣми же правами, какія предоставлены, предложеніемъ отъ 13-го мая 1872 г., окончившимъ курсъ въ классическихъ гимназіяхъ Австріи и Германіи, т. е. по одному повѣрочному испытанію, если воспитанники сіи обнаружатъ на испытаніи основательное знаніе русскаго языка; лицамъ второй категоріи права сіи не могутъ быть предоставлены безусловно, такъ какъ въ гимназіяхъ славянскихъ земель не проходятся всѣ предметы, изучаемые въ нашихъ гимназіяхъ; поэтому справедливо предоставить лицамъ этой категоріи означенныя права въ томъ только случаѣ, если они выдержатъ дополнительное испытаніе по тѣмъ предметамъ, которые преподаются въ русскихъ гимназіяхъ, и которымъ сіи молодые люди не обучались; если же они таковаго испытанія не выдержатъ, то могутъ быть принимаемы, въ видахъ желательнаго сближенія славянъ съ Россіею, въ русскіе университеты вольнослушателями, но съ тѣмъ, чтобы по окончаніи университетскаго курса они получали только свидѣтельство о томъ, какіе предметы выслушаны

ими и съ какими успѣхами, безъ предоставленія правъ по службѣ въ Россіи. Что же касается молодыхъ людей, окончившихъ гимназическій курсъ въ той части Бессарабіи, которая возвращена нынѣ Россіи, то, по исключительности ихъ положенія, имъ необходимо предоставить нѣкоторыя преимущества и они могутъ быть принимаемы въ русскіе университеты безъ испытанія, если только по существовавшимъ въ той мѣстности законамъ, аттестатъ зрѣлости, выданный тамъ, давалъ право на поступленіе въ университеты или соотвѣтствующія онымъ высшія учебныя заведенія, о чемъ и должны быть истребованы университетомъ, предварительно представленія на разрѣшеніе министерства, свѣдѣнія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Получивъ объ этомъ предложеніе дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, графа Д. А. Толстаго отъ 10 сего марта за № 2808, сообщаю объономъ совѣту новороссійскаго университета къ исполненію и руководству». *Опредѣлили*: принять къ надлежащему исполненію и руководству.

5. Представленія историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ объ отсрочкѣ представленія кандидатскихъ диссертацій гг. Прокопенко и Пузанову, первому на шесть мѣсяцевъ, а второму—до 1-го сентября 1879 г. года. *Опредѣлили*: отсрочить.

6. Представленіе физико-математическаго факультета объ утвержденіи распредѣленія лекцій на будущій 1879 — 1880 учебный годъ. *Опредѣлили*: утвердить.

7. Представленіе историко-филологическаго факультета о приглашеніи на будущій академическій 1879 — 1880 г. заслуженнаго профессора Юргевича для преподаванія латинской словесности съ вознагражденіемъ 2400 р. въ годъ.

Въ результатѣ произведеннаго засимъ баллотированія

о приглашеніи г. Юргевича получилось 19 голосовъ утвердительныхъ и 1 отрицательный. *Опредѣлили*: просить ходатайства г. попечителя предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія объ оставленіи заслуженнаго профессора Юргевича, въ качествѣ сторонняго преподавателя, еще на одинъ годъ для чтенія латинской словесности съ вознагражденіемъ въ размѣрѣ 2400 руб. въ годъ изъ общихъ остатковъ отъ суммы, на содержаніе личнаго состава ассигнуемой.

8. Представленіе физико-математическаго факультета объ утвержденіи магистра Преображенскаго въ степени доктора чистой математики. *Опредѣлили*: утвердить и выдать дипломъ.

9. Представленіе того же факультета о возведеніи доцента доктора химіи Е. Клименко въ экстраординарные профессоры по каѳедрѣ химіи.

Въ приложенномъ къ донесенію факультета представ леніи профессора Вериго изложено слѣдующее: «основываясь на научныхъ достоинствахъ послѣдняго изслѣдованія г. Клименко, достоинствахъ, которыя выяснились на диспутѣ, честь имѣю предложить факультету подвергнуть г. Клименко баллотированію въ званіе экстраординарнаго профессора. Изслѣдованіе г. Клименко представляетъ экспериментальную критику вопроса объ изомеріи молочныхъ кислотъ. Вопросъ этотъ важенъ уже потому, что здѣсь въ особенности рѣзко является противорѣчіе тому увлеченію, для котораго въ изомерахъ, происходящихъ вслѣдствіе различія въ путяхъ синтеза, представляли всѣ единственно возможные изомеры. Существованіе четырехъ изомерныхъ кислотъ рѣзко противорѣчило этому положенію, такъ какъ различными путями синтеза можно придти лишь къ двумъ

изомерамъ. Прямое установленіе существованія 4-хъ изомеровъ и опредѣленіе характера ихъ изомеріи являлось крайне важнымъ. Самое противорѣчіе было выставлено однимъ изъ выдающихся послѣдователей вышеозначеннаго положенія — Вислиценусомъ. Нельзя Вислиценуса подозрѣвать въ томъ, что онъ намѣренно или же незамѣтно для самаго себя пристрастно интерпретировалъ наблюдаемые имъ факты —и если онъ защитникъ сведенія изомеріи на различіе въ путяхъ синтеза выставилъ противорѣчіе этому положенію, то можно было вѣрить въ прочность фактической установки этихъ противорѣчій. Но, къ удивленію, въ цѣломъ рядѣ изслѣдованій Вислиценуса по этому предмету вовсе не замѣтно этой прочности фактической установки: почти въ каждомъ послѣдующемъ изслѣдованіи содержится опроверженіе нѣкоторыхъ результатовъ предыдущаго изслѣдованія. Исходя двумя возможными путями синтеза, онъ пришелъ тѣмъ путемъ, который ведетъ къ этилиденъ-молочной кислоты — къ молочной кислотѣ броженія, тѣмъ путемъ, который ведетъ къ этиленъ молочной кислоты — онъ пришелъ къ молочной кислотѣ мяса; но новое изслѣдованіе Вислиценуса приводитъ къ заключенію, что кислота мяса не есть этиленъ молочная кислота, что синтезъ приводитъ къ кислотѣ, отличной отъ двухъ извѣстныхъ изомеровъ, что при этомъ образуются нѣкоторыя количества и другихъ изомеровъ и что такъ называемая мясо-молочная кислота есть смѣсь кислоты оптически дѣятельной и этиленъ-молочной кислоты. Г. Клименко подвергъ весьма тщательному обслѣдованію вопросъ о существованіи этиленъ-молочной кислоты. Результаты этого изслѣдованія таковы: во 1-хъ, этиленъ-молочной въ мясной жидкости не заключается и во 2-хъ, г. Клименко показалъ, что при нѣкото-

рыхъ условіяхъ мясомолочному цинку можно сообщить тѣ свойства, на основаніи которыхъ, по Вислиценусу, можно принять за соль этиленъ молочной кислоты. Такимъ образомъ, несуществованіе въ мясной жидкости мясомолочной кислоты установлено такъ, что теперь на Вислиценуса перенесена необходимость доказывать существованіе этой кислоты, такъ какъ со стороны опроверженія сдѣлано все. Уже въ этой части г. Клименко коснулся прочности критерія, на основаніи котораго устанавливалась природа изомеріи: онъ показалъ, что аморфность цинковой соли не есть исключительное свойство этиленъ—молочной кислоты, но онъ съ большею экспериментальною подробностію разбираетъ прочность критерія въ другой части своего труда. Ему удается показать, что критерій, на основаніи котораго различались два изомера: молочная кислота броженія и мясомолочная кислота не есть что нибудь прочное постоянное, но лишь зависящее отъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ условій. Такъ: онъ показалъ, что мясомолочный цинкъ можетъ кристализоваться не только съ двумя, но и съ тремя частями воды. Вообще, обѣ кислоты при всѣхъ условіяхъ могутъ являться въ тождественныхъ формахъ солей и эфировъ, сохраняя въ тоже время отличіе, состоящее въ различномъ отношеніи къ поляризованному лучу. Такимъ образомъ оказывается, что прежній критерій, устанавливавшій существованіе того или другаго изомера молочной кислоты вполнѣ неудовлетворителенъ — этимъ объясняется и шаткость результатовъ такого искуснаго эксперта, какъ Вислиценусъ, и дѣлается необходимою провѣрка установленныхъ на прежнемъ критеріи результатовъ».

Въ результатѣ произведеннаго засимъ баллотированія г. Клименко оказался избраннымъ единогласно въ экстра-

ординарные профессоры по каѳедрѣ химіи*). *Опредѣлили*: просить ходатайства г. попечителя предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія объ утвержденіи доцента, доктора химіи Клименко экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ химіи со дня состоявшагося избранія въ совѣтѣ, именно съ 24-го апрѣля 1879 года.

10. Представленіе того же факультета о возведеніи доцента, доктора чистой математики В. Преображенскаго въ экстраординарные профессоры по каѳедрѣ чистой математики.

Въ приложенномъ къ донесенію факультета представленіи профессоровъ Сабинина, Умова, Карастелева и Беркевича изложено слѣдующее: «доцентъ В. В. Преображенскій окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ со степенью кандидата математическихъ наукъ въ 1868 году. Будучи еще студентомъ, онъ написалъ разсужденіе на заданную въ 1867 году факультетомъ тему «о равновѣсіи плавающихъ тѣлъ подъ дѣйствіемъ центральныхъ силъ», за которое былъ удостоенъ золотой медали. Онъ обратилъ на себя вниманіе московскаго математическаго факультета сочиненіями: 1) объ устойчивости равновѣсія твердыхъ тѣлъ подъ дѣйствіемъ центральной силы и 2) частный случай движенія жидкой площади. Одно изъ нихъ было напечатано въ трудахъ 2-го съѣзда естествоиспытателей, а другое въ математическомъ сборникѣ, издаваемомъ московскимъ математическимъ обществомъ. Основываясь на этихъ трудахъ и на успѣшно выдержанномъ испытаніи на степень магистра чистой математики, московскій университетъ командировалъ

*) Отсутствовавшіе: проф. Ярошенко передалъ свой шаръ при баллотированіи г. Клименко профессору Вериго, а проф. Умовъ на всѣ баллотировки въ настоящемъ засѣданіи — профессору Кондакову.

его въ январѣ 1872 года за границу для приготовленія къ профессорскому званію. Вернувшись въ концѣ 1873 года Преображенскій продолжалъ свои ученыя занятія и сдѣлалъ три сообщенія на 3-мъ съѣздѣ естествоиспытателей въ Казани: 1) о скрытой теплотѣ плавленія, 2) объ уравненіяхъ гидродинамики, 3) объ уравненіяхъ съ частными производными; извлеченія изъ нихъ помѣщены въ трудахъ съѣзда. Въ слѣдующемъ 1874 году Преображенскій защитилъ диссертацію на степень магистра подъ заглавіемъ «объ интегрированіи уравненій съ частными производными высшихъ порядковъ». Въ этомъ разсужденіи авторъ упростилъ выводъ уравненій съ однимъ независимымъ перемѣннымъ, — уравненій, полученныхъ Дюбуа-Раймономъ и Давидовымъ при интегрированіи уравненій съ частными производными высшихъ порядковъ. Этимъ упрощеніемъ Преображенскій показалъ полное умѣнье пользоваться пріемами, данными Лагранжемъ и Амперомъ и приложенными Коши къ интегрированію уравненій съ частными производными перваго порядка, а Дюбуа-Раймономъ и Давидовымъ къ интегрированію уравненій высшихъ порядковъ о двухъ неизвѣстныхъ перемѣнныхъ. О подготовленности Преображенскаго къ профессорскому званію еще въ то время свидѣтельствуетъ письмо Давидова слѣдующаго содержанія: «я могу по доброй совѣсти рекомендовать г. Преображенскаго, какъ человѣка весьма дѣльнаго и даровитаго; его преподавательскія способности мнѣ хорошо извѣстны, такъ какъ онъ былъ нѣкоторое время преподавателемъ въ технологическомъ институтѣ. Будучи посланъ на казенный счетъ за границу, онъ вернулся вполнѣ подготовленнымъ для университетскаго преподаванія; съ окончанія курса университетскаго, въ промежуткѣ времени сравнительно не большомъ, онъ успѣлъ

заявить себя печатанно, какъ ученый самостоятельный и свѣдущій; я убѣжденъ, что новороссійскій университетъ пріобрѣтетъ въ немъ полезнаго члена». Состоя доцентомъ по каѳедрѣ чистой математики съ сентября 1876 г., рядомъ съ полезною преподавательскою дѣятельностію продолжалъ и свои ученыя занятія. Кромѣ нѣсколькихъ научныхъ сообщеній въ математической секціи новороссійскаго общества естествоиспытателей, онъ написалъ въ настоящемъ году разсужденіе подъ заглавіемъ «о логарифмическомъ потенціалѣ»; отзывъ объ этомъ сочиненіи мы имѣли честь представить факультету, удостоившему его въ публичномъ своемъ засѣданіи степени доктора чистой математики. Изъ нашего отзыва факультетъ можетъ усмотрѣть, что г. Преображенскій, владѣя вообще математическимъ анализомъ, обладаетъ способностію глубоко вникать въ научные вопросы. Ученые труды и преподавательская дѣятельность г. Преображенскаго даютъ намъ смѣлость войти въ факультетъ съ представленіемъ объ избраніи его въ экстраординарные профессоры по каѳедрѣ чистой математики».

Въ результатѣ произведеннаго за симъ избранія г. Преображенскаго въ экстраординарные профессоры по каѳедрѣ чистой математики получилось 18 голосовъ избирательныхъ и 2 неизбирательныхъ. *Опредѣлили*: ходатайствовать объ утвержденіи доцента Преображенскаго экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ чистой математики съ 24-го апрѣля 1879 года.

11) Представленіе юридическаго факультета: «юридическій факультетъ, въ засѣданіи своемъ 20-го сего апрѣля, разсмотрѣлъ предложеніе ординарнаго профессора Шпилевскаго объ избраніи магистра полицейскаго права Гольцева на должность доцента по каѳедрѣ энциклопедіи юри-

дическихъ и политическихъ наукъ и предложеніе ординарнаго профессора Патлаевскаго объ избраніи доктора гражданскаго права, ординарнаго профессора демидовскаго юридическаго лицея Азаревича на должность ординарнаго профессора по каѳедрѣ энциклопедіи юридическихъ и политическихъ наукъ. Предварительно баллотированія г. деканъ предложилъ факультету рѣшить вопросъ, находитъ-ли онъ полезнымъ для успѣховъ преподаванія имѣть двухъ преподавателей по энциклопедіи права. Большинствомъ 4-хъ голосовъ (Леонтовичъ, Патлаевскій, Цитовичъ и Малининъ) факультетъ призналъ полезнымъ и желательнымъ имѣть двухъ преподавателей по означенной каѳедрѣ. Затѣмъ, выслушавъ отзывъ профессора Леонтовича о работахъ Азаревича и признавъ нужнымъ вмѣстѣ представить въ совѣтъ и отзывъ профессора Дювернуа, хранящійся въ дѣлахъ факультета, также о работахъ Азаревича, факультетъ приступилъ къ баллотированію обоихъ предложенныхъ преподавателей. Въ результатѣ баллотированія оказалось: г. Гольцевъ получилъ 5 избирательныхъ голосовъ и 2 неизбирательныхъ, а г. Азаревичъ 4 избирательныхъ и 3 неизбирательныхъ. Доводя до свѣдѣнія совѣта объ избраніи гг. Азаревича и Гольцева, факультетъ имѣетъ честь покорнѣйше просить произвести баллотированіе въ совѣтскомъ засѣданіи доктора гражданскаго права Азаревича на должность ординарнаго профессора по каѳедрѣ энциклопедіи права и магистра полицейскаго права Гольцева на должность доцента по той же каѳедрѣ. При семъ прилагаются: предложеніе профессора Патлаевскаго, отзывъ проф. Леонтовича и Дювернуа о работахъ Азаревича и отзывъ профессора Шпилевскаго о работахъ Гольцева, а также списокъ всѣхъ сочиненій Азаревича».

Засимъ доложенъ былъ упоминаемый въ представленіи факультета отзывъ профессора Шпилевскаго, подписанный и профессоромъ Посниковымъ, слѣдующаго содержанія: «со времени смерти профессора Власьева, т. е. съ 1872 года, каѳедра энциклопедіи права не имѣла своего спеціальнаго преподавателя на нашемъ факультетѣ. Между тѣмъ наука эта по своей важности занимаетъ первенствующее мѣсто на I-мъ курсѣ юридическаго факультета. Студенты этого курса, т. е. лица только что приступающія къ изученію юридическихъ наукъ, не имѣли особаго руководителя, который далъ бы имъ возможность оріентироваться въ кругѣ разныхъ отраслей правовѣдѣнія — предметовъ ихъ будущихъ спеціальныхъ занятій. Имѣя въ виду устранить столь ощутительный пробѣлъ въ факультетскомъ преподаваніи, мы, нижеподписавшіеся, имѣемъ честь предложить факультету магистра полицейскаго права московскаго университета В. А. Гольцева къ замѣщенію каѳедры энциклопедіи права съ званіемъ доцента. Смѣемъ думать, что факультетъ будетъ имѣть въ магистрѣ Гольцевѣ достойнаго преподавателя означенной каѳедры. Ученые труды г. Гольцева, какъ намъ кажется, даютъ основаніе найти въ немъ такого представителя. Болѣе полный ученый трудъ г. Гольцева есть его магистерская диссертація подъ заглавіемъ «Государственное хозяйство во Франціи XVII вѣка». Содержаніе означеннаго изслѣдованія даетъ гораздо болѣе, нежели его заглавіе. Сочиненіе г. Гольцева состоитъ изъ вступленія, 4-хъ главъ, заключенія и приложеній. Во вступленіи авторъ излагаетъ тѣ руководящія воззрѣнія, идеи, которыя легли въ основу его изслѣдованія. Съ этою цѣлію онъ представляетъ очеркъ развитія науки о государственномъ хозяйствѣ и, основываясь на немъ, высказываетъ свой

взглядъ на предстоящія ей задачи, на предметъ и методы ея изученія. Авторъ приверженецъ историческаго метода или, правильнѣе, позитивнаго направленія. Задача каждой науки, по его мнѣнію, открытіе законовъ развитія жизни. Въ нравственномъ, какъ и въ физическомъ мірѣ, говоритъ онъ, цитируя Небеніуса, господствуетъ постоянное движеніе; посредствомъ внимательнаго наблюденія мы можемъ дойти до открытія законовъ этого движенія или, по крайней мѣрѣ, до вѣроятнаго о нихъ предположенія; подмѣтивъ направленіе развитія въ прошломъ, мы въ состояніи будемъ заключить и о будущемъ, «производить логическую антиципацію будущаго», по выраженію современнаго философа. Г. Гольцевъ смотритъ на хозяйство государства какъ на важнѣйшую изъ историческихъ формъ народнаго хозяйства. Громадная власть правительства и масса народнаго имущества, поступающаго въ его распоряженіе, дѣлаютъ государство самымъ крупнымъ факторомъ въ экономическомъ развитіи страны. Съ теченіемъ времени государственныя потребности, вопреки мнѣнію одного изъ величайшихъ мыслителей XIX вѣка (Д. С. Миля), значительно увеличиваются; государственные расходы, выражаясь финансовымъ языкомъ, сильно растутъ. 1-ая часть науки о государственномъ хозяйствѣ заключается по этому въ изслѣдованіи измѣненій въ объемѣ и характерѣ расходовъ, которые производились историческимъ государствомъ. Къ ней же должно отнести и вопросъ о вліяніи государства на экономическую жизнь народа. Отвѣты на вопросы: каковы были источники государственныхъ доходовъ, насколько были обременительны для народа тѣ или другіе изъ нихъ, составляютъ содержаніе 2-й части. Наконецъ, отвѣтъ на вопросъ, кто и на какомъ основаніи распоряжается болѣе или ме-

нѣе значительною частію національнаго имущества или имущества частныхъ лицъ — предметъ 3-й части. Такимъ образомъ, содержаніе науки о государственномъ хозяйствѣ составляетъ изученіе послѣдовательныхъ измѣненій въ расходахъ и экономическомъ законодательствѣ государства, въ его доходахъ и въ финансовомъ устройствѣ, иначе говоря— *государство въ исторіи съ экономической точки зрѣнія.* Задача науки о государственномъ хозяйствѣ заключается въ наблюденіи за движеніемъ государственнаго хозяйства въ исторіи, въ опредѣленіи направленія и причинъ этого движенія, въ изслѣдованіи вліянія, оказаннаго государствомъ на развитіе народнаго благосостоянія. Идеалы общежитія, выставляемые отдѣльными мыслителями-поэтами или смутно чуемые обществомъ, должны быть прежде всего свѣрены съ уже опредѣлившимся ходомъ развитія народной жизни и, какъ бы заманчивы и прекрасны эти идеалы не были, ихъ необходимо покинуть, если они противорѣчатъ историческому теченію. Ducunt volentem fata, nollentem trahunt. Провѣрка разнообразныхъ систематическихъ и несистематическихъ предположеній о наилучшемъ государственномъ хозяйствѣ въ связи съ общимъ ученіемъ о цѣляхъ государства, составляетъ содержаніе *прикладнаго* отдѣла науки о государственномъ хозяйствѣ, — отдѣла въ высшей степени важнаго, но уже выходящаго изъ предѣловъ науки въ собственномъ смыслѣ; такъ какъ все, что говоритъ о правилахъ или предписаніяхъ, а не утвержденіями, относящимися къ фактамъ, есть искусство. Таковъ взглядъ магистра Гольцева на задачи науки о государственномъ хозяйствѣ. Въ немъ въ особенности обращаетъ вниманіе его методологическое обоснованіе. Сообразно съ указаннымъ взглядомъ автора на содержаніе науки о госу-

дарственномъ хозяйствѣ, онъ въ слѣдующихъ трехъ главахъ представляетъ французское государственное хозяйство въ XVII вѣкѣ въ такой послѣдовательности: въ I-й главѣ — экономическое законодательство и государственные расходы, во II-й — финансовое управленіе и государственные доходы, въ III-й — высшія финансовыя учрежденія и право налоговъ. Но авторъ не ограничивается изложеніемъ только государственнаго хозяйства во Франціи XVII вѣка. Цѣлую главу (IV) своего сочиненія онъ посвящаетъ очерку хозяйства московскаго государства XVII вѣка. Это даетъ ему возможность представить въ высшей степени интересную паралель между французскимъ финансовымъ и экономическимъ строемъ стараго, дореволюціоннаго режима (ancien régime) и финансовыми порядками въ московскомъ государствѣ. Въ заключеніи авторъ излагаетъ тѣ выводы, къ которымъ онъ пришелъ въ своемъ изслѣдованіи. По ихъ спеціальному значенію мы не будемъ на нихъ останавливаться. Сочиненіе г. Гольцева свидѣтельствуетъ о замѣчательной начитанности автора и о его умѣньи научно разработывать самый разнообразный матеріалъ. Во вступленіи авторъ показываетъ знакомство съ классическими трудами по политической экономіи, по финансовой наукѣ и по методологіи общественныхъ наукъ. Въ главахъ, посвященныхъ очерку французскаго государственнаго хозяйства XVII вѣка, г. Гольцевъ пользовался возможными источниками и пособіями, общеисторическими сочиненіями и спеціальными трудами по исторіи экономической, финансовой, административной, старыми французскими законами дореволюціонной эпохи и сочиненіями старинныхъ французскихъ экономистовъ и финансистовъ, мемуарами и кореспонденціями. Въ IV-й главѣ, посвященной русскому государственному хозяй-

ству XVII вѣка, авторъ показываетъ хорошее знакомство съ русской литературой по означенному предмету и въ приложеніи помѣстилъ не изданныя дѣла московскаго архива министерства юстиціи. Кромѣ магистерской диссертаціи г. Гольцевъ напечаталъ рядъ статей и рецензій въ юридическомъ вѣстникѣ, изд. московскимъ юридическимъ обществомъ, и въ критическомъ обозрѣніи, изд. профессорами Миллеромъ и Ковалевскимъ. Изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе двѣ статьи: одна подъ заглавіемъ «очеркъ государственнаго права по ученію Гербера» и другая подъ заглавіемъ «значеніе политическихъ ученій». Обѣ эти статьи философско юридическаго характера Небольшія по объему, онѣ весьма богаты по содержанію, но мыслямъ, идеямъ, въ нихъ высказаннымъ. 1-я изъ нихъ посвящена изложенію и разбору сочиненія извѣстнаго нѣмецкаго цивилиста и публициста Гербера. Герберъ, какъ извѣстно, есть одинъ изъ немногихъ пока представителей того направленія въ разработкѣ публичнаго права, которое стремится создать научную догматику этой отрасли права посредствомъ точнаго анализа и установленія правовыхъ понятій и опредѣленій. Г. Гольцевъ, признавая большую важность анализа и класификаціи юридическихъ опредѣленій въ государственномъ правѣ, точно также какъ въ гражданскомъ и уголовномъ, считаетъ исполненіе этой задачи только подготовительной работой для научнаго изслѣдованія закономѣрности движенія народной жизни. Крайнему (по его мнѣнію) формализму герберовскаго ученія онъ противополагаетъ взглядъ Лоренца Штейна, по которому содержаніе права не есть право, совокупность юридическихъ понятій представляетъ только совокупность юридическихъ явленій, такъ что наука о правѣ должна установить причинную зависимость

этихъ явленій отъ создавшихъ ихъ экономическихъ и нравственныхъ дѣятелей. Сочиненіе Гербера даетъ г. Гольцеву поводъ представить очеркъ, ученія о государствѣ, какъ объ организмѣ, и при этомъ случаѣ авторъ высказываетъ замѣчательную начитанность. Ему знакомы: критическій этюдъ Крикена, сочиненія - о политикѣ Фребеля, Гольцендорфа и труды соціалистовъ: Лиліенфельда, Гербера Спенсера, Шеффле, натуралиста - эволюціониста Гекеля и историка-этнолога юристовъ - позитистовъ Поста и Гумиловича. 2-я ученая статья г. Гольцева, заслуживающая вниманія, посвящена вопросу о значеніи политическихъ ученій. Авторъ прежде всего старается установить и, какъ намъ кажется, весьма вѣрно законы возникновенія и развитія политическихъ ученій. Во всякомъ обществѣ, съ незапамятныхъ временъ, происходитъ процесъ накопленія свѣдѣній имнѣній. Долю участія отдѣльной личности въ этомъ процессѣ опредѣлить невозможно, но во всякомъ случаѣ она ничтожна сравнительно съ суммою долей остальныхъ членовъ общежитія. Вообще на первоначальныхъ ступеняхъ историческаго развитія, религіозныя, нравственныя и юридическія идеи не составляютъ личнаго дѣла отдѣльныхъ членовъ общежитія. Только по мѣрѣ приближенія къ нашему времени движеніе мысли ускоряется въ поразительной степени. Мысль, по выраженію Лазаруса, конденсируется и диференцируется. Личность выдѣляется изъ общества, противопоставляется ему, вступаетъ съ нимъ въ борьбу во имя собственныхъ интересовъ. Идеи теперь исходятъ отъ отдѣльныхъ членовъ общественнаго союза, яснѣе формулируются, замыкаются въ стройную систему. Иначе говоря, создаются политическія теоріи. Во 2-мъ отдѣлѣ своей статьи г. Гольцевъ представляетъ класификацію политическихъ ученій и

установилъ пріемы ихъ изученія. Авторъ различаетъ три группы политическихъ теорій. 1-я изъ нихъ отличается отвлеченнымъ характеромъ построеній, стремится къ созданію идеаловъ общежитія. 2-ая школа признаетъ только политическое государство. Наконецъ; писатели 3-ей группы строго различаютъ ученіе о государствѣ отъ государственныхъ идеаловъ, то и другое отъ науки о государствѣ въ тѣсномъ смыслѣ. Предметомъ научнаго изслѣдованія въ тѣсномъ смыслѣ служитъ раскрытіе законовъ существованія и развитія государственной жизни. Понятіе объ основныхъ элементахъ государства должно получаться посредствомъ внимательнаго анализа существовавшихъ и существующихъ политическихъ формъ и составляетъ извѣстную сумму обобщеній, способныхъ къ дальнѣйшимъ историческимъ видоизмѣненіямъ. Но человѣчество можетъ и должно быть предметомъ научнаго изслѣдованія. Главный вопросъ заключается въ установленіи правильныхъ пріемовъ — методы изученія. Приступая къ изученія политическихъ ученій даннаго народа и въ данное время, необходимо прежде всего выбрать подходящую точку отправленія. Затѣмъ внимательно разсмотрѣть весь общественный строй даннаго народа, тѣ религіозныя политическія и нравственныя идеи, которыя господствуютъ или борются между собою въ изучаемомъ государствѣ. Иностранное вліяніе, какъ сильный дѣятель развитія, долженъ постоянно имѣться въ виду историкомъ политическихъ ученій. Главнѣйшіе же вопросы, подлежащіе разрѣшенію въ исторіи государственныхъ и общественныхъ ученій, авторъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: на какія направленія необходимо распредѣлить эти ученія; какъ каждое изъ нихъ опредѣляетъ задачи государства; какое политичеекое устройство считаетъ наилучшимъ? По-

томъ — чѣмъ обусловливается смѣна политическихъ теорій, ихъ господство или паденіе въ общественномъ мнѣніи? И наконецъ: отразились-ли и какимъ именно образомъ взгляды мыслителей и публицистовъ на ходъ дѣйствительной жизни, на учрежденіяхъ страны? Такъ широко и самостотельно ставитъ авторъ задачи для изслѣдователя политическихъ ученій. Вообще, во всѣхъ трудахъ магистра Гольцева замѣтно одно направленіе, одно стремленіе: опредѣлить ясно задачи науки, ея матеріалъ и методъ разработки. Принимая во вниманіе замѣчательную начитанность магистра Гольцева, энциклопедическое разнообразіе его трудовъ и ихъ методологическое направленіе, мы полагаемъ, что онъ имѣетъ полное право на занятіе мѣста преподавателя энциклопедіи права, а потому и представляемъ его факультету для избранія на каѳедру энциклопедіи права съ званіемъ допента».

По произведенной баллотировкѣ закрытыми голосами магистръ Гольцевъ оказался избраннымъ въ доценты по каѳедрѣ энциклонедіи права большинствомъ 14 голосовъ противъ 8*)

Продолжался докладъ:

а) представленія въ факультетъ ординарнаго профессора Потлаевскаго: «каѳедра энциклопедіи юридическихъ и политическихъ наукъ въ нашемъ университетѣ со времени смерти профессора Власьева остается незамѣщенною до настоящаго дня. Юридическій факультетъ всегда признавалъ однако же преподаваніе энциклопедіи права дѣломъ столь существеннымъ, что, за неимѣніемъ особаго преподавателя, поручалъ чтеніе этого предмета одному изъ налич-

*) Отсутствовавшій проф. Ярошенко передалъ свой шаръ для этой баллотировки профессору Малинину.

ныхъ членовъ факультета. Какъ честь, такъ и тяжелая обязанность читать этотъ предметъ выпадала въ значительной степени на мою долю, и мнѣ, можетъ быть больше чѣмъ другимъ членамъ факультета, ясна существенная необходимость имѣть въ факультетѣ особаго преподавателя по энциклопедіи политическихъ и юридическихъ наукъ. Въ настоящее время я почитаю себя счастливымъ, что могу предложить факультету избрать на должность ординарнаго профессора по каѳедрѣ политическихъ и юридическихъ наукъ профессора демидовскаго юридическаго лицея, доктора гражданскаго права г. Азаревича. Ученая дѣятельность г. Азаревича факультету извѣстна; всѣ другія справки, какія бы понадобились факультету, находятся при дѣлахъ факультета, такъ какъ г. Азаревичъ недавно у насъ защищалъ диссертацію свою на степень доктора гражданскаго права. Я убѣжденъ, и факультетъ, надѣюсь, вполнѣ согласится со мною, что лучшаго преподавателя по энциклопедіи права, какъ г. Азаревичъ, мы не найдемъ. Мнѣ кажется, что въ дѣлѣ преподаванія энциклопедіи права, больше чѣмъ какого бы то ни было другаго предмета, опытность преподавателя, твердость и опредѣленность научныхъ взглядовъ, строгая юридическая школа суть качества существенно необходимыя и незамѣнимыя. Можно съ увѣренностію сказать, что факультетъ въ лицѣ г. Азаревича пріобрѣтетъ профессора вполнѣ готоваго и удовлетворяющаго этимъ требованіямъ. Способности, трудолюбіе и преподавательская дѣятельность г. Азаревича извѣстны факультету и не оставляютъ желать ничего большаго. Мало того, по самой спеціальности своихъ занятій римскимъ и византійскимъ правомъ, г. Азаревичъ является желаннымъ преподавателемъ энциклопедіи права, ибо спеціально раз-

работываемыя имъ отрасли юридическихъ знаній всегда считались и считаются лучшею юридическою школою, какъ для чисто-юридическихъ, такъ и для политическихъ наукъ». Къ этому представленію приложенъ списокъ трудовъ г. Азаревича: 1) о различіи между опекой и попечительствомъ по римскому праву; 2) патриціи и плебеи въ Римѣ тт. 1-й 2-й; 3) отвѣтъ на рецензію «патриціевъ»; 4) исторія византійскаго права 1-й и 2-й тт.; 5) прекаріумъ по римскому праву; 6) брачные элементы и ихъ значеніе. И, наконецъ, подъ редакціею г. Азаревича сдѣланъ переводъ сочиненія Нассе «о средневѣковомъ общинномъ землевладѣніи».

б) Представленіе въ юридическій факультетъ ординарнаго профессора Леонтовича: «представляя, по порученію юридическаго факультета, отзывъ объ одной изъ работъ г. Азаревича, именно о его «исторіи византійскаго права», считаю прежде всего необходимостью объяснить факультету, какъ это было заявлено мной и въ прошломъ факультетскомъ собраніи, что въ своемъ отзывѣ я буду лишь настолько говорить о трудѣ г. Азаревича, насколько онъ касается вопроса объ отношеніи древнихъ византійскихъ памятниковъ къ исторіи русскаго права. Какъ извѣстно, церковные законы имѣли у насъ въ старину важное практическое дѣйствіе въ судахъ не только церковныхъ, но и свѣтскихъ: церковные сборники, какъ и уставы свѣтскіе, въ равной мѣрѣ предназначались для тѣхъ и другихъ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, между прочимъ, и то, что Русская Правда распространенной редакціи дошла до нашего времени, главнымъ образомъ, какъ составная часть сборниковъ церковныхъ законовъ. Сборники такіе обнимали общіе законы церковные и свѣтскіе и въ періодъ мѣстныхъ

и даже московскихъ законовъ чуть ли не играли у насъ такой же роли, какая въ настоящее время принадлежитъ своду законовъ. Даже послѣ изданія уложенія царя Алексѣя Михайловича предписывалось мѣстнымъ судьямъ въ случаѣ нужды, т. е. при недостаткѣ на данные случаи свѣтскихъ законовъ, руководиться уставами церковными. Эти-то уставы имѣли главнымъ своимъ источникомъ и основаніемъ памятники византійскаго происхожденія, дѣйствовавшіе у насъ съ древнихъ временъ въ видѣ разныхъ сборниковъ, руководствъ, уставовъ и отдѣльныхъ узаконеній. Къ такимъ сборникамъ и уставамъ принадлежитъ цѣлая группа византійскихъ памятниковъ, и притомъ не только каноническаго права, каковы сборники древнихъ каноновъ (κανόν, canones apostolorum, canones consiliorum и canones sanctorum patrum), νόμος (въ видѣ collectio constitutionum ecclesiasticarum или coll. capitularum, — по русскимъ памятникамъ «учрежденія греческихъ царей») и своды обоихъ источниковъ (номоканоны различныхъ редакцій и составовъ), но и права свѣтскаго, каковы — эклога, прохиронъ (нашъ градской или ручной законъ) сельскіе законы (leges georgicae, l. rusticae или agrariae, нашъ «уставъ о земскихъ дѣлахъ» или «законы земледѣльніи») и пр. Всѣ эти памятники имѣли различную исторію собственно въ Византіи, затѣмъ у славянъ южныхъ и наконецъ въ Россіи. Сообразно съ этимъ и научная ихъ разработка шла до послѣдняго времени по тремъ главнымъ направленіямъ. На первомъ планѣ стоятъ извѣстные труды и изданія нѣмецкихъ и отчасти французскихъ ученыхъ канонистовъ и византистовъ (Биверъ, Геймбахъ, Цахаріэ, Мортрейль, Питра и др.), также югославянскихъ историковъ (Іовановича, Чижмана, Губе, Зигеля и др.); затѣмъ слѣдуютъ труды

русскихъ канонистовъ и византистовъ (Розенкампфа, Калачова, Неволина, Пахмана, Павлова, преосвященныхъ Макарія и Іоанна, Мысовскаго, Васильевскаго и т. д.) Нѣмецкіе канонисты и византологи, мало знакомые съ исторіей славянскаго и русскаго права, имѣли въ виду главнымъ образомъ изученіе памятниковъ какъ они развились въ самой Византіи, и почти вовсе не брали во вниманіе ихъ развитіе и судьбу у славянъ южныхъ и въ Россіи. Точно также славянскіе и русскіе ученые ставили для себя главной задачей выясненіе вопроса объ исторіи византійскихъ уставовъ у русскихъ и задунайскихъ славянъ и уже на второмъ планѣ ставили вопросъ о судьбѣ этихъ уставовъ въ ихъ отечествѣ (иногда же и вовсе не брали во вниманіе этого вопроса). Этимъ обстоятельствамъ нужно, между прочимъ, приписать и то что, нашъ «законъ судный людемъ» (или судебникъ Константина Великаго), дошедшій только въ русской рицензіи, разработывался доселѣ чуть-ли не исключительно русскими учеными и весьма мало затронутъ въ западной литературѣ. И въ самой разработкѣ институтовъ византійскаго права замѣчалась до послѣдняго времени такая же односторонность направленія. Всѣ западно-европейскіе, а за ними и русскіе византологи и канонисты старались объяснить эти институты, отчасти какъ остатки древняго римскаго права, отчасти же какъ продукты чисто византійскаго быта и исторіи. Лишь въ послѣднее время обозначился новый методъ разработки византійскихъ памятниковъ путемъ изученія вліяній не только греко-римскихъ, но и славянскихъ, явственно замѣтныхъ, напр. въ сельскихъ законахъ, отчасти также въ эклогѣ и пр. Первые намеки на такія вліянія находятся у Губе и Зигеля; но вполнѣ научное раскрытіе этого весьма важнаго вопроса принадлежитъ

нашему извѣстному византологу — профессору Васильевскому, который своимъ мастерскимъ анализомъ византійскихъ «сельскихъ законовъ» открываетъ въ настоящее время цѣлую серію этюдовъ, обѣщающихъ рядъ плодотворныхъ результатовъ въ дѣлѣ разъясненія многихъ темныхъ вопросовъ по исторіи византійскаго и славянскаго права. Какое же значеніе имѣетъ «исторія византійскаго права» г. Азаревича въ виду указанныхъ выше нашихъ и западныхъ византологовъ и канонистовъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ я буду лишь примѣнительно къ тѣмъ частямъ труда г. Азаревича, которыя прямо касаются византійскихъ памятниковъ, имѣвшихъ непосредственное отношеніе къ исторіи русскаго права. Держась такихъ границъ, я могу сказать, что сочиненіе г. Азаревича представляетъ вполнѣ научный и добросовѣстный сводъ всего того, что сдѣлано у насъ и на западѣ въ дѣлѣ разъясненія исторіи главнѣйшихъ памятниковъ византійскаго права. Авторъ основательно знакомъ съ русской литературной, по крайней мѣрѣ со всѣми лучшими работами нашихъ ученыхъ (проф. Павлова, Неволина, Калачова и др.); не менѣе извѣстны ему и труды западныхъ ученыхъ (Цахаріэ, Геймбаха и др.). Но сводъ г. Азаревича далеко нельзя считать простой компиляціей. Сводя мнѣнія другихъ ученыхъ, г. Азаревичъ держится вполнѣ самостоятельныхъ воззрѣній по тѣмъ или другимъ спорнымъ вопросамъ. Трудъ г. Азаревича имѣетъ особенно важное значеніе въ виду указанной односторонности разработки византійскихъ источниковъ на западѣ и у насъ. Нашъ авторъ, вполнѣ знакомый съ источниками славянскихъ и византійскихъ рецензій, старается по возможности восполнить (и дѣлаетъ это нередко весьма удачно) одностороннія воззрѣнія западныхъ и русскихъ канонистовъ и

византологовъ своими собственными заключеніями и выводами (напр. о номоканонѣ изъ 14 титуловъ, номоканонѣ Фотія и др.). Г. Азаревичъ въ особенности обстоятельно формулируетъ основной вопросъ о византійскихъ вліяніяхъ, какъ вообще на общественный бытъ древней Россіи, такъ и на развитіе древняго русскаго права, — вопросъ, какъ извѣстно, весьма мало разработанный въ нашей литературѣ (а тѣмъ менѣе въ западной). Я не говорю, что г. Азаревичъ даетъ въ своей работѣ окончательное рѣшеніе этого труднаго вопроса. Въ настоящее время, при полной почти неразработанности многихъ памятниковъ византійскаго происхожденія (напр. хоть упомянутаго выше «закона суднаго людемъ»), и нельзя еще дать окончательнаго отвѣта на сказанный вопросъ. Г. Азаревичъ и воздерживается отъ него; но его отвѣтъ вытекаетъ, по крайней мѣрѣ въ основныхъ чертахъ, вполнѣ ясно и отчетливо формулированнымъ, какъ одинъ изъ главныхъ выводовъ всего дѣланнаго имъ, весьма тщательнаго обзора памятниковъ каноническаго и свѣтскаго права Византіи, особенно дѣйствовавшихъ у насъ и у славянъ южныхъ. По отчетливости изложенія и разъясненіи главныхъ воззрѣній, высказанныхъ лучшими византологами и канонистами нашими и западными «исторія византійскаго права» г. Азаревича можетъ служить самымъ подходящимъ руководствомъ для всякаго, кто желаетъ познакомиться съ исторіей древнихъ памятниковъ византійскаго права, изъ коихъ нѣкоторые вошли въ составъ нашей печатной Кормчей (эклога, ручной законъ и др.). Въ этомъ отношеніи трудъ г. Азаревича имѣетъ не только извѣстное научное значеніе, но и можетъ быть весьма полезнымъ для нашихъ практиковъ-канонистовъ. Въ заключеніе, считаю нужнымъ замѣтить, что, трактуя въ своемъ сочи-

неніи о спеціальныхъ вопросахъ по исторіи византійскаго права, г. Азаревичъ даетъ въ немъ доказательства того, что онъ вполнѣ обладаетъ общей юридической эрудиціей, такъ необходимой и важной въ дѣлѣ преподаванія энциклопедіи юридическихъ и политическихъ наукъ. Обладаніе такой эрудиціей въ особенности наглядно высказывается въ недавно изданной монографіи г. Азаревича «брачные элементы и ихъ значеніе». Основная мысль этой монографіи высказывается въ томъ положеніи, что формулируемая современнымъ ученіемъ сущность брачнаго института опредѣляется его коренными элементами: а) реальнымъ или физическимъ, поставляющимъ цѣлью брака поддержаніе распложенія человѣчества и потому состоящимъ въ осуществленіи естественнаго закона, основаннаго на различіи половъ; б) элементомъ соглашеніе волей, въ силу чего бракъ обосновывается на свободномъ опредѣленіи этихъ волей, — и наконецъ, в) элементомъ этическимъ, придающимъ браку характеръ союза полнаго духовнаго общенія. По современному воззрѣнію, въ каждомъ бракѣ, говоритъ г. Азаревичъ, требуются въ наличности всѣ три элемента, но нельзя того же сказать о бракѣ древнѣйшихъ народовъ, у которыхъ преобладали первые два элемента и почти вовсе устранялся элементъ этическій. По словамъ автора, лишь христіанство выставило въ ученіи о брачномъ институтѣ на первое мѣсто идею полнаго внутренняго общенія. Выходя изъ этихъ общихъ положеній, авторъ затѣмъ обстоятельно излагаетъ исторію брачнаго института по римскому праву, затѣмъ позднѣйшему византійскому и наконецъ средневѣковому германскому праву. Цѣлью автора, какъ онъ самъ говоритъ, было только разъяснить на исторіи брака смыслъ каждаго изъ указанныхъ имъ основныхъ элементовъ брачнаго ин-

ститута, — т. е. путемъ догматическаго анализа явленій дѣйствительной жизни раскрыть сущность идеи брака и разложить брачный институтъ на его составные и коренные элементы. Авторъ приходитъ къ слѣдующему заключительному выводу: только господство этическихъ воззрѣній на бракъ способно скрѣпить брачный союзъ и облагородить отношенія въ немъ, — воззрѣній, подъ господствомъ которыхъ донынѣ живетъ общественное сознаніе христіанскихъ народовъ. Вѣковое вліяніе христіанскихъ идей сложило въ числѣ прочихъ нравственныхъ началъ, характеризующихъ новѣйшую мораль, и то ученіе о высокомъ этическомъ значеніи супружескаго союза, подъ вліяніемъ котораго нынѣ мы живемъ и отъ котораго не думаемъ освобождаться. Касательно этого-то этюда о брачномъ союзѣ считаю возможнымъ сказать, что, по вѣрности основныхъ положеній, правильности оцѣнки историческихъ явленій и мастерству изложенія, разсмотрѣнный этюдъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. По моему личному мнѣнію, этюдъ г. Азаревича принадлежитъ къ хорошимъ и желаннымъ вкладамъ въ нашу историко-юридическую литературу и, въ свою очередь, даетъ ручательство въ томъ, что его авторъ вполнѣ обладаетъ разносторонней эрудиціей и, слѣдовательно, имѣетъ въ своемъ распоряженіи всѣ ресурсы для успѣшнаго преподаванія энциклопедіи юридическихъ и политическихъ наукъ».

Затѣмъ, когда проф. Дювернуа приступилъ къ чтенію заключительной части приложенной къ представленію факультета пространной его рецензіи сочиненія магистра Азаревича «прекаріумъ по римскому праву», представленнаго авторомъ въ 1877-мъ году въ юридическій факультетъ для пріобрѣтенія степени доктора гражданскаго права, постав-

ленъ былъ предсѣдателемъ, въ виду повторявшагося со стороны членовъ предложенія, вопросъ: читать или не читать рецензію профессора Дювернуа на сочиненіе «прекаріумъ»? Большинствомъ 12 голосовъ противъ 7-ми (Кудрявцевъ, Кочубинскій, Малининъ, Дювернуа, Вериго, Патлаевскій, Беркевичъ) рѣшено: не читать.

Послѣ дальнѣйшихъ преній*) произведено было баллотированіе г. Азаревича въ ординарные профессоры по каѳедрѣ энциклопедіи права, въ результатѣ котораго получилось 8 голосовъ избирательныхъ и 13 неизбирательныхъ**). *Опредѣлили:* представить г. попечителю объ утвержденіи магистра Гольцова доцентомъ по каѳедрѣ энциклопедіи права со дня состоявшагося избранія его совѣтомъ въ эту должность, т. е. съ 24 апрѣля 1879 года.

12. Представленіе историко-филологическаго факультета о выпискѣ журнала «памятники древней письменности», стоющаго 15 руб. въ годъ, на спеціальныя средства университета. *Опредѣлили:* выписать.

13. Представленіе юридическаго факультета: «юридическій факультетъ, въ засѣданіи своемъ отъ 14-го сего апрѣля, разсматривалъ предложеніе, внесенное г. деканомъ Ѳ. И. Леонтовичемъ, о томъ, что нѣкоторые профессора факультета (Леонтовичъ, Патлаевскій, Цитовичъ, Малининъ, Богдановскій) при сочувствіи и содѣйствіи представителей судебныхъ учрежденій округа одесской судебной палаты, составили проектъ устава юридическаго общества при Им-

---

*) Профессоръ Беркевичъ, въ виду того, что пренія затягиваются слишкомъ долго и онъ опасается за цѣлость казеннаго имущества на астрономической обсерваторіи, оставилъ залу засѣданій.

**) Отсутствовавшій профессоръ Ярошенко передалъ свой шаръ для этой баллотировки профессору Малинину.

ператорскомъ новороссійскомъ университетѣ и просятъ ходатайствовать объ утвержденіи сего устава. Къ сему предложенію присоединились остальные члены факультета, профессора Дювернуа и Посниковъ. Разсмотрѣвъ предложеніе и одобривъ прилагаемый при семъ проектъ устава юридическаго общества, факультетъ имѣетъ честь просить совѣтъ ходатайствовать предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія объ открытіи юридическаго общества при Императорскомъ новороссійскомъ университетѣ и объ утвержденіи устава онаго». *Опредѣлили:* представить г. попечителю.

14. Представленіе правленія о назначеніи помощнику проректора Маньковскому пособія на леченіе въ размѣрѣ 250 руб. изъ суммы сбора за матрикулы.

Въ результатѣ произведеннаго за симъ баллотированія о выдачѣ г. Маньковскому пособія изъ означеннаго источника въ указанномъ размѣрѣ получилось 15 голосовъ утвердительныхъ и 2 отрицательныхъ. *Опредѣлили:* о состоявшемся рѣшеніи сообщить въ правленіе университета для соотвѣтствующихъ распоряженій.

15. По заслушаніи внесеннаго г. ректоромъ прошенія казначея Селиванова о выдачѣ ему денежнаго пособія на леченіе, большинствомъ 13 голосовъ противъ 4-хъ, *Опредѣлили:* дать г. Селиванову на леченіе пособіе въ размѣрѣ двухсотъ пятидесяти рублей изъ суммы сбора за матрикулы, — о чемъ и сообщить въ правленіе для зависящихъ распоряженій.

Засѣданіе 7-го мая.

Присутствовали 19 профессоровъ.

Слушали:

Предложенія г. попечителя одесскаго учебнаго округа:

2. а) Отъ 30 апрѣля за № 4064: «Государь Императоръ, на всеподданнѣйшемъ докладѣ г. министра народнаго просвѣщенія о содержаніи моей телеграммы съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ всѣхъ подвѣдомыхъ мнѣ учебныхъ заведеній, по случаю событія 2-го сего апрѣля, въ 6-й день апрѣля собственноручно начертать соизволилъ: «благодарить».

О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи, получивъ предложеніе дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Д. А. Толстаго отъ 7-го тек. апрѣля за № 3844, сообщаю вашему превосходительству для надлежащаго распоряженія».

б) — 4183: «г. министръ внутреннихъ дѣлъ, отъ 13 сего апрѣля за № 1366, сообщилъ г. одесскому градоначальнику, что Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: благодарить всѣ сословія, служащихъ и жителей г. Одессы за выраженныя ими, въ телеграммѣ его отъ 3-го апрѣля, вѣрноподданическія чувства.

О таковой Высочайшей волѣ, получивъ отношеніе генералъ-майора Гейнса отъ 19-го тек. апрѣля за № 3184, сообщаю вашему превосходительству для свѣдѣнія». *Опредѣлили*: занести въ протоколъ.

3. Представленіе правленія университета объ изъявленіи А. Х. Стевену благодарности за пожертвованныя имъ университету, въ трехъ ящикахъ, книги, которыя уже и

получены въ библіотекѣ университета. *Опредѣлили*: благодарить г. Стевена.

4. а) Отношеніе совѣта петербургскаго университета о праздновании 50-лѣтней научной дѣятельности заслуженнаго ординарнаго профессора петербургскаго университета, тайнаго совѣтника И. И. Срезневскаго, и

б) представленіе историко-филологическаго факультета новороссійскаго университета объ избраніи г. Срезневскаго почетнымъ членомъ университета, къ каковому представленію факультета приложено предложеніе профессора Кочубинскаго, подписанное и профессорами Кондаковымъ и Некрасовымъ, слѣдующаго содержанія: «5-го числа апрѣля текущаго 1879 года исполнилось полвѣка служенія русской наукѣ ординарнаго академика Императорской академіи наукъ по II-му отдѣленію и заслуженнаго профессора с.-петербургскаго университета по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій Измаила Ивановича *Срезневскаго*, — исполнилось полвѣка литературной и ученой высокоплодотворной дѣятельности его. Славистъ съ именемъ европейскимъ, Измаилъ Ивановичъ — послѣдній представитель изъ знаменитой фаланги ветерановъ русской славистики, тѣхъ, которые сформировали науку славяновѣдѣнія и съ университетской каѳедры ввели ее въ общее обращеніе.

Одаренный блестящими способностями, живымъ, воспріимчивымъ темпераментомъ, Измаилъ Ивановичъ въ первый, харьковскій, періодъ своей дѣятельности литераторъ, этнографъ, статистикъ, политико-экономъ, филологъ, историкъ стараго и новаго славянскаго быта; во второй, петербургскій, является воскресителемъ судебъ русскаго языка, историкомъ литературы, палеографомъ, археологомъ, лексикографомъ. Многообразіе, обширность, глубина вѣдѣнія

знаменитаго слависта-юбиляра поражают нас. Он в академіи занял кресло великаго учителя славизма — Востокова, он и в жизни стал достойным преемником его. Труд многих десятков лѣт — «историческій словарь русскаго языка», приготовляемый уже к печати, завершил благотворную полувѣковую дѣятельность слависта-ветерана: этим монументальным памятником Измаил Иванович снял с нас полувѣковой упрек со стороны земляков Линде, Юнгманна и Даничича, стал для нас тѣм, чѣм были и есть они для своих.

При общем широком участіи земли русской в 5-м апрѣлѣ, и мы, сыны окраины ея, не можем не жить тѣм же чувством, и, предлагая факультету, а чрез него совѣту, славнаго юбиляра к избранію в почетные члены нашего университета, — я исполняю только свой нравственный долг».

В результатѣ произведеннаго засим баллотированія в совѣтѣ, г. Срезневскій оказался избранным единогласно в почетные члены новороссійскаго университета. *Опредѣлили:* просить г. попечителя об утвержденіи заслуженнаго профессора петербургскаго университета, академика Срезневскаго почетным членом новороссійскаго университета.

5. Отношеніе комитета съѣздов представителей учрежденій русскаго земельнаго кредита об обмѣнѣ с университетом изданіями. *Опредѣлили:* войти в обмѣн на будущее время; о чем увѣдомить г. редактора университетских Записок и комитет съѣздов представителей русскаго земельнаго кредита.

6. Рапорты помощника проректора Кузминскаго о том, что не читали лекцій: 1) в февралѣ: а) *по болѣзни:* И. И. Мечников 4 л., Ѳ. И. Леонтович 5 л., П. П. Цито-

получены в[illegible] ...овъ 3 л., И. С. Некрасовъ 1 л., А. С. Посниковъ 2 л., А. [illegible] годарит[illegible] ...евскій 3 л., Е. Ө. Сабининъ 3 л., Я. Я. Вальцъ [illegible] 1 л., Ө. И. Успенскій 1 л., Д. Н. Абашевъ 14 л., Н. І. [illegible] Бернштейнъ 1 л., Ф. Е. Брунъ 6 л., б) *по случаю отпуска*: А. О. Ковалевскій 20 л., Н. А. Умовъ 4 л.; в) *по случаю исполненія обязанности присяжнаго засѣдателя*: А. А. Кочубинскій 12 л., В. К. Хонякевичъ 1 л.; г) *по случаю передѣлокъ въ химической аудиторіи*: А. А. Вериго 1 л.; 2) въ мартѣ: а) *по болѣзни*: И. С. Некрасовъ 3 л., Ө. И. Леонтовичъ 4 л., В. М. Войтковскій 1 л., Е. И. Карастелевъ 2 л., А. С. Трачевскій 1 л., Ө. Н. Шведовъ 4 л., А. М. Богдановскій 2 л., В. Н. Юргевичъ 1 л., В. В. Преображенскій 2 л., Г. И. Перетятковичъ 1 л.; б) *по случаю отпуска*: А. О. Ковалевскій 8 л., С. П. Ярошенко 1 л., П. П. Цитовичъ 2 л. *Опредѣлили*: записать въ протоколъ.

7. Прошеніе секретаря правленія А. Марченко объ увольненіи его отъ службы, по разстроенному здоровью, и объ исходатайствованіи ему единовременнаго пособія. *Опредѣлили*: дать ходъ прошенію и ходатайствовать о единовременномъ пособіи, въ размѣрѣ годоваго оклада, вмѣсто слѣдующей ему по закону (100 ст. III т. св. зак. уст. о пенсіяхъ и единовр. пособіяхъ по изд. 1876 г.) пенсіи по 85 р. 80 к. въ годъ.

8. Отложенное разсмотрѣніемъ (въ засѣданіи совѣта 22-го марта, ст. 20) представленіе правленія по поводу доклада комисіи 5-го октября 1878 г. по вопросу объ испрошеніи ассигнованія изъ казны 11,450 р. 18 к. на ремонтъ университетскихъ зданій.

Въ виду того, что со времени внесенія въ совѣтъ ходатайства правленія отъ 30-го сентября 1878 г. обстоя-

тельства дѣла измѣнились: часть работъ, значившихся въ представленной тогда смѣтѣ на 11,450 р. 18 к., по неотложности ихъ, уже исполнена на сумму 1303 р. 76 к., — большая часть (на 6500 р.) внесена въ смѣту обычнаго ремонта текущаго года на штатную сумму, — члены совѣта, большинствомъ 16-ти голосовъ противъ 3-хъ (гг. Кочубинскій, Малининъ, Цитовичъ), *Опредѣлили:* возвратить дѣло въ правленіе.

9. Докладъ комисіи съ проектомъ правилъ веденія совѣтскихъ протоколовъ. *Опредѣлили:* отложить разсмотрѣніе до будущаго академическаго года.

10. Представленіе историко-филологическаго факультета объ оставленіи заслуженнаго профессора Бруна, по найму на одинъ годъ, для продолженія его курса «исторія народовъ, обитавшихъ на югѣ Россіи, до славянъ» съ вознагражденіемъ въ 1000 р. въ годъ.

Въ результатѣ произведеннаго въ совѣтѣ баллотированія вопроса объ оставленіи г. Бруна при университетѣ еще на годъ, съ указаннымъ въ представленіи факультета вознагражденіемъ, получилось 20 голосовъ избирательныхъ и 1 неизбирательный. *Опредѣлили:* просить ходатайства г. попечителя предъ министромъ народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи пригласить заслуженнаго профессора Бруна, въ качествѣ сторонняго преподавателя, на 1879 — 80 академическій годъ, съ вознагражденіемъ въ 1000 руб. въ годъ изъ общихъ остатковъ отъ штатной суммы, отпускаемой на содержаніе личнаго состава преподавателей новороссійскаго университета.

11. Представленіе того же факультета о возведеніи доцента, доктора всеобщей исторіи Успенскаго въ экстраординарные профессоры.

Въ приложенномъ къ представленію факультета предложеніи профессора Трачевскаго и доцента Пирогова изложено слѣдующее: «новый трудъ Ѳ. И. Успенскаго «образованіе втораго болгарскаго царства» находится въ тѣсной связи съ его предшествовавшими трудами. Главное содержаніе этого труда основано на дальнѣйшемъ изслѣдованіи и болѣе глубокомъ изученіи писателя (Никиты Акомината), которому посвящена предыдущая, магистерская диссертація того же автора.

Никита Акоминатъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ средневѣковыхъ историковъ. Пренебрегая извѣстною манерою лѣтописцевъ добавлять и продолжать повѣствованія своихъ предшественниковъ, онъ держится въ своемъ изложеніи въ границахъ эпохи, пережитой имъ самимъ и непосредственно предшествовавшей ей, о которой онъ могъ собрать свѣдѣнія изъ устъ современниковъ. Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, проявляется оригинальное направленіе Никиты, который, въ отличіе отъ большинства средневѣковыхъ лѣтописцевъ, ставилъ себѣ въ образцы творенія классическихъ историковъ Греціи. Вездѣ въ его сочиненіи мы имѣемъ дѣло не съ сухимъ стилемъ хроники, а съ исполненнымъ живаго прагматизма изложеніемъ событій, въ которыхъ самъ авторъ принималъ дѣятельное участіе.

Можетъ быть еще большее значеніе получаетъ для насъ сочиненіе Никиты въ силу выдающейся важности эпохи, которую обнимаетъ его изложеніе. Крестовые походы выдвинули Византію на первый планъ всемірно-историческаго развитія и въ тоже время нанесли ей смертельный ударъ. Ѳ. И. Успенскій неоднократно указываетъ на односторонность, въ которую впадаютъ западные ученые, изучая ис-

торію крестовыхъ походовъ, преимущественно по западнымъ источникамъ. Сюда относящіяся факты весьма удачно группированы имъ въ его статьѣ «значеніе византійскихъ занятій въ изученіи средневѣковой исторіи», напечатанной въ XVI т. Записокъ новороссійскаго университета и воспроизводящей его вступительную лекцію въ нашемъ университетѣ.

Западными историками крестовыхъ походовъ вполнѣ было упущено изъ виду значеніе отношеній Византіи къ народамъ, населявшимъ восточную часть европейскаго материка, какъ славянскаго, такъ и азіятскаго происхожденія. Несмотря на то, эти отношенія играютъ выдающуюся роль въ исторіи Византіи и поэтому изученіе ихъ необходимо и для историка крестовыхъ походовъ. Новѣйшимъ сочиненіемъ Ѳ. И. Успенскаго разрѣшена для исторіи III и IV крестовыхъ походовъ приблизительно та же задача, какъ извѣстнымъ сочиненіемъ В. Г. Васильевскаго «Византія и печенѣги» для исторіи I-го. Основаніе втораго болгарскаго царства, при которомъ содѣйствіе половцевъ имѣло выдающееся значеніе, нанесло Византіи смертельный ударъ и облегчило латинцамъ ихъ задачу покоренія Константинополя; въ нѣсколько иномъ отношеніи набѣги печенѣговъ въ концѣ XI ст. вынудили византійскихъ императоровъ дать крестоносцамъ I крестоваго похода доступъ въ предѣлы имперіи и этимъ положить основаніе дальнѣйшему развитію вліянія запада на восточныя дѣла.

Такія событія, какъ взятіе Константинополя западными рыцарями, въ связи съ возобновленіемъ болгарскаго царства, имѣютъ, кромѣ чисто-историческаго, еще и очевидный современный интересъ. Тѣмъ въ бóльшую заслугу должно быть поставлено автору, что онъ ни на одну ми-

нуту не далъ себя увлечь въ этомъ направленіи и сохранилъ во всемъ своемъ изложеніи полную объективность. Къ числу вопросовъ, находящихся въ связи съ возобновленіемъ болгарскаго царства и имѣющихъ значеніе, выходящее за предѣлы исключительно болгарскаго развитія, принадлежитъ болгарскій церковный вопросъ, т. е. отношенія новаго болгарскаго царства къ папству и участіе секты богомиловъ въ болгарскомъ національномъ движеніи. Этимъ вопросамъ посвящена 8-я глава нашего сочиненія; авторъ показалъ при этомъ случаѣ особенно умѣнье относиться съ объективностію къ изслѣдуемому имъ историческому матеріалу. Движеніе богомиловъ — одинъ изъ самыхъ крупныхъ фактовъ южнославянскаго развитія, имѣвшій огромное вліяніе на религіозное развитіе западной Европы; съ полнымъ основаніемъ въ немъ видѣли источникъ всѣхъ позднѣйшихъ реформаціонныхъ движеній на западѣ. Прежніе ученые приписывали богомиламъ выдающееся значеніе при освобожденіи Болгаріи отъ византійскаго господства. Авторъ неопровержимо доказываетъ преувеличенность этихъ взглядовъ и приходитъ къ тому результату, что политическое значеніе богомиловъ было весьма ничтожно.

Главное содержаніе всего сочиненія заключается во второй части его, посвященной борьбѣ болгаръ за независимость отъ первыхъ ея зачатковъ до того момента, когда болгарское царство получило свое окончательное мѣсто въ системѣ новыхъ государствъ, образовавшихся на востокѣ— главнымъ образомъ имперій: латинской въ Константинополѣ и греческихъ въ Никеѣ и Трапезунтѣ. Такимъ образомъ, вторая часть сочиненія обнимаетъ періодъ отъ 1185 по 1207 годъ. Ей предпослана первая часть, въ которой, на основаніи писемъ болгарскаго архіепископа Ѳеофилакта и

отчасти сочиненій Евстафія солунскаго, дѣлается попытка воспроизвести административную, въ особенности церковно-административную систему византійскаго господства надъ покоренными славянскими народами. Въ этой части собрано много любопытныхъ данныхъ объ образованіи того элемента, который впослѣдствіи сталъ извѣстенъ подъ именемъ фанаріотовъ.

Между приложеніями въ концѣ книги обращаетъ на себя вниманіе въ особенности пятое. Въ немъ авторъ вдается въ разборъ вопроса о русскихъ поселеніяхъ на Дунаѣ и въ Трансильваніи. Посредствомъ очень смѣлаго, но очень остроумнаго объясненія одного мѣста Никиты Акомината, авторъ дѣлаетъ вѣроятнымъ, что въ немъ идетъ рѣчь о *бродникахъ*, этихъ первыхъ русскихъ казакахъ, которые такимъ образомъ принимали участіе въ борьбѣ болгаръ противъ Византіи въ 1186 году; это подтверждается упоминаніемъ бродниковъ въ трансильванскихъ актахъ XIII столѣтія.

Весь трудъ Ѳ. И. Успенскаго свидѣтельствуетъ о глубокомъ и тщательномъ изученіи источниковъ. На первомъ планѣ стоитъ, конечно, писатель, которому посвящена магистерская диссертація автора. Еще въ 1850 году знаменитый вѣнскій византистъ Тафель высказалъ убѣжденіе, что для болѣе глубокаго изученія византійской исторіи слѣдуетъ не ограничиваться, какъ то дѣлалось до тѣхъ поръ, собственно историческими сочиненіями, а черпать изъ дошедшей до насъ въ изобиліи литературы словъ на разные торжественные случаи, писемъ и т. д. Авторъ воспользовался этимъ совѣтомъ въ обширныхъ размѣрахъ. Уже пятая глава его магистерской диссертаціи посвящена анализу рѣчей и посланій Никиты, изданныхъ въ 1872 году Саѳою. Въ

его новѣйшемъ трудѣ этотъ способъ изученія эпохи примѣненъ еще съ большимъ успѣхомъ. Онъ съумѣлъ пролить новый свѣтъ на занимающія его событія, пользуясь рѣчами Никиты, а также его брата, аѳинскаго митрополита Михаила, отчасти уже изданными Саѳою, отчасти еще вовсе неизданными, и знакомствомъ съ которыми онъ былъ обязанъ, въ бытность его въ Парижѣ, предупредительности парижскаго византиниста Миллера. При этомъ ему приходилось преодолѣвать большія трудности при опредѣленіи времени и поводовъ, по которымъ были произнесены эти рѣчи; въ тоже время онъ долженъ былъ воспроизводить историческія событія по намекамъ, очень часто темнымъ и неопредѣленнымъ, заключающимся въ этихъ рѣчахъ. Не малую долю затрудненій представляетъ и греческій языкъ Никиты: стремленіе подражать классическимъ образцамъ въ эпоху, когда разговорный языкъ успѣлъ уже вполнѣ видоизмѣниться, сдѣлало пониманіе языка Никиты сопряженнымъ съ своеобразными затрудненіями.

Тоже самое научное направленіе, какъ въ разборѣ рѣчей Никиты въ занимающемъ насъ трудѣ Ѳ. И. Успенскаго, проявляется въ его статьяхъ въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія за текущій годъ, въ которыхъ онъ подвергаетъ историческому анализу нѣсколько еще неизданныхъ рѣчей брата Никиты Михаила Акомината.

Ѳ. И. Успенскій воспользовался своимъ двухлѣтнимъ пребываніемъ за границею, куда онъ былъ командированъ новороссійскимъ университетомъ, для плодотворныхъ занятій въ библіотекахъ. Само собою разумѣется, что онъ не упустилъ этого случая, чтобы ближе познакомиться съ рукописями Никиты Акомината, хранящимся въ вѣнской національной библіотекѣ. Нѣкоторыя данныя объ нихъ онъ со-

общилъ въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія (1877 г., ноябрь) и въ своемъ отчетѣ, напечатанномъ въ XXII т. Записокъ новороссійскаго университета. Кромѣ того, ему посчастливилось, во время пребыванія своего въ Лондонѣ и Оксфордѣ, познакомиться съ нѣкоторыми частью славянскими, частью румынскими рукописями, до сихъ поръ остававшимися неизвѣстными ученому міру. Онъ сообщилъ свои находки въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія (1878 г., сентябрь и ноябрь). Въ числѣ этихъ находокъ есть одна рукопись глаголическаго письма, принадлежащая къ числу очень рѣдкихъ, кромѣ того древнѣйшій изъ найденныхъ до сихъ поръ текстовъ, написанныхъ по-румынски. Изъ приписокъ какъ къ этой, такъ и къ другимъ (славянскимъ) рукописямъ Ѳ. И. Успенскій дѣлаетъ нѣкоторыя очень любопытныя заключенія о темныхъ вопросахъ болгарской исторіи XIV ст. и румынской XV и XVI столѣтій. — Въ заключеніе мы должны пожелать автору дальнѣйшей успѣшной дѣятельности въ той области, которую онъ избралъ для своихъ историческихъ изслѣдованій. Исторія Византіи, въ связи съ исторіей славянскихъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ, представляетъ такое обширное поприще для ученаго труда надъ источниками, отчасти еще ожидающими появленія на свѣтъ, что ей могутъ съ пользою и успѣхомъ быть посвящены всѣ силы труженика науки. Въ тоже время мы не можемъ не выразить надежды, что труды автора надъ такимъ интереснымъ и важнымъ писателемъ, какъ Никита Акоминатъ, приведутъ къ дальнѣйшимъ успѣшнымъ результатамъ на пользу исторической науки о Византіи.

Въ силу всего изложеннаго, мы имѣемъ честь предло-

жить историко-филологическому факультету избраніе Ѳ. И. Успенскаго въ экстраординарные профессоры».

Въ результатѣ произведеннаго засимъ баллотированія въ совѣтѣ г. Успенскаго въ экстраординарные профессоры по каѳедрѣ всеобщей исторіи получилось 19 голосовъ избирательныхъ и 2 неизбирательныхъ. *Опредѣлили:* просить ходатайства г. попечителя предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія объ утвержденіи доцента, доктора всеобщей исторіи Успенскаго экстраординарнымъ профессоромъ всеобщей исторіи съ 7-го мая 1879 года.

12. Представленіе историко-филологическаго факультета объ утвержденіи кандидата А. Смирнова въ степени магистра русской словесности. *Опредѣлили:* утвердить и выдать дипломъ.

13. Представленіе того же факультета о порученіи чтеній въ будущемъ академическомъ году исторіи греческой философіи исправляющему должность доцента Лебедеву по два часа въ недѣлю и ординарному профессору Кочубинскому—сравнительнаго языкознанія также по 2 часа въ недѣлю, съ соотвѣтствующимъ вознагражденіемъ. *Опредѣлили:* распоряженіе факультета о порученіи гг. Кочубинскому и Лебедеву чтенія лекцій по вакантнымъ каѳедрамъ утвердить и просить разрѣшенія г. попечителя производить имъ установленное вознагражденіе въ размѣрѣ 225 рублей за годовую лекцію.

14. Прошеніе архитектора университета Константинова объ увольненіи его отъ службы, по семейнымъ обстоятельствамъ. *Опредѣлили:* представить г. попечителю объ увольненіи архитектора Константинова отъ службы, согласно его прошенію.

15. Представленіе правленія о высылкѣ, по просьбѣ

ректора петербургскаго университета, для пользованія заслуженному профессору, академику И. И. Срезневскому «глаголитскихъ рукописей», доставшихся университету отъ профессора В. И. Григоровича. *Опредѣлили:* отложить до будущаго засѣданія совѣта и навести справки, согласно-ли съ волею жертвователя выдавать рукописи для пользованія на сторону.

16. Отношеніе совѣта Императорскаго общества сельскаго хозяйства южной Россіи съ препровожденіемъ бронзовой медали въ память 50-ти лѣтняго юбилея общества 20 декабря 1878 г.

При этомъ доложено, что медаль передана въ минцъ-кабинетъ. *Опредѣлили:* увѣдомить совѣтъ общества о полученіи.

17. Проектъ раздѣла между преподавателями суммы, внесенной посторонними лицами за право слушанія лекцій во 2-й половинѣ 1878 — 79 учебнаго года. *Опредѣлили:* утвердить.

Засѣданіе 31-го мая.

Присутствовали 16 профессоровъ.

Слушали:

2. Сообщенныя канцеляріей г. попечителя одесскаго учебнаго округа, въ отношеніяхъ отъ 16 и 17 сего мая за №№ 4670 и 4675, распоряженія г. управляющаго одесскимъ учебнымъ округомъ объ увольненіи, по прошеніямъ, отъ службы секретаря правленія коллежскаго асессора Марченко и архитектора Константинова.

При этомъ доложено, что объ увольненіи отъ службы гг. Марченко и Константинова сообщено уже въ правленіе. *Опредѣлили*: за сдѣланнымъ распоряженіемъ принять къ свѣдѣнію.

3 Препровожденныя при отношеніяхъ канцеляріи г. попечителя одесскаго учебнаго округа отъ 16 и 19 мая за №№ 4614 и 4720 копіи предложеній г. министра народнаго просвѣщенія:

а) отъ 4-го мая за № 4881, по Высочайшему повелѣнію, о производствѣ уволенному въ отставку, за выслугою срока, бывшему ординарному профессору новороссійскаго университета, дѣйствительному статскому совѣтнику Богдановскому, за чтеніе имъ лекцій въ университетѣ по каѳедрѣ уголовнаго права, вознагражденія въ размѣрѣ оклада содержанія ординарнаго профессора до конца текущаго академическаго года изъ штатныхъ суммъ новороссійскаго университета; и

б) отъ 3-го мая за № 4718 о послѣдовавшемъ, въ 30-й день апрѣля, Высочайшемъ соизволеніи на зачисленіе г. Богдановскому, на званіе заслуженнаго профессора, преподавательской службы его въ бывшемъ ришельевскомъ лицеѣ, въ таковую же службу въ новороссійскомъ университетѣ, и что на семъ основаніи г. министръ утвердилъ г. Богдановскаго въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора.

При этомъ доложено, что копія предложенія отъ 4-го мая передана въ правленіе. *Опредѣлили*: принявъ къ свѣдѣнію, внести утвержденіе въ званіи заслуженнаго профессора въ аттестатъ объ отставкѣ.

Отношенія канцеляріи г. попечителя одесскаго учебнаго округа:

4. Отъ 17-го мая за № 4676 объ утвержденіи г. управляющимъ одесскимъ учебнымъ округомъ заслуженнаго ординарнаго профессора петербургскаго университета, тайнаго совѣтника И. И. Срезневскаго въ званіи почетнаго члена новороссійскаго университета. *Опредѣлили*: препроводить заслуженному профессору Срезневскому дипломъ на званіе почетнаго члена.

5. — за № 4677 о разрѣшеніи производить вознагражденіе и. д. доцента Лебедеву и ординарному профессору Кочубинскому, за порученное имъ чтеніе въ будущемъ академическомъ году лекцій по вакантнымъ каѳедрамъ, въ размѣрѣ 225 рублей каждому за годовую лекцію. *Опредѣлили*: копію съ настоящаго предложенія сообщить въ правленіе университета.

6. — № 4679 объ утвержденіи экстраординарнаго профессора Лигина ординарнымъ профессоромъ по занимаемой имъ каѳедрѣ механики съ 11-го марта 1879 года. *Опредѣлили*: сообщить въ физико-математическій факультетъ и въ правленіе университета.

7. Отъ 21-го мая за № 4738 съ препровожденіемъ циркулярнаго предложенія министерства касательно помѣщенія въ годовыхъ отчетахъ свѣдѣній о числѣ лицъ, командируемыхъ за границу для приготовленія къ профессорскому званію. *Опредѣлили*: принять къ исполненію.

8. Представленія историко-филологическаго, физико-математическаго и юридическаго факультетовъ о результатахъ переводныхъ и окончательныхъ испытаній, объ утвержденіи окончившихъ съ успѣхомъ курсъ въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ и о назначеніи студентамъ стипендій. *Опредѣлили*: опредѣленія факультетовъ о переводѣ студентовъ въ высшіе курсы утвердить; окончившихъ курсъ съ успѣхомъ,

согласно удостоенію факультетовъ, утвердить въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ, за исключеніемъ лицъ, принадлежащихъ къ податному сословію, объ исключеніи которыхъ изъ подушныхъ окладовъ предварительно снестись съ подлежащими казенными палатами; вопросъ о распредѣленіи стипендій передать въ правленіе университета.

9. Представленія факультетовъ о назначеніи на будущій академическій годъ темъ на соисканіе премій:

Историко-филологическимъ факультетомъ по каѳедрѣ теоріи и исторіи искусствъ: «русскій народный историческій элементъ».

Физико-математическимъ: по математикѣ: «о суммированіи рядовъ помощью опредѣленныхъ интеграловъ съ примѣненіемъ къ интегрированію тѣхъ обыкновенныхъ диференціальныхъ уравненій, къ которымъ приводится вопросъ о равновѣсіи и движеніи тепла въ тѣлахъ, ограниченныхъ поверхностями 2-го порядка»; по ботаникѣ: «вліяніе внѣшнихъ условій на размноженіе водорослей и грибовъ».

Юридическимъ по каѳедрѣ политической экономіи и статистики: «значеніе и виды спеціальныхъ учрежденій для поземельнаго кредита». *Опредѣлили*: утвердить.

10. — Объ утвержденіи распредѣленія лекцій на будущій академическій годъ. *Опредѣлили*: утвердить.

11. Представленія физико-математическаго и юридическаго факультетовъ о порученіи въ будущемъ академическомъ году чтенія лекцій по вакантнымъ каѳедрамъ — физической географіи профессору Шведову, — государственнаго права профессору Леонтовичу, — международнаго права профессору Шпилевскому, — каноническаго права исправляющему должность профессора православнаго богословія Кудрявцеву съ установленнымъ вознагражденіемъ изъ штат-

ной суммы. *Опредѣлили*: сдѣланныя факультетами распоряженія о порученіи чтенія лекцій по вакантнымъ каѳедрамъ утвердить и просить разрѣшенія г. попечителя одесскаго учебнаго округа производить профессорамъ Шведову, Леонтовичу, Шпилевскому и Кудрявцеву вознагражденіе каждому по 225 рублей за годовую лекцію.

12. Отложенное до настоящаго засѣданія представленіе правленія о высылкѣ академику Срезневскому глаголитскихъ рукописей. *Опредѣлили*: рукопись не высылать.

13. Представленіе правленія о выдачѣ уволенному отъ службы секретарю правленія Марченко въ единовременное пособіе 200 рублей изъ суммы сбора за матрикулы.

Закрытою баллотировкой рѣшено единогласно выдать г. Марченко триста рублей, согласно предложенію, сдѣланному въ совѣтѣ. *Опредѣлили*: сообщить въ правленіе университета о выдачѣ г. Марченко трехсотъ рублей въ пособіе изъ матрикульныхъ суммъ.

14. Сообщеніе копенгагенскаго университета слѣдующаго содержанія:

Universitatis Hauniensis
Rector et Senatus Academicus
Universitati Odessense
S.

Universitas nostra, calendis Iuniis a MCCCLXXIX condita, quatra secularia sic agere decreverat, ut dexteras universitates doctorumque hominum societates ad legatos mittendos invitaret, qui festis solennibus interessent. Id consilium quoniam graves causae cum dolore patriae conjunctae impediverunt, nolumus tamen a vobis ignorari, secularia nostra, quamquam minore pompa, rite peractum iri. Scripta ad festam laetitiam testandam edita nummumque memoriae ergo cusum propediem

ad vos mittemus, quae ut benevolis animis accipiatis, et in partem votorum pro salute universitatis nostrae susceptorum veniatis, observanter rogamus. — Dabamus Hauniae d. XXIX nensis Mai a MCCCLXXIX. — *Определили*: послать привѣтственный адрессъ копенгагенскому университету, поручивъ изготовить таковой профессору Юргевичу; ректору университета Мадвигу выслать дипломъ на званіе почетнаго члена, по утвержденіи его въ семъ званіи г. попечителемъ. — При подписаніи гг. присутствовавшими членами совѣта настоящаго протокола сдѣланы оговорки: профессоромъ Вальцемъ: «при отдѣльномъ мнѣніи по 12-й статьѣ»; проф. Леонтовичемъ: «присоединяюсь къ особому мнѣнію проф. Вальца по 12-й статьѣ».

II. Часть ученая.

Электропроводность газовъ.

Магистранда Θ. М. Цомакіона.

ГЛАВА I.

Обзоръ литературы вопроса объ электропроводности газовъ.

Вопросъ о теплотѣ искры электрической въ соединеніи съ вопросомъ объ электропроводности газовъ всегда представлялъ и теперь представляетъ одинъ изъ интересныхъ и наиболѣе трудно разрѣшимыхъ вопросовъ въ наукѣ. За него принимались весьма многіе физики разныхъ временъ и почти никогда не приходили къ какимъ нибудь опредѣленнымъ выводамъ, особенно относительно электропроводности газовъ. Относительно послѣдняго вопроса существуютъ въ наукѣ самыя разнородныя представленія, и до сихъ поръ нельзя еще положительно сказать, какой изъ газовъ нужно считать наилучшимъ проводникомъ электричества, точно такъ, какъ нельзя сказать, какъ измѣняется электропроводность газовъ съ измѣненіемъ температуры и давленія. Даже относительно разсѣянія электричества въ газахъ существуютъ нѣсколько смутныя представленія, особенно относительно разсѣянія электричества въ газахъ влажныхъ; послѣдній способъ изолированія подставокъ, придуманный Маскаромъ [1]), показалъ, что большая потеря электричества даже во влажныхъ газахъ, влажномъ воздухѣ должна быть приписана

[1]) Mascart. Journal de Physique, T. VII, № 79, p. 217. *Supports isolants.*

большею своею частью слою влаги, осаждающемуся на изолирующихъ подставкахъ и, что при хорошемъ ихъ высушиваніи, коэфиціентъ потери электричества въ газѣ становится ничтожнымъ.

Между тѣмъ относительно другихъ свойствъ газовъ мы имѣемъ весьма точныя изслѣдованія, подтвержденныя теоретическими данными, выведенными изъ основаній кинетической теоріи газовъ; намъ извѣстенъ механизмъ весьма многихъ явленій, совершающихся въ газахъ при различныхъ условіяхъ, въ которыхъ можетъ находиться газъ; опытъ и теорія идутъ согласно, рука объ руку. Относительно-же механизма электрическаго разряда нужно сказать положительно: намъ неизвѣстно рѣшительно ничего!

Если къ этому прибавить еще отсутствіе числовыхъ опытныхъ данныхъ относительно электропроводности газовъ, то вопросъ представляется весьма далекимъ отъ своего разрѣшенія. Но онъ далекъ отъ разрѣшенія вовсе не потому, чтобы онъ былъ забытъ въ наукѣ; попытки разрѣшить его такимъ или инымъ способомъ непрерывны, все новыя изслѣдованія накопляютъ массы опытнаго матеріала. И понятно, почему физики сильно интересуются этимъ вопросомъ; статья о газахъ есть одна изъ наиболѣе обработанныхъ въ наукѣ: мы имѣемъ представленіе о томъ, что происходитъ съ частицами газа, когда газъ сжимается, охлаждается и т. д.; опытныя изслѣдованія Мейера, Томсона, Стефана, Варбурга и др., подтвержденныя теоретическими выводами относительно коэфиціентовъ теплопроводности, внутренняго тренія и другихъ свойствъ газовъ, прочно установили въ наукѣ кинетическую теорію газовъ и паровъ; эти изслѣдованія дали возможность вычислить длину пути, величины частицъ, ихъ вѣсъ и количество ихъ, помѣщающееся въ объемѣ одного кубическаго миллиметра. Можно сказать, что механизмъ всѣхъ явленій, совершающихся въ газахъ сталъ яснымъ на основаніи кинетической теоріи газовъ; остается еще неразрѣшеннымъ вопросъ объ электропроводности газовъ.

Мы увидимъ позже, что было нѣсколько попытокъ объяснить механизмъ электрическаго разряда на основа-

ніи кинетической теоріи газовъ; было сдѣлано также нѣсколько попытокъ для объясненія потери электричества въ газахъ различной плотности помощью кинетической теоріи газовъ. Послѣдняя попытка увѣнчалась нѣкоторымъ успѣхомъ; явилась возможность даже составить уравненіе, выражающее количество электричества, отнимаемое частицами газа, окружающими данное наэлектризованное тѣло въ зависимости отъ температуры и давленія. Попытка эта принадлежитъ Бобылеву [1]); его теоретическіе выводы подтверждены были въ качественномъ отношеніи опытными данными относительно воздуха и водорода различной плотности.

Мы уже замѣтили выше, что электропроводность газовъ есть одинъ изъ такихъ вопросовъ въ наукѣ, о которомъ существуютъ самыя смутныя и смѣшанныя представленія. До сихъ поръ напр. физики не условились, что́ собственно считать электропроводностью газовъ и относить ли ихъ къ проводникамъ или къ изоляторамъ, такъ какъ они, повидимому, обладаютъ свойствами тѣхъ и другихъ. Насколько смутны и смѣшаны представленія относительно электропроводности и электрическаго сопротивленія газовъ, покажетъ намъ разсмотрѣніе опытныхъ данныхъ, полученыхъ различными наблюдателями въ разное время. Прежде всего разсмотримъ изслѣдованія относительно разстоянія, при которомъ происходитъ разрядъ электричества въ газахъ различной плотности, температуры и химическихъ свойствъ, и посмотримъ, какое составилось на основаніи этихъ опытныхъ данныхъ представленіе объ электропроводности и сопротивленіи газовъ при различныхъ условіяхъ и насколько согласно такое представленіе, основанное на этихъ данныхъ, съ представленіемъ вообще объ электропроводности тѣлъ.

Первое и самое важное явленіе въ электрической искрѣ есть ея длина при разнообразныхъ условіяхъ разряда. Экспериментальныя изслѣдованія, какъ новыхъ, такъ и старыхъ физиковъ показали, что эта длина зависитъ отъ напряженія элек-

---

[1]) Бобылевъ. О разсѣяніи электричества въ газахъ.

тричества, поверхности конденсатора, вещества изолирующей пластинки конденсатора, давленія, температуры и природы среды, въ которой происходитъ разрядъ. Вопросъ о длинѣ искры при различныхъ условіяхъ и отъ различныхъ источниковъ электричества нельзя считать вопросомъ рѣшеннымъ, такъ какъ до сихъ поръ еще появляются все новыя изслѣдованія о длинѣ искры въ различныхъ газахъ. Относительно длины искры въ зависимости отъ силы разряда мы имѣемъ изслѣдованія Гарриса [1]), Рисса [2]), Кнохенгауера [3]), Томсона [4]), Гогена [5]), Видемана и Рюльмана [6]), Варренъ де ла Рю и Гюго Мюллера [7]).

Во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ измѣнялись, какъ источникъ электричества, такъ и форма электродовъ, между которыми происходила искра. Такъ напримѣръ у Варенъ де ла Рю и Мюллера источникомъ электричества служила батарея изъ хлористаго серебра, состоящая изъ 8000 элементовъ и дававшая искры до 10 м. м. длины, а потомъ батарея въ 11000 элементовъ. Оказалось, что нельзя найти, или нѣтъ опредѣленнаго закона, по которому измѣнялась-бы длина искры съ измѣненіемъ величины разности потенціала. При однихъ и тѣхъже электродахъ длина искры пропорціональна разности потенціала, если только эта длина не меньше 1 м. м. При малыхъ длинахъ искръ отношеніе между величиной потенціала и длиной искры весьма быстро увеличивается; помѣрѣ увеличенія длины искры отношеніе между разностью потенціала и длиной искры уменьшается и стремится къ опредѣленному предѣлу, какъ показали опыты Маскара [8]) надъ разрядомъ батареи, расположенной по каскадамъ. Всѣ изслѣдованія согласны въ томъ, что форма электродовъ имѣетъ весьма важное вліяніе на длину искры;

[1]) Harris Phil. Trans. p. 225, 1834.

[2]) Riess Reibungselectricität.

[3]) Annales de Chimie et de Physique, 3-me série t. XVII p. 78.

[4]) Reprint of papers p. 247.

[5]) Gaugain Ann. de Chimie et de Physique 4-me série t. VIII p. 75.

[6]) Poggend. Annal. B. CXLV p. 235 и 364.

[7]) Warren de la Rue et Hugo Muller Annal. de Chimie et de Physique série V t. XIII p. 433 et t. V p. 282.

[8]) Mascart. Traité d'Electricité Statique T. II p. 87.

кромѣ того доказано, что при разрядѣ между дискомъ и остріемъ весьма большое значеніе имѣетъ то обстоятельство, какимъ электричествомъ заряжено остріе и дискъ. Въ изслѣдованіяхъ Варренъ де ла Рю и Мюллера оказывается, что если разрядъ происходитъ между шариками неравнаго радіуса, то длина искры почти пропорціональная разности потенціала, когда эта длина не меньше 0,8м. м.; но когда разрядъ происходитъ между остріемъ и дискомъ или между двумя остріями, то длина искры дѣлается пропорціональна квадрату числа элементовъ. Почти къ такимъ-же результатамъ пришелъ Гогенъ, экспериментируя съ батареями. Замѣчательно, что если вычислить на основаніи опытовъ Томсона, въ которыхъ величина потенціала выражена въ абсолютныхъ единицахъ, какъ велико «давленіе электричества на окружающій воздухъ», по формулѣ Томсона, предполагая, что при очень большихъ длинахъ искръ существуетъ пропорціональность между длиною искры и величиною потенціала на электродѣ и что кондукторъ, слѣдовательно, настолько удаленъ отъ другаго, что вліяніе послѣдняго ничтожно,—то оказывается, что это давленіе равно 3-мъ граммамъ на квадратный сантиметръ или почти тремъ сотымъ одной атмосферы. Когда, слѣдовательно, потенціалъ уединеннаго проводника на столько великъ, что электричество разряжается черезъ землю длинной искрой, то давленіе электричества на окружающій воздухъ равно ничтожно малой долѣ атмосфернаго давленія. Во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ предполагалось, что разрядъ происходитъ въ воздухѣ обыкновеннаго атмосфернаго давленія; но Гаррисъ, Риссъ, Кнохенгауеръ[1]), Массонъ[2]), Видеманъ и Рюльманъ производили опыты надъ разрядомъ электричества въ газахъ разрѣженныхъ. Результаты этихъ изслѣдованій заключаются въ томъ, что длина искры увеличивается помѣрѣ уменьшенія упругости газа и длина искры обратно пропорціональна давленію газа въ разрядникѣ; это относится, какъ къ газамъ разрѣженнымъ, такъ и къ сжатымъ при

[1]) Pogg. Ann. B. LVIII p. 219.

[2]) Annales de Chimie et de Phytique 3-me série t. XXX p. 41.

томъ однако условіи, что разрѣженіе и сжатіе газа не переходитъ извѣстнаго предѣла, за которымъ законъ перестаетъ быть справедливымъ. Особенно многочисленны наблюденія Видемана и Рюльмана надъ разрядомъ электричества въ разрѣженныхъ газахъ. Работа эта особенно важна въ томъ отношеніи, что методъ наблюденія этихъ изслѣдователей отличался отъ метода другихъ; обыкновенно въ этихъ изслѣдованіяхъ электроды разрядника помѣщались въ сосудѣ, гдѣ газъ разрѣжался, и передъ разрядомъ опредѣлялся потенціалъ электродовъ при извѣстномъ ихъ разстояніи. Въ цитируемой работѣ опредѣлялось количество электричества, какое необходимо для каждаго частнаго разряда при извѣстномъ давленіи и разстояніи электродовъ, такъ-что искра машины Гольца разсматривалась при помощи быстро вращающагося зеркала, гдѣ она представлялась рядомъ свѣтлыхъ линій, при чемъ при помощи особенныхъ приборовъ опредѣлялось угловое разстояніе между двумя рядомъ стоящими линіями, которое пропорціонально количеству электричества, необходимому для разряда и измѣряемому во время измѣреній гальванометромъ (въ цѣпи не было конденсатора).

Видеманъ и Рюльманъ въ своихъ изслѣдованіяхъ даютъ нѣсколько формулъ чисто эмпирическихъ, выражающихъ зависимость между количествомъ электричества и длиной искры при неизмѣнномъ давленіи газа, а также и зависимость между длиной искры и давленіемъ газа. Формулы эти не имѣютъ никакого теоритическаго значенія и служатъ только для того метода и въ тѣхъ предѣлахъ давленія, въ которыхъ производили свои изслѣдованія Видеманъ и Рюльманъ.

Изъ чиселъ, полученныхъ ими, оказывается, что при одномъ и томъ-же разстояніи электродовъ въ разрядникѣ отношеніе между давленіемъ газа и количествомъ электричества, необходимаго для каждаго отдѣльнаго разряда, которое должно быть постояннымъ, если законъ пропорціональности между длиною искры и давленіемъ справедливъ, какъ это вытекаетъ изъ опытовъ Гарриса, Риса и Кнохенгауера, не остается постояннымъ, а увеличивается и стремится къ опредѣленному предѣлу

по мѣрѣ увеличенія давленія. Экспериментируя съ другими газами, Видеманъ нашелъ такое-же отношеніе между длиной искры и давленіемъ. Другіе изслѣдователи, какъ Доберейнеръ[1]) и Кальете[2]) нашли, что, напротивъ, при увеличеніи давленія выше атмосфернаго длина искры дѣлается меньше; такъ: искра длиною въ 30 сентим. уменьшилась до $^1/_2$ милл. въ сухомъ воздухѣ при 30—40 атмосферахъ давленія. Гассіотъ, Гитторфъ[3]) и Варренъ де ла Рю тремя различными способами нашли такое предѣльное состояніе газа, при которомъ не происходитъ разряда при весьма маломъ разстояніи электродовъ (около $^1/_2$ м. м.). Первый приготовлялъ трубки слѣдующимъ образомъ: онъ выкачивалъ сначала ртутнымъ насосомъ угольную кислоту, наполнявшую трубку, въ которой находился также хорошо просушенный ѣдкій натръ; затѣмъ, отдѣливъ трубку отъ насоса, онъ расплавлялъ натръ, который поглощалъ остальную угольную кислоту. Гитторфъ, а теперь Альвернья приготовляютъ такія пустыя трубки, окружая ихъ во время выкачиванія парами сѣры или сѣрнистаго фосфора, т. е. при температурѣ — 447° или 530° ц. Варренъ де ла Рю наполнялъ трубки водородомъ, выкачивалъ его и затѣмъ соединялъ эти трубки съ камерой, гдѣ находился губчатый палладій, который поглощалъ оставшійся послѣ выкачиванія водородъ. Въ такихъ трубкахъ не происходитъ разряда при разстояніи электродовъ въ $^1/_2$ м. м. тогда какъ въ воздухѣ при тѣхъ-же условіяхъ длина искры была равна 16 стм. Особенно важнымъ здѣсь представляется вопросъ о томъ, до какого предѣла давленія увеличивается длина искры. Гитторфъ[3]) стремится доказать, что причина непреодолимаго сопротивленія электричеству заключаетъ не столько въ томъ, что трубки абсолютно пусты, сколько въ размѣрахъ самыхъ трубокъ и относительномъ положеніи отрицательнаго и положительнаго электродовъ. Онъ сдѣлалъ много опытовъ, изъ которыхъ

---

[1]) Schweiger — Journ. t. LXII p. 89.
[2]) Comptes rendus de l'académie des sciences t LXXIV p. 1282.
[3]) Poggen. Annal. B. 136 1869 г.

оказывается, что если отрицательный электродъ находится въ узкой части трубки, а положительный въ широкой, то при сильныхъ разрѣженіяхъ, хотя, впрочемъ, не при такихъ, при какихъ приготовлялись вышеозначенныя трубки, разрядъ не происходилъ въ одномъ направленіи и проходилъ сравнительно легко въ противуположномъ; затѣмъ, если въ трубкѣ находятся электроды въ такомъ относительномъ положеніи, что есть близкія и далекія точки между ними, то при разрядѣ электричество проходитъ на большемъ разстояніи. Но я считаю нужнымъ замѣтить, что, по моему мнѣнію, опыты Гитторфа не доказываютъ, что сопротивленіе пустыхъ трубокъ зависитъ отъ размѣровъ ихъ и положенія электродовъ.

Въ изслѣдованіи Варренъ-де-ла-Рю и Мюллера между прочимъ указывается предѣльное давленіе газа наибольшее и наименьшее, при которомъ можетъ происходить разрядъ при извѣстной электровозбудительной силѣ. Какъ уже было упомянуто выше, эти изслѣдователи производили свои опыты съ батареею изъ хлористаго серебра, состоящею изъ 11000 элементовъ. Разрядныя трубки соединялись съ насосомъ Альверньа, затѣмъ съ насосомъ Шпренгеля, и потомъ съ камерой съ губчатымъ палладіемъ и наконецъ съ приборомъ M. Leod [1]), посредствомъ котораго можно было измѣрять давленіе до 0,00005 м. м.. Въ числѣ выводовъ изъ изслѣдованій надъ разрядомъ электричества чрезъ разрѣженные газы находится слѣдующее: «по мѣрѣ того, какъ давленіе газа уменьшается, электровозбудительная сила, необходимая для произведенія непрерывнаго тока сначала уменьшается, затѣмъ увеличивается, доходя до такого давленія, при которомъ никакая электровозбудительная сила не въ состояніи произвести разряда». Такимъ образомъ maximum давленія, въ трубкѣ, въ которой электроды были на разстояніи 29 дюймовъ другъ отъ друга,—19 м. м. для батареи въ 8040 элементовъ; minimum давленія, при которомъ прекращался разрядъ совершенно, было $\frac{11}{1000000}$ атмосферы или

[1]) Phil. Magz. août 1874.

0,0083 м. м. для 8040 и $\frac{3}{1000000}$ атмосферы или 0,00228 м. м. для 11000. Когда давленіе достигло 0,000055 м. м. вслѣдствіе поглощенія губчатымъ палладіемъ, то разрядъ индуктивной катушки, дававшей въ обыкновенномъ воздухѣ искру въ нѣсколько дюймовъ длины, не могъ пройти въ трубкѣ. Изслѣдованія Варенъ-де-ла-Рю и Мюллера весьма важны, какъ по точности измѣреній, такъ и по результатамъ, къ какимъ они пришли относительно сопротивленія газовъ; мы еще возвратимся къ нимъ нѣсколько позже. Переходимъ теперь къ вліянію температуры на длину искры при разрядѣ электричества. Всѣ физики согласны въ томъ предположеніи, что газы сильно нагрѣтые, точно такъ-же, какъ и пары должны лучше проводить электричество, нежели газы холодные. Предположеніе это основывается на многихъ фактическихъ данныхъ, каковы, напримѣръ, потеря электричества тѣломъ, когда около него проходитъ токъ нагрѣтаго газа; если подъ электризованнымъ тѣломъ подставить кусокъ желѣза, нагрѣтаго до краснаго каленія, то тѣло быстро приходитъ въ естественное состояніе подъ вліяніемъ тока нагрѣтаго газа, поднимающагося постепенно вверхъ (Контонъ). Токъ водяныхъ паровъ, или поднимающаяся копоть свѣчи могутъ наэлектризировать электроскопъ, находящійся на далекомъ разстояніи надъ машиной (Геплей[1]). Грове, Ферне,[2]) де ла Ривъ[3]) многими другими фактами убѣждались въ лучшей проводимости газовъ и паровъ въ нагрѣтомъ состояніи; изслѣдованія Гитторфа[4]) несомнѣнно доказали, что раскаленные газы и пары хорошо проводятъ электричество. Что же касается до вліянія температуры на длину искры при разрядѣ, то существуютъ изслѣдованія Гарриса[5]), которыя убѣждаютъ, что длина искры не измѣняется при нагрѣваніи газа до 148°, если только при этомъ плотность газа остается по-

¹) Cavallo, Traité d'éléctricité p. 249
²) Comptes rendus de l'Académie des sciences t. LIX p. 1005.
³) Annales de Chimie et de Physique 4-m série t. VIII p. 437.
⁴) Poggend. Ann. B. 136 1869.
⁵) Phil. trans: 1834 part. II p. 229.

стоянною. Электроды были вмазаны въ стеклянный шаръ, и сначала опредѣлялось количество электричества, какое нужно для разряда при обыкновенной температурѣ, затѣмъ кранъ шара запирался и шаръ нагрѣвался до 148°, и количество электричества при этомъ нисколько не измѣнялось; если же при этомъ открыть быстро кранъ, то количество элетричества уменьшается вслѣдствіе того, что нѣкоторая часть газа выйдетъ и въ шарѣ останется газъ меньшей плотности. Къ такимъ-же результатамъ пришелъ и Видеманъ[1]) нагрѣвая трубки, въ которыхъ происходилъ разрядъ почти до плавленія стекла. Если, поэтому, судить о проводимости газовъ по длинѣ искры, то оказывается довольно невѣроятный результатъ, что эта проводимость не зависитъ отъ температуры. Между тѣмъ теплопроводность, которая выражается почти одними и тѣми-же числами для твердыхъ и для жидкихъ тѣлъ, зависитъ отъ температуры для всѣхъ тѣлъ, а для газовъ, завися отъ температуры, не зависитъ отъ давленія, какъ, согласно съ выводами кинетической теоріи газовъ, показали опытныя изслѣдованія Нарра, Стефана, Больцмана и другихъ. Мы еще возвратимся нѣсколько позже снова къ этому вопросу. Если производить разрядъ въ газахъ различной природы и различнаго химическаго состава, взятыхъ при одинаковыхъ температурахъ и давленіи, то длина искры измѣняется вмѣстѣ съ природою газовъ.

Изслѣдованія Фарадея[2]) показываютъ, что длина искры, при одинаковыхъ прочихъ условіяхъ, различна въ различныхъ газахъ, что она короче всего въ водородѣ и длиннѣе всего въ хлористомъ водородѣ. Фарадей назвалъ числа, выражающія длину искры въ различныхъ газахъ, принимая длину искры въ воздухѣ за единицу, сравнительнымъ сопротивленіемъ газовъ или изолирующею способностью газовъ; изъ этого слѣ-

---

[1]) Wiedemann, Ueber die Gesetze des Durchgangs der Electricität durch die Gase. Poggend. Annal. B. CLVIII 1876 p. 68.

[2]) Exp. Researches. t. I p. 440.

дуетъ заключить, что водородъ, въ которомъ длина искры почти вдвое меньше, чѣмъ въ воздухѣ, слѣдовательно вдвое лучше проводитъ электричество и обладаетъ вдвое меньшею изолирующею способностью. Кромѣ изслѣдованій Фарадея существуютъ еще изслѣдованія Рёнтгена [1]) относительно разряда въ различныхъ газахъ. Этотъ изслѣдователь пытался опредѣлить зависимость между физическими свойствами изоляторовъ и разностью потенціала, необходимаго для произведенія разряда. Работа эта заслуживаетъ вниманія еще и потому, что въ ней въ первый разъ мы видимъ попытку найти зависимость между длиной искры и нѣкоторыми числовыми данными, выведенными изъ основаній кинетической теоріи газовъ. Рёнтгенъ опредѣлялъ минимумъ потенціала, необходимаго для разряда эликтричества машины Гольца въ одномъ и томъ-же газѣ при различныхъ давленіяхъ и въ различныхъ газахъ при однихъ и тѣхъ-же давленіяхъ, а также и зависимость между количествомъ электричествъ и минимумомъ потенціала на электродахъ, между которыми происходилъ разрядъ. Изъ его изслѣдованій оказывается, что минимумъ потенціала, какой необходимъ для разряда въ различныхъ газахъ, взятыхъ при однѣхъ и тѣхъже давленіяхъ, меньше всего для водорода и больше всего для углекислоты; если ихъ расположить въ рядъ возрастающихъ величинъ минимума потенціала, то порядокъ будетъ такой: водородъ, кислородъ, окись углерода, болотный газъ, закись азота и углекислота. Авторъ прибавляетъ, что если газы расположить въ рядъ, въ которомъ-бы длина пути газовой частицы между двумя послѣдовательными столкновеніями уменьшалась, то порядокъ газовъ былъ-бы тотъ-же; изъ этого слѣдуетъ заключить, что если величина минимума потенціала измѣряетъ изолирующую способность газа, то эта изолирующая способность будетъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше длина пути газовой частицы между двумя послѣдовательными столкновенія-

[1]) Röntgen, Décharge électrique dans les isolants. Jornal de Physique t. VII №° 81 1878.

ми; а такъ-какъ эта длина зависитъ отъ скорости поступательнаго движенія частицъ газа и отъ массы частицъ, то можно сказать, что изолирующая способность газа тѣмъ больше, чѣмъ меньшею скоростью обладаетъ его частицы или чѣмъ больше его частицы. Если взять произведеніе минимума потенціала на длину пути газовой частицы между двумя послѣдовательными столкновеніями, то получаются числа довольно постоянныя. Рёнтгенъ получилъ такой рядъ чиселъ для двухъ давленій въ 205 м. м. и 110 м. м.. Числа, полученныя такимъ образомъ, отличаются другъ отъ друга весьма незначительно. Рёнтгенъ кромѣ того нашелъ, что минимумъ потенціала, необходимаго для разряда во влажномъ воздухѣ *болѣе* нежели въ сухомъ и что слѣдовательно, изолирующая способность влажнаго воздуха больше, нежели сухаго — результатъ, противурѣчащій общепринятому мнѣнію, что влажныя газы суть проводники электричества, но согласный съ мнѣніемъ Томсона[1]), что пары воды превосходный изоляторъ.

Прибавимъ нѣсколько словъ еще относительно искры въ жидкостяхъ. Извѣстно, что искру можно получить и въ жидкостяхъ. Искру въ жидкостяхъ сопровождаютъ сильныя механическія дѣйствія даже въ томъ случаѣ, если жидкость, въ которой будетъ происходить разрядъ въ формѣ искры, будетъ находиться въ широкомъ открытомъ сосудѣ. Нѣсколько такихъ опытовъ было произведено мною при слѣдующихъ условіяхъ: я бралъ стеклянную толстостѣнную воронку большаго калибра и въ узкое горло воронки вмазывалъ мѣдную проволоку, оканчивающуюся внутри воронки маленькимъ шарикомъ; затѣмъ воронка укрѣплялась неподвижно на штативѣ широкимъ концомъ вверхъ, наливалось въ нее терпентинное масло, и сверху на другомъ изолирующемъ штативѣ укрѣплялся другой мѣдный шарикъ на проволокѣ такъ, чтобы онъ былъ нѣсколько погруженъ въ жидкость и чтобы разстояніе между шариками въ

---

[1]) Reprint of papers.

жидкости было не болѣе 5 миллиметровъ. Если съ этими шариками соединить проволоки отъ внутренней и внѣшней оболочки четырехъ большихъ лейденскихъ банокъ, заряженныхъ машиною Гольца, то при сильномъ зарядѣ получается въ жидкости блестящая искра; при этомъ почти всегда послѣ перваго разряда воронка разлеталась въ дребезги, оставалась въ цѣлости только одна трубка. О такихъ-же явленіяхъ разряда въ жидкостяхъ говоритъ Маскаръ [1]). Массонъ [2]) опредѣлялъ длину искры въ различныхъ жидкостяхъ и сравнивалъ эту длину съ длиною искры въ воздухѣ при тѣхъ-же условіяхъ разряда; способъ, который употреблялъ Массонъ, сходенъ съ тѣмъ, который употреблялъ Фарадей для сравнительнаго опредѣленія длины искры въ различныхъ газахъ. Изъ его опредѣленій слѣдуетъ, что, принявши длину искры въ воздухѣ за единицу, въ эфирѣ она будетъ равна 7, въ спиртѣ 8, въ водѣ 13, въ терпентинной эссенціи 15 и т. д., результатъ, нѣсколько противорѣчащій тому, что̀ такое изоляторъ и проводникъ. Если принять, что длина искры или разность потенціаловъ, необходимая для разряда, служитъ мѣрою изолирующей способности тѣла, то оказывается, что изолирующая способность воды въ 13 разъ больше изолирующей способности воздуха; между тѣмъ вода есть проводникъ электричества, черезъ нее проходитъ электричество, разлагая ее; кромѣ того нельзя былобы имѣть конденсатора, въ которомъ между двумя металлическими пластинками находился-бы водяной слой: такой конденсаторъ не былъ-бы въ сущности конденсаторомъ, онъ относился бы къ электричеству, какъ проводникъ, заряженный электричествомъ одного и того-же рода съ электричествомъ источника.

Кромѣ работъ относительно длины искръ при различныхъ условіяхъ разряда, дающихъ нѣкоторое понятіе о сопротивле-

---

[1]) Mascart, Traité d'Electricité T. II p. 113.

[2]) Masson, Annales de Chimie et de Physique, 3-me serie t. XXX p. 49

ніи газовъ прохожденію электричества, существуютъ изслѣдованія, гдѣ газы разсматриваются, какъ проводники электричества, гдѣ они вводятся въ цѣпь индуктивныхъ катушекъ, и гдѣ по отклоненію стрѣлокъ гальванометровъ опредѣляютъ сопротивленіе, какое они представляютъ разряду. Относительно указанныхъ работъ вообще нужно замѣтить, что всѣ эти изслѣдованія дѣлались только съ разрѣженными газами и съ длинными трубками, такъ-что нельзя вообще составить себѣ опредѣленнаго понятія, какъ измѣняется сопротивленіе газовъ въ зависимости отъ давленія, начиная напримѣръ отъ атмосфернаго, какъ измѣняется сопротивленіе отъ температуры, разстояніе электродовъ и т. д. Между тѣмъ такія опредѣленія были весьма важны, потому что сопротивленія эти опредѣлялись-бы тѣмъ методомъ, какимъ опредѣляются сопротивленія твердыхъ и жидкихъ тѣлъ; точно такъ-же выяснился бы вопросъ, въ какомъ отношеніи находятся между собою сопротивленія газовъ, опредѣленныя методомъ, общимъ для тѣлъ жидкихъ и твердыхъ, къ длинѣ искры, и можетъ-ли вообще длина искры давать понятіе о сопротивленіи газовъ. Изъ всего сказаннаго выше о длинѣ искры при различныхъ условіяхъ разряда, слѣдуетъ заключить, что длина искры не всегда можетъ служить мѣрою сопротивленія. Такъ, напримѣръ, несомнѣнно, что раскаленные газы проводятъ электричество лучше холодныхъ, между тѣмъ, если судить о проводимости газовъ по длинѣ искры, то оказалось бы, что сопротивленіе или проводимость газовъ въ этихъ двухъ состояніяхъ одна и таже. Справедливо, что опредѣленіе проводимости газовъ и паровъ при обыкновенныхъ давленіяхъ методомъ общимъ для твердыхъ и жидкихъ тѣлъ представляетъ много техническихъ трудностей. Для этого требовались бы сильные индуктивные токи или сильныя батареи. Морренъ[1]) опредѣлялъ проводимость газовъ такимъ-же методомъ, какимъ опредѣляется проводимость твердыхъ и жидкихъ тѣлъ. Онъ вводилъ въ цѣпь индуктивной катуш-

[1]) Comptes rendus t. LIV p. 735. Poggend. Annal. B. 130 1867.

ки стеклянныя трубки, наполненныя различными газами при различныхъ давленіяхъ, но при одномъ и томъ-же разстояніи электродовъ (около 24 сантиметровъ). При прохожденіи тока гальванометръ, введенный въ цѣпь, показывалъ извѣстное отклоненіе, которое измѣрялось, и по которому можно судить о силѣ тока. Результаты его наблюденій заключаются въ томъ, что для каждаго газа существуетъ давленіе, при которомъ проводимость его достигаетъ наибольшаго значенія, послѣ чего при дальнѣйшемъ уменьшеніи давленія проводимость быстро уменьшается. Давленіе, при которомъ проводимость достигаетъ наибольшаго значенія для различныхъ газовъ различна. Изъ опытовъ Моррена оказывается, что водородъ обладаетъ наибольшею проводимостью, сравнительно съ другими газами; относительно-же другихъ газовъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Если сравнить проводимость газовъ при одинаковомъ давленіи, то при высокихъ давленіяхъ, начиная съ 70 м. м. проводимость водорода всегда больше, чѣмъ проводимость остальныхъ газовъ, кислорода, азота, угольной кислоты и воздуха; но при давленіяхъ близкихъ къ 1 м. м. проводимость газовъ дѣлается почти равною, а проводимость кислорода при малыхъ давленіяхъ даже превышаетъ проводимость водорода. Кромѣ Моррена этимъ вопросомъ занимался Гитторфъ [1]. Гитторфъ сдѣлалъ много наблюденій надъ разрядомъ индукціонной катушки въ трубкахъ съ разрѣженными газами при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ: особеннымъ образомъ расположенная цѣпь позволяла измѣрить приблизительно сопротивленіе трубки. При своихъ изслѣдованіяхъ онъ обращалъ особенное вниманіе на условія образованія свѣта на отрицательномъ и положительномъ электродахъ и на сопротивленіе каждаго изъ нихъ отдѣльно. Онъ нашелъ, что сопротивленіе газовъ зависитъ отъ весьма многихъ обстоятельствъ, какъ-то: природы газа, давленія, температуры, разстоянія электродовъ, ширины трубки, по-

---

[1] Hittorf, Poggendorfs Annallen. B. CXXXVI 1869.

верхности электродовъ, погруженныхъ въ газъ, и въ особенности катода, природы металловъ, изъ которыхъ состоятъ электроды. Если ввести въ индуктивную цѣпь трубки съ однимъ и тѣмъ-же газомъ и разстояніемъ электродовъ но различной ширины, то при одномъ и томъ-же индуктирующемъ токѣ одна трубка даетъ наибольшее отклоненіе гальванометра, введеннаго въ индуктивную цѣпь, при одномъ давленіи, а другая — при другомъ. Вообще говоря, изслѣдованія Гитторфа не даютъ возможности сказать, увеличивается-ли или уменьшается сопротивленіе газовъ при измѣненіи давленій; каждая трубка извѣстной ширины и длины съ извѣстными электродами можетъ представлять наименьшее сопротивленіе при какомъ-нибудь опредѣленномъ давленіи, но другая трубка другихъ размѣровъ представляетъ maximum проводимости при другомъ давленіи; изъ его изслѣдованій также оказывается, что сопротивленіе такъ называемаго «положительнаго свѣта» и «отрицательнаго свѣта» различно и что въ извѣстныхъ предѣлахъ давленія эти сопротивленія измѣняются противоположно, такъ-что, когда одно уменьшается, другое увеличивается.

Кромѣ того его изслѣдованія показываютъ, что при сильныхъ разрѣженіяхъ разрядъ какъ-бы ищетъ большаго разстоянія электродовъ и если электроды весьма близки и помѣщены въ узкой трубкѣ, тогда разрядъ можетъ не послѣдовать, но что при тѣхъ-же условіяхъ разрѣженія, если особенно отрицательный электродъ будетъ находиться въ широкой части трубки, и электроды будутъ имѣть такое положеніе, что будутъ имѣть близкія и далекія точки, то разрядъ всегда происходитъ между точками наиболѣе удаленными. Одинъ несомнѣнный результатъ, это уменьшеніе сопротивленія газовъ съ увеличеніемъ температуры. Гитторфъ вставлялъ электроды въ пламя Бунзеновой горѣлки и въ пламя это вводилъ соли различныхъ металловъ съ цѣлью опредѣлить проводимость различныхъ паровъ металловъ. Изъ его опредѣленія оказывается, что наибольшею проводимостью отличаются пары калія. Гитторфъ замѣчаетъ, что при тѣхъ условіяхъ, при какихъ обыкновенно

опредѣляется электропроводность газовъ, весьма трудно ее опредѣлить; температура газа во время многихъ разрядовъ весьма сильно измѣняется и послѣдующіе разряды встрѣчаютъ все меньшее и меньшее сопротивленіе. Для этихъ изслѣдованій, по мнѣнію Гитторфа, слѣдовало-бы употреблять весьма слабые токи и поддерживать температуру газа постоянной, что̀ весьма трудно достигнуть. По моему мнѣнію, всего лучше пользоваться въ этихъ обстоятельствахъ разрядомъ лейденской банки. Къ сожалѣнію, Гитторфъ исключительно обращалъ вниманіе на разрѣженные газы и сильно разрѣженные. При этихъ обстоятельствахъ газы пріобрѣтаютъ весьма многія физическія свойства, несходныя со свойствами газовъ давленія обыкновеннаго, какъ показали изслѣдованія съ радіометрами. Кромѣ того, по моему мнѣнію, въ изслѣдованіяхъ Гитторфа недостаетъ сравнительнаго опредѣленія сопротивленія различныхъ газовъ по возможности при одинаковыхъ условіяхъ; самыя же опредѣленія сопротивленія разрѣженныхъ газовъ были сдѣланы слишкомъ приблизительно.

Видеманъ [1]), какъ уже сказано раньше, занимался явленіями разряда электричества чрезъ газы; способъ наблюденія заключается въ томъ, что разсматривали при помощи вращающагося зеркала разстояніе каждаго частнаго разряда при различныхъ условіяхъ, въ какихъ можетъ находиться газъ. Хотя изъ опытовъ Видемана нельзя сдѣлать какихъ либудь опредѣленныхъ новыхъ выводовъ, но авторъ критически разбираетъ вопросъ о сопротивленіи газовъ и старается объяснить теорію разрядовъ, основываясь на кинетической теоріи газовъ. Существуетъ мнѣніе, что газы суть вообще проводники электричества, но такъ-какъ въ проводникахъ электрическій токъ можетъ имѣть мѣсто при всякомъ значеніи потенціаловъ на полюсахъ источника, а для газовъ этотъ токъ можетъ происходить только при опредѣленной величинѣ потенціаловъ, то, чтобы избѣжать это противорѣчіе, предполагаютъ, что электроды, находясь въ

[1]) Poggend. Ann. B. 145, 158.

газовомъ пространствѣ, окружены слоемъ весьма тонкимъ сгущеннаго газа, въ которомъ собственно и нужно искать причину того, что потенціалъ на электродахъ долженъ имѣть опредѣленную величину для разряда электричества; когда сопротивленіе этого слоя сгущеннаго газа преодолѣно, тогда чрезъ газъ электричество проходитъ и при меньшемъ значеніи потенціаловъ, проходитъ такъ, какъ въ проводникахъ, и это прохожденіе можетъ вообще быть названо электрическимъ токомъ. Противъ такого взгляда высказывался особенно де ла Ривъ и авторъ цитируемой работы; найденные имъ факты говорятъ противъ такого взгляда. Если нагрѣвать трубку, въ которой происходитъ разрядъ, то нужно-бы ожидать, что газовый слой совершенно уничтожится и покрайней мѣрѣ значительно уменьшится и будетъ оказывать меньшее вліяніе на разрядъ; между тѣмъ опытъ показываетъ, что ни количество электричества, ни разстояніе отдѣльно каждаго разряда значительно не измѣняются даже при сильномъ нагрѣваніи трубки, почти до размягченія стекла. При этомъ опытѣ замѣчается одно явленіе, которое служитъ доказательствомъ неправильности того взгляда, по которому газъ при разрядѣ движется поступательнымъ движеніемъ отъ одного электрода къ другому. Наблюдая спектръ разряда въ томъ мѣстѣ, гдѣ трубка нагрѣвалась, Видеманъ наблюдалъ при извѣстномъ нагрѣваніи желтую натровую линію, появившуюся вслѣдствіе нагрѣванія стекла, въ составъ котораго входитъ натрій; въ другихъ мѣстахъ трубки, гдѣ нагрѣваніе было меньше, или гдѣ его совсѣмъ не было, этой линіи наблюдаемо не было. Видеманъ прибавляетъ, что если-бы масса газа двигалась отъ одного электрода къ другому при разрядѣ, то эта натровая линія появлялась-бы и въ другихъ мѣстахъ трубки, чего не наблюдалось. Изъ всѣхъ опытовъ, произведенныхъ Видеманомъ, онъ приходитъ къ заключенію, что разрядъ электричества въ газахъ производитъ увеличеніе скорости движенія частицъ, вслѣдствіе чего температура газа сильно увеличивается; при столкновеніяхъ частицъ между собой, электричество одной частицы передается другой или-же нейтрализуется

электричествомъ другой, идущей отъ противуположнаго полюса и заряженной противуположнымъ электричествомъ. Это предположеніе, высказанное въ слишкомъ общей формѣ и пока не объясняющее всего того, что происходитъ при разрядѣ (такъ напримѣръ, оно не объясняетъ, почему для разряда необходима опредѣленная величина потенціала на полюсахъ), болѣе всего кажется вѣроятнымъ.

Попытка опредѣлить сопротивленіе газовъ методомъ, сходнымъ съ опредѣленіемъ сопротивленія твердыхъ и жидкихъ тѣлъ, ограничивалась въ большинствѣ случаевъ газами разрѣженными и при большихъ разстояніяхъ электродовъ. Есть одно изслѣдованіе весьма интересное, но, къ сожалѣнію, не особенно полное и обстоятельное, въ которомъ опредѣляется сопротивленіе газоваго слоя одного миллиметра толщины, обыкновеннаго давленія и температуры, и сравнивается это сопротивленіе съ сопротивленіемъ воднаго раствора мѣднаго купороса. Это изслѣдованіе принадлежитъ Обербеку [1]). Авторъ, вопервыхъ, полагаетъ, что такъ-какъ числа, выражающія проводимость твердыхъ и жидкихъ тѣлъ для теплоты и электричества, одинаковы, то вѣроятно, что и числа, выражающія проводимость газовъ для теплоты и электричества будутъ одинаковы. Наблюденія Магнуса, Кундта, Варбурга и др. показываютъ, что водородъ надобно считать лучшимъ проводникомъ для теплоты изъ всѣхъ газовъ, наблюденія Моррена, Видемана показываютъ, что водородъ есть лучшій проводникъ электричества. Что касается до численнаго опредѣленія проводимости другихъ газовъ, сравнительно съ водородомъ, какъ это сдѣлано для проводимости теплоты, то такого опредѣленія не существуетъ относительно электричества.

Обербекъ располагалъ опыты слѣдующимъ образомъ: въ цѣпь индуктивной катушки вставлялся микрометръ для измѣренія длины искры, гальванометръ и измѣняющееся сопротивленіе, состоящее изъ стеклянной трубки, наполненной растворомъ

[1]) Poggend- Ann. B. 155. 1875. S. 80

мѣднаго купороса; хотя сопротивленіе этого жидкаго раствора у Обербека не было опредѣлено, но приблизительно можно было знать сопротивленіе единицы длины этого раствора. Въ индуктирующій токъ введено было также измѣняющееся сопротивленіе, такъ-что индуктирующій токъ поддерживался постояннымъ. Вводя въ цѣпь индуктивной катушки сначала только искры длиною въ одинъ миллиметръ, наблюдали положеніе равновѣсія стрѣлки гальванометра; затѣмъ вводили трубку съ мѣднымъ купоросомъ и нѣсколько большую длину искры, доводя ее до длины 8-ми миллиметровъ; этихъ опытовъ было достаточно для опредѣленія сопротивленія слоя воздуха одного миллиметра толщины. Получивъ такимъ образомъ силы тока для различной длины искры при сопротивленіи въ 0,20 и 50 сантиметровъ жидкаго столба, Обербекъ построилъ кривыя, въ которыхъ абсциссами служили длины искръ, а ординатами — силы тока. По этимъ кривымъ можно было вычислить длины искръ при равныхъ силахъ тока, но при различныхъ сопротивленіяхъ жидкаго столба мѣднаго купороса въ 0,20 и 50 сантиметровъ. Вычитая длину искры при сопротивленіи 20-ти сантиметровъ изъ длины искры при сопротивленіи въ 0 сантиметровъ при равныхъ силахъ тока, получимъ длину искры, которой сопротивленіе равно сопротивленію жидкаго столба мѣднаго купороса извѣстной толщины длиною въ 20 сантиметровъ; вычитая длину искры при сопротивленіи въ 50 сантиметровъ изъ длины искры при сопротивленіи въ 20 сантиметровъ при равныхъ силахъ тока, получимъ длину искры, которой сопротивленіе равно 30 сантиметрамъ длины столба мѣднаго купороса. Числа получаются при этомъ довольно постоянныя. Зная длину искры въ миллиметрахъ, сопротивленіе которой равно 20, 30, 50 сантиметрамъ столба мѣднаго купороса, можно изъ этихъ данныхъ опредѣлить, чему равно сопротивленіе слоя газа въ 1 миллиметръ толщины, при чемъ это сопротивленіе будетъ выражено сопротивленіемъ столба раствора мѣднаго купороса извѣстной длины, а слѣдовательно можно выразить въ общепринятыхъ единицахъ сопротивленія. Числа, полученныя Обер-

бекомъ весьма постоянны, въ среднемъ получается, что сопротивленіе слоя воздуха обыкновеннаго давленія 1 милл. толщины равно сопротивленію 11, 2 сантиметра раствора мѣднаго купороса 9, 8 кв. миллим. поперечнаго сѣченія, котораго сопротивленіе было въ три раза больше, нежели сопротивленіи насыщеннаго раствора. Къ сожалѣнію, Обербекъ на этомъ остановился; подобные опыты слѣдовало произвести и съ другими газами, и при различныхъ условіяхъ давленія и температуры.

Весьма важныя изслѣдованія по этому-же вопросу произвели Гюго Мюллеръ и Варренъ де ла Рю [1]). Объ этихъ изслѣдованіяхъ я упоминалъ раньше, когда говорилъ о длинѣ искры; эти-же изслѣдователи, кромѣ того, что опредѣляли длину искры въ зависимости отъ потенціала на электродахъ при различныхъ давленіяхъ газа, въ различныхъ газахъ и при различныхъ формахъ электродовъ, обратили еще особенное вниманіе на разрядъ батареи изъ хлористаго серебра и цинка числомъ до 11000 элементовъ въ газахъ весьма разрѣженныхъ и опредѣлили также сопротивленія разряду, между прочимъ, методомъ, схожимъ съ методомъ опредѣленія сопротивленія твердыхъ и жидкихъ тѣлахъ. На эту часть работы я теперь обращу вниманіе. Нужно замѣтить, что изслѣдователи довольно всесторонне изучали именно эту часть вопроса; обращено было вниманіе на діаметръ трубки, содержащей газъ, на разстояніе электродовъ, между которыми происходитъ разрядъ; точно также измѣняли методъ опредѣленія сопротивленія. Между прочимъ опредѣлялось сопротивленіе трубокъ методомъ Уитстона (мостикъ Уитстона). Мѣсто гальванометра въ параллелограммѣ занимала трубка, съ разрѣженнымъ газомъ, по отсутствію свѣта въ которой, судили объ отсутствіи тока. Двѣ стороны параллелограмма состояли изъ жидкихъ проводниковъ опредѣленнаго сопротивленія, двѣ другія состояли изъ реостата съ измѣняющимися сопротивленіемъ и испытуемой трубки. Этотъ способъ, впрочемъ, не даетъ точныхъ результатовъ, такъ-

[1]) Annales de Chimie et de Physique 5-me série, Avril et Novembre 1878.

какъ оказывается, что трубка мѣняетъ свое сопротивленіе послѣ нѣсколькихъ разрядовъ и приходитъ въ нормальное состояніе спустя иногда нѣсколько дней. Варренъ де ла Рю и Мюллеръ кромѣ того опредѣляли сопротивленіе трубокъ при извѣстномъ давленіи (впрочемъ весьма маломъ, около 1$^{м. м.}$) въ зависимости отъ разстоянія электродовъ; оказалось, что сопротивленіе такихъ трубокъ съ измѣняющимся разстояніемъ электродовъ не подчиняется закону пропорціональности разстояніямъ, какъ это имѣетъ мѣсто для металлическихъ проводниковъ. Вводя въ цѣпь трубки съ различными разрѣженными газами и опредѣляя разность потенціаловъ на концахъ трубки и въ различныхъ точкахъ ея длины и вычисляя затѣмъ сопротивленіе въ абсолютныхъ единицахъ данной трубки, изслѣдователи убѣдились, что разрядъ электричества чрезъ разрѣженные газы есть явленіе, совершенно подобное явленію разряда электричества чрезъ газы обыкновенной плотности и что разрядъ чрезъ газы разрѣженные не можетъ быть никоимъ образомъ сравнимъ съ проводимостью металловъ, такъ-какъ въ металической нити, на концахъ которой существуетъ извѣстная разность потенціаловъ, можетъ быть токъ извѣстной и опредѣленной напряженности, и измѣненіе тока возможно только съ измѣненіемъ разности потенціаловъ или сопротивленія; между тѣмъ при разрядѣ черезъ газы силы токовъ могутъ измѣняться при одной и той-же разности потенціаловъ.

Остается еще разсмотрѣть изслѣдованія относительно тепловыхъ явленій въ искрѣ, такъ какъ эти явленія могутъ также давать нѣкоторое понятіе о томъ, что происходитъ въ искрѣ при разрядѣ. Тепловыя явленія при разрядѣ конденсаторовъ чрезъ металлическія проволоки послужили средствомъ для опредѣленія сопротивленія проводниковъ; нужно еще прибавить, что теорія разряда конденсаторовъ съ экпериментальной точки зрѣнія еще не вполнѣ разработана именно потому, что остается неизвѣстнымъ сопротивленіе газоваго слоя, чрезъ который проходитъ разрядъ электричества. Мнѣніе, что на искру тратится ничтожное количество электрической энергіи, скоплен-

ной на оболочкахъ конденсатора не вѣрно, въ чемъ можно убѣдиться изъ послѣдующихъ опытовъ. Первая попытка опредѣлить количество теплоты, развиваемое въ искрѣ при разрядѣ конденсаторовъ въ зависимости отъ количества электричества, поверхности батареи и сопротивленія проводниковъ, принадлежитъ Паальцову [1]). Паальцовъ употреблялъ три метода для опредѣленія тепла въ искрѣ: нагрѣваніе измѣрялось или ртутнымъ термометромъ, надъ резервуаромъ котораго происходила искра, или термоэлектрическимъ столбомъ, поставленнымъ близь того мѣста, гдѣ происходила искра, или приборомъ, измѣряющимъ нагрѣваніе, служилъ термометръ Рисса, въ шарѣ котораго были помѣщены электроды на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга.

Общій результатъ, полученный всѣми тремя способами заключался въ томъ, что количество теплоты въ искрѣ увеличивается при увеличеніи количества электричества; при измѣненіи сопротивленія проводниковъ замѣчается слѣдующее замѣчательное явленіе: при увеличеніи сопротивленія проводниковъ нагрѣваніе въ шарѣ сначала уменьшается; но, при введеніи въ цѣпь большаго сопротивленія, напр. трубки съ водой, нагрѣваніе увеличивается, достигая максимума при опредѣленномъ сопротивленіи, послѣ чего опять начинается уменьшеніе нагрѣванія. Паальцовъ объяснилъ это явленіе тѣмъ, что въ началѣ, при малыхъ сопротивленіяхъ, въ томъ пространствѣ, гдѣ происходитъ искра, находится смѣсь частицъ воздуха съ частицами металла, оторванными отъ электродовъ при разрядѣ, такъ-что, слѣдовательно, вначалѣ при малыхъ сопротивленіяхъ, проводниковъ разрядъ чисто метеллическій, но по мѣрѣ увеличенія сопротивленія количества металлическихъ частичекъ уменьшается, и начинается разрядъ газовый и, такъ-какъ сопротивленіе газа весьма велико, сравнительно съ сопротивленіемъ твердыхъ и жидкихъ тѣлъ, то нагрѣваніе увеличивается, достигая максимума при нѣкоторомъ опредѣленномъ сопротивленіи. Нужно замѣтить, что способы, которые употреблялъ Паальцовъ, не

---

[1]) Poggend. Annal B. 127

даютъ возможности сдѣлать количественное опредѣленіе теплоты, развиваемой въ искрѣ. Поггендорфъ [1]) и Рейтлингеръ [2]) наблюдали теплоту искры индукціонной катушки посредствомъ ртутнаго термометра, помѣщеннаго между электродами; оба изслѣдователя констатируютъ тотъ фактъ, что нагрѣваніе на различныхъ полюсахъ не одинаково; большее нагрѣваніе замѣчалось на отрицательномъ полюсѣ, гдѣ, по Рейтлингеру, оно было въ четыре раза больше, нежели на положительномъ. Поггендорфъ нашелъ кромѣ того, что при введеніи въ цѣпь конденсатора такой разницы въ нагрѣваніи не замѣчалось. У Рейтлингера разрядъ происходитъ въ металическомъ сосудѣ, гдѣ содержался газъ различной плотности и различной природы Оказалось, что при разрѣженіи газа maximum температуры, какой наблюдается на термометрѣ, увеличивается; при одинаковой степени разрѣженія наименьшее нагрѣваніе наблюдалось въ водородѣ, что̀ Рейтлингеръ приписываетъ большей проводимости этого газа, наибольшее — въ воздухѣ и углекислотѣ; въ окиси углерода разность нагрѣванія на полюсахъ дѣлается равной нулю. Рейтлингеръ высказываетъ предположеніе, что количество тепла, развиваемое въ искрѣ, есть функція силы тока и что это количество тепла пропорціонально силѣ тока.

Видеманъ [1]) въ своихъ изслѣдованіяхъ относительно законовъ прохожденія электричества чрезъ газы также опредѣлялъ количество тепла и нагрѣваніе трубокъ съ разрѣженными газами во время разряда въ нихъ электричества. Для измѣренія нагрѣванія былъ употребленъ термоэлементъ, состоящій изъ желѣзной и нейзильберовой проволоки, спаянной своими поперечными разрѣзами; проволока прикладывалась перпендикулярно оси трубки мѣстомъ спайки, и опредѣлялось отклоненіе гальванометра, введеннаго въ цѣпь. При опытахъ измѣ-

---

[1]) Monatsberichte Berliner Academie 1—6 1861.
[2]) Zeitschrift für Matematik und Physik B. VIII 1863.
[1]) Poggend. Annal. B. CLVIII 1876 s. 66.

нялись по возможности всѣ обстоятельства, какъ-то длина трубки, внутренній и внѣшній діаметръ стекляной капилярной трубки, соединяющей два шара, въ которые были впаяны электроды, давленіе газа, природа газа и наконецъ сила тока. Результаты этихъ измѣреній заключаются въ слѣдующемъ: нагрѣваніе капилярныхъ трубокъ вообще увеличивается съ увеличеніемъ давленія газа сначала медленно, потомъ быстрѣе и при среднихъ давленіяхъ почти пропорціонально увеличенію давленія, измѣненія нагрѣванія въ этомъ случаѣ сходны съ измѣненіемъ разстоянія между отдѣльными частными разрядами, которыя наблюдались у Видемана при посредствѣ особаго прибора. Если сравнивать нагрѣваніе трубокъ, наполненныхъ азотомъ и водородомъ, то при малыхъ давленіяхъ разность между нагрѣваніями незначительна, но по мѣрѣ увеличенія давленія, когда для разряда въ азотѣ необходимо большее количество электричества нежели въ водородѣ, нагрѣваніе въ водородѣ значительно менѣе, чѣмъ въ азотѣ. Нагрѣваніе длинныхъ и короткихъ капилярныхъ трубокъ почти одинаково. Трубки съ равными внѣшними, но различными внутренними діаметрами получаютъ въ равные промежутки времени почти равныя количества тепла.

Остается еще упомянуть о нѣсколькихъ изслѣдованіяхъ послѣдняго времени относительно тепловыхъ явленій искры. Виллари [1]) опредѣлялъ количество тепла способомъ, сходнымъ со способомъ Паальцова. Онъ помѣщалъ электроды въ воздушный термометръ, подобный термометру Рисса, который наполнялся различными газами; пониженіе жидкости въ термометрической трубкѣ служило мѣрою нагрѣванія; нагрѣваніе было различно въ различныхъ газахъ. Онъ сравнивалъ между собой термическія дѣйствія искры съ отклоненіемъ гальванометра, введеннаго въ цѣпь при разрядѣ конденсаторовъ и нашелъ, что термическія дѣйствія искры и гальванометрическія дѣйствія въ

---

[1]) Nuovo Cimento III 1878. Comptes Rendus T. 88 p. 706.

металлической части цѣпи, производимыя разрядомъ конденсатора, пропорціональны количеству электричества и въ то-же время пропорціональны, какъ длинѣ искры съ одной стороны, такъ и длинѣ металлической нити, соединяющей оболочки конденсатора. Всякое измѣненіе сопротивленія въ металлической цѣпи измѣняетъ нагрѣваніе въ искрѣ; нагрѣванія въ искрѣ также измѣняются при измѣненіи природы газа въ шарѣ термометра, оставаясь неизмѣнными при измѣненіи формы электродовъ. Нагрѣванія въ различныхъ газахъ даютъ возможность расположить ихъ по порядку ихъ относительной проводимости; расположены они будутъ такъ: водородъ, азотъ, атмосферный воздухъ, кислородъ, угольная кислота. Наккари и Беллати[1]) употребляли способъ калориметрическій для опредѣленія количества тепла; источникомъ электричества служила индукціонная катушка, цѣпь состояла изъ катушки, гальванометра и трубки съ разрѣженнымъ газомъ. Послѣдняя въ средней своей части была окружена цилиндрическимъ сосудомъ изъ тонкой мѣдной пластинки, закрытымъ плотно съ обѣихъ сторонъ пробками, который служилъ калориметромъ; въ сосудѣ находился термометръ, который наблюдали каждую минуту во время опыта. Числа, полученныя изслѣдователями, показываютъ, что отношеніе между количествомъ тепла и количествомъ прошедшаго чрезъ трубку электричества есть величина постоянная. Опыты производились съ хлоромъ, угольной кислотой и водородомъ. Въ другихъ опытахъ вмѣсто средней части трубки окружали калориметромъ стекляннымъ, наполненнымъ ртутью, верхнюю часть вертикально поставленой трубки, такъ-что калориметръ окружалъ пространство трубки въ 40$^{м. м.}$ по длинѣ отъ верхняго конца, при чемъ длина отрицательнаго электрода была 28$^{м. м.}$ При этомъ полученныя числа также показывали пропорціональность между количествомъ тепла и количествомъ электричества, но на отрицательномъ полюсѣ количество тепла получалось въ 8 разъ больше, чѣмъ на поло-

---

[1]) Beiblätter zu den Annalen der Physik und Chemie № 12, 1878.

жительномъ. Въ трубкѣ, наполненной хлоромъ, разница между нагрѣваніями на различныхъ полюсахъ менѣе, нежели въ томъ случаѣ, когда трубка наполнена водородомъ. Чѣмъ ближе калориметръ находился къ средней части трубки, тѣмъ болѣе сглаживалась разница между нагрѣваніями; количество тепла въ широкихъ и узкихъ трубкахъ получалось почти одинаковое, не смотря на то, что площади поперечныхъ разрѣзовъ вѣтвей U-образной трубки относились между собой, какъ 1:26.

Въ послѣднее время Видеманнъ[1]) пришелъ къ заключенію, что газъ можетъ свѣтить при температурахъ сравнительно низкихъ, не находясь въ раскаленномъ состояніи; оказалось изъ его изслѣдованій, что температура газа, въ которомъ происходитъ разрядъ электричества, была ниже 100°. Онъ пользовался для этой цѣли трубкой, на одномъ концѣ которой припаянъ былъ стеклянный шаръ, внутри котораго находился алюминіевый шарикъ, служившій электродомъ; съ другой стороны трубки была припаяна U-образная тонкая трубка, оканчивающаяся шарикомъ съ электродомъ. U-образная трубка погружалась въ калориметръ съ терпентиномъ, въ который былъ погруженъ термометръ. Трубка была наполнена воздухомъ при давленіи 3$^{м. м.}$. Во время разряда электричества индуктивной катушки черезъ трубку производились обыкновеннымъ образомъ калориметрическія наблюденія. Зная объемъ части трубки, погруженной въ калориметръ, и давленіе газа, можно изъ наблюденій надъ ходомъ термометра опредѣлить колитество тепла, развивающагося въ трубкѣ при разрядѣ, откуда можно вычислить температуру воздуха, а за тѣмъ уже можно вычислить температуру воздуха въ широкой части трубки, гдѣ также происходитъ свѣтъ, на томъ основаніи, что, какъ показали наблюденія Наккари и Беллати, количество тепла, получаемаго при разрядѣ электричества чрезъ широкія и узкія трубки, одно и то-же, слѣдовательно температуры воз-

---

[1]) Poggend. Annal. B. VI 1879 № 2 s. 298.

духа въ широкой и узкой трубкѣ будутъ относиться между собою въ обратномъ отношеніи поперечныхъ разрѣзовъ трубокъ. Изъ этихъ опытовъ оказывается, что температура эта приблизительно равна 80°—90°. Авторъ прибавляетъ, что свѣченіе газа при такой низкой температурѣ можетъ служить доказательствомъ того, что при разрядѣ эликтричества чрезъ газы, кромѣ увеличенія живой силы поступательнаго движенія частицъ газа, происходитъ увеличеніе живой силы колебательнаго движенія частицъ эѳира, чему и должно быть приписано свѣченіе газа.

Эти послѣднія изслѣдованія нѣсколько измѣняютъ установленный взглядъ на электрическій разрядъ; газъ при этомъ не раскаляется, какъ предполагали прежде, но съ нимъ происходитъ явленіе, сходное съ явленіемъ флюоресценціи.

Изъ этого перечня работъ относительно сопротивленія газовъ видно, что при изслѣдованіяхъ надъ разрядомъ въ газахъ главнымъ образомъ обращено было вниманіе на разряды въ разрѣженныхъ газахъ и при большомъ разстояніи электродовъ, при чемъ главнымъ образомъ употреблялись индукціонныя катушки. Попытки же опредѣлить сопротивленіе газовъ при обыкновенныхъ условіяхъ разряда ограничиваются двумя изслѣдованіями (Обербекъ, Виллари), изъ которыхъ послѣднее только отличается опредѣленностью выводовъ относительно длины искры и относительно проводимости нѣкоторыхъ газовъ; въ этомъ-же изслѣдованіи авторъ употребляетъ конденсаторъ вмѣсто индуктивной катушки. Индукціонная катушка въ этихъ изслѣдованіяхъ представляетъ много неудобствъ и другихъ погрѣшностей, заключающихся въ трудности точнаго опредѣленія силы тока, неравномѣрности дѣйствія прерывателя, нагрѣваніи газа быстро слѣдующими разрядами и слѣдовательно въ измѣненіи температуры газа во время опыта, тогда-какъ конденсаторъ даетъ возможность съ большею точностью измѣрить ко-

личество электричества, и во время разряда температура газа мало измѣняется.

Несмотря, однако, на многочисленныя изслѣдованія о сопротивленіи разрѣженныхъ газовъ, до сихъ поръ не выясненъ вопросъ, какъ это сопротивленіе измѣняется вмѣстѣ съ измѣненіемъ давленія. Вліяніе температуры газовъ на сопротивленіе болѣе опредѣленно: сопротивленіе это уменьшается съ увеличеніемъ температуры; однако изслѣдованія касались только раскаленныхъ газовъ и не какого-нибудь опредѣленнаго по химическому составу газа, а смѣси раскаленныхъ газовъ, выдѣляющихся въ пламени Бунзеновой горѣлки; правда, что при изслѣдованіяхъ надъ вліяніемъ температуры на сопротивленіе газовъ встрѣчаются почти непреодолимыя техническія трудности, заключающіеся главнымъ образомъ въ томъ, что нагрѣтые твердые изоляторы дѣлаются сами проводниками.

Предлагаемое изслѣдованіе представляетъ попытку прослѣдить вліяніе давленія и температуры на сопротивленіе газовъ при разрядѣ конденсаторовъ, при чемъ газы находились подъ давленіемъ близкимъ къ атмосферному. Способъ наблюденія былъ вполнѣ схожъ со способами наблюденія Рисса въ его изслѣдованіяхъ надъ нагрѣваніемъ проводниковъ при разрядѣ конденсаторовъ; по уменьшенію нагрѣванія въ одной какой нибудь части цѣпи конденсатора можно вообще судить о сопротивленіи остальныхъ проводниковъ. Предварительно конденсаторъ разрѣжался при помощи падающаго одинъ на другой шарика, какъ въ опытахъ Рисса, съ тою однако разницею, что шарики эти помѣщались въ пространствѣ, гдѣ можно было измѣнять по произволу давленіе газа; здѣсь, слѣдовательно, можно было только наблюдать совокупное дѣйствіе измѣненія давленія газа и длины искры. Затѣмъ электроды конденсатора помѣщались одинъ подлѣ другаго на извѣстномъ разстояніи, конденсаторъ заряжался до «саморазряда» и количество электричества измѣнялось помощью измѣненія давленія газа въ сосудѣ, въ которомъ помѣщались электроды, и наконецъ въ третьемъ рядѣ опытовъ кон-

денсаторъ разрѣжался тоже помощью падающаго шарика, но только электроды въ этомъ случаѣ находились въ пустой трубкѣ въ точномъ смыслѣ этого слова, т. е. въ такой трубкѣ, въ какой не происходитъ разряда сильныхъ индукціонныхъ катушекъ при разстояніи электродовъ равномъ 0,5 милл. Такая трубка была изготовлена по моему заказу Альвернья въ Парижѣ.

ГЛАВА II.

Измѣненіе нагрѣванія проволоки термометра при разрядѣ въ газахъ различнаго давленія.

Опыты Рисса показали, что нагрѣваніе металлическихъ проводниковъ при разрядѣ лейденской батареи въ извѣстной мѣрѣ зависитъ отъ искры, неизбѣжной при разрядѣ электрической батареи. Если искра при прохожденіи своемъ черезъ газъ встрѣчаетъ на пути своемъ сопротивленіе нѣсколько большее, чѣмъ представляетъ газъ, напр. если она пробиваетъ слой бумаги, поставленной между электродами, то нагрѣваніе металлическихъ проводниковъ чрезъ это уменьшается [1]). Поэтому, слѣдовательно, всякое увеличеніе или уменьшеніе сопротивленія въ искрѣ должно сопровождаться соотвѣтственнымъ уменьшеніемъ или увеличеніемъ тепла въ металлической части проводниковъ.

Если-бы въ опытахъ Рисса можно было пренебречь теплотой, развиваемой въ искрѣ, по ея нечтожности, то выводъ Форсельманъ де Гера, что полное количество теплоты развиваемое при разрядѣ конденсатора не зависитъ отъ состава цѣпи, былъ-бы вполнѣ справедливъ.

Форсельманъ де Геръ сдѣлалъ этотъ выводъ на основаніи формулъ нагрѣванія, данныхъ Риссомъ, формулъ, въ которыхъ

---

[1]) Riess, Reibungselectricität, B. I.

совершенно игнорируется то, что происходитъ въ искрѣ при разрядѣ.

Клаузіусъ вывелъ путемъ теоретическимъ, что количество тепла, развиваемое при разрядѣ конденсатора, должно зависѣть только отъ потенціала электрическихъ массъ самихъ на себя; этотъ потенціалъ при одной и той-же батареѣ зависитъ отъ количества скопленнаго электричества и пропорціоналенъ квадрату его и обратно пропорціоналенъ поверхности батареи. Слѣдовательно и теорія пришла къ заключенію, что полное количество теплоты при разрядѣ конденсатора должо зависѣть только отъ квадрата количества и поверхности батареи и должно быть независимо отъ состава цѣпи, но только если при этомъ будетъ принята во вниманіе и подвернута измѣренію трата электрической энергіи на произведеніе искры при разрядѣ. Выводъ, слѣдовательно, Форсельманъ де Гера слишкомъ поспѣшенъ и не основанъ на точныхъ опытныхъ данныхъ. Дѣйствительно, до сихъ поръ не только не существуетъ изслѣдованій относительно количества электрической энергіи, которая тратится на произведеніе искры, но и не существуетъ изслѣдованій о томъ, какъ измѣняется количество теплоты металлической цѣпи при измѣненіи самаго характера разряда, а именно, какъ измѣняется нагрѣваніе металлической части цѣпи, будетъ-ли разрядъ происходитъ въ закрытомъ пространствѣ, въ разрѣженномъ и сжатомъ воздухѣ или въ другихъ газахъ, также сжатыхъ и разрѣженныхъ.

Клаузіусъ, упоминая о выводѣ, сдѣланомъ Форсельманъ де Героиъ, говоритъ, что выводъ сдѣланъ слишкомъ поспѣшно и что при настоящемъ положеніи этого вопроса нельзя еще сказать ничего относительно полнаго количества тепла при разрядѣ конденсатора. Опыты Рисса надъ нагрѣваніемъ металлическихъ проводниковъ въ самомъ дѣлѣ указываютъ что съ увеличеніемъ длины вводимой въ цѣпь проволоки уменьшается нагрѣваніе одной и той-же части проводника; это обстоятельство говоритъ въ пользу теоріи, которая утверждаетъ, что пол-

ное количество тепла при разрядѣ конденсатора не должно измѣниться, какъ-бы мы не увеличивали длину цѣпи. Опыты Шведова [1]) показали, что если въ термометрѣ будетъ находиться проволока опредѣленной длины и радіуса и если вводить въ цѣпь внѣ термометра кромѣ этой проволоки другую такую-же, увеличивая ея длину, то при разрядѣ батареи, заряженной всегда до одного и того-же напряженія, количество тепла, выдѣляемое при разрядѣ, какъ въ проволокѣ термометра, такъ и въ проволокѣ внѣ термометра, вычисленное на основаціи показаній термометра при разрядѣ, не остается постояннымъ, а увеличивается медленно вмѣстѣ съ длинной вводимой проволоки; это выводъ, повидимому, противорѣчащій выводу Форсельманъ де Гера, но въ сущности согласный съ теоріей, если принять во вниманіе развитіе теплоты въ искрѣ, которое понятно должно уменьшаться по мѣрѣ увеличенія сопротивленія металлической цѣпи. Всякое измѣненіе сопротивленія въ искрѣ, какъ нашелъ Риссъ, влечетъ измѣненіе нагрѣванія въ металлической части цѣпи, и это обстоятельство навело меня на мысль произвести рядъ опытовъ, изъ которыхъ можно было заключить о вліяніи разряда лейденской батареи въ сжатыхъ и разрѣженныхъ газахъ на нагрѣваніе металлической части цѣпи.

Нѣкоторые изъ приборовъ, которые служили мнѣ для этихъ опытовъ, были мною нѣсколько измѣнены сравнительно съ опытами Рисса, поэтому считаю нужнымъ описать прежде сообщенія результатовъ эти измѣненія. Извѣстно, что Риссъ измѣрялъ во всѣхъ опытахъ своихъ надъ нагрѣваніемъ проводниковъ количество электричества мѣрительной банкой Лане; приборъ этотъ не можетъ быть признанъ вполнѣ точнымъ, но за то онъ представляется незамѣнимымъ относительно удобствъ употребленія при измѣреніи количества электричества; въ томъ

---

[1]) Значеніе непроводниковъ въ электростатикѣ.
О законахъ превращенія электричества въ теплоту.

случаѣ, если опыты длятся довольно долгій промежутокъ времени и должны быть сравнимы между собою, мѣрительная банка Лане допускаетъ нѣкоторыя ошибки, которыя необходимо и возможно было избѣжать. Установивъ шарики, соединенные съ внѣшней и внутренней обкладкой мѣрительной банки, на опредѣленномъ разстояніи другъ отъ друга и принимая за единицу количества электричества то количество, которое необходимо для произведенія разряда мѣрительной банки съ этого разстоянія, мы должны еще принять во вниманіе и давленіе воздуха во время наблюденія, если эти разряды происходятъ въ открытомъ воздухѣ. Въ самомъ дѣлѣ, длина разрядной искры при одномъ и томъ-же напряженіи электродовъ зависитъ, какъ отъ давленія газа, въ которомъ происходитъ разрядъ, такъ и отъ вещества газа; если-же длина разрядной искры остается неизмѣнной, какъ въ настоящемъ случаѣ, то при уменьшеніи или увеличеніи давленія газа искра произойдетъ при меньшемъ или большемъ напряженіи электродовъ, а слѣдовательно при меньшемъ или большемъ количествѣ электричества. Кромѣ этой причины ошибокъ при измѣреніи количества электричества помощью мѣрительной банки Лане есть еще другая не менѣе важная; извѣстно также, что длина разрядной искры измѣняется и съ веществомъ газа. Такъ-какъ обыкновенный воздухъ представляетъ всегда смѣсь сухого воздуха съ водянымъ паромъ, количество котораго постоянно измѣняется, то понятно, что и количество электричества мѣрительной банки для произведенія разряда съ опредѣленнаго разстоянія должно измѣняться; присутствіе водяного пара въ воздухѣ несомнѣнно должно измѣнять длину разрядной искры. Наконецъ температура воздуха имѣетъ косвенное вліяніе на длину разрядной искры, измѣняя вообще, какъ упругость водяныхъ паровъ, такъ и давленіе воздуха. Чтобы сдѣлать изслѣдованія свои болѣе или менѣе сравнимыми между собою, такъ-какъ они по необходимости должны были длиться сравнительно довольно долгій промежутокъ времени, я нашелъ возможнымъ устранить болѣе или менѣе вышеупомянутыя ошибки

слѣдующимъ образомъ: въ стеклянную трубку около 50$^{м.м.}$ діаметра впаивались три трубки *a*, *b*, *c* малыхъ діаметровъ, какъ на фиг. (I). Въ трубки *a* и *b* вмазывались двѣ толстыя мѣдныя проволоки, оканчивающіяся платинными кончиками, такъ-что внутри трубки между платиновыми концами оставалось разстояніе около 2-хъ миллиметровъ; при посредствѣ трубки с приборъ можно было наполнить сухимъ воздухомъ любого давленія или какимъ нибудь другимъ газомъ. Я предпочиталъ наполнять такія трубки сухимъ и чистымъ водородомъ, такъ какъ въ этомъ газѣ невозможно никакихъ химическихъ дѣйствій какъ между электродами и газомъ, такъ и въ самомъ газѣ. Когда приборъ былъ наполненъ сухимъ водородомъ, трубка с запаивалась, а внутренняя и внѣшняя обкладки мѣрительной банки соединялись съ проволоками *a* и *b*. Такимъ образомъ электроды *a* и *b* будутъ находиться всегда въ сухомъ водородѣ одинаковой плотности, при чемъ внѣшнее давленіе и увеличеніе упругости и количества водяныхъ паровъ не будутъ оказывать никакого вліянія на количество электричества, необходимое для разряда мѣрительной банки. Замѣчу при этомъ, что и температура внѣшняя не будетъ оказывать никакого вліянія, такъ какъ при измѣненіи температуры плотность заключеннаго въ трубкѣ газа не будетъ измѣняться, а слѣдовательно не будетъ измѣняться и количество электричества, необходимое для разряда. Мѣрительная банка, употребляемая мною, имѣла около 300 квадратныхъ сантиметровъ внутренней поверхности. Батарея разрѣжалась въ этихъ опытахъ помощью падающаго шарика, заключеннаго въ стеклянный сосудъ, снабженный краномъ, изъ котораго можно было выкачивать газъ и измѣнять по произволу давленіе остающагося газа. Фиг. 2-я представляетъ этотъ сосудъ; въ цилиндрическій сосудъ A, въ которомъ сдѣланы были два отверстія и вставлены были металлическіе стержни *a* и *b*, на одномъ изъ нихъ былъ неподвижно укрѣпленъ шарикъ *d*, покрытый платиной; на другомъ стержнѣ былъ сдѣланъ шарниръ съ прикрѣпленнымъ къ нему шарикомъ *c*, также покрытымъ

платиной; горло сосуда было въ мѣдной оправѣ, въ которую ввинчивался кранъ *F* съ винтомъ *g*, посредствомъ котораго сосудъ этотъ можно было привинтить къ тарелкѣ воздушнаго насоса. Такъ-какъ стержень *c s* весьма легко вращается вокругъ точки *e*, то, наклоняя сосудъ нѣсколько влѣво, можно заставить стержень *c s* принять положеніе, какое представлено на рисункѣ; при наклоненіи сосуда вправо шарикъ с падаетъ на шарикъ *d* и такимъ образомъ батарея разрѣжается. Термометръ былъ совершенно подобенъ термометру Рисса; вмѣсто алкоголя манометрическою жидкостью служилъ ксилолъ, плотность котораго 0,86, а точка кипѣнія 140°. Въ моихъ опытахъ расположеніе цѣпи и приборовъ было слѣдующее: *JE* лейденская батарея, отъ внутренней обкладки батареи *J* шла толстая мѣдная проволока, одѣтая каучукомъ, къ мѣдному шарику *b*; отъ этого шарика шла такая-же проволока *bR* къ одному изъ концовъ проволоки разрядника *R*, отъ другаго конца разрядника шла опять проволока къ одному электроду термометра *F*; отъ другого электрода термометра шла проволока къ такому-же шарику *a*, отъ шарика *a* къ внѣшней обкладкѣ батареи *JE*. Всѣ эти проволоки составляли цѣпь, по которой проходилъ разрядъ батареи.

Заряженіе батареи и опредѣленіе количества электричества происходило такъ: два шарика *P* и *Q*, вращающихся на шарнирѣ, изъ которыхъ одинъ былъ соединенъ съ положительнымъ полюсомъ машины Гольца, а другой съ внутренной поверхностью мѣрительной банки Лане, приводились помощью нити въ соединеніе съ шариками *a* и *b*; тогда положительное электричество черезъ *b* шло во внутреннюю поверхность батареи, одноименное электричество внѣшней ея поверхности *E* шло по проволокѣ *Ea* въ мѣрительную банку; внѣшняя поверхность мѣрительной банки и другой полюсъ машины соединялись съ газопроводными трубками зданія. Зарядивши батарею *JE* опредѣленнымъ числомъ искръ мѣрительной банки, я уединялъ ее отъ машины и мѣрительной банки, отклоняя шарики *P* и *Q* и производилъ разрядъ. Сосудъ *R*, какъ было упомянуто, привин-

чивался къ воздушному насосу; съ насосомъ-же былъ соединенъ ртутный манометръ съ свободнымъ воздухомъ, при посредствѣ котораго можно было измѣрять давленіе оставашагося въ сосудѣ R газа.

Таблицы № I и № II содержатъ въ себѣ результаты опытовъ при вышеописанныхъ обстоятельствахъ.

№ I.

	Q	85.7	223.8	421.2	757.8
I Банка	8	11.0	30.6	34.3	36.0
	10	11.0	40.6	53.3	57.3
	12	14.0	55.3	70.3	80.6
	14	—	61.6	79.0	110.3
	16	—	65.0	105.0	136.0
II Банка	16	—	59.0	65.5	73.6
	18	—	69.0	87.6	93.0
	20	—	90.0	104.3	114.0
	22	—	105.3	119.0	136.6
	24	—	108.0	139.0	155.4
	26	—	123.5	163.5	181.6
	28	—	133.0	180.0	202.2
	30	—	144.5	193.5	225.7

	Q	223.8	421.2	757.8	1440
III Банка	20	70.6	77.0	81.0	—
	22	86.3	93.3	97.6	—
	24	101.0	108.0	114.2	—
	26	106.0	123.0	127.3	—
	28	125.6	144.0	148.6	—
	30	139.0	166.0	168.3	—
	32	165.0	189.6	193.0	—
	34	174.5	200.3	211.6	—
IV Банка	30	114.3	121.3	126.0	130.0
	32	129.0	131.0	141.6	143.0
	34	145.0	149.6	155.6	156.5
	36	160.0	170.0	171.5	182.0
	38	178.6	186.0	191.0	201.0

№ II.

	Q	192.1	280.5	382.0	592.6	992.8
I Банка	10	36.6	41.2	44.7	49.0	50.0
	12	—	59.0	60.6	69.6	77.5
	14	—	76.0	82.0	91.0	98.0
	16	—	87.3	100.0	—	128.5
II Банка	16	59.2	59.2	62.5	65.0	69.0
	18	71.4	74.0	74.5	82.6	84.0
	20	86.0	93.0	—	103.5	—
	22	—	99. 8	106.0	127.0	—
	24	—	120.5	131.7	144.0	—
	26	—	139.0	152.0	—	—

	Q	192.1	280.5	382.0
III Банка	26	107.6	111.6	120.2
	28	121.0	127.8	135.3
	30	136.5	146.8	162.0
	32	—	155.6	175.6
IV Банка	34	134.0	138.6	146.2
	36	146.7	157.0	161.3
	38	163.5	167.2	182.7
	40	177.5	183.5	202.8
	42	190.0	205.0	220.6
	44	211.0	—	244.7

Каждый четыреугольникъ соотвѣтствуетъ батареи изъ одной, двухъ, трехъ и четырехъ банокъ; первый вертикальный столбецъ всѣхъ четыреугольниковъ представляетъ количество электричества, измѣренное мѣрительной банкой; первая сверху горизонтальная строка представляетъ давленіе воздуха въ разрядникѣ; остальныя горизонтальныя строки представляютъ нагрѣванія, наблюдаемыя въ термометрѣ и соотвѣтствующія одному и тому-же количеству электричества, но при различныхъ давленіяхъ газа.

Числа, выражающія нагрѣванія, представляютъ среднее ариѳметическое изъ пяти отдѣльныхъ наблюденій. Въ первомъ

рядѣ опытовъ (таб. № I) въ термометрѣ была натянута тонкая платиновая проволока около 500 миллиметр. длины; во второмъ рядѣ опытовъ (таб. № II) натянута была проволока такой же толщины длиною около 400 миллиметр.; наклоненіе термометрической трубки было равно 10°; шаръ термометра находился въ цилиндрическомъ цинковомъ сосудѣ, который былъ окруженъ слоемъ ваты.

Разсматривая числа, составляющія таблицы № I и № II, замѣчаемъ, что нагрѣванія, соотвѣтствующія одному и тому-же количеству электричества и той-же поверхности, но получаемыя при разрядѣ въ воздухѣ различной упругости, уменьшаются съ уменьшеніемъ давленія. Нужно замѣтить, что наблюденія надъ нагрѣваніемъ при очень малыхъ давленіяхъ почти невозможны на томъ основаніи, что при маломъ давленіи газа разрядъ происходитъ самъ собою при большомъ разстояніи шариковъ и при такомъ незначительномъ количествѣ электричества, что нагрѣванія дѣлаются весьма малыми.

Какъ теорія, такъ и опыты Рисса, на которые я указывалъ выше, показываютъ, что всякое увеличеніе сопротивленія въ искрѣ при разрядѣ должно сопровождаться уменьшеніемъ нагрѣванія въ металлической части цѣпи; напротивъ, уменьшеніе сопротивленія въ разрядной искрѣ должно сопровождаться увеличеніемъ нагрѣванія проволоки термометра. На основаніи этого можно сдѣлать общее предположеніе, что при уменьшеніи давленія газа, въ которомъ происходитъ разрядъ, сопротивленіе въ искрѣ увеличивается, или вообще—потеря электической энергіи на произведеніе искры увеличивается. Но изъ вышеприведенныхъ опытовъ нельзя еще сдѣлать никакого заключенія о томъ, что̀ собственно вліяетъ на увеличеніе сопротивленія въ искрѣ. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что съ уменьшеніемъ давленія газа длина разрядной искры увеличивается и, слѣдовательно, при разрядѣ батареи посредствомъ падающаго шарика, съ уменьшеніемъ давленія газа разрядъ начинается съ бо̀льшаго разстоянія, и тѣмъ больше это разстояніе, чѣмъ меньше давленіе газа; поэтому увеличеніе сопротивленія въ

искрѣ должно приписать совмѣстному дѣйствію уменьшенія давленія и увеличенія длины разрядной искры. Если-же принять, что уменьшеніе давленія газа влечетъ за собою уменьшеніе сопротивленія, тогда причину уменьшенія нагрѣванія проволоки термометра при разрядѣ въ разрѣженномъ воздухѣ должно искать въ увеличившейся длинѣ разрядной искрѣ. Чтобы рѣшить, слѣдовательно, этотъ вопросъ, необходимо произвести рядъ опытовъ, гдѣ-бы измѣнялась только длина искры при неизмѣнномъ давленіи, или наоборотъ. Въ слѣдующихъ главахъ будутъ описаны опыты, изъ которыхъ будетъ видно какое оказываетъ вліяніе на сопротивленіе газовъ, какъ давленіе, такъ и длина искры. Но я долженъ замѣтить предварительно, что и эти опыты уже показываютъ, что увеличеніе длины разрядной искры влечетъ за собою уменьшеніе нагрѣванія въ проволокѣ термометра. Въ самомъ дѣлѣ, одинъ изъ несомнѣнныхъ законовъ нагрѣванія при прохожденіи электричества черезъ проводники — это законъ пропорціональности нагрѣванія квадратамъ количества протекшаго электричества. При разрядѣ конденсаторовъ коэфиціентъ пропорціональности a въ формулѣ.

$$T = a\, Q^2$$

гдѣ T нагрѣваніе, Q количество электричества, сохраняетъ постоянную величину только въ такомъ случаѣ, если конденсаторъ заряжается такими количествами электричества, при которыхъ напряженіе конденсатора, а слѣдовательно и длина разрядной искры, измѣняются между небольшими предѣлами; при малыхъ напряженіяхъ конденсатора коэфиціентъ a получаетъ слишкомъ большое значеніе, а при большихъ — слишкомъ малое; обыкновенно это измѣненіе коэфиціента a объясняютъ потерей электричества въ воздухъ, черезъ подставки при очень сильныхъ зарядахъ; потеря несомнѣнно существуетъ, но не только одной потерею можно объяснить измѣненіе коэфиціента a. Чтобы убѣдиться въ этомъ, обратимся къ предыдущимъ опытамъ; въ таблицахъ №№ III и IV вычислены коэфиціенты a, соотвѣтствующіе различнымъ количествомъ электри-

чества и различнымъ давленіямъ. Таблица № III соотвѣтствуетъ числамъ таблицы № I, а таблица № IV соотвѣтствуетъ числамъ таблицы № II.

№ III

Q	223.8	421.2	757.8
8	0.478	0.536	0.562
10	0.406	0.533	0.573
12	0.383	0.488	0.556
14	0.314	0.403	0.562
16	0.254	0.410	0.531

№ IV

Q	280.5	382.0	592.6	992.8
10	0.412	0.447	0.490	0.500
12	0.409	0.420	0.483	0.538
14	0.387	0.418	0.464	0.500
16	0.341	0.390	—	0.501

Обѣ таблицы вычислены только для одной банки, такъ-какъ при одной банкѣ напряженіе измѣняется между большими предѣлами, нежели при большомъ числѣ банокъ.

Числа вышеупомянутыхъ таблицъ показываютъ, что чѣмъ меньше давленіе воздуха, тѣмъ большимъ измѣненіямъ подвергается коэфиціентъ a, что онъ постоянно уменьшается при малыхъ давленіяхъ съ увеличеніемъ напряженія конденсатора и наконецъ остается болѣе или менѣе постояннымъ при высшихъ давленіяхъ. Очевидно, что уменьшеніе коэфиціента a при малыхъ давленіяхъ нельзя объяснить потерею электричества, такъ-какъ потеря эта должна было-бы оказывать точно такое-же вліяніе и при высшихъ давленіяхъ. Объяснить же уменьшеніе коэфиціента a при малыхъ давленіяхъ можно только тѣмъ, что трата на произведеніе болѣе длинной искры при малыхъ давленіяхъ значительно уменьшаетъ нагрѣваніе проволоки термометра и что трата эта не остается постоянной при измѣненіи напряженія конденсатора, а быстро увеличивается вмѣстѣ съ увеличивающеюся длиною искры. При высокихъ давленіяхъ искра коротка и трата на нее не высока сравнительно съ тратою на нагрѣваніе проволоки термометра.

Совершенно подобное явленіе можно получить, если ввести въ цѣпь кромѣ проволоки термометра еще проволоку внѣ термометра и увеличивать ея длину вмѣстѣ съ увеличеніемъ напряженія конденсатора; полученный при такихъ обстоятельствахъ коэфиціентъ a уменьшался бы съ увеличеніемъ напряженія конденсатора и увеличеніемъ длины вводимой въ цѣпь проволоки Въ вышеприведенныхъ таблицахъ коэфиціентъ сохраняетъ постоянное значеніе при давленіяхъ, близкихъ къ атмосферному; въ разрядникѣ, какъ было упомянуто, находился воздухъ; но если наполнить разрядникъ водородомъ, то оказывается, что и при атмосферномъ давленіи коэфиціентъ пропорціональности измѣняется значительно, между тѣмъ, какъ при болѣе высокихъ давленіяхъ онъ измѣняется весьма мало. Слѣдующія таблицы, № V и № VI представляютъ нагрѣванія проволоки термометра при разрядѣ въ водородѣ; тамъ-же помѣщенъ и вычисленный коэфиціентъ a, въ столбцѣ $\frac{T}{Q^2} = a$.

№ V

I Банка

Q	755.6	$\frac{T}{Q^2}$
8	41. 6	0.650
10	61.6	0.616
12	80.3	0.557
14	105.3	0.537
16	121.0	0.472

№ VI

IV Банки

Q	755.6	$\frac{T}{Q^2}$	1431.5	$\frac{T}{Q^2}$
32	142.3	0.559	148.5	0.580
34	153.0	0.529	161.5	0.559
36	163.0	0.503	181.5	0.560
38	192.5	0.533	201.5	0.558
40	213.5	0.533	228.5	0.571

Первая таблица выражаетъ нагрѣваніе при разрядѣ одной банки, вторая — при разрядѣ 4-хъ банокъ; коэфиціентъ пропорціональности замѣтно уменьшается съ увеличеніемъ напряженія въ первомъ случаѣ и остается постояннымъ при высокомъ давленіи и при большой поверхности; причина сильнаго измѣненія коэфиціента *a* въ томъ случаѣ, когда разрядъ происходитъ въ водородѣ атмосфернаго давленія, заключается въ томъ, что длина разрядной искры въ водородѣ почти вдвое болѣе, нежели въ воздухѣ при одинаковыхъ прочихъ условіяхъ.

Изъ всего что было сказано въ этой главѣ можно придти къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Нагрѣванія проволоки термометра при разрядѣ конденсатора по способу Рисса уменьшаются вмѣстѣ съ уменьшеніемъ давленія газовой среды, въ которой происходитъ разрядъ, что̀ должно приписать совокупному вліянію, какъ давленія, такъ и измѣняющейся длины искры.

2) Если производить разрядъ конденсатора посредствомъ падающаго шарика въ разрѣженной газовой средѣ, то наблюдаемыя нагрѣванія проволоки термометра не подчиняются закону пропорціональности квадратамъ количествъ элек-

тричества, а увеличиваются менѣе быстро, чѣмъ квадраты количествъ электричества и отступленіе тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ менѣе упругость газовой среды, въ которой происходитъ разрядъ.

3) Если разрядъ происходитъ въ газовой средѣ атмосфернаго давленія, и если при разрядѣ длина искры достигаетъ значительной величины, напр., въ водородѣ, сравнительно съ воздухомъ, то наблюдаемыя нагрѣванія точно такъ-же увеличиваются менѣе быстро, нежели квадраты количествъ электричества; отступленія отъ закона пропорціональности нагрѣванія квадратамъ количествъ электричества тѣмъ менѣе, чѣмъ болѣе поверхность конденсатора и чѣмъ больше давленіе газовой среды, въ которой происходитъ разрядъ.

ГЛАВА III.

Нагрѣваніе проволоки термометра при саморазрядѣ батареи.

Какъ уже было замѣчено выше, опыты, описанные въ предыдущей главѣ, не рѣшаютъ вопроса о томъ, чтó уменьшаетъ нагрѣваніе проволоки термометра при разрядѣ конденсатора въ разрѣженномъ газѣ; разрядъ конденсатора посредствомъ падающаго одинъ на другой электрода есть явленіе сложное; здѣсь разрядъ происходитъ вслѣдствіе быстро уменьшающагося сопротивленія; приближеніе одного электрода къ другому есть быстрое уменьшеніе длины искры. Когда бóльшая часть теплоты, выдѣляющейся при зарядѣ, сосредоточена въ одномъ мѣстѣ цѣпи и когда измѣненія длины искры незначительны, то сопротивленіе въ искрѣ мало оказываетъ вліянія на нагрѣваніе проволоки термометра и тогда нагрѣванія слѣдуютъ закону пропорціональности квадратамъ количествъ электричества. Таковы условія, при которыхъ Риссъ производилъ свои наблюденія. Явленіе разряда нѣсколько упростится, если конденсаторъ заряжать до саморазряда съ извѣстнаго разстоянія. Извѣстно, что если проволоки, идущія отъ одной и другой оболочки конденсатора, приблизить до опредѣленнаго и неизмѣннаго разстоянія, то при зарядѣ его послѣдуетъ саморазрядъ, когда напряженіе на электродахъ достигнетъ опредѣленнаго предѣла; при этомъ количество электричества при одной и той-же поверхности конденсатора и одномъ и томъ-же раз-

стоянія электродовъ будетъ всегда постояннымъ. Можно, однако, измѣнять по произволу это количество электричества, измѣняя или поверхность батареи или упругость газа, въ которомъ происходитъ разрядъ, или же, наконецъ, природу газа. При разрядѣ конденсатора въ этихъ условіяхъ не все количество электричества, скопленнаго на немъ, проходитъ по цѣпи и черезъ газовый слой, отдѣляющій электроды, а бо́льшая часть его; меньшая-же часть его остается въ конденсаторѣ, которая носитъ названіе остаточнаго заряда; ее необходимо опредѣлить и принять во вниманіе. Количество остаточнаго заряда измѣняется вмѣстѣ съ сопротивленіемъ цѣпи, длиной искры и давленіемъ газа, въ которомъ происходитъ разрядъ. При этихъ обстоятельствахъ, слѣдуя теоріи Клаузіуса [1]), нагрѣванія проволокъ цѣпи должны подчиняться закону, выраженному слѣдующей формулой.

$$T=a\frac{Q^2-q^2}{S},$$

гдѣ T—нагрѣваніе, Q—количество электричества, скопленнаго на оболочкахъ конденсатора, q—остаточный зарядъ, S—поверхность батареи и a—коэфиціентъ пропорціональности.

Для опредѣленія остаточнаго заряда, Риссъ измѣрялъ число искръ мѣрительной банки, необходимое для перваго разряда, а затѣмъ сейчасъ же — для втораго; оказалось, что для второго необходимо меньше; разность между числами искръ перваго и второго разряда есть число искръ, выражающее количество электричества остаточнаго. Болѣе удобный способъ для опредѣленія остаточнаго заряда заключается въ нейтрализаціи электричества остаточнаго заряда противоположнымъ электричествомъ и въ опредѣленіи числа искръ мѣрительной банки, необходимаго для полной нейтрализаціи. Съ этою цѣлью электроды употребляемой машины Гольца были установлены

---

[1]) Abhandlungen über die mechanische Wärmetheorie.

слѣдующимъ образомъ: обыкновенно въ машинахъ Гольца кромѣ двухъ кондукторовъ *A* и *B* (фиг. 4), идущихъ непосредственно отъ гребней машины, устраиваются внизу на каучуковыхъ пластинкахъ *C* и *D*, два металлическихъ стержня съ зажимными винтами, оканчивающіеся двумя шарами *G* и *F*, которые могутъ приподыматься до прикосновенія съ верхними шарами *A* и *B*. Опустивши шары *G* и *F* до возможно большаго разстоянія, я прикрѣпилъ проволоку, одѣтую каучукомъ, къ шару *A*, а другой конецъ къ стержню *D*; такимъ-же точно образомъ я укрѣпилъ другую такой-же длины проволоку; если *A*—положительный полюсъ, то и *D*—положительный; то-же самое относительно *B* и *C*. Подлѣ машины впереди установливался приборъ, изображенный на фиг. 5, состоящій изъ доски съ двумя каучуковыми пластинками *A* и *B*, на которыхъ были укрѣплены два метталлическихъ стержня *AC* и *BD*, вращающіеся около точекъ прикрѣпленія, съ шариками *C* и *D* на другихъ концахъ и соединенные, кромѣ того, каучуковымъ стержнемъ *gf*, такъ что, вращаяясь вмѣстѣ, стержни могутъ оставаться всегда параллельными между собой; вращеніе производится при посредствѣ нити, прикрѣпленной къ перекладинѣ *gf*, проходящей черезъ крючекъ; приборъ этотъ устанавливается такимъ образомъ, чтобы шарики прибора *C* и *D* могли двигаться между шарами машины *A* и *G* и *B* и *F*. При поднятіи ихъ шарики *C* и *B* касаются шаровъ *A* и *B* и, такимъ образомъ, стержень *AC* ведетъ положительное электричество, если *A* заряженъ положительно, а стержень *BD*—отрицательное; если-же шарики опустить, то *C* и *D* касаются шаровъ *G* и *F* и тогда уже стержень *AC* ведетъ отрицательное электричество, а *B D*—положительное; останавливая ихъ на половинѣ разстоянія между *A* и *G*, можно разъединить стержни отъ машины.

Отъ одного изъ этихъ стержней шла проволока, одѣтая каучукомъ, къ внутренней обкладки батареи, употреблявшейся въ прежнихъ опытахъ; отъ винта внутренней обкладки шла такая же проволока къ одному изъ электродовъ разрядника, который былъ нѣсколько измѣненъ, сообразно цѣлямъ опыта;

другой электродъ разрядника соединялся мѣдной проволокой, одѣтой въ каучукъ, съ однимъ изъ винтовъ термометра; другой винтъ термометра соединялся съ внѣшней обкладкой батереи, стоявшей на мѣдной пластинкѣ, поддерживаемой стекляной подставкой; отъ этой пластинки шла проволока къ внутренней обкладкѣ мѣрительной банки; отъ внѣшней обкладки мѣрительной банки шла проволока къ другому стержню комутатора, который былъ соединенъ съ землей. Для яснаго представленія расположенія приборовъ, они представлены на рисункѣ 6-мъ.

M машина Гольца, *K* комутаторъ, *R* разрядникъ, *T* термометръ, *L* мѣрительная банка, внутренняя обкладка которой соединена во первыхъ съ внѣшней обкладкой батареи проволокой *gh*, а вовторыхъ съ проволокой, впаянной въ трубку *r*, оканчивающейся внутри трубки платиновымъ концемъ 1 м. м. діаметра; трубка *r* была наполнена водородомъ атмосфернаго давленія; другая впаянная проволока была соединена спиралью изъ тонкой мѣдной проволоки съ внѣшней обкладкой мѣрительной банки; отъ нея же шла проволока *kl* къ другому стержню комутатора, соединеннаго съ газопроводными трубами зданія; спираль въ мѣрительной банкѣ нужна была для того, чтобы уменьшить количество отрывающихся частицъ отъ платиновыхъ электродовъ, заключенныхъ въ трубкѣ *r*; частицы эти осѣдаютъ впослѣдствіи на электродахъ, покрывая ихъ слоемъ порошка черного цвѣта, исключая тѣхъ мѣстъ, гдѣ скачетъ искра; тамъ проволока, сначала полированная, кажется впослѣдствіи матовою.

Разрядникъ былъ измѣненъ сообразно съ цѣлями опытовъ; прежде въ немъ находились два шарика, изъ которыхъ одинъ былъ неподвиженъ, а другой падалъ на неподвижный при наклоненіи сосуда; вмѣсто этихъ шариковъ были вставлены толстые мѣдные стержни *a* и *b*, оканчивающіеся платиновыми концами того-же діаметра; одинъ изъ этихъ стержней именно *b* вставлялся въ мѣдную трубку, въ которой могъ двигаться параллельно самому себѣ и быть закрѣпленнымъ въ желаемомъ разстояніи отъ другаго при помощи зажимнаго винта. Разстояніе между электродами измѣрялось помощью катетометра слѣдующимъ

образомъ: въ сосудѣ около горла была металлическая оправа съ краномъ; если отвинтить ее, открывалось отверстіе около 30 миллиметровъ въ діаметрѣ; установивъ сосудъ горизонтально, такъ, что линія, соединяющая электроды была вертикальна, что достигалось при помощи отвѣса, я измѣрялъ разстояніе между ближайшими точками платиновыхъ стержней, которые были на концахъ закруглены.

Разрядникъ былъ наполненъ воздухомъ и водородомъ, давленіе которыхъ измѣнялось въ большихъ предѣлахъ, такъ-какъ, при большихъ разстояніяхъ электродовъ, необходимо было большое разрѣженіе, между тѣмъ, какъ при малыхъ разстояніяхъ необходимо было сгущеніе для того, чтобы можно было по произволу измѣнять количество скопившагося въ батареѣ электричества. Съ этой цѣлью я одновременно употреблялъ насосы выкачивающій и нагнетательный ручной насосъ Гейлюссака. Расположеніе приборовъ представлено на рисункѣ (фиг. 7).

Газъ изъ газометра *A* шелъ сначала въ сушильные приборы съ крѣпкой сѣрной кислотой и *U*—образныя трубки, наполненныя хлористымъ кальціемъ и ѣдкимъ кали; по выходѣ изъ нихъ онъ шелъ по трубкѣ *L* въ нагнетательный насосъ, затѣмъ по трубкѣ *K* въ кранъ *g* о трехъ ходахъ, откуда одна вѣтвь трубки вела въ разрядникъ *N*, другая въ манометръ *M*. При манометрѣ былъ термометръ *T*, измѣрявшій температуру ртути; манометръ былъ открытый, и разность уровней ртути измѣрялась катетометромъ. Когда нужно было разрядить газъ въ разрядникѣ, тогда кранъ *m* нагнетательнаго насоса запирался, а другіе краны были отперты. Выкачавши газъ до опредѣленнаго давленія и измѣривши его, я запиралъ кранъ *r* и производилъ разрядъ. Когда нужно было сгустить газъ въ разрядникѣ, я открывалъ кранъ *m*; затѣмъ, поднявъ ручку нагнетательнаго насоса при закрытомъ кранѣ *n* и отворенномъ *m* доверху, я опускалъ поршень насоса и вовремя опусканія отворялъ кранъ *n*, конечно, тѣмъ позже, чѣмъ болѣе газъ сгущался въ разрядникѣ. Манометръ и прочіе приборы допу-

скали сгустить газъ до двухъ атмосферъ. Точно такъ-же и теперь, сгустивши газъ до опредѣленнаго давленія, которое измѣрялось, я запиралъ кранъ *r* и производилъ разрядъ.

Опыты производились слѣдующимъ образомъ.

Установивши предварительно электроды разрядника и измѣривши разстояніе между ними, я выкачивалъ воздухъ и наполнялъ сосудъ сухимъ водородомъ или воздухомъ, но начиналъ съ очень малыхъ давленій; по мѣрѣ того, какъ производились наблюденія, я впускалъ газъ въ разрядникъ, чѣмъ и увеличивалъ давленіе; затѣмъ я поднималъ комутаторъ за нить такъ, чтобы шарики его приходили въ прикосновеніе съ верхними шарами машины Гольца, и держалъ ихъ въ такомъ положеніи во все время заряженія батареи; въ первый пріемъ я исключительно опредѣлялъ число искръ мѣрительной банки, которое необходимо для саморазряда батареи. Такихъ наблюденій было десять, при чемъ я каждый разъ разряжалъ батарею и, такимъ образомъ, освобождалъ ее отъ остаточнаго заряда. Во второй пріемъ, поднявши комутаторъ до прикосновенія съ верхними шарами машины, не считалъ числа искръ, а сосредоточилъ все вниманіе на томъ, чтобы въ моментъ разряда батареи опустить комутаторъ до половины разстоянія между верхними и нижними шарами машины Гольца. Для этого стоило только нить пустить свободно; комутаторъ самъ задерживался на этомъ разстояніи. Въ батареѣ послѣ разряда оставался остаточный зарядъ, количество котораго надобно было измѣрить; для этого я опускалъ комутаторъ до прикосновенія съ нижними шарами машины; тогда во внутреннюю обкладку черезъ тотъ-же стержень и ту-же проволоку шло отрицательное электричество и нейтрализовало положительное, оставшееся во внутренней обкладкѣ. Число искръ мѣрительной банки, необходимыхъ для совершеннаго нейтрализованія батареи, давало возможность измѣрить количество остаточнаго заряда. Число банокъ могло измѣняться отъ одной до четырехъ. Въ третій пріемъ я уже не обращалъ вниманія на количество электричества и наблюдалъ главнымъ образомъ термометръ. Кранъ термо-

метра закрывался, батарея заряжалась; въ это время я слѣдилъ за уровнемъ манометрической жидкости термометра и замѣчалъ въ моментъ разряда ея положеніе; это было необходимо потому, что, хотя термометръ и былъ защищенъ отъ вліянія измѣненій внѣшней температуры комнаты, но онъ былъ очень чувствителенъ къ измѣненіямъ давленія. Въ вѣтренные дни наблюденія, вслѣдствіе этого, становились невозможными, такъкакъ эти измѣненія доходили до величины 10 миллиметровъ.

Результаты этихъ опытовъ помѣщены въ слѣдующихъ таблицахъ. Числа, выражающія нагрѣванія, суть среднія изъ десяти отдѣльныхъ наблюденій.

Воздухъ.

Разстояніе электродовъ 21,8 м.м.

S	Q	q	T	a	B
1	5	1	11.0	0.458	213.0
2	10	2	21.6	0.450	
3	16	3	39.8	0.483	
4	22	4	57.4	0.488	
4	38	5	163.6	0.460	416.9
3	27	3	109.0	0.453	
2	18	2	71.6	0.446	
1	11	1	55.8	0.465	557.0
2	24	3	130.3	0.458	
3	34	4	186.6	0.489	
4	45	6	249 3	0.480	
4	54	7	346.5	0.480	668.8
3	39	4	240.6	0.477	
2	27	3	167.4	0.464	
1	13	1	79.2	0.471	

Водородъ.

Разстояніе электродовъ 21,8 м.м.

S	Q	q	T	a	B
4	38	4	136.0	0.53б	655.6
3	23	3	101.0	0.582	
2	16	2	68.2	0.540	

Воздухъ.

Разстояніе электродовъ 18,5 м. м.

S	Q	q	T	a	B
4	39	5	209.2	0.556	544.1
3	27	3	139.3	0.573	
2	18	2	93.8	0.586	
1	9	1	45.5	0.568	
1	11	1	62.6	0.521	610.5
2	22	2	132.0	0.550	
3	33	4	196.2	0.546	
4	44	5	270.6	0.568	
4	54	7	360.0	0.500	745.1
3	39	5	256.5	0.513	
2	26	4	170.0	0.500	
1	13	1	90.2	0.536	

Водородъ.

Разстояніе электродовъ 18,5 м. м.

S	Q	q	T	a	B
1	9	1	56.7	0.708	1204.3
2	19	3	121.5	0.690	
3	27	4	167.5	0.702	
4	38	5	247.0	0.696	
4	45	5	350.2	0.700	1363.2
3	33	4	245.2	0.684	
2	23	3	176.3	0.678	
1	11	2	83.0	0.709	

Воздухъ.

Разстояніе электродовъ 13 м.м.

S	Q	q	T	a	B
1	6.5	0.5	25.3	0.602	344.9
2	12	2	44.6	0.636	
3	18	2	70.1	0.657	
4	26	3	101.4	0.608	
1	8	1	38.0	0.603	584.6
2	16	2	78.4	0.622	
3	24	4	121.2	0.648	
4	34	5	168.4	0.592	
1	12	2	84.2	0.601	840.1
2	24	3	167.8	0.590	
3	36	4	252.3	0.591	
4	48	6	350.6	0.616	
1	14	2	110.7	0.576	1029 5
2	29	3	256.6	0.616	
3	42	5	340.0	0.585	
1	17	2	163.3	0.573	1241.9
2	34	4	351.0	0.614	

Водородъ.

Разстояніе электродовъ 13 м.м.

S	Q	q	T	a	B
2	12	2	64.0	0.919	
3	17	3	86.0	0.921	
4	23	4	117.6	0. 916	
1	7	1	43.6	0.908	
2	14	2	88.3	0.918	
3	21	3	131.0	0.909	
4	28	4	181.8	0.944	
1	8	1	58.5	0.928	
2	16	2	115.1	0.912	
3	24	3	172.2	0.909	
4	32	4	232.0	0.920	
1	9.5	1	82.0	0.918	
2	19	2	168.0	0.940	
3	27	3	224.3	0.933	
4	38	5	329.0	0.924	

Воздухъ.
Разстояніе электродовъ 8 м.м.

S	Q	q	T	a
1	8.5	1	61.5	0.865
2	17	2	128.1	0.898
3	25	3	190.8	0.927
4	33	4	250.4	0.932
1	10	1	83.0	0.838
2	20	2	169.0	0.852
3	30	3	255.6	0 858
4	40	5	350.5	0.888
1	16	2	220.0	0.873
2	30	4	375.0	0.848

Водородъ.
Разстояніе электродовъ 8 м.м.

S	Q	b	T	a
1	5	0	27.2	1.083
2	9	1	43.7	1.092
3	15	2	75.6	1.026
4	20	3	99.6	1.008
1	8	1	71.0	1.126
2	13	2	131.0	1.038
3	23	3	189.0	1.089
4	31	4	241.0	1.020
1	10	1	102.6	1.036
2	19	2	180.2	1.008
3	28	3	260.0	1.005
4	38	5	355.5	1.000
1	12	1	160.2	1.120
2	25	3	311.0	1.008

Воздухъ.
Разстояніе электродовъ 4 м.м.

S	Q	q	T	a
1	7	1	52.0	1.083
2	14	2	106.2	1.106
3	21	3	150.9	1.047
4	28	4	204.6	1.064
2	20	3	198.0	0.992
3	30	3	303.6	1.020
1	13	1	162.6	0.968
1	14	1	197.2	1.011
2	29	3	403.0	0.968
1	17	2	276.6	0.970

Водородъ.
Разстояніе электродовъ 4 м.м.

S	Q	q	T	a
2	12	1	98.2	1.372
3	17	2	113.1	1.188
4	24	3	172.7	1.216
2	14	2	132.3	1.376
3	22	3	203.8	1.287
4	28	4	248.9	1 280
1	9	1	100.0	1.250
2	17	2	184.4	1.294
1	11	1	136.0	1.133
2	22	2	218.9	1.110

При разстояніи электродовъ, равномъ 13$^{м.м.}$, въ случаѣ дѣйствія съ водородомъ, давленія не показаны, такъ-какъ манометръ не могъ показывать большихъ давленій; не измѣряя, однако-же, этого давленія, я его измѣнялъ и тѣмъ только достигалъ измѣненія количества электричества, проходящаго при разрядѣ [1]).

Таблицы эти составлены по типу предыдущихъ; въ верхней горизонтальной строкѣ каждой изъ нихъ буквы S, Q, q, T, B и a обозначаютъ поверхность, количество электричества, остаточный зарядъ, нагрѣваніе, давленіе, гдѣ оно было измѣрено, и наконецъ коэфиціентъ пропорціональности въ формулѣ

$$T=a\frac{Q^2-q^2}{S}$$

Для каждаго разстоянія электродовъ разрядникъ наполнялся или сухимъ воздухомъ, или сухимъ водородомъ.

Разсматривая числа предыдущихъ таблицъ, можно вывести слѣдующія заключенія:

1) Коэфиціентъ пропорціональности весьма мало измѣняется при одномъ и томъ-же разстояніи электродовъ, при одномъ и томъ-же газѣ, но при различныхъ давленіяхъ газа; измѣненія, конечно, существуютъ, но они неизбѣжны при ошибкахъ наблюденія; къ тому-же здѣсь не замѣчается постояннаго увеличенія коэфиціента пропорціональности или же уменьшенія его при измѣненіи давленія газа, какъ это было въ предыдущихъ опытахъ при разрядѣ посредствомъ падающаго шарика въ разрѣженномъ воздухѣ.

2) Коэфиціентъ пропорціональности увеличивается при одномъ и томъ-же газѣ, когда разстояніе между электродами уменьшается и, слѣдовательно, когда уменьшается длина искры. Убѣдиться въ этомъ можно, разсматривая какъ нагрѣванія, такъ и вычисленный коэфиціентъ a для воздуха или водорода во всѣхъ таблицахъ. Для ясности помѣщаю таблицу, въ которой вычислены среднія значенія коэфиціента пропорціональ-

---

[1]) При этихъ опытахъ, впрочемъ, и не важно знать численную величину давленія, какъ это видно будетъ впослѣдствіи.

ности для каждаго отдѣльно разстоянія электродовъ въ случаѣ разряда въ воздухѣ и въ водородѣ.

21.8	18.5	13	8	4	Разстояніе электродовъ
0.468	0.542	0.607	0.878	1.023	**Воздухъ.**
0.553	0.696	0.921	1.047	1.251	**Водородъ.**

Слѣдовательно, если черезъ проволоку термометра при одной и той-же батареѣ пройдетъ одно и то-же количество электричества, то нагрѣваніе проволоки будетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ тоньше будетъ слой газа, чрезъ который электричество должно будетъ пройти, или чѣмъ меньше будетъ длина разрядной искры.

3) Коэфиціентъ пропорціональности дѣлается больше, если разрядъ происходитъ въ водородѣ, нежели въ воздухѣ при одномъ и томъ же разстояніи электродовъ. Послѣднее ясно видно изъ чиселъ предыдущей таблицы; если, слѣдовательно, одно и то-же количество электричества, скопленное въ одномъ и томъ-же конденсаторѣ, пройдетъ чрезъ одну и ту-же проволоку термометра, то оно нагрѣетъ ее болѣе въ томъ случаѣ, когда на пути своемъ по цѣпи пройдетъ слой водорода, нежели тогда, когда пройдетъ слой воздуха одинаковой толщины.

Водородъ, слѣдовательно, представляя меньшее сопротивленіе, обладаетъ бо́льшею проводимостью, нежели воздухъ.

Обращая затѣмъ вниманіе на способъ измѣненія количества электричества при неизмѣнномъ разстояніи электродовъ и одной и той-же поверхности конденсатора, легко замѣтить различіе между вышеописанными опытами и тѣми, о которыхъ говорено въ предыдущей главѣ. Чтобы пояснить, какое значеніе можетъ имѣть различіе въ способахъ разряда въ двухъ рядахъ опытовъ, обратимъ вниманіе на то, чѣмъ существенно отличается теченіе электричества черезъ газы отъ теченія его по металлическимъ проводникамъ вообще и при разрядѣ кон-

денсаторовъ въ частности. Черезъ слой газа опредѣленнаго давленія и температуры можетъ пройти опредѣленное количество электричества, соотвѣтствующее опредѣленной разности потенціаловъ на электродахъ; въ металлической проволокѣ, какъ извѣстно, количество электричества можетъ измѣняться вполнѣ произвольно; если представимъ себѣ конденсаторъ и соединительную цѣпь, идущую отъ оболочекъ, то при непрерывности цѣпи заряженіе конденсатора невозможно; если-же цѣпь въ одномъ мѣстѣ прервана, и между концами проволокъ оставлено нѣкоторое опредѣленное разстояніе, то черезъ проволоки можетъ пройти только одно опредѣленное количество электричества; введеніе въ цѣпь новой проволоки, какой угодно длины, толщины и химическаго состава, не измѣняетъ этого количества электричества; введеніе-же, въ мѣстѣ перерыва, слоя газа другого давленія, другой толщины, или другого химическаго состава, сейчасъ-же измѣняетъ количество электричества при разрядѣ. Оставляя цѣпь неизмѣнной, можно измѣнять поверхность конденсатора, но при этомъ количество электричества будетъ измѣняться только по опредѣленному закону, такъ—что невозможно измѣнять произвольно количество электричества, сохраняя неизмѣннымъ составъ цѣпи. Здѣсь кстати замѣтить, что въ этомъ отношеніи индукціонныя катушки представляютъ преимущество передъ конденсаторами, такъ-какъ въ индукціонныхъ катушкахъ количество электричества можетъ быть измѣняемо.

При изслѣдованіяхъ надъ нагрѣваніемъ проводниковъ при разрядѣ конденсаторовъ, необходимо измѣнять количество электричества, чтобы выяснить зависимость между нагрѣваніемъ и другими величинами. Въ изслѣдованіяхъ Рисса измѣненія количества электричества достигалось удаленіемъ электродовъ на такое разстояніе, при которомъ не можетъ произойти саморазряда, и въ быстромъ приближеніи ихъ при разрядѣ. Объ этомъ-же способѣ было говорено во второй главѣ, и тамъ-же, полагаю, выяснилось, что сопротивленіе въ искрѣ, измѣняющееся съ количествомъ электричества, ея длиной и давленіемъ газа, можетъ измѣнить, повидимому, и самую зависимость между нагрѣваніемъ

проволоки термометра и количествомъ протекшаго электричества. Въ опытахъ, описанныхъ въ этой главѣ, количество электричества измѣнялось измѣненіемъ давленія газа при одномъ и томъ-же разстояніи электродовъ. Еслибы давленіе газа сильно измѣняло сопротивленіе въ искрѣ, и увеличеніе давленія газа влекло бы за собою увеличеніе сопротивленія въ искрѣ то нужно было-бы ожидать, что коэфиціентъ пропорціональности постоянно уменьшался-бы помѣрѣ того, какъ увеличивалось-бы количество электричества, такъ-какъ для увеличенія количества электричества необходимо газъ сгустить въ разрядникѣ и, слѣдовательно, увеличить сопротивленіе въ искрѣ. Такъ-какъ такого постояннаго уменьшенія коэфиціента пропорціональности здѣсь незамѣтно, и измѣненія его идутъ то въ одну, то въ другую сторону, то приходится сдѣлать предположеніе, что сопротивленіе газа весьма мало измѣняется съ измѣненіемъ давленія (хотя давленіе въ этихъ опытахъ измѣнялось въ предѣлахъ отъ $1/_2$ атмосферы до $2^1/_2$ атмосферъ), и что термометръ, будучи чувствительнымъ къ измѣненію сопротивленія въ искрѣ, происходящему вслѣдствіе измѣненія ея длины и природы газа (водорода), не чувствителенъ къ измѣненію сопротивленія въ искрѣ, происходящему вслѣдствіе измѣненія давленія.

Нужно прибавить, что эти опыты не могутъ имѣть въ этомъ смыслѣ рѣшающаго значенія, такъ-какъ способъ опредѣленія количества электричества мѣрительной банкой Лане недостаточно точенъ. Недостаточною степенью точности измѣренія количества электричества и нетождественностью банокъ можно отчасти объяснить значительныя иногда колебанія коэфиціента пропорціональности.

ГЛАВА IV.

Нагрѣваніе проволоки термометра при разрядѣ конденсатора въ пустомъ пространствѣ.

Еслибы можно было произвести разрядъ конденсатора безъ участія газа, и затѣмъ, введя слой газа опредѣленной толщины, давленія и температуры, производить разряды при произвольно измѣняющемся количествѣ электричества, тогда легко было бы опредѣлить сопротивленіе газоваго слоя по уменьшенію нагрѣванія въ проволокѣ термометра; введеніе въ цѣпь газоваго слоя можно было бы разсматривать такъ-же, какъ введеніе въ цѣпь проводника опредѣленнаго сопротивленія; достигнуть этого въ нѣкоторой степени мнѣ удалось, какъ это будетъ видно изъ послѣдующаго.

Разрядъ батареи производился въ этомъ рядѣ опытовъ посредствомъ падающаго одинъ на другой электрода, причемъ электроды находились въ пустотѣ. Выше было говорено, что можно приготовить трубки, въ которыхъ не происходитъ разряда сильныхъ индукціонныхъ катушекъ при весьма маломъ разстояніи электродовъ. Если бы въ такой трубкѣ впаять два электрода, изъ которыхъ одинъ могъ-бы по произволу прикасаться къ другому, то тогда разрядъ конденсатора происходилъ-бы безъ искры.

Такую трубку я заказалъ Альвернья, и устроена она была слѣдующимъ образомъ: въ широкую трубку *A* впаяны (фиг. 8)

двѣ тонкія трубки *a* и *b*, внутри которыхъ находились платиновыя проволоки, выступающія немного внутри и внѣ трубки; проволока, впаянная въ трубку *b*, внутри широкой трубки загнута въ маленькое кольцо; въ это кольцо продѣта другая маленькая проволока *c*, загнутая на одномъ концѣ въ кольцо, а на другомъ концѣ имѣющая платиновый шарикъ; длина проволоки *c* нѣсколько болѣе разстоянія между концами проволокъ внутри трубки; маленькія кольца, о которыхъ говорено выше, на столько велики, что шарикъ съ проволокою *c* вращается совершенно свободно и виситъ вертикально при горизонтальномъ положеніи трубки *A*. При поворачиваніи же трубки *A* по направленію стрѣлокъ, шарикъ съ проволокою *c* коснется проволоки *d*, когда трубка *A* станетъ вертикально. Если электроды индукціонной катушки Румкорфа средней величины соединить съ проволоками *a* и *b* и поставить трубку *A* въ наклонномъ положеніи такъ, чтобы разстояніе между проволокой *d* и шарикомъ *c* было очень мало, около полу-миллиметра, то внутри трубки не появляется искры, не смотря на то, что въ воздухѣ въ то же самое время можетъ появиться искра, длиною въ 50 миллиметровъ.

Нѣсколько иное происходитъ, если проволоки трубки *A* соединить съ электродами - электрофорной машины Гольца; вслѣдствіе большого напряженія электричества на электродахъ, шарикъ самъ собою притягивается проволокой внутри трубки, и разрядъ происходитъ въ моментъ прикосновенія; если даже поставить трубку горизонтально, такъ, чтобы проволока съ шарикомъ *c* висѣла вертикально, то, при вращеніи машины Гольца шарикъ притягивается и бьется о проволоку *d*. Замѣчательно, что въ моментъ прикосновенія появляется искра; искра эта имѣетъ безконечно малую длину; при разсматриваніи ея въ трубку съ большимъ увеличеніемъ, она представляется точкой, а не линіей; иногда случается, что шарикъ въ одинъ изъ ударовъ о проволоку притягивается къ ней и остается прикрѣпленнымъ довольно сильно; тогда нужно нѣсколько ударовъ рукой о трубку, чтобы оторвать шарикъ отъ проволоки. Если

трубку поставить въ такое положеніе, что шарикъ *c* не можетъ быть притянутъ проволокой *d*, то разряда не происходитъ совсѣмъ. Если такую трубку ввести въ цѣпь заряженнаго конденсатора, то разрядъ не происходитъ, какъ-бы сильно ни заряжать конденсаторъ, если только трубка поставлена такъ, что шарикъ *c* не можетъ быть притянутъ и не можетъ удариться о проволоку *d*; разрядъ послѣдуетъ, если трубку *A* повернуть такъ, чтобы шарикъ *c* коснулся проволоки *d*; и въ этомъ случаѣ точно также въ моментъ прикосновенія появляется едва замѣтная искра. Послѣ многихъ разрядовъ внутренняя поверхность трубки *A* покрыта металлическимъ налетомъ платины въ видѣ неширокаго кольца, окружающаго электроды. Разрядъ конденсатора черезъ такую трубку происходитъ безъ участія газа. Предположимъ, что въ цѣпь заряженнаго конденсатора (фиг. 9) введена такая трубка, и, кромѣ того, введенъ слой воздуха при посредствѣ двухъ шариковъ *a* и *b*, находящихся на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга; если шарикъ въ трубкѣ касается проволоки, то разрядъ конденсатора послѣдуетъ самъ собою при опредѣленномъ количествѣ электричества; при посредствѣ трубки, подобной описанной, это количество электричества можетъ быть какъ угодно велико; если шарикъ внутри трубки не касается проволоки другаго электрода, и трубка поставлена въ такое положеніе, что шарикъ не можетъ быть притянутъ силою притяженія къ проволокѣ до прикосновенія, то разрядъ не произойдетъ ни при какомъ количествѣ электричества; разрядъ произойдетъ въ моментъ соприкосновенія шарика съ проволокой внутри трубки. Слѣдовательно, посредствомъ такой трубки черезъ слой газа извѣстной величины и извѣстнаго давленія и температуры, можно пропустить, какое угодно, количество электричества, если только оно будетъ больше того количества электричества, при которомъ разрядъ произошелъ-бы самъ собою.

Если цѣпь, чрезъ которую происходитъ разрядъ, не будетъ имѣть перерыва, исключая перерыва въ трубкѣ, то можно сказать, что разрядъ происходитъ безъ искры; хотя въ дѣйствитель-

ности маленькая искра происходитъ въ моментъ прикосновенія шарика съ проволокой внутри трубки, но тратой на произведеніе этой искры можно препебречь Если мы предположимъ, что въ цѣпь конденсатора введена трубка и еще слой газа извѣстной толщины и что конденсаторъ разрѣжается сначала безъ газоваго слоя (предположимъ, что въ мѣстѣ перерыва введена металлическая скобка), то весьма малая часть электрической энергіи, проявляющей въ формѣ тепла, идетъ на произведеніе искры внутри пустой трубки, а другая, значительно большая, тратится на нагрѣваніе маталлической части цѣпи.

Если теперь разрядимъ конденсаторъ при помощи той-же трубки и газоваго слоя (снимая скобку въ мѣстѣ перерыва), то безъ большой погрѣшности можемъ сказать, что то-же самое количество электрической энеріи будетъ затрачено на произведеніе искры и, слѣдовательно, такая-же значительно бо́льшая часть ея распредѣлится теперь между проводниками и газовымъ слоемъ. Я думалъ уничтожить совершенно искру въ трубкѣ, увеличивая сопротивленіе остальной части цѣпи. Оказалось, что искра не уничтожается совершенно даже тогда, когда разрядъ происходитъ чрезъ мокрую нить около полуметра длиною.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что, разряжая кондесаторъ при помощи такой пустой трубки, можно знать приблизительно, какое вліяніе оказываетъ газовый слой извѣстной толщины, давленіе и температуры на уменьшеніе тепловой энергіи, проявляющейся въ металлической части цѣпи, и что черезъ газовый слой можно пропустить какое угодно количество электричества.

Чтобы удобнѣе было разряжать конденсаторъ посредствомъ такой трубки въ извѣстный моментъ, когда напряженіе достигло извѣстнаго предѣла, устроена была для этой трубки подставка (фиг. 10); трубка *A* укрѣплялась каучуковыми кольцами къ каучуковому стержню *C*, въ который были ввинчены два зажимныхъ винта *a* и *b*; въ эти винты зажимались выступающія наружу платиновыя проволоки трубки и двѣ мѣдныя,

спирально завитыя проволоки, прикрѣпленныя двумя другими концами своими къ двумъ чашечкамъ со ртутью *E* и *B* сдѣланнымъ изъ каучука и укрѣпленнымъ на двухъ стеклянныхъ стержняхъ. Каучуковый стержнь *C* прикрѣпленъ къ стекляной оси *D*, вращающейся на двухъ подставкахъ *m* и *n*; къ стекляной оси *D* прикрѣплено колесо *F* съ желобкомъ на окружности, на которое нѣсколько разъ намотана нить; къ одному концу нити прикрѣплена гиря *p*, а другой ея конецъ, *K* держится въ рукѣ; если потянуть за нить, колесо повернется на нѣкоторый уголъ, гиря нѣсколько приподнимется, а вмѣстѣ съ тѣмъ и трубка со стержнемъ *C* повернется и можетъ стать въ горизонтальное положеніе; тогда шарикъ внутри трубки не будетъ касаться проволоки и цѣпь будетъ прервана; если нить пустить свободно, то гиря, падая, повернетъ колесо и трубку и поставитъ послѣднюю въ вертикальное положеніе, что заставитъ шарикъ коснуться проволоки, вслѣдствіе чего произойдетъ разрядъ. На чертежѣ изображенъ моментъ, когда нить пущена свободно; слѣдовательно, во время заряда конденсатора все время нужно было держать нить натянутою и разряжать, пуская свободно падать гирьку *p*. Чтобы ввести въ цѣпь конденсатора такую трубку, нужно соединить проволоки цѣпи съ чашечками *E* и *B*, наполненными ртутью.

Въ цѣпь конденсатора вводился еще разрядникъ слѣдующаго устройства (фиг. 11): стеклянный циллиндръ *A* 250$^{мм.}$ высоты и 60$^{мм.}$ діаметра имѣетъ вверху шлифованные края, къ которымъ прикладывается толстая стеклянная пластинка, которая герметически его запираетъ; въ этой пластинкѣ сдѣланы три отверстія: *a*, *b* и *c*; въ *a* и *c* вмазаны стекляныя трубки, въ которыя вклеены мѣдные стержни, изогнутые въ мѣстахъ *m* и *n*; въ этихъ точкахъ въ стержни ввинчены мѣдныя трубки, въ которыхъ могутъ двигаться два мѣдныхъ стержня съ легкимъ треніемъ; трубки *m* и *n* составляютъ прямую линію; вдвигая или выдвигая стержни *p* и *q*, имѣющіе на концахъ, обращенныхъ другъ къ другу, закругленные толстые циллиндры изъ алюминія, мы такимъ образомъ можемъ уменьшить, или увеличить

разстояніе между ними; разстояніе это измѣрялось при помощи катетометра. Третье отверстіе b, въ которое ввязана также трубка B, служило для соединенія цилиндра съ ртутнымъ насосомъ системы Альвернья. На стержни a и c надѣты куски неширокихъ стеклянныхъ трубокъ, въ которые наливалась ртуть; разрядникъ, слѣдовательно, вводился въ цѣпь при помощи нагруженія проволокъ цѣпи въ чашечки со ртутью. Въ томъ случаѣ, когда разрядникъ долженъ быть выведенъ изъ цѣпи, въ чашечки погружались концы проволочной скобки. Термометръ былъ также измѣненъ и отличался отъ предыдущаго тѣмъ, что онъ походилъ на дифференціальный.

Выше было замѣчено, что весьма малыя измѣненія въ давленіи атмосферы въ значительной степени могутъ вліять на положеніе уровня манометрической жидкости термометра. Это измѣненіе барометрическаго состоянія воздуха можетъ имѣть большое вліяніе на перемѣщеніе манометрической жидкости и во время самаго нагрѣванія воздуха въ термометрѣ; это вліяніе обнаруживается въ томъ, что перемѣщеніе жидкости, происходящее вслѣдствіе нагрѣванія при одинаковомъ зарядѣ батареи не всегда бываетъ одинаково, и хотя я никогда не ограничивался однимъ наблюденіемъ надъ нагрѣваніемъ, но трудно быть увѣреннымъ, что въ среднемъ изъ пяти отдѣльныхъ наблюденій эта ошибка будетъ уничтожена. Въ дифференціальномъ термометрѣ, какимъ я пользовался въ слѣдующихъ за симъ опытахъ, эта ошибка совершенно уничтожается. Дифференціальной термометръ состоитъ изъ двухъ циллиндровъ, вмѣстимостью около 547,5 куб. сантим. (фиг. 12). Оба циллиндра имѣли плоскіе края, къ которымъ были пришлифованы толстыя стеклянныя пластинки, которыя ихъ герметически закрывали; въ пластинкѣ, прикрывающей циллиндръ A, были просверлены четыре отверстія; въ одно изъ нихъ, среднее, вставлялась трубка cc, которая шла внутри циллиндра и оканчивалась на разстояніи одного сантиметра отъ дна; недалеко отъ конца надѣвалась каучуковая палочка съ распиленными концами, служащая для поддержки проволоки, завитой въ спираль;

другимъ концомъ трубка c соединялась съ манометрической трубкой mM; въ два другія отверстія ввязывались стеклянныя трубки, въ которыхъ ввязаны были проволоки a и b съ зажимными винтами внутри и внѣ. Четвертое отверстіе, закрытое притертою стекляною пробкою r, служило для того, чтобы приводить въ сообщеніе внутренній воздухъ цилиндра съ внѣшнимъ. Въ пластинкѣ втораго цилиндра B было только два отверстія; въ одно вставлена была трубка c', соединяющаяся съ манометромъ mM, другое, r', съ притертою стекляною пробкою служило, такъ-же какъ и r, для сообщенія съ внѣшнимъ воздухомъ. Манометръ mM былъ двоякій: одинъ состоялъ изъ тонкой трубки m, стоящей вертикально, раздѣленной на полумиллиметры и спаянной внизу съ болѣе широкой трубкой M; вмѣсто этого манометра вставлялся другой, который отличался отъ перваго тѣмъ, что тонкая трубка спаивалась съ широкой такъ, что, когда широкая стояла вертикально, тонкая была наклонна и составляла съ вертикальной уголъ около 75°; манометръ изображенъ на рисункѣ отдѣльно; манометрическою жидкостью служилъ ксилолъ.

Оба цилиндра окружены были слоемъ ваты C и C_1, заключенной въ картонномъ цилиндрѣ D и D_1; кромѣ того картонный цилиндръ D былъ оклеенъ снаружи станіолемъ, который соединялся съ землею. Теорія этого термометра будетъ слѣдующая:

Обозначимъ черезъ

V объемъ одного цилиндра до уровня манометрической жидкости,

t_0 общую ихъ температуру,

H_0 давленіе воздуха въ моментъ закрыванія пробокъ,

V_1 объемъ другаго цилиндра до уровня жидкости,

u объемъ одного дѣленія манометрической тонкой трубки,

d число дѣленій, на которое подвинулся уровень жидкости въ манометрической тонкой трубкѣ,

t температуру втораго цилиндра во время наибольшаго нагрѣванія въ первомъ,

θ избытокъ температуры одного цилиндра, со стороны тонкой трубки,
h разность уровней манометрической жидкости во время нагрѣванія,
S площадь сѣченія широкой трубки,
s площадь сѣченія тонкой трубки,
β уголъ наклоненія тонкой трубки къ горизонтальной линіи,
α коэфиціентъ расширенія воздуха.

До нагрѣванія имѣемъ слѣдующія соотношенія:

$$\frac{VH_0}{1+\alpha t_0}=a \quad (1) \qquad \frac{V_1H_0}{1+\alpha t_0}=b \quad (2)$$

Во время наибольшей разности температуръ, въ одномъ цилиндрѣ:

$V+du$ объемъ
$t+\theta$ температура
$H+h$ давленіе,

въ другомъ:

V_1-du объемъ
H давленіе
t температура,

слѣдовательно:

$$\frac{(V+du)\ (H+h)}{1+\alpha\ (t+\theta)}=a \quad (3)$$

$$\frac{(V_1-du)\ H}{(1+\alpha t)}=b \quad (4)$$

Дѣля (1) на (2), (3) на (4) и приравнивая частныя, получимъ:

$$\frac{V}{V_1}=\frac{(V+du)\ (H+h)\ (1+\alpha t)}{(V_1-du)\ H\left(1+\alpha\ (t+\theta)\right)}$$

Раздѣляя числителей на V, а знаменателей на V_1, въ обѣихъ частяхъ равенства, получимъ:

$$1=\frac{\left(1+d\frac{u}{V}\right)\ (H+h)\ (1+\alpha t)}{\left(1-d\frac{u}{V_1}\right) H \left(1+\alpha\ (t+\theta)\right)}$$

$$\frac{1+\alpha\ (t+\theta)}{1+\alpha t}=\frac{\left(1+d\frac{u}{V}\right)\ (H+h)}{\left(1-d\frac{u}{V_1}\right) H}$$

Такъ-какъ избытокъ температуры θ невеликъ, то, переводя знаменателей въ числитель и отбрасывая $\alpha^2, \left(\frac{u}{V}\right)^2, \left(\frac{u}{V_1}\right)^2, \frac{u}{V}\cdot\frac{u}{V_1}, \frac{h}{H}\cdot\frac{u}{V}$ и высшія степени, какъ очень малыя, получимъ:

$$1+\alpha\theta=\left(1+d\frac{u}{V}+d\frac{u}{V_1}\right)\ \left(1+\frac{h}{H}\right)$$

или

$$1+\alpha\theta=1+d\frac{u}{V}+d\frac{u}{V_1}+\frac{h}{H}$$

$$\alpha\theta=du\ \left(\frac{1}{V}+\frac{1}{V_1}\right)+\frac{h}{H}\quad(5)$$

Изъ формулъ (2) и (4) находимъ:

$$H=H_0\frac{1+\alpha t}{(1+\alpha t_0)\ \left(1-d\frac{u}{V_1}\right)}$$

Поступая точно такъ-же, какъ выше, получимъ:

$$\frac{h}{H}=\frac{h}{H_0}\frac{(1+\alpha t_0)\ \left(1-d\frac{u}{V_1}\right)}{1+\alpha t}$$

$$\frac{h}{H}=\frac{h}{H_0}\left(1+\alpha\ (t_0-t)\right)$$

Вставляя послѣднюю формулу въ формулу (5), получимъ:

$$\alpha\theta=du\ \left(\frac{1}{V}+\frac{1}{V_1}\right)+\frac{h}{H_0}\left(1+\alpha\ (t_0-t)\right)\ (6)$$

Обозначая черезъ x повышеніе уровня манометрической жидкости въ широкой трубкѣ, найдемъ:

$$du=Sx$$

$$h=x+\frac{du}{s}\,Sin\,\beta$$

$$h=\frac{du}{S}+\frac{du}{s}\,Sin\,\beta$$

$$h=du\ \left(\frac{1}{S}+\frac{1}{s}\,Sin\,\beta\right);$$

Обозначая

$$\frac{1}{S}+\frac{1}{s}\,Sin\,\beta=k,$$

получимъ:

$$h=du\,k;$$

подставляя послѣднее равенство въ формулу (6), получимъ:

$$\alpha\theta=du\left(\frac{1}{V}+\frac{1}{V_1}\right)+\frac{duk}{H_0}\left(1+\alpha\ (t_0-t)\right)$$

или:

$$\theta=d\left\{\frac{u}{\alpha}\left(\frac{1}{V}+\frac{1}{V_1}\right)+\frac{uk}{H_0}\left(\frac{1}{\alpha}+t_0-t\right)\right\}$$

Если величины, находящіяся въ скобкахъ, остаются постоянными, то нагрѣванія пропорціональны числу дѣленій, на которое подвинулся уровень жидкости въ манометрической трубкѣ. Если положимъ, что $\frac{1}{V} = \frac{1}{V_1} = 0$ по малости, то формула дѣлается проще:

$$\theta = d\frac{uk}{H_0}\left(273 + t_0 - t\right)$$

Если помножимъ вторыя части послѣднихъ двухъ равенствъ на выраженіе $PC + pc$, гдѣ P и p — вѣсъ проволоки и воздуха, а C и c — ихъ теплоемкости, то получимъ количество тепла, выдѣляемаго проволокой при разрядѣ; помножая на $1 + \frac{pc}{PC}$, получимъ нагрѣваніе собственно проволоки термометра, если-бы вся теплота была сосредоточена въ ней одной.

Размѣры описаннаго термометра были слѣдующіе:

V почти $= V_1 = 547500$ куб. мил.

$u = 4{,}99$ куб. мил.

Діаметръ тонкой трубки. . . . . . . 2,52 м.м.

Діаметръ широкой трубки . . . . . . 20 м.м.

Количество электричества измѣрялось, какъ и въ предыдущихъ опытахъ, мѣрительною банкою Лане, при чемъ разрядъ происходилъ въ трубкѣ, наполненной азотомъ; разстояніе электродовъ въ этой трубкѣ было равно двумъ миллиметрамъ. Такъ-какъ при этомъ способѣ разряда въ батареѣ оставался остаточный зарядъ, то я его опредѣлялъ способомъ нейтрализованія остаточнаго количества электричества на внутренней обкладкѣ батареи противоположнымъ электричествомъ. Необходимо было прекратить притокъ электричества вмѣстѣ съ послѣдней искрой, такъ-какъ машину Гольца остановить моментально нельзя, когда стеклянный кругъ ея достаточно быстро вращается; это достигалось помощью прибора, изображеннаго на прилагаемомъ рисункѣ (фиг. 13).

На доскѣ *D* укрѣплены два каучуковыхъ стержня, въ отверстія которыхъ вставлена стеклянная ось *ab*; къ этой оси прикрѣплены двѣ мѣдныя проволоки *m* и *n* съ загнутыми концами; при вращеніи оси *ab* проволоки наклоняются и погружаются въ ртуть, налитую въ каучуковыя чашечки *c* и *d*; въ эти-же чашечки погружены концы проволокъ, идущихъ въ батарею. Къ оси *ab* прикрѣпленъ стержень *f*, къ которому прикрѣплена спиральная пружина *q*, укрѣпленная однимъ концомъ къ доскѣ; пружина эта удерживаетъ проволоки *m* и *n* на значительномъ разстояніи отъ чашечки *c* и *d*. Если привязать нить къ крючку, находящемуся на другомъ концѣ пружины, и потянуть за нить, то стержни *m* и *n* погружаются въ ртуть; если пустить нить свободно, то стержни *m* и *n* вынутся изъ ртути. Къ зажимнымъ винтамъ, находящимся на концахъ стержней *m* и *n*, привинчиваются проволоки, идущія отъ машины Гольца.

Расположеніе приборовъ представлено на рисункѣ (фиг. 14).

Въ *M* находилась машина Гольца; подлѣ электродовъ машины находился комутаторъ *K*, описанный раньше; къ зажимнымъ винтамъ комутатора шли двѣ мѣдныя проволоки, одѣтыя въ каучукъ: одна шла къ зажимному винту прибора *A*, другая — къ внѣшней оболочкѣ мѣрительной банки *L*; другой зажимной винтъ прибора *A* соединялся проволокой съ внутренней оболочкой мѣрительной банки *L*. Далѣе, отъ чашечки *a* прибора *A* шла проволока къ внутренней оболочкѣ батареи *F*; отъ той же чашечки шла другая проволока *aV* къ одному изъ электродовъ пустой трубки; отъ другаго электрода трубки шла проволока *VR* къ электроду разрядника *R*, отъ другаго электрода разрядника шла проволока къ термометру *T*, отъ котораго шла проволока къ чашечкѣ *b*. Такимъ образомъ, во время разряда, путь электричества, начиная отъ внутренней оболочки батареи *F*, будетъ слѣдующій: *Fa V R Tb*.

Разрядникъ *R* соединялся съ краномъ о трехъ ходахъ, что давало возможность привести его въ сообщеніе съ ртутнымъ манометромъ и ртутнымъ насосомъ; разрядникъ могъ быть на-

полненъ, вслѣдствіе этого, какимъ нибудь газомъ любого давленія. Наполнивъ разрядникъ газомъ опредѣленнаго давленія, установивъ комутаторъ, я заряжалъ батарею, погружая стержни прибора *A* въ чашечки *a* и *b*; вмѣстѣ съ послѣдней искрой стержни вынимались, притокъ электричества прекращался, производился разрядъ и наблюдалось нагрѣваніе въ термометрѣ. Послѣ разряда комутаторъ устанавливался въ другомъ положеніи; противоположное электричество шло во внутреннюю оболочку батареи, нейтрализовало оставшееся, что давало возможность опредѣлить количество остаточнаго заряда.

Въ термометрѣ находилась тонкая платиновая проволока 995м. м. длины; электроды въ разрядникѣ *B* находились на разстояніи 39,6м. м.; въ немъ находился воздухъ, давленіе котораго было 6,3 милл.; тонкая манометрическая трубка была вертикальна Слѣдующая таблица содержитъ результаты опытовъ:

Q	q	θ_1	θ_2	$\frac{\theta_1}{Q^2}$	$\frac{\theta_2}{Q^2-q^2}$
8	1	13.4	7.6	0.209	0.120
10	1	21.0	12.0	0.210	0.121
12	2	28.0	17.0	0.194	0.121
14	2	39.3	21.8	0.200	0.114
16	3	49.5	28.5	0.193	0.115

Въ этой таблицѣ Q означаетъ количество электричества, q — остаточный зарядъ, θ_1 — нагрѣваніе при разрядѣ черезъ пустую трубку, когда на чашечки разрядника наложена скобка *m* и, слѣдовательно, когда разрядъ минуетъ разрядникъ, θ_2 — нагрѣваніе проволоки термометра, когда въ разрядникѣ происходитъ искра.

Таблица эта показываетъ, что при извѣстныхъ условіяхъ

количество тепла, развиваемаго въ проволокѣ разрядомъ съ искрой въ 39,6^м.м.^ длины, составляетъ въ среднемъ $^5/_8$ того количества, какое развивается въ той-же проволокѣ при разрядѣ въ пустомъ пространствѣ; кромѣ того, числа послѣдняго вертикальнаго столбца остаются постоянными; значитъ, законъ нагрѣванія проволоки термометра остается тѣмъ-же.

Очевидно, что, введя въ цѣпь внѣ термометра проволоку опредѣленнаго сопротивленія и разряжая конденсаторъ въ пустотѣ, можно было-бы уменьшить нагрѣваніе проволоки въ такомъ-же отношеніи, какъ въ вышеприведенныхъ опытахъ; въ такомъ случаѣ сопротивленіе этой введенной проволоки равнялось-бы сопротивленію воздушнаго слоя въ 39.6 м.м толщины при 6.3 м.м. давленія. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что количество тепла, развиваемое въ искрѣ, пропорціонально квадрату количествъ протекшаго электричества, такъ-какъ количество теплоты, выдѣляемой въ искрѣ и проволокѣ, которой сопротивленіе равно сопротивленію газа, было-бы одинаково; слѣдовательно, законъ нагрѣванія при разрядѣ электричества остается однимъ и тѣмъ-же для тѣлъ твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ.

Дальнѣйшія наблюденія слѣдовало-бы производить, измѣняя сначала давленіе воздуха въ разрядникѣ *R*, затѣмъ наполняя разрядникъ другими газами также при различныхъ давленіяхъ.

При такихъ наблюденіяхъ можно было-бы прослѣдить вліяніе давленія газа на сопротивленіе въ искрѣ, такъ-какъ измѣненіе нагрѣванія проволоки термометра могло происходить при этихъ условіяхъ только вслѣдствіе измѣненія сопротивленія въ искрѣ, происходящаго вслѣдствіе измѣненія давленія газа. Такихъ наблюденій я произвелъ нѣсколько, но изъ нихъ весьма трудно вывести какое нибудь заключеніе о вліяніи давленія газа на сопротивленіе въ искрѣ. Изъ этихъ опытовъ видно, что нагрѣванія проволоки термометра, соотвѣтствующія одному и тому-же количеству электричества, колеблются около нѣкотораго средняго значенія и не видно постояннаго уменьшенія или увеличенія нагрѣванія. Нельзя, однако-же, вывести

изъ этихъ опытовъ заключеніе, что сопротивленіе газовъ колеблется съ измѣненіемъ давленія, такъ-какъ эти колебанія въ нагрѣваніи проволоки термометра, вслѣдствіе своей незначительности, могутъ быть приписаны колебанію количества протекшаго электричества. Мѣрительная банка Лане, употреблявшаяся въ этихъ опытахъ, даетъ возможность опредѣлить количество электричества только приблизительно и не даетъ никакого понятія о потерѣ электричества въ промежутокъ времени между началомъ и концемъ заряда, а между тѣмъ эта потеря можетъ быть очень велика, и зависитъ главнымъ образомъ не отъ паровъ воды, находящихся въ воздухѣ, а отъ слоя влаги, покрывающаго подставки. Недостаточная степень точности опредѣленія количества электричества мѣрительной банкой Лане заставила употреблять, вмѣсто банки Лане, другой электрометръ, нѣсколько своеобразнаго устройства, который я теперь опишу.

Въ стеклянномъ ящикѣ съ металлическимъ дномъ, поддерживаемымъ тремя винтами, изъ которыхъ два, *A* и *B*, видны на чертежѣ (фиг. 15), нѣсколько правѣе средины укрѣпленъ въ дно толстый стеклянный стержень *C*, наверху котораго къ металлической оправѣ привинчивается, перпендикулярно къ нему, стальная закаленная пластинка, выступающая впередъ и служащая подставкой для маленькой стальной призмы, прикрѣпленной перпендикулярно плоскости мѣднаго кольца *a*. Въ этомъ кольцѣ сдѣланы четыре отверстія, соотвѣтствующія двумъ взаимно-перпендикулярнымъ его діаметрамъ; въ верхнее и правое на чертежѣ вдѣланы цилиндрическіе стержни изъ каучука, въ которые ввинчены тонкіе стальные винты *b* и *c* съ двумя гайками на каждомъ; двѣ верхнія гайки служатъ для измѣненія положенія центра тяжести, а двѣ на правомъ винтѣ служатъ для уравновѣшиванія тонкой стеклянной трубки, вдѣланной въ мѣдную трубку, ввинчивающуюся въ лѣвое отверстіе кольца; стеклянная трубка имѣетъ на другомъ концѣ аллюминіевый шарикъ *d*, діаметръ котораго 10 м. м.; внѣшній діаметръ трубки 3 м. м.; длина ея, считая отъ ребра призмы, около 150 м. м.; на трубочкѣ этой нарѣзаны по всей длинѣ дѣленія; величина каждаго

дѣленія 5 м. м.; во внутренній каналъ трубки вложена аллюминіева проволока, толщина которой равна діаметру канала; проволока прикасается къ шарику съ одной стороны и къ кольцу съ другой. Въ четвертое нижнее отверстіе кольца ввинчена также мѣдная трубочка, и въ нее вставлена тонкая стеклянная стрѣлка съ тонкой стальной иглой *f* на концѣ, указывающей на линейку изъ молочнаго стекла, раздѣленную на полу-миллиметры.

Въ верхней части стержня *C* вправо прикрѣпляется каучуковая палочка, для подвѣшиванія на тонкой шелковой нити отвѣса *g*, служащаго для установленія въ вертикальномъ пположеніи стержня *C*, помощью винтовъ *A* и *B*. Тамъ же, позади стержня *C*, находится зажимной винтъ для проволоки *m*, ведущей электричество въ призму, въ кольцо, а оттуда въ шарикъ *d*. Такимъ образомъ кольцо, вмѣстѣ съ призмою, съ трубочкой, шарикомъ, винтами и стекляной стрѣлкой, напоминаютъ собой обыкновенные рычажные вѣсы малыхъ размѣровъ. Въ лѣвой части ящика стоитъ штативъ *D*, не прикрѣпленный къ дну, съ твердой каучуковой трубкой и винтомъ *V*; въ каучуковую трубку вставляется стеклянная трубка съ шарикомъ изъ аллюминія *k*; внутри идетъ проволока *n*, касающаяся шарика, которая выступаетъ изъ трубки и вмѣстѣ съ проволокой *m* выходитъ наружу чрезъ твердую каучуковую трубку, вставленную въ отверстіе, сдѣланное въ боковой стѣнкѣ ящика. Между штативомъ и стержнемъ *C* стоитъ стеклянная чашка съ крѣпкой сѣрной кислотой для высушиванія воздуха и подставокъ въ ящикѣ. Въ правой стѣнкѣ ящика, вверху, сдѣлано также отверстіе съ трубкой изъ твердаго каучука; въ этой трубкѣ скользитъ длинный мѣдный стержень *l* съ головкой *p* и загнутымъ стекляннымъ концомъ *q*; движеніемъ и вращеніемъ этого стержня можно повѣсить рейтеръ на трубочку *h*, на какомъ угодно разстояніи отъ точки опоры. Рейтеръ былъ такой, какой употребляется въ обыкновенныхъ вѣсахъ; для увеличенія его вѣса къ концамъ тонкой платиновой проволоки припаивались стеклянные шарики. Передняя стѣнка ящика вынималась въ

случаѣ надобности. Шарики могли быть легко сняты и замѣнены двумя дисками одинаковой величины; вмѣсто шарика *d* надѣвалась стальная вилка, а на нее призма съ проволокой, на которой висѣлъ дискъ. Ящикъ могъ быть покрытъ металлической оболочкой, соединенной съ землей. Въ верхнюю стѣнку ящика привинчивается поддержка для рычага, изображенная отдѣльно въ *M*; это родъ вилки съ загнутыми назадъ концами, сдѣланной изъ твердаго каучука; изнутри она вставляется въ отверстіе и привинчивается снаружи гайкой; при помощи микрометрическаго винта поддержка можетъ опускаться и подыматься; поднимая ее, приподнимается немного кольцо и весь рычагъ; она-же служитъ для того, чтобы весь рычагъ устанавливать всегда въ одномъ и томъ-же положеніи (такъ-какъ тамъ есть вырѣзка для кольца и канавка для рычага) и чтобы уменьшать размахи колебанія рычага.

Во время измѣренія электрометръ употребляется слѣдующимъ образомъ: установивъ стержень *C* вертикально, а нуль дѣленія нижней линейки на одной вертикальной линіи съ ребромъ призмы, нужно уравновѣсить рычагъ при помощи гаекъ, находящихся на правомъ горизонтальномъ винтѣ, такъ, чтобы стрѣлка *f* указывала на нулевое дѣленіе линейки; увеличеніе чувствительности достигается перемѣщеніемъ гаекъ, находящихся на верхнемъ винтѣ. Если подвѣсить рейтеръ, вѣсъ котораго равенъ одному миллиграмму, на разстояніи $20^{мм}$ отъ точки опоры, то рычагъ отклоняется на уголъ больше 45^0. На фиг. 14 изображено расположеніе приборовъ, употреблявшихся въ предыдущихъ опытахъ; при измѣреніи количества электричества описаннымъ электрометромъ, оно немного измѣнилось; комутаторъ *K* и мѣрительная банка Лане *L* снимались; проволоки, идущія отъ электродовъ машины, завинчивались въ зажимные винты прибора *A*; чашечка *b* соединялась съ землей; затѣмъ отъ чашечки *c* шла проволока одѣтая въ каучукъ и погружалась въ изолированную чашечку со ртутью, куда погружался также конецъ проволоки *m*, выступающей изъ ящика электрометра. Надѣвши на рычагъ *h*, при помощи стержня *l*, рейтеръ

опредѣленнаго вѣса на опредѣленномъ разстояніи отъ точки опоры, нужно задержку *M* немного опустить, обыкновенно на столько, чтобы стрѣлка *f* отклонилась миллиметровъ на 5 вправо. Если теперь вращать машину, то стрѣлка нѣкоторое время остается неподвижною; но когда сила отталкиванія верхняго шарика нижнимъ будетъ равна или будетъ немного больше силы, влекущей шарикъ внизъ, тогда стрѣлка *f* или устанавливается, немного колеблясь, на нулевомъ дѣленіи, или отклоняется влѣво отъ точки нуля. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ нужно прекратить притокъ электричества; вслѣдствіе потери электричества стрѣлка медленно приближается къ нулевому дѣленію и разрядъ можетъ быть произведенъ въ моментъ равновѣсія рычага. При благопріятныхъ атмосферическихъ условіяхъ, я обыкновенно прекращалъ притокъ электричества въ томъ моментъ, когда замѣчалъ начало движенія стрѣлки влѣво; тогда стрѣлка дѣлала небольшіе размахи въ одну и другую сторону, и, если колебанія эти были одинаковы, по одну и другую сторону нулеваго дѣленія, я производилъ разрядъ. Сухость воздуха въ комнатѣ, гдѣ производились опыты, поддерживалась сѣрной кислотой въ большихъ сосудахъ, разставленныхъ въ различныхъ мѣстахъ на столѣ.

Зависимость между показаніями электрометра и термометра должна выразиться слѣдующимъ образомъ:

Обозначимъ количество электричества, скопленнаго въ конденсаторѣ, черезъ . . . . Q,
нагрѣваніе въ термометрѣ . . . . T,
силу отталкиванія, дѣйствующую между шариками, когда стрѣлка находится на нулѣ . . . . F,
вѣсъ рейтера . . . . P,
длину всего рычага *h* отъ точки опоры до центра шарика . . L,
разстояніе точки привѣса рейтера отъ точки опоры . . x.

Основной законъ нагрѣванія выражается формулой

$$T = a Q^2, \quad (1)$$

гдѣ a — коэфиціентъ пропорціональности; съ другой стороны,

если принять шарики равными, каждый изъ нихъ будетъ заряженъ количествомъ электричества, пропорціональнымъ Q, вслѣдствіе чего сила отталкиванія, дѣйствующая между ними въ положеніи равновѣсія рычага, будетъ

$$F = bQ^2, \quad (2)$$

гдѣ b новый коэфиціентъ пропорціональности.

Далѣе, вслѣдствіе равновѣсія между силой отталкиванія и вѣсомъ рейтера, имѣемъ

$$FL = Px,$$

откуда

$$F = \frac{Px}{L};$$

изъ формулы (2) имѣемъ

$$Q^2 = \frac{F}{b} = \frac{Px}{bL}.$$

подставляя это значеніе Q^2 въ формулу (1) получимъ

$$T = a\,\frac{Px}{bL} = \frac{aP}{bL}\,x,$$

откуда

$$\frac{T}{x} = \frac{aP}{bL} = const.$$

Вторая часть послѣдней формулы есть величина постоянная; слѣдовательно отношеніе между нагрѣваніемъ термометра и разстояніемъ точки привѣса рейтера должно быть постояннымъ, если показанія термометра и электрометра вѣрны.

Для провѣрки справедливости послѣдней формулы были произведены измѣренія нагрѣванія, при чемъ расположеніе приборовъ было такое-же, какое изображено на фиг. 14 съ тѣми измѣненіями, о которыхъ упомянуто выше; въ чашечки

разрядника было погружена проволочная скобка, такъ-что разрядъ происходилъ безъ участія газа. Батарея состояла изъ четырехъ Лейденскихъ банокъ; въ термометрѣ находилась платиновая проволока, длина которой равнялась 2110$^{м.м.}$, а радіусъ 0,044$^{м.м.}$ Манометръ при термометрѣ съ вертикальной тонкой трубкой былъ замѣненъ другимъ, въ которомъ тонкая трубка была наклонна и составляла съ горизонтальною плоскостью уголъ въ 15°. Центры шариковъ электрометра, въ положеніи равновѣсія рычага, находилась на разстояніи 23,12$^{м.м.}$ Слѣдующая таблица содержитъ результаты измѣреній.

x	T набл.	T вычис.	$\frac{T}{x}$
107.66	205.0	208.90	1.904
97.66	189.0	189 50	1.935
87.66	169.6	170.09	1.935
77.66	152.5	150.69	1.963
67.66	133.0	131,29	1.965

Первый вертикальный столбецъ содержитъ разстояніе точки привѣса рейтера отъ ребра призмы, второй—наблюденныя нагрѣванія термометра, третій—вычисленныя, а четвертый — отношеніе между наблюденнымъ нагрѣваніемъ и разстояніемъ точки привѣса рейтера отъ точки опоры. Нагрѣванія вычислялись по формулѣ

$$T = 1,9404\ x$$

Наибольшая разность между вычисленнымъ и наблюденнымъ нагрѣваніемъ составляетъ около 1,8% наблюденной величины.

Выше было упомянуто, что Форсельманъ де Геръ, основы-

ваясь на формулахъ нагрѣванія, найденныхъ Риссомъ, пришелъ къ заключенію, что полное количество тепла, выдѣляемое при разрядѣ конденсатора, не должно зависѣть отъ состава цѣпи. Такъ-какъ въ формулахъ и опытахъ Рисса не принимается во вниманіе количество тепла, выдѣляемаго въ искрѣ, то выводъ Форсельманъ-де-Гера нельзя считать вполнѣ доказаннымъ. Вводя въ цѣпь конденсатора внѣ термометра такую-же проволоку, какъ и въ термометрѣ, и измѣняя ея длину, мнѣ удалось доказать, что количество тепла, выдѣляемаго проволокой въ термометрѣ и внѣ термометра, остается почти постояннымъ, несмотря на измѣненіе длины проволоки внѣ термометра въ значительныхъ предѣлахъ. Въ этихъ опытахъ разрядникъ (фиг. 14) былъ удаленъ изъ цѣпи, а концы проволокъ зажимались въ зажимные винты реостата, устройствомъ своимъ сходнаго съ реостатомъ Поггендорфа, съ тою только разницею, что проволоки были лучше изолированы и вмѣсто деревянной доски, на которой обыкновенно прикрѣпляется линейка для измѣренія длины проволоки, употреблялась длинная стеклянная линейка, на которой были нарѣзаны дѣленія; вдоль этой линейки скользила каучуковая скобка, движеніемъ которой измѣнялась длина вводимой проволоки.

Обозначимъ полное количество тепла, развивающееся при разрядѣ конденсатора, заряженнаго количествомъ электричества равнымъ Q, черезъ W и предположимъ, что разрядъ происходитъ черезъ проволоку, длина которой l, которая заключена въ термометръ и кромѣ нее въ цѣпи нѣтъ проводниковъ; предполагается, что разрядъ происходитъ въ пустотѣ. Такъ какъ количество тепла пропорціонально числу дѣленій, на которое подвинулся уровень манометрической жидкости термометра, то, называя его черезъ d, получимъ:

$$W = Ad = aQ^2 \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad (1)$$

Коэфиціентъ A зависитъ отъ размѣровъ и устройства термометра; коэфиціентъ же a долженъ зависѣть только отъ выбора

единицъ, которыми измѣряется количество электричества и количество тепла.

Предположимъ далѣе, что, кромѣ проволоки термометра, введена въ цѣпь внѣ термометра еще проволока, длиною l_1, такого же діаметра и химическаго состава, какъ и въ термометрѣ. Тогда все количество тепла W распредѣлится между ними пропорціонально сопротивленію каждой изъ нихъ; называя количество тепла, выдѣляемаго въ первой проволокѣ, черезъ W_1, во второй черезъ W_2, а сопротивленіе ихъ черезъ k и k_1, должны существовать слѣдующія равенства, предполагая справедливымъ выводъ Форсельманъ де Гера:

$$W_1 = W\frac{k}{k+k_1} \quad (2) \qquad\qquad W_2 = W\frac{k_1}{k+k_1} \quad (3)$$

$$W_1 + W_2 = W.$$

Кромѣ того,

$$W_1 = Ad_1 = a_1 Q^2$$

$$W_2 = Ad_2 = a_2 Q^2.$$

Такъ какъ проволока внѣ термометра и въ термометрѣ имѣетъ одинаковую толщину и химическій составъ, а измѣняется только длина, то можно положить:

$$k = bl \qquad k_1 = bl_1,$$

гдѣ коэфиціентъ b, не завися отъ длины, зависитъ отъ радіуса проволокъ и химическаго состава ихъ и въ данномъ случаѣ есть число постоянное; подставляя значенія k и k_1 въ равенства (2) и (3), получимъ:

$$W_1 = W\frac{l}{l+l_1} = W\frac{1}{1+\frac{l_1}{l}} \quad (4)$$

$$W_2 = W\frac{l_1}{l+l_1} = W\frac{1}{1+\frac{l}{l_1}} \quad (5);$$

опредѣляя W изъ формулы (4) и подставляя значеніе его въ формулу (5), получимъ:

$$W_2 = W_1\frac{l+l_1}{l}\cdot\frac{l_1}{t+l_1} = W_1\frac{l_1}{l} \quad (6);$$

подстазляя въ формулы (4) и (6) значенія W, W_1, W_2 изъ равенствъ (1) и подобныхъ, получимъ:

$$Ad_1 = Ad\frac{1}{1+\frac{l_1}{l}}$$

$$Ad_2 = Ad_1\frac{l_1}{l}$$

$$Ad_1 + Ad_2 = Ad$$

или

$$d_1 = d\frac{1}{1+\frac{l_1}{l}} \quad (7)$$

$$d_2 = d_1\frac{l_1}{l} \quad (8)$$

$$d_1 + d_1\frac{l_1}{l} = d \quad (9).$$

Слѣдующія таблицы содержатъ результаты опытовъ, произведенныхъ при вышеописанныхъ условіяхъ.

Длина проволоки внѣ термометра $l_1 = 2858{,}5$ мм., въ термометрѣ $l = 2110$ мм.

x	d	$d_1 + d_1\frac{l_1}{l}$	d_1 Набл.	d_1 Вычис.	a	a_1
107.66	205.0	202.44	86.0	87.08	1.904	0.798
97.66	189.0	189.73	80.6	80.28	1.935	0.825
87.66	169.6	169.49	72.0	72.04	1.935	0.821
77.66	152.5	153.01	65.0	64.78	1.963	0.836
67.66	133.0	134.18	57.0	56.49	1.965	0.842

Длина проволоки внѣ термометра $l_1 = 2458{,}5$ м.м.

x	d	$d_1 + d_1\frac{l_1}{l}$	d_1 Набл.	d_1 Вычис.	a	a_1
107.66	205.0	207.84	96.0	94.68	1.904	0.891
97.66	189.0	189.65	87.6	87.29	1.935	0.897
87.66	169.6	170.17	78.6	78.33	1.935	0.997
77.66	152.5	151.55	70.0	70.43	1.936	0.901
67.66	133.0	136.39	63.0	61.43	1.965	0.931

Длина проволоки внѣ термометра $l_1 = 1[illegible]67{,}0$ м.м.

x	d	$d_1 + d_1\frac{l_1}{l}$	d_1 Набл.	d_1 Вычис.	a	a_1
107.66	205.0	206.7	122.0	120.94	1.904	1.133
97.66	189.0	191.53	113.0	111.50	1.935	1.157
87.66	169.6	170.52	100 6	100.05	1.93 5	1. 148
77.66	152.5	151.87	89.6	89.97	1.963	1.154
67.66	133.0	135.60	80.0	78.46	1.963	1 .182

Длина проволоки внѣ термометра $l_1 = 805{,}4$ м.м.

x	d	$d_1 + d_1 \frac{l_1}{l}$	d_1 Набл.	d_1 Вычис.	a	a_1
107.66	205.0	207.30	150.0	148.33	1.904	1.393
97.66	189.0	188.78	136.6	136.75	1.935	1.399
87.66	169.6	171.37	124.0	122.72	1.935	1.414
77.66	152.5	152.02	110.0	110.34	1.963	1.416
67.66	133.0	131.29	95.0	96.23	1.965	1.418

Длина проволоки внѣ термометра $l_1 = 505{,}4$ м.м.

x	d	$d_1 + d_1 \frac{l_1}{l}$	d_1 Набл.	d_1 Вычис.	a	a_1
107.66	205.0	205.67	166.0	165.45	1.904	1.541
97.66	189.0	184.61	149.0	152.54	1.935	1.535
87.66	169.6	171.72	138.6	136.88	1.935	1.581
77.66	152.5	149.92	121.0	123.08	1.963	1.558
67.66	133.0	135.05	109.0	107.34	1.965	1.610

Во всѣхъ этихъ таблицахъ x обозначаетъ разстояніе точки привѣса рейтера отъ точки опоры; величина x, по предыдущему, пропорціональна квадрату количествъ протекшаго электричества; d — пониженіе уровня манометрической жидкости при разрядѣ въ томъ случаѣ, когда въ цѣпи только проволока термометра; d_1 — наблюденное пониженіе уровня жидкости, когда въ цѣпь, кромѣ проволоки термометра, введена еще внѣ термометра проволока, длина которой означена наверху каждой таблицы; $d_1 + d_1 \frac{l_1}{l}$ — значеніе d по формулѣ (9); рядомъ съ d_1 находится вертикальный столбецъ, гдѣ вычислены значенія

d_1 по формулѣ (7); a и a_1 — отношенія между пониженіемъ манометрической жидкости и разстояніемъ точки привѣса рейтера отъ точки опоры; a — въ томъ случаѣ, когда внѣ термометра нѣтъ проволоки, a_1 — когда внѣ термометра введена извѣстной длины проволока. При выводѣ предыдущихъ формулъ я предполагалъ, что вся цѣпь конденсатора состоитъ только изъ проволоки въ термометрѣ и изъ такой же проволоки внѣ термометра. Въ опытахъ, описанныхъ выше, цѣпь состояла не только изъ проволокъ, о которыхъ идетъ рѣчь, но также изъ мѣдныхъ проволокъ діаметромъ около 2м.м., длиною около 2,5 метра, служащихъ для необходимыхъ соединеній; но сопротивленіе этихъ проволокъ весьма мало сравнительно съ сопротивленіемъ платиновыхъ, вводимыхъ въ термометръ и внѣ термометра. Полагая длину мѣдныхъ проволокъ равною 2 метрамъ, а радіусъ $^1/_2$ м.м. (въ дѣйствительности радіусъ былъ равенъ 0,8м.м.) оказывается, что сопротивленіе мѣдныхъ проволокъ составляетъ 0,001 долю сопротивленія проволоки термометра; на основаніи этого можно принять, что количество тепла, выдѣляемое проволокой термометра и проволокой внѣ термометра, есть полное количество тепла, выдѣляемое при разрядѣ конденсатора. Это количество тепла, вычисленное на основаніи показаній термометра, остается почти постояннымъ, какъ показываютъ предыдущія таблицы, не смотря на то, что длина проволоки внѣ термометра измѣнялась въ предѣлахъ между 505,4 — 2858,5м.м.

Убѣдившись такимъ образомъ, что полное количество тепла, выдѣляемое при разрядѣ конденсатора, не измѣняется при введеніи въ цѣпь новаго внѣшняго сопротивленія, я приступилъ къ измѣренію нагрѣванія при разрядѣ съ искрой. Въ томъ мѣстѣ цѣпи, гдѣ въ предыдущихъ опытахъ находился реостатъ (см. фиг. 14), вставлялся уже описанный раньше разрядникъ; при помощи крана о трехъ ходахъ онъ соединялся съ ртутнымъ манометромъ и ртутнымъ насосомъ; въ слѣдующихъ за симъ опытахъ онъ наполнялся сухимъ воздухомъ, водородомъ и углекислотой; водородъ добывался по-

мощью сѣрной кислоты и цинка, химически чистыхъ; углекислота — помощью мрамора и соляной кислоты; всѣ три газа высушивались, проходя черезъ крѣпкую сѣрную кислоту и фосфорный ангидридъ; воздухъ, кромѣ того, проходилъ въ трубку съ ѣдкимъ кали, для удаленія углекислоты, а углекислота черезъ трубку съ мѣломъ. Приступая къ этимъ опытамъ, нужно было найти способъ опредѣленія количества остаточнаго электричества, такъ какъ въ этихъ опытахъ электричество будетъ проходить черезъ слой газа; прежній способъ нейтрализованія противоположнымъ электричествомъ въ настоящемъ случаѣ не годенъ. Для опредѣленія количества остаточнаго заряда описаннымъ электрометромъ я поступалъ слѣдующимъ образомъ: приготовивъ два рейтера, которые имѣли различный вѣсъ, я размѣщалъ ихъ въ двухъ различныхъ точкахъ стеклянной трубки *h* (см. фиг. 15), притомъ такъ, чтобы рейтеръ, имѣющій большій вѣсъ, находился дальше отъ ребра призмы, нежели другой рейтеръ; зарядивши конденсаторъ до того напряженія, чтобы рычагъ электрометра находился въ равновѣсіи, я конденсаторъ разряжалъ при помощи пустой трубки (въ цѣпи также находился разрядникъ); рычагъ электрометра быстро падалъ и задерживался поддержкой *M*; приподнявши немного рычагъ винтомъ поддержки *M*, я, по возможности скоро, снималъ помощью стержня *l* рейтеръ, имѣющій большій вѣсъ, оставляя другой нетронутымъ; опустивши затѣмъ поддержку на столько, чтобы рычагъ могъ свободно колебаться, можно измѣрить силу отталкиванія, соотвѣтствующую остаточному заряду; обыкновенно съ перваго раза трудно бываетъ достигнуть того, чтобы, по снятіи большого рейтера, рычагъ находился въ равновѣсіи подъ вліяніемъ силы отталкиванія остаточнаго электричества и вѣса рейтера; если послѣ перваго опыта оказывается, что рычагъ *h* опускается внизъ, то нужно оставшійся рейтеръ подвинуть ближе къ точкѣ опоры, и наоборотъ; нужно сдѣлать по крайней мѣрѣ четыре разряда, чтобы достигнуть равновѣсія рычага, послѣ снятія большого рейтера. При нѣкоторой сноровкѣ на это потребно не болѣе 15 минутъ, а время,

необходимое для того, чтобы послѣ разряда поднять рычагъ, снять большой рейтеръ и освободить рычагъ, составляетъ не болѣе полуминуты; въ этотъ промежутокъ времени произойдетъ ничтожная потеря остаточнаго электричества, которой можно пренебречь. Такія опредѣленія должны быть сдѣланы для каждаго отдѣльнаго количества электричества; далѣе, если измѣняется длина искры, то остаточный зарядъ также мѣняетъ свою величину; если длина искры остается неизмѣнной, а измѣняется давленіе газа въ разрядникѣ, то измѣненіе количества остаточнаго электричества ничтожно, и имъ можно также вполнѣ пренебречь. Опредѣливши положенія малаго рейтера для цѣлаго ряда количествъ электричества, которыми заряжается конденсаторъ, можно принять, что эти положенія останутся неизмѣнными при измѣненіи давленія газа въ разрядникѣ; при другой длинѣ искры опять нужно повѣрить, не измѣнилось ли количество остаточнаго электричества.

Зависимость между вѣсомъ обоихъ рейтеровъ, количествами электричества и количествомъ тепла выразится слѣдующимъ образомъ:

обозначимъ вѣсъ большаго рейтера черезъ . . . . . P,
вѣсъ малаго рейтера . . . . p,
количество электричества . . . . Q,
количество остаточного электричества . . . . q,
разстояніе точки привѣса большаго рейтера отъ точки опоры x,
разстояніе точки привѣса малаго рейтера отъ точки опоры y,
силу отталкиванія между шариками, соотвѣтствующую количеству электричества Q . . . . F,
силу отталкиванія, соотвѣтствующую количеству электричества q . . . . f,
длину всего рычага h . . . . L.

Количество тепла, развивающееся при разрядѣ количества электричества Q при остаточномъ зарядѣ q, будетъ:

$$W = a\ (Q^2 - q^2). \quad (1)$$

На основанін предыдущаго, сила отталкиванія

$$F = bQ^2, \quad (2)$$

$$f = bq^2.$$

Съ другой стороны, при равновѣсіи силъ F и f и грузовъ P и p, должно быть

$$FL = Px + py,$$

$$fL = py,$$

откуда

$$F = \frac{Px + py}{L}, \quad (3)$$

$$f = \frac{py}{L}.$$

Подставляя значенія F и f въ уравненія (2) и опредѣляя изъ нихъ Q^2 и q^2, получимъ:

$$Q^2 = \frac{Px + py}{bL},$$

$$q^2 = \frac{py}{bL},$$

$$Q^2 - q^2 = \frac{Px}{bL}.$$

Подставивъ значеніе $Q^2 - q^2$ въ уравненіе (1), получимъ:

$$W = a\frac{Px}{bL} = \frac{aP}{bL}x$$

$$\frac{W}{x} = \frac{aP}{bL} = const.$$

Если же разрядъ, при тѣхъ же условіяхъ заряда и притомъ же количествѣ электричества Q, происходитъ безъ искры и, слѣдовательно, безъ остаточнаго заряда q, то

$$W = aQ^2$$

$$Q^2 = \frac{F}{b} = \frac{Px + py}{bL}$$

$$W = \frac{a\,(Px + py)}{bL}.$$

Полагая $p = nP$, гдѣ n малая дробь, получимъ:

$$W = \frac{aP}{bL}\,(x + ny)$$

$$\frac{W}{x + ny} = \frac{aP}{bL} = const. \quad . \quad . \quad (5)$$

Слѣдующія таблицы содержатъ результаты измѣреній; измѣренія количествъ электричества и количествъ тепла производились при слѣдующихъ условіяхъ: въ термометрѣ была платиновая проволока длиною 1808$^{\text{м.м.}}$, радіуса 0,044$^{\text{м.м.}}$; вѣсъ большаго рейтера $P = 0{,}17308$ грамма, вѣсъ малаго $p = 0{,}00719$ гр.; поэтому $n = \frac{p}{P} = 0{,}04154$; эти измѣренія не сравнимы съ предъидущими, вслѣдствіи того, что рейтеръ былъ другого вѣса.

Воздухъ
Длина искры 62.75.

$x + ny$	18.5	90.1	147.7
107.66+57.66 n	136.0	166.6	178.3
97.66+52:66 n	128.0	158.6	163.6
87.66+47.66 n	113.0	144.0	140.0
77.66+42.66 n	101.0	122.5	—
67.66+37.66 n	—	114.5	—

Углекислота
Длина искры 62.75

$x + ny$	18.4	90 6	161.4
107.66+57.66 n	124.0	151.0	178.0
97.66+52.66 n	114.0	141.3	—
87.66+47.66 n	102.0	128.0	—
77.66+42.66 n	90.0	112.0	—
67.66+37.66 n	78.0	96.0	—

Водородъ

Длина искры 62.75

$x + ny$	23.7	90.4	161.7	327.7
107.66+57.66 n	152.5	166 3	179.0	180.0
97.66+52.66 n	140.0	150.5	171.0	171.5
87.66+47.66 n	126.0	139.5	156.0	155.0
77.66+42.66 n	111.0	121.5	140.0	—
67.66+37.66 n	—	110.5	119.5	—

Воздухъ

Длина искры 45.5

$x + ny$	19.4	92.6	159.7	227.9
107.66+57.66 n	163.0	182.0	183.0	185.0
97.66+52.66 n	148.0	163.0	165.0	167.8
87.66+47.66 n	135.0	150.0	155.0	—
77.66+42.66 n	122.0	131.0	136.0	—
67.66+37.66 n	105.6	118.0	124.0	—

Водородъ.

Длина искры 45.5

$x + ny$	22 2	94.5	163.2	227.7	334.2
107.66+57.66 n	174.0	175.0	180.0	190.0	195.0
97.66+52.66 n	157.0	158.5	—	176.0	180.0
87.66+47.66 n	140.6	142.0	159.0	160.0	161.0
77.66+42.66 n	125.0	129.5	135.0	143.0	145.0
67.66+37.66 n	111.0	111.0	119.0	123.0	127.0

Углекислота

Длина искры 45.5

$x + ny$	18.3	91.1	162.3
107.66+57.66 n	148.0	150.0	181.0
197.86+52.67 n	137.0	143.0	159.0
87.66+47.66 n	122.0	—	150.0
77.66+42.66 n	109.0	141.0	137.5
67.66+37.66 n	93.0	97.0	122.0

Воздухъ

Длина искры 30.5

$x + ny$	21.8	96.8	168.8
107.66+55.16 n	180.0	185.0	194.0
97.66+50.16 n	167.0	170.0	180.0
87.66+45.16 n	149.0	155.0	170.0
77.66+40.16 n	132.6	143.0	—
67.66+35.16 n	—	126.0	—

Углекислота

Длина искры 30.5

$x + ny$	23.3
107.66+55.16 n	165.0
97 66+50.16 n	152.0
87.66+45.16 n	137.0
77.66+40.16 n	120.0
67.66+35.16 n	—

Воздухъ

Длина искры 20.1

$x + ny$	20.7	95.4	331.2	449.0
107.66+52.66 n	200.0	200.0	202.0	202.0
97.66+47.66 n	179.0	180.0	180.0	185.0
87.66+42.66 n	165.0	170.0	170.0	170.0
77.66+37.66 n	145.0	150.0	153.0	—
67.66+32.66 n	—	—	—	—

Углекислота

Длина искры 20.1

$x + ny$	20.7	163.2	335.2
170.64+52.66 n	189.0	190.0	200.0
97.66+47.66 n	172.0	175.0	183.0
87.66+42.66 n	155.0	155.0	155.0
77.66+37.66 n	140.0	140.0	151.0
67.66+32.66 n	120 0	125.0	135.0

Водородъ

Длина искры 30.5

$x + ny$	22.0	162.5	331.5	452.0
107.66+55.16 n	187.0	187.0	190.0	197.0
97.66+50.16 n	172.0	174.0	176.0	179.0
87.66+45.16 n	155.0	161.0	162.0	160.0
77.66+40.16 n	137.0	140.0	147.0	147.0
67.66+35.16 n	—	127.0	129.0	134.5

Водородъ

Длина искры 20.1

$x + ny$	16.8	329.8	619.3	766.3
107.66+52.66 n	205.0	208.0	208.0	208.0
97.66+47.66 n	188.0	188.0	190.0	190.0
87.66+42.66 n	170.0	172.5	175.0	172.5
77.66+37.66 n	150.0	152.5	152.0	155.0
67.66+32.66 n	—	—	—	—

Во всѣхъ таблицахъ вертикальный столбецъ представляетъ положеніе большого и малаго рейтера на рычагѣ электрометра относительно точки опоры, выраженное формулою $x+ny$; далѣе, слѣдующіе вертикальные столбцы представляютъ нагрѣванія проволоки термометра, соотвѣтствующія различнымъ количе- электричества и различнымъ давленіямъ газа въ разрядникѣ, при чемъ верхнее число каждаго вертикальнаго столбца представляетъ давленіе газа, при которомъ происходилъ разрядъ. Разсматривая, слѣдовательно, числа каждаго вертикальнаго столбца, можно видѣть, какъ измѣняются нагрѣванія съ измѣненіемъ количествъ электричества, но при одномъ и томъ же давленіи газа въ разрядникѣ; разсматривая числа каждой горизонтальной строки, можно видѣть измѣненія нагрѣванія, происходящія вслѣдствіе измѣненія давленія газа въ разрядникѣ, когда количество электричества остается тѣмъ-же. Числа этихъ таблицъ показываютъ, что сопротивленіе одного и того же газа, при одномъ и томъ же давленіи его, увеличивается по мѣрѣ увеличенія длины искры, такъ-какъ нагрѣванія проволоки термометра дѣлаются тѣмъ меньше, чѣмъ больше длина искры, введенной въ цѣпь; далѣе, нагрѣванія проволоки термометра измѣняются также при измѣненіи природы газа, наполняющаго разрядникъ; если длина искры и давленіе газа будутъ одинаковы, нагрѣванія проволоки термометра при разрядѣ въ углекислотѣ всегда меньше, чѣмъ при разрядѣ въ воздухѣ, а при разрядѣ въ воздухѣ меньше, чѣмъ при разрядѣ въ водородѣ, изъ чего можно заключить, что наименьшею электропроводностью обладаетъ углекислота, затѣмъ воздухъ, и наибольшею водородъ.

Что касается до измѣненія сопротивленія газовъ вмѣстѣ съ давленіемъ, то числа таблицъ показываютъ, что съ увеличеніемъ давленія газа, нагрѣванія проволоки термометра увеличиваются; кромѣ того, нельзя не замѣтить здѣсь еще слѣдующаго: при большой длинѣ искры по мѣрѣ увеличенія давленія скоро наступаетъ такое давленіе, при которомъ произошелъ бы саморазрядъ конденсатора, если бы онъ былъ заряженъ наибольшимъ количествомъ электричества; здѣсь мы замѣчаемъ

быстрое увеличеніе нагрѣванія проволоки термометра и, слѣдовательно, уменьшеніе сопротивленія въ искрѣ; но по мѣрѣ того, какъ длина искры дѣлается меньше, нагрѣванія проволоки термометра остаются постоянными до тѣхъ поръ, пока давленіе измѣняется въ предѣлахъ далекихъ отъ того давленія, при которомъ произошелъ бы саморазрядъ батареи; но какъ только давленіе приближается къ этому предѣлу, тотчасъ замѣчается увеличеніе нагрѣванія проволоки термометра и, слѣдовательно, уменьшеніе сопротивленія въ искрѣ. Точно также замѣчаемъ, что около этого предѣла давленія нагрѣванія проволоки термометра все болѣе и болѣе отступаютъ отъ закона пропорціональности квадратамъ количествъ электричества; кромѣ того, всѣ числа, представляющія нагрѣванія проволоки термометра, суть среднія изъ пяти отдѣльныхъ наблюденій; если нагрѣванія наблюдались при малыхъ давленіяхъ, то эти пять отдѣльныхъ наблюденій были весьма согласны между собою и наибольшая разность между ними не превышала $2^{м.м.}$; но отдѣльныя наблюденія все болѣе различались между собою по мѣрѣ того, какъ давленія приближались къ тому предѣльному давленію, при которомъ произошелъ бы саморазрядъ батареи; разница между ними иногда доходила до $7^{м.м.}$.

Всѣ эти явленія разряда въ газахъ ведутъ къ тому заключенію, что прохожденіе электричества черезъ газы тѣмъ болѣе подчиняется законамъ прохожденія электричества черезъ проводники, чѣмъ болѣе газъ удаленъ отъ того состоянія его, при которомъ произошелъ бы саморязрядъ электричества; само собою разумѣется, что здѣсь говорится о тѣхъ условіяхъ, которыя способствуютъ разряду электричества. Послѣдній выводъ подтвердится еще болѣе, если найдемъ, на основаніи чиселъ предыдущихъ таблицъ, какое количество тепла развивается въ искрѣ при разрядѣ во всѣхъ трехъ газахъ и какъ измѣняется это количество тепла съ измѣненіемъ длины искры. Для этого разсмотримъ нагрѣванія проволоки термометра при наименьшемъ давленіи всѣхъ трехъ газовъ, подвергавшихся опыту; наименьшее давленіе, какъ показываютъ числа таблицъ, не было одинаково; оно измѣнялось между предѣлами $16.8^{м.м.}$ —

23.7$^{\text{м.м.}}$; одинаковаго давленія было бы весьма трудно достигнуть; но измѣненіе сопротивленія газовъ съ давленіемъ такъ мало, что можно допустить, что такая небольшая разность въ давленіи не могла оказывать замѣтнаго вліянія на нагрѣваніе проволоки термометра; можно, слѣдовательно, безъ большой погрѣшности принять, что количество тепла, выдѣляемыя проволокой термометра были бы тѣже, еслибы всѣ три газа находились подъ однимъ и тѣмъ же давленіемъ, напр. 16.8$^{\text{м.м.}}$. Далѣе сравнимъ количество тепла, выдѣляемое проволокой термометра при разрядѣ съ искрой въ трехъ газахъ, съ тѣмъ количествомъ тепла, которое выдѣлилось бы въ проволокѣ термометра, еслибы разрядъ произошелъ безъ участія газа; для этого нужно вывести изъ цѣпи разрядникъ и измѣрить пониженіе уровня жидкости термометра, разряжая конденсаторъ при помощи пустой трубки и заряжая его до того-же напряженія, какое было въ предыдущихъ опытахъ. Такія измѣренія были сдѣланы, и въ слѣдующихъ таблицахъ помѣщены числовыя данныя, служащія для относительнаго опредѣленія сопротивленія газовъ, подвергавшихся опыту.

Разрядъ безъ участія газа

$x+ny$	d Набл.	$\frac{d}{x+ny}=C$	d Вычисл.
107.66+57.66 n = 110.05	225.0	2.044	226.46
97.66+52.66 n = 99.85	201.0	2.013	205.47
87.66+47.66 n = 89.64	186.0	2.074	184.46
77.66+42.66 n = 79.43	165.0	2.064	163.45
67.66+37.66 n = 69.22	145.0	2.094	142.43
Средн. значеніе $C = 2.0578$			

Водородъ

Длина искры $\delta = 62.75$

$x+ny$	d_1	$\frac{d_1}{x}=C_1$	$\frac{C-C_1}{\delta C_1}$	$Z=l\left(\frac{C}{C_1}-1\right)$	$\frac{H}{O+N}$
107.66+57.66 n	152.5	1.418	0.00700	795.16 сопротивленіе равно 12.0 Сименс. единицъ	0.7439
97.6 +52.66 n	140.0	1.433			
87.66+47.66 n	126.0	1.437			
77.66+42.66 n	111.0	1.429			
67.66+37.66 n	—	—			
Средн. значеніе $C_1 = 1.4292$					

Воздухъ

Длина искры $\delta = 62.75$

$x+ny$	d_1	$\frac{d_1}{x}=C_1$	$\frac{C-C_1}{\delta C_1}$	$Z=l\left(\frac{C}{C_1}-1\right)$	$O+N$
107.66+52.66 n	136.0	1.273	0.00942	1068.89 сопротивленіе равно 16.14 Сименс. единицъ.	1.
97 66+52.66 n	128.0	1.311			
87.66+47.66 n	113.0	1.289			
77.66+42.66 n	101.0	1.301			
67.66+37.66 n	—	—			
Средн. значеніе $C_1 = 1.2932$					

Углекислота

Длина искры $\delta = 62.75$

$x+ny$	d_1	$\frac{d_1}{x}=C_1$	$\frac{C-C_1}{\delta C_1}$	$Z=l\left(\frac{C}{C_1}-1\right)$	$\frac{CO_2}{O+N}$
107.66+57.66 n	124.0	1 151			
97.66+52.66 n	114.0	1.167	0.01237	1404.27 сопротивленіе равно 21.2 Сименс. единицъ.	1.3156
87.66+47.66 n	102.0	1.163			
77.66+42.66 n	90.0	1.158			
67.66+37.66 n	78.0	1.152			
Средн. значеніе $C_1 = 1.1582$					

Водородъ

Длина искры $\delta = 45.5$ м.м.

$x+ny$	d_1	$\frac{d_1}{x}=C_1$	$\frac{C-C_1}{\delta C_1}$	$Z=l\left(\frac{C}{C_1}-1\right)$	$\frac{H}{O+N}$
107.66+57.66 n	174.0	1.616			
97.66+52.66 n	157.0	1.607	0.00597	491.59	0.8133
87.66+47.66 n	140.6	1.604			
77.66+42.66 n	125.0	1.622			
67.66+37.66 n	1'1.0	1.610			
Средн. значеніе $C_1 = 1.6178$					

Воздухъ

Длина искры $\delta = 45.5$ м.м.

$x+ny$	d_1	$\frac{d_1}{x}=C_1$	$\frac{C-C_1}{\delta C_1}$	$Z=l\left(\frac{C}{C_1}-1\right)$	$O+N$
107.66+57.66 n	163.0	1.514	0.00734	604.41	1.
97.66+52.66 n	148.0	1.515			
87.66+47.66 n	135.0	1.561			
77.66+42.66 n	122.0	1.570			
67.66+37.66 n	105.6	1.561			

Сред. значеніе $C_1 = 1.5422$

Углекислота

Длина искры $\delta = 45.5$ м.м.

$x+ny$	d_1	$\frac{d_1}{x}=C_1$	$\frac{C-C_1}{\delta C_1}$	$Z=l\left(\frac{C}{C_1}-1\right)$	$\frac{CO_2}{O+N}$
107.66+57.66 n	148.0	1.374	0.01070	870.91	1.4409
97.66+52.66 n	137.0	1.402			
87.66+17.66 n	122.0	1.391			
77.66+42.66 n	109.0	1.403			
67.66+37.66 n	93.0	1.374			

Средн. значеніе $C_1 = 1.3888$

Водородъ

Длина искры $\delta = 30.5$ м. м.

$x+ny$	d_1	$\frac{d_1}{x}=C_1$	$\frac{C-C_1}{\delta C_1}$	$Z=l\left(\frac{C}{C_1}-1\right)$	$\frac{H}{O+N}$
107.66+55.16 n	187.0	1 736	0.00560	309.16	0.8272
97.66+50.16 n	172.0	1.761			
87.66+45.16 n	155.0	1.768			
77.66+40.16 n	137.0	1.764			
67.66+35.16 n	—	—			
Средн. значеніе $C_1 = 1.7572$					

Воздухъ

Длина искры $\delta = 30.5$ м. м.

$x+ny$	d_1	$\frac{d_1}{x}=C_1$	$\frac{C-C_1}{\delta C_1}$	$Z=l\left(\frac{C}{C_1}-1\right)$	$O+N$
107.66+55.16 n	180.0	1.704	0.00677	373.71	1
97.66+50.16 n	167.0	1.710			
87.66+45.16 n	149.0	1.699			
77.66+40.16 n	132.6	1.708			
67.66+35.16 n	—	—			
Средн. значеніе $C_1 = 1.7052$					

Углекислота

Длина искры $\delta = 30.5$ м.м.

$x + ny$	d_1	$\frac{d_1}{x} = C_1$	$\frac{C - C_1}{\delta C_1}$	$Z = l\left(\frac{C}{C_1} - 1\right)$	$\frac{CO_2}{O+N}$
107.66+55.16 n	165.0	1.532			
97.66+50.16 n	152.0	1.546	0.01084	598.08	1.6004
87.66+45.16 n	137.0	1.562			
77.66+40.16 n	120.0	1.545			
67.66+35.16 n	—	—			
Сред. значеніе $C_1 = 1.5462$					

Углекислота

Длина искры $\delta = 20.1$ м. м.

$x + ny$	d_1	$\frac{d_1}{x} = C_1$	$\frac{C - C_1}{\delta C_1}$	$Z = l\left(\frac{C}{C_1} - 1\right)$	$\frac{CO_2}{O+N}$
107.66+52.66 n	189.0	1.755			
97.66+17.66 n	172.0	1.761	0.00801	291.27	1.4397
87.66+42.66 n	155.0	1.768			
77.66+37.66 n	140.0	1.802			
67.66+32.66 n	120.0	1.773			
Средн. значеніе $C_1 = 1.7718$					

Водородъ

Длина искры $\delta = 20.1$ м.м.

$x+ny$	d_1	$\frac{d_1}{x} = C_1$	$\frac{C-C_1}{\delta C_1}$	$Z = l\left(\frac{C}{C_1}-1\right)$	$\frac{H}{O+N}$
107.66+52.66 n	205.0	1.904	0.00339	123.14	0.6105
97.66+47.66 n	188.0	1.925			
87.66+42.66 n	170.0	1.939			
77.66+37.66 n	150.0	1.93			
67.66+32.66 n	—	—			
Средн. значеніе $C_1 = 1.9262$					

Воздухъ

Длина искры $\delta = 20.1$ м.м.

$x+ny$	d_1	$\frac{d_1}{x} = C_1$	$\frac{C-C_1}{\delta C_1}$	$Z = l\left(\frac{C}{C_1}-1\right)$	$O+N$
107.66+52.66 n	200.0	1.857	0.00556	202.31	1
97 66+47.66 n	179.0	1.832			
87.66+42.66 n	165.0	1.847			
77.66+37.66 n	145.0	1.867			
67.66+32.66 n	—	—			
Средн. значеніе $C_1 = 1.8507$					

Числа таблицъ имѣютъ слѣдующее значеніе: въ первой таблицѣ показаны нагрѣванія проволоки термометра, когда разрядъ происходилъ при помощи пустой трубки; въ этомъ случаѣ остаточнаго электричества не существовало; но я заряжалъ конденсаторъ до того напряженія, чтобы рычагъ электрометра находился въ равновѣсіи, когда на немъ находятся два рейтера въ томъ-же положеніи, въ какомъ опи находились въ послѣдующихъ опытахъ. Первый вертикальный столбецъ этой таблицы представляетъ положеніе обоихъ рейтеровъ и значеніе величины $x+ny$, гдѣ $n=\frac{p}{P}$; второй столбецъ представляетъ наблюденныя пониженія жидкости термометра, соотвѣтствующія различнымъ количествамъ электричества, которыми былъ заряженъ конденсаторъ; третій столбецъ представляетъ значеніе $\frac{d}{x+ny}=C$, которое, на основаніи предыдущихъ формулъ, должно быть постояннымъ; четвертый столбецъ представляетъ вычисленныя значенія d, по формулѣ $d=2{,}0578\ (x+ny)$.

Если-бы на основаніи чиселъ, находящихся въ этой таблицѣ, вычислить количество тепла, выдѣляемое проволокой термометра, то это количество тепла представляло бы полное количество тепла выдѣляемаго при разрядѣ конденсатора; введеніе новаго внѣшняго сопротивленія, измѣнивъ показаніе термометра, не измѣнило-бы полнаго количества тепла, какъ это видно было изъ предыдущихъ опытовъ. Слѣдующія таблицы представляютъ нагрѣванія проволоки термометра, когда въ цѣпь введенъ слой газа въ разрядникѣ; для каждаго газа и для каждаго разстоянія между электродами разрядника есть соотвѣтствующая таблица; число, поставленное надъ каждой таблицей и обозначенное черезъ δ, представляетъ длину искры въ разрядникѣ; далѣе, первый вертикальный столбецъ каждой таблицы представляетъ опять положеніе обоихъ рейтеровъ на рычагѣ электрометра и даетъ возможность слѣдить за измѣненіемъ остаточнаго заряда; второй представляетъ пониженіе

жидкости термометра, обозначенное черезъ d_1; третій—значеніе $\frac{d_1}{x}=C_1$ которое, на основаніи предыдущихъ формулъ, также должно быть постояннымъ; четвертый столбецъ представляетъ значеніе величины $\frac{C-C_1}{\delta C_1}$; эта величина представляетъ сопротивленіе слоя газа толщиною въ одинъ миллиметръ, предполагая, что сопротивленіе газа увеличивается пропорціонально толщинѣ слоя газа, или что все равно, длинѣ искры. Пятый столбецъ представляетъ значеніе величины $Z=l\left(\frac{C}{C_1}-1\right)$; величина Z выведена изъ формулы $C_1=C\frac{1}{1+\frac{Z}{l}}$.

Если-бы, кромѣ проволоки термометра, ввести внѣ термометра проволоку, длина которой равна Z, такой-же толщины и такого же матеріала, какъ въ термометрѣ, то зависимость между нагрѣваніями при разрядѣ безъ искры въ первомъ и во второмъ случаѣ выразилась бы предыдущей формулой; вставляя вмѣсто C среднее значеніе изъ таблицы первой, вмѣсто C_1 среднее значеніе, соотвѣтствующее какому нибудь газу и опредѣленному разстоянію электродовъ въ разрядникѣ, вмѣсто l длину проволоки термометра и опредѣляя изъ уравненія Z, мы получимъ въ миллиметрахъ длину проволоки одинаковой толщины и состава съ проволокой въ термометрѣ, которая будетъ представлять такое-же сопротивленіе, какое представляетъ разряду введенный слой газа; подлѣ этой вычисленной длины проволоки въ томъ-же столбцѣ помѣщено вычисленное сопротивленіе ея по таблицамъ Матисена, выраженное въ Сименсовыхъ ртутныхъ единицахъ. Шестой столбецъ представляетъ отношеніе между сопротивленіемъ водорода и углекислоты и сопротивленіемъ воздуха; отношеніе это изображено химическими знаками газовъ, подвергавшихся опыту, т. е $\frac{CO_2}{O+N}$ или $\frac{H}{O+N}$.

Изъ этихъ таблицъ можно вывести заключеніе, что сопротивленіе газовъ увеличивается почти пропорціонально длинѣ искры, когда эта длина не слишкомъ мала; кромѣ того, принимая сопротивленіе воздуха за единицу, сопротивленіе водорода выразится числомъ 0,8, а углекислоты 1,4.

Числа, выражающія сопротивленіе искры длиною въ одинъ миллиметръ для одного и того-же газа, замѣтно уменьшаются по мѣрѣ того, какъ уменьшается длина искры; еслибы сопротивленіе газовъ было пропорціонально длинѣ искры, то эти числа должны быть постоянными; причину непостоянства этихъ чиселъ нужно, мнѣ кажется, искать въ томъ, что при разрядѣ электричества чрезъ газы нужно еще принять во вниманіе и поперечный разрѣзъ искры. Простымъ, невооруженнымъ глазомъ можно замѣтить, что болѣе короткія искры представляются глазу въ видѣ блестящихъ свѣтлыхъ линій, имѣющихъ бо́льшій поперечный разрѣзъ, нежели искры болѣе длинныя. Разсматривая изображеніе искры помощью микроскопа особаго устройства, Варенъ де ла Рю и Гюго Мюллеръ въ своихъ изслѣдованіяхъ, о которыхъ упоминалось раньше, даютъ рисунки искръ въ различныхъ газахъ при одинаковыхъ прочихъ условіяхъ; эти рисунки убѣждаютъ въ томъ, что поперечный разрѣзъ искры неодинаковъ въ различныхъ газахъ. Если предположить, что величина поперечнаго разрѣза искры измѣняетъ сопротивленіе газовъ и если сопротивленіе газовъ увеличивается съ уменьшеніемъ поперечнаго разрѣза искры, тогда уменьшеніе чиселъ, выражающихъ сопротивленіе искры длиною въ одинъ миллиметръ, становится понятнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если короткія искры имѣютъ бо́льшій поперечный разрѣзъ, нежели болѣе длинныя, то сопротивленіе болѣе короткой искры выразится нѣсколько меньшимъ числомъ, нежели въ томъ случаѣ, если бы поперечный разрѣзъ болѣе короткой искры былъ одинаковъ съ поперечнымъ разрѣзомъ искры болѣе длинной.

Для окончательнаго численнаго опредѣленія сопротивленія газовъ приведенныхъ опытовъ еще недостаточно; для такихъ опытовъ разрядникъ долженъ быть измѣненъ; онъ долженъ

быть замѣненъ трубками, имѣющими форму Гейслеровыхъ трубокъ, употребляющихся для спектральнаго анализа газовъ. Я имѣю въ виду повторить эти опыты при нѣсколько иныхъ условіяхъ.

Въ заключеніе я приведу нѣсколько опытовъ, доказывающихъ измѣненіе сопротивленія газовъ съ измѣненіемъ ихъ температуры. Гитторфъ и другіе изслѣдователи констатировали тотъ фактъ, что раскаленные газы лучше проводятъ электричество, нежели газы холодные; Гитторфу удалось доказать, что раскаленные пары нѣкоторыхъ металловъ обладаютъ различною проводимостью; для этого онъ погружалъ электроды въ пламя Бунзеновой горѣлки, въ которомъ находились пары металловъ калія, натрія и др. Я не употреблялъ такого метода на томъ основаніи, что батарея, употреблявшаяся въ моихъ опытахъ, не давала длинныхъ искръ при разрядѣ въ газахъ атмосфернаго давленія, а малыя искры представляютъ незначительное сопротивленіе, и измѣненіе этого сопротивленія мало вліяетъ на нагрѣваніе проволоки термометра. Кромѣ того, пламя Бунзеновой горѣлки не представляетъ собою среды съ опредѣленнымъ химическимъ составомъ. Мнѣ удалось доказать измѣненіе сопротивленія газовъ съ измѣненіемъ температуры, при чемъ газъ, наполнявшій разрядникъ, не измѣнялся ни въ своемъ составѣ, ни въ давленіи. Расположеніе приборовъ въ этихъ опытахъ представлено на фиг. 16. Расположеніе цѣпи оставалось совершенно такимъ-же, какъ и въ предыдущихъ опытахъ; для нагрѣванія-же газа въ разрядникѣ употреблялась катушка Румкорфа большихъ размѣровъ. На фиг. 16 *J* означаетъ катушку Румкорфа, *R* разрядникъ; электроды катушки соединялись съ электродами разрядника, при чемъ въ мѣстѣ *B* введенъ слой воздуха. Если привести катушку Румкорфа въ дѣйствіе, то, какъ въ разрядникѣ *R*, такъ и въ *B* появляется искра; если газъ въ разрядникѣ разрѣдить до опредѣленнаго давленія, то можно получить непрерывный токъ электричества, при чемъ внутри разрядника, между электродами получается полоса непрерывнаго яркаго свѣта. Очевидно, что

пространство между электродами разрядника въ этихъ обстоятельствахъ будетъ представлять газовую среду, нагрѣтую до высокой температуры. Въ термометрѣ при этомъ не замѣчается ни малѣйшаго нагрѣванія, и конденсаторъ не заряжается совсѣмъ. Если поставить разрядникъ *V* (пустую трубку) въ такое положеніе, чтобы электроды касались другъ друга, то при продолжительномъ дѣйствіи катушки конденсаторъ заряжается самъ, и можетъ наконецъ послѣдовать саморазрядъ въ разрядникѣ *B*; при этомъ въ термометрѣ замѣчается сильное нагрѣваніе. Опыты производились слѣдующимъ образомъ: сначала въ разрядникъ вводился газъ, давленіе котораго измѣрялось, и кранъ разрядника запирался; затѣмъ конденсаторъ заряжался машиною Гольца до опредѣленнаго напряженія и наблюдалось нагрѣваніе въ термометрѣ, когда еще катушка Румкорфа не дѣйствовала, и, слѣдовательно, газъ въ разрядникѣ имѣлъ температуру окружающаго воздуха; затѣмъ батарея опять заряжалась, и когда рычагъ электрометра начиналъ приходить въ равновѣсіе, катушка приводилась въ дѣйствіе и батарея разряжалась; послѣ разряда дѣйствіе катушки сейчасъ-же прекращалось. Въ послѣднемъ случаѣ электричество батареи проходило, слѣдовательно, черезъ газъ, нагрѣтый до высокой температуры электричествомъ катушки Румкорфа. Вмѣсто разрядника *B*, я вставлялъ фабричныя Гейслеровы трубки, изъ которыхъ одна была наполнена водородомъ, другая углекислотой, давленія которыхъ были неизвѣстны; трубки эти употреблялись для наблюденія спектровъ газовъ, и, слѣдовательно, онѣ имѣли ту форму, которая имъ обыкновенно дается для этихъ цѣлей. Результаты опытовъ помѣщены въ слѣдующихъ таблицахъ.

Воздухъ

Длина искры 60 м.м.
Давленіе 8.9 м.м.

x	Газъ холодный	Газъ нагрѣтый	Увелич. нагрѣв. въ %
107.66	178.0	192.5	8.1
97.66	161.5	178.0	10.2
87.66	144.5	157.0	8.6

Углекислота

Длина искры 60 м.м.
Давленіе 19.6.

x	Газъ холодный	Газъ нагрѣтый	Увелич. нагрѣв. въ %
107.66	124.5	148.5	19.2
97.66	112.5	136.0	20.9
87.66	102.0	123.0	20.5

ГЕЙСЛЕРОВЫ ТРУБКИ.

Углекислота.

x	Газъ холодный	Газъ нагрѣтый	Увелич. нагрѣв. въ %
107.66	146.5	159.0	8.5
97.66	136 0	148 0	8.8
87.66	118.5	130.0	9.7

Водородъ.

x	Газъ холод. ный	Газъ нагрѣтый	Увелич нагрѣв въ %
107.66	133.0	143.5	7.8
97.66	127.0	136.0	7.0
87.66	116.0	125.0	7.7

Изъ этихъ опытовъ видно, что проводимость углекислоты особенно сильно увеличивается съ измѣненіемъ температуры. Нужно замѣтить, что эти опыты не даютъ возможности сдѣлать какія нибудь количественныя опредѣленія, такъ-какъ температура того пространства, гдѣ происходитъ разрядъ катушки Румкорфа, остается неизвѣстной. Эти опыты констатируютъ только тотъ фактъ, что проводимость воздуха, углекислоты и водорода увеличивается въ различной степени вмѣстѣ съ увеличеніемъ температуры.

Изъ всѣхъ опытовъ, описанныхъ въ предыдущихъ главахъ, можно вывести слѣдующія заключенія:

1) *Полное количество тепла, освобождающееся при разрядѣ конденсатора, пропорціонально квадрату количества электричества, остается постояннымъ при измѣненіи сопротивленія цѣпи конденсатора и отъ состава цѣпи не зависитъ.*

2) *Если цѣпь будетъ только металлическая и разрядъ происходитъ безъ искры (помощью электродовъ, помѣщенныхъ въ пустое пространство), то количество тепла, выдѣляющееся въ какой нибудь части цѣпи, будетъ пропорціонально сопротивленію этой части цѣпи; отношеніе этого количества тепла къ полному количеству тепла будетъ равно отношенію сопротивленія этой части къ сопротивленію всей цѣпи.*

3) *Если цѣпь будетъ состоять частью изъ металлическихъ проводниковъ и частью изъ газоваго слоя, то полное*

количество тепла распредѣляется между металлическими проводниками и газовымъ слоемъ и раздѣляется на двѣ части; количество тепла, выдѣляющееся при разрядѣ въ газѣ также, какъ и въ металлическихъ проводникахъ, пропорціонально квадрату количествъ протекшаго электричества; при одномъ и томъ-же количествѣ электричества оно пропорціонально сопротивленію газа; предыдущій законъ приложимъ вполнѣ и въ данномъ случаѣ.

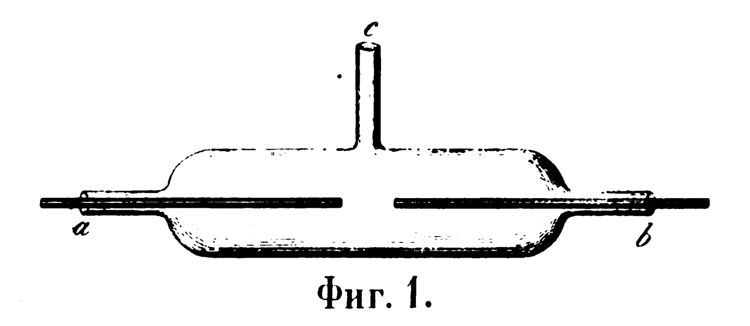
4) *Саморазрядъ электричества въ газѣ есть такое явленіе, которое опредѣляетъ предѣльное состояніе газа; если газъ, окружающій наэлектризованное тѣло, находится въ такихъ условіяхъ, которыя удаляютъ его отъ этого предѣльнаго состоянія въ одну сторону, тогда онъ можетъ быть разматриваемъ, какъ изоляторъ, въ противуположную сторону—какъ проводникъ.*

5) *Сопротивленіе газа зависитъ отъ его природы, толщины газоваго слоя, введеннаго въ цѣпь, или что все равно, отъ длины искры, отъ его температуры; сопротивленіе весьма мало измѣняется съ давленіемъ.*

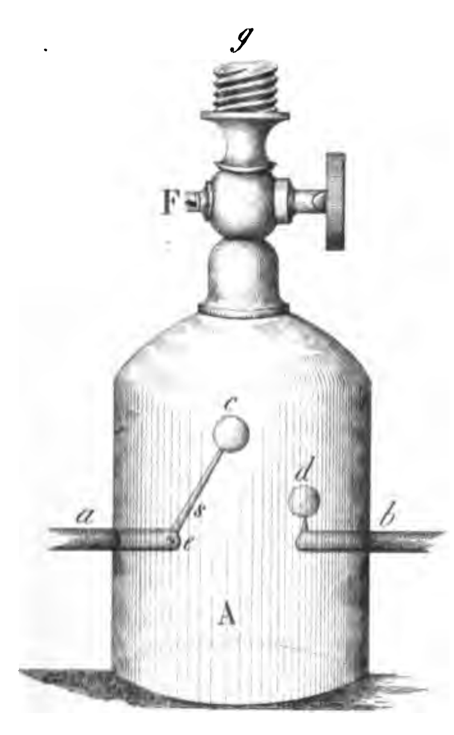
6) *Изъ трехъ газовъ, водорода, воздуха, углекислоты, первый обладаетъ наибольшею проводимостью, послѣдній—наименьшею. Теплопроводность водорода также наибольшая, углекислоты наименьшая изъ всѣхъ газовъ.*

7) *Сопротивленіе газовъ увеличивается, когда увеличивается длина искры; оно почти пропорціонально длинѣ искры, когда эта длина неслишкомъ мала.*

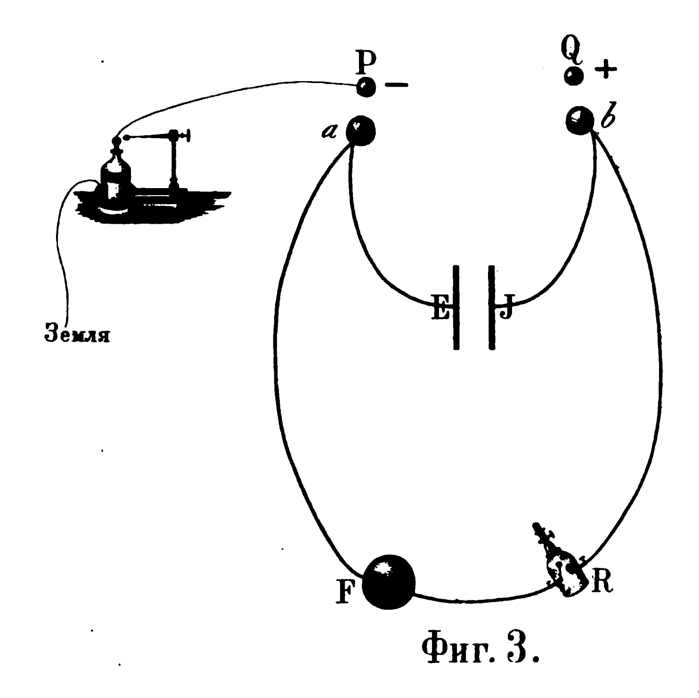
8) *Сопротивленіе газовъ измѣняется съ измѣненіемъ его температуры; съ повышеніемъ температуры оно уменьшается. Измѣненіе сопротивленія вмѣстѣ съ температурою для каждаго газа различно.*



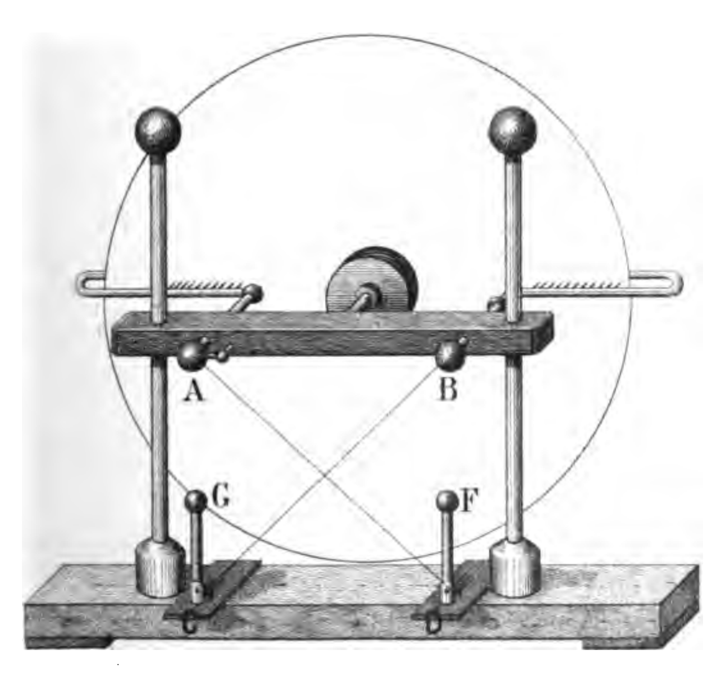
Фиг. 1.



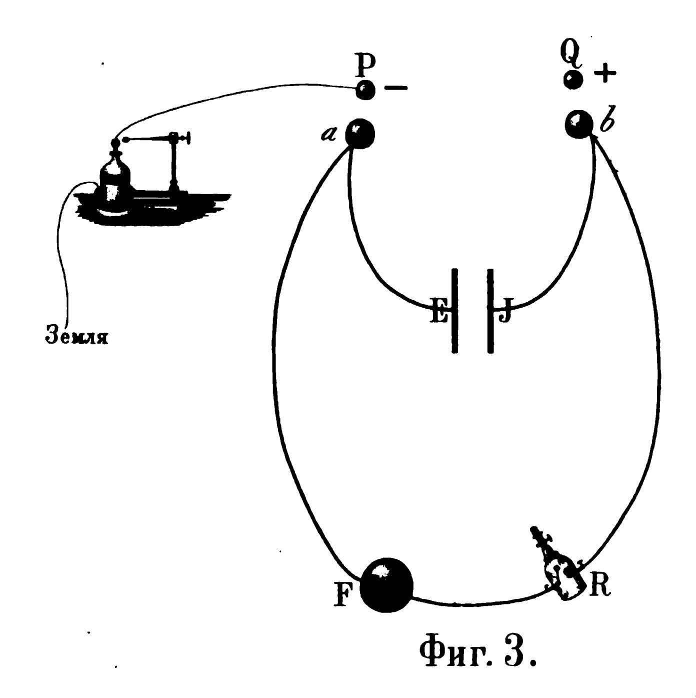
Фиг. 2.



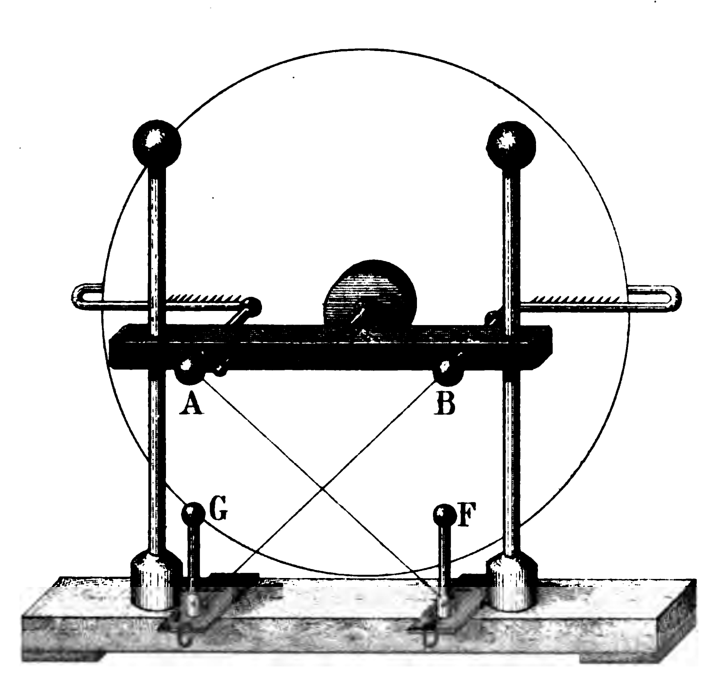
Фиг. 3.



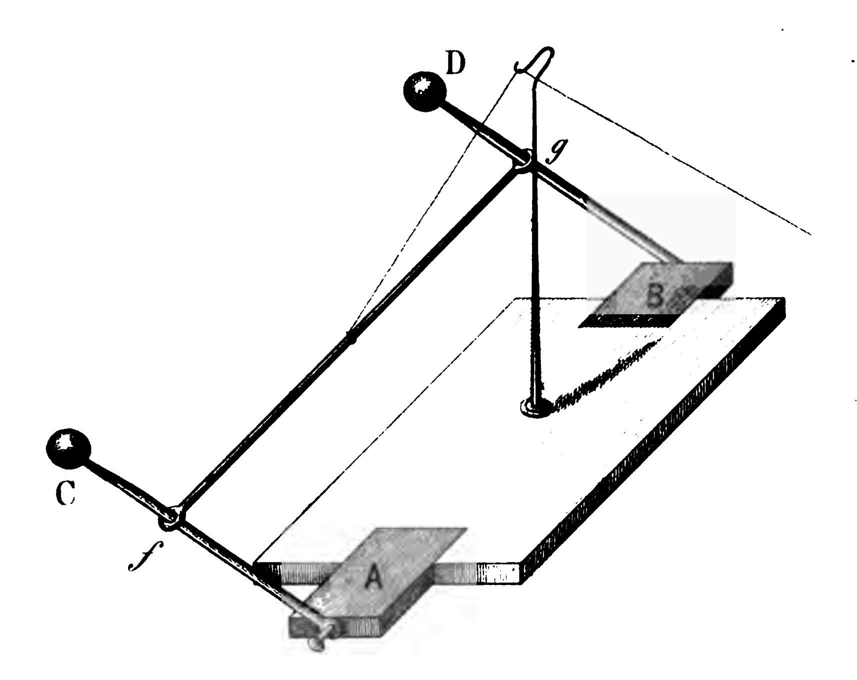
Фиг. 4.



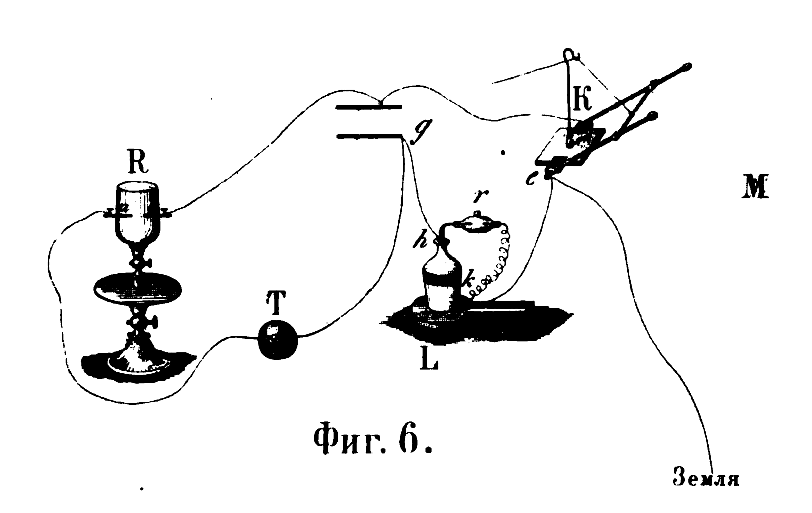
Фиг. 3.



Фиг. 4.

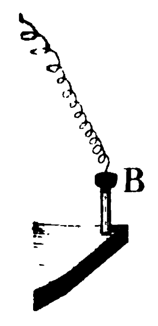


Фиг. 5.

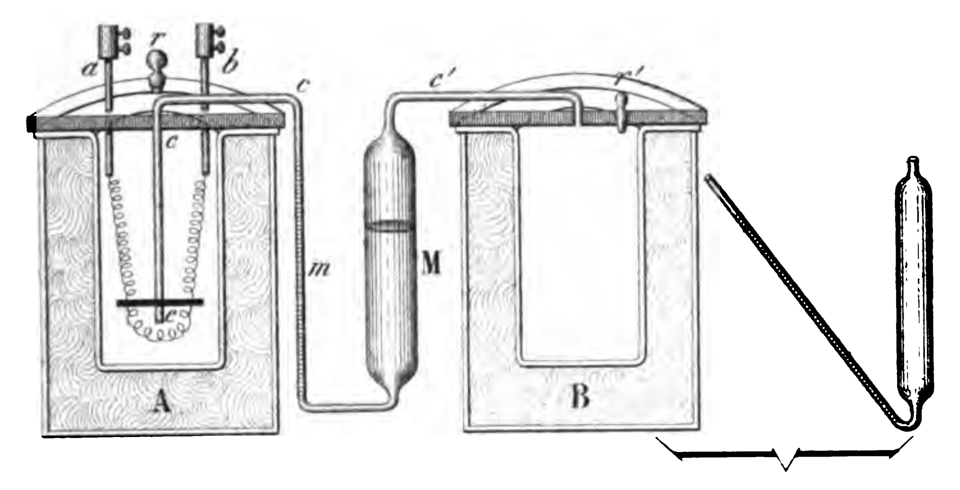


Фиг. 6.

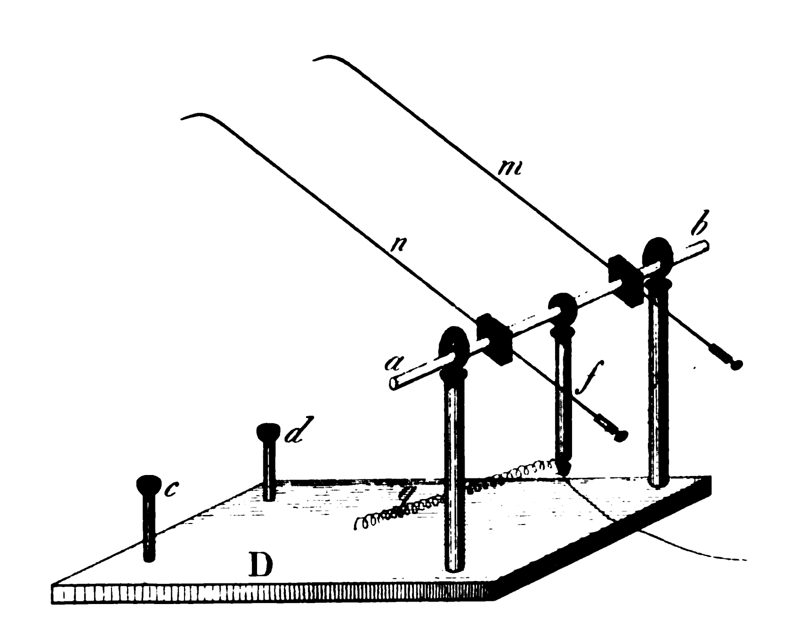
A



Г-ръ Ильинъ.



Фиг. 12.



Фиг. 13.

Законъ отраженія свѣта различной длины волны отъ поверхности гипса.

Магистранда А. Кононовича.

Фогель въ сочиненіи своемъ „Spectral-photometrische Untersuchungen insbesondere zur Bestimmung der die Sonne umgebenden Gashülle“ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что законъ испусканія лучей свѣта солнечной поверхности зависитъ не только отъ угла испусканія, но и отъ длины волны испускаемаго свѣта. Къ этому заключенію Фогель пришелъ разбирая свои наблюденія надъ количествомъ свѣта различной длины волны, испускаемымъ точками солнечной поверхности, не одинаково удаленными отъ средины.

Основная мысль разсужденій Фогеля заключается въ слѣдующемъ: онъ предположилъ, что солнце окружено атмосферою, въ которой совершается поглощеніе лучей солнца испускаемыхъ внутреннимъ ядромъ и что это поглощеніе совершается по закону Лапласа *). Далѣе Фогель предположилъ, что количество свѣта, испускаемое элементомъ ядра по различнымъ направленіямъ, пропорціонально *Cs* угла испусканія (т. е. слѣдуетъ закону Ламберта) и вывелъ при этихъ предположеніяхъ формулу для относительнаго блеска различныхъ точекъ солнечной поверхности. Сравнивая полученную формулу съ своими наблюденіями, Фогель нашелъ достаточное совпаданіе формулы

---

*) Т. е. по закону, выражаемому формулой $lg\,\varepsilon = \frac{lg\,E}{Cs\,\theta}$, гдѣ ε есть поглащеніе свѣта въ атмосферѣ для звѣзды, зенитное разстояніе котор. есть θ, E—поглощеніе свѣта для звѣзды въ зенитѣ. Формула эта приближена и не годится для малыхъ высотъ. Она выведена въ предположеніи, что поглощеніе пропорціонально плотности средины и длинѣ пути луча свѣта.

съ наблюденіями надъ желтыми лучами и большую разницу для лучей красныхъ и фіолетовыхъ.

Эта разница между выведенной формулой и наблюденіями и привела его къ вышеуказанному предположенію. Фогель говоритъ: Ich glaube man muss diese Abweichungen nicht als zufällige ansehen, sondern muss ihnen eine gewisse Realität zuschreiben und dürfte die einfachste Hypothese zur Erklärung derselben wohl die sein anzunehmen, dass die Intensität der von der Sonnenoberfläche ausgesandten Strahlen nicht nur eine Function des Emanationswinkels, sondern gleichzeitig der Wellenlänge sei und dass die Sonne ohne Atmosphäre für die brechbareren Strahlen als eine Scheibe ercheinen würde, die am Rande etwas weniger hell als in der Mitte, für die Strahlen mittlerer Brechbarkeit vollkommen gleich hell und für die weniger brechbaren Strahlen am Rande etwas heller als in der Mitte wäre. Unter diesen Annahmen würden sich die berechneten und die aus den Beobachtungen abgeleiteten Curven besser anschliessen. Vielleicht gelingt es auch an glühenden Metallkugeln ähnliche Beobachtungen anzustellen wenn die Beobachtungsmethoden nur genügend verfeinert werden".

Интересно провѣрить это предположеніе по наблюденіямъ надъ земными тѣлами, такъ какъ при наблюденіяхъ надъ солнцемъ мы имѣемъ дѣло съ поглощающей лучи срединой, законъ поглощенія въ которой намъ въ точности не извѣстенъ, и произвести подобныя опыты надъ тѣлами самосвѣтящимися и свѣтящими разсѣянно отраженнымъ свѣтомъ. Благодаря любезности г-на профессора Умова, давшаго въ мое распоряженіе фотометръ Глана, я имѣлъ возможность, лѣтомъ 1879 года, произвести рядъ подобныхъ наблюденій съ цѣлью провѣрить приложимость этого закона къ гипсу.

Устройство фотометра Глана (описаніе его помѣщено въ „Annallem der Phisik und Chemie. Neue Folge. Band. I. H III) состоитъ въ слѣдующемъ: Щель фотометра дѣлится металлической пластинкой на 2 части; при помощи призмы Вульсте-

на получаются два изображенія каждой изъ половинокъ щели, изображенія, происходящія одно отъ ординарныхъ, другое отъ экстраординарныхъ лучей; изъ нихъ только два—ординарное одной половины и экстраординарное другой достигаютъ до глаза наблюдателя.

По выходѣ изъ Вульстеновой призмы, лучи проходятъ Николеву призму и систему призмъ Амици, въ которой разлагаются въ спектръ; по выходѣ изъ этой системы они вступаютъ въ объективъ трубы наблюденія (Beobachtungs—Fernrohr). Призма Николя можетъ поворачиваться и вращеніе ея можетъ быть отсчитываемо по раздѣленному кругу (въ снарядѣ коимъ я пользовался, можно при посредствѣ ноніуса отсчитать уголъ съ точностью до 1″). Если повернуть призму Николя такъ, чтобы плоскость ея поляризаціи совпадала съ плоскостью поляризаціи изображенія верхней щели, то въ трубу мы увидимъ спектръ, происшедшій отъ верхней щели; спектръ нижней половины будетъ вполнѣ уничтоженъ, такъ какъ плоскость поляризаціи лучей, прошедшихъ черезъ эту часть щели, будетъ перпендикулярна къ плоскости поляризаціи Николя.

При движеніи Николя спектръ нижней щели появится и его яркость будетъ увеличиваться пропорціонально tg^2 угла поворота отъ того положенія, когда онъ исчезалъ. Если обѣ половины щели освѣтить лучами различной силы, то поворотомъ Николя можно достигнуть того, чтобы извѣстныя части обоихъ спектровъ были одинаково ярки; отношеніе между яркостями источниковъ свѣта, освѣщающихъ обѣ половины щели, будетъ равно tg^2 того угла, на который былъ повернутъ Николь отъ того положенія, когда спектръ исчезалъ. Для удобнѣйшаго сравненія извѣстныхъ частей верхняго и нижняго спектровъ въ фокальной плоскости окуляра трубы наблюденія находятся двѣ подвижныя пластинки, сдвигая которыя мы можемъ закрыть для глаза весь спектръ за исключеніемъ той части его, которую хотимъ наблюдать.

Для опредѣленія относительнаго положенія частей спектра съ боку фотометра придѣлана трубка со скалой, изображеніе которой отражается въ трубу наблюденія отъ послѣдней грани призмы

Для точнаго опредѣленія части спектра, надъ которой совершались наблюденія, были опредѣлены показанія скалы, соотвѣтствующія главнѣйшимъ Фрауенгоферовымъ линіямъ и такимъ образомъ получено:

Показанія скалы: 1, 7; 3, 4; 6, 4; 13, 0; 16, 5; 19, 5
длина волны: 686; 656; 589; 526; 486; 430.

Наблюденія были производимы въ трехъ мѣстахъ спектра, соотвѣтствующихъ отсчетамъ скалы:
2, 5; 6, 4; 19, 5.

Прежде всего былъ проверенъ законъ измѣненія силы свѣта съ квадратомъ разстоянія для части спектра, соотвѣтствующей отсчету скалы 6, 4; для этой цѣли къ нижней щели фотометра была приклеена призма, посылавшая въ фотометръ свѣтъ боковаго источника, остававшагося во все время опытовъ на одномъ и томъ же разстояніи отъ фотометра. Другая лампа посылала свѣтъ на верхнюю часть фотометра. — Эта вторая лампа мѣняла свое разстояніе отъ фотометра. Кругъ фотометра поворачивался до тѣхъ поръ, пока яркости верхняго и нижняго спекровъ не казались одинаковыми.

Такъ какъ положеніе круга фотометра, при которомъ исчезалъ одинъ изъ спектровъ, не совпадало съ нулемъ градусовъ показаній круга, то для опредѣленія угла поворота николевой призмы отъ того положенія ея, при которомъ исчезалъ одинъ изъ спектровъ, сравненіе яркостей обоихъ спектровъ производилось всегда въ двухъ смежныхъ квадрантахъ круга. Подвижная лампа устанавливалась на разстояніяхъ $r = 166,7$ сант. и $r = 101,9$ сант.; называя соотвѣтственные отсчеты (среднія 4-хъ отдѣльныхъ или 2-хъ полныхъ наблюденій) черезъ a, получимъ:

	a					
	I	II	III	IV	V	VI
r	66°43′	57°7′	58°12′	57°50′	57°57′	57°25′
r_1	54°31	44 35	45 17	44 41	45 40	45 46

Отношеніе между разстояніями было:

$lg \frac{r}{r} = 0,2138.$

Въ случаѣ совпаденія показаній фотометра съ закономъ обратной пропорціональности силы свѣта съ квадратомъ разстояній отношеніе tg угловъ отсчета круга фотометра должно равняться отношенію $\frac{r}{r_1}$. Отношенія tg равны:

	$lg \frac{tg\,\alpha}{tg\alpha_1}$	V
I	0,2160	+ 0,0166
II	0,1952	— 0.0042
III	0.2033	+ 0.0039
IV	0.2062	+ 0.0068
V	0.1932	— 0.0062
VI	0.1827	— 0.0167
	01994	± 0,0032

Вѣроятная ошибка отдѣльнаго опредѣленія равна 0,0078.

Такимъ образомъ вѣроятная ошибка отдѣльнаго опредѣленія, основаннаго на 2-хъ полныхъ наблюденіяхъ равна 1%,8. Разность между дѣйствительнымъ отношеніемъ разстояній и отношеніемъ полученнымъ изъ опытовъ составляетъ 3%,4; эта большая разность произошла по всей вѣроятности оттого, что при приближеніи пламени къ щели не все пламя посылало лучи на щель (или же крайнія части посылали на щель не ту-же часть полной силы свѣта, какъ при далекомъ разстояніи).

Наблюденія надъ гипсомъ производились слѣдующимъ образомъ: на столикъ гоніометра устанавливалась пластинка гипса *A*, которая освѣщалась сильною лампою *L* (фиг. 1). Фотометръ *K* устанавливался такъ, чтобы ось его совпадала съ линіей *A K*., дѣлающей по возможности малый уголъ съ линіей *A L*.

Между гипсомъ *A* и фотометромъ *K* устанавливалась линза *B* такъ, чтобы изображеніе гипса, даваемое этой линзой падало на щель фотометра.

Столикъ фотометра поворачивался на опредѣленное число градусовъ и при каждомъ поворотѣ измѣрялась сила свѣта изображенія гипса на щели.

Для опредѣленія угловъ, подъ которыми лучи свѣта падали отъ лампы на гипсъ и отъ гипса на фотометръ, производились слѣдующія измѣренія: На столикъ гоніометра (предварительно установленный горизонтально при посредствѣ уровня) становилась большая стеклянная призма и для обозначенія мѣста, занимаемаго ребромъ этой призмы, на столикѣ наливался довольно высокій слой воску. По снятіи призмы труба гоніометра наводилась на щель фотометра и на средину пламени (въ разсматриваемой лампѣ было два параллельныхъ фитиля и направленіе лучей, которые при помощи линзы были сдѣланы по возможности параллельны, принималось совпадающимъ съ направленіемъ линіи идущей отъ средины столика къ точкѣ средней между обоими фитилями); поставивши за тѣмъ на столикъ призму, поворачивали столикъ и трубу до тѣхъ поръ, пока въ трубу не было видно изображеніе средины пламени, отраженнаго отъ стороны призмы; при этомъ замѣчался отсчетъ ноніуса столика и ноніуса трубы.

По этимъ даннымъ можно опредѣлить отсчетъ ноніуса столика, соотвѣтствующій тому положенію, когда линія столика, обозначенная воскомъ, стоитъ перпендикулярно къ лучамъ свѣта. Въ самомъ дѣлѣ пусть

A = отсчету трубы, соотвѣтствующему лучамъ свѣта
B = — — — изображенію пламени въ призмѣ
C = — столика — — — — —
D = — трубы — щели фотометра

Тогда $A-180^0$ или $A+180^0$ будетъ направленіе линіи, идущей отъ средины столика къ лампѣ; назовемъ это направленіе черезъ m^0. $B-m$ или $B-(360-m)$ будетъ уголъ, образуемый лучами, упавшими на призму съ лучами отраженными. Назовемъ этотъ уголъ черезъ n; $\frac{n}{2}$ будетъ уголъ паденія лучей на призму; $C-\frac{n}{2}$ будетъ отсчетъ круга соотвѣтствую-

щій тому положенію столика, когда лучи свѣта падаютъ перпендикулярно къ линіи обозначенной воскомъ. $D-A$ или $A-D$ будетъ уголъ образуемый лучами свѣта съ линіей соединяющей средину столика гоніометра съ фотометромъ (съ осью фотометра). Прибавляя или вычитая этотъ уголъ изъ $C-\frac{n}{2}$ получимъ отсчетъ, соотвѣтствующій потому положенію столика, когда ось фотометра перпендикулярна къ линіи обозначенной воскомъ.

На столикъ фотометра устанавливалась гипсовая фигура, имѣющая форму изображенную на фигурѣ 2. B есть подставка изъ дерева, A — гипсовый параллелопипедъ, соединенный съ подставкою металическимъ прутикомъ; плоскость A, подвергавшаяся наблюденію была вполнѣ параллельна плоскости подставки B, прикладывавшейся къ восковой линіи (эта параллельность достигалась тѣмъ, что пластинки A и B клались на зеркало, на заднюю поверхность этихъ пластинокъ клался стальной прутъ и прикрѣплялся къ нимъ гипсомъ).

Столикъ устанавливался сначала такъ, чтобы ось фотометра была перпендикулярна къ плоскости гипса (т. е. чтобы уголъ испусканія равнялся 0^{0}), а затѣмъ уголъ этотъ мѣнялся черезъ 10^{0} и 15^{0} и при каждомъ изъ этихъ положеній измѣнялось количество свѣта, посылаемаго гипсомъ на щель фотометра. Если бы все количество свѣта, посылаемое всѣми различными точками гипса на щель фотометра, достигало нашего глаза, то наблюденія, сдѣланныя безъ линзы, давали бы возможность судить о законѣ отраженія, но, такъ какъ при незначительномъ горизонтальномъ движеніи фотометра, спектръ, даваемый гипсомъ уничтожается, то значитъ боковыя части гипса или совсѣмъ не посылали на глазъ лучей свѣта или посылали не такую часть какъ средина; при поворотѣ гипсовой пластинки около оси фотометра крайнія части этой пластинки приближались къ оси фотометра и вслѣдствіе этого посылали въ нашъ глазъ сравнительно большее количество свѣта. Для уничтоженія могущей произойти отъ этого ошибки,

19 *іюля*

$A = 297^\circ 30'$ $B = 224^\circ 55'$ $C = 88^\circ 30'$ $D = 304^\circ 15'$

$C - \frac{B-(A-180)}{2} = 34^\circ 48'$ $D - A = 6^\circ 45'$

Скала 19.5

Отсчеть столика.	Отсчеть круга фот.		Среднее отсчетовъ.		Окончить результать.
	Право.	Лѣво.	Право.	Лѣво.	
41°33′	71°0′ 71°30′	58°40′ 58°30′	71°15′	58°35′	64°55′
56°33′	73°30′ 72 30	60°0′ 59 30	73°0	59°45′	66°22′
71°33′	75°30′ 77 0	61°30′ 61 30	76°15	61°30′	68°52′
86°33′	78°30′ 78 30	66°0′ 65 0	78°30′	65°30′	72°0′
101°33′	81°0′ 82 20	68°30′ 69 0	81°40′	68°30′	75°5′
		<—	————	—>	
101°33′	83°10′ 83 0	68°30′ 68 45	83°5′	68°37′	75°51′
86°33′	79°30′ 78 30	65°30′ 65 30	79°0′	65°30′	72°15′
71°33′	77°0′ 76 30	62°30′ 63 0	76°45′	62°45′	69°45′
56°33′	75°30′ 75 0	61°50′ 61 50	75°15′	61°50′	68°32′
41°33′	72°30′ 73 30	60°0′ 60 30	73°0′	60°15′	66°37′

употреблялось линза B (черт. 1), тогда на щель ab (фиг. 3) фотометра посылались лучи не съ одной и той же части поверхности гипса, но съ частей AB и $A'B'$, коихъ отношеніе равно Csn угла поворота пластинки. Такъ какъ лампа L въ теченіи опыта измѣняла нѣсколько свою яркость (уменьшалась яркость), то, для уничтоженія могущей произойти отсюда ошибки, употреблялся слѣдущій пріемъ наблюденій.

Наблюдались количества свѣта, соотвѣтствующія угламъ испусканія 0°, 15°, 30°, 45°, 60°, затѣмъ черезъ извѣстный промежутокъ, въ который отдыхалъ глазъ, производились наблюденія для угловъ 60°, 45°,.....0° и брались за истинныя среднія ариѳметическія соотвѣтствующія одному и тому же углу испусканія. Для примѣра приведу здѣсь одно полное наблюденіе. (см. стр. 8).

За окончательныя значенія приняты

Углы испусканія.	Отсчеты фотометра.
0	65° 46′
15	67 27
30	69 18
45	72 7
60	75 28

Если допустить, что времена, потраченныя на каждое отдѣльное наблюденіе совершенно равны и что ослабленіе силы свѣта лампы совершается равномѣрно, то полученныя числа будутъ вполнѣ свободны отъ непостоянства пламени лампы L.

Результаты произведенныхъ такимъ образомъ опытовъ оказались слѣдующими:

Назовемъ черезъ m уголъ между лучами свѣта и осью фотометра, черезъ a уголъ испусканія (т. е. уголъ между осью фотометра и нормалью къ гипсовой поверхности) и черезъ α отсчеты фотометра, тогда результаты наблюденій будутъ помѣщаться въ первыхъ двухъ столбцахъ нижеслѣдующей таблицы.

Скала 6, 4; m = 6° 45′

a	α	lgctg²α	$lg\frac{\cos a}{cs(a+m)}$	Результатъ
0°	70°25′	$\bar{1}.1023$	0.0030	$\bar{1}.1053$
10°	71° 2′	$\bar{1}.0723$	0.0115	$\bar{1}.0838$
20°	71°22′	$\bar{1}.0557$	0.0221	$\bar{1}.0778$
30°	73° 3′	$\bar{2}.9680$	0.0338	$\bar{1}.0018$
40°	74°29′	$\bar{2}.8870$	0.0484	$\bar{2}.9354$
50°	76°34′	$\bar{2}.7562$	0.0691	$\bar{2}.8253$
60°	78°30′	$\bar{2}.6169$	0.1026	$\bar{2}.7195$
70°	81°15′	$\bar{2}.3746$	0.1738	$\bar{2}.5482$

(I)

Скала 6, 4; m = 6° 50′

a	α	lg cotg²α	$lg\frac{\cos a}{cs(a+m)}$	Результатъ
0	65°11′	$\bar{1}.3301$	0.0031	$\bar{1}.3332$
10	65° 1′	$\bar{1}.3367$	0.0126	$\bar{1}.3493$
20	67° 3′	$\bar{1}.2536$	0.0225	$\bar{1}.2761$
30	68° 1′	$\bar{1}.2121$	0.0342	$\bar{1}.2463$
40	70°16′	$\bar{1}.1095$	0.0491	$\bar{1}.1586$
50	72° 1′	$\bar{1}.0227$	0.0700	$\bar{1}.0927$
60	75°18′	$\bar{2}.8377$	0.1041	$\bar{2}.9418$
70	78°43′	$\bar{2}.6000$	0.1765	$\bar{2}.7765$

(II)

Скала 6, 4; $m = 6°50'$

a	α	$lg\, ctg^2\alpha$	$lg\frac{\cos a}{cs(a+m)}$	Результатъ
0	69° 1′	$\bar{1}$.1676	0.0031	$\bar{1}$.1707
10	69°27′	$\bar{1}$1478.	0.0126	$\bar{1}$.1604
20	70°38′	$\bar{1}$.0919	0.0225	$\bar{1}$.1144
30	72° 0′	$\bar{1}$.0236	0.0342	$\bar{1}$.0578
40	73°12′	$\bar{2}$.9598	0.0491	$\bar{1}$.0089
50	75° 1′	$\bar{2}$.8551	0.0700	$\bar{2}$.9251
60	77°10′	$\bar{2}$.7151	0.1041	$\bar{2}$.8191
70	80°23′	$\bar{2}$.4580	0.1765	$\bar{2}$.6345

(III)

Скала 6, 4; $m = 6°50'$

a	α	$lg\, cotg^2\alpha$	$lg\frac{cs\, a}{cs(a+m)}$	Результатъ
0	67°36′	$\bar{1}$.2302	0.0031	$\bar{1}$.2333
10	68°21′	$\bar{1}$.1974	0.0126	$\bar{1}$.2100
20	69°17′	$\bar{1}$.1554	0 0225	$\bar{1}$.1779
30	70°57′	$\bar{1}$.0764	0.0342	$\bar{1}$.1106
40	72°30′	$\bar{2}$.9974	0.0491	[illegible]5
50	74°13′	2.9025	0.0[illegible]	$\bar{2}$.9725
60	76°43′	$\bar{2}$.74[illegible]	[illegible].1041	$\bar{2}$ 8502
70	80° 3[illegible]	[illegible]	0.1765	$\bar{2}$.6647

([illegible])

Скала 19, *5*; $m = 6°\ 45'$

a	α	$lg\,ctg^2\,\alpha$	$lg \frac{csa}{cs(a+m)}$	Результатъ
0°	65°46′	$\bar{1}.3073$	0.0030	$\bar{1}.3103$
15°	67°27′	$\bar{1}.2366$	0.0170	$\bar{1}.2536$
30°	69°18′	$\bar{1}.1547$	0.0338	$\bar{1}.1885$
45°	72°7′	$\bar{1}.0175$	0.0577	$\bar{1}.0752$
60°	75°28′	$\bar{2}.8274$	0.1026	$\bar{2}.9300$

(1)

Скала 19, *5*; $m = 6°45'$

a	α	$lg\,ctg^2\,\alpha$	$lg \frac{csa}{cs(a+m)}$	Результатъ
0°	67°40′	$\bar{1}.2273$	0.0030	$\bar{1}.2303$
15°	69°9′	$\bar{1}.1615$	0.0170	$\bar{1}.1785$
30°	70°58′	$\bar{1}.0756$	0.0338	$\bar{1}.1094$
45°	73°56′	$\bar{2}.9188$	0.0577	$\bar{2}.9765$
60°	76°37′	$\bar{2}.7529$	0.1026	$\bar{2}.8555$

(2)

Скала 19, *5*; $m = 6°50'$

a'	α	$lg\,ctg^2\,\alpha$	$lg \frac{csa}{cs(a+m)}$	Результатъ
0	77°8′	$\bar{2}.7175$	0.0031	$\bar{2}.7206$
1	78°1′	$\bar{2}$ 6537	0.0173	$\bar{2}.6710$
30		$\bar{2}.5444$	0.0342	$\bar{2}.5886$
45	81°0′	2.[illegible]94	0.0585	$\bar{2}$ 4579
60	82°37′		0.1041	$\bar{2}.3292$

(3)

Скала 19, 5; m = 6° 50′

a	α	$lg\,ctg^2\alpha$	$lg\frac{cs\,a}{cs(a+m)}$	Результатъ	
0	67°47′	$\bar{1}.2222$	0.0031	$\bar{1}.2253$	
15	68°16′	$\bar{1}\,2011$	0.0173	$\bar{1}.2184$	(4)
30	69°34′	$\bar{1}\,1424$	0.0342	$\bar{1}.1766$	
45	72°12′	$\bar{1}.0132$	0.0585	$\bar{1}.0717$	
60	75°48′	$\bar{2}.8064$	0.1041	$\bar{2}.9105$	

Скала 2, 5; m = 5° 10′

a	α	$lg\,ctg^2\alpha$	$lg\frac{cs\,a}{cs(a+m)}$	Результатъ	
0	76°10′	$\bar{2}.7827$	0.0018	$\bar{2}.7845$	
15	77°26′	$\bar{2}.6963$	0.0124	$\bar{2}.7087$	(1,)
30	78°21′	$\bar{2}.6185$	0.0250	$\bar{2}.6435$	
45	80°28′	$\bar{2}.4503$	0.0429	$\bar{2}.4932$	
60	81°49′	$\bar{2}.3155$	0.0757	$\bar{2}.3912$	

Скала 2, 5; m = 6° 50′

a	α	$lg\,ctg^2\alpha$	$lg\frac{cs\,a}{cs(a+m)}$	Результатъ	
0	66°12′	$\bar{1}.2890$	0.0031	$\bar{1}.2921$	
15	67°27′	$\bar{1}.2366$	0.0173	$\bar{1}.2539$	
30	69°0′	$\bar{1}.1684$	0.0342	$\bar{1}\,2026$	(II,)
45	71°28′	$\bar{1}.0507$	0.0585	$\bar{1}.1092$	
60	75°27′	$\bar{2}.8284$	0.1041	$\bar{2}.9325$	

Скала 2, 5; $m = 6°50'$

a	α	$lg\,ctg^2\alpha$	$lg\frac{cs\,a}{cs(a+m)}$	Результатъ
0	66°31′	$\bar{1}.2766$	0.0031	$\bar{1}.2794$
15	67°35′	$\bar{1}.2309$	0.0173	$\bar{1}.2482$
30	69°26′	$\bar{1}.1486$	0.0342	$\bar{1}.1828$
45	72°8′	$\bar{1}.0167$	0.0585	$\bar{1}.0752$
60	75°58′	$\bar{2}.7957$	0.1041	$\bar{2}.8998$

(III,)

Скала 2, 5; $m = 6°56'$

a	α	$lg\,ctg^2\alpha$	$lg\frac{cs\,a}{cs(a+m)}$	Результатъ
0	73°0′	$\bar{2}.9707$	0.0031	$\bar{2}.9738$
15	73°43′	$\bar{2}.9311$	0.0173	$\bar{2}.9484$
30	75°4′	$\bar{2}.8521$	0.0342	$\bar{2}.8863$
45	77°12′	$\bar{2}.7128$	0.0585	$\bar{2}.7713$
60	79°31′	$\bar{2}.5345$	0.1041	$\bar{2}.6386$

(IV,)

Третій столбецъ вышеприведенной таблицы представляетъ собою логарифмы чиселъ пропорціональныхъ количествамъ свѣта, посылаемаго гипсомъ на фотометръ при различныхъ углахъ испусканія. Для приведенія этихъ чиселъ къ тѣмъ количествамъ свѣта, которыя имѣли бы мѣсто въ томъ случаѣ, еслибъ лучи падали на гипсъ всегда нормально, нужно изъ чиселъ третьей колонки вычесть логариѳмъ $cs(a+m,)$ предполагая, что законъ паденія вполнѣ вѣренъ; $a+m$ есть уголъ паденія. Для приведенія этихъ чиселъ къ тѣмъ количествамъ

свѣта, которыя имѣли бы мѣсто, если бы на щель фотометра падали лучи постоянно отъ одной и той же поверхности гипса, нужно прибавить къ числамъ третьяго столбца $lg\,csa$, такъ какъ при различныхъ a на щель падаютъ лучи отъ поверхностей гипса пропорціональныхъ $Cs\,a$; смотри фиг. 3. Такимъ образомъ прибавка будетъ $lg\dfrac{cs\,a}{cs(a+m)}$; прибавка эта помѣщена въ столбцѣ 4-мъ. Въ столбцѣ 5-мъ помѣщены суммы столбцевъ 3-го и 4-го, такъ что числа этихъ столбцевъ представляютъ собою lg количествъ свѣта, испускаемыхъ элементомъ освѣщеннымъ перпендикулярными къ нему лучами подъ различными углами испусканія.

Для приведенія яркостей лампъ имѣвшихъ мѣсто въ ряду II, III, IV къ тѣмъ яркостямъ, которыя имѣли мѣсто въ ряду I, было поступлено слѣдующимъ образомъ: было высчитано среднее ариѳметическое разностей чиселъ пятыхъ столбцовъ, соотвѣтствующихъ одному и тому же a. Если мы назовемъ эти среднія ариѳметическія черезъ v, ихъ истинныя значенія черезъ w, а поправки этихъ v черезъ x, то получимъ:

$$\mathrm{I} - \mathrm{II} = w_1 = v_1 + x_1$$

$$\mathrm{I} - \mathrm{III} = w_2 = v_2 + x_2$$

$$\mathrm{I} - \mathrm{IV} = w_3 = v_3 + x_3$$

$$\mathrm{II} - \mathrm{III} = w_4 = v_4 + x_4$$

$$\mathrm{II} - \mathrm{IV} = w_5 = v_5 + x_5$$

$$\mathrm{III} - \mathrm{IV} = w_6 = v_6 + x_6$$

Величины w должны удовлетворять слѣдующимъ условнымъ уравненіямъ.

$$w_1 - w_2 + w_4 = 0$$

$$w_1 - w_3 + w_5 = 0$$

$$w_2 - w_3 + w_6 = 0$$

Называя:

$$v_1 - v_2 + v_4 = -n_1$$

$$v_1 - v_3 + v_5 = -n_2$$

$$v_2 - v_3 + v_6 = -n_3$$

Получимъ для опредѣленія вѣроятнѣйшихъ значеній x-овъ слѣдующую систему уравненій:

$$x_1 - x_2 + x_4 = n_1$$

$$x_1 - x_3 + x_5 = n_2$$

$$x_2 - x_3 + x_6 = n_3$$

$$x_1 - x_4 + x_5 = 0$$

$$x_2 + x_4 - x_6 = 0$$

$$x_3 + x_5 + x_6 = 0$$

Откуда:

$$x_1 = \frac{n_1 + n_2}{4}$$

$$x_2 = \frac{n_3 - n_1}{4}$$

$$x_3 = -\frac{n_2 + n_3}{4}$$

$$x_4 = \frac{2n_1 - n_2 + n_3}{4}$$

$$x_5 = \frac{2n_2 - n_1 - n_3}{4}$$

$$x_6 = \frac{2n_3 + n_1 - n}{4}$$

Прилагая эти формулы къ вычисленію I, II, III, IV получимъ:

$v_1 = -0,2399$

$v_2 = -0,0796$

$v_3 = -0,1176$

$v_4 = +0,1658$

$v_5 = +0,1136$

$v_6 = -0,0468$

$n_1 = -0,0055$

$n_2 = +0,0087$

$n_3 = +0,0088$

$x_1 = +0,0008$

$x_2 = +0,0036$

$x_3 = -0,0044$

$x_4 = -0,0027$

$x_5 = +0,0035$

$x_6 = +0,0008$

$w_1 = -0,2391$

$w_2 = -0,0760$

$w_3 = -0,1220$

При вычисленіи v_1 и v_2 отброшены наблюденія соотвѣтствующія $a = 20^0$ а при вычисленіи v_4 отброшено наблюденіе, соотвѣтствующее $a = 60^0$.

Для системы (1) (2) (3) и (4) будемъ имѣть:

$v_1 = + 0{,}0809$

$v_2 = + 0{,}5981$

$v_3 = + 0{,}0175$

$v_4 = + 0{,}5166$

$v_5 = - 0{,}0643$

$v_6 = - 0{,}5826$

$n_1 = 0{,}0008$

$n_2 = 0{,}0009$

$n_3 = 0{,}0020$

$x_1 = + 0{,}0004$

$x_2 = + 0{,}0003$

$x_3 = - 0{,}0007$

$x_4 = - 0{,}0007$

$x_5 = - 0{,}0002$

$x_6 = + 0{,}0010$

$w_1 = + 0{,}0813$

$w_2 = + 0{,}5984$

$w_3 = + 0.0168$

$w_4 = + 0.5173$

$w_5 = - 0.0645$

$w_6 = - 0.5816$

При вычисленіи v_3, v_5 и v_6 отброшены наблюденія соотвѣтствующія $a = 0^\circ$

Для системы (I_1), (II_1), (III_1), (IV_1) получимъ:

$v_1 = -0{,}5383$

$v_2 = -0{,}5206$

$v_3 = -0{,}2298$

$v_4 = \quad 0{,}0210$

$v_5 = \quad 0{,}3144$

$v_6 = \quad 0{,}2934$

$n_1 = -0{,}0033$

$n_2 = -0{,}0059$

$n_3 = -0{,}0026$

$x_1 = -0{,}0023$

$x_2 = +0{,}0002$

$x_3 = +0{,}0021$

$x_4 = -0{,}0008$

$x_5 = -0{,}0015$

$x_6 = -0{,}0007$

$w_1 = -0{,}5406$

$w_2 = -0{,}5204$

$w_3 = -0{,}2277$

$w_4 = \quad 0{,}0202$

$w_5 = \quad 0{,}3129$

$w_6 = \quad 0{,}2927$

При вычисленіи v_1, v_2, v_3, отброшены наблюденія, соотвѣтствующія $a = 45^\circ$.

Приведя, при помощи этихъ чиселъ, всѣ наблюденныя числа къ тѣмъ яркостямъ лампъ, которыя имѣли мѣсто въ рядахъ (I), (1) и (I_1), получимъ.

Скала 6, 4

a	0°	10°	20°	30°	40°	50°	60°	70°
I	$\bar{1}.1053$	$\bar{1}.0838$	$\bar{1}.0778$	$\bar{1}.0018$	$\bar{2}.9354$	$\bar{2}.8253$	$\bar{2}.7195$	$\bar{2},5482$
II	$\bar{1}.0941$	$\bar{1}.1102$	$\bar{1}.0370$	$\bar{1}.0072$	$\bar{2}.9195$	$\bar{2}.8536$	$\bar{2}.7027$	$\bar{2},5374$
III	$\bar{1}.0947$	$\bar{1}.0844$	$\bar{1}.0384$	$\bar{2}.9818$	$\bar{2}.9329$	$\bar{2}.8491$	$\bar{2},7431$	$\bar{2},5585$
IV	$\bar{1}.1113$	$\bar{1}.0880$	$\bar{1}.0559$	$\bar{2}.9886$	$\bar{2}.9245$	$\bar{2}.8505$	$\bar{2}.7282$	$\bar{2},5427$
Резуль-	$\bar{1}.1014$	$\bar{1}.0916$	$\bar{1}.0523$	$\bar{2}.9948$	$\bar{2},9281$	$\bar{2}.8446$	$\bar{2},7234$	$\bar{2},5467$
татъ.	0.0000	$\bar{1}.9902$	$\bar{1}.9509$	$\bar{1}.8934$	$\bar{1}.8267$	1.7432	$\bar{1},6220$	$\bar{1},4453$

(*A*)

Скала 19, 5

a	0°	15°	30°	45°	60°
(1)	$\bar{1},3103$	$\bar{1},2536$	$\bar{1},1885$	$\bar{1}.0752$	$\bar{2},9300$
(2)	$\bar{1}.3116$	$\bar{1},2598$	$\bar{1},1907$	$\bar{1},0578$	$\bar{2},9368$
(3)	$\bar{1}.3190$	$\bar{1},2694$	$\bar{1},1870$	$\bar{1},0563$	$\bar{2},9276$
(4)	($\bar{1},2421$)	($\bar{1},2325$)	$\bar{1},1934$	$\bar{1},0885$	$\bar{2},9273$
Резуль-	$\bar{1},3135$	$\bar{1},2609$	$\bar{1},1897$	$\bar{1},0695$	$\bar{2},9304$
татъ.	0,0000	$\bar{1},9474$	$\bar{1},8762$	$\bar{1},7560$	$\bar{1},6169$

(*B*)

Скала 2, 5

a	0°	15°	30°	45°	60°
I	($\bar{2}$,7845)	$\bar{2}$,7087	$\bar{2}$,6435	($\bar{2}$,4932)	$\bar{2}$,3912
II	$\bar{2}$,7515	$\bar{2}$,7133	$\bar{2}$,6620	$\bar{2}$,5686	$\bar{2}$,3919
III	$\bar{2}$,7590	$\bar{2}$,7278	$\bar{2}$,6624	$\bar{2}$,5548	$\bar{2}$,3794
IV	$\bar{2}$,7461	$\bar{2}$,7207	$\bar{2}$,6586	$\bar{2}$,5436	$\bar{2}$,4109
Результатъ	$\bar{2}$,7522	$\bar{2}$,7176	$\bar{2}$,6566	$\bar{2}$,5557	$\bar{2}$,3934
	0,0000	$\bar{1}$,9654	$\bar{1}$,9044	$\bar{1}$,8035	$\bar{1}$,6412

(*C*)

Числа, поставленныя въ скобки (   ), не принимались въ расчетъ.

Для графическаго изображенія закона отраженія разноцвѣтныхъ лучей отъ поверхности гипса числа таблицъ (*A*), (*B*) и (*C*) были приняты за прямоугольныя координаты и такимъ образомъ получены кривыя фиг. (4).

Изъ этихъ кривыхъ были взяты обратно значенія ординатъ черезъ каждые 10° и такимъ образомъ составлена таблица.

Уголъ испусканія.	Сила свѣта.		
	Скала 2,5	Скала 6,4	Скала 19,5
0°	1,000	1,000	1,000
10°	0,956	0,965	0,930
20°	0,882	0,894	0,842
30°	0,805	0,870	0,752
40°	0,700	0,670	0,635
50°	0,578	0,548	0,515
60°	0,435	0,418	0,395
70°	0,285	0,278	0,270
80°	0,135	0,135	0,135
90°	0,000	0,000	0,000

Изъ этой таблицы (изъ фиг. 4) видно, что законъ отраженія для различныхъ лучей свѣта выходитъ нѣсколько различнымъ и притомъ такимъ, что лучи болѣе преломляемые посылаютъ по косымъ направленіямъ сравнительно меньшее количество свѣта чѣмъ лучи средней и меньшей преломляемости,—такъ что въ этомъ отношеніи результатъ опытовъ надъ гипсомъ сходенъ съ результатомъ, полученнымъ Фогелемъ изъ разбора его наблюденій надъ солнцемъ. Но желтые лучи, отраженные гипсомъ, уклоняются отъ закона Ламберта въ туже сторону (фиг. 4), такъ что если вообразить себѣ гипсовый шаръ, освѣщенный параллельными лучами, то онъ, для отдаленнаго наблюдателя, во всѣхъ цвѣтахъ будетъ казаться болѣе яркимъ

въ срединѣ чѣмъ у краевъ, причемъ maximum разности яркостей будетъ соотвѣтствовать лучамъ фіолетовымъ, а minimum краснымъ. Интересно при этомъ замѣтить, что кривыя, выражающія законъ испусканія поверхности гипса для лучей разноцвѣтныхъ ближе подходятъ къ кривой Ламберта и не такъ быстро падаютъ какъ кривая (полученная изъ наблюденій Бугера), выражающая законъ испусканія лучей бѣлыхъ. (Смотри въ сочиненіи Бугера „Traite d'optique" числа, выражающія собою блескъ поверхности гипса, при разныхъ углахъ паденія и испусканія. Числа эти помѣщены также и въ „Photometrische Untersuchungen" Цельнера).

× Фіолетовые лучи
● Желтые лучи
◎ Красные лучи
◎ Бѣлые лучи
(Бугеръ)
Законъ Ламберта
(Зп.)

90°

A

2.

B

A

A′

Фиг. 3.

b

...ныя волны

къ сочин. „Законъ
отъ поверхно...

Разграниченіе подсудности коммерческихъ судовъ отъ подсудности судебныхъ учрежденій, общихъ и мировыхъ.

Кандидата правъ П. Меликъ-Оганджанова.

ВВЕДЕНІЕ.

Вопросъ о разграниченіи абсолютной подсудности или предметовъ вѣдомства коммерческихъ и гражданскихъ [1]) судовъ есть одинъ изъ самыхъ сложныхъ и важныхъ вопросовъ процессуальной науки какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи. При рѣшеніи его изслѣдователь необходимо наталкивается на многіе институты матеріальнаго и процессуальнаго права; поэтому строгая спеціализація его, заключеніе въ извѣстныя рамки, являются невозможными, или, по крайней мѣрѣ, очень трудными. Этою сложностью настоящаго вопроса объясняется та неопредѣленность, которая составляетъ всеобщій недостатокъ большинства европейскихъ законодательствъ. Изъ этой неопредѣленности и неясности вытекаютъ теоретическій интересъ и практическая необходимость — насколько дѣло идетъ о примѣненіи законовъ о подсудности въ судахъ—заниматься изученіемъ нашего вопроса.

Трудность и запутанность вопроса о разграниченіи подсудности гражданскихъ и торговыхъ судовъ приводятся какъ одинъ изъ самыхъ вѣскихъ доводовъ противъ сохраненія коммерческихъ судовъ. Вотъ что говоритъ по этому поводу ком-

[1]) Подъ этимъ терминомъ мы разумѣемъ какъ общія судебныя мѣста (по терминологіи Уст. Гр. Суд.), такъ и мировыя судебныя установленія.

миссія, учрежденная Высочайшимъ повелѣніемъ 11 января 1865 года, для составленія устава торговаго судопроизводства: «обращеніе всѣхъ торговыхъ дѣлъ къ общему судебному порядку уничтожитъ необходимость разграниченія подсудности между торговыми и общими судами и тѣмъ самымъ освободитъ присутственныя мѣста отъ разрѣшенія иногда трудныхъ вопросовъ и отъ многочисленныхъ производствъ, возникающихъ вслѣдствіе отводовъ суда и пререканій о подсудности. По свидѣтельству какъ нашихъ юристовъ - практиковъ, такъ и французскихъ ученыхъ, подобныя пререканія возникаютъ весьма часто и крайне обременяютъ суды». [1]).

Не смотря на столь важное значеніе нашего вопроса, въ нашей юридической литературѣ нѣтъ ни одного спеціальнаго сочиненія по этому предмету. Единственная статья г. Деппа, помѣщенная въ «журналѣ гражданскаго и торговаго права» подъ заглавіемъ «о торговой подсудности» [2]), представляя сравнительный обзоръ торговыхъ дѣйствій по европейскимъ законодательствамъ, вовсе не касается спорныхъ вопросовъ нашихъ законовъ о подсудности. Что же касается г. Малышева, то изложеніе его о предметахъ вѣдомства коммерческихъ судовъ въ «курсѣ гражданскаго судопроизводства» [3]), по нашему мнѣнію, не имѣетъ научнаго характера. Оно можетъ быть убѣдительно только для лицъ, ставящихъ авторитетъ Сената выше авторитета закона. Ставши на его точку зрѣнія, мы потеряемъ подъ собою твердую почву законности и войдемъ въ міръ противорѣчій; ибо въ сенатской практикѣ по нашему вопросу встрѣчаются нерѣдко разнорѣчивыя рѣшенія. Замѣтимъ мимоходомъ, что эти противорѣчія вытекаютъ или изъ дѣйсвительно различнаго толкованія Сенатомъ однихъ и тѣхъ же законовъ, или же отъ неточности редакцій сенатскихъ рѣшеній. Въ нашей литературѣ, собственно говоря, есть только одно сочине-

---

[1]) Ж. М. Ю. 1866 г, № 12.
[2]) Ж. Гр. и Тор. Пр. 1872 г. № 3.
[3]) Стр. 156—163.

ніе, разъясняющее истинный смыслъ нашихъ законовъ о торговой подсудности — это „лекціи торговаго права“ профессора П. Цитовича.

Свое сочиненіе по вопросу о торговой подсудности мы дѣлимъ на два отдѣла: въ первомъ будутъ разсмотрѣны нами нѣкоторыя общія положенія о подсудности гражданскихъ и торговыхъ судовъ, положенія, возбуждающія разногласія какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ; во второмъ же мы будемъ говорить о торговыхъ оборотахъ и торговыхъ дѣйствіяхъ. Собственно говоря, вопросы, входящіе въ первый отдѣлъ, могли бы быть внесены во второй, — и тогда бы наше сочиненіе имѣло больше цѣлости—; но, предполагая разобрать ихъ, по возможности, подробно, мы нашли болѣе удобнымъ выдѣлить ихъ въ особый отдѣлъ и разобрать каждый изъ нихъ въ видѣ самостоятельныхъ вопросовъ, однако, имѣющихъ между собою то общее, что всѣ они близко затрогиваютъ вопросъ о подсудности торговыхъ судовъ.

Что же касается предметовъ вѣдомства гражданскихъ судовъ, то о нихъ мы и вовсе не будемъ говорить, такъ какъ перечисляя во второмъ отдѣлѣ предметы вѣдомства коммерческихъ судовъ, мы тѣмъ самымъ par exclusion — по исключенію — отрицательно, опредѣлимъ компетенцію первыхъ. Намъ кажется, этотъ пріемъ въ изслѣдованіи правильнѣе и вѣрнѣе того, по которому нужно составить двѣ росписи юридическихъ дѣйствій: одну — торговыхъ, другую — гражданскихъ. Доказательства несостоятельности этого послѣдняго способа выяснятся ниже.

ОТДѢЛЪ I.

Общія положенія о подсудности коммерческихъ и гражданскихъ судовъ.

---

§ 1. *Сфера гражданскаго и торговаго права и критерій ихъ разграниченія.*

Изучая гражданскій бытъ народовъ, мы замѣчаемъ два рода, двѣ категоріи частноправныхъ отношеній. Онѣ живутъ рядомъ, развиваются параллельно, все болѣе и болѣе расширяя свои границы, по мѣрѣ развитія экономическаго состоянія и гражданской жизни народовъ. Перваго рода отношенія называются гражданскими въ тѣсномъ смыслѣ слова — отсюда гражданское право, втораго рода — торговыми — отсюда торговое право. Но гдѣ же то начало, тотъ принципъ, на которомъ покоится это различіе частноправныхъ отношеній? По какимъ признакамъ мы въ состояніи узнать, къ которой изъ двухъ системъ относится данное юридическое отношеніе? Гдѣ границы, гдѣ та демаркаціонная линія, которая раздѣляетъ ихъ? Вотъ вопросы, отвѣтъ на которые дастъ намъ ключъ для различенія отношеній торговыхъ отъ неторговыхъ, гражданскихъ.

И такъ, постараемся разрѣшить ихъ, не вдаваясь въ неумѣстныя подробности.

Современная наука и положительныя законодательства, съ легкой руки римскихъ юристовъ, общимъ всеобъемлющимъ началомъ юридической жизни, источникомъ, внутреннею подкладкою юридическихъ отношеній признаютъ человѣческую *волю*. Всякое проявленіе ея во внѣ, если оно не-безразлично для права и не есть чистый фактъ, незаключающій въ себѣ призна-

ковъ предположенія какого-бы то ни было закона, будетъ юридическимъ дѣйствіемъ, все равно правомѣрнымъ, согласнымъ съ правомъ, имъ желаннымъ и опредѣленнымъ, или прямо его отрицающимъ Эта-то воля является для насъ опредѣляющею въ вопросѣ о разграниченіи областей гражданскаго и торговаго права. Но какъ узнать характеръ и направленіе этой воли, когда внутренній міръ человѣка для насъ закрытъ? О ней мы судимъ по тому, насколько и какъ она выражается въ дѣйствіяхъ, принимая за общее правило, что человѣкъ при нормальномъ духовномъ состояніи—а онъ считается таковымъ, пока противное не будетъ доказано — не будетъ дѣлать того, чего не желаетъ, что́ несогласно съ его волею, говоря иначе, юридическія дѣйствія суть формы человѣческой воли. Далѣе въ человѣческихъ дѣйствіяхъ мы должны признавать цѣль, ибо человѣкъ — существо разумное; а самыя дѣйствія — цѣлесообразными. Мы интерпретируемъ эти дѣйствія съ точки зрѣнія современныхъ понятій о ихъ значеніи и вразумительности, иными словами, критеріемъ для нашего сужденія является то или другое понятіе о томъ или другомъ человѣческомъ дѣйствіи.

Какова же воля субъекта въ гражданскихъ, какова въ торговыхъ отношеніяхъ?

Въ первомъ случаѣ воля лица направлена на *непосредственное* удовлетвореніе нуждъ и потребностей своихъ правомѣрными средствами. Здѣсь, въ гражданской сферѣ, лицо упражняетъ принадлежащее ему право для той цѣли, которой по природѣ своей данное право призвано служить.[1]) Такъ, лицо пріобрѣтаетъ для себя или для своего семейства платья, пищу, нанимаетъ прислугу, домъ и т. д.

Во второмъ же родѣ отношеній, въ торговой сферѣ, воля намѣреніе лица, направлены на барышъ, т. е., на избытокъ выручки надъ издержками пріобрѣтенія. Это намѣреніе технически называется *спекуляцiей*, а лицо, руководимое ею — *спекулян-*

[1]) Малининъ Лекц. Гр. Суд. стр. 83.

томъ. Здѣсь лицо-спекулянтъ совершаетъ юридическія дѣйствія, заключаетъ различные договоры, принимаетъ обязательство, напримѣръ, покупаетъ товаръ, нанимаетъ магазины, приказчиковъ, дѣлаетъ займы и т. д., но уже не для собственныхъ нуждъ, а для своихъ торговыхъ оборотовъ. Его намѣреніе на барышъ (le but de trafic) и даетъ этимъ сдѣлкамъ торговый характеръ [1]).

Теперь на очереди третій вопросъ: гдѣ граница, раздѣляющая торговое право отъ гражданскаго?

Фиксировать разъ навсегда эту границу не представляется никакой возможности; такъ какъ одни и тѣ же юридическія отношенія могутъ mutatis mutandis входить и въ область гражданскаго и въ область торговаго права [2]), такъ, напримѣръ, купля—продажа, наемъ, поклажа и т. д. Единственно лишь намѣреніе (intentio) лица даетъ имъ ту или другую квалификацію. Разоблачить же его возможно только путемъ изученія каждаго конкретнаго случая. Но всегда ли представляется намъ необходимость въ изслѣдованіи каждаго даннаго отношенія, характеръ котораго желаемъ опредѣлить? Нѣтъ, въ виду слѣдующихъ презумцій, принятыхъ законодательствами европейскихъ государствъ [3]):

1) При промысловомъ веденіи торговли всѣ вообще сдѣлки, договоры, обязательства, заключенные торговцомъ, считаются относящимися къ его торговому промыслу и потому предполагаются зараженными торговымъ характеромъ, пока противное не будетъ доказано [4]).

2) Всякое дѣйствіе лица, незанимающагося торговыми

---

[1]) Pardessus—cours de droit com. t. 1-er n° 5.

[2]) За исключеніемъ нѣкоторыхъ сдѣлокъ, которыя исключительно встрѣчаются въ торговыхъ отношеніяхъ, напр., бодмерея и др. О нихъ будетъ изложено во второмъ отдѣлѣ.

[3]) Въ нашемъ Тор. Уст. объ этихъ презумціяхъ не говорится вовсе.

[4]) Общ. гер. Тор. Улож. ст. 274; Code de Com. art. 631, 632, 638; Итальян. Тор. Улож. art. 3 п. 3; Цитовичъ Лек. Тор. пр. § 24; Rivière Rep. ecrit. sur le c. d. com. p. 839; Pardessus t. 1-er n° 49; Delamarre et Lepoitvin—Traité t. 1-er n° 35; Picot cod. de com. exl. p. 546.

оборотами, какъ промысломъ, должно презюмироваться относящимся къ его гражданскимъ правамъ, пока противное не будетъ доказано.

Отсюда ясно, чтó можетъ быть предметомъ доказыванія въ первомъ и чтó во второмъ случаяхъ, и на комъ должно лежать onus probandi.

И такъ, по весьма удачному выраженію г. Цитовича граница торговаго права „въ сущности всегда была и есть только широкая полоса, а не какая нибудь математическая линія“. [1])

До сихъ поръ мы старались доказать—и, намъ кажется, если не доказали, то, по крайней мѣрѣ, указали—, что опредѣляющимъ принципомъ въ торговыхъ отношеніяхъ должно считать спекулятивное намѣреніе — le but de trafic. Теперь намъ нужно показать, насколько выведенный нами принципъ проведенъ въ европейскихъ кодексахъ торговаго права. Мы здѣсь разберемъ лишь тѣ торговыя дѣйствія, которыя, повидимому, не оправдываютъ нашего принципа. Такихъ имѣются въ положительномъ правѣ два вида: дѣйствія, торговыя изъ-за предмета — *морское судоходство*, дѣйствія, торговыя изъ-за формы — *вексельныя*. Всѣ дѣйствія, имѣющія связь съ морскимъ судоходствомъ, какъ, напримѣръ, покупка, продажа, наемъ кораблей, договоры съ корабельными служителями, морское страхованіе и т. д. считаются торговыми безъ отношенія къ намѣренію лица, совершающаго ихъ. [2]) Такъ, покупка корабля изъ-за спекуляціи, для продажи, или для эксплоатированія — все равно — торговое дѣйствіе, какъ торговое дѣйствіе и продажа корабля лицами, которымъ онъ достался по наслѣдству. [3]) Тоже самое слѣдуетъ сказать и о векселѣ, въ частности, о вексельныхъ дѣйствіяхъ. Они признаются торговыми

---

[1]) Цитовичъ § 6.

[2]) Cod. d. Com. art. 633; Общ Гер. Тор. Улж. ст. 271 п. 4; Уст. Тор. ст. 1301 п. 3, 1302 п. п. 4, 5. Итал. Тор. Улж. art. 2 n° 2, 10 и 12.

[3]) Цитовичъ § 22.

только изъ-за формы; что послужило основаніемъ вексельнаго обязательства, для чего лицо выдало такое обязательство—это совершенно безразлично въ вопросѣ о коммерціальности вексельныхъ дѣйствій и о подсудности ихъ торговымъ судамъ, лишь бы вексель удовлетворялъ закономъ предписаннымъ требованіямъ.[1]) Наконецъ, что всякое лицо можетъ вступать въ вексельное обязательство, — на это мы имѣемъ прямое указаніе во всѣхъ европейскихъ кодексахъ. Такъ, общегерманскій вексельный уставъ гласитъ: „вступать въ вексельныя обязательства можетъ каждый, кто вправѣ обязаться договорами.“ [2]) Тоже самое буквально повторяется въ другихъ кодексахъ[3]).

Какъ же примирить эти постановленія съ вышеприведеннымъ общимъ началомъ? Примирить ихъ невозможно, можно только исторически объяснить причины этого несогласія. Что касается морскаго судоходства, то, дѣйствительно, исторія торговли всѣхъ временъ и народовъ показываетъ, что только *громадное большинство* (въ древности почти всѣ) сдѣлокъ по морскому судоходству относились и относятся къ торговымъ операціямъ, вызываются торговою дѣятельностью, но, отнюдь, *не всѣ безъ исключенія*. Между тѣмъ, законодатели редактировали статьи касательно этого предмета такъ замкнуто, такъ абсолютно, что никакое доказываніе противнаго не можетъ быть допущено. Но, разумѣется, никто не станетъ утверждать, что какъ прежде, такъ, въ особенности, въ настоящее время могутъ быть и, дѣйствительно, бываютъ частые случаи покупки, продажи, найма, постройки кораблей совсѣмъ не съ торговою цѣлью, а напр. съ благотворительною, или для путешествія, для перевозки продуктовъ своихъ имѣній въ другое мѣсто; наемъ корабля для перевозки войска и т. д. Неужели благотворитель,

---

[1]) Code d. com. art. 110; Общ. Гор. век. Уст. ст. 4; Итл. Тор. Улж. art. 196; Уст. Тор. ст. 541.

[2]) Ст. 1.

[3]) Cod. de com. art. 113; Итал. Тор. Улж. art. 2 пп. 6 и 7; Уст. Тор. ст. 546.

общество Краснаго Креста, собственникъ продуктовъ, государство и т. п. совершаютъ торговыя дѣйствія!

Далѣе относительно векселя должнó повторить тоже, чтó только что было сказано о морскомъ судоходствѣ.

Вексельное обязательство есть одинъ изъ коренныхъ институтовъ торговаго права. Векселями до новѣйшаго времени могли обязаться только купцы. Но въ послѣдствіи времени, употребляясь и въ гражданской жизни, благодаря строгости и быстротѣ взысканія по нимъ, какъ лучшая форма кредита вообще, а не одного торговаго, векселя сохранили, однако, за собою первоначальное понятіе, съ которымъ связанъ былъ торговый характеръ, только изъ-за ихъ формы. Между тѣмъ подъ этой однообразно закономъ фиксированною формою, сплошь да рядомъ, скрывается двоякое содержаніе, двоякое основаніе: гражданское или торговое. Очевидно, законодатели, введшіе вексельныя обязательства въ торговые кодексы и подчинившіе споры по нимъ торговымъ судамъ, имѣли въ виду интересъ кредита вообще, форму и связанное съ послѣднею традиціонное понятіе о векселѣ. Поэтому желательно, чтобы согласно съ началами теоріи и положительное право не считало вексельное обязательство, даже составленное и совершенное по всѣмъ требованіямъ закона, актомъ обсолютно торговымъ; желательно далѣе, чтобы допускалось доказываніе противнаго, какъ это допущено французскимъ торговымъ кодексомъ относительно простыхъ векселей — le billet à ordre.[1])

И такъ, спекулятивное намѣреніе всетаки было и есть единственный принципъ, единственный критерій, съ помощью котораго мы можемъ раскрывать въ каждомъ конкретномъ отношеніи торговый или неторговый характеръ его.

Еще одинъ вопросъ: какъ давно дѣйствуетъ и руководитъ человѣческими дѣйствіями выведенный нами принципъ? Происхожденіе его теряется въ глубинѣ вѣковъ; онъ такъ же

---

[1]) Code de com. art. 636; Picot. p. 554.

старъ, какъ старо само человѣчество. Торговля была у всѣхъ народовъ, на всѣхъ ступеняхъ развитія; ею начинались международныя сношенія; она вырабатываетъ универсальные правовые институты: большинство институтовъ торговаго права различныхъ государствъ Европы очень малымъ отличаются другъ отъ друга. Но почему же у древнихъ народовъ, даже у Римлянъ, у которыхъ гражданское право дошло до значительной степени своего развитія, мы не находимъ отдѣльнаго jus mercaturae? Не значитъ ли это, что у нихъ не было торговаго права? Ничуть. Это значитъ лишь одно: „на извѣстной степени экономическаго развитія достаточно и нѣкоторыхъ институтовъ, чтобы юридически покрыть собою торговлю". [1]) Не говоря уже о Римлянахъ и Грекахъ, отдѣльные институты торговаго права мы встрѣчаемъ у Индусовъ, Китайцевъ, Египтянъ, Евреевъ, Финикіанъ и у др. Но начало торговаго права, какъ отдѣльной, самостоятельной отрасли положительнаго права, относится къ 12-му столѣтію и совпадаетъ съ началомъ автономіи средневѣковыхъ городовъ сѣверной Италіи. [2]) Зародившись въ такой средѣ, торговое право дѣлается исключительнымъ достояніемъ торговаго сословія, и такой сословный характеръ сохраняетъ до французской революціи. Съ этого времени торговое право становится правомъ торговли, правомъ „дѣйствій и вещей, а не лицъ", правомъ промысла, а не сословія. [3]) Новый принципъ провозглашенъ Учредительнымъ Собраніемъ, именно, статьею 7-ою закона 1791 года Марта 2-го. Здѣсь говорится: „отнынѣ всякій, живущій во Франціи, свободенъ заниматься такою торговлей, искусствомъ, ремесломъ, какія найдетъ для себя удобнымъ". Это начало [4]) легло въ

[1]) Цитовичъ стр. 32.
[2]) Цитовичъ стр. 10, 11; Деппъ стр. 7.
[3]) Цитовичъ стр. 26.
[4]) Оно высказано было еще Петромъ Великимъ: „всякаго чина людямъ торговать всѣми товарами вездѣ невозбранно своими именами". Пол. Соб. Зак. № 2133.

основаніе всѣхъ современныхъ торговыхъ кодексовъ[1]), въ томъ числѣ и нашего торговаго устава: по ст. 20 Пол. о Пош. къ торговымъ занятіямъ допускаются одинаково лица всѣхъ состояній, за исключеніемъ лицъ, перечисленныхъ въ примѣчаніи 1-мъ къ ст. 20 и въ 546 ст. Уст. Тор. Кстати, какъ быть въ томъ случаѣ, если лицо, въ нарушеніе примѣчанія перваго къ ст. 20, ведетъ торговлю? Послѣдствіемъ такого нарушенія будетъ то, что лицо подпадетъ подъ дѣйствіе ст. 1169 Улож. о Наказ.; но оно ни въ какомъ случаѣ не ускользнетъ отъ дѣйствія ст. 23 Пол. о Пошлинахъ, по которой „всѣ вообще торгующіе по свидѣтельствамъ или безъ оныхъ, какого званія ни были по всѣмъ дѣламъ и спорамъ торговымъ вѣдаются на основаніи Устава Торговаго", и ст. 1300—3 Уст. Тор. Въ частности, что касается священно и церковно-служителей, то, намъ кажется, они не могутъ подвергаться личному задержанію въ обыкновенномъ порядкѣ. И такъ современное торговое право есть право торговли, а не торговцовъ, какъ сословія.

§ 2. *Характеръ торговыхъ судовъ.*

Учрежденіе торговыхъ судовъ тѣсно связано съ образованіемъ торговаго права, нормирующаго юридическія отношенія по торговлѣ. Впервые они возникли также въ Италіи, въ этой родинѣ торговаго права, и отсюда распространились по всей Европѣ. Въ настоящее время они введены во всѣхъ европейскихъ государствахъ, за исключеніемъ Англіи, Голландіи и Пруссіи. Мы оставляемъ на сторонѣ спорный вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли сохранить торговые суды или нѣтъ, такъ какъ разсмотрѣніе его удалило бы насъ отъ нашей цѣли и вывело бы насъ за предѣлы заданной темы[2]).

---

[1]) Code d. com. art. 1; Нѣм. Тор. Улож. ст. 4; Итальян. Тор. art. 1; Полож. о Пош. ст. 20 и 23.

[2]) Мнѣнія за и противъ коммерческихъ судовъ подробно изложены у Деппа. Ж. Гр. и Тор. Пр. 1872 г. № 1. Коммисія, учрежденная Высочайшимъ повелѣніемъ 11 января 1865 г. для составленія устава торговаго судопроиз-

Здѣсь умѣстенъ другой вопросъ, не разъ поднятый въ нашей и французской судебной практикѣ, именно, слѣдуетъ ли признать коммерческіе суды судами сословными, исключительно установленными для разбора дѣлъ между лицами торговаго сословія, или судами спеціальными, призванными разбирать извѣстнаго рода дѣла между лицами всѣхъ классовъ и состояній, Послѣ того, что нами выше было сказано о торговомъ правѣ въ смыслѣ свободы торговать не представляется особенной трудности отвѣчать теперь на этотъ вопросъ. Вопросъ этотъ, какъ сказано, возбуждался и въ практикѣ французскихъ судовъ, благодаря неясности и неточности art. 631 п. 1[1]) и 632 п. 6[2]) Code de com. Приведенные пункты 631 и 632 статей могутъ, дѣйствительно, вводить въ сомнѣніе только тогда, когда они взяты въ отдѣльности; сопоставленіе же ихъ съ п. 3 art. 631[3]) и п 2 art. 638[4]) не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Code de commerce подчиняетъ вѣдомству коммерческихъ судовъ только *торговыя дѣла* между купцами, а не всякія. Слѣдовательно, французскіе торговые суды суть *спеціальные*, а не сословные суды.

Такое рѣшеніе безусловно принято теперь всѣми французскими писателями[5]) и судебною практикою[6]). По Rivière'у и въ древнемъ правѣ торговые суды не считались сослов-

водства высказалась противъ сохраненія коммерческихъ судовъ въ видѣ особаго судебнаго учрежденія. Жур. М Юст. 1866 г. № 12 „пересмотръ устава коммер. судопроизводства".

[1]) Les tribunaux de commerce connaîtront: 1° De toutes contestation entre negociants. marchands et banquiers.

[2]) La loi repute acte de commerce...6° toutes obligations entre negociants et banquiers.

[3]) Les tribunaux de com. connaîtront: 3° De contestations relatives aux actes de commerce entre toutes personnes.

[4]) Les billets souscrits par un commerçant seront censés faits pour son commerce.....lorsque une autre cause n'y sera point enoncée.

[5]) Pardessus n° 1345; Riviére p. 839; Picot. p. 545, у нихъ же мы находимъ указанія на множество кассаціонныхъ рѣшеній.

[6]) Тоже нужно сказать объ итальянскихъ торговыхъ судахъ art. 723 n° 1.

ными[1]). Такой выводъ сдѣланъ имъ изъ art. 3 de l'edit de 1563[2]) и изъ ордонанса 1673 года.

Обращаясь къ русскому законодательству, прежде всего мы должны замѣтить, что торговаго класса, въ смыслѣ сословія, до Екатерины Великой у насъ не было. Только жалованною городамъ грамотою 1785 года вводятся у насъ торговыя монополія въ западно-европейскомъ смыслѣ. По этой грамотѣ право производства торговли есть право купца[3]); она т. е. торговля должна концентрироваться въ этомъ классѣ „средняго рода людей", какъ посредникѣ между производителями и потребителями[4]). Если сословность торговаго класса у насъ, даже при дѣйствіи названной грамоты, можетъ подлежать спору и сомнѣнію, то зато внѣ спора и сомнѣнія другое: торговые суды у насъ никогда не имѣли сословнаго характера, въ томъ смыслѣ, что всѣ дѣла между торговцами — торговыя и гражданскія—подсудны этимъ судамъ. Для доказательства этого тезиса обратимся къ законодательнымъ памятникамъ и къ исторіи.

Торговые суды въ смыслѣ организованнаго судебнаго установленія, впервые являются у насъ подъ названіемъ таможенныхъ судовъ въ 1727 году[5]). Изъ перечня предметовъ вѣдомства этихъ судовъ видно, что имъ подсудны только дѣла по торговымъ оборотамъ, обязательствамъ и договорамъ торговлѣ свойственнымъ[6]). Такъ, таможеннымъ судамъ подсудны были слѣдующія дѣла:

---

[1]) Rivière p. 837—8.
[2]) Этимъ эдиктомъ положены начала организаціи коммерческихъ судовъ во Франціи, начала, сохраняющіяся и теперь.
[3]) Градовскій—Государ. Право т. I стр. 210—352.
[4]) Какъ нашиму же доказано, Положеніе о Пошлинахъ въ корень измѣнило это воззрѣніе.
[5]) Пол. Соб. Зак. т. VII № 5145.
[6]) Уставъ этихъ судовъ, какъ видно изъ именнаго указа, даннаго Сенату 14 Мая 1832 года легъ въ основаніе нынѣ дѣйствующаго Устава Торговаго Судопроизводства. Пол. Соб Зак. 1832 г. № 5360.

„1) Кто у кого купитъ и приметъ товаръ, а за оный денегъ не заплатитъ.

„2) Продавъ товаръ и взявъ задатокъ или всѣ деньги, а товаръ не отдаетъ, а иногда, увидя упадокъ въ цѣнѣ, товару принимать не станетъ.

„3) Товаръ продалъ и показывалъ добрый, а станетъ отдавать худой.

„4) Заемъ денегъ и пр.

„5) Кто кому положитъ на сохраненіе деньги, или товаръ, или письма, запрется.

„6) Буде лавку или судно найметъ, и до урочнаго времени хозяинъ откажетъ.

„7) Судовщикъ или извощикъ довезутъ товаръ не въ цѣлости, или до урочнаго мѣста не довезутъ.

„8) Тоже судовщикомъ и извощикомъ, если купцы наемныхъ денегъ не платятъ.

„9) Между хозяиномъ и наемнымъ работникомъ, если какія въ выгрузкахъ и нагрузкахъ или всякія и въ другой при отправленіи товаровъ работѣ учинять споры.

„10) Буде отъ хозяина на прикащика и сидѣльца, тако же и отъ нихъ хозяевъ будетъ въ удержкѣ наемныхъ денегъ, или въ иномъ чемъ жалоба.

„11) Купцы и ихъ прикащики и сидѣльцы межъ собою подерутся или побронятся[1]).

Кромѣ одинадцатаго пункта всѣ остальные говорятъ о дѣлахъ торговыхъ. Нѣтъ даже намека на то, чтобы торговымъ судамъ подсудны были всѣ вообще споры между купцами, какъ торговые, такъ и неторговые. Слѣдовательно, уже тогда не могло быть рѣчи о сословномъ характерѣ торговыхъ судовъ, тѣмъ болѣе теперь, когда всѣ сословные суды повсюду уничтожены. Что касается Одесскаго, Таганрогскаго и Архангельскаго коммерческихъ судовъ, существовавшихъ еще до

---

[1]) Пол. Соб. Зак. т. VII № 5145.

изданія свода законовъ, то предметы[1]) ихъ вѣдомства почти тѣ же, которые составляли компетенцію таможенныхъ судовъ. Пойдемъ дальше, изъ именнаго указа отъ 14 Мая 1832 года, даннаго Сенату о введеніе въ дѣйствіе устава торговаго судопроизводства ясно, что торговые суды учреждены были и учреждаются для „*спорныхъ торговыхъ дѣлъ*", а не для всякихъ между торговцами[2]). Противоположнаго этому вывода нельзя дѣлать и изъ ст. ст. 1300—3 Уст. Тор., которыми опредѣляются компетентность коммерческихъ судовъ. Въ ст. 1300 ясно выражено, что коммерческимъ судамъ подсудны споры и иски между „*лицами всѣхъ состояній взаимно*", лишь бы иски эти вытекали изъ торговыхъ оборотовъ, договоровъ и обязательствъ, торговлѣ свойственныхъ. Въ частности, ни здѣсь, ни въ приведенныхъ уставахъ и указахъ вовсе не упоминается о торговцахъ или купцахъ[3]), а говорится только о торговыхъ оборотахъ, договорахъ и т. д. между лицами всѣхъ состояній. Изъ этого, между прочимъ, тотъ выводъ, что коммерческимъ судамъ подсудны споры по торговымъ оборотамъ даже *неторговцовъ*, т. е., — лицъ, занимающихся торговыми операціями не какъ промысломъ; иначе говоря, споры и по одиночнымъ торговымъ оборотамъ и дѣйствіямъ подлежатъ вѣдомству коммерческихъ судовъ, независимо отъ того, къ какимъ классамъ и состояніямъ принадлежатъ тяжущіяся стороны[4]). Въ пользу этого положенія можно привести еще одно основаніе: мы сказали, что по мнѣнію французскихъ писателей и по установившейся судебной практикѣ, французскіе торговые суды нетолько теперь, но и прежде, не имѣли сословнаго характера; а это не могло остаться безъ вліянія на составителей на-

---

[1]) Пол. Соб. Зак. т. XXX № 23018 глава I.

[2]) Пол. Соб. Зак. 1832 и № 5360.

[3]) Слово купецъ указываетъ скорѣе на состояніе лица, а не на занятіе его торговлею; можно, будучи купцомъ, не быть торговцомъ, т. е., не заниматься торговлею, какъ промысломъ, и, наоборотъ, быть торговцемъ, не будучи купцомъ. Терминъ—торговецъ по нашему правильнѣе.

[4]) Смотр. ст. 23 Пол. о Пош.

шего свода законовъ и наши торговые законы Изъ оффиціальныхъ документовъ видно, что эти послѣдніе большею частью заимствованы изъ французскихъ и нѣмецкихъ законовъ. Такъ, въ объяснительной запискѣ гр. Сперанскаго, при коей былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ, въ 1837 году, проектъ вексельнаго устава, между прочимъ сказано: „основаніемъ настоящаго проекта принятъ уставъ 1729 года, но то, что было въ немъ разсѣяно и представлено въ видѣ частныхъ случаевъ, нынѣ собрано и приведено въ простыя и ясныя общія правила; дополненія же заимствованы изъ началъ, свойственныхъ общему европейскому вексельному праву подобно тому, какъ и уставъ 1729 года утверждался на томъ же общемъ правѣ и даже, какъ изъ нѣкоторыхъ свѣдѣній видно, написанъ былъ сперва на англійскомъ языкѣ, переведенъ на нѣмецкій и потомъ уже съ сего послѣдняго переведенъ, и во многихъ мѣстахъ переведенъ ошибочно и невразумительно, на языкъ русскій“. Въ другой объяснительной запискѣ того же года, приложенной къ проекту устава о несостоятельности, при внесеніи его въ Государственный совѣтъ, говоритъ гр. Сперанскій, „что при разработкѣ сего послѣдняго проекта принимаемы были въ соображеніе законы австрійскіе, прусскіе и отчасти англійскіе, но болѣе всѣхъ французскіе, потому наипаче уваженію, что по древности своей (1673 года), полнотѣ и ясности, они давно уже служили для многихъ другихъ образцовъ и примѣровъ; исправленія же въ новѣйшія времена при изданіи торговаго уложенія въ нихъ сдѣланныя, хотя сами по себѣ и незначительны, дали однако-же сему уставу еще болѣе совершенства“.

И такъ вопросъ о сословности коммерческихъ судовъ должно считать разрѣшеннымъ въ отрицательномъ смыслѣ.

Въ виду приведенныхъ соображеній ясности и категоричности ст. 1300 устава тор., казалось бы, на практикѣ не могло подниматься вопроса о характерѣ нашихъ коммерческихъ судовъ. Но благодаря чрезвычайной прозорливости[1]) нѣкото-

---

[1]) Примѣръ Повѣренный отвѣтчика оспариваетъ правильность иска по

рыхъ адвокатовъ, способности ихъ видѣть то, чего нѣтъ ни въ законѣ, ни внѣ его, Кассаціонному Сенату и 4-му департаменту Правительствующаго Сената не разъ представлялась необходимость рѣшать этотъ вопросъ; но, рѣшая его, надо признаться, они ввели въ практику бо́льшую запутанность. Если до этихъ рѣшеній адвокаты исходили изъ личнаго чувства,— другаго предположенія нельзя допустить въ виду сказанной ясности нашихъ законовъ касательно разбираемаго вопроса, — то послѣ нихъ они стали опираться на сенатскія рѣшенія, благодаря той высотѣ, на которой стоитъ Сенатъ въ силу ст. 813 и 815 уст. гр. суд., и вслѣдствіе той неосторожности и черезъ это неточности, съ которою выражается Сенатъ въ своихъ рѣшеніяхъ.

Просмотримъ сенатскія рѣшенія, касающіяся интересующаго насъ вопроса. Въ кассаціонной практикѣ за десять лѣтъ мы нашли пять рѣшеній по вопросу о томъ, есть ли коммерческій судъ учрежденіе сословное или спеціальное.

Въ первомъ рѣшеніи по дѣлу Жукова съ Егоровымъ [1]) Кассаціонный Сенатъ установляетъ то положеніе, что подсудность дѣлъ коммерческимъ судамъ по закону (т. XI ч. 2 ст. 1300 — 1307) *опредѣляется не правами состоянія тяжущихся, а принадлежностью дѣйствій, изъ коихъ возникаютъ иски, къ торговымъ оборотамъ.*

Во второмъ рѣшеніи по дѣлу Бѣляева съ Пестриковымъ [2]) Сенатъ выражается такъ: „судъ сей, какъ изъятіе изъ общаго порядка судопроизводства, установленъ для дѣлъ, производящихся *между купцами* по предмету торговли“.

векселю на томъ основаніи, что въ текстѣ этого документа обнаруживается поправка въ словѣ „повиненъ“, именно слогъ „по“ приписанъ къ слову „виненъ“ сверху, но не засвидѣтельствованъ въ установленномъ порядкѣ. Разумѣется, Сенатъ призналъ такое возраженіе отвѣтчика неуважительнымъ, такъ какъ одно слово „виненъ“ первоначально стоявшее въ текстѣ векселя, и безъ „по“ достаточно ясно указываетъ на принятіе отвѣтчикомъ на себя обязательства. Сбр. Рѣш. 4-го Деп. Пр. Сен. № 35.

[1]) Р. Гр. Кас. Д. Сен. за 1867 г. № 299.

[2]) Р. Гр. Кас. Д. Сен. за № 1868 г. № 434.

Въ третьемъ рѣшеніи[1]) мы читаемъ слѣдующее: „при рѣшеніи вопросовъ о подсудности коммерческому суду дѣйствій или сдѣлокъ, составляющихъ предметъ спора и иска, надлежитъ опредѣлить свойство и происхожденіе тѣхъ дѣйствій и сдѣлокъ, и изъ нихъ признавать подсудными коммерческимъ судамъ такія, которыя, согласно съ указаніемъ вышеприведенныхъ статей устава о торговлѣ (ст. 1300), оказываются возникшими изъ торговыхъ оборотовъ, или свойственными торговлѣ. Относить же къ такой подсудности какія либо сдѣлки, *не изъ торговли возникшія, а только потому, что онѣ заключены съ купцомъ, или торговыми учрежденіями*, значило бы распространить вѣдомство коммерческаго суда, составляющаго изъятіе изъ общаго порядка судопроизводства и учрежденнаго для дѣлъ, возникающихъ *между купцами* и по предметамъ торговли, свыше представленной ему власти и подчинять его рѣшенію дѣла подсудныя общимъ судебнымъ учрежденіямъ.“

Въ четвертомъ рѣшеніи[2]) для подсудности дѣлъ коммерческому суду Сенатъ считаетъ „важными свойства и происхожденіе сдѣлокъ“, изъ которыхъ возникъ искъ, а не „принадлежность лица къ тому или другому сословію“

Въ пятомъ и послѣднемъ своемъ рѣшеніи[3]) Сенатъ прямо ссылается на рѣшеніе 1867 г. № 299, которое мы выше привели. Наконецъ, мы имѣемъ еще одно рѣшеніе 4-го департамента Правительствующаго Сената, въ которомъ говорится: „въ силу приведеннаго закона (ст. 1300 уст. тор.) подсудность коммерческому суду обусловливается не принадлежностью тяжущихся къ торговому сословію, а лишь свойствомъ самой сдѣлки, какъ торговаго оборота, т. е. произошла ли она по торговлѣ и для торговли“.[4]).

---

[1]) Р. Гр. Кас. Д. Сен. за 1868 г. № 756.
[2]) Р. Гр. Кас. Д. Сен. за 1869 г. № 182.
[3]) Р. Гр. Кас. Д. Сен. за 1872 г. № 236.
[4]) Р. 4-го. Д. Пр. Сен. № 433 п. 3.

Внимательное разсмотрѣніе цитированныхъ рѣшеній приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Коммерческимъ судамъ подсудны „дѣла по торговлѣ и для торговли».

2) Споры, хотя бы и между купцами, но невозникшіе изъ торговыхъ оборотовъ и сдѣлокъ, не подсудны коммерческимъ судамъ.

3) Коммерческимъ судамъ подсудны дѣла по торговымъ оборотамъ, договорамъ и обязательствамъ, торговлѣ свойственнымъ *не только между купцами*, но и между „лицами всѣхъ состояній".

Всѣ эти три положенія вполнѣ согласны съ точнымъ смысломъ нашихъ законовъ, выясненнымъ нами выше. Но не находятся ли въ противорѣчіи третье наше положеніе со вторымъ и третьимъ изъ вышеприведенныхъ нами сенатскихъ рѣшеній? Да, если бы мы могли расчитывать на строгую точность редакцій сенатскихъ рѣшеній. Но ближайшее знакомство съ этими рѣшеніями убѣждаетъ насъ, что подобный разсчетъ въ большинствѣ случаевъ оказался бы невѣрнымъ. Поэтому, ототказываясь отъ буквальнаго толкованія этихъ рѣшеній, гдѣ говорится: коммерческимъ судамъ подсудны дѣла „между купцами по предметамъ торговли", мы утверждаемъ, что эти послѣднія выраженія должны быть отнесены къ неточности ихъ редакціи; тѣмъ болѣе, будучи употреблены здѣсь дважды, въ кассаціонной практикѣ они болѣе неповторяются.

Такимъ образомъ, нашъ выводъ все таки остается согласнымъ какъ съ буквальнымъ смысломъ нашихъ законовъ, такъ равно съ общимъ смысломъ процитированныхъ нами сенатскихъ рѣшеній.

§ 3. *Юрисдикція гражданскихъ и торговыхъ судовъ.*

Вопросъ объ объемѣ и характерѣ власти гражданскихъ и торговыхъ судовъ, а равно о ихъ взаимномъ отношеніи до сихъ поръ еще остается спорнымъ въ богатой французской литературѣ торговаго права.

По мнѣнію однихъ[1]) гражданскіе суды имѣютъ la plenitude de juridiction въ томъ смыслѣ, что они могутъ рѣшать и торговыя дѣла; и если отвѣтчикъ не предъявитъ отвода in limine litis, то неподсудность покрыта, и онъ теряетъ право отвода на этомъ основаніи. Предполагается, что истецъ, предъявивши искъ въ гражданскомъ судѣ по торговому дѣлу, тѣмъ выразилъ желаніе судиться въ немъ; а отвѣтчикъ, возражая по существу дѣла, отказался отъ права отвода и принялъ предложеніе истца; такимъ образомъ между сторонами состоялся судебный контрактъ, котораго стороны не могутъ послѣ нарушить. Слѣдовательно, по этому мнѣнію некомпетентность гражданскихъ судовъ по дѣламъ торговымъ не есть обсолютная, ratione materiae, а личная (personnelle)[2]). Поэтому далѣе гражданскій судъ самъ не можетъ возбуждать вопроса объ этой подсудности. Между тѣмъ торговые суды могутъ вѣдать только дѣла прямо, expressim, отнесенныя къ ихъ подсудности[3]), ибо торговая юрисдикція есть исключеніе изъ общаго порядка. Некомпетентность торговыхъ судовъ для рѣшенія гражданскихъ дѣлъ, напротивъ, есть обсолютная; вопросъ о ней можетъ быть поднятъ истцомъ, отвѣтчикомъ и судомъ во всякомъ положеніи дѣла[4]).

По справедливому же мнѣнію другихъ некомпетентность гражданскихъ судовъ по предметамъ торговымъ такъ же абсолютна, какъ и некомпетентность коммерческихъ судовъ по дѣламъ гражданскимъ[5]). Отсюда отводъ объ этой неподсудности, какъ обсолютной, можетъ быть возбужденъ, сторонами и судомъ ex officio dans le sillence des parties во всякомъ положеніи дѣла[6]). Въ самомъ дѣлѣ, въ основѣ абсолютной под-

---

[1]) Pardessus n° 1347; Dalloz t. XXIII p. 90 n° 115; Picot. p. 543.
[2]) Французская кассаціонная практика представляетъ въ пользу этого мнѣнія множество рѣшеній. Смотри у Rivière'a not. 2 p. 841.
[3]) Pardessus n° 1348; Boitard t. 1-er n° 354 и 128.
[4]) Cod. prc. c. art. 170; Dalloz n° 110 ib.
[5]) Boitard n° 354.
[6]) Boitard n° 211 и 353.

судности лежитъ организаціонный законъ государства, qui, по словамъ Буатара, ne pourrait être troublée sans porter une grave atteinte à l'ordre public[1]). Эта подсудность не можетъ быть измѣнена ни усмотрѣніемъ суда, ни волей и согласіемъ сторонъ — qua propter privatorum consensus judicem non potest facere eum, qui judex non est.

Присвоеніе la plenitude de juridiction гражданскимъ судамъ мы считаемъ не только неправильнымъ съ точки зрѣнія принциповъ процессуальной науки, но и несогласнымъ съ французскимъ положительнымъ правомъ. Мы здѣсь не находимъ ни одной статьи, которая говорила бы объ этой полнотѣ юрисдикціи гражданскихъ судовъ. Въ частности, art. 59, 168, 169 Cod. d. prc civ. имѣютъ своимъ предметомъ относительную подсудность; а изъ art. 170, касающейся абсолютной подсудности — à raison de la matière — прямой выводъ тотъ, что, такъ какъ объ этой абсолютной подсудности можетъ быть предъявленъ отводъ во всякомъ положеніи процесса, такъ какъ непредъявленіе его in limine litis не лишаетъ отвѣтчика права отвода, — что̀ было бы въ такомъ случаѣ, если бы дѣло шло объ относительной подсудности —, то отсюда слѣдуетъ, что некомпетентность ratione materiae всегда и для всѣхъ судовъ абсолютна, безразлично гражданскіе ли они, или торговые. Для противоположнаго этому мнѣнія, какъ сказано, мы не имѣемъ опоры во французскомъ кодексѣ. Наконецъ, если торговая юрисдикція составляетъ исключеніе изъ общегражданской юрисдикціи, то онѣ, какъ изъятіе и общее правило, взаимно другъ друга должны стѣснять и ограничивать. Отношенія между ними должны быть строго фиксированы и не нарушимы. Если государство для извѣстныхъ юридическихъ отношеній считаетъ полезнымъ и необходимымъ извѣстный порядокъ судопроизводства, то съ его стороны было бы крайнею нелогичностью и непослѣдовательностью предоставлять частнымъ

---

[1]) Boitard n° 211.

лицамъ измѣнять его по своей волѣ Такая свобода можетъ быть и существуетъ при опредѣленіи относительной подсудности, ибо здѣсь государство имѣетъ въ виду только лишь интересъ частный, а не интересы правосудія.

Послѣ этихъ краткихъ теоретическихъ соображеній переходимъ къ разсмотрѣнію началъ русскаго законодательства по вопросу о юрисдикціи гражданскихъ и торговыхъ судовъ.

Прежде всего у насъ предметы вѣдомства всѣхъ судовъ, какъ гражданскихъ между собою, такъ и гражданскихъ и торговыхъ, точно опредѣлены, и ни одинъ судъ не можетъ выходить изъ предѣловъ своей компетенціи. Ненарушимость этихъ предѣловъ поставлена подъ охрану уголовныхъ и гражданскихъ законовъ. По ст. 206 — 2 ч. X т. судебное мѣсто ни въ какомъ случаѣ не можетъ входить въ разсмотрѣніе дѣлъ, ему неподлежащихъ и къ вѣдомству другаго суда относящихся. Это общее положеніе, касающееся, всѣхъ судебныхъ мѣстъ безъ исключенія, повторяется, въ частности, при опредѣленіи подсудности каждаго судебнаго вѣдомства. Такъ, для мировыхъ установленій мы имѣемъ ст. 79 уст. гр. суд., по которой мировой судья, усмотрѣвъ при разбирательствѣ дѣла, что оно не подлежитъ его вѣдомству (ст. 29 — 31) прекращаетъ у себя дальнѣйшее его производство; для общихъ—ст. 584 пп. 1 и 2; для коммерческихъ—ст. 1305 уст. тор.; что касается судебныхъ палатъ и мировыхъ съѣздовъ, то для первыхъ въ силу ст. 777 уст. гр. суд. обязательна ст. 584, на послѣдніе же должна быть распространена сила ст. 206—2 ч X т., такъ какъ спеціальной статьи въ родѣ 79, 584, или, наконецъ, 777 [1]), 80 уст, гр. суд. для мировыхъ съѣздовъ не имѣется.

Во всѣхъ приведенныхъ статьяхъ: 79, 584, уст. гр. суд.,

[1]) Намъ кажется, ст. 777 Уст. Гр. Суд. должно имѣть примѣненіе и въ мировыхъ съѣздахъ, т. е., съѣзды въ случаяхъ, для которыхъ нѣтъ у нихъ особыхъ постановленій могутъ руководствоваться правилами, постановленными для общихъ судовъ.

1305 — 6 Уст. Тор., 206 — 2 ч. X т., говорится объ абсолютной подсудности. Такъ въ ст. 79 послѣ слова „вѣдомству“ въ скобкахъ заключены ст. 29 — 31 Уст. Гр. Суд.; въ ст. 584 п. 1 употреблено выраженіе „по роду своему“; наконецъ, ст. 1305—6, какъ по мѣсту, занимаемому ими, именно, послѣ ст. 1300—3, такъ и по общему смыслу и болѣе точной редакціи ст. 1306 („по существу ихъ“) не оставляютъ никакого сомнѣнія, что здѣсь, какъ и въ предъидущихъ статьяхъ законодатель имѣетъ въ виду лишь только абсолютную подсудность. Съ другой стороны, ни въ судебныхъ уставахъ 20 ноября 1864 года, ни во 2 ч. X и XI тт., нигдѣ, мы не имѣемъ случаевъ, когда бы сторонамъ позволено было по своему соглашенію или односторонней волѣ выбрать мѣсто абсолютной подсудности. Такое право предоставлено частнымъ лицамъ по отношенію лишь къ территоріальной или относительной подсудности [1]). Предположенію такого же права по отношенію къ абсолютной подсудности мѣшаютъ вышеприведенныя статьи.

Не противорѣчитъ ли нашему мнѣнію ст. 228 и 30 Уст. Гр. Суд.?

Что касается ст. 228, то она трактуетъ тоже объ абсолютной подсудности, что̀ ясно вытекаетъ изъ словъ: „и не тотъ окружный судъ (слѣдовательно, другой окружной судъ), разсмотрѣнію коего дѣло подлежало-бы въ общемъ порядкѣ подсудности“ (территоріальной по нашему пониманію этой статьи). Статья же 30 имѣетъ въ виду третейское разбирательство, на что̀ указываютъ перечисленныя въ ней условія ея примѣненія. Эти условія тѣ же, какія постановлены въ кни-

---

[1]) Ст. 32, 33, 35, 36, 203—7, 37, 208, 227 и т. д. Уст. Гр. Суд. Впрочемъ, и относительно территоріальной подсудности есть ограниченіе, именно, дѣла о недвижимости. „Во всѣхъ дѣлахъ, за исключеніемъ дѣлъ о недвижимости, стороны могутъ по взаимному согласію избирать для разрѣшенія спора и не тотъ Окружной Судъ, разсмотрѣнію коего дѣло подлежало бы въ общемъ порядкѣ подсудности“.

гѣ III, раздѣлѣ IV, главѣ II, для третейскаго суда (ст. 1367 — 1400 Уст. Гр. Суд.). Сличимъ для доказательства нашего мнѣнія эти статьи со ст. 30. Статья 30 гласитъ: мировой судья можетъ (а не обязанъ) принять къ своему разсмотрѣнію: 1, *всякій споръ* (тоже въ ст. 1368), — намъ кажется за исключеніемъ тѣхъ, которые перечислены въ ст. 31 (о этихъ же предметахъ говорится въ ст. 1368 пп. 1, 2, 3 и 4; сюда не входитъ 1 п. ст. 31); 2, если есть *взаимное согласіе* сторонъ (тоже въ ст. 1369); 3, судья *рѣшаетъ по совѣсти* (тоже въ ст. 1387); и, наконецъ, 4-ое, рѣшеніе суда не подлежитъ апелляціи (тоже въ ст. 1393). Какъ видно, допустивъ третейскій судъ, какъ исключеніе изъ общаго принципа нашего права, законодатель обставилъ его такими условіями, что примѣненіе его всегда имѣетъ мѣсто въ дѣлахъ малоцѣнныхъ и неважныхъ, серьезныя же дѣла, какъ показываетъ практика, никогда не подпадаютъ подъ дѣйствіе ст. 30 уст. гр. суд.

И такъ, на основаніи всего вышесказаннаго мы утверждаемъ, что у насъ ни одинъ судъ не пользуется la plenitude de juridiction, что некомпетентность всѣхъ нашихъ судовъ по дѣламъ, по роду своему имъ неподсуднымъ, есть абсолютная и въ этомъ смыслѣ она a) не можетъ быть покрыта ни молчаніемъ сторонъ, ни пропущеніемъ времени отвода въ нарушеніе ст. 574 Уст. Гр. Суд. и 1555 и 1560 Уст. Тор; b) она можетъ быть возбуждена какъ сторонами: истцомъ [1]) и отвѣтчикомъ [2]), такъ и судомъ ex officio [3]); c) о ней, объ абсолютной неподсудности, можетъ быть заявлено впервые во

[1]) Ст. 572 Уст. Гр. Суд. По нашему мнѣнію право этой статьи должно быть предоставлено истцу по всѣмъ пунктамъ ст. 584, а нетолько по 4 п., и это вполнѣ будетъ согласно съ общимъ смысломъ нашего устава. Въ самомъ дѣлѣ, почему истецъ не можетъ послѣ подачи исковаго прошенія, до вступленія въ объясненіе по существу, даже вопреки желанію отвѣтчика, предъявить отводъ!

[2]) Ст. 571 п. 1, 69 п. 1 in fine Уст. Гр. Суд.; ст. 1555 и 1557 уст. тор.

[3]) Ст. 79, 584 уст. гр. суд.; 1305—6 Уст. Тор.; рѣш. 4-го Деп. Пр. Сен. № 408. Объ относительной подсудности судъ не можетъ возбуждать вопроса по своей иниціативѣ.

всѣхъ инстанціяхъ и во всякомъ положеніи дѣла. Въ виду этого третьяго положенія, какой смыслъ и какое значеніе имѣетъ ст. 574 и слѣдующія Уст. Гр. Суд. и ст. 1560, по которымъ отводъ о неподсудности долженъ быть предъявленъ отвѣтчикомъ прежде объясненія по существу, въ противномъ случаѣ отводъ не пріемлется. Мы думаемъ, что нужно толковать эти статьи въ томъ смыслѣ, что, если отводъ о неподсудности предъявленъ во-время, т. е., требованія ст. 574 уст. гр. суд. и 1555 Уст. Тор. выполнены, то суды, коммерческій въ силу ст. 1557—9 Уст. Тор., а гражданскій въ силу ст. 585 уст. гр. суд. *обязаны* будутъ постановлять частное опредѣленіе, не касаясь существа дѣла, о принятіи отвода или оставленіи его безъ уваженія; въ томъ и другомъ случаѣ допускается частная жалоба отдѣльно отъ апелляціи [1]). Если же отводъ о неподсудности не былъ предъявленъ во-время, то, хотя сторона не теряетъ права заявлять отводъ, но за-то судъ не обязанъ - а можетъ—по отводу постановлять частное опредѣленіе, слѣдовательно, сторона лишается права частной жалобы отдѣльно отъ апелляціи. Впрочемъ, если „судъ по просьбѣ тяжущагося, пропустившаго время подачи отвода, или по обстоятельствамъ дѣла разрѣшитъ отводы отдѣльно", [2]) то тѣмъ самымъ для стороны само собою воскреснетъ право ст. 586, т. е., право подачи жалобы отдѣльно отъ апелляціи.

Мы говорили о частныхъ опредѣленіяхъ суда по вопросу о подсудности, по этому не неумѣстно будетъ показать, по какимъ соображеніямъ, на какихъ данныхъ, судъ долженъ основывать свое опредѣленіе. Вопросъ небезинтересный, нелегкій и не разъ возбуждавшійся въ практикѣ кассаціоннаго сената. Мы разсмотримъ его только по отношенію къ коммерческимъ судамъ, иначе слишкомъ удалимся отъ нашей главной задачи.

Здѣсь, по нашему мнѣнію, надо различить два случая:

---

[1]) Ст. 586—7 уст. гр. Суд.; ст. 1750 п. 2 уст. тор.
[2]) Ст. 585 уст. гр. суд.

когда вопросъ о неподсудности возбуждается сторонами и когда —судомъ. Въ первомъ случаѣ судъ по смыслу ст. 1553—7 уст. тор. долженъ постановить свое опредѣленіе на основаніи представленныхъ отвѣтчикомъ возраженій[1]). Если же эти возраженія касаются существа самого иска, то судъ не обязанъ входить въ разсмотрѣніе ихъ въ частномъ порядкѣ[2]). Во второмъ же случаѣ, когда судъ самъ возбуждаетъ этотъ вопросъ[3]), онъ долженъ сообразоваться съ содержаніемъ иска, указаннымъ истцомъ[4]). Если же изъ исковаго прошенія нельзя вывести опредѣленнаго рѣшенія, то судъ для разрѣшенія своего сомнѣнія по опредѣленію подсудности не вправѣ входить въ оцѣнку доказательствъ иска[5]).

Далѣе, Правительствующій Сенатъ совершенно правильно и согласно со смысломъ ст. 1750 уст. тор. рѣшилъ, что, хотя коммерческимъ судамъ и предоставлено возбуждать самимъ вопросъ о подсудности производящихся въ нихъ дѣлъ во всякомъ положеніи ихъ, но при этомъ судъ обязанъ постановить по этому предмету опредѣленіе и объявить оное участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ. За симъ уже отъ сихъ послѣднихъ будетъ зависѣть перенести дѣло на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената, съ соблюденіемъ установленнаго порядка для обжалованія постановленій коммерческихъ судовъ. Входить же самому суду съ представленіемъ въ Сенатъ по вопросу о подсудности не было законнаго основанія[6]).

Наше изложеніе объ отношеніяхъ судовъ между собою, въ частности, объ особыхъ опредѣленіяхъ о подсудности, было бы неполно, если бы мы не разобрали еще одинъ

---

[1]) Р. 4-го Д. П. С. № 636; ст. 573 уст. гр. суд.

[2]) Р. 4-го Д. П. С. № 643.

[3]) Правительствующій Сенатъ самъ можетъ возбуждать вопросъ о подсудности дѣла ком. суду помимо заявленія апеллятора. Р. 4-го Д. Пр. со №№ 411 и 516.

[4]) Р. 4-го Д. П. С. № 406.

[5]) Р. 4-го Д. П. С. № 407.

[6]) Р. 4-го Д. П. С. № 612.

вопросъ: обязательно ли рѣшеніе о подсудности одного суда для другаго, въ который поступаетъ это же самое дѣло? Въ судебной практикѣ былъ такой случай: мировой съѣздъ призналъ искъ подсуднымъ не мировымъ учрежденіямъ, а коммерческому суду. По перенесеніи истцомъ этого дѣла въ коммерческій судъ, отвѣтчикъ предъявилъ отводъ о неподсудности. Коммерческій судъ не уважилъ этого отвода на томъ лишь основаніи, что вопросъ о подсудности этого дѣла коммерческому суду уже рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ мировымъ съѣздомъ. Правительствующій Сенатъ совершенно правильно рѣшилъ, что „рѣшеніе съѣзда не можетъ стѣснять ком. судъ, какъ самостоятельное мѣсто, при обсужденіи отвода"[1]). Въ самомъ дѣлѣ, какъ уже доказано было выше, принципъ — ejus est enim aestimare an sua sit juridictio[2])—до крайнихъ своихъ логическихъ выводовъ проведенъ въ нашемъ законодательствѣ: каждый судъ самъ рѣшаетъ вопросъ о подсудности себѣ дѣла[3]). Опредѣленіе суда по отводу не можетъ стѣснять даже его самого; если въ послѣдствіи откроется, что дѣло ему неподсудно, то онъ можетъ постановить новое по этому предмету опредѣленіе въ силу предоставленнаго ему права во всякомъ положеніи дѣла обсуждать вопросъ о подсудности.

Разсмотрѣвши юрисдикцію гражданскихъ и торговыхъ судовъ, мы пришли къ слѣдующимъ выводамъ: торговые суды призваны для рѣшенія торговыхъ дѣлъ, гражданскіе — гражданскихъ; некомпетентность первыхъ судовъ по дѣламъ втораго рода такъ же абсолютна, какъ и не компетентность вторыхъ по дѣламъ перваго рода.

Мы сказали, что коммерческимъ судамъ подсудны дѣла торговыя. Для занятія нѣкоторыми изъ этихъ дѣлъ необходимо имѣть патентъ, другія же освобождены отъ него. Что касается

---

[1]) Р. 4-го Д. П. С. № 409.
[2]) L. 5 (5, 1) D.
[3]) Ст. 206—2 ч. X т; ст. 79, 584 уст. гр. суд.; ст. 1305—6 уст. тор.

того, что наличность или отсутствіе патента не могутъ обусловливать коммерціальности или некоммерціальности юридическихъ дѣйствій, то это не требуетъ доказательствъ [1]). Но можно ли тоже сказать относительно значенія патента въ вопросѣ о подсудности дѣлъ коммерческимъ судамъ? Этотъ вопросъ составляетъ предметъ слѣдующаго параграфа.

§ 4. *Значеніе патента въ вопросѣ о подсудности дѣлъ коммерческимъ судамъ.*

Неимѣніе патента [2]), во время совершенія торговыхъ дѣйствій, не лишаетъ ли послѣднихъ торговаго характера и не дѣлаетъ ли ихъ неподсудными коммерческому суду?

Мы бы не поставили этого вопроса, — такъ какъ онъ слишкомъ простъ и ясенъ послѣ того, что нами сказано было въ §§ 1 и 2—, если бы въ судебной практикѣ не возбуждалось по немъ сомнѣній и разногласій.

Въ данномъ вопросѣ опредѣляющее и рѣшающее значеніе имѣютъ: п. 1 ст. 1301 уст. тор. и ст. 23 пол. о пош. за право торговли и другихъ промысловъ. По ст. 1300 „къ вѣдомству коммерческаго суда принадлежатъ: 1, Всѣ споры и иски по торговымъ оборотамъ и т. д. Въ статьѣ же 1301 говорится: „торговыми оборотами признаются: 1, всѣ роды торговли.... какъ свободной для всѣхъ состояній, такъ и ограниченной установленными свидѣтельствами". Далѣе, въ ст. 23 пол. о пош. читаемъ: „всѣ вообще, торгующіе по свидѣтельствамъ или *безъ оныхъ* (въ нарушеніе законовъ о пошлинахъ и свидѣтельствахъ), какого бы званія ни были, по всѣмъ дѣламъ и спорамъ торговымъ вѣдаются на основаніи устава торговаго". Эти статьи, сопоставленныя и сличенныя между собою, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что неимѣніе торговыхъ патентовъ, установленныхъ изъ-за фискальныхъ сооб-

---

[1]) Объ этомъ будетъ ниже.

[2]) Подъ патентомъ мы разумѣемъ свидѣтельства: купеческія, промысловыя и билеты на открытіе заведеній.

раженій [1]), неимѣющихъ ничего общаго съ понятіемъ торговли и торговыхъ оборотовъ, не можетъ измѣнять характера послѣднихъ, а равно исключить ихъ изъ вѣдомства коммерческихъ судовъ. Для понятія торговца и характеристики юридическаго дѣйствія, какъ торговаго, совершенно безразлично, имѣетъ ли лицо, занимающееся торговыми операціями, патентъ, или нѣтъ [2]). Можно быть торговцомъ, не имѣя патента, потому ли, что онъ не требуется вовсе, или въ нарушеніе закономъ о торговыхъ пошлинахъ; и, наоборотъ, взявши патентъ, можно не стать торговцомъ — таковымъ „становится каждый съ тѣхъ поръ, когда, и оттого, что имъ начата и открыта торговля" [3]). Нарушеніе законовъ о патентахъ производитъ особый эффектъ: оно подведетъ лицо, нарушившее ихъ, подъ дѣйствіе ст. 113 и слѣд. пол. о пош. и ст. 1169 улож. о наказ., т. е., повлечетъ за собою денежный штрафъ, закрытіе заведенія полиціею [4]); но оно не въ состояніи измѣнить ни характера торговыхъ дѣйствій, ни ихъ подсудности. Нарушитель законовъ о пошлинахъ даже можетъ впасть въ торговую несостоятельность [5]). Допустить, что несостоятельность такого лица не есть торговая, значило бы дать нарушителю закона привиллегію предъ тѣми, которые строго его соблюдаютъ; такъ какъ послѣдствія торговой несостоятельности гораздо невыгоднѣе для лица, чѣмъ — неторговой.

Обращаясь къ практикѣ кассаціоннаго и 4-го департамента Правительствующаго Сената, мы находимъ въ ней множество рѣшеній, въ которыхъ разбираемый вопросъ разрѣшенъ категорически.

Такъ, Кассаціонный Сенатъ въ одномъ изъ своихъ рѣшеній говоритъ: „принимая во вниманіе, что по смыслу 1300 — 2 ст. т. XI ч. 2, одно то обстоятельство, что Копыловъ

---

1) Хотя могутъ быть и другія соображенія торговой и промышленной политики.

2) Цитовичъ стр. 191; Rivière p 28; Р. Гр. Деп. Кас. Сен. 1872 года № 236

3) Цитовичъ стр. 196.

4) Ст. 115 пол. о пош.

5) Ст. 1855 Уст. Тор.

не имѣлъ прикащичьяго свидѣтельства и былъ допущенъ Соболевымъ къ торгу безъ такого свидѣтельства, не уничтожаетъ подсудности коммерческому суду настоящаго дѣла"[1]).

Полнѣе и яснѣе выражается 4-й департаментъ Правит. Сената: „неимѣніе торговыхъ правъ, во время совершенія лицомъ какого-нибудь торговаго дѣйствія, не уничтожаетъ еще самаго характера этого дѣйствія, какъ торговаго, если только по свойству своему оно принадлежитъ къ таковымъ"[2]).

Но не смотря на ясность ст. 1300—2 уст. тор. и 23 пол. о пош., на полное согласіе съ ними сенатскихъ рѣшеній, практика первыхъ двухъ инстанцій не можетъ отказаться отъ обыденнаго воззрѣнія, смѣшивающаго понятіе торговца съ понятіемъ купца, для котораго, дѣйствительно, купеческое свидѣтельство составляетъ существенный признакъ, и на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената еще до сихъ поръ восходятъ вопросы о значеніи патента для подсудности дѣла коммерческому суду.

§ 5 *Односторонняя коммерціальность и значеніе ея въ вопросъ о подсудности.*

Есть сдѣлки, которыя по отношенію къ обѣимъ сторонамъ коммерціальны, такъ, напримѣръ, покупка для продажи, совершенная розничнымъ торговцомъ у оптоваго; но есть и такія, въ которыхъ только одна сторона торгова, напримѣръ, покупка торговцомъ у земледѣльца пшеницы для продажи. Въ этомъ примѣрѣ сдѣлка коммерціальна лишь со стороны покупщика, продавецъ же совершаетъ простое гражданское дѣйствіе — продажу.

Что касается сдѣлокъ обоюдокоммерціальныхъ, т. е., какъ по отношенію къ истцу, такъ и по отношенію къ отвѣтчику, то подсудность ихъ коммерческимъ судамъ не подлежитъ ни-

---

[1]) Р. Гр. Кас. Сен. за 1870 г. № 1448, а также 1872 г. № 236.
[2]) Р. 4-го Д. П. С. № 437, а также № 456 и др.

какому сомнѣнію. Но можно ли тоже самое сказать относительно дѣлъ односторонне-коммерціальныхъ? Вотъ вопросъ, который поднимался и поднимается въ теоріи и практикѣ и который еще не получилъ даже теоретическаго разрѣшенія.

По вопросу о подсудности дѣлъ, торговыхъ только для истца, или только для отвѣтчика, въ теоріи и въ положительныхъ законодательствахъ существуютъ два взгляда.

По первому мнѣнію, принятому 725 ст. итальянскаго торговаго уложенія, истецъ долженъ привлечь торговаго участника сдѣлки въ коммерческій судъ, неторговаго—въ гражданскій [1]).

По второму же мнѣнію, съ которыхъ согласны большинство французскихъ ученыхъ и практика [2]), иски, основанные на сдѣлкахъ, торговыхъ только по отношенію къ отвѣтчику, могутъ быть начаты по выбору истца въ торговомъ или гражданскомъ судѣ. Въ первомъ случаѣ, по словамъ Pardessus, нѣтъ ничего несправедливаго по отношенію къ отвѣтчику; во второмъ же—отвѣтчикъ не долженъ былъ расчитывать, что тотъ, съ которымъ онъ заключаетъ сдѣлку, согласится судиться въ коммерческомъ судѣ.

Общее между этими двумя мнѣніями то, что они оба безусловно признаютъ невозможность привлеченія неторговаго отвѣтчика въ коммерческій судъ, первое выходитъ изъ принципа справедливости, а второе изъ исключительности и ограниченности юрисдикціи торговыхъ судовъ въ сравненіи съ plenitude de juridiction судовъ гражданскихъ [1]).

Разсмотримъ теперь правильность или неправильность этихъ мнѣній и укажемъ основанія, на которыхъ они построены.

Постановленіе ст. 725 Ит. Тор. Улож., на первый взглядъ,

---

[1]) Ст. 725 Ит. Тор. Улож. „Если дѣйствіе принадлежитъ къ торговымъ только по отношенію къ одному изъ контрагентовъ, то истецъ долженъ вызвать въ коммерческій судъ торговца и въ судъ гражданскій неторговца".

[2]) Pardessus n° 1347; Rivière p. 840 — 1; у нихъ же приведено множество кассаціонныхъ рѣшеній. Тоже мнѣніе проведено въ проектѣ Устава Гр. Суд. для Сѣверо-Германскаго Союза, § 8.

напоминаетъ собою правило римскаго права — actor sequitur forum rei; но на самомъ дѣлѣ эта формула касается только относительной подсудности и имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда выборъ дѣлается между равными судами, имѣющими одинаковые предметы вѣдомства. Далѣе, нѣкоторые писатели положеніе ст. 725 объясняютъ слѣдующимъ соображеніемъ: когда является въ качествѣ отвѣтчика торговецъ, то предполагается, что нарушена торговая сдѣлка, когда же, напротивъ, отвѣтчикъ—неторговецъ, то значитъ, нарушена сдѣлка неторговая; поэтому въ первомъ случаѣ дѣло должно быть подсудно коммерческому суду, во второмъ же гражданскому. Другіе, наоборотъ, противопоставляя приведенному соображенію свое, говорятъ: если сдѣлки нарушена торговцомъ, то, слѣдовательно, нарушены права неторговца, если же она нарушена послѣднимъ, то, значитъ, нарушены права торговца; а такъ какъ права неторговца охраняются гражданскими судами, а торговца торговыми, то отсюда искъ къ торговцу долженъ быть предъявленъ въ гражданскомъ судѣ, а искъ къ неторговцу—въ торговомъ—положенія, радикально противоположныя ст. 725.

Намъ кажется, что, редактируя ст. 725, законодатель руководствовался совершенно иными соображеніями, чѣмъ тѣ, которыя только что мы привели. Статья эта вызвана желаніемъ законодателя не обременять коммерческіе суды слишкомъ большою массою дѣлъ, а равномѣрно распредѣлять ихъ между ними и гражданскими судами; тѣмъ болѣе, въ виду обыкновенной простоты, несложности и незапутанности односторонне-коммерціальныхъ сдѣлокъ, для рѣшенія ихъ не требуется особенныхъ спеціальныхъ познаній. Такимъ образомъ законодатель имѣлъ въ виду не права истца, или отвѣтчика, не интересы торговли, а положеніе судовъ, какъ и при исключеніи изъ вѣдомства коммерческихъ судовъ исковъ цѣною ниже какой либо опредѣленной суммы [2]).

---

[1]) Pardessus п. 1347 и 1348.

[2]) Ст. 85 п. 1 пол. о судоустрв. въ Италіи (1500 лиръ) ст. 1303 п. 2 уст. тор. (500 руб.)

Далѣе, изъ того, что односторонне-коммерціальныя дѣла, смотря по квалификаціи отвѣтчика могутъ быть разбираемы въ торговомъ или въ гражданскомъ судѣ, мы заключаемъ, что подсудность или неподсудность этихъ дѣлъ вытекаетъ изъ ratione personae. Отсюда: во 1-хъ, судъ не можетъ отъ себя возбуждать вопросъ о неподсудности такихъ дѣлъ; во 2-хъ, о неподсудности может быть предъявленъ отводъ только отвѣтчикомъ и притомъ in limine litis; и въ 3-хъ незаявленіемъ отвода во-время теряется у отвѣтчика право отвода, и на этомъ основаніи не можетъ быть кассаціи рѣшенія.

Переходимъ къ разбору втораго мнѣнія.

Оно выражено въ проэктѣ устава гражданскаго судопроизводства для сѣверо-германскаго союза[1]) и, какъ сказано, защищается большинствомъ французскихъ юристовъ. Названный уставъ постановляетъ, что, когда сдѣлка представляется торговою только по отношенію къ отвѣтчику, то истецъ по своему выбору можетъ начать дѣло или въ торговомъ, или въ гражданскомъ судѣ. Кромѣ неправильности и неопредѣленности, это положеніе отличается крайнею несправедливостью, ибо оно даетъ мѣсто произволу истца, ставя его въ привиллегированное положеніе и тѣмъ нарушаетъ одинъ изъ важныхъ и основныхъ принциповъ современнаго права и судопроизводства — принципъ равноправности сторонъ.

Сравнивая это послѣднее мнѣніе съ постановленіемъ итальянскаго закона, мы признаемъ безусловное преимущество послѣдняго надъ первымъ; ибо оно, во 1-хъ, основано на принципѣ справедливости, не давая предпочтенія истцу; во 2-хъ, даетъ опредѣленное правило, не предоставляя случайности и произволу одного истца, рѣшить вопросъ о подсудности.

Что касается code de commerce, то въ немъ мы не находимъ никакого опредѣленнаго постановленія относительно подсудности односторонне-коммерціальныхъ дѣлъ. Французскіе же юристы и согласно съ ними судебная практика рѣшаютъ

[1]) § 8.

этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что неторговаго участника безусловно нельзя привлечь въ торговый судъ[1]), торговаго же участника неторговый можетъ, по своему выбору, и въ гражданскій и въ торговый судъ[2]).

Далѣе, и нашъ уставъ, подобно французскому, говоритъ только о торговыхъ оборотахъ, договорахъ и обязательствахъ, торговлѣ свойственныхъ, не рѣшая прямо интересующаго насъ вопроса. Но, намъ кажется, постановленіе ст. 725 ит. тор. улож. существуетъ и въ нашемъ торговомъ уставѣ, хотя оно здѣсь не выражено такъ опредѣленно и ясно, какъ въ ст. 725. Такое заключеніе мы выводимъ изъ совокупнаго смысла ст. 1300—3, 1557—8 уст. торг. и 1—2 ст. пол. о пош., въ особенности же изъ ст. 1425 уст. тор. По этой послѣдней статьѣ „въ обязательствамъ, торговлѣ свойственнымъ и подлежащимъ вѣдомству коммерческихъ судовъ, присоединяются договоры о наймѣ магазиновъ, амбаровъ и другихъ строеній, для торговли назначенныхъ". А такъ какъ по нашимъ законамъ отдача въ наемъ недвижимости ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть торговымъ дѣйствіемъ, — о ней не говорится въ 1300—3 ст. уст. тор. и 1—2 пол. о пош.—, то, слѣдовательно, въ ст. 1425 рѣчь идетъ объ односторонне-коммерціальномъ договорѣ, который коммерціаленъ только по отношенію къ торговцу и который тѣмъ не менѣе подсуденъ коммерческому суду.

Обращаясь къ нашей судебной практикѣ, мы находимъ въ ней нѣсколько рѣшеній по этому вопросу, по нашему мнѣнію, несогласныхъ съ общимъ смысломъ нашихъ законовъ о о торговой подсудности. Бо́льшею котегоричностью и настойчивостью отличается практика кассаціоннаго сената. Въ одномъ изъ его рѣшеній говорится: „на основаніи устава тор. коммерческому суду подсудны иски, истекающіе изъ торговыхъ

---

1) Rivière p. 840; Pardessus n° 1346; у нихъ же указанія на кассац рѣшенія.

2) Rivière p. 841; Pardessus n° 1347; тамъ же кассац. рѣш.

оборотовъ. Искомъ же, истекающимъ изъ торговыхъ оборотовъ можетъ быть признанъ лишь такой искъ, который вытекаетъ изъ сдѣлки, *представляющейся торговою нетолько по отношенію къ отвѣтчику, но и по отношенію къ истцу.* Торговый характеръ сдѣлки по отношенію къ одной изъ сторонъ не можетъ имѣть послѣдствіемъ признаніе иска истекающимъ изъ торговаго оборота и подсуднымъ коммерческому суду".[1]) Что касается практики 4-го депар. пр. сената, то здѣсь такого полнаго и категорическаго рѣшенія не имѣется. Изъ нѣкоторыхъ его рѣшеній, въ которыхъ обсуждался вопросъ о коммерціальности сдѣлки по отношенію къ отвѣтчику, можно, однако-же, заключить, что онъ соглашается скорѣе съ нашимъ выводомъ, т. е. не считаетъ чуждымъ нашему торговому уставу постановленіе ст. 725 ит. тор. кодекса. Такъ, въ одномъ рѣшеніи 1876 года „правительствующій сенатъ находитъ, что для разрѣшенія вопроса о подсудности дѣла коммерческому суду необходимо признать, что искъ составляетъ послѣдствіе сдѣлки или договора, *представляющихся по отношенію къ отвѣтчику*[2]) *торговымъ оборотомъ*"[3]).

И такъ, по нашему разумѣнію, и по отношенію къ нашему торговому законодательству должно считать вполнѣ правильнымъ слѣдующее положеніе о торговой подсудности: *коммерческимъ судамъ подсудны всѣ иски, вытекающіе изъ сдѣлокъ, коммерціальныхъ по отношенію къ обѣимъ сторонамъ, или по отношенію къ одному только отвѣтчику.* Отсюда, если по односторонне-коммерціальной сдѣлкѣ, отвѣтчикомъ является неторговый участникъ ея, то, какъ мы видѣли выше, дѣло должно разбираться въ гражданскомъ судѣ[4]). Но не по-

---

[1]) Р. Гр. Кас. Сен. 1874 г. № 761, а также 1872 г. № 288, 1870 г. № 507 и др.

[2]) Р. 4-го Д. П. С. № 446, а также №№ 449, 467.

[3]) Надо замѣтить, что въ нашихъ судахъ очень рѣдко поднимается вопросъ о коммерціальности сдѣлки по отношенію къ истцу.

[4]) Могутъ быть и другіе случаи, когда торговое дѣло должно разбираться въ гражданскихъ судахъ: во-первыхъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ коммерческихъ судовъ (ст. 28 уст. гр. суд., art. 640 cod. de com., ст. 62

страдаютъ ли отъ этого интересы истца-торговца? Нисколько. Главный интересъ торговца будетъ состоять въ томъ, чтобы къ его дѣлу судъ приложилъ торговые законы и обычаи. А этими послѣдними можетъ, даже обязанъ, руководствоваться какъ торговый такъ и гражданскій судъ, коль скоро разбираемое дѣло торговое. Въ самомъ дѣлѣ, разбираясь въ гражданскихъ судахъ, эти дѣла не перестаютъ быть торговыми; а матеріальные торговые законы и обычаи существуютъ именно для этихъ дѣлъ, а не для торговыхъ судовъ. Иное дѣло — процессуальные законы. Каждый судъ долженъ придерживаться того порядка производства, который установленъ для него. Случаи отступленія отъ этого порядка должны быть въ законахъ прямо указаны. Такъ, по ст. 641 code de com.. гражданскіе суды при разборѣ торговыхъ должны руководствоваться порядкомъ производства, дѣйствующимъ въ коммерческихъ судахъ. Отъ этихъ соображеній переходя къ положительнымъ законодательствамъ, мы находимъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ прямой отвѣтъ на вопросъ: какими законами долженъ руководствоваться гражданскій судъ при рѣшеніи торговыхъ дѣлъ. Такъ, по 277 ст. общегерман. тор. улож. ко всякой сдѣлкѣ, торговой со стороны только одного изъ контрагентовъ, должны быть примѣняемы постановленія 4-й книги тор. уложенія относительно обоихъ контрагентовъ одинаково. Тоже повторяется въ ст. 640 и 641 французскаго торговаго уложенія. Что касается нашего устава гражд. судопроизводства, то, хотя въ немъ, а равно въ тор. уставѣ, мы не находимъ такаго яснаго постановленія, какое мы привели изъ западныхъ кодексовъ, тѣмъ не менѣе однако, общій смыслъ нашихъ законовъ и вышеприведенныя соображенія заставляютъ насъ утверждать, что названное постановленіе

полож. о судоустр. въ Италіи); во 2-хъ, когда отвѣтчиками по иску являются нѣсколько лицъ, торговыхъ и не торговыхъ, связанныхъ между собою солидарнымъ обязательствомъ, и искъ предъявленъ къ неторговому участнику; въ 3-хъ, когда искъ, вытекающій изъ торговыхъ оборотовъ и дѣйствій, цѣною ниже опредѣленной суммы: у насъ 150 руб. (ст. 1303 п. 2), по уставу гр. судопр. въ Италіи 1500 лиръ (ст. 85 п. 1).

существуетъ и у насъ. Такому предположенію нисколько не мѣшаетъ ст. 28 уст. гр. суд., по которой „въ тѣхъ мѣстностяхъ, на которыя не простирается вѣдомство суда коммерческаго, спорныя дѣла, относящія къ торговой подсудности, вѣдаются общими судами гражданскими *на основаніи сего устава*". Эта статья имѣетъ чисто процессуальное значеніе, поэтому выраженіе: „на основаніи сего устава", указываетъ лишь на процессуальные законы. Въ частности, гражданскіе суды, при рѣшеніи торговыхъ дѣлъ, могутъ пользоваться даже торговыми обычаями; ст. 1714 уст. тор., какъ имѣющая матеріальное значеніе, обязательна и для нихъ;[1]) они могутъ руководствоваться также 515 ст. уст. гр. суд. [2]) мировые же ст. 130 и 122 уст. гр. суд.

Такимъ образомъ мы пришли и къ тому, что отъ разбирательства, въ извѣстномъ намъ случаѣ, односторонне - коммерціальнаго дѣла въ гражданскомъ судѣ интересы истца-торговца нестолько пострадаютъ, какъ это думаютъ нѣкоторые. Можно бы было съ ними согласиться, если бы дѣла этого рода въ самомъ дѣлѣ отличались сложностью и запутанностью, требующею для разрѣшенія особыхъ спеціальныхъ свѣдѣній. Но практика показываетъ, что эти дѣла въ большинствѣ случаевъ не представляютъ ничего запутаннаго; по этому постановленіе итальянскаго уложенія, неподвергающее никакой опасности интересовъ торговца, равномѣрно распредѣляющее дѣла между торговыми и гражданскими судами и основанное на справедливости, имѣетъ за собою безусловное преимущество.

Этимъ мы заканчиваемъ обозрѣніе частныхъ вопросовъ, имѣющихъ связь съ вопросомъ о торговой подсудности и не-

---

[1]) Смотри подробнѣе у Цитовича § 15.

[2]) Коммисія, составившая проектъ судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г., при составленіи потомъ проэкта тор. судопроизводства прямо указываетъ на ст. 515 уст. гр. суд., какъ на основаніе примѣненія въ общихъ судахъ торговыхъ обычаевъ или ст. 1714 уст. тор. жур. Мин. Юст. 1866 г. № 12 „пересмотръ устава коммерч. судопроизводства".

разъ возбужденныхъ въ теоріи и практикѣ, и переходимъ ко второй части нашего сочиненія, именно, къ разбору ст. 1300—3 уст. тор., т. е. къ разсмотрѣнію торговыхъ оборотовъ и торговыхъ дѣйствій.

ОТДѢЛЪ II.

Предметы вѣдомства коммерческихъ судовъ.

§ 6. *Краткій критическій обзоръ нашихъ законовъ о торговой подсудности.*

Предметы вѣдомства коммерческихъ судовъ опредѣлены въ четырехъ статьяхъ устава торговаго (1300—3—2 ч. XI т.). По ст. 1300, заключающей въ себѣ общее положеніе, къ вѣдомству ком. суда принадлежатъ всѣ споры и иски: во 1-хъ, по торговымъ оборотамъ, во 2-хъ, по договорамъ и обязательствамъ, торговлѣ свойственнымъ, въ 3-хъ, дѣла по торговой несостоятельности. Слѣдующія статьи (1301—2) имѣютъ цѣлью разъяснять первые два пункта ст. 1300, именно, перечислить виды торговыхъ оборотовъ и торговыя дѣйствія; торговой же несостоительности и ея квалификаціи посвящены ст. 1855 — 67—2 ч. XI т. Что касается далѣе ст. 1303, то она составляетъ исключеніе изъ предъидущихъ статей, насколько рѣчь идетъ о второмъ ея пунктѣ; первый же пунктъ, какъ мы покажемъ ниже, не составляетъ никакого исключенія, а имѣетъ свое особое основаніе.

Неясность, неопредѣленнось и неполнота приведенныхъ статей, при ихъ многословіи, бросаются въ глаза при самомъ поверхностномъ разсмотрѣніи. Ни одно изъ понятій, вошедшихъ въ эти статьи, не получило точной формулировки, или, лучше сказать, никакой. Такое отсутствіе легальныхъ опредѣленій юридическихъ понятій заставляетъ практику и изслѣдователя конструировать эти понятія по видовымъ признакамъ, разбро-

саннымъ почти по всему законодательству [1]). Съ этой точки зрѣнія для насъ имѣютъ важное значеніе и чисто фискальные законы, наприм., положеніе о пошлинахъ, хотя, къ сожалѣнію, и послѣднее, не смотря на свое недавнее происхожденіе, во многихъ случаяхъ нетолько не разрѣшаетъ нашихъ сомнѣній относительно того или другаго вопроса, но даже вызываетъ новыя сомнѣнія и бо́льшую запутанность. Чтобы не оказалось голословнымъ наше сужденіе, мы должны разсмотрѣть здѣсь, хотя бы для примѣра, нѣсколько случаевъ.

Такъ, въ ст. 1301 п. 1 сказано: „торговыми оборотами признаются: 1, всѣ роды торговли оптовой, розничной и мелочной....“ Очевидно этотъ пунктъ не даетъ намъ никакаго понятія о торговыхъ оборотахъ; здѣсь говорится только о томъ, что въ торговлѣ дѣлаются торговые обороты, — неизвѣстное опредѣлено неизвѣстнымъ. Но что́ же такое торговля и тор. оборотъ? На этотъ вопросъ мы напрасно бы искали отвѣта въ нашемъ законодательствѣ. Вѣрно, законодатель въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, разсчитывалъ на общеизвѣстность этихъ выраженій въ жизни и не нашелъ нужнымъ дать имъ легальное опредѣленіе. Но практика обнаружила всю несостоятельность такаго разсчета. Поэтому въ пол. о пош. мы находимъ попытку законодателя, хотя и неудачную, опредѣлить понятіе торговли и тѣмъ пополнить недостатокъ ст. 1301. Ст. 1-я этого положенія старается опредѣлить разные роды торговли. Такъ, „оптовая торговля производится изъ купеческихъ *конторъ*, *амбаровъ*.... и состоитъ *въ продажѣ всякихъ товаровъ*. Розничною торговлею называется раздробительная *продажа* товаровъ изъ *лавокъ*, *магазиновъ*..... Наконецъ, подъ мелочною торговлею разумѣется: 1) раздробительная *продажа* товаровъ, поименованныхъ въ особыхъ росписяхъ изъ *опредѣ-*

[1]) „Безъ легальныхъ опредѣленій нельзя обойтись, ибо иначе вмѣсто судебной практики, основанной на законѣ, явится самый страшный изъ всѣхъ видовъ произвола, произволъ суда; а вмѣсто науки, разъясняющей законы, появятся свободныя размышленія по поводу положительнаго права, если не права вообще“ (Цитовичъ Курс. Р. Гр. Пр. I т. ст. 77).

ленныхъ помѣщеній, 2) разносная и развозная, производящаяся въ поименованныхъ для нея предѣлахъ.“ Очевидно, эта статья, ровно ничего не опредѣляя и не прибавляя къ тому, что заключается въ п. 1 ст. 1301, порождаетъ новыя недоразумѣнія и сомнѣнія. Придерживаясь ея буквы, должно признать торговою сдѣлкою только продажу и при томъ изъ опредѣленныхъ мѣстъ; а покупка для продажи и продажа не изъ указанныхъ мѣстъ? Неужели онѣ не будутъ торговыми дѣйствіями! Неужели къ торговымъ сдѣлкамъ должно отнести всякую продажу изъ амбаровъ, складовъ, лавокъ и т. д., даже продажу продуктовъ своего имѣнія? Дѣло въ томъ, что эти сомнѣнія находятся въ связи съ двумя коренными недостатками нашего торговаго законодательства: во 1-хъ, въ немъ нерѣдко смѣшивается понятіе торговли съ понятіемъ простой продажи, во 2-хъ, въ фиксирующихъ легальныхъ опредѣленіяхъ внѣшнимъ, обыкновеннымъ признакамъ дается предпочтеніе предъ внутренними, существенными.

Разсмотримъ прежде первый недостатокъ. Въ полож. о пошлинахъ онъ перенесенъ изъ книги I т. XI ч. II, въ замѣну которой оно и было издано.

Во второй главѣ XI т. 2 ч. разд. II, озоглавленной — „о свободной торговлѣ дворянъ“, говорится о томъ, что дворяне сами, или черезъ приказчиковъ, въ городахъ, селахъ, на рынкахъ и пристаняхъ съ возовъ, судовъ и лодокъ, а на ярмаркахъ, и изъ лавокъ, могутъ свободно, безъ свидѣтельствъ, продовать произведенія своихъ имѣній [1]). Ясно, что здѣсь подъ торговлею разумѣется простая продажа производителя, а неторговля въ настоящемъ смыслѣ. Такое смѣшеніе двухъ совершенно разнородныхъ понятій, какъ сказано, перешло и въ полож. о пош.

Такъ, въ первомъ раздѣлѣ, гдѣ перечисляются торговыя дѣйствія, производимыя безъ платежа пошлинъ, мы находимъ такія, которыя никоимъ образомъ не могутъ подходить подъ понятіе торговли, а составляютъ простыя продажи или эксплуа-

[1]) ст. 299 и 301.—2 ч. XI т.

тацію имѣній. Намъ кажется, въ такомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ простой продажи, надо понять слѣдующія мѣста этого раздѣла: ст. 4 пп. *а* и *в* ст. ст. 5, 6, 7 и 8 пол. о пош. Для примѣра и доказательства нашего мнѣнія разберемъ п. *а* ст. 4. Пунктъ этотъ состоитъ изъ двухъ частей: вторая заключаетъ въ себѣ слѣдующее мѣсто: „продажа вышеозначенныхъ предметовъ изъ *складовъ*, *дворовъ*, *амбаровъ и лавокъ* допускается не иначе, какъ со взятіемъ установленныхъ симъ положеніемъ свидѣтельствъ и билетовъ“; все же остальное составляетъ первую часть: „торгъ хлѣбомъ во всякомъ видѣ, льномъ, пенькою и другими земными произведеніями всякаго рода, скотомъ, птицею, солью и всякими жизненными припасами, шерстью, пухомъ и т. д. дозволяется въ городахъ и селеніхъ оптомъ и въ розницу, *съ возовъ*, *судовъ и лодокъ*, на рынкахъ площадяхъ и пристаняхъ......земледѣльцы въ своихъ имѣніяхъ могутъ ихъ продавать и изъ складовъ, амбаровъ и лавокъ....“ Сопоставивши и сличивши эти двѣ части, мы находимъ, что въ нихъ предметы сбыта одни и тѣ-же; различаются же онѣ между собою, во 1-хъ, по обстановкѣ, въ которой совершается сбытъ въ первомъ случаѣ, именно, *съ возовъ*, *судовъ*, *лодокъ* и т. д., а во второмъ — изъ *складовъ*, *дворовъ*, *амбаровъ и лавокъ*; во 2-хъ, тѣмъ, что первая продажа допускается безъ платежа пошлинъ, а вторая со взятіемъ свидѣтельствъ и билетовъ. Далѣе принимая во вниманіе, что первая обстановка есть обыкновенный (но неисключительный) признакъ простой продажи, а вторая—торговли, и что наше законодательство въ своихъ опредѣленіяхъ предпочтительно пользуется внѣшними признаками, мы приходимъ къ тому несомнѣнному заключенію, что въ первой части разбираемаго пункта говорится о продажѣ производителей, во второй же—о торговлѣ. Такой выводъ еще сильнѣе подтверждается тутъ же вторымъ примѣчаніемъ, по которому частныя лица, вступая въ обязательства поставки[1]),

[1]) Слово поставка, употребляемое въ этомъ примѣчаніи къ ст. 4, должно быть понимаемо въ смыслѣ доставки, запродажи, а не поставки въ спеціальномъ смыслѣ.

могутъ не брать торговыхъ свидѣтельствъ, если „поставляемыя произведенія суть собственнаго ихъ сельскаго хозяйства", въ противномъ же случаѣ они должны имѣть таковое свидѣтельство. Слѣдовательно, во всѣхъ этихъ случаяхъ пошлинъ не взимается не потому, что эти виды торговли освобождены отъ нихъ, а потому, что здѣсь вовсе нѣтъ торговли, а лишь простая продажа.

Далѣе, что касается втораго недостатка, т. е. предпочтительнаго значенія внѣшнихъ признаковъ предъ внутренними въ легальныхъ опредѣленіяхъ, то примѣры его мы находимъ какъ въ уставѣ торговомъ, такъ и въ положеніи о пошлинахъ. Такъ, въ ст. 1301—2 говорится о торговлѣ „*лавочной, амбарной, магазинной и т. п.*"; въ ст. 1303 — о покупкѣ и продажѣ товаровъ *на наличныя деньги въ рядахъ, въ лавкахъ, на рынкахъ, торгахъ и ярмаркахъ.* Въ ст. 1 пол. о пош. разные роды торговли характируются также по внѣшнимъ признакамъ; такъ, оптовыя производятся изъ *купеческихъ конторъ, амбаровъ и складовъ, а также съ судовъ*, розничная—изъ *лавокъ, магазиновъ и т. п. торговыхъ заведеній.* Далѣе, въ ст. 4 п. *а* повторяется: „продажа изъ *складовъ, дворовъ, амбаровъ и лавокъ*; здѣсь же говорится о продажѣ „съ *возовъ, судовъ и лодокъ, на рынкахъ, площадяхъ и пристаняхъ*".

Приведенные внѣшніе признаки, дѣйствительно, указываютъ на обыкновенную сценическую сторону торговли, какъ организованнаго промысла, указываютъ на различные роды и объемъ ея; но взятые въ отдѣльности, безъ другихъ внутреннихъ и болѣе существенныхъ свойствъ торговли и торговыхъ оборотовъ, они не могутъ составлять единственныхъ признаковъ, наличность которыхъ достаточна бы была, чтобы признать данный оборотъ торговымъ. Что и законодатель этимъ внѣшнимъ признакамъ не даетъ безусловно опредѣляющаго значенія, — это видно изъ приведенныхъ же статей. Такъ, по ст. 4 п. *а* in fine, земледѣльцы въ своихъ имѣніяхъ могутъ продавать произведенія собственнаго хозяйства изъ складовъ, амбаровъ, дворовъ и лавокъ оптомъ и въ розницу. Далѣе, и торговецъ,

и производитель могутъ продавать, первый товаръ, второй произведенія собственнаго хозяйства, съ судовъ и возовъ [1]). Признаки же, указанные въ ст. 1303 2 ч. XI т. какъ то: продажа *на наличныя деньги* въ рядахъ, на рынкахъ, торгахъ и ярмаркахъ, суть также обыкновенные признаки простой продажи производителей. Такой выводъ мы основываемъ между прочимъ на статьяхъ 299 и 301—2 ч. XI т.

Опять повторяемъ — эти признаки суть обыкновенные, но не исключительные признаки, чтобы и при отсутствіи другихъ признаковъ можно было бы сказать, что въ данномъ случаѣ есть или нѣтъ торговый оборотъ. По нашему мнѣнію рѣшающее значеніе должно дать всегда внутреннимъ свойствамъ оборота, именно, спекулятивному намѣренію. Разумѣется, внѣшніе признаки очень часто помагаютъ раскрытію внутреннихъ моментовъ. Обстановка и условія оборота даютъ намъ основанія для такой или иной презумпціи, которая можетъ быть отвергнута въ отдѣльныхъ случаяхъ. Отсюда, нельзя считать торговымъ оборотомъ продажу хозяиномъ продуктовъ своей земли, хотя бы она совершалась изъ панятыхъ въ городѣ амбаровъ, или магазиновъ и т. д.; напротивъ, должно считать въ составѣ торговаго оборота продажу, совершаемую не въ указанной закономъ обстановкѣ, т. е. не изъ амбаровъ, магазиновъ и т. д., если только продается товаръ, который былъ купленъ для этой цѣли.

Почему же наше законодательство ограничивается такими внѣшними моментами въ опредѣленіи понятія торговли? Очень просто. Наши торговые законы проникнуты фискальными соображеніями, для которыхъ совершенно достаточно было указать нѣкоторые внѣшніе признаки, по которымъ легко можно было узнать съ кого брать налоги [2]).

Пойдемъ далѣе. Во 2 п. 1301 статьи сказано: „торговымъ оборотомъ признается.... 2, торговля фабричная и завод-

---

[1]) Сравни ст. 1 и 4 п. а пол. о пош.

[2]) Цитовичъ стр. 123, прим. 3.

ская; также лавочная, амбарная, магазинная и т. п.“ Что такое торговля фабричная и заводская? Чѣмъ онѣ отличаются отъ обыкновенной торговли? Если не отличаются, то неужели и здѣсь только продажа фабричныхъ и заводскихъ издѣлій есть торговое дѣйствіе? И на эти вопросы намъ не найти отвѣтовъ въ нашихъ законахъ. Намъ кажется, приведенный пунктъ ст. 1301 выражаетъ тоже, что заключается въ art. 632 — 1° in fine C. comm., именно: soit après les avoir travaillées et mises en oeuvre[1]). Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что редакторы нашего свода законовъ, не смотря на исключительность матеріала, которымъ они должны были пользоваться для составленія свода, именно, законами, дѣйствующими къ 1 января 1832 г., нерѣдко въ отступленіе отъ этого общаго правила заимствовали тѣ или другія положенія изъ французскаго гражданскаго и торговаго кодекса[2]). Таковыми должны считаться тѣ статьи свода, которыя не снабжены ссылками на источники, откуда онѣ взяты. Къ такимъ статьямъ относится и ст. 1301—2 ч. XI т.

Такая же неопредѣленность и туманность, какую нашли въ первыхъ двухъ пунктахъ ст. 1301, составляетъ характерную черту остальныхъ ея пунктовъ, а равно послѣдующихъ статей. Такъ, что такое „торговая промышленность“, „дѣла по искамъ на цеховыхъ въ оборотахъ, торговлѣ свойственныхъ“ и т. п.?[3])

Изъ разбора нѣсколькихъ пунктовъ достаточно намъ стала ясна вся несостоятельность нашихъ законовъ о торговой подсудности, поэтому, не входя въ подробную критическую оцѣнку остальныхъ, сюда относящихся статей, болѣе подробный разборъ которыхъ, сообразно съ нашей системой, предполагается ниже, мы на этомъ прекращаемъ нашъ критическій

---

[1]) Буквально тоже въ Итальн. улож. art. 2—1°.

[2]) Таковы напримѣръ ст. 144—158 I ч. X т. издан. 1832 г., взятыя изъ art. 735—738 фрц. грж. кодк. Смотри Кур. грж. прв. Цитовича т. I § 2—3. Смотри выше § 2.

[3]) Объ этомъ будетъ сказано ниже.

обзоръ и переходимъ къ разсмотрѣнію одного вопроса, по которому въ судебной практикѣ существуетъ два различныхъ мнѣнія: съ одной стороны мнѣнія кассац. сената, съ другой мнѣнія 4-го деп. прав. сената.

Вотъ въ чемъ заключается этотъ вопросъ: исчерпываютъ ли ст. 1301 и 1302 — 2 ч. XI т. всѣ торговыя дѣйствія, иски по коимъ должны подлежать вѣдомству коммерческихъ судовъ?

Вопросъ этотъ былъ возбужденъ на практикѣ послѣ изданія положенія о пошлинахъ за право торговли, въ которое вошли нѣкоторыя торговыя дѣйствія, неизвѣстныя торговому уставу.

Кассаціонный сенатъ рѣшаетъ поставленный вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ. Такъ, въ рѣшеніи 1868 г. за № 756 говорится: „коммер. суду подсудны исключительно лишь дѣла, о которыхъ упоминается въ 1301 и 1302 статьяхъ уст. торг.[1]“. Въ одномъ изъ своихъ рѣшеній кассац. сенатъ мотивируетъ свое мнѣніе тѣмъ, что „положеніе 9-го февраля 1865 г. о пошлинахъ за право торговли и промысловъ по своему назначенію и содержанію не касалось опредѣленія предметовъ вѣдомства коммерч. суда.“

Совершенно другаго мнѣнія держится 4-й департаментъ прав. сената и при томъ такъ же твердо, какъ и кассаціонный сенатъ. Въ рѣшеніи 1874 г. за № 1204[2]) мы читаемъ: „хотя въ ст. 1301 и означены нѣкоторые *главнѣйшіе роды* торговыхъ оборотовъ, но тѣмъ еще не исчислены всѣ дѣйствія, торговлѣ свойственныя, подробнѣе перечисленіе коихъ при многочисленности ихъ видовъ и разнообразности торговыхъ отношеній представляется вообще невозможнымъ; въ виду сего поименованіе въ ст. 1301 оборотовъ, признаваемыхъ торговыми, имѣетъ значеніе болѣе примѣрное, нежели исключительное, а потому одно то обстоятельство, что въ ней не упоминается

---

[1]) Въ такомъ же смыслѣ рѣшенія 68 г. № 434, 69 г. № 182 и друг.

[2]) Сборн. Р. 4-го Д. Пр. Сен. № 473.

о дѣлахъ акцизно-откупнаго коммиссіонерства не можетъ еще служить основаніемъ къ признанію сего рода дѣлъ ком. судамъ неподсуднымъ". Такое полное, категорическое и, по нашему мнѣнію, совершенно правильное рѣшеніе вопроса ничего не оставляетъ намъ прибавить къ нему. Оно вполнѣ согласно какъ съ общимъ смысломъ законодательства, такъ и съ требованіями теоріи и логики. Въ самомъ дѣлѣ, думать, что, исчисляя торговыя дѣйствія, законодатель исчерпаетъ всѣ, что послѣ изданія закона не появятся новыя торговыя отношенія, прежде не существовавшія, значило бы считать юридическій бытъ китайскою окаменѣлостью, неспособною къ развитію и жизни. Далѣе, если перечисленіе торговыхъ дѣйствій признается примѣрнымъ германскими законодательствами[1]), безспорно далеко опередившими насъ во всемъ, въ частности, въ полнотѣ перечня этихъ дѣйствій, то было бы довольно неосновательно придавать исчерпывающее значеніе нашимъ законамъ о торговой подсудности (ст. 1300—3 уст. торг.). Не надо забывать также, что при составленіи проекта пол. о пош. податная коммисія, на которую былъ возложенъ этотъ трудъ, первоначально предполагала выработать два проекта: одинъ о пошлинахъ за право торговли, другой объ измѣненіяхъ въ торговомъ уставѣ; но при дальнѣйшей разработкѣ проекта, она нашла, что, вслѣдствіе тѣсной связи обязательствъ торговцевъ по платежу пошлинъ съ правами ихъ на самое производство торговли, пришлось бы однѣ и тѣ же статьи буквально повторить въ обоихъ проектахъ; поэтому оба проекта были слиты въ одинъ проектъ о пошлинахъ. Отсюда ясно, что по мысли самихъ составителей пол. о пош. въ немъ заключаются не одни финансовые законы, но и торговые. Слѣдовательно будемъ, вправѣ, при изложеніи о торговыхъ оборотахъ и дѣйствіяхъ, пользоваться тѣми или другими постановленіями полож. о пош.

---

[1]) Прусск., Боварск., Витемберг. Смотри у Деппа § 4.

Послѣ этого краткаго обзора нашихъ законовъ о торговой подсудности, имѣющаго главною цѣлью указать на недостатки нашего устава, мы переходимъ къ изложенію предметовъ вѣдомства коммерческаго суда, иначе, къ теоріи торговыхъ дѣйствій. Перечисливъ эти дѣйствія, охарактеризовавъ каждое изъ нихъ по легальнымъ признакамъ, насколько таковые признаки имѣются въ законахъ, eo ipso мы, во 1-хъ, опредѣлимъ компетенцію ком. судовъ, во 2-хъ, par exclusion, отдѣлимъ предметы вѣдомства гражданскихъ судовъ:—все, что не подойдетъ подъ понятіе торговыхъ дѣйствій, будетъ гражданскимъ, подлежащимъ вѣдомству гражданскихъ судовъ[1]).

Невозможность строго-послѣдовательно провести выставленный нами въ § 1 принципъ торговаго права — спекулятивную волю —, при сравнительно-догматическомъ методѣ изложенія, вынуждаетъ насъ къ слѣдующему замѣчанію. Оно намъ необходимо для того, чтобы впередъ оградить себя отъ упрековъ въ непослѣдовательности и противорѣчіи съ разъ принятымъ принципомъ. Кромѣ того, желаніе, во чтобы-то ни стало, найти въ нашихъ законахъ общій принципъ, проведенный во всѣхъ логическихъ консеквенціяхъ, приводитъ какъ разъ къ отрицанію логики и произвольному умствованію. Во избѣжаніе всего этого, мы впередъ отказываемся отъ надежды провести въ этомъ изложеніи нашъ принципъ во всей его чистотѣ.

По нашему мнѣнію должны быть признаваемы двѣ теоріи торговыхъ дѣйствій: *положительная*, построенная на законахъ, и *умозрительная*, построенная на одномъ общемъ началѣ. Первая имѣетъ болѣе практическій интересъ, вторая — интересъ мысли—это—философія. Послѣдняя даетъ намъ орудія критики, способствуетъ очищенію положительной науки, выдѣленію ея изъ цѣлой области другихъ юридическихъ наукъ, а также воздѣйствуетъ на положительное право, но, впро-

---

[1]) Смотри стр. 1 примѣч. 1.

чемъ, не иначе, какъ черезъ законодателя. Положительная теорія не можетъ принимать въ основаніе своихъ выводовъ данныя умозрительной теоріи, между тѣмъ какъ, послѣдняя, взявъ себѣ общій принципъ, исходную точку изъ первой, свободно развиваетъ его въ цѣлую систему, критически относясь къ отдѣльнымъ ея положеніямъ. Такимъ образомъ, между ними есть постоянное взаимодѣйствіе.

Приступая къ изложенію положительной теоріи торговыхъ дѣйствій, мы считаемъ нелишнимъ выставить здѣсь нѣсколько общихъ положеній умозрительной теоріи. Они послужатъ намъ масштабами для критической оцѣнки того или другаго положенія положительной теоріи. Положенія эти суть слѣдующія:

1) Всякое юридическое дѣйствіе, являющееся выраженіемъ, внѣшнимъ обликомъ, спекулятивной воли, есть дѣйствіе торговое. Такой характеръ оно получаетъ только изъ этой воли, при чемъ форма, въ какую она облекается, обстановка, въ которой она обнаруживается, нисколько не опредѣляютъ и не измѣняютъ сущности ея.

2) *Дѣйствіе неторговое*, какъ одиночное явленіе, не можетъ сдѣлаться торговымъ отъ того лишь, что оно совершается лицомъ *профессіонально*, въ видѣ промысла.

3) Профессіональное веденіе извѣстнаго торговаго дѣйствія, давая лицу квалификацію торговца, презумируетъ каждое его дѣйствіе торговымъ, пока противное не будетъ доказано.

4) Нѣтъ дѣйствій торговыхъ отъ качества, de la qualité, лица; качество только служитъ основаніемъ презумпціи, которая можетъ оказаться вѣрною или невѣрною, смотря потому, отражаетъ ли данное дѣйствіе прямо или косвенно спекулятивную волю. Иначе, нѣтъ субъективныхъ торговыхъ дѣйствій.

Положительная теорія торговыхъ дѣйствій.

§ 7. *Дѣленіе торговыхъ дѣйствій.*

Въ нѣмецкой литературѣ торговыя дѣйствія дѣлятся на *объективныя* и *субъективныя*. Первыя суть тѣ юридическія

дѣйствія, которыя коммерціальны сами по себѣ—re ipsa или по своей природѣ, или по объявленію закона, независимо отъ квалификаціи лица. Вторыя получаютъ торговый характеръ лишь отъ квалификаціи лица, какъ торговца. Первыя считаются торговыми и какъ одиночныя дѣйствія; вторыя—только при профессіональномъ веденіи ихъ. Далѣе, изъ субъективныхъ дѣйствій одни торговые презумтивно, другія обсолютно.

Это дѣленіе торговыхъ дѣйствій на объективныя и субъективныя имѣетъ важное значеніе въ процессуальномъ отношеніи. Такъ, въ дѣйствіяхъ перваго рода вниманіе суда и сторонъ должно останавливаться на дѣйствіи, на его характерѣ, квалификація лица должна быть игнорирована. Напротивъ, при обсужденіи дѣйствій втораго рода, опредѣляющее и рѣшающее значеніе имѣетъ, именно, квалификація лица; весь вопросъ вращается на томъ, кто ихъ совершилъ, торговецъ или кто другой. Отсюда ясно, что должны имѣть въ виду стороны и судъ при рѣшеніи вопроса о подсудности.

I. Объективныя торговыя дѣйствія.

§ 8. *О торговыхъ оборотахъ.*

Для возможности появленія въ человѣческомъ обществѣ торговаго оборота и торговли необходимо, чтобы это общество находилось на той ступени общественнаго и экономическаго развитія, на которой индивидуумъ не самъ производитъ все необходимое для удовлетворенія своихъ потребностей, а частью пріобрѣтаетъ у другихъ членовъ общества, говоря иначе, чтобы въ обществѣ существовало раздѣленіе труда и, какъ его необходимое послѣдствіе, обмѣнъ цѣнностей. При такомъ состояніи общества, члены его разбиваются на двѣ категоріи: потребителей и производителей, при чемъ каждое лицо по необходимости является то въ роли потребителя, то—производителя. Они тяготѣютъ другъ къ другу, какъ противоположные полюсы магнита, производитель ищетъ потребителя, потребитель—производителя; первый съ тѣмъ, чтобы сбыть излишекъ своего производства, послѣдній—, чтобы пріобрѣсти нужные, но недо-

стающіе ему предметы. Пока общество невелико въ территоріальномъ отношеніи, пока оно ведетъ замкнутую жизнь, пока излишки производства, за вычетомъ необходимыхъ предметовъ для прокормленія себя и своей семьи, у лица незначительны, общество не нуждается въ посредникахъ между названными двумя категоріями лицъ. Но по мѣрѣ увеличенія территоріи, раздѣленія труда, расширенія производства, развитія общительности между отдѣльными общинами, является необходимость въ третьей категоріи лицъ, которыя бы посредничали между производителями и потребителями—это—*спекулянты*. Воля послѣднихъ и создаетъ то, что технически называется торговымъ оборотомъ.

Какого характера эта воля, какова роль, которую берутъ на себя обладатели ея—спекулянты? Она направлена на барышъ, заражена спекуляціей. Спекулянтъ становится между производителемъ и потребителемъ, заслоняетъ волю послѣдняго, схватываетъ волю перваго, перемѣняя ея характеръ, примѣшивая лигатуру—барышническій элементъ, но не перемѣняя ея направленія, которое стремится всетаки встрѣтить волю потребителей. Но бываетъ и наоборотъ—спекулянтъ схватываетъ волю потребителей и уже отъ себя направляетъ ее къ производителямъ, но опять-таки не такою, какою она досталась ему отъ перваго. Отсюда дѣятельность спекулянта слагается изъ двухъ актовъ: *пріобрѣтенія* предметовъ у призводителей, или спекулянтовъ же, и *сбыта* ихъ потребителямъ или другимъ спекулянтамъ. Своею дѣятельностью спекулянтъ въ большинствѣ случаевъ оказываетъ существенную услугу какъ тѣмъ, такъ и другимъ. Но услуга эта не есть безмездная, не есть жертва со стороны спекулянта; она предполагаетъ барышъ, величина котораго зависитъ отъ удачнаго исполненія двухъ названныхъ актовъ: пріобрѣтенія и сбыта. *Эти-то акты, неразрывно связанные спекулятивнымъ намѣреніемъ лица въ одно цѣлое, составляютъ то, что нашъ законъ называетъ торговымъ оборотомъ.*

Таково понятіе торговаго оборота во всѣхъ европейскихъ

законодательствахъ [1]) въ томъ числѣ и въ нашемъ; хотя у насъ она не получила легальнаго опредѣленія и вслѣдствіе этого находится въ колебаніи. Правильному пониманію мѣшала ст. 1303. Статья эта гласитъ слѣдующее: „разбору коммерческаго суда не подлежатъ: 1) споры по покупкѣ и продажѣ товаровъ на наличныя деньги въ рядахъ, въ лавкахъ, на рынкахъ, торгахъ и ярмаркахъ, равно какъ и дѣла ремесленниковъ между собою и съ другими, по коимъ плата требуется за личную работу безъ всякой какой-либо поставки матеріаловъ и окредитованія". Эта статья была главною, если не единственною причиною того, что въ нашей судебной практикѣ до сихъ поръ не установилось истиннаго и твердаго понятія торговаго оборота. Разсматривая рѣшенія кассаціоннаго и 4-го департамента правит. сената, касающіяся смысла ст. 1303 и вообще понятія торг. оборота, мы находимъ въ нихъ четыре группы разнорѣчивыхъ рѣшеній:

1) „Къ вѣдомству коммерческаго суда принадлежатъ всѣ дѣла по спорамъ и искамъ по торговымъ оборотамъ, но *изъ числа этого рода дѣлъ*, какъ это явствуетъ изъ ст. 1303 п. 1 того же устава, изъяты дѣла по покупкѣ и продажѣ товаровъ на *наличныя деньги* [2])." Отсюда ясно, что покупку и продажу на наличныя деньги сенатъ относитъ къ торговымъ оборотамъ, но лишь неподсуднымъ коммерческимъ судамъ.

2) „Покупка и заборъ разнаго рода товаровъ въ рядахъ лавкахъ и т. п. на *наличныя деньги* къ числу торговыхъ оборотовъ не относятся и возникающія по нимъ дѣла изъемлются изъ подсудности коммерческому суду" [3]). Изъ этого рѣшенія видно, что сенатъ считаетъ *кредитъ* отличительнымъ и при

[1]) Общ. гер. тор. улож. ст. 271 п. 1 и 2; Code de Comm. art. 633 — 1°; Итальян. тор. улож. art. 2—1°.

[2]) Рѣш. кас. сен. 1867 г. № 299. Р. 4-го д. п. с. №№ 434, 456, 459 и друг.

[3]) Р. к. с. 1868 г. №№ 443, 59; 1869 г. №№ 704, 182. Въ рѣшеніяхъ четвертаго деп. пр. сент. такихъ категорическихъ рѣшеній нѣтъ.

томъ существеннымъ признакомъ торговаго оборота, а, слѣдовательно, гдѣ есть кредитъ, тамъ есть и торг. оборотъ[1]).

3) Въ другихъ рѣшеніяхъ кассац. сенатъ отказывается давать кредиту исключительно-опредѣляющее значеніе для понятія торговаго оборота. Для наличности послѣдняго, кромѣ кредита требуется, чтобы забранный товаръ предназначался для торговли, а не для собственнаго употребленія[2]). Такъ, въ рѣшеніи 1876 г. за № 105 по дѣлу Скачкова съ Симченко правит. сенатъ „нашелъ, что мировой съѣздъ призналъ настоящее дѣло неподсуднымъ мировымъ судебнымъ учрежденіямъ потому только, что товаръ отпускался не наличныя деньги, а въ кредитъ. Такое заключеніе съѣзда нельзя признать правильнымъ, ибо совокупное разсмотрѣніе ст. 1301 и 1303 уст. тор. приводитъ къ заключенію, что дѣла возникающія изъ кредитныхъ отношеній покупки или поставки товаровъ могутъ подлежать разсмотрѣнію ком. суда тогда только, если покупка и поставка дѣйствительно произведены на предметъ торговаго оборота, т. е. если товаръ предназначался для торговли (рѣш. 68 г. № 434, 756; 72 г. № 12 и друг.") И такъ по установившемуся въ настоящее время мнѣнію кассаціоннаго сената „*торговый оборотъ по значенію своему непремѣнно предполагаетъ товаръ, взятый въ кредитъ для торговли*[3])". Трудно объяснить, почему кассаціонный сенатъ считаетъ *кредитъ* такимъ существеннымъ признакомъ торговаго оборота. Его не знаютъ ни европейскія законодательства, ни нашъ торговый языкъ. На языкѣ купцовъ понятіе торговаго оборота вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ опредѣленіемъ, которое выше мы ему дали. Очевидно, признакъ—кредитъ такимъ существеннымъ, опредѣляющимъ своимъ значеніемъ обязанъ темной редакціи ст. 1303, которая вовсе не говоритъ о торговомъ оборотѣ, какъ это мы увидимъ сейчасъ.

---

[1]) Р. к. с. 1867 г. № 92; 1868 г. № 404.

[2]) Р. к. с. 72 г. № 719; 74 г. № 580; 76 г. № 105, а также 68 г. №№ 275. 434.

[3]) Р. к. с. 68 г. № 434.

4) Совершенно правильною мы считаемъ эту послѣднюю категорію рѣшеній. Особенною ясностью и категоричностью отличается слѣдующее рѣшеніе 4-го д. п. сената, въ которомъ читаемъ:„ изъ сопоставленія ст. 1300—1 со ст. 1303 становится очевиднымъ, что первый пунктъ оной, по которому разбору коммерческаго суда не подлежатъ споры по покупкѣ и продажѣ товаровъ на наличныя деньги въ рядахъ, лавкахъ, на рынкахъ и т. п., относится лишь къ тѣмъ случаямъ, когда покупка товаровъ не составляетъ торговаго оборота, т. е. когда товаръ покупается не для торговли, а для собственнаго употребленія [1])".

Всѣ приведенныя мнѣнія прямо или косвенно затрогиваютъ одинъ вопросъ, неправильное и неясное пониманіе котораго служитъ главною причиною, почему наша судебная практика такъ долго колеблется относительно понятія торговаго оборота и его подсудности. Это—вопросъ о характерѣ и отношеніи ст. 1303 къ ст. 1300—1—2 ч. XI т. Такъ, изъ первой категоріи рѣшеній вытекаетъ, что сенатъ въ ст. 1303 видитъ процессуальный законъ въ томъ смыслѣ, что она имѣетъ въ виду лишь вопросъ о подсудности торговыхъ оборотовъ коммерческимъ судамъ, для которой необходима наличность кредита. Слѣдовательно, она не касается матеріальной стороны вопроса, т. е. понятія торговаго оборота. По смыслу же другихъ рѣшеній ст. 1303 выставляетъ *кредитъ*, какъ существенный признакъ торговаго оборота; отсюда покупка на наличныя деньги, хотя бы для продажи, не составляетъ торговаго оборота [2]). По послѣднему же мнѣнію эта статья предполагаетъ тѣ случаи, когда товаръ покупается для собственнаго употребленія, а не для торговли; отсюда въ составѣ торговаго оборота можетъ быть и покупка на наличныя деньги, при чемъ признакъ — *на наличныя деньги*—нисколько не повліяетъ на подсудность исковъ по такой покупкѣ коммерческому суду. Если такъ, то для ка-

---

[1]) Р. 4-го д. п. с. 75 г. № 189, № 435.

[2]) 2 я и 3-я категор. рѣшеній.

кой же цѣли существуетъ п. 1 ст. 1303, когда она ниодной іоты не убавляетъ и не прибавляетъ къ тому, что заключается въ ст. 1301? Въ чемъ же ratio этого закона?

Послѣ того, что нами обнаружино и доказано въ § 6, теперь не представляется особенной трудности раскрыть истинный разумъ и гипотезу ст. 1303.

Выше мы указали и доказали, что, во-1-хъ, въ торговомъ уставѣ и даже въ положеніи о пошлинахъ подъ словомъ—торговля—разумѣется и простая продажа производителей [1]); во-2хъ, въ уставѣ торговомъ юридическія понятія, какъ, напримѣръ, понятія торговли, простой продажи, преимущественно конструируются по внѣшнимъ признакамъ [2]). Въ-3-хъ, нашему законодательству чуждъ методъ исключенія (elimination); вездѣ, гдѣ приходится опредѣлить извѣстное понятіе, законодатель для большей ясности даетъ двойственное опредѣленіе: положительное и отрицательное; тоже при фиксированіи соотносительныхъ понятій: вмѣсто того, чтобы ограничиться опредѣленіемъ одного изъ нихъ, онъ опредѣляетъ оба. Но такой методъ приводитъ его какъ разъ къ тому результату, котораго онъ старался избѣгнуть. Такъ, вмѣсто того, чтобы ограничиться однимъ опредѣленіемъ благопріобрѣтенныхъ имуществъ, законодатель опредѣляетъ и родовыя, вслѣдствіе чего нѣкоторыя имущества нейтрализируются, не подходя ни подъ одно изъ этихъ двухъ опредѣленій [3]). При пріемѣ же исключенія такая нейтрализація немыслима; по этому съ юридической точки зрѣнія этотъ пріемъ имѣетъ за собою несомнѣнныя преимущества [4]). И этотъ недостатокъ нашего законодательства надо имѣть въ виду для уразумѣнія смысла и значенія ст. 1303. Въ-4-хъ, наконецъ, надо помнить, что ст. 1303 есть одна

[1]) Ст. 299 и 301 2 ч. XI т.; ст. 4 п. а пол. о пош. смотри § 6.

[2]) Смотри § 6.

[3]) Держась ст. 397 и 399 I ч. X т., трудно рѣшить, къ какой категоріи отнести имущества, о которыхъ говорятъ ст. ст. 1128, 1130, 994, 967, 1001 I ч. X т.

[4]) Delamarre et Zepoitvin t. 1-er n° 35.

изъ тѣхъ статей свода, которыхъ не было до и во время изданія свода, и въ которыхъ выразилась творческая дѣятельность редакторовъ его; между тѣмъ какъ большинство статей книги I уст. торг., гдѣ смѣшиваются понятія торговли и простой продажи, дѣйствовало до и во время изданія свода и, сообразно съ правилами, составленными Сперанскимъ для руководства при составленіи свода, вошло въ него по необходимости, фатально; ст. 1303 не носитъ на себѣ характера случайности, фатальности, а есть продуктъ сознательной дѣятельности составителей. Она вызвана необходимостью, созданною смѣшеніемъ понятій торговли и простой продажи, но ни чуть не фатально. Составители свода, вѣрно, сознавали это смѣшеніе, и статьею 1303 исключили изъ вѣдомства коммерческихъ судовъ тѣ случаи, которые составляютъ лишь простыя продажи[1]), а не торговлю. Вотъ цѣль и основаніе, для которыхъ существуетъ п. 1 ст. 1303. Поэтому она ни при чемъ ни для опредѣленія понятія торговаго оборота, ни для вопроса о подсудности; далѣе, она ничѣмъ не связана со ст. 1003-1 и, слѣдовательно, не можетъ ихъ ограничивать при вопросѣ о подсудности, или измѣнять общепринятаго понятія торговаго оборота. Обращаясь къ тексту ст. 1303, мы находимъ въ немъ новыя доказательства въ пользу нашего вывода. Признакъ— „*на наличныя деньги*" — есть обыкновенная форма покупки потребителей и продажа производителей. Что же касается „дѣлъ ремесленниковъ между собою и съ другими, по коимъ плата требуется за личную работу, безъ всякой какой либо поставки матеріаловъ и окредитованія", то они на основаніи примѣчанія къ ст. 252 устава ремесленнаго, подлежатъ вѣдомству общихъ судебныхъ мѣстъ. Если же есть поставка матеріаловъ и „*окредитованіе*", то споры по этимъ дѣламъ ремесленниковъ между собою и съ другими будутъ подсудны коммерческимъ судамъ. При этомъ надо замѣтить, что слово—

---

[1]) Ст. 299, 301 2 ч. XI п.

окрэдетованіе—и здѣсь составляетъ внѣшній признакъ, по которому можно заключить съ большею вѣроятностью, что въ данномъ случаѣ есть торговый оборотъ, т. е. продажа для покупки. А чтобы знать навѣрное, есть ли здѣсь торговый оборотъ или нѣтъ, то необходимо константировать, кто доставляетъ предметъ переработки, если ремесленники, то онъ очевидно совершаетъ торговый оборотъ, если же заказчикъ, то ровно никакого оборота не будетъ.

Итакъ, ст. 1303 нисколько не колеблетъ и не можетъ колебать того понятія торговаго оборота, которое мы установили выше, ибо она не находится ни въ какой связи со ст. 1300—2, а имѣетъ свое самостоятельное основаніе и цѣль.

Выяснивши понятіе торговаго оборота, прежде чѣмъ перейти къ объясненію юридическаго характера каждаго изъ звеньевъ одиночнаго оборота, мы остановимся на слѣдующемъ вопросѣ: что можетъ быть предметомъ торговаго оборота?

§ 9. Продолженіе.

Предметъ торговаго оборота.

Предметомъ торговаго оборота, по нашему мнѣнію, можетъ быть всякое имущество, какъ экономическая форма цѣнности, заключающая въ себѣ мѣновую силу и способная измѣряться деньгами. Это мнѣніе, однако, не раздѣляется нетолько положительными законодательствами, но и многими писателями; по-этому-то здѣсь представляется намъ необходимость остановиться на различныхъ категоріяхъ имуществъ немного дольше.

Въ нашемъ торговомъ уставѣ мы не находимъ перечисленія предметовъ торговыхъ оборотовъ. Указанія, или, лучше сказать, намеки на эти предметы разбросаны по различнымъ томамъ свода законовъ; по этому намъ приходится здѣсь только собрать ихъ вмѣстѣ, привести, такъ сказать, въ извѣстность и показать, насколько нашъ уставъ въ этомъ отношеніи согласенъ или расходится съ западными кодексами торговаго права.

Мы разсмотримъ эти предметы по четыремъ категоріямъ

имуществъ: res corporales, res incorporales, авторскія права и трудъ.

I, *Res corporales*—наличныя имущества [1])—части природы. Они дѣлятся на движимыя и недвижимыя. Недвижимость есть участокъ земли [2]), а всякая res, неподходящая подъ это опредѣленіе, будетъ движимость.

а) Теперь вопросъ, всѣ ли вещи этой категоріи могутъ быть предметами торговыхъ оборотовъ? Въ этомъ вопросѣ даетъ себя чувствовать различіе вещей движимыхъ и недвижимыхъ. Во всѣхъ законодательствахъ прямо или косвенно недвижимость исключается изъ числа предметовъ, способныхъ быть предметомъ торговли. Прямо объ этомъ изъятіи говоритъ общегерманское торговое уложеніе, по ст. 275: договоры о недвижимыхъ имуществахъ не принадлежатъ къ торговымъ сдѣлкамъ. Косвенно—нашъ уставъ въ ст. 1425—2 ч. XI т., по которой „къ обязательствамъ торговлѣ свойственнымъ и подлежащимъ вѣдомству коммерческихъ судовъ (ст. 1414) присоединяются договоры о наймѣ магазиновъ, амбаровъ и другихъ строеній, для торговли назначенныхъ". А такъ какъ эта статья составляетъ мѣстное изъятіе для Одесскаго коммерческаго суда, то отсюда, per argumentum a contrario, мы приходимъ къ тому же, что expressis verbis выражено въ приведенной статьѣ обще-герман. уложенія, т. е. что и по нашему праву недвижимость изъята изъ торговаго оборота. Что касается французскаго и итальянскаго кодексовъ, то въ нихъ нѣтъ ни прямаго, ни косвеннаго исключенія недвижимости; но, тѣмъ не менѣе однако, общежитейское значеніе словъ „denrées и marchandises [3])", „derrote и merci [4])"—продукты и товары—, необнимающихъ собою недвижимости и выражающихъ только движимость, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и по этимъ кодексамъ недвижимость не можетъ быть пред-

[1]) Ст. 416—I ч. X т.
[2]) Ст. 384—391—I ч. X т.
[3]) Cod. de Com. art. 632.
[4]) Итал. тор. улож. art. 2—1°.

метомъ торговыхъ спекуляцій. Таково на этотъ вопросъ мнѣніе французскихъ писателей[1]), таковъ взглядъ французскихъ судовъ, но жизнь представляетъ колебанія и сомнѣнія, которыя нерѣдко восходятъ на разсмотрѣніе кассаціонныхъ судовъ, но всегда рѣшаются въ томъ смыслѣ, что недвижимость изъята изъ торговаго оборота[2]). Что касается нашей судебной практики, то въ ней мы не встрѣчаемъ ни одного дѣла, въ которомъ ex professo, или даже по поводу котораго обсуждался бы вопросъ о значеніи недвижимости въ торговомъ оборотѣ. Наше законодательство, подобно французскому и итальянскому, употребляя слово „товаръ" [3]), расчитало на общепонятность его, и, какъ мы видимъ, дѣйствительность вполнѣ оправдала такое предположеніе его. Подъ понятіе — товаръ — недвижимость не подходитъ. Въ практикѣ Одесскаго коммерческаго суда сомнѣнія возникали только относительно того, считать ли торговымъ дѣйствіемъ наемъ всякихъ строеній, предназначаемыхъ для торговли, или только нѣкоторыхъ. Такъ, было сомнѣніе насчетъ найма складовъ[4]), найма магазина, когда изъ него не была производима торговля и т. д. сенатъ рѣшилъ эти вопросы въ томъ смыслѣ, что должно считать торговымъ дѣйствіемъ „наемъ всякихъ строеній для торговли, независимо отъ того была-ли производима изъ того магазина торговля, какъ то предпологалось первоначально или нѣтъ[5])", а иски, вытекающіе изъ таковыхъ отношеній, подсудными коммерческимъ судамъ.

Итакъ, всѣми европейскими законодательствами за недвижимостью не признается способность быть предметомъ торговыхъ дѣйствій. Чѣмъ же объясняется, оправдывается, такая неспособность недвижимости? Во-1-хъ, тѣмъ, что пріобрѣтеніе

---

[1]) Pardessus n° 8. По немъ и товарищество, составленное для покупки и продажи недвижимости не есть торговое. Rivière p. 842. Здѣсь же указан. на Bravard. p. 850, Molinier t. 1-er n° 14.

[2]) Rivière not. 1, p. 842. Picot. p. 548. Pardessus и др.

[3]) Ст. 1301—2 ч. XI т.

[4]) Р. 4-го д. п. с. № 476.

[5]) Р. 4-го д. п. с, № 478.

и сбытъ этого рода имуществъ обставлены массою условій и формальностей, затрудняющихъ быстрое ихъ обращеніе[1]); во-2-хъ, тѣмъ, что „торговля посредничаетъ между потребителемъ и производителемъ, а недвижимости не производится, какъ и не потребляются, а только приспособляются[2])“.

Что касается перваго объясненія, то его можно считать отчасти правильнымъ и то по отношенію только къ нѣмецкому и русскому законодательству, по которымъ торговый оборотъ понимается въ смыслѣ покупки для продажи, а эти послѣдніе акты, дѣйствительно, сопровождаются множествомъ формальностей, мѣшающихъ быстротѣ оборота. По отношенію же къ французскому и итальянскому законодательствамъ, по которымъ вторымъ звеномъ[3]) торговаго оборота можетъ быть нетолько продажа, но и отдача въ наемъ[4]) движимости, купленной или нанятой для этой цѣли, приведенный мотивъ еще менѣе имѣетъ значенія; такъ какъ, если покупка и продажа недвижимости и затруднительны въ томъ смыслѣ, что нелегко во всякое время найти охотниковъ продавать и покупать ее и что для перехода права собственности на нее нужно совершить сложные, формальные акты, то за то наемъ ея менѣе затруднителенъ и дѣлается на болѣе продолжительное время, чѣмъ устраняются частные хлопоты и необходимость въ быстромъ обращеніи.

Со вторымъ объясненіемъ также трудно согласиться, ибо, строго говоря, въ природѣ человѣкъ въ большинствѣ случаевъ ничего не производитъ (создаетъ) и не потребляетъ, а лишь видоизмѣняетъ матерію, приспособляетъ ее такъ, чтобы она могла служить человѣческимъ потребностямъ. А такому видоизмѣненію или приспособленію могутъ подлежать какъ движи-

[1]) Rivière p. 843. Picot. 547 и др.

[2]) Цитовичъ ст. 108.

[3]) По мнѣнію Pardessus (n° 32) и другихъ (смтр. у Rivière'a p. 847 not. 2), даже наемъ для отдачи въ наемъ есть торговый оборотъ, какъ и покупка для найма, такъ какъ здѣсь есть спекуляція.

[4]) Code de com. art. 632—1°. Итал. тор. улож. art. 2—1°.

мость, такъ и недвижимость. Голую землю человѣкъ своимъ трудомъ превращаетъ въ садъ, домъ, пахать, лугъ и т. д.; изъ разныхъ сырыхъ матеріаловъ онъ приготовляетъ себѣ платье, пищу и разные другіе необходимые предметы. Одно, что отличаетъ движимые предметы отъ недвижимыхъ—это способность первыхъ быть перемѣщенными съ одного мѣста на другое въ отличіе отъ послѣднихъ, необладающихъ такою способностью. Это свойство недвижимости приводится какъ третье основаніе, почему она не можетъ быть предметомъ торговли, которая именно направлена на *перемѣщеніе* предметовъ [1]). Это основаніе, какъ указывающее на извѣстный историческій моментъ развитія понятія торговли и торговца, совершенно правильно. Но въ настоящее время понятіе торговца и торговли значительно расширено; теперь торговецъ не тотъ только, кто покупаетъ для продажи, но и тотъ, кто занимается, какъ промысломъ, страхованіемъ, ведетъ банкирскія операціи, содержитъ разныя конторы и т. д. Слѣдовательно, и про этихъ можно сказать, что они занимаются торговлею въ обширномъ смыслѣ [2]). Въ такомъ широкомъ смыслѣ эти слова употреблены и въ нашемъ законодательствѣ [3]), хотя разговорный языкъ еще до сихъ поръ подъ торговцами разумѣетъ только тѣхъ, которые занимаются покупкой и продажей, какъ промысломъ. И такъ, если по современнымъ понятіямъ термины — торговецъ и торговля—могутъ быть употреблены въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не совершается никакого перемѣщенія, то существеннымъ моментомъ понятія торговли признается вообще спекуляція. Отсюда, далѣе, мы могли бы логически правильно заключить, что, гдѣ спекуляція, тамъ и торговля, безразлично, имѣетъ ли она предметомъ движимость или недвижимость. Но такому вполнѣ правильному выводу мѣшаютъ положительныя законодательства, которыя, какъ мы видѣли, изъяли недвижимость изъ числа пред-

---

[1]) Цитовичъ стр. 107.
[2]) Цитовичъ § 27.
[3]) Смотри у Цитовича стр. 171 прим. 2.

метовъ торговыхъ оборотовъ. Истинная причина и объясненіе этого изъятія, по нашему мнѣнію, кроется въ организаціи поземельной собственности [1]) и сословій. Поземельные участки до послѣдняго времени находились или въ общинномъ владѣніи крестьянъ, неимѣвшихъ право отчуждать ихъ, слѣдовательно сдѣлать предметомъ торговаго оборота, или въ частной собственности привиллегированнаго класса, считавшаго и считающаго отчасти еще до сихъ поръ всякую спекуляцію унизительнымъ занятіемъ. Такое положеніе вещей, какъ у насъ, такъ и на западѣ, очевидно, не могло способствовать тому, чтобы и недвижимость вошла въ торговый оборотъ. Отсюда, причины этого явленія должно искать не въ свойствѣ недвижимости, а главнымъ образомъ въ общественныхъ условіяхъ. Съ уничтоженіемъ этихъ условій на западѣ и у насъ все чаще и чаще встрѣчаются случаи спекуляціи на недвижимость не только въ формѣ найма или покупки для отдачи въ наемъ, но и въ видѣ покупки для продажи и наоборотъ; и съ достовѣрностью можно сказать, что недалеко отъ насъ то время, когда коммерціальность будетъ признана положительнымъ правомъ и за этого рода спекуляціей. Это признаніе будетъ концомъ тѣхъ сомнѣній и противорѣчій, которыя не находятъ себѣ убѣдительнаго объясненія въ теоріи, и удовлетвореніемъ требованій логической послѣдовательности, для которой жизнь представляетъ полное основаніе. Такъ, во французской судебной практикѣ былъ возбужденъ слѣдующій вопросъ: нужно ли считать торговымъ предпріятемъ дѣйствія лица, занимающагося покупкою участка земли съ тѣмъ, чтобы продать его, воздвигнувъ на немъ зданіе? Для этой операціи лицо пріобрѣтаетъ нетолько недвижимость, но и разныя движимыя вещи, необходимыя для постройки зданія. Этотъ вопросъ получилъ двоякое рѣшеніе. По мнѣнію однихъ здѣсь нѣтъ торговаго оборота, ибо

---

[1]) Объ историческомъ развитіи частной поземельной собственности въ Россіи смотри у Неволина „Исторія россійскихъ гражданскихъ законовъ“ т. IV главы III и IV.

продаются не движимые предметы, которые были куплены для этой цѣли, а недвижимость, которая не можетъ быть предметомъ торговыхъ дѣйствій. Иное рѣшеніе, по ихъ словамъ, противно бы было тексту ст. 632 и 633 Code de Com. и намѣренію законодателя[1]). По другому мнѣнію, которое раздѣляется и Rivière'омъ, въ данномъ случаѣ есть торговая операція, ибо—на лицо рискъ и шансы торговли. Приведемъ здѣсь аргументацію Rivière'а дословно: „предприниматель, который покупаетъ матеріалы, чтобы продать ихъ послѣ переработки подъ формою зданія, совершаетъ операцію, очевидно, торговую, ибо она представляетъ рискъ и всѣ шансы торговли. Нисколько не важно, что эти матеріалы изъ движимости превращаются въ недвижимость, дѣлаясь составною частью ея. Если предприниматель, профессіонально совершающій постройки на чужой землѣ изъ своихъ матеріаловъ, черезъ это является коммерсантомъ, то ему нельзя давать другой квалификаціи, когда онъ покупаетъ землю съ тѣмъ, чтобы продать ее послѣ обстройки. Въ самомъ дѣлѣ, въ обоихъ случаяхъ онъ продаетъ домъ, т. е. недвижимость. Въ данномъ случаѣ поземельный участокъ является для него существеннымъ средствомъ, но какъ принадлежность (accessoire) для реализаціи предпріятія, которое составляетъ его обыкновенную профессію, которая осложняется частными, побочными операціями, коммерціальная природа которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Спекуляція на постройки, говоритъ кассаціонный судъ, есть главный предметъ операціи, въ которой покупка участка является лишь принадлежностью (accessoire)[2])" Намъ же кажется, съ легальной точки зрѣнія, въ этомъ предпріятіи какъ покупка пустопорожняго участка, такъ равно продажа его, уже застроеннаго, должны считаться гражданскими дѣйствіями; что же касается покупки матеріаловъ для постройки, то она должна быть торговою, такъ какъ предметъ ея движимость, предназначенная для продажи, хотя

---

[1]) Rivière p. 843 not. 1. Paris 15 fevr. 1868.

[2]) Rivière p. 843 not. 2.

въ моментъ продажи она оказывается составною частью недвижимости. Такая введенность движимости въ составъ недвижимости, по нашему мнѣнію, не можетъ измѣнить торговаго характера перваго звена оборота, т. е. покупки матеріаловъ для постройки. Далѣе, мы считаемъ неправильнымъ и отождествленіе разсматриваемаго случая съ договоромъ, обнимающимъ собою подрядъ и поставку; предметомъ этого договора является не недвижимость, не домъ, какъ это думаетъ Rivière, а доставка матеріала и труда и введеніе первыхъ посредствомъ втораго въ составъ земли, результатомъ чего является домъ, каналы, паркъ и т. д.

Итакъ, остается вѣрнымъ, что недвижимость не можетъ быть предметомъ торговаго оборота. Но, разумѣется, отрѣшаясь отъ положительнаго права и исходя лишь изъ понятія торговой спекуляціи, мы должны признать торговымъ всякое дѣйствіе, имѣющіе спекулятивную цѣль, независимо отъ того, что является предметомъ этихъ дѣйствій движимость или недвижимость.

Перейдетъ теперь къ другой категоріи res corporales, къ движимости.

b) *Движимость.* Движимыя вещи являются главными предметами торговли. Исторически съ нихъ начинается торговля; терминъ — товаръ долгое время только къ нимъ прилагается. Но въ настоящее время подъ понятіе товаръ подводятся и предметы нематеріальные, какъ это мы увидимъ ниже.

Нѣмецкое торговое уложеніе, говоря о предметахъ торговаго оборота, употребляетъ слова „товаръ или другія движимыя вещи [1])"; Code de Commerce [2]), итальянское торговое уложеніе [3]) и нашъ уставъ [4]) ограничиваются терминомъ—*товаръ.* Это слово въ разговорномъ языкѣ главнымъ образомъ означаетъ матеріальныя вещи и то не всѣ, какъ, напримр., деньги не называются товаромъ, хотя бы онѣ и составляли предметъ тор-

---

[1]) Ст. 271 п 1.
[2]) Art. 632 „denrées et marchandises".
[3]) Art. 2—1° „derratte и merci".
[4]) Устав. торг. ст. 1301 „товаръ".

говли[1]). Но правильнѣе считать товаромъ все, что является предметомъ торговаго оборота. Въ частности, будутъ движимостью и товаромъ и домъ, покупаемый на сломъ, лѣсъ на срубъ, хлѣбъ на корню и т. д., если только предметъ купли предназначается для продажи. Въ этихъ случаяхъ домъ, лѣсъ, хлѣбъ на корню и т. д. не будутъ недвижимостью, ибо покупаются не участки земли, а матеріалы, плоды, какъ res futurae, въ моментъ покупки механически или органически пока еще связанные съ землею[2]).

§ 10. Продолженіе.

II, *Res incorporales*. Можетъ ли эта категорія имуществъ быть предметомъ торговаго оборота? На этотъ вопросъ теорія и практика даютъ утвердительный отвѣтъ, хотя въ нѣкоторыхъ законодательствахъ о нихъ во все не упоминается. Въ извѣстныхъ намъ кодексамъ о нихъ прямо говорится; въ общегерманскомъ торговомъ уложеніи по ст. 271 п. 1 безусловно-торговыми дѣйствіями признается пріобрѣтеніе государственныхъ бумагъ, акцій и другихъ цѣнныхъ бумагъ, назначенныхъ для торговыхъ сношеній, съ цѣлью ихъ отчужденія. Нѣтъ прямаго указанія во французскомъ и итальянскомъ кодексахъ; въ нихъ, какъ мы знаемъ, встрѣчаются только выраженія „denrées и marchandies,“ „derrotte и merci“. Но французская доктрина и практика расширяютъ понятіе marchandises и подъ него подводятъ государственныя облигаціи, акціи, накладныя (facture)[3]) и другія цѣнныя бумаги[4]). Впрочемъ, нѣкоторые писатели,

---

[1]) Устав. торг. ст. 1301 п. 5; пол. о пош. ст. 2 п. 4; Cod. 632 — 4° Итальян. улож. ard. 2—4°. Нѣмц. торг. улож. 272 п. 2, Pardessus n° 9. и друг. Здѣсь говорится о банковыхъ операціяхъ, въ составъ которыхъ входитъ и размѣнъ денегъ, который есть ничто иное, какъ продажа денегъ, очевидно, купленныхъ.

[2]) Rivière p. 842; Pardessus n° 8; Picot. p. 548; Цитовичъ стр. 115.

[3]) Впрочемъ art. 2—17° италь. улож. считаетъ торговымъ дѣйствіемъ „покупку и продажу акцій торговыхъ обществъ“.

[4]) Rivière p. 845; Pardessus n° 10: Picot. p. 547; у нихъ находимъ ссылки на судебныя рѣшенія.

придерживаясь буквы закона, утверждають, что art. 632 имѣетъ оъ виду лишь только res corporoles, ибо по этой статьѣ торговымъ дѣйствіемъ считается „achat des choses pour les revendre soit en nature, soit après les avoir travaillées et mises en oeuvre, ce qui ne peut evidemment s'apliquer à des créances ou à des rentes sur l'Etat [1])".

Что касается нашего устава, то въ немъ, какъ сказано, мы имѣемъ только слово — товаръ безъ всякаго разъясненія, что должно разумѣть подъ нимъ. Разговорный же языкъ до сихъ поръ понимаетъ подъ нимъ res corporoles [2]). Но, тѣмъ не менѣе однако, нашему законодательству не чуждо понятіе товара въ болѣе широкомъ смыслѣ, обнимающемъ и res incorporales — долговыя имущества [3]). Если на нихъ нѣтъ указанія въ торговомъ уставѣ, то за то мы имѣемъ его въ положеніи о пошлинахъ ст. 2 п. 5, по которой считается торговымъ дѣйствіемъ „содержаніе заведеній для покупки и продажи государственныхъ процентныхъ бумагъ, а также акцій и облигацій акціонерныхъ обществъ или компаній и товариществъ на паяхъ". По нашему мнѣнію, могутъ быть предметомъ торговаго оборота нетолько тѣ цѣнныя бумаги, о которыхъ expressim говорится въ этой статьѣ, но вообще всѣ долговыя обязательства, которыя могутъ быть передаваемы, въ особенности же бумаги на предъявителя. Къ такимъ бумагамъ на предъявителя должны быть отнесены и билеты для входа въ театръ [4]), на концертъ, на проѣздъ по желѣзной дорогѣ, на пароходѣ и т. д.

§ 11. Продолженіе.

III. *Авторскія права.* Могутъ ли эти права быть предметомъ торговаго оборота? Трудно сказать почему нѣтъ. Если

[1]) У Rivière'a p. 844.

[2]) Ст. 401 и princip. 402—I—X.

[3]) Ст. 418 и 402—I—X т., кромѣ закладныхъ на движимыя и недвижимыя имущества, которыя по ст. 1653 и 1679—I—X не могутъ быть передаваемы.

[4]) Спекуляція на эти билеты—нерѣдкое явленіе.

въ нѣкоторыхъ законодательствахъ, какъ, напримѣръ, во французскомъ и итальянскомъ, о нихъ и помину нѣтъ, то за то нѣтъ и прямыхъ запрещеній. Далѣе, если понятія marchandises, merci, распространяютъ и на res incorporales, то не понятно, почему сюда не могутъ отнестись авторскія права, которыя имѣютъ больше точекъ соприкосновенія съ правомъ собственности, чѣмъ права долговыя. По этому мы вполнѣ согласны съ тѣми писателями, которые и за этими правами признаютъ способность быть предметомъ торговыхъ оборотовъ [1]), тѣмъ болѣе они, т. е. авторскія права, такъ же могутъ быть продаваемы, покупаемы и т. д., какъ и всякое другое имущество, разумѣется, если только въ законахъ нѣтъ прямаго запрещенія относительно ихъ отчуждаемости. Обращаясь къ жизни, мы находимъ въ ней довольно частую торговую спекуляцію на авторскія права. Такова дѣятельность издателей, которые покупаютъ авторское право или права изданія съ тѣмъ, чтобы, повторивъ форму манускрипта въ извѣстномъ количествѣ экземпляровъ, получивъ такимъ образомъ опредѣленное количество res carporoles, продать его съ барышемъ. Здѣсь издатель совершаетъ оборотъ, состоящій въ покупкѣ для продажи послѣ переработки. Но можетъ быть и продажа купленнаго для этой цѣли авторскаго права, такъ сказать, въ чистомъ, безтѣлесномъ видѣ, т. е. не въ видѣ res corporales, а какъ право. Это бываетъ тогда, когда между авторомъ и издателемъ стоитъ третье лицо спекулянтъ, который, купивши у перваго право изданія, уступаетъ его второму [2]). Мы здѣсь понимаемъ авторскія права въ самомъ широкомъ смыслѣ: сюда относятся права собственности художественной, музыкальной, литературной [3]), права собственности на рисунки и модели [4]), такъ называемыя привиллегіи [5]), и, наконецъ, право фирмы

---

[1]) Pardessus n° 9. Цитовичъ стр. 131.
[2]) Рѣш. гр. кас. др. сент. 1868 г. № 552.
[3]) Ст. 420—I—X—прим. 2 е.
[4]) Ibid. прим. 4-е.
[5]) Ст. 125—168 уст. о промыш. фабрич. и заводск. т. XI ч. II.

и clientele d'un magasin — постоянные покупатели магазина.

Мы сказали, что въ Code de Com. и въ итальянскомъ торговомъ уложеніи объ авторскихъ правахъ нѣтъ ни слова, но, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые писатели, какъ, напримѣръ, Pardessus, и отчасти судебная практика подъ понятіе marchandises подводятъ и авторскія права. Что же касается общегерманскаго торговаго уложенія, то въ немъ мы имѣемъ одну статью, по которой сдѣлки по изданіямъ (Verlagsgechäfte)[1]) относятся къ торговымъ дѣйствіямъ, но къ такимъ, которыя получаютъ коммерціальность отъ промысловаго веденія ихъ. Очевидно, и здѣсь нѣтъ прямаго отвѣта на вопросъ, могутъ ли авторскія права быть предметомъ торговаго оборота. Приведенная статья намекаетъ только на тѣ авторскія права, къ которымъ приложимо понятіе изданія, а не на всѣ; она не обнимаетъ авторскихъ правъ на произведенія отражающей формы, на модели, рисунки и такъ называемыхъ привиллегій.

Подробнѣе остановимся на нашемъ правѣ.

Въ торговомъ уставѣ мы имѣемъ ст. 753, по которой „общества, составляющіяся для изданія книгъ или иныхъ произведеній наукъ и словесности, входятъ въ разрядъ торговыхъ компаній, и касательно раздѣла выручаемой ими отъ продажи прибыли, подчиняются существующимъ на сіе узаконеніямъ". Въ чемъ заключается дѣятельность такихъ обществъ, изъ какихъ операцій она слагается? Главнымъ образомъ изъ двухъ: покупки права изданія, т. е. размноженія формы психическаго творчества въ количествѣ экземпляровъ, договоромъ опредѣленномъ; во 2-хъ, продажи купленнаго права, воплощеннаго, принявшаго матеріальную форму, ставшаго res corporales; но можетъ быть и продажа права изданія. Въ послѣднемъ случаѣ дѣятельность общества ограничивается лишь двумя актами: покупкою и продажею; въ первомъ же—она осложнится разными другими побочными сдѣлками, относимыми къ главному обороту, какъ не-

[1]) Общ. гер. тор. улож. ст. 272 п. 5.

обходимыя условія его реализаціи. Таковы сдѣлки общества съ типографщикомъ, съ продавцомъ бумаги и т. д.

И такъ главная дѣятельность обществъ по ст. 753 состоитъ въ покупкѣ и реализаціи авторскаго права. Но возможна ли такая покупка? Разумѣется, да; иначе ст. 753 была бы мертвою буквою. Авторскія права могутъ быть свободно пріобрѣтаемы и отчуждаемы, какъ всякое вещное право [1]). Одно, чѣмъ они отличаются отъ права собственности, это—ихъ срочность [2]), тогда какъ послѣдніе безсрочно [3]). Для наличности торговаго оборота авторскими правами, кромѣ покупки и продажи, необходима еще спекулятивная цѣль. Въ ст. 753 мы имѣемъ указаніе на такую цѣль въ словахъ: „раздѣлъ вырученной ими отъ продажи *прибыли* производится и т. д." И такъ эта статья даетъ намъ полное понятіе торговаго оборота, предметомъ котораго является *авторское право.* По этому мы съ увѣренностью можемъ сказать, что по нашему праву способность этого рода правъ быть предметомъ торговаго оборота не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Но статья 753 говоритъ о „произведеніяхъ наукъ и словесности"; не исключаются ли тѣмъ самимъ остальные виды авторскихъ правъ? Нѣтъ, по слѣдующимъ соображеніямъ: Во 1-хъ, различные виды авторскихъ правъ ни чѣмъ юридически не отличаются другъ отъ друга; по этому, пока нѣтъ въ законахъ прямаго изъятія для того или другаго вида ихъ, мы не имѣемъ никакого основанія дѣлать между ними какое-бы-то ни было различіе, напротивъ, мы должны толковать ст. 753 въ экстензивномъ смыслѣ. Во 2-хъ, ст. 753 не можетъ служить основаніемъ вывода per argumentum a contrario, ибо она не есть исключеніе изъ какого-нибудь общаго правила, а скорѣе имѣетъ экземплярное значеніе. Въ 3-хъ, для возможности оборота имущественными правами существеннымъ условіемъ является *передаваемость* и отсюда *пріобрѣтаемость*

[1]) Уств. цензур. ст. 282—356; также ст. 420 прч. 2 I—X т.
[2]) Уств. цензур. 308, 347.
[3]) Ст. 420—I—X т.

ихъ; а эти свойства нашимъ правомъ признаются за всѣми авторскими правами безъ различія. Пріобрѣтать авторское право—не значитъ пріобрѣтать книгу, картину, модель, рисунокъ и т. д. и наоборотъ; а значитъ пріобрѣтать право повторенія формы того или другаго вида психическаго творчества. А для чего? Очевидно, для продажи его въ видѣ res corporales — книгъ, картинъ и т. д. Другаго мотива у лица, пріобрѣтающаго авторское право, допустить мы не можемъ. Отсюда, признаніе со стороны законодательства передаваемости авторскихъ правъ создаетъ для нихъ нетолько возможность, но, такъ сказать, *должность* — необходимость быть предметомъ торговаго оборота, разъ они возмездно отчуждены авторомъ. Всякое такое пріобрѣтеніе этихъ правъ есть торговое дѣйствіе, пока противное не будетъ доказано; между тѣмъ, совершенно противоположная презумпція существуетъ относительно пріобрѣтенія res corporales: здѣсь такое пріобрѣтеніе презумируется гражданскимъ дѣйствіемъ, пока противное не будетъ доказано. Отсюда ясно, что́ должно быть предметомъ доказыванія и на комъ лежитъ onus probandi въ первомъ и во второмъ случаѣ. И такъ, авторскія права нетолько не лишены способности быть предметомъ торговаго оборота, но даже представляютъ идеальную полноту этой способности. Въ самомъ дѣлѣ, другія категоріи имуществъ могутъ быть пріобрѣтаемы и для собственнаго употребленія, но авторскія права преимущественно для продажи.

Въ частности, что касается *фирмы*, то по совершенно правильному мнѣнію однихъ она также можетъ быть предметомъ торговыхъ оборотовъ[1]; по мнѣнію же другихъ—нѣтъ[2]. Подъ понятіе фирмы въ обширномъ смыслѣ, мы подводимъ и понятіе clientelle — посѣщеніе торговаго заведенія большимъ или меньшимъ числомъ покупателей.

§ 12. Продолженіе.

IV. *Трудъ*. Наше разсмотреніе различныхъ категорій иму-

---

[1]) Pardessus n° 9.
[2]) Rivière p. 866.

ществъ со стороны ихъ способности быть предметомъ торговыхъ оборотовъ было бы неполно, если бы мы, по примѣру нѣкоторыхъ писателей, обошли другую форму цѣнности, которая также является объектомъ разныхъ юридическихъ дѣйствій. Это—трудъ. Трудъ, какъ „проявленіе человѣческой дѣятельности, сопровождающееся усиліемъ воли и напряженіемъ личныхъ силъ человѣка"[1]) не можетъ быть предметомъ господства; чтобы пріобрѣсти господство надъ трудомъ, нужно получить господство надъ самимъ человѣкомъ[2]). Но современная цивилизація уничтожила рабство, а вмѣстѣ съ этимъ погибла возможность господства надъ человѣкомъ, и, слѣдовательно, и надъ трудомъ. Въ настоящее время свобода личности сдѣлалась краеугольнымъ камнемъ всѣхъ европейскихъ государствъ, исходнымъ пунктомъ и конечною цѣлью современныхъ законодательствъ. Гарантіей принципа свободы личности являются законы уголовные и отчасти гражданскіе, а также современныя понятія и нравы, выросшіе на почвѣ этого принципа. Такъ, по ст. 1410 улож. о наказ. продажа лица въ рабство составляетъ преступленіе, ведущее за собою строжайшее изъ наказаній — лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылку въ каторжныя работы; по ст. 2203 I ч. X т. „не могутъ быть отдаваемы въ наемъ дѣти родителями, жены мужьями безъ собственнаго ихъ согласія". Послѣдняя статья прямо касается того вопроса, который насъ теперь занимаетъ. Въ ней рельефно отражается принципъ личности, значеніе личной воли, которая одна можетъ обязать ея носителя совершать то или другое дѣйствіе, предоставить трудъ и т. д. Статья 2203 касается той сферы, которая у насъ главнымъ образомъ основана и держится на нравственныхъ началахъ; если законодатель заботится о гарантіи личности дѣтей отъ произвола родителей, то, безъ сомнѣнія, еще болѣе гарантіи нужно противъ произвола постороннихъ, въ которыхъ моральныя требованія по отношенію къ

[1]) Лек. граж. пр. Цитовичъ стр. 36.
[2]) Ibid. стр. 37.

жертвѣ ихъ произвола по силѣ энергіи не могутъ сравняться съ таковыми въ родителяхъ или вообще родственникахъ.

Послѣ только что сказаннаго покажется страннымъ вопросъ о томъ, можетъ ли трудъ быть предметомъ торговли. По видимому, отрицательный отвѣтъ на него данъ въ предъидущихъ строкахъ. Но постановка того же вопроса въ нѣсколько иной формѣ нетолько не сдѣлаетъ его излишнимъ, но даже вызываетъ насъ на положительный отвѣтъ, котораго при первой постановкѣ мы не рѣшились бы допустить. Такъ, можетъ ли быть спекуляція на трудъ? Дѣйствительность и положительныя законодательства вмѣстѣ съ нами отвѣчаютъ — да. „Если по строгости права, говоритъ Pardessus, и можно сказать, что трудъ и искусство человѣка, не будучи въ состояніи сдѣлаться собственностью другаго, неспособны быть предметомъ торговли, то невозможно, однако, не видѣть въ томъ, кто нанимаетъ трудъ и искусство многихъ лицъ, чтобы черезъ нихъ получить барышъ, спекулянта, который отдаетъ въ наемъ то, что нанято, и тѣмъ совершаетъ дѣйствительную торговлю и спекуляцію [1]“.

Иллюстрація этого отвѣта для насъ послужитъ основаніемъ весьма важныхъ выводовъ, по этому остановимся на немъ нѣсколько больше.

Что же такое спекуляція на трудъ? Подъ этою спекуляціей разумѣютъ *наемъ личнаго труда для отдачи въ наемъ.* Это понятіе, какъ и многія другія, въ нашемъ законодательствѣ не получило опредѣленія, почему наша задача еще болѣе осложняется.

Возможна-ли такая операція по нашему дѣйствующему праву? Мы сказали, что и съ точки зрѣнія нашего права не мыслимо господство надъ человѣкомъ и надъ его трудомъ. Далѣе, и наше право признаетъ въ извѣстныхъ предѣлахъ свободу дѣйствій—обнаруженій воли. Эта-то воля является о-

[1]) Pardessus n° 35.

предѣляющею въ юридическихъ отношеніяхъ [1]). По ст. 1530 I ч. X т. „договаривающимъ сторонамъ оставляется на волю включать въ договоръ по обоюдному согласію и по ихъ усмотрѣнію всякія условія, законамъ непротивныя". Отсюда, при наймѣ труда ничто не мѣшаетъ контрагентамъ внести въ договоръ условія [2]), въ силу которыхъ нанимающій имѣлъ бы право нанявшагося отдавать въ наемъ. Въ однихъ случаяхъ этого рода условія сами собою подразумѣваются, таковы наймы для „отправленія ремесленныхъ и заводскихъ работъ" [3]) и вообще тамъ, гдѣ спекулятивная цѣль не можетъ быть неизвѣстна нанимающемуся; въ другихъ же случаяхъ это условіе должно быть выражено expressis verbis, напримѣръ, нанявши человѣка для собственныхъ домашнихъ услугъ [4]), я не могу отдавать его въ наемъ другому, если между нами это не было условлено [5]). И такъ, на поставленный выше вопросъ получается отвѣтъ утвердительный. Но не будетъ ли здѣсь господство надъ человѣкомъ или надъ его трудомъ, распоряженіе чужою личностью? Нисколько; ибо воля нанимающагося, а не чужая, создаетъ для него юридическое положеніе, при которомъ его трудомъ распоряжается другое лицо; но это распоряженіе не есть произвольное, безправное, а опирается на волю нанявшагося же лица; оно также не есть безграничное: предѣлы и направленіе его обозначены, строго фиксированы, договоромъ найма. Другое дѣло — покупка и продажа лица въ рабство. Онѣ абсолютно запрещены правомъ подъ страхомъ наказанія. Здѣсь воля лицъ, контрагентовъ, безсильна; ея творческая сила отрицается правомъ; никакой договоръ не въ силахъ установить отношеніе, въ которомъ одно лицо является господиномъ, другое — его рабомъ.

---

[1]) Ст. 569, 570, 1528, 1530 I ч. X т.

[2]) Ст. 2228 I ч. X т. Возможныя ограниченія воли контрагентовъ выставлены въ ст. 1529; въ частности, относительно личнаго найма ст. 2214, 2215, 2216, 2222 I ч. X; за предѣлами этихъ статей въ договоръ личнаго найма могутъ быть внесены съ взаимнаго согласія сторонъ всякія условія.

[3]) Ст. 2201 I ч. X т.

[4]) Ст. 2201 п. 1. I ч. X т.

[5]) Ст. 1514 I ч. X.

Мы доказали, что спекуляція на трудъ, иначе, наемъ труда для отдачи въ наемъ по нашему праву возможна.

Въ чемъ же заключается суть этой спекуляціи и изъ какихъ элементовъ она состоитъ? Для существованія этой спекуляціи, какъ и вообще всякаго торговаго оборота, необходимымъ условіемъ является наличность въ обществѣ трехъ категорій лицъ: представителей—*носителей* труда, *нуждающихся* въ трудѣ и *спекулянтовъ*—посредниковъ между первыми. Спекулянтъ, становясь между носителями труда и ищущими его, мѣшаетъ имъ непосредственно сойтись вмѣстѣ, нанимаетъ трудъ первыхъ для отдачи въ наемъ вторымъ. Разумѣется, онъ беретъ на себя такую роль, избираетъ такую дѣятельность, не безъ цѣли, не даромъ. Его намѣреніе направленно на барышъ—на разницу между двумя наемными платами. Величина этого барыша зависитъ отъ удачнаго выполненія двухъ актовъ найма.

Сравнивая теперь эту спекуляцію съ торговымъ оборотомъ, предметомъ котораго является res, мы находимъ между ними большую аналогію, если не тождество; въ наличности всѣ основные элементы и моменты понятія торговаго оборота, съ тою лишь разницею, что въ спекуляціи на трудъ звеньями являются не покупка и продажа, а наемъ и отдача въ наемъ. Поэтому, не подходя подъ понятіе оборота въ смыслѣ покупки для продажи, эта спекуляція составляетъ особый видъ торговаго оборота въ смыслѣ *найма для найма* [1]). Далѣе, въ виду полной аналогіи найма труда съ наймомъ имущества, мы имѣемъ основаніе утверждать, что и наемъ движимости для отдачи въ наемъ долженъ считаться торговымъ оборотомъ.

Изъ опредѣленія этого новаго вида торговаго оборота сами собою вытекаютъ слѣдующія консеквенціи: Не можетъ быть торговымъ дѣйствіемъ отдача въ наемъ своего труда и своего имущества, ибо объектомъ сдѣлки является не нанятый трудъ или имущество, а свой собственный; это — ничто иное, какъ

---

[1]) Pardessus n° 32; Rivière p. 847; этотъ ссылается на Merlin'а и Vincens'а.

эксплоатація—извлеченіе выгодъ—изъ своихъ личныхъ и имущественныхъ силъ [1]). Такъ, наемъ ремесленникомъ или вообще всякимъ лицомъ своего личнаго труда не будетъ торговымъ оборотомъ [2]); иначе пришлось бы считать спекулянтомъ всякаго, кто только упражняетъ свои способности въ формѣ отдачи въ наемъ: рабочаго, профессора, адвоката и т. д.

Торговый оборотъ, какъ *наемъ для найма*, въ такомъ чистомъ видѣ въ жизни встрѣчается довольно рѣдко, а въ законодательствахъ онъ является туманнымъ и неяснымъ. По этому для иллюстраціи этого понятія намъ приходится входить въ подробности, нѣсколько уклоняющія насъ отъ нашей цѣли. Оставляя на сторонѣ область свободныхъ профессій, разсмотримъ различныя комбинаціи труда въ сферѣ механическихъ искусствъ (ремеселъ), ибо здѣсь наичаще встрѣчается спекуляція на трудъ вмѣстѣ со спекуляціею на вещи, а также въ отдѣльности. Механическія искусства въ нашемъ законодательствѣ носятъ различныя наименованія, взятыя или отъ способа упражненія ихъ — „рукодѣлія“ [3]) или отъ лица — „мастерство“ [4]), или просто называются „ремеслами“ [5]), „промыслами“ [6]); а при значительномъ размѣрѣ упражненія этихъ ис-

---

[1]) Мы осмѣливаемся утверждать, вопреки мнѣнію французскихъ писателей, а также установившемуся взгляду судебной практики, что покупка для найма (art. 632 п. 1 Cod. d. Com. и art. 2—1° итальян. торг. улож.) должна считаться торговымъ дѣйствіемъ лишь тогда, когда вещь покупается для употребленія въ торговой промышленности. Такъ, фабрикантъ, заводчикъ покупаютъ машины, орудія, содержатель гостиницы—мебель и т. д. Слѣдовательно, только покупка торговца для найма есть торговое дѣйствіе. Что же касается до одиночной покупки для найма, то она должна быть разсматриваема какъ помѣщеніе капитала (placement), какъ видъ отдачи капитала на проценты. Моментъ риска, который отчасти является въ этой сдѣлкѣ, не въ состояніи одинъ, безъ наличности другихъ признаковъ, придать ей коммерціальность. Такой же рискъ можетъ быть въ отдачѣ денегъ на проценты, такъ когда заемное обязательство ни чѣмъ не обезпечено, кредиторъ рискуетъ потерять нетолько проценты, но и капитальную сумму. И такъ по нашему мнѣнію не можетъ быть торговаго оборота въ смыслѣ покупки для найма.

[2]) Пол. о пош. ст. 4 примч. 1 къ п. *е*.

[3]) Уст. Рем. ст. 5.

[4]) Ст. 5 ib.

[5]) Ст. 1 ib.

[6]) Ст. 6 ib.

куствъ, являются понятія „ремесленныхъ заведеній“ [1]), „мануфактуръ, фабрикъ и заводовъ“ [2]), которые „отличаются отъ ремеселъ и тѣмъ, что имѣютъ въ большомъ видѣ заведенія и машины; у ремесленниковъ же нѣтъ ихъ, кромѣ ручныхъ орудій и инструментовъ“ [3]).

Что же такое ремесло? „Подъ именемъ ремеслъ разумѣются занятія, имѣющія предметомъ обработываніе вещей посредствомъ ручной работы“ [4]).

Надо замѣтить, что эти названія не имѣютъ значенія установившихся терминовъ, и тѣ легальныя опредѣленія, которыя мы только что привели, не могутъ претендовать на ясность и полноту: они построены на несущественныхъ признакахъ. Оставивши въ сторонѣ вопросъ о терминологіи, мы разсмотримъ слѣдующіе два вида упражненія промысла: „*Занятіе ремесломъ въ качествѣ хозяевъ безъ наемныхъ рабочихъ*“ [5]) *и занятіе въ качесствѣ хозяевъ съ наемными рабочими.*

1) Въ первомъ случаѣ лицо, занимающееся ремесломъ— ремесленникъ — или исполняетъ работы за вознагражденіе, за чужой счетъ и изъ чужаго матеріала — тогда онъ не совершаетъ никакого торговаго дѣйствія—, или принимаетъ заказы изъ своего купленнаго матеріала [6]), тогда онъ является не просто ремесленникомъ, а ремесленникомъ-торговцомъ [7]), ибо онъ совершаетъ торговые обороты въ формѣ покупки для продажи послѣ переработки [8]). Не противорѣчитъ ли нашему мнѣнію и другъ другу ст. 46 пол. о пош., ст. 1 уст. ремес. сопоставленая

---

[1]) Ст. 1 прим. 1 ib.
[2]) Ст. 2 уст. фабрч.
[3]) Ст. 2 ib.
[4]) Ст. 1 уст. Рем.
[5]) Ст. 46 пол. о пош.
[6]) Смотри ст. 1 и прч. 1 уст. Рем. и сравни со ст. 46 пол. о пош. и пр. 2.
[7]) Такаго термина нѣтъ у насъ. Французы въ такихъ случаяхъ къ названію ремесла обыкновенно прибавляютъ слово marchand., напр., marchand-tailleur и т. д.
[8]) Ст. 1301 п. 2 уств. торг.; Code de Com. art. 632 п. 1; Итал. тор. улож. art. 2 п. 1; общ. герман. тор. улож. ст. 271 п. 1.

съ примѣч. къ ней? Нѣтъ, изъ примѣчанія къ ст. 1 уст. рем. a contrario можно вывести, что занятіе ремесломъ не есть торговое дѣйствіе, а по ст. 46 „мѣщане и цеховые мужескаго пола, которые занимаются ремеслами въ качествѣ хозяевъ безъ наемныхъ рабочихъ съ помощью однихъ только членовъ своего семейства, если не имѣютъ свидѣтельства на мелочной торгъ, обязаны брать свидѣтельства на мѣщанскій промыселъ"; тоже вытекаетъ a contrario изъ ст. 1303 уст. тор, т. е. занятіе ремесломъ есть торговое дѣйствіе. По нашему мнѣнію выводъ изъ примѣчанія 1 къ ст. 1 уст. рем. должно считатъ правильнымъ на столько, на сколько имѣется въ виду занятіе ремесломъ безъ доставки ремесленникомъ матеріала. Статьи 46 и 1303 предполагаютъ тѣ случаи, гдѣ, кромѣ труда есть также доставка матеріала, иначе, гдѣ лицо не есть просто ремесленникъ, а, такъ сказать, *ремесленникъ-торговецъ.*

2) *Занятіе ремесломъ въ качествѣ хозяевъ съ наемными рабочими*". Здѣсь мы встрѣчаемся съ понятіями: „ремесленное заведеніе", „мастерская", „фабрики", „заводъ" и др. Эти слова выражаютъ только различный объемъ одного и того же понятія—ремесленное заведеніе, по этому мы будемъ употреблять терминъ — ремесленное заведеніе въ общемъ смыслѣ. И такъ, что такое заведеніе? Заведеніе есть веденіе ремесла совокупными силами, трудами нѣсколькихъ лицъ. Отсюда въ заведеніи будетъ прежде всего *составъ лицъ*, носителей труда. Въ отношеніяхъ между этими лицами могутъ быть различныя комбинаціи. Такъ:

а) Всѣ лица находятся въ одинаковомъ положеніи, въ одинаковомъ отношеніи къ данному ремесленному предпріятію. между ними нѣтъ противоположеній хозяевъ и рабочихъ; здѣсь мы будемъ имѣть простую ассоціацію рабочихъ, которая не совершаетъ никакихъ торговыхъ дѣйствій, если только является представительницею труда, прилагаемаго по найму къ чужому матеріалу за извѣстное вознагражденіе. По этому не суть торговыя товарищества и не совершаютъ никакого торговаго дѣйствія артели рабочихъ, ремесленниковъ и др. Если поло-

жительное законодательство и считаетъ биржевыя артели торговыми установленіями[1]), а артельщиковъ подчиняетъ торговымъ судамъ[2]), то это не потому, что они являются спекулянтами, а потому, почему признаются торговыми лицами, подвѣдомственными коммерческимъ судамъ, прикащики, диспашеры, маклера и др.[3]), именно, за ихъ близкое отношеніе къ торговымъ дѣламъ и вообще за содѣйствіе торговлѣ[4]).

b) Но можетъ быть и другая комбинація въ этомъ составѣ лицъ: одно или нѣсколько изъ нихъ являются хозяевами, содержателями заведеній, другія наемными рабочими въ обширномъ смыслѣ слова; такъ, сюда относятся механики, техники, ремесленники, чернорабочіе и др. Теперь если предположимъ, что матеріалы для работъ доставляются не хозяевами—содержателями заведеній, а заказчиками, то у насъ получится спекуляція на трудъ въ чистомъ видѣ[5]), т. е., торговый оборотъ, предметомъ котораго является трудъ. При этомъ, разумѣется, безразлично, имѣетъ ли хозяинъ заведенія техническія познанія по тому ремеслу, которымъ онъ спекулируетъ и принимаетъ ли самъ участіе въ работахъ, или нѣтъ. Но въ такомъ чистомъ видѣ спекуляція на трудъ встрѣчается довольно рѣдко; обыкновенно, къ ней присоединяется торговый оборотъ въ смыслѣ покупки для продажи послѣ переработки. На эту-то переработку идетъ нанятый трудъ. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ мы будемъ имѣть оборотъ, торговый по двумъ основаніямъ: какъ спекуляцію на *трудъ* и на *вещи*. A priori трудно рѣшать, какая изъ этихъ спекуляцій составитъ главный оборотъ, какая побочный.

Такая скомбинированность друхъ видовъ оборотовъ въ дѣйствительности довольно неблагопріятно отразилась въ поло-

---

1) Ст. 2409 и слѣд. уст. тор.
2) Ст. 1302 п. 1, ib.
3) Ст. 1302 пп. 1 и 4 ib.
4) Delamarre et Lepoitrin p. 35 n° 4; Pardessus n° 37 и 41; Rivière p. 857.
5) Ст. 272 п. 1 общ. гер. тор. улож.

жительныхъ законодательствахъ, въ которыхъ спекуляція на трудъ не оттѣнена отъ спекуляціи на вещи. Изъ европейскихъ законодательствъ только нѣмецкое ясно формулируетъ понятіе перваго рода спекуляціи. Что касается нашего устава, то, хотя въ немъ мы не находимъ такого экспрессивнаго указанія па эту спекуляцію, тѣмъ не менѣе однако, онъ, какъ это увидимъ сейчасъ, также признаетъ ее какъ торговый оборотъ.

И такъ, приступимъ къ изслѣдованію понятія спекуляціи на трудъ по нашему законодательству.

По положенію о пошлинахъ къ торговымъ дѣйствіямъ относятся: „содержаніе ремесленныхъ заведеній [1]), фабрикъ и заводовъ всякаго рода, а также нѣкоторыхъ сельско-хозяйственныхъ заведеній, какъ-то: мукомольныхъ мельницъ, маслобоенъ, лѣсопиленъ и кирпичныхъ заводовъ“ [2]); содержаніе извозчичьихъ заведеній [3]), содержаніе мельницъ вѣтряныхъ и водяныхъ въ городскихъ поселеніяхъ [4]), подрядъ [5]) и др.

Разберемъ тѣ изъ приведенныхъ случаевъ, въ которыхъ яснѣе проглядываетъ то положеніе, что законодатель причислилъ ихъ къ торговымъ дѣйствіямъ лишь по тому, что они составляютъ спекуляцію на трудъ.

Сельскіе обыватели, занимающіеся ремеслами безъ наемныхъ работниковъ, освобождаются отъ взятія свидѣтельства на мѣщанскій промыселъ; если же они имѣютъ наемныхъ работниковъ, то обязаны брать свидѣтельства [6]).—Очевидно потому, что здѣсь будетъ спекуляція на трудъ [7]).

---

[1]) Примѣч. 1 къ ст. 1 уст. рем.

[2]) Ст. 37, примѣч. 1 уст. фабр.; ст. 2 п. 9 пол. о пош.

[3]) Ст. 2 п. 10; ст. 4 п. е пол. о пош.

[4]) A contrario изъ ст. 7 ib.

[5]) Ст. 2 п. 11 и ст. 16 пол. о пош.; ст. 1738 п. 1, 1770, 1740, 1743, 1781, 1737, 1803 I ч. X т.

[6]) Примѣч 2 къ ст. 46 пол. о пош.

[7]) Надо замѣтить, что въ деревняхъ ремесленники занимаются своимъ ремесломъ не постоянно, а въ случаѣ представленія работы, и при томъ работаютъ большею частью за вознагражденіе и изъ чужаго матеріала. Наличность же наемныхъ работниковъ указываетъ на непрерывность занятія и отчасти на то, что заказы исполняются ими изъ своего матеріала.

Содержаніе сельско-хозяйственныхъ заведеній, какъ-то: мукомольныхъ мельницъ, маслобоенъ и т. д. считается торговымъ дѣйствіемъ [1]). Но, если эти заведенія содержатся внѣ городскихъ поселеній для переработки матеріаловъ собственнаго или мѣстнаго сельскаго хозяйства и если имѣютъ не болѣе 16 работниковъ, то освобождаются отъ платежа пошлинъ [2]). — Очевидно потому, что они служатъ средствами эксплоатаціи имѣнія, а 16 работниковъ составляютъ maximum рабочей силы, предполагаемой достаточною для пользованія этими средствами. А если рабочихъ болѣе 16? Тогда содержатель этихъ заведеній долженъ взять торговое свидѣтельство, что само собою вытекаетъ a contrario изъ ст. 6 пол. о пош. Но почему же, вѣдь, онъ перерабатываетъ все же матеріалъ некупленный, и отъ собственнаго сельскаго хозяйства? А потому, что, хотя онъ, дѣйствительно, не совершаетъ торговаго оборота въ смыслѣ покупки для продажи послѣ переработки но зато совершаетъ оборотъ въ формѣ найма труда для отдачи въ наемъ, иначе, онъ спекулируетъ на трудъ; ибо, по мысли законодателя, наемъ работниковъ выше 16 человѣкъ, должно служить обнаруженіемъ спекулятивнаго намѣренія лица; съ увеличеніемъ числа рукъ центръ тяжести предпріятія переносится на трудъ, который и характеризуетъ занятіе какъ торговое.

Къ торговымъ дѣйствіямъ, далѣе, относятся: извозничество [3]), содержаніе извощичьихъ заведеній для легкой и ломовой ѣзды, но не извозный промыселъ, которымъ извощикъ занимается *лично — безъ наемныхъ рабочихъ* [4]). Очевидно, и здѣсь содержаніе извощичьихъ заведеній признается торговымъ дѣйствіемъ лишь только потому, что оно представляетъ спекуляцію на трудъ — наемъ труда для отдачи въ наемъ.

---

[1]) Ст. 2 п. 9 пол. о пош.
[2]) Ст. 6 ib.
[3]) Ст. 2 п. 10 пол. о пош.
[4]) Ст. 4 п. *е*, сопоставленный съ примѣч. къ нему ib.

Къ торговымъ дѣйствіямъ нашъ законъ относитъ также „заключеніе между частными лицами договоровъ о *поставкѣ товаровъ и о подрядахъ*“ [1]). Эти два понятія: поставка и подрядъ отличаются большою неопредѣленностью и неясностью какъ на житейскомъ языкѣ, такъ и въ законодательствѣ. Нашъ десятый томъ употребляетъ ихъ почти всегда вмѣстѣ или какъ синонимы [2]), или какъ понятія различныя [3]), или, наконецъ, подрядомъ считаетъ договоръ, соглашеніе, форму договора, содержаніемъ котораго является поставка предметовъ [4]). Но, на самомъ дѣлѣ, эти слова выражаютъ собою понятія существенно различныя: поставка, приближаясь болѣе къ договору запродажи, имѣетъ своимъ предметомъ *доставку матеріаловъ, припасовъ и вещей* [5]); между тѣмъ какъ подрядъ, примыкая скорѣе къ договору найма, состоитъ въ *доставкѣ труда* — производствѣ всякихъ работъ: въ постройкѣ, починкѣ, ломкѣ зданій и т. д., въ перевозкѣ людей, тяжестей сухимъ путемъ и водою [6]). Обязательство будетъ поставкою [7]) или подрядомъ [8]) лишь тогда, когда для исполненія его поставщикъ долженъ пріобрѣсти у другихъ предметъ поставки, а подрядчикъ — предметъ подряда, т. е., трудъ. Не будетъ поставкою обязательство доставить предметы, которые у доставщика уже есть въ моментъ заключенія обязательства;—это простая запродажа. Не будетъ также подрядомъ, если обязательство производит- извѣстныя работы выполняется лицомъ не нанятыми рабочими а хоть членами его семьи; въ послѣднемъ случаѣ, мы будемъ имѣть наемъ труда, измѣряемаго не единицами времени, а его результатомъ. Въ такомъ спеціальномъ смыслѣ подрядъ и по-

---

[1]) Ст. 2 п. 11, ст 16 п. *а*, ib. Смотри также ст. 1737, 1740, 1743. 1781 и 1809 1 ч. X т.

[2]) Ст. 1741 I ч. X т.

[3]) Ст. 1738, 1742, заглавіе ст. 1746 и др. ib.

[4]) Ст. 1743 „предметъ подрядовъ состоитъ въ поставкѣ товаровъ“. ib.

[5]) Ст. 1738 п. 2 ib.

[6]) С. 1738 пп. 1 и 2 ib.

[7]) Р. 4-го д. пр. сн. №№ 465, 467.

[8]) Р. 4-го д. пр. сн. №№ 469, 670.

ставка по отношенію къ подрядчику и поставщику всегда будутъ торговыми дѣйствіями. Очевидно, поставка — торговый оборотъ перваго вида, а подрядъ — втораго, т. е. первая есть продажа для покупки, второй — отдача въ наемъ для найма. Оба они по порядку расположенія звеньевъ суть торговые обороты втораго рода, гдѣ продажа и отдача въ наемъ предшествуютъ покупкѣ и найму.

Надо замѣтить, что въ дѣйствительности эти два рода предпріятія очень часто являются скомбинированными вмѣстѣ: подрядъ соединяется съ поставкою и наоборотъ. Въ такихъ случаяхъ у насъ будетъ на лицо предпріятіе, торговое по двумъ основаніямъ. Итальянскій кодексъ считаетъ торговымъ дѣйствіемъ только такую спекуляцію на трудъ: по статьѣ 2 п. 8 „предпріятіе по постройкамъ зданій, если предприниматель (imprenditore) доставляетъ также матеріалы".

И такъ, не будетъ противно духу нашего законодательства, если мы скажемъ, что *трудъ можетъ быть предметомъ торговыхъ оборотовъ*. Отсюда: всякая спекуляція на трудъ будетъ торговымъ дѣйствіемъ, хотя бы о данной формѣ спекуляціи и не говорилось въ ст. 1300—2 уст. тор. и въ ст. 2 пол. о пош.[1]; всякій такой спекулянтъ есть торговецъ, а его несостоятельность—торговая, разумѣется, если эта спекуляція составляла его обыкновенное занятіе. По этому, далѣе, вполнѣ будетъ согласно съ нашими законами, если мы причислимъ къ торговымъ дѣйствіямъ содержаніе конторъ разсылныхъ, содержаніе труппы актеровъ, музыкантовъ, содержаніе частныхъ гимназій и школъ[2]) съ наемными учителями, цирка и т. д., хотя они и не выставлены въ нашемъ уставѣ. Французскіе писатели совершенно справедливо подводятъ подъ понятіе entre-

[1]) Мы выше доказали, что перечисленіе торговыхъ дѣйствій ст. 1300—2 есть примѣрное, а не исчерпывающее, какъ полагаютъ нѣкоторые. Смотри § 6.

[2]) Освобожденіе ихъ отъ торговыхъ свидѣтельствъ и налоговъ нисколько не измѣняетъ характера этихъ занятій.

prise de spectacles publics содержаніе всякаго рода увеселительныхъ учрежденій [1]). Но будетъ ли торговымъ товарищество, составленное изъ актеровъ, музыкантовъ и т. д. для представленія спектаклей, концертовъ и т. д. съ условіемъ раздѣлить между собою выручку? Разумѣется нѣтъ. Здѣсь нѣтъ спекуляціи на чужой трудъ; нѣтъ антрепренера съ одной стороны, наемныхъ актеровъ, музыкантовъ съ другой. Здѣсь всѣ товарищи въ одинаковомъ положеніи. Но это послѣднее выраженіе не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, будто всѣ они въ ровной долѣ участвуютъ въ выручкѣ: нѣтъ сомнѣнія, что каждый изъ нихъ будетъ получать сообразно своему таланту и своимъ способностямъ. Но все это будетъ внѣ вліянія на характеръ товарищества, которое будетъ ничѣмъ инымъ, какъ простымъ сочетаніемъ труда.

До сихъ поръ мы говорили объ единичныхъ предметахъ торговыхъ оборотовъ, теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ о такъ называемой universitas rerum distantium — совокупности — fonde de commerce — торговомъ обзаведеніи.

Нами уже доказано, что по дѣйствующимъ законамъ можетъ быть предметомъ торговыхъ оборотовъ всякое имущество кромѣ недвижимости. Отсюда, если торговое обзаведеніе — fonde de commerce — состоитъ изъ такихъ предметовъ и правъ, которые могутъ въ отдѣльности быть предметами торговли и спекуляціи, то относительно способности совокупности ихъ быть предметомъ торговыхъ оборотовъ не можетъ быть никакого сомнѣнія [2]). Но если въ составъ этой совокупности входитъ еще *наемное право на помѣщеніе торговаго заведенія*, то присутствіе этого элемента не лишаетъ ли самую совокупность способности быть предметомъ торговаго оборота? Оче-

---

[1]) Pardessus n° 45; Picot. p. 550; Rivière p. 851—2; Cod. de com. art. 632 п. 3.

[2]) Pardessus n° 9; Picot. p. 547; Rivière p. 844. По мнѣнію послѣдняго fonde de commerce лишь тогда можетъ быть разсматриваемъ какъ предметъ торговаго оборота, когда кромѣ achalandage онъ заключаетъ въ себѣ des marchandises.

видно, нѣтъ. Наемное право, хотя и касается недвижемости, но какъ элементъ неглавный, а принадлежность (accessorium), должно теряться въ составѣ другихъ главныхъ элементовъ [1]).

Мы кончили изложеніе о предметахъ торговыхъ оборотовъ; о цѣли послѣднихъ мы не будемъ говорить въ отдѣльности, такъ какъ она достаточно выяснена въ предъидущемъ изложеніи и будетъ дополнена въ послѣдующихъ параграфахъ.

До сихъ поръ мы выяснили понятіе торговаго оборота, мы видѣли, что онъ состоитъ изъ двухъ членовъ, звеньевъ. Теперь па очереди вопросъ, оба ли звена оборота имѣютъ торговый характеръ? Въ этомъ отношеніи различаютъ промысловое веденіе торговыхъ оборотовъ отъ одиночнаго оборота. Послѣдній раздѣляютъ въ свою очередь на два рода, смотря потому, въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ одно за другимъ звенья оборота. Если покупка или наемъ предшествуютъ продажѣ или отдачѣ въ наемъ,—то это будетъ оборотъ перваго рода, если же послѣдуютъ—то—оборотъ втораго рода [2]).

§. 13 Одиночный оборотъ.

а) *Какое пріобрѣтеніе или наемъ можетъ быть торговымъ дѣйствіемъ?* Всякое возмездное пріобрѣтеніе имущества, или такой же наемъ труда, вызванные желаніемъ лица получить *барышъ* черезъ сбытъ пріобрѣтенной цѣнности, или отдачу въ наемъ нанятаго труда, по отношенію къ этому лицу будутъ торговыми дѣйствіями.

Изъ этого опредѣленія явствуетъ:

1) Что эти сдѣлки, т. е. пріобрѣтеніе и наемъ, суть всегда двустороннія — bilaterales и inter vivos — и возмезд-

---

[1]) Цитовичъ стр. 133. Здѣсь же ст. 83 проэкта тор. судопроизводства. Р. 4-го д. пр. сн. № 46 пп. 1 и 2, по которымъ договоръ о передачѣ фабричнаго заведенія для продолженія производства есть договоръ торговый, хотя бы въ этомъ договорѣ упомянуто было и объ арендномъ контрактѣ на самую фабрику. Также уст. Виртембр. Пруск. § 4, Баварск. § 3 (у Деппа).

[2]) Цитовичъ стр. 110—135.

ныя — onorosa negotia[1]). Послѣдній признакъ именно указываетъ на спекулятивный характеръ намѣренія пріобрѣтателя или нанимателя. 2) Сдѣлки эти будутъ торговыми только для той стороны, которой принадлежитъ спекулятивное намѣреніе. Впрочемъ, съ такимъ намѣреніемъ могутъ выступать обѣ стороны, если онѣ обѣ являются спекулянтами. 3) Спекулятивное намѣреніе должно предшествовать пріобрѣтенію или найму и быть во время совершенія оныхъ[2]). 4) Пріобрѣтеніе предметовъ, хотя и для сбыта, но какъ accessorium, для реализаціи или улучшенія своего собственнаго некупленнаго имущества, или для реализаціи своего таланта, не будетъ торговымъ дѣйствіемъ. Таковы покупки живописцемъ полотна, красокъ, виноградаремъ бочекъ, продаваемыхъ вмѣстѣ съ виномъ, или другихъ составовъ для поднятія достоинствъ послѣдняго[3]) и т. д.; хотя эти вещи предназначаются для продажи. 5) Покупка предметовъ и наемъ труда, совершенные при наличности вышеприведенныхъ условій, останутся торговыми дѣйствіями независимо отъ того, послѣдовали ли, или послѣдуютъ ли, первоначально предполагаемый сбытъ или отдача въ наемъ, или нѣтъ. Напротивъ, пріобрѣтеніе вещей, сдѣланное не для сбыта, не станетъ торговымъ, если даже въ послѣдствіи, по различнымъ соображеніямъ собственника послѣдуетъ сбытъ. 6) Если предметы пріобрѣтаются частью для сбыта, частью для собственнаго употребленія, то пріобрѣтеніе будетъ торговымъ дѣйствіемъ или нѣтъ, смотря потому, на что главнымъ образомъ направленно намѣреніе лица;—если на барышъ путемъ предполагаемаго сбыта,—при чемъ „для себя" является между про-

---

[1]) Pardessus n° 11. Не будетъ торговымъ дѣйствіемъ пріобрѣтеніе посредствомъ наслѣдованія торговаго фонда. Цитовичъ стр. 108; Р. 4-го д. пр. см. № 452 п. 3; art. 632 п. 1 Cod. de Com.; итал. тор. улож. art. 2 п. 1, Что касается нѣмецкаго тор. улож., то, по мнѣнію Гольдшмита, и по этому уложенію пріобрѣтеніе должно быть возмездное, хотя этотъ признакъ прямо не выставленъ въ законахъ.

[2]) Rivière p. 845.

[3]) Объ этомъ подробно изложено на примѣрахъ у Pardessus n° 12—19, Rivière'a p. 845: Picot p. 548.

чикъ—, то пріобрѣтеніе будетъ торговою сдѣлкою; если же прямое желаніе лица пріобрѣсти для себя, и излишекъ или ненужное продать, быть можетъ дешевле покупной цѣны, то пріобрѣтеніе должно разсматриваться какъ актъ гражданскаго, а не торговаго оборота. Такъ, продаются партіей вещи, изъ которыхъ нѣкоторыя мнѣ нужны, остальныя нѣтъ; я покупаю всю партію, если только вся партія продается, расчитывая сбыть предметы мнѣ не нужные. Очевидно, послѣдній мой расчетъ, какъ неглавный мотивъ моей покупки, не можетъ придать ей торговаго характера[1]).

b) *Какой сбытъ или отдача въ наемъ есть торговое дѣйствіе для того, кто сбываетъ или отдаетъ въ наемъ?*

Разумѣется, если пріобрѣтеніе предметовъ и наемъ труда не были торговыми дѣйствіями, то о коммерціальности сбыта этихъ предметовъ или отдачи въ наемъ этого труда не можетъ быть и рѣчи; ибо въ такомъ случаѣ вовсе не будетъ торговаго оборота. Вопросъ здѣсь поставленъ лишь относительно сбыта тѣхъ предметовъ, которые были куплены именно для этой цѣли, а равно и отдачи въ наемъ того труда, который былъ нанятъ для этой же цѣли.

На поставленный нами вопросъ не даетъ прямаго отвѣта ни французскій, ни нашъ уставъ. Въ первомъ expressis verbis говорится только о пріобрѣтеніи[2]); въ послѣднемъ же, т. е. въ нашемъ уставѣ, мы находимъ лишь одно общее выраженіе: „торговый оборотъ“[3]), безъ всякаго указанія на существованіе звеньевъ, а тѣмъ болѣе на характеръ послѣднихъ. Что касается общегерманскаго тор. уложенія, то въ ст. 271 п. 1, какъ и въ упомянутыхъ кодексахъ, выставлено только пріобрѣтеніе; въ ней вовсе не говорится о сбытѣ; но ст. 273 того же уложенія, перечисляя дѣйствія, торговыя для купца, т. е. такъ называемыя субъективныя торговыя дѣйствія, относитъ къ

[1]) Смотри подробности и разные примѣры, приведенные у Цитовича § 17—20; Rivière'a p. 842—7, Pardessus n° 6—20.

[2]) Art. 632 п. 1 Cod. de Com.; art. 2 п. 1 ит. улож.

[3]) Ст. 1301 уст. тор.

нимъ въ особенности *отчужденіе* купцомъ вещей пріобрѣтенныхъ для этой цѣли [1]). Отсюда мы выводимъ, что по нѣмецкому торговому уложенію второе звено одиночнаго оборота, т. е. сбытъ, не есть торговое дѣйствіе; иначе въ ст. 273, трактующей лишь о субъективныхъ торговыхъ дѣйствіяхъ, излишне бы было упомянуть объ актѣ, который и безъ того признается торговымъ. Къ такому же выводу мы приходимъ изъ сопоставленія ст. 2 п. 1 итальян. тор. улож. со ст. 3 п. 1 ib. Слѣдовательно, и по итальянскому законодательству сбытъ при одиночномъ оборотѣ не считается торговымъ дѣйствіемъ.

Если бы не было ст. 273 общегерман. и ст. 3 п. 1 итальян. торговыхъ уложеній, то разбираемый нами вопросъ съ точки зрѣнія положительнаго права получилъ бы одно рѣшеніе. Но наличность этихъ статей, неопредѣленность выраженія нашего тор. устава: „торговый оборотъ" и неполнота Code de Com. вынуждаютъ насъ къ постановкѣ отдѣльныхъ вопросовъ по отношенію къ каждому изъ этихъ законодательствъ. Съ точки зрѣнія нѣмецкаго и итальянскаго законодательствъ вопросъ о томъ, торговое ли дѣйствіе второе звено одиночнаго оборота, получаетъ, какъ это доказано, отрицательный отвѣтъ. Что же касается французскаго торговаго кодекса, то, какъ сказано, въ немъ упоминается только о пріобрѣтеніи [2]), о сбытѣ же вообще нѣтъ ни слова. Поэтому во французской доктринѣ и практикѣ вопросъ о свойствѣ втораго звена одиночнаго оборота получилъ двоякое рѣшеніе: По первому, которое раздѣляется большинствомъ французскихъ писателей и принято на практикѣ, продажа и отдача въ наемъ должны считаться торговыми дѣйствіями даже тогда, когда онѣ совершаются лицомъ не въ видѣ промысла, иначе, не купцомъ; такъ какъ, говорятъ они,

[1]) Итальянское уложеніе въ отступленіе отъ французскаго кодекса, который оно въ большинствѣ случаевъ копируетъ, въ разбираемомъ вопросѣ согласно съ общ. германскимъ тор. уложеніемъ: по art. 3 п. 1 ит. улож. „законъ признаетъ торговыми дѣйствіями продажу и наемъ торговцемъ (commerciante) товаровъ и продуктовъ (derrate) его торговли".

[2]) Art. 632 п. 1.

цѣль, намѣреніе, которое даетъ покупкѣ или найму торговый характеръ, исполняясь въ продажѣ или отдачѣ въ наемъ, продолжаетъ существовать и въ этихъ послѣднихъ актахъ [1]). По другому же рѣшенію, согласному съ нѣмецкимъ и итальянскимъ тор. уложеніями и основанному на буквѣ art. 632 п. 1 Code de Com, второе звено оборота не составляетъ торговаго дѣйствія; такъ какъ законъ о немъ не говоритъ и это совершенно достаточно для такого заключенія [2]). Теоретическое основаніе этого послѣдняго мнѣнія мы находимъ у г. Цитовича. На вопросъ оба ли звена торговаго оборота коммерціальнаго свойства, онъ отвѣчаетъ: „нѣтъ, только одно, только покупка; это потому, что лишь первая часть заряжена спекуляціей; вторая часть, второе звено, получилось не для спекуляціи, а развѣ изъ—за спекуляціи, для *реализаціи* послѣдней по необходимости“ [3]). Далѣе, на страницѣ 118, говоря о свойствѣ звеньевъ оборота втораго рода, т. е. подряда и поставки, онъ находитъ, что здѣсь оба звена оборота торговаго свойства; такъ какъ, „если въ оборотѣ перваго рода покупка—торговое дѣйствіе, потому что она заряжена спекуляціею, то въ оборотѣ втораго рода на томъ же основаніи будетъ продажа торговымъ дѣйствіемъ, такъ какъ она составляетъ первое звено оборота. А второе звено этого оборота, т. е. покупка будетъ ли она торговымъ дѣйствіемъ, вѣдь, она есть только *реализація* спекуляціи, начатой продажею? Да, будетъ, такъ какъ „покупка все же для продажи“ [4]). Съ этимъ разсужденіемъ мы не можемъ согласиться: если не считать торговымъ дѣйствіемъ втораго звена перваго рода оборота потому, что оно есть лишь *реализація* спекуляціи, то, намъ кажется, на этомъ же основаніи слѣдовало бы не признавать коммерціальнымъ втораго звена втораго рода

---

[1]) Pardessus n° 20; Rivière p. 866, у этого же на стр. 847, примѣч. 4 ссылка на Vincens'a и Molinier'a.

[2]) Delamarre et Lepoitvin t. V n° 15 и слѣд.

[3]) Цитовичъ стр. 112.

[4]) Цитовичъ стр. 119.

оборота, такъ какъ и здѣсь оно является лишь *необходимою реализацiею* спекуляцiи.

И такъ, не находя убѣдительнаго теоретическаго основанiя въ пользу некоммерцiальности втораго звена оборота перваго рода, т. е. прiобрѣтенiя для сбыта[1]), не имѣя во французскомъ торговомъ кодексѣ ни прямаго, ни косвеннаго отрицанiя коммерцiальности этого звена, мы соглашаемся съ первымъ рѣшенiемъ интересующаго насъ вопроса; мнѣнiя же писателей, отрицающихъ коммерцiальность сбыта, мы считаемъ правильнымъ настолько, насколько имѣются въ виду нѣмецкое и итальянское торговыя уложенiя, а не французское.

Далѣе, что можно сказать относительно свойствъ звеньевъ одиночнаго оборота по нашему торговому уставу?

Какъ выше сказано, въ нашемъ уставѣ не говорится ни о покупкѣ, ни о продажѣ[2]); въ ст. 1300 мы встрѣчаемъ лишь выраженiе „торговый оборотъ", смыслъ котораго намъ уже понятенъ. Это выраженiе обнимаетъ собою какъ *прiобрѣтенiе* для сбыта, такъ и самый *сбытъ*, т. е. оба звена оборота. Отсюда, относя къ вѣдомству коммерческихъ судовъ иски по „торговому обороту" вообще, а, слѣдовательно, и по каждому изъ его звеньемъ, наше законодательство, намъ кажется, тѣмъ самымъ признаетъ коммерцiальными оба звена оборота, т. е. прiобрѣтенiе и сбытъ, какъ необходимые составные элементы понятiя торговаго оборота. Отказавшись отъ такого соображенiя, мы бы не нашли въ нашемъ торговомъ правѣ основанiя коммерцiальности даже прiобрѣтенiя, напротивъ, должны были бы признать торговымъ дѣйствiемъ только лишь второе звено оборота, т. е. продажу, такъ какъ въ ст. 1 пол. о пош. о ней только и говорится. Наконецъ, употребивъ въ ст. 1300 тер-

---

[1]) Предполагается и наемъ для отдачи въ наемъ.

[2]) Изъ ст. 1 пол. о пош., опредѣляющей торговлю, какъ „*продажу* всякихъ товаровъ изъ купеческихъ конторъ, амбаровъ, лавокъ, магазиновъ" и т. д., можно было бы подумать, что только второе звено оборота считается коммерцiальнымъ. Но такого вывода мы не можемъ допустить въ виду ст. 1301 уст. тор.

минъ „торговый оборотъ", столь наглядно показывающій двучленность понятія, которое нужно было выразить, законодателю совершенно лишне было бы въ отдѣльности упомянуть еще о каждомъ изъ его членовъ. Въ самомъ дѣлѣ, эти два члена понятія оборота, связанные вмѣстѣ спекулятивнымъ намѣреніемъ, въ соображеніи спекулянта во всѣ моменты являются въ неразрывной связи; они другъ друга вызываютъ, другъ друга обусловливаютъ. Прежде чѣмъ начать оборотъ, спекулянтъ соображаетъ всѣ шансы выгоднаго пріобрѣтенія и сбыта; пріобрѣтая, онъ спекулируетъ на пониженіе цѣны, сбывая, — на повышеніе; въ обоихъ случаяхъ воля лица спекулятивна; она всегда дѣйствуетъ въ одномъ направленіи, стремится къ одной цѣли — къ барышу.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію свойствъ звеньевъ оборота втораго рода, т. е. *поставки и подряда.*

Какъ мы видѣли выше поставка и подрядъ суть также понятія двучленныя; члены ихъ тѣ же, что и въ торговомъ оборотѣ перваго рода; но все различіе заключается въ томъ, что они расположены въ обратномъ порядкѣ. Здѣсь оборотъ начинается не съ пріобрѣтенія или найма, а съ продажи и отдачи въ наемъ. Необходимымъ условіемъ для наличности понятія поставки или подряда въ спеціальномъ смыслѣ должно считать слѣдующее: чтобы поставщикъ и подрядчикъ, принявъ на себя обязательства доставить — первый, извѣстные предметы, а второй, извѣстный трудъ, исполняли ихъ — первый, путемъ покупки этихъ предметовъ у другихъ, второй посредствомъ найма труда. Если же у поставщика и подрядчика въ моментъ заключенія договоровъ поставаемыя вещи или трудъ уже были на лицо и при томъ первыя были пріобрѣтены, а второй нанятъ, именно, для спекуляціи, то вступленіе въ поставку или подрядъ будетъ вторымъ звеномъ оборота перваго рода; если же поставляемые предметы не были куплены въ видахъ спекуляціи, а были добыты или ожидаются — res futura — sperata — изъ собственнаго имѣнія лица, вступающаго въ обязательство поставки, то у насъ получится не договоръ поставки, а

запродажи, и, какъ результатъ ея, доставка предметовъ. Далѣе, что касается свойства звеньевъ оборота втораго рода, то по всѣмъ европейскимъ законодательствамъ оба звена оборота считаются торговыми, именно: покупка (второе звено оборота) коммерціальна потому, что она совершается для выполненія договора запродажи, короче, для продажи [1]); первое же звено этого оборота — продажа (иначе, „вступленіе въ обязательство поставки, заключеніе договора поставки", „принятіе на себя поставки", „предпріятіе поставки") [2]) торговая потому, что, во 1-хъ, она составляетъ звено „торговаго оборота", во 2-хъ, она прямо выставлена въ торговыхъ кодексахъ [3]).

Итакъ, по нашему и французскому законодательствамъ оба звена обоихъ родовъ одиночнаго оборота коммерціальны, по нѣмецкому же и итальянскому уложеніямъ только первое звено оборота перваго рода и оба звена—втораго. „Всѣ же другія юридическія данныя, вызванныя развитіемъ торговаго оборота, прикосновенныя къ нему, остаются внѣ состава этого оборота и отъ одной лишь соприкосновенности къ нимъ не могутъ стать тор. дѣйствіями" [4]). А такихъ соприкосновенныхъ съ одиночнымъ оборотомъ дѣйствій особенно много въ томъ случаѣ, когда оборотъ съ переработкою. Эти дѣйствія

---

[1]) Ст. 271 п. 1 общ. гер. тор. улож.; art. 632 п. 1 Code de Com.; art. 2 п. 1 итал. тор. улож.; ст. 1301 п. 1 уст. тор.

[2]) Выраженія эти употреблены въ кодексахъ: нашемъ, нѣмецкомъ, французскомъ и итальянскомъ. Первыя, какъ видно, обнимаютъ первое звено оборота втораго рода. послѣднее же, именно, „предпріятіе поставки"—„entreprise de fournitures",—оба звена; по этому это послѣднее выраженіе намъ кажется болѣе правильнымъ.

[3]) Ст. 271 п. 2 общ. гер. тор. улож.; art. 632 п. 3 Cod. de Com.; art 2 пп. 3, 8 итал. тор. улож.; ст. 2 п. 11 пол. о пош.

[4]) Цитовичъ стр. 125 — 7. Это положеніе вытекаетъ изъ выясненнаго понятія „торговаго оборота". Смотри ст. 1300 уст. тор.; ст. 271 п. 1 и 2, сопоставленная со ст. 273 нѣмец. тор. улож.; art. 632 п. 1 Cod. de Com. сопоставлен. съ art. 631 п. 1 и art. 632 п. 6 ib; art. 2 п. 1 итал. тор. улож., сопоставлен. съ art. 3 п. 1 и 3 ib. Хотя, говоря отрѣшенно отъ положительныхъ законодательствъ. трудно объяснить, почему эти побочныя дѣйствія не суть торговыя; вѣдь, и они вызываются спекуляціей.

законодательства признают коммерціальными тогда, когда они вызываются промысловымъ веденіемъ торговыхъ оборотовъ. Они относятся къ такъ называемымъ субъективнымъ торговымъ дѣйствіямъ, о которыхъ рѣчь впереди.

§ 14. Подсудность споровъ по одиночному торговому обороту.

Вопросъ о подсудности исковъ, вытекающихъ изъ одиночнаго торговаго оборота, коммерческимъ судамъ подвергается разногласію и сомнѣніямъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей эти иски должны подлежать разбирательству гражданскихъ судовъ; ибо, говорятъ они, основаніе, raison d'être, существованія коммерческихъ судовъ, какъ самостоятельныхъ установленій, лежитъ въ особенностяхъ торговыхъ отношеній и нормъ ихъ регулирующихъ; а эти особенности выработываются лишь при промысловомъ веденіи оборотовъ; торговые же суды, какъ спеціальныя учрежденія, призваны рѣшать дѣла, именно, примѣнительно къ этимъ особенностямъ и на основаніи тѣхъ обычаевъ и законовъ, въ которыхъ онѣ выразились. Между тѣмъ, одиночный оборотъ, совершаясь по нормамъ гражданскаго права, не подчиняется этимъ особенностямъ; отсюда, нѣтъ надобности иски по этому обороту отнести къ вѣдомству коммерческаго суда. Съ этимъ выводомъ мы не можемъ согласиться. Дѣйствительно, торговые суды существуютъ въ виду особенностей торговыхъ дѣлъ; вѣрно также, что эти особенности развиваются торговымъ промысломъ; но почему же, какая необходимость, какая причина вызываетъ такія спеціальныя нормы; почему торговецъ не можетъ довольствоваться нормами гражданскаго права, въ настоящее время, безъ сомнѣнія, очень богатыми? Уже одно существованіе и прогрессивное развитіе и расширеніе области торговаго права убѣждаетъ насъ, что такая причина есть и довольно дѣятельная. Она—эта causa efficiens—есть отличительное свойство торговой дѣятельности и отсюда торговыхъ дѣлъ. Имъ-то объясняется происхожденіе и обусловливается существованіе нормъ торговаго права. Разъ эти нормы появились и дѣйствуютъ, значитъ, онѣ имѣютъ ра-

зумное основаніе, нужны и полезны. Для кого же? Безъ сомнѣнія для всякаго, кто только занимается торговлею, или совершаетъ отдѣльныя торговыя дѣйствія, будь онъ купецъ, чиновникъ, земледѣлецъ, или кто другой. Но могутъ ли всѣ лица пользоваться нормами торговаго права? Разумѣется, да. Нынѣ торговое право есть не право лицъ, а право дѣйствій; оно существуетъ не для торговыхъ лицъ, а для торговыхъ отношеній; нѣтъ права на торговлю, а есть свобода торговать. Сказать, что нормами торговыми могутъ пользоваться только торговцы-купцы, значило бы, въ существѣ дѣла, считать торговый классъ сословіемъ, торговое право—правомъ сословія, а торговые суды — сословными судами, что въ настоящее время было бы анахронизмомъ. Отсюда мы думаемъ, что коль скоро дѣло торговое, оно должно разбираться въ торговыхъ судахъ, въ частности, иски по одиночному торговому обороту, подсудны ком. суду. Вѣдь, подчинивъ эти иски гражданскому суду, законъ всетаки обязываетъ послѣдній примѣнять къ нимъ торговыя нормы. Почему же гражданскіе суды будутъ болѣе способны правильно толковать и понимать эти нормы, чѣмъ суды торговые!

Отъ этихъ общихъ соображеній переходя къ положительнымъ законодательствамъ, мы находимъ въ послѣднихъ другія доказательства въ пользу нашего мнѣнія. Во 1-хъ, во французскомъ торговомъ кодексѣ о торговыхъ дѣлахъ говорится только по поводу опредѣленія компетенціи коммерческихъ судовъ и, въ частности, о промысловомъ веденіи этихъ дѣйствій, какъ о необходимомъ условіи подсудности ихъ этимъ судамъ, нѣтъ ни слова. Такъ, по ст. 632 Cod. de Com., ком. судамъ подсудны дѣла, вытекающія изъ „tout achat de denrées et marchandises pour les revendre...“, а не только изъ промысловаго веденія оборотовъ. Въ итальянскомъ же торговомъ уложеніи, хотя о торговыхъ дѣлахъ говорится въ двухъ мѣстахъ, именно, въ началѣ кодекса и въ книгѣ „о подсудности и личныхъ задержаніяхъ, въ дѣлахъ торговыхъ“, но въ ст. 723 книги IV, раздѣла I, исчерпываются всѣ дѣйствія,

входящія въ ст. 2 и 3 того же уложенія, хотя и болѣе общими выраженіями. Отсюда прямой выводъ, что споры по всѣмъ торговымъ дѣламъ должны подлежать вѣдомству торговыхъ судовъ. Что касается нашего устава торговаго, то въ немъ о торговыхъ дѣлахъ также говорилось въ двухъ мѣстахъ: въ ст. 2—5 и 1300—3; но съ изданіемъ пол. о пошлинахъ за право торговли ст. 2—5 съ нѣкоторыми добавленіями перенесены въ это положеніе; статьи же 1300 — 3, опредѣляющія предметы вѣдомства коммерческихъ судовъ, безъ всякаго измѣненія остались на своемъ прежнемъ мѣстѣ. Онѣ, подобно ст. 723—4 итальянскаго тор. уложенія, въ общихъ выраженіяхъ обнимаютъ всѣ тѣ предметы, о которыхъ говорилось въ ст. 2—5 уст. тор., а нынѣ говорится въ ст. 1—2 пол. о пош. Что же касается тѣхъ предметовъ, о которыхъ нѣтъ въ ст. 1300—3, а есть въ пол. о пош., то мы уже доказали выше, что сенатъ совершенно правильно утверждаетъ, что ст. 1300—3 не могутъ имѣть исчерпывающаго значенія и что онѣ должны быть пополняемы статьями пол. о пош. А, такъ какъ въ послѣднемъ мы имѣемъ прямое указаніе и на одиночный торговый оборотъ [1]), то отсюда вытекаетъ то положеніе, что коль скоро дѣло торговое, оно должно быть подсудно ком. суду, въ частности, ему подсудны и иски по одиночному обороту. Кромѣ этого мы думаемъ, что и ст. 1301 п. 1 подъ „торговымъ оборотомъ" понимаетъ одиночный оборотъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что редакторы нашего торговаго устава, при его составленіи, имѣли подъ рукою и пользовались французскимъ торговымъ кодексомъ, въ чемъ, какъ мы видѣли, сознается самъ гр. Сперанскій. А ст. 632 п. 1 Code de Com. должно считать источникомъ ст. 1301 пп. 1 и 2 нашего устава. Такое сходство нетолько въ отдѣльныхъ пунктахъ, но и въ общемъ порядкѣ перечисленія торговыхъ дѣйствій. Во 2-хъ, мы имѣемъ, какъ въ нашемъ уставѣ, такъ и французскомъ и итальянскомъ ко-

---

[1]) Ст. 2 п. 11 пол. о пош. сравни съ примѣч. 2 ст. 4 п. а ib.

дексахъ, прямое причисленіе одиночныхъ торговыхъ дѣйствій къ вѣдомству коммерческихъ судовъ. Такъ, споры по векселямъ [1]), дѣла по покупкѣ, починкѣ, найму судовъ и какъ одиночныя явленія [2]) подчинены разбирательству этихъ судовъ; по этому нѣтъ никакого основанія иски по одиночному обороту исключить изъ ихъ вѣдомства.

И такъ, мы остаемся при томъ мнѣніи, что иски, имѣющіе активнымъ основаніемъ одно изъ звеньевъ торговаго оборота, т. е. пріобрѣтеніе или сбытъ, наемъ или отдачу въ наемъ, подсудны коммерческимъ судамъ [3]), разумѣется, если отвѣтчики по нимъ являются коммерціальными сторонами въ сдѣлкѣ.

§ 15. О дѣйствіяхъ торговыхъ изъ за ихъ предмета [4]).

Всякое дѣйствіе, имѣющее связь *съ морскимъ судоходствомъ*, считается торговымъ, безъ всякаго отношенія къ намѣренію и качеству лица. Порождается данное дѣйствіе спекуляціей, совершается ли оно въ видѣ промысла, или является единичнымъ дѣйствіемъ,—это совершенно безразлично для его коммерціальности и подсудности. Эта коммерціальность подобныхъ дѣйствій есть praesumptio juris et de jure и не допускаетъ доказыванія противнаго [5]). Разумѣется, въ отдѣльныхъ случаяхъ

---

[1]) Ст. 1300 уст. тор.; итал. тор. улож. art. 723 п. 2; Code de Com. art. 636.

[2]) Ст. 1302 п. 4 уст. тор.; итал. тор. улож. art. 2 п. 11; Cod. d. Com. art. 633 пп. 1 и 2.

[3]) Въ этомъ смыслѣ Р. 4-го д. пр. сен. за № 498 п. 1 «подсудность дѣлъ ком. суду не зависитъ вовсе отъ характера общей дѣятельности или занятій истца или отвѣтчика, а опредѣляется существомъ той сдѣлки, на которой основано исковое требованіе».

[4]) О дѣйствіяхъ, торговыхъ изъ-за предмета и изъ-за формы, мы будемъ говорить вкратцѣ, такъ какъ, во 1-хъ, понятія о нихъ прочно установились въ теоріи и практикѣ, во 2 хъ, подробное изложеніе ихъ не входитъ въ нашу программу.

[5]) Ст 1301 п. 3 уст. тор. сравни ст. 1302 п. 4 ib.; Art. 2 пп 9—15 а также art. 723 пп. 3—5 итал. тор. улож.; art. 633 Cod. d. Com.; ст. 271 п. 4 общ. гер. тор. улож.; Rivière p. 851; Picot. p. 552; Pardessus n° 47; Цитовичъ § 22.

могутъ быть дѣйствія, хотя и касающіяся морскаго судоходства, но тѣмъ не менѣе не заключающія въ себѣ ничего общаго съ торговлею и спекуляціей. Но съ точки зрѣнія положительнаго торговаго права такихъ случаевъ нѣтъ и быть не можетъ. Причина такой безусловной коммерціальности этихъ дѣйствій нами выставлена выше, она кроется въ исторіи.

Къ дѣйствіямъ торговымъ изъ за—предмета законодательства относятъ слѣдующія: 1) покупка и продажа судовъ и кораблей—при томъ покупка и продажа совершенно независимо одна отъ другой[1]; 2) договоры съ мастерами, плотниками и разными другими лицами о выстройкѣ или починкѣ кораблей и судовъ[2]; 3) договоры найма судовъ, договоръ цертепартіи[3]; 4) договоръ хозяина судна съ корабельщикомъ[4]; 5) договоры послѣдняго съ лицами, составляющими служебный персоналъ корабля, какъ-то: со штурманами, матросами, механиками, машинистами и т. д.[5]; 6) договоръ съ лоцманомъ[6]; 7) бодмерея—договоръ денежнаго заема подъ залогъ корабля, судна, товаровъ или груза[7]; 8) заемъ припасовъ на морѣ добровольный или принудительный[8]; 9) договоры, заключаемые корабельщиками нѣсколькихъ „россійскихъ купеческихъ кораблей о взаимной защитѣ въ случаѣ опасности“[9]; 10) аварійныя дѣйствія[10]; 11) дѣла по спасенію кораблей, потерпѣвшихъ крушеніе или гибель[11]; 12) дѣла по морскому страхованію[12]) и т. д. Вотъ главнѣйшія группы торговыхъ

---

[1]) Ст. 1301 п. 3 и 1302 п. 4 уст. тор.

[2]) Ст. 1301 п. 3 и 1302 п. 4 ib.; пол. о пош. ст. 2 п. 1.

[3]) Ст. 1301 п. 3 и 1302 п. 4, 1030—1037 уст. тор.; пол. о пош. ст. 2 п. 1.

[4]) Ст. 1302 п. 4 уст. тор. ст. 879—921 ib.

[5]) Ст. 1302 п. 4, 922—999 ib.

[6]) Ст. 1213—1226 ib.

[7]) Ст. 1057, 1302 п. 5 ib.

[8]) Ст. 1063—7 ib.

[9]) Ст. 1043—51 ib.

[10]) Ст. 1068—1134, 1302 п. 5 ib.

[11]) Ст. 1135—1226, 1302 п. 5 ib.

[12]) Ст. 1227—1266, 1302 п. 5 ib.

дѣйствій, которыя законъ признаетъ таковыми безъ момента спекуляціи, а изъ — за предмета — морскаго судоходства. Всѣ они болѣе или менѣе отличаются отъ договоровъ и обязательствъ гражданскаго права, какъ по содержанію, такъ и по формѣ; а нѣкоторыя изъ нихъ исключительно встрѣчаются въ морскомъ торговомъ правѣ и вовсе неизвѣстны цивильному праву. Такъ, нашъ десятый томъ не знаетъ случаевъ заклада имущества несобственникомъ — бодмереи; по ст. 1629 I ч. X т. заложить имущество можетъ только тотъ, кто имѣетъ на него право собственности. Онъ также не признаетъ въ гражданскихъ отношеніяхъ принудительнаго займа.

Благодаря такимъ значительнымъ особенностямъ юридическихъ дѣйствій морскаго торговаго права, всѣ иски, имѣющіе активнымъ основаніемъ своимъ одно изъ этихъ дѣйствій, справедливо подчиняютъ вѣдомству коммерческихъ судовъ[1]). Названныя особенности настолько важны, что Англія, не считая необходимымъ ввести у себя особые суды для торговыхъ дѣлъ вообще, для дѣлъ по мореплаванію и морской торговлѣ учредила такъ называемые адмиралтейскіе суды.

Обращаясь къ сенатской практикѣ, мы находимъ въ ней совершенно правильный взглядъ, что эти дѣла лишь тогда подсудны коммерческимъ судамъ, когда они касаются *морскаго судоходства* въ буквальномъ смыслѣ слова, а не рѣчнаго. Такъ, въ рѣшеніи 1867 года за № 7, разсматривая вопросъ о подсудности дѣла по разбитію лодки, кассаціонный сенатъ говоритъ: „коммерческому суду подсудны дѣла о морскихъ убыткахъ, какъ объявлено въ ст. 1068 уст. тор., а не по случаямъ на рѣкахъ и у рѣчныхъ пристаней".

§ 46. Дѣйствія торговыя изъ-за ихъ формы.

Торговый характеръ этой категоріи дѣйствій зависитъ

---

[1]) Ст. 1301 п. 3 и 1302 пп. 4 и 5 уст. тор.; art. 633 Code d. Com.; art. 723 пп. 3, 4, 5 итал. тор. улож.; Р. 4-го д. пр. сен №№ 497, 499 и 600.

также не отъ намѣренія (intentio) лица, а отъ формы, въ которую облекается его воля: таковы вексельныя дѣйствія. Здѣсь, такъ же, какъ и въ предъидущей категоріи торговыхъ дѣйствій, мотивы, цѣли авторовъ этихъ дѣйствій абсолютно игнорируются законодательствомъ. Поэтому на судѣ не можетъ быть поставленъ вопросъ объ этихъ мотивахъ. Вопросъ можетъ быть только лишь о формальныхъ, внѣшнихъ признакахъ вексельныхъ дѣйствій. Разъ въ наличности эти формальныя условія [1]) векселя, всѣ акты по дальнѣйшему обращенію его, какъ-то: передача, принятіе и т. д. считаются торговыми дѣйствіями и всѣ иски по нимъ подчиняются вѣдомству коммерческихъ судовъ безъ всякаго ограниченія суммы иска [2]). Нашъ законъ не дѣлаетъ различія въ этомъ отношеніи между переводными и простыми векселями, выданными не торговцами: всѣ дѣла по всѣмъ векселямъ подсудны коммерческому суду [3]), даже иски по векселямъ, утратившимъ силу вексельнаго права въ случаяхъ ст. 636—7 уст. тор., т. е.. 1) „когда въ двѣнадцать мѣсяцевъ отъ составленія векселя, онъ не будетъ предъявленъ къ платежу, развѣ бы векселедателемъ назначенъ былъ другой опредѣленный срокъ для предъявленія (ст. 573); 2) когда по предъявленіи, бывъ протестованъ въ неплатежѣ, онъ въ теченіи двухъ лѣтъ со времени протеста не будетъ представленъ ко взысканію"; 3) „когда простой и переводной вексель, данный къ платежу въ срокъ, въ теченіи двухъ лѣтъ, считая отъ дня просрочки, не будетъ съ протестомъ представленъ ко взысканію" [4]). Но во всѣхъ вышеозначенныхъ трехъ случаяхъ векселя сохраняютъ, однако, силу обязательства въ теченіи

---

[1]) Ст. 541 уст. тор.; art. 110 Cod. de Com.; art. 136 итал. улож.; ст. 4 общ. гер. век. уст.

[2]) Ст. 1303 п. 2, сравни съ примѣч. 3 къ ней уст. тор.

[3]) Ст. 1300 п. 1, 645 допол. по прод. 1863 г. ib.; art. 636 Cod. d. Com.; art. 723 п. 2 ит. тор. улож. „хотя простые векселя, подписанные неторговцами, по отношенію къ симъ послѣднимъ имѣютъ только характеръ простыхъ гражданскихъ обязательствъ".

[4]) Ст. 637 уст. тор.

земской давности [1]); потеря же вексельнаго права состоитъ въ томъ, что кредиторъ по векселю лишается тѣхъ преимуществъ и того размѣра удовлетворенія, которые законами присвоены векселямъ, своевременно протестованнымъ и представленнымъ ко взысканію [2]), и только; она нисколько не измѣнитъ подсудности исковъ по векселю коммерческому суду. Не противорѣчитъ ли этому послѣднему положенію ст. 622 уст. тор., по которой векселедержатель - собственникъ, умедлившій учинить и отправить въ надлежащее время протестъ, теряетъ право взысканія вексельнымъ порядкомъ съ надписателей и векселедателя и не можетъ требовать платежа иначе, какъ только *обыкновеннымъ судебнымъ порядкомъ*? Нисколько. Дѣло въ томъ, что этотъ „обыкновенный судебный порядокъ", какъ справедливо объясняетъ кассаціонный сенатъ, „противополагается порядку безспорному (ст. 650—662, въ особенности ст. 652), но не заключаетъ въ себѣ правила объ изъятіи отъ подсудности коммерческихъ судовъ дѣлъ по непротестованнымъ векселямъ, подсудности, положительно опредѣленной ст. 645 уст. тор. по прод. 1863 года.

Выводъ этотъ подтверждается и тѣмъ еще, что вопросъ о томъ, потерялъ ли вексель силу вексельнаго права, или нѣтъ, составляетъ уже вопросъ по существу иска, а потому опредѣленіе подсудности на этомъ основаніи уже потому не можетъ быть допущено, что такимъ образомъ разрѣшеніе вопроса о подсудности заключало бы въ себѣ во многихъ случаяхъ разрѣшеніе и самаго существа иска" [3]).

И такъ, мы должны въ буквальномъ смыслѣ понимать ст. 645 по прод. 1863 г.; по ней „иски по всѣмъ безъ различія векселямъ производятся въ тѣхъ подлежащихъ мѣстахъ, которымъ, по существующимъ правиламъ, подсудны дѣла торговыя", т. е. въ коммерческихъ судахъ, даже если вексель,

---

[1]) Ст. 636—7 in fine ib.
[2]) Смотри ст. 663—676 ib.
[3]) Р. гр. д. сн. 1868 г. № 540 и др.

потерявъ силу вексельнаго обязательства, превратился въ простое гражданское обязательство. Между тѣмъ Code de Com. въ отношеніи къ подсудности различаетъ, во 1-хъ, векселя, потерявшіе силу вексельнаго права по art. 112, переводные и простые векселя, подписанные неторговцомъ и выданные не по торговымъ операціямъ; во 2-хъ, векселя, по формѣ удовлетворяющіе требованіямъ закона, а по основанію принадлежащіе къ торговымъ операціямъ; въ 3-хъ, векселя переводные и простые, подписанные одновременно лицами торговыми и неторговыми. Что касается первой категоріи вексельныхъ обязательствъ, то, по смыслу art. 636, подсудность исковъ по нимъ коммерческому суду вытекаетъ не изъ ratione materiae, а ex ratione personae. Отсюда: отвѣтчикъ имѣетъ право предъявить отводъ о неподсудности только in limine litis; непредъявленіемъ отвода въ началѣ процесса теряется это право; коммерческій судъ не можетъ ex officio объявить себя некомпетентнымъ[1]). Иски же по второй категоріи векселей абсолютно подсудны коммерческимъ судамъ; о неподсудности ихъ этимъ судамъ можетъ быть возбужденъ вопросъ во всякомъ положеніи дѣла какъ тяжущимися сторонами, такъ и судомъ ex officio. Относительно же третьей группы векселей art. 637 Cod. de Com. гласитъ слѣдующіе: „когда переводные и простые векселя въ одно и то же время подписаны лицами торговыми и неторговыми, то коммерческій судъ обязанъ ихъ разсматривать; но онъ не можетъ объявить личное задержаніе по отношенію къ лицамъ неторговымъ, если только эти не обязались по случаю торговыхъ операцій".

Выше мы сказали, что законъ считаетъ торговыми изъ-за формы такъ называемыя вексельныя дѣйствія. Какія же это дѣйствія и какое условіе нужно для ихъ коммерціальности? Къ нимъ относятся слѣдующія: выдача векселя[2]) однимъ или

[1]) Art. 636 Cod. de Com.
[2]) Ст. 547 уст. тор., art. 197 ит. тор. улож., art. 111 Cod. de Com.

нѣсколькими лицами[1]), вексельное поручительство[2]), акцептація переводнаго векселя[3]), индоссаментъ[4]), интервенція—вексельное вмѣшательство — посредничество за честь векселя[5]). Но эти дѣйствія будутъ торговыми лишь въ томъ случаѣ, если они оставили слѣдъ на самомъ корпусѣ векселя, если они совершены по предписаннымъ закономъ образцамъ; въ противномъ случаѣ, ихъ слѣдуетъ разсматривать какъ простыя гражданскія дѣйствія. Такъ, вексельное поручительство должно быть „означено въ самомъ векселѣ“[6]); „принятіе векселя должно быть означено на второмъ или на третьемъ образцѣ векселя, если оные предъявлены прежде перваго“[7]); индоссаментъ, которымъ переносится право собственности на вексель, „производится посредствомъ надписи (indossamentum) на оборотной сторонѣ векселя“[8]); интервеніентъ или посредникъ „обязанъ надписать на векселѣ принятіе съ означеніемъ, за честь кого, или за чей счетъ, онъ именно принимаетъ“[9]) и т. д.

По нашему законодательству только иски, имѣющіе активнымъ своимъ основаніемъ одно изъ приведенныхъ дѣйствій,

---

[1]) Ст. 634 уст. тор., art. 118 Cod. de Com.

[2]) Ст. 635 уст. тор., art. 141 Cod. de Com., art. 226 ит. тор. улож.

[3]) Ст. 579 уст. тор., art. 118—125 Cod. de Com., art. 205—212 ит. тор. улож., ст. 21—24 общ. гер. век. уст.

[4]) Ст. 556 уст. тор., art. 136—9 Cod. de Com., art. 222—4 ит. тор. улож., ст. 9—17 общ. гер. век. уст.

[5]) Ст. 589, 627 уст. тор., art. 158—9 Cod. de Com., art. 213—5 ит. тор. улож. ст. 56—65 общ.-гер. век. уст.

[6]) Ст. 635 уст. тор.; art. 227 ит. тор. улож., по этой статьѣ „поручительство составляется или на самомъ векселѣ, или особымъ актомъ“; art. 142 Cod. de Com., и здѣсь можетъ быть особый документъ. Поручительство, сдѣланное на срокъ, хотя и на самомъ векселѣ, по справедливому воззрѣнію кассаціоннаго и 4-го департаментовъ правит. сената, не есть торговое дѣйствіе, такъ какъ ст. 635 о такомъ видѣ поручительства не упоминаетъ. Р. кас. деп. сен. 1870 г. № 943, 72 г. № 77 и др. Р. 4-го д. пр. сен. №№ 95, 96 и др.

[7]) Ст. 581 уст. тор., art. 209 ит. тор. улож., art. 119 Cod. de Com., ст. 21 общ. гер. век. уст.

[8]) Ст. 556 уст. тор., art. 222 ит. тор. улож., art. 136 Cod. de Com., ст. 11 общ. гер. век. уст.

[9]) Ст. 592—4 уст. тор., art. 213 ит. тор. улож., art. 158 Cod. de Com., ст. 58—9 общ. гер. век. уст.

въ силу ст. 645, 1300 и примѣч. 3 къ ст. 1303, подсудны коммерческимъ судамъ, какъ нами уже было сказано выше. Отсюда не могутъ быть подвѣдомственны коммерческимъ судамъ, напримѣръ, слѣдующіе иски: искъ по письму въ принятіи поручительства за должника по векселю[1]); искъ, основанный на неустоечной записи, выданной въ обезпеченіе исправнаго платежа по векселю[2]); искъ о возвратѣ векселя, основанный на роспискѣ[3]) и т. д.[4]).

Обращаясь, далѣе, къ сенатской практикѣ, мы находимъ въ ней также подтвержденіе того положенія, что коммерціальность векселя, а равно подсудность его торговымъ судамъ, нисколько не зависитъ отъ того, за что былъ выданъ вексель, получена ли была валюта деньгами, товаромъ, или онъ выданъ для или за исполненіе той или другой работы; разъ обязательство облечено въ форму векселя, оно отрывается отъ своего основанія, дѣлается торговымъ[5]), и для рѣшенія вопроса о коммерціальности его судъ долженъ имѣть въ виду лишь только эту форму; въ этомъ отношеніи совершенно также безразлично, какого званія или сословія лицо, выдавшее вексель; „будетъ ли послѣдній выданъ торговцомъ и по торговлѣ, или же лицомъ другаго сословія, — искъ по нему подлежитъ коммерческому суду"[6]).

И такъ, въ разбираемой категоріи обязательствъ вопросъ о коммерціальности и подсудности ихъ исключительно опредѣляется формою, а не основаніемъ ихъ происхожденія.

II. Субъективныя торговыя дѣйствія.

§ 17. Мы переходимъ теперь къ изложенію второй группы торговыхъ дѣйствій, которыя законодательствами признаются

---

[1]) Р. 4-го д. пр. сен. № 509.
[2]) Р. 4-го д. пр. сен. № 510.
[3]) Р. 4-го д. пр. сен. № 513.
[4]) Р. 4-го д. пр. сен. №№ 511, 512 и др.
[5]) Р. 4-го д. пр. сен. № 30, р. гр. кас. д. 1867 № 50.
[6]) Р. 4-го д. пр. сен. № 417.

коммерціальными лишь въ томъ случаѣ, когда они совершаются *торговцомъ въ видѣ промысла.* Тогда какъ коммерціальность объективныхъ торговыхъ дѣйствій нисколько не зависитъ отъ квалификаціи ихъ субъекта,—коммерціальность дѣйствій этой второй группы обусловливается именно этою квалификаціей. Здѣсь весьма важно знать, кто совершаетъ эти дѣйствія, торговецъ, или кто другой; въ первомъ случаѣ они будутъ торговыя, во второмъ нѣтъ. Въ виду такой важности квалификаціи лица для коммерціальности дѣйствій второй группы, въ нѣмецкой литературѣ ихъ называютъ *субъективными* въ томъ смыслѣ, что коммерціальность они получаютъ отъ качества лица. Такое названіе мы считаемъ весьма неудачнымъ: оно скорѣе способно помѣшать правильному взгляду на эту группу дѣйствій, чѣмъ выражать то, чтó хотѣли имъ выразить. Дѣйствительно, вопросъ о качествѣ субъекта этихъ дѣйствій, при разсмотрѣніи ихъ характера на судѣ, имѣетъ громадное значеніе, но, отнюдь не исключительно рѣшающее. Для признанія дѣйствія коммерціальнымъ кромѣ субъективныхъ условій, нужны также и нѣкоторыя объективныя. Такъ, для этого недостаточно только констатировать, что данное дѣйствіе совершено торговцомъ, необходимо также доказать связь его съ торговымъ промысломъ лица. По нашему мнѣнію квалификація торговца не можетъ коммерціализировать того акта, который по существу своему некоммерціаленъ, чтò имѣло бы мѣсто, если бы мы стали понимать слово „субъективный“ въ точномъ смыслѣ. Если согласиться съ тѣмъ, что дѣйствія второй группы получаютъ торговое свойство отъ качества лица, какъ это полагаютъ нѣкоторые писатели [1]), то логически послѣдовательно мы должны будемъ причислять къ торговымъ даже такія дѣйствія торговца, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ его торговымъ оборотамъ, а составляютъ лишь простыя гражданскія сдѣлки, иначе, мы должны будемъ признавать торговый классъ сословіемъ, а торговое право и торговые суды — со-

¹) Delamarre p. 35.

словными, что, какъ мы указывали выше, противорѣчило бы современной дѣйствительности и даже нашему историческому прошлому. Квалификаціи торовца мы придаемъ лишь такое значеніе: она только порождаетъ презумпцію, въ силу которой всѣ сдѣлки торговца считаются относящимися къ его торговлѣ, слѣдовательно, торговыми, пока *противное не будетъ доказано*. Не будь юридической возможности доказывать противное, иными словами, считая названную презумпцію praesumptionem juris et de jure, мы, разумѣется, должны бы были считать вполнѣ правильнымъ и терминъ „субъективный". Но такая возможность существуетъ по всѣмъ современнымъ законодательствамъ торговаго права [1]).

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что квалификаціи торговца не слѣдуетъ придавать исключительнаго значенія для коммерціальности сдѣлки и что, отсюда, и слово „субъективный" не слѣдуетъ понимать въ строгомъ, буквальномъ смыслѣ.

Анализируя, далѣе, субъективныя торговыя дѣйствія, мы различаемъ въ нихъ, во 1-хъ, такія, которыя лишь примыкаютъ къ основнымъ дѣйствіямъ (Grundgeschefte) торговаго промысла, вызываются послѣднимъ и составляютъ его побочныя, но, тѣмъ не менѣе, необходимыя сдѣлки; во 2 хъ, такія, которыя при одиночномъ совершеніи трактуются какъ обыкновенные гражданскія акты, но при промысловомъ ихъ веденіи признаются коммерціальными; такъ, напримѣръ, принятіе на сохраненіе чужихъ вещей, посредничаніе при заключеніи договоровъ, дачи денегъ въ займы и т. д. суть дѣйствія гражданскія; но содержаніе сберегательныхъ конторъ, содержаніе справочныхъ конторъ для найма рабочихъ, квартиръ и т. д. и вообще содержаніе всякихъ конторъ законъ причисляетъ къ операціямъ

---

[1]) Ст 274 общ. гер. тор. улож., art. 638 п. 2 Cod. de Com., art. 3 пп. 2, 3, ит. тор. улож. Хотя объ этомъ въ нашемъ уставѣ прямаго постановленія не имѣется, но, однако, то, что нами выше было сказано о значеніи и характерѣ нашего торговаго права и нашихъ торговыхъ судовъ, не оставляетъ никакаго сомнѣнія въ томъ, что правило приведенныхъ статей европейскихъ законодательствъ существуетъ и по нашему торг. праву.

торговымъ [1]). Тогда какъ первыя являются лишь побочными сдѣлками главнаго торговаго оборота, вторыя сами составляютъ Grundgeschefte — основныя дѣйствія промысла.

Что касается первой категоріи субъективныхъ дѣйствій, то они торговы *по зараженію*. Собственно говоря, они должны *бы* были быть признаваемы торговыми и тогда, когда принимаются для одиночнаго торговаго оборота, — такъ какъ и тогда они заражаются коммерціальностью главнаго оборота, но почему-то законодательства предписываютъ признавать ихъ торговыми лишь въ томъ разѣ, когда они примыкаютъ къ промыслу. Перечислить эти дѣйствія нѣтъ никакой возможности, такъ какъ они чрезвычайно разнообразны и многочисленны. Къ нимъ, напримѣръ, относятся: наемъ прикащиковъ, перевозчиковъ, покупка орудій, машинъ для фабрикъ и заводовъ, покупка, словомъ, всего, что нужно для веденія главнаго оборота, даже пріобрѣтеніе вещей для украшенія магазиновъ [2]) и т. д.

Что же касается второй категоріи собственно субъективныхъ торговыхъ дѣйствій, то, строго говоря, они не должны *бы* были считаться торговыми и при промысловомъ веденіи, ибо, иначе, подъ эту категорію дѣйствій можно будетъ подвести дѣйствія всякаго, кто только занимается какою-нибудь спеціальностью, а не мѣняетъ свое занятіе ежедневно. Такъ, сюда можно бы было отнести сдѣлки адвоката съ кліентами, дѣйствія живописца по принятію заказа, сдѣлки механика, техника и проч. съ лицами, нуждающимися въ ихъ содѣйствіи. Въ самомъ дѣлѣ, если мы проанализируемъ внимательно дѣятельность ростовщика, содержателя справочныхъ конторъ, кон-

---

[1]) Полож. о пош. ст. 2 пп. 5, 6, 7, смотри у Цитовича § 26.

[2]) Ст. 273 общ. гер. тор. улож; art. 3 п. 3 ит. тор. улож. Въ нашемъ и франц. тор. кодексахъ мы имѣемъ на эти дѣйствія лишь намеки: ст. 1300—2, art. 632. Сенатская же практика представляетъ массу рѣшеній, въ которыхъ признается коммерціальность этихъ побочныхъ дѣйствій. Р. 4-го д. пр. сен. №№ 443, 445, 447 и др. Подробности смотри Pardessus n° 12—21, Rivière p. 847, Цитовичъ §§ 24—5.

торъ для найма рабочихъ и т. д., то въ ней мы найдемъ ни что другое, какъ простую эксплоатацію этими лицами своихъ силъ духовныхъ или матеріальныхъ. Но не такъ смотритъ на это законодатель. Находя занятія нѣкоторыхъ лицъ прибыльными и вмѣстѣ съ тѣмъ рискованными, онъ усматриваетъ въ нихъ выраженіе спекулятивнаго намѣренія и вслѣдствіе этого причисляетъ ихъ къ торговымъ дѣйствіямъ; или же онъ признаетъ нѣкоторыя занятія коммерціальными лишь изъ-за вспомогательнаго ихъ значенія для торговли.

Отсюда, дѣйствія этой категоріи считаются торговыми только по исключенію. По этому къ статьямъ закона, говорящимъ о нихъ, не могутъ быть прилагаемы ни экстензивное, ни анологическое толкованіе; слѣдуетъ причислять къ торговымъ лишь тѣ дѣйствія, о которыхъ expressis verbis говорится въ законахъ. Такъ, если, напримѣръ, законъ говоритъ только о справочныхъ конторахъ, то отсюда нисколько нельзя вывести, что къ торговымъ дѣйствіямъ должно отнести и содержаніе сберегательныхъ конторъ.

Къ субъективнымъ торговымъ дѣйствіямъ второй категоріи обыкновенно относятъ: транспортировку водную и сухопутную, страхованіе, банкирскій промыселъ, коммиссіонерство, посредничаніе въ торговыхъ сдѣлкахъ — маклерство и занятіе прикащиковъ. Одни изъ этихъ операцій могутъ быть причислены къ торговымъ оборотамъ, слѣдовательно, будутъ имѣть главнымъ предметомъ объективныя торговыя дѣйствія, какъ, напримѣръ, банкирскій промыселъ; другія будутъ чисто субъективными, напримѣръ, страхованіе, маклерство и др.

Наконецъ, относительно подсудности исковъ по торговымъ дѣйствіямъ, разсмотрѣннымъ въ этомъ параграфѣ, коммерческому суду не возбуждается никакого разногласія и сомнѣнія. Всѣ иски, имѣющія активнымъ основаніемъ своимъ одно изъ дѣйствій, входящихъ въ составъ торговаго промысла, какъ главныя или вспомогательныя данныя его, должны быть предъявлены въ этомъ судѣ, а не въ гражданскихъ.

§ 18. Торговая несостоятельность и ея подсудность.

Кромѣ дѣлъ, разсмотрѣнныхъ нами до сихъ поръ, къ вѣдомству коммерческихъ судовъ по ст. 1300 п. 2 и 1855 уст. тор. относятся и дѣла по торговой несостоятельности. Такъ какъ въ нашей судебной практикѣ установилось объ этой несостоятельности самое превратное понятіе, то на разъясненіи послѣдняго мы считаемъ необходимымъ остановиться нѣсколько долѣе.

Что же такое торговая несостоятельность? Это есть несостоятельность по торговлѣ, или, иначе, несостоятельность торговца [1]). Въ этомъ отвѣтѣ имѣются два понятія, которыя необходимо выяснить для его пониманія, именно *торговецъ* и *торговля*. „Торговецъ тотъ, кто имѣетъ свою торговлю, ведетъ эту торговлю, какъ свой промыселъ" [2]), а торговля — промысловое веденіе спекуляціи вообще, въ частности, торговыхъ оборотовъ. Для наличности понятій торговца и торговли взятіе торговаго свидѣтельства не составляетъ существеннаго условія. Торговецъ и торговля бываютъ и тогда, когда промыселъ совершается безъ всякаго свидѣтельства, потому ли, что лицо въ нарушеніе законовъ о пошлинахъ торгуетъ безъ патента, или потому, что для веденія данной торговли вовсе не требуется свидѣтельство — торговля освобождена отъ пошлинъ. Далѣе, и для подсудности ни при чемъ наличность или отсутствіе свидѣтельства. Такъ, въ ст. 23 пол. о пош. нѣтъ ни слова о патентѣ; по ней „всѣ вообще торгующіе по свидѣтельствамъ или безъ оныхъ, какого бы званія ни были, по всѣмъ дѣламъ и спорамъ торговымъ вѣдаются на основаніи устава торговаго". Въ частности, о патентѣ нѣтъ и помину въ ст. 1855 уст. тор., по которой „всѣ лица, впавшія по торговлѣ въ несостоятельность, подсудны по своей несостоятельности коммерческому суду, а гдѣ сего суда нѣтъ, магист-

---

[1]) Ст. 1855 уст. тор.
[2]) Цитовичъ § 27.

рату или ратушѣ того мѣста, гдѣ они имѣютъ пребываніе"; въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ введены новые судебные уставы 64 г., за отсутствіемъ коммерческаго суда, на основаніи 28 ст. уст. гр. суд., дѣла о торговой несостоятельности вѣдаются окружными судами по мѣсту постояннаго жительства должника[1]).

Отсюда вытекаетъ, что, собственно говоря, можетъ быть только одно понятіе торговца по отношенію ко всѣмъ видамъ и родамъ торговли, а равно и для несостоятельности.

Но какъ быть послѣ этого со ст. 1858 уст. тор., которая, повидимому, вводитъ двойственность въ понятіе торговца и выдѣляетъ особую категорію торговцовъ, которые одни способны впасть въ торговую несостоятельность. Такъ, эта статья опредѣляетъ торговую несостоятельность слѣдующимъ образомъ: „торговою несостоятельностью признается, 1) когда кто либо по торговлѣ, присвоенной лицамъ, взявшимъ *купеческія свидѣтельства*, придетъ въ такое дѣлъ положеніе, что нетолько не имѣетъ наличныхъ денегъ на удовлетвореніе въ срокъ своихъ, долговъ въ важныхъ суммахъ болѣе тысячи пятисотъ рублей но и есть признаки, симъ уставомъ опредѣленные, по коимъ заключить можно, что долги его неоплатны, т. е. что всего имущества его для полной ихъ уплаты будетъ недостаточно; 2) когда кто либо по *мѣщанскимъ промысламъ* впадетъ въ такую же (п. 1) неоплатность въ важныхъ суммахъ, выше тысячи пятсотъ рублей". По этой статьи выходитъ, будто можетъ впадать въ торговую несостоятельность только торгующій по купеческимъ свидѣтельствамъ и по свидѣтельствамъ на мѣщанскій промыселъ. Неужели же торгующіе по свидѣтельствамъ на мелочной, развозный и разностный торги[2]), или безъ всякихъ свидѣтельствъ[3]) лишены такой способности! Дѣло въ

---

[1]) Ст. 2 и слѣд. временныхъ правилъ производ. дѣлъ о несостоятельности. Прилож. къ ст. 223 уст. гр. суд.

[2]) Ст. 14 пп. 1—3 пол. о пош.

[3]) Ст. 4 сравнить со ст. 23 ib.

томъ, что „купеческія свидѣтельства" и „мѣщанскій промыселъ" статьи 1858 по продолженію 1863 г. не имѣютъ того смысла, въ какомъ эти выраженія употреблены въ статьяхъ 12—14 пол. о пош. По ст. 12 „купеческія свидѣтельства предоставляютъ лицамъ, ихъ взявшимъ, сверхъ правъ на торговлю, званіе купеческое и соединенныя съ онымъ личныя преимущества", а свидѣтельства на мѣщанскіе промыслы составляютъ лишь видъ промысловыхъ свидѣтельствъ, которыя должны быть взяты и на мелочной, развозный и разносный торгъ [1]. Слѣдовательно, вся разница купеческаго свидѣтельства по пол. о пош. отъ другихъ свидѣтельствъ лишь въ томъ, что первое, кромѣ права на торговлю, даетъ еще извѣстныя сословныя преимущества, о которыхъ говорится въ кн. I гл. I. от. I уст. тор. За вычетомъ этихъ почетныхъ правъ купеческія свидѣтельства по своему характеру и значенію вполнѣ равняются промысловымъ, и нѣтъ никакого основанія различить ихъ по отношенію къ несостоятельности, тѣмъ болѣе, один видъ послѣднихъ свидѣтельствъ въ этомъ отношеніи, какъ мы знаемъ, отождествляется съ первыми ст. 1858. Перейдемъ отъ этихъ соображеній къ интерпретаціи ст. 1858 и, въ частности, къ раскрытію истиннаго смысла и объема понятія— „купеческое свидѣтельство", которое, благодаря своей устарѣлости и неточности, искажаетъ весь смыслъ ст. 1858. Для этой цѣли обратимся къ редакціи этой статьи 1857 года и сличимъ ее съ редакціей 1863 г. Текстъ ст. 1858 этой новой редакціи нами уже былъ приведенъ выше; теперь сопоставимъ несходныя мѣста обѣихъ редакцій: „торговою несостоятельностью признается: 1) когда кто-либо *изъ торгующаго сословія* по торговлѣ, *гильдіямъ и торовымъ разрядамъ установленными свидѣтельствами присвоенной*, придетъ et cet., 2) когда кто-либо *по торговлѣ и промысламъ, представленнымъ мѣщанскому состоянію безъ свидѣтельствъ*, впадетъ et cet." (Редак. 1857 г.). Соотвѣтственныя мѣста редакціи 1863 г.

---

[1]) Ст. 14 ib.

„торговою несостоятельностью признается: 1) когда кто-либо по торговлѣ, присвоенной лицамъ, взявшимъ *купеческія свидѣтельства*, придетъ et cet. 2) когда кто-либо по *мѣщанскимъ промысламъ* впадетъ et cet.“ Изъ этого сопоставленія видно, какія мѣста перваго текста замѣнены какими—втораго. Такъ, выраженіе „купеческое свидѣтельство“ очевидно замѣняетъ свидѣтельства гильдейскія или купеческія въ тѣсномъ смыслѣ [1]) и свидѣтельства разрядныя, предоставлявшія право торговли крестьянамъ [2]). Но обнимаетъ ли оно оба вида свидѣтельствъ редакціи 1857 г., или оно имѣетъ болѣе тѣсный смыслъ, соотвѣтствующій тому же выраженію ст. 12 пол. о пош. или пп. 1, 2 ст. 5 уст. тор.? Для удовлетворительнаго отвѣта на поставленный вопросъ мы должны обратиться къ недавнему прошлому. До изданія „положенія о пошлинахъ за право торговли и другихъ промысловъ“, именно, до 1 января 1863 г., у насъ дѣйствовали съ незначительными измѣненіями постановленія о торговлѣ и промышленности, изданныя еще при Екатеринѣ II, въ 1775 г. По этимъ законамъ, вошедшимъ въ первую книгу торговаго устава, существовало, собственно, два вида торговли и промышленности: 1) торговля и промышленность, предоставленная купечеству — „*купеческая торговля*“, 2) торговля и промыслы, присвоенные особенно мѣщанамъ — „*мѣщанская торговля*“ [3]). Послѣдняя называется свободною торговлею и ведется безъ взятія свидѣтельствъ [4]); первая разбивается по тремъ купеческимъ гильдіямъ, а такъ какъ она не есть свободная торговля, то отсюда существовало три разряда купеческихъ свидѣтельствъ. Основаніемъ дѣленія купеческаго сословія на гильдіи уставъ принимаетъ слѣдующее: 1) количество объявленнаго капитала, 2) количество гильдейской пошлины, 3) гильдейскія преимущества и права по торговлѣ [5]).

[1]) Въ такомъ, именно, смыслѣ терминъ „купеч. свидѣтельство“ употребленъ въ ст. 12 пол. о пош.

[2]) Ст. 234—255 уст. тор.

[3]) Ст. 234—5 и слѣд. уст. тор.

[4]) Ст. 306 и слѣд. ib.

[5]) Ст. 7 уст. тор.

Что касается торговли крестьянъ, то она примыкаетъ или къ тому или другому виду купеческой, или къ мѣщанской торговлѣ. Отсюда—четыре разряда крестьянской торговли; первые три соотвѣтствуютъ разрядамъ купеческой торговли, четвертый же — мѣщанской. Отсюда, далѣе, четыре рода свидѣтельствъ: свидѣтельство перваго рода даетъ крестьянину право торговли, предоставленной купцу первой гильдіи, но безъ личныхъ сего купца преимуществъ и всѣхъ тѣхъ правъ, кои изъ нихъ проистекаютъ и безъ права заниматься банкирскими и страховыми дѣлами[1]); свидѣтельство втораго рода — право торговли, предоставленной купцу второй гильдіи, безъ его преимуществъ[2]); свидѣтельство третьяго рода—право на торговлю, предоставленную купцу третьей гильдіи безъ личныхъ его преимуществъ[3]); наконецъ, свидѣтельство четвертаго рода даетъ право на торги и промыслы въ городахъ, предоставленные мѣщанамъ[4]).

И такъ, по уставу 1857 г. были лишь двѣ категоріи свидѣтельствъ: гильдейскія или купеческія, дающія, кромѣ права на торговлю, извѣстныя преимущества, и „торговыя“[5]), установленныя для торговыхъ разрядовъ. Статья же 1858 свода 1857 года, какъ видно изъ подчеркнутыхъ нами мѣстъ ея, признаетъ способными къ торговой несостоятельности всѣхъ вообще торговцовъ: купцовъ, крестьянъ, торгующихъ по разрядамъ (п. 1) и мѣщанъ, торгующихъ безъ всякаго свидѣтельства (п. 2). Почему же эта статья не говоритъ также о свободной торговлѣ дворянъ[6])? Очень просто въ статьяхъ 299—305, подъ заглавіемъ — „свободная торговля дворянъ“ трактуется собственно о простой продажѣ дворянами продуктовъ своего хозяйства, а не о торговлѣ въ настоящемъ смыслѣ[7]). Вотъ, по нашему мнѣнію, истинный смыслъ ст. 1858

[1]) Ст. 247 уст. тор.
[2]) Ст. 248 ib.
[3]) Ст. 249 ib.
[4]) Ст. 250 ib.
[5]) Ст. 239 ib.
[6]) Ст. 299—305 ib.
[7]) Смотри у насъ. § 6.

при ея прежней редакціи. При нашемъ толкованіи ея не возникаетъ никакого противорѣчія ни со ст. 1855, ни съ положеніями теоріи и законами логики.

Посмотримъ теперь, не измѣняется ли наше пониманіе ст. 1858 съ новою редакціей ея по прод. 1863 г. и съ изданіемъ „пол. о пош.“

Податная коммиссія, учрежденная въ 1859 году для пересмотра податной системы, въ частности, для переустройства положенія торговли и промысловъ, 1 января 1863 года издала „положеніе о пошлинахъ за право торговли и другихъ промысловъ“, и рѣшено было не ввести его въ дѣйствіе впредъ до общаго пересмотра устава торговаго. Но пересмотра этого не было, положеніе было дополнено и введено въ дѣйствіе 9 февраля 1865 года. Положеніе это уничтожило въ торговлѣ: сословное начало, разницу между городомъ и деревнею и проч.[1]). Отсюда по необходимости были отмѣнены многія статьи первой книги уст. торговаго, а нѣкоторыя изъ нихъ были замѣнены новыми. Къ такимъ измѣненнымъ, а слѣдовательно, замѣненнымъ статьямъ относится и статья 1858. Прежняя ея редакція не могла быть оставлена послѣ изданія полож. о пош., такъ какъ послѣднее, какъ сказано, уничтожило сословную разницу, „торговые разряды“; оставляя же дѣленіе торговли на свободную и несвободную, въ основу его оно положило не состояніе лицъ или мѣсто совершенія торговли, а предметъ послѣдней. Вотъ почему въ новой редакціи ст. 1858 не могли уцѣлѣть выраженія: „торгующее состояніе“, „мѣщанское состояніе“, „торговля, гильдіямъ и торговымъ разрядамъ установленными свидѣтельствами усвоенная“, „торговля мѣщанъ безъ свидѣтельствъ“, — и должны были быть замѣнены новыми выраженіями, или совершенно выпущены. Въ текстѣ 1863 г. мы встрѣчаемъ, за исключеніемъ безъ замѣны выпущенныхъ словъ, какъ-то: „состояніе“, „безъ свидѣтельствъ“ (по полож. о пош.

---

[1]) Ст. 20, 23 и др. пол. о пош.

и мѣщане торгуютъ по свидѣтельствамъ) одно новое выраженіе, употребленное вмѣсто гильдейскихъ и разрядныхъ или торговыхъ свидѣтельствъ, именно: „купеческое свидѣтельство". Этотъ терминъ, по нашему мнѣнію, обнимаетъ собою какъ купеческія свидѣтельства ст. 13 пол. о пош., такъ и промысловыя свидѣтельства ст. 14 пп. 1—3 того же положенія.

Изъ изложеннаго ясно, что новый текстъ ст. 1858 нисколько не измѣняетъ прежняго его смысла; по этому по смыслу какъ первой, такъ и второй редакціи ст. 1858, *несостоятельность всякаго торговца есть торговая* безъ отношенія къ тому, торгуетъ ли онъ со свидѣтельствомъ, или безъ онаго въ нарушеніе ли законовъ о пошлинахъ, или въ силу освобожденія данной торговли отъ пошлинъ.

Не такъ, однако, толкуетъ ст. 1858 уст. тор. наша судебная практика. Для примѣра приведемъ дословно одно изъ сенатскихъ рѣшеній, въ которомъ заключаются взгляды почти всѣхъ нашихъ судовъ на смыслъ и значеніе названной статьи о торговой несостоятельности:

„Повѣренный одного изъ кредиторовъ содержателя типографіи Головина, указывая, что этотъ послѣдній долженъ свыше 800000 руб. и не имѣетъ полнаго рубля на уплату своихъ долговъ, 18 мая 1872 г. требовалъ въ коммерческомъ судѣ, на основаніи 1879 ст т. XI, открытія несостоятельности Головина. На это требованіе Головинъ возразилъ, что дѣло о его несостоятельности неподсудно ком. суду въ виду 1858 ст. тор. уст. и примѣч. къ ней и ст. 37 пол. о пош. за право тор. и др. промысловъ, ибо хотя онъ, Головинъ, содержитъ типографію, но они купеческаго, ни промысловаго свидѣтельства не имѣетъ и по закону имѣть не обязанъ. Къ этому Головинъ присовокупилъ, что вопросъ о его несостоятельности имъ возбужденъ уже въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ. Коммерческій судъ, разсматривая вопросъ о подсудности настоящаго дѣла, нашелъ: 1) что торговою несостоятельностью признается, когда кто либо впадетъ въ неоплатность или а) по торговлѣ, присвоенной лицамъ, взявшимъ купеческія свидѣ-

тельства, или b) по мѣщанскимъ промысламъ, и что во всѣхъ другихъ случаяхъ неоплатность не принадлежитъ къ торговой несостоятельности (т. XI. ст. 1858 и прим.); 2) что содержатель типографіи не можетъ почитаться производящимъ мѣщанскій промыселъ; 3) типографіи отнесены къ числу торговыхъ и промышленныхъ заведеній, которыя могутъ быть содержимы не иначе, какъ со взятіемъ билета по мѣстному окладу 2-й гильдіи (ст. 14 пол. о пош.); 4) что содержатели типографій не обязаны брать ни купеческихъ, ни промысловыхъ свидѣтельствъ (ст. 37 пол. о пош.); 5) что хотя такимъ образомъ содержатель типографіи и долженъ почитаться лицомъ, производящимъ торговлю, но не такую, которая присвоена лицамъ, взявшимъ купеческія свидѣтельства, и 6) что за симъ несостоятельность содержателя типографіи, какъ лица непроизводящаго ни мѣщанскаго промысла, ни такой торговли, которая присвоена лицамъ, взявшимъ купеческія свидѣтельсва, не не можетъ быть признана торговою. По этому судъ опредѣдилъ въ разсмотрѣніе этого дѣла, по неподсудности, не входить".

С.-Петербургскій окружный судъ, куда поступила просьба самаго Головина о признаніи его несостоятельнымъ должникомъ, также не принялъ къ производству этого дѣла, по неподсудности, на основаніи слѣдующихъ соображеній: „1) что ст. 1858 не исчерпываетъ, очевидно, всѣхъ случаевъ торговой несостоятельности и не измѣняетъ общаго, изложеннаго въ ст. 1855 т. XI ч. 2 правила, что всѣ лица, впадшія по торговлѣ въ несостоятельность, подсудны коммерческому суду; 2) что на основаніи п. 4 ст. 24 пол. о пош. (9 февраля 1865 г.), которое измѣнило 1 ст. и послѣд. т. XI ч. 2, типографіи отнесены къ торговымъ и промышленнымъ заведеніямъ, которыя могутъ быть содержимы не иначе, какъ со взятіемъ установленныхъ билетовъ, и что хотя ст. 37 того же положенія и дозволяетъ содержателямъ типографій не брать ни купеческихъ, ни промысловыхъ свидѣтельствъ, но эта льгота не измѣняетъ торговаго свойства, присвоеннаго содержанію типографій; 3) что за симъ несостоятельность содержателя типографіи, какъ

лица производящаго торговлю, хотя и освобожденнаго отъ взятія купеческаго свидѣтельства, должна быть признана торговою; 4) что ст. 1858 т. XI ч. 2. не должна быть примѣняема буквально и въ противорѣчіе со ст. 1855 того же тома, иначе пришлось бы признавать неторговою несостоятельностью несостоятельность такихъ лицъ, которыя, производя торговлю, не взяли бы почему либо установленныхъ для сего свидѣтельствъ; 5) что если и допустить, что настоящій случай не подходитъ подъ букву ст. 1858, то на основаніи ст. 9 и 28 уст. гр. суд., ст. 1855, 1858, 1300 п. 2, т. XI ч. 2 и пол. о пош., а также рѣшеній граждан. кассац. депр. сената 1867 г. № 299 и 1868 г. № 756, слѣдуетъ признать, что по разуму нашихъ законовъ, несостоятельность содержателей типографій есть несостоятельность лицъ, производящихъ торговлю, т. е. торговая несостоятельность".

„Въ частной жалобѣ на опредѣленіе окружнаго суда Головинъ объяснилъ, что его несостоятельность, какъ несостоятельность содержателя типографіи, не можетъ быть признана торговою, ибо онъ не торгуетъ, т. е. не ведетъ торговыхъ оборотовъ, имѣющихъ значеніе покупки и продажи и подробно перечисленныхъ въ ст. 1301 т. XI ч. 2, а также въ ст. 1, 2, 3, 32, 33 пол. о пош., и что онъ не занимается промыслами, т. е. ничего не обработываетъ, значитъ, не содержитъ ни фабрики, ни мануфактуръ какого либо царства природы, ни ремесленнаго заведенія. По этому Головинъ просилъ С.-Петербургскую судебную палату отмѣнить опредѣленіе окружнаго суда по его дѣлу и признать оное этому суду подсуднымъ".

„С.-Петербугская судебная палата, по департаменту гражданскихъ дѣлъ, въ общемъ собраніи департаментовъ, 28 октября 1872 г., основываясь на буквальномъ текстѣ 1858 ст. XI т. 2 ч. уст. тор. примѣч. къ ней по продл. 1863 и 1868 гг., нашла, что изъ приведенныхъ подъ этой статьей цитатъ обнаруживается, что въ продолженіи 1863 г. она согласована со ст. 14 и 15 пол. о пош. 1 января 1863 г., а въ продолженіи 1868 г. со ст. 13 и 14 того же положенія 9

февраля 1865 г.; а изъ этого послѣдняго видно, что всѣ роды торговыхъ и промышленныхъ дѣйствій, для коихъ не сдѣлано изъятія, дозволяются не иначе, какъ со взятіемъ ежегодно особыхъ *свидѣтельствъ* и *билетовъ* и съ платежомъ за оныя пошлинъ (ст. 10); что свидѣтельства раздѣляются на *купеческія* или *гильдейскія*, предоставляющія лицамъ, ихъ взявшимъ, сверхъ правъ на торговлю, званіе купеческое и соединенныя съ онымъ личныя преимущества, и *промысловыя*, непредставляющія никакихъ особыхъ преимуществъ, кромѣ правъ торговли въ предѣлахъ закономъ назначенныхъ (ст. 12); что *промысловыя* свидѣтельства выдаются на мелочной торгъ, на развозный торгъ и разносный торгъ, на *мѣщанскій промыселъ* и торговымъ прикащикамъ (ст. 14); что *взятію билетовъ* и платежу за оные установленныхъ пошлинъ подлежатъ всѣ поименованныя въ ст. 24 торговыя и промышленныя заведенія (ст. 15) и что *типографіи*, не исключая и казенныхъ, если онѣ принимаютъ частные заказы, отнесены къ числу торговыхъ и промышленныхъ заведеній, могущихъ быть содержимими не иначе, какъ со взятіемъ установленныхъ *билетовъ* (ст. 24 п. 2); что содержатели типографій и литографій, подлежа билетному сбору по мѣстному окладу 2-й гильдіи, не обязаны брать ни *купеческихъ*, ни *промысловыхъ свидѣтельствъ* (ст. 37); что право торговли, пріобрѣтенное взятіемъ свидѣтельства, теряется, между прочимъ, объявленіемъ несостоятельности (ст. 88) и можетъ быть пріобрѣтено вновь не иначе, какъ на основаніи правилъ, изложенныхъ въ уставѣ о торговой несостоятельности (ст. 89). На основаніи вышеизложеннаго палата пришла къ убѣжденію, что свойство торговой несостоятельности опредѣляется п. 1 ст. 1858 т. XI ч. 2, взятіемъ купеческаго или гильдейскаго свидѣтельства, а по 2 п. той же статьи производствомъ мѣщанскаго промысла, для котораго необходимо взятіе промысловаго свидѣтельства (пол. о пош. ст. 14 п. 4); содержатели же типографій, подлежатъ только билетному сбору, прямо освобождены отъ обязанности брать купеческія свидѣтельства (ст. 37); а потому и несостоятельность

содержателей типографій, не производящихъ собственно ни торговли, ни мѣщанскихъ промысловъ, никакимъ образомъ не можетъ быть признаваема торговою, по точному смыслу примѣч. къ 1858 ст. XI т. 2 ч. по прод. 1863 и 1868 гг. и отнесена къ вѣдомству коммерческаго суда." По этому общее собраніе департаментовъ судебной палаты опредѣлило: дѣло о несостоятельности Головина признать подсуднымъ С.-Петербургскому окружному суду".

На это опредѣленіе С.-Петербургской судебной палаты однимъ изъ кредиторовъ Головина была принесена въ гражданскій кассаціонный департаментъ правительствующаго сената частная жалоба съ просьбою отмѣнить названное опредѣленіе, между прочимъ, по непримѣненію къ дѣлу 1855 и 2 п. 1858 ст. 2 ч. XI т. Разсмотрѣвъ эту жалобу и принявъ во вниманіе, между прочимъ, „1) что по ст. 1858 т. XI (по прод. 1863) торговою несостоятельностью признается, когда въ неоплатность долговъ впадетъ кто либо по торговлѣ, присвоенной лицамъ, взявшимъ купеческія свидѣтельства или по мѣщанскимъ промысламъ; типографіи же отнесены къ торговымъ и промышленнымъ заведеніямъ, которыя могутъ быть содержимы по билетамъ, безъ взятія содержателями ихъ купеческихъ или промысловыхъ свидѣтельствъ (примѣч. къ ст. 464 т. V уст. о пош. прод. 1868 г. ст. 24 и 37), 2) что по примѣчанію къ вышеозначенной 1858 ст. (по прод. 1868 г.) неоплатность долговъ во всѣхъ прочихъ случаяхъ, кромѣ двухъ вышеозначенныхъ, не принадлежитъ къ торговой несостоятельности и 3) что по 1300 ст. т. XI ч. 2 къ вѣдомству коммерческихъ судовъ принадлежатъ дѣла лишь о торговой несостоятельности — правительствующій сенатъ нашелъ, что С.-Петербургская судебная палата, въ общемъ собраніи департаментовъ, правильно признала дѣло о несостоятельности содержателя типографіи Головина подсуднымъ С.-Петербургскому окружному суду и потому опредѣлилъ: утвердить постановленіе С.-Петербургской судебной палаты по сему предмету" [1]).

[1]) Практика С.-Петер. ком. суда за 1873 г. № 92.

Интерпретацію ст. 1858 окружнымъ судомъ мы считаемъ совершенно правильною согласною съ разумомъ нашихъ законовъ: она не вызываетъ того непримиримаго противорѣчія между ст. 1855 и 1858, которое является неизбѣжнымъ при пониманіи названной статьи такъ, какъ обоясняютъ ее коммерческій судъ, судебная палата и кассаціонный сенатъ. Возможныя возраженія противъ доводовъ и основаній, приводимыхъ этими судами въ пользу некоммерціальности несостоятельности содержателя типографіи, даны нами выше; поэтому мы считаемъ лишнимъ повторить ихъ здѣсь вторично.

Нѣтъ, разумѣется, сомнѣнія, что ст. 1858 изложена очень темно, что редакція ея весьма неудачна, и давно пора ее разъяснить; но, пока она остается, ее слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы ее толкуемъ; иное пониманіе породитъ массу противорѣчій и приведетъ къ абсурду. Такъ соглашаясь съ мнѣніемъ кассаціоннаго сената, мы должны признать неторговою несостоятельность такихъ лицъ, которыя, въ нарушеніе законовъ о пошлинахъ, производя торговлю, не взяли свидѣтельства; очевидная несправедливость: лица, заслужившія наказаніе, этимъ мнѣніемъ ставятся въ положеніе сравнительно лучшее, чѣмъ положеніе торговцевъ, не нарушившихъ никакихъ законовъ; вѣдь, несостоятельность торговая имѣетъ больше невыгодныхъ послѣдствій для должника, чѣмъ несостоятельность неторговая. Лучше редактирована соотвѣтственная ст. 1858 статья французскаго торговаго уложенія. По art. 437 „tout commercant, qui cesse ses payements est en etat de faillite“. Art. 553 итальян. тор. улож. составляетъ буквальный переводъ art. 437 Cod. de Com.

Мы кончили наше изложеніе[1]). Мы разсмотрѣли характеръ и значеніе коммерческихъ судовъ, предметы ихъ вѣдом-

[1]) О 2 п. 1302 ст. уст. тор., т. е. о подсудности споровъ и „всякаго

ства, при чемъ на тѣхъ изъ этихъ предметовъ, которые возбуждаютъ со стороны коммерціальности и подсудности бо́льшія сомнѣнія и противорѣчія, мы остановились подробнѣе, относительно же другихъ, менѣе спорныхъ, мы ограничились лишь краткимъ указаніемъ главныхъ дѣйствій, входящихъ въ данный видъ торговыхъ операцій. Такъ, мы только перечислили различныя вексельныя дѣйствія, дѣйствія торговыя изъ за предмета, такъ называемыя субъективно — торговыя дѣйствія, и пр., не разсматривая ихъ юридическаго значенія и состава. Да это и не входило въ нашу тему: вопросовъ матеріальнаго права мы коснулись настолько, насколько они нужны были для разъясненія того или другаго процессуальнаго закона.

Въ результатѣ нашего изслѣдованія мы пришли къ тому убѣжденію, что наши торговые законы страдаютъ весьма многими недотатками; поэтому пересмотръ матеріальнаго торговаго права и введеніе въ дѣйствіе уже давно выработаннаго проекта устава торговаго судопроизводства были бы очень желательны.

рода" исковъ между товарищами торговыхъ товариществъ мы въ отдѣльности не говорили; такъ какъ изъ предъидущаго изложенія достаточно уже ясно, что не всѣ дѣла между товарищами этихъ товариществъ могутъ быть подсудны коммерч. судамъ, а только торговыя, т. е. имѣющія отношеніе и связь съ торговыми операціями товарищества; отсюда выраженіе „всякаго рода"—нельзя понимать въ буквальномъ смыслѣ.

III. Приложенія.

III. Приложенія.

К ИСТОРІИ

ПРАВА РУССКИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.

КАЛМЫЦКОЕ ПРАВО.

Ѳ. И. Леонтовича.

ЧАСТЬ I.

Настоящая работа представляетъ, кромѣ изданія калмыцкаго уложенія 1822 года, посильный опытъ научной разработки интересныхъ памятниковъ кочевой культуры восточныхъ инородцевъ — ойратскаго устава 1640 года и позднѣйшей его переработки у русскихъ калмыковъ. Издаваемая нынѣ первая часть моей книги состоитъ изъ текста уложенія 1822 года съ указателемъ и изъ особыхъ «примѣчаній». Въ послѣднихъ я старался, во 1-хъ, выяснить общіе вопросы о составѣ, источникахъ и характерѣ издаваемаго памятника, затѣмъ во 2-хъ, въ отдѣлѣ объ «общественномъ бытѣ» намѣтить и по возможности разъяснить коренныя начала, квалифицировавшія всю политическую и правовую жизнь калмыковъ, — начала, проявлявшіяся главнымъ образомъ въ формахъ родовыхъ союзовъ, кочевомъ бытѣ и хозяйственной ихъ культурѣ, хищничествѣ и военно дружинномъ бытѣ, наконецъ въ сословной организаціи родовыхъ союзовъ. Разсмотрѣніе собственно «правоваго быта» по калмыцкимъ уставамъ составитъ задачу второй части моей работы, въ которую войдутъ слѣдующіе отдѣлы: объ административномъ строѣ родовыхъ союзовъ по калмыцкимъ уставамъ, о частномъ-правномъ бытѣ (отношеніяхъ имущественныхъ, семейныхъ, наслѣдственныхъ и пр.), объ уголовномъ правѣ и процессѣ.

Считаю нужнымъ сдѣлать оговорку касательно задачи моей работы. Я вовсе не имѣлъ въ виду изложить въ моей трудѣ «исторію калмыцкаго права». Моя задача гораздо тѣснѣе: въ «примѣчаніяхъ» я старался опредѣлить и выяснить возможно точно и ясно основныя положенія, развитыя калмыцкими уставами по намѣченнымъ мною вопросамъ, и только. Съ этой цѣлью, кромѣ изданныхъ мной памятниковъ, я пользовался другими источниками (напр., матеріалами по обычному праву сибиряковъ—инородцевъ, среднеазіатскихъ монголовъ и пр.), лишь на сколько это казалось мнѣ необходимымъ для возможно-правильной постановки избранныхъ мной вопросовъ. Изъ архивныхъ источниковъ мнѣ удалось воспользоваться интересной рукописью Бакунина («Описаніе калмыцкихъ народовъ», 1761 г.). Для второй части я имѣю въ виду, между прочимъ, богатый архивный матеріалъ, хранящійся въ Моск. Главн. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ. По главнымъ же вопросамъ, изложеннымъ въ настоящей части моей работы, я собственно не имѣлъ большой надобности въ новомъ пересмотрѣ и изученіи архивныхъ данныхъ по «калмыцкимъ дѣламъ» упомянутаго Архива, такъ какъ такія данныя давно уже извлечены и весьма обстоятельно изучены въ извѣстномъ трудѣ о калмыкахъ бар. Ѳ. А. Бюллера (нынѣ директора сказаннаго Архива), — трудѣ, служившемъ для меня по богатству архивнаго матеріала очень важнымъ пособіемъ по многимъ вопросамъ, затронутымъ въ настоящей моей работѣ.

Кромѣ необходимости въ архивныхъ работахъ, есть еще другая причина, заставившая меня отложить на время изданіе второй половины моего труда. Недавно я узналъ, что профессору монгольскаго языка

въ Петербургскомъ университетѣ, К. Ѳ. Галстунскому, посчастливилось открыть монгольскій списокъ изданнаго мной ойратскаго устава, и что уставъ уже печатается съ русскимъ переводомъ. Такимъ образомъ, вмѣсто стараго испорченнаго русскаго текста ойратскаго устава, предстоитъ возможность изученія правоваго быта ойратовъ по подлинному ихъ уставу, не затрудняясь тѣми несообразностями, какія встрѣчаются почти въ каждой статьѣ устава по извѣстнымъ доселѣ русскимъ спискамъ.

Ѳ. Л.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Право мунгальскихъ и калмыцкихъ народовъ, исправленное и дополненное въ Зинзилинскомъ собраніи» (Зинзилинскія постановленія) есть собственно переработанная редакція монгольскаго ойратскаго устава 1640 г., дѣйствовавшаго у русскихъ калмыковъ подъ титуломъ «древнихъ калмыцкихъ постановленій» [1]). Зинзилинскія постановленія были составлены въ 1822 г., по иниціативѣ русскаго правительства, на съѣздѣ калмыцкихъ родоправителей (нойоновъ и зайсанговъ) и духовенства, въ видахъ приведенія древнихъ калмыцкихъ законовъ «въ согласность съ потребностями народа» [2]).

Переработка древняго ойратскаго устава не осуществилась, — Зинзилинскія постановленія не получили законодательнаго значенія, остались неудавшейся попыткой кодификаціи калмыцкаго права. Но эта попытка имѣетъ немаловажное значеніе по отношенію ея къ *обычному праву* русскихъ калмыковъ. Констатированныя въ Зинзилинскихъ постановленіяхъ

---

[1]) Текстъ ойратскаго устава 1640 г., съ замѣчаніями объ исторіи монгольскаго и калмыцкаго права, изданъ мною въ сочиненіи: «Къ исторіи права русскихъ инородцевъ. Древній монголо-калмыцкій или ойратскій уставъ взысканій (Цааджинъ-Бичикъ)». Одесса 1879.

[2]) Исторія «Зинзилинскихъ постановленій» изложена нами въ сочиненіи, указанномъ въ 1-мъ примѣчаніи, стр. 30—34. Ср. также бар. Ѳ. А. Бюлера «Кочующіе и осѣдло-живущіе въ Астраханской губерніи инородцы», въ Отеч. Зап. 1846, т. XL, № 8, стр. 74 и 78; № 11, стр. 5—7. К. Костенкова «Историческія и статистическія свѣдѣнія о калмыкахъ, кочующихъ въ Астраханской губерніи». Спб. 1870, стр. 19—20.

дополненія и исправленія въ древнемъ «правѣ мунгальскихъ и калмыцкихъ народовъ» были воспроизведены на строгой почвѣ правовыхъ обычаевъ, какъ они развились и удержались въ современномъ кочевомъ быту русскихъ калмыковъ[1]. Отсюда сама собою понятна вся важность «Зинзилинскихъ постановленій», какъ одного изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ, служащихъ очень важнымъ подспорьемъ при изученіи обычнаго права кочевниковъ русскихъ юго-восточныхъ окраинъ. Зинзилинскія постановленія можно съ полнымъ правомъ относить, какъ и древній ойратскій уставъ монголовъ, къ самороднымъ памятникамъ исключительно степной, кочевой культуры, доселѣ составляющей, можно сказать, національную принадлежность калмыковъ и другихъ средназіатскихъ и сибирскихъ племенъ монгольскаго корня.

---

[1]) Къ явленіямъ, въ которыхъ сказывается вліяніе новыхъ условій жизни калмыковъ, условій, возникшихъ, какъ результатъ болѣе близкаго соприкосновенія этихъ инородцевъ съ господствующимъ русскимъ населеніемъ, нужно относить главнымъ образомъ отмѣну племенныхъ военныхъ законовъ, нормировавшихъ военно-дружинную организацію кочевыхъ родовъ калмыковъ, затѣмъ систему тѣлесныхъ наказаній, развитую въ Зинзилинскихъ постановленіяхъ и почти вовсе неизвѣстную древнему ойратскому уставу, — также новую систему подсудности дѣлъ уголовныхъ — однихъ суду калмыцкому, другихъ суду и закону русскому. Въ остальномъ, за весьма малыми исключеніями, Зинзилинскія постановленія представляютъ собой лишь болѣе детальное и обстоятельное нормированіе основныхъ началъ древняго ойратскаго устава монголовъ. Такимъ образомъ, дополняя старый уставъ новыми статьями касательно наслѣдованія, родовой баранты, откочевокъ, отношеній родоправителей къ зависѣвшимъ отъ нихъ родамъ и пр., Зинзилинскія постановленія собственно не вводятъ здѣсь ничего новаго, но лишь констатируютъ то, что издавна существовало въ народныхъ обычаяхъ и мало или вовсе не затрогивалось племеннымъ уставомъ. Таковъ, напр. источникъ новыхъ статей о родовой барантѣ или отгонѣ скота, — институтѣ, бывшемъ извѣстнымъ до настоящаго времени лишь по описаніямъ наблюдателей быта калмыковъ (см. напр. П. Небольсина «Очерки быта калмыковъ Хошоутовскаго улуса», въ Библ. для чт. т. CXIII, № 6, стр. 129). Таковъ же источникъ и другихъ статей съ записанными въ нихъ народными обычаями. Болѣе подробное разсмотрѣніе вопроса объ отношеніи Зинзилинскихъ постановленій къ древнему ойратскому уставу изложено ниже, въ примѣчаніяхъ къ тексту Зинзилинскихъ постановленій.

Подлинный списокъ Зинзилинскихъ постановленій, по словамъ барона Ѳ. А. Бюлера, хранится въ архивѣ бывшаго Калмыцкаго Управленія[1]). Въ 1843 г., во время командировки въ Астраханскую губернію для изслѣдованія на мѣстѣ вопроса о древнихъ калмыцкихъ законахъ, Бюлеръ открылъ въ архивѣ суда Зарго двѣ рукописи: а) «Древнія калмыцкія постановленія. Переводъ съ права мунгальскихъ и калмыцкихъ народовъ», и б) «Право мунгальскихъ и калмыцкихъ народовъ, исправленное и дополненное въ Зинзилинскомъ собраніи калмыцкихъ Нойновъ, Зайсанговъ, Ламъ и Гэлюновъ». Копіи съ этихъ двухъ рукописей, вмѣстѣ съ «примѣчаніями къ рукописи — древнія калмыцкія постановленія», были пожертвованы бар. Бюлеромъ въ 1875 г. библіотекѣ Московскаго Юридическаго Общества[2]). Благодаря содѣйствію Общества, доставившаго на время въ мое распоряженіе упомянутыя рукописи, я получилъ возможность, не только ближе познакомиться, какъ съ новымъ спискомъ изданнаго мной ойратскаго устава 1640 г., такъ и съ опытомъ переработки этого устава калмыцкими родоправителями въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія, но и издать, съ согласія Общества, Зинзилинскія постановленія оп рукописи, принадлежащей упомянутому Обществу.

Что касается первой рукописи, то заключающійся въ ней списокъ русскаго перевода ойратскаго устава 1640 г. есть такая же копія этого памятника, какъ и изданный мною списокъ І. В. Бентковскаго[3]). Судя впрочемъ по варіантамъ[4]), открытымъ мною въ рукописи бар. Бюлера, послѣднюю нужно

---

[1]) См. Бюлера «Инородцы», въ Отеч. Зап. 1846, № 8, стр. 78.

[2]) См. мое соч.: «Къ исторіи права русскихъ инородцевъ. Древній монголо-калмыцкій или ойратскій уставъ взысканій». Од. 1879, стр. 182.

[3]) Кромѣ приведеннаго выше заглавія, списокъ бар. Бюлера имѣетъ въ концѣ слѣдующую скрѣпу: «Подлинный списокъ скрѣпленъ начальникомъ Отдѣленія Азіатскаго Департамента Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Тимковскимъ. Съ спискомъ, имѣющимся въ Судѣ Зарго, вѣрно — Тит. Сов. Баронъ Бюлеръ».

[4]) Считаю не безполезнымъ указать здѣсь главнѣйшіе варіанты по новому списку, параллельно съ соотвѣтственными мѣстами по изданному мной списку Бентковскаго.

считать наиболѣе исправнымъ спискомъ ойратскаю устава въ русскомъ переводѣ.

Списокъ Бентковскаго.	*Списокъ Бюлера.*
Стран. 65 строка 4 сн. «Господа Зункубая»	Господа Зункабая
— 66 — 1 св. «къ ногамъ припадаемъ для спасенія всякаго одушевленнаго. Абида Бурхана чинъ и одѣяніе восприняв-шій»....	«къ ногамъ припадаемъ. Для спасенія всякаго одушевленнаго Абида Бурхана чинъ и одѣяніе воспринявшій...
— 14 — 16 св. «о помощи всякому одушевленному просимъ. Яко и сіе великое право, присудствія его Шидж и Муніева».	... о помощи всякому одушевленному просимъ, яко и сіе великое право присутствій его Шакджи Муніева...
— — 20 св. «Амосиди»	Амосидди
— — 21 св. «Мунгальскіе»	Мунгольскіе
— — 25 св. «князь Убуши Далай»	князь Убаши Далай.
— 68— 5 св. «Мунгуламъ»	Мунгаламъ
— — 9 сн. «оное»	оное все
— 69— 9 св. «Хоидъ»	Хоидъ
— — 7 сн. «и отдавать»	и оныхъ отдавать
— 71 — 5 сн. «за каждую душу по два верблюда»	за каждую душу по пяти верблюдовъ; а за подлаго человѣка за каждую душу по два верблюда (какъ и по списку Сѣв. Архива)
— 72 — 18 св. «Чіоперю»	Чіокерю
— 74 — 8 св. «бывшихъ по авангардіи»	съ бывшихъ по авангардіи
— 78 — 25 св. «Убушѣ или Убасунцѣ».	Убашѣ или Убасанцѣ

— 79. Статья 24-я изложена дословно, какъ въ спискѣ Бентк., безъ сокращеній, допущенныхъ въ спискѣ Сѣв. Арх.

— 81. Конецъ 27 й статьи («а за малые . . . скотинъ), недостающій въ спискѣ Арх. и имѣющійся въ спискѣ Бентк.. есть и въ спискѣ Бюлера.

— 81 — 12 св. «табангоутовъ»	табанагоутовъ
— 83 — 11 св. «лжеца»	лживца
— 84 — 10 св. «ежели же до того переночеванія не допуститъ»	ежели же до такого переночеванія не допуститъ (не пуститъ, по сп. Арх.).

Вторая рукопись («Право мунгальскихъ и калмыцкихъ народовъ, исправленное и дополненное въ Зинзилинскомъ собраніи» и пр.) есть собственно сводъ «древнихъ калмыцкихъ постановленій» (т. е. устава 1640 г.) съ постановленіями,

---

— 86 — 10 сн. «поймать, привесть»	поймавъ привесть
— 88 — 6 св. «однакоже, что сіе, платежъ ли»	однакожъ сіе, что платежъ ли
— 90 — 1 св. «и за оною приданаго»	и за онаго приданое
— 96 — 6 св. «Ежели кто сговоренную»	Ежели кто несговоренную (какъ и по списку Архива)
— 104 — 20 св. «кочуетъ»	покочуетъ
— — — 22 св. «и онъ»	и оный
— 107 — 1 св. «краденную»	кладенную
— 108 — 5 сн. «присутствіи Зайсанга»	присутствіи своего Зайсанга

— 115 — Въ спискѣ Бентк. 100-я статья начинается съ цитаты: «Ежеликъ кто оное учинитъ подлому человѣку», а въ спискѣ Бюлера ниже, съ цитаты: «А буде кто у чреватой женщины».

— 120 — Къ статьѣ: «А ежели кто убіенъ будетъ отъ такого самострѣла . . . взять сорокъ пять скотинъ», въ спискѣ Бюлера есть слѣдующая прибавка, пропущенная въ сп. Бентк.: «А за рану отъ таковаго самострѣла взять пять скотинъ».

— 124 — 3 сн. «замнуть»	замкнуть
— 125 — 5 сн. «А съ кого посланца»	А съ кого посланцу
— 126 — 20 св. «А кто съ своей стороны перешедшаго бѣглеца»	А кто съ своей стороны неушедшаго бѣглеца
— 129 — 4 св. «ножикъ»	ножъ
— — — 11 св. наголище лучное, тахтуй»	нагалище лучное, тохтуй
— 130 — 5 св. «уполовникъ»	уколовникъ
— — — 8 св. «подпруга»	подпругу
— — — 12 св. «козлину»	казлину

— 132 — Глосса, помѣщенная въ самомъ текстѣ по сп. Бентк., въ концѣ 142-й статьи объ убійствѣ птицъ и пр. («Сіе запрещеніе учинено» и пр.), помѣщена въ спискѣ Бюлера въ выноскѣ, въ видѣ объясненія къ тексту статьи.

состоявшимися на Зинзилинскомъ собраніи въ 1822 г., вмѣстѣ съ позднѣйшими заключеніями Коммиссіи калмыцкихъ дѣлъ. Статьи этого сборника изложены въ слѣдующемъ распорядкѣ:

a) На первой графѣ каждаго листа заключаются статьи древняго уложенія 1640 г., т. е. «права мунгальскихъ и калмыцкихъ народовъ» въ первоначальной его (русской) редакціи.

b) На второй графѣ изложены, параллельно съ статьями первой графы, относящіяся къ каждой изъ нихъ измѣненія и дополненія, предложенныя Зинзилинскимъ собраніемъ.

c) На третьей графѣ помѣщены особыя мнѣнія двухъ

— 133 — 11 сн. «уведетъ» | увезетъ
— 135 — 8 св. «той дѣвицы» | той дѣвки
— 136. — Въ спискѣ Бюл., какъ и Бентк., послѣ 150-й статьи слѣдуетъ молитвенная формула: «издревле всѣми добродѣтелями яко море наполненный» и пр.; но въ спискѣ Бюл. надъ этой формулой помѣщена надпись въ особой строкѣ — «заключеніе». Кромѣ того, въ этой формулѣ цитата: «яко отъ Ганба Брикча древа» (по сп. Бентк.), читается такъ: «яко отъ Галба Брикча древа».
— 137. — Въ спискѣ Бюл. помѣщены въ примѣчаніяхъ двѣ глоссы — a) къ заглавію: «Галданъ Хонгъ Тайджи» глосса: «О семъ владѣтелѣ изъясненіе при окончаніи сего» (но такого изъясненія нѣтъ въ рукописи), и b) къ термину «отокъ» статьи 151 й — «часть улуса».
— 141. — Въ спискѣ Бюл. помѣщена въ выноскѣ глосса къ 161 статьѣ (именно къ термину — «Батуръ Хонгъ Тайджи»): «который былъ въ собраніи при постановленіи сего права».

Кромѣ вышеприведенныхъ варіантовъ и глоссъ, списокъ Бюлера представляетъ еще другую особенность, отличающую его отъ списка Бентковскаго. Въ первомъ спискѣ статьи сложныя разбиты на нѣсколько отдѣльныхъ пунктовъ; при чемъ числовое обозначеніе всей статьи обыкновенно стоитъ въ ея началѣ, при первомъ пунктѣ; номерація пунктовъ (1-й, 2-й и пр.) начинается всегда съ слѣдующаго (втораго) пункта. Къ такимъ статьямъ съ отдѣльными пунктами принадлежатъ:

Ст. 12-я, съ числящимися при ней 6-ю пунктами (пунктъ 1-й сп. Бюл. соотвѣтствуетъ по сп. Бентк. пункту, обозначенному подъ *12. а*; остальные пункты въ сп. Бентк. изложены въ отдѣльныхъ строкахъ, но только безъ номераціи. Такое же изложеніе пунктовъ замѣчается и въ другихъ статьяхъ по сп. Бентковскаго).

владѣльцевъ, участвовавшихъ въ собраніи, — и наконецъ —

d) На четвертой графѣ Коммиссія калмыцкихъ дѣлъ отмѣчала свои заключенія по отдѣльнымъ статьямъ стараго уложенія и Зинзилинскихъ постановленій[1]).

Въ своемъ изданіи сборника Зинзилинскихъ постановленій, нынѣ впервые появляющагося въ печати, я допустилъ значительныя отступленія отъ указаннаго выше плана изложенія статей по четыремъ параллельнымъ графамъ. Во 1-хъ, мое изданіе не обнимаетъ всего сборника, какъ онъ изложенъ въ

Ст. *47-я* — съ 10-ю пунктами.
Ст. *50-я* — съ 9-ю пунктами.
Ст. *51-я* — съ 4-мя п.
Ст. *89-я* — съ 9-ю п.
Ст. *90-я* — съ 6-ю п.
Ст. *91-я* — съ 8-ю п.
Ст. *92-я* — съ 3-мя п.
Ст. *96-я* — съ 4-мя п.
Ст. *106-я* — съ 8-ю п.
Ст. *107-я* — съ 6-ю п.
Ст. *108-я* — съ 2-мя п.
Ст. *125-я* — съ 2-мя п.
Ст. *146-я* — съ 5-ю п.

Кстати, укажемъ здѣсь въ заключеніе корректурныя ошибки, замѣченныя мною въ печатномъ текстѣ «Древняго монголо-калмыцкаго или ойратскаго устава» послѣ того, какъ изданіе вышло уже изъ печати:

Стран. 127	строка 14 св.	стоитъ	«soêl»,	должно быть	«soll»
— 133	— 11 св.	—	«6 Stück»	—	«9 St.»
— 222	— 24 св.	—	«старѣйшимъ»	—	«старѣйшинъ»
— —	— 25 св.	—	«забведеніе	—	«забвеніе»
— 226	— 12 св.	—	«Шугенга»	—	«Шуленга»
— —	— 5 сн.	—	«Schülünga»	—	«Schülünga»

[1]) Въ концѣ всего сборника находится скрѣпа слѣдующаго содержанія: «Съ русскимъ переводомъ Зинзилинскихъ постановленій, особыхъ мнѣній двухъ калмыцкихъ владѣльцевъ и съ заключеніями Коммиссіи калмыцкихъ дѣлъ вѣрно: Тит. Сов. Баронъ Ѳ. Бюлеръ. Вѣрность перевода удостовѣряю. Переводчикъ Ламайскаго Духовнаго Правленія. Тит. Сов. Горшковъ». Помѣта эта важна по указанію на то, что Зинзилинскія постановленія были составлены на калмыцкомъ языкѣ съ переводомъ на русскій.

рукописи бар. Бюлера, но заключаетъ въ себѣ лишь *извлеченіе* статей, непосредственно составленныхъ на Зинзилинскомъ собраніи. Въ виду того, что старый уставъ 1640 г. уже изданъ, я исключилъ изъ сборника всѣ статьи, изложенныя въ первой графѣ и взятыя изъ стараго устава. Вмѣсто изложенія текста статей, я лишь указываю номера послѣднихъ, какъ они обозначены въ самомъ сборникѣ. Отсюда выигрывается сокращеніе въ объемѣ сборника, — въ моемъ изданіи онъ вышелъ почти на половину меньше, чѣмъ въ рукописи. — Во 2-хъ, сборникъ значительно сокращенъ и по другой причинѣ. Въ немъ насчитывается не малое число статей, буквально повторяющихся по два, три и четыре раза въ различныхъ мѣстахъ сборника. Изъ 224 статей, перечисленныхъ во второй графѣ сборника (т. е. принадлежащихъ къ Зинзилинскимъ постановленіямъ), 60 статей — не больше, какъ буквальное повтореніе статей, изложенныхъ въ другихъ мѣстахъ той же графы. Такія же повторенія представляетъ чуть ли не половина статей третьей графы (т. е. мнѣній двухъ членовъ Зинз. собранія). Всѣ такія повторенія я исключилъ изъ сборника и ограничился лишь тѣмъ, что во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ замѣчалось повтореніе статьи, уже изложенной въ одномъ изъ предыдущихъ номеровъ, я дѣлалъ лишь ссылку на эту послѣднюю статью, съ общимъ указаніемъ ея содержанія, но безъ повторенія самаго текста статьи. Наконецъ, въ 3-хъ, я старался избѣжать значительныхъ неудобствъ, съ какими соединено принятое въ рукописи Бюлера параллельное изложеніе статей по четыремъ главнымъ графамъ (стараго уложенія, Зинзил. постановленій, мнѣній двухъ владѣльцевъ и резолюцій Ком. калм. дѣлъ). Неудобства эти состоятъ главнымъ образомъ въ томъ, что, при параллельности изложенія статей по графамъ, нерѣдко проходятъ цѣлые десятки страницъ, три четверти которыхъ представляютъ голыя, ничѣмъ не занятыя мѣста. Отсюда громадный объемъ всего сборника, занимающаго въ рукописи Бюлера (in folio) до 454 стр., — если удержать въ печати подобный же составъ сборника, то во всякомъ случаѣ дѣло

дойдетъ до 15 — 20 печатныхъ листовъ текста. Въ виду этого обстоятельства, всѣ параллельныя статьи, изложенныя въ рукописи по указаннымъ четыремъ графамъ, въ своемъ изданіи я свожу въ одни мѣста; т. е. по каждому номеру статей сборника приводится сначала постановленіе Зинзилинскаго собранія, затѣмъ непосредственно излагается мнѣніе двухъ членовъ и наконецъ резолюція Коммиссіи[1]).

Въ остальномъ я строго держался рукописи. Исправляя въ текстѣ грамматическія ошибки, я указываю въ выноскѣ на точное выраженіе рукописи. Кромѣ того, я считалъ необходимымъ возстановить настоящее мѣсто нѣкоторыхъ статей, которыя въ рукописи, по ошибкѣ ли переписчика, или, быть можетъ, по недосмотру самихъ редакторовъ сборника, помѣщены не тамъ, гдѣ бы имъ слѣдовало быть[2]).

Въ видахъ облегченія справокъ при чтеніи сборника, я помѣстилъ въ слѣдъ за текстомъ его статей предметный ука-

---

[1]) Первая часть каждой статьи, заключающая правило Зинзилинскаго собранія, отдѣляется отъ остальныхъ частей тѣмъ, что въ началѣ послѣднихъ двухъ частей обозначено ихъ наименованіе: *два члена* (т. е. мнѣніе двухъ членовъ Зинз. собранія) и *Ком.* (т. е. резолюція Коммиссіи калмыцк. дѣлъ). Самая номерація статей удержана таже, что и въ рукописи, т. е. общая — по статьямъ второй рубрики, т. е. Зинзил. постановленій (всѣхъ статей — 224), и частная — по каждой главѣ въ отдѣльности. Въ рукописи главы сводятся въ нѣсколько большихъ отдѣловъ, съ особыми заглавіями по каждому отдѣлу и главѣ, перечисленнымъ въ «оглавленіи», предшествующемъ тексту сборника. Оглавленіе это впрочемъ не полно, — пропущены 10-я глава – о подводахъ и пр. и 19-я о играхъ и пиршествахъ. Въ предлагаемомъ изданіи сборника его оглавленіе включено въ общее оглавленіе настоящей книги.

[2]) Напр., въ главѣ о повинностяхъ пункты 2-й и 3-й отнесены въ рукописи въ третью графу, т. е. къ мнѣніямъ двухъ владѣльцевъ; на дѣлѣ же здѣсь только повторяются 41 и 42 статьи второй графы, т. е. Зинз. постановленій. Подобнымъ же образомъ вторая половина 190 ст. Зинз. постановленій. по ошибкѣ, изложена не во второй (какъ бы слѣдовало), а въ первой графѣ, т. е. введена въ рядъ статей, взятыхъ изъ стараго устава 1640 г.

затель, съ глоссированіемъ техническихъ терминовъ, попадающихся въ нѣкоторыхъ статьяхъ сборника[1]).

Наконецъ, я считалъ не безполезнымъ изложить въ примѣчаніяхъ нѣсколько посильныхъ соображеній касательно внѣшней формы и содержанія издаваемаго сборника и этимъ положить начало научной разработки этого мало извѣстнаго у насъ памятника, представляющаго однакожъ немаловажный интересъ въ дѣлѣ разъясненія вопроса объ обычно-правовой культурѣ нашихъ восточныхъ инородцевъ.

Ѳ. Леонтовичъ.

Одесса,
26 сентября 1879 г.

---

[1]) Опытъ подобнаго глоссированія терминовъ представляетъ третья рукопись, полученная мной вмѣстѣ съ старымъ уставомъ и Зинз. постановленіями, — «примѣчанія къ рукописи — древнія калмыцкія постановленія». Содержащіяся здѣсь глоссы составлены бар. Бюлеромъ на основаніи показаній калмыцкаго Ламы, нѣкоторыхъ владѣльцевъ (Тюменей) и толмачей калмыцкаго управленія. Глоссировано до 50-ти терминовъ, встрѣчающихся въ ойратскомъ уставѣ 1640 г. Въ «указателѣ предметовъ» къ изданному нами уставу большинство такихъ терминовъ объяснено по указаніямъ цитированной выше статьи бар. Бюлера и другихъ авторовъ.

ПРАВО
МУНГАЛЬСКИХЪ И КАЛМЫЦКИХЪ НАРОДОВЪ,

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

ВЪ ЗИНЗИЛИНСКОМЪ СОБРАНІИ

КАЛМЫЦКИХЪ

Нойновъ, Зайсанговъ, Ламъ и Гэлюновъ.

ПРАВО ЛИЦЪ.

I. О духовныхъ вообще.

1. (Улож. 1640 г. ст. 6). *Ком.* Уголовный.

2. (Ул. ст. 11). *Ком.* не находя ни въ древнихъ узаконеніяхъ, ни въ Зинзилинскомъ постановленіи, правъ, коими бы присвоялося владѣніе лично Ламамъ людей собственно подвластныхъ, то сіе узаконеніе и слѣдуетъ быть отмѣнено. Ламамъ и прочему калмыцкому духовенству, у которыхъ донынѣ есть подвластные, предоставить обратить оныхъ по собственному произволу, или въ подвластность своихъ родственниковъ, имѣющихъ право на владѣніе подвластными, или въ собственность хуруловъ, коихъ тогда именовать хурульскими служителями.

1.

3. (Ул. ст. 21). Кто обезчеститъ Владѣльческаго Ламу (Архіерея), съ того взять восьмнадцать скотинъ (два верблюда, восемь четырехъ-лѣтнихъ лошадей, шесть трехъ лѣтъ рогатыя скотины и два барана) и наказать 25-ю ударами; а впрочемъ предоставляется снисхожденію Ламы. А кто обезчеститъ Бакшу́ (въ родѣ Архимандрита), достойнаго въ дарованіяхъ, съ того брать пять скотинъ и наказать 15-ю ударами; за обезчестіе Гелюнга (священника) брать четырехъ лѣтъ лошадь и наказать 10-ю ударами; а кто рукою коснется,

брать пять скотинъ и наказать 10-ю ударами (штрафу взыскать въ пользу обиженнаго 18 скотинъ, а именно: два верблюда, восемь четырехъ лѣтъ лошадей, шесть трехъ лѣтъ рогатыя скотины и два барана).

Два члена. Буде кто дерзнетъ оскорбить Владѣльца или улуснаго Ламу ругательствомъ и боемъ, таковаго штрафовать девятью девять, полагая въ каждое девять одного верблюда, пять лошадей (двѣ четырехлѣтнія, двѣ трехлѣтнія и однолѣтнюю) [1]), двухлѣтнюю корову и барана съ козою; сіе количество скота, умноженное девятью девять, составляетъ 81 [2]).

Ком. Сей сборъ можно замѣнить личнымъ наказаніемъ и именно: выдержаніемъ виновнаго срочнаго времени при хурулѣ на работѣ, молитвѣ и постѣ, назначая время содержанія — по мѣрѣ преступленія, не простирая однакожъ ни въ какомъ случаѣ срока далѣе шести мѣсяцовъ; за причиненіе же таковыхъ побой, кои не должны подлежать разсмотрѣнію уголовному, опредѣлять виновному и тѣлесное наказаніе, полагать по мѣрѣ преступленія, не дозволяя однакоже наказать никогда болѣе 25 ударовъ [3]).

2.

(Ул. ст. 23). Кто Манжи́ (дьячка) обезчеститъ или побьетъ, того наказать десятью ударами и взять трехълѣтнюю рогатую скотину. (За обезчестіе словами Гецуля (дьякона) наказывать 15-ю ударами плетью, а ежели побьетъ, наказать 10-ю ударами и взыскать четырехъ лѣтъ рогатую скотину; а кто обезчеститъ Манжи́ (дьячка), того наказать 10-ю ударами плетью, а побьетъ, — взыскать трехълѣтнюю рогатую скотину).

---

[1]) Въ текстѣ по ошибкѣ сказано — «одного лѣтняго».
[2]) Мнѣніе это повторено ниже, подъ 20-й ст. Зинзил. постановленій.
[3]) Относится къ 1 и 2 ст. Зинз. постановленій.

Два члена. Кто Гелюнга обидитъ ругательствомъ, тотъ штрафуется одинъ разъ девятью; а рукою дерзнетъ ударить, трижды девятью. Кто обидитъ ругательствомъ Ван-динаръ Шабинари (церковнослужителей), штрафуется 5-ю скотинами. Кто обидитъ ругательствомъ Убушу (монаха), Убушанцу (монахиню), штрафуется одною лошадью. За побои по числу знаковъ — за каждый, одною приличною лошадью.

3.

4. (Ул. ст. 22). Кто изъ духовныхъ нарушитъ самовольно свой санъ, того соединить въ сословіе простыхъ подвластныхъ людей; тѣмъ же изъ духовныхъ, на коихъ возложены свѣтскія обязанности отъ Ламы (архіерея) или владѣльца, или общества, дозволяется употреблять горячіе напитки, не подвергая штрафу; выше мѣры употребленное вмѣнять и поступать по вышеписанному законоположенію.

Два члена. Естьли кто священный санъ свой самовольно разрушитъ, лишить его половины имущества и скота.

Ком. Своевольно оставившаго духовный санъ, какъ недостойнаго носить сіе званіе, включить въ сословіе простолюдиновъ.

4.

5. Духовныя лица все заповѣданное свыше да соблюдаютъ на точномъ уставѣ священнаго сана и не ходятъ безъ оркомжи*)[1]). Лама (архіерей) постановляется въ владѣльческихъ

*) Оркомже есть поясъ изъ шелковой или другой матеріи, коимъ всякой Гелюнгъ (священникъ) пропояшется чрезъ лѣвое плечо, около живота, а Гецуль (дьяконъ) и Манжи (дьячекъ) препоясуется только во время службы въ хурулѣ (монастырѣ).

[1]) Примѣчанія, обозначенныя *), находятся въ самой рукописи; свои же замѣтки къ тексту я обозначаю цифрами.

улусахъ по выбору Владѣльца[1]), по выбору и согласію общества. Бакши́ (въ родѣ архимандрита) въ небытность Ламы заступаетъ мѣсто; а гдѣ въ улусѣ есть Лама, по немъ (Бакши́) второй человѣкъ. Унзудъ (въ родѣ игумена) — второе лице по Бакши́. Гепкю (благочинный) управляетъ хуруломъ (молитвенными кибитками и духовенствомъ).

Два члена. Всякая особа, имѣющая хурулъ, т. е. приходскую церковь, должна соблюдать благочинно вышепредписанное законоположеніе; всѣ духовные должны внимательно просвѣщать себя науками и стараться по мѣрѣ успѣховъ заслужить награду и почтеніе. Безъ оркомжи (т. е. ораря) никуда не ходить; всякой несоблюдшій сіе штрафуется умѣренно отъ хурульскихъ настоятелей. Всѣмъ духовнымъ запрещается кочевать отъ монастыря, Ламы и Владѣльца отдаленно, кромѣ уволенныхъ Ламою и Владѣльцемъ по бѣдности и необходимости, и тогда имѣютъ они находиться въ мѣстахъ, приличныхъ ихъ званію; тѣ только Гелюнги могутъ входить въ народныя дѣла, кои на то будутъ имѣть дозволеніе отъ Ламы и Владѣльца, безъ чего никто изъ Гелюнговъ не можетъ даже и думать о дѣлахъ свѣтскихъ.

Ком. Оставить въ своей силѣ.

5.

6. Кто изъ духовныхъ будетъ ходить безъ оркомжи, на того предоставляется налагать штрафъ по разсужденію знатныхъ изъ духовенства, съ ударомъ три раза палкою, держащею Гепкою (благочиннымъ) во время богослуженія въ хурулѣ, и велѣть поклониться хурулу и опять надѣть оркомжу[2]).

---

[1]) Въ этомъ мѣстѣ долженъ быть пропускъ — «въ улусахъ казенныхъ».

[2]) Правило о ношеніи оркомжи, изложенное въ 4-й и 5-й статьяхъ воспроизведено еще въ Дербетевскомъ уставѣ. См. нѣмецкій текстъ устава 1640 г. по изданію Палласа, ст. 147. Въ Зинзилинскихъ постановленіяхъ старое правило получило дальнѣйшее развитіе.

Ком. Оставить въ своей силѣ.

6.

7. Духовные соблюдаютъ неизмѣнимо заповѣданное свыше, до ихъ сана касающееся. Гелюнгъ (священникъ) буде не сохранитъ запрещенныхъ десяти заповѣдей, то сіе есть злѣйшій корень преступленія, и естьли кто дѣйствительно въ томъ изобличится, таковаго отвращать воздержаніемъ, съ виновнаго же взыскать четырехълѣтняго верблюда въ пользу хурула (монастыря), гдѣ онъ совершалъ до того богослуженіе, со включеніемъ въ сословіе свѣтскихъ людей.

Два члена. Законъ духовенства есть истинное руководство, состоящее въ исполненіи заповѣдей, каждому особенно предложенныхъ, которыя нарушаются четырьмя преступленіями іереевъ: прелюбодѣйствомъ, лжесвидѣтельствомъ, клятвопреступленіемъ и злоупотребленіемъ святости (сія яко корень зла естьли будетъ въ точности обнаружено, взявъ въ доходъ монастыря одного четырехълѣтняго верблюда, преступника разстричь и отдать Владѣльцу для помѣщенія въ сословіе простолюдиновъ[1]).

Ком. Оставить въ своей силѣ, по мнѣнію, поданному въ Зинзиляхъ, съ присовокупленіемъ, что естьли исключаемый поступилъ въ духовное званіе изъ калмыкъ казеннаго вѣдомства, то онаго и обратить въ улусъ казенный; взятіе же отъ него верблюда отмѣнить.

7.

8. Кто увидитъ Гелюнга (священника), пьющаго вино, представивъ его къ Гепки́ (благочинному), брать съ пьянаго

---

[1]) Въ этой статьѣ нужно видѣть новую редакцію правила, которымъ оканчивается вторая статья Дербетевскаго устава («und wer als ein Mitglied» и пр.). См. нѣм. текстъ устава 1640 г. п. 146.

трехълѣтнюю лошадь и отдавать его въ хурулъ (монастырь) въ услуженіе.

8.

9. Гецуль (діаконъ) буде подпадетъ сему же преступленію, подвергается наказанію 4 пункта, со взысканіемъ на хурулъ (монастырь) четырехълѣтней лошади; а самаго включить въ сословіе свѣтскихъ людей.

9.

Кто увидитъ Гецула (дьякона), пьющаго вино, тому взять трехълѣтняго барана; во второй и въ третій разъ, естьли также окажется въ пьянствѣ и не обратится къ покаянію, включать въ сословіе простыхъ людей.

10.

Манжи́ (дьячекъ) естьли впадетъ въ преступленіе, сану его несоотвѣтственное, взыскивать 3-хъ-лѣтняго барана въ пользу хурула (монастыря); во второмъ замѣчаніи включается въ сословіе простыхъ людей.

11.

Кто увидитъ Манжи́ (дьячка), пьющаго вино, тому, кто увидитъ, взять съ него пятьдесятъ копѣекъ[1]).

Два члена. Пьющаго вино Гелюнга (іерея) кто увидитъ, позволяется ему взять съ него трехъ-лѣтнюю лошадь, а самаго предать духовному оштрафованію по закону. Естьли въ другой разъ пьянство его усмотрѣно будетъ, взять съ него штрафу четырехъ-лѣтнюю лошадь; а въ третій взять 4-хъ-лѣтняго верблюда.

---

[1]) Статьи 7—11 воспроизводятъ правила, изложенныя въ уставѣ Дербетевскаго улуса. См. ойратскій уставъ 1640 г. по изданію Палласа, ст. 145 и 146.

Естьли изъ Гецюлей (діаконовъ) кто впадетъ въ сію же слабость, взять съ него четырехъ-лѣтнюю лошадь, а самаго судить по силѣ духовнаго закона; доказателю взыскать съ него трехъ-лѣтнюю лошадь; поступать такъ же съ бандинерами, т. е. съ прочимъ причтомъ, сему же преступленію подверженнымъ, штрафуя 3-хъ-лѣтнею лошадью, а за пьянство пятью рублями[1]).

Ком. Тоже[2]).

12.

9. Гелюнгъ (священникъ) хотя бы пожелалъ отдѣлить принадлежащую ему часть изъ имѣнія родственниковъ, состоящихъ въ свѣтскомъ званіи, коему въ томъ отказать, такъ какъ онъ уже отъ всего мірскаго отрекся, а посвятилъ себя на богослуженіе; однако родственники свѣтскаго званія, по возможности и состоянію, обязаны отъ удѣла давать подъ вьюкъ кибитки его два верблюда и дойный скотъ. Естьли Гелюнгъ и затѣмъ войдетъ съ требованіемъ на имѣніе, таковаго причислять наравнѣ съ прочими платящими подать и наряжать на службу; словомъ, отправлять ему всѣ тягости, возлежащія на людяхъ простаго состоянія, съ выдачею потомъ принадлежащей части изъ имѣнія.

Ком. Оставить въ своей силѣ, съ присовокупленіемъ однакоже, чтобы желающій получить себѣ слѣдующую часть изъ имѣнія могъ ею воспользоваться не иначе, какъ совершенно оставя духовное званіе.

13.

10. Буде кто изъ духовныхъ оженится, таковому велѣть развестись и принесть въ погрѣшности покаяніе; а въ про-

---

[1]) Мнѣніе относится къ 7—11 ст.

[2]) См. выше резолюцію Ком. по 6-й ст. Зинзил. постановл.

тивномъ случаѣ тому воспрещается ходить въ хурулъ и съ требами къ людямъ, включа наравнѣ съ другими отбывающими службу и подати.

Два члена. Изъ духовныхъ, какое бы лице не было, ежели имѣть будетъ наложницу, отлучать долженъ, а буде не отлучитъ, воспретить ему священнодѣйствовать въ монастырѣ и въ частныхъ домахъ исправлять требы, разстричь его и включить въ число служащихъ и платящихъ подати[1]).

Ком. Духовную особу женившуюся или дозволившую себѣ имѣть наложницу, исключить изъ духовнаго званія и обратить въ простолюдины.

14.

11. Духовныхъ особъ, имѣющихъ въ наукахъ дарованіе, награждать повышеніемъ съ воздаяніемъ почтенія по мѣрѣ познаній.

Ком. Оставить въ своей силѣ.

15.

12. Каждый человѣкъ воленъ отдать своего сына къ учителю вѣры для посвященія въ духовное званіе, который до 17-ти лѣтъ долженъ обучаться грамотѣ, и естьли послѣ того оный пожелаетъ посвятиться въ діаконы или священники, тогда отецъ или[2]) ближніе родственники должны о томъ соревнованіемъ[3]) испросить позволеніе отъ Зайсанга или общества, а буде общество не изъявитъ на то согласія, признавая его нужнымъ, таковаго причислять къ свѣтскому сословію;

---

[1]) Настоящая статья съ мнѣніемъ двухъ членовъ представляетъ собственно новую редакцію правилъ Дербетевскаго устава. См. ойрат. уставъ 1640 г. по изд. Палласа, ст. 145 и 146.

[2]) По 33 ст. «и» вмѣсто «или».

[3]) По 33 ст. «соревнованіи».

естьли же будетъ согласно, объявить о томъ Зайсангу, а потомъ Владѣльцу, и по согласію уже сего послѣдняго представлять хурулу[1]).

Ком. Оставить въ его силѣ, но съ присовокупленіемъ, чтобы таковое поступленіе въ духовное званіе не иначе допускаемо было, какъ на убылыя мѣста.

16.

13. Всякой Владѣлецъ, имѣющій хурулъ (монастырь) и духовенство, долженъ наблюдать, чтобъ при хурулѣ было положенное число Гелюнговъ (священниковъ), сравнивая количество подвластныхъ, и въ случаѣ убыли пополнять недостатокъ изъ Гецулей лучшаго дарованія; на мѣста же Гецулей ставить изъ Манжи́, понятіемъ одаренныхъ[2]).

Ком. Оставить въ своей силѣ.

Къ ст. 15.

14. Одного сына у отца въ діакона и священника не посвящать, держась главному свѣтскому обряду, дабы тѣмъ не пресѣклось поколѣніе[3]).

Ком. Постановить къ непремѣнному исполненію, чтобы и изъ двухъ сыновей въ духовенство не посвящать.

17.

15. Кто изъ духовныхъ оставитъ мірскую жизнь временнаго свѣта, посвятитъ себя нераздѣльной Тройцѣ, Богу, вѣрѣ

---

[1]) Статья эта повторена ниже подъ № 33 Зинзил. постановл.

[2]) Статья эта повторена ниже подъ № 32 Зинзил. постановл.

[3]) Статья 15 и прибавленіе къ ней представляютъ развитіе 3-й статьи Дербетевскаго устава. См. нѣмец. текстъ устава 1640 г., первую половину статьи 147-й.

и духовенству, уготовляя для будущей (жизни) вѣчное блаженство, приметъ священный санъ Гелюнга (священника) и облачится въ ризу нетлѣнія, а послѣ того, искушась временною жизнію, обратится въ мракъ невѣденія, утопающаго сладострастія, вредящаго просвѣщенію и непорочности сердца, таковаго противника священной вѣры и нарушителя благословеннаго достоянія, какъ одного изъ непріязненныхъ калмыцкаго народа, Владѣльцы и Зайсанги должны отвращать и не допускать къ такому соблазнительному искушенію. Всѣмъ духовнымъ вообще воспретить ѣздить въ судилища по дѣламъ, напримѣръ: общественнымъ, или по тяжбамъ ихъ родственниковъ и прочимъ претензіямъ, ибо сіе сану ихъ неприлично и вредно[1]).

Ком. Замѣченное въ таковыхъ поступкахъ духовенство тотчасъ обращать въ мірское званіе, — прочее же оставить въ своей силѣ.

18.

16. Естьли у кого нибудь изъ духовныхъ было бы истинное желаніе выполнять заповѣданное по ихъ сану, но по опредѣленію судьбы, если мірская надобность встрѣтится оказывать покровительство его родственникамъ, къ улучшенію ихъ жребія, къ чему и самая справедливость неотмѣнно потребовала бы обращать собственное его вниманіе, то сіе предоставляется на его волю вступить въ сословіе свѣтскихъ людей; но не прежде, когда объяснитъ подробно о желаніи его хурулу и Владѣльцу.

Ком. Оставить въ своей силѣ.

17. *Два члена.* Священныя особы, употребляемыя по свѣтскимъ дѣламъ въ свободное время, буде захотятъ

---

[1]) Конецъ статьи: «Всѣмъ духовнымъ вообще воспретить» и пр., повторенъ ниже подъ 95 ст. Зинзил. постановл.

пить горячіе напитки, могутъ, только безъ вреда себѣ, поношенія Ламѣ, Владѣльцу и обществу.

Ком. Духовенству по свѣтскимъ дѣламъ совершенно воспретить заниматься.

18. *Два члена.* Буде соблюдаемое для Владѣльца и хурула мѣсто кто потравитъ изъ Зайсанговъ, взыскать одного верблюда, а съ аймашныхъ каждаго хотона по одной лошади, а мѣсто важнаго монастыря кто потравитъ и съ тѣмъ поступить такимъ же образомъ[1]).

Ком. Оставить въ своей силѣ.

19. *Два члена.* Буде кто изъ подвластныхъ цѣлымъ хотонамъ вытравитъ мѣсто, охраняемое для ставки Владѣльца или главнаго монастыря, за то штрафованъ быть имѣетъ съ однимъ верблюдомъ девятью скотинами[2]).

Ком. Оставить въ своей силѣ.

II. О Владѣльцахъ, Чиновныхъ и Зайсангахъ.

19.

1. (Ул. ст. 14). Кто во время сраженія избавитъ Владѣльца отъ непріятеля, таковаго жаловать тарханомъ*) и представлять къ монаршему награжденію; а ежели кто Владѣльца оставитъ и бѣжитъ, того судить, какъ измѣнника, Россійскимъ военнымъ судомъ. Кто оборонитъ отъ непріятеля Табангаутовъ**) или Зайсанга, тому дать въ награжденіе четырехъ-лѣтнюю лошадь[3]).

---

[1]) Мнѣніе это повторено ниже подъ № 34 Зинзил. постановл.

[2]) Повторено подъ № 34 Зинзил. постановл.

*) Тархановъ называется тотъ, который, равно наслѣдники его, освобождаются отъ всѣхъ податей; въ удостовѣреніе чего имѣютъ отъ Владѣльцевъ бумагу на привилегію.

**) Владѣльца, рожденнаго отъ матери простаго состоянія (по 67 ст. — Табунгоуты).

[3]) Повторено ниже подъ ст. 67 и 142 Зинзил. постановл.

Ком. Обѣ статьи[1]) сего пункта подлежатъ къ общимъ Россійскимъ узаконеніямъ; за прикосновенность рукою или побой предавать уголовному суду и прочія обиды.

20.

2. (Ул. ст. 25—28). Кто главныхъ, среднихъ, младшихъ и мелкопомѣстныхъ Владѣльцевъ скверными словами обнесетъ, или при публикѣ непристойно обезчеститъ, или обругаетъ, таковыхъ штрафовать и наказывать (взыскать штрафу на призрѣніе бѣдныхъ 27 скотинъ и наказать 50-ю ударами)[2]).

Два члена. (Повторено мнѣніе по 1-й статьѣ Зинзил. пост. объ оскорбленіи Владѣльца и Ламы).

Ком. Допустить положеніе, сдѣланное въ Зинзиляхъ, съ постановленія Улускаго Правленія, и съ сохраненіемъ за то правила, чтобы болѣе 25-ти ударовъ предназначено не было[3]).

21.

Буде кто противу старшихъ, среднихъ и младшихъ Владѣльцовъ оружіе обнажитъ, или безъ оружія до нихъ коснется, или заочно будетъ угрожать злодѣйскими замыслами, и то откроется на самомъ дѣлѣ, хотя бы и не было произведено сего въ натуральномъ дѣйствіи, примѣнять преступленію, и какъ древнимъ законоположеніемъ, 44-мя Владѣтелями изданнымъ, опредѣлено — казнить смертію; но поелику тогдашнее время не сходствуетъ съ настоящимъ и жестокость наказанія превышаетъ сіе наше уложеніе, то по строгомъ изысканіи преступленія, виновнаго отдавать въ тяжкое Россійское судебное мѣсто; а буде обиженный Владѣлецъ умилосердится и

---

[1]) т. е. Уложенія 1640 г. и Зинз. постановленій.

[2]) Повторено подъ ст. 206.

[3]) Мнѣніе Ком. относится къ ст. 20—28 Зинзил. постановл.

вину преступника пожелаетъ облегчить, тогда таковаго подвергаетъ наказанію (за прикосновеніе рукою отсылать въ Россійскій судъ и наказывать по Россійски)[1]).

22.

Кто обезчеститъ младшихъ Владѣльцовъ, съ того брать четырехъ лѣтъ лошадь, а за прикосновенія рукою пять скотинъ, за причиненіе же побой девять скотинъ*) и наконецъ 25-ю ударами (за прикосновеніе рукою взыскать штрафу въ пользу обиженнаго: двѣ лошади четырехъ лѣтъ, двѣ трехъ лѣтъ рогатыя скотины и одного барана)[2]).

23.

Главные, средніе, младшіе Владѣльцы и Табангауты**) и Зайсанги, за причиненные имъ побои хотя бы слѣдовало подвергать служителей, сборныхъ старостъ и старшинъ (40 кибитокъ) наказаніямъ, по уложенію тѣхъ великихъ обладателей, но поколику тогдашнія времена не сходны съ нынѣшними, почему въ замѣнъ того, смотря по важности преступленій, — сажать таковыхъ въ казаматъ, по усмотрѣнію суда, на сколько дней присуждено будетъ (арестъ отмѣнить, а предоставить разсмотрѣнію суда Зарго́)[3]).

24.

Ежели бы всѣ столь честолюбивые Владѣльцы дерзнули кого обидѣть, или побить, то къ соблюденію владѣльческой чести и происхожденія должно терпѣливо сносить и за то не

---

[1]) Повтор. подъ ст. 66, 205 и 220

[2]) Повтор. ниже подъ ст. 207.

[3]) Повтор. подъ ст. 93 и 208.

*) Верблюда, четыре четырехъ лѣтъ лошади, три трехлѣтнія рогатыя скотины и барана.

**) Владѣльцы, рожденные отъ матерей простаго состоянія. (Въ 93 ст. сказано по ошибкѣ „Табнугуты").

истить подобнымъ образомъ, а предоставляется обиду свою искать по суду[1]).

25.

За каковые честолюбывые побои брать съ нихъ штрафу: за жестокіе пять скотинъ, за средніе двѣ скотины, трехъ и четырехъ лѣтъ, а за малые четырехъ-лѣтняго барана. Сверхъ сего, за нарушеніе закона и несоблюденіе извѣстнаго порядка, въ примѣръ другимъ сдѣлать при публикѣ постыдный выговоръ[2]).

26.

Такимъ же образомъ, ежели кто изъ Зайсанговъ, приближенныхъ служителей, старостъ, старшинъ и управляющихъ дѣлами, по честолюбію, дерзнетъ кого изъ другихъ обидѣть, или обезчестить, или побить, таковаго предоставлять разсмотрѣнію суда и штрафовать начально благопристойнымъ образомъ, во второй сдѣлать при публикѣ постыдный выговоръ; а въ третій обвинить и лишить занимаемой должности за то, что не оправдалъ въ точности возложеннаго порученія по званію и далѣе можетъ превращать общественную пользу во вредъ. Ежели же Зайсангъ по правиламъ уложенія осужденъ будетъ, то аймакъ поручить сыну его, а буде онаго нѣтъ или—малолѣтенъ, то до возраста ближнимъ родственникамъ[3]).

27.

Кто изъ Владѣльцевъ безъ суда сдѣлаетъ обыскъ, или нечаянную драку, или отнимать будетъ подводы, таковаго хотя бы кто и побилъ, не штрафовать; ибо поступки сіи званію Владѣльца не пристойны, слѣдовательно самъ себя обвиняетъ[4]).

---

[1]) Повторено подъ ст. 214.

[2]) Повторено тамъ-же.

[3]) Повтор. ниже подъ ст. 215

[4]) Повтор. подъ ст. 105 и 134.

28.

Всѣ управляющіе дѣлами Зайсанги и приближенные служители, ежели окажутся въ неблагопристойномъ видѣ, противномъ существенному праву, какъ то: пьянствовать, утопать въ развратныхъ забавахъ и роскошахъ, нерадивы по порученіямъ, завистливы, сварливы, склонны къ ябедамъ и подстреканію; таковые сами на себя навлекаютъ уже порокъ, хотя бы между (тѣмъ) и оправдался кто изъ нихъ, что онъ хорошаго происхожденія и не заслуживаетъ сей участи, но того не принимать, а вмѣнять прежніе его поступки въ вину (съ человѣка, исключая Зайсанга, простаго состоянія брать четырехъ лѣтъ лошадь и наказать 10-ю ударами; а Зайсанга лишить аймака и управляемыхъ имъ должностей. Штрафъ сей отдавать въ общественные расходы).

3. (Ул. ст. 29).—*Ком.* Уголовный.

4. (Ул. ст. 12).—*Ком.* Сей законъ надлежитъ къ уничтоженію.

5. (Ул. ст. 10)[1]).—*Ком.* Уголовный.

29.

6. (Ул. ст. 38). Ежели по причинѣ нерадѣнія, или личной выгоды, послѣдуетъ недостатокъ въ пищѣ и содержаніи Владѣльца и злоупотребленіи и въ томъ явно кто обнаружится, за то штрафовать одною лошадью въ приходъ владѣльческаго дома и по мѣрѣ воспользованія наказать.

30.

Кто прекратитъ потребное на содержаніе главнымъ Владѣльцамъ, съ того взять девять скотинъ*), а кто учинитъ сіе младшимъ Владѣльцамъ, взять лошадь. (Взысканный штрафъ

[1]) См. 179 ст. Зинз. постановл.

*) Верблюда, 4 четырехъ лѣтъ лошади, 3 трехъ лѣтъ рогатыя скотины и барана.

съ главныхъ Владѣльцовъ отдать на призрѣніе бѣдныхъ, а младшіе Владѣльцы сами воспользуются).

Ком. Постановить: кто не доставитъ Владѣльцу положеннаго въ свое время, обязанъ будетъ платить вдвое[1]).

31.

7. Каждый Владѣлецъ, имѣющій хурулъ, соблюдаетъ постоянно за всѣми правилами онаго, сообразно вышеписанному установленію.

Ком. Оставить въ своей силѣ.

32.

(Повторена 16-я статья Зинзилинскихъ постановленій — о поставленіи духовныхъ при хурулахъ).

33.

8. (Повторена 15-я ст. Зинз. постановл.—о вступленіи въ духовное званіе, вмѣстѣ съ положеніемъ Коммиссіи по этой статьѣ).

34.

9. Кто въ запрещенномъ владѣльческомъ мѣстѣ траву потравитъ, съ того взять верблюда и восемь скотинъ; за испугъ дикихъ козъ и птицъ, кто поймаетъ, брать лошадь и оружіе, чѣмъ онъ стрѣлялъ; а кто отзовется невѣдѣніемъ, того не штрафовать, а предоставлять вѣдаться судомъ (штрафъ сей взыскать на призрѣніе бѣдныхъ)[2]).

---

[1]) Относится къ 29 и 30 ст.

[2]) Повтор. ниже подъ ст. 87. Статья эта есть нѣсколько видоизмѣненная 37-я ст. Улож. 1640 г. Послѣдняя приведена въ настоящемъ памятникѣ подъ 167 ст. 6 п., въ значеніи статьи, утвержденной Коммиссіей.

Два члена. Мѣсто, охраняемое для кочевья и ловли звѣря, кто потравитъ и звѣря распугаетъ, съ того взять штрафу съ двумя верблюдами девять; кто остановитъ опредѣленную Владѣльцу пищу, тотъ оштрафуется девятью скотинами. Буде кто по невѣденію вытравитъ мѣсто, охраняемое для ставки и для ловли звѣря, того не штрафовать безъ изслѣдованія[1]).

(Далѣе повторены мнѣнія двухъ членовъ подъ 18 ст. Зинз. пост. п. 18 и 19:

«Буде соблюдаемое для Владѣльца и хурула мѣсто кто потравитъ изъ Зайсанговъ»...и «Буде кто изъ подвластныхъ цѣлымъ хотономъ вытравитъ мѣсто»...).

Ком. Оставить въ своей силѣ.

10. *Два члена.* Владѣнія одного Владѣльца и одного аймаку калмыки естьли будутъ судиться, разобрать ихъ Зайсангу; а буде особливыхъ двухъ аймаковъ подсудимые будутъ, рѣшить обоимъ Зайсангамъ; буде или (ими?) недовольны будутъ, къ Владѣльцу въ судъ явиться имѣютъ. Людей двухъ владѣній тяжбу кончить обоимъ Владѣльцамъ; буде ихъ рѣшеніемъ будутъ недовольны, просить могутъ въ верховномъ судѣ.

Ком. Въ таковыхъ разборахъ поступать по правиламъ, въ Положеніи для калмыцкаго народа 1825 года изданнымъ, съ тѣмъ, чтобы разборъ производился въ томъ улусѣ, гдѣ пребываетъ отвѣтчикъ.

35.

11. Естьли Владѣлецъ будетъ защищать вора, съ таковаго въ пользу общественныхъ расходовъ взыскать 9 скотинъ; за второй подобный поступокъ предать сужденію суда Заргб

[1]) Пунктъ этотъ повторенъ подъ ст. 125 и гл. VI, п. 2.

и представлять Главному Россійскому начальству на разрѣшеніе[1]).

Ком. Уголовное; поступокъ сей представлять на разсмотрѣніе высшаго начальства.

12. *Два члена.* Изъ Владѣльцовъ, кто бы таковъ ни былъ, буде вмѣшается въ драки, случающіяся иногда, напротивъ чаянія, особливо при обыскахъ и при взятіи подводныхъ лошадей, таковому Владѣльцу при побоищѣ хотя какой членъ повредитъ, взыску и штрафу нѣтъ, по той предосудительности, что онъ вошелъ въ буйство, достоинству его противное[2]).

Ком. Подобные случаи представить разбирательству Коммиссіи.

13. *Два члена.* Кто по бѣдности своей кибиткою пожелаетъ проживать у россіянъ, татаръ и калмыкъ, долженъ имѣть видъ отъ Владѣльца или Зайсанга своего[3]).

Ком. Зайсангамъ аймашныхъ своихъ до такой нищеты не допускать; но по своему древнему закону — стараться оныхъ всевозможными средствами поддерживать; однакоже пожелавшимъ имѣть проживаніе гдѣ либо въ постороннемъ мѣстѣ для работъ и промысловъ не возбранять и для того давать таковымъ письменные виды владѣльческимъ — Владѣльцами, а казеннымъ Правителями, на бумагѣ 50 ти коп. достоинства.

14. *Два члена.* Кто поймаетъ бѣглаго человѣка, тотъ долженъ его представить къ Владѣльцу или Зайсангу, а сіи обязаны препроводить по дистанціи, куда слѣдуетъ.

Ком. Съ тѣмъ, чтобы Владѣльцы или Зайсанги отправляли таковыхъ къ своему улусному Приставу, а въ небытности онаго, въ ближайшій Земскій Судъ.

---

[1]) Повт. ниже подъ ст. 79 и 190.

[2]) Повт. ниже подъ ст. 205.

[3]) Повт. подъ ст. 125, п. 5.

36.

15. Ежели на имя Владѣльца подлогъ окажется со стороны Зайсанга немаловажный, тогда съ него взятое взыскать и лишить зайсангскаго званія; а ежели подлогъ учинилъ извѣстный въ обществѣ человѣкъ, управлявшій дѣлами, съ того также взятое взыскать и лишить честнаго имени въ обществѣ и наказать 25-ю ударами[1]).

Ком. Предоставить разбору Улуснаго Правленія.

37.

16. Ежели Дилячей[2]) (староста) доведетъ до свѣдѣнія Зайсанга, что изъ такого-то десятка одна кибитка или цѣлый хотонъ кочуетъ отдѣльно, и Зайсангъ, слышавши сіе чрезъ самаго Деличея[2]), или, не донеся Владѣльцу, не пошлетъ Ельчу (нарочнаго) для возвращенія оныхъ, и тѣ откочевавшіе будутъ ограблены, или нападутъ на нихъ разбойники или непріятели и раззорятъ, или, напротивъ того, сами они соединятся въ сотоварищество съ ворами, грабителями, разбойниками, или поступать будутъ предосудительно всякому порядку, заслуживающему немаловажному суду, таковаго Зайсанга, какъ не пекущагося о благѣ народномъ, лишить аймака[3]).

Ком. Ежели таковое упущеніе окажется намѣреннымъ, то и Зайсангъ долженъ быть судимъ уголовнымъ судомъ; безнамѣреннаго же штрафовать въ пользу бѣдныхъ за первый разъ 50 руб., а за второй 100 руб., а за третій лишить аймака, но не иначе, какъ съ передачею аймака ближайшему по немъ наслѣднику.

38.

Естьли такимъ[4]) образомъ откочевавшіе частьми изъ улуса, родовъ и десятковъ, по поискамъ найдены не будутъ, тогда

---

[1]) Повт. ниже подъ ст. 204.

[2]) Должно быть «Демчей», какъ и значится въ 122 ст.

[3]) Повтор. подъ ст. 122.

[4]) «какимъ» по 183 ст.

Зайсангъ долженъ донести Владѣльцу, а сей обязанъ представить по начальству о учиненіи публики на разысканіе[1]) и съ того уже времени тѣ откочевавшіе люди считаются бѣглецами. Какія бы ими преступленія сдѣланы ни были, важныя или маловажныя, отвѣтственность за нихъ Зайсангу и однодворцамъ[2]) относиться не должна. Всѣ таковые откочевавшіе бѣглецы какому взысканію и наказанію подлежали, отвѣчаютъ за нихъ передержатели оныхъ по вышеписанному порядку[3]).

Ком. Допустить[4]).

39.

17. Всякой посланный не долженъ брать подводъ владѣльческихъ, ламинскихъ (архіерейскихъ), хурулу принадлежащихъ и зайсанскихъ, кромѣ экстренной государственной надобности; а ежели кто сіе учинитъ, того наказать 15-ю ударами и взыскать трехъ лѣтъ лошадь. Штрафъ сей отдавать на общественные расходы или на призрѣніе бѣдныхъ[5]).

Ком. Допустить.

40.

18. Когда Зайсангъ какимъ нибудь неправильнымъ образомъ будетъ защищать вора, принадлежащаго его аймаку[*]), таковаго нри публикѣ постыдить, за второй подобный посту-

---

[1]) «для учиненія публики о розысканіи», по 183 ст.

[2]) Должно быть «однородцы» какъ это видно изъ ст. 89, 125 и 183, повторяющихъ настоящее правило.

[3]) Повт. подъ ст. 89, 125 и 183.

[4]) По той же самой статьѣ дана подъ № 183 иная резолюція Коммиссіи: «подъ общій законъ», т. е. статья эта отмѣняется, что явно противорѣчитъ рѣшенію Коммиссіи по ст. 38 и 89.

[5]) Повтор. ниже подъ ст. 129. Статья 39-я Зинз. постановл. есть развитіе 24-й ст. Улож. 1640 г., приведенной подъ 129 ст. Зинз. постановл.

[*]) вѣденію.

покъ взять штрафу пять скотинъ на общественные расходы; а въ третій судить, какъ настоящаго вора по Уложенію[1]).

Два члена. Буде Зайсанги аймашныхъ ихъ воровъ, какими бы то ни было, но противными закону средствами, защищать будутъ, за то ихъ въ собраніи посрамить слѣдуетъ и во второй разъ учинить съ ними тоже, а въ третій разъ штрафовать четырехъ-лѣтнимъ верблюдомъ и обнаженнаго водить кругомъ всей владѣльческой ставки[2]).

Буде Зайсанги, за кого либо изъ воровъ войдя въ защиту, будутъ ходатайствовать у Ламы и Владѣльца, за то ихъ штрафовать четырехъ-лѣтнимъ верблюдомъ, коего отдать на потребу владѣльческой ставки(·); естьли отзовутся невинностію, въ томъ очистить ихъ присягою другому, въ достоинствѣ имъ подобному, съ мѣстнаго старшины*)[3]).

Ком. Утвердить по мнѣнію, въ Зинзиляхъ постановленному, съ присовокупленіемъ, чтобы третій разъ судить его судомъ уголовнымъ.

(·) Утвердить по мнѣнію, поданному въ Зинзиляхъ, но съ тѣмъ, чтобы штрафный верблюдъ былъ обращенъ въ пользу бѣдныхъ.

Два члена. По спорному о воровствѣ дѣлу Зайсангъ своихъ аймашныхъ хотя и примирить, нѣтъ взыску; но явное воровство долженъ предать закону[4]).

Ком. Утвердить.

Два члена. Буде Зайсангъ своего аймашнаго въ во-

---

[1]) Повтор. подъ ст. 190.

[2]) Повтор. подъ ст. 200 (п. 23).

*) Гдѣ нашелся воръ, взыскать четырехъ-лѣтняго верблюда Богамъ на жертву.

[3]) Повт. подъ ст. 111 и 200 (п. 23).

[4]) Повт. подъ ст. 199 (п. 21).

ровствѣ изобличитъ, вора не штрафовать, а только весь искъ съ него взыскать въ удовлетвореніе истца[1]).

Ком. Представить разбирательству улусныхъ судовъ.

41.

19. Младшіе Владѣльцы, командированные на службу, довольствуются опредѣленными имъ припасами изъ чести, собственнымъ провіантомъ, подводами для ѣзды и вьюка; естьли оные будутъ истощены, тогда власть ихъ не распространяется далѣе, какъ только взять на время подводы для ѣзды и вьюка и что либо постороннiе подарки; съ своихъ же подвластныхъ могутъ брать нужное по собственной волѣ.

Два члена Владѣлецъ, въ полѣ командующій войскомъ, воспользоваться можетъ изъ полученной добычи не болѣе принадлежащею ему по закону частію; напротивъ же закона податей, подводъ и другихъ повинностей требовать не имѣютъ права[2]).

Ком. Поступить по Россійскимъ военнымъ узаконеніямъ.

42.

20. По просьбѣ аймашныхъ*) на Зайсанга въ разныхъ поборахъ, подъ видомъ податей, съ нихъ собранныхъ скотомъ и деньгами, естьли не будетъ доказательстъ, положить присягу одной сторонѣ, а не обоимъ[3]).

Ком. Прежде долженъ сдѣланъ быть разборъ между владѣльческихъ Владѣльцами, а у казенныхъ

---

[1]) Повт. подъ ст. 196.

[2]) Повт. подъ ст. 146 (п. 5).

*) Аймашные — простолюдины, составляющіе аймакъ, или отдѣльный родъ, подъ управленіемъ Зайсанга (Замѣчаніе это помѣщено въ рукописи подъ 113 ст., составляющей повтореніе ст. 42-й. По видимому, замѣчаніе это писано рукою владѣльца рукописи, т. е. бар. Бюлера, какъ видно изъ сличенія съ его подписью).

[3]) Повт. подъ .ст 113 и 128 (п. 3).

— Правителями, при соучастіи мѣстныхъ Приставовъ, и естьли не откроется истину[1]), давать присягу отвѣтчику.

III. О родителяхъ, дѣтяхъ и родственникахъ.

43.

1. (Ул. 39). Кто побьетъ отца или мать, или учителя, съ таковаго взыскивать штрафу: съ Владѣльца 18-ть скотинъ, съ Зайсанга 9 скотинъ, съ человѣка простаго состоянія 5 скотинъ и наказать 50-ю ударами плетью и велѣть всѣмъ таковымъ преступникамъ съ покорностію просить прощенія; штрафы сіи отдавать обиженному.

Ком. По 38 и 56 §§ Правилъ о управленіи калмыцкимъ народомъ предоставить разбирательству духовенства.

44.

2. (Ул. 40). (·) Ежели невѣстка побьетъ свекра или свекровь, наказать ее 30-ю ударами плетью; а ежели свекоръ или свекровь невинно причинятъ ей побои, взыскивать съ нихъ штрафу 9 скотинъ и отдать обиженной.

Ком. (·) Сюда относится замѣчаніе, сдѣланное на 4-ю статью о безчестіяхъ, обидахъ и пр.[2]).

Допустить по содержанію перевода, въ 1822 году исправленнаго, съ уменьшеніемъ ударовъ отъ каждыхъ по 5-ти.

3. (Ул. 41). *Ком.* Уголовный.

45.

4. (Ул. 147). Хотя племянники у материныхъ родственниковъ по калмыцкому праву могутъ отгонять скотъ; но не

[1]) Должно быть «истина».
[2]) См. статью 208 (п. 4) Зинзил. постановленій.

прежде, какъ пріѣхать къ той роднѣ съ возможнымъ по состоянію гостинцомъ и вѣжливымъ образомъ о томъ просить, и тогда матерніе родственники соотвѣтственно тому желанію должны удовлетворять.

Два члена. Три почетные племянника, объявя своему дядѣ матерней стороны, имѣютъ право взять у него часть скота, какъ обрядами установлено; племянники по поколѣнію дальніе должны, объявивъ о нуждахъ своихъ, брать пособія.

Ком. Всякіе захваты, какъ вредные и нарушающіе семейныя спокойствія, уничтожить и признавать оные отнынѣ за воровство; а предоставить каждому отыскивать свое право на владѣніе цѣлаго или какой либо части по начальству чрезъ Зайсанговъ, Владѣльцовъ, Правителей, улусныхъ Судей и суда Зарго[1]).

46.

Ежели и за таковымъ законнымъ требованіемъ матерніе родственники не удовлетворятъ желанія просившаго, хотя бы и было у нихъ состояніе, надобно имъ засвидѣтельствовать о томъ извѣстному въ обществѣ человѣку, и потомъ ежели бы у тѣхъ родственниковъ сколько нибудь нужнаго себѣ скота и было захвачено, за то ихъ штрафу и наказанію не подвергать (племянники могутъ брать слѣдующее чрезъ посланнаго съ дозволенія суда Зарго)[2]).

47.

Племянники матерней родни дѣлаютъ захватъ скота троекратно. Ежели у одного отца нѣсколько будетъ сыновей, такимъ же правомъ пользуются; а буде тѣ сыновья отдѣльнаго

---

[1]) Относится къ 45 — 48 ст. Зинз. постановл.

[2]) Повт. подъ ст. 94 Зинз. постановл.

имѣнія, тогда всѣ старшіе и младшіе, согласясь между собою, захватываютъ; въ противномъ случаѣ, естьли одинъ изъ нихъ кто сіе сдѣлаетъ, тогда раздѣлять съ родственниками.

48.

Ежели племянники, въ противность постановленнаго на предметъ сего учрежденія, называя себя племянникомъ, возметъ что у матерней родни, и о томъ отъ нихъ принесена будетъ жалоба суду, таковую разсмотрѣвъ, виновнаго оштрафовать по мѣрѣ преступленія.

49.

5. Всякой, не имѣющій дѣтей, ежели пожелаетъ усыновить посторонняго сына наслѣдникомъ своего имѣнія, и у того, кто усыновляетъ, есть сыновья ближнихъ родственниковъ отцовой стороны, могущіе по правамъ тѣмъ имѣніемъ наслѣдовать, тогда безъ совѣта ихъ усыновлять не въ правѣ; а ежели кто усыновитъ безъ согласія, таковому усыновленному наслѣдства не давать[1]).

Ком. Допустить, съ тѣмъ, чтобы въ выполненіи таковыхъ правъ руководствоваться Россійскимъ узаконеніемъ, на предметъ наслѣдствія существующимъ.

50.

6. Буде кто усыновитъ чужаго сына, коего родной отецъ и мать, подъ какимъ нибудь предлогомъ, пожелаютъ взять обратно и оный не достигъ еще десятилѣтняго возраста, предоставить на разбирательство суда, и когда откроется, что взявшій его въ дѣти не содержалъ приличнымъ образомъ, тогда родные отецъ и мать имѣютъ право взять его обратно съ удѣломъ изъ имѣнія на пропитаніе его; а ежели свыше

---

[1]) Повт. подъ ст. 164. Статьи 49—51 Зинв. постановл. дополняютъ 52 и 53 ст. Улож. 1640 г.

десятилѣтняго возраста, оставляется у того отца, кѣмъ призрѣнъ, въ чемъ по оному, хотя бы и воспослѣдовала претензія, суда не давать, а предоставить уже на волю того малолѣтка[1]).

Ком. Допустить.

51.

Ежели на томъ же основаніи кто приметъ въ дѣти дѣвицу, а родные отецъ и мать послѣ того будутъ претендовать о возвратѣ ея, а та дѣвица будетъ девятилѣтняго возраста, подлежитъ разсмотрѣнію суда, а свыше тѣхъ лѣтъ суда не давать. При выдачѣ же ее въ замужество, полученнымъ по обряду на сговоръ и свадьбу скотомъ должны воспользоваться оба отца, а приданое давать въ равной степени съ обѣихъ сторонъ[2]).

52.

7. Ежели отецъ, по раздѣленіи имѣнія своимъ сыновьямъ придетъ въ бѣдное состояніе; а сыновья, отзываясь, что они имѣнія отдѣльнаго, не будутъ его призирать, тогда отъ того, кто уклоняется сего, взять отъ пяти скотинъ одну въ пользу отца, а противнаго сына за непризрѣніе отца по мѣрѣ вины наказывать[3]).

Ком. Допустить съ тѣмъ, чтобы наказаніе было произведено по приговору духовной власти.

---

[1]) Повт. подъ ст. 90 и 102.

[2]) Повт. подъ ст. 91, 103 и 155.

[3]) Статья эта есть развитіе 45-й ст. Ул. 1640 г., приведенной ниже въ отд. о наслѣдствѣ, предъ 162-й ст. Зинзил. постановл.

О СУДѢ.

I. О судѣ вообще и о судьяхъ.

53.

1. (Ул. 162). Судьи обязаны руководствоваться симъ уложеніемъ, ничего не измѣнять и не прибавлять, а поступать по прямой существенной правдѣ, безъ снисхожденія и поноровки родству, дружбѣ, не мстя враждѣ и ненависти, не боясь и не стыдясь сильныхъ лицъ, дѣйствуя во всемъ сходно Самодержавной воли Государя Императора, честно и обиженныхъ правосудіемъ избавлять отъ рукъ неправды.

Два члена Судьи должны судить безъ всякаго пристрастія; буде кто изъ нихъ дѣйствительно окажется въ сей слабости, того постыдить въ общемъ собраніи и во второй разъ учинить съ нимъ тоже, а въ третій отрѣшить отъ судейства.

Ком. Судить въ правду и не иначе, какъ въ силу законовъ; судамъ же Зарго́ и улуснымъ отправлять судъ въ своихъ, яко неподвижныхъ (?); штрафъ же допустить въ своей силѣ по положенію Зинзилинскому, естьли будутъ получать они жалованье; а буде нѣтъ, то довольствоваться выговорами на первый разъ, а во второй отрѣшать.

54.

Ежели судья въ какомъ дѣлѣ поддерживать будетъ несправедливую сторону и то обнаружится дѣйствительно, съ таковаго на расходы суда брать получаемое имъ жалованье; а во второй, буде такъ же поступитъ, обвинять и удалять отъ должности. (Кто изъ чиновъ суда Зарго будетъ поддерживать сторону виновнаго, таковаго въ первый разъ штрафовать третнымъ жалованьемъ, а во второй отрѣшить отъ должности; штрафъ сей отсылать въ казну).

Ком. Судьямъ Зарго и судьямъ улуснымъ нигдѣ индѣ суда не производить, кромѣ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ состоятъ они; руководствоваться имъ уложеніемъ по точному смыслу онаго; за неправосудіе же въ первый разъ взыскивать штрафъ въ пользу того, противъ кого оно оказано, десятую часть иску, во второй вдвое, а въ третій разъ отрѣшить отъ судейства и впредь не выбирать въ оное.

55.

Судьямъ Зарго внѣ опредѣленнаго мѣста суда не производить, а въ противномъ случаѣ брать пени третное жалованье и употреблять на расходы Зарго[1]).

56.

2. Когда въ присутствіе суда Зарго прибудутъ члены и начнутъ разсматривать и трактовать о дѣлахъ, въ то время буде кто изъ судящихся Владѣльцовъ, Зайсанговъ и простаго званія людей, по неуваженію и небреженію, обезчеститъ словомъ судъ Зарго, или между собою судящіеся кто кого безчестно назоветъ, таковому въ первый разъ сдѣлать выговоръ и штрафовать, а ежели во второй разъ обнесетъ неприлич-

---

[1]) Статья эта дополняетъ начало 162-й ст. Улож. 1640 г. опредѣленіемъ пени за нарушеніе закона.

нымъ словомъ, въ просьбѣ отказать, потому что судъ Заргó учрежденъ по Высочайшему повелѣнію Великаго Государя, слѣдовательно всякой судящійся учтивымъ и уважительнымъ образомъ докладывать долженъ о своемъ дѣлѣ, помня, что лице Великаго Государя тамъ же присутствуетъ.

Два члена. Всякой, кто бы ни былъ изъ стряпчихъ и посланцовъ, должны тяжущихся представить въ судъ. Судьи безъ ихъ посредства имѣютъ спрашивать сами, и подсудимые — имъ отвѣчать. Также посланцу и стряпчему молчать, въ судопроизводство отнюдь не мѣшаться, а исполнять то, что судья прикажетъ; напротивъ чего буде стряпчій представлять будетъ какія либо слова своего посланца и тѣмъ учинитъ помѣшательство въ судопроизводствѣ, таковыхъ посланца и стряпчаго наказать за то въ собраніи шестью ударами каждаго по щекамъ, по дѣлу отправить посланцомъ другаго и слѣдствіе произвесть особливымъ порядкомъ.

Ком. Никто да не нарушаетъ тишины и должнаго уваженія, ни словами, ни поступками, въ судѣ Заргó, во время отправленія дѣлъ; виновный, ктобъ онъ ни былъ, штрафуется каждый разъ въ пользу бѣдныхъ: Владѣльцы 20-ю, Зайсанги 10-ю, всѣ прочіе калмыки 5 барановъ. Другихъ же постороннихъ состояній людей — на основаніи Россійскихъ законовъ по 10 руб.

57.

3. Обязанность Яргачея[1]) (экзекутора) состоитъ въ томъ. Онъ вызываетъ къ какому либо дѣлу для разбирательства къ суду тяжущихся чрезъ нарочнаго; не хотящему судиться—ѣхать, приказываетъ удовлетворять просителя, чѣмъ слѣдуетъ, на мѣстѣ.

[1]) Въ подлинникѣ стоитъ по ошибкѣ «Яргавея».

58.

Суда Зарго́ Яргачей (экзекуторъ), не смотря ни на какое лице, свойство и вражды, обязанъ соблюдать по судопроизводству одинаково законной порядокъ; а ежели неправильно будетъ держать сторону судящагося, взять съ него въ первый разъ четырехъ лѣтъ лошадь, рогатую скотину и барана, а въ третій удалить отъ должности и лишить честнаго имени. Штрафъ сей отдать на расходы суда Зарго́.

Два члена. Яргачею (стряпчему) посылать должно съ требованіемъ къ судоотвѣтчикамъ, объявя имъ ѣхать въ судъ, естьли споръ имѣютъ; а естьли онаго нѣтъ, должны отдать истцамъ требуемое. Надлежитъ посланному до окончанія дѣла ѣздить на своей лошади, и естьли онъ хочетъ взять ѣздовое, то онаго, хоть и на своей лошади будетъ ѣздить, до окончанія дѣла не брать, а буде возьметъ, наказать его при собраніи шестью ударами по вискамъ, ѣздовое возвратить и вмѣсто его отрядить другаго. Осужденнаго вора имѣетъ стряпчій, у кого онъ въ храненіи, наказать въ скорости чрезъ другаго человѣка или самъ. Естьли промедлитъ и дастъ ему случай прибѣгнуть подъ защиту людей знаменитыхъ, за то оштрафованъ будетъ, какъ выше узаконено[1]).

Ком. Всякой человѣкъ, по положенію судъ Зарго́, чрезъ нарочно посылаемаго отъ сего Яргачея въ судъ призываемый, долженъ явиться въ оный непремѣнно. Кто не исполнитъ сего, судъ Зарго́, разсмотрѣвъ причины отзыва, приступаетъ къ законному удовлетворенію истца; разъѣзды же нарочныхъ отъ Яргачея дѣлать на счетъ виновныхъ, по положенію суда Зарго́[2]).

[1]) Относится къ 57 и 58 ст. Зинзил. постановл.

[2]) Относится къ 57 и 58 ст. Зинзил. постановл.

59.

Кто учинитъ побѣгъ съ военной службы, и тотъ, кто увидитъ, обязанъ поймать его и объявить; а ежели кто сего не исполнитъ и впослѣдствіи времени бѣглецъ тотъ сыщется и при допросѣ покажетъ, что его передерживалъ и скрывалъ кто нибудь зазнамо, тогда надъ передержателемъ, ежели откроется справедливо, произвести суду слѣдствіе и штрафовать по нижеприписанному: бѣглеца наказать[1]) 30-ю ударами, обратить въ полкъ на службу; передержателя, наказавъ 20-ю ударами, нарядить на службу, за очередь того, кто доказалъ о передержательствѣ, со взысканіемъ четырехъ-лѣтней рогатой скотины. Каковые штрафы Владѣльцы и Управители улусовъ, Зайсанги, должны употреблять на содержаніе сиротъ[2]).

4. (Ул. 12). — *Ком.* Уничтожить.

60.

5. (Ул. 136). Ежели истца не будетъ при судѣ и отвѣтчика или повѣреннаго, заочно суда не производить.

Два члена. Истца и отвѣтчика спрашивать и объясненія отбирать отъ каждого особо.

Ком. Утверждается.

Два члена. Стряпчій подсудимаго, у него находящагося, представляетъ на судъ къ отвѣту, ни къ кому другому, а прямо къ судьѣ, и потомъ внѣ суда посадить его должно; а съ нимъ вмѣстѣ сидѣть и самому стряпчему, показанія отбирать отъ подсудимаго чрезъ другаго стряпчаго, котораго употребить на сіе судья заблагоразсудитъ. Дѣла маловажныя и дальнѣйшихъ изслѣдованій не требующія рѣшить по порядку, начиная съ прежде вступившихъ; естьли по инымъ положены присяги — назначить сроки, а безъ присягъ — учинить взысканіе, не выходя изъ присутствія.

---

[1]) По 184 ст. «наказавъ».

[2]) Повт. подъ ст. 143 и 184.

Ком. Уничтожить, ибо учреждены по Положенію 1825 года калмыцкіе суды.

61.

6. (Ул. 137). Кто на кого будетъ имѣть жалобу, долженъ требовать отвѣтчика предстать съ нимъ къ суду и объявлять о томъ стороннему человѣку; а естьли отвѣтчикъ не поѣдетъ, въ такомъ случаѣ брать отъ судей Ельчу (нарочнаго) и взыскивать съ ослушника въ пользу посланнаго за ѣздовое*); ежели же отвѣтчикъ не будетъ повиноваться, взять съ него штрафу трехъ-лѣтнюю лошадь и велѣть ѣхать въ судъ; за неповиновеніе двукратной повѣсткѣ взыскивать тоже; а буде не явится по троекратной повѣсткѣ, давать справедливость просителю.

Два члена. Всякой тяжбу имѣющій можетъ сказать при свидѣтеляхъ своему отвѣтчику ѣхать къ суду; естьли отречется, то взять отъ стряпчаго посланца съ платою ѣздоваго. Естьли и посланца ослушается, оштрафовать его трехъ-лѣтнею лошадью и за второе ослушаніе штрафовать тѣмъ же, и за третье обвинить и справедливость отдать истцу[1]).

Ком. Кто имѣетъ съ кѣмъ судиться, тотъ долженъ соперника своего требовать въ судъ при свидѣтеляхъ. Ежели отвѣтчикъ не поѣдетъ, въ такомъ случаѣ просить отъ судей нарочнаго. Въ случаѣ же ослушанія, судъ, разсмотрѣвъ причины отзыва, приступаетъ къ законному удовлетворенію истца. Разъѣздъ нарочныхъ дѣлать на счетъ виновныхъ. Призывъ сей распространить и на суды улусные.

62.

Каждый, на кого положена присяга, долженъ являться въ назначенный срокъ непремѣнно, а буде пропуститъ срокъ,

*) Съ рубля по десяти копѣекъ.

[1]) Повт. подъ ст. 111.

въ искѣ отказывать; однакожъ судьи должны назначать день присяги, соразмѣрно мѣстному разстоянію жительства присягателя.

Ком. Утверждается.

63.

Ежели кого потребуетъ судъ, а онъ сдѣлаетъ ослушаніе и сверхъ того причинитъ посланному побои, съ таковымъ противникомъ, явно нарушившимъ отечественные законы, поступать по уложенію, наказавъ 30-ю ударами, взыскать штрафу трехъ и четырехъ-лѣтнія двѣ скотины. При таковыхъ посылкахъ нужно наблюдать, чтобъ посланный былъ постояннаго поведенія и дѣятельный, а не дурнаго обращенія и не поступающій противно правилъ всякаго порядка.

Ком. Сіе заключается въ предыдущемъ замѣчаніи на 6-ю статью[1]).

64.

Присягу принимающій или приводитель къ присягѣ естьли встрѣтитъ необходимость, препятствующую ему быть на мѣстѣ присяги въ назначенный срокъ, таковой долженъ прислать къ Яргачею (экзекутору) нарочнаго и нужду свою объявить, а естьли кто сего не исполнитъ, лишается иска, каковое правило просителю и отвѣтчику соблюдать во всей силѣ, не измѣнять и не сопротивляться.

Ком. Утверждается.

65.

7. Во всякомъ улусѣ народное общество не должно вѣрить и слушать ябедъ, подстреканій и ложныхъ извѣщеній. Въ семъ отношеніи держаться прославленнымъ правамъ родовымъ[2])

---

[1]) См. положеніе Коммиссіи по 61 ст. Зинзил. постановл.
[2]) По 117 ст. «родовыхъ»

нашихъ предковъ, съ древнихъ временъ доднесь существующимъ, а надобно вѣрить предпочтительно Владѣльцу, слушать со вниманіемъ и исполнять его приказанія и учрежденія безпрекословно; такимъ же образомъ должны повиноваться властямъ своимъ и тѣ народы, кои не имѣютъ владѣльцовъ, а управляемы бываютъ Зайсангами; а ежели кто осмѣлится въ противность сего постановленія между отокомъ*), аймакомъ и общества внушать не благомыслящіе совѣты, клонящіеся къ разстройству народнаго спокойствія, таковаго тотъ, кто услышитъ или узнаетъ, долженъ схватить и содержать за крѣпкимъ присмотромъ, и, извѣстя общество, представить къ Владѣльцу или улуснымъ Правителямъ, за что онаго награждать соразмѣрно обстоятельству; а виновнаго для дознанія истины судить, и естьли явно обнаружатся злонамѣренія, но по роду своему не будутъ заключать въ себѣ важнаго разстройства, а относились только вредными до общественнаго благосостоянія, таковаго, жестоко наказавъ, лишить честнаго имени, дабы тѣмъ не ослабѣлъ внѣшній порядокъ управленія; а естьли производимое разстройство было тяжко и выходило за предѣлы, тогда виновнаго предавать Россійскому суду (жестоко, значитъ, наказать 50-ю ударами)[1]).

66.

(Повторена 21 статья Зинзил. постановл. — о покушеніи къ вооруженному нападенію на Владѣльца).

67.

(Повторена 19 статья Зинзил. постановленій — объ избавленіи Владѣльца отъ непріятеля).

68.

По дознаніи о убійствѣ человѣка или о другомъ какомъ важномъ происшествіи, тотчасъ виновнаго сыскать и произво-

*) Значительная часть улуса.

[1]) Повт. подъ ст. 117.

дить слѣдствіе по калмыцкому Уложенію; а естьли точно злодѣйство будетъ обнаружено, виновнаго отсылать къ сужденію Россійскаго суда; а буде кто кого научитъ убить человѣка или соединится къ тому сотовариществовать, или, зная сіе, скроетъ, всѣхъ таковыхъ отдавать калмыцкому суду.

Два члена. Буде кто въ смертоубійствѣ человѣка явно изобличенъ будетъ, того, оштрафовавъ по калмыцкому Уложенію, предать Россійскому сужденію.

Ком. Уголовное.

69.

Ежели кто изъ подвѣдомственныхъ людей двумъ Владѣльцамъ одинъ другаго убьетъ до смерти и тотъ убійца, хотя бы его пытками допрашивали, объявитъ по самой истинѣ, что онъ ненарочно и безъ намѣренія, а во время драки, въ пьяномъ образѣ, непредвидимымъ вражескимъ дѣйствомъ, учинилъ убійство, таковаго убійцу для наказанія кнутомъ отдать въ Россійскій судъ[1]).

Ком. Уголовное.

70.

Кто увидитъ самоубійцу и избавитъ отъ смерти, предоставлять обстоятельство сіе на разбирательство суда; ежели тотъ самоубійца учинилъ сіе по болѣзни въ сумасшествіи, предоставлять надлежаще; а буде нарочно и въ здравомъ разсудкѣ сдѣлалъ, отдать въ Россійскій судъ[2]).

Ком. Уголовное.

71.

Всѣхъ тѣхъ людей, кто обнаружится въ передержательствѣ бѣглецовъ, предавать Россійскому суду.

---

[1]) Повтор. подъ ст. 175 (п. 7).

[2]) Повт. подъ ст. 175 (п. 8). Статья эта дополняетъ 109 ст. Ул. 1640 г.

Ком. Всѣхъ тѣхъ людей, кои обнаруживаются въ умышленномъ передержательствѣ бѣглецовъ, какихъ бы ни было, въ томъ числѣ передержателей калмыковъ, отбывающихъ отъ службы, предавать Военному суду.

72.

(Повторена 188 ст. Зинз. пост. о подсудности дѣлъ о грабежѣ, воровствѣ и мошенничествѣ[1]).

Два члена. Вора, дѣйствительно изобличеннаго, наказать 50 ударами и посадить публично на кобылу, положить на щекахъ у него клеймы и во второй разъ учинить съ нимъ тоже; а въ третій, по калмыцкому обряду положа штрафъ, предать его наказанію Россійскому[2]).

Ком. Уголовное.

73.

Ежели случится, гдѣ нѣтъ Зайсанга, откочевка одной кибитки или хотона и окажется подобное же происшествіе, тогда штрафовать главнаго старшину[3]) и передать сужденію Россійскихъ законовъ[4]).

Ком. Принадлежитъ разбирательству улуснаго суда.

74.

Естьли кто изъ родственниковъ простаго состоянія бѣглаго со службы сокроетъ завѣдомо, того наказать 30-ю ударами и послать на службу за того, кто поймаетъ; также

---

[1]) Статья эта представляетъ развитіе статей 186 и 187, почему ея текстъ оставленъ подъ 188 ст. и исключенъ подъ 72 ст.

[2]) Повтор. подъ ст. 196.

[3]) По ст. 123 «старосту».

[4]) Повт. подъ ст. 123. Статья эта замѣняетъ 165 и 166 ст. Улож. 1640 г., не внесенныя въ Зинзил. постановленія.

старшину (10 кибитокъ), (который?) знавши мѣстопребываніе бѣглеца и сокроетъ, нарядить на службу; а буде Зайсангъ, зная о томъ, скроетъ, лишить аймака и честнаго имени въ народѣ; а ежели Владѣлецъ вѣдая скрывать будетъ и не обнаружитъ, предать Россійскому суду[1]).

Два члена. Кто будетъ скрывать калмыка, тотъ оштрафуется по своему Уложенію; а русскаго утаитъ, преданъ Россійскому сужденію.

Ком. Уголовное.

75.

Ежели кто самовольно подступитъ подъ непріятеля и потеряетъ людей, таковаго отдать въ Россійскій судъ (судить военнымъ судомъ).

76.

Кто по злобѣ пуститъ пожаръ, таковаго человѣка дѣйствіе, по разсмотрѣнію въ судѣ Зарго́, предавать въ Россійскій судъ для наказанія[2]).

Ком. Уголовное.

77.

Если кто по злобѣ изъ злонамѣренныхъ людей къ невинному и честному человѣку неизвѣстнымъ и тайнымъ образомъ подкинетъ мертвое тѣло, или краденное, или ограбленное хорошее имущество, вещи и деньги, или зарѣзанной скотины мясо и кожу, о томъ производить слѣдствіе суду Зарго́ и виновнаго отсылать для наказанія въ Россійскій судъ[3]).

Ком. Уголовное.

---

[1]) Повт. подъ ст. 145.

[2]) Повтор. подъ ст. 216. Статья эта составлена въ отмѣну 87 и 88 ст. Улож. 1640 г.

[3]) Повт. подъ ст. 194 и 202. Статья эта дополняетъ 121 ст. Уложенія 1640 года.

78.

(·) Кто пойманъ и обличенъ будетъ въ трехъ кражахъ, таковаго дѣйствія разсматривать суду Зарго́, а потомъ для наказанія отсылать въ Россійскій судъ[1]).

Два члена. Буде кто у россіянъ, татаръ и киргизовъ и другихъ націй людей воровство учинитъ, съ таковыми поступить по силѣ вышеизъясненныхъ узаконеній и потомъ предать суду Россійскому. По наказаніи изобличеннаго вора, не ожидая прибытія Зайсанга, отдать въ смотрѣніе извѣстному человѣку; взысканіе же штрафа, слѣдуемаго съ того вора, хотя Ламы и другіе вельможи просить будутъ, не оставлять и за неуваженіе ихъ просьбы истца не обвинять[2]).

Ком. (·) Кто изобличенъ будетъ единственно въ трехъ воровствахъ мошенническихъ и не свыше 400 руб. въ каждый разъ, таковаго дѣйствія разсматривать суду Зарго́ окончательно и, простивъ въ трехъ воровствахъ, и не свыше 200 руб.—въ судѣ улусномъ.

79.

(Повторена 35 ст. Зинзил. постановл. — о защитѣ вора владѣльцемъ).

80.

Кто сманитъ или украдетъ человѣка, о томъ имѣть законное разсмотрѣніе суду Зарго́ и виновнаго для наказанія отсылать въ Россійскій судъ[3]).

Два члена. Буде кто украдетъ человѣка, штрафовать его, какъ смертоубійцу, и предать суду Россійскому.

---

[1]) Повтор. подъ ст. 196. Статья эта дополняетъ 156 ст. Ул. 1640 г.

[2]) Повторено подъ ст. 200.

[3]) Повтор. подъ ст. 199.

Ком. Уголовное.

Два члена. Буде воры сдѣлаютъ нападеніе и оружіемъ причинятъ раны, за каждаго раненнаго, взыскавъ штрафъ, положенный за смертоубійство, воровъ предавать Россійскому сужденію. За раненныхъ лошадей, сколько ихъ числомъ будетъ, за каждую дать по четырехъ-лѣтнему верблюду, а за холостые выстрѣлы взять по четырехъ-лѣтней лошади за каждый[1]).

Ком. Уголовное.

81.

Кто у беременной женщины выбьетъ младенца, о томъ производить слѣдствіе суду, а естьли сдѣлано съ намѣреніемъ, отсылать виновнаго къ наказанію въ Россійскій судъ[2]).

Ком. Уголовное.

82.

8. (·) Великій Государь Императоръ Самодержецъ Всероссійскій, вѣрноподданному калмыцкому народу, возстановя древнія родовыя права и привиллегіи, Высочайше соизволилъ утвердить во всей ихъ силѣ и неприкосновенности, каковымъ Монаршимъ благоволеніемъ предоставлено производить и рѣшать дѣла, на основаніи родовыхъ нашихъ правъ, изложенныхъ въ Уложеніи, учрежденному въ калмыцкомъ народѣ суду Зарго́, а внутреннія въ улусахъ судебныя тяжбы Владѣльцамъ, имѣющимъ подвластныхъ, а гдѣ оныхъ нѣтъ, Правителямъ казеннаго вѣдомства отъ общества довѣряемъ уполномоченнымъ.

Два члена. (Повторено мнѣніе, изложенное по 34 ст. Зинзил. постановл.: «Владѣнія одного Владѣльца и одного аймаку калмыки»...) (:) Затѣмъ прибавлено:

---

[1]) Повтор. въ отдѣлѣ о грабежахъ, XI п. 4.

[2]) Статья эта служитъ дополненіемъ ко второй половинѣ 100 ст. Ул. 1640 года.

Недостатки, кои здѣсь не описаны, смотрѣть должно въ древнемъ Уложеніи; важныя дѣла предоставлять Россійскому суду.

Ком. (·) Порядокъ обращенія калмыковъ съ просьбами установляется по правиламъ, изложеннымъ въ Положеніи 10 марта 1825 года о управленіи калмыцкимъ народомъ.

Ком. (:) Сюда относится замѣчаніе, сдѣланное на 10 статью о Владѣльцахъ[1]).

83.

(⁝) Ежели кто въ одномъ лицѣ или соединясь во множествѣ, не объявя прежде національному суду Заргó, по Высочайшему соизволенію въ калмыцкомъ народѣ учрежденному, войдетъ съ жалобою къ Высшему Правительству или низшему начальству, что Владѣлецъ или Управитель дѣло его рѣшилъ несправедливо; а начальство, принявъ просьбу, препроводитъ въ судъ Заргó, по Высочайшему повелѣнію въ калмыцкомъ народѣ учрежденный, съ предписаніемъ объ изслѣдованіи на самой истинной справедливости, тогда суду Заргó надлежитъ сообразно родовымъ правамъ представлять съ мнѣніемъ по порядку къ главному начальству[2]).

Ком. (⁝) Сюда относится замѣчаніе, сдѣланное на § 8 касательно порядка обращенія съ просьбами[3]).

84.

Ежели кто насильственно вторгнется къ кому либо въ домъ со многими злонамѣренными людьми, и тотъ, къ кому войдутъ, обороняя себя и домъ, изъ тѣхъ злодѣевъ кого нибудь убьетъ до смерти, долженъ убитаго или раненнаго чело-

---

[1]) См. ст. 34 Зинзил. постановленій.

[2]) Повт. подъ ст. 223.

[3]) См. 1-е положеніе Коммиссіи по предыдущей статьѣ.

вѣка представить въ судъ и объявить, и то окажется справедливо, что крайность позволила при оборонѣ своей жизни учинить убійство, а не нарочито произведено сіе дѣйствіе, таковаго не обвинять потому, что входить самовольно въ чуждый домъ съ злодѣйскимъ насильствомъ не слѣдуетъ. Это происшествіе подлежитъ своему суду[1]).

Ком. Уголовное.

85.

Если во время скопища случится драка, и кто отъ чьего удара умретъ и въ той партіи много было людей, а преступникъ убитаго или раненнаго не будетъ узнанъ, тогда надобно по догадкамъ взять изъ нихъ одного подозрительнаго и, жестоко наказуя, допрашивать; когда же изъ среды той партіи виноватаго не выдадутъ и притомъ трудно будетъ открыть слѣды сего злодѣянія, въ то время всѣхъ, на кого будетъ падать подозрѣніе, для обнаруженія сего злодѣйства допрашивать пытками, не лишая однакожъ жизни, что есть противно справедливости, а сажать таковыхъ въ тюрму, штрафовать и наказывать и наконецъ по своему закону ставить на покаяніе. (Предоставлять обслѣдованію суда Зарго́)[2]).

Ком. Уголовное.

86.

Ежели кто у русскихъ или татаръ, или между калмыками нечаянно угонитъ скотъ и табунъ, таковое хищничество предоставить разбирательству и удовлетворенію хозяевъ калмыцкому суду Зарго́; а виновнаго наказавъ 50-ю (·) ударами, взыскать штрафу три трехъ-лѣтъ и двѣ четырехъ-лѣтъ скотины (штрафъ, взысканный скотомъ, отдать на потребности суда Зарго́)[3]).

[1]) Повт. подъ ст. 173.

[2]) Повт. подъ ст. 171. Статья эта дополняетъ 103 ст. Уложенія 1640 г.

[3]) Повт. подъ ст. 200.

Ком. Замѣчаніе на 22 статью о воровствѣ[1]). — (·) 25-ю ударами.

87.

(Повторена ст. 34-я Зинзил. постановл. — о потравѣ мѣста, назначеннаго для кочевья владѣльца).

88.

Буде бы за подобныя откочевки случилось предать сужденію старшину надъ десятью кибитками, старосту и Зайсанга, но они на очной ставкѣ между собою учинятъ запирательство и въ томъ не изобличатся, ссылаясь одинъ, что онъ о семъ не зналъ, а другой покажетъ, что онъ объявлялъ, тогда, узнавъ[2]) истину судомъ чрезъ изслѣдованіе, и съ виновнымъ поступить по Уложенію[3]).

Ком. Судить улусному суду.

89.

(Повторена 38-я ст. Зинзил. постановл. — объ откочевавшихъ бѣглецахъ и ихъ передержателяхъ).

Ком. Утверждается, но съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ откочевки донести и Частному Приставу.

90.

(Повторена 50-я ст. Зинзил. постановл. — объ усыновленіи чужаго сына).

91.

(Повторена 51-я ст. Зинзил. постановл.—о принятіи въ семью чужой дочери).

---

[1]) См. Полож. Ком. по 200 ст. Зинз. постановл.
[2]) По ст. 124 «дознавать».
[3]) Повтор. подъ ст. 124.

Ком. Допустить.

92.

Существенность[1]) права и обычай повелѣваютъ, чтобъ всѣ Владѣльцы старшіе, средніе, мелкопомѣстные и Табунгутъ[2]) жили между собою откровенно на подобіе братьевъ, одинъ другаго любить и воздавать приличное по достоинству почтеніе; таковому же примѣру должны слѣдовать Зайсанги, владѣльческіе приближенные служители, сборные старосты Шюлюнгюсъ (старшіе надъ 40 кибитками), цѣлыя общества, знатныя части онаго и всѣ роды, между ими раздѣляющіеся, именующіе себя Ойридъ[3]) (калмыками), на вершинѣ шапокъ красныя кисти носящіе, живя одинъ съ другимъ подобно братьямъ, союзомъ неразрывнымъ, доставляя довлеемое вспомоществованіе и почтеніе, согласуясь съ добрыми предначинаніями; а ежели кто будетъ поступать противу сего устава, съ того взыскивать штрафы по винѣ заслуживаемаго преступленія. (Въ концѣ пункта сказано: вмѣсто представлять главному начальству, предоставлять взысканіе штрафа разсмотрѣнію суда Заргó, смотря по винѣ заслуживаемой)[4]).

Ком. Остается въ своей силѣ.

93.

(Повторена 23 ст. Зинзил. постановл. — о побояхъ, наносимыхъ владѣльцамъ, табангоутамъ и зайсангамъ).

Ком. Сюда относится замѣчаніе на 2-ю статью о владѣльцахъ[5]).

---

[1]) По 114 ст. «существенныя»

[2]) Должно быть — „Табангоутъ.

[3]) Ойрисъ, по 114 статьѣ. Въ рукописи стоитъ подъ 114 ст. въ вынóскѣ глосса: «должно быть—Ойратъ или Ойротъ». Глосса эта, судя по почерку, принадлежитъ владѣльцу рукописи — бар. Бюлеру.

[4]) Повт. подъ ст. 114.

[5]) См. полож. Ком. по 20 ст. Зинз. постановл.

94.

(Повт 46 ст. Зинзил. постановл. — объ отгонѣ скота).

95.

9. (Повтор. конецъ 17-й ст. Зинз. пост.: «Всѣмъ духовнымъ вообще воспретить ѣздить въ судилища.... ибо сіе сану ихъ не прилично и вредно»).

Два члена. Оправдывать вора не допускать въ судъ адвоката; буде допустятъ, то рѣшеніе уничтожить; самаго его наказать 50-ю ударами и оштрафовать одною четырехъ-лѣтнею лошадью въ пользу Эрге (владѣльческаго дому[1]).

Ком. Отмѣнить по причинѣ учрежденія судовъ калмыцкихъ.

96.

10. Кто явится и объявитъ суду, что онъ имѣетъ съ кѣмъ нибудь судиться, и возьметъ для того дѣла Эльчў (нарочнаго); а послѣ того дѣло его окажется пустое, — за таковое неправильное взятье посланнаго по пустому дѣлу взыскать съ него въ пользу того посланнаго за ѣздовое, съ рубля по 10 коп., и по мѣрѣ вины наказать. (*)

Ком. Утвердить. — (*) Съ свѣдѣнія Владѣльцовъ и судей улусныхъ.

97.

Кто имѣетъ на комъ искъ, долженъ съ него требовать. а въ случаѣ неплатежа, если тотъ истецъ, не испрося отъ суда нарочно-посланнаго, возьметъ самъ насильно, таковаго иска уничтожить, потому что самъ въ своемъ дѣлѣ былъ судьею и посланнымъ и сдѣлалъ насиліе.

---

[1]) Повт. подъ ст. 200 (п. 23).

Ком. Утверждается.

Два члена. Буде кто изъ истцовъ съ изобличеннымъ воромъ примирится и тайно возметъ съ него искъ свой, таковыхъ вора наказать по закону и штрафъ съ него взысканный употребить на надобности Владѣльца (·), а самаго истца наказать за то 50 (··) ударами и претензію его уничтожить.

Ком. (·) на надобности общества. — (··) 20-ю ударами.

Два члена. Буде кто справедливый искъ свой возметъ самовольно и въ ночное время, за то оштрафовавъ его четырехъ-лѣтнимъ верблюдомъ, лишить иску, верблюда отдать на потребу владѣльческой ставки, и посланному велѣть взять съ того ѣздовое, а буде кто хотя и въ день таковый же захватъ сдѣлаетъ, лишить его иску и велѣть заплатить посланному ѣздовое.

Ком. Утверждается съ тѣмъ, что, продавши верблюда, деньги подъ наблюденіемъ Владѣльца причислять къ общественнымъ суммамъ.

98.

11. Если пойманъ будетъ бѣглой человѣкъ, таковаго допросить обстоятельно, чей онъ человѣкъ? съ какого мѣста ѣхалъ и куда бѣжалъ? Не имѣетъ ли товарищей и кто они такіе? сколько числомъ и гдѣ оные находятся? самовольно или по чьему подговору бѣжали? Сіи показанія отбирать основательно на бумагѣ, а потомъ, задержавъ подъ крѣпкимъ присмотромъ, писать въ подлежащее мѣсто.

Ком. Калмыкъ отсылать въ улусный судъ, а русскаго представлять къ Частному Приставу для отсылки въ ближайшій Земскій Судъ.

99.

Ежели гдѣ пойманъ будетъ воръ, не медля ни мало, приступить къ обыску и допросу, сколько чего укралъ или

ограбилъ, у кого и въ какомъ мѣстѣ и что имянно укралъ, не дѣлалъ ли кому нибудь истязаній и принужденій и не убилъ ли человѣка? Сверхъ того, нужно вывѣдать его, у кого проживалъ? кому своронанное отдавалъ, мѣнялъ и продавалъ? съ кѣмъ имѣлъ знакомство? не знаетъ ли другихъ какихъ воровъ? И естьли кого покажетъ, не упуская время, послать сыскать и вызвать, и немедленно дойти до истины и поступать судебнымъ порядкомъ. (За поимку вора взять тому, кто поймалъ, лошадь съ сѣдломъ, на которой онъ ѣхалъ, и все то, что при немъ было; а сверхъ того въ награду взять и отдать четырехъ лѣтъ верблюда)[1]).

Ком. Порядокъ допросовъ допускается.

100.

Кто изъ партіи воровъ явится и обнаружитъ о учиненномъ преступленіи, таковаго штрафу не подвергать, а только слегка наказать (*) и обратить къ однородцамъ въ общество: ежели прежде о томъ люди знали, тогда его объявленія въ уваженіе не принимать, а обвинять[2]).

Ком. Уничтожается, ибо дѣло уголовное. — (*) Десятью ударами.

101.

Ежели случится важнѣйшее происшествіе о смертоубійствѣ человѣка и ограбленіи, отбирать допросы: гдѣ и кого именно убилъ и ограбилъ? чѣмъ убилъ и какъ ограбилъ, когда и въ какой день, около какого мѣста? Самъ ли съ намѣреніемъ дерзнулъ произвесть толь непростительное злодѣяніе или нечаянно, по неумышленности? Если же доказательствомъ и явною уликою будетъ сіе обнаружено, тогда неупустительно

---

[1]) Повт. подъ ст. 109.

[2]) Повтор. подъ ст. 190. Статья эта составлена въ отмѣну 123 ст. Ул. 1640 г. См. ниже 189 ст. Зинв. постановл.

принимать мѣры къ раскрытію настоящей истины, кѣмъ и какимъ образомъ такое важное злодѣйство сдѣлано, чрезъ обстоятельное производство слѣдствія.

Ком. Уголовное.

12. *Два члена.* Кто воздумаетъ чрезъ постороннихъ людей просить незаконно, имянно безъ всякихъ заслугъ и отличій освободиться отъ Владѣльца, выбыть изъ аймаку своего Зайсанга, крестьяне—избѣгнуть власти господина, таковому, урѣзавъ носъ, учинить наказаніе 20-ю ударами плетью. Естьли его поощрилъ къ тому знатной человѣкъ, и сей оштрафуется взысканіемъ четырехъ-лѣтняго верблюда и тремя ударами по щекамъ въ полномъ собраніи; естьли научилъ его человѣкъ средняго состоянія, штрафуется трехъ-лѣтнимъ верблюдомъ и 10-ю ударами плетью при собраніи, а простолюдинъ — четырехъ-лѣтнею лошадью и 20 ударами плетью при собраніи же.

Ком. Уничтожается.

Два члена. Буде кто просить будетъ чрезъ людей о неплатежѣ справедливаго иска, того наказать 30-ю ударами плетью, слѣдуемое съ него взыскать и того, кто его на сіе поощритъ, естьли изъ знатныхъ — взыскать съ него хорошую лошадь, изъ среднихъ людей — четырехъ лютнюю, а изъ простыхъ однолѣтняго жеребца.

Ком. Уничтожается.

Ком. Къ симъ узаконеніямъ прибавляются слѣдующія правила:

Никто да не накажется безъ изслѣдованія вины и суда.

Никто да не лишается имѣнія, какъ бы оно ни было, безъ изслѣдованія и безъ суда.

Все долженствуетъ состоять изъ гласности и суда.

102.

13. (Повторена 50 ст. Зинзил. постановл. — объ усыновленіи чужаго сына).

103.

(Повторена ст. 51-я Зинзил. постановл. — о принятіи въ семью чужой дочери).

II. О свидѣтеляхъ, о присягѣ, обыскахъ и о прочемъ.

104.

1. (Ул. 138). Кто у кого найдетъ въ ополичіе мясо украденнаго своего скота, и приглася къ обыску почетнаго человѣка свидѣтелемъ, туда пріѣдетъ, а тотъ человѣкъ усиливаясь не дастъ обыску, за то, считая его дѣйствительнымъ воромъ, судить и законно штрафовать.

Два члена. Кто при знатномъ свидѣтельствѣ не дастъ обыска, того, сверхъ взысканія иска, штрафовать по закону; а при свидѣтеляхъ, не слишкомъ благонадежныхъ, наказать взысканіемъ иска; штрафъ же положить на очистительную присягу.

Ком. Буде кого надлежитъ обыскать и онъ обыскивать себя при свидѣтеляхъ не допуститъ, тогда надлежитъ считать его дѣйствительнымъ воромъ и взыскать съ него искъ. Впрочемъ надлежитъ суду разсмотрѣть, каковы свидѣтельствующія лица.

105.

2. (Повторена 27-я ст. Зинзил. постановл. — о произвольныхъ обыскахъ владѣльцевъ).

Ком. Утверждается.

106.

3. Кто явно приведетъ слѣды воровскаго скота при свидѣтеляхъ, съ таковымъ поступать на основаніи закона объ обыскахъ; однакоже, прежде нужно суду разсмотрѣть, какого поведенія свидѣтельствующія лица[1]).

Ком. Утверждается.

107.

4. (Ул. 127)[2]). (·) Кто явно вошедшаго въ домъ хищника, или гнавшись въ погонь за его товарищами, на дорогѣ поймаетъ и убьетъ до смерти, тогда тѣхъ воровъ съ поличнымъ немедленно приводить къ ближнимъ людямъ для засвидѣтельствованія, или для записки по надлежащему въ ближайшее судебное мѣсто, таковаго въ преступленіи виновнымъ не почитать[3]).

Ком. (·) Уголовное, а касательно свидѣтельства оное допускается.

108.

Раба и рабу свидѣтелями не принимать[4]).

Два члена. Буде кто за подарки будетъ ложно свидѣтельствовать, того при собраніи народа обнажить и, наказавъ 20 ударами, слѣдуемую съ иска ему награду взыскать съ него же на требу владѣльческой ставки.

Ком. Утверждается безъ снабженія, штрафъ употребить въ пользу бѣдныхъ.

Два члена. Буде кто за кого присягнетъ изъ подарковъ, тѣ подарки отъ него отобрать при посрамленіи его

---

[1]) Статья эта есть дополненіе въ второй половинѣ 89 ст. Ул. 1640 г., гдѣ изложено постановленіе о гоненіи слѣда.

[2]) Эта статья Ул. относится къ 108 ст. Зинзил. постановл.

[3]) Повт. подъ 174 ст. Зинзил. постанов.

[4]) Статья эта есть новая редакція 127-й ст. Ул. 1640 г.

въ собраніи. Искъ отказать въ пользу отвѣтчика за то, что проситель подкупилъ присягателя; тоже учинить паки съ присягателемъ, буде онъ изъ подарковъ же присяги не учинитъ.

Ком. Оставить въ своей силѣ съ тѣмъ, что лжеприсягателя предавать уголовному Россійскому суду.

109.

(Повторена 99 статья Зинзил. постановл. — о допросѣ воровъ).

Ком. Порядокъ допросовъ допускается.

110.

Ежели кто въ какомъ улусѣ тайнымъ образомъ продавать будетъ вино или карты, тотчасъ по объявленіи открывать чрезъ обыски безъ малѣйшаго послабленія, соблюдая при слѣдствіи большую осторожность, дабы кто невинно не пострадалъ по одному сомнѣнію, а потому обыски производить по состоянію дѣла, самые основательные, и естьли выдетъ запирательство, тогда чрезъ свидѣтелей обнаруживать истину и обвинять[1]).

Ком. Утвердить.

111.

6. (·) (Ул. 134). (··) Иски и убытки по воровству взыскивать слѣдующимъ образомъ: хозяину свой скотъ получать вдвое съ понесенными убытками, а не доказанные и безъ свидѣтельства уничтожить[2]).

Ком. (·) Свидѣтелямъ не полагается никакой награды. — (··) Утверждается.

7. (Ул. 113). *Ком.* Неимущество вора долженъ засвидѣтельствовать ясашный сборщикъ, съ подтвержде-

[1]) Повт. подъ ст. 224.
[2]) Повт. подъ ст. 197.

ніемъ отъ общества, и вора отдавать хозяину украденнаго въ заработку вдвое[1]).

(Ул. 122). (·) *Два члена.* (··) Слѣды скотскіе бываютъ явны на чистомъ снѣгѣ, на пескѣ и на новой грязи, повсюду существующей; естьли скотомъ не будутъ потоптаны, таковыми тремя путями приведены слѣды, при знатномъ свидѣтельствѣ если не будутъ отведены, неотводчикъ, сверхъ заплаты иска, долженъ быть оштрафованъ; естьли сіе случится при свидѣтеляхъ, не очень вѣроятныхъ, искъ взыскать, а въ штрафѣ присягу дать; прочіе приводы слѣда, яко темные, судьи могутъ обнаруживать слѣдствіемъ.

Ком. (·) Утверждается (статья стараго уложенія). (··) Оставляется (мнѣніе членовъ).

(Ул. 2-я половина 89 ст.: «Ежели кто украденнаго у себя скота.... взять одну жестовую вещь и восемь скотинъ») (·) *Два члена.* (··) Показанія тайнаго свидѣтеля объявить суду по секрету; судья, отобравъ оное, долженъ удостовѣрить въ истинѣ присутствіе присягою; естьли таковой свидѣтель опасется пріѣхать съ объявленіемъ къ суду, дѣло рѣшить слѣдствіемъ.

Ком. (·) Утверждается. (··) Уничтожается.

8. (Ул. 148). *Ком.* Утверждается.

Два члена. Въ судѣ, гдѣ нѣтъ свидѣтельскихъ доказательствъ, истецъ и отвѣтчикъ будутъ въ равновѣсіи, а въ случаѣ отрицанія ихъ дать обоимъ присягу; естьли будутъ у нихъ свидѣтели равнаго состоянія, такимъ же образомъ присягу учинить; естьли же у одного изъ нихъ не будетъ свидѣтелей, присяги нѣтъ, а должно судьѣ внимательно вникнуть въ характеръ и поведеніе свидѣтеля. Естьли обоихъ сторонъ показанія будутъ одно вѣ-

[1]) Такая же резолюція повторена по мнѣнію двухъ членовъ, изложенному въ 196 ст. Зинзил. постановл.

роятное, а другое нѣтъ, и въ такомъ случаѣ присяги не полагать. Естьли же тяжба будетъ о человѣкѣ, верблюдѣ и прочемъ скотѣ безъ доказательства, положить присягу тому и другому.

Ком. Поступить по общимъ узаконеніямъ.

Два члена. Въ спорномъ двухъ лицъ дѣлѣ хотя не будетъ свидѣтелей, но судьи всѣ единогласно признаютъ единаго виновнымъ, дѣло рѣшать слѣдуетъ безъ присяги.

Ком. Уничтожается.

Два члена. Буде избранный человѣкъ присяги устрашится и въ избѣжаніе оной Зайсанги обѣихъ сторонъ примирятся, тотъ искъ слѣдуетъ отдать на потребу владѣльческой ставки; естьли же не такъ, по закону должно присягу исполнить. Буде присяжный искъ взыщетъ самъ, въ томъ вины нѣтъ; доказателю о мирѣ, съ воромъ учиненномъ, дать четырехъ-лѣтняго верблюда; съ Зайсанговъ, утаившихъ таковое примиреніе, взять по одному четырехъ-лѣтнему верблюду на владѣльческую ставку, и съ нихъ же взыскать доказателю по одной четырехъ-лѣтней лошади.

Ком. Уничтожается.

Два члена. Присягать должно въ опредѣленный срокъ; буде въ оный не присягнетъ, проситель теряетъ искъ. Судьи обязаны объявить число срока, опредѣленное для присяги; буде къ оному приводящему и идущему на срокъ стать воспрепятствуютъ важнѣйшія причины, о томъ должны они чрезъ посланнаго отъ себя извѣстить стряпчаго въ срокъ; естьли сего не учинятъ, лишаются права иска; такъ же поступить и съ истцомъ, какъ поступается съ отвѣтчикомъ.

Ком. Утверждается.

Два члена. (Повторено мнѣніе, изложенное въ 61 ст.: Всякой, тяжбу имѣющій... а за третіе обвинить и справедливость отдать истцу).

Ком. Утверждается.

Два члена. (Повторено мнѣніе, изложенное въ 40 ст.: Буде Зайсанги за кого-либо изъ воровъ въ защиту.... другому въ достоинствѣ имъ подобному съ мѣстнаго старшины; гдѣ нашелся воръ, взыскать четырехъ-лѣтняго верблюда Богамъ на жертву).

Ком. Утверждается.

112.

По дѣлу воровства буде назначаютъ къ присягѣ Зайсанга, должно разсмотрѣть, заслуживаетъ ли того важность претензіи; буде нѣтъ, положить присягу по мѣрѣ иска на того, кому оная будетъ соотвѣтственна. Буде вора кто изъ постороннихъ подведетъ подъ защиту Ламы и другихъ вельможъ, съ того взыскать трехъ-лѣтняго верблюда на потребу Владѣльца; а буде онъ учинитъ въ томъ запирательство, взять съ него по закону присягу[1]).

Ком. Уничтожается

113.

(Повторена 42-я статья Зинзил. постановл. — о доказательствахъ по дѣламъ о произвольныхъ поборахъ зайсанговъ).

---

[1]) Повт. подъ ст. 200 (п. 23).

О внутреннемъ благоустройствѣ въ народѣ.

I. О гражданскомъ благоустройствѣ.

114.

1. Повторена 92-я статья Зинзил. постановл. — объ ойратствѣ или союзности родоправителей и самихъ родовъ).

Иом. Предписывается повиновеніе старшимъ во всемъ, что законно, и ежели требованіе важно, долгъ всякаго объявить о семъ въ улусѣ и Частному Приставу.

115.

Всякой человѣкъ низкаго происхожденія обязанъ повиноваться Владѣльцамъ старшимъ, среднимъ, мелкопомѣстнымъ и Табунгутамъ, воздавая достоинству ихъ приличныя родовымъ преданіямъ и обыкновенію почести; а ежели кто лично или заочно непристойныя хулы на нихъ вознесетъ и то истинѣ подтвердится, предоставлять разсмотрѣнію суда, — а ежели таковое поношеніе не будетъ заключать жестокаго оскорбленія къ ихъ чести, тогда поноситель въ проступкѣ своемъ при лицѣ публики испроситъ извиненія, или подвергать его штрафу соразмѣрно содѣянной винѣ.

116.

Каждый простой человѣкъ предпочтительно повинуется Зайсангу и старшему по немъ. Буде бы кто изъ нихъ приказалъ или научилъ кого дѣйствовать противу закона, вопреки Владѣльцомъ и обществомъ постановленнаго порядка, таковому распоряженію не слушаться; хотя бы и гибель ему отъ того послѣдовала, а явиться и донести о томъ Владѣльцу или другимъ старѣйшинамъ или къ обществу, и за то его обвинять; а въ случаѣ выполненія присуждать соразмѣрному штрафу и наказанію. (Взыскивать съ Зайсанга пять скотинъ, съ человѣка простаго состоянія двѣ трехъ лѣтъ рогатыя скотины; штрафъ сей отдать на бѣдныхъ).

117.

(Повторена 65-я статья о нарушеніи общественнаго спокойствія распространеніемъ ложныхъ слуховъ и пр)

Ком. Ежели кто дерзнетъ внушать кому либо отдѣльно или цѣлому обществу вредные и злонамѣренные совѣты, клонящіеся къ разстройству народной тишины, того представить въ улусѣ къ Частному Приставу, которой обязанъ изслѣдовать сіе при владѣльствѣ (владѣльцѣ?) или Зайсангѣ и вмѣстѣ съ виновными отсылать въ судебное мѣсто ближайшаго города.

118.

2. (Ул. ст. 3 и 4). (·) — (··) Кто съ дозволенія своего Владѣльца, а гдѣ оныхъ нѣтъ, управляющаго Зайсанга, хотя бы и былъ уволенъ на жительство въ другой улусъ, имѣя тамъ родственниковъ или для какихъ особыхъ причинъ, но чрезъ то не отдѣляется своего сословія, при надобностяхъ, а также тому владѣльцу и обществу, куда онъ добровольно пришелъ, долженъ близко подлежать. Если же послѣ того опять пожелаетъ перейти въ свой улусъ, и будто бы пріобрѣлъ тамъ

какое богатство, то при возвращеніи долженъ взять только тотъ скотъ, какой имѣлъ до прихода туда на жительство.

Два члена. (···) Всякой обязанъ кочевать въ своемъ родѣ, Зюнахъ, Барунахъ и Зотарахъ (названіе частей): буде кто отъ рода своего кочевьемъ удалится всѣми сорока кибитками, тѣхъ соединить, а старшину штрафовать четырехъ-лѣтнимъ верблюдомъ. Буде кто отдѣлится отъ сорока своихъ кибитокъ того хотона (т. е. сельцо), оштрафовавъ четырехъ-лѣтнею лошадью, присоединить къ своему роду; буде кто, кочуя такими кривыми путями, подвергнется убыткамъ, которые взыскать съ Зайсанга въ штрафъ за слабое правленіе подчиненныхъ.

Ком. (·) Уничтожаются. — (··) Утверждается, но съ тѣмъ, что жившій въ другомъ улусѣ, при возвращеніи въ свой улусъ, ничего не лишается.— (···) Утверждается.

119.

(Ул. ст. 157) (::). — (∴) Для соблюденія цѣлости и благосостоянія калмыцкаго народа необходимо нужно, дабы изъ владѣльческихъ и казеннаго вѣдомства людей, никто изъ среды улуса знатными частями, аймаками и родами, отнюдь не отдѣлялся. Обязанность Владѣльца, а гдѣ оныхъ нѣтъ, Правителей казеннаго вѣдомства, всѣхъ таковыхъ отшедшихъ и скитающихся собирать и присоединять надлежаще, не оставляя ни одного человѣка, къ однородцамъ, а буде у кого въ проживаніи окажутся, о таковыхъ забравъ справки, присовокуплять по принадлежности. Ежели же общество или однородцы, зная ихъ мѣстопребываніе, но не соберутъ, за то штрафовать ихъ Зайсанга, а буде онаго нѣтъ, старшаго старосту, а если онъ о семъ не зналъ, старшину 10-ти кибитокъ, перваго четырехъ-лѣтнею лошадью, втораго трехъ лѣтъ коровою, а послѣдняго трехъ-лѣтъ бараномъ. Штрафъ сей употребить на пользу бѣдныхъ.

Ком. (: :) Утверждается. (:·:) Утверждается.

Дербеты, Торгоуты и Хошоуты*) раздѣляются между собою на разныя части улусовъ; каждый Владѣлецъ, а гдѣ онаго нѣтъ, Правители казенныхъ калмыкъ обязаны настоятельно внушать и подтверждать всякаго рода Зайсангамъ, а гдѣ оныхъ нѣтъ, старшимъ Демчеямъ (старостамъ), о непосредственномъ наблюденіи за подвѣдомственными имъ людьми, дабы ни одна кибитка не откочевала и не смѣшивалась съ другимъ улусомъ по тому уваженію, что ежели кто отдѣлится, съ тѣми могутъ случиться непріятныя послѣдствія, какъ то: откочевавшіе, соединясь съ родомъ другаго улуса, совсѣмъ для нихъ чуждымъ, могутъ имѣть блязкую склонность къ воровству, особенно распутные, да и съ прочими, хотя бы и не свойственны къ тому были, можетъ случиться всякое неправильное притязаніе и какая нибудь неожиданная клевета; притомъ же въ случаѣ наряда на государственную службу, удобное средство къ скорѣйшему сбору людей, когда всѣ будутъ жить соединенно.

Ком. Утверждается.

120.

Если кто одною кибиткою или цѣлымъ отокомъ[1]) (составляющій нѣсколько кибитокъ) откочуетъ особо отъ своего рода или отъ тѣхъ сорока кибитокъ, съ коими вмѣстѣ должно находиться, съ таковаго хотона за вину взыскать четырехъ лѣтъ лошадь, а хозяина одной кибитки откочевавшаго наказать 15-ю ударами и соединить съ 40 кибитками однородцевъ. А ежели кто, ослушаясь старшины десятки[2]) кибитокъ, учинитъ откочевку и старшина, зная о томъ, не объявитъ Демчею (старостѣ) и тѣ люди жили по своему произволу, тогда слѣдуемый съ винов-

*) Три рода, составляющіе весь калмыцкій народъ.

[1]) Должно быть «хотономъ», какъ это видно изъ послѣдующаго изложенія этой статьи. Ср. также статьи 73 и 121.

[2]) Должно быть «десятка».

ныхъ штрафъ полагается на старшину съ тѣлеснымъ наказаніемъ по мѣрѣ вины, штрафу же взыскать трехъ-лѣтнюю рогатую скотину на призрѣніе бѣдныхъ.

Ком. Утверждается.

121.

Буде старшина 10-ти кибитокъ объявитъ Демчею (старостѣ), что изъ числа завѣдываемаго имъ десятка одна кибитка или цѣлый хотонъ (нѣсколько кибитокъ), вышедъ изъ повиновенія, откочевали особо, а потомъ Демчей, слышавши, не дастъ знать о томъ своему Зайсангу и самъ не соединитъ ихъ по принадлежности въ десятокъ, за то наказать старосту и взыскать штрафу четырехъ-лѣтнюю рогатую скотину на призрѣніе бѣдныхъ.

Ком. Утверждается.

122.

(Повторена статья 37-я — объ откочевкѣ отъ родовыхъ союзовъ).

123.

(Повторена 73 ст. — объ отвѣтственности старшины по откочевкамъ).

Ком. Судить улусному суду.

124.

(Повторена 88 статья — о судѣ по дѣламъ объ откочевкахъ).

125.

(Повторена 38 статья — объ откочевавшихъ бѣглецахъ и ихъ передержателяхъ).

3. *Два члена.* (Повторено изъ ст. 34: «мѣсто, охраняемое для кочевья... не штрафовать безъ изслѣдованія»).

4. (Ул. ст. 155). *Ком.* Утверждается, исключая отрубленія перстовъ.

(Ул. вторая половина 91 статьи: «А кто въ полѣ поймаетъ какой скотъ... съ таковаго взять 27 скотинъ).

Ком. Утверждается (по послѣднему пункту: штрафъ полагать тотъ же, что и за кражу скота).

5. *Два члена.* Всѣмъ на шапкѣ имѣть кисти и всякому мущинѣ носить косу. Женщинамъ не надѣвать одежды съ двумя воротниками[1]). Законъ обязываетъ повиноваться своему Зайсангу, естьли онъ не впадетъ въ противное Владѣльцу и обществу заблужденіе; тогда не слѣдуя ему, всякій долженъ объявить о томъ обществу и Владѣльцу, а буде не объявитъ, штрафованъ будетъ[2]).

Ком. Утверждается.

Два члена. (Повторенъ 13-й пунктъ о владѣльцахъ, изъ мнѣнія по 35 ст. Зинзил. пост.: «кто по бѣдности своей... Зайсанга своего»).

II. О призрѣніи бѣдныхъ.

126.

1. (*Ул.* ст. 151 — 154). — Сиротъ, престарѣлыхъ и всѣхъ бѣдныхъ вообще приказывать старостамъ собирать и отдавать въ призрѣніе родственникамъ. Ежели староста сего не учинитъ, взыскать съ него штрафу одну четырехъ-лѣтнюю рогатую скотину; а естьли старшій того отдѣленія не исполнитъ сего приказанія, съ таковаго взять штрафу четырехъ-лѣтнюю

---

[1]) Правило это сходно съ 163 ст. нѣмец. текста Улож. 1640 г.

[2]) Повт. подъ 222 ст.

скотину. И когда староста не найдетъ ближнихъ родственниковъ для призрѣнія сихъ бѣдныхъ, долженъ объявить Зайсангу, который обязанъ принять на свою опеку; а ежели Зайсангъ по своему несостоянію взять на себя не можетъ, долженъ Владѣльцу доносить; въ противномъ же случаѣ, буде упущены будутъ сіи способы, и кто отъ бѣдности изнурится, и сіе будетъ по обслѣдованію открыто, тогда съ виновнаго взыскать штрафу двѣ четырехъ-лѣтніе и одну трехъ-лѣтнюю рогатыя скотины. Штрафы сіи собирать Владѣльцу на содержаніе сихъ бѣдныхъ.

Примѣчаніе. Сверхъ того, для содержанія бѣдныхъ назначены штрафы, за разныя преступленія налагаемые, какъ можно сіе видѣть изъ перевода 1822 года §§ 80, 83, 86, 76, добавочныхъ къ нему пунктовъ: 19, 30, 39, 43, 44, 78 и изъ прибавленія къ переводу §§ 2, 6, 7, 12, 23 и 29-й.

Ком. Каждый старшина надъ 40 кибитками обязанъ вѣдать состояніе подвѣдомственныхъ ему людей, о сиротахъ, престарѣлыхъ, не могущихъ пропитывать себя, всѣхъ вообще бѣдныхъ. Ежели будутъ они въ тягость родственникамъ своимъ, представлять улусному суду, который, удостовѣрясь въ безпомощности ихъ, даетъ знать Владѣльцу, а сей обязанъ принимать надежнѣйшіе способы къ безбѣдному ихъ содержанію и нужному успокоенію. Необходимо, чтобы Владѣльцы учредили около ставокъ своихъ постоянныя заведенія для призрѣнія людей сего рода, не допуская ихъ бѣдствовать. Ежели же старшина будетъ оставлять бѣдныхъ безъ вниманія и Зайсангъ сіе пропуститъ, тогда перваго лишить его должности и взыскать штрафу за каждаго бѣднаго десять барановъ; а Зайсангу отказать навсегда въ управленіи аймакомъ, яко неспособному и не пекущемуся о своей собраніи. Ежели же бѣдный умретъ съ го-

лоду, что должно доказать изслѣдованіемъ, тогда старшину сорока кибитокъ и Зайсанга предать уголовному суду.

О больницѣ.

Ком. Призрѣніе больныхъ неимущихъ есть первѣйшій долгъ всякаго общества. Сюда принадлежитъ также заведеніе оспенныхъ домовъ и кибитокъ; предметы сіи должны привлечь всю попечительность и благонамѣренность Владѣльцовъ, духовенства и казенный Правителей. А потому постановляется, чтобы сіи лица непремѣнно приступили къ симъ учрежденіямъ, и какое предположено будетъ образованіе сему при пособіи калмыцкаго Управленія, представить оное къ начальству по порядку. Тоже самое сдѣлаютъ они и въ отношеніи призрѣнія сумасшедшихъ. Ни одинъ человѣкъ не долженъ предаваемъ быть на произволъ случая.

III. О воспитаніи.

127.

1. Каждый въ мірской жизни изъ простонародія долженъ учиться монгольской грамотѣ (калмыцкому письму), а Зайсангскіе сыновья естьли не обучатся монгольской грамотѣ читать и писать, съ отца ихъ взыскать штрафу: трехъ-лѣтняго верблюда, а сына отдать учителю для обученія. (Люди простаго состоянія могутъ учить сына своего монгольскому письму по силѣ возможности; Зайсанги же должны учить сына на счетъ свой; за необученіе взысканные штрафы брать на призрѣніе бѣдныхъ).

Два члена. Зайсангскія дѣти естьли не будутъ просвѣщать себя науками, съ отцовъ ихъ брать за то штра-

фу по одной четырехъ-лѣтней лошади, а дѣтей отдавать учителю для обученія. Съ извѣстныхъ въ обществѣ людей за сіе упущеніе брать по четырехъ-лѣтней лошади, а съ простолюдина[1]) деньгами по одному рублю 50 копѣекъ; дѣтей же отдавать учителю для просвѣщенія, и естьли кто изъ нихъ до 15-ти -лѣтняго возраста не обучится, тотъ оштрафуется.

Ком. Утверждается Зинзилинское мнѣніе.

За необученіе дѣтей брать штрафъ: съ человѣка, извѣстнаго въ обществѣ, трехъ лѣтъ лошадь, а сыновей для обученія отдать учителю; съ человѣка простаго званія естьли не обучитъ монгольскому чтенію письма, по 15-ти копѣекъ, а сыновей выучить грамотѣ.

Ком. Весьма приличная была бы обязанность духовныхъ постоянно содержать народныя школы при хурулахъ, для обученія дѣтей по желанію ихъ родителей калмыцкой грамотѣ, и даже еслибъ только можно было, и русской. Владѣльцы и Правители казенныхъ улусовъ обратятъ на сей важный предметъ все свое вниманіе и планъ таковымъ учрежденіямъ представить на уваженіе начальства.

128.

Учащійся грамотѣ у учителя, естьли не просвѣтится въ искуствѣ письма до 15-ти лѣтъ, подвергается штрафу (по лѣности не обучавшагося наукъ не уважать въ обществѣ)[2]).

---

[1]) Въ рукописи, по ошибкѣ, сказано: «простолюдиной».

[2]) Статьи 127 — 128 представляютъ развитіе 149 ст. стараго устава, какъ онъ изложенъ въ нѣмецкой рецензіи, т. е. собственно устава Дербетовскаго улуса прошлаго вѣка. См. наше соч. «Древн. монголо.-калмыц. уставъ, стран. 146.

IV. О повинностяхъ.

1. *Два члена.* (Повторено мнѣніе по 41 ст. Зинзил. постановл.: «Владѣлецъ, въ полѣ командующій войскомъ»...)

2. (Повторена 41 ст. Зинз. пост. о припасахъ для содержанія младшихъ владѣльцевъ).

3. (Повторена 42 ст. Зинз. пост. о разбирательствѣ дѣлъ о произвольныхъ поборахъ Зайсанговъ)[1]).

4. (Ул. ст. 20). — *Ком.* Утверждается.

5. (Ул. ст. 35). — *Ком.* Утверждается.

V. О подводахъ, подводчикахъ и проѣзжихъ.

1. (Ул. ст. 20) (·). — *Два члена.* (··) Изъ общаго посланцовъ права исключаются три важнѣйшія приключенія: 1) слѣдующіе съ извѣстіемъ о приближеніи непріятеля; 2) за лекаремъ, нужнымъ для пользованія опасной болѣзни Владѣльца, и 3) за духовною особою, могутъ брать подводы, не смотря ни на какія лица. Кромѣ сихъ важныхъ надобностей ѣздить по учрежденной дистанціи, не перегоняя лошадей для дружбы и подарковъ, за что штрафовать ихъ двумя рублями, а за умершую лошадь взысканіемъ полной цѣны. У главныхъ монастырей и прочихъ знаменитыхъ особъ подводы брать запрещается; кто осмѣлится взять, тотъ заплатитъ два рубли за лошадь штрафу, а за умершую всю цѣну. Посланцу вина не пить. Буде кто добрымъ порядкомъ слѣдующаго обидитъ побоями или другимъ безчестіемъ, поступить съ нимъ суднымъ порядкомъ. Буде посланца пьянаго и ѣдущаго неблагопристойно кто побьетъ, не повредивъ его членовъ, штрафу нѣтъ.

---

[1]) Пункты 2 и 3 отнесены въ рукописи, по ошибкѣ къ мнѣніямъ двухъ членовъ.

Ком. (˙) Утверждается. (˙˙) Утверждается.

Два члена. За недачу посланцу подводъ по трем важнѣйшимъ надобностямъ штрафовать девятью девять (тѣмъ количествомъ скота, которое изъяснено выше), выключая изъ сего только тѣхъ людей, у коихъ есть привиллегіи не давать подводы, а тѣмъ, кто скроетъ лошадей, штрафовать четырехъ-лѣтнею лошадью.

Ком. Утверждается.

129.

2. (Ул. ст. 24) (˙).—(˙˙) (повторена статья 39-я Знам. пост. о льготахъ отъ подводной повинности),

Ком. (˙) Утверждается. (˙˙) Утверждается.

3. (Ул. ст. 31). *Ком.* Утверждается.

130.

4. Судящимся въ судѣ Зарго́, кто понадобится къ вызову по ихъ претензіи, обязаны сами отъ себя давать посланному подводы.

Ком. Утверждается.

131.

5. (Ул. ст. 32).—Ежели подводчикъ посланному поймаетъ въ подводы лошадь и о томъ въ теченіи одного дня не скажетъ хозяину, у кого поймалъ, за то взять съ подводчика штрафу въ пользу хозяина одного барана, а за цѣлыя сутки трехъ-лѣтъ рогатую скотину.

Ком. Утверждается.

6 (Ул. вторая половина 35 статьи: «Ежели у проѣзжающаго человѣка пристанетъ лошадь... взять трехъ-лѣтнюю кобылу»).

Ком. Утверждается.

132.

7. (Ул. ст. 36)[1]). Кто проѣзжему не дастъ ночлега, съ того взыскать трехъ-лѣтъ кобылу и наказать пятью ударами плетью. Штрафъ сей отдавать на призрѣніе бѣдныхъ (·).

Два члена (··). На ночлегъ проѣзжающихъ всякаго рода людей принимать дозволяется, но съ тѣмъ только, чтобы при отъѣздѣ каждаго объявить человѣку знатному; естьли сего не учинитъ и въ слѣдующую ночь произойдетъ воровство въ окрестности ночлега, то все похищенное количество скота взыскать съ того, у кого проѣзжающій ночевалъ, и на владѣльческую ставку дать трехълѣтнюю лошадь. Буде не случится похищенія скота, штрафовать таковаго только трехъ-лѣтнею лошадью; а случится кража, то ночлегодателя штрафовать, какъ виноватаго, предоставя ему право скотъ взыскивать съ похитителя самому, въ избѣжаніе чего должно всякому пріѣзжающихъ на ночлегъ объявлять извѣстнымъ и почетнымъ въ обществѣ людямъ. Сіе правило положено наблюдать людямъ отъ владѣльческой ставки отдаленнымъ; а въ близости кочующимъ повелѣвается объявлять пріѣзжихъ къ нимъ на ночлегъ одному изъ Зайсанговъ, за неисполненіе чего поступать и съ ними же по вышеписанному узаконенію[2]).

Ком. (·) Утверждается. (··) Утверждается, ограничиваясь тѣмъ, что вся обязанность и отвѣтственность заключается въ томъ, чтобы о всякомъ ночевавшемъ давать знать старшинѣ надъ 40 кибитками.

(Ул. ст. 111).

---

[1]) Эта статья улож. 1640 г. повторена ниже, подъ 157 ст. Зинзилинск. постановл. (п. 11), съ резолюціей Коммиссіи: «оставить въ своей силѣ».

[2]) Мнѣніе это воспроизводитъ правила, сходныя съ старыми законами Дербетевскаго улуса. См. ст. 158 устава 1640 г. въ нѣмецкой рецензіи.

133.

8. [1]) Кто проѣзжаго путемъ человѣка худыми словами называть будетъ или шутливо обругаетъ, съ таковаго взимать штрафу трехъ лѣтъ рогатую скотину и наказать 15-ю ударами; Владѣльцу же сдѣлать выговоръ при публикѣ; Зайсангу таковой же[*]). Штрафъ сей отдать обиженному[2]).

Ком. Утверждается[3]).

134.

9. (Повторена 27-я статья Зинзил. постановл. — о произвольныхъ обыскахъ и другихъ насиліяхъ Владѣльцевъ; нѣтъ только конца: «слѣдовательно самъ себя обвиняетъ»).

Ком. Утверждается.

135.

Кто по привиллегіи не въ правѣ давать подводъ и будетъ защищать другихъ, повинность сію отправляющихъ, съ таковаго брать въ пользу общества трехъ-лѣтнюю лошадь.

Ком. Утверждается.

VI. О посланцахъ.

136.

1. (Ул. ст. 33). Кто посланнаго побьетъ, съ таковаго взыскать штрафу четырехъ лѣтъ лошадь и наказать 15-ю ударами плетью; съ Владѣльца, естьли посланнаго побьетъ, взыскать четырехъ-лѣтъ верблюда, а съ Зайсанга четырехъ-лѣтъ

[1]) Эта статья замѣняетъ 30 ст. Ул. 1640 г.

[*]) Сдѣлать постыдный выговоръ при публикѣ и взыскать четырехъ-лѣтнюю лошадь.

[2]) Повтор. подъ 210 ст.

[3]) Подъ 210 ст. Коммиссія отмѣняетъ постановленіе Зинз. собранія.

лошадь и трехъ-лѣтъ рогатую скотину. Штрафъ сей отдавать обиженному[1]).

Ком. Утверждается по мнѣнію, въ Зинзиляхъ установленному.

137.

2. (Ул. ст. 34). Кто посланному не дастъ подводы, или взятую ими подводу отъиметъ и подводчика побьетъ, съ такого взять четырехъ-лѣтъ лошадь и наказать 15-ю ударами плетью, а съ Зайсанга, естьли тоже сдѣлаетъ, взять четырехъ-лѣтъ лошадь, трехъ-лѣтъ рогатую скотину. Штрафъ сей отдавать въ пользу посланнаго[2]).

Ком. Утверждается по мнѣнію, въ Зинзиляхъ установленному.

(Ул. изъ статьи 124-й: «А съ кого посланца по наряду ... и съ того взять вдвое»).

Ком. Утверждается.

3. (Ул. ст. 124).—*Ком.* Утверждается.

4. (Ул. начало статьи 35-й: «Въ дальній путь ѣдущій ... и за то взять съ него лошадь»).

Ком. Утверждается.

5. (Ул. вторая половина 124 статьи: «Каждый посланецъ, будучи... выключается»).

Ком. Утверждается.

6. *Два члена.* Кто возметъ приказъ за печатью ѣхать посланцемъ, для публикаціи, для продажи или другаго чего бы то ни было, да не возвратитъ по окончаніи дѣла, кому слѣдуетъ, тотъ трехъ-лѣтнею лошадью оштрафованъ быть имѣетъ.

Ком.. Утверждается.

---

[1]) Повтор. подъ 212 ст.

[2]) Повт. подъ 213 ст.

Два члена. Посланцу, слѣдующему по волѣ и приказу, за содѣйствіе положено ѣздовое: съ кибитки трехъ-лѣтняя лошадь, за одного человѣка деньгами два рубля, за верблюда 1 рубль, за лошадь и корову 30 копѣекъ. барана 10 копѣекъ, за взысканіе денегъ съ каждаго рубля по 10 копѣекъ.

Ком. Утверждается.

Военныя установленія.

---

1. (Ул. ст. 5). *Ком.* О изложенныхъ въ семъ отдѣленіи преступленіяхъ поступать по Россійскимъ военнымъ узаконеніямъ[1]).

138.

(Ул. ст. 16). Прочіе воинскіе законы суть слѣдующіе: въ каждый нарядъ на службу являться по обвѣщенію, а кто въ срокъ не явится, таковыхъ судить и брать штрафу: съ Владѣльца девять скотинъ, съ Зайсанга четырехъ лѣтъ верблюда, съ человѣка въ обществѣ извѣстнаго четырехъ лѣтъ лошадь, съ человѣка простаго состоянія трехъ лѣтъ рогатую скотину. Штрафъ сей отдать на призрѣніе бѣдныхъ.

Два члена. Обязанъ всякій, извѣстившійся о приближеніи непріятеля, тотчасъ увѣдомить владѣльческую ставку и непремѣнно слѣдовать въ ту сторону, гдѣ непріятель; кто противъ его и въ свое время не станетъ, тотъ штрафуется, естьли Владѣлецъ, трижды девятью, Зайсангъ лучшею лошадью и четырехъ-лѣтнимъ верблюдомъ, а рядовой воинъ четырехъ-лѣтнею лошадью.

139.

Подобному же штрафу подвергать и того, кто при возвращеніи изъ похода впередъ уѣдетъ.

---

[1]) Относится къ §§ 138—147.

140.

(Ул. ст. 18). По обвѣщеніи о пришествіи непріятеля, тотчасъ выѣзжать; а если кто не явится, налагается штрафу: съ Владѣльца девять скотинъ, съ Зайсанга двухъ четырехъ-лѣтнихъ верблюда и лошадь, съ человѣка, извѣстнаго въ обществѣ, четырехъ-лѣтъ верблюда, съ человѣка простаго состоянія четырехъ-лѣтъ лошадь; штрафъ сей отдать на призрѣніе бѣдныхъ.

Два члена. По учиненной публикаціи о выступленіи въ походъ, если кто въ назначенный срокъ не явится, таковой наказывается по закону — Владѣлецъ дважды девятью, Зайсангъ девятью, въ обществѣ извѣстный человѣкъ четырехъ-лѣтнимъ верблюдомъ, а рядовой воинъ четырехъ-лѣтнею лошадью.

По указу Его Императорскаго Величества командированное на службу войско, командующій Владѣлецъ, въ назначенный срокъ пріѣхавъ на сборное мѣсто, долженъ свидѣтельствовать; буде онъ въ свое время не явится, штрафовать его девятью девять, итого 81-ю скотиною; тысячнаго войска старшины штрафуются за тоже каждый четырехъ-лѣтнимъ верблюдомъ, сотенные начальники четырехъ-лѣтними лошадьми, а рядовые воины четырехъ-лѣтними лошадьми и 15-ю ударами плетью. Всякой Зайсангъ обязанъ съ части его слѣдуемое войско командировать поспѣшно и въ срокъ поставить на мѣсто. Буде сего не исполнитъ, за то штрафуются Зайсанги выше ста кибитокъ, аймаки имѣющіе, — четырехъ-лѣтними верблюдами, а ниже ста кибитокъ имѣющіе — лучшими лошадьми. Буде чьего Зайсанга не явятся на срокъ въ войско, то съ штрафованнаго верблюдомъ взыскивать еще четырехъ-лѣтнюю лошадь, а съ лошадью штрафованнаго Зайсанга взыскать лошадь же. Однако слѣдуетъ срокъ собранію положить соразмѣрно разстоянію мѣстопребыванія каждаго. Демичею (сборщику) за недоставленіе войска

его части на срокъ наказать 25-ю ударами и штрафовать трехъ-лѣтнею лошадью. Буде Зайсангъ командировать будетъ кого несправедливо, тотъ имѣетъ право свое объявить прежде срока и буде докажетъ оное, то съ Зайсанга взыскать ему за обиду четырехъ-лѣтнюю лошадь; буде сего не учинитъ и, промедля у себя въ домѣ, пропуститъ срокъ, хотя бы онъ и справедливъ былъ, взыскать съ него Зайсангу трехъ-лѣтнюю лошадь, а самаго командировать на службу. Буде точно чередовой назначенный Зайсангомъ на службу человѣкъ, отбывая отъ службы, будетъ чинить отговорки, съ таковаго взять Зайсангу одну лошадь и, наказавъ 20-ю ударами плетью, командировать въ службу.

Кто на стражу противъ непріятеля не станетъ, съ того взять штрафу четырехъ-лѣтнихъ верблюда и лошадь.

2. (Ул. ст. 13, 69).

142[1]).

3. (Ул. ст. 14). (Повторена ст. 19-я Зинзил. постановл. объ избавленіи Владѣльца отъ непріятеля).

(Ул. ст. 68).

143.

4. (Ул. ст. 15). (Повторена 59-я ст. Зинз. постановл. о побѣгѣ съ военной службы).

Два члена. Дезертировъ, удалившихся изъ войска, наказывать по калмыцкому обряду и возвращать паки на службу. Кто же изъ таковыхъ не явится къ своему пункту, тотъ накажется двойнымъ оштрафованіемъ. Воиновъ, въ

---

[1]) Предъ этой статьей въ подлинникѣ, по видимому, изложена 141-я статья, пропущенная въ спискѣ Бюлера.

отличіи и злоупотребленіи открывшихся, по мѣрѣ вины и достоинству каждаго награждать и наказывать.

144.

Всѣ таковые провѣдатели бѣглецовъ должны вознаграждаться тѣмъ, чтобъ бѣглецы и передержатели оныхъ наряжаемы были въ зачетъ очереди, въ обществѣ ихъ состоящей. Сіе постановленіе должно всѣми соблюдаться безъ сопротивленія.

145.

(Повторена 74 ст. Зинзил. постановл. объ укрывательствѣ военныхъ бѣглецовъ).

146.

Отличившагося храбростію въ дѣйствіяхъ противъ непріятеля вознаграждать отъ всѣхъ повинностей въ обществѣ того рода; а съ трусливымъ поступать по силѣ сего Уложенія 83 пункта и не имѣть къ нему въ улусѣ довѣрія.

5. (Ул. ст. 19). *Два члена.* На кочующихъ на границѣ людей естьли нападетъ непріятельская шайка, угонитъ лошадей, или измѣнникъ предастся непріятелю, всякой благомыслящій обязанъ ѣхать въ погоню за обоими; кто поѣдетъ, тому дать награду, а кто не поѣдетъ, того штрафовать по древнему уложенію

(Далѣе повторено мнѣніе по статьѣ 41-й Зинз. пост.: «Владѣлецъ, въ полѣ командующій . . . не имѣютъ права»).

(Ул. ст. 72 — 74).

6. (Ул. ст. 67).

7. (Ул. ст. 75).

8. (Ул. ст. 70, 71).

147.

9. Кто во избѣжаніе военной службы, состоя очередныкъ, отзовется болѣзнію, таковаго освидѣтельствовать лекарю, и буде отзывъ его дѣйствительно окажется правильнымъ, нарядить состоящаго подъ его очередью; а ежели притворно, послать на два года на службу. (Уклоняющагося болѣзнію посылать два года сряду на службу).

О дѣлахъ, относящихся до вѣры.

I. О дѣлахъ, относящихся до вѣры.

148.

1. (Ул. ст. 142)*). — Кто въ постный день убьетъ животнаго, и тотъ, кто сіе увидитъ, беретъ умерщвленное себѣ; а того, кто сіе сдѣлалъ, бьетъ, не нанося однакоже на тѣлѣ знаковъ, и на того, кто побьетъ, штрафу не налагать.

Ком. Оставить въ своей силѣ, съ отмѣненіемъ побой.

149.

2. Каждый человѣкъ три дни въ мѣсяцъ обязанъ поститься и соблюдать восемь запрещенныхъ заповѣдей, читать всегда, какія знаетъ, молитвы со тщаніемъ и благоговѣніемъ, и животныхъ не убивать въ постные дни.

150.

Кто по обѣщанію не соблюдетъ по уставу положенныхъ въ каждомъ мѣсяцѣ три дни поста съ восемью запрещенными заповѣдями, на того налагается штрафъ: съ Владѣльца четы-

---

*) Конецъ этой статьи: «сіе запрещеніе учинено» и проч. помѣщенъ здѣсь не въ текстѣ, а въ выноскѣ.

рехъ лѣтъ лошадь, съ знатнаго человѣка четырехъ лѣтъ барана, съ человѣка посредственнаго званія три рубля, а съ человѣка низкаго состоянія 10 копѣекъ, съ удареніемъ послѣдняго трижды по щекамъ; собранныя же за сіе деньги употребить на общественные по улусу расходы.

Два члена (по статьямъ 149 и 150). Изъ подлыхъ людей, кто пожелаетъ возложить на себя эпетемію для соблюденія трехъ мацаковъ (т. е. постовъ), бывающихъ 8, 15 и 30 числъ въ каждомъ мѣсяцѣ, долженъ быть твердъ; нарушителей штрафовать — вельможей трехълѣтнею лошадью, обществу извѣстныхъ пятью рублями и по щекамъ пятью ударами, простолюдиновъ двумя рублями и семью ударами по щекамъ. Повелѣвается всѣмъ и каждому заниматься молитвою, сколько можно будетъ усерднѣе; въ день поста никто не долженъ убивать животное, — кто осмѣлится учинить сіе, позволяется тому, кто увидитъ, животное взять, самаго его бить, не вредя членовъ, и не боясь за то штрафа[1]).

Ком. (по статьямъ 149 и 150). Оставить въ своей силѣ, съ отмѣненіемъ побой.

II. О дѣлахъ, относящихся до брака.

151.

1. (Ул. ст. 46) Женщина, привезшая въ гостинецъ вино или барана, полученное ею отъ родственниковъ не вмѣнять въ подарки; а ежели будутъ оные извѣстны и значительны, то на случай разводной съ мужемъ возвращается ей половина.

Ком. Оставить въ своей силѣ.

---

[1]) Статьи 149 и 150 развиваютъ каноническія правила, изложенныя въ 1-й статьѣ Дербетевскаго устава. См. нѣмецкій текстъ устава 1640 года, ст. 148.

дочерью, поступать, какъ сказано въ семъ уложеніи (т. е. старомъ?), а относительно увоза у мужа жены, то ежели поступокъ сей будетъ учиненъ съ обоюднаго согласія, въ такомъ случаѣ предоставить разсматривать духовной власти. Буде же таковой увозъ у мужа жены учиненъ будетъ насильственно, тогда виновнаго предавать уголовному суду; мѣна же женами или замѣнъ чужою женою существовать ни въ какомъ случаѣ не должно. Прочее же все оставить въ своей силѣ.

10. (Ул. ст. 126).—*Два члена.* Буде кто по несогласію съ женою захочетъ отпустить ее, въ томъ поступить по древнему уложенію.

Ком. Предоставить разбору духовной власти.

11. (Ул. ст. 36)[1]. *Ком.* Оставить въ своей силѣ.

12. (Ул. ст. 44).—*Ком.* Уголовное.

158.

13. Хотя дѣтямъ женскаго пола наслѣдства давать не опредѣляется, но при выдачѣ въ замужство тѣ, кто получили имѣніе, обязаны обще снабжать нужнымъ приданымъ, соотвѣтственно роду ея происхожденія, по состоянію и возможности[2].

Ком. Допустить въ своей силѣ.

159.

14. [3]. Ежели кто растлитъ невинную дѣвицу насильственнымъ блудодѣяніемъ, то виновника отдавать своему суду для произведенія изслѣдованія, и по открытіи истины жестоко штрафовать, наказавъ 50-ю ударами, взыскать девять скотинъ,

---

[1]) Правило, выработанное по этой статьѣ Зинз собраніемъ, изложено выше, подъ 132 ст.

[2]) Повт. подъ ст. 162.

[3]) Статьи 159 и 160 дополняютъ 92 ст. улож. 1640 г.

изъ коихъ шесть отдать отцу дѣвицы, а три обратить на издержки, по производству сего употребленныя; а виноватому велѣть дѣвицу взять въ замужство [1]).

Ком. Представить разсмотрѣнію духовной власти [2]).

160.

Ежели дѣвица по любовнымъ связамъ отъ кого либо будетъ беременна, и то по суду подвердится, тогда учинившаго съ нею любодѣяніе не штрафовать и не наказывать, а велѣть взять ее въ замужство, такъ какъ сіе случилось по обоюдной между ими любви.

161.

15. Ежели отецъ или мать выдадутъ дочь свою въ замужство за противнаго ея мыслямъ жениха, и она, то обнаруживъ, выдетъ за того жениха, котораго полюбитъ, съ сего послѣдняго никакого иска не полагается, а отца и мать ея штрафовать по закону; ибо правила бракосочетанія повелѣваютъ родителямъ при выдачѣ въ замужство спрашивать желанія дочери, за кого она будетъ согласна выдти, и тогда уже брать калымъ (взыскивать штрафъ съ жениха вдвое противу имъ взятаго и отдать на призрѣніе бѣдныхъ).

Ком. Оставить въ своей силѣ съ уничтоженіемъ предположеннаго штрафа съ родителей.

III. О наслѣдствѣ.

1. (Ул. ст. 45) [3]). *Ком.* Оставить въ своей силѣ по уложенію мунгальскихъ и калмыцкихъ народовъ.

---

[1]) Повт. подъ ст. 218.

[2]) Подъ 218 ст. дана иная резолюція.

[3]) См. выше 52 ст. Зинв. постановл.

162.

2. (Повторена 158 ст. Зинз. пост. — объ отношеніи дочерей къ наслѣдству и о приданомъ).

163.

3. Ежели овдовѣвшая женщина послѣ мужа не имѣетъ сыновей, а будутъ при ней дочери, таковую по древнему калмыцкому закону отсылать къ родственникамъ, отдавъ подлежащее ей имѣніе; а ежели имѣетъ сыновей, то оные по праву имѣніемъ отца наслѣдуютъ.

Ком. Оставить въ своей силѣ.

4. *Два члена.* Наслѣдникъ мужеска пола получаетъ удѣлъ свой по совершеннолѣтіи. Старшій сынъ беретъ удѣлъ съ излишествомъ. Бездѣтный кого усыновитъ, тому и наслѣдовать въ его имѣніи, а естьли послѣ усыновленія родится братъ ему, съ нимъ раздѣлить оное по равной части.

Ком. Оставить въ своей силѣ.

164.

5. (Повторена ст. 49 Зинз. пост. объ усыновленіи и наслѣдственныхъ правахъ усыновленнаго).

6. (Ул. ст. 59). *Ком.* Уголовный.

(Ул. ст. 60).

IV. О долгахъ.

1. (Ул. ст. 90). *Ком.* Коммиссіею постановленіе уже сдѣлано (?).

(Ул. ст. 161).

V. О дѣлахъ по скотоводству.

1. (Ул. ст. 89). *Ком.* Утвердить.

165.

2. (Ул. ст. 91). Ежели къ кому въ стадо придетъ сторонній скотъ, тогда хозяинъ онаго обязанъ три дни чинить публики; а послѣ публики долженъ представить тотъ скотъ Кирчѣ*), а буде не исполнитъ того, и будетъ на томъ скотѣ ѣздить, съ таковаго взыскать штрафу трехъ лѣтъ кобылу. Ежели же положитъ на тотъ скотъ тавро, тогда взыскать съ него штрафу 9 скотинъ и наказать 25-ю ударами плетью. Штрафы сіи употреблять на призрѣніе бѣдныхъ.

166.

(Къ той же 91 ст. Ул.). Кто поймаетъ чужой скотъ, долженъ отдать подъ наблюденіе Кирчѣ, а ежели не доставитъ оный, съ таковаго взыскать вдвое найденнаго скота. Когда же въ теченіи трехъ-годичнаго времени тому скоту хозяина не окажется, тогда оный продать и вырученныя деньги отдать на призрѣніе бѣдныхъ.

Ком. (по ст. 165 и 166 Зинз. пост.). Утвердить въ полной силѣ, со включеніемъ постановленія, въ Зинзиляхъ сдѣланнаго, съ тѣмъ, чтобъ за первое воровство подвергать штрафу, а за послѣдующія наказывать отъ 5-ти до 25-ти ударовъ.

167.

3. (Ул. ст. 148). Кто у кого опознаетъ краденный свой скотъ или имѣніе и вещи, а тотъ, у кого найдено, покажетъ, что онъ купилъ, но продавца того не признаетъ, а будетъ

*) Опредѣленный Владѣльцомъ для храненія подобнаго рода скота.

представлять извѣстныхъ людей свидѣтелями, но за всѣмъ тѣмъ хозяинъ долженъ поличное получить, а тому, у кого опознато, предоставить сыскать продавца.

Ком. Утвердить.

4. (Ул. ст. 149). *Ком.* Утвердить.
5. (Ул. ст. 143 и 93). *Ком.* Утвердить.
6. (Ул. ст. 37). *Ком.* Утвердить.
7. (Ул. ст. 57). *Ком.* Уничтожить.
8. (Ул. ст. 61). *Ком.* Уничтожить.
9. (Ул. ст. 62). *Ком.* Уничтожить.
10. (Ул. ст. 63). *Ком.* Оставить въ своей силѣ.
11. (Ул. ст. 64). *Ком.* Уничтожить.
12. (Ул. ст. 118). *Ком.* Утвердить, а въ случаѣ умышленнаго убивства предавать сужденію суда Зарго́.
13. (Ул. ст. 128). *Ком.* Утвердить.
14. (Ул. ст. 145). *Ком.* Утвердить.

168.

15. (Ул. ст. 108). Естьли кто спасетъ скотъ, волками разогнатый или отъ бури, мятели и дождя разсѣянный, или утопшій въ грязи и колодцѣ, таковаго награждать по мѣрѣ спасеннаго имъ скота.

Ком. Оставить въ своей силѣ, съ дополненіемъ къ сему мнѣнія, въ Зинзиляхъ положеннаго.

16. (Ул. ст. 163). *Ком.* Утвердить.

17. *Два члена.* Найденный скотъ должно объявить стряпчему и представлять въ ставку Владѣльца. Кто сего не исполнитъ, штрафовать его трехъ-лѣтнею лошадью на потребу Владѣльца; доказателю утайки дать по 5-ти рублей съ каждой утаенной скотины. О найденномъ скотѣ публиковать трое сутокъ и потомъ, естьли можно, въ тотъ же день представить оной по порядку и смотря по раз-

стоянію мѣста. Кто найденный скотъ установленнымъ порядкомъ опубликуетъ, тому дать опредѣленную награду.

Ком. Утвердить.

18. *Два члена.* По учиненной публикѣ о найденномъ скотѣ, ни стряпчій и ниже кто изъ знатныхъ не можетъ отзываться невѣденіемъ, ибо скотъ приведя къ владѣльческой ставкѣ, какъ требуетъ того порядокъ, должно публично объявить и хранить до времени. Буде сіе учинено не будетъ, то стряпчій и знатные оштрафуются трехъ-лѣтними лошадьми.

Ком. Утвердить.

VI. О дѣлахъ по ловлямъ и промысламъ.

1. (Ул. ст. 107). *Ком.* На счетъ убивства до смерти человѣка отъ поставленнаго самострѣла, судить общимъ уголовнымъ судомъ; а по убивству скота отъ того же самострѣла, то оное утвердить.

2. (Ул. ст. 129). *Два члена.* (Повторено мнѣніе по 34 ст. Зинз. пост.: «мѣсто, охраняемое для кочевья... не штрафовать безъ изслѣдованія»).

Ком. Утвердить.

(Ул. ст. 130, 131, 132). *Ком.* Утвердить.

3. (Ул. ст. 133). *Два члена.* Кто поймаетъ упущенную ловчую птицу, тотчасъ имѣетъ оную представить въ ставку Владѣльца; за то, естьли птица ловитъ лебедей, наградить его четырехъ-лѣтнею лошадью; за прочія птицы награду чинить по достоинству. Естьли птица, которая ловитъ лебедей, будетъ другихъ людей, кромѣ Владѣльца, заплатить за нее трехъ-лѣтнюю лошадь.

Ком. Утвердить.

4. (Ул. ст. 75—79). *Ком.* Подходитъ подъ общее уголовное законоположеніе. Ктожъ на охотѣ застрѣ-

литъ лошадь, то назначенный древнимъ уложеніемъ штрафъ утвердить.

VII. О играхъ и пиршествахъ.

1. *Два члена.* Три въ году торжественные праздника, именуемые Урюсь въ Маіѣ, Цаганъ въ Февралѣ и Зулŏ въ Ноябрѣ, въ каждый по три дни можно играть въ карты на свои деньги для одного только удовольствія; въ прочіе же играть запрещается. Въ противность чего кто въ домѣ своемъ позволитъ играть, у того взять съ съ кибитки оркŏ (верхнее покрывало) и котелъ,—самаго наказать 25-ю ударами плетью, и весь его доходъ уничтожить. Кто о' семъ докажетъ, тому дать четырехъ-лѣтнюю лошадь; игрокамъ же учинить наказаніе по 25 ударовъ, и съ каждаго взыскать въ пользу доказателя по одной четырехъ-лѣтней лошади.

Ком. Для обузданія страсти отъ карточной игры, между калмыцкимъ народомъ сильно укоренившейся, можно сіе допустить.

VIII. О дѣлахъ врачебныхъ.

1. (Ул. ст. 109). *Ком.* Утвердить.
2. (Ул. ст. 110). *Ком.* Утвердить.

IX. О убійствахъ намѣренныхъ

1. (Ул. ст. 8). *Ком.* Всѣ дѣла, по уголовнымъ преступленіямъ у калмыкъ происходящія, судить общими Россійскими законами, то и оставить оныя безъ всякой перемѣны.

2. (Ул. ст. 41).
3. (Ул. ст. 43).
4. (Ул. ст. 44).
5. (Ул. ст. 42).
6. (Ул. ст. 125).
7. (Ул. ст. 59).
8. (Ул. ст. 60).
9. (Ул. ст. 95).

X. О убійствахъ ненамѣренныхъ и о средствахъ къ собственной защитѣ.

1. (Ул. ст. 29). *Ком.* Статьи сіи, какъ уголовныя, должны подходить подъ общее законоположеніе[1]).

169.

2. (Ул. ст. 76). Ежели случится кому вражескимъ дѣйствіемъ нечаянно и неумышленно убить человѣка, или тотъ, кто зналъ на себя покушеніе, къ охраненію своей жизни убьетъ человѣка, съ тѣми поступать, какъ ниже сего положено по калмыцкому закону.

Два члена. Буде кто, стрѣляя звѣря или птицъ изъ ружья пулею или изъ лука стрѣлою, убьетъ безъ умысла и безъ всякой злобы нечаянно человѣка или скотъ и въ томъ оправдаетъ себя яснымъ свидѣтельствомъ, не штрафовать его, а взыскать только то, что слѣдуетъ въ пользу ближнихъ.

170.

Кто, стрѣляя звѣря въ поставленную мишень какимъ нибудь оружіемъ, и та пуля перелетитъ чрезъ бугоръ или чрезъ какое нибудь защищенное мѣсто и убьетъ человѣка, или кто

[1]) Заключеніе Ком. относится къ 169—178 статьямъ Зинз. постан.

нечаяннымъ образомъ и безъ намѣренія убьетъ человѣка дубинкою или камнемъ или другимъ чѣмъ нибудь, а тотъ съ тѣмъ убитымъ между собою вражды и худыхъ замысловъ не имѣлъ, и эта истина подтвердится, таковаго неумышленнаго убійцу не наказывать и въ тюрму не сажать.

171.

3. (Ул. ст. 103). (Повторена 85-я ст. Зинз. пост. объ убійствѣ въ дракѣ скопищемъ).

172.

4. Ежели кто выстрѣлитъ изъ ружья въ непозволенномъ мѣстѣ, или, знавши, гдѣ много ходитъ людей, ружье пристрѣлитъ и тѣмъ кого ранитъ, или, заряжая ружье пулею, неосторожнымъ выстрѣломъ убьетъ человѣка, таковаго хотя бы и не должно заподлинно почитать, что онъ нарочно убилъ, но какъ онъ зналъ, что тою дорогою могутъ проходить люди, а онъ стрѣлялъ или пристрѣливалъ изъ ружья такъ не осмотрительно, за то его обвинять; для чего поставить его на покаяніе, съ подтвержденіемъ впредь сего не производить, и по мѣрѣ вины штрафовать и наказывать (взыскать девять скотинъ въ пользу родственниковъ убитаго).

173.

5. (Повторена 84 ст. Зинз. пост. объ убійствѣ грабителя, при нападеніи на домъ).

174.

6. (Повторена 107 ст. Зинз. пост. объ убійствѣ хищника, во время погони за нимъ).

175.

7. (Повторена 69 ст. Зинз. пост. о неумышленномъ убійвсѣ,т въ пьяномъ видѣ).

8. (Повторена 70 ст. Зинз. пост. о самоубійствѣ).

176.

9. При нападеніи на жизнь есть два охранительныя правила, одно къ защитѣ жизни, другое къ покушенію на жизнь, напримѣръ: кто начнетъ кого нибудь поносить и ему тѣмъ же въ защиту себя соотвѣтствовать. Ежели начиньщикъ при поношеніи подыметъ какое оружіе, равно и тому должно къ оборонѣ своей жизни поднять таковое же; а кто безъ оружія кого будетъ поносить, тому тѣмъ же возмѣрять. Сверхъ сего, постановляется къ наблюденію, когда кто кого руками побьетъ и сила его будетъ превозмогать, тогда обиженный и оружіемъ можетъ защищать свою жизнь, ибо угрозы и побои одинаково вредятъ жизни и навлекаютъ опасность; слѣдовательно, нужно всякими мѣрами обороняться.

177.

Надобно оборонять жизнь въ необходимыхъ случаяхъ, напримѣръ: когда справедливость потребуетъ произвесть дѣйствіе по горячимъ слѣдамъ, дабы тѣмъ отклонить предстоящую опасность вражды со стороны нащинщика злодѣянія, который вовлекли въ смятеніе; еслибъ самъ между тѣмъ отъ обиженнаго спасся бѣгствомъ, а тотъ обиженной, въ погонь за нимъ преслѣдуя, его умертвитъ, тогда поступокъ сего послѣдняго признавать беззаконнымъ и къ оборонѣ жизни несвойственный (несвойственнымъ?), потому что преслѣдователь не въ правѣ уже былъ на того начинщика нападать, какъ бы защищая свою жизнь, а учинилъ убійство сіе изъ одного мщенія.

178.

Другое средство при нападеніи къ защищенію самаго себя, напримѣръ: когда кто кого неправильно сильною рукою обидитъ, а сей напротивъ того переносилъ терпѣливо, изыскивая безопасныя средства къ своей жизни, дабы не произошло

смертнаго убійства; а ежели паче чаянія и за всею таковою терпѣливостію обижаемый предвидитъ знаки, устрашающіе его жизнь гибелью, чего далѣе нельзя будетъ сносить и оставлять, въ тоже время сама справедливость не запрещаетъ ожидать отъ того врага прежнихъ побой и произносимыхъ угрозъ; ибо послѣ прежнихъ побой близкое средство тому врагу завести ссору, къ затмѣнію сего и защитѣ себя. Но ежели въ противность установленныхъ правилъ, по небреженію и безпечности, не доведя о семъ до суда за всѣми имѣвшимися къ тому способами, кто убьетъ человѣка, защищая свою жизнь, таковое преступленіе разсматривать суду и преступника, посадя въ тюрьму, наказывать не кнутомъ, а жесточаѣ того, въ какой мѣрѣ заслуживаетъ его вина.

XI. О грабежахъ и разбояхъ.

1. (Ул. ст. 1). *Ком.* Грабежи и разбои по общему законоположенію должны судимы быть уголовнымъ порядкомъ.
2. (Ул. ст. 2).
3. (Ул. ст. 6).

4. *Два члена.* (Повтор. мнѣніе по 80 ст. Зинз. постановл.: «Буде воры сдѣлаютъ нападеніе и оружіемъ причинятъ людямъ раны... а за холостые выстрѣлы взять по четырехъ-лѣтней лошади за каждый»).

Затѣмъ прибавлено:

Съ разбойниками поступать такъ: штрафовать ихъ и, наказавъ по закону, взыскать каждому изъ ограбленныхъ ими людей ту цѣну, каковая положена платить за человѣка.

XII. О бѣглыхъ и укрывателяхъ ихъ.

1. (Ул. ст. 3 и 7). *Ком.* Бѣглые и укрыватели ихъ должны быть судимы общими законами[1]).

179.

2. (Ул. ст. 10)[2]). Всѣхъ тѣхъ людей, кои обнаружатся въ передержательствѣ бѣглецовъ, предавать Россійскому суду.

Два члена. Кто будетъ скрывать калмыка, тотъ оштрафуется по своему уложенію, а русскаго утаитъ, преданъ будетъ Россійскому суду.

3. (Ул. ст. 55, 56).

180.

4. (Ул. ст. 104). Ежели кто злоумышленнику и бѣглому для воровства способствуя, дастъ лошадь и снабдитъ на содержаніе, съ того взыскать штрафу девять скотинъ*) и наказать 25-ю ударами плетью.

181.

(Ул. ст. 105). Естьли бѣглый или воръ, живучи у кого въ домѣ, оставитъ имѣніе и скотъ, и тотъ, у кого проживалъ, утаитъ, за то взять съ него девять скотинъ и наказать 25-ю ударами плетью; взысканный же скотъ отдать на общественныя надобности

5. (Ул. ст. 125).

182.

(Ул. ст. 164). Кто поймаетъ бѣглаго человѣка, тотъ долженъ представить его къ Владѣльцу или Зайсангу, а сіи обязаны препроводить по дистанціи, куда слѣдуетъ.

---

[1]) Заключеніе Ком. относится къ 179—184 ст. Зинз. постан.

[2]) Эта статья Ул. приведена также подъ 28 ст. Зинз. пост. (п. 5), съ резолюціей Коммиссіи: «уголовный».

*) Верблюда, четыре четырехъ лѣтъ лошади, три трехъ-лѣтнія рогатыя скотины и барана.

183.

6. (Повторена 38 ст. Зинз. пост. объ откочевавшихъ бѣглецахъ).

Ком. Подъ общій законъ[1]).

184.

7. (Повторена 59 ст. Зинз. пост. о побѣгѣ съ военной службы).

Ком. За передержательство дезертировъ подлежатъ военному суду[2]).

XIII. О воровствѣ.

185.

1. Три случая воровства, именно: первый — явный грабежъ, второй — тайное воровство и третій — мошенничество съ обманомъ.

Ком. Предположеніе, въ Зинзиляхъ постановленное, чтобъ за всякое воровство и мошенничество производить начальное изслѣдованіе въ своемъ судѣ, а потомъ отсылать въ россійское судебное мѣсто, утвердить.

186.

Явное воровство и грабежъ: ежели кто кого на сухомъ пути или на водѣ, въ лодкѣ ѣдущаго, остановитъ, угрожая какимъ нибудь оружіемъ или рукой и другимъ чѣмъ нибудь,

---

[1]) По 38 ст. дана резолюція: «допустить», что явно противорѣчитъ резолюціи по 183 статьѣ.

[2]) См. 143 ст. Зинзил. пост., гдѣ изложено мнѣніе двухъ членовъ по тому же предмету.

или, стращая словами, потащитъ, толкнетъ, уронитъ и возметъ, или угрозами насильно отъиметъ, или во время пожаровъ или погибели на водяномъ пути или тому подобныхъ случаяхъ, чѣмъ нибудь воспользуется, или въ темную ночь ограбитъ, или отъиметъ деньги, сниметъ платье, или съ судна и повозки возметъ какое нибудь имущество.

Тайное воровство: кто безъ согласія хозяина возметъ имѣніе, ему не принадлежащее, или скотъ, или украдетъ деньги и скотъ, или какія вещи скроетъ, продастъ, смѣняетъ или передѣлаетъ, или за долгъ отдастъ, и тому подобнымъ образомъ для своей выгоды воспользуется.

187.

Воровство мошенническое съ обманомъ: кто кого среди базара, рынка или другаго сборнаго мѣста, хитрымъ умысломъ, обманетъ или самовольно что нибудь украдетъ, или испугая мгновенно что отыметъ и убѣжитъ, или у платья полу обрѣжетъ, или сорветъ часы, или саблю отыметъ, или, за купленное не заплатя денегъ, сокроется, или нарочито для обмана передѣлаетъ какую вещь, или что нибудь несоразмѣрно продастъ, словомъ сказать — нарочно и ложно всякое не принадлежащее называя своимъ, безъ согласія хозяина, присвоитъ.

188.

Изъ трехъ сихъ случаевъ, по первому — естьли какой воръ учинитъ явный грабежъ и насиліе, угрожая кому нибудь оружіемъ, что нибудь возметъ и будетъ пойманъ и обличенъ, о томъ производить слѣдствіе въ своемъ судѣ и, по изысканіи истины, отсылать въ Россійское судебное мѣсто; по прочимъ же двумъ обстоятельствамъ — о тайномъ воровствѣ и мошенничествѣ съ обманомъ, производить сужденіе, взыски и наказанія по своимъ узаконеніямъ[1]).

[1]) Положеніе Ком., изложенное подъ 185 ст. Зинз. пост., относится собственно къ 188 ст. См. мнѣніе двухъ членовъ и резолюцію Коммиссіи по 72 ст. Зинз. пост.

2. (Ул. ст. 106 и 135). *Два члена.* Кто украдетъ ловчую птицу или собаку, взыскать съ него таковыхъ же пять, покраденная птица и собака, что ловитъ и каковаго достоинства, по тому примѣру учетверить взысканіе.

Ком. Положенный штрафъ по древнему уложенію за кражу разныхъ вещей въ сей статьѣ поименованныхъ, утвердить, исключая отрѣзанія перста. Средство сіе признается необходимымъ, ибо случаи разнаго воровства между кочеваго народу почти всегдашнія; отсылать же ихъ къ суду значитъ обременять судебныя мѣста множествомъ дѣлъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ налагать на виновнаго наказаніе свыше мѣры сдѣланнаго имъ преступленія.

189.

3. (Ул. ст. 123). Кто увидитъ воровъ и разбойниковъ и никому о томъ не объявитъ, съ того взять штрафу одного четырехъ-лѣтняго верблюда и наказать при публикѣ 25-ю ударами. А ежели то́ учинитъ Владѣлецъ, взять съ него девять скотинъ*); а съ Зайсанга четырехъ лѣтъ верблюда, четырехъ лѣтъ лошадь и трехъ лѣтъ рогатую скотину. Штрафы сіи употреблять на призрѣніе бѣдныхъ.

Ком. Утвердить по сей статьѣ, вмѣстѣ съ мнѣніемъ, въ Зинзиляхъ положеннымъ.

190.

(Въ началѣ повторена 100-я ст. Зинз. пост., составленная въ отмѣну 123 статьи на тотъ случай, когда «кто изъ партіи воровъ явится и обнаружитъ о учиненномъ преступленіи»).

Ежели кто, собравъ себѣ партію, отобьетъ у кого поиманнаго вора, съ таковаго и участвовавшихъ въ томъ взыскать

*) Верблюда, четырехъ лѣтъ четыре лошади, три трехъ лѣтъ рогатыя скотины и барана.

штрафу по пяти скотинъ съ каждаго на призрѣніе бѣдныхъ и наказать по 50-ти ударовъ плетью[1]).

(Затѣмъ повторены статьи 40 и 35 Зинз. пост. — о защитѣ вора Зайсангомъ и Владѣльцемъ)[2]).

4. (Ул. ст. 17). *Ком.* Утвердить.

5. (Ул. ст. 9). *Ком.* За кражу скота предоставить, по Учрежденію калмыцкаго народа § 35, окончательному разсмотрѣнію суда Зарго́.

191.

6. (Ул. ст. 119). Кто, опознавши чужую скотину, назоветъ своею, возметъ и присвоитъ, и въ томъ окажется ошибка, отдать таковой скотъ вдвое и мошенника наказать 20-ю ударами плетью. А естьли кто напрасно учинитъ приклепъ, того подвергать равному взысканію и наказанію.

Ком. Утвердить вмѣстѣ съ мнѣніемъ, по статьямъ симъ въ Зинзиляхъ постановленнымъ[3]).

192.

7. (Ул. ст. 122). Кто у воровъ отобьетъ скотъ, таковаго хозяинъ, смотря по количеству скота, долженъ награждать.

8. (Ул. ст. 89). *Ком.* Утвердить.

9. (Ул. ст. 148). *Ком.* Утвердить.

10. (Ул. ст. 163). *Ком.* Утвердить.

---

[1]) Статья эта замѣняетъ вторую половину 123 ст. Улож. 1640 г.: «А буде кто, собравъ» и пр. Въ рукописи эта статья, по ошибкѣ, вписана въ первомъ отдѣлѣ, гдѣ изложены статьи Ул. 1640 г.

[2]) Тамъ же вписаны и эти статьи.

[3]) Относится къ 191 и 192 ст. Зинз. пост.

кто изъ онаго что похититъ, наказать по закону, какъ настоящаго вора.

Ком. Утвердить.

17. *Два члена.* Кто, вора поймавъ, представитъ въ ставку Владѣльца, тому позволяется взять все при немъ имѣющееся и въ награду получить четырехъ-лѣтняго верблюда. А кто, вѣдая воровство, скроетъ, того наказать 25-ю ударами и штрафовать четырехъ-лѣтнимъ верблюдомъ въ пользу владѣльческой ставки; доказателю же взять съ вора четырехъ-лѣтнюю корову.

Ком. Утвердить.

198.

18. Кто, съ обличеннымъ воромъ скрытно примирясь, получитъ искъ, и то обнаружится, съ таковаго взыскать обратно тотъ скотъ, который взятъ у вора, и отдать въ пользу общественныхъ расходовъ, и наказать 25-ю ударами плетью; доказателю же сего дать четырехъ-лѣтняго верблюда.

Два члена. Буде кто изъ истцовъ съ изобличеннымъ воромъ примирится и тайно возметъ съ него искъ свой, таковыхъ вора наказать по закону и штрафъ съ него взысканный употребить на надобности Владѣльца, а самаго истца наказать за то 50-ю ударами и претензію его уничтожить.

Ком. По сей статьѣ, согласно мнѣнію двухъ Владѣльцевъ изъясненному, утвердить; только смотря по мѣрѣ преступленія наказать не болѣе, какъ отъ 5 до 20 ударовъ, а взысканный штрафъ употребить по надобности общества.

199.

19. (Повторена 80 ст. Зинз. пост. съ мнѣніемъ двухъ членовъ о кражѣ чужаго человѣка).

Ком. Судить общими законами, на сей случай составленными.

20. *Два члена.* Со всякимъ похитителемъ товаровъ цѣною выше одного рубля поступать по вышеписанному законоположенію, соблюдать всегда мѣру, опредѣленную штрафомъ, претендателю искъ удвоить и дать ему же овцу на сожженіе и человѣка на услугу, Богамъ на жертву трехъ-лѣтнюю лошадь, Владѣльцу верблюда, судьѣ четырехъ-лѣтнюю корову, свидѣтелю четырехъ-лѣтнюю лошадь, посланцу трехъ-лѣтнюю лошадь, палачу трехъ-лѣтнюю же лошадь, мѣстному старшинѣ верблюда; судьямъ, рѣшившимъ дѣло, взять по старшинству достоинствъ[1]).

Ком. Утвердить.

21. *Два члена.* (Повторено мнѣніе, изложенное по 40 ст. Зинз пост.: «По спорному о воровствѣ дѣлу Зайсангъ... долженъ предать закону»).

Ком. По мѣрѣ преступленія и наказаніе полагать, какъ въ подобныхъ статьяхъ опредѣляется[2]).

200.

22. (Повторена 86-я статья Зинз. пост. о хищничествѣ или угонѣ скота).

Два члена. (Повторено мнѣніе, изложенное по 78 ст. Зинз. пост.: «Буде кто у россіянъ, татаръ... истца не обвинять»).

Ком. По цѣнѣ украденнаго скота прежде разсмотрѣніе чинить въ улусномъ Правленіи, а потомъ и въ судѣ Зарго, гдѣ по § 35 всѣ таковыя дѣла

---

[1]) Мнѣніе это почти буквально воспроизводитъ правило о штрафахъ и судебныхъ платежахъ, изложенное въ старыхъ законахъ Дербетевскаго улуса. См. нѣмецкій текстъ устава 1640 г., ст. 157-я.

[2]) Подъ 40 ст. дана по этому же предмету иная резолюція: «утвердить».

подлежать окончательному рѣшенію; а наказаніе не болѣе, какъ отъ 5 до 25 ударовъ полагать.

23. *Два члена.* (Повторено мнѣніе, изложенное по 95 ст. Зинз. пост.: «Оправдывать вора не допускать въ судѣ... въ пользу Эрге (владѣльческаго дома»).

Ком. Уничтожить.

Два члена. (Повторено мнѣніе по 40-й ст. Зинз. пост.: «Буде Зайсанги аймашныхъ ихъ воровъ... водить кругомъ всей владѣльческой ставки»).

Ком. Замѣчаніе на 18 статью о владѣльцахъ.

Два члена. (Повторено другое мнѣніе по той же 40 ст.: «Буде Зайсанги за кого либо изъ воровъ... верблюда Богамъ на жертву»).

Ком. Утвердить, сообразно замѣчанію на 18-ую статью о владѣльцахъ.

(Повторена 112 ст. Зинз. пост. о присягѣ по дѣламъ о воровствѣ)[1]).

Ком. Уничтожить.

Два члена. Буде кто изъ важныхъ особъ пойманнаго вора по человѣколюбію проститъ, потомъ объявитъ, — штрафу и наказанія не чинить; а утаитъ, — взятое отобравъ и 20-ю ударами плетью его наказать, вора же особо штрафовать и наказывать по закону.

Ком. Утвердить.

XIV. О плутовствѣ и обманахъ.

201.

1. (Ул. ст. 120). Кто на кого покажетъ ложно, что онъ воръ, таковаго наказать при публикѣ 25-ю ударами плетью;

[1]) Въ рукописи эта статья изложена, по ошибкѣ, какъ мнѣніе двухъ членовъ.

что слѣдовало ему получить въ награду за доказательство, взыскать съ него самаго на общественные расходы.

Ком. Вмѣстѣ съ мнѣніемъ въ Зинзиляхъ по сей статьѣ постановленное утвердить; а наказаніе ни въ какомъ случаѣ не болѣе полагать отъ 5 до 15 ударовъ.

202.

2. (Ул. ст. 121). (·) — (··) (Повторена 77-я ст. Зинз. пост. о подбрасываніи мертваго тѣла).

Ком. (·) Статью древняго уложенія утвердить. (··) Уголовное.

203.

3. Кто отважится подъ предлогомъ шутокъ или нарочито для собственной выгоды воспользоваться чѣмъ либо хотя на нѣсколько нибудь дней подложно на имя Владѣльца, съ таковаго обманщика взять одну лошадь и наказать 50-ю ударами, лишивъ честнаго имени въ обществѣ.

Ком. Утвердить, но безъ всякаго наказанія.

204.

(Повторена 36-я ст. Зинз. пост. о подлогѣ на имя Владѣльца).

XV. О безчестіяхъ, обидахъ и проч.

205.

1. (Ул. ст. 25—38). (Повторена 21 ст. Зинз. пост. — объ обнаженіи оружія противъ Владѣльца).

Два члена. (·) (Повторено мнѣніе по 35-й ст. Зинз. пост.: «Изъ владѣльцевъ кто бы таковъ ни былъ . . . достоинству его противное».

Ком. По статьѣ древняго уложенія судить общими законами, на случай сей постановленными. — Сюда относится замѣчаніе, сдѣланное на 2-ю статью о владѣльцахъ. — (·) Подобные случаи предоставить разбирательству Коммиссіи.

206.

(Повторена 20-я ст. Зинз. пост. о безчестіи Владѣльцевъ.

207.

(Повторена 22-я ст. Зинз. пост. о безчестіи младшихъ Владѣльцевъ).

208.

(Повторена 23-я ст. Зинз. пост., о побояхъ, наносимыхъ Владѣльцами, Табангоутами и Зайсангами другимъ).

2. (Ул. ст. 99). *Ком.* Утвердить.

3. (Ул. ст. 39). *Ком.* Замѣчаніе на 1-ю ст. о родителяхъ, дѣтяхъ и родственникахъ.

4. (Ул. ст. 40). *Ком.* Штрафъ скотомъ за побои невѣстою, свекрови или свекру причиненные, уничтожить; а чинить по разсмотрѣнію улусныхъ судей наказаніе, съ тѣмъ, чтобы оное никакъ отъ 5 до 15 ударовъ не превышало. Въ побояхъ же свекрови невѣстку положенное число скотовъ взыскивать также съ утвержденія улуснаго Правленія.

5. (Ул. ст. 96). *Ком.* Судить общими законами.

6. (Ул. ст. 101). *Ком.* Уничтожить.

209.

7. (Ул. ст. 141). Кто къ кому подкинетъ въ домъ пасквиль или ругательное письмо, съ того взыскать: естьли къ

Владѣльцу — девять скотинъ и наказать 50-ю ударами; естьли къ Зайсангу — 5 скотинъ и наказать 25-ю ударами плетью; ежели къ простому человѣку — четырехъ-лѣтнюю лошадь и наказать 10-ю ударами плетью. Штрафы сіи отдать на общественныя повинности.

Ком. Въ Зинзиляхъ мнѣніе по сей статьѣ состоящее утвердить, но безъ всякаго наказанія.

8. (Ул. ст. 97). *Ком.* Утвердить.

9. (Ул. ст. 98). *Ком.* Утвердить.

10. (Ул. ст. 102). *Ком.* Утвердить, исключая вышибу здороваго глаза, за каковое преступленіе виновный долженъ подвергнуться сужденію по закону, на подобный случай изданному.

210.

11. (Ул. ст. 30). (Повторена 133 ст. Зинз. пост. о ругательствѣ, наносимомъ проѣзжему человѣку).

Ком. Статью древняго уложенія утвердить; а мнѣніе, въ Зинзиляхъ состоявшееся, уничтожить[1]).

211[2]).

Кто знатному человѣку въ лице плюнетъ, или земли кинетъ, или лошадь, на которой онъ сидитъ, ударитъ по головѣ, или съ лошади на землю уронитъ, съ таковаго въ пользу обиженнаго взыскать штрафу: три трехъ-лѣтнія рогатыя скотины и наказать 15-ю ударами.

Ком. Утвердить.

212.

12. (Ул. ст. 33). (Повторена 136 ст. Зинз. пост. съ резолюціей Ком. о побояхъ, наносимыхъ посланцу).

---

[1]) Резолюція же по 133 ст. утверждаетъ это мнѣніе.

[2]) Статья эта замѣняетъ 99 ст. улож. 1640 г., которая въ настоящей рукописи приведена подъ 209 ст. (п. 2) и утверждена Коммиссіей.

(Ул. ст. 34).
люціей Ком. о нед

13. (Ул. ст.
пост. о побояхъ.
Ко
ложен
утвер
съ г
ніем
зна

(Повто
Зайсангами
14.
повор
причи
боя.
1
стр
шт

о г

Ком. Судить по общимъ законамъ.

217.

2. (Ул. ст. 116). Если кто у кого изломаетъ кибитку, съ таковаго взыскать штрафу въ пользу хозяина четырехъ лѣтъ лошадь и наказать 15-ю ударами плетью.

Ком. Утвердить; но наказаніе[1]), въ Зинзиляхъ по сей статьѣ постановленное, уничтожить.

3. (Ул. ст. 117). *Ком.* Утвердить.

4. (Ул. ст. 114). *Ком.* Утвердить.

5. (Ул. ст. 115). *Ком.* Утвердить.

218.

6. (Ул. ст. 92). (Повторена 159 ст. Зинзил. пост. о растлѣніи дѣвицы).

Ком. Утвердить вмѣстѣ съ мнѣніемъ, въ Зинзиляхъ по сей статьѣ состоящимъ[2]).

219.

7. (Ул. ст. 94). Кто мужеложствуя или скотоложствуя будетъ пойманъ, и тому, кто поймаетъ, виновные должны отдать по девяти скотинъ, съ наказаніемъ ихъ по 50 ударовъ платью; а ту скотину, съ которою поймаетъ, и другихъ пять скотинъ взыскать и отдать хозяину.

Ком. Утвердить съ мнѣніемъ, въ Зинзиляхъ постановленнымъ, съ наказаніемъ отъ 5-ти до 20-ти ударовъ.

220.

8. (Повторена 21-я ст. Зинз. пост. объ обнаженіи оружія противъ владѣльцевъ).

---

[1]) Въ рукописи, по ошибкѣ, сказано — «показаніе».

[2]) Въ рукописи сказано — «состоящему».

Ком. Судить по общимъ законамъ.

9. (Ул. ст. 81). *Два члена.* Кто избавитъ человѣка отъ огня и потопа, тотъ награждается пятью скотинами. Избавляя погибающаго естьли самъ погибнетъ, то ближнихъ его награждать за него девятью скотинами.

Ком. Всякой человѣколюбивый подвигъ доводить до свѣдѣнія Коммиссіи, которой долгъ будетъ представительствовать по мѣрѣ важности предъ высшимъ начальствомъ.

10. (Ул. ст. 82). *Ком.* Уничтожить.

11. (Ул. ст. 83). *Ком.* Утвердить.

12. (Ул. ст. 84). *Ком.* Утвердить.

13. (Ул. ст. 85). *Ком.* Утвердить.

221.

14. (Ул. ст. 86). Кто спасетъ отъ пожара чужой скотъ. таковому дать изъ онаго въ награду, смотря по числу того скота.

Два члена. Стадо скота, волками расхищаемое, кто отобьетъ, или расхищенный скотъ найдетъ, тому дать въ награду одну мертвую и одну живую скотину; буде стадо расхищенное будетъ ниже десяти скотинъ, награждать деньгами 2-мя рублями.

Ком. Статью древняго уложенія утвердить.

15. (Ул. ст. 109). *Ком.* За избавленіе отъ петли давящагося виновнаго по выздоровленіи предавать уголовному суду, а за оказанное вспоможеніе родильницѣ въ ея родахъ полагаемую награду утвердить.

16. (Ул. ст. 139). *Ком.* Утвердить.

17. (Ул. ст. 140). *Ком.* Утвердить.

18. (Ул. ст. 144). *Ком.* Утвердить.

19. (Ул. ст. 58). *Ком.* Утвердить.

20. (Ул. ст. 80). *Ком.* Утвердить.

21. (Ул. ст. 48). *Ком.* Какъ въ нынѣшнее время вообще калмыки латъ не имѣютъ, то статью сію уничтожить.

22. (Ул. ст. 65). *Ком.* Уничтожить.

222.

23. Всякой носящій имя красной кисти, если точно рожденъ отъ прославленныхъ единоплеменниковъ, *Ойрида* именуемыхъ, по правиламъ и обычаямъ присвоеннымъ, носитъ на вершинѣ шапокъ красныя кисти; а кто не будетъ оной носить, брать шапки.

Два члена. (Повторено мнѣніе по 125 ст. Зинзилин. пост. — пунктъ 5-й).

Ком. Утвердить Зинзилинское мнѣніе[1]).

223.

24. (Повторена 83 ст. Зинз. пост. объ обжалованіи рѣшеній Владѣльца и другихъ родоправителей).

Ком. Слѣдовать по учрежденію для калмыцкаго народа въ 1825 году Высочайше конфирмованнаго.

224.

25. (Повторена 110-я ст. Зинз. пост. о тайной продажѣ вина и картъ).

---

[1]) См. выше ст. 125 п. 5.

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТОВЪ.

А.

Б.

В.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

К.

М.

Н.

О.

П.

«владѣльческому двору» (Hoflager) стараго устава 1640 г. См. Эрге.

тароста. 23, 26, 37, 88, 92, 119—124, 126. Такъ называется демчей (демичей,—см. выше), стоявшій во главѣ «сорока» и отличавшійся отъ главъ другихъ родовыхъ отдѣленій — зайсанговъ (родоправителей аймаковъ и отоковъ) и старшинъ (правителей десятковъ). Зинзилинскія постановленія различаютъ старостъ старшихъ, главныхъ или сборныхъ, называвшихся «старшими демчеями» или «шюлюнгюсъ» (см. ниже), и старостъ меньшихъ, собственно демчеевъ. Сколько можно судить по указаніямъ Зинз. пост., первые непосредственно подчинялись зайсангу и стояли во главѣ небольшихъ аймаковъ или нѣсколькихъ сорока (отсюда названіе «сборные»), быть можетъ зюнъ (сотень), упоминающихся въ 117 статьѣ,—вторые же имѣли въ своемъ завѣдываніи каждый по одному сорока и подчинялись главному или сборному старостѣ. По своему служебному значенію староста относится къ «ясашнымъ сборщикамъ», завѣдывавшимъ каждый въ своемъ отдѣленіи сборомъ податей и ратниковъ; кромѣ того, къ обязанностямъ старосты принадлежатъ дѣла касательно призрѣнія бѣдныхъ, откочевокъ и вообще полиціи. См. демчей и шюлюнгюсъ.

Старшина. 23, 26, 40, 73, 74, 88, 118—121, 126, 132, 140. 145, 199 (п. 20) = десятскій, Achcha, командующій десяткомъ (т. е. десятью куренями или хотонами). стараго ойратскаго устава 1640 г. Старшина, по Зинз. постановленіямъ, подчиняется непосредственно старостѣ (демчею) и въ отношеніи къ своему десятку несетъ тѣже обязанности, что и демчей къ своему сорока. См. Achcha въ указат. къ уставу 1640 г. стр. 151. Ср. выше — десятокъ и зотары.

Старѣйшина. 116 = общее названіе родовыхъ нарядниковъ — не только зайсанговъ, старостъ и пр., но и владѣльцевъ. По всему видно, подъ этимъ титуломъ разумѣются

Х.

Ч.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Вопросъ о пересмотрѣ мѣстныхъ законовъ русскихъ калмыковъ, возбужденный оффиціальнымъ путемъ въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія, стоитъ въ тѣсной связи съ принятой въ то время системой кодификаціи общихъ и мѣстныхъ законовъ имперіи и въ томъ числѣ «степныхъ законовъ» восточныхъ инородцевъ. Одновременно съ мѣрами по составленію и изданію «свода степныхъ законовъ» монголо-бурятъ, тунгусовъ и другихъ сибирскихъ инородцевъ[1]) предпринято было также исправленіе и дополненіе стараго устава русскихъ калмыковъ; въ обоихъ случаяхъ, какъ пересмотръ старыхъ законовъ, такъ и составленіе новыхъ, предоставлялись самимъ инородцамъ, при главномъ участіи и содѣйствіи ихъ родоправителей и духовенства. Имѣвшееся при этомъ въ виду выдѣленіе изъ общей системы кодификаціи русскаго права особой отрасли инородческихъ законовъ и обычаевъ мотивировалось одними и тѣми же причинами — необходимостію установленія у инородцевъ «образа управленія», сообразно съ ихъ народнымъ бытомъ, сложившимся съ цѣлымъ рядомъ совершенно своеобразныхъ условій общественной, преимущественно кочевой культуры,

---

[1]) Первоначальныя работы по составленію этого свода были исполнены въ 1823 г. на мѣстѣ самими инородцами и недавно обнародованы проф. Д. Я. Самоквасовымъ, въ «Сборникѣ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ» (Варш. 1875). Проэктъ окончательнаго свода появился лишь въ 1841 г. и тогда же обнародованъ въ печати («Сводъ степныхъ законовъ кочевыхъ инородцевъ восточной Сибири. Спб. 1841») Какъ слышно, вскорѣ послѣдуетъ новое изданіе этого любопытнаго сборника, составляющаго теперь большую библіографическую рѣдкость.

и потому не дававшимъ никакой возможности подчинить инородцевъ вполнѣ общимъ законамъ государства.

Что касается кодификаціи калмыцкаго права, то нельзя не замѣтить, что, при всемъ консерватизмѣ, какимъ изстари отличались степняки — калмыки, два столѣтія, протекшія со времени изданія ихъ племеннаго устава (въ 1640 г.), не даромъ прошли въ жизни этихъ инородцевъ: въ ихъ быту многое измѣнилось, возникли новыя потребности, которымъ не могъ вполнѣ отвѣчать старый уставъ, составленный при иныхъ условіяхъ и порядкахъ общественной жизни народа[1]).

Тѣмъ не менѣе, рядомъ съ новыми условіями, требовавшими соотвѣтственныхъ измѣненій въ племенномъ уставѣ калмыковъ, доселѣ остаются у нихъ неприкосновенными многія бытовыя особенности и черты, изстари характеризующія общественную жизнь всѣхъ племенъ монгольскаго корня. Такова строгая родовая организація, доселѣ существующая у калмыковъ безъ всякихъ существенныхъ измѣненій; таковъ же кочевой, номадный строй всей ихъ жизни и связанная съ нимъ, степная (пастушеская) хозяйственная культура и т. д. Всѣ эти бытовыя особенности и черты патріархальной культуры степняковъ—калмыковъ ясно очерчиваютъ грань, въ предѣлахъ которой имѣютъ силу ихъ племенные законы, приведенные въ «согласность» съ современными потребностями народа. Въ такомъ именно направленіи и велись всѣ работы по кодификаціи калмыцкаго права, произведенныя въ 1822 г. Зинзилинскимъ собраніемъ калмыцкихъ родоправителей и духовенства и получившія затѣмъ новую переработку со стороны учрежденной въ 1825 г. Коммиссіи калмыцкихъ дѣлъ. Собственно этой Коммиссіи принадлежитъ окончательное редакти-

---

[1]) Несоотвѣтствіе стараго устава съ современными потребностями народа ясно указывается въ уложеніи, составленномъ Зинзилинскимъ собраніемъ. Нѣкоторыя измѣненія, допущенныя собраніемъ въ старомъ уставѣ, прямо мотивируются тѣмъ, что «тогдашнее время не сходствуетъ съ настоящимъ» (см. статьи 21 и 23 Зинз. постановленій).

рованіе издаваемаго нами сборника калмыцкихъ законовъ, выработанныхъ Зинзилинскимъ собраніемъ и вошедшихъ въ сводъ Коммиссіи съ измѣненнымъ составомъ и распредѣленіемъ отдѣльныхъ статей. Наше изданіе, такимъ образомъ, обнимаетъ Зинзилинское уложеніе не въ первоначальной его редакціи, какъ оно было составлено собраніемъ 1822 г., но съ позднѣйшей систематизаціей его постановленій, сведенныхъ съ старымъ уставомъ.

«Право мунгальскихъ и калмыцкихъ народовъ, исправленное и дополненное въ Зинзилинскомъ собраніи», представляетъ сводъ ойратскаго устава 1640 г. съ постановленіями Зинзилинскаго собранія, мнѣніями двухъ владѣльцовъ и заключеніями Коммиссіи калмыцкихъ дѣлъ. Мы и разсмотримъ сначала каждую изъ этихъ составныхъ частей свода въ отдѣльности, а затѣмъ уже изложимъ нѣсколько замѣчаній о сводѣ въ полномъ его составѣ.

I.

Ойратскій уставъ 1640 г. извѣстенъ въ нашемъ сводѣ подъ различными наименованіями. Зинзилинское собраніе называетъ его «калмыцкимъ уложеніемъ» (ст. 68) или просто «уложеніемъ» (ст. 82), также «уложеніемъ великихъ обладателей» (23) и «древнимъ законоположеніемъ, 44-мя владѣтелями изданнымъ» (21-я статья Зинзилинскихъ постановленій)[1]).

---

[1]) Послѣдній титулъ важенъ по указанію на составъ лицъ участвовавшихъ въ составленіи устава. Отмѣтимъ здѣсь замѣчательное совпаденіе показанія Зинзилинскаго собранія о числѣ «владѣтелей», составившихъ уложеніе 1640 г., съ показаніемъ введенія къ послѣднему (по переводу Палласа) — о числѣ монгольскихъ и ойратскихъ «племенъ» (Stämme), родоправители которыхъ утвердили ойратскій уставъ. Какъ увидимъ ниже, Зинзилинское собраніе не имѣло въ своемъ распоряженіи, ни монгольскаго подлинника этого устава, ни нѣмецкаго перевода; между тѣмъ, въ русскомъ переводѣ уста-

Въ заключеніяхъ Коммиссіи калмыцкихъ дѣлъ мы встрѣтили три различные титулы устава: «древній законъ» (закл. Ком. по 35 статьѣ Зинзил. постановл. п. 13), «древнее уложеніе» (закл. Ком. по 4 п. главы о ловляхъ и промыслахъ, по 2 п. 188 ст., по ст. 202, 205, 210 и 221) и «уложеніе мунгальскихъ и калмыцкихъ народовъ» (закл. Ком. по 2 и 6 п. 154 ст. и по 1 п. главы о наслѣдствѣ).

Ойратскій уставъ 1640 г. помѣщенъ въ первой графѣ нашего свода по списку, вполнѣ сходному съ изданнымъ мною спискомъ Бентковскаго и съ упомянутымъ выше (въ введеніи) спискомъ бар. Бюлера[1]). Статьи стараго устава изложены въ сводѣ безъ измѣненій въ ихъ составѣ, но съ инымъ, болѣе

ва, которымъ только и располагало Зинзилинское собраніе значится, чт «великое право (т. е. уставъ 1640 г.) . . . мунгальскіе и четырехъ калмыцкихъ народовъ главные владѣтели (въ числѣ 27-ми) . . . постановили и утвердили». Значитъ, Зинзилинское собраніе констатировало вышеуказанное показаніе о числѣ лицъ, участвовавшихъ въ собраніи 1640 г., на основаніи не документальныхъ данныхъ, но какою—то другаго источника, — именно какъ можно думать, народнаго преданія, путемъ котораго еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія сохранялась у калмыковъ память о старомъ собраніи ойратскихъ вождей, хотя при этомъ число родовъ или племенъ было перенесено преданіемъ на число родоправителей.

[1]) Профессоръ Н. А. Поповъ, въ своей рецензіи на мою книгу о монголо-калмыцкомъ уставѣ (см. Жур. Мин. Просв. 1879, Окт. стр. 312—313) указываетъ на варіанты устава по старымъ печатнымъ спискамъ (1776 и 1828 г.г.), которыхъ я не могъ сличить съ изданнымъ мною спискомъ. По поводу такихъ варіантовъ, въ большинствѣ указывающихъ не только на неточность переписчиковъ, но и на намѣренную переработку статей въ позднѣйшихъ спискахъ устава, замѣчу, что всѣ списки русскаго перевода ойратскаго устава слѣдуетъ сводить къ двумъ типамъ: а) *старые* списки 1776 и 1828 г.г., сохранившіе безъ существенныхъ измѣненій первоначальную редакцію русскаго перевода устава, и b) списки *новѣйшіе*, съ переработкой нѣкоторыхъ статей, именно: изданный мной списокъ Бентковскаго, также рукописный списокъ Бюллера,—затѣмъ списокъ, помѣщенный въ первой графѣ нынѣ издаваемаго свода, и наконецъ, по видимому списокъ Мальцова. Переработка замѣчается въ особенности въ статьяхъ 106, 107, 123, 158 и проч. Оригиналомъ новыхъ списковъ послужилъ списокъ, препровожденный въ 1821 г. изъ

систематическимъ распредѣленіемъ ихъ по отдѣльнымъ главамъ свода. Это объясняется особой систематизаціей свода, въ которомъ статьи, однородныя по своему содержанію, сведены по предметамъ въ отдѣльныя главѣ. Далѣе, старый уставъ вошелъ въ сводъ не въ полномъ своемъ составѣ. Изъ него исключены

коллегіи иностранныхъ дѣлъ главному приставу Страхову и бывшій до послѣдняго времени единственнымъ рукописнымъ уставомъ, какимъ руководились калмыцкіе суды (см. мое сочин. «Древн- монголо-калмыцкій уставъ» стр. 32).

Приведу здѣсь варіанты старыхъ списковъ, какъ они указаны въ статьѣ проф. Попова:

Въ введеніи къ уставу по изданію 1776 г. къ имени Эрдени Батура сдѣлано примѣчаніе: «*нынѣшняго* владѣтеля Зонгорскихъ калмыкъ Галданъ-Череня прадѣдъ». Въ спискѣ Сѣв. Архива вмѣсто «нынѣшняго» употреблено слово «*послѣдняго*». Прибавлю отъ себя, что въ спискѣ Бюллера все примѣчаніе читается такъ: «*Бывшаго* владѣльца *Зюнгорскихъ* (по сп. сѣв. Арх. — Зенгорскихъ) калмыкъ Голданъ *Церена* прадѣдъ».

Новые списки:	*Старые списки*:
Статья 106, п. 2. «и за *платье* за каждое брать»	«и за *палазъ*[1]) за каждое брать
— — п. 3. «за барса»	не разобраны издателями.
— — п. 4. «за порешню»[2])	
Ст. 107. п. 7. «А кто найдетъ . . . *и такого* съѣстъ»	«А кто найдетъ . . . и *такъ его* съѣсть»
Ст. 111. . . . «*или ни* ловлѣ звѣрей и возвратно *будучи*»	. . . «или на ловлѣ звѣрей и возвратно *ѣдучи*»
Ст. 123. «Ежели воры *компаніею* что украдутъ, изъ той *компаніи* кто одинъ . . . платить тою *компаніею* . . . А буде кто собравъ *компанію* . . .	Вмѣсто «компанія» вездѣ употреблено слово «*артель*».

---

[1]) По замѣчанію Попова, «такъ и теперь у туркменъ называется ткань изъ верблюжьяго сукна».

[2]) У Попова прибавлено еще — «и барса», но такого мѣста нѣтъ ни въ изданномъ мной спискѣ, ни въ спискѣ Бюлера.

статьи, не имѣющія законодательнаго значенія: введеніе, съ молитвословіемъ и перечисленіемъ лицъ, участвовавшихъ въ

Ст. 135. *ножикъ* . . *наголище* лучное *тахтуй* . . . *теслу* . . . хорошіе пахвы . . . оправныя *ножны* . . . *иглу, шило*».	«ножъ . . . влагалище лучное . . . тохтуй . . . теслу . . . хорошія па-ви . . . оправные ножницы. . . и глу-шило».
Ст. 142. «*идолопоклонники*»	«*идолослужители*»
Ст. 155. «*отрубить* персты»	«*обрубить* персты»
Ст. 157. «Ежели котораго отока *людей* отъ улуса своего замѣшаются» . . . Въ спискѣ Бюлера сказано: «Ежели котораго отока *люди* отъ улуса своего замѣшаются» . . .	«Ежели котораго отока *люди, отлу-чась* отъ улуса своего, замѣшаются»...
Ст. 158. . . . а буде сіе приметея за благо, и оное должны утвердить. А ежели на сіе кто какого представленія не учинитъ, а будетъ прекословить . . . претерпитъ *многій* гнѣвъ».	«а буде сіе приметея за благо, и оное должны *теперь* утвердить, а ежели на сіе кто *теперь* какого представлен-я не учинитъ, а *послѣ* будетъ пре-словить . . . претерпитъ *мой* гнѣвъ
Ст. 160.	Присоединено примѣчаніе: «Сіе опре-дѣленіе видится тогожъ Галда-Хонгъ Тайджи, или по означенно-его указу другими ему представле-ное и имъ апробованное».
Ст. 162. «а ежели судьи изъ штрафа ко двору надлежащаго не возьмутъ и *не представятъ*, за то съ нихъ взять вдвое».	«а ежели судьи изъ штрафа ко дв-надлежащаго *одного верблюда* не во-мутъ и за то съ нихъ взять вдвое».
Ст. 164. . . . «взять отъ десяти одну среднюю лошадь, а отъ четырехъ и отъ трехъ» . . .	«взять отъ десяти одну среднюю ло-шадь, *а отъ пяти плохую лошадь* отъ четырехъ и отъ трехъ» . . .
Ст. 165. «А кто, кромѣ опредѣленнаго къ кочеванію мѣста . . . будетъ цѣлый аймакъ (40 кибитокъ) *съ командующимъ*, взять»...	«А кто, кромѣ опредѣленнаго се-къ кочеванію мѣста . . . будетъ -лый аймакъ (40 кибитокъ), *съ кома-дующаго имъ* взять» . . . Въ спи-Бюлера прибавлено «своего», -то послѣдняя цитата изложена. -и въ моемъ спискѣ.

составленіи устава 1640 г., и заключеніе, изложенное послѣ 150 статьи («издревле всѣми добродѣтелями» . . .), затѣмъ титулъ указа Галдана и заключеніе первой его половины, изложенное въ 159-й статьѣ. Кромѣ того, въ сводъ не вошли слѣдующія девять статей: вся первая половина 47-й статьи, гдѣ подробно таксируется плата за невѣсту (до закона о брачномъ возрастѣ), вторая половина 60-й ст. (объ убійствѣ «бѣшеннаго» человѣка), вторая половина 64 ст. («А буде ѣдущаго человѣка лошадь убьетъ другаго человѣка» . . .), 112-я ст. (о «претензіяхъ», заявляемыхъ обвиненнымъ по суду противъ своего соперника), 150-я ст. (о кражѣ котла или тагана), 158-я ст. (о «прекословіи» закону), 160-я ст. (о неявкѣ въ судъ по тремъ повѣсткамъ), 165 ст. (о кочеваньи на чужомъ мѣстѣ) и 166 ст. (о приводѣ перебѣжчиковъ). Исключеніе этихъ статей изъ свода можно объяснить лишь тѣмъ, что, во 1-хъ, Коммиссія калмыцкихъ дѣлъ, при составленіи своего свода, имѣла подъ руками не старый уставъ 1640 г., но исключительно постановленія Зинзилинскаго собранія, и что во 2-хъ, собраніе вводило въ свое «Право мунгальскихъ и калмыцкихъ народовъ», кромѣ собственныхъ постановленій, также статьи стараго устава, оставлявшіяся собраніемъ безъ всякой перемѣны или съ болѣе или менѣе - значительными измѣненіями, съ исключеніемъ изъ «права» лишь статей, подлежавшихъ полной отмѣнѣ. Коммиссія, составляя новый, систематическій сводъ, могла просто просмотрѣть статьи стараго устава, пропущенныя въ работѣ Зинзилинскаго собранія Но такое объясненіе годится лишь отчасти; потому что въ числѣ пропущенныхъ статей есть и такія, которыя Зинзилинскимъ собраніемъ только дополнены и видоизмѣнены, но не вовсе отмѣнены. Такова 160-я статья стараго устава, вошедшая собственно въ составъ 61 статьи Зинзилинскихъ постановленій; точно также 165 и 166 статьи стараго устава соотвѣтствуютъ 73 и 120 статьямъ Зинзилинскихъ постановленій. — Съ другой стороны, въ сводѣ Коммиссіи есть цѣлый рядъ статей стараго устава, повторенныхъ въ разныхъ мѣстахъ свода,

чтó было результатомъ принятой въ немъ, сложной систематизаціи статей по отдѣламъ и главамъ[1]).

Зинзилинское собраніе имѣло въ своемъ распоряженіи только русскій переводъ устава, присланный изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ 1821 г. и, какъ выше замѣчено, во всемъ сходный съ изданнымъ мною текстомъ устава. Ни откуда не видно, чтобы собранію были извѣстны русскіе списки первоначальной редакціи (изд. въ 1776 и 1828 г.), также переводъ Палласа или монгольскій подлинникъ. Понятно отсюда, что статьи, невѣрно редактированныя въ старомъ русскомъ переводѣ, не могли быть вполнѣ исправлены при пересмотрѣ устава Зинзилинскимъ собраніемъ, — нѣкоторыя отмѣны сдѣланы лишь въ статьяхъ, заключавшихъ явныя несообразности[2]).

Значительная часть стараго устава (до 100 статей) вошла въ сводъ Коммиссіи 20-хъ годовъ безъ всякихъ измѣненій и дополненій, при чемъ одни статьи по заключеніямъ Коммиссіи подлежали отмѣнѣ, другія же оставлялись въ полной силѣ. Для насъ интересно прослѣдить въ общихъ чертахъ, чтó въ старомъ уставѣ предполагалось отмѣнить и чтó — утвердить, т. е. другими словами, чтó къ началу нынѣшняго столѣтія уже отжило свое время и чтó сохранилось неприкосновеннымъ въ теченіе почти двухъ-вѣковой жизни калмыковъ (1640—1822 г.г.).

---

[1]) Такихъ статей насчитывается до 32-хъ. Изъ нихъ четыре стать[и] повторены три раза, — статьи 29, 35, 89 и 148. Остальныя повторены д[ва] раза — ст. 3, 6, 10, 12, 14, 20, 25—28, 33, 34, 36, 41, 44, 47, 59, 60, 7[illegible] 91, 109, 113, 121, 122, 124, 125, 147 и 163.

[2]) Такимъ образомъ, 134-я статья о платѣ свидѣтелямъ (по перево[ду] Палласа — о платѣ обвинителю) замѣнена собраніемъ новой статьей (111 [illegible] а Коммиссія прямо отмѣнила плату свидѣтелямъ. Статья 36-я — о ночлег[ѣ] проѣзжаго у вдовы — точно также замѣнена собраніемъ 132-й статьей, хот[я] впрочемъ Коммиссія оставила въ силѣ и старую статью (см. п. 11 подъ 1[illegible] ст. Зинз. постановл.).

а) Статьи стараго устава, предположенныя при его пересмотрѣ къ полной *отмѣнѣ*, характеризуютъ вообще тѣ измѣненія, которыя произошли въ общественномъ быту калмыковъ къ началу нынѣшняго столѣтія. Кодификаціонныя работы по калмыцкому праву 20-хъ годовъ ясно показываютъ, что въ это время стали въ особенности сглаживаться основныя черты и признаки стараго политическаго быта калмыковъ — внѣшнее хищничество и связанная съ нимъ военно-дружинная организація родовыхъ союзовъ, вмѣстѣ съ отмѣной политической и отчасти административной автономіи послѣднихъ.

Старый уставъ калмыковъ имѣлъ въ виду цѣли родоваго ойратства (союзности), охрану и поддержаніе политической независимости и могущества ойратскихъ племенъ. Уставъ являлся, такимъ образомъ, нормой междусоюзной ихъ жизни, вносилъ правовыя идеи (ойратство) въ сферу внѣшнихъ племенныхъ отношеній ойратовъ, мало или вовсе не затрогивая внутренняго ихъ быта. Ойратство установлялось между монгольскими родами и племенами, не только въ видахъ ихъ охраны и защиты противъ хищничества внѣшнихъ враговъ, но и ради необходимости организовать силы и средства для собственныхъ хищническихъ предпріятій въ видахъ добыванія добычи — одной изъ главныхъ статей племеннаго хозяйства кочевниковъ. Все это неминуемо вызывало сильную квалификацію родоваго строя монгольскихъ племенъ *военно-дружинными* началами, которыя и были нормированы въ ойратскомъ уставѣ цѣлымъ рядомъ правилъ о хищническихъ предпріятіяхъ, о защитѣ отъ враговъ, о военной добычѣ и пр.

Другая задача стараго ойратскаго устава мотивировалась идеей поддержанія внутренняго мира въ ойратскихъ родахъ, въ видахъ укрощенія въ ихъ средѣ хищническихъ инстинктовъ, всосавшихся въ плоть и кровь монголовъ-кочевниковъ. Отсюда — сильный квалифицированный характеръ, какъ всѣхъ *правонарушеній*, шедшихъ въ разрѣзъ съ идеей ойратства (въ особенности разбоя, грабежа и другихъ личныхъ и имуществен-

ныхъ преступленій), такъ и направленныхъ противъ нихъ строгихъ *наказаній и штрафовъ*, поражавшихъ нарушителей ойратства и касавшихся именно того, что было наиболѣе дорого для стараго кочевника, — его степнаго хозяйства, состоявшаго въ табунахъ и стадахъ (штрафы скотомъ — преобладающая форма наказаній по уставу 1640 г.). Задачи устава въ дѣлѣ охраненія внутренняго ойратства родовыхъ союзовъ находили для себя полное подспорье въ современныхъ условіяхъ хозяйственной культуры средне-азіатскихъ кочевниковъ. Огромные штрафы скотомъ, установленные ойратскимъ уставомъ, прямо указываютъ на то, что во время его составленія степное хозяйство монголовъ велось въ обширныхъ размѣрахъ, дававшихъ полную возможность установлять громадные штрафы на случаи правонарушеній, въ особенности направленныхъ противъ племеннаго ойратства.

Въ иномъ положеніи очутились чрезъ два вѣка русскіе калмыки — потомки старыхъ ойратовъ Зюнгаріи, перекочевавшихъ въ XVII столѣтіи въ степныя окраины юго-восточной Россіи. Удержавъ старый племенный уставъ, они однако далеко не сохранили въ своемъ быту тѣхъ условій, на почвѣ которыхъ этотъ уставъ возникъ и ради которыхъ онъ дѣйствовалъ болѣе или менѣе долго у различныхъ монгольскихъ племенъ.

Во 1-хъ, отъ стараго ойратства — основной политической догмы, нормируемой уставомъ 1640 г., осталось у русскихъ калмыковъ XIX столѣтія лишь темное воспоминаніе. Какъ увидимъ, Зинзилинское собраніе калмыцкихъ родоправителей говоритъ въ своихъ постановленіяхъ лишь объ институтѣ «ойридовъ» — ойратства не цѣлыхъ союзныхъ племенъ, но мелкихъ, родственныхъ между собою союзовъ, безъ стараго широкаго политическаго значенія. Въ эпоху пересмотра племенныхъ законовъ калмыки нуждались въ нормахъ не внѣшняго политическаго ойратства, но бытовыхъ отношеній *внутри* родовыхъ союзовъ. Отсюда цѣлый рядъ новыхъ правилъ, констатированныхъ Зинзилинскимъ собраніемъ и вовсе неизвѣстныхъ старому уставу калмыковъ.

Во 2-хъ, отмѣна хищничества и основанной на немъ *военно-дружинной* организаціи старыхъ ойратскихъ родовъ дѣлается съ прошлаго столѣтія одной изъ главныхъ цѣлей политики русскаго правительства въ отношеніи къ калмыкамъ. Съ подчиненіемъ ихъ общему наряду государства и, слѣдоват., общегосударственной защитѣ, охрана отъ внѣшнихъ враговъ вошла въ общую систему защиты и охраны общественной безопасности; старая дружинно-родовая организація калмыцкихъ ордъ и улусовъ оказалась не нужной, — внѣшняя защита организуется теперь не самими инородцами, но цѣлымъ государствомъ. Пересмотръ стараго устава калмыковъ, предпринятый въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, и направлялся прежде всего на отмѣну ихъ племенныхъ законовъ о военномъ устройствѣ калмыцкихъ родовъ, вмѣстѣ съ подчиненіемъ ихъ общимъ военнымъ законамъ имперіи. Такъ отмѣнены вовсе, безъ замѣны новыми правилами, статьи стараго устава о невыходѣ противъ непріятеля (5), уходѣ изъ боя (13), отбоѣ у непріятеля добычи (19), обязанности «десятковъ» по вооруженію своихъ ратниковъ (48), объ убійствѣ въ бою непріятеля и союзника, о раздѣлѣ добычи и пр. (66—75). Впрочемъ, Зинзилинское собраніе предполагало удержать въ проэктировавшемся сводѣ нѣкоторые военные законы стараго устава (о наказаніяхъ за необъявленіе о приближеніи непріятеля, о наградахъ за военныя заслуги и наказаніяхъ за неисполненіе ратныхъ обязанностей, — 14, 15, 16 и 28 ст. стараго устава), измѣнивъ и дополнивъ ихъ новыми правилами; но и эти статьи Коммиссія калмыцкихъ дѣлъ предположила уничтожить, вполнѣ подчинивъ калмыковъ русскимъ военнымъ законамъ.

Въ 3-хъ, отъ старой политической независимости ойратовъ не осталось и слѣда въ современномъ быту калмыковъ, вошедшихъ въ составъ русскихъ подданныхъ наравнѣ съ остальнымъ населеніемъ государства. Старый междусоюзный нарядъ хановъ, тайшей и пр. и политическая автономія родовыхъ

союзовъ должны были исчезнуть[1]), уступивъ мѣсто общегосударственному наряду и суду, съ удержаніемъ за калмыками мѣстной автономіи и суда по племенному праву на общемъ основаніи съ другими восточными инородцами. Старыя политическія квалификаціи «лихихъ дѣлъ», шедшихъ въ разрѣзъ съ интересами ойратства (разбой, грабежъ и пр.), должны были съ теченіемъ времени потерять силу. Мало того: съ подчиненіемъ калмыковъ общей защитѣ и юрисдикціи государства, подсудность «лихихъ дѣлъ» выходила изъ непосредственной компетентности инородческихъ законовъ и судовъ и подчинялась общимъ уголовнымъ законамъ государства. Остальныя нарушенія частныхъ правъ личныхъ и имущественныхъ оставлялись по прежнему въ компетентности инородческаго права и родоваго наряда калмыковъ, — отмѣнены лишь немногія статьи стараго устава о нѣкоторыхъ квалифицированныхъ видахъ личныхъ правонарушеній. Такимъ образомъ, отмѣнены статьи, опредѣлявшія наказуемость преступленій подъ вліяніемъ старыхъ бытовыхъ воззрѣній и нравовъ, потерявшихъ позже силу; таковы

---

[1]) Къ отмѣненнымъ статьямъ относится 12. а и 158 — о «нарушенія права» и «прекословіи» ханскому указу. Нарушеніе права трактуется ойратскимъ уставомъ XVII в. въ такомъ же смыслѣ, какъ и «нарушеніе ясака» по монгольскому праву XIII в. (см. мое соч.—«монг.-калм. уставъ», стр. 197, п. 11 и прим. 1). Нарушеніе «права» возможно было только со стороны родоправителей, «изыначивавшихъ» его, установляя новые законы и примѣняя ихъ къ родовому наряду и пр. Нарушать ойратскій уставъ значило подрывать основу ойратства, — поддержаніе послѣдняго и было главнымъ мотивомъ указанныхъ статей. Съ паденіемъ самостоятельнаго наряда ойратскихъ главъ статьи эти теряли свой raison d'être и потому, при пересмотрѣ ойратскаго устава отошли къ числу отмѣненныхъ статей. — Замѣтимъ, что 158 я ст., какъ онѣ формулирована въ изданномъ мною спискѣ, совершенно вѣрно названа профессоромъ М. Ф. Будановымъ-Владимірскимъ «необыкновеннымъ постановленіемъ» (Унив. Зап. Кіев. 1879, № 9, стр. 198). Но необычайность статьи исчезаетъ если принять во вниманіе приведенные выше варіанты этой статьи по изданію 1776 г. (см. выше стр. 154): оказывается, что въ этой статьѣ выражено тоже самое правило, какъ и въ статьѣ 12. а, т. е. запрещеніе «прекословить» и нарушать законъ, утвержденный установленнымъ порядкомъ.

ученіе о нанесеніи ранъ и побоевъ деревомъ, камнемъ, кулакомъ и пр., что въ глазахъ стараго воина-кочевника считалось особенно поноснымъ и усиливавшимъ обиду; сюда же относится оскорбленіе женской стыдливости, неприличное поведеніе въ чужомъ домѣ и пр. (ст. 65, 76—79, 96, 101). Изъ статей объ имущественныхъ правонарушеніяхъ вовсе отмѣнена лишь одна статья — о кражѣ скота (9); но и то, какъ кажется, потому, что эта статья собственно была лишней, — въ уставѣ есть цѣлый рядъ другихъ правилъ о кражѣ, подробно таксирующихъ ее, смотря по цѣнности воровскихъ вещей.

Въ 4-хъ, рядомъ съ установленіемъ строгихъ мѣръ противъ внутренняго хищничества и вообще дѣяній, шедшихъ въ разрѣзъ съ основными условіями монгольскаго ойратства, старый уставъ констатировалъ также рядъ положительныхъ мѣръ въ формѣ разнаго рода услугъ ойратству, отдѣльнымъ ойратскимъ родамъ и его членамъ, какъ въ видахъ поддержанія родоваго ойратства, такъ и подъ вліяніемъ гуманитарныхъ идей буддизма, поощрявшаго пощаду жизни во всѣхъ ея видахъ и возводившаго помощь погибающимъ и страждущимъ на степень правовой догмы. Таковы правила ойратскаго устава о наградахъ за истребленіе враговъ ойратства, за оборону родоправителей и другіе военные подвиги и заслуги, — за спасеніе погибающихъ, напр. во время пожара и наводненія, за помощь путнику и пр. Съ отмѣной старыхъ формъ ойратства и съ измѣненіемъ лежавшихъ въ его основѣ политическихъ воззрѣній, возводившихъ въ юридическій долгъ чисто нравственныя дѣянія, должны были измѣниться и нормировавшія ихъ правила ойратскаго устава (статьи — 14, 15, 66—69, 81, 82, 111). Всѣ такія правила въ новое время потеряли силу въ самой жизни и потому Зинзилинское собраніе естественно пришло къ мысли о ихъ отмѣнѣ. Въ его постановленіяхъ, какъ увидимъ ниже, удержались лишь такія правила о наградахъ, которыя коренились исключительно въ гуманитарныхъ воззрѣніяхъ буд-

дизма и потому сохраняли постоянную силу религіозно-правовыхъ догмъ.

Въ 5-хъ, по гражданскому праву предполагалось отмѣнить статьи о «долгахъ» (90 и 161), о платѣ за невѣсту (47. а) и о выкупѣ родными жены, удаляемой мужемъ (126). Статьи о долгахъ отмѣнялись отчасти потому, что въ нихъ рѣчь шла объ обстоятельствахъ, имѣвшихъ временное значеніе при изданіи устава (о долгахъ старыхъ — до 1654 г., о долгѣ какого-то Булана Тайши), отчасти и потому, что Коммиссія калмыцкихъ дѣлъ установила новыя правила, не приведенныя однакожъ въ составленномъ его сводѣ. Правило о платѣ за невѣсту, очевидно, имѣло силу на почвѣ ойратства, примѣнялось къ бракамъ между отдаленными ойратскими родами и не отмѣняло внутреннихъ обычаевъ каждаго племени и рода въ отдѣльности, предоставлявшихъ таксацію калыма «ряду» въ каждомъ данномъ случаѣ. Въ новое время ойратское правило потеряло силу и потому было отмѣнено при пересмотрѣ стараго устава. Что касается 126-й статьи о выкупѣ жены, то справедливо замѣчено, что въ русскомъ переводѣ эта статья «совершенно перепутана»[1]), — необычайность правила о выкупѣ жены ея родными, вѣроятно, и была причиной отмѣны этой статьи.

Наконецъ въ 6-хъ, изъ постановленій процессуальныхъ отмѣнена вполнѣ лишь одна статья — о платѣ судебному посланцу людьми (ст. 12), что можно объяснить измѣнившимся характеромъ крѣпостнаго права калмыковъ со времени болѣе близкаго подчиненія ихъ русской власти.

Мы указали на рядъ статей стараго ойратскаго устава, которыя, при пересмотрѣ послѣдняго въ 20-хъ годахъ, предложены были къ полной отмѣнѣ и исключенію ихъ изъ проекта-

---

[1]) См. замѣчаніе объ этой статьѣ проф. Буданова-Владимірскаго въ Унив. Изв. Кіев. 1879, № 9, стр. 200.

ровавшагося, новаго уложенія русскихъ калмыковъ. Оказывается, что къ началу нынѣшняго столѣтія отжили свое время лишь военные законы и законы, касавшіеся главнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ, — тѣ и другіе предполагалось замѣнить общими законами государства. Въ остальномъ кодификація калмыцкаго права, предпринятая Зинзилинскимъ собраніемъ въ 20-хъ годахъ, строго держалась консервативной почвы обычнаго права калмыковъ. Консервативность калмыцкаго права еще болѣе выяснится изъ обзора статей стараго устава, утвержденныхъ при его пересмотрѣ безъ всякихъ измѣненій.

b) При составленіи новаго уложенія калмыковъ предполагалось ввести въ его составъ значительное число (до 61) статей стараго устава безъ всякихъ измѣненій. Большинство такихъ статей касается основныхъ началъ общественнаго и правоваго быта калмыковъ.

Сюда относятся прежде всего основныя положенія уголовнаго права. Таковы законы, запрещавшіе шаманскіе обряды (139, 140), также законы о преступленіяхъ личныхъ-членоповрежденіяхъ и выдраніи бороды и уса (98, 102), о преступленіяхъ семейныхъ и противонравственныхъ (54, 92, 94, 146), наконецъ о преступленіяхъ имущественныхъ — о кражѣ (17, 106, 123, 135) и порчѣ вещей (97, 116, 117).

Удержаны, далѣе, старыя правила о наградахъ за спасеніе погибающихъ на пожарѣ или водѣ людей, скота и вещей, — за спасеніе ребенка, котораго будетъ бить лошадь, — за отбой скота у воровъ, за излѣченіе больныхъ и наконецъ за помощь жаждущему (83—86, 110, 114, 115, 144, 163). Всѣ эти постановленія, какъ уже замѣчено, коренились въ гуманитарныхъ воззрѣніяхъ буддизма и потому сохраняли за собой силу обязательныхъ религіозно-правовыхъ догмъ.

Изъ постановленій Зинзилинскаго собранія видно также, что имъ оставлялась неприкосновенной старая система родовыхъ союзовъ съ прежней организаціей внутренняго ихъ наряда, съ прежними разрядами привиллегированныхъ и служеб-

ныхъ сословій, съ прежней системой общественныхъ повинностей, въ особенности ямской и постойной (20, 24, 31, 32, 35, 124) и съ старой системой степной полиціи (80, 155, 157).

Старыя формы хозяйственной культуры степняковъ-калмыковъ остались также безъ существенныхъ измѣненій. Скотоводство и охота — главныя формы калмыцкаго хозяйства по уставу 1640 г. — доселѣ существуютъ у калмыковъ. Относящіяся сюда статьи стараго устава (37, 63, 91, 93, 107, 108, 118, 119, 121, 128—133, 143, 145, 149) оставлены Зинзилинскимъ собраніемъ безъ всякой перемѣны или съ незначительными дополненіями.

Точно также остались безъ всякихъ измѣненій старыя статьи касательно брачныхъ отношеній — о сговорѣ, приданомъ и пр. (46, 49—51, 146).

Тоже самое нужно сказать и о главнѣйшихъ статьяхъ по процессу — о слѣдѣ, показаніяхъ свидѣтелей — рабовъ и пр. (120, 122, 127, 148).

c) Остальныя части стараго устава подверглись болѣе или менѣе значительнымъ измѣненіямъ и переработкѣ. Прежде всего бросаются въ глаза измѣненія, произведенныя въ системѣ наказаній. Большіе имущественные штрафы (скотомъ) стараго устава, разсчитанные на обширное степное хозяйство средне-азіатскихъ кочевниковъ, при измѣнившихся условіяхъ жизни русскихъ калмыковъ, требовали пониженной таксаціи; въ замѣнъ того, Зинзилинскія постановленія вводятъ весьма мало развитую въ старомъ уставѣ систему наказаній личныхъ — тѣлесныхъ (плеть), осрамительныхъ и пр. Старые законы о преступленіяхъ потерпѣли измѣненія прежде всего въ ученіи о личныхъ обидахъ (словомъ и дѣйствіемъ) — о безчестіи, побояхъ и пр. (21 — 23, 25 — 28, 30, 39, 40, 99, 100, 141), отчасти и въ ученіи объ имущественныхъ правонарушеніяхъ, именно о повторенной кражѣ и потравахъ (37, 89, 156). Впрочемъ, самые институты остались тѣже; они только

развиты нѣсколько подробнѣе и въ особенности измѣнены наказанія.

Измѣненія коснулись также нѣкоторыхъ отношеній сословныхъ и повинностныхъ. Нѣсколько измѣнены правила объ отношеніи родоправителей къ подчиненнымъ (ст. 29), о людяхъ «ламинскихъ» (11), также о перебѣжчикахъ и откочевкахъ (3, 4, 7, 55, 56, 125, 164); но и здѣсь перемѣны ограничиваются лишь болѣе подробнымъ развитіемъ институтовъ. Въ такомъ же направленіи измѣнены статьи о ямской повинности (33, 34), владѣльческихъ сборахъ (38) и призрѣніи бѣдныхъ (151—154).

Въ томъ же духѣ произведены измѣненія въ статьяхъ, относящихся къ гражданскому праву (ст. 47 — о брачномъ возрастѣ и обязательности браковъ, ст. 52 и 53 — объ усыновленіи, ст. 45 и 147 — о наслѣдованіи) и процессу (о судьяхъ, обвинителяхъ, позвѣ, обыскѣ и пр.—ст. 134, 136—138, 162).

Такимъ образомъ, кромѣ ученія о наказаніяхъ, всѣ указанныя измѣненія имѣли болѣе редакціонный характеръ, мало касались самой сущности институтовъ. И тѣ новыя правила, которыя, какъ увидимъ ниже, Зинзилинское собраніе предлагало ввести въ составъ проэктировавшагося уложенія калмыковъ, въ существѣ вещи не представляли ничего новаго, но воспроизводили лишь то, что издавна существовало на дѣлѣ въ видѣ народныхъ обычаевъ.

II.

Постановленія Зинзилинскаго собранія калмыцкихъ родоправителей и духовенства составляютъ основную часть издаваемаго нами сборника. Мы скажемъ объ общемъ титулѣ этихъ постановленій, ихъ источникахъ, внѣшнемъ составѣ, редакціи, системѣ изложенія статей и въ заключеніе сдѣлаемъ

общую характеристику (по формѣ и содержанію) новыхъ правилъ, предложенныхъ Зинзилинскимъ собраніемъ въ составъ проэктировавшагося калмыцкаго уложенія.

а) Зинзилинское собраніе призвано было для составленія новаго «уложенія» калмыковъ. Оно само называетъ свои постановленія «*уложеніемъ*»[1]), а въ другомъ мѣстѣ «*переводомъ 1822 года*» (см. примѣч. къ 126-й статьѣ Зинз. постановл.) Подъ послѣднимъ титуломъ постановленія Зинзилинскаго собранія упоминаются также въ заключеніяхъ Коммиссіи калмыцкихъ дѣлъ. Такъ, Коммиссія утвердила 44-ю статью Зинзилинскихъ постановленій слѣдующей резолюціей: «допустить по содержанію *перевода въ 1822 году исправленнаго*»[2]). Въ заглавіи второй графы издаваемаго нами свода, гдѣ помѣщены постановленія Зинзилинскаго собранія, стоитъ такой титулъ: «измѣненія и дополненія Зинзилинскаго собранія» Кромѣ того, въ заключеніяхъ Коммиссіи калмыцкихъ дѣлъ находимъ слѣдующія названія работъ Зинзилинскаго собранія: «*Зинзилинскія постановленія*» (закл. Ком. по 2 п. I гл. и ст. 165) или — «постановленія, въ Зинзиляхъ сдѣланныя» (закл. Ком. по 165 ст.), — также «*положенія*, сдѣланныя въ Зинзиляхъ» (ст. 20), и *Зинзилинскія мнѣнія* или мнѣнія поданныя въ Зинзиляхъ (ст. 6, 40, 127 и пр.).

---

[1]) «поелику тогдашнее время не сходствуетъ съ настоящимъ и жестокость наказанія (по старому уставу) превышаетъ *сіе наше уложеніе*» . . . Здѣсь «древнему законоположенію 44-мя Владѣтелями изданному», т. е. уставу 1640 г. (установившему смертную казнь за поднятіе оружія противъ владѣльцевъ), прямо противополагается новое уложеніе Зинзилинскаго собранія, смягчившаго «жестокость» наказаній стараго устава. Такой же смыслъ имѣетъ «уложеніе» въ 146 статьѣ, гдѣ Зинзилинское собраніе дѣлаетъ ссылку на 83-й пунктъ «сего уложенія». Значеніе такой ссылки будетъ разъяснено ниже (см. пунктъ *d* этой же главы).

[2]) Происхожденіе этого титула объясняется тѣмъ, что и русскій текстъ устава 1640 г. по всѣмъ главнымъ спискамъ называется «переводомъ съ права мунгальскихъ и калмыцкихъ народовъ» (см. мое сочин. «древн. монг. калм уставъ, стр. 11).

b) При изученіи Зинзилинскаго «уложенія» въ цѣломъ его составѣ прежде всего возникаетъ вопросъ о его *источникахъ.* Откуда калмыцкіе родоправители и духовные главы (жрецы) черпали свои постановленія? Составляли ль они сборникъ кодифицированнаго обычнаго права калмыковъ, или же напротивъ—изданное ими уложеніе слѣдуетъ разсматривать, какъ сборникъ законовъ, «изобрѣтавшихся» калмыцкими родоправителями по ихъ субъективному усмотрѣнію, безъ соображенія съ обычнымъ правомъ народа? Отвѣтъ на всѣ эти вопросы дается самымъ уложеніемъ Зинзилинскаго собранія. Въ немъ встрѣчаемъ цѣлый рядъ ссылокъ и указаній на источники отдѣльныхъ статей: старые законы, «обряды, родовыя права, преданія и обычаи» служили главнымъ источникомъ Зинзилинскихъ постановленій.

Главной основой Зинзилинскаго уложенія служилъ прежде всего *старый ойратскій уставъ*, имѣвшій значеніе сборника кодифицированнаго обычнаго права калмыковъ. Зинзилинское собраніе извлекало изъ стараго устава руководящія начала и приспособляло ихъ къ современнымъ правовымъ воззрѣніямъ и обычаямъ народа. Большинство институтовъ Зинзилинскаго уложенія взято, какъ мы видѣли, изъ стараго устава, — институты только болѣе выяснены и дополнены.

Другимъ источникомъ Зинзилинскаго уложенія нужно считать мѣстные *законы Дербетевскаго улуса*, сохранившіеся въ добавленіи къ нѣмецкому переводу стараго устава (см. мое сочин. — «монг.-калм. уставъ», стр. 145—150). Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что, при пересмотрѣ устава 1640 г., Зинзилинское собраніе имѣло подъ рукой Дербетевскіе законы, какъ это видно изъ буквальнаго сходства нѣкоторыхъ статей Зинзилинскаго уложенія и Дербетевскихъ законовъ, большинство которыхъ вошло въ составъ Уложенія съ большими или меньшими измѣненіями. Такимъ образомъ, 4 и 5 ст. Зинз. постановленій (о ношеніи «оркомжи») — не больше, какъ развитіе 147 статьи Дербетевскаго устава; такое же соотвѣтствіе замѣчается между 7—11 ст. Зинз. пост. (о пьян-

ствѣ духовныхъ) и 145—146 ст. Дербет.; 13 ст. Зинзил. (о безбрачіи духовныхъ) = 146 Дерб.; 15 ст. Зинз. (о вступленіи въ духовное званіе) = 147 Дерб ; 24—27 Зинз. (объ обидахъ, наносимыхъ родоправителями другимъ лицамъ) = 151 и 164 Дерб.; 125 и 222 Зинз. (объ одеждѣ — ношеніи косъ и кистей) = 163 Дерб.; 127 и 128 Зинз. (о воспитаніи) = 149 Дерб.; 148 и 150 Зинз. (о постахъ, убіеніи животныхъ, заповѣдяхъ и пр.) — 148 Дерб.[1]). Изъ сказаннаго явствуетъ, что въ Зинзилинское уложеніе вошло до 20 статей, взятыхъ изъ старыхъ Дербетевскихъ законовъ.

Не менѣе важнымъ источникомъ Зинзилинскаго уложенія было *каноническое право* ламаитовъ, имѣвшее своихъ проводниковъ на Зинзилинскомъ собраніи въ лицѣ мѣстныхъ ламъ и гелюнговъ (жрецовъ). Дѣло въ томъ, что значеніе ламайскаго духовенства въ общественной жизни калмыковъ было громадно до послѣдняго времени (см. напр. статью Бюлера о калмыкахъ, въ Отеч. Зап. 1846, № 8, стр. 99, 120 и слѣд.). По отзыву, данному въ 1810 г. главнымъ приставомъ калмыковъ

[1]) Такое же сходство съ Дербетовскими законами можно найти въ мнѣніяхъ двухъ членовъ Зинз. собранія. Для бóльшей наглядности мы изложимъ здѣсь параллельно 157 статью Дербет. устава и 20-й пунктъ главы о воровствѣ по Зинз. уложенію:

«Wer Waaren, mehr als einen Rubel an Werth stiehlt, soll dem, der es entdeckt, ein Pferd, an die Götzenhütte ein Pferd, an den Fürsten ein Kameel, an jeden der Richter eine Kuh, an den Unterrichter (Jergatschi) ein Pferd. an den Gerichtsboten ein Pferd, noch über die zuerkannte Strafe, erlegen».

«Со всякимъ похитителемъ товаровъ, цѣною выше одного рубля, поступить по вышеписанному законоположенію, соблюдать всегда мѣру, опредѣленную штрафомъ, — претендателю искъ удвоить и дать ему же овцу на созженіе и человѣка на услугу, Богамъ на жертву трехъ-лѣтнюю лошадь, владѣльцу — верблюда, судьѣ четырехъ - лѣтнюю корову, свидѣтелю четырехъ-лѣтнюю лошадь, посланцу 3-хъ-лѣтн. лошадь, палачу 3-хъ-лѣтн. же лошадь, мѣстному старшинѣ верблюда, судьямъ, рѣшившимъ дѣло, взять по старшинству достоинствъ».

о ихъ судѣ и расправѣ, «духовные вмѣшиваютъ въ судопроизводство нѣкоторыя правила вѣры, которыя у калмыковъ составляютъ какъ будто духъ невидимой, но законодательной власти духовенства» (см. тамъ же, стр. 73). Тѣмъ болѣе такая «власть» должна была сказаться при пересмотрѣ калмыцкаго устава въ 1822 г., когда значеніе ламайскаго духовенства удерживалось еще въ полной силѣ. Въ Зинзилинскомъ уложеніи есть цѣлыя главы (о духовныхъ и дѣлахъ вѣры) и ряды статей (3, 6 — 13, 15, 17, 18, 148 — 150), основанныхъ на системѣ такъ назыв. «запрещенныхъ заповѣдей», или обѣтовъ, какимъ обязаны посвящать себя буддисты — міряне и духовные. Объясненіе такихъ обѣтовъ, какъ и правилъ о вступленіи въ духовенство, его правахъ и пр., даютъ буддійскія каноническія книги[1]), относящіяся вообще къ числу главныхъ источниковъ новаго уложенія калмыковъ. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что Зинзилинское собраніе, стоявшее на почвѣ своего мѣстнаго каноническаго права, стремилось къ возстановленію чистоты буддійскихъ правилъ жизни, которымъ далеко не отвѣчала дѣйствительная жизнь калмыцкаго духовенства, какъ это видно изъ показаній современныхъ наблюдателей, рисующихъ вообще непригляднную картину отношеній ламайскаго духовенства къ міряна мъ, съ ихъ деморализующимъ вліяніемъ на послѣднихъ, любостяжательностью, вмѣшательствомъ въ мірскія дѣла и пр.[2]). Въ этомъ отношеніи Зинзилинское собраніе стояло на высотѣ своей задачи, имѣло въ виду поднять бытъ калмыцкихъ духовныхъ на уровень буддійскихъ идеаловъ. Отсюда цѣлый рядъ новыхъ статей, до значительной степени ограничивавшихъ права духов-

---

[1]) Наприм., переведенный г. Минаевымъ «Буддійскій служебникъ», извѣстный подъ именемъ «Пратимокша—Сутра».

[2]) Интересныя данныя о положеніи ламайскаго духовенства у калмыковъ и другихъ восточныхъ инородцевъ изложены въ трудахъ Палласа, Преосвящ. Нила, Бюлера и др.

ныхъ. Таковъ характеръ правилъ, изложенныхъ въ 12-й ст. объ имущественныхъ правахъ гелюнговъ (посвященныхъ, жрецовъ) и основанныхъ на буддійскомъ ученіи объ отреченіи «посвященныхъ» отъ всего мірскаго; таковъ же источникъ 17 и 18 статей, направленныхъ противъ вмѣшательства духовныхъ въ общественныя дѣла, — или 148—150 статей, основанныхъ на буддійскомъ ученіи объ обѣтахъ («запрещенныхъ заповѣдяхъ») касательно соблюденія постовъ, молитвъ, чтенія книгъ, воздержанія отъ убіенія животныхъ и пр.[1]).

Наконецъ, коренныиъ источникомъ Зинзилинскаго уложенія нужно считать *обычное право* калмыковъ. Зинзилиское собраніе нерѣдко ссылается въ своихъ постановленіяхъ на «обычай» (ст. 92), «обыкновеніе» (115), «обрядъ», иногда «калмыцкій обрядъ» (къ ст. 15, 45, 72, 92, 115, 143, 222), «правило» (ст. 222), «преданіе» (115), «права», иногда «родовыя права предковъ» (ст. 28, 45, 49, 65, 83, 92). Всѣ новыя правила, записанныя Зинзилинскимъ собраніемъ въ проэктировавшееся уложеніе калмыковъ, взяты изъ ихъ народныхъ обычаевъ. Таковъ источникъ постановленій объ откочевкахъ (ст. 37, 38, 118—121), о родовой барантѣ (ст. 45—48) и пр. Обычай баранты называется «калмыцкимъ правомъ» и производится, «какъ обрядами установлено». По 49-й статьѣ ближніе родичи наслѣдуютъ «по правамъ». Статьи о Ельчи (37, 57, 61, 96 и пр.) и Яргачеѣ (57, 58 и др.) трактуютъ о старинныхъ институтахъ калмыцкаго суда, извѣстныхъ еще уставу 1640 г., — Зинзилинское собраніе только болѣе отчетливо объясняетъ сущность этихъ институтовъ, какъ они сложились въ судебныхъ обычахъ калмыковъ. Изъ того же источника взяты всѣ новыя правила о процессѣ. По 83 статьѣ судъ Заргó рѣшаетъ дѣла «сообразно родовымъ правамъ»; наказанія и штрафы нерѣдко назначаются просто «по калмыцкому

---

[1]) Ср. «объясненіе праздниковъ» Бентковскаго, въ Сборн. статист. свѣд. о Ставроп. губ. VII, стр. 24.

обряду» (ст. 72 и 143). Таковъ же источникъ статей о вызовѣ въ судъ (61), дознапіи и слѣдствіи (68), исполненіи судебныхъ приговоровъ (97), слѣдѣ (106, 111) и пр. Правила о повиновеніи родоправителямъ (ст. 65, 115, 116) предписываютъ воздавать имъ «приличныя родовымъ преданіямъ и обыкновенію почести», какъ и вообще требуютъ отъ всѣхъ «держаться прославленнымъ правамъ родовымъ нашихъ предковъ, съ древнихъ временъ доднесъ существующимъ» (ст. 65). На Зинзилинскомъ собраніи записывались не только старые народные обычаи, о которыхъ едва есть намеки въ уставѣ 1640 г. (напр. обычай мѣны женъ, упоминающійся въ 157 ст. Зинз. пост.), но и современные обычаи, выработавшіеся въ жизни инородцевъ въ новое время и требовавшіе соотвѣтственныхъ измѣненій въ старомъ уставѣ. Обычаи послѣдняго рода напр. несомнѣнно легли въ основу новой системы тѣлесныхъ наказаній, введенныхъ Зинзилинскимъ собраніемъ: система эта практиковалась задолго до Зинзилинскаго собранія, — послѣднее лишь записало въ своемъ уложеніи обычаи, выработавшіеся въ практикѣ калмыцкихъ судовъ.

с) Зинзилинское уложеніе, въ томъ видѣ, какъ оно изложено во второй графѣ издаваемаго нами свода калмыцкихъ законовъ, стоитъ изъ 224-хъ статей. Но, во 1-хъ, въ составѣ уложенія недостаетъ вовсе одной статьи, именно 141-й, которая по видимому пропущена переписчикомъ[1]). Во 2-хъ, въ уложеніи насчитывается 61 лишнихъ статей, представляющихъ буквальное повтореніе статей, воспроизведенныхъ въ другихъ мѣстахъ[2]).

---

[1]) Счетъ статей въ уложеніи идетъ правильно до 140 статьи; слѣдующая за ней статья отмѣчена не 141, а 142, — затѣмъ счетъ статей идетъ правильно до самаго конца. Возможность пропуска въ этомъ мѣстѣ можно допустить уже въ виду того, что такіе же пропуски замѣтны въ 1-й графѣ и въ оглавленіи свода (пропущены 10 и 18 главы).

[2]) Именно: 32, 33, 66, 67, 79, 87, 89—91, 93, 94, 102, 103, 105, 109, 113, 114, 117, 122—125, 128 п. 2 и 3, 129, 134, 142, 143, 145, 155, 157, 162, 164, 171, 173—175, 183, 184, 190, 194, 196, 197, 199, 200, 202, 204—208, 210, 212—216, 218, 220, 223, 224.

Нѣкоторыя изъ такихъ статей повторяются три и четыре раза; напр., правило объ обнаженіи оружія противъ Владѣльцевъ буквально повторяется въ статьяхъ 21, 66, 205 и 220; правила о розысканіи перебѣжчиковъ — въ ст. 38, 89, 125 и 183; статья 51-я воспроизведена также под ст. 91, 103 и 155, какъ и ст. 19-я — подъ ст. 67 и 142 и пр. Всѣ эти повторенія — результатъ принятой въ сводѣ системы распредѣленія статей по отдѣльнымъ главамъ: постановленія сложныя, касавшіяся нѣсколькихъ предметовъ, буквально воспроизводились въ соотвѣтственныхъ главахъ. Такимъ образомъ, правило объ обнаженіи оружія противъ владѣльцевъ повторено въ 4-хъ главахъ — о владѣльцахъ, судѣ, безчестьяхъ и въ послѣдней главѣ — о разныхъ предметахъ. Точно также правило о перебѣжчикахъ воспроизведено въ слѣдующихъ главахъ: о владѣльцахъ, судѣ, благоустройствѣ и бѣглыхъ. Есть и такія повторенія, которыя трудно объяснить, — напр. статьи 50 и 51 воспроизведены два раза въ одной и той же главѣ о судѣ (первая подъ ст. 90 и 102, вторая подъ 91 и 103). За вычетомъ всѣхъ повторенныхъ статей оказывается, что Зинзилинское собраніе составило всего 162 новыхъ статей въ замѣнъ или дополненіе къ старому уставу.

d) Есть основанія заключать, что Зинзилинское уложеніе первоначально имѣло иную *редакцію*, отличную отъ той, какую оно получило въ издаваемомъ нами сборникѣ. Поводъ къ такому заключенію даютъ нѣкоторыя статьи уложенія, въ которыхъ есть ссылки па другія его правила и статьи, при чемъ между ссылкой и указываемой статьей не оказывается никакого соотвѣтствія. Подобную ссылку мы нашли въ 146 статьѣ Зинзилинскаго уложенія, предлагающей «съ трусливыми (въ бою съ непріятелемъ) поступать по силѣ *сею* уложенія (т. е. составленнаго собраніемъ 1822 г.) 83 пункта». Здѣсь разумѣется не 83 ст. стараго устава, но и не постановленіе Зинзилинскаго собранія, изложенное въ нашемъ сводѣ во второй графѣ подъ соотвѣтственнымъ номеромъ. Очевидно, здѣсь дѣ-

лается ссылка на какую-то иную статью уложенія[1]) и именно по первоначальной его редакціи, составленной Зинзилинскимъ собраніемъ и затѣмъ измѣненной Коммиссіей при составленіи ею нашего свода. Все это становится понятнымъ, если допустимъ, что Коммиссія, измѣняя систему распредѣленія статей Зинзилинскаго уложенія, не обратила вниманія на то, что соотвѣтственно съ такимъ измѣненнымъ распредѣленіемъ статей нужно было измѣнить и находящіяся въ нихъ ссылки одной статьи на другую. Въ нашемъ сводѣ, такимъ образомъ, остались старыя ссылки въ томъ самомъ видѣ, какъ они были сдѣланы при первомъ редактированіи уложенія Зинзилинскимъ собраніемъ, — подобныя ссылки, понятно, не подлежатъ никакой провѣркѣ въ нашемъ сводѣ, при переработанной въ немъ системѣ распредѣленія статей Зинзилинскаго уложенія.

Вопросъ о первоначальномъ составѣ Зинзилинскаго уложенія, до переработки его Коммиссіей, объясняется до нѣкоторой степени примѣчаніемъ къ 126-й статьѣ этого уложенія, (о призрѣніи бѣдныхъ). Здѣсь говорится о назначеніи штрафовъ по преступленіямъ на содержаніе бѣдныхъ, «какъ можно сіе видѣть» изъ такихъ-то параграфовъ (точно указанныхъ въ текстѣ) «перевода 1822 года», «добавочныхъ къ нему пунктовъ» и «прибавленій къ переводу». Значеніе «перевода 1822 г.» мы объяснили выше, въ отдѣлѣ о титулахъ, подъ какими упоминается Зинзилинское уложеніе въ изданномъ нами сводѣ. Въ данномъ случаѣ примѣчаніе къ 126 статьѣ дѣлаетъ ссылки на другія статьи того же уложенія; но мы напрасно стали бы провѣрять всѣ эти ссылки по уложенію, какъ оно изложено въ нашемъ сводѣ, — мы не найдемъ никакого соотвѣтствія между параграфами, перечисленными въ указанномъ примѣчаніи, и соотвѣтственными статьями уложенія. Ясное дѣло, что примѣчаніе къ 126 статьѣ имѣло въ виду иной составъ уложенія, отличный отъ состава, полу-

[1]) Ближе всего по содержанію подходитъ къ указанной ссылкѣ 19-я статья Зинз. уложенія по нашему своду.

ченнаго имъ въ переработанномъ сводѣ Комиссіи. Точно также, руководясь составомъ уложенія по этому своду, мы не найдемъ никакихъ объясненій, въ какомъ отношеніи къ «переводу 1822 г.» стояли «добавочные къ нему пункты» и «добавленія къ переводу». Изъ примѣчанія къ 126 статьѣ видно одно: въ этомъ мѣстѣ само Зинзилинское собраніе, перечисляя свои постановленія о назначеніи штрафовъ въ пользу бѣдныхъ, дѣлаетъ указаніе на составъ работъ, произведенныхъ собраніемъ по пересмотру и исправленію стараго калмыцкаго устава, — работъ, которыя и были изложены собраніемъ въ трехъ упомянутыхъ памятникахъ, взятыхъ затѣмъ Комиссіей калмыцкихъ дѣлъ въ основу составленнаго ею свода. Трудно сказать, въ чемъ разница и каково отношеніе между указанными тремя работами Зинзилинскаго собранія. Можно только догадываться, что подъ «переводомъ 1822 г.» («исправленнымъ», какъ добавляетъ заключеніе Комиссіи по 44 статьѣ) разумѣлась основная работа Зинзилинскаго собранія, въ которую входили статьи стараго устава, принятыя собраніемъ безъ всякихъ перемѣнъ, вмѣстѣ съ статьями, исправленными и дополненными собраніемъ. Въ «добавочныхъ къ переводу пунктахъ» могли быть изложены собраніемъ новыя статьи, составленныя имъ на основаніи народныхъ обычаевъ и другихъ источниковъ, о которыхъ не было рѣчи въ старомъ уставѣ. Наконецъ, «прибавленіи къ переводу» могли содержать въ себѣ правила, заявленныя на собраніи двумя владѣльцами и изложенныя въ 3-й графѣ нашего свода. Этимъ-то матеріаломъ и могла воспользоваться Комиссія калмыцкихъ дѣлъ при составленіи своего «Права мунгальскихъ и калмыцкихъ народовъ», сводя въ немъ упомянутые три памятника въ одно мѣсто (именно по тремъ параллельнымъ графамъ, введеннымъ въ составъ изданнаго Комиссіей «Права») и измѣнивъ по иной системѣ (именно по отдѣльнымъ главамъ) принятый въ работахъ собранія порядокъ изложенія отдѣльныхъ статей. Намъ неизвѣстна судьба подлинныхъ работъ Зинзилинскаго собранія, на которыя мы нашли указанія въ примѣчаніи къ 126 статьѣ

изданнаго нами сборника; вѣроятно, ихъ слѣды можно открыть въ дѣлахъ бывшей Коммиссіи калмыцкихъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ калмыцкаго управленія. — Въ заключеніи замѣтимъ, что указаннымъ обстоятельствомъ (т. е. переработкой уложенія, составленнаго Зинз. собраніемъ) объясняется и другая особенность, встрѣченная мной въ изданномъ мною сборникѣ: въ немъ нѣкоторыя постановленія Зинзилинскаго собранія помѣщены не во второй графѣ, какъ бы слѣдовало, а въ первой или третьей, т. е. отнесены къ составу стараго устава или къ мнѣніямъ двухъ членовъ[1]). Еслибы распредѣленіе статей по графамъ производило само собраніе, то свои собственныя рѣшенія оно не причислило бы ни къ старому уставу, ни къ мнѣніямъ двухъ владѣльцевъ; и наоборотъ — Коммиссія, составляя систематическій сводъ работъ Зинзилинскаго собранія, легко могла смѣшать отдѣльныя статьи и помѣстить ихъ въ ненадлежащихъ мѣста свода.

е) Кромѣ измѣненій въ старомъ уставѣ, указанныхъ нами въ первой главѣ, Зинзилинское собраніе ввело въ свое уложеніе рядъ новыхъ правилъ, взятыхъ изъ обычаевъ и другихъ источниковъ. Измѣненія статей стараго устава состояли, какъ мы видѣли, въ простыхъ редакціонныхъ поправкахъ[2]), въ сокращеніи[3]) или развитіи статей[4]) и наконецъ въ измѣненіи самыхъ институтовъ. Что касается новыхъ правилъ, выработанныхъ Зинзилинскимъ собраніемъ, то мы разсмотримъ ихъ содержаніе въ пятой главѣ настоящихъ примѣчаній; здѣсь же лишь замѣтимъ, что въ своихъ новыхъ правилахъ Зинзилин-

---

[1]) Мнѣнія двухъ членовъ по 2 и 3 пунтамъ главы о повинностяхъ изложенныя въ слѣдъ за 128 ст. Зинз. улож. составляютъ собственно повтореніе 41 и 42 ст. Зинз. уложенія, и потому неправильно помѣщены въ 3-й графѣ. Точно также подъ 190 ст. Зинз. уложенія неправильно внесена въ 1-ю графу вся вторая половина 3-го пункта главы о воровствѣ; здѣсь изложено новое правило собранія и повторены статьи 40 и 35.

[2]) Ср. напр. 60 ст. Зинз. улож. и 136 ст, стараго устава.

[3]) Ср. 132 ст. Зинз. улож. и 36 ст. стараго устава и пр.

[4]) Напр. 162 ст. развита въ 53—55 статьяхъ новаго уложенія.

ское собраніе дополняетъ постановленія стараго устава о сословіяхъ (духовенствѣ, владѣльцахъ, зайсангахъ и простолюдинахъ), отчасти о родовомъ нарядѣ и повинностяхъ, также объ отношеніяхъ права гражданскаго, уголовнаго и процесса. Особенно интересны правила, взятыя изъ народныхъ обычаевъ напр. объ «ойридахъ» (ст. 92, 222), о родоправителяхъ — ихъ правахъ и обязанностяхъ (24 — 28, 35, 40 — 42, 65, 115 и пр.), имущественныхъ правахъ супруговъ, насильныхъ бракахъ, (151, 152, 161), наслѣдованіи женщинъ и родовой барантѣ (45—48, 158, 163), усыновленіи и воспитаніи дѣтей (49—51, 127, 128). Точно также въ уголовномъ правѣ уложенія находимъ цѣлый рядъ новыхъ институтовъ. Кромѣ новой системы тѣлесныхъ наказаній, сюда относятся правила объ уголовномъ вмѣненіи, въ особенности о состояніи необходимой обороны (84, 107, 176 —178), также о явномъ грабежѣ, тайномъ воровствѣ, мошенничествѣ съ обманомъ и пр. (185—188). Наконецъ, уложеніе излагаетъ подробное ученіе о подсудности дѣлъ, обязанностяхъ судей и другихъ исполнительныхъ лицъ (Яргачея и Ельчи) и объ отдѣльныхъ процессуальныхъ дѣйствіяхъ — о вызовѣ въ судъ, дознаніи, допросѣ, обыскѣ, слѣдѣ, присягѣ, исполненіи приговоровъ и ихъ обжалованіи (57, 58, 61 и др.).

III.

Мнѣнія двухъ владѣльцевъ составляютъ третью часть «Права мунгальскихъ и калмыцкихъ народовъ, исправленнаго и дополненнаго въ Зинзилинскомъ собраніи». Всѣ такія «мнѣнія» (болѣе 100 статей) изложены въ видѣ отдѣльныхъ правилъ, служащихъ дополненіемъ или измѣненіемъ постановленій собранія калмыцкихъ родоправителей. Нѣкоторыя мнѣнія воспроизводятъ тѣже самыя правила, что и постановленія всего собранія, придавая послѣднимъ лишь болѣе точную редак-

цію[1]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда Зинзилинское собраніе измѣняло правила стараго устава, мнѣнія двухъ владѣльцевъ настаиваютъ нерѣдко на удержаніи послѣднихъ. Иногда вся цѣль мнѣній заключается въ разъясненіи сущности и деталей институтовъ стараго устава. Такимъ образомъ, имущественные штрафы (скотомъ) опредѣляются въ этомъ уставѣ по системѣ девятерицъ; но каковъ именно составъ послѣднихъ, уставъ не разъясняетъ, — разъясненіе такое дается мнѣніями двухъ владѣльцевъ, руководившихся въ этихъ случаяхъ старыми народными обычаями. Таково напр. разъясненіе состава штрафа 9×9 въ мнѣніи по 1-й статьѣ Зинзилинскаго уложенія: здѣсь точно опредѣляется, сколько и какого рода скотъ отчисляется въ составъ упомянутаго штрафа. Наконецъ, два владѣльца въ своихъ мнѣніяхъ дополняютъ правила Зинзилинскаго собранія указаніемъ на старые обычаи, — напр., по 4-й статьѣ объ обязанностяхъ хурульныхъ владѣльцевъ, по 13-й статьѣ о безбрачіи духовныхъ и пр. Подобныя дополненія нерѣдко также указываютъ на новыя правила, напр. о невмѣшательствѣ духовныхъ въ свѣтскія дѣла (ст. 4), о смѣстныхъ судахъ (ст. 34) и пр. Указанныя добавленія излагаются не только по отдѣльнымъ статьямъ Зинзилинскихъ постановленій, но и въ видѣ самостоятельныхъ добавочныхъ правилъ къ цѣлымъ главамъ, безъ всякаго отношенія къ статьямъ уложенія[2]).

Изъ сказаннаго видно, что правила, предложенныя двумя калмыцкими владѣльцами на Зинзилинскомъ собраніи, нельзя назвать собственно «особыми мнѣніями», въ которыхъ бы высказывалась рознь воззрѣній, разногласіе въ средѣ членовъ собранія.

---

[1]) Такъ, мнѣніе по 6-й статьѣ Зинз. уложенія болѣе точно констатируетъ, въ чемъ именно состоитъ нарушеніе «запрещенныхъ заповѣдей»; самая же сущность правила осталась безъ всякой перемѣны.

[2]) Такія самостоятельныя добавленія изложены: въ 17—19 пунктахъ главы о духовныхъ; 3, 5 и 6 п. главы о гражд. благоустр.; 1 — 3 п. гл. о повинностяхъ; 1 — 7 п. гл. о подводахъ и пр. Изъ мнѣній двухъ владѣльцевъ составлена отдѣльная глава — о играхъ и пиршествахъ.

По всему видно, авторы «мнѣній», изложенныхъ въ 3-й графѣ нашего свода, являлись въ собраніи знатоками обычнаго права калмыковъ, вносили изъ него въ проэктировавшееся уложеніе нѣкоторыя детали народныхъ обычаевъ, давали разъясненія и дополненія къ положеніямъ, развитымъ ойратскимъ уставомъ и уложеніемъ Зинзилинскаго собранія. Это были прежде всего сторонники стараго «калмыцкаго обряда», хотя въ тоже время они стояли и за новые порядки, именно тамъ, гдѣ эти порядки вызывались современными потребностями народа (напр. въ дѣлѣ устраненія духовенства отъ вмѣшательства въ свѣтскія дѣла мірянъ и пр.).

IV.

Заключенія Коммиссіи калмыцкихъ дѣлъ составляютъ четвертый отдѣлъ издаваемаго нами сборника. Коммиссія давала свои заключенія по отдѣльнымъ статьямъ стараго устава и Зинзилинскихъ постановленій, и притомъ въ смыслѣ утвердительномъ или отрицательномъ («оставить въ своей силѣ», «утвердить», «допустить», — «отмѣнить», «поступить по общимъ узаконеніямъ», «уголовный» и пр.). По нѣкоторымъ статьямъ изложены также мотивированныя резолюціи, съ изложеніемъ новыхъ правилъ, замѣняющихъ статьи стараго устава или Зинзилинскихъ постановленій (ст. 3, 29, 53 и пр.).

Нужно впрочемъ замѣтить, что заключенія Коммиссіи нерѣдко страдаютъ большими недостатками, въ особенности поражаютъ явными противорѣчіями, что было результатомъ не совсѣмъ удовлетворительной системы изложенія параллельныхъ статей по отдѣльнымъ графамъ сборника. Многія статьи Зинзилинскаго уложенія изложены въ нашемъ сводѣ отдѣльно отъ соотвѣтственныхъ статей стараго устава и потому имѣютъ характеръ новыхъ правилъ, тогда какъ на дѣлѣ они только нѣсколько измѣняютъ или дополняютъ старый уставъ. Та

34-я статья Зинз. постановленій (о потравѣ мѣста, назначеннаго для кочевья владѣльцевъ) изложена въ значеніи новаго правила, самостоятельно выработаннаго Зинзилинскимъ собраніемъ; между тѣмъ, статья эта составлена лишь въ замѣну 37-й статьи устава 1640 г., и потому она должна бы стоять параллельно съ послѣдней статьей, которая однакожъ въ сборникѣ помѣщена въ другомъ мѣстѣ (см. ст. 167 п. 6). Такихъ параллельныхъ статей, изложенныхъ въ разныхъ мѣстахъ сборника, наберется до 20-ти[1]). Заключенія Коммиссіи по такимъ статьямъ по большей части противорѣчатъ одно другому, — Коммиссія нерѣдко утверждала и новое правило Зинзилинскаго собранія, и отмѣненную имъ статью стараго устава. Такъ поступила Коммиссія, напр., съ 34-й статьей Зинз. уложенія, составленной въ отмѣну 37 статьи стараго устава: Коммиссія утвердила старый и новый законы. Точно также утверждены 39 ст. Зинз. улож. и отмѣненная ею 24 ст. стараго устава, помѣщенная въ нашемъ сборникѣ не параллельно съ первой статьей, какъ бы слѣдовало, но въ другомъ мѣстѣ (см. ст. 129 Зинз. пост.). Ср. также резолюцію Коммиссіи по 211 ст. Зинз. улож. и по 99 ст. стараго устава, помѣщенной въ нашемъ сборникѣ — въ главѣ о безчестіяхъ (п. 2.).

Особенной же путаницей отличаются заключенія Коммиссіи по такимъ статьямъ, которыя буквально повторяются въ нѣсколькихъ мѣстахъ сборника. Статья 38-я Зинз. улож. (объ откочевкахъ) отмѣчена резолюціей — «допустить»; но таже самая статья воспроизведена подъ № 183, но уже съ отрицательной резолюціей — «подъ общій законъ». Второе мнѣніе 2-хъ владѣльцевъ по 40 статьѣ Зинз. улож. («по спорному о воровствѣ дѣлу» и пр.) утверждено Коммиссіей безъ всякаго

---

[1]) Именно: ст. 39 Зинз. улож. = 24 ст. стараго устава; ст. 49—51 = 52—53 — ст. 52 = 45 — ст. 55 = 162 — ст. 70 = 109 — ст. 73 = 165 и 166 — ст. 76 = 87 и 88 — ст. 77 = 121 — ст. 78 = 156 — ст. 81 = 100 — ст. 85 = 103 — ст. 100 = 123 — ст. 106 = 89 — ст. 133 = 30 — ст. 159 и 160 = 92 — ст. 211 = 99.

измѣненія, а по 20 пункту 199 статьи (гдѣ повторено тоже самое мнѣніе) дана иная резолюція, значительно измѣняющая правило, выраженное въ упомянутомъ мнѣніи 2-хъ владѣльцевъ. Статья 132 Зинз. улож. (о ночлегѣ проѣзжихъ), составленная въ отмѣну 36-й статьи стараго устава, утверждена коммиссіей съ отмѣной послѣдней статьи; но таже 36 статья стараго устава приведена въ другомъ мѣстѣ (см. ст. 157 п. 11), съ иной резолюціей Коммиссіи: «оставить въ своей силѣ». По 133 статьѣ Зинз. улож. дана резолюція — «утверждается», а по 210 ст. (составляющей буквальное повтореніе 133 ст.).— «статью древняго уложенія утвердить, а мнѣніе, въ Зинзилинѣ состоявшееся (т. е. туже 133-ю статью), уничтожить». Ср. также резолюціи Коммиссіи по 159 и 218 статьямъ Зинзил. уложенія, воспроизводящимъ одно и тоже правило.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что если собраніе калмыцкихъ родоправителей и духовенства, дополняя и исправляя старые племенные законы калмыковъ, отнеслось съ полнымъ вниманіемъ къ дѣлу и вообще стояло на высотѣ своей задачи, то далеко не то можно сказать о характерѣ работъ Коммиссіи калмыцкихъ дѣлъ. Противорѣчія и другіе недостатки, замѣчаемые въ заключеніяхъ Коммиссіи, указываютъ вообще на поспѣшность и неудовлетворительность ея работъ, не представлявшихъ вполнѣ разработаннаго матеріала для окончательнаго составленія проэкта калмыцкаго уложенія. Быть можетъ, всѣ эти недостатки работъ Коммиссіи и были въ числѣ причинъ, почему не доведенъ былъ до конца опытъ кодификаціи калмыцкаго права въ 20-хъ годахъ. Неуспѣху такого опыта могло содѣйствовать также и то направленіе, какое приняла Коммиссія въ своихъ работахъ по пересмотру и исправленію калмыцкихъ законовъ. Какъ видно изъ заключеній Коммиссіи, послѣдняя вступила на несвоевременный, если не совсѣмъ ложный, путь «руссификаціи» [1]), ломки и переработки «въ русскомъ духѣ

[1]) Весьма здравыя мысли по вопросу о «руссификаціи» нашихъ кочевыхъ инородцевъ изложены въ запискѣ къ «Мотивированной временной инструкціи уѣзднымъ начальникамъ Тургайской области», составленной ...

калмыцкихъ установленій и обычаевъ, такъ бережно сохраненныхъ Зинзилинскимъ собраніемъ. Такое направленіе работъ Коммиссіи проглядываетъ въ цѣломъ рядѣ ея заключеній, отмѣнявшихъ наиболѣе характерные въ національномъ отношеніи институты калмыцкаго права. Кромѣ законовъ военныхъ, уголовныхъ и судебныхъ, Коммиссія предполагала также отмѣнить правила Зинз. собранія о такихъ обычно правовыхъ институтахъ калмыковъ, какъ баранта, наслѣдованіе усыновленныхъ, выкупъ жены и дѣтей (при оставленіи усыновителя усыновленнымъ), мѣна женъ и пр., съ замѣной племенныхъ институтовъ калмыковъ чуждыми институтами по русскому праву (см. ст. 45—49, 111 п. 8, 154 п. 6, 156 и пр.).

V.

«Право мунгальскихъ и калмыцкихъ народовъ» въ переработкѣ 20-хъ годовъ значительно разнится отъ устава 1640 г., не только бо́льшей полнотой и разработкой содержанія, но внѣшнимъ своимъ составомъ, отличающимся опредѣленной систематизаціей и порядкомъ изложенія отдѣльныхъ статей. Весь сборникъ раздѣляется на 28 главъ, каждая съ особымъ титуломъ; при чемъ главы сгруппированы въ пять большихъ отдѣловъ, именно: право лицъ (изъ 3-хъ главъ), о судѣ (изъ -хъ гл.), о внутреннемъ благоустройствѣ въ народѣ (изъ 7 гл.), о военныхъ установленіяхъ (изъ 1 гл.), и дѣлахъ, относящихся до вѣры (изъ 16 гл.). Нужно впрочемъ замѣтить, что группированіе главъ по отдѣламъ строго выдержано только въ первой половинѣ сборника: къ послѣднему (пятому) отдѣлу относится собственно только 13-я глава, — всѣ послѣду-

---

...ымъ военнымъ губернаторомъ этой области, ген.-май. Гейнсомъ (въ 1878 г.). Авторъ изложилъ въ своей запискѣ рядъ интересныхъ наблюденій, между прочимъ, надъ правовымъ и хозяйственнымъ бытомъ киргизовъ.

ющія главы не имѣютъ никакой внутренней связи съ титуломъ («о дѣлахъ вѣры») послѣдняго отдѣла, къ составу котораго редакторы сборника причислили эти главы.

Что касается распредѣленія самыхъ главъ, то не видно, чтобы въ его основу было положено общее начало дѣленія законовъ на государственные, гражданскіе, уголовные и пр. Дѣло въ томъ, что Зинзилинское уложеніе по своему содержанію отличается такимъ же уголовно-процессуальнымъ характеромъ, какъ и уставъ 1640 г.: во всѣхъ главахъ уложенія большинство статей относится къ уголовному праву и процессу. Отношеніемъ этихъ-то правилъ уголовно-процессуальныхъ къ положительнымъ законамъ, опредѣляющимъ общественныя и частноправныя отношенія, какъ кажется, скорѣе всего можно опредѣлить систему изложенія отдѣльныхъ главъ въ нашемъ сборникѣ. Дѣйствительно, въ этомъ отношеніи сборникъ распадается на двѣ различныя половины: въ первыхъ 20-ти главахъ законы уголовные и судебные изложены совмѣстно съ соотвѣтственными опредѣлительными законами — о сословіяхъ, управленіи, повинностяхъ, семейныхъ отношеніяхъ и пр.; во второй же половинѣ сборника (главы 21—28) выдѣлены исключительно законы уголовные — объ убійствѣ, грабежѣ, разбоѣ и пр., при чемъ въ соотвѣтственныхъ главахъ повторяются уголовныя статьи, воспроизведенныя въ первой половинѣ сборника.

Въ составѣ первой половины сборника можно выдѣлить также двѣ различныя части. Въ первыхъ 13-ти главахъ излагаются постановленія объ общественныхъ отношеніяхъ — сословіяхъ, родоправителяхъ, судѣ, повинностяхъ и пр., тогда какъ въ послѣдующихъ шести главахъ (14—19) рѣчь идетъ объ отношеніяхъ, касающихся семейной и промысловой жизни отдѣльныхъ лицъ[1]). Такимъ образомъ, по своему содержа-

[1]) Глава 20-я о дѣлахъ врачебныхъ обнимаетъ только двѣ ст. устава 1640 г. и потому собственно не входитъ въ счетъ главъ Зинз. ул. Въ 3-й главѣ изложены правила «о родителяхъ, дѣтяхъ и родственникахъ

Зинзилинское уложеніе раздѣляется на три отдѣла: a) уголовно-процессуальныя и опредѣлительныя правила объ отношеніяхъ общественныхъ, b) такія же правила объ отношеніяхъ частноправныхъ и c) исключительно уголовные законы о преступленіяхъ личныхъ и имущественныхъ. Мы разсмотримъ содержаніе Зинз. улож. сравнительно съ уставомъ 1640 г. по слѣдующимъ четыремъ отдѣламъ: объ общественномъ бытѣ, частноправномъ бытѣ, уголовномъ правѣ и процессѣ.

А. Общественный бытъ. Въ уставѣ 1640 г. и Зинзилинскомъ уложеніи констатированы всѣ существенныя черты, характеризующія общественный бытъ народовъ «родовой культуры». Въ обоихъ памятникахъ мы находимъ указанія на главнѣйшія формы *родовыхъ союзовъ*, со всѣми типическими ихъ признаками и свойствами, и прежде всего *кочевымъ и военно-дружиннымъ строемъ*, придававшимъ родовымъ союзамъ характеръ бродячихъ ордъ и дружинъ, занятыхъ добываніемъ военной добычи, скотоводствомъ и охотой. Военно-кочевая, хищническая организація родовъ осложнялась *теократизмомъ*, развившимся въ формѣ жреческихъ буддійскихъ общинъ. На той же почвѣ родоваго хищничества развилась своеобразная *сословная организація*, строго-дисциплинированный внутренній *нарядъ* и хищническія формы *экономическаго быта* кочевыхъ родовъ и племенъ. Въ порядкѣ всѣхъ этихъ вопросовъ мы и разсмотримъ общественый бытъ калмыковъ, какъ онъ обрисовывается въ ихъ уставахъ 1640 и 1822 годовъ.

1. *Формы родовыхъ союзовъ.* Общественный бытъ монгольскихъ племенъ изстари основывался на физіологическихъ началахъ кровнаго происхожденія отъ общихъ предковъ. Тѣже

т. е. о такихъ отношеніяхъ, которыя, при родовомъ бытѣ калмыковъ, имѣли важное общественное, а не одно частноправное значеніе. Этимъ можно объяснить, почему редакторы сборника помѣстили означенныя правила въ отдѣлѣ не о частно-правныхъ, но общественныхъ отношеніяхъ, именно отнесли ихъ къ ученію «о правѣ лицъ» по различію сословнаго, служебнаго и родоваго ихъ значенія въ общественныхъ союзахъ.

самыя начала лежали въ основѣ общественной организаціи родовыхъ союзовъ ойратовъ XVII вѣка и доселѣ удерживаются безъ существенныхъ измѣненій въ быту современныхъ калмыковъ. Уставъ 1640 г. и Зинзилинское уложеніе указываютъ на существованіе у калмыковъ довольно сложной градаціи родовыхъ союзовъ, образовавшихся у нихъ съ незапамятныхъ временъ и доселѣ еще до значительной степени сохранившихъ свои первобытныя формы. Къ такимъ союзамъ принадлежатъ: хотонъ, десятокъ, сорока, сотня, аймакъ, отокъ и улусъ. Въ эпоху стараго ойратства существовали, кромѣ того, сложныя родовыя федераціи — племена (тангачи, нутукъ), подъ которыми разумѣлись союзы нѣсколькихъ родственныхъ улусовъ, и «оронъ» — федераціи нѣсколькихъ союзныхъ племенъ. Зинзил. уложеніе знаетъ только первичныя формы улусныхъ союзовъ,— нутукъ и оронъ потеряли въ его время старый политическій характеръ. Различіе между исчисленными родовыми союзами высказывается въ бо́льшей или меньшей близости или дальности степеней кровнаго родства, лежащаго въ основѣ всѣхъ этихъ союзовъ. Близость родовыхъ связей характеризуетъ главнымъ образомъ хотонъ и ближайшіе за нимъ союзы; но затѣмъ связи эти болѣе и болѣе сглаживаются съ каждой дальнѣйшей ступенью, занимаемою союзомъ въ родовой лѣстницѣ. На послѣднихъ ступеняхъ племенныхъ союзовъ (нутукъ и оронъ) родство сохраняется лишь путемъ родословныхъ преданій, — родовое сознаніе племенъ и ойратскихъ союзовъ (оронъ) поддерживалось единствомъ другихъ бытовыхъ интересовъ — хищничества и самообороны отъ внѣшнихъ враговъ.

Хотонъ (Chotton, Chottun) — первичный родовой союзъ, изъ котораго затѣмъ образовались всѣ послѣдующія сложныя формы родовой жизни калмыковъ. Уставъ 1640 г. говоритъ о хотонѣ, какъ институтѣ, общемъ для всѣхъ монгольскихъ племенъ, принадлежавшихъ къ ойратскому союзу (см. ст. 2 по списку Палласа), — въ уставѣ есть указанія на составныя части хотона (кибитки), на личныя и имущественныя отношенія родичей, принадлежавшихъ къ хотону, и пр. Зин-

зилинское уложеніе, кромѣ того, разъясняетъ основныя начала хотоннаго устройства, выражающіяся въ родовой порукѣ и зависимости хотонныхъ частей (кибитокъ) безъ права откочевки (см. ст. 18 п. 18 и 19, ст. 37, 73, 119—121, 196). Вообще говоря, въ обоихъ сборникахъ хотонъ трактуется, какъ изстаринный родовой союзъ, коренившійся въ народныхъ обычаяхъ. Нельзя опредѣлить съ полной достовѣрностію время образованія хотоннаго устройства у калмыковъ. Несомнѣнно лишь одно: хотонъ, по самому существу своему, представляетъ такой союзъ, съ котораго должна была начаться родовая организація старыхъ кочевниковъ, и потому изслѣдователи не безъ основанія полагаютъ, что въ хотонѣ нужно видѣть первый зародышъ и основаніе монгольскаго рода[1]). Какъ показываютъ наблюденія надъ современнымъ бытомъ различныхъ монгольскихъ племенъ, хотонное устройство сохраняется доселѣ въ народныхъ обычаяхъ, не только русскихъ калмыковъ, но и сибирскихъ монголо-бурятъ и китайскихъ монголовъ. Вмѣстѣ съ другими племенными институтами, калмыки перенесли съ собой въ русскія степи и свои старые хотоны, доселѣ удержавшіеся у нихъ безъ существенныхъ измѣненій[2]). Какъ видно изъ устава 1640 г., названіе «хотонъ» было общеупотребительнымъ у всѣхъ ойратскихъ племенъ; у монголовъ китайскихъ сохранилось также не менѣе древнее названіе хотона, извѣстнаго у нихъ подъ именемъ «уртб», «уртэ» или «ордо» и означающаго отдѣльное кочевье, стойбище, подвижное село изъ нѣсколькихъ юртъ, кочующихъ нераздѣльно съ своими стадами[3]). Такими же родовыми группами изъ нѣсколькихъ юртъ изстари живутъ сибирскіе монголо-буряты; каждая изъ

[1]) См. Палласа Samml. I, 190. Небольсина Очерки быта калм. Хошоут. улуса, въ Биб. для чт. 1852, CXIII, 31 и 61. Костенкова о калмыкахъ, 31, 32.

[2]) См. Тимковскаго Путеш. I, 20 и пр. Небольсина, въ Библ. 1852, № 5, стр. 31. Вентковскаго, въ Сборн. по Ставр. губ. I, 88.

[3]) «Ордо» означаетъ также отдѣльную ставку особенно родовыхъ вождей. См. Тимковскаго I, 20, 319; III, 311. Іакинѳа Зап. о монг. I, 188.

такихъ группъ, подобно калмыцкому хотону и уртō китайскихъ монголовъ, составляетъ союзъ нѣсколькихъ юртъ, въ своей совокупности образующихъ отдѣленіе бурятскаго улуса[1]).

Хотонъ имѣетъ значеніе группы нѣсколькихъ родственныхъ между собой семей (кибитокъ), кочующихъ вмѣстѣ на одномъ стойбищѣ съ общимъ степнымъ хозяйствомъ и происходящихъ одна отъ другой путемъ физическаго наростанія отдѣльныхъ поколѣній. Личный составъ хотона, какъ показываютъ по крайней мѣрѣ современные обычаи калмыковъ, опредѣляется 4-мя или 5-ю степенями кровнаго родства, сводящаго въ одну родовую группу лицъ, непосредственно происходящихъ другъ отъ друга (отъ прадѣда и до внуковъ включительно). Такимъ образомъ, у русскихъ калмыковъ «хотономъ называется купа близкихъ родственныхъ семей, сообща, нераздѣльно живущихъ въ данной мѣстности. Эту купу родственниковъ составляли прадѣдъ, дѣдъ и отецъ съ сыновьями и внуками»[2]). По Зинзилинскому уложенію, хотонъ составляетъ кочевое «сельцо» изъ нѣсколькихъ родственныхъ семействъ (кибитокъ), которыя «вмѣстѣ должны находиться» (ст. 119—121). Такой же составъ близкихъ родичей характеризуетъ и уртō китайскихъ монголовъ, у которыхъ родственныя семьи рѣдко живутъ отдѣльно, но всегда имѣютъ свои кочевья неразлучно съ цѣлымъ родовымъ союзомъ[3]).

Главную составную часть хотона составляетъ *юрта* или *кибитка* (по монг. Gärr — гэръ или гыръ)[4]). По словамъ Пржевальскаго, «универсальное жилище монгола составляетъ войлочная юрта (гыръ), которая одна и таже во всѣхъ за-

[1]) См. Щапова Бурят. улусн. родов. община, въ Изв. Сибир. отд. Имп. Геогр. Общ. 1875, № 3—4, стр. 129.

[2]) См. Небольсина Очерки, въ Библ. 1852, № 5. стр. 31.

[3]) См. Тимковскаго Путеш. III, 311.

[4]) По Палласу русская кибитка происходитъ отъ калм. Kybit, означающей небольшую подвижную лавочку. См. Pallas Saml. I, 112, 174, 1: Ср. Тимковскаго Пут. I, 20. Іакинѳа Зап. I, 171, 188.

улкахъ его родины»[1]). Таже самая юрта составляетъ доселѣ обычное жилье и у русскихъ калмыковъ. «Нынѣшніе калмыки живутъ до сихъ поръ неизмѣнно въ такихъ же кибиткахъ, или, какъ ихъ выразительно называлъ Несторъ, вѣжахъ, въ какихъ живали когда-то Гунны, Авары, Печенѣги, Половцы, Мадьяры и Монголы, но нѣтъ сомнѣнія, живутъ при той же бытовой обстановкѣ и теперь сохранившіеся ихъ потомки въ средней Азіи»[2]). Въ уставѣ 1640 г. и Зизилинскомъ уложеніи кибитка упоминается въ двухъ различныхъ значеніяхъ: въ смыслѣ *жилаго помѣщенія*, войлочной юрты (Filzhütte, Wohnung), которую можно «вытащить» или «разломать», какъ и всякую другую вещь (см. уст. 1640 г. по рус. тексту — 85, 116,—по Палл. 74, 104; Зинз. улож. гл. VII, 1,—ст. 217), и въ смыслѣ обыкновенной *семьи*, живущей въ отдѣльномъ помѣщеніи, кибиткѣ (уст. 1640 г. ст. 13, 47, 166; Зинз. улож. 37, 73, 120 и пр.)[3]). Нѣсколько такихъ кибитокъ или юртъ, кочующихъ нераздѣльно на данной мѣстности, и составляетъ то, что называется у калмыковъ хотономъ[4]). Связью,

---

[1]) См. Пржевальскаго Монголія, I, 34.

[2]) См. Бентковскаго, одна изъ причинъ, задерживающихъ развитіе коннозаводства и пр., въ Сборн. стат. свѣд. по Ставр. губ., I, 114. — Древность монгольскаго обычая жить въ подвижныхъ, войлочныхъ юртахъ видна изъ одной древней Зюнгарской пѣсни, приписываемой преданіемъ женѣ монгольскаго (Усуньскаго) хана Гуньмо (за 107 лѣтъ до Рожд. Христ.), въ которой говорится, что этотъ ханъ «живетъ въ бѣдной хижинѣ, обтянутой войлоками, — пища его — мясо, питье его — молоко» (см. Іакинѳа Описаніе Чжуньгаріи, I, 46). Здѣсь наглядно изложена общая формула монгольскаго кочеваго быта. Въ такихъ же юртахъ жили племенные вожди монголовъ въ эпоху Чингисова ханства. Изъ показаній Рюисбрука видно, что въ половинѣ XIII в. (въ 1255 г.) ханъ Мынгэ принималъ пословъ Людовика IX въ своей юртѣ, посреди которой горѣлъ на очагѣ (какъ и у теперешнихъ калмыковъ) коровій навозъ съ терновымъ кустарникомъ и полынью (см. Voyages en Asie, par Bergeron, I, 71).

[3]) У бурятъ юрта также означаетъ жилье и семью, какъ составную часть бурятскаго улуса. См. Щапова Бурят. улусн. община, 129.

[4]) Впрочемъ, у теперешнихъ калмыковъ не всегда собраніе кибитокъ въ одномъ мѣстѣ составляетъ хотонъ. Такъ, собраніе близь владѣльческой

сводящею юрты въ одинъ хотонъ, считается кровное родство принадлежащихъ къ нему лицъ и семей и общее ихъ хозяйство, ведущееся съобща, цѣлымъ союзомъ родичей.

Въ составѣ хотона различается «большая кибитка» (старѣйшая, родительская) отъ кибитокъ сыновей и другихъ дальнѣйшихъ родичей, принадлежащихъ къ хотону.

Большая кибитка составляетъ средоточіе хотона и называется Oergö (Ordo), эрге или урга (куря, курень). Это главная юрта, гдѣ держится общее огнище (курень) и хозяйство хотона. Въ древности подъ ордо и урга разумѣлось жилое помѣщеніе, становище старшихъ родовыхъ вождей. И теперь главное становище (Hoflager) родовыхъ вождей называется ордо или эрге (см. Зинз. улож. ст. 95; ср. уставъ 1640 г. по тексту Палласа — 15, 17, 32 и пр.). Затѣмъ и каждый хотонъ имѣетъ свой общій курень или Oergö, какъ средоточіе цѣлаго союза. Остальныя хотонныя кибитки, не имѣющія самостоятельнаго огнища, не относятся къ куренямъ, но носятъ особыя названія — Chascha или хошъ. Курень служитъ жильемъ старшихъ членовъ хотона — отца или вообще хотоннаго старѣйшины; остальные члены, особенно взрослыя дочери, семейные сыновья и другіе дальніе родичи располагаются въ отдѣльныхъ хошахъ[1]).

Первичный видъ хотона представляетъ одиноко-кочующая юрта (семья). Каждая такая юрта имѣетъ, по монгольскому обычаю, одного «воина», т. е. мужа съ женой и дѣтьми, такъ что среднимъ числомъ въ каждой юртѣ числится по 4—5 душъ[2]).

ставки кибитокъ, сидящихъ на одномъ мѣстѣ и занятыхъ уходомъ за коровами, не есть еще хотонъ; здѣсь названіе другое — «цагаръ», т. е. приближенные или дворня. См. Небольсина Очерки, въ Библ. для чт. 1852, № 5 стр. 62.

[1]) О значеніи хотоннаго куреня и хоша см. Палласа Samml. I, 112 174—175, 190. Тимковскаго Пут. I, 4, 20. Іакинфа Зап. I, 171, 188. Небольсина Очерки, въ Библ. для чт. 1852, № 5, стр. 61. Бентковскаго Жилище и пища калмыковъ, въ Сборн. стат. свѣд. по Ставроп. губ. I, 89.

[2]) Тимковскаго Пут. III, 296. Небольсина, 61.

Обыковенно же хотонъ имѣетъ сложный составъ, чтó зависитъ отъ общаго обычая кочевниковъ — жить на общемъ стойбищѣ или кочевьѣ, посемейно, въ особыхъ юртахъ. Такимъ образомъ, у калмыковъ по издавна заведеннымъ обычаямъ «отецъ съ женатыми сыновьями никогда не живетъ въ одной кибиткѣ, какъ бы бѣденъ онъ ни былъ. Каждый женатый сынъ имѣетъ отдѣльную кибитку, въ которую онъ первый разъ входитъ въ день свадьбы. Отецъ взрослой дочери тоже старается дать ей особую кибитку, въ которой она до замужства живетъ съ подростающими сестрами, если ихъ имѣетъ, или съ тѣми подругами, которыя бѣднѣе ея. Сыновья — подростки и холостяки, находясь всегда въ отлучкѣ при пастьбѣ скота, не очень нуждаются въ особомъ помѣщеніи и даже зимою укроются гдѣ нибудь и какъ попало... Холостые сыновья богатыхъ калмыковъ, которые сами не выпасываютъ скота, а только наблюдаютъ за хозяйствомъ, тоже имѣютъ отдѣльную кибитку, называемую хошъ, въ отличіе отъ кибитокъ семейныхъ, и въ особенности отъ родительской или большой, т. е. старшей, такъ называющейся въ знакъ уваженія къ старшимъ въ семействѣ»[1]). Такихъ отдѣльныхъ кибитокъ въ хотонѣ можетъ накопиться отъ 2-хъ и 3-хъ до нѣсколькихъ десятковъ[2]).

---

[1]) См. Бентковскаго Жилище и пр., въ Сборн. по Ставр. губ. 1, 88 — 89. — Тѣже обычаи находятъ наблюдатели у китайскихъ монголовъ. У нихъ до брака или до возраста сыновья и дочери обыкновенно живутъ вмѣстѣ съ родителями. Если въ семьѣ, кромѣ законной жены, еще есть наложницы, какъ это доселѣ въ обычаѣ у китайскихъ монголовъ и отчасти у калмыковъ, то они живутъ вмѣстѣ въ юртѣ мужа. Въ случаѣ женитьбы, новобрачный получаетъ отъ отца особую юрту (гэръ или хошъ); тогда онъ называется уже «гэртэ», т. е. домовитый или хозяинъ. Сыновья и по женитьбѣ имѣютъ кочевья свои неразлучно съ отцомъ семейства, сколько то дозволяетъ пространство пастбищъ, необходимыхъ для скотоводства. См. Тимковскаго Пут. III, 311. Пржевальскаго Монголія I, 48.

[2]) См. Небольсина Очерки, въ Биб. для чт. 1852, № 5, стр. 62. Тимковскій, путешествуя по Монголіи въ 20-хъ годахъ, имѣлъ случай видѣть отдѣльно кочевавшіе урто или хотоны до 20-ти и даже до 50-ти юртъ въ каждомъ (см. Тимковскаго Путеш. I, 319).

Самый составъ кибитокъ и распредѣленіе ихъ въ хотонѣ опредѣляются изстаринными родовыми обычаями. У современныхъ калмыковъ кибитки сыновей и другихъ членовъ хотона обыкновенно располагаются близь отцовской кибитки, по обычной формѣ, одинаково соблюдающейся у всѣхъ среднеазіатскихъ кочевниковъ. По калмыцкимъ обычаямъ кибитки разставляются такъ, что изъ нихъ образуется болѣе или менѣе правильный кругъ. Средину хотона занимаетъ кибитка родительская, а отъ нея уже, въ обѣ стороны, полукружіемъ, ставятся кибитки остальной семьи. При этомъ «наблюдается порядокъ старшинства по рожденію и родству, такъ какъ и дальніе обѣднѣвшіе калмыки не отдѣляются отъ своего родственнаго хотона. Позади первой линіи становится второй рядъ кибитокъ, принадлежащихъ бѣднякамъ или вообще прислугѣ. Словомъ, въ разстановкѣ кибитокъ строго соблюдается родовой порядокъ, отъ котораго ни въ какомъ случаѣ не отступаютъ» [1]. Весь этотъ кругъ кибитокъ замыкается въ промежуткахъ между крайними кибитками изгородью, съ общимъ входомъ для всѣхъ кибитокъ. Образуемый такимъ образомъ дворъ служитъ загономъ для скота и временнымъ стойбищемъ для степняковъ-калмыковъ до слѣдующей перекочевки на новыя стойбища. Эта-то группа кибитокъ съ дворомъ и со всѣмъ въ немъ находящимся и есть то, что калмыки называютъ хотономъ. Подобныя же группы родственныхъ семей кочуютъ по сосѣдству новыми хотонами и въ своей совокупности образуютъ нерѣдко обширную сѣть родовыхъ союзовъ, комбинирующихся въ цѣлые ряды племенныхъ федерацій — десятковъ, сорока и пр [2]).

---

[1]) См. Бентковскаго Жилище и пр., въ Сборн. стат. свѣд. по Ставроп. губ. I, 88—89.

[2]) См. Палласа Saml· I, 112—114, 119. Небольсина Очерки, въ Библ. для чт. 1852, № 5, стр. 62. — Таковъ же составъ хотоновъ у монголо-бурятъ. Мы приведемъ ихъ описаніе изъ статьи Щапова о «бурятской улусной родовой общинѣ». «Каждый улусъ обыкновенно состоитъ изъ нѣсколькихъ невысокихъ жердяныхъ загородей, представляющихъ большею частію видъ круга или эллипсиса. Въ каждой такой загороди одна, двѣ, три и болѣе юртъ

Такое внѣшнее устройство удерживаетъ хотонъ при всякихъ передвиженіяхъ на новыя мѣста кочевья. Семьи одного хотона кочуютъ нераздѣльно, держась общихъ стойбищъ и общаго пастьбища для своихъ табуновъ и скота. Большая кибитка (т. е отцовская, а если отецъ умеръ, то кибитка матери) служитъ средоточіемъ хотона; въ ней живетъ хотонный старшина, производятся всѣ домашнія работы, хранятся общіе припасы и другіе предметы хотоннаго хозяйства. Здѣсь же имѣетъ мѣсто общій очагъ или огнище (курень) и общій «котелъ», изъ котораго довольствуются пищею всѣ семьи хотона, какъ бы ни былъ великъ ихъ численный составъ[1]). Хотонное

съ разными пристройками . . . Въ одной изъ этихъ юртъ живетъ старшій въ семьѣ бурятъ, старикъ со старухой, иногда съ какими нибудь сиротами—сродственниками. Въ другой, рядомъ стоящей юртѣ живетъ сынъ этого старика съ своей женой и съ своими дѣтьми. Если у старика есть еще женатые сыновья, то и они живутъ въ особыхъ юртахъ, но все въ одной и той же общей загороди, по обѣ стороны юрты отца . . . Далѣе, рядомъ, вблизи, въ другой подобной загороди живутъ ближайшіе родственники главы первой группы юртъ, напр. его братья съ своими семьями, съ своимъ единокровнымъ родомъ, — и тутъ опять, въ одной общей загороди, по срединѣ стоитъ юрта старшаго въ родѣ, по бокамъ же стоятъ юрты его сыновей. Дальше, въ болѣе отдаленныхъ загородахъ живутъ болѣе отдаленные родственники и называются уже сосѣдями. Такимъ образомъ, улусная родовая община, по мѣрѣ взаимнаго отдаленія или развѣтвленія родовыхъ линій, все болѣе и болѣе развѣтвляется, распадается на особыя отдѣльныя загороди или группы юртъ. Наконецъ, наиболѣе отдаленные сродичи обособляются въ особый улусъ; и повторяютъ туже организацію. тотъ же строй улусной родовой общины. Вся же группа подобныхъ, большею частію сосѣднихъ, близколежащихъ другъ къ другу улусовъ, въ общей совокупности, все-таки представляетъ одинъ родъ, одну родовую общину, объособляясь только, въ видѣ особыхъ геологическихъ вѣтвей, въ болѣе близкія улусныя родовыя общины, такъ же какъ эти улусныя родовыя общины подраздѣляются на общины семейныя» (см. Изв. Сибир. отдѣла Имп. Геогр. Общ. 1875. № 3 и 4, стр. 129).

[1]) См. Бентковскаго Жилище и пр., въ Сборн. стат. свѣд. по Староп. губ. I, 89. Небольсина Очерки, въ Библ. для чт. 1852, № 5. стр. 61. Іакинѳа Зап. о Монг. I, 171.—И у бурятъ все общее въ ихъ хотонахъ, всѣ работаютъ съобща и имѣютъ общую пищу, какъ одна семья. См. Щапова цитиров. статью, 129.

огнище (курень) имѣло особенное значеніе въ обиходѣ кочевниковъ. Огнище было символомъ родоваго наряда и потому считалось неприкосновеннымъ для посторонняго[1]). По ойратскому уставу 1640 г. кто воткнетъ дерево въ мѣсто кибитки, гдѣ устроено огнище (im Bezirk des Feuerplatzes, по списку Палласа), тотъ подлежитъ штрафу, ибо «этимъ вторгается во власть» хозяина кибитки (рус. 117, Палл. 105)[2]). По этимъ-то общимъ огнищамъ и котламъ обычай изстари устанавлялъ, какъ будетъ сказано ниже, административно-военный составъ ойратскихъ союзовъ, — бóльшее или меньшее число хотонныхъ куреней составляло родовыя отдѣленія — десятки, сорока, сотни, отоки и пр.

Личный составъ хотона опредѣляется строгими родовыми началами. Родовая іерархія и старшинство высказываются, какъ выше замѣчено, во внѣшнемъ строѣ хотона, въ распредѣленіи его кибитокъ на мѣстахъ кочевья; тѣмъ болѣе іерархическое начало родоваго старшинства должно было отражаться въ личномъ составѣ хотона[3]). Во главѣ хотоновъ стоятъ

[1]) Но здѣсь имѣли также значеніе религіозныя воззрѣнія стараго шаманства, удержавшіяся у калмыковъ-буддистовъ до позднѣйшаго времени.

[2]) Тоже правило удержано безъ измѣненія въ Зинзилинскомъ уложеніи (ст. 217 п. 3). Кромѣ огнища, въ старину у монголовъ считался неприкосновеннымъ также порогъ главнаго куреня или ставки. По «великой Ясѣ» XIII в. предается смерти тотъ, кто ступалъ ногой на порогъ ставки воевод» (Березина Очеркъ внутр устр. Джуч. улуса, 33). Да и вообще всякая ставка съ общимъ огнищемъ считалась въ старину какъ бы святыней. По свидѣтельству Плано-Карпини, у старыхъ монголовъ казнили того, кто мочился въ ставкѣ, если не заплатитъ шаману за ея очищеніе; Чингисовъ уставъ грозитъ тѣмъ же наказаніемъ тому, кто мочится въ воду или пепелъ (см. мое соч. «Древн. монг.-калм. уставъ, 191). Нѣчто подобное находимъ въ ойратскомъ уставѣ 1640 г., освобождающемъ отъ взысканія за оскверненіе чужаго жилья лишь въ томъ случаѣ, если оно сдѣлано въ пьяномъ видѣ или по нуждѣ (см. ст. рус. 65, Палл. 56). Въ Зинз. уложеніи это правило отмѣнено (ст. 221 п. 22).

[3]) У среднеазіатскихъ монголовъ родство имѣетъ значеніе только по мужскимъ линіямъ. Родство съ женской стороны вовсе не принимается въ разсчетъ, напр., въ дѣлѣ браковъ: дѣти отъ родныхъ брата и сестры могутъ свободно вступать въ бракъ, какъ и двѣ сестры могутъ идти за одного муж

старшіе родичи — дѣдъ или отецъ, глава старѣйшей семьи, отъ которой происходятъ всѣ остальные члены хотона. Семья старѣйшая живетъ въ «большой кибиткѣ», является главнымъ представителемъ хотона. Его нарядомъ заправляетъ хозяинъ (ага) — старецъ, старѣйшина, хотонный старшина (Chottuni Acha, Dorfälteste, хозяинъ кибитки, — см. уставъ 1640 г. по списку Палл. 140, 157; Зинз. улож. 120)[1]). Старшина— полный хозяинъ и распорядитель хотона; остальные члены относятся къ нему съ безусловнымъ повиновеніемъ[2]). Хотонный ага завѣдываетъ въ особенности скотоводствомъ и всѣмъ степнымъ хозяйствомъ хотона; онъ наряжаетъ на работы взрослыхъ членовъ хотона, разбираетъ споры между ними и пр.[3]). Въ отношеніи къ остальному персоналу хотона его глава имѣетъ значеніе патріархальнаго родовладыки, владѣвшаго челядью на правахъ господина. Въ такой зависимости находится *жена* и даже *жены съ наложницами*[4]). Такимъ образомъ, жена, из-

---

и пр. Но родство въ мужскомъ колѣнѣ столь важно, что въ самыхъ отдаленныхъ степеняхъ онаго бракъ недозволителенъ, если женихъ и невѣста принадлежатъ къ одному роду, ясу (см. Тимковскаго Пут. III, 311—312).

¹) См. Палласа Saml. I, 191. Небольсина Очерки, въ Биб. для чт. 1852, № 5, стр. 31.

²) Точно также у среднеазіатскихъ монголовъ строго развито безусловное повиновеніе родоначальникамъ. Старшіе члены монгольскихъ родовъ, въ особенности старики, пользуются большимъ уваженіемъ; совѣты и даже приказанія ихъ всегда свято исполняются. Обычай запрещаетъ произносить самое имя старшихъ, въ особенности отца и матери. (См. Тимковск. III, 340. Пржевальск. I, 50, 57).

³) На самостоятельный хотонный судъ калмыковъ даетъ указаніе уставъ 1640 г. (въ перев. Палласа): «Nahe Verwandte können sich untereinander nicht verklagen; ja wenn sich auch Geschwisterkinder untereinander bestehlen, die mögen sich selbst vergleichen» (Палл. ст. 128).

⁴) Уставъ 1640 г. указываетъ на то, что въ его время у калмыковъ допускалось многоженство: «ежели *за однимъ мужемъ будучи двѣ жены* одна другую убьетъ до смерти» и пр. (ст. 44). Статья эта отмѣнена Зинзил. уложеніемъ (см. ст. 157 п. 12). Въ переводѣ Палласа есть намекъ и на наложницъ (Палл. 38 и 145).

гоняемая мужемъ, выкупается у послѣдняго тѣмъ, кто ее возьметъ къ себѣ (см. уст. 1640 г. Палл. 113); есть и други случаи выкупа женъ (см. рус. уст. 1640 г. ст. 52, 146; ср. 66 и 67). И въ другихъ отношеніяхъ хотонное устройство калмыковъ не признаетъ равноправія въ отношеніяхъ семейныхъ: убійство жены (впрочемъ покинутой) приравнивается уставомъ 1640 г. къ убійству раба (ст. 43). Тѣмъ не менѣе женскій персоналъ въ хотонахъ не безправенъ, — мать въ отношеніи къ другимъ членамъ семьи пользуется большимъ значеніемъ. Она напр. одинаково съ отцомъ вліяетъ на бракъ дѣтей (рус. уставъ 1640 г. ст. 146), а въ домашнемъ нарядѣ хотона является самостоятельной хозяйкой. Степные обычаи предоставляютъ все внутреннее хозяйство въ хотонахъ женщинамъ и невольникамъ. Старшая жена хотоннаго главы считается обыкновенно главной хозяйкой «родительской кибитки», — обычай освобождаетъ ее отъ управленія кибиткой лишь въ старости, когда завѣдываніе хотоннымъ хозяйствомъ переходитъ обыкновенно къ старшей снохѣ[1]). Вообще у калмыковъ женщина всегда играла въ домашнемъ обиходѣ роль главной рабочей и производительной силы, выносившей на своихъ плечахъ всѣ заботы и труды кочеваго хозяйства. «Замужняя калмычка, въ семействѣ своемъ, полная хозяйка дома и затѣмъ все, что прямо къ ней не относится, лежитъ на обязанности мужа. Но обстановка кочевой жизни такова, что бо́льшая часть домашнихъ хлопотъ выпала на долю женщины. Приготовленіе пищи, молочныхъ скоповъ и напитковъ, многихъ принадлежностей одежды и жилища, уходъ за дѣтьми и ихъ воспитаніе, ежедневно озабочиваютъ трудолюбивую калмычку. Въ такихъ занятіяхъ она проводитъ круглый годъ и всю жизнь, если не дождется женитьбы сына. Тогда только всѣ домашніе хлопоты переходятъ на сноху»[2]).

[1]) См. Небольсина Очерки, въ Библ. для чт. 1852, № 5, стр. 61.

[2]) См. Бентковскаго Женщина-калмычка, въ Сборн. статист. свѣд. о Ставроп. губ. III, 97. Тѣже явленія наблюдаются у сибирскихъ монгол. бурятъ и китайскихъ монголовъ. По словамъ Щапова, жена, взятая изъ

Низшую, служебную челядь хотона составляютъ *дѣти* и *дальнѣйшіе родичи* (племянники, невѣстки, внучата и пр.). Отношенія ихъ къ старшимъ членамъ хотона опредѣлялись у калмыковъ самымъ закономъ: рядомъ съ признаніемъ дисциплинарной власти отца и другихъ старшихъ родичей, въ уставѣ 1640 г. и Зинз. уложеніи есть статьи, ограждающія также личныя права дѣтей въ отношеніи къ отцу, невѣстки къ свекру и пр. (рус. уст. 1640 г. 39—41; ср. Зинз. уложеніе 43, 44, — см. ниже гражданское право). Родовое же старшинство лежало въ основѣ взаимныхъ отношеній дѣтей и другихъ младшихъ членовъ хотона; таковъ, напр., перевѣсъ старшаго сына въ дѣлѣ наслѣдованія и пр. (Зинз. уложеніе 163 п. 4)[1]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда личный составъ хотона изсякалъ и онъ ограничивался одной бездѣтной семьей, выступали на первый планъ интересы поддержанія рода, вызывав-

---

жаго, дальняго рода, является въ бурятскомъ хотонѣ «настоящею рабынею, работницею». Она все въ юртѣ дѣлаетъ — и коровъ или кобылъ доитъ, и шубы и турсуки берестенные шьетъ, и войлоки вываливаетъ и пр. (См. Изв. Сиб. отд. 1875, № 3 и 4 стр. 139). По древнему монгольскому праву изъ числа женъ одна всегда считалась старшей гл. обр. по времени брака, но иногда старшинство давалось женѣ по знатности ея рода (см. мое соч. Древ. монг.-калм. уставъ, 194—195). Точно также у китайскихъ монголовъ доселѣ допускается имѣть нѣсколько женъ, или лучше — одну законную жену и нѣсколько наложницъ, живущихъ вмѣстѣ съ первой. Законная жена считается старшей и управляетъ всѣмъ хозяйствомъ. Монголка, находясь въ полномъ подчиненіи мужу, подобно калмычкѣ, весь вѣкъ проводитъ въ юртѣ, занимаясь уходомъ за дѣтьми и различными работами по хозяйству (Пржевальскаго Монг. I, 49; ср. Тимковскаго Путеш. III, 319).

[1]) Тѣже начала родоваго старшинства имѣли силу еще въ древнемъ монгольскомъ правѣ. По «великой ясѣ» XIII в. «старшинство дѣтей разсматривается соотвѣтственно степени ихъ матери»; не было различія между дѣтьми, прижитыми отъ законной жены и наложницы,—различіе выражалось лишь въ томъ, что старшій въ родѣ пользовался и большими правами (напр. по наслѣдованію) сравнительно съ младшими (см. мое соч. монг. калм. уставъ 194—195). Различіе между дѣтьми наложницы и законной жены появилось у средне-азіатскихъ монголовъ лишь со времени изданія нынѣ дѣйствующаго у нихъ уложенія (см. Іакинѳа Зап. IV, 232. Пржевальскаго Монг. I, 49).

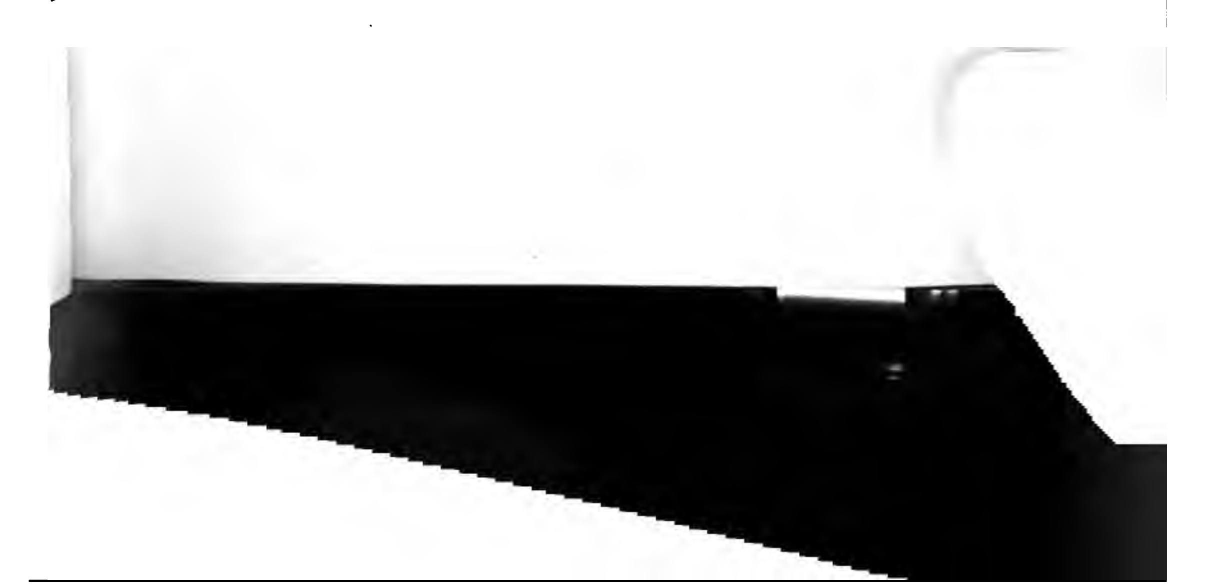
въ видахъ скопленія добычи, какъ главнаго предмета кочеваго хозяйства. Хищническій элементъ исчезаетъ лишь въ домашнемъ обыходѣ, внутри хотонныхъ кибитокъ, — сюда не вмѣшивался хищникъ-кочевникъ, проводившій всю жизнь въ степи, у табуна, на охотѣ или въ хищническихъ набѣгахъ. Въ кибиткѣ господствуетъ, какъ мы знаемъ, женское хозяйство. Все, что ни пріобрѣтается кочевникомъ, въ видѣ ли военной добычи или другимъ путемъ (охоты и пр.), все это входитъ въ общую массу хотоннаго хозяйства. Ниже, когда будемъ говорить объ имущественныхъ отношеніяхъ, мы увидимъ, что у калмыковъ изстари господствовали родовыя, или лучше сказать, зародышевыя формы вещнаго права. Имущественная общность, господствовавшая между членами хотона, не давала мѣста индивидуальной собственности[1]). Оттого-то между членами общаго огнища и котла не имѣли мѣста и имущественныя правонарушенія; понятно отсюда, почему уставъ 1640 г. не подвергаетъ взысканію взятіе или просто кражу вещей у близкихъ родныхъ, даже у родныхъ по матери (ст. 147), — правило, отмѣненное лишь при пересмотрѣ калмыцкихъ законовъ Коммиссіей калмыцкихъ дѣлъ (см. Зинз. улож. ст. 195 п. 13). На этой-же почвѣ родовыхъ отношеній держится еще доселѣ у калмыковъ институтъ семейной баранты, формированный впервые Зинзилинскимъ уложеніемъ на основаніи старыхъ народныхъ обычаевъ калмыковъ (Зинз. улож. ст. 45—48)[2]).

Хотонное устройство представляетъ и другую характерную черту родоваго быта: оно основывается на началахъ ро-

---

[1]) Тоже самое явленіе замѣчается у монголо-бурятъ. «Въ предѣлахъ единокровно-родовой общины чувство собственности не мыслимо. Не только между отцомъ и сыновьями въ одноулусной загороди, въ одномъ кругѣ единокровно-родственныхъ юртъ, все общее — и скотъ, и пастбы и утуги, и продовольствіе, но и во всей одноулусной группѣ юртъ дальнихъ сродичей еще мало своего, собственнаго, еще многое общее» . . . См. Щапова бурят. община, въ Изв. Сибир. отд. 1875, № 3 и 4 стр. 138.

[2]) См. ниже отдѣлъ о наслѣдованіи имущества. Ср. Небольсина Очерки въ Биб. для чт. 1852 № 6, стр. 129.



довой *солидарности*, *отвѣтственности* и *поруки*. Тѣсное родовое устройство быта калмыковъ проявляется въ цѣломъ рядѣ своеобразныхъ институтовъ, развитыхъ старымъ ойратскимъ уставомъ и Зинзилинскимъ уложеніемъ въ формѣ обязательнаго для однородцевъ призрѣнія бѣдныхъ, какъ и вообще взаимной помощи, въ особенности страждущимъ и погибающимъ (уст. 1640 г. ст. 81—86, 109, 144, 151—154; Зинз. улож. ст. 126, 220 п. 9, ст. 221 и пр.)[1]). Съ другой стороны, въ отношеніяхъ между членами хотона, какъ и вообще между однородцами, господствуетъ родовая повинность круговой поруки и отвѣтственности. На этомъ началѣ, какъ увидимъ, основано все ученіе стараго ойратскаго устава объ уголовномъ вмѣненіи. Наказаніе, извѣстное подъ именемъ «разоренія» (потокъ и грабежъ Рус. Правды), простирается не только на виновнаго, но и на всю его «фамилію» — жену, дѣтей и внучатъ (ст. 16); такая же отвѣтственность близкихъ родичей имѣла мѣсто и въ другихъ случаяхъ, особенно если виновный неизвѣстенъ или его не выдаютъ однородцы (см. ст. 53 и 58 по изд. Палласа; ср. также рус. изд. ст. 19, 41, 59, 80, 89, 122 и пр.). Въ силу того же начала родные убитаго, его ближніе, «наслѣдники», получаютъ за него плату (рус. 19, 44, 59 и пр.). Родовая порука не исчезаетъ и въ позднѣйшихъ калмыцкихъ уставахъ — въ законахъ Дербетовскаго улуса (см. уставъ 1640 г. по изданію Палласа, ст. 153) и въ Зинзилинскомъ уложеніи, дозволяющемъ «отдавать по цѣнѣ жену и дѣтей» и привлекать къ отвѣтственности другихъ однородцевъ, если на удовлетвореніе иска недостанетъ имущества вора (ст. 196).

Въ связи съ родовой солидарностію и порукой стоялъ другой институтъ родоваго быта средне-азіатскихъ кочевниковъ.

---

[1]) См. ниже объ общественныхъ повинностяхъ. Тѣже начала взаимной помощи въ нуждѣ, несчастіи, сиротствѣ и пр. лежатъ въ основѣ бурятской «улусной родовой общины» и ея отдѣленій. См. Щанова, 131.

— институтъ *родовой зависимости* (genti adscriptio), принадлежащей къ числу оригинальныхъ явленій кочеваго быта монгольскихъ племенъ[1]). Въ другомъ мѣстѣ мы указали на то, что genti adscriptio ойратскаго права монголовъ есть проявленіе одного изъ общихъ, дисциплинирующихъ началъ военно-родоваго порядка. «Роды—боевыя орды монгольскихъ хищниковъ, естественно, были заинтересованы въ томъ, чтобы ихъ личный составъ не убавлялся изгойствомъ ихъ членовъ изъ родоваго ойратства, — чтобы всегда была въ наличности и наготовѣ достаточная боевая и служебная сила въ лицѣ родовыхъ вождей—нарядниковъ и отдѣльныхъ дружинниковъ, по первому зову шедшихъ на защиту своего рода или отправлявшихся въ хищническое предпріятіе, въ видахъ добыванія для своихъ родовъ средствъ къ жизни (добычи)»[2]). По этому вопросу Зинзилинское уложеніе даетъ интересныя указанія. Оно запрещаетъ откочевки кибитокъ, цѣлыхъ хотоновъ и родовъ «для соблюденія цѣлости и благосостоянія калмыцкаго народа», въ особенности же мотивируетъ установленіе родовой зависимости необходимостью болѣе организованной и дѣйствительной защиты и охраны кочевниковъ родовымъ нарядомъ, вмѣстѣ съ сдержкой ихъ отъ «предосудительныхъ поступковъ». Зинзилинское уложеніе требуетъ, «дабы ни одна кибитка не откочевала и не смѣшивалась съ другимъ улусомъ по тому уваженію, что ежели кто отдѣлится, съ тѣми могутъ случиться непріятныя послѣдствія, какъ-то: откочевавшіе, соединясь съ родомъ другаго улуса, совсѣмъ для нихъ чуждымъ, могутъ имѣть близкую склонность къ воровству, особенно распутные, да и съ прочими, хотя бы и не свойственны къ тому были,

---

[1]) Сколько намъ извѣстно, genti adscriptio не было развито другими народами и составляетъ національную оригинальность права монголо-калмыцкаго. Римскому и древне-германскому праву, напр., этотъ институтъ вовсе не извѣстенъ. Терминъ «genti adscriptio» мы взяли по аналогіи съ средневѣковымъ glebae adsciptio.

[2]) См. мое соч. «Древн. монг.-калм. уставъ», 225.

можетъ случиться всякое неправильное притязаніе и какая нибудь неожиданная клевета; притомъ же въ случаѣ наряда въ государственную службу, удобное средство къ скорѣйшему сбору людей, когда всѣ будутъ жить соединенно» (ст. 119)[1]. Ради такихъ служебно-полицейскихъ цѣлей «гражданскаго благоустройства» (какъ гласитъ титулъ главы объ откочевкахъ) Зинзилинское собраніе удержало старый ойратскій институтъ genti adscriptio, санкционированный русской властію еще въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія[2]). Кромѣ того, запрещеніе откочевокъ изъ родовыхъ союзовъ зависѣло въ сильной степени отъ условій кочевой культуры старыхъ ойратовъ, — условій, не измѣнившихся и въ быту русскихъ калмыковъ. Какъ видно изъ устава 1640 г., каждый родовой союзъ, слагавшійся изъ большаго или меньшаго числа хотоновъ, въ территоріальномъ отношеніи обнималъ нѣсколько частей, кочевья которыхъ располагались въ сосѣднихъ мѣстахъ, — весь районъ, занятый такими кочевьями, входилъ въ составъ одного союза. Обычаемъ требовалось вообще, чтобы родовыя части соединялись пространственно, держали свои кочевья вблизи другъ друга[3]). Мало того: уставъ ойратскій и Зинзил. уложеніе предполагаютъ опредѣленную систему кочевья для каждаго союза, — разверстку между ними опредѣленныхъ мѣстъ для стойбищъ и путей передвиженія ихъ при выборѣ пастбища для своихъ стадъ и табуновъ. Оттого каждый союзъ имѣлъ право кочевать лишь на опредѣленныхъ для него мѣстахъ, — за перекочевку на чужое мѣсто штрафуется весь союзъ или же его часть, если она самовольно, «не послушавъ

[1]) Въ другой статьѣ (37) Зинзилинское собраніе указываетъ на то, что «откочевавшіе будутъ ограблены, или нападутъ на нихъ разбойники или непріятели и раззорятъ, или, напротивъ того, сами они соединятся въ сотоварищество съ ворами, грабителями, разбойниками, или *поступать будутъ предосудительно* всякому порядку, заслуживающему немаловажному суд...

[2]) См. мое соч. — «Древн. монг.-калм. уставъ», 256.

[3]) См. Палласа Saml I, 190.

го командующаго», отдѣлялась отъ своего рода и «примѣалась» къ другому (уст. 1640 г. ст. 165). Такія же вила развиты и въ Зинз. уложеніи. Запрещеніе откочевокъ распространяетъ не только на «роды», но и на отдѣльныя битки и хотоны. Такимъ образомъ, каждый хотонъ и каждая битка должны кочевать съ тѣмъ родомъ, «съ которымъ ѣстѣ должны находиться» (Зинз. улож. ст. 120); хотонъ и битка, «вышедшія изъ повиновенія и откочевавшія особо, единяются по принадлежности» къ своему роду; причемъ рафуются сами откочевавшіе и старшины тѣхъ родовъ, къ торымъ послѣдніе приписаны (тамъ-же, 37, 38, 73, 119—21). Отдѣляться отъ своего рода для кочевья въ другихъ ѣстахъ Зинзилинское уложеніе допускаетъ лишь по бѣдности, дною кибиткою и то не иначе, какъ съ разрѣшенія и «по иду» старшихъ родоправителей — зайсанговъ или владѣльца (тамъ же, ст. 35, п. 13)[1].

Родовая зависимость не придавала, впрочемъ, вполнѣ замкнутаго характера родовымъ союзамъ калмыковъ. Хотонное устройство допускало *выдѣленіе* челяди изъ семьи и хотона. По древнему закону ойратовъ (существовавшему до изданія устава 1640 г.), сынъ, достигшій зрѣлаго возраста, могъ отдѣлиться отъ отцовской семьи, съ выдѣломъ части стада, и образовать самостоятельный курень, «um unmittelbar des rechtmässigen Fürsten Unterthan zu sein»[2]). Послѣдняя цитата прямо указываетъ на политическій и именно финансовый мотивъ, лежавшій въ основѣ изложеннаго закона. Дѣло въ томъ, что у старыхъ монголовъ дани и повинности (военная и др.) распредѣлялись по числу самостоятельныхъ куре-

[1]) Кромѣ калмыковъ, родовая зависимость удержалась до послѣдняго времени также у китайскихъ монголовъ. Въ монгольскомъ уложеніи, составленномъ въ концѣ XVII в., изложенъ рядъ правилъ о перебѣжчикахъ, сходныхъ съ правилами ойратскаго устава 1640 г. Всякій, кто «долго жилъ» въ знамени (отдѣленіи аймака), не въ правѣ былъ его оставлять, подъ угрозою наказанія бѣглыхъ и ихъ передержателей. См. Іакинѳа Зап. о монг. IV, 230, 299 и слѣд.

[2]) См. мое соч. «Древ. монг.-калм. уставъ», 203.

ней и «котловъ», — увеличеніе послѣднихъ было въ прямомъ интересѣ монгольскихъ хановъ, поощрявшихъ поэтому своими законами дробленіе большихъ хотоновъ и выдѣленіе изъ нихъ самостоятельныхъ куреней. Не видно, чтобы въ эпоху ойратскаго устава 1640 г. запрещались подобныя же выдѣленія хотонныхъ частей; напротивъ, можно думать, что, не смотря на родовую зависимость, добровольное изгойство практиковалось ойратскими обычаями, лишь бы изгойныя части не выходили изъ состава тѣхъ аймаковъ и родовъ, къ которымъ были приписаны ихъ родительскіе хотоны. Путемъ такихъ выдѣленій роды естественно разростались въ своемъ количественномъ составѣ и потому «выдѣленія» вполнѣ совпадали съ родовыми интересами кочевниковъ. Тоже право свободнаго выдѣла предоставлялось пріемышамъ. По уставу 1640 г., если самъ пріемышъ хочетъ отойти, «въ томъ дается воля»; но онъ могъ взять съ собой только сыновей,—жена же и дочери его оставлялись у того, кто его женилъ (рус. 146; тоже и по Зинзил. улож. 156). По другой статьѣ пріемышъ при выдѣлѣ долженъ былъ выкупить жену и дѣтей, какъ и за воспитанницу увеличивался выкупъ, если она отходила къ природному отцу, по требованію послѣдняго (рус. 52, 146). Выкупъ семьи пріемыша отмѣнила Коммиссія калмыцкихъ дѣлъ,—жена и дѣти должны слѣдовать за нимъ (154, п. 6).

Съ другой стороны, родовое устройство калмыцкихъ хотоновъ вызывало въ извѣстныхъ случаяхъ также *подневольное изгойство*, именно если тотъ или другой челядинъ шелъ въ разрѣзъ съ родовыми интересами[1]). По уставу 1640 г. родовому изгойству могли подлежать старшіе родичи и челядь. Лишеніе семьи, т. е. иначе — изгойство изъ хотона, грозитъ явнымъ убійцамъ и татямъ (изобличеннымъ въ трехъ кражахъ), как и отцу, виновному въ убійствѣ сына (рус уст. 1640 г. ст. 41; Палл. ст. 58, 136). Такому же изгойству могла подл…

[1]) Преступникъ, изгнанный навсегда изъ своего рода, называется у калмыковъ «андынъ»—тоже, что изгой по древнему русскому праву. См. Вр. д. чт. 1852, № 6, стр. 132.

жать жена по односторонней волѣ мужа; въ такомъ случаѣ, какъ мы видѣли, послѣдній получалъ за нее выкупъ отъ того, кто принималъ ее къ себѣ (Палл. 113, Зинз. улож. 157 п. 10). Кто увозилъ жену другаго, послѣдній могъ получить въ замѣнъ жену «уводца» или выкупъ со стороны ея ближнихъ родичей; этотъ обычай мѣны женъ не отмѣнялся и Зинзил. собраніемъ — уничтоженіе его предположено было лишь Коммиссіей, переработавшей уложеніе Зинзилинскаго собранія (см. рус. уставъ 1640 г. ст. 146; Зинз. улож. 157). Далѣе, сынъ совершенно отдѣлялся отъ отцовской семьи, если поднималъ оружіе противъ родителей; за убійство ихъ онъ, кромѣ того, лишался собственной семьи (жены и дѣтей), т. е. становился полнымъ изгоемъ (рус. уст. 1640 г. ст. 41; Палл. 36). Еще меньше встрѣчало препятствій изгойство пріемышей: если пріемный отецъ не могъ терпѣть (nicht mehr leiden mag) пріемыша, то былъ въ правѣ выгнать его отъ себя безъ всего (голымъ, ganz kahl); право изгойства ограничивалось лишь въ отношении къ пріемной дочери,—ее запрещалось удалять по произволу воспитательницы (уст. 1640 г. по изд. Пал. ст. 127)[1]).

Наконецъ, калмыцкіе законы даютъ указанія на полный *раздѣлъ* и *распаденіе* хотоновъ. Уставъ 1640 г. допускаетъ даже возможность «разоренія» со «всей фамиліей», «съ дѣтьми и внучаты». Полное изгойство цѣлыхъ родовыхъ союзовъ являлось послѣдствіемъ нарушенія требованій ойратства, когда данный союзъ или его глава оказывался виновнымъ въ родовой измѣнѣ: «кто увидитъ приближеніе великаго непріятеля, или о томъ чрезъ кого увѣдаетъ, да другимъ не объявитъ, и его съ дѣтьми и со внучаты (т. е. цѣлымъ хотономъ) разорить и самаго его со всею фамиліею умертвить» (рус. 16), — а по списку Палласа — «dessen Haabe soll geplündert

[1]) Кромѣ преступленія, изгойство было результатомъ лишенія степнаго хозяйства. Байгуша (Baigutsch)—полный бѣднякъ, лишившійся скота; онъ выходилъ «изъ степи», т. е. изъ состава рода, шелъ на сторону въ работники и же отдавался въ невольники (Jassir). Какъ въ осѣдлой общинѣ лишеніе участія въ обладаніи общинной землей влекло изгойство, такъ и въ кочевомъ бытѣ лишеніе «стада» отзывалось для кочевника такимъ же результатомъ. Пал. Saml. I, 116. Бюлера въ Отеч. Зап. 1846, № 7, стр. 8; № 8, стр. 97.

und er *mit den seinigen* zum Sklaven gemacht werden» (ст. 13). Съ отдачей въ рабство и разореніемъ хотонъ выходилъ изъ общаго родоваго строя въ безправное состояніе изгойства,—явленіе, во многомъ аналогическое съ древнерусскими институтами изгойства, потока и грабежа. — Далѣе, хотонъ могъ распасться вслѣдствіе вымиранія хотонныхъ семей: по калмыцкому праву сироты вообще отдаются на попеченіе однородцамъ (Зинз. улож. 126). Наконецъ, распаденіе хотоновъ на самостоятельныя части являлось вообще естественнымъ результатомъ разростанія хотонныхъ семей. Случаи раздѣла хотоновъ могли имѣть мѣсто главнымъ образомъ въ большихъ союзахъ, когда съ смертію старшихъ родичей — нарядниковъ и съ разростаніемъ поколѣній утрачивалось живое сознаніе родоваго единства и отдѣльныя части союза, по своей численности, могли составить новые хотоны, обладавшіе достаточными личными силами и матеріальными средствами для устройства отдѣльныхъ куреней съ самостоятельныхъ хозяйствомъ. Раздѣлъ хотонныхъ семей — первый моментъ, съ котораго начиналось для расходившихся родичей дѣйствіе наслѣдственнаго права по родовымъ обычаямъ кочевниковъ. На этотъ-то моментъ и указываетъ 39 статья ойратскаго устава (по списку Палласа): «Ihr Väter! gebt euren Söhnen ihr Erbtheil nach Gebühr» (по рус. списку—«по обыкновенію»). При имущественной общности хотоновъ, единствѣ огнища, котла и хозяйства, въ нихъ не имѣло мѣста наслѣдственное право, по существу своему предполагающее индивидуализацію имущественнаго оборота, чего не было при родовомъ устройствѣ хотоновъ, — все ихъ имущество разсматривалось общей принадлежностью союзовъ. Имущественная общность прекращалась лишь въ моментъ распаденія хотона на части: между расходившимися родичами раздѣлялось все хотонное имущество по родовымъ «обыкновеніемъ», которыя будутъ разсмотрѣны ниже въ отдѣлѣ о наслѣдованіи имуществъ.

Хотонное устройство не исчерпываетъ всѣхъ формъ родоваго быта калмыковъ. Съ разростаніемъ и раздробленіемъ

первичныхъ хотоновъ на ихъ составныя части, образовавшія изъ себя съ теченіемъ времени новые хотоны, между ними не прекращались родовыя связи. Интересы взаимной помощи и самообороны сводили ихъ въ новыя, болѣе сложныя, родовыя федераціи. По ойратскому уставу 1640 г. и Зинзилинскому уложенію къ такимъ родовымъ федераціямъ относятся *аймаки* (или *цзисаи*) — союзы нѣсколькихъ хотоновъ, кочующихъ нераздѣльно на данной мѣстности и находящихся между собой въ близкихъ степеняхъ родства, т. е. происходящихъ отъ одного, общаго имъ всѣмъ, родоваго вождя, или старѣйшины хотона, отъ котораго разродился весь аймакъ[1]). Аймаки изстари встрѣчаются у всѣхъ монгольскихъ племенъ, хотя и не вездѣ съ одинаковымъ значеніемъ. Въ старину *аймань* (у восточныхъ монголовъ) и аймакъ (у западныхъ—зюнгарцевъ) соотвѣтствовали тангачи (племя, поколѣніе) калмыковъ; и теперь у китайскихъ монголовъ аймаки удерживаются въ значеніи калмыцкихъ улусовъ[2]).

Въ устройствѣ аймаковъ могло на первыхъ порахъ поддерживаться тоже самое родовое старѣйшинство между хотонами одного аймака, какое имѣло силу въ устройствѣ самихъ хотоновъ. Но затѣмъ, съ разростаніемъ и усложненіемъ аймаковъ, родовыя отношенія между ихъ частями могли сохраняться и поддерживаться лишь традиціоннымъ путемъ, безъ прежняго, живаго сознанія іерархическихъ связей и старѣйшинства ихъ происхожденія[3]). Уставъ 1640 г. не знаетъ никакихъ различій въ родовомъ старшинствѣ между частями аймаковъ и различаетъ ихъ только въ количественномъ отношеніи, говоря о большихъ и малыхъ аймакахъ (уст. по сп. Палл. 1 и 2).

---

[1]) См. Бентковскаго Жилище, въ Сборн. по Ставроп. губ. I, 93. Костенкова Ист. и стат. свѣд. о калм., 31.

[2]) См. Іакинѳа Зап. о монг. II, 129—132, 134, 162, 221. Подъ цзисами первоначально разумѣлись у калмыковъ небольшіе удѣлы, дававшіеся духовенству для его содержанія; но затѣмъ тоже наименованіе было перенесено и на аймаки. См. Костенкова ист. и стат. свѣд. о калмыкахъ, 31.

[3]) См. Небольсина Очерки. въ Биб. для чт. 1852, № 5, стр. 32.

Подобно хотону, аймакъ не имѣетъ опредѣленнаго числен-
наго состава, зависящаго отъ фактической численности аймач-
ныхъ родичей. Въ старое время аймаки вообще отличались
многочисленнымъ составомъ. Еще въ прошломъ вѣкѣ, по сви-
дѣтельству Палласа, калмыцкій аймакъ имѣлъ видъ значитель-
ной орды и состоялъ изъ 300 и болѣе куреней (Orkö, т. е.
собственно хотоновъ); у торгоутовъ встрѣчались аймаки до
1000 и больше кибитокъ[1]). Въ новое время составъ аймаков
значительно уменьшился. Глоссы къ русскому тексту устава
1640 г. уже 40 кибитокъ считаютъ аймакомъ (ст. 165).
Зинзилинское уложеніе различаетъ аймаки большіе, обнимающіе
больше 100 киб., и малые—ниже этой нормы (ст. 140).

Личный составъ аймака слагается изъ «сосѣдей», под
общемъ именемъ «людей аймашныхъ», т. е. членовъ родствен-
ныхъ между собой хотоновъ, кочевья которыхъ располагались
по сосѣдству, на смежныхъ стойбищахъ, однимъ аймакомъ, съ
общимъ, аймашнымъ нарядникомъ (Зинз. улож. 40, 42, 196)[2].
Родовой нарядъ въ аймакахъ имѣетъ наслѣдственный характеръ
и отправляется «командующими» изъ привиллегированнаго со-
словія зайсанговъ—старшими (въ большихъ аймакахъ) и млад-
шими (подъ общимъ именемъ шуленгъ — въ небольшихъ ай-
макахъ, см. уст. 1640 г. ст. 89, 165, 166,—Палл. 79, 109).
Въ Зинз. уложеніи есть указаніе на переходъ аймака отъ зай-
санга къ «ближайшему по немъ наслѣднику»—къ сыну, а если
его нѣтъ или онъ малолѣтенъ, то до возраста къ ближайшимъ
родственникамъ (Зинз. улож. 26, 37; см. ниже, отдѣлъ
родовомъ нарядѣ). Нарядъ аймашнаго зайсанга обнималъ судъ[3]

[1]) Палласа Saml. I, 190—191.

[2]) «Сосѣди» по 196-й статьѣ противополагаются «женѣ и дѣтямъ», т. е. членамъ хотона, и «однородцамъ»—членамъ одного отока (рода), и потому подъ сосѣдями нужно разумѣть именно «людей аймашныхъ», т. е. членовъ нѣсколькихъ хотоновъ по сосѣдству кочевавшихъ другъ возлѣ друга.

[3]) По 34 ст. и 10 Зинз. улож., калмыки одного аймака судятся своимъ зайсангомъ; если же въ дѣлѣ участвуютъ калмыки двухъ аймаковъ, то дѣло рѣшается совмѣстно ихъ зайсангами (смѣстный судъ).

сборъ податей и отправленіе другихъ общественныхъ повинностей (напр. по призрѣнію бѣдныхъ), нарядъ аймашныхъ на службу и общій полицейскій надзоръ — по откочевкамъ и пр. (Зинз. улож. 28, 42, 119, 127, 140 и пр.)

Связь аймашныхъ частей съ цѣлымъ союзомъ имѣетъ такой же зависимый характеръ, какъ и связь, существовавшая между кибитками одного хотона. По уставу 1640 г. самовольно никто не могъ уходить съ своимъ кочевьемъ изъ родоваго аймака и «примѣшиваться» къ другому роду. Уходившихъ изъ своего аймака уставъ предписываетъ возвращать назадъ и, какъ ослушниковъ, наказывать штрафами въ пользу ихъ старѣйшинъ. Въ этомъ случаѣ, въ составъ родовой поруки входила обязанность всего аймака и его старшинъ слѣдить, чтобы никто не откочевывалъ и не оставлялъ своего аймака; иначе штрафуются аймашные старшины и цѣлый аймакъ (рус. 165, 166; Палл. 140). Тѣже правила удержаны и Зинз. уложеніемъ, требовавшимъ подъ угрозою штрафа, чтобы «никто изъ среды улуса знатными частями, аймаками и родами, отнюдь не отдѣлялся»; мало того: уложеніе штрафуетъ даже того, «кто вздумаетъ просить незаконно, имянно безъ всякихъ заслугъ и отличій,—выбыть изъ аймаку своего зайсанга» (Зинз. уложеніе ст. 101 п. 12, ст. 119).

Аймашное устройство, подобно хотонному, основывается наконецъ на началѣ родовой поруки и солидарности. Принадлежать къ аймаку, какъ и ко всякому другому родовому союзу, значило находиться подъ его «защитой» (Schuz—по выраженію 140 ст. ойратскаго устава по списку Палласа) и вмѣстѣ съ тѣмъ нести съобща всѣ тяготы и повинности союзной жизни. Начало отвѣтственности и поруки по преступленіямъ констатируется, напр., 89-й статьей стараго устава о слѣдѣ: командующій аймакомъ долженъ отвести слѣдъ или выдать вора съ платежемъ штрафа «за слабое его смотрѣніе». И по Зинз. уложенію родовая порука имѣетъ мѣсто не только между ближайшими родичами одного хотона, но и касается также «со-

сѣдей» и «однородцевъ», т. е. проникаетъ въ устройство аймаковъ и отоковъ (Зинз. улож. ст. 196).

Въ свою очередь, нѣсколько аймаковъ, разросшихся изъ одного родоваго союза и имѣвшихъ общаго родоначальника, составляетъ по калмыцкимъ законамъ отдѣльную родовую единицу, подъ общимъ названіемъ *отока* (см. законы Галдана ст. 151—153, 157, 166,—Палл. 173; Зинз. ул. 65, 120)[1]. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что отокъ въ значеніи постояннаго родоваго союза появился у калмыковъ въ позднѣйшее время и первоначально входилъ лишь въ военно-дружинную организацію ойратскихъ племенъ. Уставъ 1640 г. вовсе не знаетъ ни отока, ни «рода», въ значеніи особой родовой федераціи

---

[1]) Глубокій знатокъ монгольской старины, Палласъ, описывая общественный бытъ монгольскихъ племенъ, различаетъ три родовые союзы, на которые дѣлились калмыки и другія ойратскія племена, — улусъ, аймакъ (съ его административными подраздѣленіями—десятками и пр.) и хотонъ. Отоки отнесены Палласомъ не къ родовой, но къ военной организаціи племенъ, въ значеніи военныхъ дружинъ (знаменъ), совокупность которыхъ и составляли въ военномъ отношеніи большую орду — улусъ (см. Saml. I, 190 и 221). Послѣдующіе изслѣдователи полагаютъ, что у калмыковъ изстари существовали отдѣльные союзы нѣсколькихъ аймаковъ подъ названіемъ «родъ» (анги) и что подъ отокомъ разумѣлась земля, занятая кочевьями одного рода. Такъ поставленъ вопросъ у Небольсина (Биб. для чт. CXIII, 32) и Костенкова (ист. и стат. свѣд. о калм., 31). Еще иначе разрѣшается данный вопросъ Бюлеромъ: по его словамъ, еще въ прошломъ столѣтіи у калмыковъ улусы дѣлились на отоки и лишь въ нынѣшнемъ столѣтіи стали въ дѣловыхъ бумагахъ замѣнять отокъ словомъ родъ (Отеч. Зап. 1846, № 7, стр. 21, прим. 4). Дѣло въ томъ, что воззрѣніе Палласа вполнѣ вѣрно въ отношеніи къ древнему времени. Подобно тому, какъ у восточныхъ монголовъ существовало дѣленіе на поколѣнія и ихъ части—аймаки и знамена — хошу (хошуны) или небольшіе удѣлы и роды (см. Іакинфа Зап. о монг. II, 131, 162), такъ и западныя ойратскія племена дѣлились на родовые союзы — улусы, аймаки и хотоны. Подобный порядокъ существовалъ у ойратовъ еще въ эпоху изданія устава 1640 г.; лишь послѣ него появилось дѣленіе улусовъ на постоянные родовые союзы — отоки, которые въ нынѣшнемъ столѣтіи, глав. об. съ Зинз. уложенія, стали называться родами, какъ это и констатируетъ Небольсинъ.

«Анги» (родъ) было общимъ названіемъ всякаго родоваго союза, начиная съ хотона и оканчивая федераціей цѣлыхъ племенъ (оронъ); самый терминъ «родъ» (Geschlecht) встрѣчается только въ указѣ конъ—тайши Галдана[1]). Въ значеніи родоваго союза, занимающаго средину между улусомъ и аймакомъ, родъ появляется впервые въ Зинз. уложеніи (см. ниже). Уставъ 1640 г. знаетъ лишь три родовыя градаціи въ составѣ союзныхъ племенъ: улусы, аймаки (большіе и малые) и хотоны. Объ отокѣ нѣтъ нигдѣ ни слова въ уставѣ; въ его время отокъ еще не входилъ въ общую систему родовыхъ союзовъ и встрѣчался лишь въ многолюдныхъ улусахъ въ формѣ большаго аймака[2]). Подъ послѣднимъ, очевидно, слѣдуетъ понимать институтъ, который въ законахъ Галдана является подъ специальнымъ титуломъ отока. Изъ 157 статьи указа Галдана видно, что и въ его время не вездѣ существовали отоки въ значеніи отдѣльныхъ родовыхъ союзовъ, — встрѣчались такія улусныя части, «которыя въ отокахъ еще не были»[3]), т. е. иначе говоря, были такія отдѣленія улусовъ, которыя въ родовомъ отношеніи прямо дѣлились на аймаки, безъ переходной градаціи отоковъ.

Дѣло въ томъ, что первоначально подъ отоками (знаменами, Ottok) разумѣлись исключительно военныя подраздѣленія ойратскихъ племенъ и улусовъ на малыя орды или дружины, съ числовыми дѣленіями на сотни, десятки и пр., въ составѣ которыхъ ойратскія орды, по своимъ военнымъ обычаямъ, предпринимали хищническіе набѣги, перекочевывали съ мѣста на

---

[1]) Именно въ 141 ст. (по изданію Палласа)—о судѣ по спорамъ между элётами и бухарскими монголами: «Wir wollen diesem nun mit uns verwandten *Geschlecht* (Chotton. Volk, städt. Bucharen) sein Recht als Verwandten wiederfahren lassen».

[2]) Въ такомъ смыслѣ говоритъ первая статья устава 1640 г. о хищническомъ нападеніи на «grossen Aimak oder ganzen Nutuk» а 2-я ст. — о нападеніи на «kleinen Aimak oder Chotton».

[3]) Ихъ велѣно «вновь раздать таможде по отокамъ». См. 157 ст. стараго устава.

мѣсто или скучивались для отраженія враговъ. Являясь въ «полѣ» въ роли хищниковъ, старые кочэвники соединялись по «родству», соотвѣтственно съ отдѣлами котораго дѣлились и ихъ боевыя дружины, группировавшіяся по знаменамъ (отокамъ) однородцевъ или лучше—одноулусниковъ. Это были временные, чисто военные союзы, въ которые могли входить разнородныя части улусовъ съ опредѣленнымъ численнымъ составомъ, безъ значенія самостоятельныхъ родовыхъ союзовъ. Лишь въ эпоху усилившихся въ XVII вѣкѣ между ойратскими племенами, кочевыхъ передвиженій и хищничества, могла явиться необходимость въ постоянной организаціи отоковъ, въ пріуроченіи къ нимъ административно—родоваго значенія, наравнѣ съ аймаками и другими родовыми «отдѣленіями» улусовъ. Въ общую систему родовыхъ союзовъ отоки вошли послѣ изданія ойратскаго устава 1640 г.; по крайней мѣрѣ законы Галдана трактуютъ объ отокахъ, какъ уже объ общемъ дѣленіи улусовъ съ опредѣленной функціей въ ряду другихъ родовыхъ градацій.

Въ законахъ Галдана отокъ приравнивается и даже часто смѣшивается съ аймакомъ (см. напр. ст. 166). Различіе между ними выражалось больше всего въ численномъ, военно-административномъ составѣ и роли отока, въ отличіе отъ исключительно родоваго характера аймака, не имѣвшаго строгаго дружиннаго строя. Первоначально во главѣ отоковъ могли стоять старѣйшіе по происхожденію аймаки, управлявшіеся древними родовыми вождями; въ военномъ отношеніи къ такимъ аймакамъ примыкали другіе, родственные союзы, составляя въ общей сложности одну дружину (знамя, отокъ). Позже, когда въ народномъ сознаніи стало утрачиваться начало старѣйшинства одного родоваго союза предъ другимъ, отоки окончательно вошли въ общую систему народныхъ дѣленій съ значеніемъ непосредственныхъ «отдѣленій», или родовыхъ частей улусовъ. На этой ступени развитія и является отокъ въ законахъ Галдана, какъ союзъ не только съ военно-дружиннымъ характеромъ, но и съ опредѣленной, адмистративно-родовой функціей.

приравнивавшей его къ аймаку и другимъ улуснымъ союзамъ. Ниже, въ отдѣлѣ о дружинномъ устройствѣ по калмыцкому праву, мы разсмотримъ военное значеніе отока; теперь же ограничимся замѣчаніемъ о немъ въ общемъ, административно-родовомъ отношеніи.

Отокъ представляетъ совокупность нѣсколькихъ родственныхъ аймаковъ, имѣвшихъ одного общаго родоначальника и подраздѣлявшихся по «куренямъ» на числовыя отдѣленія (сотни, сорока и десятки), которыя въ своей совокупности и составляли цѣлый отокъ. Отокъ означалъ собственно военно-административное отдѣленіе или часть улуса, дѣлившагося на «знамена» (отоки), т. е. небольшія родовыя орды, какими улусъ обыкновенно перекочевывалъ съ мѣста на мѣсто, выходилъ на войну и пр., — союзъ, имѣвшій свой постоянный родовой нарядъ и отправлявшій опредѣленную общественную функцію наравнѣ съ другими улусными частями[1]). Съ такимъ значеніемъ является отокъ въ законахъ Галдана (рус. 151—153, 157, 166; Палл. 137). Отокъ упоминается затѣмъ въ Зинзилинскомъ уложеніи, какъ «значительная часть улуса» (ст. 65); но самый терминъ «отокъ» употребленъ въ уложеніи всего лишь разъ[2]), — онъ вездѣ замѣняется словомъ «родъ» (по калм. анги). Въ значеніи стараго отока, родъ противополагается въ уложеніи то улусу и десятку (ст. 38), то аймаку (119), то сорока (120). По 119 статьѣ «аймаки и роды» одинаково называются «знатными частями улуса» и въ этомъ смыслѣ отличаются отъ меньшихъ его частей — десятковъ, сорока и пр.[3]). Какъ видно изъ наблюденій надъ современнымъ бытомъ русскихъ калмыковъ, у нихъ подъ родомъ до настоящаго вре-

---

[1]) См. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 7, стр. 21. Небольсина, въ Биб. для чт. 1852, CXIII, 32. Костенкова о калм. 31.

[2]) Отокъ упоминается, кромѣ того, въ 120 статьѣ; но, какъ замѣчено нами въ примѣчаніи къ этой статьѣ, контекстъ статьи указываетъ здѣсь не на отокъ, но хотонъ. См. выше стр. 71.

[3]) Но въ Зинз. уложеніи подъ родомъ разумѣется нерѣдко и вообще родовой союзъ — улусъ, отокъ, аймакъ и пр. См. напр. ст. 92, 118 и ор.

мени разумѣется часть улуса, слагающаяся изъ нѣсколькихъ родственныхъ аймаковъ, — наименованіе «отокъ» удержалось за землей, занимаемой кочевьями одного рода отдѣльно отъ чужеродцевъ[1]).

Выше замѣчено, что «сосѣдями» назывались люди аймашные, т. е. члены родственныхъ хотоновъ, кочевавшихъ по сосѣдству, на смежныхъ стойбищахъ, однимъ аймакомъ. Въ отличіе отъ аймака, отокъ или позднѣйшій родъ слагается изъ *однородцевъ*[2]), соединенныхъ одинаковымъ кровнымъ происхожденіемъ и подчиненныхъ общему родовому наряду. Подобно аймаку, отокъ управляется старѣйшиной изъ сословія зайсанговъ. Между зайсангами оточными и аймашными не было въ общемъ, іерархическомъ смыслѣ никакихъ реальныхъ отношеній власти и подчиненія, — тѣ и другіе непосредственно подчинялись военно-административному наряду своихъ улусныхъ вождей («владѣльцевъ», нойоновъ). Во главѣ отока стоялъ «старѣйшій» зайсангъ — глава старѣйшаго или же болѣе сильнаго въ данное время, родоваго аймака, подобно тому, какъ и въ родовой градаціи улусовъ, изъ какихъ состояло цѣлое племя, стоялъ во главѣ улусной федераціи улусъ старѣйшій и болѣе обширный, вождь котораго считался въ тоже время вождемъ (тайшей) цѣлаго племени. Значеніе оточнаго зайсанга поднималось собственно въ военное время, когда онъ являлся вождемъ всѣхъ аймаковъ и другихъ родовыхъ «отдѣленій» (десятковъ, сотень и пр.), принадлежавшихъ къ его

---

[1]) См. Библ. для чт. CXIII, 32. Костенкова о калм., 31.

[2]) Какъ выше замѣчено, различіе между семейными членами, сосѣдями и однородцами по 196-й ст. Зинз. уложенія совпадаетъ съ различіемъ между хотономъ, аймакомъ и отокомъ (родомъ). Впрочемъ, въ другихъ статьяхъ терминъ «однородцы» употребляется въ общемъ значеніи и обозначаетъ «рожденныхъ отъ единоплеменниковъ», т. е. принадлежащихъ по своему происхожденію къ одному родовому союзу, будетъ ли это отокъ, аймакъ, улусъ и пр. См. Зинз. улож. 38, 100, 119, 222.

отоку, — другіе аймашные правители становились къ нему въ подчиненныя отношенія военной дисциплины.

И въ отношеніи къ кочевымъ интересамъ отокъ имѣлъ организацію, общую съ аймакомъ Въ обоихъ кочевья и стойбища распредѣляются по «родству». Отоки и аймаки располагаются съ своими хотонами и стадами въ предѣлахъ земельныхъ участковъ («отоковъ», какъ называются теперь общинныя земли калмыцкихъ родовъ), отводимыхъ кочевникамъ по «родамъ» и другимъ «отдѣленіямъ» изъ общихъ улусныхъ земель для стойбищъ и пастьбы скота. Изъ предѣловъ данной разверстки такихъ «отоковъ» (мѣстъ кочевья) никто не могъ выходить путемъ отдѣленія отъ своего рода и откочевки въ другія мѣста. Въ этомъ отношеніи законы Галдана развили цѣлую систему правилъ объ откочевкахъ изъ отоковъ, въ которыхъ нужно видѣть лишь не болѣе, какъ примѣненіе къ отокамъ формулированныхъ ойратскимъ уставомъ 1640 года, обычныхъ началъ кочевой организаціи ойратскихъ племенъ. Такимъ образомъ, законы Галдана вмѣняютъ каждому зайсангу, управляющему отокомъ, подъ угрозою штрафа и лишенія «чина» (т. е. отнятія отока и наряда въ немъ), заботиться о собираніи людей, разошедшихся по другимъ улусамъ (рус. 151, 152). «Ежели котораго отока люди, отлучась отъ своего улуса, замѣшаются съ людьми другаго улуса», то законы Галдана предписываютъ «такихъ людей собирать и опредѣлять ихъ по прежнимъ отокамъ; а буде найдутся и такіе, которые въ отокахъ еще не были, и ихъ вновь раздать такожде по отокамъ» (см. рус. 157; ср. выше стр. 154—варіанты къ этой статьѣ). Откочевавшія части отока штрафуются, а «приводца», способствовавшій возвращенію ихъ на прежнее мѣсто, получаетъ опредѣленную плату, взимаемую съ каждой кибитки отока или аймака (къ которымъ приписаны откочевавшія части), не выключая и ихъ «командующихъ» (рус. 165, 166). Тѣже правила удержаны въ Зинзилинскомъ уложеніи безъ существенныхъ измѣненій (см. ст. 38, 118—120 и пр.).

По отокамъ распредѣлялись, далѣе, всѣ общественныя тяготы и повинности — поставка ратниковъ, платежъ податей, призрѣніе бѣдныхъ и пр. (Палл. 131, 132; рус. 153, 154 и пр.). Изъ старыхъ калмыцкихъ законовъ не видно, чтобы, кромѣ отвѣтственности по откочевкамъ, распространялась на отоки родовая порука по другимъ преступленіямъ; но существованіе этого начала въ обычномъ правѣ калмыковъ констатируется Зинзилинскимъ уложеніемъ, записавшимъ обычное правило объ общей отвѣтственности по преступленіямъ, не только ближайшихъ родичей (членовъ хотона) и сосѣдей, но и «однородцевъ»—членовъ одного рода или отока (ст. Зинз. улож. 196). Ойратство (союзность), въ тѣхъ формахъ, въ какихъ оно нормировано уставомъ 1640 г., не только обязывало ойратовъ ко взаимной родовой помощи и защитѣ, но и вмѣстѣ съ тѣмъ налагало на нихъ повинность родовой поруки и отвѣтственности, равно проникавшей во всѣ сферы союзной жизни кочевниковъ. Тоже самое ойратство удерживалось у калмыковъ и въ эпоху Зинзилинскаго уложенія. Въ его время измѣнилась не сущность этого института, но лишь съузились предѣлы тѣхъ родовыхъ союзовъ, въ которыхъ прежде высказывалась его сила и дѣйствіе: у калмыковъ новаго времени ойратство связываетъ, какъ замѣчено выше (см. стр. 158), не цѣлыя союзныя племена, но лишь мелкіе, родственные между собой союзы—роды, аймаки и другія родовыя части и «общества». Любопытная формула родоваго ойратства современныхъ калмыковъ изложена въ 92 статьѣ Зинзилинскаго уложенія, обязывающей «жить между собою откровенно на подобіе братьевъ, одинъ другаго любить и воздавать приличное по достоинству почтеніе», не только владѣльцевъ, зайсанговъ и другихъ родоправителей, но и «цѣлыя общества, знатныя части онаго и всѣ *роды*, между ими раздѣляющіеся, именующіе себя ойридъ»[1]). Какъ видно изъ 222-й статьи уложенія, ойридомъ

[1]) Внѣшнимъ символомъ родоваго ойратства считается «ношеніе на вершинѣ шапокъ красныхъ кистей»—(см. ст. 92). Ойриды, какъ показываетъ

(ойратомъ, союзникомъ) именуется всякій по родству, — кто «рожденъ отъ прославленныхъ единоплеменниковъ». Всѣ такіе роды и общества въ качествѣ ойратовъ обязываются уложеніемъ «жить одинъ съ другимъ подобно братьямъ, союзомъ неразрывнымъ, доставляя довлеемое вспомоществованіе и почтеніе, согласуясь съ добрыми предначинаніями», и подъ угрозой штрафовъ при несоблюденіи условій родоваго ойратства (Зинз. улож. 92).

Отоки, какъ военно-административныя единицы, имѣли сложный составъ и раздѣлялись на числовые отдѣлы—*сотни, сорока и десятки.* По замѣчанію изслѣдователей, числовыя дѣленія возникли у монголовъ изъ хищническихъ условій дружинно-родоваго быта, — «изъ воинственности, въ которую обратилась развитая междоусобными распрями алчность къ добычѣ»[1]). Изъ фрагментовъ Чингисовой «ясы» XIII в. видно, что военно-дружинная организація монголовъ, въ тѣхъ формахъ, въ какихъ она держалась у различныхъ племенъ до позднѣйшаго времени, была нормирована еще Чингисомъ, раздѣлившимъ свои орды (улусы или тьмы) на тысячи, сотни и десятки, поставивъ особыхъ начальниковъ по каждой части (десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ), съ запрещеніемъ послѣднимъ мѣнять свои посты[2]). Такое же дружинное дѣленіе лежало позже въ основѣ всей военной организаціи ойратскаго союза Зюнгаръ и другихъ монгольскихъ племенъ. Главнымъ базисомъ такой организаціи считалось опредѣленное число «куреней» и «котловъ»—хотонныхъ семей, составлявшихъ въ различныхъ комбинаціяхъ отдѣльныя дружины и орды, на какія дѣлились улусы и цѣлыя племена. Тоже самое числовое дѣленіе является въ уставѣ 1640 г. изстариннымъ народнымъ учрежденіемъ,

---

222-я ст., обязательно носятъ такія кисти и даже получаютъ «имя красной кисти».

[1]) Небольсина, въ Биб. для чт. CXIII, 32.

[2]) См. мое соч. «Древ. монг.-калм. уставъ», стр. 192, 195. Ср. Березина Очерки внутр. устр. Джуч. улуса, 47.

существовавшимъ въ улусахъ независимо отъ дѣленія ихъ по аймакамъ. Уставъ констатируетъ три главныя числовыя дѣленія улусовъ: десятки, сорока (съ ихъ половинами—двадцатками) и сотни, которыя опредѣлялись по примѣрному исчисленію главныхъ кибитокъ (куреней), т. е. семей и хотоновъ, жившихъ общимъ хозяйствомъ и довольствовавшихся общимъ, родительскимъ «котломъ»[1]). Въ военное время или при кочевыхъ передвиженіяхъ нѣсколько сотень съ ихъ отдѣленіями составляли одинъ отокъ (знамя) — отрядъ или небольшую орду, а въ мирное время, кочуя нераздѣльно на смежныхъ стойбищахъ, отправляли опредѣленныя (административныя) функціи родовой жизни кочевниковъ. Ко времени ойратскаго главы Галдана всѣ эти дружинно-административныя части ойратскихъ улусовъ получили окончательную организацію, были сведены въ отоки — непосредственныя части большой орды (улуса), каждая съ своимъ особымъ «командующимъ». Эта-то система улусныхъ частей удержалась у калмыковъ до новѣйшаго времени, когда вмѣстѣ съ ослабленіемъ между ними стараго хищничества потеряла силу прежде такъ строго развитая, военная организація родовыхъ союзовъ, — десятки и другія отдѣленія сохраняются доселѣ у калмыковъ въ значеніи простыхъ административныхъ подраздѣленій родовъ. Зинзилинское уложеніе въ этомъ отношеніи не вводило въ существѣ ничего новаго, но лишь болѣе отчетливо развило и выяснило старые институты, нормированные ойратскими законами XVII в. Такимъ

---

[1]) См. Небольсина, въ Библ. для чт. CXIII, 32, Костенкова 31. О десяткахъ см. уст. рус. 155; Пал. 77, 135. О двадцаткахъ—рус. 47, Пал. 41. О сорока—рус. 47, 48, 165 и пр. О сотнѣ — Пал. 41. — О десяткахъ и другихъ числовыхъ дѣленіяхъ у китайскихъ монголовъ см. Іакинѳа Зап. о Монг II, 128, 162, 165; IV, 227, 261. Тимковскаго Путеш. III, 189, 328, 346. Пржевальскаго Монг. I, 9, 101, 160, 287. По замѣчанію историковъ, въ числовомъ дѣленіи Чингисовыхъ ордъ «не могла соблюдаться ариѳметическая точность, и названія эти были болѣе номинальныя, чѣмъ дѣйствительныя» (см. Березина Очерки внутр. устр. Джучіева улуса, 47). Таковъ же характеръ и тѣхъ десятковъ, сотень и пр., которые упоминаются въ калмыцкихъ законахъ.

образомъ, уложеніе говоритъ объ «отдѣленіяхъ» или «частяхъ» рода — зюнахъ (сотняхъ), барунахъ (сорока) и зотарахъ (десяткахъ)[1]. Самое устройство всѣхъ этихъ родовыхъ отдѣленій по уложенію почти тоже, чтó и по старому уставу. Сотенному зайсангу (Saissan über Hundert) послѣдняго (Пал. 41) соотвѣтствуетъ «сотенный начальникъ» уложенія (ст. 140), Schülünga стараго устава = шюлюнгюсъ улож. (ст. 92)[2]; старый Dämütschi = демичей (демчей) или староста сорока (37, 119, 140 и пр.); наконецъ старый десятскій (Achcha), командующій десяткомъ = старшина десятка по уложенію (23, 26 и пр., — см. выше стр. 139). Всѣ эти «чины» находятся между собой въ іерархическихъ отношеніяхъ младшихъ къ старшимъ и ведутъ родовой нарядъ въ своихъ отдѣленіяхъ. По первоначальному своему назначенію десятки и другія отдѣленія улусовъ имѣли въ виду по преимуществу цѣли военныя —нарядъ ратниковъ, ихъ сборъ въ потребныхъ случаяхъ и пр.[3]; затѣмъ къ военнымъ потребностямъ примкнули также задачи обще-административныя — тягловыя, полицейскія и пр. Такимъ образомъ, по уставу 1640 г. и Зинз. уложенію десятки и другія родовыя части отправляютъ съобща всѣ общественныя повинности, разверстываемыя между ними по родству. Они поставляютъ ратниковъ съ оружіемъ и припасами[4],

---

[1]) Объ отдѣленіяхъ вообще см. Зинз. ул. 118, 126. О сотняхъ—118 и 140. О сорока—23, 92, 118, 120, 126, 132, 154. О десяткахъ—37, 38, 74, 88, 119, 120, 121 и пр. Уложеніе упоминаетъ также о тысячѣ (ст. 140), но лишь въ значеніи военнаго отряда. Двадцатки устава 1640 г. неизвѣстны Зинзил. уложенію.

[2]) Впрочемъ, значеніе послѣдняго нѣсколько иное, чѣмъ стараго шуленги. Послѣдній былъ нарядникомъ аймака, тогда какъ первый отнесенъ къ старостамъ (т. е. главамъ сорока) съ титуломъ «главнаго» или «сборнаго» старосты. По видимому, такъ назывался шуленга, завѣдывавшій нѣсколькими сорока, быть можетъ—сотнею.

[3]) См. Библ. для чт. CXIII, 32. Костенкова о калмыкахъ 31.

[4]) Зайсанги, демчеи и другіе старосты въ потребныхъ случаяхъ наряжаютъ войско каждый по своей части (Зинз. улож. 140). По старому уста-

платятъ улуснымъ правителямъ подати и другіе сборы[1]), отвѣчаютъ за общій порядокъ (по надзору за откочевками, за ворами, лихими людьми и пр.)[2]), доставляютъ содержаніе бѣднымъ[3]); мало того: десятки и сорока принимаютъ самое близкое участіе въ семейной жизни своихъ членовъ, — содѣйствуютъ (въ видахъ поддержанія рода путемъ нарожденія новыхъ поколѣній) умноженію между ними браковъ, вспомоществуя въ платежахъ за невѣсту (на общественный счетъ) и пр.[4]). Весь этотъ кругъ родовыхъ обязанностей установлялъ самую крѣпкую солидарность между отдѣленіями родовъ, естественно сводилъ десятки и ихъ комбинаціи въ весьма тѣсныя бытовыя связи и отношенія. Въ силу такихъ связей всѣ родовыя отдѣленія вмѣстѣ держались съ своими кочевьями на общихъ стойбищахъ, вмѣстѣ передвигались по своимъ кочевымъ путямъ, вмѣстѣ же шли въ хищническія предпріятія и наконецъ съобща защищались отъ враговъ, подъ «командою» своихъ родовыхъ старшинъ, старостъ и зайсанговъ.

ву сорока ежегодно должны снаряжать по 2 латы складчиной, «чтобы увеличить число хорошо вооруженныхъ ратниковъ» (рус. 48); правило это отмѣнено Зинз. уложеніемъ, такъ какъ «въ нынѣшнее время вообще калмыки латъ не имѣютъ» (ст. 221 п. 21).

[1]) Тягловой характеръ отдѣленій рода виденъ между прочимъ изъ названія ихъ старшинъ ясашными сборщиками (даже по Зинз. улож. —111 л 7, 140, 196). О платежѣ податей по отокамъ и его отдѣламъ см. уставъ 164' г. по списку Палл. ст. 131.

[2]) По уставу 1640 г. старшина 10-ти киб. наблюдаетъ, чтобы въ его отдѣленіи не было воровства, а о явныхъ татяхъ доноситъ зайсангу и пр (Пал. 77). Законы Галдана прямо говорятъ, что десятки учреждаются «для прекращенія воровства» и «для лучшаго порядка» (рус. 155). Тѣже повинности лежатъ на сорока (Пал. 131 и 132).

[3]) См. зак. Галдана ст. 153 и 154; Зинз. улож. 126.

[4]) По уставу 1640 г. сорока ежегодно должно женить 4-хъ холостыхъ, по одному изъ десятка, съ обязанностью давать вспоможеніе въ платѣ калыма; если вслѣдствіе отказа въ пособіи не состоятся браки, то штрафуются старшины и весь десятокъ или сорока (рус. 47). На Зинз. собраніи предполагалось уменьшить число браковъ (до 2-хъ) съ издержками отъ общества (Зинз. улож. 154).

Родовое ойратство не ограничивалось установленіемъ опредѣленной организаціи внутри аймаковъ и отоковъ съ ихъ родовыми отдѣленіями. Интересы ойратства требовали, чтобы сѣть родовыхъ связей раскидывалась возможно дальше, — чтобы въ видахъ родовой самозащиты и охраны мелкіе союзы, аймаки и отоки, сводились въ широкія политическія единенія и федераціи. Такой федераціей ойратскихъ родовъ и является по уставу 1640 г. и позднѣйшимъ калмыцкимъ законамъ *улусъ*, принадлежащій къ наиболѣе древнимъ институтамъ родоваго быта калмыковъ[1]). Подъ улусомъ разумѣется опредѣленная форма родовыхъ союзовъ, на какіе непосредственно распадалось отдѣльное кочевое племя (тангачи). Улусъ представляетъ собой совокупность нѣсколькихъ аймаковъ и отоковъ съ ихъ частями (сотнями, сорока и десятками), происходившими отъ общаго имъ всѣмъ, племеннаго корня. Каждый такой союзъ родовъ имѣетъ видъ большой орды, кочевавшей со всѣми своими частями отдѣльно отъ другихъ одноплеменныхъ улусовъ и управлявшейся своимъ родовымъ вождемъ—наслѣдственнымъ нойономъ, зависѣвшимъ отъ главы цѣлаго племени

---

[1]) Дѣленіе народа на улусы (тьмы) извѣстно было у монголовъ еще въ эпоху Чингиса (см. Березина Очерки внутр. устр. Джуч. улуса, 47) и удерживалось у ойратскихъ племенъ до половины прошлаго вѣка; а у русскихъ калмыковъ и бурятъ существуетъ доселѣ улусное устройство. Улусъ имѣетъ нѣсколько значеній. Онъ обозначаетъ вообще народъ, люди («олунъ—улусъ»—множество людей), также орду, военную дружину, иногда сословіе простолюдиновъ («хара—улусъ», черный или подлый людъ), власть племеннаго вождя (такой-то союзъ составлялъ улусъ нойона и пр.). Въ уставѣ 1640 г. улусъ упоминается въ смыслѣ жилаго мѣста, также аймака или родоваго союза вообще и цѣлаго племени въ особенности—наконецъ въ значеніи собственно совокупности нѣсколькихъ аймаковъ и родовъ, составлявшихъ часть даннаго племени (см. мое соч. «Древн. монг.-калм. уставъ» стр. 174). Въ Зинз. уложеніи улусъ упоминается вездѣ въ собственномъ, техническомъ значеніи, какъ союзъ нѣсколькихъ, одноплеменныхъ родовъ и аймаковъ (см. ст. 38, 65, 82, 110, 118, 119 и пр.). Объ улусномъ устройствѣ бурятъ см. цитированную выше статью Щапова, въ Изв. Сиб. отд. V, стр. 128 и слѣд.

(тайши)[1]). Въ отношеніи къ родовой іерархіи одноулусники составляютъ удѣлъ, «владѣніе» (Fürstenthum — устава 1640 г. по сп. Пал. ст. 1) улуснаго родоправителя, нойона (отсюда послѣдній называется въ калмыцкихъ законахъ «владѣтелемъ», «владѣльцемъ», княземъ); они съобща, по-улусно, отправляютъ повинность ратную, платятъ дани и другіе сборы на содержаніе ихъ «владѣльца». Какъ «владѣніе» родоправителя, улусъ могъ дробиться между членами его рода, могъ сдѣлаться также выморочнымъ (напр. за бездѣтною смертію владѣльца или вслѣдствіе изгойства послѣдняго за измѣну родовому ойратству и пр.)[2]) и въ такомъ случаѣ перейти къ родоправителямъ другихъ улусовъ (съ раздѣломъ или безъ него). Отсюда образовалось позже раздѣленіе калмыцкихъ улусовъ на *владѣльческіе и выморочные*. Зинзилинское уложеніе различаетъ «владѣльческіе» улусы, бывшіе въ управленіи наслѣдственныхъ «владѣльцевъ» (нойоновъ), отъ улусовъ «*казенныхъ*», или выморочныхъ, завѣдывавшихся правителями (по назначенію отъ правительства)[3]). — Изъ общаго, улуснаго строя выдѣлялись у калмыковъ «цзисаи» (аймаки) и отоки — удѣлы, предоставлявшіеся духовенству для его содержанія, въ значеніи особаго «*ламинскаго*» улуса, состоявшаго изъ аймаковъ и

---

[1]) См. Палласа Saml. I, 186—190. Бюлера Инородцы, въ Отеч. Зап. 1846, № 7, стр. 21. Костенкова о калм. стр. 30—33.

[2]) Случай изгойства улусныхъ родоправителей предусмотрѣнъ въ уставѣ 1640 г. Нойоны (князья), которые нарушали миръ междоусобной войною и хищническимъ разореніемъ большаго аймака или цѣлаго нутука (племени), лишались своего «княжества», дѣлившагося между другими князьями, соединявшимися противъ князей-хищниковъ (см. Пал. ст. 1).

[3]) Объ улусахъ владѣльческихъ и казенныхъ см. Зинз. улож. 4, 6, 34 (п. 10), 35 (п. 13), 82, 119 и пр. Случаи выморочности улусовъ встрѣчались у калмыковъ до послѣдняго времени. Такъ, улусы Багацохуровскій и Эркетеневскій, по смерти ихъ послѣдняго нойона Дондукова, съ 1786 г. поступили въ казну. Въ томъ же году и Дербетевскій улусъ, какъ выморочный, сдѣлался казеннымъ. См. Костенкова, 55, 57.

«людей ламинскихъ», «хурульскихъ» или «шебинеровъ» (Schäbinäre»), и управлявшагося улуснымъ ламой[1]).

По своему составу улусъ имѣлъ сложный характеръ. Въ административномъ и военномъ распредѣленіи его частей господствовали тѣже обычныя начала родоваго старѣйшинства, которыя лежали въ основѣ улуснаго устройства монголовъ еще въ эпоху Чингисова ханства и удержались затѣмъ въ организаціи ойратскихъ племенъ XVII—XVIII вѣковъ[2]).

Центромъ улуса служитъ *владѣльческая ставка* или курень (Oergö, Hof, Hoflager, дворъ) улуснаго вождя — нойона, съ принадлежавшимъ къ нему непосредственно владѣльческимъ отокомъ[3]). По уставу 1640 г. и Зинзилинскому уложенію, ставка или дворъ (эрге) владѣльца — центръ, къ которому стягивается весь улусъ въ случаѣ военнаго предпріятія; здѣсь сосредоточивается улусная управа и судъ, — въ ставку владѣльца представляется и пойманный воръ, и найденный скотъ; «на потребу» владѣльческой ставки идутъ штрафы съ виновныхъ и пр.[4]). Къ владѣльческой ставкѣ примыкаютъ, особымъ кругомъ, ставки (хоши, Chascha) владѣльческихъ думцевъ

---

[1]) Объ улусѣ и аймакѣ ламинскомъ и людяхъ ламинскихъ см. уставъ 1640 г. ст 6, 11. О Schäbinäre'ахъ см. Палласа Saml. I. 174 — 175, 221 — 222.

[2]) Дѣленіе Чингисова ханства на десятки, сотни и пр. замыкалось общимъ подраздѣленіемъ улусовъ на ханскую тысячу, правое и лѣвое крыло, которыя назывались вмѣстѣ великимъ улусомъ (улугъ-улусъ). См. Березина о Джуч. улусѣ, 47—48. Дѣленіе на лѣвую и правую сторону, съ старшинствомъ первой, доселѣ существуетъ у китайскихъ монголовъ (Іакинѳа Зап. IV, 210). Тоже самое устройство улусовъ существовало у калмыковъ еще въ концѣ прошлаго вѣка, какъ показываютъ наблюденія Палласа (Saml. I, 221 —222). Мы приведемъ ниже нѣсколько данныхъ изъ его труда.

[3]) Такое же положеніе имѣла ханская ставка (орду) съ ханской тысячей въ Чингисовомъ ханствѣ. См. Березина о Джуч. ул. 43, 48.

[4]) См. уст. 1640—рус. 13, 28, 162. Пал. 15, 17, 32, 151, 152, 155, 157. Зинз. улож. 40, 95, 97, 132, 138, 168 (п. 17), 197 (п. 17).

жизни самими тяготами ойратства, — отсюда появленіе элётовъ (недовольныхъ, нашихъ изгоевъ) и перебѣжчиковъ (Sabssar), уходившихъ изъ стѣснительныхъ узъ ойратства въ другія привольныя мѣста и отдававшихся подъ защиту чужеродныхъ союзовъ и племенъ. Противъ такихъ движеній изгойства установляется цѣлый рядъ новыхъ правилъ въ законахъ Галдана, когда ойратство монгольскихъ племенъ вообще стало клониться уже къ полному упадку и изгойство стало обнимать не только мелкіе родовые союзы, но и цѣлые улусы и племена, выходившія изъ ойратства, т. е. становившіяся элётами и Sabssar[1]). Такія же цѣли и задачи «цѣлости и благосостоянія калмыцкаго народа», какъ мы видѣли, преслѣдовало въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія и Зинз. собраніе калмыцкихъ родоправителей, обобщая и развивая общія начала родовой зависимости, формулированныя собраніемъ ойратскихъ вождей въ 1640 г.[2]).

Инымъ составомъ и организаціей отличались лѣвые отоки калмыцкихъ улусовъ и потому на нихъ не такъ безусловно простирались и требованія родовой зависимости (genti adscriptio). Въ такихъ отокахъ группировались «союзники»[3]), отдававшіеся подъ защиту улуса при дальнемъ племенномъ родствѣ,— напр. изъ изгоевъ (элётовъ, Sabssar), уходившихъ изъ отдѣленныхъ улусовъ и пр. Дѣло въ томъ, что у народовъ первичнаго родоваго типа господствуетъ полная племенная замкнутость и исключительность: у нихъ немыслимо вторженіе чужеродныхъ элементовъ, — ихъ могло привязывать лишь одно рабство. Не то видимъ у народовъ, у которыхъ родовой

[1]) Законы Галдана усилили отвѣтственность правителей отоковъ за разбродъ людей, установили награды за поимку перебѣжчиковъ, расширили штрафы и пр. См. рус. 151, 152, 157, 164, 166. Пал. 140.

[2]) Зинз. улож. 35 (п. 13), 37, 38, 73, 88, 101, 118—121.

[3]) Въ положеніи такихъ союзниковъ, напр., были у восточныхъ монголовъ ойратскіе Choitbatut'ы, ушедшіе въ 1618 г., какъ констатируетъ уставъ 1640 г. (см. ст. 3).

быть сильно квалифицированъ военно-дружинными интересами требовавшими численнаго могущества боевыхъ силъ кочевыхъ ордъ и дружинъ. Послѣднія, вмѣстѣ съ развитіемъ внутри себя института родовой зависимости, въ тоже время теряли старую замкнутость, принимали въ свой составъ цѣлыя наслоенія чуждыхъ элементовъ, хотя и не смѣшивались съ ними,—ассимиляція ихъ могла быть плодомъ лишь долгой совмѣстной жизни. Такія, внѣшно-привходившія въ составъ кочевыхъ ордъ, союзныя части стояли отдѣльно отъ другихъ родовыхъ частей, съ своей особой организаціей, и связывались съ послѣдними не столько по родству, сколько лишь интересами взаимной защиты и общими тягловыми отношеніями. Въ составъ подобныхъ элементовъ могли привходить изгои изъ родовыхъ союзовъ[1]), принимавшіеся въ другомъ мѣстѣ въ качествѣ союзниковъ. Сюда же могли примыкать и части такихъ улусовъ, которыя по 1-й статьѣ устава 1640 г. лишались самостоятельнаго родоваго наряда и подлежали раздѣлу между другими улусными правителями, или же улусы малые, которые не могли вести по малочисленности отдѣльнаго наряда и потому отдавались подъ защиту другихъ, болѣе сильныхъ улусовъ[2]). Установлявшіяся этимъ путемъ связи могли быть болѣе или менѣе крѣпки, смотря по конкретнымъ условіямъ въ каждомъ данномъ случаѣ. Мало того: интересы воинственнаго пле-

---

[1]) Говоря объ устройствѣ хотоновъ, мы имѣли случай указать на изгойство по преступленіямъ не только отдѣльныхъ лицъ и семей, но и цѣлыхъ родовыхъ союзовъ. Изгойство большихъ союзовъ могло быть результатомъ внутреннихъ раздоровъ, когда сильнѣйшій союзъ вовсе изгонялъ слабѣйшаго изъ территорія племенной кочевки. Въ концѣ прошлаго вѣка торгоутская орда, по словамъ Палласа, имѣла въ числѣ лѣвыхъ отоковъ подобныхъ «перебѣжчиковъ» (Sabssar) изъ другихъ улусовъ, раздѣлявшихся на небольшіе отоки (Saml. I, 221—222).

[2]) Такъ, послѣ ухода калмыковъ въ 1771 г. въ Китай, часть Зюнгаръ, оставшихся отъ большой зюнгарской орды, перекочевавшей въ среднюю Азію, присоединилась къ торгоутскому улусу въ составѣ лѣваго отока. См. Палласа Saml. I, 222.

мени требовали расширенія родовой защиты и на иностранцевъ, когда они являлись не какъ враги, но какъ союзники, предлагавшіе подъ условіемъ защиты свои услуги кочевымъ союзамъ. Если старое монгольское право безнаказанно допускало убійство чужеземца, какъ врага, то условія ойратства позднѣйшаго времени смягчали и съ этой стороны родовую замкнутость и очужденность,—допускали возможность принятія подъ охрану ойратства и инородцевъ—союзниковъ. Требованія эти были уже сознаны монгольскими ойратами въ эпоху изданія устава 1640 г.: въ немъ запрощается, подъ угрозою штрафа, убивать перебѣжчиковъ отъ другихъ народовъ, искавшихъ защиты у ойратовъ. Мало того: уставъ прямо поощряетъ особыми наградами тѣхъ, кто приведетъ улусному правителю (нойону) подобныхъ перебѣжчиковъ (рус. 125). Институтъ «пріемышей», имѣвшій мѣсто, какъ мы видѣли, въ хотонномъ устройствѣ, находилъ для себя почву и въ организаціи другихъ ойратскихъ союзовъ: тамъ и здѣсь прививка стороннихъ элементовъ вызывалась интересами поддержанія родовой культуры. Наконецъ, чужеродные элементы въ калмыцкихъ улусахъ могли развиться путемъ общихъ браковъ, что опять было въ политическихъ интересахъ ойратства — раскидывать возможно шире сѣть родовыхъ союзовъ. Такой чуждый элементъ въ эпоху устава 1640 г. проникъ даже въ княжескіе роды (нойоновъ), въ лицѣ такъ назыв. табангоутовъ, имѣвшихъ значеніе «зятьевъ владѣльцевъ, которые не ханской крови»[1]. Всѣ эти улусныя части, въ общей сложности, входили въ составъ улусовъ особыми, именно лѣвыми отоками. Къ нимъ-то, по всему видно, относится 49-й статья устава 1640 г. (по списку Палласа): «кто при *чужой* ордѣ (bey einer fremden Horde) прожилъ продолжительное время и захочетъ уйти, тотъ можетъ

---

[1]) См. мое соч. о монг.-калм. уставѣ, 172. По Зинз. уложенію табангоуты — «владѣльцы, рожденные отъ матери простаго состоянія». См. [illegible] стр. 141.

взять съ собой изъ имущества, прижитаго въ ней, только половину», — другая часть имущества какъ бы за «пожилое», въ вознагражденіе за защиту орды, отходила къ послѣдней. Въ этомъ правилѣ можно видѣть косвенную мѣру удержать такіе внѣшніе элементы въ составѣ ойратскихъ союзовъ. Во всякомъ же случаѣ здѣсь еще нѣтъ рѣчи о правѣ отока или аймака удерживать при себѣ такія уходящія части: это были свободные элементы улусовъ, на которые не простиралась родовая зависимость.

Наконецъ, отдѣльно отъ владѣльческаго улуса располагались съ своими кочевьями аймаки и отоки ламинскаго улуса. Центромъ его была ставка («куря») главнаго хурула или капища, при которомъ устроялись ставки ламы, низшаго духовенства и хурульныхъ служителей. Послѣдніе раздѣлялись на отдѣльные цзисаи (аймаки), приписанные къ хуруламъ[1]). Какъ духовная община буддійскихъ жрецовъ, стоявшая во главѣ ламинскаго улуса, не имѣла никакой родовой связи и представляла сбродъ изъ разныхъ мѣстъ «посвященныхъ», «отшельниковъ» и пр., такъ и сами шебинеры стояли внѣ общей организаціи родовыхъ союзовъ, состояли изъ людей, передававшихся родоправителями хуруламъ и ламамъ изъ разныхъ родовыхъ союзовъ. Тѣмъ не менѣе отношенія шебинеровъ къ буддійской общинѣ опредѣлялись по началу родовой зависимости, какъ это видно изъ 11 статьи устава 1640 г. о выкупѣ «изъ рукъ ламинскихъ» ближнихъ родственниковъ[2]). И въ тягловомъ отношеніи ламинскій улусъ выходилъ изъ общаго родоваго наряда: онъ

---

[1]) По описанію Палласа, духовный улусъ (Schäbinâre), находившійся при торгоутской ордѣ, былъ посвященъ верховному Далай-Ламѣ (въ Тибетѣ) и различнымъ буддійскимъ божествамъ. Онъ раздѣлялся на нѣсколько (именно 8) отоковъ — Lamaïn, Bakschi, Burchanin, Sunkabaïn, Chutuktin-Schäbinäre и пр. (Saml. I, 222 ср. ib. 174—175).

[2]) См. также Зинв. улож. гл. I, п. 2. Здѣсь, по положенію Коммиссіи, ламинскіе люди изъяты изъ личнаго владѣнія ламъ и оставлены въ «собственности» хуруловъ.

управлялся улуснымъ ламой и пользовался льготнымъ поло-
ніемъ, — шебинеры платили подати и другіе сборы не
ону или тайшѣ, какъ владѣльческіе улусные люди, но
одному ламѣ или мѣстному хурулу, къ которому они бы
приписаны[1]).

Такова въ существенныхъ чертахъ внутренняя органи-
ція калмыцкихъ улусовъ. Нѣсколько улусовъ одного родо
корня составляли въ своей совокупности *племя* — нутукъ
тангачи. Въ значеніи племени нутукъ (Nutuk) упоминае
въ уставѣ 1640 г. (ст. 1 по списку Палл.). По указа
Палласа, нутукъ еще въ прошломъ столѣтіи означалъ само
ятельно дѣйствующую орду, цѣлое племя или большой, не
висимый улусъ[2]). Въ настоящее время у калмыковъ назв
нутука носитъ собственно мѣстность, на которой располож
кочевья цѣлаго племени (тангачи)[3]). Въ смыслѣ племени д
ніе калмыцкіе законы говорятъ также о народѣ, Stämme
Geschlecht[4]). Въ составѣ племени замѣчалось господство тѣ
же іерархическихъ началъ родоваго старѣйшинства, на ко
рыя мы указывали выше, говоря объ организаціи родовыхъ
юзовъ низшаго порядка — аймаковъ, отоковъ и пр. Въ р
одноплеменныхъ улусовъ различались улусы, которые, по с
ему старѣйшинству или обширности и политическому значе
стояли во главѣ цѣлаго племени, и улусы меньшіе, усту
шіе первымъ въ силѣ и значеніи. Сообразно съ такой гра
ціей улусовъ одного племени распредѣлялся между ни
племенной нарядъ: вождь старѣйшаго или обширнѣйшаго у
считался вмѣстѣ съ тѣмъ главой цѣлаго племени, подъ общ
титуломъ тайши (тайджи), — ему подчинялись вожди

---

[1]) См. Палласа Saml. I, 222.

[2]) Палласа Saml. I, 188, 222.

[3]) См. Костенкова о калмыкахъ, 30—31.

[4]) См. введеніе къ уставу 1640 г. Законы хана Галдана назы
Oelät'овъ (русскихъ калмыковъ) и Chottonisches Volk (бухарскихъ к
ловъ) общимъ именемъ Geschlecht (см. уст. 1640 г. по сп. Палл. 141).

оны) остальныхъ улусовъ, въ которыхъ нарядъ распредѣлялся между наслѣдственными нойонами по родству, сообразно съ ихъ родовымъ старѣйшинствомъ или силой улусовъ и самыхъ нойоновъ[1]).

Племенные союзы (нутуки) монголовъ имѣли значеніе самостоятельно дѣйствующихъ ордъ и во взаимныхъ отношеніяхъ пользовались политическою независимостью. Болѣе тѣсныя, правовыя связи между племенами установлялись, или путемъ подчиненія слабѣйшихъ племенъ болѣе сильному, или же путемъ добровольныхъ союзовъ и компромиссовъ, въ родѣ федераціи монгольскихъ ойратовъ конца XIV вѣка и проч. Возникавшія этимъ путемъ федераціи нѣсколькихъ независимыхъ племенъ, извѣстныя у монголовъ подъ общимъ титуломъ *оронз* (ойратъ, Oeröt)[2]), представляли собой высшую форму племенной союзности (ойратства), какой достигали монголы въ теченіе всей своей исторической жизни. Изъ личнаго состава монгольскихъ вождей, участвовавшихъ въ составленіи ойратскаго устава 1640 г., видно, что въ началѣ XVII вѣка средне-азіатскіе монголы разбивались на нѣсколько независимыхъ племенныхъ федерацій, которыя можно подводить подъ общій типъ оронъ[3]). Во главѣ такихъ племенныхъ федерацій стояли

---

[1]) См. Палласа Saml. I, 186 и слѣ. Костенкова о калмыкахъ 30—31.

[2]) Оронъ — союзъ многихъ племенъ; Oerät или ойратъ — союзникъ. Ойрату противополагаются: *Oelöt* (Элёты, Элюты) — недовольный, отдѣлившійся, изгой (см. 141 ст. стар. устава по сп. Палл.,—калмыки доселѣ называютъ себѣ элётами, — см. Небольсина, въ Биб. CXIII, 34). *Хари* (Chari)—чуждый, отдѣлившійся отъ союза (Сказаніе о Дерб.-ойрат. Тюменя, 11); *калмыкв* — отсталый, отдѣлившійся (см. Костенкова о калм., 3).

[3]) Въ введеніи къ уставу, гдѣ поименно перечислены монгольскіе вожди — составители устава, упоминается семь вождей, стоявшихъ во главѣ независимыхъ оронъ, подъ титулами хановъ и конъ-тайшей (хонгъ-тайджи): a) Эрдени Засакту ханъ, b) Тюшету ханъ, c) Дайчинъ хонгъ-тайджи, d) Эрдени хонгъ-тайджи, e) Дайбунгъ хонгъ-тайджи, f) Эрдени Батуръ хонгъ тайджи (глава ойратскихъ племенъ Чоросъ, Хойтъ, Хошотъ и Торгоутъ) и g) Гуйши Номинъ ханъ.

конъ-тайши (хонгъ-тайджи) и ханы, каковыми считались вожди (тайши) племенъ, первенствовавшихъ въ данномъ ойратскомъ союзѣ. Цѣлью подобныхъ федерацій была организація совокупныхъ силъ союзниковъ (ойратовъ), въ видахъ расширенія племеннаго хищничества и степной культуры кочевниковъ на возможно широкіе территоріальные районы, какъ и ради взаимной поддержки и защиты племенной независимости и обороны совокупными силами отъ хищническихъ нападеній внѣшнихъ враговъ.

У русскихъ калмыковъ племенное устройство съ самостоятельнымъ нарядомъ тайшей (позже хановъ) существовало до бѣгства большинства калмыцкой орды въ Китай въ 1771 г. Съ послѣдовавшимъ затѣмъ уничтоженіемъ званія калмыцкаго хана исчезаетъ старый политическій характеръ племеннаго единства калмыковъ. Они разбились на отдѣльные улусы, управляющіеся своими нойонами «независимо» одинъ отъ другаго[1]. Калмыцкіе улусы стали съ тѣхъ поръ объединяться не самостоятельнымъ нарядомъ и политической организаціей цѣлаго племени, но одной внѣшней властью русскаго правительства. Зинзилинское уложеніе знаетъ лишь одно улусное дѣленіе народа; въ его время уже потеряло всякое значеніе старое автономическое дѣленіе народа на ойратскія, политически-организованныя племена (нутукъ, позднѣйшее ханство). «Дербеты.

---

[1]) Въ 1771 г. были упразднены званія хановъ и ихъ намѣстниковъ и повелѣно, чтобы каждый владѣлецъ «своими людьми правилъ независимо» (см. Бюлера Инородцы, въ Отеч. Зап. 1846, № 7, стр. 27). Правда, въ 1[illegible] г. былъ возстановленъ старый политическій строй калмыковъ. Они снова были объединены въ одно «ханство», управляющееся своимъ выборнымъ главою (намѣстникомъ ханства), съ непосредственной зависимостью отъ Государя и пр. Но подобный порядокъ существовалъ не долго; съ смертью намѣстника въ 1803 г., это званіе болѣе уже не возобновлялось. Съ этихъ поръ калмыки живутъ по-улусно, управляясь отдѣльно своими улусными владѣльцами (нойонами). См. Костенкова о калмыкахъ, 17—18, 34. Ср. Калмыцкая степь Астрах. губ. Ш. Стат.—хозяйств. описаніе калм. степи, Костенкова, 122.

Торготы и Хошоуты», упоминающіеся въ 119-й статьѣ Зинз. уложенія, глоссируются въ текстѣ въ смыслѣ «трехъ родовъ, составляющихъ весь калмыцкій народъ», и именно (какъ ясно видно изъ контекста статьи) не въ значеніи старыхъ автономическихъ племенъ, но только улусовъ, каковыми они и были дѣйствительно въ 20-хъ годахъ. Такимъ образомъ, Зинзилинское уложеніе удержало старое племенное устройство калмыковъ лишь во внутренней организаціи улусовъ и ихъ отдѣленій; но и то нѣкоторые улусы лишились самостоятельнаго улуснаго наряда, — именно въ значеніи выморочныхъ отошли въ казенное вѣдомство. Въ настоящее время калмыцкіе улусы, по своему территоріальному и племенному составу, значительно утратили старое родовое единство. Большинство ихъ, напротивъ, представляетъ помѣсь разнородныхъ племенныхъ частей, занимающихъ своими кочевьями различныя мѣста юго-восточныхъ русскихъ степей[1]).

2. *Кочевой бытъ и хозяйственная культура родовыхъ союзовъ*. Бродячій характеръ стадныхъ соединеній людей составляетъ общую, типическую черту быта не только хищниковъ

[1]) Въ настоящее время калмыки, занимающіе кочевьями степи юго-восточныхъ окраинъ Россіи, раздѣляются въ территоріальномъ отношеніи на *астраханскихъ*, *ставропольскихъ*, *терскихъ* (по р. Тереку, на Кавказѣ) и такъ назыв. *базовыхъ* (*донскихъ*). Въ астраханской степи калмыки размѣстились 7-ю улусами: багацохуровскій эркетеневскій, яндыковскій, икицохуровскій, харахусо-эрдсніевскій, хошоутовскій и мало-дербетевскій. Старый больше-дербетевскій улусъ кочуетъ въ настоящее время въ двухъ различныхъ мѣстахъ: главная часть, подъ общимъ названіемъ ставропольскихъ калмыковъ, имѣетъ свои кочевья близъ Ставрополя (на Волгѣ) по р. Куньей-Воложкѣ; другая состоитъ изъ базовыхъ или донскихъ калмыковъ, кочующихъ на отведенныхъ для нихъ земляхъ близъ Романовской станицы (въ Землѣ Войска Донскаго). — По своему племенному происхожденію, калмыки представляютъ смѣсь различныхъ племенъ — потомковъ старыхъ монгольскихъ ордъ, перекочевавшихъ въ XVII стол. въ русскія степи изъ Зюнгаріи, сѣвернаго Тибета и пр. Между ними находятся потомки старыхъ *зюнгаръ* и *дербетовъ*; изъ нихъ образовались нынѣшніе улусы больше — и малодербе-

—звѣроловов и рыболововъ, бродившихъ въ замкнутыхъ районахъ лѣсовъ, озеръ, тундръ и пр. ради хищническаго добыванія пищи (войной, звѣро- и рыболовствомъ), но и степняковъ-скотоводовъ, двигающихся съ стадами прирученнаго скота по безмѣрнымъ и открытымъ степямъ и районамъ залежей солончаковъ и песчаныхъ розсыпей. Архаическій строй бродячей жизни доселѣ сохраняется у нѣкоторыхъ племенъ сѣверной Америки, у тундровыхъ инородцевъ Сибири и пр. По словамъ Вайца, описавшаго общественный бытъ сѣверо-американскихъ индійцевъ, «добывая средства къ пропитанію охотой на буйволовъ, восточные Дакота (инд. племя сѣв. Америки) *переселяются постоянно вслѣдъ за ними* съ мѣста на мѣсто»[1]. И сибирякъ, житель сѣверныхъ тундръ, точно также «переселяется» за стадами оленей и пр. «Путики»[2]) и «ухожья»

товскій. Часть этихъ племенъ встрѣчается также въ улусахъ икицохуровскомъ и хошоутовскомъ и между ставропольскими калмыками. Потомки другаго монгольскаго племени — *торгоутовъ* (тергетъ) вошли въ составъ улусовъ: икицохуръ, багацохуръ, яндыкъ, эркетень и харахусо-эрдени. Часть торгоутовъ вошла также въ составъ уральскаго козачьяго войска и башкиръ (Оренб. губ. въ Челябин. уѣздѣ). Племя *хойтъ* (хойотъ) теперь почти исчезо; остатки его встрѣчаются въ хошоутовскомъ улусѣ и отчасти между ставропольскими калмыками. Наконецъ, *хошоуты* образуютъ особый улусъ того же имени и частію входятъ въ составъ улуса икицохуровскаго. Хошоутовскій улусъ представляетъ смѣсь чужеродцевъ, — кромѣ хошоутовъ, есть зюнгары, хойты и торгоуты. См. Небольсина, Очерки быта калм. Хошоут. улуса, въ Биб. для чт. 1852, № 5, стр. 34—35, 41. Костенкова о калмыкахъ, стр. 55.

[1]) Убитые ими буйволы служатъ къ пропитанію цѣлаго племени. Когда мяса животныхъ становится недостаточно для прокормленія всѣхъ и каждаго, Дакоты поставлены въ необходимость обратиться къ людоѣдству и пожертвовать жизнью старѣйшихъ членовъ въ интересахъ остальныхъ». (См. Waitz Die Indianer Nord-Amerika's, 1865, стр. 89 и слѣд.). Замѣчено, что у бродячихъ племенъ-охотниковъ война и охота во всѣхъ ея видахъ ведутся одинаково,—охотникъ ведетъ войну съ человѣкомъ и звѣремъ.

[2]) Т. е. лѣсныя тропы со слѣдами звѣрей, на которыхъ ставятся ловушки и по которымъ ходятъ охотники.

современныхъ звѣролововъ русскаго сѣвернаго Поморья[1]) несомнѣнно практикуются ими съ незапамятныхъ временъ. Такой же изстаринный характеръ имѣютъ и тѣ «пути», по которымъ сѣверные рыболовы по народному обычаю ведутъ промыслы водные (по морямъ, рѣкамъ, озерамъ, и пр.)[2]). Рыболовъ точно также передвигается по воднымъ берегамъ, идя по «путямъ», вслѣдъ стадами рыбъ и морскихъ звѣрей, какъ и лѣсной звѣроловъ передвигается по «путикамъ», выслѣживая звѣрей въ сибирскихъ лѣсахъ и тундрахъ или американскихъ преріяхъ. Если теперешніе тундровые инородцы Сибири, промышляющіе рыбными и звѣриными ловитвами, называются «сидячими», то это понятіе чисто-относительное: въ передвиженіяхъ по своимъ «путямъ» и «ухожьямъ» они, правда, не дѣлаютъ такихъ «размаховъ» на сотни и тысячи вестъ, какъ кочевники-степняки (монголы, киргизы и др.); но это не даетъ еще права отчислять «сидячихъ» инородцевъ къ осѣдлому люду. Бытъ такихъ инородцевъ, не смотря на ихъ сидячесть, все таки бытъ кочевой; онъ только не достигаетъ такой широкой организаціи и растяжимости, какъ у степныхъ кочевниковъ, напр. у средне-азіатскихъ монголовъ или русскихъ калмыковъ (особенно въ былое время). И между послѣдними изстари водились и доселѣ встрѣчаются «сидячіе» кочевники — такъ назыв. «байгучи» (Baigutsch), лишавшіеся стадъ и потому отстававшіе отъ своихъ родовъ, — выходившіе «изъ степи» и осѣдавшіе напр. по рѣчнымъ берегамъ для рыболовства и пр. Тѣмъ не менѣе байгучи не оставляютъ и здѣсь своихъ кочевыхъ привычекъ и обычаевъ, все-таки кочуютъ, хоть и безъ «размаховъ» своихъ родичей — зажиточныхъ скотоводовъ, далеко углубляющихся въ степь[3]). «Сидѣнье» калмыцкихъ

---

[1]) См. Ефименка, Сборникъ народн. юрид. обычаевъ Арханг. губ. 1869, стр. 79.

[2]) Тамъ же, стр. 80 и др.

[3]) См Небольсина Очерки, въ Биб. для чт. № 5, стр. 50 и слѣд.; № 7, стр. 36. Палласа Saml. I, 116. Бюлера Инородцы, въ Отеч. Зап. 1846, № 7, стр. 8.

байгучей, какъ и тундровыхъ охотниковъ и рыболововъ сѣвернаго Поморья и Сибири, не имѣетъ ничего общаго съ «зажитьями» старыхъ колонизаторовъ — пахарей съ ихъ крѣпкими осѣдлыми общинами.

Если стадная бродячесть присуща быту лѣсныхъ звѣролововъ и рыболововъ, то она получаетъ еще болѣе сильный и организованный характеръ въ жизни хищныхъ степняковъ-кочевниковъ. Ихъ промыселъ въ существѣ тотъ же, что и первыхъ, — хищничество во всѣхъ его видахъ и формахъ, добываніе пропитанія путемъ войны съ людьми и животными. Старый монголъ временъ Чингиса, по самому закону («великой ясѣ» XIII в.), т. е. обязательно, былъ не только воинъ, но и охотникъ: монгольскій вождь требовалъ, чтобы монголъ «велъ войну съ животными (облавы), когда онъ не ведетъ ея съ людьми»[1]). Но хищничество степнаго кочевника осложняется новымъ, бытовымъ элементомъ, мало извѣстнымъ стаднымъ союзамъ охотниковъ, — скотоводствомъ, т. е. прирученіемъ и уходомъ за стадами тѣхъ самыхъ животныхъ, война съ которыми составляетъ главный промыселъ охотника. Лишенный мѣстными условіями степной жизни того богатства лѣсной культуры, какое доставляютъ звѣроловные районы для охотника, добывающаго войною съ животными пропитаніе для цѣлаго племени, степной кочевникъ долженъ былъ рано озаботиться прирученіемъ и разведеніемъ стадъ, въ видахъ обезпеченія собственнаго существованія. Здѣсь хищничество осложняется болѣе мирнымъ элементомъ — скотоводствомъ, представляющимъ для степняка основную статью племеннаго хозяйства и вмѣстѣ съ тѣмъ развивающимъ въ его быту бродячесть до широкихъ размѣровъ. Съ такимъ двойственнымъ характеромъ и развился у всѣхъ степныхъ племенъ монгольской расы кочевой бытъ, такъ сказать всосавшійся въ ихъ плоть и кровь. Ихъ родовые союзы изстари и до настоящаго времени сохраняютъ характеръ

---

[1]) См. D'ohsson, Hist. de Mongols, I, 404. Ср. Березина Очерки. 31. Мое соч.—Древ. монг.-калм. уставъ, 193, п. 27.

бродячихъ ордъ, переходящихъ съ мѣста на мѣсто съ своими стадами и табунами и весьма далекихъ отъ усвоенія бытовыхъ привычекъ и обычаевъ осѣдлой жизни. Отсюда и право монгольскихъ племенъ, естественно, развилось и окрѣпло на почвѣ степной, бродячей культуры и неразрывно связанной съ ней, хозяйственной системы степняковъ-скотоводовъ. Мы разсмотримъ въ настоящемъ отдѣлѣ общія причины, поддерживавшія кочевой строй всей общественной культуры калмыковъ, затѣмъ главныя формы кочевыхъ движеній и наконецъ основныя черты степнаго хозяйства калмыковъ, держась главнымъ образомъ данныхъ, воспроизведенныхъ по этимъ вопросамъ въ калмыцкихъ уставахъ 1640 и 1822 годовъ.

Кочевую жизнь, господствующую доселѣ у большинства восточныхъ инородцевъ и въ особенности у инородцевъ монгольскаго корня, нельзя считать «дѣломъ произвольнымъ, безцѣльнымъ бродяжничествомъ, чѣмъ-то въ родѣ дурной привычки и легко устранимымъ капризомъ»[1]). Шатанье современныхъ калмыковъ, киргизовъ и другихъ восточныхъ инородцевъ есть результатъ многовѣковой ихъ жизни; оно неразрывно связано со всей ихъ общественной культурой. Есть цѣлый рядъ коренныхъ причинъ, въ силу которыхъ привились къ инородцамъ и доселѣ держатся въ ихъ быту кочевыя тяготѣнія и инстинкты, — причинъ, въ виду которыхъ нѣтъ никакой возможности ни воспретить инородцамъ «безтолковое шатанье», ни искусственно завести у нихъ осѣдлую культуру, безъ существеннаго вреда и потрясенія всей жизни и обихода кочевниковъ.

Основная причина, почему кочеванье всегда и вездѣ появлялось у народовъ такъ назыв. первобытной культуры, кроется въ томъ, что тогда средства къ пропитанію племенъ легче добываются не столько организованнымъ трудомъ, сколько силой

---

[1]) См. цитированнуювыше записку къ «мотивированной инструкціи» Гейнса, стр. 15.

физической, хищничествомъ, войной съ людьми и животными. Первобытное хищничество — коренная почва кочевой культуры лѣсныхъ звѣролововъ. Тоже самое хищничество вызываетъ кочевой строй у степняковъ-скотоводовъ и придаетъ сильную политическую организацію ихъ родовымъ союзамъ. Но, кромѣ хищничества, кочеванье поддерживается у степняковъ и другими бытовыми условіями — всѣмъ строемъ и характеромъ хозяйственной (скотоводческой) культуры степняковъ, — тѣмъ, что эта культура имѣетъ по преимуществу бродячій, подвижной объектъ: степнякъ-скотоводъ слѣдуетъ за своимъ стадомъ съ мѣста на мѣсто, примѣняясь къ степнымъ условіямъ ухода и прокормленія скота, какъ и охотникъ переселяется вслѣдъ за дикимъ стадомъ, въ видахъ мѣстныхъ удобствъ его истребленія на свои нужды. Затѣмъ кочевая культура находитъ для себя пищу въ цѣломъ складѣ интеллектуальныхъ свойствъ и воззрѣній кочеваго народа. Вошедши въ его плоть и кровь, кочеванье пріобрѣтаетъ въ его быту строгій традиціонный характеръ, становится однимъ изъ главныхъ проявленій народнаго характера и поддерживается рядомъ бытовыхъ привычекъ, убѣжденій и вѣрованій религіозныхъ и иныхъ, придающихъ кочевому быту народа окоченѣлый, строго-консервативный характеръ и развивающихъ нерѣдко до поразительныхъ размѣровъ народную привязанность къ кочевому «шатанью», вмѣстѣ съ отвращеніемъ къ осѣдлой жизни и присущей ей общественной и хозяйственной культурѣ.

Тѣже самыя условія вызвали и затѣмъ постоянно поддерживали кочевую культуру у всѣхъ племенъ монгольской расы и въ томъ числѣ у русскихъ калмыковъ. У старыхъ монголовъ политическая сила и могущество родовыхъ союзовъ зависѣла, какъ отъ военной ихъ организаціи, такъ и отъ возможности быстрыхъ военныхъ предпріятій и передвиженій, т. е отъ кочеваго строя хищническихъ ордъ и дружинъ, осужденныхъ на постоянную жизнь съ оружіемъ въ рукахъ, не только ради пріобрѣтенія добычи и господства надъ сосѣдними племенами, но и въ видахъ защиты отъ внѣшняго хищничества

Въ виду этого старые монголы скучивались въ воинственныя орды, вся жизнь которыхъ строго приспособлялась къ цѣлямъ хищничества и самообороны и придавала имъ видъ подвижныхъ, военныхъ лагерей, откуда во всякое время и при всякомъ положеніи высылались военныя дружины, годныя къ быстрымъ передвиженіямъ (наступательнымъ и оборонительнымъ). Такія орды, по первому зову вождя, легко снимались съ своихъ подвижныхъ стойбищъ и стягивались у его ставки съ тѣмъ, чтобы распространить затѣмъ свои хищническіе набѣги нерѣдко на широкіе территоріальные районы. Все это обусловливало особый, подвижной строй жизни такихъ строго-воинственныхъ племенъ, какъ монгольскія въ былое время, — жизни, вполнѣ приспособленной къ постояннымъ, хищническимъ передвиженіямъ отдѣльныхъ дружинъ и цѣлыхъ боевыхъ ордъ. Если осѣдлая община преслѣдовала колонизаціонныя цѣли территоріальнаго расширенія нерѣдко также съ оружіемъ въ рукахъ, то она все таки не нуждалась въ постоянномъ, лагерномъ строѣ жизни всего народа: для этого она выдѣляла изъ себя особый общественный элементъ — подвижную «дружину», стоявшую на стражѣ колонизаціоннаго наряда своей общины. У старыхъ кочевниковъ такой дружиной являлся весь народъ, выходившій въ цѣломъ своемъ составѣ въ «поле» для хищничества или для самозащиты. Отсюда-то у монголовъ уже въ Чингисово время кочевая культура признавалась «необходимымъ условіемъ монгольскаго быта»[1]), и именно потому, что «перемѣна образа жизни произведетъ перемѣну и въ характерѣ народномъ»: отмѣна кочеваго строя воинственнаго племени неминуемо отразится въ невозможности хищническихъ набѣговъ въ старыхъ, широкихъ размѣрахъ, а съ нимъ и легкаго скопленія племенной добычи, служащей для воинственныхъ кочевниковъ главнымъ источникомъ народнаго богатства. Поддержа-

---

[1]) См. Березина Очеркъ внутр. устройства Джуч. улуса 47. Quatremère Hist. de Mongols, 68.

ніе въ народѣ воинственнаго духа и необходимость постоянной жизни съ оружіемъ въ рукахъ — политическіе мотивы кочевой жизни старыхъ монголовъ. Тѣже самые мотивы имѣли мѣсто и въ быту ойратовъ XVII—XVIII вѣковъ; у нихъ старое племенное хищничество не отмѣнялось, но лишь ограничивалось предѣлами ойратскихъ союзовъ, — уставъ 1640 г. организуетъ внѣсоюзное хищничество, какъ одну изъ основныхъ цѣлей племеннаго ойратства. При такомъ положеніи дѣлъ понятно, что и ойратское право должно было считать кочеванье народа политическимъ принципомъ ойратства. Позже хищничество начинаетъ значительно смягчаться; но оно и доселѣ еще не вполнѣ исчезло въ быту монгольскихъ племенъ. У калмыковъ, даже въ нынѣшнемъ столѣтіи, не смотря на то, что, подъ вліяніемъ политики русской власти[1]), хищничество потеряло прежній политическій характеръ, въ жизни тѣмъ не менѣе оно практиковалось до послѣдняго времени, въ особенности въ формѣ отгона скота, значительно поддерживающаго кочевые инстинкты калмыковъ[2]).

---

[1]) До конца прошлаго вѣка само правительство, какъ увидимъ ниже, въ собственныхъ интересахъ поддерживало воинственный духъ и хищничество калмыковъ, а потому считало полезнымъ поддержаніе и ихъ кочевой жизни. Политика правительства начинаетъ измѣняться въ этомъ отношеніи лишь въ нынѣшнемъ столѣтіи.

[2]) По словамъ Костенкова, даже въ новѣйшее время случалось, что калмыки, совершивъ отгонъ скота, обыкновенно въ пополненіе его убыли, напр. послѣ падежа въ суровыя зимы (какъ это было въ 1831 — 1822 или 1859—60 г.г.), чтобы скрыть слѣды, раньше обыкновеннаго откочевывали съ зимнихъ стоянокъ на лѣтнія кочевья, гдѣ легко укрыться отъ всякихъ преслѣдованій. (См. Костенкова Опис. калмыцкой степи, 123). — Интересны указанія на положенія этого дѣла у киргизовъ—сосѣдей калмыковъ, такихъ же хищническихъ кочевниковъ, какъ и эти послѣдніе. У нихъ доселѣ не исчезли инстинкты и обычаи воинственнаго племени,—хищничество въ видѣ баранты практикуется у киргизовъ издавна въ широкихъ размѣрахъ, и притомъ не только въ отношеніи къ другимъ народамъ, но и къ своимъ же однородцамъ, особенно въ формѣ мести и отгона скота. Это-то хищничество и у киргизовъ, какъ и калмыковъ, есть одна изъ причинъ, поддерживающихъ

Кромѣ собственнаго хищничества воинственнаго племени, путемъ безпрерывныхъ передвиженій съ мѣста на мѣсто добывавшаго себѣ племенное богатство въ видѣ военной добычи съ сосѣдей, кочевой бытъ находилъ также могучую поддержку въ неотложныхъ и насущныхъ интересахъ самозащиты и береженья родовыхъ союзовъ и кормившихъ ихъ стадъ и табуновъ отъ расхищенія и баранты сосѣднихъ кочевниковъ. Кочевой складъ жизни, давая возможность быстрыхъ наступательныхъ

между ними кочеванье. По этому поводу Левшинъ говоритъ, что «месть одного частнаго человѣка другому, участіе, принимаемое въ оной семействами ихъ, аулами (хотонами калм.), отдѣленіями, даже цѣлыми родами, и возникающія изъ того, безпрерывныя баранты принуждаютъ иногда сотни кибитокъ оставлять обыкновенныя жилища свои, и для избѣжанія преслѣдованій, безвозвратно переходить на другія отдаленныя мѣста. Такимъ образомъ цѣлый народъ каракалпаковъ, бывшій независимымъ, имѣвшій своихъ хановъ, и кочевавшій по р. Сырѣ, отъ частыхъ нападеній и мщенія киргизовъ за древнія обиды, разсѣялся, и въ концѣ минувшаго столѣтія потерялъ политическое бытіе свое. Въ 1740 году большая часть Средней Орды и ханъ ея Абуль-магметъ кочевали на Ори и Хобдѣ; Абуль-хаиръ жилъ тогда болѣе на берегахъ Сыра, или Кувана. Теперь видимъ совсѣмъ противное: ни одинъ изъ родовъ Средней Орды не приближается къ Оренбургу. Подобно сему, многіе аулы Алимулинскаго поколѣнія, зимовавшіе всегда на Сырѣ, по враждѣ съ однородцами своими, которыхъ покровительствуетъ Хивинскій ханъ, въ 1821 году пришли на зиму къ Илеку. Въ тоже время нѣсколько другихъ ауловъ, обыкновенно кочевавшихъ у границъ нашихъ, удалились къ Хивѣ» (см. Левшина Опис. Кирг.—Кайсацк. ордъ, III, 29—30. Ср. Гейнса записку къ «мотивиров. инструкціи», 71—75). Все это сильно поддерживаетъ кочевыя движенія между киргизами; въ большинствѣ они не обнаруживаютъ никакого побужденія къ переходу въ осѣдлый бытъ. По словамъ Левшина, правительство русское нѣсколько разъ «всѣми средствами старалось пріохотить кого нибудь изъ нихъ, хоть для примѣра, къ осѣдлости; но всѣ попеченія остались тщетными» (см. опис., 29). Лишь въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Тургайской области явились болѣе реальные признаки полуосѣдлаго быта. Большая же часть киргизской степи (кромѣ сѣверныхъ уѣздовъ) съ ея исключительно кочевымъ населеніемъ, «едва ли способна къ культурной жизни, — здѣсь могутъ жить только кочевники и скотоводы» (см. Записки Гейнса, 28 — 29). Почти тоже нужно сказать и о калмыцкой степи: если не навсегда, то надолго, она осуждена почвен-

движеній, вмѣстѣ съ тѣмъ способствуетъ защитѣ отъ внѣшнихъ набѣговъ, путемъ отступательныхъ движеній въ глубь степи — въ ея болѣе безопасныя и привольныя мѣста. Кочеванье, такимъ образомъ, придаетъ степнымъ племенамъ военную силу и могущество и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечиваетъ ихъ безопасность, организуетъ быстрыя отступленія предъ сильнымъ врагомъ и этимъ сдерживаетъ его отъ разрушительныхъ набѣговъ[1]).

ными и климатическими условіями, какъ и всѣмъ складомъ застарѣлыхъ привычекъ и обычаевъ своего кочеваго населенія, къ скотоводной, бродячей, а не колонизаціонно-земледѣльческой культурѣ.

[1]) Эти-то политическіе мотивы легли въ основу отрицательнаго рѣшенія русскаго правительства въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія по вопросу о томъ, «полезно ли будетъ поселеніе цѣлаго калмыцкаго народа, или дозволить это только небольшому числу калмыковъ»? Дѣло въ томъ, что, въ соотвѣтствіе съ предпринимавшимися при Екатеринѣ II мѣрами по колонизаціи свободныхъ казенныхъ земель, возникъ въ 1764 г., по одному частному случаю, вопросъ объ осѣдломъ водвореніи калмыковъ на отведенныхъ имъ земляхъ. Вопросъ этотъ разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что поселеніе цѣлаго калмыцкаго народа признано тогда «совершенно неполезнымъ». Для насъ важно знать самые мотивы такого рѣшенія. Они сводятся къ двумъ положеніямъ: во 1-хъ, само правительство извлекаетъ пользу изъ кочеваго образа жизни калмыковъ, и во 2-хъ, они сами находятся въ такомъ положеніи, что приведеніе ихъ къ осѣдлости нѣ принесетъ имъ пользы. Въ обоихъ отношеніяхъ русское правительство признало кочеванье «необходимымъ условіемъ калмыцкаго быта» чуть ли не на томъ же самомъ основаніи, какъ и законы монголовъ XIII в. въ отношеніи къ ихъ современному быту, т. е. смотрѣло на калмыцкую орду, какъ на военную силу, которая, по своей подвижности и военно-кочевой организаціи, вполнѣ пригодна для наступательныхъ и оборонительныхъ движеній противъ хищныхъ среднеазіатскихъ кочевниковъ. Все это какъ нельзя наглядно высказано въ Высочайше утвержденномъ докладѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ 5 іюля 1764 г. по вопросу о водвореніи цѣлаго калмыцкаго народа. «Они (т. е. калмыки) расположеніемъ своимъ въ степяхъ и частыми переходами съ мѣста на мѣсто удерживаютъ въ страхѣ сосѣднихъ варваровъ, которые никогда не знаютъ съ точностію мѣста ихъ пребыванія, и на великій или малый улусъ попасть могутъ, почему калмыки и служатъ нѣкоторымъ прикрытіемъ пограничнымъ жилищамъ отъ набѣговъ варварскихъ народовъ, а въ безпрерывномъ передвиженіи по степи находятъ

Въ настоящее время у калмыковъ потеряли старую силу и значеніе политическіе мотивы кочевой жизни, т. е. хищничество и военно-дружинная организація родовыхъ союзовъ. Но за то въ ихъ быту доселѣ остаются неприкосновенными другія явленія, которыя, въ свою очередь, постоянно поддерживали и еще долго будутъ поддерживать кочевую культуру этихъ инородцевъ. Сюда относится своеобразный складъ экономическаго быта калмыковъ, съ его особыми почвенными и климатическими условіями, къ которымъ кочевникъ безусловно долженъ приспособлять весь свой общественный бытъ.

Физическія условія и свойства калмыцкой степи изслѣдованы болѣе тщательнымъ образомъ въ сравнительно недавнее время (въ теченіи 1860—61 г.г.), именно Кумо-Манычской экспедиціей, учрежденной министерствомъ госуд. имуществъ въ 1859 г.[1]). Этой же экспедиціи мы обязаны разъясненіемъ вопроса о зависимости кочевой культуры кальмыковъ отъ фи-

---

и собственную безопасность отъ нападенія хищниковъ. Въ случаѣ поселенія всего калмыцкаго народа, степи большею частію опустѣютъ и сдѣлаются сборищемъ и убѣжищемъ тѣхъ варварскихъ народовъ, поводомъ къ набѣгамъ и къ водворенію ихъ тамъ; тогда жилища калмыковъ будутъ подвержены опасности и ихъ придется охранять, какъ и русскія селенія»; притомъ: «легкое войско, каково калмыцкое, необходимо для тамошнихъ мѣстъ; а перемѣна образа жизни произведетъ перемѣну и въ характерѣ народномъ»... «Калмыцкій народъ своимъ древнимъ обычаямъ весьма преданъ, легкомысленъ, невѣріемъ еще преисполненъ къ оставленію настоящаго образа жизни и къ воспріятію другаго». По этому признано «совершенно неполезнымъ» водвореніе цѣлаго народа: «довольно будетъ, когда только нѣкоторые изъ калмыковъ поселятся для размноженія еще очень рѣдкихъ жилищъ и для умноженія же со временемъ тамошнихъ нерегулярныхъ войскъ . . . Но пока калмыцкій народъ еще въ такомъ состояніи остается, что по всякимъ и маловажнымъ причинамъ тревожиться можетъ, по-тѣхъ-поръ нужно наблюдать, чтобъ о учиненіи изъ нихъ и нѣкоторой части заселенною стараться искуснымъ и сколь возможно такимъ образомъ, чтобы всякое могущее быть съ ихъ стороны сомнѣніе и поводъ къ колебаніямъ предупреждены были» (П. С. З. № 12198).

[1]) Ея труды изложены въ отдѣльномъ сборникѣ: Калмыцкая степь Астрах. губерніи по изслѣдованіямъ Кумо-Манычской экспедиціи Спб. 1868.

зическихъ условій мѣстъ ихъ кочевья, — вопроса о томъ, что «калмыки потому и кочевой народъ, что въ это положеніе его ставятъ физическія условія страны», что въ этихъ условіяхъ кроется причина, почему послѣдняя всегда представляла и теперь представляетъ пустыню, годную лишь для жизни кочевника-скотовода и вовсе не способную къ земледѣльческой культурѣ[1]). Площадь калмыцкаго кочевья представляетъ ровную, безлѣсную, едва лишь взбуренную степь, сложенную изъ горизонтальныхъ платовъ песчанника, степнаго известняка и солончаковъ. Чернозема въ глубинѣ степи вовсе нѣтъ; почва пропитана вездѣ солью, почему въ степи не можетъ быть иной растительности, кромѣ полыни, ковыля, солянокъ и пр. Хорошія кормовыя травы развиваются слабо и гибнутъ скоро вслѣдствіе бездождія и лѣтняго зноя[2]). Малая производительность почвы влечетъ за собой недостатокъ въ степи мѣстъ. годныхъ не только для хлѣбопашества, но и для постоянныхъ пастбищъ и сѣнокосовъ. Оттого калмыки не имѣютъ возможности, ни заготовлять необходимые запасы сѣна для прокормленія стадъ и вынуждены держать ихъ постоянно на подножномъ корму, ни держаться однихъ мѣстъ, безъ постоянныхъ передвиженій съ одного кочевья на другое, для пріисканія свѣжаго подножнаго корма для скота[3]).

Калмыцкая степь представляетъ и другой коренной недостатокъ. Именно, при отсутствіи въ степи хорошаго водоснабженія, возникаетъ для кочевника необходимость постоянно переходить съ мѣста на мѣсто, для отысканія площадей, болѣе или менѣе обильныхъ проточною или почвенною водою[4]).

---

[1]) См. Калмыц. степь, II, 76. Ср. Костенкова о калмыкахъ, 149.

[2]) Калмыц. степь, II, 65, 67, 70—71.

[3]) Костенкова о калмыкахъ, 88, 106, 108.

[4]) Лица, близко знакомыя съ калмыцкимъ бытомъ, полагаютъ даже, что этотъ недостатокъ есть основная причина кочеваній калмыковъ, и что необходимость въ пріисканіи свѣжихъ кормовъ для скота — «второстепенная» причина передвиженій калмыковъ. См. Бентковскаго Воды и степи, въ Сборн. ст. св. по Ставроп. губ. I, 112.

Какъ показали изслѣдованія Кумо-Манычской экспедиціи, въ калмыцкой степи вовсе нѣтъ постоянныхъ проточныхъ водъ[1]). Калмыки пользуются почвенною водою изъ вырываемыхъ въ степи ямъ, называемыхъ копанями или худуками. Копани разсыпаны группами по всей степи, на разстояніи одна отъ другой въ 10—30, а иногда и до 50—70 верстъ. Копани эти благодѣяніе для кочевника: они не удерживаютъ его на одномъ мѣстѣ, а дозволяютъ перекочевки, необходимыя для прокормленія скота. Но не всѣ худуки одинаково годны; не вездѣ добывается изъ нихъ хорошій водопой, въ нѣкоторыхъ содержится солоноватая вода, а есть такіе солончаки, гдѣ невозможно никакое водоснабженіе, ни въ формѣ копаней, ни въ видѣ большихъ загражденій и скоповъ воды, годной для употребленія[2]).

Такимъ образомъ, малая производительность почвы, недостатокъ въ калмыцкой степи мѣстъ, удобныхъ для постоянныхъ пастбищъ и земледѣлія, отсутствіе проточныхъ водъ и вообще хорошей системы водоснабженія, составляютъ коренныя причины, заставляющія степное населеніе держаться кочеваго образа жизни и дѣлающія невозможнымъ прочное заселеніе и колонизацію калмыцкой степи[3]). Самый характеръ и направленіе кочевыхъ движеній степняковъ зависятъ отъ различій въ

---

[1]) Причина — лѣтнее бездождіе и горизонтальность почвеннымъ пластовъ. Въ бассейнахъ же, куда приносится вода съ окружающихъ степь возвышенностей, въ лѣтнее время вода быстро высыхаетъ или же портится, дѣлается вовсе не годной для употребленія, становясь солоноватой или горьковато-затхлой отъ настоя камышемъ.

[2]) Какъ показываютъ изслѣдованія Кумо-Манычской экспедиціи, устройство въ степи большихъ загражденій и скоповъ невозможно вообще: вода быстро высыхаетъ лѣтомъ или же портится и засыпается песками. См. Калм. степь, II, 72—74. На недостатокъ у калмыковъ хорошаго водоснабженія и на существованіе у нихъ системы худуковъ указывалъ еще въ прошломъ столѣтіи Палласъ. См. Saml. I, 123.

[3]) См. Калм. степь, III, 56. Ср. Костенкова Очерки восточ. и западн. Манича. 1861, и его же Ист. и стат. свѣд. о калм. 108.

климатическихъ условіяхъ степной жизни. Различія эти происходятъ «отъ значительно большаго восточнаго положенія степи, отъ открытости ея съ сѣвера и востока дѣйствію холодныхъ вѣтровъ и наконецъ отъ самаго характера степи — мѣстности безгорной, безлѣсной и безводной». Побережья (Каспія и Волги) обладаютъ климатомъ морскимъ—умѣреннымъ, но и сильно измѣнчивымъ; внутри степи, напротивъ, господствуетъ климатъ континентальный, съ сильными жарами лѣтомъ и съ шурганами (зимними буряии), снѣжными заносами и гололедицей зимой, безъ всякихъ убѣжищъ для скота и людей, какъ въ побережьи, съ его болѣе или менѣе закрытыми низменностями (займищами), поросшими камышемъ и кустарниками. Въ виду такихъ климатическихъ различій калмыки могутъ кочевать въ срединѣ степи лишь лѣтомъ и совершенно оставляютъ ее зимой, раскочевывая въ побережной полосѣ умѣреннаго климата[1]).

При такихъ же почти физическихъ условіяхъ кочевыя жили калмыки въ старину въ среднеазіатскихъ степяхъ. Какъ видно изъ описаній путешественниковъ, посѣщавшихъ Монголію въ различныя времена, общая физіономія ея степей таже, что и калмыцкой степи: тоже отсутствіе производительной почвы, годной для земледѣлія и постоянныхъ пастбищъ; тотъ же недостатокъ водоснабженія, ограничивающагося (особенно въ срединѣ степи — знаменитой Гоби) устройствомъ обычныхъ у монголовъ и другихъ среднеазіатскихъ кочевниковъ копаней (худуковъ); тѣже рѣзкія различія въ климатѣ степи, представляющей возвышенную плоскость безводную и безлѣсную, съ переносными песчаными розсыпями и солончаками, дающими

[1]) Лишь немногіе скотоводы, имѣющіе обширныя стада, остаются на зиму въ степи, для прокормленія скота на подножномъ кормѣ, рискуя потерять свой скотъ при первомъ шурганѣ или во время снѣжныхъ зимъ и гололедицы, когда скотъ, не будучи въ силахъ пробить ледяную кору, остается безъ корма и погибаетъ цѣлыми стадами. См. Калм. степь, III, 57—58. Костенкова о калм. 106, 108. Ср. Палласа Samml. I, 122.

скудную растительность, высыхающую отъ лѣтней жары, съ рѣдкими растительными оазисами и группами худуковъ, годныхъ сколько нибудь для степныхъ перекочевокъ и временныхъ стойбищъ. Лишь полосы южная (между великой стѣной и Гоби) и сѣверная (Халха и Зюнгарія) представляютъ болѣе благопріятныя условія для кочевой и отчасти (мѣстами) осѣдлой культуры; но и здѣсь лѣтнія жары и засухи южной полосы, какъ и суровыя зимы Халхи и Зюнгаріи, вынуждаютъ степное населеніе къ постояннымъ перегонамъ стадъ для пріисканія свѣжаго подножнаго корма лѣтомъ (обыкновенно въ сѣверныхъ частяхъ степи) и болѣе теплыхъ, южныхъ стойбищъ зимой[1]).

Таковы физическія условія степи, въ силу которыхъ из-

[1]) См. Іакинѳа Зап. о Монг. II, 145 и слѣд. Тимковскаго Путеш., III, 287. Пржевальскаго Монголія, I и др. Въ силу тѣхъ же самыхъ физическихъ условій страны существуетъ кочевой бытъ у киргизовъ и другихъ средне-азіатскихъ племенъ. Интересныя замѣчанія о причинахъ постоянныхъ перекочевокъ у киргизовъ изложены въ цитированной выше запискѣ Гейнса. Указавъ на значеніе скота въ жизни степняка-кочевника и на непропорціональность между производительностію страны и обширностію размѣровъ степнаго (скотоводческаго) хозяйства киргизовъ, какъ на одну изъ главныхъ причинъ ихъ передвиженій съ мѣста на мѣсто (см. ниже), авторъ говоритъ далѣе, что кочеваніе зависитъ еще отъ особенныхъ условій зимняго хозяйства. Мы приведемъ здѣсь соображенія автора по этому вопросу, въ виду того, что соображенія эти вполнѣ подходятъ и къ условіямъ кочевой жизни калмыковъ. «Зимовки, или мѣста, на которыхъ кормится скотъ зимою, выбираются самымъ тщательнымъ образомъ и повсемѣстно занимаютъ самыя лучшія части степи. По невозможности для киргиза накашивать сѣно для прокормленія скота въ теченіе всей зимы, послѣдній тебенюетъ, т. е. достаетъ на зимовкахъ самъ себѣ кормъ изъ-подъ снѣга. Кормить лѣтомъ скотъ на зимовкахъ не только нельзя, но, сберегая траву на зиму, нужно отгонять его оттуда на лѣтовки, пустыя, никѣмъ не занятыя и наименѣе производительныя части степи. Оттого лѣтомъ стадамъ приходится дѣлать большіе концы для своего прокормленія уже потому, что лѣтовки занимаютъ наименѣе плодородныя части даже киргизской степи. Всѣ эти факты обусловливаютъ необходимость кочеваній, которыя иногда бываютъ очень далекими». Говоря затѣмъ о необходимости оставлять скотъ на подножномъ

стари существуетъ у калмыковъ кочеванье, перегонъ скота съ одного мѣста на другое. Калмыкъ кочуетъ въ видахъ прокормленія и охраны скота, приспособляясь къ мѣстнымъ, именно почвеннымъ и климатическимъ условіямъ степи. Но такіе перегоны зависятъ также отъ самаго характера и направленія хозяйственной культуры калмыковъ,—отъ подвижности, бродячести ея основнаго объекта—стадъ и табуновъ, и отъ исключительнаго значенія послѣднихъ въ степномъ хозяйствѣ. Въ своихъ стадахъ степнякъ имѣетъ главный источникъ племеннаго богатства, — изслѣдователи быта степныхъ кочевниковъ не безъ основанія говорятъ, что они «живутъ почти исключительно для стадъ»[1]). Для своего благосостоянія кочевникъ нуждается въ широкомъ развитіи скотоводства — единствен-

корму круглый годъ, авторъ замѣчаетъ, что «на каждаго киргиза приблизительно приходится скота въ 8 разъ болѣе, чѣмъ на каждаго европейца, т. е. еще во столько же разъ труднѣе заготовлять сѣна для своего скота. Если къ тому предположить, что киргизская степь едва ли не въ десять разъ менѣе производительна чѣмъ Европа, то можно предположить также, что киргизу, по сравненію съ европейцемъ, нужно употребить въ 80 разъ болѣе труда для заготовленія скоту сѣна, — т. е. заготовлять сѣно для своего скота онъ не можетъ . . . и долженъ оставлять свой скотъ на подножномъ корму круглый годъ. Сохраняя же на зимовкахъ подножный кормъ, необходимо переходить лѣтомъ на менѣе богатыя травою части степи, или кочевать на такъ назыв. лѣтовкахъ». См. Гейнса Зап. къ «мотивир. инстр». 18—21.

[1]) Левшина Опис. кирг. III, 18. Интересны и въ этомъ отношеніи замѣчанія Гейнса о значеніи скота для киргиза. «Киргизъ живетъ для скота — единственнаго источника своего существованія. Всѣ его мечты, желанія и интересы группируются около стадъ, какъ около исключительной причины его матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія. Если у киргиза много скота — всѣ его нужды удовлетворены; онъ большой, важный, уважаемый человѣкъ. Безопасность и неприкосновенность его стадъ есть вопросъ, касающійся всѣхъ родичей, которые смотрятъ на его богатство, какъ на предметъ общественнаго интереса и гордости». Для кочевника охрана скота—главная, если не единственная цѣль въ жизни: «киргизъ живетъ для своего скота, примѣняетъ свою жизнь къ жизни стадъ, подчиняетъ нужды семьи и свои привычки соображеніямъ объ удобствѣ стадъ. Благополучіе скота ставится выше

ной хозяйственной статьи, которая при мѣстныхъ условіяхъ можетъ поддерживать существованіе степнаго человѣка. Возможно бóльшее накопленіе и сбереженіе стадъ и табуновъ — жизненная цѣль скотовода; чтобы не выйти изъ степи и родовой защиты въ безпомощное и безправное состояніе «байгучи» (бѣдняка, изгоя, лишившагося стада), степнякъ бережетъ и кормитъ свой скотъ, направляя его движеніе по обычнымъ кочевымъ путямъ. Безъ передвиженія и перегона стадъ, ихъ накопленіе и богатство встрѣчало бы неодолимыя препятствія въ условіяхъ степи, мало производительной, безъ полныхъ удобствъ прокормленія и охраны стадъ. Изъ этой-то непропорціональности между производительностію степи и обширными размѣрами степнаго скотоводства, сама собою, вытекаетъ необходимость постоянныхъ перегоновъ скота съ одного стойбища на другое, отъ худука къ худуку, отъ одного растительнаго оазиса къ другому, — необходимость захватывать для перекочевокъ болѣе или менѣе широкіе территоріальные районы (причемъ «размахъ» такихъ захватовъ зависитъ отъ плодородія почвы и количества пасущагося скота), расползаться въ степи, избирая въ ней лучшія мѣста для зимняго кочевья и менѣе удобныя для лѣтовокъ[1]).

благополучія души и семьи . . . Общій характеръ и детали (степной жизни) сложились изъ необходимости тяжкимъ трудомъ охранять и кормить стада въ мало производительной степи». См. Гейнса Зап. 16—18.

[1]) На непропорціональность широкаго развитія скотоводства, какъ главнаго условія благосостоянія степныхъ кочевниковъ, съ мѣстными удобствами кочевья, указываютъ почти всѣ изслѣдователи быта калмыковъ, какъ на одну изъ причинъ, поддерживающихъ между ними кочевые инстинкты. Еще Палласъ утверждалъ, что «широкое развитіе скотоводства заставляетъ калмыковъ, какъ и всѣхъ пастушескихъ народовъ, мѣнять по временамъ пастбища, чтобы искать для своихъ стадъ свѣжіе кормы» и пр. (См. Samml. I, 122). По словамъ Левшина, «первый и почти единственный источникъ богатства киргиз. ордъ состоитъ въ скотоводствѣ, а для поддержанія онаго въ такой же обширности, въ какой оно теперь, необходимы мѣста пространныя, которыя не могутъ и не должны имѣть точныхъ предѣловъ» (Описаніе

Такимъ образомъ, кочеванье калмыковъ, какъ и другихъ степныхъ племенъ, населяющихъ среднеазіатскія равнины, нужно считать главнымъ политическимъ и экономическимъ принципомъ всей ихъ общественной культуры. Отсюда понятно, на сколько кочевые обычаи и инстинкты должны были вкорениться въ народной жизни степняковъ, сростись съ характеромъ народа, со всѣмъ складомъ его бытовыхъ воззрѣній и вѣрованій. По отзыву изслѣдователей, наблюдавшихъ кочевой бытъ у калмыковъ и другихъ восточныхъ инородцевъ, они «свято хранятъ перешедшій къ нимъ отъ предковъ обычай кочевой жизни, чрезвычайно къ нему привязаны, — наклонность къ нему усвояется привычкой, пріобрѣтаемой съ дѣтства и укореняющейся по мѣрѣ достиженія зрѣлыхъ лѣтъ»[1]. Крѣпость кочевыхъ обычаевъ калмыковъ, приверженность ихъ къ привольной, подвижной жизни въ своихъ безпредѣльныхъ степяхъ, всегда имѣлись въ виду правительствомъ, при возбужденіи вопроса объ осѣдломъ водвореніи калмыковъ. Цитированный вы-

киpг. III, 26). Ставя вопросъ: «отчего зависитъ кочеванье», Гейнсъ прежде всего имѣетъ въ виду непропорціональность между производительностью степи и большими размѣрами стадъ, ею кормящихся. «Чѣмъ пустыннѣе и непроизводительнѣе страна, и чѣмъ больше скота пасется въ одномъ стадѣ, тѣмъ скорѣе истребляется на опредѣленномъ мѣстѣ кормъ и тѣмъ требуется большая площадь земли для его пропитанія. Отъ этихъ двухъ условій и зависитъ необходимость кочеванія киргизскихъ стадъ по степи. Степь — мало производительна, количество же скота у киргизовъ непропорціонально велико, что и заставляетъ ихъ передвигаться съ своими стадами на большія разстоянія или кочевать. Пока скотъ не подобралъ кормовъ въ окрестности, киргизъ никогда не станетъ кочевать; когда же его стада, вытравивши кормъ и побуждаемыя голодомъ, станутъ уходить все далѣе и далѣе отъ аула, киргизъ поднимается со своимъ семействомъ и слѣдуетъ за стадами, только направляя ихъ по принадлежащимъ ему кочевымъ путямъ. Кочеваніе происходитъ медленно и на небольшія разстоянія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ сравнительно богатые кормы; но оно по необходимости производится почти безостановочно и на далекія разстоянія въ бѣдныхъ частяхъ степи» (Гейнса Зап 18).

[1]) См. Бюлера Инородцы, въ От. Зап. 1846, № 8, стр. 90.

ше отзывъ коллегіи иностр. дѣлъ (1764 г.) мотивируетъ «неполезность» ихъ водворенія, между прочимъ, тѣмъ, что «калмыцкій народъ своимъ древнимъ обычаямъ весьма преданъ, легкомысленъ, невѣріемъ еще преисполненъ къ оставленію настоящаго образа жизни и къ воспріятію другаго». Тотъ же самый мотивъ выставляла мѣстная администрація и позже (именно въ 1834 г.), когда снова былъ поднятъ вопросъ о водвореніи калмыковъ: астраханскій губернаторъ отозвался отрицательно, ссылаясь на то, что «они всякую перемѣну въ домашнемъ ихъ быту, съ обычаями предковъ не согласную, считаютъ какъ бы за грѣхъ»[1]). Кочевые степняки крѣпко держатся своей подвижной жизни, между прочимъ, и въ силу народныхъ убѣжденій въ томъ, что «они должны потерять свободу», лишь только перейдутъ къ осѣдлому быту[2]). И это понятно: кочевые обычаи равно дороги и для стараго хищника-монгола, и для современнаго калмыка-скотовода. Первый дорожилъ преимущественно политической стороной кочеванья, видѣлъ въ немъ гарантію личной и племенной свободы и могущества; второй привязанъ къ перегонамъ по кочевымъ путямъ и урочищамъ прежде всего въ интересахъ хозяйственнаго благосостоянія и свободы, — видитъ въ кочеваньи главное условіе прокормленія и охраны стадъ, а слѣдов. и возможную въ степи гарантію его матеріальнаго богатства, удерживающую его отъ перехода въ безпомощное и почти безправное состояніе байгучей.

Наконецъ, къ интересамъ политическимъ и экономическимъ, взростившимъ кочевой бытъ калмыковъ, примыкаютъ также интересы и воззрѣнія религіозныя, въ свою очередь вліявшія до значительной степени на укорененіе въ народной жизни степняковъ кочевыхъ инстинктовъ и привычекъ. По буддійскимъ обычаямъ, рытье земли, уничтоженіе растительности

---

¹) Бюлера Инородцы, въ От. Зап. 1846, № 10, стр. 75, 88.
²) Левшина Опис. Кирг. Кайс. ордъ, III, 29.

и орошеніе, т. е. главныя операціи земледѣльческой культуры, принадлежатъ къ «pâсі» — проступкамъ противъ обѣтовъ (запрещенныхъ заповѣдей Зинз. улож.), требуемыхъ отъ буддійской духовной общины[1]). Не касаясь прямо міринъ-буддистовъ, правила эти, рядомъ съ воззрѣніями политическими и экономическими, могли однако, хоть и косвенно, но тѣмъ не менѣе сильно вліять на общее нерасположеніе ламаитовъ-монголовъ и калмыковъ къ земледѣлію и вкоренять и безъ того глубокую и исконную привязанность ихъ къ кочевой культурѣ.

Показавъ причины, отъ которыхъ зависитъ кочеваніе калмыковъ, перейдемъ къ разсмотрѣнію его по самому существу, какъ одного изъ основныхъ институтовъ общественной культуры этихъ инородцевъ. Мы коснемся здѣсь, главнымъ образомъ, распредѣленія мѣстъ кочевья между родовыми союзами и самой системы и порядка кочевыхъ передвиженій, смотря по условіямъ мѣста и времени кочевки[2]).

Уже замѣчено нами, что главнымъ мотивомъ стараго ойратства монгольскихъ племенъ было расширеніе племеннаго хищничества и степной культуры кочевниковъ на возможно широкіе, территоріальные районы (см. выше стр. 230). Отсюда естественно вытекало основное начало кочеваго права ойратовъ — начало *общинно-племенныхъ* отношеній кочевниковъ къ раз

---

[1]) Въ «Пратимокша-Сутра» (будд. служебникѣ) встрѣчаемъ три правила, относящіяся къ нашему вопросу: «если духовный станетъ рыть или заставитъ рыть землю, это pâсі» (п. 10); «уничтоженіе растительности есть pâсі» (п. 11); «если духовный сознательно станетъ поливать траву или кирпичи водою съ живыми существами» (п. 20). См. Прат.-Сутра, въ переводѣ Минаева, стр. 43—44.

[2]) Калмыцкіе уставы даютъ указанія, главнымъ образомъ, по вопросу о распредѣленіи мѣстъ кочевья между родовыми союзами; система же кочевыхъ передвиженій опредѣляется исключительно обычнымъ правомъ. По послѣднему вопросу мы приведемъ главнѣйшія данныя, извлеченныя изъ наблюденій надъ современнымъ бытомъ инородцевъ, несомнѣнно слѣдующихъ въ своихъ кочевыхъ передвиженіяхъ изстариннымъ народнымъ обычаямъ.

добытымъ ими силой оружія или инымъ путемъ занятымъ ими, территоріальнымъ районамъ. И далѣе: всѣмъ кочевымъ народамъ присуще воззрѣніе на мѣста ихъ кочевокъ, какъ на общеплеменное поприще ихъ хищнической культуры, — старый кочевникъ не зналъ лично и не признавалъ за другими индивидуальнаго права собственности на землю. Земля, служившая у древнихъ монголовъ исключительно для пастбищъ, составляла общее достояніе цѣлаго племени и распредѣлялась его родоправителями между отдѣльными родами по мѣрѣ надобности и мѣстнымъ удобствамъ, при чемъ ханы могли жаловать землю лишь въ «потомственную аренду»[1]). Извѣстны, кромѣ того, племенныя стремленія монголовъ къ территоріальнымъ захватамъ, — стремленія, въ полной силѣ обнаружившіяся въ эпоху Чингисова ханства и поддерживавшіяся позднѣйшими ойратскими союзами. Захваты эти коренятся въ упомянутомъ воззрѣніи кочевниковъ на территорій, какъ на общеплеменное достояніе ихъ хищнической дѣятельности. Тамъ же слѣдуетъ искать объясненія причинъ тѣхъ постоянныхъ приливовъ и отливовъ кочевыхъ ордъ, какими наполнена исторія монгольскихъ и калмыцкихъ движеній вплоть до послѣдней четверти прошлаго вѣка. Считая своимъ племеннымъ территоріемъ все пространство, занятое кочевьями ойратскихъ племенъ, каждое изъ этихъ послѣднихъ, въ силу ойратскаго права, могло свободно производить свои перекочевки въ предѣлахъ кочеваго территорія ойратовъ, — могло передвигаться съ своими стадами на свободныя мѣста, не занятыя другими, союзными племенами. Такъ выходцы изъ Зюргаріи и Монголіи перекочевывали въ XVII и XVIII вѣкахъ въ свободныя степи приволжскихъ и алтайскихъ калмыковъ и прибайкальскихъ бурятъ, и именно въ силу основнаго начала ойратскаго права монголовъ объ общинноплеменномъ обладаніи всѣмъ территоріемъ, занятымъ кочевьями отдѣльныхъ союзныхъ родовъ и ордъ. Въ силу же ойратства

---

[1]) См. Березина Очеркъ внут. уст. Джуч. ул., 39, 46.

русскихъ калмыковъ съ центральными стойбищами среднеазіатскихъ монголовъ[1]) происходили до конца прошлаго вѣка и обратныя перекочевки калмыцкихъ родовъ и цѣлыхъ ордъ изъ-за Урала и Волги въ глубь среднеазіатскихъ степей[2]). — Тоже самое начало общеплеменнаго пользованія землей высказывается въ принятой калмыцкими уставами (1640 и 1822 г.г.) системѣ распредѣленія мѣстъ кочевья между родовыми союзами и затѣмъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, было санкціонировано русскими законами. Такимъ образомъ, калмыкамъ предоставлена для общаго кочевья, на правахъ общинно-родоваго пользованія, обширная степная площадь (слишкомъ 10 милл. десятинъ) въ Астраханской губерніи и другихъ степныхъ мѣстностяхъ юго-восточной Россіи[3]). На всемъ пространствѣ общаго кочевья калмыковъ встрѣчаются лишь незначительныя

---

[1]) До окончательнаго распаденія ойратскаго союза въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка, калмыки принадлежали къ этому союзу; почему у нихъ напр., получили силу законы ойратскаго главы Галдана, изданные чрезъ 30—40 лѣтъ послѣ прикочевки калмыцкой орды въ русскія степи и признанія ею русской власти. Послѣднее не мѣшало имъ принадлежать къ среднеазіатскому ойратству, быть въ этомъ отношеніи такими же «двоеданцами» какъ и алтайскіе калмыки (до половины XVIII в.) или урянхайцы (до 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія). См. мое соч. — Древн. Монг.-калм. уставъ. 231 — 232.

[2]) Этимъ объясняется и извѣстная катастрофа 1771 г. Причины ея — не одни мѣстныя обстоятельства (напр., водвореніе нѣмецкихъ колоній, слухи о переселеніи калмыковъ во внутреннія губерніи для насильственнаго водворенія и пр.), но главн. обр. старыя ойратскія связи калмыковъ съ среднеазіатскими родичами. Перекочевка калмыцкой орды въ 1771 г.—неудавшійся опытъ сплоченія монголовъ и освобожденія ойратскихъ племенъ отъ чужеземной зависимости.

[3]) Какъ извѣстно, калмыки съ 1630 г. заняли своими кочевьями степь между рѣками Ураломъ и Волгою. Вскорѣ они признали надъ собой русскую власть, но еще долго не были опредѣлены границы земель, предоставленныхъ имъ для кочевья, и потому калмыки свободно занимали всѣ пустынныя пространства луговой (лѣвой) стороны Волги, а иногда перекочевывали и на нагорную сторону. Лишь подъ конецъ XVII в. правительство признало необходимымъ обозначить предѣлы кочевья калмыковъ: въ 1687 г. ханъ Аюка по требованію правительства, обязался «кочевьемъ улусовъ своихъ отъ Во-

оазисы частныхъ владѣній, какими разновременно надѣлялись (съ половины прошлаго вѣка) немногіе нойоны и зайсанги, получавшіе въ надѣлъ на правѣ собственности участки казенныхъ земель[1]).

ги рѣки не отходить», съ тѣмъ, «чтобъ отнюдь никто на нагорную сторону рѣки Волги сами владѣльцы не ходили и людей своихъ не посылали» (П. С. З. № 2207, §§ 1 и 3; ср. № 2291). Послѣ ухода калмыцкой орды въ 1771 г. оставшаяся часть калмыковъ постепенно стала сосредоточиваться на правой сторонѣ Волги, пока не послѣдовалъ (въ 1800 г.) указъ объ отводѣ калмыкамъ «во владѣніе всѣхъ тѣхъ земель (нагорной стороны Волги), на коихъ до ухода за границу калмыки имѣли свое кочевье» (ib. № 19575). Въ 1802 г. имъ отведено отъ Царицына до береговъ Каспія «количество земли, нужное для пастьбы стадъ и табуновъ ихъ, такъ чтобы разныя орды въ кочевьяхъ своихъ стѣснены не были, и чтобъ къ угодьямъ земель калмыцкихъ отдалить всякое постороннихъ людей къ нимъ притязаніе» (ib. № 20248). Наконецъ, начало *общаго* пользованія степью было вполнѣ формулировано положеніемъ 1806 г. объ отводѣ земель для калмыцкаго кочевья: положеніе привело въ извѣстность, сколько нужно калмыкамъ земли по числу кибитокъ для пастбищъ и для перемѣны кочевья сообразно времени года, и съ этою цѣлью предоставило имъ нагорную степь для *общаго* кочевья всего народа, позволивъ владѣльцамъ, поочереди, переходить лѣтомъ за р. Волгу (ib. № 22135, п. 1 и 2). Современное положеніе (1847 г.) «объ управленіи калмыцкимъ народомъ» считаетъ земли, отведенныя ему отъ казны, «состоящими у нихъ на *правѣ общаго пользованія*» (ib. II, т. XXII, № 1144, § 6). Ср. Костенкова о калм. 71, 78, 86. Калм. степь по изслѣд. Кумо-Ман. экспед. III, 97. Бюлера, въ Отеч. Зап. 1846, № 8, стр. 70, 71; № 10, стр. 78. Сборн. ст св. по Ставр. губ. I, 78.

[1]) См. Биб. для чт. CXIII, № 5, стр. 47, 50 и др. Сборн. ст. св. по Ставроп. губ. II, 97. Первый опытъ участковаго надѣла калмыковъ землей, и именно съ цѣлью осѣдлаго водворенія, сдѣланъ былъ въ 1744 года, когда часть калмыковъ (крещеныхъ) была переведена въ Ставрополь (на Волгѣ) съ цѣлью водворенія; но и доселѣ калмыки здѣсь занимаются исключителько скотоводствомъ, — участки же свои обыкновенно отдаютъ въ обработку русскимъ крестьянамъ (см. Нефедьева о волжскихъ калм. 56. Отеч. Зап. 1844, т. 35; 1846, № 10; ст. 64—65). Что касается калмыковъ астраханской степи, то здѣсь опыты надѣла землей на правахъ собственности съ цѣлью водворенія начинаются съ 1764 г.; но, какъ уже замѣчено мной, частныя владѣнія составляютъ доселѣ едва замѣтные оазисы на обширномъ пространствѣ калмыцкой степи, состоящей въ общемъ владѣніи калмыцкихъ улусовъ и ихъ родовыхъ отдѣленій (см. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 10, стр. 75, 77 Кос-

Общеродовыя кочевья распредѣлялись еще у старыхъ монголовъ на основаніи «потребностей»[1]). И ихъ потомки, перекочевавшіе въ XVII вѣкѣ въ русскія степи, получили для «общаго кочевья» земли, «сколько нужно по числу кибитокъ, для пастбищъ и для перемѣны кочевья, сообразно времени года» (см. П. С. З. № 20248 и 22135)[2]). Распредѣленіе мѣстъ кочевья между родами зависѣло изстари отъ родоправителей. Еще при Чингизидахъ было у монголовъ такъ заведено, что «никто не смѣетъ жить нигдѣ, кромѣ того мѣста, которое онъ (великій ханъ) ему назначитъ. Онъ назначаетъ, гдѣ кочевать воеводамъ, тысячники сотникамъ, сотники десятникамъ», — сообразно съ этимъ и «пастбища раздѣлялись между народомъ на основаніи потребностей и по волѣ начальства»[3]). Тотъ же самый порядокъ, въ существѣ вещи, удерживается доселѣ у калмыковъ. По свидѣтельству Палласа «для предотвращенія безпорядковъ и споровъ, князья (нойоны) во всѣ времена года вступаютъ въ соглашенія о мѣстахъ, гдѣ они могутъ передвигаться съ своимъ народомъ»[4]). Обычай общихъ соглашеній родоправителей (на родовыхъ сходахъ) констатируется и позднѣйшими указаніями источниковъ. Въ 1806 г. при приведеніи въ исполненіе изданнаго въ этомъ году положенія объ отводѣ калмыцкихъ земель, занимаемыхъ калмыками по общему «согласію» ихъ владѣльцевъ (П. С. З. № 22135. § 2), послѣдніе были созваны на сходъ и отобрано отъ нихъ «согласіе на непремѣнное назначеніе зимнихъ кочевьевъ, кото-

тенкова о калм. 73 и слѣд.) Съ 1862 г. какъ будетъ сказано ниже, постепенно вводится въ калмыцкой степи новая система степнаго хозяйства — : участкамъ земель, отводимыхъ на извѣстныхъ условіяхъ родоправителямъ : отдѣльнымъ родамъ (аймакамъ), съ опредѣленнымъ размѣромъ земли (см. Костенкова о калм. 89—90).

[1]) Березина Очеркъ, 46.

[2]) Ср. Небольсина, въ Биб. для чт. 1852, № 5, стр. 50 и слѣд.

[3]) См. мое соч. — Древн. монг.-калм. уставъ, стр. 274.

[4]) Палласа Saml. I, 122.

рыя они, полюбовно между собою расположивъ, учинили о томъ письменное постановленіе»[1]).

Первоначально калмыки свободно кочевали по всей степи, занятой ими при первой перекочевкѣ ихъ въ русскіе предѣлы, безъ точнаго опредѣленія границъ земель, предоставленныхъ имъ для общаго кочевья. Лишь съ конца прошлаго вѣка (именно съ 1687 г.) правительство стало заботиться о томъ, чтобы были обозначены предѣлы калмыцкаго кочевья, съ отводомъ имъ земель, съ которыхъ они не должны были переходить на другія мѣста[2]). Но при этомъ указана была лишь общая грань калмыцкаго кочевья, безъ точнаго и подробнаго разграниченія ихъ между улусами[3]). И въ настоящее время русскіе законы признаютъ калмыцкую степь общимъ владѣніемъ улусовъ, не установивъ ни опредѣленныхъ границъ между улусами, ни опредѣленныхъ пространствъ для кочевки улусныхъ родовъ[4]): все это зависитъ отъ обычаевъ и соглашенія улусныхъ правителей. Оттого кочевыя движенія производятся все таки правильно, по однимъ и тѣмъ же извѣстнымъ мѣстамъ, предоставленнымъ каждому улусу въ отдѣльности[5]). Въ этомъ случаѣ русскій законъ собственно лишь констатировалъ изстаринную систему распредѣленія мѣстъ кочевья по обычному праву калмыковъ. По старому ихъ уставу требуется, чтобы каждый родъ и индивидъ кочевалъ на своемъ мѣстѣ (по статьѣ 165, «кто, кромѣ опредѣленнаго къ кочеванію

---

[1]) См. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 8, стр. 71. По нынѣ дѣйствующему положенію 1847 г. объ управленіи калм. народомъ, распредѣленіе мѣстъ для кочевокъ между улусами, какъ и наблюденіе за правильностію кочевокъ, принадлежатъ главному попечителю и мѣстнымъ улуснымъ попечителямъ. П. С. З. II, т. XXII, № 1144, § 221. Ср. Костенкова о калм., 108.

[2]) Костенкова о калм. 71, 78.

[3]) Нефедьевъ говоритъ, что «при перекочевкахъ не наблюдается никакого разграниченія, ни раздѣленія между улусами земель, но это не нарушаетъ согласія». См. о волж. калм. 116.

[4]) Межами ограничены лишь земли хошоутовскаго улуса.

[5]) См. Калм. степь, III, 97.

мѣста, будетъ кочевать на чужомъ мѣстѣ» . . .) и имѣлъ свои опредѣленныя урочища, предназначенныя для кочевыхъ стойбищъ и пастьбы скота. Такія урочища, по свидѣтельству очевидцевъ, «издавна и безобидно распредѣленныя между улусами, вошли уже въ обычай и не измѣняются безъ особенной надобности и заявленій о томъ народа»[1]). Система кочевыхъ урочищъ приспособляется къ родовымъ развѣтвленіямъ и комбинаціямъ, существующимъ въ средѣ кочующихъ на нихъ инородцевъ. По калмыцкому праву кочевыя угодья и урочища распредѣляются между скотоводами по-улусно (уст. 1640 г. ст. 157; Зинз. улож. ст. 38, 118, 119), — начало, принятое затѣмъ и русскими законами[2]). Въ настоящее время калмыцкая степь раздѣляется между улусами по болѣе или менѣе широкимъ полосамъ, на пространствѣ которыхъ передвигаются по кочевымъ путямъ калмыцкія стойбища[3]). Внутри улусныхъ полосъ распредѣленіе кочевья регулируется между родами не сплоченно, большими массами[4]), но по родовымъ группамъ и и отдѣленіямъ — родамъ (отокамъ), аймакамъ и пр.[5]). Полосы кочевья родовыхъ группъ тянутся болѣе или менѣе длинной лентой (путями) по всей улусной полосѣ, не пріурочены къ данному и неизмѣнному пункту улуснаго кочевья. Кочеванье внѣ своихъ полосъ, на «чужихъ» мѣстахъ, запрещается изстари калмыцкимъ правомъ, какъ и русскими законами[6]). На-

---

[1]) См. Костенкова о калм 109.

[2]) По положеніямъ 1806 и 1847 гг. земли распредѣляются поулусно — каждый улусъ кочуетъ отдѣльно на опредѣленной ему землѣ, кромѣ тѣхъ которыхъ мѣстъ, назначенныхъ для очереднаго кочевья (на лѣвой сторонѣ Волги) или для общаго пользованія калмыковъ всѣхъ вообще улусовъ (Ставчаги и калм. базаръ). Очередное кочевье теперь оставлено калмыками по неудобству и отдается въ арендное содержаніе киргизамъ въ пользу калм. обществ. капитала (Костенкова о калм. 78).

[3]) См. Калм. степь, III, 97; Костенкова о калм. 110—116.

[4]) По замѣчанію Левшина, при кочеваньи большимъ числомъ на одномъ мѣстѣ, «стадамъ ихъ бываетъ тѣсно». См. Опис. кирг. ордъ. III, 24.

[5]) См. уставъ 1640 г. ст. 157, 165. Зинз. улож. 37, 38, 118—120.

[6]) Положеніе 1806 г, допускаетъ, впрочемъ, вкочевки калмыковъ въ дачи владѣльческія въ случаѣ суровыхъ зимъ (§ 10).

конецъ, родовое право на данное кочевье признается не только за цѣлыми родовыми союзами, но и за каждой кибиткой и индивидомъ. По Зинз. уложенію кто, съ дозволенія владѣльца, уволенъ на жительство въ другой улусъ, тотъ «не отдѣляется своего сословія», — если пожелаетъ затѣмъ перейти въ свой улусъ, то опять можетъ кочевать въ своемъ родѣ (ст. 118).

Система общинно-участковаго, по-улуснаго распредѣленія мѣстъ кочевья калмыковъ выросла на почвѣ физическихъ условій степныхъ урочищъ, приноровлена какъ нельзя лучше къ этимъ условіямъ и вообще имѣетъ безусловно необходимое значеніе для степняковъ-скотоводовъ, съ ихъ большимъ скотоводствомъ, которое можетъ идти успѣшно лишь подъ условіемъ обширности и разнообразія кочевыхъ урочищъ, распредѣляемыхъ между скотоводами примѣнительно къ мѣсту и времени кочевокъ. Система эта до послѣдняго времени не испытывала никакихъ существенныхъ измѣненій; но съ 60-хъ годовъ, рядомъ съ поулуснымъ распредѣленіемъ степи, правительство стало вводить новую систему—распредѣленіе степныхъ земель на постоянные (аймачные) участки, съ постепенной отмѣной существующей системы общеродовыхъ, поулусныхъ полосъ калмыцкаго кочевья Новая система возникла, какъ результатъ правительственныхъ мѣръ относительно осѣдлаго водворенія калмыковъ; для чего признано было необходимымъ болѣе раціональное устройство ихъ степнаго хозяйства, именно на такихъ началахъ, которыя «могли бы пріучить народъ къ постепенному переходу отъ кочевой жизни къ осѣдлой». Но, какъ полагали мѣстные администраторы, стоявшіе за новую систему, «при общинномъ пользованіи степью, осуществленіе этой мѣры невозможно: какъ бы ни была правильно распредѣлена степь между улусами, какіе бы ни были введены строгіе порядки въ отношеніи кочевокъ, ничто не можетъ служить гарантіею для безобиднаго пользованія пастбищами. Право сильнаго будетъ невольно проявляться на каждомъ шагу. И можетъ ли хозяинъ—скотоводъ, устроившій свое степное хозяйство, быть увѣреннымъ, что онъ будетъ пользоваться избраннымъ имъ

участкомъ постоянно»? Руководясь этимъ взглядомъ, министерство госуд. имуществъ въ 1862 г. разрѣшило отводъ калмыкамъ, для устройства степнаго ихъ хозяйства, участковъ земли въ опредѣленныхъ размѣрахъ[1]), при чемъ участки отводятся такъ, чтобы зайсангъ и всѣ калмыки его аймака находились въ одномъ мѣстѣ[2]). — Мѣры эти не привели, однакожъ, къ упроченію осѣдлости между калмыками: получившіе надѣлы на указанныхъ условіяхъ не имѣютъ доселѣ прочныхъ поселеній, появившихся лишь у весьма немногихъ владѣльцевъ и зайсанговъ, получившихъ въ прежнее время на правѣ собственности участки казенной земли[3]). И это понятно: обширное скотоводство — единственная хозяйственная статья, сколько нибудь обезпечивающая степнаго скотовода въ мало производительной степи, не даетъ возможности дробить степь на постоянные участки, съ уничтоженіемъ общиннаго пользованія, т. е. безъ возможности передвигаться по степнымъ урочищамъ, смотря по времени и мѣсту кочевья. Для поддержанія обширнаго скотоводства, по вѣрному замѣчанію Левшина, необходимы «мѣста пространныя», которыя (и это самое главное) «не могутъ и не должны имѣть точныхъ предѣловъ», т. е. должны находиться въ общемъ, безраздѣльномъ пользованіи[4]). Если поулусное распредѣленіе степи по обычному праву дѣй-

---

[1]) Нойонамъ по 1500 десят., зайсангамъ аймачнымъ по 400, безаймачнымъ по 200 дес. на семью; для простолюдиновъ принята норма надѣла въ душу муж. пола отъ 20 до 60 дес., смотря по удобству избираемой земли.

[2]) Съ непремѣннымъ условіемъ приступить, въ теченіи года, къ устройству хозяйственныхъ заведеній, въ особенности базовъ, или загоновъ для скота; иначе участки передаются другимъ калмыкамъ. См. Костенкова о калм., 88—89.

[3]) См. Сборн. ст. св. по Ставр. губ. II, 97. Къ 1869 году были отведены надѣлы на указанныхъ условіяхъ 1 владѣльцу, 48 зайсангамъ и 7[illegible] простолюдинамъ (изъ 68 тысячъ по ревизіи 1869 г.), въ количествѣ 709[illegible] десятинъ (изъ 8 милліоновъ дес., состоящихъ у калмыковъ въ общемъ пользованіи). См. Костенкова о калм. 89, 96, 150—160.

[4]) См. Левшина Опис. Кирг. ордъ, III, 26.

ствительно не вполнѣ гарантируетъ безобидное пользованіе пастбищами, то это зависитъ не отъ «общинности» владѣнія степью, а скорѣе отъ нравовъ народа, въ плоть и кровь котораго всосалось хищничество. Отъ него не спасетъ и система постоянныхъ надѣловъ: и при ней не всегда возможно «безобидное» пользованіе пастбищами, хоть уже потому напр., что эта система идетъ въ разрѣзъ съ обычнымъ правомъ народа. И далѣе: «общинность», сама по себѣ, не уничтожаетъ въ скотоводѣ увѣренности въ прочномъ положеніи его хозяйства, хотя бы своимъ кочевьемъ онъ не пользовался постоянно, подобно тому, какъ и общинникъ-земледѣлецъ можетъ вести относительно успѣшно свое осѣдлое хозяйство, не смотря на то, что его хозяйство должно приспособляться къ требованіямъ періодическихъ передѣловъ земель. Осѣдлое водвореніе народа не предполагаетъ непремѣнно отмѣну общиннаго пользованія хозяйственными угодьями, будутъ ли это степныя урочища скотовода, или поля, обработываемыя землепашцемъ. Съ другой стороны, нѣтъ надобности вводить систему участковыхъ надѣловъ, чтобы дать возможность степнымъ скотоводамъ устроивать базы для охраны скота въ зимнее время и другія хозяйственныя заведенія. Киргизы, вовсе не знающіе участковыхъ надѣловъ, тѣмъ не менѣе, гдѣ только можно, заготовляютъ запасы корма для скота, дѣлаютъ для него землянки и загоны и пр.[1]). «Общинность» извѣстна и звѣроловамъ сѣвернаго Поморья: они устраиваютъ на общія средства «общественные» станы (рыбачьи жилья съ припасами) и кушни (общественныя хижины на ловчихъ путяхъ), колодцы и пр.[2]). И калмыцкіе базы и другія степныя заведенія могли бы устроиваться подобнымъ же образомъ (т. е. на общественныя средства цѣлыхъ улусовъ или родовъ). Вообще говоря, новая система надѣловъ, сама по себѣ, безъ радикальной перемѣны и улучше-

---

[1]) См. Левшина. Ш, 23. Гейнса Зап., 29.
[2]) См. Ефименко Сборн. юрид. обыч. Арханг. губ. 81—83

нія физическихъ условій степи, не можетъ уничтожить необходимость для степнаго скотовода приспособляться къ этимъ условіямъ (имѣть напр. въ отдѣльныхъ мѣстахъ пастбища лѣтнія и зимнія и пр.)[1]). Участковая система, введенная въ 1862 г., принесла бы сколько нибудь благотворные результаты, еслибы можно было основать ее на улучшеніи почвенныхъ и климатическихъ свойствъ степи, — сдѣлать ее одинаково плодородной, многоводной, защищенной (путемъ искуственнаго лѣсоводства) отъ сѣверныхъ и восточныхъ вѣтровъ и пр. Пока же эти условія существуютъ въ степи, до тѣхъ поръ мѣры, подобныя указаннымъ, будутъ имѣть лишь палліативный характеръ, принесутъ пользу немногимъ, привиллегированнымъ скотоводамъ, въ прямой ущербъ всей массѣ кочеваго населенія степи[2]).

Что касается самаго порядка передвиженій, или перегоновъ скота по улуснымъ полосамъ степныхъ урочищъ и угодій, то по этому вопросу калмыцкіе уставы даютъ лишь нѣкоторыя указанія, которыя мы дополнимъ данными, извлеченными изъ обычнаго права калмыковъ, производящихъ свои перекочевки по изстариннымъ народнымъ обычаямъ.

---

[1]) По замѣчанію Левшина, водвореніе степныхъ скотоводовъ на постоянныхъ надѣлахъ можетъ повести лишь къ одному результату: скотоводы должны будутъ имѣть двоякія жилья (зимнія и лѣтнія) или уменьшить свое скотоводство, — изъ состоянія богатыхъ пастуховъ перейти въ состояніе бѣдныхъ земледѣльцевъ. См. Опис. Кирг. ордъ, III, 27, 30.

[2]) Кумо Манычская экспедиція, констатируя хозяйственное значеніе физическихъ условій калм. степи, слѣдующимъ образомъ высказала полное осужденіе новой системы участковыхъ надѣловъ, вводимой въ замѣнъ обычнаго и приноровленнаго къ степнымъ условіямъ, поулуснаго распредѣленія степи: «при отсутствіи проточной воды, при изобиліи солончакопесчаныхъ розсыпей и при недостаткѣ пастбищъ, калм. степь представляетъ нѣкоторыя удобства для кочевыхъ калмыковъ, занимающихся исключительно скотоводствомъ. Болѣе правильныя начала хозяйства немыслимы здѣсь до тѣхъ поръ пока не окажется возможнымъ улучшить физическія условія степи» — искуственнымъ орошеніемъ и луговодствомъ, удобреніемъ солонцоватой почвы и пр. (См. калм. степь, III, 155—159). Всѣ эти улучшенія, проэктированныя экспедиціей, остаются доселѣ лишь въ значеніи простыхъ pia desideria. . .

Не должно предполагать, по словамъ Небольсина, что «кочевка эта производится въ совершенно нераспутанный разбродъ и представляетъ хаосъ, въ которомъ нѣтъ возможности открыть основныя начала и правила: все, касающееся до кочевья калмыковъ, при небольшомъ вниманіи къ дѣлу, весьма легко усвоить, а постигнувъ укорененную временемъ и обычаями систему этой перекочевки, измѣняемую только вслѣдствіе особенныхъ топическихъ условій и сокращенія числа удобныхъ для кочеванья мѣстъ, почти всегда навѣрное можно сказать, гдѣ именно родъ или извѣстная часть его, въ данное время, занимаетъ степь своими кибитками . . . На посторонній взглядъ размѣщеніе это безпорядочно, но знакомый съ дѣломъ тотчасъ замѣтитъ, что на каждой отдѣльной мѣстности размѣстилась одна общая группа семей, издавна соединенныхъ вмѣстѣ единствомъ родства и единствомъ интересовъ»[1]. Подобно всѣмъ кочевымъ скотоводамъ, калмыки производятъ свое кочеванье по опредѣленнымъ, степнымъ «путямъ» и «полосамъ», намѣчаемымъ кочевниками въ районахъ ихъ родоваго кочевья отъ одного урочища къ другимъ, издавна находящимся въ пользованіи отдѣльныхъ родовыхъ союзовъ. Пути и полосы такихъ перекочевокъ освящены временемъ и народнымъ обычаемъ; измѣненіе ихъ направленія и размѣровъ, безъ соображенія съ обычаями и нуждами народными, по замѣчанію изслѣдователей, знакомыхъ съ бытомъ кочевниковъ, водворило бы въ степи лишь одни насилія и безпорядки, безъ существенной пользы для дѣла[2]. Какъ видно изъ показаній Палласа, калмыцкія орды въ прошломъ вѣкѣ совершали свои перекочевки по общему, круговому пути[3]. Затѣмъ, съ распредѣленіемъ степи

[1]) Биб. д. чт. 1852. № 5, стр. 49—51.

[2]) Гейнса Зап. 28.

[3]) Калмыки, кочевавшіе между Дономъ и Волгою, проводили зиму въ южныхъ частяхъ степи, затѣмъ съ наступленіемъ весны подвигались на западъ и сѣверъ къ Дону и Сарпѣ, лѣто проводили въ верхнихъ частяхъ Дона, откуда перекочевывали на востокъ къ Волгѣ, осень проводили въ ея низменностяхъ и наконецъ въ ноябрѣ приближались къ своимъ старымъ зимовкамъ.

на отдѣльныя улусныя полосы, каждый улусъ кочуетъ по особымъ путямъ, въ предѣлахъ улусныхъ полосъ[1]). Для избѣжанія споровъ между однородцами, кочующими въ одномъ направленіи и въ предѣлахъ одной кочевой полосы, обычное право обязываетъ каждый родовой союзъ держаться своихъ кочевыхъ путей, усвоенныхъ каждому роду обычаемъ и взаимнымъ соглашеніемъ родоправителей. По Зинз. уложенію каждый долженъ кочевать въ своемъ родѣ — сотнѣ, сорока и десяткѣ; отдаляться кочевьемъ отъ рода значитъ, по уложенію, «кочевать кривыми путями» — отклоняться отъ родовыхъ путей, съ вторженіемъ въ кочевые интересы сосѣднихъ родовъ. Откочевки, какъ мы видѣли, строго запрещавшіяся уставомъ 1640 г. и Зинз. уложеніемъ, и состояли въ кочеваньи по необычнымъ, «кривымъ» путямъ, съ болѣе или менѣе значительными отклоненіями отъ родовыхъ путей[2]).

Территоріальные размѣры и величина пространствъ, проходимыхъ во время ежегодныхъ перекочевокъ, или такъ назыв. «размахи» кочевыхъ путей, опредѣляются, съ одной стороны физическими условіями степи, т. е. плодородіемъ почвы и водоснабженіемъ, съ другой — количествомъ стадъ, перегоняемыхъ по кочевымъ путямъ отъ одного урочища къ другому. Можно принять за общее правило, что каждый родъ проходитъ

Такой же круговый путь совершала орда, кочевавшая на луговой сторонѣ Волги (Палл. Saml. I. 122—123.

[1]) Небольсина, въ Библ. CXIII, № 5, стр. 50—57. Калм. степь. 98—99.

[2]) «Отклоняться въ значительной степени отъ родовыхъ путей нельзя, потому что иначе будетъ потравленъ кормъ на кочевьяхъ, принадлежащихъ другому роду. Тогда аулы (калм. хотоны), принадлежащіе къ этому послѣднему роду, не будучи въ состояніи прокормить свои стада на потравленныхъ мѣстахъ, въ свою очередь принуждены будутъ перегнать стада на чужія лѣтовки, т. е. вытравить ихъ и вытѣснить оттуда третій родъ и т. д. Потому даже небольшое отклоненіе отъ своихъ кочевыхъ путей приводитъ къ дракамъ, кровопролитію и гибели скота въ огромныхъ размѣрахъ». См. Гейнса Зап. 24.

съ своими стадами такое пространство кочевыхъ путей, какое необходимо для прокормленія скота. Чѣмъ больше скотоводъ имѣетъ скота и чѣмъ менѣе хорошаго подножнаго корма на его родовыхъ путяхъ, тѣмъ больше онъ долженъ углубляться въ степь и тѣмъ шире дѣлать кочевые «размахи» (простирающіеся иногда отъ 25 до 300 и болѣе верстъ), чтобы скотъ могъ «нагуляться» въ степи, т. е. откормиться и легче переносить трудное для стадъ, зимнее время[1]).

Направленіе кочеваній по родовымъ путямъ опредѣляется, по обычаю, движеніемъ главной ставки, дающей общее направленіе зависящимъ отъ нея родовымъ союзамъ. Поднимаясь съ зимнихъ стойбищъ, калмыки начинаютъ свое кочеванье, подвигаясь всегда въ внутрь степей, по путямъ, идущимъ въ противоположныя зимнему кочевью стороны[2]). Вообще говоря, направленіе кочевыхъ путей регулируется прежде всего распредѣленіемъ въ степи пастбищныхъ урочищъ и группъ худуковъ (копаней). Перекочевка состоитъ въ перегонѣ скота по степи, въ направленіи отъ одного пастбища или худука къ другому; вытравивъ кормъ въ одномъ урочищѣ, скотоводъ переходитъ въ другое мѣсто и т. д.[3]). Затѣмъ, кромѣ распредѣленія въ степи урочищъ и худуковъ, кочеванье по степнымъ путямъ регулируется условіями климатическими; сообразно съ такими условіями перекочевки разбиваются на извѣстные періоды, въ теченіе которыхъ скотоводъ держится на опредѣленныхъ мѣстахъ. На этомъ основаніи у калмыковъ, какъ и у

---

[1]) См. Нефедьева о волж. Калм. 110. Небольсина, въ Библ. CXII, № 5, стр. 49, 53, 55, 56. Рѣзкія различія въ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ киргизской степи требуютъ отъ скотоводовъ большихъ размаховъ. Средніе размѣры ежегодныхъ перекочеваній южныхъ киргизовъ составляютъ отъ 600 до 800 верстъ. Иргизскіе киргизы описываютъ въ своихъ кочеваньяхъ большія кривыя,—нѣкоторые изъ нихъ откочевываютъ ежегодно на сѣверъ за 1000 и болѣе верстъ. См. Гейнса, 21—22, 24.

[2]) Нефедьева, 115—116.

[3]) См. Костенкова о калм. 109.

другихъ кочевыхъ народовъ, установились системы періодическихъ кочевокъ — весеннихъ, лѣтнихъ, осеннихъ и зимнихъ.

По издавна установившемуся у калмыковъ обычаю, сезонъ ихъ кочеванія открывается весной[1]) и обыкновенно совпадаетъ съ главнымъ праздникомъ калмыковъ — новымъ годомъ («Цаганъ-сара», бѣлый мѣсяцъ). Прежде калмыки поднимались съ зимнихъ стойбищъ уже въ первыхъ числахъ февраля[2]); теперь кочевой сезонъ начинается нѣсколько позже — въ концѣ февраля или даже въ началѣ марта[3]). Предварительно подъема съ зимнихъ стойбищъ, производится, по изстариннымъ обычаямъ, развѣдка мѣстъ, куда должно направляться кочеванье. У калмыковъ обычай этотъ существовалъ еще во время пребыванія ихъ въ среднеазіатскихъ степяхъ: Хоурлукъ, предъ перекочевкой въ русскія степи, посылалъ соглядатаевъ и передовыхъ для развѣдки мѣстностей по р. Эмбѣ, Яику и Волгѣ[4]). Такой же обычай развѣдокъ мѣстъ кочевья чрезъ передовыхъ дозорщиковъ существовалъ у калмыковъ еще въ прошломъ вѣкѣ[5]). Послѣ распредѣленія степи въ нынѣшнемъ столѣтіи на улусныя полосы, одноулусники, постоянно кочуя на однихъ мѣстахъ, ближе познакомились съ условіями своего кочевья; почему теперь, повидимому, вовсе вышелъ изъ употребленія обычай предварительныхъ развѣдокъ и посылки со-

---

[1]) О весеннихъ кочевкахъ см. Палласа Saml. I, 122—123. Нефедьева о волж. калм. 112—116. Н. З—въ о ставроп. калм., въ От. Зап. 1844, т. 35 Небольсина о хоушоут. калм., въ Биб. д. чт. CXIII, № 5, стр. 50—53; № 6. 120. Калм. степь, III, 78. Костенкова о калм. 109.

[2]) Нефедьева, 112, 116.

[3]) Костенкова о калм. 109. Калмыки ставропольскіе, кочующіе сѣвернѣе астраханскихъ, уходятъ съ зимовокъ въ степь еще позже — въ половинѣ или концѣ марта. См. От. Зап. 1844, т. 35.

[4]) Небольсина. въ Биб. CXIII, № 7, стр. 4.

[5]) По словамъ Палласа, если калмыцкая орда поднималась съ своихъ стойбищъ, то предварительно посылали впередъ дозорщиковъ, для избранія лучшихъ мѣстъ для ставки хана и нойоновъ, ламы и пр. См. Saml. I. 124.

глядатаевъ; по крайней мѣрѣ по этому предмету нѣтъ никакихъ указаній въ источникахъ[1]). Время подъема съ стойбищъ въ старину объявлялось чрезъ особыхъ вѣстовщиковъ (глашатаевъ); въ настоящее время объявленіе о снятіи съ кочевья дѣлается родоправителями (владѣльцами) особыми знаками, напр. воткнутой близь владѣльческой ставки пикой и пр.[2]). Уставъ 1640 г. требуетъ, чтобы при откочевкѣ не оставлять огонь на мѣстѣ, съ котораго улусъ покочуетъ; кто, послѣ ухода послѣдняго, во время потушитъ огонь и этимъ предупредитъ распространеніе степнаго пожара, тому полагается опредѣленная плата (ст. 80). Съ момента поднятія кочевниковъ съ зимнихъ стойбищъ начинается для нихъ сезонъ постоянныхъ кочеваній, или перегоновъ скота по степнымъ урочищамъ. Въ теченіе весенней кочевки скотоводы постепенно переходятъ съ зимовокъ на лѣтнія кочевья, совершая медленно движеніе по степи отъ одного пастбища или худука къ другому, смотря по количеству подножнаго корма и водопоя. Къ концу апрѣля или въ началѣ мая калмыки находятся уже на лѣтовкахъ[3]). Въ улусахъ, для которыхъ отведены отдѣльныя мѣста для лѣтняго и зимняго кочевья (напр. хошоутовскій улусъ имѣетъ зимовку въ степи на нагорной сторонѣ Волги, а лѣтовку на луговой, лѣвой), весенняя перекочевка на лѣтнія стойбища производится безостановочно, пока скотоводы не проникнутъ

---

[1]) Обычай развѣдокъ сохраняется у киргизъ. Развѣдки производятъ у нихъ «кушбащи» — вожаки, имѣющіеся въ каждомъ аулѣ (калм. хотонѣ). Путемъ развѣдокъ кушбащи даетъ направленіе перекочевкѣ своего аула, руководясь обычными правилами кочеванья по путямъ и полосамъ, въ предѣлахъ которыхъ каждый родъ имѣетъ право кочевать. По обычному праву вожакъ, выбравъ мѣсто для кочевья своего рода, обязанъ поставить на немъ условный знакъ, а если этого нельзя, то начертить на землѣ родовую тамгу. См. Гейнса Зап. 23. Ср. Небольсина, въ Биб. CXIII, № 7, стр. 4.

[2]) Палласа Saml. I. 124. Нефедьева, 112.

[3]) Калм. степь, III, 98. Костенкова о калм. 109.

въ глубь степи, на принадлежащія имъ мѣста лѣтовокъ, гдѣ они и раскидываются по отдѣльнымъ урочищамъ[1]).

Для лѣтняго кочевья избираются всегда сѣверныя части улусныхъ полосъ, идущія по урочищамъ въ срединѣ степи. Какъ на стойбищахъ, такъ и во время перекочевокъ, скотоводы-однородцы всегда держатся вмѣстѣ, по сосѣдству, не отставая другъ отъ друга, но и не смѣшиваясь кочевьями[2]). Все кочевье, покрытое кибитками однородцевъ, кочующихъ по сосѣдству, называется «таборомъ»[3]). Таборъ одноулусниковъ кочуетъ въ томъ же улусно-родовомъ строѣ, на какой мы указывали, говоря объ организаціи улусовъ по военно-дружинному началу. Каждый таборъ имѣетъ свой общій центръ, которымъ служитъ главная или владѣльческая ставка (эргё)[4]); затѣмъ располагаются кочевья правыхъ и лѣвыхъ родовыхъ группъ, подобно тому, какъ и въ хотонѣ въ обѣ стороны отъ главной (родительской) кибитки идутъ хоши остальныхъ родичей. Какъ самые роды, по мѣрѣ развѣтвленія родовыхъ линій, все болѣе и болѣе развѣтвляются, распадаясь на отдѣльныя одноулусныя группы, такъ и ихъ таборы развѣтвляются и расходятся въ стороны по отдѣльнымъ кочевымъ группамъ; болѣе отдаленные родичи обособляются въ свои таборы, кочующіе въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ главныхъ центровъ улуснаго кочевья. Всѣ такія однородныя и одноулусныя группы въ территоріальномъ отношеніи составляютъ одно цѣлое, занимаютъ своими кочевьями данную степную полосу, передвигаясь въ ней по опредѣленнымъ родовымъ путямъ и стойбищамъ.

Центральное мѣсто въ таборѣ занимаетъ владѣльческая ставка (лѣтняя и зимняя), съ находящимися при ней хурулами

---

[1]) Небольсина, въ Биб. CXIII, № 5, стр. 51 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 55, 56.

[3]) Тамъ же, стр. 47.

[4]) Въ казенныхъ улусахъ центральное мѣсто кочевья составляетъ «хуря»—хурульная ставка. См. Небольсина, № 5, стр. 47. Нефедьева, 11

ιаромъ и улуснымъ управленіемъ[1]). Мѣста, предназначенныя
я кочевья владѣльческой ставки, по калмыцкому праву, ни-
) изъ постороннихъ не можетъ ни занимать стойбищемъ, ни
ιавливать скотомъ, ни охотиться на нихъ. Всѣ эти мѣста
ιтаются «запрещенными», наравнѣ съ мѣстами, предназначен-
ми для кочевья хуруловъ,—за нарушеніе изложеннаго пра-
ıа полагается въ Зинз. уложеніи опредѣленный штрафъ (ст.
, 19, 34)[2]). Въ обѣ стороны отъ центральной ставки вла-
ıьца располагаются по кочевьямъ стойбища родовыхъ частей
са. Какъ уже замѣчено, роды кочуютъ совмѣстно съ сво-
ι отдѣленіями по группамъ родственныхъ хотоновъ и киби-
ъ[3]), не сомкнутой массой, а нѣсколько въ разбродъ, чтобы
ь больше простора своимъ стадамъ. Роды и аймаки разби-
ιтся по мѣстнымъ удобствамъ на нѣсколько частей: «въ
омъ мѣстѣ виднѣется только одна кибитка, въ другомъ ихъ
ιтавленъ десятокъ, въ третьемъ купа кибитокъ огородилась
правильный хотонъ»[4]).Болѣе сплоченный видъ имѣютъ ко-
ыя группы у ставропольскихъ калмыковъ, составляющихъ
ьше-дербетовскій улусъ: поселенные въ 1744 г. на срав-
эльно небольшомъ кочевьѣ, они въ настоящее время разби-
тся на 18 хотоновъ[5]), каждый въ составѣ отъ 13 кибитокъ
:00 (хотонъ Бадьмы Намжинова) и даже до 447 киб. (хо-
, Малзы Санджинова); такъ что каждый хотонъ, по своему

---

[1]) Нефедьева, 110. Небольсина, № 5, стр. 47. Ср. Палласа. Saml. I, 122.

[2]) См. Палласа Saml. I, 122.

[3]) Такъ, у хошоутовъ нѣкоторые роды (напр. Керетъ), кочевавшіе
е нераздѣльно, теперь съ разростаніемъ разбиваются на кочевьяхъ въ
кько отдѣльныхъ группъ, кочующихъ обыкновенно по сосѣдству. См.
ьсина, № 5, стр. 50.

[4]) Тамъ же, стр. 51.

[5]) Нѣсколько хотоновъ составляетъ одинъ родъ; напр. родъ Икиту-
ιъ разбитъ на 4 хотона. Но есть хотоны, изъ коихъ каждый числится
нымъ родомъ.

составу, представляетъ довольно значительный, кочевой
селокъ[1]).

Сезонъ кочеванія по степнымъ урочищамъ и худу
внѣ зимнихъ стоянокъ обыкновенно длится съ февраля до
ловины ноября, когда скотоводы возвращаются снова на
зимовки. Во время перекочевокъ калмыки останавливаютс
лѣтнихъ стойбищахъ обыкновенно на короткое время, пок
вытравятъ кормовъ въ избранномъ мѣстѣ; затѣмъ кочевы
ребираются на другія урочища, вездѣ отыскивая подно
кормъ и худуки для скота[2]). Съ наступленіемъ осени, въ
ченіи августа и сентября, скотоводы приближаются къ сво
зимовкамъ, по тѣмъ же путямъ, по какимъ они шли въ
лѣ кочеваго сезона къ лѣтнимъ кочевьямъ, находя снова
на мѣстахъ, потравленныхъ весной. Кочуя лѣтомъ на
нихъ урочищахъ, одноулусные роды скотоводовъ одновре
снимаются съ лѣтнихъ стойбищъ и перекочевываютъ на зи
ки тѣмъ же порядкомъ, въ какомъ шли и на лѣтовки[3]).

Зимовки избираются обыкновенно въ южныхъ мѣст
степи и по побережьямъ Каспія и Волги, въ низменност
защищенныхъ отъ зимнихъ стужъ зарослями и пр. Бл

---

[1]) Ставропольскихъ калмыковъ числится теперь до 10 тысячъ (въ
переведено было въ Ставрополь до 3 тыс. крещенныхъ калмыковъ
сгруппированныхъ въ 1759 кибитокъ. См. Списокъ населенныхъ
Ставроп. губ., изд. Ставр. губ. стат. комит. по свѣдѣніямъ за 18
вып. VI, стр. 54, 107.

[2]) Нефедьева, 112, 115. Костенкова о калм. 109.

[3]) Палласа I. 123. Небольсина № 5, стр. 53. Костенкова, 110.
порядки соблюдаются и у киргизъ при осеннихъ откочевкахъ. «Возвра
южные киргизы на зимовки съ тѣмъ расчетомъ, чтобы прогнать ст
безплодную степь во время дождей и пониженія температуры, т. е.
ней снова появится трава. Всѣ киргизы вообще, приближаясь къ зи
не пускаютъ свой скотъ на тѣ мѣста, которыя предназначаются для
кормленія зимой. До снѣга они держатъ стада на осеннемъ стойбищ
же наступаетъ полная зима и снѣгъ станетъ довольно глубокъ,
хозяйство передвигается на зимнее стойбище.» См. Гейнса Зап. 24.

зо скотоводовъ остается на зимнихъ стойбищахъ безъ пере-
иженій; но есть роды, обладающіе большими стадами, кото-
е и зимой не перестаютъ перекочевывать съ мѣста на мѣсто,
лѣтнему обычаю, раскидываясь съ своими кибитками и ста-
ии по степнымъ пастбищамъ и худукамъ. На зимовкахъ
імыки остаются въ теченіе зимнихъ мѣсяцовъ (съ ноября до
враля) до наступленія весны, когда опять по всей степи на-
іаются кочевыя передвиженія скотоводовъ[1]).

Такъ изъ года въ годъ идетъ кочевая жизнь степнаго
товода-калмыка, періодически перегоняющаго свои стада по
о производительной степи, въ видахъ прокормленія и охра-
скота, составляющаго для кочевника исключительный ис-
никъ его благосостоянія и богатства. Но чуть только по
ому либо несчастному случаю гибнетъ стадо (въ зимнія бу-
или шурганы, также вслѣдствіе хищническихъ отгоновъ,
ежей и пр.), калмыкъ изъ обезпеченнаго и богатаго ско-
ода-кочевника превращается въ «байгучи», и вовсе выхо-
ъ изъ степи: для него нѣтъ больше надобности совершать
своими однородцами обычныя передвиженія по степи. Эти
огіе» калмыки снискиваютъ для себя и своей семьи про-
аніе, нанимаясь, съ дозволенія владѣльцевъ, въ работы на
ныхъ ловляхъ и пр. Средину между байгучами, вовсе вы-
ящими изъ степи, и полными скотоводами, углубляющимися
нее и совершающими всѣ изложенныя операціи кочеваго
ı, занимаютъ калмыки «сидячіе», тоже обѣднѣвшіе, не во-
лишившіеся скота, но не имѣющіе его на столько, чтобы
но было далеко углубляться въ степь, подобно другимъ
родцамъ, обладающимъ большими стадами. Такіе калмыки
таютъ» на кочевыхъ путяхъ, обыкновенно кочуютъ вблизи
ихъ стойбищъ или же по рѣчнымъ побережьямъ (Волги и
чтобы восполнять свое скудное степное хозяйство дру-

[1]) См. Палласа Saml. I, 128, 126. Нефедьева, 115. Небольсина, № 5, 52. Калм. степь, III, 98. Костенкова о калм. 110

гими промыслами, главнымъ образомъ рыболовствомъ. «Сидячіе» калмыки встрѣчаются въ особенности въ хошоутовскомъ улусѣ: большинство его родовъ слагается изъ двухъ группъ—исключительно скотоводовъ, кочующихъ въ глубинѣ степи круглый годъ, и обѣднѣвшихъ, «сидячихъ» рыболововъ, снискивающихъ себѣ пропитаніе на волжскихъ рыболовныхъ ватагахъ. Обыкновенно они кочуютъ по рѣчнымъ островамъ и побережьямъ, нерѣдко оставаясь на одномъ мѣстѣ въ теченіе всего сезона обычныхъ кочеваній степняковъ[1]). Словомъ, у калмыковъ повторяется тоже самое явленіе, какое имѣетъ мѣсто въ быту всѣхъ кочевыхъ скотоводовъ: роды, ихъ части и отдѣльные индивиды, не обладающіе значительными стадами, постепенно отстаютъ отъ своихъ однородцевъ, углубляющихся въ степь на далекія пространства, и наконецъ вовсе выходятъ изъ степи, обращаются въ «убогихъ людей», байгучей[2]). Этотъ-то классъ байгучей и сидячихъ калмыковъ, по бѣдности отстававшихъ отъ своихъ родовъ и снискивавшихъ для себя пропитаніе «кривыми» (т. е. не обычными въ степи) путями, и имѣютъ въ виду старый уставъ 1640 и Зинз. уложеніе, изложившія ученіе о призрѣніи и пропитаніи людей убогихъ (уст. 1640 г. ст. 151—154; Зинз. улож. 126). Пропитаніе убогихъ, предоставленіе имъ средствъ и возможности снова войти въ составъ своихъ родовъ, не отставать на кочевыхъ путяхъ и не обращаться въ бѣдняковъ, — все это составляетъ по калмыцкому праву одну изъ характерныхъ общественныхъ повинностей родовыхъ союзовъ, обязанныхъ въ собственныхъ родовыхъ интересахъ не допускать въ своей средѣ развитія байгучества и «сидячей» бѣдности—этихъ первичныхъ формъ

---

¹) См. Небольсина, № 5, стр. 50—57; № 7, стр. 36. Нѣкоторые изъ такихъ бѣдняковъ (именно изъ первой группы рода Еркетенъ въ Хошоут. улусѣ) были доведены до необходимости вовсе бросить кочевую жизнь и поселиться въ особой деревушкѣ (Половинка). См. указан. статью Небольсина.

²) См. Гейнса Зап. 24.

народнаго пролотаріата, какъ онъ развивается и существуетъ у всѣхъ кочевниковъ родоваго типа[1]).

Таковы формы кочеваго быта калмыковъ. Какъ замѣчено выше, кочеванье нельзя считать безцѣльнымъ шатаньемъ степняковъ по ихъ родовымъ путямъ и урочищамъ. Возникнувъ изъ условій всей ихъ общественной жизни, кочеванье затѣмъ и находило постоянную поддержку въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ и въ особенности въ условіяхъ хозяйственной культуры. Кочеванье изстари существовало и доселѣ существуетъ у калмыковъ, какъ и у всѣхъ степныхъ народовъ, преимущественно въ видахъ развитія и поддержанія единственно возможной и доступной въ степи хозяйственной формы — *скотоводства*, т. е. содержанія и охраны, береженья стадъ и табуновъ: ради удобствъ ихъ прокормленія степнякъ-калмыкъ изстари ведетъ кочевую жизнь. Основныя начала этой-то хозяйственной формы, развившейся на кочевой почвѣ, и нормируются калмыцкими уставами, обрисовывающими въ существенныхъ чертахъ весь оригинальный складъ хозяйственнаго быта калмыковъ. Въ этомъ отношеніи ойратскій уставъ 1640 г. и Зинзилинское уложеніе могутъ быть съ полнымъ правомъ названы памятниками исключительно кочевой хозяйственной культуры, какъ она вообще развивается въ бродячемъ быту степняковъ-скотоводовъ. Скотоводство да охота — главныя и, можно

---

[1]) Тѣже начала родоваго призрѣнія существуютъ въ обычномъ правѣ другихъ кочевниковъ монгольскаго корня, напр. у бурятъ (см. Щапова объ улусной общинѣ, 131). Изслѣдователи быта киргизовъ также находятъ въ ихъ обычномъ правѣ институтъ родоваго призрѣнія, сходный съ такимъ же институтомъ по калмыцкому праву. «Киргизы смотрятъ на состояніе богача—родственника, какъ на общественное достояніе. Вспомоществованіе бѣднымъ родственникамъ до 14-го колѣна включительно (джилу) есть обязанность богатаго человѣка, требуемая отъ него обычаями, особенно въ несчастные года. Отъ богатаго родственника бѣдные киргизы пользуются скотомъ не только для собиранія скоповъ, но и для ѣзды и перевозки тяжестей во время кочеваній.» См. Гейнса Зап. 16.

сказать, исключительныя отрасли степнаго хозяйства, о которыхъ трактуютъ калмыцкіе законы; о хозяйственныхъ формахъ, свойственныхъ земледѣльческой культурѣ, нѣтъ и намека въ калмыцкихъ уставахъ. Въ нихъ все вертится только около стадъ и табуновъ, — все сводится къ интересамъ степнаго хозяйства. Калмыцкіе уставы XVII—XIX вѣковъ являются, такимъ образомъ, вполнѣ типическими представителями степной культуры кочевниковъ; въ нихъ записаны нерѣдко до подробностей народные хозяйственные обычаи, въ особенности же касательно охраны и береженья стадъ отъ расхищенія со стороны людей и хищныхъ животныхъ, какъ и отъ убыли подъ вліяніемъ силъ физической природы (степныхъ бурь или шургановъ, пожаровъ и пр.).

Уже не разъ замѣчено нами, что скотоводство — единственная отрасль степнаго хозяйства, которая по мѣстнымъ условіямъ можетъ служить для калмыковъ источникомъ неизмѣннаго богатства. Въ силу такого исключительнаго своего значенія, скотоводство необходимо должно вестись въ степи въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. И дѣйствительно, громадные штрафы скотомъ (не только на десятки, но и сотни и тысячи штукъ), установленные старымъ ойратскимъ уставомъ, ясно указываютъ на то, что степное хозяйство ойратовъ велось въ XVII вѣкѣ на весьма широкую ногу. У теперешнихъ калмыковъ значительно съузились размѣры степнаго хозяйства; но и у нихъ бытовыя условія опредѣляютъ извѣстную хозяйственную норму, ниже которой скотоводъ считается уже бѣднякомъ. По словамъ Палласа, стада составляютъ главное богатство калмыковъ и числятся у нихъ сотнями и тысячами. «Лишь тотъ считается у нихъ человѣкомъ, могущимъ существовать самостоятельно, кто можетъ владѣть десяткомъ коровъ съ однимъ быкомъ и восемью кобылами съ жеребцомъ»[1]). При степномъ хозяйствѣ, стоящемъ ниже этой нормы, калмыкъ уже

[1]) Палл. Saml. I, 116.

въ состояніи идти рядомъ съ болѣе зажиточными однородцами и потому отстаетъ отъ нихъ, выходитъ «изъ степи», а слѣдов. и изъ родоваго союза. Но, съ другой стороны, во всей обстановкѣ степнаго быта есть цѣлый рядъ условій (почвенныя и климатическія свойства степи, хищничество и пр.), мѣшающихъ надлежащему развитію степнаго хозяйства калмыковъ, — условій, въ силу которыхъ оно никогда не могло сдѣлаться у степняковъ прочною гарантіей народнаго благосостоянія. Если прибавимъ къ этому строго консервативный, неподвижный характеръ всего быта степныхъ кочевниковъ, то намъ будетъ вполнѣ понятенъ отзывъ очевидцевъ, близко знакомыхъ съ условіями калмыцкаго хозяйства: «хозяйство это, какъ велось 200 лѣтъ назадъ, такъ ведется и нынѣ, — ни по улучшенію, ни по сбереженію стадъ, калмыки до сихъ поръ не сдѣлали ни одного шага впередъ»[1]). И такимъ именно консерватизмомъ отличаются тѣ хозяйственныя формы, какія констатируются въ калмыцкихъ уставахъ 1640 и 1822 годовъ: уставы въ этомъ отношеніи не даютъ собственно ничего новаго, чтó изстари не существовало бы въ народныхъ обычаяхъ, и чтó вносило бы «улучшеніе» въ такой жизненный для степняковъ вопросъ, какъ сбереженіе и охрана ихъ стадъ. Мы разсмотримъ здѣсь развитыя калмыцкимъ правомъ, обычно-правовыя нормы степнаго хозяйства, въ особенности же касательно главнаго вопроса, стоящаго въ калмыцкихъ уставахъ на первомъ планѣ, именно вопроса объ охранѣ и бережены стадъ отъ расхищенія и убыли подъ вліяніемъ разнообразныхъ хищническихъ условій степнаго быта кочевниковъ.

Главныя статьи степнаго хозяйства калмыковъ, какъ и другихъ восточныхъ инородцевъ, составляютъ стада и табуны верблюдовъ, лошадей, рогатаго скота и овецъ[2]). Скотъ для

---

[1]) Калмыцк. степь, III, 124.

[2]) Конскіе табуны, по обычаю, дѣлятся на «косяки» — изъ опредѣленнаго числа кобылицъ съ жеребцомъ, приблизительно къ нормѣ самостоятельнаго хозяйства, на какую указываетъ Палласъ (см. выше). Въ уставѣ 1640

кочеваго степняка составляетъ все: безъ него онъ не сдѣлаетъ шагу; это необходимое подспорье во всѣхъ сферахъ степн. обихода кочевниковъ. Только подъ условіемъ обладанія громадными конскими табунами старые монголы могли совершать свои хищническія предпріятія и передвиженія,—только многочисленные табуны давали монголамъ возможность являться въ роли воиновъ-хищниковъ, производившихъ быстрые военные набѣги на сосѣднія племена. Стада и табуны даютъ доселѣ кочевникамъ главную рабочую силу, приспособленную къ передвиженіямъ подвижныхъ юртъ и всего скарба кочевниковъ по безконечнымъ степнымъ путямъ. Стада нужны для степняковъ не только въ видахъ хищничества и кочевыхъ передвиженій, но и какъ источникъ, дающій для нихъ пищу[1]), одежду и другія вещи, необходимыя для домашняго обихода[2]), и какъ исключительный предметъ степной торговли (продажи скота, шкуръ, шерсти и пр.). Мало того: какъ видно изъ стараго ойратскаго устава, всѣ финансовыя и тягловыя операціи велись у ойратовъ на счетъ скота, замѣнявшаго у нихъ денежныя платежныя единицы. Скотъ былъ главнымъ предметомъ всѣхъ сборовъ на содержаніе родоправителей (см. уст. 1640, ст. 38 и друг.); скотомъ же исключительно оплачивались громадные штрафы по преступленіямъ. Штрафы и другіе судебные пла-

года перечисляются всѣ главные роды калм. скота — верблюды, лошади, рогатый скотъ, овцы и козы (ст. 89, 135 и пр.).

¹) До какой степени обычное право монголовъ регламентируетъ их степное хозяйство, показываетъ древняя «яса» XIII в., въ одномъ изъ фрагментовъ (именно 8) которой такъ опредѣляется способъ приготовленія въ пищу: «когда хотятъ ѣсть животное, должно связать ему ноги, распороть брюхо и сжать рукой сердце, пока животное умретъ, и тогда можно ѣсть мясо его; но если кто зарѣжетъ животное, какъ рѣжутъ мусульмане, того зарѣзать самаго.» См. мое соч — Др. монг. — калм. уст. 191.

²) Въ уставѣ 1640 г. (ст. 135 и др.) упоминается цѣлый рядъ подобныхъ вещей: арканъ (веревка изъ конскаго волоса и овечьей шерсти), узда ремянная, жилы, кожаный кубикъ, пахвы ременныя, попона, овчина, козлина, мерлушка, войлочная епанча (бурка) и пр. Ср. Костенкова о калм. 137.

тежи и пошлины падали всегда на степное хозяйство калмыка, нерѣдко разоряя его почти въ такой же степени, какъ и хищничество и другія причины расхищенія степныхъ стадъ и табуновъ[1]).

При такомъ бытовомъ значеніи стадъ, какъ исключительной статьи степнаго хозяйства калмыковъ, понятно само собою, что разведеніе и охрана скота во всѣхъ его видахъ составляютъ не одинъ индивидуальный интересъ того или другаго лица, но общій, насущный интересъ цѣлыхъ родовыхъ союзовъ. Существованіе послѣднихъ, ихъ родовое значеніе и богатство, стоятъ въ неразрывной связи съ многочисленностію и благосостояніемъ ихъ стадъ, считающихся поэтому не столько индивидуальной «собственностію» лица, сколько родовымъ, общимъ «владѣніемъ» цѣлыхъ союзовъ родичей. Родовые старшины являются лишь «хозяевами» — распорядителями родовымъ стадомъ, сберегаемымъ на «потребу» всѣхъ родичей, живущихъ на одномъ, общемъ хозяйствѣ и «котлѣ».

Касательно *разведенія* стадъ калмыцкіе уставы даютъ указанія лишь на обычно-правовыя правила о принадлежности приплода «хозяину» скота и о знакахъ (тамга) укрѣпленія за нимъ права на владѣніе вновь нарождающимся или инымъ способомъ пріобрѣтаемымъ скотомъ.

Обычное право калмыковъ признаетъ за общее правило, что кому въ стадѣ принадлежитъ самецъ и самка, тотъ считается хозяиномъ и происшедшаго отъ нихъ *приплода*. Калмыцкіе уставы, цѣнящіе скотъ «непраздный» дороже гулящаго, постановляютъ, что, въ случаѣ кражи непраздначо скота, берется обыкновенный штрафъ, положенный вообще за скотскую кражу, но съ набавкой «за то, что во чревѣ будетъ послѣ февраля»

---

[1]) Тоже самое находимъ и у другихъ инородцевъ. У киргизовъ ханскіе сборы и штрафы (ханлыки, бійлыки, тогузы и пр.) разоряли не только отдѣльныхъ хозяевъ, но и нерѣдко цѣлые роды. См. Гейнса Зап. 85.

(Zagansara, Hornungschein, весенній приплодъ, — см. уст. 1640 ст. 89; Зин. улож. 192 п. 8). При отдачѣ хозяину «отбылаго» (приблуднаго) скота до истеченія года со времени ухода его изъ хозяйскаго стада, хозяинъ получаетъ и приплодъ отъ отбылаго скота, но лишь въ половинномъ составѣ (половина удерживается какъ бы въ вознагражденіе за пожилое): но затѣмъ скотъ, пробывшій внѣ своего стада больше года и учинившій въ это время приплодъ отъ самцовъ новаго хозяина, отдается прежнему владѣльцу безъ всякаго приплода (уставъ 1640 ст. 149; Зинз. улож. 167 п. 4)[1].

Тамги — знаки укрѣпленія правъ хозяина на принадлежащій ему скотъ. О нихъ упоминается въ статьѣ ойратскаго устава о «прибыломъ» скотѣ, съ запрещеніемъ занявшему его полагать свое «клеймо» (Tamgà) на чужой скотъ (уст. 1640 ст. 91; Зинз. улож. 165). Введеніе родовыхъ знаковъ у монгольскихъ племенъ приписывается еще Чингису; по крайней мѣрѣ извѣстно, что при Чингизидахъ тамги были въ употребленіи въ монгольскихъ родахъ, и что, подчиняя себѣ сосѣднихъ кочевниковъ, старые монголы давали имъ родовыя тамги, для отличія родовъ другъ отъ друга[2]). Тамги употребляются не только съ послѣдней цѣлью, но и для тавра, или клейменія скота, съ цѣлью различенія, что кому принадлежитъ. У теперешнихъ калмыковъ свои особыя тамги имѣютъ не только каждый родъ, но и всякій достаточный скотоводъ, для выжиганія клейма или тавра на лошадяхъ, верблюдахъ и рогатомъ скотѣ. По обычаю, молодой приплодъ таврятъ по достиженіи

---

[1]) Въ силу того начала, что кому принадлежитъ самецъ, тому отдается и приплодъ отъ него. Впрочемъ, уставъ по редакціи Палласа нѣсколько иначе формулируетъ вторую половину статьи: «приплодъ, появившійся въ это время чрезъ случку съ чужимъ жеребцомъ или быкомъ, остается у того, кто хранилъ скотъ, если число его не превышаетъ 2×9; а если больше, то изъ приплода можно требовать часть съ самкою» (см. Палл. ст. 130).

[2]) См. мое соч. Др. монг.-калм. уст. 244. Ср. Биб. для чт. CXIII. № 3 стр. 37.

года, какъ и при покупкѣ взрослаго скота выжигаютъ родовую тамгу новаго хозяина[1]).

Къ числу главныхъ хозяйственныхъ операцій и заботъ кочевыхъ скотоводовъ принадлежитъ *прокормленіе* и уходъ за скотомъ во время перекочевокъ и на стойбищахъ. Древнее монгольское право ставило на счетъ родовыхъ вождей одно изъ главныхъ требованій — «не допускать войско терпѣть голодъ и жажду, а четвероногихъ — отощать»[2]). Дѣйствительно, необезпеченность средствъ прокормленія скота производитъ одно изъ тяжелыхъ бѣдствій въ степи — «безкормицу», нерѣдко являвшуюся причиной гибели скота цѣлыми стадами[3]) Накопленіе запасовъ кормовыхъ травъ, по крайней мѣрѣ на зимнихъ стойбищахъ, должно бы поэтому составлять одну изъ существенныхъ заботъ скотоводовъ. Но, какъ уже замѣчено, калмыки въ этомъ отношеніи доселѣ не подвинулись почти ни на шагъ впередъ, сравнительно съ ойратскими скотоводами XVII вѣка, едва ли также имѣвшими возможность заготовлять кормовые запасы для своихъ стадъ въ широкихъ размѣрахъ[4]). Все дѣло прокормленія скота издавна ограничивается у калмыковъ лишь держаніемъ его на постоянномъ подножномъ кор-

---

[1]) Тамгу выжигаютъ на опредѣленныхъ мѣстахъ, обыкновенно на бедрѣ. Овецъ и другой мелкій скотъ таврятъ, дѣлая на животныхъ разныя замѣтки, въ видѣ ушныхъ надрѣзовъ и пр. Подобныя же тамги въ обычаѣ и у другихъ степныхъ инородцевъ. По старымъ киргизскимъ законамъ, всякое поколѣніе, родъ и отдѣленіе должны имѣть свою собственную тамгу для клейменія всего скота и имущества. См. От. Зап. 1846, № 8, стр. 99. Биб. д. ч. CXIII, № 5, стр. 37; № 7 стр. 34. Калм. степь III, 130, 137. Березина Очеркъ 49. Мое соч. Др. монг. уст. 244, 247.

[2]) Мое соч. — Др. монг. уст. 197 п. д.

[3]) Калм. степь, III, 125.

[4]) По крайней мѣрѣ уставъ 1640 г. нигдѣ не упоминаетъ о кормовыхъ запасахъ, напр. о кражѣ или поджогѣ сѣна и пр., вѣроятно потому, что у среднеазіатскихъ ойратовъ въ его время и не было въ общемъ обычаѣ сѣнокошеніе.

му[1]), путемъ перегона стадъ съ одного пастбища на другое, въ предѣлахъ обычнаго кочевья родовыхъ союзовъ.

Наиболѣе существенный вопросъ, на который обращено все вниманіе составителей калмыцкихъ уставовъ въ дѣлѣ скотоводческой культуры, состоитъ въ нормированіи выработанныхъ народными обычаями мѣръ въ видахъ *охраненія* стадъ, какъ отъ хищничества самыхъ кочевниковъ и дикихъ звѣрей, такъ и отъ убыли вслѣдствіе вредныхъ вліяній климатическихъ (напр. степныхъ зимнихъ бурь или шургановъ) и другихъ причинъ, нерѣдко производящихъ разореніе и обнищаніе степнаго населенія на цѣлые десятки лѣтъ[2]). Всѣ эти мѣры, выработанныя въ давнее время ойратскими племенами путемъ бытовой практики въ среднеазіатскихъ степяхъ и затѣмъ записанныя ойратскими вождями въ уставѣ 1840 г., практикуются калмыками въ неизмѣнныхъ формахъ до нашихъ дней. Зинзилинское уложеніе лишь нѣсколько подробнѣе разъясняетъ старые, обычно-правовые институты хозяйственной полиціи степи; самая же

[1]) Лишь въ улусахъ, кочевья которыхъ примыкаютъ къ побережнымъ займищамъ (мѣстностямъ, заливаемымъ рѣчными разливами), заготовляются болѣе значительными скотоводами запасы сѣна при худукахъ зимняго кочевья. (См. Библ. CXIII, № 7, стр 34—35). Но это далеко не общее правило въ безплодной калмыцкой степи, — большинство ея кочеваго населенія поставлено мѣстными условіями въ невозможность имѣть для скота кормовые запасы и потому держитъ его круглый годъ на подножномъ корму.

[2]) У калмыковъ ежегодно гибнетъ по нѣсколько тысячъ головъ отъ шургановъ, безкормицы, болѣзней и пр. Сохранились извѣстія даже чуть не о поголовномъ разореніи, обнимавшемъ все кочевое населеніе степи. Въ суровую зиму, напр., 1798 г. отъ одной безкормицы и шургановъ калмыки потеряли болѣе полмилліона головъ скота; въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія рядъ суровыхъ зимъ снова отнялъ у калмыковъ почти половину стадъ. По замѣчаніямъ очевидцевъ, всю эту убыль въ стадахъ калмыки могутъ пополнять, при отсутствіи капиталовъ, лишь путемъ естественнаго приплода, или же прибѣгать къ хищническимъ средствамъ — къ обычной барантѣ, или отгонамъ скота, въ свою очередь отзывающимся не менѣе сильнымъ разореніемъ степнаго хозяйства цѣлыхъ родовъ, вмѣстѣ съ пониженіемъ общаго уровня народнаго благосостоянія въ степи. См. Калм. степь, III, 125.

сущность институтовъ остается вполнѣ вѣрной началамъ, развитымъ старымъ уставомъ ойратовъ. Въ этомъ случаѣ Зинз. уложеніе вполнѣ подтверждаетъ вѣрность изложеннаго выше наблюденія Кумо-Манычской экспедиціи о томъ, что калмыцкое хозяйство «какъ велось 200 лѣтъ назадъ, такъ ведется и нынѣ» и пр.

Охраненіе стадъ лежитъ на обязанности пастуховъ (Damall)[1]), упоминающихся въ ойратскомъ уставѣ (по сп. Палл. 21). Уставъ указываетъ также на случаи, когда стадо пасетъ самъ хозяинъ (ст. 61), какъ и на стада, пасущіяся въ степи безъ хозяина и пастуха (ст. 62). По современнымъ обычаямъ калмыковъ, особые пастухи имѣются лишь у зажиточныхъ скотоводовъ, держащихъ отдѣльно свои стада и табуны; большинство же степнаго населенія, состоящее изъ не богатыхъ скотоводовъ, держитъ общинныхъ пастуховъ, приставляемыхъ по найму однородцами къ общему стаду, въ которое сгоняется скотъ нѣсколькихъ сосѣднихъ хозяевъ, кочующихъ въ одномъ таборѣ [2]). Въ калмыцкихъ уставахъ нѣтъ точныхъ опредѣленій объ обязанностяхъ пастуховъ въ отношеніи къ уходу и охраненіи стадъ; судя впрочемъ по даннымъ, констатированнымъ въ «степныхъ законахъ» другихъ кочевыхъ инородцевъ, можно принять за общее правило, что пастухъ отвѣчаетъ только за убыль и всякій ущербъ въ стадѣ, происшедшій вслѣдствіе его «несмотрѣнія» [3]).

---

[1]) Дамалъ упоминается также въ степныхъ законахъ монголо-бурятъ, но съ значеніемъ родоправителя, сходнаго съ калмыцкимъ демчеемъ. См. Самоквасова Сборн. об. пр. Сиб. инор. 109, 145.

[2]) Калм. степь, III, 134, 137.

[3]) Такимъ образомъ, по киргизскому обычному праву, «кто наймется что либо стеречь, а оное у него покрадутъ, или скотина отъ болѣзни сдохнетъ, то долженъ о семъ въ тоже время объявить хозяину или постороннимъ людямъ, и тогда освобождается уже отъ взысканія; буде же не объявитъ, то платитъ искъ сполна; равнымъ образомъ, буде отъ несмотрѣнія сторожа утонетъ скотина въ тинѣ, въ водѣ или во рву, то также обязанъ платить,

Калмыцкое право различает нѣсколько видовъ *расхищенія* и *убыли* стадъ. Рядомъ съ «хищничествомъ», совершаемымъ «съ умыслу» индивидовъ, стоитъ расхищеніе стадъ независимо отъ воли человѣка — расхищеніе дикими звѣрьми, убыль отъ шургановъ и пр. Хозяйственные интересы охраненія

что оная стоила; за раненную же отъ звѣрей и съѣденную никакого взысканія не полагается». (См. Самоквасова Сборн. 275). Точно также по тунгускому праву, кто обязался смотрѣть за чужимъ скотомъ, отвѣчаетъ если скотъ отлучится и затеряется и если хозяинъ скота не будетъ о томъ увѣдомленъ не дальше 3-хъ дней; если хозяинъ будетъ находиться въ отдаленности, то должно дать знать ближнимъ старшинамъ и «разгласить о сей потерѣ народу»: безъ такого разглашенія, платитъ за утраченный скотъ тотъ, кто обязался смотрѣть за нимъ (тамъ же 57). Особенно интересны обычаи найма пастуховъ у якутовъ, у которыхъ въ обычаѣ отдавать бѣднымъ свой скотъ для пастьбы. «Средство сіе даетъ способы первымъ (богатымъ) умножать скотоводство, послѣднимъ (бѣднымъ) на пропитаніе и оплачиваніе податей и повинностей. И такъ, богатые, въ томъ числѣ и русскіе разнаго званія люди, отдаютъ бѣднымъ и посредственнаго званія Якутамъ опредѣленное количество скота, а именно: отъ 10 до 40 штукъ одному семейству, на одинъ годъ, съ мая до мая же мѣсяца другаго года, за плату, условленную и взаимно соглашенную; напр., кто беретъ на содержаніе 20 скотинъ рогатаго, тому дѣлается плата деньгами 20 руб. на пропитаніе, въ число содержимаго имъ скота 4 коровы дойныхъ, полагая удой оныхъ отъ 10 до 15 руб. не въ счетъ содержимаго скота, одинъ быкъ для впреганія, полагая тѣло онаго отъ 3 до 5 руб.; за сію, а иногда и превосходящую плату, содержатель, именуемый *скотникомъ*, обязанъ лѣтомъ скотъ пасти, зимой кормить сѣномъ, заготовленнымъ на своихъ мѣстахъ, къ веснѣ вывести тучнымъ и здоровымъ; удой съ тельныхъ коровъ, исключая отданныхъ ему на пропитаніе, скопя въ маслѣ и кисломъ молокѣ, доставить хозяину скота, осенью въ октябрѣ мѣсяцѣ, скотъ сберегать отъ всякой гибели и траты, а въ противномъ случаѣ за утерянную, украденную или иными какимъ образомъ погиблую скотину платить въ натурѣ или по цѣнѣ деньгами, ограничиваясь одними случаями падежа отъ повѣтрія и натуральной болѣзни, а также и обнаруженіемъ вора укравшаго скотину, ибо тогда платежъ производитъ воръ» (тамъ же, 237—238). По обычному праву вогуловъ, остяковъ и самоѣдовъ, «нанявшіеся пасти оленей, въ случаѣ упадка, мясо употребляютъ въ пищу, а кожу отдаютъ хозяину; за небрежную утрату взыскивается часть или половина цѣны, съ лишеніемъ иногда довѣрія. Если для голода употребляется въ пищу нѣкоторое число скота, то оставляется безъ иска, но кожи хозяину возвращаются» (тамъ же 23).

стадъ регулируютъ систему штрафовъ за хищничество людей; въ видахъ же возмѣщенія имущественнаго вреда скотоводовъ и охраненія стадъ отъ гибели установляется калмыцкимъ правомъ система наградъ за спасеніе расхищаемаго скота, вмѣстѣ съ общей повинностью скотоводовъ помогать другъ другу въ бѣдѣ и съ другими мѣрами по охраненію и собиранію «отбылаго» скота и пр. Къ хищничеству, совершаемому людьми, отнесены калмыцкими уставами — умерщвленіе и истязаніе животныхъ, насильное присвоеніе и пользованіе чужимъ скотомъ, воровство и въ собственномъ смыслѣ хищничество, или отгонъ скота (баранта). Затѣмъ калмыцкое право установляетъ рядъ мѣръ на случай расхищенія стадъ дикими или бѣшенными животными, гибели ихъ во время степныхъ пожаровъ, также отъ утопанія въ «грязи» и водѣ, въ случаѣ утраты и гибели стадъ во время зимнихъ вьюгъ и ураганов (шургановъ) и пр.

Умерщвленіе и *истязаніе* скота мотивируются какъ наказуемыя дѣянія, не только хозяйственными интересами, но и буддійскими религіозными воззрѣніями. Истязаніе и мученіе животныхъ вообще считаются дѣйствіями, «запрещенными» для послѣдователей буддійскаго ученія, съ его проповѣдью «сострадания» ко всему живому и въ особенности догматомъ (развитымъ донельзя у ламаитовъ) перерожденія и переселенія душъ (люди, не исполняющіе буддійскихъ обѣтовъ и догматовъ, осуждены къ переселенію душъ между прочимъ въ «безсмысленныхъ животныхъ») [1]. Умерщвленіе чужаго скота штрафуется калмыцкимъ правомъ различно, смотря по тому, про-

[1]) Пратимокша-Сутра относитъ къ числу 4-хъ смертныхъ грѣховъ (pârâjinâ) «посвященныхъ» преднамѣренное умертвленіе живыхъ существъ: «тотъ духовный, кто преднамѣренно умертвитъ живое существо, . . . отлучается и исключается отъ сожительства» (стр. 30, п. 3); если духовный умышленно лишитъ жизни живое существо, это pâci» (стр. 48, п. 61). Тѣже правила обязательны для міранъ—ламаитовъ въ дни «обѣтовъ» (въ посты, мацаки), — по Зинзил. уложенію, кто въ постный день убьетъ животное, того другой, заставшій на этомъ, долженъ побить, не нанося только на тѣлѣ

изведено ли оно «съ умыслу» (злодѣйствуя) или «по легкомыслію». Въ первомъ случаѣ проступокъ приравнивается къ кражѣ скота; во второмъ — хозяинъ скота получаетъ вознагражденіе (голова въ голову) и, кромѣ того, виновный штрафуется (лошадью) [1]. Въ уставѣ 1640 г. упоминается также изувѣченіе скота [2].

Скотоводъ лишается, далѣе, возможности пользоваться скотомъ на свою «потребу» въ случаѣ *присвоенія* его другимъ, — если кто, «чужую скотину назвавъ своею, будетъ владѣть» (уст. 1640, ст. 119), «станетъ на томъ скотѣ ѣздить, положитъ свое клеймо, остражетъ» (91), «будетъ доить чей скотъ» (145) [3]) и пр. Зинз. уложеніе считаетъ вообще

знаковъ и безъ поврежденія членовъ, и взять себѣ убитое (ст. 148 и 150). Ульженіе хоринскихъ бурятъ запрещаетъ вообще духовнымъ убивать животныхъ (см. Самоквасова Сборн. 107). О ламайскомъ догматѣ переселенія душъ въ «безсмысленныхъ животныхъ» въ отношеніи къ занимающему насъ вопросу см. Бентковскаго Взглядъ на кочев. культуру калмыковъ и причины ея живучести, 25, 29.

[1]) Уст. 1640 г. ст. 118, 128. Зинз. улож. 167. п 5 и 12. — По бурятскому праву, намѣренное изувѣченіе и умерщвленіе скотины наказывается лозами, съ вознагражденіемъ хозяина за убытокъ. См. Самоквасова сборн. 97. Тоже правило встрѣчается въ старыхъ «степныхъ законахъ» тунгусовъ: «кто съ намѣреніемъ или по злости изувѣчитъ или убьетъ скотину, тотъ платитъ за убытки и наказывается тѣлесно». См. мое соч. Др. монг уст. 242, п. 6.

[2]) Нанесеніе ранъ лошади штрафуется верблюдомъ (ст. 80). По бурятскому праву, подлежитъ взысканію вредъ, наносимый чужой скотинѣ, если кто «нещадно погонитъ или начнетъ бить и оттого она погибнетъ или ушибется» (См. Самоквасова Сбор. 140, 159, 181). Точно также по обычаямъ тунгусовъ, вотяковъ, остяковъ и самоѣдовъ, всякій наказывается, кто изувѣчитъ или «приведетъ въ худобу» чужую скотину. См. тамъ же, 22, 56.

[3]) Уставъ 1640 г. дозволяетъ доить чужой скотъ лишь въ извѣстныхъ случаяхъ, когда у верблюдицы верблюженокъ «померъ», кобыла отлучилась отъ жеребенка или корова отдѣлилась въ полѣ. См. уст. 1640, ст. 145. Зинз. улож. 167 п. 14. — Употребленіе въ работу и даже остриженіе «прибылаго» (приблуднаго) скота дозволяется послѣ того, какъ сдѣлано о приблудкахъ объявленіе установленнымъ порядкомъ. См. уст. 1640 ст. 91.

ошенничествомъ, если «кто, опознавши чужую скотину, назоветъ воею, возметъ и присвоитъ, и въ томъ окажется ошибка» ст. 191). Во всѣхъ такихъ случаяхъ калмыцкое право устаовляетъ частные платежи, въ возмѣщеніе убытковъ, понесенныхъ владѣльцемъ скота [1]).

Особый видъ расхищенія стадъ составляетъ по калмыцкому праву *воровство*. Дѣло въ томъ, что бытовыя условія жизни алмыковъ такъ сложились, что воровство и другія формы ищничества практикуются у нихъ доселѣ, какъ дѣянія не собенно преступныя, къ которымъ они нерѣдко прибѣгаютъ ъ нуждѣ, особенно въ случаѣ грозящей круглымъ разореніемъ были стадъ вслѣдствіе падежа скота отъ безкормицы и пр. единственнымъ средствомъ избѣжать бѣды является тогда воовство или отгонъ скота, для пополненія погибшихъ стадъ). Іодъ вліяніемъ особыхъ бытовыхъ условій, при какихъ изстари ивутъ калмыки, ихъ уставы и народные обычаи еще во иноомъ держатся первобытныхъ воззрѣній на имущественныя равонарушенія вообще и воровство въ частности. Первичному одовому строю вовсе неизвѣстна идея «собственности» и нерикосновенности чужаго имущества. При родовой общности сей жизни, безъ всякой индивидуализаціи имущественнаго оборота, внутри родовъ, какъ уже замѣчено, нѣтъ мѣста имуще-

[1]) За присвоеніе чужаго скота уставъ 1640 г. назначаетъ въ пользу озяина плату въ 5 скотинъ (ст. 119); по Зинз. уложенію хозяинъ получаетъ отъ вдвойнѣ, а виновный, кромѣ того, наказывается 20-ю ударами плетью т. 191). За наложеніе клейма къ чужой скотинѣ положена плата 9 скот., по Зинз. уложенію еще 25 ударовъ (уст. 1640 ст. 91; зинг. ул. 165); за сніе и употребленіе въ работу—плата кобылой (уст. 1640 ст. 91, 145). По рятскому праву присвоеніе чужаго скота оплачивается, какъ и воровство; ѣзду, употребленіе въ работы и снятіе шерсти съ чужой скотины положена плата «сполна» или «по оцѣнкѣ» и наказаніе лозами (см. Самоквасова эр. 129, 131, 159). Точно также «степные законы» тунгусовъ запрещаютъ ду и остриженіе чужаго скота, подъ угрозой платы и наказанія «приличімъ образомъ.» (См. тамъ же, 56).

ственнымъ правонарушеніямъ, — послѣднія являются лишь въ отношеніяхъ между цѣлыми родами. Но и здѣсь вкоренившіяся въ кочевомъ быту хищническія формы жизни мало благопріятствуютъ выясненію въ сознаніи хищниковъ идеи о безусловной неприкосновенности чужаго имущества: хищникъ добываетъ средства къ жизни силой, въ видѣ добычи; откуда бы она ни шла и какъ бы ни пріобрѣталась, для хищника безразлично,— лишь бы достигалась ближайшая цѣль — удовлетвореніе его нуждъ, путемъ ли добычи, грабежа или инымъ способомъ. Хищническіе инстинкты вводятся въ извѣстные предѣлы лишь въ пору болѣе или менѣе организованнаго сплоченія (ойратства монголовъ XIII и слѣд. вѣковъ) дружинно-родовыхъ союзовъ, особенно у степняковъ-скотоводовъ, для которыхъ становятся вопросомъ жизни и смерти хозяйственные интересы сбереженія стадъ—единственнаго источника ихъ благосостоянія. Лишь съ этихъ поръ «ойратское» (союзное) право степняковъ начинаетъ мало по малу создавать рядъ болѣе или менѣе строгихъ нормъ, въ видахъ охраны и поддержанія указанныхъ интересовъ. Ойратскія правила о воровствѣ, грабежѣ и пр. мотивируются лишь односторонними началами хозяйственнаго быта скотоводовъ, но еще мало проникаются общей идеей «правонарушенія», помимо бытовыхъ условій, вызвавшихъ нормы ойратскаго права: гдѣ такія условія не имѣютъ силы, тамъ не примѣняются и выросшія на ихъ почвѣ нормы; тамъ дѣйствуютъ первичныя воззрѣнія и порядки. На такой именно ступени общаго, культурнаго развитія стоятъ калмыцкіе уставы XVII—XIX вѣковъ. Калмыцкое право считаетъ наказуемымъ, въ смыслѣ общественнаго преступленія, лишь кражу, учиненную внѣ тѣсныхъ родовыхъ союзовъ,—между близкими родичами, даже съ матерней стороны, калмыцкое право не признаетъ кражи и другихъ имущественныхъ правонарушеній и не облагаетъ ихъ никакимъ наказаніемъ по суду общественной власти [1]). Такъ и

---

[1]) «На родича нельзя жаловаться», — за кражу или взятіе имущества родичей «не взыскивать», «штрафу не имать», — родичи мирятся сами между собой — «mögen sich selbst vergleichen», — всѣ эти формулы имѣютъ въ

въ данномъ случаѣ: кражу чужаго скота калмыцкіе уставы наказываютъ не въ смыслѣ дѣянія, преступнаго вообще, но главнымъ образомъ потому, что она идетъ въ разрѣзъ съ интересами хозяйственной культуры скотоводовъ, — это институтъ не столько уголовнаго права, сколько степной хозяйственной полиціи [1]. Съ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ разсматривать положенія калмыцкихъ уставовъ о скотскихъ кражахъ, имѣю-

своей основѣ примитивныя идеи права, свойственныя родовому сознанію кочевниковъ (см. уст. 1640 г. — рус. 147, Палл. 128). Лишь Коммисія калмыцкихъ дѣлъ, при пересмотрѣ Зинз. уложенія, предположила отмѣнить старыя правила о кражѣ между родичами и подвергать ее наказанію на общемъ основаніи. См. зинз. уложеніе 45—48, 195 п. 13.

[1]) Интересы уголовной юстиціи требуютъ лишь наказанія вора, — изъ нихъ нельзя вывести институтъ кражи скота въ томъ сложномъ составѣ, какой она имѣетъ по калмыцкому праву. Въ составъ этого института входитъ система наградъ за отбой воровскаго скота, институтъ «гоненія слѣда» и пр.. — все это объясняется интересами не столько уголовнаго права, сколько степной полиціи. — Бытовое значеніе скотскихъ кражъ у кочевниковъ очень хорошо выяснено въ цитированной выше запискѣ Гейнса. «Согласно пониманію киргизовъ, кража скота не есть дѣло безчестное или преступленіе. Киргизъ знаетъ и видитъ существовавшихъ и существующихъ до нынѣ въ степи батырей, которые составили себѣ не только положеніе, но и репутацію лихихъ и всѣми уважаемыхъ людей, вслѣдствіе кражи скота въ обширныхъ размѣрахъ. Такое наивное отношеніе къ угону чужаго скота не есть результатъ нравственной порчи киргиза»... «Они не видятъ грѣха въ похищеніи чужаго скота, вслѣдствіе своего азіатскаго воспитанія и вытекающаго отсюда своеобразнаго пониманія добра и зла. Киргизы знаютъ, что Чингизъ-ханъ началъ свою міровую карьеру отгонами чужихъ стадъ; они слыхали также, что сперва ханы, а потомъ султаны и родоначальники брали у всякаго скотъ, который имъ нравился, безъ того, чтобы ихъ называли безчестными; они слышатъ и до сихъ поръ, какъ народные пѣвцы воспѣваютъ какихъ-то невѣдомыхъ намъ героевъ за ихъ лихіе наѣзды на далекіе аулы враждебныхъ родовъ съ цѣлью угона скота; они видятъ даже теперь, что воръ можетъ остаться безнаказаннымъ. Если скотъ выкрадывался прежде всѣми уважаемыми людьми, — значитъ, отгонъ чужаго скота дѣло не особенное злое. Такъ дѣлалось отцами и дѣдами киргизовъ, такъ дѣлается ими и теперь». Зап. 75—76.

щихъ не маловажное, бытовое значеніе въ отношеніи къ хозяйственной культурѣ калмыковъ-скотоводовъ.

Главный интересъ скотовода — отбить во что бы то и стало воровской скотъ, выслѣдить его по горячимъ слѣдамъ, то есть имѣть возможность воротить безъ особенныхъ усилій расхищенный скотъ. Кто бы ни отбилъ скотъ изъ воровскихъ рукъ, скотоводъ по обычаю платитъ за оказанную помощь. Калмыцкое право таксируетъ въ этихъ случаяхъ количество наградъ, смотря по тому, отбитъ ли скотъ съ бою или безъ драки; въ первомъ случаѣ слѣдуетъ двойная плата [1]). Такая же награда полагается тому, кто откроетъ и выслѣдитъ воровской скотъ: по калмыцкому праву обвинитель (Ankläger) вообще получаетъ девятую часть выслѣженнаго имъ скота [2]). Съ другой стороны, установляя систему наградъ за отбой и открытіе воровскаго скота, калмыцкое право организуетъ родовую помощь противъ расхищенія стадъ (обязывая скотоводовъ, кочующихъ въ одномъ таборѣ, помогать другъ другу въ дѣлѣ «обыска» и «гоненія слѣда» воровскаго скота) и вообще подробно раскрываетъ сущность основныхъ процессуальныхъ институтовъ, сл-

---

1) При отбоѣ съ драки платится: отъ 5 ти скотинъ лошадь, отъ 4—3-хъ — кобыла трехлѣтняя, отъ 2-хъ жеребенокъ двухъ лѣтъ, отъ 1-й — баранъ. Кто отниметъ безъ драки, беретъ изъ отбитаго скота — отъ 10-ти лошадь, отъ 5-ти жеребенка, отъ 4—1-й барана. См. уст. 1640 ст. 1… Зинз. уложеніе утвердило эту таксацію (ст. 168 п. 16; ст. 192). Сходныя правила находимъ въ бурятскомъ правѣ: помимщику платится за верблюда … барана, за большую скотину — одинъ, за барана по 10 коп. Если воръ … помимкѣ скрылся и оставилъ свою лошадь, послѣдняя отдается помимщику. При этомъ помимщикъ долженъ «показать къ доказательству настоящій слѣдъ», иначе онъ не только не получаетъ награды, но и остается въ подозрѣніи. (См. Самоквасова Сборн. 156—457.

2) См. уст. 1640 — рус. 9, 134 и пр.; Палл. 119, 153 и пр. Въ русскомъ текстѣ «обвинитель» не правильно обозначенъ словомъ «свидѣтель». Въ Зинз. уложеніи обвинитель называется «доказателемъ» (ст. 11, 197 п. 1… 198, 201). У бурятъ «открыватель» получаетъ четверть «яллы» — пени за воровство, а у тунгусовъ опредѣленную плату — 5 руб. (Самоквасова; 53, 12…

ціально направленныхъ противъ расхищенія стадъ [1]). Самая таксація штрафовъ за воровство скота имѣетъ въ виду возмѣщеніе убытковъ скотоводовъ, вмѣстѣ съ полицейскими цѣлями— воздержанія въ кочевомъ населеніи хищническихъ инстинктовъ путемъ установленія громадныхъ платежей за всякое воровство и въ особенности за расхищеніе стадъ [2]).

Организованное хищничество, разсчитанное спеціально на расхищеніе стадъ кочевниковъ, извѣстно въ калмыцкомъ правѣ подъ именемъ *«отгона скота»*, также *«хищничества»* (баранты). Въ основѣ хищничества лежатъ тѣже бытовыя условія степной жизни, на какія мы указали только что, говоря о скотскихъ кражахъ; баранта доселѣ практикуется почти у всѣхъ кочевниковъ, какъ дѣяніе «не составляющее тяжкаго преступленія». Баранта вообще обусловливается всей хищнической обстановкой кочевой жизни степняковъ: «праздность, не разлучная съ кочевымъ бытомъ, нерадѣніе о своевременномъ обезпеченіи своихъ нуждъ, остатокъ удальства и наѣздничества, а весьма часто страсть къ скотоводству и неимѣніе его», большіе скотскіе падежи и укоренившійся обычай пополненія убыли стадъ путемъ легкой наживы, — главныя причины, постоянно

---

[1]) Сюда относится въ особенности обыскъ и гоненіе слѣда. Мы разсмотримъ ихъ ниже, въ отдѣлѣ о процессѣ.

[2]) Калмыцкое право таксируетъ штрафы за скотскую кражу по системѣ девятерицъ, именно: за верблюда — 15×9 скота, за холощенную лошадь и жеребца — 10×9, за большую скотину 9×9, за кобылу 8×9; за корову, жеребенка и барана 6×9. Изъ этой платы хозяинъ получаетъ за свой скотъ вдвое; остальная часть слѣдуетъ владѣльцу (нойону). См. уставъ ст. 9, 89. Зинз. улож. 111, 192, п. 8. — Система девятерицъ установлена еще монгольскимъ правомъ временъ Чингиса. По «великой ясѣ» скотокрадство оплачивается вообще вознагражденіемъ «вдевятеро», т. е. воръ долженъ былъ возвратить хозяину украденный скотъ, съ прибавкую девяти такихъ же скотинъ. «Если онъ не въ состояніи уплатить этого штрафа, то брали у него дѣтей, а когда не было и дѣтей, то (предписывалось) зарѣзать самаго какъ барана» см. мое соч. Др. монг. уст. 194, п. 29). По ойратскому уставу 1640 года несостоятельный воръ отдается въ рабство до отработки штрафа (ст. 113).

поддерживающія институтъ баранты у всѣхъ степныхъ кочевниковъ, съ ея главнымъ результатомъ — расхищеніемъ стадъ, нерѣдко влекущимъ за собой полное нищенство и разореніе цѣлыхъ родовыхъ союзовъ. Баранта у калмыковъ имѣетъ, такъ сказать, свой сезонъ, усиливается въ особенности во время раскочевокъ и сближенія улусовъ зимой, когда, послѣ большой убыли стадъ вслѣдствіе шургановъ или безкормицы, организуются нерѣдко цѣлыя банды отгонщиковъ, производящихъ расхищеніе скота безъ разбора, у своихъ одноулусниковъ и чужеродцевъ. Изъ калмыцкихъ уставовъ видно, что, подобно воровству, не имѣющему преступнаго характера между близкими родичами, и родовая баранта доселѣ признается между послѣдними въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ вполнѣ легальный институтъ (см. ниже о наслѣдованіи имущества). Вообще же говоря, ойратскія основы калмыцкаго права вполнѣ отрицаютъ правомѣрный характеръ баранты, главнымъ образомъ въ видахъ охраны интересовъ хозяйственной культуры степныхъ скотоводовъ, и потому въ калмыцкихъ уставахъ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ противъ отгоновъ стадъ. Такимъ образомъ, калмыцкое право, съ одной стороны, установляетъ за «отбой» отогнаннаго скота такія же награды, какъ и за отбой скота изъ рукъ обыкновеннаго вора[2]), а съ другой — обязываетъ однородцевъ взаимной помощью, требуетъ отъ всѣхъ, кто услышитъ и узнаетъ о шайкахъ барантовщиковъ, ѣхать въ погоню, гнаться для отбоя отогнаннаго скота, подъ угрозою большихъ штрафовъ[3]). Во время погони за хищниками вполнѣ до-

[1]) См. От. Зап. 1846, № 8, стр. 90, 99. Калм. степь, III, 123.

[2]) По уставу 1640 г. за отбой у барантовщиковъ скота дается въ награжденіе половина отбитаго скота. Если кто по безсилію и не отобьетъ скота и еще понесетъ самъ утраты, то послѣднія все таки возмѣщаются. По Зинз. уложенію, «кто поѣдетъ (въ погоню за хищниками), тому дать награду». Уст. 1640 ст. 19. Зинз. улож 146, п. 5.

[3]) Именно, знатный, не выѣхавшій въ погоню, лишается половины своего имущества и скота, посредственный—9-ти скотинъ, подлый — 5-ти (уст. 1610 г. 19). По Дербетовскимъ законамъ, каждый кто узнаетъ о воровск.

зволителенъ степной самосудъ — остатокъ отъ родовой мести: отмѣнивъ послѣднюю въ обыкновенныхъ случаяхъ, ойратское право удержало ее въ дѣлѣ баранты и вообще хищничества[1]). Самое наказаніе хищниковъ по калмыцкому праву имѣетъ значеніе такой же отвѣтной баранты («въ отмщеніе»), какая установлена издавна киргизскимъ правомъ. Хищники, кромѣ возвращенія похищеннаго, подвергаются сами почти полному разоренію. Впрочемъ, въ старомъ уставѣ не установлено наказанія за «отгонъ скота» въ собственномъ смыслѣ, но говорится вообще о разбоѣ и хищническомъ расхищеніи цѣлыхъ улусовъ, аймаковъ и хотоновъ путемъ набѣговъ организованныхъ шаекъ[2]). Наказаніе за «отгонъ скота» въ точномъ смыслѣ установлено Зинз. уложеніемъ[3]). Институтъ отгона скота имѣетъ мѣсто также въ правѣ другихъ восточныхъ инородцевъ. Особенно интересны правила, существующія у киргизовъ и тунгусовъ. У киргизовъ доселѣ держится въ обычаѣ баранта («барымта»). Ихъ право допускаетъ отгонъ скота, прежде всего какъ законную мѣру удовлетворенія обиженнаго, въ значеніи «баранты въ отмщеніе», если самъ обидчикъ не сдѣлаетъ удовлетворенія (см. ниже—о процессѣ). Кромѣ баранты «въ отмщеніе», киргизское право знаетъ также «безвинную» баранту, какъ дѣяніе,

---

шайкѣ, долженъ подъ угрозою штрафа преслѣдовать и ловить, — помѣщики, приводящіе хищниковъ «reichlich belohnt werden sollen» (см. уст. Палл. ст. 161). По Зинзилинскому уложенію «всякій благомыслящій обязанъ ѣхать въ погоню; а кто не поѣдетъ, того штрафовать по древнему уложенію» (ст. 146, п. 5).

[1]) По Зинз. уложенію, «кто явно вошедшаго въ домъ хищника, или гнавшись въ погонь за его товарищами, на дорогѣ поймаетъ и убьетъ до смерти, таковаго виновнымъ въ преступленіи не почитать». Требуется только «тѣхъ воровъ съ поличнымъ» заявить немедленно ближнимъ людямъ для засвидѣтельствованія или для записки въ ближайшее судебное мѣсто. См. ст. 107.

[2]) За расхищеніе большихъ родовыхъ союзовъ положено лишеніе всего имущества, а за расхищеніе небольшаго аймака или хотона — штрафъ въ опредѣленной нормѣ, именно: 100 панцырей, 100 вербл. и 1000 лошадей, вмѣстѣ съ возвращеніемъ похищеннаго (уст. 1640 ст. 1 2).

[3]) Именно 50 ударовъ плетью и штрафъ 5 скотинъ. См. Зин. улож. 86

запрещаемое обычнымъ правомъ. По «степнымъ законамъ киргизовъ, констатированнымъ ими въ 1824 году, «кто сдѣлаетъ отгонъ или баранту скота или лошадямъ безвинно, съ того обращается таковая баранта сполна», причемъ барантовщики должны вознаградить все, что было повреждено или утрачено во время погони за ними; «болѣе же никакихъ наказаній не полагается». Баранта дозволяется «въ отищеніе за таковую же», при чемъ скотъ взыскивается только «штука въ штуку»; если при барантѣ въ отищеніе, кто отгонитъ болѣе, нежели сколько у него угнано, то излишчее возвращается «претендателямъ» и «тѣмъ дѣло оканчивается». Изложенныя правила показываютъ, что киргизское право далеко не такъ строго смотритъ на баранту, какъ право калмыцкое: у киргизовъ «безвинная» баранта имѣетъ какъ бы значеніе насильнаго займа, насильно же вознаграждаемаго, — барантовщикъ собственно не несетъ никакого наказанія. Между тѣмъ, баранта отзывалась чрезвычайно вредно на всемъ степномъ хозяйствѣ. По словамъ очевидцевъ, еще не такъ давно случалось, что «на отгонъ украденнаго скота воръ отвѣчалъ отгономъ стадъ у родственниковъ барантача, такъ что послѣдніе принуждены бывали дѣлать тоже относительно родовичей вора. Такимъ образомъ, баранта разгоралась иногда въ рядъ взаимныхъ грабежей, отъ которыхъ страдали цѣлые роды, и прекратить которую становилось крайне трудно». Притомъ, нужно имѣть въ виду, что во время операцій баранты угоняемый скотъ рѣдко оставался въ цѣлости, но большею частію погибалъ, что вліяло сильно на общее обнищаніе скотоводовъ. Всѣ эти соображенія и были причиной того, что теперь преступленія по барантѣ подчинены русскимъ законамъ[1]). Почти такой же первобытный характеръ «безвинной» баранты удерживаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отгонъ скота и по степнымъ законамъ тунгу-

[1]) См. мое соч. — Др. монг. уст. 247. Самоквасова Сборн. 268, 275. Гейнса Зап. 64, 71—75.

совъ: отгонъ, сдѣланный «въ бѣдности, отъ голода» («когда оный человѣкъ показывалъ и сказывалъ многимъ изъ общества и потомъ съѣлъ» отогнанный скотъ), наказывается гораздо слабѣе воровства — лишь «тѣлесно», съ «платежемъ головою убитаго скота»[1]).

Хищничество кочевниковъ — не единственная причина, мѣшающая надлежащему развитію степнаго хозяйства калмыковъ. Расхищеніе стадъ является въ еще бóльшей степени, какъ результатъ не менѣе хищнической, внѣшней обстановки степнаго хозяйства: стада гибнутъ отъ неблагопріятныхъ *почвенныхъ, климатическихъ и санитарныхъ условій* степи — отъ повальныхъ болѣзней, расхищенія со стороны дикихъ звѣрей, также отъ степныхъ пожаровъ, распутицы и ливней, песчаныхъ ураганов, зимней гололедицы, стужъ (шургановъ) и пр.[2]). Въ калмыцкихъ уставахъ констатируется рядъ обычныхъ мѣръ противъ расхищенія стадъ во всѣхъ этихъ случаяхъ[3]). На первомъ планѣ стоитъ здѣсь установленіе наградъ за отбой скота отъ хищныхъ звѣрей, также за спасеніе его

---

[1]) Въ остальныхъ случаяхъ отгонъ скота наказывается наравнѣ съ воровствомъ, т. е. у виновнаго отбирается имущество и онъ самъ жестоко на казывается. См. Самоквасова Сбор. 29, 40, 50.

[2]) Особенно гибельна для стадъ степная зима, съ ея гололедицей, глубокими снѣгами, буранами, безкормицей и пр. «Во время гололедицы на помощь стадамъ является хозяинъ съ своими родными и семействомъ, работаютъ день и ночь надъ разламываніемъ льда, чтобы дать возможность скоту достать кормъ». Въ глубокіе снѣга скотоведъ опять помогаетъ скоту — отгребать снѣгъ. Во время буранов, ливней, стужъ и ургановъ скотъ разбѣгается по направленію вѣтра и гибнетъ нерѣдко цѣлыми стадами За стадомъ идетъ хозяинъ, иногда погибающій съ скотомъ. Нерѣдко послѣ шургана богатый скотоводъ обращается въ круглаго бѣдняка. См. Гейнса Зап. 25—26. Калм. степь, III, 57—58. Костенкова о калм., 106—108.

[3]) Въ калмыцкихъ уставахъ нѣтъ никакихъ правилъ касательно падежа скота отъ повальныхъ болѣзней. За то «въ степныхъ законахъ» другихъ инородцевъ встрѣчаемъ цѣлый рядъ правилъ. Такъ, по обычному праву монголо-буратъ, если скотъ изгибнетъ отъ прилипчивой болѣзни, то засви-

во время степныхъ пожаровъ, распутицы и шургановъ[1]). Ка-ныцкое право гарантируетъ чужой скотъ отъ «бѣшенныхъ» животныхъ (возлагая отвѣтственность на хозяевъ домашнихъ животныхъ, если они въ бѣшеномъ видѣ нанесутъ вредъ чужому скоту)[2]), и обезпечиваетъ права скотоводовъ на скотъ,

---

дѣтельствовавъ старшинамъ, должно отвезти отъ скотскаго выпуска и дорогъ въ отдаленное мѣсто и закопать глубоко въ землю. Если начнется падежъ скота, должно немедленно объявить старшинамъ и сдѣлать объявщеніе, подъ угрозой платы за павшій скотъ у другихъ скотоводовъ, не обвѣщенныхъ своевременно. Зараженный скотъ удалить на особое урочище и воспретить строго, дабы съ благополучныхъ скотомъ не смѣшивать и того же часа испросить знающихъ ламъ для прекращенія болѣзни. Съ зараженнымъ скотомъ близь чужаго стойба не прикочевывать; его хранить въ отдаленности отъ здороваго скота; кто сего не сдѣлаетъ и дастъ распространиться заразѣ, тотъ платитъ за половину павшаго скота въ чужихъ стадахъ. Если въ улусѣ появится зараза на всѣхъ вообще, то здоровый скотъ удалить отъ больнаго, оставивъ послѣдній на прежнемъ мѣстѣ подъ особымъ присмотромъ. Такие самыя правила въ обычаѣ у тунгусовъ, вогуловъ и пр. (См. Самоквасова 32, 56, 140, 156, 182). Мое соч. — Др. монг.-калм. уставъ, 225 п. 19.

[1]) Такимъ образомъ, въ уставѣ 1640 г. находимъ слѣдующія правила. Кто отъ волковъ оборонитъ овецъ беретъ изъ нихъ одну живую, а другую зарѣзанную волками; если овецъ будетъ меньше 10-ти, то хозяинъ долженъ дать оборонителю 5 стрѣлъ (ст. 108). Кто отъ степнаго пожара (Steppenfeuer) освободитъ большое число скота, беретъ въ награду двѣ скотины, а немного — одну (ст. 86). Кто высвободитъ изъ грязи свалившійся отъ усталости скотъ, получаетъ за верблюда корову, за лошадь барана и пр. (ст. 108). По Зинз. уложенію, кто спасетъ скотъ, волками разогнатый или отъ бури, мятели и дождя разсѣянный, или утопшій въ грязи и колодцѣ, тотъ награждается по мѣрѣ спасеннаго имъ скота (ст. 168). Кто спасетъ отъ пожара чужой скотъ, тотъ также получаетъ награду по числу скота. Кто отобьетъ стадо скота, расхищаемое волками, или найдетъ расхищенный скотъ, получаетъ въ награду одну мертвую и одну живую скотину; если расхищенное стадо будетъ меньше 10-ти штукъ, награждать 2-мя рублями (ст. 221).

[2]) Именно, хозяинъ бѣшенной собаки платитъ пятую часть искусаннаго ею скота (уст. 1640 ст. 57. Зин. улож. 167 п. 7). — Плата не производится, если самцы (верблюды и пр.) побьются между собой (уст. 1640 ст. 63; зинз. ул. 167 п. 10). Подобныя же правила развиты обычнымъ правомъ монголо-бурятъ и тунгусовъ (см. Самоквасова Сборн. 35, 59, 142, 159).

павшій или разбѣжавшійся отъ хищныхъ звѣрей, во время вьюги, морозовъ и пр. Павшую въ такихъ случаяхъ скотину запрещается постороннему присвоивать, никому не объявя и до истеченія извѣстнаго срока (10 дней), подъ угрозою штрафа[1]). Для розыска скота, разбѣгавшагося во время шургановъ, въ приходъ непріятельскій и пр., существуетъ по калмыцкому праву въ каждомъ улусѣ особый скотскій сыщикъ или посыльный, подъ названіемъ кира (Kieri, по Зинз. уложенію кирча). Его назначаетъ улусный владѣлецъ (нойонъ)[2]). По просьбѣ скотоводовъ, потерпѣвшихъ разбродъ стадъ, владѣлецъ, посылаетъ, для розыска разбѣжавшагося скота, своего киру, объѣзжавшаго всѣхъ аймачныхъ старшинъ (шуленгъ) и спрашивавшаго о «прибыломъ» (приблудномъ) скотѣ. Если послѣдняго не было въ данномъ мѣстѣ, старшина долженъ былъ удостовѣрять это собственной присягой; за утайку прибылаго скота при розыскѣ калмыцкое право назначаетъ большіе штрафы. Всякій, въ чьемъ стадѣ появится приблудный скотъ или кто найдетъ его въ полѣ, долженъ, по обычаю, въ теченіе трехъ дней, публиковать (чинить «публики») о найденномъ скотѣ и затѣмъ представлять его своему старшинѣ (по Зинз. уложенію кирчѣ). Кто утаитъ прибылой скотъ, будетъ употреблять его въ работу до окончанія срока публикаціи, также передастъ въ другія руки или же продастъ, тотъ во всѣхъ такихъ случаяхъ штрафуется почти такъ же, какъ и за воровство. Прибылой скотъ хранится въ теченіе 3-хъ годичнаго срока; если по истеченіи этого времени не явится хозяинъ скота, то по Зинзилинскому уложенію послѣдній продается и вырученная сумма отдается на призрѣніе бѣдныхъ. Наконецъ, калмыцкіе уставы назначаютъ награду за поимку бѣглаго

---

[1]) См. Уст. 1640 ст. 93, 108, 143. Зин. улож. 167 п. 5, ст. 193. У бурятъ и другихъ инородцевъ см. Самоквасова Сбор. 55, 56, 131, 139, 158.

[2]) По Зинз. уложенію, кирча назначается владѣльцемъ для храненія разбѣжавшагося изъ разныхъ мѣстъ скота и пойманнаго въ чужихъ стадахъ. ст. 165, 166).

скота и затѣмъ плату (по годно) за содержаніе его до отдачи хозяину или, при его неявкѣ, — до распродажи прибылаго скота[1]).

Таково «пастушеское право» калмыцкихъ уставовъ. Возникнувъ и развившись на почвѣ кочевой культуры степняковъ-скотоводовъ, оно нормируетъ одну изъ главныхъ сторонъ ихъ хозяйственнаго быта — береженье стадъ, какъ основной статьи племеннаго богатства кочевниковъ. Какъ уже замѣчено, для теперешняго калмыка скотоводство — главный и, можно сказать, исключительный источникъ пропитанія, доступный для него по мѣстнымъ условіямъ степной жизни. Не такъ было у его предковъ, въ особенности въ эпохи политической ихъ самобытности. Старый монголъ былъ не только скотоводъ, но и хищникъ, занятый добываніемъ средствъ къ жизни (добычи). путемъ постоянной войны и охоты надъ дикими животными. Отсюда у всѣхъ монгольскихъ племенъ, рядомъ съ пастушескимъ правомъ, изстари существуетъ *охотничье право,* съ его обычно-правовыми нормами «ловитвъ», которыя вмѣстѣ съ скотоводствомъ составляли основную форму кочевой культуры старыхъ монголовъ. Коренныя начала охотничьяго права были заложены въ обычномъ правѣ монголовъ еще въ эпоху Чингисовой «ясы», затѣмъ преемственно перешли въ ойратское право XVII вѣка и сохранились въ позднѣйшихъ «степныхъ законахъ» калмыковъ, бурятъ и другихъ инородцевъ монгольскаго корня. Нужно

[1]) Именно, за содержаніе прибылаго скота въ теченіе года положена слѣдующая плата: за 10 и больше головъ—2 скотины, за 3 до 9-ти — 1 скот. за двѣ скотины не полагается никакой платы. Объ всѣхъ изложенныхъ правилахъ см. уставъ 1640 г. — рус. 91, 148, 149; Палл. 93, 129. Зин. улож. 165, 166, 168 п. 17. — Подобныя же правила существуютъ въ обычномъ правѣ монголо-бурятъ и тунгусовъ, именно: о «пришатившемся» (приблудномъ) скотѣ — 7-ми дневномъ срокѣ публикаціи, явкѣ, пользованіи, штрафахъ за утайку, платѣ находчику скота, неявкѣ хозяина въ 3-хъ годичный срокъ и обращеніи пришатившагося скота въ пользу того, кто его нашелъ и содержалъ. См. Самоквасова Сбор. 54, 56, 128, 130, 131, 139, 155, 156, 158, 15.

впрочемъ замѣтить, что охотничьи обычаи, записанные въ калмыцкихъ уставахъ, едва ли имѣютъ какое либо практическое значеніе для теперешнихъ калмыковъ, — изученіе ихъ уставовъ съ этой стороны важно лишь въ научномъ отношеніи, по указаніямъ на старый охотничій бытъ монгольскихъ племенъ. Дѣло въ томъ, что, какъ видно изъ наблюденій надъ современнымъ бытомъ калмыковъ, мѣстныя условія калмыцкой степи, исключительно содѣйствуя скотоводческой культурѣ, мало благопріятны для звѣриныхъ и птичьихъ «ловитвъ». Оттого «теперь калмыки давно позабыли охоту предковъ въ болѣе счастливое для монголовъ время. Охота самострѣлами, облавами съ беркутами, соколами и балабанами осталась только смутнымъ преданіемъ въ разсказахъ немногихъ стариковъ»[1]). Эти — то мѣстныя условія, уничтоживъ въ степномъ населеніи старые обычаи ловитвъ, слагавшіеся въ цѣлую систему охотничьяго права, вмѣстѣ съ прекращеніемъ былаго хищничества, а съ нимъ и лагернаго, военно — дружиннаго строя всей жизни калмыковъ, болѣе и болѣе развиваютъ въ нихъ типъ мирныхъ степняковъ-скотоводовъ, исключительно занятыхъ уходомъ и береженьемъ своихъ стадъ, безъ прежнихъ хищническихъ инстинктовъ, питавшихся въ старое время военными и охотничьими предпріятіями.

Древнее монгольское право временъ Чингиса трактовало звѣриную охоту въ такомъ же смыслѣ, какъ и ратную службу, т. е. въ значеніи промысла, обязательнаго для каждаго взрослаго монгола. По Чингисовымъ законамъ, каждый индивидъ былъ воиномъ и въ тоже время охотникомъ, по первому зову родоправителей отправлявшимися въ хищническій набѣгъ на сосѣдей или, въ мирное время, выходившимъ на звѣриныя облавы и другія охотничьи предпріятія. Какъ уже замѣчено, Чингисъ требовалъ, чтобы монголъ велъ войну съ животными,

---

[1]) См. Бентковскаго Взглядъ на кочевую культуру калмыковъ, 40.

если не ведетъ ее съ людьми[1]). Взглядъ монгольскаго права на охоту, какъ на военную школу, выработывавшую въ старыхъ хищникахъ родовую доблесть и вообще поддерживавшую въ нихъ воинскіе нравы, высказывается ясно въ «изрѣченіяхъ», приписываемыхъ Чингису и служащихъ дополненіемъ къ его «великой ясѣ»: «воины должны, подобно тому, какъ *занимаясь охотою, отличаютъ имена свои*, означать каждый имя и славу свою, когда занимаются войной»[2]). Въ силу такихъ воззрѣній, приравнивавшихъ охоту къ войнѣ, какъ равно обязательные промыслы для кочевниковъ — монголовъ, ихъ старое охотничье право, естественно, должно было сложиться въ формѣ такихъ же строгихъ правовыхъ нормъ и по тѣмъ же самымъ образцамъ, какъ и ихъ военно-дружинное устройство. И дѣйствительно, такой складъ и характеръ монгольскаго охотничьяго права подтверждается, не только дошедшими до насъ фрагментами Чингисова устава, но и свидѣтельствомъ современниковъ объ охотничьемъ бытѣ старыхъ монголовъ. Въ числѣ франгментовъ «великой ясы» сохранилось, между прочимъ, слѣдующее строгое правило монгольскаго охотничьяго права, которое, по самому существу своему, могло возникнуть только на почвѣ воззрѣній на охоту въ смыслѣ обязательной службы или повинности: «Онъ (Чингисъ) предписалъ наказывать воиновъ за небрежность, — охотниковъ, упустившихъ звѣря на облавѣ, подвергать наказанію палками, иногда и смертной казни»[3]). Таковъ же характеръ звѣриныхъ «облавъ» старыхъ монголовъ по описаніямъ современниковъ: участіе въ облавахъ обязательно для всѣхъ, на кого укажетъ вождь; самыя облавы производятся съ соблюденіемъ всѣхъ обычаевъ веденія войны,—старый монголъ въ роли охотника подчинялся такой же военной дисциплинѣ и порядку, какъ и являясь воиномъ въ пору хищническихъ набѣговъ на сосѣдей[4]).

---

[1]) См. Березина Очеркъ, 47. D'Ohsson. Hist. d. Mong. I, 404.

[2]) См. мое соч. — Др. монг. уст 193, п. 6.

[3]) См. тамъ же 193, п. 27.

[4]) Приведемъ здѣсь описаніе монгольскихъ облавъ, какъ оно изложено

Въ ойратскомъ уставѣ 1640 г. весьма подробно развито охотничье право, въ основу котораго несомнѣнно легли старые обычаи звѣриныхъ облавъ и ловитвъ, какъ они были выработаны многовѣковой практикой монголовъ въ среднеазіатскихъ степяхъ. Тѣже самые обычаи безъ существенныхъ измѣненій воспроизведены и въ Зинзилинскомъ уложеніи калмыковъ. Не видно впрочемъ, чтобы ойраты XVII вѣка практиковали свои облавы и ловитвы въ значеніи такихъ же обязательныхъ промысловъ, какъ облавы старыхъ монголовъ Чингисова ханства[1]).

въ сочиненіи Доссона (Histoire des Mongols, I, 404—406; объ охотѣ у монголовъ см. также Quatremère Hist. des Mong. 165; Hammer Geschichte d. Gold. Horde, 47, 187—189). Начало зимы обыкновенно было временемъ большихъ облавъ, походившихъ на военныя предпріятія. Сначала посылались передовые для дознанія, въ изобиліи ли накопились звѣри. Затѣмъ, по ихъ показаніямъ, отправлялся приказъ въ роды, кочевавшіе въ окрестностяхъ на данномъ районѣ, о нарядѣ опредѣленнаго числа людей изъ каждаго десятка (такъ чтобы изъ нихъ образовался кругъ, облегавшій избранное для охоты мѣсто) и о производствѣ охоты на звѣрей въ назначенномъ для того урочищѣ. Отряды эти (подобно военному строю ратниковъ) раздѣлялись на правое и лѣвое крыло съ центромъ и имѣли во главѣ крыло съ центромъ и имѣли во главѣ своихъ старшинъ, отправлявшихся на охоту въ сопровожденіи женъ и наложницъ. Кругъ охотниковъ, сначала широкій, постепенно съуживался, пока охотники не сходились вплотную плечо о плечо, вокругъ мѣста (въ окружности до 2—3-хъ лье), назначеннаго для охоты и огораживавшагося тогда войлоками, связанными веревками. Охотники должны были внимательно смотрѣть, чтобы звѣри не уходили изъ ограды за небрежность наказывали охотниковъ палочными ударами (а по уст. Чингиса—и смертною казнію). Ханъ входилъ въ ограду первый съ женами и наложницами и занимался стрѣльбой въ безмѣрное количество звѣрей всѣхъ породъ, собранныхъ на тѣсномъ пространствѣ. Послѣ хана, возвращавшагося на возвышенность въ центрѣ окружности, охоту продолжали подъ его наблюденіемъ принцы крови, нойоны и воеводы; за ними выходили низшіе вожди и затѣмъ простые охотники. Охота длилась много дней. Когда въ оградѣ оставалось немного звѣрей, имъ давали по просьбѣ стариковъ свободу, чтобы распложались для будущей охоты. Послѣ раздѣла добычи между участниками въ охотѣ, воины возвращались въ свои кочевья.

[1]) Старый обязательный характеръ облавной охоты удерживается до настоящаго времени, какъ видно, лишь у китайскихъ монголовъ. По ихъ

Тѣмъ не менѣе въ ойратскомъ уставѣ удерживаются старыя обязательныя правила облавной охоты и другихъ ловитвъ, несоблюденіе которыхъ сопровождается иногда значительными штрафами для охотниковъ.

Охота извѣстна въ калмыцкихъ уставахъ подъ именемъ «ловитвы», «ловли» звѣриной и птичьей[1]). Предметомъ охоты служатъ: дикія козы, волки, барсы, видры, россомахи, бобры, соболи, лисицы, бѣлки, корсаки, дикія кошки, порешни, горностаи и вообще дикіе звѣри; изъ птицъ упоминаются лебеди и утки[2]). Какъ уже замѣчено, по каноническимъ правиламъ буддистовъ убіеніе животныхъ допускается лишь въ извѣстное время, именно не въ дни обѣтовъ (посты, мацаки), а для духовныхъ вообще считается смертнымъ грѣхомъ лишеніе жизни всякаго живаго существа[3]). Въ уставѣ 1640 г. русской рецензіи запрещено также убивать нѣкоторыя породы птицъ и животныхъ — дикихъ красныхъ утокъ, воробьевъ, собакъ и змѣй, «кромѣ тѣхъ (змѣй), которыя водятся на Аланъ-Ула»[4]). По смыслу глоссы, помѣщенной въ текстѣ къ этой (142-й) статьѣ, «сіе запрещеніе учинено для того, что идолопоклонники во *всякомъ* животномъ вѣрятъ быть равному духу, яко и въ человѣкѣ». Но глосса эта не разъясняетъ, почему именно

уложенію, выходъ и нахожденіе на облавахъ, въ теченіе определеннаго срока, обязательно для каждаго монгола въ такой же мѣрѣ, какъ и пре-
ваніе въ походѣ противъ непріятеля: никто не имѣетъ права уходить съ облавы въ свои кочевья, «не ожидая очереди». См. Іакинеа Зап. о Мон. IV, 259.

¹) См. уст 1640 ст. 111, 129, 131, 132; Зин. ул. 169.

²) Уст. 1640 ст. 37, 76, 106, 131, 142; Зин. ул. 34; гл. VI, з. ст. 169.

³) Зин. ул. 148, 150. Ср. Пратимокша — Сутра, 30, 48.

⁴) См. уст. 1640 ст. 142. Въ рукописномъ спискѣ Зинз. уложенія написана къ 1 п. главы о дѣлахъ, относящихся до вѣры (здѣсь помѣщена ст. стараго устава объ убійствѣ змѣй и пр.), очевидно, рукою владѣльца рукописи, слѣдующая глосса къ этому выраженію: «Ула-гора, Ала пестрая. Полагаютъ, что она находится въ мѣстахъ прежняго кочевья ойратовъ (калмыковъ) въ великой Монголіи на Тибетѣ».

сдѣлано исключеніе для немногихъ животныхъ, — указываемый здѣсь ламаитскій догматъ переселенія душъ касается всѣхъ «безсмысленныхъ животныхъ», а потому строгое его толкованіе должно бы вести къ полному запрещенію, не только всякихъ ловитвъ, но и пользованія плодами скотоводства. Чтобы понять значеніе изложеннаго правила, слѣдуетъ имѣть въ виду, что статья 142-я, какъ она изложена въ русскихъ спискахъ ойратскаго устава, принадлежитъ къ числу статей, невѣрно переданныхъ русскимъ переводчикомъ, и что смыслъ этой статьи вполнѣ исправляется болѣе подходящимъ къ дѣлу переводомъ этой же статьи въ нѣмецкомъ спискѣ Палласа (ст. 124). Дѣло въ томъ, что 142 статья русскаго перевода есть не больше, какъ развитіе 139 и 140 статей — о шаманскихъ обрядахъ, при совершеніи которыхъ у старыхъ монголовъ, а теперь у нѣкоторыхъ восточныхъ инородцевъ, слѣдующихъ шаманству, употребляются птицы и животныя[1]). У Палласа статья по этому предмету (124) и поставлена въ прямую связь съ изложеннымъ въ предыдущей статьѣ запрещеніемъ обрядовъ шаманскихъ: «если онъ (шаманъ, Zauberer) будетъ кого либо *пугать* животными (красными утками и пр.), *появляющимися* во время шаманскихъ обрядовъ (напр. изъ тѣла шамана и пр.), то штрафуется лошадью». На томъ же основаніи запрещено производить «волхвованіе» обыкновенными змѣями, кромѣ красныхъ горныхъ змѣй (Палл. 124).

Звѣриныя ловитвы производились «облавами», на которыя выходили «знатною компаніею»[2]), т. е. большими охотничьими отрядами или артелями, по обычаю облавныхъ охотъ старыхъ монголовъ. Для облавныхъ ловитвъ отводились особыя «запрещенныя мѣста» — заповѣдныя урочища, предназначавшіяся для большихъ облавъ по приказамъ главныхъ родоправителей[3]).

---

[1]) См. Палласа Saml. II, 17, 341—347.

[2]) См. уст. 1640 г. ст. 76, 129.

[3]) См. уст. 1640 ст. 37. Значеніе «запрещенныхъ мѣстъ объясняетъ положеніе китайскихъ монголовъ: у нихъ существуютъ для облавъ «заповѣд-

Въ такихъ заповѣдныхъ мѣстахъ производились облавы на дикихъ козъ и прочихъ звѣрей[1]). Охота въ заповѣдныхъ мѣстахъ не въ обычное время облавъ, какъ и вообще разгонъ въ нихъ звѣрей, запрещаются уставомъ 1640 г. подъ угрозой довольно строгихъ штрафовъ; развѣ кто учинитъ это «невѣдѣніемъ», т. е. если не знаетъ объ объявленномъ запрещеніи одиночной охоты въ данномъ мѣстѣ, предназначавшемся для большихъ облавъ[2]).

Уставъ 1640 г. констатируетъ обычая облавной охоты, въ особенности установляетъ штрафы за несоблюденіе осторожности при облавной стрѣльбѣ и гарантируетъ охотничьи права облавщиковъ на добычу. По всему видно, облавы ойратовъ XVII вѣка производились по тѣмъ же правиламъ, какъ и у старыхъ монголовъ. »Знатная компанія», т. е. цѣлые отряды охотниковъ, собиравшихся вокругъ облавнаго урочища (очевидно, по назначенію ойратскихъ тайшей или нойоновъ, какъ въ старину великихъ хановъ), «порядочно объѣзжаютъ» звѣрей, находившихся въ облавномъ мѣстѣ; причемъ охотники, по обычаю, не должны «распудить», разгонять звѣрей, подъ угрозой значительнаго штрафа[3]). Затѣмъ, каждый, участвующій въ облавѣ, долженъ соблюдать обычный порядокъ охоты — держаться въ назначенномъ для него мѣстѣ, «напередъ не выскакивать, чрезъ одинъ или нѣсколько «перестрѣловъ», — иначе

ныя» или «облавныя мѣста», гдѣ, подъ угрозой большихъ наказаній, запрещено «воровски промышлять» или «воровски добивать» соболей и другихъ звѣрей; охота здѣсь производится облавою въ опредѣленное время, по назначенію правительства. См Іакинѳа Зап. о Монг. IV, 264—265.

[1]) Уст. 37, 76.

[2]) За разгонъ звѣрей въ запрещенныхъ мѣстахъ положенъ штраѳъ — 1 верблюдъ и 8 скотинъ (уст. 37). Въ Зинз. уложеніи сказано объ «вспугѣ дикихъ козъ и птицъ»; виновный даетъ лошадь и оружіе, которымъ стрѣлялъ, тому, кто его увидитъ; но онъ свободенъ отъ штраѳа, если «отзовется невѣдѣніемъ» (ст. 34).

[3]) Именно 5-ти лошадей. По Чингисову уставу, небрежность охотника въ этомъ случаѣ наказывается, какъ уже замѣчено, гораздо строже палками, а иногда и смертію. См. выше.

грозитъ новый штрафъ[1]). Охотничье право калмыковъ гарантировало, далѣе, права облавщиковъ на добычу: если кто при облавной охотѣ подстрѣлитъ дикаго звѣря и онъ уйдетъ съ стрѣлой, охотникъ долженъ объявить о томъ прочимъ и затѣмъ въ правѣ требовать вознагражденія (въ количествѣ 5-ти скотинъ) отъ того, кто «сыскавъ звѣря утаитъ»[2]). Наконецъ, уставъ 1640 г. требуетъ осторожнаго обращенія съ оружіемъ во время облавъ и въ случаѣ (хотя бы нечаяннаго) убійства или пораненія на охотѣ людей и скота (даже прострѣленія платья), облагаетъ виновныхъ штрафами, впрочемъ значительно меньшими сравнительно съ штрафами за тѣже преступленія въ обыкновенныхъ случаяхъ[3]). Зинзилинское уложеніе собственно не прибавило (кромѣ правила объ убійствѣ на охотѣ) никакихъ измѣненій касательно облавъ, — въ его время, по видимому, они стали у калмыковъ уже выходить изъ обычая. По Палласу, въ прошломъ столѣтіи у нихъ устраивались облавы обыкновенно на волковъ, истребленіе которыхъ было, между прочимъ, въ интересахъ охраненія стадъ и табуновъ отъ ихъ расхищенія. У теперешнихъ калмыковъ, какъ замѣчено, облавныя ловитвы вовсе вошли изъ обычая[4]).

Кромѣ охоты облавной, производившейся «знатною компанію», въ калмыцкихъ уставахъ есть рядъ постановленій объ

---

[1]) Кто выскочитъ чрезъ три перестрѣла, даетъ лошадь, черезъ два — барана, чрезъ одинъ — 5 стрѣлъ. См. уст. 1640 ст. 130.

[2]) Вообще кто утаитъ звѣря. раненнаго другимъ, хотя бы на немъ не было стрѣлы, у того берется лошадь, на которой ему случится при томъ быть. Точно также, запрещается присвоять чужую стрѣлу, которую хозяинъ ищетъ. См. уст. 1640 ст. 131, 132.

[3]) Правила объ облавахъ изложены въ ст. 76—79, 129—132 устава 1640 г. По Зинз. уложенію не полагается штрафа, если кто, охотясь на звѣря, убьетъ безъ умысла и всякой злобы, нечаянно, человѣка или скотину; въ такихъ случаяхъ взыскивается лишь то, «что слѣдуетъ въ пользу ближнихъ» (ст. 169).

[4]) См. Палласа Saml. I. 148. Небольсина, въ Библ. CXIII, № 7. стр. 25. Вентковскаго Взглядъ на кочев. культуру, 40.

охотѣ въ одиночку и небольшими артелями[1]), выходившими на звѣриныя и птичьи ловитвы посредствомъ «ловчихъ птицъ и собакъ». Охотничьи обычаи калмыковъ гарантируютъ право охотника на «упущенную» имъ на охотѣ или въ иномъ мѣстѣ ловчую птицу, установляя награды за ея поимку. Право на награду признается за тѣмъ, кто пойманную птицу немедленно представитъ въ ставку владѣльца. Самое количество награды опредѣляется различно, смотря по общественному положенію хозяина птицы и по «достоинству» послѣдней[2]). Съ другой стороны, убійство и кража ловчихъ птицъ и собакъ наказываются опредѣленными штрафами, смотря и здѣсь по «достоинству» ловчихъ птицъ [3]).

Наконецъ, охотничье право калмыковъ установляетъ правила касательно ловли звѣрей и птицъ посредствомъ постановки въ извѣстныхъ мѣстахъ самострѣловъ, капкановъ, тенетъ и птичьихъ сѣтей; особенно подробно говорятъ калмыцкіе уставы о ловлѣ самострѣлами. Обычаемъ требовалось, чтобы о всякомъ самострѣлѣ, поставленномъ для звѣря, охотникъ объявлялъ своимъ сосѣдямъ (по сп. Палл. — «den ganzen Nachbarschaft»); необходимо было не только объявить о сам…

[1]) Въ прежнее время калмыки устраивали охоту съ беркутами и другими птицами, собравши артель не менѣе пяти человѣкъ. Двое, посадивъ беркута на шестъ, ѣхали по срединѣ, составляя центръ охоты, а трое отъѣзжали въ разныя стороны (соблюдая въ такихъ случаяхъ обычный порядокъ движеній — въ походѣ, перекочевкахъ и на охотѣ); затѣмъ спускали беркута, который и гнался за замѣченнымъ звѣремъ. Ближайшій къ беркуту охотникъ, давъ знать остальнымъ, скакалъ за птицей и подбиралъ пойманнаго звѣря. Въ такомъ же порядкѣ шла охота и дальше (Бентковскій, Взглядъ, 39). Теперь калмыки производятъ артельно (обыкновенно парами — въ двѣ, три и больше паръ) охоту на сайгаковъ. (Небольсина, въ Библ. СХ… № 7, стр. 25).

[2]) За ловчую птицу владѣльца (т. е. улуснаго нойона) полагается награда больше, чѣмъ другихъ лицъ; и затѣмъ, птица, ловящая лебедей, оцѣнивается дороже, чѣмъ та, которая ловитъ менѣе цѣнныхъ птицъ и звѣ… Зин. улож. гл. VI, п. 3.

[3]) За убійство птицы полагается платежъ лошадью, а за кражу—…

стрѣлѣ, но и точно указать самое мѣсто его постановки, — только подъ условіемъ такого указанія сосѣдямъ охотникъ освобождался отъ наказанія на случай убійства или пораненія самострѣломъ кого либо изъ людей или скота[1]). Право на добычу принадлежитъ хозяину самострѣла. Отсюда — кто найдетъ раненнаго звѣря, долженъ объявить другимъ о находкѣ, — присвоеніе звѣря безъ объявленія подлежитъ штрафу. На томъ же основаніи взятіе звѣря изъ чужаго капкана оплачивается наравнѣ съ воровствомъ. Самые снаряды ловитвъ — тенета, капканы и пр., считаются неприкосновенной принадлежностью охотника, — виновный въ ихъ кражѣ по старому уставу подлежалъ отрубанію перстовъ или, если ихъ жалѣлъ, штрафу 5 скотинъ[2]).

Въ такихъ же формахъ развито охотничье право въ «степныхъ законахъ» одноплеменныхъ съ калмыками инородцевъ, въ особенности монголо-бурятъ. Въ сборникѣ Самоквасова записанъ рядъ охотничьихъ обычаевъ бурятъ, рѣшительно тождественныхъ съ калмыцкими обычаями, какъ они формулированы въ изучаемыхъ нами уставахъ. Для насъ въ особенности важны данныя изъ охотничьяго быта бурятъ, касающіяся такихъ вопросовъ, которые мало выяснены въ калмыцкихъ уставахъ, напр. вопросовъ объ артельной формѣ звѣриныхъ промысловъ, добычѣ и раздѣлѣ ея по общиннымъ началамъ и пр. Въ видахъ болѣе полнаго ознакомленія съ основными началами охотничьяго права по обычаямъ ойратскихъ племенъ, у которыхъ въ старое время имѣлъ силу уставъ 1640 г., мы изложимъ

каніе «такихъ же пяти птицъ или собакъ»; взысканія эти могутъ быть учетверены», смотря по ихъ достоинству. См. уст. 1640, ст. 133; Зин. улож. 88 п. 2.

[1]) При объявленіи о мѣстѣ охоты, хозяинъ самострѣла былъ свободенъ отъ штрафа, положеннаго за убійство, и платитъ родичамъ убитаго только «жестокую вещь», т. е. панцырь, пищаль или саблю. (См. уст. 107.)

[2]) Уст. 1640 ст. 106, 107, 135.

здѣсь главныя положенія охотничьяго права бурятъ, формулированныя ими на родовыхъ сходахъ въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія[1]).

Буряты изстари занимаются, кромѣ скотоводства, также звѣриными и птичьими промыслами, въ лѣсахъ и прочихъ мѣстахъ, на земляхъ, принадлежащихъ всему ихъ «обществу». На общинныхъ земляхъ и лѣсахъ устраиваются общія облавы, ставятся самострѣлы и другія ловушки, производятся также промыслы въ одиночку — гонитвы за звѣрями и пр. Кромѣ того охотничьему праву бурятъ извѣстны отдѣльныя звѣроловныя мѣста, отдаваемыя «во владѣніе по закону» частнымъ лицамъ, — промыслы на такихъ мѣстахъ безъ дозволенія владѣльцевъ обычное право бурятъ наказываетъ, какъ и всякое другое нарушеніе частныхъ промышленныхъ и имущественныхъ правъ[2]). — Облавы составляются «общей и многолюдной артелю» звѣролововъ. Если они «положатся», что «пріобрѣтенное уравнительно получить на общую артель», то обычное право требуетъ основываться на томъ же уравнительномъ порядкѣ и при возможныхъ во время облавъ убыткахъ или бѣдствіяхъ. Вообще артельное начало облавныхъ ловитвъ установляетъ солидарность артельщиковъ въ дѣлѣ добычи и убытковъ, какъ это имѣетъ мѣсто при всякомъ артельномъ промыслѣ. Если при многолюдныхъ облавахъ падетъ у кого лошадь или случится убытокъ, «сколько ихъ (артельщиковъ) было при сей облавѣ, то должны заплатить половинную часть, а уловъ должны раздѣлить пополамъ»; на томъ же основаніи, если при «стрѣляніяхъ» кто изломаетъ лукъ или стрѣлу, «въ платежѣ онаго должна участвовать та сторона, съ которой былъ тотъ изломавшій». Въ силу же артельнаго начала, все взысканное съ

---

[1]) Охотничье право бурятъ изложено въ сборникѣ Самоквасова, стр. 84, 130, 137, 141, 143, 150, 159, 186, 187.

[2]) См. Самоквасова, 84, 159.

облавѣ съ похитителей убитыхъ звѣрей «съѣхавшіеся на облаву люди должны раздѣлить»[1]). — Кромѣ облавъ, производящихся многолюдными артелями, охотничье право бурятъ установляетъ правила объ охотѣ небольшими артелями, «ежели кто либо два или три человѣка или же больше согласятся идти на звѣроловство». Промыслъ въ такой формѣ ведется также по обычнымъ артельнымъ началамъ: «ежели одного изъ нихъ (артельщиковъ) отъ чего либо издохнетъ лошадь или какой съ нимъ нечаянно послѣдуетъ убытокъ, то сіе должны раздѣлить по равнымъ частямъ; уловъ звѣрей раздѣлить таковымъ же образомъ, однакоже, должны поступить въ сходность начальнаго ихъ условія»[2]). — Обычаи установляютъ также правила одиночной охоты, въ особенности касательно правъ охотника на добычу. Такъ, кто изловитъ кѣмъ либо раненнаго звѣря, тотъ беретъ лучшую часть, а прочее отдаетъ тому, кто въ началѣ обранилъ. Кто подстрѣлитъ звѣря и послѣдній уйдетъ, потомъ его подстрѣлитъ другой, — добыча дѣлится между ними пополамъ; но если первый охотникъ не подстрѣлитъ звѣря, а только за нимъ гонится въ слѣдъ, другой же застрѣлитъ, въ такомъ случаѣ «первогнавшійся» не въ правѣ ничего требовать. Да и вообще охотничье право бурятъ далеко не чуждо первобытныхъ воззрѣній на охотничью добычу, какъ предметъ общаго пользованія. Воззрѣнія такія лежатъ въ основѣ слѣдующаго обычая бурятской охоты: «буде кто повстрѣчается съ тѣмъ, кто при видѣ его убилъ соболя, лисицу или волка, то убившій онаго долженъ видѣвшему отъ избытка своего улова дать переднія двѣ лапы, а ежели убьетъ большаго звѣря, или дикую козу, или же кабана, видѣвшій долженъ получить отъ его промысла стегно мяса»[3]). — Наконецъ, обычное право бурятъ касается ловли звѣрей и птицъ посредствомъ самострѣловъ—луковъ, также звѣроловныхъ ямъ, крежей и тому по-

[1]) См. Самоквасова, 130, 137, 187.
[2]) Тамъ же, 186—187.
[3]) Тамъ же, 143, 187.

Право пастушеское и охотничье исчерпываетъ собой хозяйственныя формы, нормированныя въ калмыцкихъ уставахъ. Въ настоящее время, подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій калмыцкой степи, старыя облавы и ловитвы, какъ уже замѣчено, вышли изъ обычая между калмыками. Мало того: тѣже самыя условія постоянно обездоливаютъ значительную часть степнаго населенія путемъ расхищенія стадъ и такимъ образомъ отрываютъ его и отъ главнаго степнаго промысла-скотоводства, обращая зажиточныхъ скотоводовъ нерѣдко въ круглыхъ бѣдняковъ — «байгучей», вынужденныхъ вслѣдствіе лишенія стадъ вовсе выхоцить изъ степи и пріискивать пропитаніе на сторонѣ, путемъ іайма въ заработки и пр. Классъ такихъ байгучей, отставпихъ отъ степныхъ промысловъ, былъ вполнѣ извѣстенъ между іонголами уже въ эпоху ойратства второй половины XVII вѣка, :акъ это ясно видно изъ постановленій конъ-тайши Галдана о обираніи и пропитаніи людей убогихъ, уходившихъ по бѣдости изъ своихъ родовыхъ союзовъ (уст. 1640 ст. 151—154). 'отъ же классъ байгучей-калмыковъ не исчезалъ никогда и ъ русскихъ степяхъ: какъ показываютъ данныя изъ исторіи усскихъ калмыковъ, классъ людей, выходившихъ по бѣдности зъ положенія скотоводовъ и обращавшихся къ другимъ заня-

---

она снѣга). Одиночная охота производится по тѣмъ же обычаямъ, что и у рятъ (см. Самоквасова, 34, 35, 38, 50, 54, 59, 61—63). У якутовъ каждый енъ наслега (отока калмыковъ) производитъ «невозбранно» во «владѣніи» эего рода звѣриные промыслы, «не разсчитывая того, что угодья состоятъ участкѣ одного или нѣсколькихъ родниковъ»; чужеродецъ можетъ про:шлять въ чужомъ наслегѣ лишь съ дозволенія мѣстныхъ жителей, или імоходомъ и мимоѣздомъ» стрѣляя птицъ и звѣрей или ставя на нихъ эрды» и сѣти «для одного пропитанія», но не въ значеніи постояннаго просла. Луки и ловушки нельзя ставить внутри селеній и въ такихъ мѣстахъ, ходятъ люди и скотъ, да и то требуется «предостереженіе» жителей. :ъ также правила объ одиночной охотѣ (о помощи во время охоты, о лѣ въ «погоню» за звѣремъ и пр.), о похищеніи ловчихъ снарядовъ и ычи (тамъ же, 213—214), Сходныя же правила охоты изложены въ «степкъ законахъ» вогуловъ, остяковъ и самоѣдовъ (тамъ же, 22).

тіямъ, въ особенности къ заработкамъ на *рыболовныхъ* и *соляныхъ промыслахъ*, доселѣ не только не умаляется между калмыками, но, напротивъ, сильно прогрессируетъ и въ настоящее время обнимаетъ большинство кочеваго населенія калмыцкой степи. Уже въ первой половинѣ прошлаго вѣка классъ байгучей-рыболововъ достигалъ значительныхъ размѣровъ[1]); но тогда число ихъ должно было относиться въ болѣе умѣренной пропорціи къ прежнему населенію калмыцкой степи, въ большинствѣ состоявшему изъ зажиточныхъ скотоводовъ. Не то оказалось послѣ ухода калмыцкой орды въ 1771 г., когда стала устанавливаться иная пропорція между зажиточными скотоводами и байгучами-рыболовами. Въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія треть населенія калмыцкой степи состояла уже изъ круглыхъ бѣдняковъ, жившихъ заработками на рыбныхъ и другихъ промыслахъ[2]). Чрезъ 20 лѣтъ байгучество уже обнимало не треть, но бо̀льшую половину населенія калмыцкой степи[3]),— не видно, чтобы приняты были и въ послѣдующее время какія либо мѣры противъ развитія степнаго пролетаріата, грозящаго обнять чуть не все населеніе калмыцкой степи. Въ калмыцкихъ уставахъ встрѣчаемъ лишь одни указанія на рыболовный (въ 135 ст. уставѣ 1640 г. упоминаются рыбьи сѣти) и другіе

---

[1]) Изъ калмыцкихъ дѣлъ видно, что въ 1741 г. 13-ть астраханскихъ рыбопромышленниковъ наняли для рыболовнаго промысла изъ байгучей 6400 кибитокъ или 12800 душъ муж. пола. См. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 8, стр. 97.

[2]) Въ это время изъ 28 тысячъ муж. пола степнаго населенія было 9 тыс. калмыковъ, вовсе оставившихъ скотоводство и нанимавшихся въ рабочіе въ другихъ мѣстахъ, преимущественно у рыбопромышленниковъ и на солеломняхъ. См. Бюлера тамъ же, 97.

[3]) По свѣдѣніямъ, собраннымъ во время переписи калмыковъ въ 1868—69 гг., изъ 65 тысячъ муж. пола населенія калм. степи было 37 тыс., жившихъ рыболовствомъ; скотоводы обнимали лишь съ небольшимъ треть степнаго населенія (25 тыс.); хлѣбопашцевъ—всего 203 души; затѣмъ занимавшихся ремеслами 138 д. и полныхъ байгучей - нищихъ, жившихъ на обществ. призрѣніи, — 1300 душъ м. п. (см. Костенкова о калм. 168).

промыслы и работы, ради которыхъ обѣднѣвшимъ калмыкамъ (байгучамъ) не «возбраняется» имѣть по письменнымъ видамъ проживаніе гдѣ либо въ постороннемъ мѣстѣ (Зинз. улож. ст. 35, п. 13). Какъ видно изъ наблюденій надъ современнымъ бытомъ русскихъ калмыковъ, между ними встрѣчаются цѣлые родовые союзы, которые, лишившись скота по разнымъ причинамъ, снискиваютъ пропитаніе путемъ заработковъ, главнымъ образомъ нанимаясь въ «ловецкое (рыболовное) дѣло» цѣлыми «ватагами» — артелями чернорабочихъ (неводчиковъ и пр.). Калмыки отправляются въ ловецкую работу обыкновенно въ двѣ «путины» (срока) — весеннюю и осеннюю, артелями въ двѣ или гри лодки (съ треня ловцами каждая); при чемъ артели калмыцкія предлагаютъ лишь рабочія руки, — снастями и кормомъ запасаются отъ нанимателей впередъ, въ счетъ заработковъ, выплачиваемыхъ обыкновенно по количеству улова въ конце каждой путины. При установившейся между калмыками системѣ артельнаго найма съ хозяйской ссудой, безъ самостоятельныхъ ловецкихъ запасовъ артели, въ результатѣ большею частію выходитъ, что калмыкъ-рыболовъ всегда остается въ «недоловѣ», т. е. въ долгу у предпринимателя. Ловецкое дѣло служитъ, поэтому, для бѣдняка-калмыка лишь источникомъ пропитанія, изо дня въ день, но не даетъ ему возможности скоплять бережевія, чтобы, пріобрѣвши скотъ, снова войти въ одну долею съ своими зажиточными однородцами, ведущими предковскій, скотоводческій промыслъ[1]).

Въ калмыцкихъ уставахъ встрѣчаемъ также немного указаній на обычаи *степной торговли*. Старый уставъ 1640 г. вовсе не касается этого вопроса; лишь въ законахъ конъ-тайши

[1]) См. Небольсина, въ Библ. д. чт. CXIII, № 5, стр. 50; № 7, стр. 39. Калм. степь, III, 100—101. Костенкова о калм. 73, 132.—Изъ тѣхъ же бѣдняковъ-байгучей составляются «ватаги»-артели, обыкновенно изъ 10-ти человѣкъ, для работъ въ соляныхъ озерахъ — для ломки соли, складки ея въ бугры (бунты), для перевозки соли съ озеръ къ пристанямъ и пр. (См. Бюра, въ От. Зап. 1846, № 8, стр. 97. Небольсина въ Биб. CXIII, № 7, стр. 40).

Галдана находимъ три статьи (143, 157 и 158) — о запрещеніи людской торговли (рабами, въ особенности плѣнными), о наказаніяхъ за кражу товаровъ и о заявленіи родовымъ старшинамъ о всякихъ прибывающихъ иноземныхъ гостяхъ (послѣ чего ихъ только можно принимать на ночлегъ и пр.)[1]. По наблюденіямъ изслѣдователей калмыцкаго быта, «не было до сихъ поръ примѣра, чтобы кто либо изъ калмыковъ занимался, какъ купецъ, постоянною торговлею какими нибудь товарами»[2]. И это понятно: при несложности потребностей домашняго обихода кочевниковъ, а также въ силу неразвитости имущественнаго оборота внутри родовыхъ союзовъ, мало усвоившихъ начала индивидуальной собственности, кочевые роды вовсе не развиваютъ сложной системы мѣновыхъ оборотовъ между самими однородцами,—у кочевниковъ имѣетъ мѣсто лишь первичная форма торговли — «гостьба», торгъ съ заѣзжими, «чужими гостями». Самъ кочевникъ-скотоводъ, вѣчно занятый уходомъ за своими стадами и табунами, не имѣетъ возможности и интереса (подобно осѣдлому хлѣбопашцу, пользующемуся періодически значительнымъ досугомъ для торговли въ своей общинѣ и для отъѣздной купли, гостинства) отлучаться далеко отъ своего кочевья и, напротивъ, находитъ для себя болѣе выгоднымъ тутъ же на мѣстѣ, въ своихъ кочевьяхъ, сбывать заѣзжимъ купцамъ скотъ и другіе предметы несложнаго степнаго хозяйства. И дѣйствительно, такъ изстари ведется торговое дѣло у калмыковъ и другихъ кочевыхъ скотоводовъ. Своимъ «кибиточнымъ» мастерствомъ кочевникъ удовлетворяетъ лишь самыя необходимыя и простыя нужды домашняго обихода[3];

---

[1]) Въ Зинз. уложеніи повторена статья о кражѣ товаровъ (ст. 199, п. 20) и прибавлено новое правило, запрещающее тайную продажу вина и картъ (ст. 110).

[2]) См. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 8, стр. 96.

[3]) Замѣтимъ кстати, что нѣкоторые изслѣдователи, черезчуръ идеализирующіе бытъ калмыковъ, находятъ у нихъ *«ремесленность»* почти въ такой же степени развитой, какъ и у осѣдлыхъ народовъ, — открываютъ у

все, что выходитъ изъ сферы незатѣйливыхъ знаній кочеваго мастера, пріобрѣтается степняками путемъ мѣноваго торга съ «чужими» гостями. Въ калмыцкой степи, можно сказать, доселѣ держатся тѣже самые обычаи мѣновой «купли—гостьбы», какую въ старину вели новгородскіе ушкуйники съ волжскими кочевниками. Теперешніе гости—«коробейники» и гуртовщики (русскіе, армяне, хивинцы и пр.) разъѣзжаютъ съ «коробьями» красныхъ товаровъ по калмыцкимъ кочевьямъ и производятъ здѣсь непосредственный обмѣнъ товаровъ на продукты кочеваго хозяйства калмыковъ. Мѣстомъ постоянной «гостьбы» служитъ въ каждомъ улусѣ владѣльческая ставка, по сосѣдству съ которой обыкновенно располагаются заѣзжіе купцы особой группой кибитокъ, образующихъ кочевой «базаръ» и передвигающихся вмѣстѣ съ калмыками съ одного кочевья на другое[1]). Сбытъ скота и другихъ предметовъ кочеваго хозяйства (шерсти, мѣховъ и пр.) производится калмыками обыкновенно во время перекочевокъ съ зимнихъ стойбищъ (съ марта и до іюля), на весеннихъ базарахъ и ярмаркахъ (у владѣльческихъ ставокъ), куда прикочевываютъ скотоводы съ продажнымъ скотомъ и съѣз-

---

калмыковъ, напр., классы мастеровъ экипажныхъ, литейныхъ, мебельныхъ и пр. (см. Небольсина, въ Библ. для чт. 1852 № 7, стр. 38). Больше подходятъ къ дѣлу показанія о ремесленности калмыковъ, собранныя въ извѣстномъ трудѣ Кумо-Манычской экспедиціи («Калм. степь» и пр.), гдѣ этотъ вопросъ поставленъ въ нѣсколько иномъ свѣтѣ. «Ремесленность распространена между калмыками для домашняго обихода, и то въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, не удовлетворяющихъ даже всѣхъ нуждъ народа, такъ что большая часть вещей, необходимыхъ въ быту калмыковъ, пріобрѣтается на сторонѣ и отъ купцовъ (заѣзжихъ), находящихся въ улусахъ. Калмыки поучаются разнымъ мастерствамъ одинъ отъ другаго. При кочевомъ бытѣ, они не могутъ имѣть постоянныхъ мастерскихъ, а каждый мастеровой работаетъ, когда есть къ тому возможность и необходимость для домашняго обихода или по заказу другихъ». (См. Калм. степь, III, 152—153). Выше указано, что по переписи 1868—69 г. приходилось на всю калм. степь лишь 138 ремесленниковъ изъ калмыковъ.

[1]) См. Нефедьева о волж. калм. 111. Небольсина, № 7, стр. 48, 51, 53. Костенкова о калм. 129.

жаются изъ соѣднихъ мѣстъ купцы (гуртовщики и сгонщики). Скотскій торгъ въ улусахъ ведется по мелочамъ и оптомъ, чаще всего на «бирку» (въ долгъ) или на мѣну баранами и пр.[1]).

3. *Хищничество и военно-дружинный бытъ родовыхъ союзовъ.* Родовые союзы старыхъ монголовъ, какъ уже замѣчено не разъ, являлись боевыми дружинами, совершавшими постоянные хищническіе набѣги и предпріятія ради наживы, добыванія съ сосѣдей дани и добычи, составлявшей вмѣстѣ съ звѣриными ловитвами и скотоводствомъ основную статью племеннаго богатства хищныхъ кочевниковъ. Постоянная жизнь кочевника съ оружіемъ въ рукахъ условливалась, какъ примитивными формами добыванія средствъ къ жизни, такъ и необходимостію самоохраны и самозащиты. противъ хищническихъ нападеній другихъ враждебныхъ племенъ. Лишенный организованныхъ средствъ защиты, находимыхъ осѣдлымъ людомъ въ общинахъ-укрѣпленіяхъ (градахъ) или въ неприступныхъ горныхъ ущельяхъ и лѣсныхъ захолустьяхъ, степной кочевникъ бродитъ съ своими стадами по открытымъ равнинамъ, полагаясь лишь на собственную отвагу, силу своихъ мускуловъ и меткость руки, вооруженной лукомъ и стрѣлой. Степнякъ долженъ постоянно держаться на чеку, быть на сторожѣ у своихъ стадъ и табуновъ, сплачивать личныя силы, чтобы отбиваться отъ хищнаго звѣря и набѣговъ враждебнаго племени, и чтобы въ свою очередь имѣть возможность хищническаго добыванія средствъ къ жизни.

[1]) Калмыки-товарищи составляютъ родъ артелей, подбирающихъ изъ своего скота гурты на продажу. «У калмыковъ гуртовщики не назначаютъ особой цѣны за каждую скотину отдѣльно, а берутъ нѣсколько головъ у нѣсколькихъ хозяевъ и назначаютъ среднюю цѣну, безъ различія хорошей скотины отъ дурной, предоставляя калмыкамъ послѣ произвести между собой дробный разсчетъ. Калмыки привыкли къ этого рода продажѣ скота, и чтобы избѣжать распрей при раздѣлѣ выручки между нѣсколькими хозяевами, стараются укомплектовать гуртъ такимъ образомъ, чтобы всѣ быки и коровы

Отсюда необходимость вооруженной, лагерной жизни съ оружіемъ въ рукахъ, — здѣсь корень боеваго, военно дружиннаго строя всей жизни степныхъ кочевниковъ.

И съ другой стороны, боевая жизнь съ оружіемъ въ рукахъ, постоянныя военныя предпріятія и хищничество, возникшія изъ примитивныхъ условій всей жизни кочевниковъ, являлись вмѣстѣ съ тѣмъ той бытовой почвой, которая исключительно поддерживала между ними родовое сознаніе. Хищничество подогрѣвало и закрѣпляло родовыя связи новыми узлами, завязывавшимися съ каждымъ нароставшимъ поколѣніемъ родичей: въ хищническихъ интересахъ родичи держались всегда сплоченно, смыкались въ сложныя и организованныя родовыя группы и федераціи. Гдѣ народъ ведетъ стадную, лагерную жизнь хищныхъ степняковъ-кочевниковъ, тамъ въ основѣ всего народнаго быта непремѣнно будутъ лежать начала кровнаго родства. Родовыя формы и хищничество — двѣ неразрывно связанныя стороны примитивной жизни воинственныхъ кочевниковъ, бродившихъ съ своими организованными родами и стадами по безмѣрнымъ степямъ и равнинамъ.

На почвѣ всѣхъ этихъ условій развился и упрочился хищническій, дружинно-родовой бытъ монгольскихъ племенъ. Ойратскій уставъ 1640 г. и имѣлъ въ виду развить рядъ формулъ дружинно-родоваго «ойратства» — сплоченія воинственныхъ племенъ въ одно политическое цѣлое, съ строго-организованнымъ строемъ могучей кочевой орды, управляемой сильнымъ нарядомъ своихъ родовыхъ вождей. Отмѣняя внутреннее хищничество и рознь между отдѣльными племенами, сводя ихъ въ одинъ «оронъ», ойратскій уставъ тѣмъ самымъ направлялъ

или одинаковыхъ достоинствъ. Бараны также покупаютъ оптомъ, но съ допущеніемъ брака худыхъ, тощихъ или больныхъ, если таковые имѣются въ гуртѣ». См. Небольсина, въ Библ. CXIII, № 7, стр. 49—50. О степной торговлѣ калмыковъ см. тамъ же, стр. 46—54. Нефедьева о вож. калм. 111. Бюра, въ От. Зап. 1846, № 8, стр. 94—96. Костенкова о калмы. 129.

всю дружинно-родовую организацію этихъ племенъ на внѣшн хищничество и усиленіе политической ихъ силы и могущества. Почвой такого ойратства и послужили изстаринныя начала воинственно-родоваго быта старыхъ монголовъ, — начала, взятыя ойратскимъ уставомъ изъ стародавшихъ народныхъ обычаевъ и получившія въ немъ лишь опредѣленную и стройную организацію. Въ этомъ отношеніи едва ли можно указать на другой памятникъ первобытной степной культуры, въ которомъ съ такого обстоятельностію была бы развита вся детальная обстановка дружинно-родоваго быта старыхъ хищныхъ кочевниковъ, какъ это мы находимъ въ ойратскомъ уставѣ монголовъ XVII вѣка, обрисовывающемъ въ самыхъ яркихъ красках всѣ типическія черты военно-дружиннаго, хищническаго быта монгольскихъ племенъ. — Мы изложимъ здѣсь главнѣйшія данныя калмыцкихъ уставовъ касательно племеннаго хищничества, военной организаціи родовыхъ союзовъ и пр.

Какъ извѣстно, кочевая культура вовсе не знаетъ строгое отрицательныхъ воззрѣній на *хищничество*, появляющихся у народовъ осѣдлаго типа. Для кочевника хищничество являлось необходимымъ и потому всеобщимъ и дозволеннымъ промысломъ, лишь бы оно не вторгалось въ сферу ближайшихъ, междусоюзныхъ интересовъ однородцевъ; тѣмъ болѣе, что всѣ виды и формы хищничества связывались для кочевника всегда съ личной отвагой и доблестью: добывая путемъ хищничества племенное богатство, кочевникъ становился славнымъ дружинникомъ, достигалъ родоваго почета и значенія. Это-то хищничество, съ его конечной и — для кочевника — вполнѣ законной цѣлью — добываніемъ дани и добычи, составляло законный обычай у всѣхъ монгольскихъ племенъ. Въ ойратскомъ уставѣ констатировано нѣсколько формъ и видовъ родоваго хищничества, практиковавшагося у монголовъ съ незапамятныхъ временъ. Таково хищническое нападеніе большой, организованной орды на цѣлые улусы и «нутуки», — нападеніе, ведущееся въ формѣ войны, съ разореніемъ и плѣномъ людей, расхищеніемъ имущества и пр.; таковы отдѣльныя хищническ

предпріятія на небольшихъ пространствахъ, безъ организованной войны, — предпріятія «воровскихъ бандъ», шаекъ хищниковъ, собиравшихся безъ участія главныхъ родовыхъ вождей, по иниціативѣ мелкихъ родовыхъ союзовъ, съ цѣлью отгона скота и пр.; наконецъ, сюда относятся личныя дѣйствія отдѣльныхъ индивидовъ, собственной отвагой и хищничествомъ доставлявшихъ добычу для своихъ родовыхъ союзовъ[1]). Всѣ эти формы хищничества не имѣютъ мѣста лишь между близкими родичами, какъ въ силу имущественной общности родовыхъ отношеній (значитъ—по недостатку предмета для хищничества), такъ и въ силу общей солидарности родовыхъ союзовъ. Напротивъ, въ собственныхъ интересахъ послѣднихъ хищничество и направлялось всегда за предѣлы родовъ; оно и предпринималось ради накопленія ихъ матеріальныхъ средствъ въ видѣ добычи, входившей въ общую массу родоваго имущества. Племенное хищничество монголовъ проявлялось въ отношеніяхъ, не только къ чуждымъ народамъ, но и къ одноплеменникамъ отдаленныхъ родовыхъ степеней, утратившимъ непосредственныя родовыя связи и жившимъ разрозненнымъ племеннымъ бытомъ. Противъ этой-то племенной розни и враждебности и направлялось ойратство, созданное въ концѣ XIV в. зюнгарскими племенами и затѣмъ въ началѣ XVII в. обнявшее большинство монгольскихъ племенъ. Правовые обычаи, развившіеся на почвѣ ойратства, и легли въ основу устава 1640 г., стремившагося къ отмѣнѣ хищничества между ойратскими племенами.

Отмѣна племеннаго хищничества по началамъ ойратства, формилированнымъ въ уставѣ 1640 г., не могла осуществиться однимъ фактомъ изданія послѣдняго. Для этого нужно было вести долгую и упорную борьбу со всѣмъ хищническимъ складомъ кочевой жизни, — нужно было, что называется, клинъ

[1]) О хищничествѣ см. уст. 1640 г. ст. 1, 2, 6, 17, 19. 66 и пр.; Зин. улож. 86, 107, 146, 189. См. выше объ отгонахъ скота.

клиномъ выгонять, противопоставляя правильно организованную силу старымъ племеннымъ инстинктамъ, шедшимъ въ разрѣзъ съ принципами ойратства и предпочитавшимъ бытовые обычаи хищничества. Такъ и дѣлаетъ уставъ 1640 г.: междусоюзному хищничеству онъ противопоставляетъ легальную месть ойратства въ примитивной формѣ войны, со всѣми ея послѣдствіями — военной добычей, ея раздѣломъ и пр. Уставъ и начинается статьей объ отмѣнѣ междоусобныхъ войнъ, хищническихъ набѣговъ и грабежей между союзниками, противопоставляя имъ военную силу ойратства; въ этомъ случаѣ реакціей является тоже самое хищничество, но лишь въ легальныхъ и организованныхъ формахъ. Тѣже воинственные способы прекращенія племеннаго хищничества примѣняются и къ другимъ его видамъ, нарушавшимъ миръ между союзными племенами, улусами и ихъ составными частями (см. уст. 1640 г. ст. 1. 2, 6, 123, 163 и пр.). Вмѣстѣ съ тѣмъ установляются особые органы, обязанные слѣдить за прекращеніемъ родоваго хищничества въ мелкихъ союзахъ, — каковыми являются въ особенности старшины родовыхъ отдѣленій — десятковъ, сорока и пр. (см. уст. 1640 г. сп. Палл. 131, 132, 135, 162). Мало того: ойратскіе обычаи обязывали цѣлые родовые союзы слѣдить одинъ за другимъ въ дѣлѣ родоваго хищничества, — и потому, если напр. въ отокѣ формируется хищническая партія, то по обычаю (nach den Reguln) за этимъ дѣломъ долженъ строго слѣдить другой (сосѣдній) аймакъ и принимать обычныя въ такихъ случаяхъ мѣры (уст. по сп. Палл. 137; ср. также 153). Отрицая такимъ образомъ хищничество, ойратское право вмѣстѣ съ тѣмъ требовало, чтобы междусоюзные споры и столкновенія ойратовъ разрѣшались не хищнической расправой, но союзнымъ нарядомъ, замѣнявшимъ собой старую систему племеннаго хищничества. Начало это, ясно и отчетливо формулированное въ законахъ Галдана[1]), выражаетъ общій

[1]) Уст. по сп. Палл. 141: «всѣ судебныя дѣла между элетами (собств

ойратскій принципъ, въ силу котораго племена, вступавшія въ ойратство, отказывались отъ взаимнаго хищничества и обязывались не только всѣ столкновенія между собой умиротворять путемъ междусоюзнаго наряда, но и оказывать вмѣстѣ съ тѣмъ взаимную помощь на случай внѣшнихъ набѣговъ и другихъ племенныхъ несчастій[1]). Родовое самоуправство и месть дозволительны по началамъ ойратства лишь противъ врага, грозящаго жизни (уст. по сп. Палл. 52), а по Зинз. уложенію — вообще противъ явныхъ хищниковъ (ст. 107). Тѣже самыя ойратскія начала до значительной степени смягчали старыя хищническія отношенія родоправителей къ подчиненнымъ членамъ родовыхъ союзовъ, предоставляя послѣднимъ право самозащиты въ случаѣ крайняго произвола «старшихъ». Въ этомъ отношеніи замѣчательны въ особенности законы Дербетовскаго улуса: предписывая подчиненнымъ повиноваться своимъ старшинамъ, законы эти, однакожъ, допускаютъ для первыхъ, даже въ отношеніи къ владѣльцамъ (Fürsten), случаи законнаго сопротивленія, когда владѣлецъ, «унижая свое достоинство, дозволяетъ себѣ гнусные поступки съ своими подданными и долженъ винить самъ себя, если кто либо въ гнѣвѣ нападетъ на него лично, — за что никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію» (ст. 151).

калмыками) и бухарскими монголами (въ то время примкнувшими къ ойратству) должны быть точно изслѣдуемы. Мы хотимъ за этими родственными намъ народами признать право родства, не смѣшивать неправды съ справедливостью и не причинять имъ ни малѣйшей обиды. Съ ними должно судиться вполнѣ по старымъ законамъ».

[1]) Принципы ойратства лежали въ основѣ не только общей повинности родовъ и цѣлыхъ союзныхъ племенъ являться на помощь для отпора врагамъ или для наказанія своихъ членовъ и родовъ, нарушавшихъ миръ и условія ойратства, но и дали начало личной обязанности каждаго родича-ойрата оказывать помощь союзнику въ нуждѣ, спасая его личность и имущество и пр. См. уст. 81—86. 108, 109, 111 и пр. Объ ойратствѣ по Зинз. уложенію мы говорили уже выше, см. стр. 214—215.

Извѣстны, далѣе, отношенія старыхъ кочевниковъ къ чуждымъ для нихъ племенамъ и народамъ: чужеродецъ въ старину былъ синонимъ врага; за нимъ не признавалось никакой правоспособности, — его личность и имущество одинаково служили для первобытнаго кочевника предметомъ хищнической добычи. Чужеродецъ, взятый кочевымъ хищникомъ въ открытомъ бою или застигнутый имъ въ расплохъ, становился его родовымъ рабомъ, — его имущество обращалось въ добычу хищника и его рода[1]). Тѣмъ не менѣе монгольское ойратство и основанные на немъ дружинные интересы, какъ замѣчено выше (см. стр. 225), до значительной степени сглаживали старую родовую замкнутость и вмѣстѣ съ тѣмъ вліяли на смягченіе хищническихъ отношеній ойратовъ къ чужеродцамъ, появлявшимся между ними въ значеніи не враговъ, но союзниковъ, искавшихъ у нихъ защиты и покровительства, — такихъ чужеземцевъ ойратскій уставъ запрещаетъ убивать подъ угрозою штрафа (ст. 125). Въ этомъ отношеніи законы Галдана дѣлаютъ новый шагъ впередъ: отмѣняя продажу плѣнныхъ рабовъ (ясырей)[2]), законы эти значительно уменьшали интересъ добыванія ихъ путемъ военныхъ набѣговъ, именно прекращали одинъ изъ старыхъ промысловъ воинственныхъ племенъ — торговлю плѣнными невольниками, бывшую значительнымъ источникомъ племеннаго

---

[1]) О хищничествѣ среднеазіатскихъ монголовъ см. Пржевальскаго Монголія, I, 286. Мы указали выше (см. стр. 240), что русское правительство съ начала нынѣшняго столѣтія пользовалось въ собственныхъ интересахъ обычнымъ хищничествомъ калмыковъ, — не только не препятствовало, но даже поощряло ихъ набѣги на сосѣднихъ азіатскихъ кочевниковъ, противъ которыхъ калмыцкая орда служила живымъ оплотомъ.

[2]) «Мы хотимъ, чтобы чужеземцы не продавались у насъ какъ рабы; кто это увидитъ, тотъ уполномочивается задерживать покупателя и продавца вмѣстѣ съ платежной суммой. Кто тайно продаетъ или покупаетъ людей, съ того взыскивается. если онъ завѣдомо это дѣлалъ, двойная цѣна и рабъ дѣлается свободнымъ... Если господинъ плѣннаго (erbeuteten) раба не можетъ терпѣть у себя, то пусть лучше совсѣмъ нагаго изгонитъ отъ себя, чѣмъ продавать» (уст. по ст. Палл. 142).

богатства хищниковъ. Уставъ Дербетовскаго улуса идетъ еще дальше въ дѣлѣ смягченія хищническихъ отношеній калмыковъ къ чужеродцамъ. Запрещая хищничество въ отношеніи къ посланцамъ русскихъ и другихъ сосѣднихъ народовъ, Дербетовскіе законы вмѣстѣ съ тѣмъ расширяютъ на ближайшихъ сосѣдей (русскихъ, кубанцевъ, черкесовъ, крымчаковъ и киргизовъ) ойратскія правила, запрещавшія грабежи и хищническіе набѣги на союзные роды и племена, и вполнѣ гарантируютъ для чужеродцевъ свободный доступъ въ родовые союзы калмыковъ въ значеніи заѣзжихъ «гостей» (купцовъ)[1].

Теперь посмотримъ, въ какихъ формахъ осуществлялось *военно-дружинное устройство* ойратскихъ родовъ и племенъ,— каковы основныя начала *военныхъ законовъ*, нормировавшихъ дружинный бытъ этихъ племенъ.

У монголовъ, какъ и вообще у всѣхъ воинственныхъ кочевниковъ, каждый взрослый членъ рода былъ воиномъ, посвящавшимъ себя суровой, лагерной жизни воинственныхъ ордъ. Обычаи боевой жизни, сложившіеся у монголовъ еще въ эпоху Чингисова ханства и формулированные впервые въ «великой ясѣ» монголовъ[2]), могли затѣмъ держаться въ быту отдѣльныхъ племенъ до позднѣйшаго времени. Во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что старые народные обычаи лежали въ основѣ военнаго устройства ойратовъ, нормированнаго въ уставѣ 1640 г. Въ немъ изложены правила о выходѣ противъ непріятеля и о мѣрахъ на случай внезапныхъ нападеній, — о правахъ и обязанностяхъ вождей и простыхъ воиновъ особенно въ боевое время, въ частности объ оборонѣ въ бою вождей и другихъ ратниковъ, объ отбоѣ у непріятеля добычи, объ убій-

---

[1]) См. уст. по сп. Палл. 154, 158, 161.

[2]) См. мое соч. — Др. монг-калм. уст., стр. 191 и слѣд., п. 6, 7, 9, 18—20, 22, 27. «Изрѣченія» п. 6—10, 12. О военномъ устройствѣ среднеазіатскихъ монголовъ см. Зап. о Монг. IV, 227, 251—253, 261. Тимковскаго Путеш. III, 189—190. Пржевальскаго Монг. 1, 62 и др.

ствѣ въ бою своихъ союзниковъ и непріятелей и наконецъ о военной добычѣ. Зинзилинское уложеніе, въ отдѣльной главѣ о »военныхъ установленіяхъ», излагаетъ вмѣстѣ съ законами стараго устава дополнительныя правила о «нарядѣ» на службу и сборѣ ратниковъ, о наградахъ за военныя заслуги и о наказаніяхъ за неявку на службу, трусость, дезертирство и пр. Племенныя «установленія» калмыковъ Коммисія калмыцкихъ дѣлъ предположила замѣнить русскими военными законами (см. 1 п. гл. о воен. установленіяхъ).

По старымъ обычаямъ монголовъ, каждый родовой союзъ (десятокъ) обязанъ былъ въ военное время выставлять въ походъ опредѣленное число ратниковъ, снаряжая ихъ оружіемъ и припасами на свой счетъ[1]). Ойратскій уставъ точно также требуетъ, чтобы каждый являлся въ поле, при первой вѣсти о непріятельскомъ набѣгѣ или по первому зову вождя, предпринимавшаго военный походъ. Снаряженіе ратниковъ въ такихъ случаяхъ лежало на обязанности ихъ ближайшихъ родовыхъ союзовъ, что видно между прочимъ изъ 48 статьи устава, обязывающей каждое «сорока» ежегодно изготовлять двѣ новыхъ латы, въ видахъ увеличенія числа хорошо вооруженныхъ ратниковъ. Установляя немедленную явку ратниковъ при первой вѣсти о приближеніи непріятеля, ойратскій уставъ требуетъ также, чтобы каждый, получавшій свѣдѣніе о непріятельскомъ набѣгѣ, сообщилъ о томъ въ другія мѣста (ст. 5), — иначе не сдѣлавшій оповѣщенія считается измѣнникомъ и подвергается разоренію и обращенію въ рабство съ семьей[2]). Такое же оповѣщеніе должно имѣть мѣсто и при полученіи свѣдѣнія о небольшихъ воровскихъ партіяхъ (ст. 17). Оповѣщеніе дѣлается не только всѣмъ окрестнымъ жителямъ, но и въ особенности улусному вождю: всякій, узнавшій о приближеніи непріятеля

---

[1]) См. Березина Очеркъ, 64.

[2]) См. уст. по тексту Палл. 13. По русскому тексту виновный подлежитъ смерти со «всею фамиліею». См. ст. 16.

долженъ былъ безъ замедленія спѣшить самъ или послать гонца въ владѣльческую ставку, для извѣщенія владѣльца о непріятельскомъ вторженіи; посланцу въ такихъ случаяхъ каждый долженъ помогать немедленной дачей подводы, подъ угрозою большаго штрафа при отказѣ (ст. 20). По полученіи извѣстія о приближеніи непріятеля или вообще о военной тревогѣ, всѣ «чины» собираются къ своему вождю (владѣтелю) въ вооруженномъ видѣ; не явившемуся въ «собраніе» грозитъ лишеніе «имѣнія» и потеря свободы (ст. 18). Кто, получивъ свѣдѣніе о возгорѣвшейся войнѣ, не выйдетъ противъ непріятеля и своевременно не откроетъ военныхъ дѣйствій, тотъ наказывается, какъ врагъ; владѣльцы (Fürsten), которые, въ пору военной тревоги, не соберутъ своего «народа» и не явятся съ нимъ въ общую орду, штрафуются большими пенями (ст. 5). Уставъ наказываетъ даже тѣхъ, кто голько несвоевременно явится, замедлитъ безъ особыхъ причинъ вступить въ бой съ врагомъ (см. уст. по сп. Палл., конецъ 10-й ст.). Сборнымъ мѣстомъ на случай военной тревоги служитъ дворъ (Hoflager) или ставка улуснаго вождя (владѣльца, Fürsten), куда каждый, узнавъ о тревогѣ, долженъ немедленно являться (уст. по сп. Палл. 15). Подобныя же правила находимъ въ законахъ Дербетовскаго улуса[1]) и въ Зинз. уложеніи. «Наряды на службу» производятся по уложенію на основаніи «очереди». Если зайсангъ будетъ командировать кого несправедливо, тотъ имѣетъ право свое объявить прежде срока наряда, — пропустивши срокъ, ратникъ, назначенный не въ очередь, тѣмъ не менѣе командируется на службу[2]). Явка по

[1]) Уст. по тексту Палл. стр. 150: «Кто узнаетъ о военной тревогѣ, олженъ немедленно увѣдомить князя и вездѣ о томъ оповѣстить. Всѣ, кто слышитъ оповѣщеніе, должны тотчасъ вооружаться и собираться въ той торонѣ, гдѣ есть опасность». Кто пренебрежетъ этимъ и останется дома езъ законныхъ причинъ, тотъ штрафуется, также какъ и тотъ, кто, при призывѣ къ войнѣ, замедлитъ явиться къ опредѣленному времени.

[2]) По 147 ст. Зин. улож., состоящій на очереди освобождается отъ наряда лишь по болѣзни освидѣтельствованіемъ лекаря.

наряду на службу имѣетъ мѣсто тотчасъ по обвѣщеніи о приближеніи непріятеля (о чемъ каждый немедленно извѣщаетъ владѣльческую ставку) или о сборѣ войска въ походъ. Срокъ «собранія» (въ той сторонѣ, гдѣ непріятель), назначается «соразмѣрно разстоянію мѣстопребыванія каждаго,» при чемъ уложеніе штрафуетъ за неявку въ собраніе вождей (командующаго владѣльца, тысячныхъ старшинъ, сотенныхъ начальниковъ и пр.) и рядовыхъ воиновъ. Каждый родовой старшина (зайсангъ, демчей и пр.) долженъ «съ части его слѣдуемое войско командировать поспѣшно и въ срокъ поставить на мѣсто» Очередные наряды на службу предназначаются не только для военныхъ походовъ, но и для «стражи» противъ непріятеля: во всѣхъ такихъ случаяхъ неявка на службу оплачивается по уложенію болѣе или менѣе значительными штрафами (см. Зинз. улож. 138, 140, 147).

Ойратскія орды, собиравшіяся для военныхъ предпріятій или для защиты отъ непріятельскихъ набѣговъ, имѣли опредѣленный личный составъ. Во главѣ ордъ и отдѣльныхъ дружинъ стояли вожди подъ разными наименованіями: Zerregin–Jassool — высшій вождь большой орды (улусный нойонъ, тайша или доблестный дружинникъ), Jassooltschinèr — вожди отдѣльныхъ дружинъ — тысячъ, сотенъ, десятковъ и пр. Какъ видно изъ устава 1640 г., вождями ордъ и дружинъ являлись родоправители — владѣльцы главные и малые, табангоуты и зайсанги (ст. 13); Зинз. уложеніе упоминаетъ о «командующемъ владѣльцѣ», управлявшемъ большимъ отрядомъ, затѣмъ о тысячныхъ старшинахъ, сотенныхъ начальникахъ, зайсангахъ и демчеяхъ, ставившихъ войска съ своей части (ст. 140). — Контингентъ воиновъ («рядовыхъ» по Зинз. улож.) слагался также изъ нѣсколькихъ служебныхъ подраздѣленій: воиновъ «бывшихъ по авангардіи», прапорщиковъ (знаменщиковъ, хорунжихъ), трубачей, «ближнихъ владѣльцевыхъ воиновъ» (тѣлохранителей вождя — Erkelèn и Usdèn) и «двора его служителей», — затѣмъ простыхъ ратниковъ. (Уст. 1640, ст. 1...) Распредѣленіе ратниковъ въ боевые отряды, по воинскимъ о...

чаямъ монголовъ, опредѣлялось родомъ и составомъ ихъ вооруженія. Въ уставѣ 1640 г. указаны всѣ главные роды вооруженія монгольскаго воина — латы съ полнымъ уборомъ, панцырь, шишакъ, пищаль, сабля, копье и сайдакъ (колчанъ) съ лукомъ и стрѣлами; сообразно съ родомъ оружія различались рядовые воины — панцырники, латники, лучники и пр. (ст. 13, 50). Боевая организація ойратовъ установлялась обычаями, сложившимися въ теченіи долгихъ вѣковъ боевой жизни монгольскихъ племенъ. Выше мы уже замѣчали, что каждый улусъ въ военномъ отношеніи представлялъ большую орду, раздѣлявшуюся на знамеча — отоки, съ распредѣленіемъ ихъ на центръ, правыя и лѣвыя знамена (въ уставѣ упоминается также «авангардія», — ст. 13), дѣлившіяся на числовыя дружины — тысячи, сотни, сорока и десятки. Кромѣ ратниковъ, въ составъ военной орды входилъ обозъ, состоявшій изъ скота и другихъ предметовъ продовольствія орды, бравшей съ собой въ походъ скотъ, даже дойныхъ коровъ, кобылъ и пр[1]).

Военное право калмыковъ подробно опредѣляетъ ратныя обязанности вождей и простыхъ воиновъ. Каждый «командующій» вождь долженъ являться на сборное мѣсто и «свидѣтельствовать» ратниковъ[2]). Владѣльцы, зайсанги и другіе старшины, которые на войнѣ и въ бою «плохо держатся» (schlecht halten), подлежатъ взысканіямъ; старшина, который не способенъ къ поддержанію въ воинахъ дисциплины, не держитъ ихъ въ должномъ повиновеніи, лишается своего «commando», тотчасъ передающагося другому лицу. Вождь, допустившій важныя ошибки въ военныхъ дѣйствіяхъ, кромѣ отрѣшенія отъ долж-

[1]) См. Палласъ Saml. I, 226. См. тамъ же описаніе военныхъ построеній и самыхъ битвъ, стр. 222—224.

[2]) «Великая Яса» предписываетъ ханамъ «лично дѣлать осмотръ войску и вооруженію, предъ выступленіемъ въ битву, представлять имъ все съ чѣмъ воинъ совершаетъ походы и осматривать все до иголки и до нитки» См. мое соч. — Др. монг. уст. 192, п. 18.

ности, предается суду (уст. по сп Палл. 10, 162; Зинз. улож. 140). Никто изъ вождей и простыхъ ратниковъ не въ правѣ былъ уходить изъ войска до окончанія похода; особенно строго наказывался уходъ изъ самаго боя съ непріятелемъ (по трусости) и вообще дезертирство (уст. по рус. сп. 13; по сп. Палл. 10, 150; Зинз. улож. 59, 74, 139, 143, 144, 184). Напротивъ, военная доблесть и отвага поощряются разными преимуществами и почетными наградами (уст. по рус. сп. 15; по сп. Палл. 150)[1]). Въ особенную заслугу ойратскіе законы ставятъ оборону вождей въ бою, освобожденіе ихъ отъ рукъ непріятельскихъ: освободитель владѣльца (Fürsten) жалуется по закону тархановъ (или, какъ выражается уставъ по списку Палласа, «der soll in der Ulus desselben Darchan seyn»), т. е. причисляется въ своемъ улусѣ къ привиллегированному классу вольныхъ людей, обѣленныхъ съ потомствомъ отъ всѣхъ податей на основаніи тарханныхъ грамотъ. И напротивъ, кто оставитъ владѣльца безъ обороны (въ плѣну) того уставъ предписываетъ «разорить и умертвить». За оборону отъ непріятеля табангоутовъ, зайсанговъ и другихъ «чиновъ» установлялась награда, равная пенѣ, какой подлежалъ бы обороненный за уходъ изъ боя (уст. 14)[2]). Уставъ касается и другихъ случаевъ, когда за военныя дѣйствія назначается награда, именно — за оборону человѣка, «ретирующагося» отъ непріятеля, и за оборону ратника, который «во время сраженія напередъ въ непріятеля въѣдетъ и непріятелемъ сильно утѣсненъ будетъ» (уст. ст. 68, 69). Кромѣ обязательной оборо-

---

[1]) По Зин. уложенію» отличившагося храбростію противъ непріятеля вознаграждать отъ всѣхъ повинностей въ обществѣ того рода»; а труслив[illegible] штрафовать и «не имѣть къ нему въ улусѣ довѣрія». См. ст. 146.

[2]) Въ послѣднемъ случаѣ уставъ по сп. Палласа установляетъ нагр[illegible]ду, какъ и за освобожденіе князя (владѣльца). Ст. ст. 11. — Зинз. улож. также назначаетъ за избавленіе владѣльца отъ непріятеля пожалованіе т[illegible]ханомъ, съ представленіемъ къ монаршему награжденію; кто оставитъ в[illegible]дѣльца и бѣжитъ, судится какъ измѣнникъ. За оборону табангоутовъ з[illegible]сансговъ дается въ награду лошадь. (См. ст. 19).

вождей и ратниковъ, ойратское право признаетъ для всякаго обязательнымъ закономъ оборону отъ непріятеля скота и имущества союзниковъ; за отбой добычи изъ рукъ непріятельскихъ отдается половина отбитой добычи тѣмъ, кто преслѣдовалъ непріятеля и отнялъ у него добычу, — и на оборотъ, кто не выйдетъ въ погоню за непріятелемъ, тотъ подлежитъ значительному штрафу (уст. 19).

Военные обычаи ойратовъ не оставляли также безъ вознагражденія родичей, терявшихъ въ лицѣ павшихъ въ бою ратниковъ своихъ родовыхъ защитниковъ и работниковъ. Кто падетъ въ бою по наряду вождей, того родичи по уставу получаютъ вознагражденіе, равное за оборону отъ непріятельскаго нападенія; меньшая плата полагается, если павшій въ бою шелъ въ походъ по собственной охотѣ, а не по общему родовому наряду. Точно также за павшаго въ бою зависимаго человѣка получалъ вознагражденіе его господинъ (уст. 19, 70 и 71)[1]. Ойратскій уставъ предусматриваетъ также случаи убійства въ бою союзника вмѣсто непріятеля «невѣдѣніемъ»: вознагражденіе, платившееся въ такихъ случаяхъ, не было наказаніемъ, но лишь платой за потерю (Verlust) родичами убитаго (ст. 75).

Вмѣстѣ съ правилами о вознагражденіи за павшихъ въ бою родичей — ойратовъ, военные обычаи монголовъ таксируютъ также платежи за истребленіе непріятелей. За убійство «командующаго» получается въ награду жена убитаго; за панцырника побѣдитель получаетъ его панцырь; помощникамъ, участвовавшимъ въ бою, дается — одному шишакъ или латы, другимъ товарищамъ остальное имущество павшаго; если на убитомъ не окажется панцыря, то побѣдитель беретъ въ на-

[1]) 70 и 71 статьи устава по русскому списку говорятъ о зависимыхъ людяхъ, павшихъ на войнѣ. По списку же Палласа статья 63 трактуетъ о вознагражденіи родичей за убитыхъ на войнѣ по наряду князей, а 64 ст. — о ратникахъ, шедшихъ на войну не по наряду (ohne Befehl).

граду жену убитаго (уст. 66 и 67). Военные обычаи средне-азіатскихъ ойратовъ XVII в. касательно побѣжденныхъ не-пріятелей хорошо иллюстрируются военнымъ ярлыкомъ, изло-женнымъ въ Абаканской «писаницѣ». Здѣсь предписывается безпощадное истребленіе непріятелей, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ (при чемъ констатируется рядъ обычаевъ, соблюдав-шихся при ихъ избіеніи и погребеніи — сотнями, въ курга-нахъ), вмѣстѣ съ пощадой жизни беззащитныхъ и слабыхъ («безгласныхъ и невздорныхъ» по выраженію ярлыка), въ осо-бенности женщинъ, въ видахъ рожденія отъ нихъ новыхъ во-иновъ-защитниковъ ойратства[1]).

Военныя предпріятія велись старыми кочевниками въ строго-разрушительныхъ формахъ и сопровождались всѣми по-слѣдствіями хищничества и борьбы враждебныхъ родовъ и племенъ — ихъ взаимнымъ истребленіемъ и разореніемъ. До-быча — главная цѣль всякаго военнаго предпріятія коче-никовъ. Отсюда понятно, почему ойратскій уставъ такъ строго регламентируетъ правила о военной добычѣ, въ особенности запрещаетъ захватъ ея безъ родоваго раздѣла, гарантируя въ этомъ случаѣ права дружинъ и отдѣльныхъ ратниковъ, несшихъ всѣ тяжести войны и получавшихъ свою долю въ общей во-инской добычѣ[2]). Въ первой же статьѣ устава находимъ ука-занія на военную добычу и именно въ случаѣ междусоюзна-

[1]) См. мое соч. — Др. монг.-калм. уст. 235—237.

[2]) Особыя правила о раздѣлѣ добычи существовали у монголовъ ещ при Чингисѣ. По современнымъ извѣстіямъ, монголы «по завладѣніи го-домъ, дѣлятъ добычу на пропорціональныя части между высшими и низшими; велика-ли, мала ли эта добыча, всегда оставляютъ одну (десятую) долю для подносенія императору Чингису, всему же остальному составляется роспись. Отсутствующіе чины имѣютъ также свою долю». Добыча и дань замѣняли жалованье, служили содержаніемъ войскъ. Извѣстно также, что тарханы, в въ числѣ другихъ вольностей, владѣли сполна добычей, доставшейся имъ в сраженіи, безъ выдѣла изъ нея доли въ пользу вождя и безъ зачисленія до-бычи въ составъ родоваго имущества. См. Березина Очеркъ, 63, 64—
Ср. мое соч.— Др. монг. уст. 272.

хищничества. Улусъ и все имущество родоправителей (Fürsten, владѣльцевъ), нарушавшихъ ойратство нападеніемъ на союзные роды, составляли военную добычу монгольскихъ и ойратскихъ вождей, выходившихъ противъ хищниковъ, — половина добычи шла на удовлетвореніе пострадавшихъ, другая же по военнымъ обычаямъ дѣлилась на равныя части между ойратами. Тѣже порядки могли имѣть мѣсто и при раздѣлѣ добычи, пріобрѣтавшейся путемъ военныхъ предпріятій и нападеній на враждебныя племена, не принадлежавшія къ ойратству. Предметомъ добычи были плѣнные, ихъ оружіе, стада и другое непріятельское имущество. Все это составляло добычу цѣлыхъ ордъ и дружинъ, вступало въ раздѣлъ между ратниками, участвовавшими въ военныхъ операціяхъ. Изъ добычи прежде всего выдѣлялась часть, изъ которой производилось вознагражденіе родичамъ павшихъ въ бою ратниковъ; кромѣ того, какъ уже замѣчено, вооруженіе, снятое съ убитыхъ непріятелей, составляло личную добычу убившихъ ихъ ратниковъ (уст. 66, 67). Затѣмъ, остальная добыча вступала въ общій раздѣлъ между вождями и другими ратниками. Ойратскій уставъ не констатируетъ правилъ, какими руководились при раздѣлѣ добычи; вѣроятно, здѣсь многое зависѣло отъ вождей, во всякомъ случаѣ получавшихъ значительную долю изъ общей добычи. Уставъ касается, главнымъ образомъ, вопроса о захватѣ г кражѣ добычи до ея раздѣла. Такимъ образомъ, кто въ оевой суматохѣ отниметъ у другаго захваченную имъ у не:ріятеля добычу или снятое съ убитаго врага оружіе, подъ ѣмъ уставъ предписываетъ застрѣлить лошадь; кромѣ того, иновный лишается всей слѣдуемой ему доли изъ общей добыи и еще приплачиваетъ 9 скотинъ (уст. по сп. Палл. 60; о сп. рус. 72). Затѣмъ, кто до прошествія трехъ дней вѣроятно, со времени захвата добычи) что изъ раздѣльной г. е. подлежащей раздѣлу) добычи украдетъ, съ того берется впятеро»; если же кража произведена по истеченіи указаньго срока, то штрафъ платится, какъ за обыкновенную крау (уст. 73, 74).

4. *Общественные разряды родовыхъ союзовъ.* У монголовъ изстари установилось раздѣленіе народа на отдѣльные общественные классы или разряды съ наслѣдственнымъ характеромъ. Разряды эти нельзя подводить подъ общій типъ кастъ, съ различными расовыми корнями, — кастъ, образовавшихся подъ квалификаціями внѣшней силы (господства завоевателей)[1]) или теократизма (господства жречества) и получавшихъ замкнутый, наслѣдственно-расовый характеръ. «Кости бѣлыя и черныя», какъ называются у монголовъ классы лицъ привиллегированныхъ и простолюдиновъ не означали происхожденія ихъ отъ различныхъ расовыхъ корней: тѣ и другіе классы выросли изъ одной родовой кости, лишь получившей различную окраску по своимъ концамъ подъ вліяніемъ квалификацій, подъ какими развивался родовой быт монголовъ. Происхожденіе ихъ изъ одного племеннаго корня не дало возможности установиться между монгольскими сословіями кастовой замкнутости и исключительности, но всегда допускало и допускаетъ переходъ отдѣльныхъ лицъ изъ одного класса въ другой. Съ другой стороны, юридическія сословія, слагающіяся на почвѣ квалификацій хозяйственныхъ и политическихъ, по принципу спеціализаціи занятій и труда, доселѣ остаются чуждыми общественному строю монгольскихъ племенъ, —имъ вовсе неизвѣстны юридическіе классы по родамъ и характеру занятій (сельчанъ—земледѣльцевъ, горожанъ—ремесленниковъ, купцовъ и пр.); всѣ эти сословныя наслоенія — исключительный плодъ общественной культуры осѣдлыхъ народовъ (по преимуществу арійской расы). Корни, установившіе грань между различными монгольскими сословіями, нужно искать не въ «правѣ сильнаго» и не въ принципѣ раздѣленія труда

[1]) Нѣкоторые изслѣдователи быта калмыковъ полагаютъ, что сословія у монголовъ развивались первоначально на почвѣ завоеванія и подчиненія побѣжденныхъ племенъ побѣдителямъ, получившимъ привиллегированное значеніе «бѣлой кости», въ противоположность приниженному положенію побѣжденныхъ, образовавшихъ низшій классъ «черной кости». Привиллегіи бы.

и «экономическихъ отличій»[1]) сословій, но въ первоначальныхъ условіяхъ родоваго быта монголовъ, съ его позднѣйшими наслоеніями и квалификаціями, развившимися подъ вліяніемъ военно-дружинной, кочевой культуры монгольскихъ племенъ.

Первые элементы, изъ которыхъ развились позднѣйшіе сословные разряды монголовъ, нужно видѣть въ родовомъ различіи между «старѣйшимъ», «бо́льшимъ» въ родѣ, его главой, вождемъ, и остальной родовой «челядью», младшими членами рода, — различіи, которое и позже въ существѣ вещи удерживалось въ противуположеніи племенныхъ главъ и вождей (нойоновъ и зайсанговъ, вообще «знатныхъ») остальному народу (Ulus), «зависимымъ» или тяглымъ (Albatu), вообще простолюдинамъ, людямъ «подлымъ» (Chara-köö, хара-кюнъ, черный народъ, смердъ). И тамъ, и здѣсь, все построялось на отношеніяхъ родоваго старѣйшинства — защиты старшихъ и подчиненія имъ младшихъ родичей, связанныхъ общимъ родовымъ сознаніемъ, солидарностію родовыхъ интересовъ. «Бѣлыя кости» (Цаганъ-ясынъ или Цаганъ-іоста) и образовались изъ потомковъ

кости первоначально были «правомъ сильнаго, перешедшимъ позже въ потомственное». См. Костенкова о калм. 29.

[1]) Такія отличія между сословіями по уставу 1640 г. находитъ П. М—ѣевъ, въ статьѣ по поводу моей книги — Др. монг.-калм. уставъ (въ Журн. гражд. и угол. пр. 1879 VI, 148). Дѣло въ томъ, что въ экономическомъ отношеніи монголы разбивались собственно на два класса — неимущихъ «байгучей» и болѣе или менѣе зажиточныхъ скотоводовъ, и только; но не отъ различій въ экономической состоятельности зависѣли сословныя привиллегіи «знатныхъ» и служебности «подлыхъ». И между знатными могли быть люди бѣдные (каково теперь у калмыковъ большинство «безаймашныхъ» зайсанговъ), какъ и между «подлыми» и «средними» людьми попадались богатые скотоводы. Не богатство давало «знатному» право на улусъ или аймакъ, но исключительно его происхожденіе. «Знатные, средніе и подлые люди» отличаются, по уставу, другъ отъ друга не «экономически», но именно сословными правами и служебностями, лежавшими на отдѣльныхъ разрядахъ въ силу принциповъ служебно-родовыхъ, а не экономическихъ.

первичныхъ родовыхъ вождей, тогда какъ «черныя кости» (Хара-ясинъ или Хара-іоста), по воззрѣніямъ монголовъ[1]), составляютъ потомковъ остальной родовой «челяди», связанных однако съ бѣлой костью принципомъ кровнаго происхожденія отъ одного племеннаго корня. Подобное противоположеніе первичныхъ общественныхъ элементовъ, выработавшихъ позже сложную градацію сословныхъ разрядовъ, проглядываетъ и въ ойратскомъ правѣ монголовъ эпохи устава 1640 г. Въ послѣднемъ нерѣдко классъ племенныхъ вождей (нойоновъ, Fürsten) противополагается народу въ смыслѣ зависимой, служебной челяди, простонародья (подлыхъ, gemeine, — см. уст. по св. Палл. 2, 105 и пр.)[2]). Здѣсь лежитъ коренное различіе со-

---

[1]) Оба термина «бѣлыя и черныя кости» — не больше, какъ образныя выраженія идеи родоваго происхожденія высшихъ и низшихъ классовъ наро: отъ извѣстныхъ общеплеменныхъ корней. «Костями» (ясынъ) среднеазіатск. монголы и русскіе калмыки выражаютъ идею происхожденія по мужской (отцовской) линіи, — происхожденіе по женской (материнской линіи) называется образно «Machan» (мясо). Бѣлыя и черныя «ясынъ» и «маханъ» равнозначительны съ высшимъ или низшимъ, «знатнымъ» или «подлымъ» происхожденіемъ (см. Палласа Saml. I, 24). Быть можетъ, монголы бывшіе въ стар.. въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ южно-азіатскими племенами (индійцами . пр.), заимствовали отъ нихъ эти образныя выраженія, имѣвшія у послѣднихъ племенъ дѣйствительное значеніе, но мало подходившія къ общему складу и характеру общественнаго быта монголовъ. Бѣлый (Цаганъ) и черный (Хара) цвѣта, по преданію, были приняты еще Чингисомъ за національные цвѣта. Весь свой народъ Чингисъ назвалъ «Куке» (синій): «я желаю, чтобы синій монголъ былъ величайшимъ надъ всѣмъ, что только движется на землѣ». При Чингисѣ же высшіе классы монгольскихъ вождей отличались названіемъ «бѣлой кости», а простолюдины назывались «черной костью». Со времени принятія ламаизма получили религіозное значеніе также цвѣта красный (Уланъ) и желтый (Шара). См. Бентковскаго въ Сборн. ст. св. по Став. губ. II, 137. Березина Очеркъ, 48.

[2]) Въ такомъ же смыслѣ употребляется въ древнихъ славянскихъ памятникахъ — «челядь», «плкъ», «народъ», позже — смерды, люди черные, тяглые, подлые и пр. Въ Рус. Правдѣ, напр., классъ князей нерѣдко противополагается смердамъ, какъ и въ другихъ памятникамъ — людямъ черным и пр.

словій, свойственное монгольскому праву, — различіе, которое впервые развилось на почвѣ родоваго старѣйшинства главъ первичныхъ хотоновъ и подчиненія имъ хотонной челяди, затѣмъ постоянно удерживалось на послѣдующихъ стадіяхъ родовыхъ осложненій, разроставшихся въ аймаки, улусы и цѣлыя племена. На всѣхъ этихъ родовыхъ ступеняхъ удерживалось коренное противуположеніе между племенными вождями и зависимой челядью. Параллельно съ разростаніемъ потомковъ вождей въ болѣе или менѣе численные, привиллегированные роды, остававшіеся въ главѣ наряда вновь возникавшихъ племенныхъ союзовъ и ихъ отдѣленій, шло также разроста::іе родовой челяди, разбивавшейся на многочисленные, служебно-родовые классы по всѣмъ родовымъ союзамъ и цѣлымъ племенамъ. Съ каждой родовой ступенью первоначальныя простыя, патріархальныя отношенія между вождями и челядью, народомъ (Ulus), диференцировались и осложнялись новыми, преимущественно дружинно-родовыми квалификаціями народной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ диференцировались и осложнялись и разряды вождей и челяди. Въ каждомъ изъ нихъ шла своя организація и расчлененіе составныхъ частей въ обособленные разряды,— эбразовалась съ теченіемъ времени цѣлая родовая лѣстница :лужебно-родовыхъ «чиновъ», съ цѣпью переходныхъ стадій иежду первичными разрядами вождей и служебной челяди. Въ эезультатѣ всего процесса развитія оказалось, что родовые :лассы, стоявшіе на первыхъ порахъ о бокъ другъ съ дру'омъ, тѣсно связанные единствомъ родовыхъ цѣлей и интереовъ, очутились въ концѣ развитія на крайнихъ точкахъ длинной цѣпи отдѣльныхъ общественныхъ разрядовъ. Старыя разлиія родоваго старѣйшинства, ставившаго на первыхъ порахъ динственную разграничительную черту между «старшими» и младшими», измѣнились подъ конецъ почти до неузнаваемости, риняли въ себя столько новыхъ элементовъ, что отъ стараго орядка остался лишь одинъ скелетъ, — все же содержаніе 'о наполнилось новыми началами и распорядками. Тѣмъ не энѣе оба разряда (вождей и челяди) доселѣ не исчезли:

каждый изъ нихъ принялъ лишь сложный составъ, но стары
связи между ними не вовсе порвались и приняли лишь ино
направленіе и иной составъ.

Такимъ образомъ, «люди знатные, благородные» (Vornehme, Edle); противополагаются въ ойратскомъ уставѣ «низшимъ», «простолюдинамъ», «людямъ подлымъ» (Geringere, Geringste и пр.) въ смыслѣ людей «чиновныхъ» и не чиновныхъ, различавшихся по своимъ особымъ, служебно-родовымъ правамъ и сервитутамъ и дробившихся сообразно съ таким служебными сервитутами на отдѣльные классы, «чины», без потери однако родовыхъ связей, объединявшихъ ихъ въ два коренные разряда монгольскихъ родовыхъ сословій[1]). Оба класса знатныхъ и низшихъ людей одинаково служатъ общимъ племеннымъ интересамъ, — «чины» знатные — въ качествѣ родовыхъ вождей въ боевое время и родоправителей въ мирное, чины низшіе — въ качествѣ простыхъ ратниковъ и тяглецовъ, обязанныхъ опредѣленными личными и вещественными службностями на общую пользу своихъ родовыхъ союзовъ и их вождей и родоправителей. Классы высшіе стоятъ безсмѣтно родоваго наряда, дѣйствуютъ въ роли вождей и родоправителей, «командующихъ» родовыми союзами въ военное и мирное время, считались поэтому ранговыми, «чиновными»; классы низшіе отправляли служебно родовые сервитуты, несли тягло черное, «не чинорное», въ роли простыхъ ратниковъ и податныхъ тяглецовъ. Всѣ «чины» связывались однимъ интересомъ, равно дорогимъ и близкимъ для каждаго, — служеніемъ дѣлу племенной безопасности и охраны родовъ отъ хищничества внѣшняго врага. Духъ строгой дисциплины и іерархическихъ отношеній между этими классами, съ подчиненіемъ низшихъ преобладающимъ

---

[1]) О прямомъ противоположеніи знатныхъ подлымъ см. уст. 1640: ст. 99, 117, 126 141. О чиновныхъ и нечиновныхъ (по Палласу Fürsten и gemeinen) — уст. 2; ср. 5, 13, 19, 47, 51, 54 и пр.; Палл. 8, 9, 40, 95 и пр. Тѣ же различія извѣстны и Зинз. рложенію; см. ст. 101, 150 и пр.

вліянію старшаго сословія вождей, — военно-дисциплинарное значеніе послѣднихъ въ средѣ другихъ общественныхъ классовъ, были естественнымъ результатомъ всего общественнаго строя монгольскихъ племенъ, развившагося по типу дружинно-родоваго порядка и вызваннаго необходимостью постоянной лагерной жизни съ оружіемъ въ рукахъ. Военная диктатура вождей и родоправителей, сложившаяся и постоянно поддерживавшаяся въ силу хищническихъ условій всего быта народа, исконныхъ внутреннихъ раздоровъ и хищничества между враждебными племенами, постепенно сосредоточила въ рукахъ разросшагося класса вождей всѣ прерогативы родоваго наряда, и развила почти неограниченное значеніе власти «знатныхъ», вмѣстѣ съ подчиненіемъ низшихъ классовъ народа исключительно служебнымъ отношеніямъ къ классамъ высшимъ, «чиновнымъ». Съ другой стороны, условія родоваго быта, не дававшія мѣста развитію индивидуальныхъ началъ въ сферѣ правоспособности и все пріурочивавшія къ родовымъ союзамъ и классамъ, привели къ весьма естественному результату, — къ тому, что отдѣльное лице, не облеченное въ большей или меньшей степени «чиновными» прерогативами, не принадлежавшее къ классамъ, стоявшимъ во главѣ военно-родоваго наряда, трактовалось, какъ индивидъ, почти совершенно безправный въ отношеніи къ своему родовому союзу и его главамъ старшимъ и меньшимъ.

Но на этомъ развитіе не остановилось. Основные общественные разряды людей знатныхъ и низшихъ, въ силу установленія разнообразныхъ, служебно-родовыхъ отношеній, разбивались на отдѣльные «чины», отправлявшіе различныя функціи въ родовой іерархіи общественныхъ разрядовъ. По ступенямъ и рангамъ родоваго наряда, у котораго стояли люди знатные, послѣдніе раздѣлялись на «начальствующихъ» или «командующихъ» нойоновъ, владѣтелей или владѣльцевъ (Fürsten, князей) — классъ племенныхъ вождей, связанный родовымъ правомъ на нарядъ въ улусахъ и племенахъ, и на подчиненныхъ первымъ «зайсанговъ» — нарядниковъ меньшихъ родовыхъ союзовъ—отоковъ и аймаковъ,—лицъ, составлявшихъ съ владѣль-

цами одинъ привиллегированный классъ людей «бѣлой кости». Одновременно же съ обособленіемъ правящихъ классовъ ш: расчлененіе классовъ и въ средѣ людей низшихъ — «черної кости», — отъ людей «подлыхъ», простыхъ дружинниковъ тяглецовъ, отдѣляются «люди средніе» или «посредственные» (Mittelmässige, Wohlhabende, Gemeine), какъ переходна: стадія отъ знатныхъ къ подлымъ, — стадія, обнимавшая бл: жайшую дружину вождей и служившихъ имъ людей вольныт: (Darchan и Erketèn), обѣленныхъ отъ повинностей осталь ныхъ простолюдиновъ (подлыхъ). Пользуясь нѣкоторыми сосло: ными и индивидуальными привиллегіями, «средніе» люди за· мѣтно тянутъ къ правящимъ классамъ бѣлой кости и изъ ни: дѣйствительно отдѣльныя лица, служебно-родовыми заслугам: выдѣлявшіяся изъ «подлыхъ», нерѣдко путемъ родовыхъ по жалованій переходили въ высшіе, правящіе классы; средн: люди представляли так. обр. въ составѣ простонародья пер: ходный контингентъ, изъ среды котораго высшія сословія че: пали новыя силы, ихъ освѣжавшія и не дававшія имъ во: можности замкнуться въ расовыя, обособленныя касты. С: другой стороны, люди средніе, не участвуя въ родовыхъ пр: рогативахъ правящихъ сословій, тянули къ «подлымъ», со ставляли съ послѣдними одинъ классъ простолюдиновъ, по: чинявшихся въ служебно-сословной іерархіи родовому наряд: людей бѣлой кости.

Вся эта своеобразная организація общественныхъ разря довъ въ составѣ родовыхъ союзовъ монголовъ была естест: нымъ результатомъ тѣхъ же самыхъ бытовыхъ вліяній и ква лификацій, въ силу которыхъ вообще воинственные роды и племена, какъ уже замѣчено выше (см. стр. 237), принима въ цѣломъ своемъ составѣ характеръ болѣе или менѣе орга низованныхъ, военныхъ дружинъ, осужденныхъ бытовыми усло віями на постоянную лагерную жизнь, съ строгимъ подчиненіе военной дисциплинѣ и диктатурѣ племенныхъ вождей. Воен: орды и дружины и приспособляются къ условіямъ и требо: ніямъ ихъ воинственной жизни прежде всего путемъ органи:

ціи своихъ общественныхъ классовъ по типу дружинно-родовыхъ «чиновъ», отправляющихъ опредѣленныя служебныя функціи въ составѣ своихъ родовъ-дружинъ и цѣлыхъ племенныхъ ордъ. Сословная организація монголовъ сложилась собственно на той же самой почвѣ, какъ и служебная организаціи дружинъ у старыхъ германцевъ и славянъ. Общій, сословный строй древно-русской дружины, съ ея вождями, князьями-нарядниками, затѣмъ мужами (огнищанами, княжими боярами), отроками княжими (молодью) и наконецъ людинами (простыми дружинниками), представляетъ, по крайней мѣрѣ въ существенныхъ чертахъ, замѣчательную параллель съ дружиннымъ строемъ цѣлыхъ родовъ и племенъ монгольскихъ, разбивавшихся въ своемъ составѣ исключительно на дружинные классы вождей (нойоновъ) княжихъ мужей (зайсанговъ), отроковъ (узденей, эркетенъ и пр.) и простыхъ людиновъ или дружинниковъ. Монгольскія сословія, развившись исключительно на почвѣ интересовъ родоваго хищничества, не имѣютъ ничего общаго съ сословной организаціей осѣдлыхъ народовъ: у послѣднихъ родовое хищничество отходитъ на второй планъ и наконецъ вовсе вытѣсняется экономическими интересами колонизаціонно-осѣдлой культуры, разграничивающей осѣдлыхъ общинниковъ по классамъ въ силу «экономическихъ отличій», а не интересовъ дружинно-родовыхъ, какъ это было у монголовъ и другихъ племенъ воинственно-кочеваго типа.

Внѣ родовыхъ классовъ, стоявшихъ на различныхъ ступеняхъ дружинно-родовой организаціи монголовъ, существовали, съ одной стороны — рабы (Jassir), а съ другой — духовная корпорація ламайскихъ буддистовъ (Chubarag). Оба класса организовались у монголовъ не по общимъ дружинно-родовымъ началамъ, но или на почвѣ «права сильнаго», какъ классъ ясырей — большею частію плѣнныхъ чужеродцевъ, также изгоевъ, вышедшихъ изъ родовыхъ союзовъ по преступленіямъ и въ наказаніе выданныхъ «головой» въ рабство, или же на почвѣ «теократизма», какъ классъ старыхъ монгольскихъ шамановъ, позже (съ конца XVI в.) ламаитовъ-буддистовъ, со-

ставлявшихъ въ составѣ монгольскихъ родовъ своего рода status in statu, — корпорацію, облеченную особыми правами и служебностями и стоявшую внѣ дружинно-родовой организаціи монголовъ—мірянъ.

Изложенныя начала сословной организаціи монголовъ образовались въ глубокой древности, — Чингисъ засталъ ее уже вполнѣ сложившеюся. Уже въ его время существовали родовые классы «бѣлой кости» (высшіе, княжескіе роды, служилые вельможи, беки и пр.) и простолюдины «черной кости», шаманы и наконецъ плѣнные рабы[1]). Какъ въ эпоху «великой ясы» XIII в., такъ и во время ойратскаго устава XVII в., монгольскія сословія разграничивались, главнымъ образомъ, по началу дружинно-родовыхъ привиллегій и серватутовъ и имѣли ранговой, чиновный характеръ, допускавшій возможность перехода изъ одного класса въ другой и пр. Военно-дружинная организація монголовъ, приписываемая преданіемъ Чингису, собственно лишь придала окончательную санкцію тѣмъ фактическимъ отношеніямъ, которыя необходимо должны были установиться въ быту отдѣльныхъ монгольскихъ племенъ еще въ первоначальныя эпохи ихъ хищнической родовой жизни. Сложившіяся путемъ самой жизни, общественныя формы и наслоенія въ Чингисовомъ уставѣ только подведены были къ общему знаменателю; съ тѣхъ поръ окончательно были закрѣплены за высшимъ классомъ племенныхъ вождей дружинно-родовыя прерогативы, за классами низшими — соотвѣтственные сервитуты. Эта-то сословная организація легла въ основу ойратства монголовъ XVII в.; многихъ детальныхъ подробностей уставъ 1640 г. вовсе не касается, и именно потому, что старые народные обычаи такъ прочно держались въ быту ойратовъ, что не было никакой надобности въ ихъ норми-

---

[1]) См. Березина Очеркъ. 48 и слѣд.

ваніи и введеніи въ уставъ[1]). Зинзилинское уложеніе тоже въ существѣ дѣла ничего не вводитъ новаго въ сословную организацію калмыковъ. Послѣдняя потерпѣла нѣкоторыя измѣненія лишь въ послѣднее время, подъ вліяніемъ русскихъ законовъ, старавшихся по возможности приспособить калмыцкія сословія къ общему типу сословій по русскому праву (напр. приравнивая калмыцкихъ нойоновъ и зайсанговъ къ русскому дворянству, простолюдиновъ—къ крестьянамъ и пр. Въ старину да и теперь существовало и существуетъ довольно рѣзкое, бытовое разграниченіе между отдѣльными классами калмыковъ[2]); по ихъ уставамъ и обычаямъ каждое сословіе имѣетъ свою ранговую честь, сообразно съ которой налагаются штрафы и определяется все общественное и личное положеніе отдѣльныхъ лицъ. Чѣмъ выше, «знатнѣе» было положеніе лица въ обществѣ, чѣмъ ближе стояло оно къ родовому наряду, тѣмъ строже цѣнилась его сословная и личная честь и тѣмъ шире и прочнѣе оно пользовалось общей правоспособностью, принижавшейся болѣе и болѣе съ каждой низшей ступенью въ распорядкѣ сословій. Въ настоящее время уже перестали имѣть старую силу въ быту калмыковъ тѣ условія, на почвѣ которыхъ развилась у нихъ своеобразная сословная организація; но, по самому свойству и характеру всякихъ общественныхъ

[1]) Среднеазіатскіе монголы доселѣ раздѣляются на четыре сословія: князей и другихъ вельможъ (старыхъ тайшей, нойоновъ и пр.), простолюдиновъ, духовныхъ и рабовъ, при чемъ сословная организація ни мало не измѣнилась сравнительно съ старымъ временемъ. См. Іакинеа Зап. о Монг. 161 и слѣд.; IV, 203 и пр. Его же статист. описаніе Манджуріи, Монголіи пр. 59. Пржевальскаго Монг. I, 150—161.

[2]) По свидѣтельству Бентковскаго, «простой калмыкъ не посватаетъ дочь зайсанга, а послѣдній дочь владѣльца. Неровные браки не въ обычаѣ народа, и допускаются только въ рѣдкихъ случаяхъ, и то не иначе, какъ по предложенію старшей стороны. Въ этомъ случаѣ калмыки крайне щекотливы и соединеніе бѣлой кости съ черною считаютъ дѣломъ, равнымъ семейному несчастію». См. Женщина—калмычка, въ Сборн. ст. св. Ставр. губ. II, 150.

наслоеній, отличающихся всегда и вездѣ строгимъ консерватизмомъ, пройдетъ еще, быть можетъ, не мало времени, когда организація эта вступитъ на новый путь развитія, сообразно съ современными условіями общественной культуры калмыковъ.

Послѣ общихъ замѣчаній объ общественныхъ разрядахъ по калмыцкому праву, мы сдѣлаемъ затѣмъ очеркъ основныхъ его положеній о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности, ограничиваясь при этомъ главнымъ образомъ данными, изложенными въ ойратскомъ уставѣ 1640 г. и Зинзилинскомъ уложеніи[1]).

а) *Классы привиллегированные*. Къ людямъ «знатнымъ», «благороднымъ» (бѣлой кости) ойратскій уставъ и Зинзилинское уложеніе относятъ: владѣльцевъ, табангоутовъ и зайсанговъ. Различіе между этими классами опредѣлялось характеромъ и составомъ главнаго наряда, имѣвшаго мѣсто въ улусахъ и племенахъ, и наряда подчиненнаго — въ отокахъ и аймакахъ съ отдѣленіями. Въ свою очередь, разнообразіе наряда въ обѣихъ формахъ установляло цѣлую лѣстницу чиновныхъ «ранговъ», на какіе дробились владѣльцы, табангоуты и зайсанги.

Владѣльцы (владѣтели) въ калмыцкихъ уставахъ означаютъ *нойоновъ*, т. е. вообще классъ старшихъ вождей, или родоправителей, стоявшихъ во главѣ цѣлыхъ улусовъ и племенъ (тангачи). Званіе нойона первоначально принадлежало только потомкамъ Чингиса и его братьевъ по мужскому колѣну; позже его стали присвоять и дальніе родичи хановъ, происхо-

---

[1]) Положеніе калмыцкихъ сословій по русскимъ законамъ, а также на основаніи современнаго обычнаго права калмыковъ, довольно обстоятельно изложено въ цитированныхъ уже не разъ статьяхъ Бюлера, Костенкова, Небольсина и пр. Но здѣсь весьма мало выясненъ вопросъ о сословіяхъ по калм. уставамъ. Пробѣлъ этотъ восполняется въ настоящихъ замѣткахъ.

дившіе изъ побочныхъ линій[1]). По уставу 1640 г. владѣльцы раздѣляются на великихъ или главныхъ, чиновныхъ и меньшихъ или малыхъ (ст. 12, 13, 25, 26 и пр.). Зинзилинское уложеніе различаетъ также владѣльцевъ главныхъ или старшихъ, среднихъ, младшихъ и мелкопомѣстныхъ (ст. 20 — 23, 30, 92, 115).

Къ *великимъ* (*главнымъ*, *старшимъ*) *владѣльцамъ*[2]) относятся по ойратскому уставу ханы, конъ-тайши (хонгъ-тайджи) и тайши (тайджи). Это были вожди племенные, стоявшіе въ главѣ «оронъ» и «тангачи», — старѣйшіе родоправители цѣлаго ойратскаго союза или отдѣльнаго племени. На первомъ планѣ стояли *ханы* и *конъ-тайши* — вожди цѣлыхъ оронъ, не зависѣвшіе ни отъ какой другой родовой власти. Въ силу ойратства имъ подчинялись *тайши*[3]) — правители отдѣльныхъ племенъ, кочевавшихъ самостоятельно или въ союзѣ съ другими ойратскими племенами.

---

[1]) Нойонъ — господинъ, властелинъ, начальникъ, предводитель (отъ глагола «нойолху», властвовать, имѣть начальство). См. Костенкова о калм. 30. Въ введеніи къ уставу 1640 г. говорится о «князьяхъ» въ такомъ же смыслѣ, какъ въ текстѣ о «владѣтеляхъ» и «владѣльцахъ». Въ спискѣ Палласа безразлично употребляются выраженія Nojonn и Fürst. Нойонъ, въ значеніи знатнаго лица, принадлежавшаго къ сословію родоправителей, упоминается въ монгольскихъ источникахъ, современныхъ первымъ Чингизидамъ. См. Березина Очеркъ 56, 63. Среднеазіатскіе монголы доселѣ употребляютъ это названіе въ смыслѣ «господина». (См. Тимковскаго Путеш. I, 103). Тангутскіе чиновники называются донынѣ нойонами. См. Пржевальскаго Монг. I, 289.

[2]) Въ уставѣ по сп. Палласа они называются «grosse Fürsten» и противополагаются geringen Fürsten. См. ст. 22.

[3]) По первоначальному своему значенію, «тайцзу» употреблялось въ смыслѣ прародителя, какъ называли Чингиса китайскіе историки. При Чингисѣ титулъ «тай-ши» носили визири. См. Тимковскаго Путеш. III, 186. Изв. Сибир. отд. Геогр. Общ. 1875, V. № 3, стр. 88. Теперешніе князья среднеазіатскихъ монголовъ носятъ общій титулъ «тайцзи» (см. Зап. о Монг. Іакинеа, IV, 203). По толкованію Палласа, Taidshi, Tayschi = Anfseher,

Второй рангъ монгольскихъ князей, по ойратскиму уставу, составляютъ *владѣтели чиновные* (26, 29, 38, 46). Въ уставѣ они постоянно перечисляются въ слѣдъ за великими владѣльцами, занимаютъ среднее мѣсто между ними и владѣльцами меньшими. Это были нойоны ранговые или улусные, управлявшіе отдѣльными улусами, на какіе дробилось самостоятельное племя (тангачи); ихъ можно приравнивать къ «среднимъ князьямъ» по ярлыкамъ Золотой Орды. Какъ видно изъ введенія и 12 и 13 статей устава, между улусными нойонами были такіе, которые, не нося титула тайши, по рангу причислялись однако къ «главнымъ владѣтелямъ»[1]) Вѣроятно, это были вожди такихъ улусовъ, которые по чему либо отдѣлялись отъ главнаго племени и составляли отдѣльныя орды, — ихъ нойоны подчинялись, подобно тайшѣ, непосредственно ойратскому главѣ (конъ-тайшѣ). Быть можетъ, эти были также улусные нойоны, получавшіе отъ племенныхъ вождей особыя привиллегіи, возвышавшія ихъ на степень тайшей.

Третій рангъ князей слагается изъ *владѣтелей малыхъ или меньшихъ* (ст. 5, 12, 13, 27, 29 и пр.), перечисляющихся въ уставѣ послѣ главныхъ и чиновныхъ владѣльцевъ. Это были нойоны не-чиновные, не имѣвшіе своихъ улусовъ и жившіе при ставкѣ племеннаго тайши или улуснаго нойона (русскіе изгойные князья или титулованные князья теперешней Монголіи, не получившіе удѣловъ)[2]).

Wächter; конъ-тайши, Chuntaidshi = Schwanen — Fürst, лебединый князь, вольный, ни отъ кого независимый. Saml. I. 186—188.

[1]) По 12 и 13 статьямъ устава такое значеніе имѣютъ «подобные Мергень Дайчингу и Чіокерю владѣльцы» (einer Fürst wie Mergen Daitschin oder Schüker). Оба упомянутые владѣльца перечислены въ введеніи къ уставу, въ числѣ лицъ, участвовавшихъ на съѣздѣ «главныхъ» владѣтелей, составившихъ уставъ 1640 г.

[2]) Сюда могли относиться князья боковыхъ линій, не участвовавшіе въ управленіи улусами, также дѣти улусныхъ нойоновъ и пр. На изгойныхъ князей указываетъ первая статья ойратскаго устава (по списку Палласа

У русскихъ калмыковъ исчисленные ранги нойоновъ существовали до бѣгства большинства калмыцкой орды въ 1771 г. Какъ замѣчено выше (стр. 230), калмыки съ этихъ поръ разбились на отдѣльные улусы, управляющіеся своими нойонами независимо одинъ отъ другаго. Зинзилинскіе уложеніе знаетъ собственно два ранга владѣльцевъ: «главныхъ» или «старшихъ», стоящихъ во главѣ улуснаго наряда и управляющихъ каждый своимъ улусомъ по праву родоваго старѣйшинства, — и владѣльцевъ «младшихъ», безъ самостоятельнаго участія въ улусномъ управленіи, живущихъ при ставкѣ старшихъ владѣльцевъ. Различіе между владѣльцами «средними, младшими и мелкопомѣстными» имѣло характеръ не столько ранговой, сколько «помѣстный» (смотря по личному достатку каждаго[1]).

Классъ нойоновъ связывался въ одно цѣлое родовымъ правомъ на нарядъ въ улусахъ, — правомъ *«начальствовать»* (нойолху), т. е. правомъ участія въ племенномъ нарядѣ, отправленія функцій родоправителей въ мирное время и вождей въ пору военныхъ движеній. Распредѣленіе этого права, по существу самаго дѣла, должно было основываться на началѣ родоваго *старѣйшинства*, по такъ назыв. удѣльной системѣ, несомнѣнно практиковавшейся у монголовъ при родовомъ строѣ ихъ политическаго быта. Въ каждомъ самостоятельномъ племени (тангачи) старѣйшій и бóльшій улусъ находился въ непосредственномъ «владѣніи» и нарядѣ старѣйшаго родича въ ряду нойоновъ цѣлаго племени, по званію тайши считавшагося

———

нязья, нарушавшіе ойратство междоусобной войной, лишались своихъ улусовъ, раздѣлявшихся между другими князьями.

[1]) По ранговой чести уложеніе различаетъ только два класса владѣльцевъ—старшихъ и младшихъ, какъ это видно изъ статей (20—22) о безчестіи. Точно также и по «содержанію» (сборамъ скотомъ въ пользу владѣльцевъ) владѣльцы дѣлились только на указанные два разряда: за прекращеніе содержанія установляется различный штрафъ по различію владѣльцевъ главныхъ и малыхъ, — не видно, чтобы полагались особые оклады содержанія для владѣльцевъ среднихъ и мелкопомѣстныхъ. См. Зинз. улож. 30.

вмѣстѣ съ тѣмъ главой послѣдняго; остальные улусы распредѣлялись между другими племенными нойонами (сыновьями и братьями тайши) въ значеніи родовыхъ удѣловъ, бывшихъ въ нарядѣ и кормленіи нойоновъ. По свидѣтельству монгольскихъ бытописателей, у монголовъ по изстаринному обычаю званіе тайши и управленіе его родовымъ улусомъ и всѣмъ племенемъ переходило къ старѣйшему сыну и вообще къ старшему въ родѣ; князья меньшіе получали въ удѣлъ другіе улусы или ихъ части, надъ которыми они считались такими же самостоятельными нарядниками, какъ и тайши надъ своимъ улусомъ, — въ отношеніи же къ послѣднему они оставались въ «послушаніи». Если старшая линія нойоновъ вымирала, то мѣсто тайши занималъ старѣйшій родичъ изъ ближайшей родовой вѣтви, — его улусъ переходилъ къ третьимъ родичамъ и т. д., и такимъ образомъ воспроизводилось «лѣствичное восхожденіе» родовыхъ нарядниковъ изъ одного улуса въ другой, отъ наряда въ меньшихъ родовыхъ союзахъ къ наряду цѣлаго племени и наконецъ ойратскаго союза. При выморочности улуса, послѣдній по обычаю присоединялся къ улусу тайши или его старшаго сына, вообще вступалъ въ обычные порядки наслѣдованія улусныхъ правъ. Но нерѣдко случалось, что улусы несвободные пріобрѣтались путемъ захвата сильными нойонами боковыхъ линій; отсюда тѣ постоянныя усобицы и междоусобія изъ-за улусовъ, какими наполнена исторія политическихъ движеній монголовъ, — усобицы, вынуждавшія иногда тайшей нарушать родовые порядки не обычнымъ распредѣленіемъ улусовъ и ихъ частей, не только въ видахъ усиленія собственной власти и значенія, но и ради прекращенія усобицъ между враждующими родами нойоновъ[1]).

Тѣже самые обычаи перенесли съ собой калмыцкіе н…

---

[1]) См. Палласа Saml. I, 186—188. Небольсина, въ Библ. CXIII, № … стр. 32—33. Костенкова о калм. 30, 36, 40. Іакинѳа Зап. о Монг. I, … Березина Очеркъ, 44, 48—51.

оны и въ русскія степи[1]). «Старѣйшинство» между ними и «управленіе калмыцкимъ народомъ» принадлежали по народнымъ «обыкновеніямъ» старшему по родовому происхожденію между наличными нойонами. Такимъ образомъ, послѣ нойона-отца старшій сынъ получалъ «старшинство и управленіе» надъ

[1]) Обычаи эти записаны были еще въ прошломъ вѣкѣ бывшимъ секретаремъ коллегіи иностр. дѣлъ, Василіемъ Бакунинымъ, въ его интересной рукописной лѣтописи калмыцкихъ дѣлъ («Описаніе калмыцкихъ народовъ, а особливо изъ нихъ Торгоутовъ, и поступковъ ихъ хановъ и владѣльцовъ, сочинен. Стат. Сов. Вас. Бакунинымъ 1761 года»), также акад. Палласомъ— въ «Путешествіи» и «Samlungen» (см. выше). Кромѣ того, въ цитированномъ не разъ сочиненіи Бюлера (въ От. Зап. 1846. № 11, стр. 17 и др.) констатированы нѣкоторые обычаи наслѣдованія калмыцкихъ улусовъ на основаніи тщательнаго изученія «калмыцкихъ дѣлъ» прошлаго вѣка и первой четверти текущаго. На основаніи указанныхъ источниковъ мы изложимъ здѣсь главныя данныя по занимающему насъ вопросу. — Замѣтимъ здѣсь кстати что, благодаря благосклонному вниманію управленія Имп. публ. библіотеки, доставившаго въ мое распоряженіе рукопись Бакунина, я получилъ возможность ближе съ ней познакомиться и убѣдиться въ томъ, что проф. Н. А. Поповъ (въ рец. на мою книгу объ ойрат. уставѣ, въ Жур. Мин. Пр. 1879, окт., 308) сильно преувеличилъ значеніе упомянутой рукописи, говоря, что безъ нея «нельзя пускаться въ разсужденія о судьбѣ калмыцкаго устава на русской почвѣ до XIX вѣка». Дѣло въ томъ, что сочиненіе Бак. имѣетъ видъ лѣтописнаго разсказа (по годамъ), глав. обр., о «поступкахъ» калмыцкихъ хановъ, съ начала прошлаго вѣка до 1735 г. (за прежнее время сообщены краткія свѣдѣнія). Кромѣ интересныхъ свѣдѣній о порядкѣ преемства власти хановъ и улусн. нойоновъ да замѣтокъ о бракахъ между нойонами, лѣтопись Бак. исключительно трактуетъ о сношеніяхъ калм. хановъ съ русскимъ правительствомъ, о войнахъ и пр. Словомъ, рукопись Бак. ...етъ матеріалы, имѣющіе важное значеніе для общей исторіи калмыковъ, ...о ни словомъ не касается ихъ юридическаго быта и еще менѣе «судьбы ...хъ устава на русской почвѣ». Лишь въ началѣ разсказа помѣщено объ ...омъ всего 5—6 строкъ, ничего не прибавляющихъ къ тому, что давно уже ...звѣстно объ исторіи калм. устава: «1640 года всѣ мунгальскіе*) и калмыцкіе ...ны и знатные нойоны, т. е. князья, которыхъ мы называемъ владѣльцами, ...ѣзжались въ одно мѣсто, и 5-го числа сентября постановили свое уложеніе, ...которому мунгалы и калмыки между своими народами и донынѣ расправу ...нятъ». (Рукоп. стр. 2).

*) Обращаемъ на это обстоятельство вниманіе проф. Кистяковскаго, ...рицающаго общеплеменный характеръ устава 1640 г.

прочими владѣльцами — «родными своими меньшими братьями и племянниками» и пр.)[1]). Улусные владѣльцы обыкновенно еще при жизни раздѣляли свои улусы между взрослыми сыновьями по старшинству, а если владѣлецъ умиралъ безъ всякаго распоряженія, то его улусъ дѣлили сами наслѣдники, — и «дѣлежъ этотъ бываетъ между ними неровный»[2]). Равенства не могло быть по существу родовыхъ отношеній (высказывающихся въ этомъ случаѣ въ монгольской пословицѣ — «старшему десять, младшему четыре): старшій, какъ «большакъ», получалъ бóльшій улусъ, сравнительно съ младшими родичами, уступавшими въ правахъ предъ старшимъ въ родѣ. На такихъ основаніяхъ улусные владѣльцы «поручали» послѣ себя улусы старшимъ родичамъ, раздѣляя ихъ на удѣлы между ними по старшинству[3]). Дѣти отъ «подложницъ» (наложницъ) не устраня-

---

[1]) На такомъ основаніи ханство, по смерти Хоурлука, перешло къ его сыну, Шукуръ-Дайчингу. Тоже самое было и позже: «По смерти Шукуръ-Дайчинга получилъ правленіе надъ Торгоутскимъ народомъ сынъ его Пунцукъ»; «Пунцукъ умре около 1669 г., поруча по себѣ правленіе калм. народа старшему своему сыну, Аюкѣ»; на томъ же основаніи въ 1722 г. ханъ Аюка просилъ Петра Великаго о «учиненіи по немъ наслѣдникомъ старшаго сына его Чересъ Дондука». См. Бакунина о калм., стр. 2, 3, 12.

[2]) См. Путешествіе Палласа, изд. 1809.

[3]) Въ рукописи Бакунина (стр. 12) сообщены слѣд. любопытныя свѣдѣнія о раздѣлѣ въ 20-хъ годахъ прошлаго вѣка между наслѣдниками улуса Чандоржана, брата Аюки-хана. «Чандоржанъ до смерти своей *взрослыхъ* сыновей своихъ *отдѣлилъ* и далъ имъ изъ улусовъ своихъ, а именно: Дасангу (старшему) тысячу, Баушадаю Дорже пятьсотъ, Нитанъ Дорже 200, Гунцыкъ Джапу 100, Дондукъ Даше 400, Данжинъ Дорже 400 и Бату 400 кибитокъ; затѣмъ у Чандоржана оставалось 4 тысячи кибитокъ, которыми владѣлъ самъ и изъ того прочимъ *малолѣтнимъ* дѣтямъ своимъ, отъ одной матери съ Дондукъ Дашею рожденнымъ (всего 5 чел.), также особливыхъ частей не назначилъ, а при смерти своей *завѣщалъ* дать имъ изъ оныхъ улусовъ своихъ надлежащей части, а оставшее затѣмъ *раздѣлить всѣхъ по справедливости*; всѣмъ имъ *быть въ союзѣ* и *кочевать вмѣстѣ* и отдавать *послушаніе старшему изъ нихъ брату* Дасангу, которому отдалъ и присланную отъ Далай ламы къ Аюкѣ на ханство, а Аюкою въ 1713 г. отданную ему Чандоржану при опубликованіи его ханскимъ наслѣдникомъ *печать*. По смерти Чандоржана же (въ 1722 г.) дѣти его къ сожженію тѣла его *собирались всѣ*, и притомъ и

лись отъ правъ на улусы наравнѣ со всѣми нойонами[1]). Послѣ бездѣтнаго владѣльца обычай призывалъ въ качествѣ его улусныхъ наслѣдниковъ-племянниковъ[2]) и дальнѣйшихъ родичей. Если послѣ старшаго родича (напр. сына) оставались дѣти и улусное наслѣдованіе открывалось по смерти ихъ отца, то въ такомъ случаѣ имѣло силу родовое право представленія, — въ права отца вступали его дѣти, устранявшіе другихъ родичей[3]). Всѣ эти порядки, выработанные народными обычаями, невсегда соблюдались: нерѣдко улусы добывались путемъ захвата силой[4]), младшими родичами помимо старшихъ, откуда

твердомъ содержаніи завѣщанія отца своего учинили между себя присягу и съ тѣмъ посылали отъ себя нарочныхъ и дѣду своему Аюкѣ *хану, который то апробовалъ и подтвердилъ*».

¹) «У него же Чардоржана былъ старшый сынъ Бату, рожденный отъ подложницы, однакоже почитался въ числѣ его дѣтей и нойоновъ» (рукопись Бакунина, стр. 11 на обор.). Какъ видно изъ предыдущаго примѣчанія Бату, какъ старшему, дано въ удѣлъ, при раздѣлѣ улуса, 400 кибитокъ, тогда какъ другія дѣти получили меньше.

²) Такъ, послѣ бездѣтной смерти владѣльца Чемета (внучатаго брата Аюки хана) его улусъ долженъ былъ перейти по калмыцкимъ «обыкновеніямъ», къ Чеметсву племяннику, двоюроднаго его брата сыну Намсѣ (Рукоп. Бакунина, 11).

³) Такой случай записанъ у Бакунина касательно представительства внуковъ. При Аюкѣ ханѣ его прямымъ наслѣдникомъ считался Чандоржанъ (см. выше примѣч. о раздѣлѣ его улуса), по смерти котораго (при жизни его отца—Аюка хана) «по ихъ калмыцкому обыкновенію, ханству былъ законный наслѣдникъ» старшій сынъ умершаго, Дасангъ, т. е. внукъ настоящаго хана Аюки. (Рукоп. Бакунина, стр. 14. оборот.).

⁴) Приведемъ изъ Бакунина нѣсколько указаній на подобные захваты и возникавшія изъ нихъ междоусобія между калмыцкими владѣльцами. Стр. 2 оборот.): «Пунцукъ же старался двоюродныхъ своихъ братьевъ и ихъ дѣтей улусами *обезсилить*, и для того ихъ между себя приводилъ въ ссоры, а противнаго себѣ роднаго племянника своего, именуемаго Джалбу, разбилъ и его самаго поймалъ и отдалъ въ Россію, а улусомъ его завладѣлъ». Стр. 3 обор.): Въ 1672 г. Аюка ханъ разбилъ своего двоюроднаго дядю Дугара и завладѣлъ его улусомъ. «Да и прочихъ владѣльцовъ онъ Аюка для *обезсиливанія* ихъ часто приводилъ въ ссоры и въ междоусобія». Стр. 11: Въ 1711 г. Чандоржанъ «улусомъ Чеметевымъ завладѣлъ силою», устранивъ законнаго наслѣдника, племянника умершаго владѣльца — Намсу. Чрезъ 12

возникали постоянныя распри и междоусобія между калмыцкими нойонами, нерѣдко оканчивавшіяся разореніемъ цѣлыхъ улусовъ. Въ случаѣ вымороченности улусовъ они подлежали раздѣлу между родичами другихъ родовыхъ линій на основаніи общихъ монгольскихъ обычаевъ (см. выше). Съ конца прошлаго вѣка, какъ уже замѣчено, вымороченые улусы калмыковъ стали переходить въ казенное вѣдомство, съ подчиненіемъ ихъ завѣдыванію особыхъ правителей, по назначенію правительства (см. выше, стр. 220). Наконецъ, и вся удѣльная система наслѣдованія улусовъ, возбуждавшая на дѣлѣ постоянныя междоусобія между калмыцкими владѣльцами, замѣнена въ новое время (положеніемъ 1834 г.) системой майоратнаго наслѣдованія улуса старшимъ въ родѣ, безъ раздробленія его между нѣсколькими наслѣдниками[1]). Что касается улусныхъ правъ женщинъ, то, по изстаринному народному обычаю, права эти принадлежатъ только мужскому поколѣнію, происходящему отъ «бѣлой кости» и не распространяются на лицъ, произходящихъ отъ «Machan». По народному «іосунъ» (обычаю), вдова умершаго владѣльца, его дочери и сестры, не участвуя въ улусномъ дѣлежѣ, имѣли право пользоваться только содержаніемъ и получали приданое отъ дѣйствительнаго владѣльца; вдова,

---

лѣтъ снова возгорѣлось междоусобіе между калмыцк. нойонами по поводу указаннаго выше раздѣла улуса Чакдоржана. «Онъ Аюка (ханъ) проча по себѣ ханство сыну своему, отъ послѣдней его жены Дармы Балы рожденному, Черенъ Дондуку предъ смертію своею захотѣлъ внука своего Дасанга (старшаго сына умершаго предъ тѣмъ Чакдоржана), который по ихъ калмыцкому обыкновенію ханству былъ законный наслѣдникъ, *обезсилить* и для того въ 1723 г. научилъ Дасанговыхъ родныхъ братей на Дасанга жаловаться» и требовали отъ него прибавки къ удѣламъ, даннымъ имъ при общемъ раздѣлѣ отцовскаго улуса, «являясь недовольными опредѣленными отъ отца частями» Послѣ долгихъ переговоровъ дѣло дошло до междоусобной войны, которую не могло прекратить даже вмѣшательство русскаго правительства: улусъ Дасанга былъ разоренъ, — онъ самъ съ частію своихъ улусниковъ долженъ былъ спасаться, ушедши къ Астрахани подъ защиту русскихъ (Рукоп. Бакунина, 14—16).

[1]) См. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 11. стр. 17.

при малолѣтствѣ наслѣдника улуса, обыкновенно могла завѣдывать улусомъ до его совершеннолѣтія, — бездѣтныя же вдовы вовсе не могли управлять улусами[1]).

Нойоны, имѣвшіе право на нарядъ въ улусахъ, при вступленіи въ свое званіе по обычаю должны были получить признаніе отъ другихъ родичей на родовыхъ собраніяхъ (хурулахъ или хуронахъ) и утвержденіе со стороны высшихъ родоправителей (улусные нойоны утвердались тайшами, эти — ханами)[2]). Этого мало: со времени признанія среднеазіатскими монголами тибетскаго ламаизма господствующимъ народнымъ культомъ (въ концѣ XVI вѣка), утвердилось правило, въ силу котораго тибетскій Далай-Лама, какъ верховный глава монголовъ-ламаитовъ, сообщалъ ихъ высшимъ ойратскимъ главамъ ранги хановъ и тайшей, — обычай, державшійся и у русскихъ калмыковъ еще въ первой половинѣ прошлаго вѣка[3]).

---

[1]) Рукоп. Бакунина, стр. 11: въ 1711 г. Бату, жена владѣльца Чемета, осталась бездѣтною вдовою, «а по калмыцкимъ обыкновеніямъ улусами Чеметевыми (т. е. мужа) она, *какъ бездѣтная*, владѣть не могла». См. обстоятельное изслѣдованіе вопроса о правахъ женщинъ на улусы по «калмыцкимъ дѣламъ» въ статьѣ бар. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 11, стр. 17—21.

[2]) Обычай избирательныхъ родовыхъ сходокъ извѣстенъ у монголовъ еще въ эпоху Чингизидовъ, когда собирались для избранія хановъ великіе родовые сеймы — курилтаи, изъ князей и другихъ сановниковъ (см. мое соч. Др. монг. уст. 176). Изъ словъ Бакунина о раздѣлѣ улуса Чандоржанова видно, что тѣже обычаи имѣли мѣсто у калмыковъ еще въ прошломъ вѣкѣ, когда назначеніе улуснаго главы и распредѣленіе улуса между нойонами закрѣплялось ими на общемъ собраніи присягой «въ твердомъ содержаніи» сдѣланныхъ распоряженій. Оттуда же видно, что при этомъ требовалось также утвержденіе высшей родовой власти — въ данномъ случаѣ хана (Рукопись Бакунина, 12).

[3]) См. Палласа Saml. I. 26, 59. — Выше приведена изъ Бакунина цитата, изъ которой видно, что ханъ Аюка, получилъ отъ Далай Ламы печать на ханство (см. выше, стр. 344). Тамъ же подъ 1735 г. описана церемонія принятія ханомъ Черонъ Дондукомъ «даннаго ему отъ Далай Ламы ханскаго чина». (Рукоп. Бакунина, стр. 105). См. ниже отдѣлъ о духовенствѣ—Далай Лама и политическія права духовенства.

Нойонъ, становившійся у наряда въ своемъ улусѣ или племени, по началамъ родоваго быта получалъ надъ младшими своими родичами-нойонами право «старшинства и управленія»[1]). Въ свою очередь, родовыя отношенія требовали, чтобы младшіе нойоны «отдавали послушаніе» старшему и всѣ вмѣстѣ были «въ союзѣ», или, по выраженію Зинзилинскаго уложенія, «жили между собой откровенно на подобіе братьевъ, одинъ другаго любить и воздавать приличное по достоинству почтеніе» (ст. 92)[2]). Если на дѣлѣ столкновенія между родоправителями большею частію разрѣшались правомъ сильнаго, съ оружіемъ въ рукахъ, то по крайней мѣрѣ по идеямъ родоваго ойратства столкновенія эти примирялись или властью высшихъ родоправителей[3]), или собраніемъ всѣхъ родичей-нойоновъ, какъ это установлено было обычаями монголовъ еще въ XIII вѣкѣ[4]).

Въ отношеніи къ родовымъ союзамъ, нарядъ надъ которыми сосредоточивался въ рукахъ нойоновъ-владѣльцевъ, послѣдніе по ойратскому уставу и Зинз. уложенію пользуются цѣлымъ рядомъ прерогативъ, непосредственно связанныхъ съ улусными правами нойоновъ, какъ природныхъ правителей улусовъ и племенъ.

Таково прежде всего право «начальствованія» въ войнѣ

[1]) Какъ напр. въ XVII вѣкѣ преемникъ калмыцкаго хана Хоурлука Шукуръ Дайчингъ надъ другими нойонами (Бакунина, 2).

[2]) Калмыцкій нойонъ Чакдоржанъ, распредѣляя между наслѣдниками свой улусъ, завѣщалъ «всѣмъ имъ быть въ союзѣ и кочевать вмѣстѣ и отдавать послушаніе старшему изъ нихъ» (Бакунина Рукоп. 12),—формула вполнѣ выражающая сущность ойратскихъ отношеній родоправителей.

[3]) Такъ въ прошломъ вѣкѣ споры между улусными владѣльцами нерѣдко разбирались калмыцкимъ ханомъ (Бакунина Рукоп. 14 и пр.).

[4]) «Изрѣченія» Чингиса предписываютъ: «если изъ нашего рода кто нибудь поступитъ вопреки утвержденному уставу», то послѣ вразумленія и другихъ мѣръ «пусть соберутся всѣ родственники, составятъ общее совѣщаніе и положатъ, что съ нимъ дѣлать». (См. мое соч. — Др. монг. уст. 197).

ı мирѣ. Въ силу этто права нойоны являлись военными во- кдями и потому назывались «командующими владѣльцами» Зинз. улож. 140), получая извѣстную долю въ военной до- ычѣ, хотя бы сами лично и не участвовали въ военномъ ;редпріятіи. Въ военное время особенно поднималось значеніе айшей, какъ верховныхъ военачальниковъ: въ силу военныхъ бычаевъ имъ предоставлялось располагать другими вождями- ойонами по своему усмотрѣнію, назначать ихъ и смѣщать, акъ на это ясно намекаютъ напр. законы Дербетовскаго улу- а (уст. 1640 по сп. Палл. 162)[1]). Съ другой стороны, вла- ѣльцы по калмыцкому праву имѣютъ значеніе главныхъ родо- равителей въ мирное время. Зиз. уложеніе такъ формулируетъ гношенія подчиненныхъ членовъ родовыхъ союзовъ къ ихъ ıадѣльцамъ: «надобно вѣрить предпочтительно владѣльцу, ıушать со вниманіемъ и исполнять его приказанія и учреж- енія безпрекословно. Всякій человѣкъ низкаго происхожденія бязанъ повиноваться владѣльцамъ, воздавать достоинству ихъ риличныя родовымъ преданіямъ и обыкновенію почести» (ст. 5, 115). Каждый нойонъ, стоящій у родоваго наряда, тра- гуетъ по ойратскому уставу низшихъ, какъ своихъ «чиновъ» Bediener), съ правомъ наказанія, смѣщенія и милованія, пра- ›мъ тарханства и пр. (уст. 14, 18, 29 и пр.)[2]). Далѣе, ıкъ племенные главы, нойоны являлись чуть ли не исключи- льными законодателями: въ дѣлѣ изданія законовъ или, по ›айней мѣрѣ, общихъ уставовъ участвовали съ нойонами до ›зднѣйшаго времени лишь одни духовные чины; исторія Зинз. .ож. показываетъ, что у калмыковъ въ новое время право это

---

[1]) См. Костенкова о калм. 31.

[2]) Ойратскій уставъ предоставляетъ дисциплинарныя права (даже пра- смерти) въ отношеніи къ подчиненнымъ, не только владѣльцамъ, но и ıкому, кто находится «въ службѣ» или при дѣлахъ у владѣльца (см. уст. ı. Право тарханства также было общей прерогативой главныхъ владѣль- ›ъ; въ Джучіевомъ улусѣ этимъ правомъ пользовались даже ханши, да- ›шія ярлыки, впрочемъ съ согласія хана См. Березина Очеркъ, 44.

распространялось вообще на всѣ классы «бѣлой кости» (к составленіи уложенія участвовали и зайсанги). Съ улусами и племеннымъ нарядомъ владѣльцевъ соединялось, наконецъ, право суда и расправы въ высшей инстанціи, вмѣстѣ со сборомъ судныхъ штрафовъ и пошлинъ; по Зинз. уложенію владѣльческій судъ ограниченъ лишь внутренними дѣлами улусовъ[1]).

Общій характеръ отношеній владѣльцевъ къ подчиненнымъ имъ родовымъ союзамъ опредѣлялся, вообще говоря, военно-дружиннымъ строемъ всей общественной жизни кочевниковъ, строгой лагерной дисциплиной и диктатурой родоправителей, самовластіе и произволъ которыхъ достигали почти неограниченныхъ размѣровъ, особенно въ старое время политической самобытности монголовъ. Въ ойратскомъ уставѣ мы не встрѣчаемъ никакихъ спеціальныхъ гарантій противъ самовластія владѣльцевъ. Установляя значительные штрафы за оскорбленіе и другія обиды, наносимыя владѣльцамъ, уставъ ничего не говоритъ о тѣхъ случаяхъ, когда сами владѣльцы дозволяютъ произвольныя дѣйствія въ отношеніи къ подчиненнымъ[2]). Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ статья о «нарушеніи права» (ст. 12. а); но и здѣсь отъ произвола родо-

---

[1]) Уст. 1640 по рус. списку, 10 и др.; по сп. Палл. 164, 166. Зинз. улож 34 (п. 10), 82, 97, 112 и пр. — Ср. Палласа Saml. I, 186—189.

[2]) Ст. 29-я стараго устава, запрещающая произволъ младшимъ владѣльцамъ и зайсангамъ, вовсе не касается главныхъ владѣльцевъ, которые самоственно распоряжались судьбой своихъ подвластныхъ. «Съ усиленіемъ самовластія нойоновъ, произволъ не имѣлъ границъ: въ извѣстныхъ случаяхъ они брали отъ простолюдиновъ сколько вздумается, нерѣдко лишая ихъ послѣдняго достоянія»... Вообще самовластіе и деспотизмъ хановъ не имѣли предѣловъ относительно имущества подвластыхъ и ихъ личности. «Ханы и нойоны, нерѣдко безъ всякаго суда и расправы, лишали жизни простолюдиновъ и дозволяли такіе поступки, какъ напр. внука хана Аюки Натаръ-Дорджи, который не пропускалъ почти ни одного дня, не совершивъ хоть одного убійства. Если не попадался ему человѣкъ, то онъ убивалъ попавш-

правителей (владѣльцевъ и зайсанговъ) гарантируются не столько отдѣльныя лица и родовые союзы, сколько собственно «уставъ и обычай», лежавшіе въ основѣ монгольскаго ойратства (см. выше, стр. 160, примѣч.). Гарантіи подчиненныхъ противъ произвола владѣльцевъ формулируются впервые въ законахъ Дербетовскаго улуса (см. уст. по сп. Палл. 151) и особенно усиливаются въ Зинз. уложеніи, внесшемъ въ калмыцкое право цѣлый рядъ новыхъ положеній о «честолюбивыхъ» поступкахъ, «званію владѣльца непристойныхъ»[1]).

Матеріальное содержаніе владѣльцевъ всѣхъ рангов извлекалось, не только изъ ихъ частнаго имущества, но и, главнымъ образомъ, путемъ взиманія съ народа податей и натуральныхъ сборовъ, особенно скота, собираемаго для нихъ «на пищу». Всякое злоупотребленіе въ этомъ отношеніи со стороны плательщиковъ и сборщиковъ оплачивается по калмыцкимъ законамъ большими пенями (см. уст. 1640 г. по рус. сп. 14, 37, 38; по сп. Палл. 131, 139 Зинз. улож. 29, 30, 41)[2]). Какъ привиллегированный классъ, владѣльцы пользуются по калмыцкому праву льготами отъ податей и повинностей низшихъ классовъ (напр. ямской и пр.); имъ отводятся особыя «запрещенныя» мѣста для пастьбу скота, охоты и пр. (Зинз.

еся ему подъ руку животное». (См. Костенкова о калм. 37, 40. Ср. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 8 стр. 64, 112). Въ общемъ ученіи о преступленіяхъ, какъ увидимъ ниже, калмыцкое право слѣдуетъ системѣ штрафовъ — больших для владѣльцевъ и меньшихъ для лицъ другихъ разрядовъ.

[1]) Таковы слѣдующія положенія: «еслибы всѣ столь честолюбивые владѣльцы дерзнули кого нибудь обидѣть, или побить, то къ соблюденію владѣльческой чести и происхожденія должно терпѣливо сносить и за то не мстить подобнымъ образомъ, а предоставляется обиду свою искать по суду» (ст. 24). «За каковые честолюбивые побои брать съ нихъ штрафу» въ опредѣленномъ размѣрѣ (25). «Кто изъ владѣльцовъ безъ суда сдѣлаетъ обыскъ, или нечаянную драку, или отнимать будетъ подводы, таковаго хотя бы кто и побилъ не штрафовать; ибо поступки сіи званію владѣльца непристойны, слѣд. самъ себя обвиняетъ» (27). См. также ст. 35, п. 11 и 12.

[2]) Что касается лицъ женскаго пола, принадлежавшихъ къ владѣльческому классу, то по обычаямъ они также получаютъ содержаніе отъ улу-

улож. 34, 39). Наконецъ, калмыцкое право гарантируетъ личныя и имущественныя права владѣльцевъ (особенно главныхъ) громадными штрафами, смотря по рангу каждаго, напр. въ случаѣ убійства, личныхъ обидъ и пр. (уст. 26 и др.; Зинз. улож. 20 — 23). Свобода отъ тѣлесныхъ наказаній изстари признавалась за нойонами и санксирована теперь русскими законами[1]).

Переходный рангъ отъ владѣльцевъ къ зайсангамъ составляютъ по калмыцкому праву табангоуты и заргачи, тянувшіе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ къ владѣльцамъ, а въ другихъ — къ зайсангамъ.

Табангоуты[2]), по объясненію, имѣющемуся въ русскомъ текстѣ устава 1640 г, были «зятья владѣльцевъ, которые не ханской крови», т. е. по своему происхожденію не принадлежали къ нойонамъ. О нихъ упоминаетъ также Зинзилинское уложеніе; но значеніе ихъ глоссируется здѣсь въ нѣсколько иномъ смыслѣ, именно какъ «владѣльцевъ, рожденныхъ отъ матери простаго состоянія» (ст. 23). Въ калмыцкихъ уставахъ они перечисляются въ ряду общественныхъ классовъ между владѣльцами меньшими и зайсангами. По уставу 1640 г. табангоуты, подобно владѣльцамъ, дѣлятся на чиновныхъ и малыхъ или меньшихъ (ст. 26, 27 и др.); первые перечисляются въ слѣдъ за чиновными владѣльцами, стоятъ выше меньшихъ владѣльцевъ. Въ Зинз. уложеніи нѣтъ раздѣленія табангоутовъ на чиновныхъ и меньшихъ. Есть отношенія, когда они приравниваются къ владѣльцамъ, напр. по безчестію, со-

---

совъ въ видѣ сборовъ скотомъ и пр. Но право на улусное содержаніе удерживается ими, когда они живутъ при владѣльцѣ; и за то, съ другой стороны если вдова владѣльца жила внѣ его улуса, то послѣ ея смерти имуществомъ ея пользуются тѣ, среди кого она жила. (См. Бюлера, въ От. Зап. 1846 № 11, стр. 17—21).

[1]) См. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 8, стр. 114.

[2]) См. уст. 1640, ст. 12—14, 26, 27, 29, 38, 46. Зинз. улож. 19. 2[illegible] 92, 115.

рамъ скота на пищу, платѣ за невѣсту (уст. 1640 ст. 26, 27, 38, 46), — по Зинз. уложенію также по вопросу объ ойратствѣ и «послушаніи» простолюдиновъ (ст. 92, 115). Въ другихъ случаяхъ табангоуты тянутъ къ зайсангамъ; напр. по вопросу объ оборонѣ изъ непріятельскихъ рукъ оба класса приравнены другъ къ другу (уст. 14; Зинз. улож. 19).

Въ одномъ рангѣ съ табангоутами считаются по уставу 1640 г. *Sargatschi* (Sargatschiner, заргачи), или по русскому тексту — *главные народные управители* (рус. 12, 13, 29; Палл. 10, 11)[1]. Въ уставѣ заргачи стоятъ рядомъ съ табангоутами, между меньшими владѣльцами и зайсангами. Сюда относились члены «зарго» (тоже, что наша старая княжеская дума) — совѣта, состоявшаго при племенныхъ родоправителяхъ-тайшахъ и ханахъ. Послѣдніе избирали своихъ совѣтниковъ и думцевъ[2]) изъ дальнихъ родичей и знатныхъ зайсанговъ, участвовавшихъ въ высшемъ нарядѣ и судѣ по дѣламъ цѣлаго племени[3]). Съ уничтоженіемъ ханскаго достоинства у русскихъ калмыковъ, старый зарго удержался въ значеніи улуснаго судебнаго учрежденія, которому въ нѣкоторыхъ случаяхъ сдѣлались подсудными сами владѣльцы[4]).

Рядомъ съ владѣльцами калмыцкое право ставитъ *зайсан-*

[1]) Въ Зинзил. уложенію заргачи не упоминаются въ ряду общественныхъ разрядовъ.

[2]) Изъ 12 и 13 статей устава видно, что при тайшахъ въ его время состояло по четыре заргачи. Переводъ монгольскаго термина «Sargatschi» выраженіемъ «главные народные управители» можно объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что переводчикъ устава, при составленіи своего перевода, имѣлъ въ виду калм. зарго, учрежденный въ 1761 г. при намѣстникѣ ханства на новыхъ основаніяхъ и извѣстный на оффиціальномъ языкѣ подъ именемъ главнаго народнаго Зарго» или управленія. См. Костенкова о калм. 14.

[3]) См. Палласа Saml. I, 188—189.

[4]) См. ниже объ администраціи въ родовыхъ союзахъ. Объ исторіи зарго у русскихъ калмыковъ см. Костенкова о калм. 14 и слѣд., также Бюрра цитиров. выше статью.

іовъ (зайсянъ, дзайсангъ, цзайсангъ, сайдутъ, Sajïsan)[1]), считаетъ тѣхъ и другихъ классами привиллегированными, по народнымъ воззрѣніямъ равно принадлежавшими къ «бѣлой кости». Въ ойратскомъ уставѣ упоминаются два главные разряды зайсанговъ — знатныхъ или старѣйшихъ и меньшихъ[2]). Подъ старѣйшими разумѣются зайсанги аймачные, оточные и сотенные[3]; остальные зайсанги, подъ общимъ именемъ низшихъ, не имѣя своихъ аймаковъ и отоковъ, жили при ставкѣ старшихъ зайсанговъ-родичей или, по назначенію владѣльца, управляли родовыми отдѣленіями — сорока, двадцатками и пр.[4]). Знатными назывались въ особенности зайсанги, пріобрѣвшіе своими заслугами знаменитость и получавшіе отъ своихъ нойочовъ титулъ тархановъ, освобождавшій ихъ отъ общихъ служебныхъ повинностей простыхъ зайсанговъ; изъ знатныхъ зайсанговъ тайши обыкновенно избирали своихъ думцевъ (Sargatschi)[5]. Остальные зайсанги, не пользовавшіеся льготами тархановъ, считались служилыми или ранговыми и раздѣлялись, какъ замѣчено, на старшихъ и меньшихъ (тоже, что теперь аймачные зайсанги и безаймачные или изгойные[6]). Зинзилинское уложеніе ничего не говоритъ о разрядахъ зайсанговъ и разумѣетъ

---

[1]) Въ калмыцкихъ уставахъ зайсанги извѣстны также подъ общимъ именемъ *ясашныхъ сборщиковъ*. См. уст 1640 ст. 28, 29, 47 и пр. Зинз. улож. 111 п. 7, 140, 196. Ясакъ — подать.

[2]) Уст. по рус. сп. 12, 13; по сп. Палл. 41, 132, 133.

[3]) Объ аймачныхъ зайсангахъ см. уст. Палл. 162; объ оточныхъ въ смыслѣ старѣйшихъ — уст. Палл. 132. Въ ст. 41 по сп. Пал. «Saissanen über Hundert» (сотенные) въ значеніи старшихъ противополагаются «geringere Saissanen».

[4]) Въ 47 ст. устава по рус. сп. упоминаются ясашные сборщики (т. е. зайсанги) сорока и 20-ти кибитокъ.

[5]) О знатныхъ зайсангахъ см. уст. 12, 13. Ср. Палласа Saml. I. 191, 192. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 8, стр. 114—116.

[6]) Безаймачными зайсангами называются братья и другіе родичи старшаго зайсанга — управителя аймака, которые жили при его ставкѣ и отличались отъ простолюдиновъ только почетнымъ происхожденіемъ. См. Небольсина въ Биб. CXIII, № 5, стр. 32. Костенкова о калм. 52.

подъ ними лицъ, стоявшихъ у наряда меньшихъ родовыхъ союзовъ, главнымъ образомъ родовъ и аймаковъ. По объясненію изслѣдователей, «тотъ изъ хотонныхъ старѣйшинъ, который по прямой линіи происходилъ отъ главы перваго хотона (хотона-родоначальника) получалъ названіе зайсяна или зяйсанга и управлялъ цѣлымъ аймакомъ»[1]). Многіе изъ зайсанговъ происходятъ отъ дальнихъ родичей нойоновъ, которымъ послѣдніе поручали ближайшее завѣдываніе и надзоръ за подвластными имъ калмыками, сажая ихъ у наряда отдѣльныхъ аймаковъ[2]). Когда не было на лице родичей, нойоны поручали надзоръ за кочевьями въ выморочныхъ аймакахъ особымъ довѣреннымъ лицамъ изъ простолюдиновъ, жаловали имъ грамоты на зайсангское званіе, въ особенности за личныя услуги и вѣрную службу[3]). Кромѣ того, сами аймачные калмыки могли избирать изъ среди себя достойнаго и способнаго простолюдина въ свои зайсанги въ случаѣ пресѣченія ихъ зайсангскаго рода, или когда ихъ зайсангъ лишался владѣльцемъ своего званія; избранные по обычаю утверждались владѣльцами выдачей зайсангскихъ грамотъ. Есть, наконецъ, указанія, что права на званіе зайсанговъ въ старину сообщали и тибетскіе Далай-Ламы[4]). Званіе зайсанга, пріобрѣтенное тѣмъ или другимъ способомъ, имѣло «по калмыцкимъ обыкновеніямъ» наслѣдственный характеръ, переходило отъ отца къ дѣтямъ и т. д. (какъ указываютъ на это офиціальные памятники прошлаго вѣка, — см. П. С. З. XII, № 9110). По старымъ обычаямъ,

---

[1]) См. Небольсина, въ Библ. CXIII, № 5, стр. 32.

[2]) Такими родичами нойоновъ считались въ прошломъ вѣкѣ зайсанги Туктунова и Бурулова родовъ въ Дербетовскомъ улусѣ. См. Костенкова о калм. 49. Ср. Палл. Saml. I. 191.

[3]) См. Палласа Saml. I, 191. Ср. От. Зап. 1846, № 11, стр. 34 и слѣд. Доселѣ сохраняется преданіе о пожалованіи нойономъ Тундутовымъ въ званіе зайсанговъ нѣсколькихъ человѣкъ своей прислуги, которымъ даны въ управленіе цѣлые роды, не имѣвшіе зайсанговъ или выморочные. См. Костенкова, 49.

[4]) Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 8, стр. 114, 115; № 11, стр. 33—34, 36

зайсангскій нарядъ распредѣлялся по той же удѣльной системѣ, какъ и нарядъ нойоновъ: въ старину зайсанги дѣлили (съ согласія своихъ владѣльцевъ) свои аймаки между дѣтьми мужескаго пола по обычнымъ у монголовъ наслѣдственнымъ порядкамъ[1]). И позже случалось, что отецъ—зайсангъ давалъ, кромѣ старшаго сына, наслѣдовавшаго его званіе, также части аймака меньшимъ сыновьямъ; но, какъ замѣчаютъ изслѣдователи, нойоны соглашались на это только «изъ отмѣнной милости», не въ примѣръ другимъ[2]). У калмыковъ, вообще говоря, утвердилось правило безраздѣльнаго наслѣдованія зайсангскаго званія по старшинству рожденія (отъ отца къ старшему сыну)[3]). Такой порядокъ признаетъ уже Зинз. уложеніе, хотя есть указанія, что до положенія 1834 г. владѣльцы могли отдавать аймаки болѣе достойнымъ наслѣдникамъ, не стѣсняясь ихъ старшинствомъ по рожденію[4]). Право зайсанговъ дробить аймаки между дѣтьми, какъ и право владѣльцевъ дѣлать выборъ между наслѣдниками, окончательно отнято было у зайсанговъ и владѣльцевъ положеніемъ 1834 г., узаконившимъ переходъ аймаковъ къ «старшему въ родѣ».

Въ отношеніи къ своимъ владѣльцамъ-нойонамъ зайсанги имѣли значеніе ихъ ближайшихъ дружинниковъ, изъ коихъ наиболѣе доблестныхъ и довѣренныхъ нойоны брали къ себѣ въ думцы, другихъ же сажали у наряда родовыхъ союзовъ, на которые дѣлились улусы, въ значеніи своихъ намѣстниковъ, управлявшихъ этими союзами ихъ именемъ и властью. Предоставляя данный аймакъ извѣстному лицу, нойонъ могъ по ста-

---

[1]) См. Палласа Saml. I, 191. По калмыцкому праву дѣти женскаго пола не наслѣдуютъ ни улусовъ, ни аймаковъ (См. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 11, стр. 17—20).

[2]) См. Коттенкова, 50.

[3]) См. Небольсина. Библ. CXIII, № 5, стр. 32.

[4]) См. Нефедьева о калм. 94. Статьи 26 и 37 Зинз. уложенія показываютъ, что по уложенію аймаки переходятъ къ старшему сыну, «а буде онаго нѣтъ или — малолѣтенъ, то до возраста ближнимъ родственникамъ».

рымъ обычаямъ и отнять его, съ передачей его другому, принимавшему званіе зайсанга[1]). На такое право нойоновъ даютъ указаніе законы Дербетовскаго улуса, хотя впрочемъ, по смыслу этихъ законовъ, права нойоновъ въ этомъ случаѣ были уже не безграничны: нойонъ могъ смѣстить зайсанга и передать его должность другому лишь въ извѣстныхъ случаяхъ, при безпорядкахъ въ аймакѣ въ мирное время, особенно же если въ пору войны зайсангъ не держитъ въ повиновеніи свою дружину[2]). Еще болѣе ограничено право нойоновъ смѣщать зайсанговъ въ Зинз. уложеніи. Въ немъ точно указаны случаи, когда зайсангъ подлежитъ смѣщенію, именно только за извѣстныя преступленія, слѣдоват. по суду, а не по произволу владѣльца, причемъ владѣлецъ не могъ передать его аймакъ, кому хотѣлъ (какъ было въ старину): аймакъ во всякомъ случаѣ передавался «ближайшему по немъ наслѣднику», т. е. старшему сыну отставленнаго зайсанга и т. д. [3]). Въ Зинз. уложеніи уже вполнѣ опредѣлилось сословно-наслѣдственное значеніе званія зайсанговъ.

---

[1]) См. Костенкова, 32. Палласа I, 191. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 8, стр. 115; № 11, стр. 33 и слѣд.

[2]) См. уст. по сп. Палл. 162.

[3]) См. Зинз. улож. 26, 28, 36, 37, 74 и пр. По словамъ Нефедьева, каждый владѣлецъ, въ случаѣ неудовольствія на подвластнаго зайсанга, можетъ наказать его, на что нѣтъ и претензій; но лишать званія, отъ предковъ наслѣдованнаго, или отобрать у него аймакъ безъ суда, права не имѣетъ; впрочемъ, по смерти такихъ зайсанговъ, которые оставляютъ много дѣтей, владѣльцы властны отдавать аймаки ихъ въ управленіе тѣмъ изъ наслѣдниковъ, коихъ найдутъ болѣе достойными, не стѣсняясь старшинствомъ ихъ по рожденію». (См. Свѣд. о волж. калм. 94). Вопросъ о смѣщеніи зайсанговъ владѣльцами окончательно разъясненъ судебной практикой калмыковъ, именно рѣшеніемъ суда Зарго 30 сент. 1842 г., опредѣлившимъ, что «ни аймачные, ни безъаймачные зайсанги не должны быть низводимы въ другое званіе безъ судебныхъ приговоровъ, равномѣрно и назначать вновь зайсанговъ изъ простолюдиновъ, безъ особеннаго начальственнаго дозволенія, калмыцкіе владѣльцы не могутъ». (См. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 11, стр. 34; ср. тамъ же № 8. стр. 115).

Съ другой стороны, старѣйшіе зайсанги имѣютъ въ своемъ подчиненіи низшихъ зайсанговъ своего отока или аймака, наблюдаютъ за исполненіемъ ими своихъ обязанностей; по законамъ Дербетовскаго улуса старшій зайсангъ, напр., объявляетъ низшимъ, управлявшимъ сорока и пр., приказанія нойоновъ, чтобы «никто не отговаривался невѣдѣніемъ»; вообще на старшихъ лежала отвѣтственность за всѣ дѣйствія младшихъ[1]). Зинз. уложеніе констатируетъ отношенія между зайсангами по «такому же примѣру», какъ и между владѣльцами, — слѣдуя началамъ ойратства, уложеніе требуетъ, чтобы зайсанги, какъ и другіе служители и старосты съ цѣлыми «обществами», жили «одинъ съ другимъ подобно братьямъ, союзомъ неразрывнымъ, доставляя довлеемое вспомоществованіе и почтеніе, согласуясь съ добрыми предначертаніями», подъ угрозой штрафовъ за поступки «противу сего устава» (ст. 92).

Тѣже ойратскія, служебно-родовыя начала опредѣляютъ по калмыцкому праву и отношенія зайсанговъ къ подчиненнымъ имъ родовымъ союзамъ. По изстариннымъ обычаямъ, зайсанги являются ближайшими родовыми нарядниками отоковъ и аймаковъ, составлявшихъ ихъ «родовое достояніе», какъ это доселѣ существуетъ и у калмыковъ алтайскихъ и бурятъ, управляющихся своими родовыми старшинами подъ общимъ именемъ «зайсановъ»[2]). Въ нынѣшнемъ столѣтіи, когда цѣлые улусы, по выморочности, лишились своихъ родовыхъ владѣльцевъ, зайсанги являются общимъ народнымъ учрежденіемъ калмыковъ: Зинз. улож. указываетъ на «народы» (т. е. выморочные улусы), которые не имѣютъ владѣльцовъ, но управляются зайсангами» (ст. 65). Зайсангамъ усвоялась старымъ ойратскимъ уставомъ въ существѣ таже дисциплинарно-родовая власть, какъ и нойону въ его улусѣ, даже съ правомъ жизни и смерти[3]). Статья 153-я устава прямо называетъ подчиненныхъ зайсангу

[1]) Уст по сп. Пал. 132, 135, 137, 167 и пр.

[2]) См. Самоквасова Сборн. 3, 105; Бюлера въ От. Зап. 1846, № 11 стр. 35.

[3]) Ст. уст. 29.

ростолюдиновъ его «подданными». Начало «послушанія» и повиновенія» зайсангамъ констатируется и Зинзилинскимъ уложеніемъ: «законъ обязываетъ повиноваться своему зайсангу» ст. 125 п. 5)[1]; но такое повиновеніе обязательно лишь до звѣстныхъ предѣловъ, именно пока «онъ (зайсангъ) не впацетъ въ противное владѣльцу и обществу заблужденіе: тогда е слѣдуя ему, всякій долженъ объявить о томъ обществу владѣльцу, а буде не объявитъ, штрафованъ будетъ» (ст. 125 п. 5)[2]. Вмѣстѣ съ тѣмъ уложеніе грозитъ лишеніемъ ймака и должностей «всѣмъ управляющимъ дѣлами» зайсангамъ, если они «окажутся въ неблагопристойномъ видѣ противномъ существующему праву»[3], какъ и въ томъ случаѣ, если зайсангъ «по честолюбію, дерзнетъ кого изъ другихъ обидѣть, или обезчестить, или побить» и этимъ «не оправдаетъ въ точности возложеннаго порученія по званію и далѣе можетъ превращать общественную пользу во вредъ»[4]. Въ отношеніи къ людямъ «подвластнымъ», т. е состоявшимъ въ genti adscriptio, зайсанги не пользовались тѣми правами, какими въ этомъ случаѣ располагали нойоны, — права зайсанговъ распространялись лишь на людей (собственно рабовъ), лично ими пріобрѣтенныхъ[5]. Зайсанги собирали (почему въ калм. законахъ назыв. «ясашными сборщиками») въ пользу своего нойона

---

[1]) Точно также по 116 статьѣ: «каждый простой человѣкъ предпочтительно повинуется зайсангу и старшему по немъ».

[2]) Тоже требованіе выражено въ 116 статьѣ: «буде бы кто изъ нихъ (зайсанговъ и старшихъ по нихъ) приказалъ и научилъ кого дѣйствовать противу закона, вопреки владѣльцомъ и обществомъ постановленнаго порядка, таковому распоряженію не слушаться, хотя бы и гибель ему отъ того послѣдовала, а явиться и донести о томъ владѣльцу или другимъ старѣйшинамъ или къ обществу».

[3]) Т. е. если будутъ, «пьянствовать, утопать въ развратныхъ забавахъ и роскошахъ, нерадивы по порученіямъ, завистливы, сварливы, склонны къ ябедамъ и подстреканію« и пр. (ст. 28)

[4]) См. Зинз. улож. 26. Ср. также ст. 40.

[5]) См. Костенкова, 50.

подати, сборы и другіе платежи съ аймаковъ и доставляли ихъ въ владѣльческую ставку [1]); но не видно, чтобы зайсанги участвовали въ «сборахъ скотомъ на пищу» и въ податяхъ, собиравшихся въ пользу нойоновъ, — Зинз. уложеніе, напротивъ, прямо запрещаетъ зайсангамъ «поборы, подъ видомъ податей, съ нихъ (аймачныхъ) собранныхъ скотомъ и деньгами» [2]). Зайсанги, какъ и владѣльцы, вообще пользуются издавна льготами отъ податей, ямской повинности и пр. [3]).

Права личныя зайсанговъ гарантированы калмыцкими законами въ статьяхъ о безчестіи и пр.; но законы эти (собственно Зинзил. уложеніе, распространившее тѣлесныя наказанія на большинство преступленій, съ уменьшеніемъ штрафовъ скотомъ, господствующихъ въ старомъ уставѣ) не даютъ категорическихъ указаній на освобожденіе зайсанговъ отъ тѣлесныхъ наказаній. Есть извѣстія, что въ старое время зайсанги въ этомъ случаѣ приравнивались къ простолюдинамъ, — еще въ концѣ прошлаго вѣка калмыцкій зарго (судъ) присуждалъ ихъ за преступленія къ тѣлеснымъ наказаніямъ [4]). По Зинз. уложенію во всѣхъ случаяхъ, когда за данное преступленіе опредѣляется наказаніе, смотря по общественному положенію виновнаго, зайсанги наравнѣ съ владѣльцами облагаются только штрафами, такъ какъ простолюдины, кромѣ того, подлежатъ еще и тѣлеснымъ наказаніямъ [5]).

---

[1]) См. уст. 131 и др.; Зинз. улож. 42.

[2]) Зин. улож. 42. Прежде зайсанги пользовались нѣкоторыми повинностями, прислугой и сборами съ аймачныхъ; теперь аймачный зайсангъ пользуется особымъ кибиточнымъ сборомъ, въ видѣ оброка. (См. Костенкова. 5 Бентковскаго, въ Сборн. ст. св. по Ставр. губ. I, 93). Вдовы и дочери зайсанга не имѣютъ права на полученіе содержанія изъ доходовъ аймака. (См. Бюлера, въ От. Зап 1846, № 11, стр. 21).

[3]) См. Зин. улож. 39. Ср. Костенкова, 49.

[4]) См. Костенкова, 52.

[5]) См. Зинз. улож. 28, 36, 43. 74, 133, 136, 137, 189 и пр. Есть лишь одна статья, устанавливающая «удары по щекамъ въ полномъ собраніи» (въ сходѣ народа) съ штрафомъ для *знатныхъ* людей, уличенныхъ въ подущеніи зависимыхъ людей къ незаконной просьбѣ объ освобожденіи отъ владѣль

b) *Простолюдины* составляютъ низшій классъ людей «черной кости». Въ калмыцкихъ уставахъ «люди простые» противополагаются знатнымъ и раздѣляются на людей «среднихъ» и подлыхъ», собственно «простолюдиновъ»[1]). Общественное положеніе обоихъ классовъ зависѣло отъ большей или меньшей близости ихъ къ родовому паряду и отъ характера служебно-родовыхъ отношеній простолюдиновъ къ владѣльцамъ и ихъ родовымъ союзамъ. Раздѣленіе простонародья на классы людей среднихъ и низшихъ доселѣ существуетъ у калмыковъ безъ существенныхъ измѣненій [2]).

Люди средніе или *посредственные* (Mittelmässige, Wohlhabende, Gemeine) устава 1640 г. соотвѣтствуютъ «людямъ средняго состоянія», «людямъ посредственнаго состоянія» или «людямъ въ обществѣ извѣстнымъ» по Зинз. уложенію, нынѣ называющимся вообще «почетными» простолюдинами. Средній классъ составляетъ въ простонародьи своего рода служилую аристократію, — разрядъ лицъ, образующихъ переходную ступень отъ подлыхъ къ знатнымъ. Изъ этого класса по преимуществу отдѣльныя лица переходили въ зайсанство путемъ пожалованія зайсанскихъ ярлыковъ и пр. Къ классу среднихъ людей относились: владѣльческіе служители и воины-

и пр. Но здѣсь наказаніе назначается вообще для знатныхъ, т. е. не только для зайсанговъ, но и для *койоновъ*, и затѣмъ упомянутое наказаніе имѣетъ собственно характеръ наказанія *осрамительнаго*, какъ и вожденіе голымъ при собраніи и пр. За тоже самое дѣло простолюдинъ подвергается наказанію плетьми—главной формѣ тѣлесныхъ наказаній, установленныхъ Зинз. улож.

[1]) Въ уставѣ 1640 г. есть цѣлый рядъ статей, въ которыхъ люди «средніе» и «подлые», подъ общимъ именемъ простолюдиновъ, противополагаются владѣльцамъ и зайсангамъ (см. ст. 19, 51, 54, 58 и др.). И Зинз. уложеніе противополагаетъ знатныхъ людей — по однимъ статьямъ вообще «простолюдинамъ», «людямъ простымъ», «простаго состоянія (28, 43, 74, 133), по другимъ—«людямъ средняго состоянія» («посредственнаго состоянія») или «людямъ въ обществѣ извѣстнымъ» и «людямъ простаго» или «низкаго состоянія» (36, 101 п. 12, 138, 140, 158)

[2]) См. Небольсина. въ Библ. СХШ. № 5, стр. 44 и слѣд.

стражники, затѣмъ почетные простолюдины — Darchan и Erketèn, не причислявшіеся къ податнымъ лицамъ.

Владѣльческую дворню составляли *служители придворные*, «двора его (владѣльца) служители», — «fürstliche Bedienter, welche in Diensten und Geschäften ihres Fürsten verfahren müssen» (уст. 1640 ст. 13, 28, 29 и пр.; по сп. Палл. 24 и пр.). Зинз. уложеніе называетъ этотъ классъ владѣльческими приближенными служителями, «управляющими дѣлами» и занимающими «должности» при владѣльцахъ; въ служебномъ отношеніи они стоятъ между зайсангами и старостами или управителями сорока (23, 26, 28, 29). Въ настоящее время къ «дворовымъ» относятся «кётёчинеры», «демчи» и «чигачинаръ». Первый классъ составился изъ потомковъ служителей, избиравшихся прежде изъ разныхъ родовъ къ владѣльцу и постоянно находившихся при ёргё — владѣльческой ставкѣ и кибиткахъ членовъ семьи владѣльца; изъ кётёчинеровъ избирались главный конюхъ (мерге), главный слуга (севина — въ родѣ дворецкаго) и другія лица, отправлявшія разныя личныя службы при владѣльцѣ и его семьѣ. Кётёчинеры составляютъ высшій классъ владѣльческой дворни; значеніе низшихъ слугъ имѣютъ при владѣльческой ставкѣ «демчи» и «чигачинаръ». Демчи — выборные изъ всѣхъ родовъ и ихъ отдѣленій, находившіеся постоянно при владѣльческой ёргё въ значеніи посыльныхъ; ихъ отряжали хотоны (каждый по одному) для общихъ нуждъ владѣльца и самихъ хотоновъ. Чигачинаръ — кумысники, изготовлявшіе кумысъ для владѣльческой ставки и завѣдывавшіе ея дойнымъ скотомъ [1]).

Второй классъ среднихъ людей составляли *ближайшіе владѣльцевы воины* — «уздени» (Usdèn) или тѣлохранители нойоновъ и простые дружинники — «панцырники» и «латники», жившіе при владѣльческой ставкѣ въ качествѣ ея постоянныхъ стражниковъ (уст. по рус. сп. 13; по сп. Пал. 10, 22).

---

[1]) См. Библ. CXIII, № 5, стр. 44 и слѣд.

Изъ нихъ образовался теперешній классъ почетныхъ простолюдиновъ, извѣстный у калмыковъ подъ именемъ «меpгечютъ» — стрѣлковыя сотни изъ лучшихъ ратниковъ, не смѣшивавшихся съ прочей сборной ратью и постоянно находившихся лично при владѣльцахъ [1]).

Къ среднимъ людямъ относились, наконецъ, два класса почетныхъ простолюдиновъ — *Darchan* и *Erketèn* (теперешніе «дархта» и «еркете»). Подъ тарханами — простолюдинами (тарханы были и въ классѣ зайсанговъ) разумѣлись лица, принадлежащія къ разнымъ родамъ простыхъ калмыковъ и отличившіяся особенною доблестію при военныхъ дѣйствіяхъ, — ратники, сдѣлавшіеся «извѣстными въ обществѣ», въ особенности спасеніемъ владѣльцевъ въ бою изъ рукъ непріятельскихъ. Классъ еркете составляютъ потомки кётёчинеровъ и другихъ лицъ, принадлежавшихъ къ разнымъ родамъ простыхъ калмыковъ и выслуживавшихся у тайшей какими либо особенными нератными подвигами. «Считаться въ своемъ улусѣ тарханомъ» значило быть вольнымъ, обѣленнымъ отъ родовой зависимости и тягла (genti adscriptio) людей подлыхъ; тарханы пользовались податными и служебными льготами и были изъяты отъ подчиненія и подсудности меньшимъ родовымъ нарядникамъ (зайсангамъ и пр.), съ непосредственною зависимостью отъ одного владѣльца. Такими же льготами пользовались и еркете. Обѣленіе обоихъ классовъ закрѣплялось особыми льготными ярлыками (нашими тарханными грамотами), дававшимися тайшами тарханамъ и еркетенамъ съ ихъ потомствомъ [2]).

Всѣ исчисленные классы среднихъ людей находились въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ родовому наряду и пользовались въ своихъ родахъ льготнымъ положеніемъ, отличавшимъ ихъ отъ людей подлыхъ. Изъ Зинз. уложенія видно, что не только «приближенные служители», но и вообще «извѣстные въ об-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) См. уст. 1640 г. ст. 14; сп. Пал. 10; Зин. улож. 19. Ср. Библ. д. чт. CXIII, № 5, стр. 45 и сл. Мое соч Др. монг. уст 155, 156.

ществѣ люди», т. е. всѣ классы среднихъ людей «управлш дѣлами» (см. напр. ст. 36), состояли въ личной службѣ при владѣльческой ставкѣ (какъ по преимуществу владѣльческі служители и воины) и приставлялись къ низшимъ родовымъ должностямъ въ десяткахъ и другихъ отдѣленіяхъ, управлявшихся по Зинз. уложенію не зайсангами, но почетными простолюдинами. При наступленіи войны тарханы, еркете, приближенные воины и часть служителей, отправлявшихся съ своимъ владѣльцемъ на войну, каждый разъ давали ему присягу в вѣрную службу, съ обѣтомъ защиты владѣльца и его семьи[1], чего не требовалось отъ простыхъ ратниковъ, обязанныхъ вѣрностію въ силу genti adscriptio. Почетные простолюдины, по словамъ Палласа, были свободными «вассалами», имѣвшими собственныхъ «подданныхъ», т. е. рабовъ[2]). Изъ устава 1640 года и Зинз. уложенія видно, что средніе люди пользовались бо́льшими личными гарантіями сравнительно съ простыми людьми: но въ отношеніи къ тѣлеснымъ наказаніямъ почетные простолюдины не отличались отъ подлыхъ, — разница между ними замѣчается лишь въ томъ, что почетные наказывались меньшимъ числомъ ударовъ плетьми, но за то они платили штрафы больше простыхъ людей (Зин. улож. 28, 36).

Остальная масса кочевниковъ-скотоводовъ, не принадлежащихъ къ людямъ знатнымъ и среднимъ, относится по калмыцкимъ уставамъ къ «сословію *простыхъ подвластныхъ людей* («людей простыхъ» или «подлыхъ», «низкихъ», «людей простаго» или «низкаго состоянія»)[3]). Наименованіе простолюдиновъ «подвластными»[4]) указываетъ на ихъ родовую зависимость (genti adscriptio), по различію которой упоминаются «люди владѣльческіе», т. е. приписанные къ улусамъ, имѣ-

---

[1]) См. Библ. д. чт. CXIII, № 5, стр. 45.

[2]) См. уст. 1640 сп. Пал. 10, примѣч.

[3]) См. уст. 1640 ст. 13, 19, 47, 51 и пр.; Зинз. улож. 3, 6, 12, 13, 2.. 43, 75 и пр.

[4]) О «людяхъ подвластныхъ» см. Зинз. улож. 3, 6, 18 (п. 19), .. и пр.

нимъ своихъ родовыхъ нойоновъ-владѣльцевъ [1]), — люди «казенные», приписанные къ выморочнымъ улусамъ, бывшимъ въ казенномъ управленіи [2]), — люди «аймашные» [3]) и пр. Въ тягловомъ отношеніи простолюдины называются также людьми податными, «платящими подать», «отправляющими всѣ тягости, возлежащія на людяхъ простаго состоянія», служащихъ и платящихъ подати» [4]).

Калмыцкіе уставы признаютъ за подвластными людьми гражданскую правоспособность, гарантируютъ ихъ жизнь, честь, имущество и пр. Жизнь простолюдина у старыхъ ойратовъ, какъ и у всѣхъ воинственныхъ кочевниковъ, щадилась и гарантировалась на равнѣ съ жизнію знатныхъ, — здѣсь не могло быть сословныхъ различій [5]). За то въ дѣлѣ личной чести «подлый» далеко не такъ строго гарантизуется, какъ люди другихъ разрядовъ. Въ старомъ уставѣ и Зинзилинскомъ уложеніи говорится только о «безчестіи», наносимомъ лицамъ привиллегированныхъ классовъ, — о безчестіи подлаго нѣтъ ни слова. Общимъ характеромъ отличается правило объ обидѣ въ видѣ «матерней брани», которая по видимому наказывавалась одинаково, кому бы ни наносилась, что̀ объясняется родовыми воззрѣніями [6]). Лишь обида дѣйствіемъ, наносимая подлому, штрафуется калмыцкими уставами, но значительно

---

[1]) См. Зинз. улож. 35 (п. 13), 119. Они же называются «людьми подвѣдомственными владѣльцамъ» (тамъ же, 69).

[2]) Тамъ же.

[3]) Зинз. улож. 18 (п. 18), 35 (п. 13), 40 и пр.

[4]) Тамъ же, 12, 13.

[5]) Сословныя различія замѣтны только въ статьяхъ, трактующихъ о такихъ случаяхъ, когда кто либо лишается жизни не вслѣдствіе преступленія, но другихъ случаевъ, напр. пожара, нападенія бѣшенныхъ животныхъ или вслѣдствіе паденія камней, сваленныхъ съ горъ чужимъ скотомъ и пр.; хозяинъ животныхъ платитъ вознагражденіе, смотря по состоянію убитаго, при чемъ за «подлаго» платится меньше, чѣмъ за знатнаго и средняго (уст. 1640, ст. 58, 61, 88).

[6]) Уст. 1640 по сп. Палласа 25.

меньше обиды, нанесенной знатному [1]). Такимъ же образомъ гарантируются семейныя права: знатный болѣе подлаго обезпеченъ отъ насилія, напр. увода жены, дочери и пр. Съ другой стороны, въ тѣхъ случаяхъ, когда за преступленіе опредѣляется штрафъ сообразно съ общественнымъ положеніемъ виновнаго, установляется низшая норма штрафа для подлаго и высшая для знатнаго [2]). Что касается имущественныхъ правъ, то по калмыцкимъ уставамъ простолюдины имѣютъ свой скотъ и другіе пожитки, изъ своего скота уплачиваютъ штрафы, даютъ приданое, платятъ калымъ и пр. [3]); за кражу скота и за другія имущественныя правонарушенія калмыцкое право установляетъ штрафы безъ сословныхъ различій, что объясняется указаннымъ выше значеніемъ степнаго хозяйства у кочевниковъ-калмыковъ.

Но всѣ указанныя гарантіи имѣютъ въ виду лишь огражденіе простолюдиновъ отъ обидъ и насилій со стороны другихъ лицъ, но не ихъ владѣльцевъ. Въ отношеніи къ послѣднимъ почти совершенно стирались всѣ личныя и родовыя права простолюдиновъ, и именно потому, что они считались «людьми подвластными», бывшими въ наслѣдственной genti adscriptio [4]). Возникнувъ, какъ уже замѣчено нами, изъ служебно-родовыхъ условій быта степныхъ кочевниковъ, родовая зависимость удерживалась у калмыковъ до послѣдняго времени со всѣми ея

---

[1]) Уст. 1540. ст. 99, 100, 141; Зинз. улож. 209, 211.

[2]) Уст. 13, 19, 47, 51 и пр. Обратное отношеніе замѣчается въ дѣлѣ таксированія тѣлесныхъ наказаній: главнымъ наказаніемъ подлыхъ считается по Зинз. уложенію наказаніе тѣлесное — имущественные штрафы имѣютъ второстепенный характеръ. Какъ уже замѣчено, люди средніе подвергаются меньшему тѣлесному наказанію и большему штрафу, а знатные вовсе изъяты отъ перваго и облагаются имущественными штрафами и другими видами наказаній (осрамительныхъ и пр.).

[3]) Уст. 13, 19, 47 и пр.

[4]) О родовой зависимости калмыковъ см. выше, стр. 199—207, 213, 222—224, 227.

послѣдствіями, и прежде всего почти полной безправностью подвластныхъ людей, находившихся въ «подвластности» нойоновъ, «владѣвшихъ подвластными въ собственности»[1]). Въ прошломъ столѣтіи русскіе законы, признавъ крѣпостную зависимость калмыковъ, лишь санксировали то, что уже давнымъ-давно существовало въ калмыцкомъ правѣ. Признаніе русскимъ законодательствомъ родовой зависимости калмыковъ — простолюдиновъ и «владѣльческихъ» правъ нойоновъ начинается съ манифеста 16 ноября 1737 г.[2]); въ указѣ 1744 г. уже прямо говорится, что калмыки, долженствующіе по указу 1737 г. быть у владѣльцевъ «неотъемлемыми», стали «быть уже равно яко ихъ крѣпостные»[3]). Послѣдняя цитата впрочемъ указываетъ на то, что законодатель понималъ дѣйствительное положеніе вопроса о крѣпостной зависимости калмыковъ (въ смыслѣ genti, а не glebae adscriptio) по ихъ обычному праву, и потому лишь уподобляетъ калмыковъ крѣпостнымъ, но не говоритъ, что это прямо крѣпостные: калмыки приписывались не къ землѣ (подобно крѣпостнымъ крестьянамъ) и не къ лицу владѣльца, но къ родамъ, и были въ неограниченномъ «управленіи» ихъ родоправителей[4]). Родовая зависимость калмыковъ въ старыхъ формахъ, вполнѣ признанная Зинз. уложеніемъ, существовала до 30-годовъ нынѣшняго столѣтія, когда уничтожено было право владѣльцевъ отчуждать людей подвластныхъ, установлены нормальные сборы въ пользу первыхъ и вообще старый произволъ владѣльцевъ поставленъ въ извѣстные предѣлы, съ сохране-

---

[1]) Зинз. улож. гл. I. п. 2.

[2]) См. мое соч. — Др. монг. уст. 256, примѣч. I. Манифестомъ 1737 г. о переписи крестьянъ было повелѣно оставлять калмыковъ у тѣхъ лицъ, отъ кого были объявлены, «*неотъемлемыми*» (П. С. З. т. X, № 7438).

[3]) П. С. З. т. XII, № 8941.

[4]) Впрочемъ, наше законодательство не усвоило вполнѣ различія между зависимостью калмыковъ и осѣдлыхъ крестьянъ, и потому напр. положеніе о калмыкахъ 1825 г. (§ 28) называетъ людей подвластныхъ «собственными людьми» владѣльцевъ — «господъ собственныхъ калмыковъ».

ніемъ за ними однако всѣхъ «принадлежащихъ имъ по пр-исхожденію правъ и управленія подвластными калмыками» [1].

По калмыцкимъ уставамъ нельзя указать ни на одно пра[во] подвластныхъ калмыковъ, которое бы совершенно не стиралос[ь] дисциплинарно-родовой властью владѣльцевъ. Если владѣльц[ы] меньшіе и зайсанги, какъ видно изъ 29 статьи стараго уста[ва], могли, «за государево дѣло во исполненіе права», распор[я]жаться личностью подчиненныхъ до jus vitae et necis, то тѣ[мъ] болѣе такое право могло въ широкихъ размѣрахъ практик[о]ваться главными владѣльцами надъ ихъ подвластными, — за-прещеніе произвольныхъ дѣйствій, формулированное этой статьей, вовсе не касается старшихъ нойновъ, вполнѣ располагавших[ъ] судьбой подвластныхъ. Изъ калмыцкихъ дѣлъ видно, что в[ъ] прошломъ вѣкѣ еще вполнѣ сохранялся между калмыцкими владѣльцами стародавній обычай, «не только родовыхъ калм[ы]ковъ своихъ, но и зайсанговъ, за ихъ продерзости, такъ [и] по причинѣ злобы, тайнымъ образомъ предавать смерти» [2]. Неограниченная, дисциплинарно-родовая власть владѣльцев[ъ], какъ уже замѣчено, вполнѣ констатируется Зинзилинскимъ ул[о]женіемъ, требовавшимъ отъ подвластныхъ «безпрекословнаго» послушанія всѣмъ распоряженіямъ владѣльцевъ, безъ ограни-ченій, какимъ подчинялись зайсанги въ отношеніи къ своимъ айначнымъ [3]). Владѣльцы вполнѣ располагали личностью св[о]ихъ подвластныхъ, могли переводить ихъ къ себѣ въ дворовы[е], брать въ служители, давать въ услуженіе другимъ, отдават[ь] въ приданое, дѣлить между наслѣдниками и даже продават[ь], въ особенности байгучей, несостоятельныхъ должниковъ и пл[ѣн]-

---

[1]) Продажа калмыковъ окончательно запрещена въ 1825 (п. С. З. № 30528). Положеніемъ 1834 г. устранены и другія злоупотребленія владѣльцевъ, въ особенности по сбору податей и пр. См. также положеніе 1847 г. (§ 32), доселѣ дѣйствующее у калмыковъ безъ всякихъ измѣненій.

[2]) П. С. З. т. XII, № 9110.

[3]) Зинз. ул. 65, 115; ср. 116 и 125 п. 5.

:ельщиковъ податей и пр. [1]). Всѣ это вполнѣ подтверждается :тарыми калмыцкими дѣлами, въ которыхъ сохранилось множество указаній на отношенія владѣльцевъ къ ихъ подвластнымъ калмыкамъ; послѣднихъ они «продавали, дарили и отдавали за свои долги цѣлыми семействами разнымъ лицамъ другихъ сословій и званій» [2]). Съ изданіемъ указа 1737 года, признавшаго крѣпостную зависимость подвластныхъ, всѣмъ дозволялось покупать калмыковъ «неотъемлемо», — торговля калмыками производилась открыто на рынкахъ; люди продавались иногда за ничтожную цѣну. Калмыцкіе нойоны и зайсанги воровали и отбивали другъ у друга цѣлыя семьи для продажи; не смотря на строгіе штрафы, установленные (въ 1749 г.) за кражу калмыковъ, послѣдняя не прекращалась до тѣхъ поръ, пока вовсе не отмѣнено было право владѣльцевъ продавать подвластныхъ калмыковъ [3]). Право это не разъ подтверждалось въ прошломъ столѣтіи (напр. въ 1785 г.) и начало ограничиваться лишь въ начальныхъ годахъ текущаго столѣтія (установленіемъ въ 1808 г. срока обязательнаго служенія калмыковъ у лицъ, пріобрѣвшихъ ихъ мѣной или покупкой, и ограниченіемъ въ 1819 г. правъ владѣльцевъ на купленныхъ калмыковъ 25-ти лѣтнимъ возрастомъ), пока на-

---

[1]) Уст. 1640 ст. 47, 70, 71, 146. Ср. Палласа Saml. I, 116.

[2]) См. Костенкова о калм. 41. У киргизовъ обычное право считаетъ вообще рабами калмыковъ, бывшихъ у нихъ въ крѣпостной зависимости. «Надъ состоящими у киргизовъ въ работѣ калмыками хозяева ихъ имѣютъ неограниченное право, могутъ наказывать ихъ по винѣ и даже безъ вины; въ послѣднемъ случаѣ, еслибы слуга и вздумалъ на хозяина своего пожаловаться, просьба нигдѣ не пріемлется; изъ сего исключаются, однако, отпущенные на волю, которые пользуются уже наравнѣ съ прочими общественнымъ правомъ». Калмыки наравнѣ съ скотомъ входятъ въ составъ штрафовъ, платившихся за убійство людей и скота и пр. См. Самоквасова Сборн. 249 258, 260.

[3]) Костенкова о калм. 41 и слѣд. — Всѣ, кто хотѣлъ, закрѣпощали и продавали калмыковъ, даже рыбопромышленники своихъ рабочихъ за недоловъ рыбы и другіе долги. См. тамъ же, 43.

конецъ въ 1825 г. вовсе не была воспрещена продажа калмыковъ [1]).

Точно также имущество людей подвластныхъ, обязанныхъ наслѣдственной и безсмѣнной повинностію доставлять содержаніе для своихъ владѣльцевъ, было, можно сказать, въ неограниченномъ пользованіи калмыцкихъ родоправителей. Они сами, по своему усмотрѣнію, облагали своихъ податныхъ тяглецовъ (албату) податными и другими сборами для себя, своей семьи и на общія улусныя нужды (оцѣнка ихъ дѣлалась владѣльцами же), не стѣсняясь при этомъ ни количествомъ сборовъ, ни способомъ ихъ взиманія. Есть указанія, что владѣльцы иногда просто отбирали скотъ и пожитки своихъ подвластныхъ [2]). Право владѣльцевъ взимать неограниченные поборы ясно констатируется Зинз. уложеніемъ, дозволяющимъ владѣльцамъ, не только старшимъ, но и меньшимъ, брать съ своихъ подвластныхъ «нужное» (подати, сборы скота, подводы и пр.) «по собственной волѣ» (ст. 82) [3]). Въ этомъ отношеніи можно сказать, что какъ въ отдѣльномъ хотонѣ всѣмъ неограниченно распоряжался отецъ или хотонный старшина, такъ и въ цѣломъ улусѣ безконтрольнымъ хозяиномъ былъ его родовой владѣлецъ-нойонъ. Первыя попытки ограничить хозяйственный произволъ калмыцкихъ владѣльцевъ появляются со стороны русскаго правительства не раньше второй половины прошлаго вѣка въ видѣ установленія нормальнаго сбора «албана» (подати); но предпринимавшіяся съ этой цѣлью мѣры

---

[1]) П. С. З. № 30528. И по положеніямъ объ управленіи калмыковъ 1834 и 1847 г. владѣльцамъ воспрещено продавать, закладывать и дарить кому бы то ни было подвластныхъ имъ калмыковъ. См. Костенкова, 41—47.

[2]) П. С. З. т. XII, № 9110. Зайсанги, имѣвшіе неограниченный надзоръ за аймаками, содѣйствовали владѣльцамъ въ угнетеніи подвластныхъ и облагали ихъ непомѣрными поборами, причемъ и себя не забывали. См. Страхова Состояніе калм. народа, 27.

[3]) Жаловаться на произвольные поборы подвластные могли только на зайсанговъ. Зинз. улож. 42.

касались лишь нѣкоторыхъ владѣльцевъ и улусовъ, не имѣли значенія общихъ и обязательныхъ для всѣхъ законовъ. Владѣльцы продолжали собирать съ подвластныхъ поборы, когда и сколько заблагоразсудилось. Въ случаяхъ жалобъ на обременительные налоги, правительство (какъ это было въ 1801 г.) ограничивалось иногда простыми предписаніями мѣстной администраціи «присматривать стороною, чтобы нойоны не разоряли слишкомъ своихъ подвластныхъ». Установленіе общаго покибиточнаго сбора въ пользу владѣльцевъ и зайсанговъ въ строго-опредѣленномъ количествѣ появилось впервые не раньше изданія положенія о калмыкахъ 1834 г. (§ § 218 — 220); правила, развитыя этимъ положеніемъ, доселѣ служатъ руководящими началами въ дѣлѣ тягловыхъ отношеній калмыковъ, подвластныхъ своимъ родоправителямъ[1]).

Родовая зависимость подвластныхъ калмыковъ имѣла строгій наслѣдственный характеръ. Каждый простолюдинъ, въ силу своей подвластности, долженъ былъ, какъ уже замѣчено (см. стр. 223), всю жизнь свою стоять на стражѣ у своего роднаго куреня и цѣлыхъ союзовъ, безсмѣнно нести повинности ратника и тяглаго плательщика податей и сборовъ на потребу племенныхъ вождей и пр. Подвластный калмыкъ, старавшійся путемъ перекочевки сдѣлаться независимымъ отъ своего владѣльца-нойона и освободиться отъ лежавшихъ на немъ повинностей, считался «перебѣжчикомъ» (Saḃssar), который по калмыцкому праву безусловно подлежалъ возвращенію въ его родовой союзъ. Калмыцкіе законы наказываютъ не только перекочевки людей зависимыхъ, но и «незаконныя просьбы, имянно безъ всякихъ заслугъ и отличій, освободиться отъ владѣльца, выбыть изъ аймака своего зайсанга» (Зинз. уложеніе 101 п. 12)[2]). Освобожденіе отъ родовой «подвластности»

---

[1]) См. Костенкова о калм., 38, 46.

[2]) Такимъ же образомъ смотрятъ на дѣло и русскіе законы. Въ 1741 г. велѣно было — «калмыковъ, которые приходятъ и просятся на волю

могло быть лишь послѣдствіемъ «заслугъ и отличій» въ ратное и мирное время и притомъ вполнѣ зависѣло отъ владѣльцевъ, обѣлявшихъ своихъ выслужившихся подвластныхъ отъ родовой зависимости отпускомъ ихъ на «волю», посредствомъ выдачи имъ льготныхъ и отпускныхъ ярлыковъ — тарханныхъ грамотъ. Этотъ-то классъ людей вольныхъ, или правильнѣе — «вольноотпущенныхъ», вышедшихъ изъ родовой зависимости и составляли тарханы и эркете, освобождавшіеся отъ служебныхъ и тягловыхъ сервитутовъ людей подвластныхъ и переходившіе въ классъ почетныхъ простолюдиновъ, а затѣмъ нерѣдко, за новыя заслуги, причислявшіеся къ зайсангамъ.

Разсмотрѣнными общественными разрядами замыкались военно-родовые союзы монголовъ въ эпоху изданія ойратскаго устава. Развитая въ немъ, служебно-родовая организація общественныхъ разрядовъ удержалась неприкосновенной и въ быту русскихъ калмыковъ, какъ это вполнѣ констатируется Зинзилинскимъ уложеніемъ. Лишь послѣ него появились «на русской почвѣ» нѣкоторыя измѣненія въ сословныхъ отношеніяхъ калмыковъ; тѣмъ не менѣе ихъ сословія въ существенныхъ чертахъ доселѣ сохраняютъ старую служебно-родовую организацію. Организація эта, какъ мы видѣли, развилась у всѣхъ монгольскихъ племенъ, какъ результатъ дружинно-родоваго быта, къ условіямъ котораго приспособлялась вся общественная и правовая жизнь степныхъ кочевниковъ. Развившись такимъ образомъ у монголовъ съ незапамятныхъ временъ, родовыя сословія получили затѣмъ почти совершенно неподвижный характеръ, существуютъ доселѣ у калмыковъ и другихъ

безъ всякаго письменнаго вида отъ помѣщиковъ, такихъ за такое своевольство наказывать батогами и отдавать тѣмъ помѣщикамъ и прочимъ». Точно также въ 1821 г. предписывалось главному Приставу имѣть наблюденіе и не допускать, чтобы калмыки откочевывали отъ своихъ нойоновъ подъ предлогомъ неудовольствій, такъ какъ они, принося жалобы, стараются быть независимыми отъ нойоновъ и освободиться отъ возложенныхъ на нихъ повинностей. См. Костенкова 41, 44.

среднеазіатскихъ кочевниковъ монгольскаго корня.—Но рядомъ съ дружинно-родовыми классами людей знатныхъ и простыхъ (бѣлой и черной кости), калмыцкое право трактуетъ еще о двухъ другихъ общественныхъ разрядахъ, стоявшихъ внѣ родовой организаціи предыдущихъ сословій и никогда съ ними не смѣшивавшихся, — о рабахъ, большею частію изъ безправныхъ чужеродцевъ—ясырей (плѣнныхъ), и духовенствѣ, составлявшемъ по своей политической организаціи и исключительности своего рода status in statu въ составѣ родовыхъ союзовъ монголовъ. Мы сперва разсмотримъ основныя положенія калмыцкихъ уставовъ, формулировавшихъ юридическое положеніе рабовъ.

c) *Рабство* составляетъ непремѣнный институтъ военно-родоваго, хищническаго быта всѣхъ кочевыхъ народовъ. Рабы (ясырь, Jassir) составляли у старыхъ монголовъ одинъ изъ главныхъ предметовъ военной добычи; продажа ихъ была доходной статьей для воинственныхъ кочевниковъ. Калмыцкіе уставы говорятъ о рабствѣ, какъ о старомъ институтѣ, и даютъ нѣсколько указаній на источники рабства и на юридическое положеніе рабовъ[1]).

Прежде всего замѣтимъ, что ни древніе монгольскіе законы, ни уставы современныхъ калмыковъ, вовсе не знаютъ института «закупничества», возникавшаго у осѣдлыхъ народовъ изъ долговыхъ отношеній, какъ одинъ изъ способовъ обезпеченія правъ кредитора и погашенія долга (ради чего должникъ могъ, до отработки или уплаты долга, отдавать себя въ распоряженіе кредитора). У кочевниковъ, особенно съ организованнымъ, военно-родовымъ бытомъ и съ установленіемъ дружинно-родовыхъ классовъ, несшихъ наслѣдственные сервитуты

---

[1]) Уставъ 1640 г. и Зинз. уложеніе говорятъ о рабахъ и рабыняхъ, дѣвкахъ, человѣкѣ. Кромѣ того, Зинз. уложеніе разъ упоминаетъ о «крестьянахъ, желающихъ избѣгнуть власти господина», и противополагаетъ здѣсь крестьянъ калмыкамъ, «подвластнымъ» владѣльцамъ-нойонамъ, подобно тому, какъ въ старомъ уставѣ подвластные противополагаются рабамъ.

въ отношеніи къ родамъ и ихъ вождямъ, закупничество, какъ и вообще добровольное вступленіе въ рабство, не могло имѣть мѣста по многимъ причинамъ, вытекавшимъ изъ самаго склада дружинно-родоваго быта кочевниковъ. Закупничество не могло имѣть мѣста, во 1-хъ, по неразвитости въ родовыхъ союзахъ имущественнаго и хозяйственнаго оборота отдѣльной личности. Въ родахъ имущество принадлежитъ всему союзу и всѣ хозяйственные обороты производятся на счетовъ родовъ же, а не отдѣльныхъ лицъ; при такомъ же порядкѣ, если и могли быть долговыя отношенія, то не столько между лицами, сколько цѣлыми союзами. Собственно только родоправители являлись субъектами имущественнаго оборота; ихъ же обязательства могли обезпечиваться всѣмъ хозяйственнымъ фондомъ подчиненныхъ имъ родовъ[1]). Во 2-хъ, развитію закупничества мѣшали дружинно-тягловые интересы родовыхъ союзовъ. Ихъ члены, подвластные родоправителямъ-владѣльцамъ, въ силу родовой зависимости, не могли сами собой отдаваться въ личное рабство, хотя бы даже временное,—никто не могъ продавать себя въ рабы, ни временно (за долги), ни въ «обель»—вѣчное рабство, какъ это вполнѣ допускаетъ Русская Правда. Если есть извѣстія, что въ прошломъ вѣкѣ калмыцкіе байгучи (бѣдняки, лишавшіеся скота) ради пропитанія отдавались въ рабы[2]), то это было результатомъ мѣстныхъ хозяйственныхъ условій, въ которыхъ очутились калмыки въ русскихъ степяхъ, и рабство байгучей не развилось у монгольскихъ племенъ въ обычно-правовой институтъ, который бы формулировался въ обще-племенныхъ уставахъ.

---

[1]) Въ прошломъ вѣкѣ калмыцкіе нойоны, въ случаѣ долговъ, обыкновенно отдавали въ залогъ кредиторамъ своихъ подвластныхъ или же облагали ихъ непомѣрными налогами. См. Страхова Состояніе калмыцкаго народа, 25, 28. Костенкова о калм., 41.

[2]) См. выше, стр. 203.

Главнымъ источникомъ рабства у монголовъ было военное хищничество, добыча плѣнныхъ, обращавшихся въ рабы. Ойратскій уставъ 1640 г. упоминаетъ объ «erbeuteten Sclaven» и ихъ Eigenthümmer[1]; приплодъ отъ такихъ «ясырей» (невольниковъ) считался по рожденію также въ рабскомъ состояніи. Другимъ источникомъ рабства было преступленіе, — рабство было у монголовъ удѣломъ чужеродца-врага и изгоя, врага изъ своихъ же однородцевъ, лишавшагося вслѣдствіе преступленія родовой защиты и трактовавшагося въ такой же мѣрѣ безправнымъ, какъ и врагъ-чужеродецъ, взятый на войнѣ въ качествѣ военной добычи. Хищничество и внѣсоюзная безправность — главная почва, на которой развилось и постоянно держалось рабство у всѣхъ монгольскихъ племенъ[2].

Въ ойратскомъ уставѣ есть, далѣе, указанія на то, что рабовъ могли имѣть въ своемъ личномъ обладаніи, кромѣ владѣльцевъ и зайсанговъ, также люди средніе — владѣльческіе служители и приближенные воины, также эркете и вообще по-

---

[1]) См. уст. 143.

[2]) Въ ойратскомъ уставѣ упоминается нѣсколько случаевъ обращенія преступниковъ въ полное или временное (до уплаты или отработки штрафа) рабство. Такъ, по 13 статьѣ (по сп. Палл.) кто увидитъ непріятельскую орду и не дастъ о томъ знать, подлежитъ разоренію и отдачѣ съ «своими» въ рабство. Въ рабство обращается, далѣе, жена за убійство своего мужа или другой его жены (уст. по сп. Палл. 37), также явный воръ, три раза обвиненный въ воровствѣ (такъ же, 136); воръ несостоятельный, обвиненный въ кражѣ чужаго скота, выдается «головою» въ временное рабство хозяину послѣдняго до уплаты штрафа или до его отработки (тамъ же 101). По законамъ Дербетевскаго улуса, рабству подлежатъ всѣ явные воры: ихъ можно продать въ Крымъ, на Кубань или въ другое мѣсто; таже судьба постигаетъ простаго вора, если онъ не въ состояніи удовлетворить потерпѣвшаго, — воръ выдается ему въ рабы, съ правомъ продажи другому; кромѣ того, въ рабство обращается воръ, который при его поимкѣ кого нибудь ранитъ (уст. по сп. Палл. 153, 160). По Зинз. уложенію въ рабство выдается также несостоятельный воръ: онъ самъ выдается головою хозяину украденнаго «въ заработку вдвое» и, кромѣ того, выдаются «по цѣнѣ» его жена и дѣти. (См. Зинз. улож. 111 п. 7; 196).

четные простолюдины. Кромѣ того, были родовые рабы, находившіеся во владѣніи «подвластныхъ» простолюдиновъ и принадлежавшіе не лично каждому изъ нихъ, но приписанные къ цѣлымъ родовымъ союзамъ, преимущественно хотонамъ [1]).

У старыхъ монголовъ невольничество имѣло наслѣдственный характеръ и соединилось съ полной принадлежностію раба своему господину [2]). Ойратскій уставъ 1640 г., впрочемъ, не вполнѣ отрицаетъ правоспособность раба, въ особенности запрещаетъ его убійство, и при томъ запрещеніе это касается не только постороннихъ, но и самаго господина: за убійство своего раба положенъ штрафъ въ 45 скотинъ, а рабыни въ 27 скот. (убійство лицъ другихъ сословій оплачивается «великимъ штрафомъ»—въ тысячу овецъ) [3]). Установленіе пени за убійство раба объясняется не столько родовыми воззрѣніями, приравнивавшими рабовъ къ челяди (у киргизовъ, доселѣ живущихъ въ родовомъ быту, тѣмъ не менѣе еще древнее уло-

---

[1]) Право родоправителей и почетныхъ простолюдиновъ владѣть рабами подтверждается 13 ст. стараго устава о произвольномъ уходѣ изъ боя: въ составъ штрафа вводится опредѣленное число кибитокъ «людей» (по сп. Пал.—Sclaven), при чемъ количество кибитокъ опредѣляется соразмѣрно съ общественнымъ состояніемъ виновныхъ, начиная съ владѣльцевъ и оканчивая эркете; рабы не взыскиваются только съ воиновъ-простолюдиновъ, вѣроятно потому, что они лично не владѣли ими. Но ничто не мѣшало цѣлымъ хотонамъ имѣть въ своемъ распоряженіи родовыхъ рабовъ, получавшихся ими при раздѣлѣ военной добычи и принадлежавшихъ не лично тому или другому ратнику, но всему его хотону. Точно также, несостоятельный воръ могъ быть выдаваемъ въ рабы тому хотону, скотъ котораго былъ имъ похищенъ. Словомъ, по ойратскому уставу рабы могли лично принадлежать владѣльцамъ, зайсангамъ и почетнымъ простолюдинамъ, — подвластные же простолюдины владѣли родовой челядью, приписанной къ цѣлымъ хотонамъ. На это прямо указываетъ 112 ст. устава (по сп. Палл.): въ ней говорится о «подвластныхъ людяхъ»—перебѣжчикахъ, наказываемыхъ лишеніемъ половины всего ихъ имущества—«bis auf die Knechte und das Leben» (рабовъ и животовъ или пожитковъ).

[2]) См. Березина Очеркъ, 50.

[3]) Уст. 42; ср. 8.

женіе признавало за господиномъ «право жизни и смерти» надъ рабами)[1], сколько вліяніемъ религіозныхъ воззрѣній монголовъ-ламаитовъ, основанныхъ на буддійскомъ ученіи о пощадѣ жизни и состраданіи ко всему живому и потому, какъ уже замѣчено выше, запрещавшихъ убійство не только людей, но и животныхъ[2]). Съ другой стороны, убійство чужаго раба ойратскій уставъ разсматриваетъ съ точки интересовъ владѣльца, терявшаго въ убитомъ рабочую силу и потому получавшаго извѣстное вознагражденіе[3]). И далѣе: за спасеніе раба (напр. во время пожара или изъ воды) платитъ не самъ рабъ, но господинъ, какъ и за спасеніе его скота и другихъ вещей[4]). Такимъ же образомъ оплачивается изнасилованіе рабыни: виновный платитъ вознагражденіе не изнасилованной или ея роднымъ, но въ пользу ея господина, какъ и за порчу всякой чужой вещи[5]). На томъ же основаніи господинъ получалъ вознагражденіе за принадлежавшую ему дѣвицу, если она выходила замужъ безъ его согласія, или кто либо уводилъ рабу и женился на ней безъ господскаго дозволенія[6]); владѣлецъ, женившій на своей «служащей дѣвкѣ - рабынѣ» кого либо принятаго имъ въ свою семью, имѣлъ право удержать за собой рабу, если затѣмъ ея мужъ отходилъ въ семью природнаго своего отца[7]).

Такимъ образомъ, кромѣ убійства раба, запрещавшагося ойратскимъ уставомъ подъ вліяніемъ буддійскихъ воззрѣній,

---

[1]) См. мое соч. — Др. монг. уст. 246.

[2]) Выше сказано, что за убійство рабыни платится 27 скот.; между тѣмъ, по другой статьѣ (37 по сп. Палл.) платится только 3 скот. Но изъ контекста этой статьи видно, что здѣсь рѣчь идетъ собственно о рабѣ наложницѣ, убиваемой господиномъ при ея удаленіи; въ томъ же случаѣ за жену платится 45 скотинъ.

[3]) См. уст. 70 и 71.

[4]) Тамъ же, 84.

[5]) Тамъ же, 92.

[6]) Тамъ же, 146.

[7]) Тамъ же, 146; Зинз. улож. 156.

личность раба трактуется калмыцкимъ правомъ исключитель съ точки интересовъ владѣльца, считавшагося полнымъ собственникомъ раба. Отсюда понятно, что рабъ, какъ лице безправное, не имѣлъ никакого общественнаго значенія и, напримѣръ, на судѣ не допускался къ свидѣтельскимъ показаніямъ[1] и пр. Вообще говоря, господскія права на рабовъ имѣютъ характеръ неограниченной собственности, — произволъ господина ограничивался лишь запрещеніемъ убивать рабовъ. Лишь въ законахъ Галдана находимъ правило, имѣвшее въ виду сколько-нибудь ограничить произволъ владѣльцевъ: «кто доселѣ имѣлъ рабовъ, долженъ ими владѣть, но не долженъ оказывать имъ никакой несправедливости»[2]). Въ уставѣ 1640 г. нѣтъ указаній на ограниченіе права владѣльцевъ продавать рабовъ и вообще вести людскую торговлю. Ограниченіе послѣдней установлено законами Галдана, запрещавшаго впрочемъ собственно продажу иностранцевъ (Fremdlinge) и вообще тайную торговлю людьми (рабы въ такомъ случаѣ дѣлаются свободными)[3]). Въ позднѣйшихъ законахъ калмыковъ нѣтъ никакихъ ограниченій касательно продажи рабовъ; напротивъ, законы Дербетевскаго улуса даже прямо установляютъ — всѣхъ, кто отданъ въ рабство по преступленіямъ (явныхъ воровъ и пр.), продавать въ Крымъ на Кубань и пр., лишь съ тѣмъ, чтобы о продажѣ ихъ предварительно было заявлено въ опредѣленное мѣсто[4]). — Далѣе

---

[1]) Старый уставъ въ русскомъ переводѣ говоритъ о недопущеніи свидѣтельства только рабыни; у Палласа же запрещеніе распространено вообще на рабовъ. Ихъ показанія принимаются во вниманіе лишь при полной достовѣрности, когда они подкрѣпляются другими доказательствами (см. уст. [illegible] ст. 127). Въ Зинз. уложеніи просто сказано: «раба и рабу свидѣтелями не принимать» (ст. 108).

[2]) Уст. по сп. Палл. 143.

[3]) При этомъ дѣлается такая оговорка: «если владѣлецъ не можетъ терпѣть у себя плѣннаго раба, то пусть лучше выгонитъ его голымъ, чѣмъ продавать. См. уст. по сп. Палл. 143.

[4]) Уст. по сп. Палл. 153.

абы подобно всякой вещи могутъ быть предметомъ воровства [1]) удебныхъ исковъ, штрафовъ и судебныхъ пошлинъ [2]). Господинъ могъ отпустить раба на волю,—могъ даже выгнать его отъ ебя голымъ (ganz nackend von sich jagen) [3]); но сами «люди», езъ согласія владѣльца, не въ правѣ были уходить изъ его ласти. Бѣглыхъ людей владѣлецъ имѣлъ право искать вездѣ брать къ себѣ обратно [4]); Зинзилинское уложеніе строго аказываетъ «крестьянъ» (какъ и простолюдиновъ, подвластныхъ ойонамъ) даже за одни «незаконныя» просьбы, безъ всякихъ аслугъ и отличій, «избѣгнуть власти господина» [5]).

d) *Ламайская духовная община*, какъ ясно видно изъ калмыцкихъ уставовъ, всегда стояла внѣ дружинно-родовой организаціи монгольскихъ сословій «бѣлой и черной кости» и представляла почти до начала нынѣшняго столѣтія въ составѣ

---

[1]) По Зинз уложенію, «кто сманитъ или украдетъ человѣка», тотъ предается суду и наказывается, какъ за убійство (ст. 80).

[2]) По 12-й ст. стараго устава, «изъ десяти человѣкъ, заплаченныхъ въ чей либо искъ, изъ суда посыланный (судебн. посланецъ) за тѣмъ дѣломъ за трудъ свой имѣетъ взять одного человѣка». Въ системѣ штрафовъ по преступленіямъ, наравнѣ съ скотомъ и оружіемъ, входятъ и рабы, нерѣдко въ значительномъ числѣ кибитокъ. (См. уст. 13, 41 и пр.). Какъ уже замѣчено, штрафъ «калмыками» существуетъ также въ обычномъ правѣ киргизовъ.

[3]) Уст. по сп. Палл. 143.

[4]) Старый уставъ предписываетъ всякому, къ кому уйдутъ бѣглые, возвращать ихъ хозяину; въ вознагражденіе за это дозволяется удерживать половину имущества, съ какимъ пришли бѣглые (уст. ст. 7) Кто приметъ чьихъ бѣглыхъ людей и будетъ «подъ претекстомъ» своихъ защищать, тотъ платитъ «главному владѣтелю» (тайшѣ или хану) опредѣленный штрафъ 100 панцырей, 100 верблюдовъ и тысячу лошадей) и «пожилое» за держаніе бѣглыхъ ихъ господину «вполы противъ упомянутаго штрафа» (уст. ст. 10). Иная плата положена за передержательство «перебѣжчиковъ»,—подвластныхъ простолюдиновъ, перекочевавшихъ изъ своихъ родовыхъ союзовъ,—именно за каждаго перебѣжчика платится по 2 верблюда и 20 лошадей (уст. ст. 3).

[5]) Зинз. улож ст. 101, п. 12.

родовыхъ союзовъ монголовъ и калмыковъ своего рода stat in statu — корпорацію, жившую своими особыми интересами мало зависѣвшую отъ племенныхъ вождей кочевниковъ. П остроумному замѣчанію акад. Палласа, корпорація эта въ т чевіе почти двухъ вѣковъ обладала «неодолимымъ господствомъ» (unwiederstehliche Herrschaft), дѣлавшимъ ее страшной д «Kaysern u. Königen» и уподоблявшимъ ее «духовной и нархіи» католическаго духовенства средневѣковой Европы [1]. Если классы людей знатныхъ и простолюдиновъ, какъ мы в дѣли, образовались у монголовъ на почвѣ дружинныхъ нача родоваго быта кочевниковъ, то духовная община ламайскихъ бу дистовъ является въ быту послѣднихъ главнымъ представител и проводникомъ *теократизма*, игравшаго не маловажную ро въ общественной и частной жизни всѣхъ среднеазіатскихъ к чевниковъ. Чтобы опредѣлить надлежащимъ образомъ общ характеръ и своеобразную организацію ламайскаго духовенст у монгольскихъ племенъ вообще и у калмыковъ въ особенност необходимо сначала выяснить, какъ общій вопросъ о значе жречества у степныхъ кочевниковъ, такъ и тѣ мѣстныя усло подъ вліяніемъ которыхъ жречество тибетскихъ ламаитовъ с такой силой привилось въ быту среднеазіатскихъ монголовъ русскихъ калмыковъ.

Мы уже имѣли случай указать на огромное значеніе ж ческаго элемента въ общественной и правовой жизни всѣх монгольскихъ племенъ: племена эти «изстари жили подъ ключительными опредѣленіями дружинно-родовыхъ и теокра ческихъ началъ, въ сильной степени квалифицировавшихъ в ихъ общественный бытъ» [2]. Родоправители да жрецы являл

---

[1]) Палл. Saml. II, 109—110.

[2]) См. мое соч.—Др. монг. уст. 16. Въ другомъ мѣстѣ мы выраз ту мысль, что у народовъ родоваго типа «идея права создается военн довымъ нарядомъ, формулируется въ сознаніи рода, или правильнѣе — сознаніи главы рода. представителя родовой власти и наряда» (Жур. М. Пр. 1874, іюль, 130). Обычное право при такихъ условіяхъ является к

монголовъ, какъ и у другихъ кочевниковъ родоваго типа, главными проводниками и органами правоваго сознанія народа. Что касается спеціально жреческаго элемента, то, какъ видно изъ ойратскаго устава 1640 года, жречество весьма сильно вліяло на ойратское право монголовъ. Этотъ уставъ, какъ и калмыцкое уложеніе 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, — продукты законодательной дѣятельности однихъ духовныхъ и родовыхъ вождей кочевниковъ; о «народномъ» участіи въ составленіи этихъ уставовъ нѣтъ и намека. Обычаи Дербетовскаго улуса были записаны одними духовными главами безъ участія родовыхъ вождей. Тѣ же самыя явленія подтверждаются наблюденіями надъ современнымъ бытомъ русскихъ калмыковъ. Бар. Бюлеръ очень хорошо констатируетъ фактъ образованія правовыхъ обычаевъ калмыковъ подъ исключительно-монопольнымъ вліяніемъ родоправителей (владѣльцевъ-нойоновъ) и ламайской духовной общины: калмыки-простолюдины не имѣютъ никакого понятія о своемъ обычномъ правѣ — «іосунъ»; его *знаютъ* лишь владѣльцы да ламы [1]). Явленіе это ставитъ въ тупикъ изслѣдователей, не совсѣмъ вѣрно объясняющихъ его «невѣжествомъ, апатіей и раболѣпствомъ» калмыковъ-простолюдиновъ, — «привычкой считать каждое ихъ (владѣльцевъ и ламъ) приказаніе закономъ, власть же ихъ — освященную вѣ-

---

исключительный результатъ правоваго сознанія родовыхъ вождей и жрецовъ. Той же самой почвы военно-родовыхъ и теократическихъ опредѣленій держалось и монгольское право, развившееся у всѣхъ отдѣльныхъ племенъ лишь въ видѣ «заповѣдей» и «велѣній» вождей и жрецовъ. Не даромъ персидскій историкъ Хавендемиръ выразился, что «большая часть законовъ и обычаевъ, существовавшихъ донынѣ у монголовъ, поставлены Чингисъ-ханомъ» (см. Березина Очеркъ, 24): въ этомъ положеніи высказано совершенно вѣрное воззрѣніе о происхожденіи и характерѣ стараго монгольскаго права. Но отсюда нельзя заключать, что родовые вожди могли издавать законы на перекоръ обычаю, считавшемуся религіозной святыней, велѣніемъ самаго божества, лишь констатируемымъ родовыми вождями и жрецами.

[1]) См. От. Зап. 1846, № 11, стр. 11, 13—16. Въ этомъ отношеніи дѣло это стоитъ у калмыковъ точно также, какъ и у теперешнихъ евреевъ. «Ламы и гелюнги (геелены) калмыковъ и другихъ племенъ — ламаитовъ играютъ у нихъ такую же господствующую роль, какую у евреевъ талму-

ковымъ обычаемъ» и пр. Корни сказаннаго явленія, очевидно, лежатъ глубже; ихъ нужно искать въ цѣломъ складѣ дружинно-родовыхъ и теократическихъ началъ народнаго быта, въ силу которыхъ родовые нарядники и жрецы монгольскихъ племенъ обладали и обладаютъ доселѣ монополіей правоваго сознанія. Въ упомянутомъ явленіи сказывается сила и значеніе у кочевниковъ, не только родоправителей, но и дѣйствующей въ ихъ средѣ ламайской духовной общины. По словамъ очевидцевъ, она вноситъ въ народной судъ калмыковъ «правила вѣры, которыя у калмыковъ составляютъ какъ будто духъ невидимой, но законодательной власти духовенства» [1]). Подобно тому, какъ говорить о религіи и разъяснять священныя тибетскія книги считается для «непосвященныхъ» смертнымъ грѣхомъ [2]), такъ и въ общественныхъ дѣлахъ могутъ дѣйствовать лишь своего рода «посвященные», — родовые вожди и жрецы, изстари усвоившіе монополію наряда и «знанія»,—монополію, развившую огромное вліяніе жрецовъ не только на религіозное, но и правовое сознаніе народа. Упрочившееся на такой почвѣ, «вмѣшательство въ мірскія дѣла» со стороны калмыцкаго духовенства офиціально воспрещено у насъ, какъ сейчасъ увидимъ, въ сравнительно недавнее время; хотя на дѣлѣ оно и до сихъ поръ остается въ прежней силѣ, именно потому, что «вмѣшательство» такого рода коренится въ религіозныхъ догматахъ ламайской духовной общины.

дизмъ — созданіе раввината—имѣетъ значеніе кодифицированнаго обычнаго права, помимо котораго у евреевъ немыслимо свободное развитіе правоваго сознанія въ народѣ, такъ и у калмыковъ ламаизмъ—главный источникъ народной мудрости вообще и правоваго сознанія въ частности». См. мое соч.—I монг. уст. 16, примѣч.

[1]) Изъ офиціальнаго отзыва главнаго пристава калмыковъ въ 1810 г. См. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 11, стр. 73.

[2]) Тамъ же, 108. По Пратимокша-Сутрѣ, къ числу запрещенныхъ «поступковъ» (pâcittiyâ) относится, «если духовный въ связномъ изложеніи объясняетъ законъ непосвященному», — «если духовный сообщитъ непосвященному о высшихъ человѣческихъ законахъ». См. Прат.-Сутра, перев. Минаевымъ, стр. 42. п. 4 и 8.

аво современныхъ калмыковъ въ сильной степени отрази-
въ цѣломъ рядѣ своеобразныхъ началъ, до значительной
эни модифицировавшихъ нѣкоторые изъ древнихъ инсти-
ъ племеннаго права монгольскихъ племенъ. Въ ойратскомъ
зѣ и Зинз. уложеніи изложенъ рядъ статей, непосред-
зно относящихся къ каноническому праву буддистовъ. Та-
статьи, опредѣляющія общественное положеніе ламайскаго
венства (о расхищеніи ламинскихъ улусовъ, о выкупѣ ла-
кихъ людей, о личныхъ правахъ духовныхъ, о льготахъ
повинностей, о шаманствѣ, о вступленіи въ духовное
іе и оставленіи его, о буддійскихъ обѣтахъ и ихъ нару-
іи и пр.)[1]). Дербетовскій уставъ, изданный высшей ду-
юй властью калмыковъ, есть собственно каноническій уставъ
духовенства, построенный на началахъ ламаизма. Мало
въ ойратскій уставъ вошелъ цѣлый рядъ общихъ ста-
выросшихъ не столько подъ вліяніемъ родовыхъ началъ,
лько на почвѣ гуманитарныхъ воззрѣній ламайскаго буддиз-
Такова система имущественныхъ штрафовъ (скотомъ, ору-
мъ и пр.), развитая ойратскимъ правомъ монголовъ, вмѣсто
темы «убійства» и истязаній преступниковъ и вообще на-
аній по типу родовой мести, несомнѣнно господствовавшей
онголовъ до принятія ламаизма; старая система наказаній
ойратскомъ правѣ уступила мѣсто системѣ композицій подъ
юромъ буддійскихъ воззрѣній о «состраданіи» ко всякому
вому существу, съ запрещеніемъ убійства и истязаній, какъ
оступковъ» (расі), не терпимыхъ буддійскимъ культомъ. Тѣ
самыя гуманитарныя начала буддизма легли въ основу та-
хъ ойратскихъ правилъ, какъ о наградахъ за спасеніе по-
бающихъ въ огнѣ и водѣ, самоубійцъ, одержимыхъ болѣз-
ми, — о помощи женщинѣ въ родахъ, путнику въ дорогѣ,
ждущему, убогому, голодному и пр.[2]). Отрекаясь отъ родо-

[1]) Уст. 1640 ст. 6, 11, 21—24, 139 и пр. Зинз. улож. гл. I.

[2]) Уст. 1640 ст. 81—86, 109—111, 114, 144, 151—154 и пр.

вой мести и внутренняго хищничества, или установляя институтъ родоваго призрѣнія убогихъ и пр., ойратскіе роды, конечно, могли дѣйствовать въ своихъ ближайшихъ интересахъ. въ дѣлѣ напр. обязательнаго для родовъ призрѣнія убогихъ могли лежать мотивы чисто бытовые — сбереженіе личныхъ силъ родовой обороны, — силъ, находимыхъ родомъ въ своихъ членахъ и пр. Но всѣ такіе интересы и мотивы находили для себя могучее подспорье и поддержку въ ученіи ламайскихъ буддистовъ, — возводились въ религіозно-правовыя нормы подъ вліяніемъ «родоваго гуманизма» (алтруизма), съ его идеей служенія интересамъ не индивидуальной, но общей родовой жизни. Все это завершается, наконецъ, квалификаціями, обнявшими на почвѣ ламайства весь политическій бытъ среднеазіатскихъ монголовъ: какъ сейчасъ скажемъ, онъ сталъ съ конца XVI вѣка въ сильной степени проникаться теократическими тенденціями «державной власти» тибетскихъ Далай-Ламъ, — верховныхъ главъ монголовъ-ламаитовъ, игравшихъ въ средней Азіи почти такую же политическую роль, какъ и «непогрѣшимые» папы средневѣковой Европы.

Такимъ образомъ, ойратское право и весь бытъ среднеазіатскихъ монголовъ развивались подъ «античными» вліяніями буддійской културы южно-азіатскихъ народовъ. Причины, почему буддійское ученіе, особенно въ новѣйшей фазѣ его развитія — въ формѣ тибетскаго ламаизма, получило такое огромное соціальное и политическое значеніе у среднеазіатскихъ кочевниковъ монгольскаго корня, легко объясняются, не только территоріальными условіями — сосѣдствомъ кочевья монгольскихъ племенъ съ родиной (Тибетомъ) ламаизма, но и главнымъ образомъ всѣмъ складомъ его коренныхъ основъ и принциповъ. Вуддизмъ — по выраженію Вурма, религія «des reinen Humanismus», культъ «состраданія» (Mitleid) ко всякой живой твари и растенію[1]) — по своимъ этическимъ

---

[1]) См .B. Wurm, d. ind. Religion. 1874, стр. 134 и слѣд.

соціальнымъ основамъ являлся всегда культомъ «рода», а не «личности», весьма далекимъ отъ признанія тѣхъ истинно-гуманныхъ началъ индивидуализма, какія внесены въ человѣческую жизнь христіанскимъ гуманизмомъ, съ его свѣтлой идеей свободной и сильной человѣческой личности, независимой ни отъ какихъ родовыхъ опредѣленій и квалификацій. Буддизмъ, напротивъ, возводитъ въ чистую, религіозную догму родовыя начала алтруизма, — начала, цѣликомъ основанныя на полномъ отрицаніи идеи личности. Коренной догматъ буддизма, доведенный съ формальной стороны до крайнихъ, почти абсурдныхъ результатовъ въ ученіи ламаитовъ, — отреченіе отъ личной жизни, не только въ силу ея ничтожества, но и въ видахъ служенія «роду», борьбы «подвижничества и отшельничества» съ «мірскимъ зломъ». Эти-то воззрѣнія вполнѣ подходили къ застарѣлымъ основамъ племенно-родоваго быта монголовъ, рѣшительно укладывались въ рамки родоваго ихъ сознанія и потому легко и прочно прививались на монгольской почвѣ. Буддійскій культъ сходился съ родовымъ бытомъ монголовъ и въ другомъ пунктѣ: первичныя идеи «родопочитанія», несомнѣнно господствовавшія въ родовомъ сознаніи монгольскихъ кочевниковъ, были не только не чужды ламайскому буддизму, но именно облекались въ немъ въ цѣлую систему формулъ и догмъ буддійскихъ возрожденій и воплощеній. Словомъ, буддизмъ, какъ онъ развился у средніе-азіатскихъ ламаитовъ, вносилъ въ монгольскій бытъ много знакомыхъ, родныхъ началъ, взятыхъ ламаитами, между прочимъ, и изъ древняго шаманства среднеазіатскихъ кочевниковъ. И старое шаманство[1]) монголовъ, по крайней мѣрѣ въ древнія эпохи, мо-

[1]) Корни его нѣкоторые историки ищутъ въ древнемъ иранскомъ культѣ Зороаста, въ которомъ начало родоваго алтруизма было развито не меньше индійскаго буддизма (см. Палласа Saml. II, 17. Христанова Религіи др. міра 487 и слѣд.). У старыхъ монголовъ XIII вѣка шаманство еще не было такъ извращено, какъ это видимъ теперь у сибирскихъ инородцевъ, и могло удерживать многое изъ гуманизма иранскаго культа.

гло обладать также на свой манеръ «родовымъ гуманизмомъ» и вносить его, напр., въ «великую ясу» Чингиса, признававшую вѣротерпимость (сродную съ иранскимъ культомъ) и другія начала, во многомъ напоминающія приведенныя выше буддійскія правила ойратскаго устава 1640 г.[1]). Чтò въ старину высказывалось въ неясныхъ правилахъ, то теперь, въ ламаизмѣ, подъ ферулой буддійской общины ламайскихъ отшельниковъ, возводится въ религіозно-правовую догму. Какъ извѣстно, въ собственныхъ видахъ ламайское духовенство приспособляло свое ученіе къ старымъ религіознымъ вѣрованіямъ и обычаямъ среднеазіатскихъ кочевниковъ и этимъ путемъ быстро и прочно утверждало и распространяло между ними свое господство. Ламайскій буддизмъ, утвердившійся между монголами, есть не больше, какъ помѣсь стараго ихъ шаманства съ индійскимъ буддизмомъ[2]). Путемъ помѣси въ существѣ сродныхъ системъ лишь упрочивался культъ «родовой жизни» (алтруизма) въ ущербъ индивидуальной, вмѣстѣ съ полнымъ установленіемъ служебнаго значенія личности, опутанной безконечнымъ рядомъ буддійскихъ обѣтовъ воздержанія отъ самостоятельной личной жизни и служенія интересамъ «рода». Все это было весьма пригодной почвой для прочнаго усвоенія ламаизма всѣми среднеазіатскими кочевниками: родовому сознанію ихъ былъ вполнѣ доступенъ и понятенъ весь догматизмъ, вся обрядность и обѣды ламайскихъ буддистовъ. Но тутъ же коренилась и вся несостоятельность и безсиліе ламаизма придать народному быту сколько нибудь прогрессивный характеръ; напротивъ, ламаизмъ заковывалъ его въ совершенно неподвижныя, внѣшнія нормы родоваго быта, возведенныя у ламаитовъ въ строгія формулы, при крайнемъ ограниченіи личныхъ этическихъ

---

[1]) См. фрагменты ясы — 11, 12, 13, 16, 17 и пр. Мое соч.—Др. мон. уст. 192.

[2]) См. Палласа Saml. II, 17, 341. Хрисанеа Религ. др. вост. I, 389. 431.

началъ, обязательныхъ для мірянина-ламаита[1]). Отсюда-то окаменѣлый характеръ всей общественной культуры монголовъ; роль главнаго фактора въ этомъ случаѣ лежитъ прежде всего на сторонѣ неподвижной подкладки буддійскаго «гуманизма», вмѣстѣ съ застарѣлыми формами кочеваго быта народа[2]).

Ламаизмъ представляетъ самостоятельную форму буддизма, какъ онъ развился первоначально въ Тибетѣ, а затѣмъ и у другихъ среднезіатскихъ кочевниковъ[3]). Монголы принадлежатъ къ особой сектѣ сѣверо-тибетскихъ ламаитовъ, извѣстной подъ именемъ «желтошапочной» («Schara-Malachatä или Malachai) и признающей своимъ верховнымъ главой Далай-Ламу, въ отличіе отъ южно-тибетской секты «красношапочной» (Ulan Malachatä) съ ея главой — Богдо Ламой. Расколъ ламаитовъ на двѣ указанныя секты возникъ во второй половинѣ

---

[1]) Обѣты мірянъ ламаитовъ ограничиваются тремя запрещеніями: не прелюбодѣйствуй, не укради, не убей. Отсюда понятно, что «человѣкъ, отъ котораго религія такъ мало требуетъ, не способенъ къ движенію по пути умственнаго и экономическаго прогресса». См. Бентковскаго, въ Сб. св. по Ставр. губ. VII. 24—25.

[2]) Здѣсь же отчасти коренится и подмѣченный въ настоящее время фактъ принадлежности калмыковъ къ *вырождающимся расамъ*. Перепись населенія калмыцкой степи (1861—69 г.) обнаружила факты, которые, по словамъ Костенкова (бывшаго главнаго попечителя калмыковъ), указываютъ на «предстоящее уменьшеніе его (калмыцкаго народа) количества и даже на исчезновеніе въ весьма недалекомъ будущемъ» (о калм. 161 и слѣд.). Оказывается, что женское населеніе степи роковымъ образомъ уменьшается съ каждымъ поколѣніемъ (теперь на четверть меньше мужскаго населенія). Несоразмѣрность отношеній между полами осложняется большимъ составомъ безбрачнаго духовенства, также ограниченностью контингента женщинъ, съ которыми калмыкъ можетъ вступать въ бракъ (только съ ламаитками) — трудовой жизнью женщины въ степномъ обыходѣ, большой смертностью и пр.

[3]) Основателемъ индійской секты буддистовъ считается Шакья-Муни родивш. за 6 ть вѣковъ до христ. эры) — «отшельникъ (пустынникъ) изъ царскаго рода Шакья». Его называютъ также «Шраманъ Готама» (блаженный пустынникъ) и признаютъ донынѣ царствующимъ Буддою. Въ ойратскомъ уставѣ въ молитвословіи, стоитъ на первомъ планѣ «Шакджи Муни Лама». См. мое соч. Др. монг. уст. 65 и 178.

XIV вѣка вслѣдствіе споровъ о необходимости очистить ламаизмъ отъ шаманства путемъ установленія строгой системы буддійскихъ обѣтовъ. Основателемъ новой секты считается Цзонхава или Зункоба (Sunkkaba, Ssonchoba, Tsonchaba,— у калмыковъ Sunkoba, Saunwanchaba)[1]; онъ провозгласилъ ученіе о безбрачіи духовныхъ и другіе догматы, отвергнутые южными ламаитами и общимъ ихъ главой — Богдо Ламой. Лимаиты сѣвернаго Тибета, ставшіе на сторонѣ ученія новаго реформатора, провозгласили своимъ главой новое воплощеніе будды — Далай Ламу, успѣвшаго упрочить за собой преобладаніе и власть надъ сѣвернымъ Тибетомъ, а затѣмъ и надъ другими среднеазіатскими кочевниками[2]. У монголовъ ламаизмъ сталъ распространяться еще до распаденія его на двѣ отдѣльныя секты. Его послѣдователи появляются между монголами уже вскорѣ послѣ Чингиса[3]; но шаманство держалось у нихъ до второй половины XVI вѣка, когда началась усиленная пропаганда между монголами ламаизма, сдѣлавшагося къ концу этого вѣка господствующимъ монгольскимъ культомъ. Возгорѣвшаяся въ это время борьба за господство между ламаитскими сектами южнаго и сѣвернаго или большаго Тибета окончилась въ пользу сторонниковъ Далай-Ламы лишь благодаря дѣятельной поддержкѣ монгольскихъ вождей; къ ихъ-то «ойратству», въ видахъ взаимной поддержки и защиты отъ враговъ, и примкнулъ тибетскій духовный глава послѣ того, какъ монгольскіе вожди съ своими ордами, за

[1]) Въ веденіи къ уставу 1640 г. основатель секты желтошапочниковъ титулуется такъ: «Его же (т. е. Шакджи Муни Ламы) наслѣдникъ и духовной власти государь, и въ здѣшней странѣ вѣру показавшій и ученіе распространившій, вышній Господь Зункубай» (Зонкубай, Зункабай). См. мое соч. Др. монг. уст. 66, 158. Подобно первому основателю буддизма, Шакья Муни, Зункубай считается воплощеніемъ Будды и причисляется ламаитами къ высшимъ богамъ (бурханамъ-буддамъ). Цзонхава род. 1357 г. ум. 14[illegible] года. Его біографія изложена въ соч. Ватыръ Убаши Тюменя — Сказ. Дерб.—ойрат. въ перев. Лыткина, въ Астр. г. вѣд. 1861, № 26.

[2]) См. Палл. Saml. II, 14, 19—21, 114.

[3]) Березина Очеркъ, 50. Палл. Saml. II, 16.

общемъ родовомъ съѣздѣ, признали Далай-Ламу своимъ верховнымъ главой и провозгласили ламаизмъ народнымъ культомъ среднеазіатскихъ монголовъ[1]). Политическіе интересы духовнаго вождя монголовъ, угрожаемые происками южной ламайской секты и хищничествомъ самыхъ монголовъ, требовали не распаденія ихъ ойратства, но подчиненія ойратовъ главенству ламайскаго «папы» и расширенія его власти на весь міръ монгольскихъ ламаитовъ. Къ тому же должны были вести и чисто религіозные интересы ламаизма: основные его принципы гуманизма какъ нельзя больше совпадали съ идеей монгольскаго ойратства и шли въ положительный разрѣзъ съ хищническими основами внѣсоюзнаго быта монголовъ. Для осуществленія принциповъ буддизма необходимо было сплоченіе монголовъ-ламаитовъ въ одну «Upâsakas» (общину мірянъ-буддистовъ),

---

[1]) Обстоятельства, сопровождавшія принятіе монголами ламайства въ концѣ XVI в., довольно подробно разсказаны Палласомъ (см. Saml. I, 17, 26—27; II, 112. 144). Съ половины этого вѣка является между монголами ревностный проповѣдникъ ламаизма въ лицѣ тибетскаго ламы, Цаганъ-Номинъ-Хана, нашедшаго также сильное содѣйствіе со стороны ойратскаго тайши, Батуръ Байбегуша (Baatur Baibeghus или Boibegusch). По настоянію послѣдняго, всѣ ойратскіе вожди приняли ламаизмъ вмѣстѣ съ признаніемъ Далай-Ламы своимъ духовнымъ главой. Около этого-то времени (ок. 1580 г.) возникаетъ кровавая распря между желто — и красно-шапочниками; при чомъ сторонники Далай-Ламы одержали верхъ надъ противниками, лишь благодаря поддержкѣ младшаго брата Байбегуша, хана Гюйши, въ союзѣ съ зюнгарскимъ конъ-тайшей Батуромъ и другими монгольскими вождями. Въ это время монгольскіе вожди, на родовомъ съѣздѣ, признали Далай Ламу не только своимъ верховнымъ жрецомъ, но и свѣтскимъ главой Тибета. Но вскорѣ союзъ нарушается однимъ изъ зюнгарскихъ тайшей, Шюкеромъ (всѣ эти вожди упоминаются въ нашемъ уставѣ) рядомъ его нападеній на Тибетъ. Союзъ снова возстановленъ монгольскими вождями; даже больше: на новомъ съѣздѣ монгольскіе вожди признали себя вассалами Далай Ламы, примкнувшаго къ ойратству, какъ его верховный глава; монголы обязались защищать его, отряжать пословъ, посвящать ему часть своихъ «подвластныхъ» и пр., при чемъ ойратскій тайша Гюйши сдѣланъ былъ въ Тибетѣ свѣтскимъ правителемъ и намѣстникомъ Далай Ламы.

въ одно «ойратство», связанное единой вѣрой и едиными обѣтами воздержанія отъ хищничества, отрицаемаго буддизмомъ во всѣхъ его видахъ и формахъ. Такъ возникъ въ политическомъ быту монголовъ новый, связующій элементъ — ламаизмъ, облекавшій въ лицѣ Далай-Ламы широкими политическими полномочіями «державную» духовную общину ламаитовъ. Тибетскіе Далай-Ламы пользовались своимъ политическимъ верховенствомъ надъ монголами-ламаитами почти въ теченіе двухъ вѣковъ, съ конца XVI и до половины прошлаго вѣка, когда «державность» Далай-Ламы ограничилась лишь однимъ Тибетомъ, предоставленнымъ китайскимъ правительствомъ съ 1751 г.[1]) въ безконтрольное управленіе Далай-Ламы, не только какъ духовному, но и свѣтскому главѣ, какъ бы въ вознагражденіе за отторженіе изъ-подъ его главенства среднеазіатскихъ монгольскихъ ордъ. Въ этой державности Далай-Ламы надъ Тибетомъ нужно видѣть остатокъ отъ старой власти его надъ всѣми монголами-ламаитами. Тому же политическому главенству тибетскаго папы подчинялись и калмыки, перекочевавшіе въ русскія степи, вплоть до самаго ухода калмыцкой орды въ Китай въ 1771 г.; хотя, какъ будетъ сказано ниже, есть указанія на то, что открытыя связи калмыковъ съ Тибетомъ поддерживались и позже и прекратились лишь въ начальныхъ годахъ нынѣшняго столѣтія[2]).

---

[1]) Еще въ 1720 г. китайское правительство, вступившее въ борьбу съ монгольскими ойратами, «подарило» весь Тибетъ Далай Ламѣ; но затѣмъ вскорѣ послѣдовали безпорядки, вслѣдствіе которыхъ послѣдовало назначеніе свѣтскаго верховнаго правителя. Окончательное установленіе духовнаго управленія Тибетомъ послѣдовало въ 1751 г. См. Тимковскаго Пут. II. 2?. Іакинфа Описаніе Тибета, 201—205.

[2]) Выше замѣчено, что ламаизмъ — помѣсь стараго шаманства съ индійскимъ буддизмомъ. Какъ видно изъ наблюденій надъ бытомъ монголовъ и калмыковъ, у нихъ почти доселѣ удерживаются многіе обычаи шаманскіе, приспособленные къ новому культу. Не говоря о калмыкахъ алтайскихъ и отчасти бурятъ (у нихъ и тунгусовъ буддизмъ утвердился съ 1741 г., — см. Нила Буддизмъ, 251), слѣдуетъ замѣтить, что многіе шаманскіе обряды у

Организація ламайскаго духовенства по ойратскому уставу 1640 г. опредѣляется общими іерархическими началами, развитыми современнымъ каноническимъ правомъ тибетскихъ ламаитовъ[1]). Тѣмъ же началамъ въ существѣ остается вѣрнымъ и Зинз. уложеніе; но въ немъ находимъ и новыя правила, не извѣстныя старому ойратскому уставу. Какъ уже замѣчено нами (см. выше стр. 169), Зинзилинское собраніе, стоявшее на почвѣ своего мѣстнаго каноническаго права, стремилось къ возстановленію чистоты буддійскихъ правилъ жизни, — имѣло въ виду поднять бытъ калмыцкихъ духовныхъ на уровень буддійскихъ идеаловъ. При этомъ, вмѣстѣ съ старыми буддійскими правилами, собраніе могло руководиться и мѣстными обычаями и порядками, которыя самобытно выработывались калмыцкимъ духовенствомъ, изолированнымъ отъ остальнаго міра средneазіатскихъ ламаитовъ и развившимъ въ своемъ быту нѣкоторыя особенности не только въ обрядовомъ и іерархическомъ, и догматико-каноническомъ отношеніяхъ[2]). Въ этомъ случаѣ,

---

калмыковъ удерживались не только въ прошломъ, но и въ текущемъ столѣтіи. Паллась нашелъ у нихъ шамановъ (Bôh) и шамановъ (Udu-gun), особыя капища съ идолами и пр. (См. Saml. II, 16, 341—347). На шаманство у ойратовъ XVII вѣка указываетъ ихъ уставъ, въ статьяхъ о шаманахъ, ихъ обрядахъ и идолахъ — «куклахъ» (ст. 139, 140 и. 142). О шаманствѣ у сибирскихъ инородцевъ см. Нила (219) и другихъ.

[1]) Основныя начала устройства буддійской общины изложены въ цитированной не разъ «Пратимокша-Сутрѣ» старыхъ буддистовъ въ переводѣ Минаева. Послѣднему же принадлежитъ прекрасное изслѣдованіе вопроса о «духовной буддійской общинѣ» (Жур. Мин. Пр. 1879, янв.), гл. обр. на основаніи каноническихъ книгъ южныхъ буддистовъ; вопроса о ламайскомъ духовенствѣ авто, ъ касается лишь вскользь.

[2]) По словамъ І. В. Бентковскаго, «эту древнюю религію (буддизмъ) востока слѣдуетъ еще изучать, такъ сказать, въ натурѣ, на томъ основаніи, что ламайское духовенство въ Россіи, удаленное отъ Тибета, и въ продолженіе болѣе двухъ столѣтій не имѣющее съ главою религіи Далай-Ламою общенія, не смотря на монгольскій консерватизмъ, легко можно измѣнить, вслѣдствіе толкованій мѣстныхъ ламъ, не только религіозную обрядность, которая у нихъ, замѣтимъ, довольно сложная, но даже догматическую и ка-

если изученіе каноническихъ правилъ ойратскаго устава 1640 г. даетъ указанія на іерархическій старой ламаизма въ эпоху его упроченія между ойратскими племенами средней Азіи въ значеніи ихъ народнаго культа, то Зинзилинское уложеніе представляетъ рядъ интересныхъ данныхъ касательно іерархическаго строя и значенія ламайскаго духовенства у русскихъ калмыковъ въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія.

Ламайское духовенство (Chubarag, хуваракъ или хуаракъ монг., шувар акъ или хувракъ калм.)[1]) составляетъ издавна у среднеазіатскихъ монголовъ самый многочисленный классъ народа. Тимковскій въ 20-хъ годахъ засталъ въ одной Халхѣ цѣлую армію «ламъ», подчиненныхъ мѣстному ламайскому первосвященнику (кутухтѣ), — именно до 20 тыс., кромѣ «шабиновъ» (простолюдовъ, подвластныхъ кутухтѣ)[2]). По Пржевальскому, въ одной Ургѣ (главномъ городѣ Халхи) числится при Богдо-куренѣ, мѣстопребываніи первосвященника, до 10 тысячъ ламъ, живущихъ на всемъ содержаніи послѣдняго; во всей Монголіи по крайней мѣрѣ треть (если даже не больше) мужскаго населенія принадлежитъ къ духовнымъ[3]). До послѣдняго времени тоже самое было и въ калмыцкой степи: въ 40-хъ годахъ бар. Бюлеръ писалъ, что «въ каждомъ улусѣ множество духовныхъ, даже нѣтъ аймака, гдѣ бы

ноническую сторону вѣроученія». См. Объясненіе калм. праздниковъ, въ Сбор. стат. свѣд. по Ставроп. губ. 1876, VII, 23.

[1]) У среднеазіатскихъ монголовъ въ обычаѣ называть все сословіе духовныхъ «ламами», хотя это названіе относится собственно къ высшему духовенству; духовное лице называется вообще «хуваракъ». Послѣднее наименованіе усвоено и калмыками. См Палласа Saml. II. 135. Тимковскаго Путеш. I, 130; III, 400. Іакинѳа Опис. Тибета, 12. Бюлера, въ От. Зап. 184? № 8, стр. 120. Пржевальскаго Монг. I. 55. Бентковскаго въ Сбор. св. о Ставр. губ. VII, 27.

[2]) Тимковскаго Путеш. I, 76; III, 400.

[3]) Пржевальскаго Монг. I, 7, 54.

не было нѣсколькихъ кибитокъ ихъ»[1]). Лишь въ послѣднее время число «хувараковъ» въ калмыцкой степи сдѣлалось меньше противъ прежняго[2]).

Ламайское духовенство представляетъ собой общину лицъ, «оставившихъ міръ» и посвятившихъ себя отшельническимъ обѣтамъ, установленнымъ буддійскимъ культомъ. Весь іерархическій строй этой общины опредѣляется основными началами буддизма, отрицательно относящагося къ личной жизни и полагающаго высшій нравственный идеалъ въ полномъ отреченіи отъ «міра». Выходя изъ той идеи, что «человѣкъ самъ собою не можетъ нравственно возвыситься, если ему не будетъ указанъ путь, по которому бы онъ слѣдовалъ въ семъ мірѣ»[3]), буддійское ученіе даетъ такія указанія посредствомъ сложной системы обѣтовъ, подраздѣленныхъ на цѣлыя категоріи нравственной усовершимости буддійскихъ отшельниковъ. Чѣмъ сложнѣе избираемыя послѣдними категоріи обѣтовъ, тѣмъ цѣльнѣе становится жизнь буддиста, тѣмъ выше поднимается его значеніе въ буддійской общинѣ, въ особенности тѣмъ больше достигается цѣль буддійскаго отшельничества — избѣжать бѣдствій, соединенныхъ по буддійскимъ вѣрованіямъ съ перерожденіями, на которыя осужденъ всякій, кто не достигъ буддійскаго идеала — полнаго отреченія отъ міра и личной жизни[4]). По степенямъ такого отреченія установился іерархическій

---

[1]) От. Зап. 1846, № 8, стр. 120.

[2]) По послѣдней ревизіи 60-хъ годовъ на 68 тыс. муж. населенія калм. степи приходится всего 1201 хуваракъ (см. Костенкова о калм. 158). Старая численность хувараковъ зависѣла отъ льготной ихъ жизни, обычая монголовъ посвящать въ духовные хоть одного члена семьи и пр. Теперь этотъ обычай значительно стѣсненъ.

[3]) См. Бентковскаго, въ Сборн. ст. св. по Ставр. губ. VII, 24.

[4]) Не разъ цитированный буддійскій служебникъ, извѣстный подъ именемъ «Пратимокша-Сутра», есть собственно покаянный уставъ, въ которомъ подробно формулирована система обѣтовъ, обязательныхъ для членовъ общины буддійскихъ отшельниковъ. — О догматѣ «перерожденія» и «переселенія душъ», какъ этотъ догматъ развился у ламайскихъ буддистовъ, см. Палласа

составъ общинъ буддійскихъ отшельниковъ: «оставившихъ міръ», но не посвященныхъ, мірянъ-буддистовъ, стоящихъ на первыхъ степеняхъ обѣтовъ, и «посвященныхъ» монаховъ, исполнявщихъ полный циклъ буддійскаго отшельничества. По древнимъ уставамъ индійскихъ буддистовъ, община отшельниковъ называлась «сангха» и состояла изъ покинувшихъ міръ, изъ монаховъ и старцевъ; внѣ общины, но связанные съ нею общею вѣрою, были вѣрующіе міряне и мірянки. Первая духовная степень — «упасака», т. е. мірянинъ-буддистъ, покидавшій міръ и отдававшійся подъ защиту Будды, его закона и сангхи. «оставившій міръ» есть членъ сангхи, но не есть еще «посвященный». Къ «непосвященнымъ» но покинувшимъ міръ относились «саманеры» — послушники или ученики (atevasi). Съ этими первыми степенями буддійской іерархіи связывалось исполненіе опредѣленныхъ буддійскихъ обѣтовъ. Остальные члены сангхи составляютъ «посвященныхъ» отшельниковъ — учителей (acariya) и наставниковъ (upadiya). У китайскихъ буддистовъ точно также отличаются отъ мірянъ монашествующіе «шами» (мальчики) и «шамини» (дѣвицы), приготовляющіеся съ дѣтства при кумирняхъ къ жизни братства; «шича-моно», т. е. вдовы или дѣвицы, приготовляющіяся на дому ко вступленію въ «сэнъ» (сангха)—монашескую общину; «бхикшу» и «бхикшуни», посвятившія себя безбрачію, безмолвію, изученію буддизма и обѣту жить подаяніемъ. Послѣдніе два разряда составляютъ собственно буддійскую общину (сэнъ), у которой все общее—имущество, занятія, слова и мысли. Высшій разрядъ духовныхъ составляютъ «бодхисатвы» — тоже, что высшіе ламы и хубилганы (перерожденцы) тибетскихъ ламаитовъ[1]

Saml. II, 61—69, 110, 138 и др. Нила Будд. 79, 92. Тимковскаго Путеш. 33, 231; III, 399. Бентковскаго Взглядъ на кочевую культуру, 25, 27 С. также общія изслѣдованія о буддизмѣ: Кеппена (Die Religion d. Buddh. Васильева (Буддизмъ), Вурма (Gesch d. ind. Religion), Хрисанфа (Религ. древн. міра) и др.

[1]) См. Минаева Община будд. монаховъ, въ Жур. Мин. Пр. 18.. Генв. 5, 7, 9, 17, 23.

Таже самая градація степеней буддійскихъ обѣтовъ и отреченія отъ міра легла въ основу организаціи ламайскаго духовенства (сѣвернаго Тибета), реформированнаго во второй половинѣ XIV вѣка Цзонхавою. По установленной имъ системѣ обѣтовъ, ламайская духовная община слагается изъ нѣсколькихъ ранговъ или духовныхъ степеней[1]), унаслѣдованныхъ также монгольскими ламаитами, съ бо́льшими или меньшими отклоненіями отъ первичныхъ прототиповъ буддійской іерархіи, какъ она была развита у древнихъ буддистовъ. Ойратскій уставъ 1640 г. упоминаетъ о высшихъ ламайскихъ первосвященникахъ (Банценъ, Далай-Лама и Кутухты) и затѣмъ констатируетъ нѣсколько степеней подчиненнаго имъ духовенства высшаго (ламъ) и низшаго (хуваракъ) У калмыковъ, оторванныхъ отъ центра ламаизма, естественно могли выработаться своеобразные мѣстные порядки, какъ это и видно изъ Зинз. уложенія, въ которомъ идетъ рѣчь только о мѣстныхъ ламахъ, стоявшихъ во главѣ отдѣльныхъ улусовъ, и о «прочемъ калмыцкомъ духовенствѣ», безъ намека на высшихъ ламайскихъ первосвященниковъ[2]).

Къ высшему рангу ламайскихъ *первосвященниковъ* принадлежатъ «богды» или «господи»—Далай-Лама, Банценъ и Кутухты. Они считаются земными воплощеніями Будды (божества)[3]),

[1]) См. Бентковскаго въ Сборн. по Ставр. губ. VII, 24.

[2]) См. уст. 1640 ст. 6, 21, 24 и пр. Зинз. улож. гл. I, п. 2; ст. 1, 2, 4 и др.

[3]) См. Пржевальскаго Монг. I, 7, 54. «По ламайскому ученію, эти святые, составляя земное воплощеніе божества, никогда не умираютъ, но только обновляются смертію. Душа ихъ, по смерти тѣла, въ которомъ она имѣла мѣстопребываніе, переходитъ въ другаго новорожденнаго мальчика и, чрезъ это, является людямъ въ болѣе свѣжемъ и юномъ образѣ». О ламайскомъ догматѣ высшихъ «перерожденцевъ», Chubilgan см. Палл. II, 110, 138 и пр. Нила Буддизмъ, 79—81, 90—92. Тимковскаго Путеш. I, 33, 231; III, 399. О „богда», какъ наименованіи ламайскихъ первосвященниковъ, см. Тимковскаго Путеш. III, 397. Титулъ «господи» принадлежитъ уставу 1640 г.

вообще представляютъ высшія духовныя степени въ ламайской іерархіи[1]).

Далай-Лама — высшая святыня ламайскаго міра, глава всей духовной іерархіи ламаитовъ. Этотъ первосвященникъ, несящій священное у ламаитовъ имя верховнаго или «величайшаго ламы»[2]) и имѣющій свое мѣстопребываніе въ центрѣ среднеазіатскаго ламаизма[3]), почитается ламаитами, какъ дѣйствительно живущее между людьми божество, которое путемъ воплощеній постоянно возрождается и никогда не умираетъ[4]). Далай-Лама принадлежитъ къ высшимъ «перерожденцамъ» (хубилганамъ), которые, по выраженію Нила, «освящены самою природою, — хотя и въ мірѣ, но къ міру не принадлежатъ»[5]). По ламайскому ученію, преемство достоинства Далай-Ламы опредѣляется по системѣ возрожденія: послѣ смерти Далай-Ламы, его душа переходитъ въ новорожденнаго, отыскиваемаго въ качествѣ вновь возродившагося первосвященника, на основаніи установленныхъ ламайскимъ ритуаломъ гаданій и признаковъ, въ большинствѣ же случаевъ по указанію самаго Далай-Ламы, обязаннаго еще при жизни предсказать себѣ преемника[6]). Въ ойратскомъ уставѣ 1640 года Далай-Лама

---

[1]) Нила Будд. 79. Палласа Saml. II, 110. Тимковскаго Пут. III, 307. Пржевальскаго Монг. I, 6 и слѣд.

[2]) Dalej — величайшій; Lahma — тангутское слово, означающее «мать душъ». У монголовъ наименованіемъ ламы обозначается все посвященное духовенство до самыхъ низшихъ степеней; у калмыковъ же имя это прилагается только къ высшимъ разрядамъ духовныхъ въ томъ смыслѣ, что «духовные любятъ всѣ живыя существа и души, заботятся о нихъ и своими молитвами и поученіемъ стараются сдѣлать ихъ счастливыми, подобно матери заботящейся о своихъ дѣтяхъ». См. Палласа Saml. I, 112.

[3]) Далай Лама живетъ въ столицѣ сѣвернаго Тибета — Лассѣ (Лхасса, Lhassa), въ капищахъ Buddala и Seragomba или Brepun gomba. См. Палл. Saml. II, 11. Тимковскаго Пут. I, 34. Пржевальскаго I, 7.

[4]) Палл. Saml. II, 110.

[5]) Нила Будд. 84—86.

[6]) См. Пржевальскаго Монг. I, 7, 54. При назначеніи Далай Ламы играетъ теперь главную роль, секретно, китайское правительство, подъ вліяніемъ

титулуется «господомъ, въ чистомъ мѣстѣ резидующимъ и всѣмъ помоществующимъ». Кромѣ значенія духовнаго главы всего ламайскаго міра (почему Далай-Лама назначаетъ подчиненныхъ ему жрецовъ, разсылаетъ идоловъ по улусамъ и пр.), Далай Лама, какъ уже замѣчено, становится съ конца XVI вѣка во главѣ монгольскаго ойратства и пріобрѣтаетъ надъ ойратскими вождями политическую власть, во многомъ напоминающую власть средневѣковыхъ папъ надъ христіанскими государями католическаго міра. Далай-Ламы сообщали грамоты на званія хановъ, конъ-тайшей и пр. и даже имѣли право предоставлять простолюдинамъ доступъ къ родовому наряду

ніемъ котораго намѣстникъ ламайскаго первосвященника всего чаще набирается изъ бѣдныхъ и незнатныхъ фамилій. По словамъ Пржевальскаго, «личное ничтожество Далай Ламы, при отсутствіи родственныхъ связей съ сильными фамиліями страны, служитъ для китайцевъ лучшимъ ручательствомъ, если не подчиненія Тибета, то, покрайней мѣрѣ, безопасности со стороны непокорнаго сосѣда» (тамъ же, 54). Такова же подкладка правилъ, развитыхъ въ современномъ уложеніи среднеазіатскихъ монголовъ о назначеніи кандидатовъ на высшія духовныя должности ламаитовъ (правила эти имѣютъ силу и у сибирскихъ буддистовъ,—см Нила Буддизмъ, 257). Мы приведемъ здѣсь эти правила, такъ какъ они служатъ руководствомъ и при избраніи кандидатовъ въ Далай ламы. «Тѣ, которымъ предоставлено право доносить по принадлежности о смерти какого либо хутукты или ламы высшей степени, и объявлять мѣста ихъ возрожденія, отнюдь не должны указывать, какъ на тѣхъ дѣтей мужскаго пола, кои соединены родствомъ съ самимъ Далай Ламою и съ Баньчень-эрдени, такъ и на дѣтей и внуковъ всѣхъ монгольскихъ хановъ, равно степенныхъ князей и тайцзіевъ: иначе подвергнутся они строжайшей отвѣтственности. Но они могутъ указывать на дѣтей тайцзіевъ, которые не отправляютъ никакихъ общественныхъ должностей, равно на малолѣтнихъ сыновей простыхъ монголовъ и тангутовъ, и возвѣстить, что умершій переродился или сдѣлался хубилганомъ (перерожденцемъ) въ томъ или другомъ семействѣ. Ни подъ какимъ предлогомъ не должно открывать вновь перерожденцевъ и особенно по смерти ламъ, начальствовавшихъ въ незначительныхъ монастыряхъ, въ которыхъ прежде не являлись хубилганы. Никакой хубилганъ не можетъ быть признанъ таковымъ, если не будетъ утвержденъ въ семъ званіи законнымъ порядкомъ отъ установленныхъ властей. Избраніе же и утвержденіе хубилгановъ должно производиться слѣдующимъ образомъ: писать на жребіяхъ, нарочно для сего приготовленныхъ, имена младенчествую-

путемъ пожалованія имъ грамотъ на зайсанское званіе[1]). Монгольскіе вожди обязывались къ «повиновенію» Далай-Ламѣ, отправлялись лично для поклоненія, снаряжали посольства съ дарами и пр. При нарушеніи должныхъ отношеній къ нему, монгольскіе вожди наказывались тибетскимъ папой при посредствѣ мѣстнаго клира, нерѣдко лишались родоваго наряда, уступая его другимъ нойонамъ, возводившимся Далай-Ламой въ званіе тайшей и хановъ. Если Далай-Ламы лично не прини-

---

щихъ кандидатовъ на достоинство хубилгановъ; жребій класть въ чашу, находящуюся въ большомъ золотомъ духовномъ сосудѣ, состоящемъ въ храмѣ тибетскомъ Чжоо, а пекинскомъ Хуля-сун-кугурунъ. Вынимать же оные жребіи въ Тибетѣ Далай Ламѣ, вмѣстѣ съ тамошнимъ генераломъ (правителемъ Тибета), а въ Пекинѣ членамъ палаты съ главнымъ пекинскимъ Хутуктою: счастливый жребій долженъ рѣшить сіе дѣло, которое приводится въ исполненіе вышеозначенными властями. Чтожъ касается до возрожденія Кукунугорскаго (Синеозерскаго) Номун-Хагана: то избраніе его не должно подводить подъ общія правила. Но по уваженію къ тому, что съ высокимъ его духовнымъ саномъ соединена свѣтская власть — управленіе цѣлымъ княжествомъ, надлежитъ смотрѣть при семъ случаѣ не столько на родъ и происхожденіе избираемаго, сколько на расположеніе и преданность къ нему того народа, который имѣетъ поступить въ его управленіе. Такимъ образомъ народное желаніе должно сопроводить жребій избираемаго въ золотой сосудъ-бумба, и извлечь его изъ онаго къ общему удовольствію». Отъ такихъ ограниченій не изъятъ и Далай Лама. И при его избраніи, «судьба жребіями своими не прежде начинаетъ располагать, какъ посовѣтовавшись съ законами». Безъ этого же условія самые очевидные признаки совершившагося перерожденія теряютъ свое значеніе. См. Нила Буддизмъ, 90—92.

[1]) Подобныя грамоты доселѣ сохраняются въ нѣкоторыхъ родахъ зайсанговъ, предки которыхъ возводились въ это званіе Далай Ламами еще въ пору кочеваній калмыковъ въ среднеазіатскихъ степяхъ. Пожалованія такія имѣли потомственный характеръ и соединялись съ нѣкоторыми привиллегіями и преимуществами. Изъ калмыцкихъ дѣлъ напримѣръ видно, что въ 1840 г. зайсангъ Бодма Му-Шараповъ представлялъ суду зарго грамоту на монг. языкѣ, въ подтвержденіе правъ на владѣніе аймакомъ Ачинерова рода. Это была грамота, данная тибетскимъ Дал. Ламою Базаръ-Дара дербенъ-ойратскому зайсангу Баянъ Дарханъ Убушѣ; этой грамотой пожаловано ему съ потомствомъ зайсангское званіе. См. Бюлера, въ От. Зап. 1846 № 11, стр. 38.

мали участія въ родовыхъ собраніяхъ монгольскихъ вождей, то на нихъ присутствовали ихъ послы—кутухты и пр.[1]). Такая сила главы ламайскаго духовенства лишь позже была ограничена китайцами, — какъ уже мы знаемъ, съ 1751 года Далай-Лама ограниченъ однимъ Тибетомъ, которымъ онъ обладаетъ на правахъ свѣтскаго «государя»[2]). Хотя тибетскій папа считается донынѣ вассаломъ Китая, но подчиненіе его чисто номинальное и выражается главнымъ образомъ въ дарахъ, посылаемыхъ Богдыхану разъ въ три года[3]). Въ прежнее время политическая власть Далай-Ламы простиралась и на русскихъ калмыковъ. Они утверждали ихъ вождей въ званіи хановъ[4]); калмыцкіе вожди иногда ѣздили въ Тибетъ (напр. Дайчинъ) не для одного благословенія духовнаго главы, но для дѣйствительнаго утвержденія въ ихъ достоинствѣ, отправляли въ знакъ «послушанія» пословъ съ дарами и пр. Въ свою очередь, Далай-Ламы присылали калмыкамъ жрецовъ, духовныя книги, идолы и пр. Собственно лишь со времени ухода калмыковъ въ 1771 г. сношенія ихъ съ Далай-Ламой стали рѣже, а къ на-

---

[1]) Такъ, на халхаскомъ съѣздѣ 1687 г. присутствовалъ посолъ Далай Ламы (см. Энцикл. лекс. Т. XIII, 148). Такое же значеніе имѣютъ четыре Кутухты, упоминающіеся въ веденіи къ уставу 1640 г.

[2]) См. Палласа Saml. 1, 59; II, 112—113.

[3]) См. Пржевальскаго Монг. I, 53.

[4]) Бакунинъ, напр., говоритъ въ своей рукописи (стр. 5 оборот.): «Да отъ Далай Ламы первой онъ (Аюка) испросилъ себѣ около 1690 года титулъ ханской», — Аюка получилъ отъ Далай Ламы печать (цоло), грамоту и всѣ знаки ханскаго достоинства (см. Костенкова, 6). Подобнымъ же образомъ въ 1734 г. Далай Лама далъ Черенъ Дондуку «ханскій чинъ». См. рукоп. Бакунина, 105. Бакунинъ сообщаетъ подъ 1734 г., что «возвратились въ Сибирь калмыцкіе посланцы, къ Далай Ламѣ посыланные», привезшіе отъ его грамоту на ханскій «чинъ» Черенъ Дондуку (Рукоп. 92). На запросъ правительства о посланцахъ, калмыки отвѣчали, что «по ихъ калмыцкому закону ханами бываютъ у нихъ по указу Далай Ламы, а по свѣтскому обычаю бываютъ тѣ, которые могутъ дѣла исправлять съ благополучіемъ народа» (тамъ же, 95).

чалу текущаго столѣтія офиціально прекращаются вовсе и, если теперь бываютъ, то лишь тайно и въ рѣдкихъ случаяхъ[1]).

Вторая святыня ламаитовъ — *Банценъ*[2]), относящійся по ламайскому ученію къ такимъ же земнымъ воплощеніямъ божества, какъ и Далай-Лама. Это старѣйшій глава тибетскихъ ламаитовъ, считавшійся ихъ верховнымъ первосвященникомъ до реформы Цзонхавы, когда его главенство ограничилось южно-тибетской сектой красношапочниковъ (Ulan-Malachatä). Какъ духовный глава этой секты, Банценъ назначаетъ для нея жрецовъ и вообще находитъ въ южно-тибетскомъ населеніи такихъ же послѣдователей, какъ Далай-Лама — въ сѣверныхъ желтошапочникахъ. Съ теченіемъ времени первоначальная рознь между обѣими сектами стала до того сглаживаться, что оба первосвященника сошлись на почвѣ полнаго примиренія. Если монголы-ламаиты считаютъ теперь въ іерархическомъ отношеніи Далай-Ламу выше Банцена, то по святости отдается предпочтеніе послѣднему, какъ первоначальному ламайскому главѣ и древнѣйшему воплощенію Будды[3]). Такое воззрѣніе установилось у монголовъ уже въ началѣ XVII в. Это видно изъ ойратскаго устава 1640 г.: въ молитвословіи устава Банценъ стоитъ выше Далай-Ламы, — обоимъ придается титулъ «господей», которымъ равно поклоняются монгольскіе ламаиты, спеціально же Банцену — въ силу его святости, какъ господу, «Абида (т. е. Будды) Бурхана чинъ и одѣяніе воспринявшему». Съ тѣмъ же почитаніемъ относились

---

1) О сношеніяхъ калмыковъ съ Далай Ламой см. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 8, стр. 117—118. Костенкова о калм. 2, 5, 6, 33. Палласа I, 27, 5 II, 109, 110, 112—114.

2) Такое наименованіе встрѣчается въ молитвословіи, изложенномъ въ введеніи къ уставу 1640 г. Древнее названіе — *Богдо Лама*; монголы титулуютъ *Баньчань*, *Бань-цинь*, *Bandschen*, *Pantschen*. Съ 1714 г. китайское правительство прибавило къ Баньчань титулъ *Эрдени* (драгоцѣнный). См. Bergm. Saml. II, 113. Тимковскаго II, 176—177. Пржевальскаго I, 7.

3) Пржевальскій называетъ Бань-цинь несовсѣмъ вѣрно «помощникомъ» Далай Ламы. См. Монг. I, 7.

къ Банцену и калмыки. Есть извѣстія, что въ прошломъ вѣкѣ, пока не прекратились офиціальныя сношенія калмыковъ съ Тибетомъ, они отправляли посольства съ дарами къ обоимъ тибетскимъ первосвященникамъ[1]).

Третій рангъ ламайскихъ богдъ и хубилгановъ (перерожденцевъ) составляютъ *хутукты* (монг. кутухты, тангут. Gussee): Въ іерархическомъ отношеніи они составляютъ намѣстниковъ Далай-Ламы и Банцена, управляютъ духовными дѣлами отдѣльныхъ областей въ значеніи старшихъ ламъ, съ титуломъ «гыгеновъ», подчиненныхъ непосредственно Далай-Ламѣ; нѣкоторые и живутъ при немъ или же при кумирняхъ въ разныхъ мѣстахъ монгольскаго кочевья. Подобно Далай-Ламѣ, они считаются воплощеніями и земными представителями божества, почему имъ воздается такое же поклоненіе, какъ и высшимъ первосвященникамъ. По молитвословію ойратскаго устава, хутукты носятъ титулы «господей», «Шакджи-Муніевыхъ іереевъ» — титулы, общіе для всѣхъ ламайскихъ патріарховъ, считающихся перерожденцами (хубилганами). Назначеніе новыхъ хутуктъ зависитъ отъ избранія Далай-Ламы и сопровождается испытаніемъ избраннаго въ духовномъ собраніи; въ настоящее время требуется утвержденіе правительства[2]). У мон-

---

[1]) См. Палласа Saml. I, 19, 21, 26 — 27; II, 110 — 115. Тимковскаго Путеш. II, 176—178; III, 399. Нила Будд. 84.

[2]) По словамъ Тимковскаго, кутухты «не имѣютъ столько силы, чтобы по собственному произволу (какъ Далай Лама) могли являть себя въ новыхъ тѣлахъ. Далай Лама назначаетъ дѣтей, въ коихъ душа кутухты должна переселиться или уже переселилась. Избранный для сего мальчикъ, большею частію изъ знатныхъ семействъ, воспитывается прилично будущему его званію, чтобы потомъ торжественно наслѣдовать прежнему кутухтѣ. Когда душа кутухты перейдетъ въ новое тѣло, т. е. когда онъ умретъ, ламы, въ соблюденіе принятаго обряда, стараются отыскать то мѣсто, гдѣ сей чудный первосвященникъ паки возвратился на сей свѣтъ. По открытіи, какъ бы нечаянно, готоваго преемника, посылаютъ старыхъ ламъ для освидѣтельствованія его. Они берутъ съ собой нѣсколько вещей, принадлежавшихъ покойному кутухтѣ, перемѣшиваютъ ихъ съ другими и представляютъ ихъ новому

головъ кутухты не пользуются одинаковымъ значеніемъ. Главнымъ намѣстникомъ Далай-Ламы у среднеазіатскихъ монголовъ считается гыгенъ или кутухта ургинскій, живущій въ Ургѣ, (Куренѣ — главномъ городѣ Халхи); ему подчиняется все духовенство Монголіи вмѣстѣ съ мѣстными кутухтами, живущими въ разныхъ частяхъ Монголіи при отдѣльныхъ кумирняхъ[1]). По свидѣтельству очевидцевъ, монгольскіе гыгены находятся подъ постоянной опекой приближенныхъ ламъ, въ собственныхъ интересахъ поддерживающихъ умственную ограниченность этихъ земныхъ воплощеній божества. «Она обезпечиваетъ господство послѣднихъ (ламъ), которые до того ревниво оберегаютъ свое значеніе, что способные мальчики, попавшіе въ такое званіе, иногда отравляются своими же блюстителями»[2]).

За кутухтами слѣдуетъ, въ порядкѣ іерархическаго подчиненія, классъ *ламъ* — высшихъ улусныхъ жрецовъ, завѣ-

---

кандидату, который хватаетъ первыя съ поспѣшностію, а послѣднія отвергаетъ. Потомъ дѣлаютъ ему вопросы касательно событій, случившихся при его предшественникѣ, и онъ отвѣчаетъ удовлетворительно. Тогда всѣ признаютъ его за прежде бывшаго кутухту». (См. Путеш. I, 34). Нилъ свидѣтельствуетъ, что вообще ламайскіе перерожденцы познаются по извѣстнымъ признакамъ и указаніямъ «жребія судебъ». Если умиралъ хубилганъ, то «буддійскіе законовѣды обращаются къ жребіямъ судебъ, по ихъ указаніямъ отыскиваютъ слѣды странницы (души), а потомъ узнаютъ и самое существо въ которое она вновь облеклась». См. Буддизмъ, 80. См. выше стр. 397, правила монг. уложенія объ избраніи хубилгановъ.

[1]) Такихъ кутухтъ насчитывается въ Монголіи болѣе сотни. См. Бичурина Стат. описаніе Кит. имперіи, II, 60. Они раздѣляются на нѣсколько степеней — простыхъ хубилгановъ, шаварановъ и бишерелту — разныхъ святошей, производящихъ чудеса; таковы напр. бродячіе кудесники и т. См. Нила Будд. 79—81.

[2]) Но это бываетъ и по наущенію китайскаго правительства, опасающагося видѣть сколько нибудь самостоятельную личность во главѣ духовной іерархіи монголовъ. См. Пржевальскаго Монг. I, 8. — О кутухтахъ см. Pall. Saml. II. 117—119. Нила Будд. 79—83. Тимковскаго Пут. I, 33—34, 231; II, 198; III, 399—400. Пржевальскаго Монг. I, 6—8, 54.

дывающихъ въ своихъ округахъ низшимъ духовенствомъ. У среднеазіатскихъ ламаитовъ классъ ламъ слагается изъ нѣсколькихъ степеней или ранговъ. На первомъ планѣ стоитъ цорджи (Zordschäh-Lama)[1] — духовный глава отдѣльной орды или улуса, поставляемый Далай-Ламой или главнымъ хутукту съ знатными ламами; по святости и знанію религіознаго закона цорджи считается выше другихъ ламъ въ цѣлой ордѣ. Второй рангъ монгольскихъ ламъ составляютъ Rab — bjdschamba (Arandshymba), находящіеся при отдѣльныхъ кумирняхъ; въ этотъ рангъ поставляютъ кутухты въ тибетскихъ духовныхъ собраніяхъ изъ духовныхъ лицъ, извѣстныхъ своей святостію и ученостію. Въ тибетскихъ монастыряхъ, кромѣ того, есть особый рангъ ламъ, подъ названіемъ Gabdshu (Chadbshu), — жрецовъ, которыхъ обязанность состоитъ въ толкованіи священныхъ книгъ въ общихъ собраніяхъ духовенства. Есть еще четвертый рангъ ламъ — отшельниковъ, Dajandschi, посвящаемыхъ Далай-Ламой или кутухтой изъ духовныхъ высшей степени святости, дающихъ обѣты уединеннаго служенія богамъ и пр. Изъ этихъ ранговъ избирается, съ утвержденія Далай-Ламы, въ каждой большой ордѣ высшій лама въ значеніи духовнаго главы, завѣдывающаго всѣмъ улуснымъ духовенствомъ; но иногда изъ этихъ же ранговъ поставлялись ламы и въ небольшіе улусы подчиненныхъ нойоновъ[2].—Калмыцкое духовенство состоитъ собственно изъ ламъ и простаго или низшаго духовенства[3]). Калмыцкіе уставы различаютъ два ранга ламъ: главныхъ или верховныхъ ламъ и цорджи. Въ прежнее время у калмыковъ было нѣсколько главныхъ ламъ, возводимыхъ въ этотъ санъ Далай-Ламой, — по старымъ калмыцкимъ обычаямъ, каждый улусъ имѣлъ своего главнаго ламу, завѣдывавшаго улуснымъ духовенствомъ и всѣми

---

[1]) По Палласу Zordschäh означаетъ «Nom» — религіозный законъ Saml. I, 119.

[2]) Палл. Saml. II, 119—120, 435.

[3]) Уст. 1640 г. ст. 6. Зинз. улож. 1, 3, 4 и пр.

духовными дѣлами улуса. Со времени прекращенія сношеній калмыковъ съ тибетскимъ Далай-Ламой, присылавшимъ въ ихъ улусы высшихъ жрецовъ, избраніе послѣднихъ стало въ зависимость отъ калмыцкихъ владѣльцевъ и мѣстнаго духовенства. Зинз. уложеніе говоритъ о ламахъ «владѣльческихъ», управлявшихъ духовными дѣлами при улусныхъ владѣльцахъ-нойонахъ, и ламахъ, принадлежавшихъ къ казеннымъ или выморочнымъ улусамъ; первые поставляются по выбору самаго владѣльца, вторые — по выбору и съ согласія «общества»[1]. Съ 1800 г. требуется также утвержденіе правительствомъ ламъ въ ихъ должностяхъ[2]). Позже (съ 1834 г.) число главныхъ калмыцкихъ ламъ ограничено двумя (по назначенію правительства); съ 40-хъ годовъ калмыки подчиняются одному верховному ламѣ, завѣдывающему всѣмъ калмыцкимъ духовенствомъ[3]). Цорджи упоминаются въ ойратскомъ уставѣ и доселѣ существуютъ у калмыковъ въ значеніи старшихъ жрецовъ, подчиненныхъ верховному ламѣ и находящихся въ каждомъ улусѣ при главныхъ кумирняхъ, какъ ихъ настоятели, управляющіе приписаннымъ къ нимъ улуснымъ духовенствомъ[4]). — Въ эпоху стараго ойратства монголовъ ламы, какъ главные улусные намѣстники тибетскаго Далай-Ламы, весьма мало зависѣли отъ монгольскихъ родоправителей, — давать приказанія ламамъ могли одни ойратскіе главы — ханы и контайши[5]). Тоже самое было въ прежнее время и у калмыковъ. Ихъ улусные ламы стали въ прямую зависимость отъ владѣльцевъ со времени уничтоженія у калмыковъ ханскаго наряда и подчиненія ихъ управленію отдѣльныхъ улусныхъ нойоновъ[6]).

---

[1]) Зинз. улож. 1, 4.

[2]) П. С. З. № 19600.

[3]) См. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 8, стр. 119. Ср. Нила Буддизмъ 68, 93.

[4]) Уставъ 1640 г. ст. 21. Ср. Бентковскаго, въ Сборн. ст. св. по Ставропольской губ VII, 26.

[5]) См. мое соч.—Др. монг. уст. 237.

[6]) Бакунинъ такъ характеризуетъ значеніе калмыцкихъ ламъ въ пре-

Простое духовенство, подчиненное ламамъ, раздѣляется на нѣсколько улусныхъ округовъ (Kürö)[1]) и состоитъ изъ трехъ разрядовъ, различающихся по обѣтамъ и іерархическимъ правамъ и обязанностямъ: посвященныхъ жрецовъ (геленовъ), служителей вѣры (гецулей) и учениковъ вѣры (тоиновъ или бандинеровъ).

Гелены (гелюнги, гэлуны монг., Gellüng, Gellong, Gellun) составляютъ классъ «посвященныхъ» жрецовъ — духовныхъ, отправляющихъ при кумирняхъ всѣ жреческія службы и подчиненныхъ непосредственно ламамъ. По ламайскимъ обычаямъ, для полученія званія гелена требуется прохожденіе низшихъ степеней (гецуля и манжи) и посвященіе улуснымъ ламой въ собраніи мѣстнаго духовенства, съ согласія и утвержденія владѣльцевъ[2]). Въ калмыцкихъ уставахъ различаются старшіе гелены (бакши) отъ низшихъ, отправлявшихъ различныя должности при кумирняхъ (хурулахъ)[3]).—*Бакши* (Bakschi) соотвѣтствуетъ «бхикшу» старыхъ буддистовъ[4]). По старому ойратскому уставу, бакши означаетъ «духовнаго учителя», по Зинз. же уложенію — «въ родѣ архимандрита», представляющаго въ улусѣ второе духовное лице послѣ ламы и заступающаго мѣсто послѣдняго въ случаѣ его небытности[5]). Это старѣйшій геленъ, спеціально занимающійся руководствомъ

шломъ столѣтіи: «колѣнопреклоненіемъ почитаютъ да и впрочемъ ихъ (духовныхъ), а паче ламу или кутухту (послѣднихъ монголы) за *меньшихъ боговъ своихъ* считаютъ». См. рукопись Бакунина, 107.

[1]) Въ прошломъ вѣкѣ духовенство торгоутской орды дѣлилось на 20 округовъ или епархій; у дербетовъ было 6 округовъ, въ другихъ улусахъ меньше. См. Пал. II, 127.

[2]) Въ прежнее время Далай Лама посылалъ калмыкамъ геленовъ изъ Тибета. См. рукопись Бакунина, 107.—Зинз. уложеніе обязываетъ владѣльцевъ наблюдать, чтобы въ ихъ улусахъ было положенное число гелюнговъ, и чтобы въ случаѣ убыли ихъ недостатокъ пополнялся изъ гецулей «лучшаго дарованія» (ст. 4, 14, 16). Ср. Палл. Saml. II, 437. Пржеваль. I, 55.

[3]) См. уст. 1640 г. ст. 21. Зинз. улож. ст. 5. 17.

[4]) См. Минаева Община буд. монаховъ, въ Жур. Мин. Пр., 1879 янв. 34.

[5]) Уст. 1640 ст. 21. Зин. ул. 1, 4.

«учениковъ вѣры» и обученіемъ дѣтей[1]); онъ завѣдываетъ также духовными собраніями въ своемъ округѣ[2]). Послѣ бакши второй санъ геленовъ составляетъ, по Зинз. уложенію, *укзус* — «въ родѣ игумена»[3]). Остальные гелены отправляютъ при хурулахъ (кумирняхъ) должности благочинныхъ (*гепкю*, Gherku, Ghezku), хранителей бурхановъ (боговъ, — *бурхачи*), ключарей, завѣдывающихъ хурульною казною и утварью (*геикэ*), экономовъ по продовольственной части (*нирбо*) и регентовъ хористовъ (*гунзудэ*)[4]). Есть также гелены, посвящающіе себя гаданіямъ и волхвованіямъ при разныхъ случаяхъ (во время свадьбъ, родинъ и пр.), — *зурхачи* (гадатели—астрологи) и *задычи* (волхвы); другіе занимаются медициной — *эмчи* (тангут. Memda)[5]).

Гецуль (Gödsüll)[6]) — «служитель вѣры», рангъ средній между жрецомъ и ученикомъ вѣры, принадлежитъ къ посвященнымъ духовнымъ (поставляетъ улусный лама) въ значеніи помощника гелена. Гецулы живутъ при кумирняхъ, — участву-

[1]) Законы Галдана обязываютъ родителей отдавать дѣтей въ обученіе бакши. См. уставъ 149 Бакши «владѣльческій» (состоящій при ставкѣ владѣльца) считается выше улуснаго (при родовыхъ хурулахъ). См. уст. 16[illegible], ст. 21, 39.

[2]) О бакши см. Палл. Saml. II, 126. Бюлера въ От. Зап. 1846, № [illegible] стр. 120. Нила Будд. 56, 71, 182.

[3]) Зинз. улож. 4. Этотъ санъ не упоминается въ старомъ уставѣ; нѣтъ указаній на него въ трудахъ изслѣдователей.

[4]) Гепкю, по Зинз. уложенію, управляетъ хуруломъ—капищемъ и духовенствомъ (ст. 4, 5). Онъ избирается изъ почетныхъ членовъ всѣхъ хурульнымъ духовенствомъ на годъ. Выборный же характеръ имѣютъ и остальныя должности. Гунзуды избираются изъ геленовъ и гецулей. См. Палл. Saml. II, 126. Бюлера № 8, стр. 120. Бентковскаго о праздн. 26.

[5]) Тѣ и другіе руководятся священными книгами ламаитовъ. См. Палласа Saml. II, 126. Небольсина Библ. 1852, № 6, стр. 93—94, № 7 стр. [illegible] Бюлера От. Зап. 1846, № 8 стр. 122—123. Бентковскаго о праздн. 26. [illegible] Бакунину, въ прошломъ вѣкѣ калмыцкіе эмчи лечили по тангутскимъ книгамъ, выписываемымъ изъ Тибета, другіе же — волшебствомъ. См. рукоп. Бакунина 107.

[6]) Калмыки называютъ ихъ «гевыль», сибирскіе ламаиты — гецулъ и унзатъ. См. Бюлера, № 8, стр. 120. Нила, 72.

ютъ въ молитвослуженіяхъ и исправляютъ жреческія требы наравнѣ съ геленами. Нѣкоторые гецулы находятся при отдѣльныхъ хотонахъ, особенно отдаленныхъ, для подані духовной помощи мірянамъ въ нужныхъ случаяхъ. Зинз. уложеніе требуетъ «на мѣста гецулей ставить изъ манжи, понятіемъ одаренныхъ»[1]).

Низшій классъ духовныхъ составляютъ монгольскіе *тоины*, калм. *бандинеры* (бандинаръ-шабинеры, церковнослужители, низшій причтъ)[2]). По обѣтамъ и служебнымъ обязанностямъ бандинеры раздѣляются на два разряда — баньди и убаши. *Баньди* или *манжи* (Mandshi, Mandshiki, тибет. рабцюнъ)[3]) соотвѣтствуетъ «саманера» (послушникъ, ученикъ) древнихъ буддистовъ и означаетъ испорчен. санскрит. «bandja»—чтимый[4]). Манжи — «ученикъ вѣры», приготовляющійся къ посвященію въ духовныя степени (гецуля и гелена),—ученикъ, оставившій міръ, но еще «не посвященный», отдавшійся подъ руководство жрецовъ (бакши) для изученія правилъ вѣры и утвержденія въ буддійскихъ обѣтахъ[5]). Въ кумирняхъ, при богослуженіи, манжи исполняетъ должность прислужника (дьячка по Зинз. улож.)[6]). — *Убаши* (убуши, монг. обуши, тибет.

---

[1]) См. уст. 1640 ст. 145. Зин. улож. 2, 16. Ср. Палл. Saml. II, 131. Тимковскаго Пут. III, 401. Нила, 72. Бентковскаго о праздн. 26.

[2]) О тоинахъ см. Тимковскаго Путеш. III, 401; Бентковскаго о праздн. 26. О бандинерахъ — Зинз. улож. 2, 11.

[3]) Баньди и Mandshi стараго устава (по рус. сп. 20, по сп. Палласа 18, 145) соотвѣтствуетъ манжи Зинз. уложенія (2, 10, 11. 16). О рабцюнъ см. Тимковскаго Путеш. III. 401.

[4]) См. Минаева Община, въ Жур. Мин. Пр. 1879, янв., 7, 10, 17, 34. По объясненію Палласа манжи значитъ «рожденный къ духовному призванію» (см. Saml. II, 133).

[5]) У монголовъ и калмыковъ нерѣдко и взрослые люди, особенно вдовцы, оставляютъ міръ и посвящаютъ себя въ манжи, проходя затѣмъ всѣ духовныя степени. См. Палл. Saml. II, 135.

[6]) О банди и манжи см. Палл. Saml. II, 133—136. Нила Будд. 71. Тимковскаго Пут. I, 130; III, 401. Бентковскаго о праздн. 26.

генинъ) соотвѣтствуетъ «упасака» древнихъ буддистовъ, — первой степени членовъ буддійской общины; это «непосвященные» буддисты-міряне, обязавшіеся извѣстными обѣтами[1]). Ламайскіе обычаи дозволяютъ принимать обѣты убаши и женщинамъ, называющимся *убасунца* (убасанца, убашенца). Принимая благочестивые обѣты, убаши и убасунца носятъ особую одежду и примыкаютъ къ общинѣ духовныхъ; почему въ Зин. уложеніи они называются монахами и монахинями[2]). Убаши могутъ жить при капищахъ подъ руководствомъ бакши, въ качествѣ капищныхъ служителей и служительницъ[3]); но они могутъ также не оставлять своей семьи и жизни въ мірѣ, — могутъ даже вести брачную жизнь. Въ этомъ собственно заключается различіе между калмыцкимъ манжи и убаши: первый всегда находится при хурулѣ, въ школѣ бакши, и въ случаѣ брака долженъ былъ вовсе оставить свое званіе,—второй могъ жить въ мірѣ и отправлять обѣты убаши. Наконецъ, калмыцкіе манжи и убаши могли вовсе оставить духовную общину и возвратиться въ свой родъ; монгольскіе баньди, напротивъ, подобно посвященнымъ жрецамъ, связываются обѣтами навсегда (см. ниже). Въ Тибетѣ и у среднеазіатскихъ монголовъ убаши доселѣ остаются въ прежнемъ почетѣ, тогда какъ у теперешнихъ калмыковъ званіе это вовсе исчезло[4]).

Кромѣ рядоваго духовенства, принадлежащаго къ общинѣ посвященныхъ ламъ и другихъ духовныхъ разныхъ степеней, у монголовъ и другихъ буддистовъ-ламаитовъ существуетъ также классъ *отшельниковъ* (пустынниковъ) и *монашествующихъ*, не причисляющихся къ духовной общинѣ и ведущихъ благочестивую жизнь. Первую степень составляютъ у калмыковъ

---

[1]) См. Минаева Община, въ Жур. Мин. Пр. 1879, янв. 8, 16, 34.

[2]) Зин. улож. ст. 2. Впрочемъ такое наименованіе не совсѣмъ точно.— классъ монаховъ носилъ особое названіе (см. ниже).

[3]) Уст. 1640 ст. 21.

[4]) См. Палл. Saml. II, 128, 135. Іакинѳа Опис. Тибета, 213. Тимковскаго Пут. III, 401. Нила Будд. 71. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 8, стр. 120.

вдовы и другія женщины, которыя съ благословенія ламъ получаютъ наименованіе *улуссунца* и посвящаютъ себя постоянной молитвѣ и нѣкоторымъ обѣтамъ, не оставляя однако семейной жизни, — онѣ могутъ выходить замужъ, безъ нарушенія принятыхъ обѣтовъ. Вторую степень подвижничества представляютъ *шабаганци* (Tschebagantsi)[1] — дѣвственницы, отрекающіяся отъ брачной жизни и принимающія посвященіе вмѣстѣ съ ношеніемъ особой духовной одежды. Такіе же обѣты принимаютъ отшельники — *Süsükta* или *Ottmantschi*; нѣкоторые изъ нихъ даютъ обѣты пустынножительства, ведутъ бродячую жизнь, питаются подаяніемъ и пр. Высшую степень отшельниковъ составляютъ упомянутые выше *Dajantschi*, принадлежащіе къ классу ламъ—пустынножителей[2]). У сибирскихъ буддистовъ есть такіе же подвижники: шиминанци—дѣвственницы, живущія въ своихъ семьяхъ и родахъ и дающія на всю жизнь обѣтъ цѣломудрія, поста и молитвъ, и діанчи—пустынники, отрекшіеся отъ міра и посвятившіе себя служенію богамъ[3]).

[1]) См. уст. 1640 ст. 21.

[2]) См. Палл. Saml. I, 120, 135—137. Тимковскій свидѣтельствуетъ, что монгольскія «чабханьци» (по Пржевальскому, шабганцза — калм. шабаганци), принимая обѣты подвижничества, могутъ и не отрекаться отъ семейной жизни, оставаясь въ своихъ семьяхъ съ мужьями (см. Тимк. Пут. III, 403; Пржевальскаго Монг. I, 56). Въ Тибетѣ (напр. близь Хлассы — столицы Далай Ламы) есть цѣлые монастыри дѣвицъ-отшельницъ съ ихъ настоятельницами — Пагму или Хутуктай (см. Тимковскаго III, 176). Палласъ записалъ слѣдующій любопытный обычай, сохранявшійся въ его время въ быту калмыцкихъ дѣвственницъ (шабаганци): до 30 ти лѣтъ онѣ должны жить цѣломудренно, но затѣмъ тайно и въ извѣстныя ночи спать съ незнакомыми имъ мужчинами; дитя, родившееся отъ такой связи, считается у калмыковъ святымъ и посвящается богамъ. Палласъ, впрочемъ, не ручается за полную достовѣрность этого обычая. (См. Saml. II, 137).

[3]) См. Нила Будд. 176—177. Пріютомъ пустынникамъ служатъ горы и вертепы; онъ не долженъ входить въ жилые дома,— вся жизнь его должна проходить въ умерщвленіи плоти, постоянной молитвѣ и постѣ. «Пусть звѣрь разверзаетъ пасть свою или змѣя жалитъ пяту; пусть рушатся и падаютъ надъ головою скалы или воды грозятъ потопленіемъ: діанчи не долженъ прерывать начатую молитву, ни даже измѣнять своего молитвеннаго положенія». Тамъ же 179.

Вмѣстѣ съ указаніями на исчисленныя [illegible] ...ства, калмыцкіе уставы излагаютъ правила касательно [illegible] нія въ духовное званіе и выхода изъ него, также пра... надлежащихъ цѣлому духовенству и лично каждому [illegible] — наконецъ касательно духовныхъ обѣтовъ ([illegible] повѣдей).

По обычаямъ древнихъ буддистовъ, принятіе въ [illegible] общину первоначально не подлежало особеннымъ ограниче... въ нее могъ поступить всякій, вѣровавшій въ Будд... законъ, какъ въ свои двѣ защиты,—позже прибавилась [illegible] защита — сама община (сангха). Для посвященія въ члены требовалось одно заявленіе о желаніи сдѣлаться [illegible] сака»; больше ничего не требовалось, — ни условій св... ни возраста и пр. Позже появился цѣлый рядъ тре... которымъ долженъ былъ удовлетворять всякій, кто искалъ [illegible] священія въ духовные. Сангха могла принимать «покидаю... міръ» въ опредѣленномъ числѣ и при соблюденіи извѣст... условій. Такъ, только по достиженіи 20-ти лѣтъ могло [illegible] совершено «посвященіе»,—ниже этого возраста можно [illegible] «оставлять міръ», и то съ согласія родителей (но сынъ [illegible] лый посвящался и безъ согласія отца, особенно если [illegible] ними послѣдовала ссора и пр.). Саманеровъ (послушни... могли «дарить» сангхѣ не только отдѣльныя семьи, но [illegible] лыя деревни, которыя могли обратиться къ сангхѣ съ [illegible] ложеніемъ: «выберите кого хотите и даруйте ему посвящ... Къ посвященію не допускались: рабы (безъ отпущенія на [illegible] лю), сектанты-отступники, прокаженные, — воины, ца[illegible] слуги и люди, состоявшіе на жалованьи, — разбойники [illegible] вѣдомо лихіе люди,—люди, высѣченные кнутомъ (пока бу[illegible] оставаться знаки), должники, евнухи, «воровскіе сожит... (т. е. кто самъ оставитъ міръ и будетъ вести себя какъ [illegible] махъ), убійцы матери, отца и пр.,—лица съ физическимъ [illegible] ствомъ и пр.[1]).

---

[1]) См. обстоятельное и подробное изслѣдованіе вопроса о приня[illegible]

У среднеазіатскихъ ламаитовъ установились также опре-енные обычаи, изстари соблюдающіеся при принятіи въ ла-ское духовенство. У монголовъ доселѣ каждый отецъ семьи, обычаю, считаетъ обязанностью посвятить хоть одного сына духовное званіе[1]). У калмыковъ точно также каждый отецъ, ѣющій трехъ и болѣе сыновей, непремѣнно посвящаетъ од-о въ манжи[2]). Въ прежнее время предоставлялось на волю ждаго простолюдина отдавать сына въ духовное званіе; люди знатные, даже нойоны, обязаны были отдавать дѣтей въ ховные ученики (безъ посвященія) или по крайней мѣрѣ учать ихъ у духовныхъ (бакши) въ теченіе опредѣленнаго емени. Обычай не установлялъ точныхъ лѣтъ, на которыя дители должны были посвящать дѣтей духовному званію; ъ родителей зависѣло отдавать ихъ отъ 4 до 15-ти лѣтъ, послѣ его манжи, окончивъ обученіе у бакши, выходилъ въ свѣт-кое званіе или же, при желаніи остаться духовнымъ, посвя-щался въ дальнѣйшія духовныя степени. Самое посвященіе югло имѣть мѣсто, главнымъ образомъ, подъ условіемъ заяв-ленія отца гелену о желаніи сына принять посвященіе въ ду-ховное званіе, послѣ чего кандидатъ, послѣ руководства ду-ховнаго учителя (бакши), наставлявшаго въ обѣтахъ и прави-лахъ вѣры, посвящался въ степени гецулей и геленовъ[3]). Въ старыхъ калмыцкихъ законахъ не находимъ особыхъ постанов-леній о принятіи въ духовное званіе и отдачѣ дѣтей въ ду-ховные ученики. Эти вопросы впервые затрогиваются законами Дербетовскаго улуса и въ особенности подробно опредѣлены

древнюю будд. общину, въ цитированной не разъ статьѣ Минаева Община и пр. 8—18.

[1]) См. Тимковскаго Путеш. I, 76; III, 400. Пржевальскаго I, 55. Іакинеомъ записаны самые обычаи вступленія въ духовное званіе. См. его Зап. о Монг. IV, 228—230.

[2]) См. Страхова Сост. калм. народа, 22. Нееедьева о волж. калм 95. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 8, стр. 121.

[3]) См. Палласа Saml. II, 133.

Зинз. уложеніемъ. Обязывая «знатныхъ» родителей отдавать дѣтей до 15-ти лѣтъ въ духовные ученики, Дербетовскіе законы вмѣстѣ съ тѣмъ принимаютъ за правило, чтобы, при принятіи молодыхъ людей въ духовное званіе, брали во вниманіе всѣ «Fähigkeiten u. Vorzüge», «Gaben u Würden»[1] Нѣкоторыя изъ такихъ условій констатированы Зинз. уложеніемъ. Въ немъ признается обязательной для всѣхъ, кромѣ простолюдиновъ[2]), отдача сыновей духовному учителю (бакши) до опредѣленныхъ лѣтъ (именно до 15-ти)[3]), и затѣмъ констатируются правила принятія учениковъ въ духовное званіе съ нѣкоторыми ограниченіями и измѣненіями прежнихъ обычаевъ, главнымъ образомъ въ родовыхъ интересахъ «общества» изъ среды котораго по старымъ обычаямъ наиболѣе дѣятельные и «нужные» члены обязательно исторгались духовной общиной. Такимъ образомъ, Зинз. уложеніе не признаетъ старой обязанности родителей отдавать сына въ духовное званіе. Въ немъ лишь говорится, что каждый «воленъ» отдать своего сына учителю вѣры для посвященія въ духовное званіе. Отданный долженъ обучаться грамотѣ до 17 лѣтъ, — срокъ, по достиженіи котораго, при желаніи ученика (манжи), дозволялось по калмыцкимъ обычаямъ посвящать въ духовныя степени гецулей и гелюновъ. Поставивъ поступленіе ученика въ духовную общину въ зависимость отъ собственнаго желанія ученика и воли отца, калмыцкіе законы затѣмъ обращаютъ вниманіе также на обс-

---

[1]) См. уст. 147, 149.

[2]) Отдавать дѣтей учителю для обученія простолюдины могутъ «по силѣ возможности»; но и для нихъ обязательно обученіе дѣтей чтенію монгольскаго письма (ст. 127, 128).

[3]) Отдача дѣтей въ обученіе подъ руководствомъ бакши служитъ на дѣлѣ лучшей школой, развивающей въ ученикахъ охоту и желаніе вступить въ «манжики» и затѣмъ въ посвященные жрецы. Эта-то подготовительная школа изстари находится въ исключительныхъ рукахъ буддійскаго духовенства, въ собственныхъ интересахъ поддерживающаго въ молодомъ поколѣніи стремленіе войти въ составъ привиллегированной общины духовныхъ.

гвенные интересы, ставятъ принятіе въ духовное званіе въ зязь съ согласіемъ «общества» (т. е. рода, къ которому приьдлежитъ ученикъ) и родоправителей — зайсанга и владѣльъ. Если ученикъ, достигнувъ указаннаго возраста, пожелаетъ эсвятиться въ гецули или гелены, то отецъ или ближайшіе эдичи должны испросить соизволеніе общества или зайсанга — послѣдніе могутъ не изъявить согласія, «признавая его ужнымъ». Затѣмъ, при ихъ согласіи, объявляется о томъ иадѣльцу и, если будетъ согласіе и съ его стороны, кандиатъ «представляется хурулу» для совершенія обряда посвящеія. Мало того: Зинзилинское собраніе установляетъ новое граниченіе въ видахъ гарантіи родовыхъ интересовъ, именно оддержанія рода, — запрещаетъ посвящать въ гецули и геэны, если у отца только одинъ сынъ, «дабы тѣмъ не пreѣклось поколѣніе». Коммиссія калмыцкихъ дѣлъ пошла еще альше, положивъ не посвящать въ духовенство и «изъ двухъ ыновей»[1]).

Обѣты, принимавшіеся «посвященными» духовными и отрывавшіе имъ доступъ къ жреческимъ функціямъ, соединялись ъ «оставленіемъ міра» навсегда. Кто разъ оставилъ міръ, отъ не могъ уже по собственной волѣ занять въ немъ прежяго общественнаго положенія: духовный, своевольно оставляющій свой «чинъ», считается по калмыцкимъ законамъ «проивникомъ священной вѣры и нарушителемъ благословеннаго остоянія, непріязненнымъ калмыцкому народу», и потому подежитъ опредѣленному наказанію — по ойратскому уставу лиіенію половины пожитковъ и скота[2]), а по Зинз. уложенію,

[1]) См. Зинз. уложен. ст. 15; къ ст. 15. Объ обычаяхъ принятія и освященія въ духовное званіе у современныхъ калмыковъ см Бентковскаго,) праздн. 25—26.

[2]) Уст. 1640 ст. 22. По сп. Палл. уставъ говоритъ объ оставленіи сана освященнымъ жрецомъ (geweyhten Priester); но тоже правило должно было асаться и гецулей, принадлежавшихъ также къ «посвященнымъ въ духовый чинъ».

кромѣ того, зачисленію въ «сословіе простыхъ подвластныхъ»[1]. Владѣльцамъ и зайсангамъ вмѣняется въ обязанность отвращать и не допускать духовныхъ, «оставившихъ мірскую жизнь временнаго свѣта», самовольно обращаться къ ней, совлекы съ себя «ризу нетлѣнія», по фигуральному выраженію Зинзил. уложенія[2]). Лишь въ одномъ случаѣ дозволяется духовным обращаться къ мірской жизни] и оставлять свой санъ, именно если «по опредѣленію судьбы, мірская надобность встрѣтится оказывать покровительство его родственникамъ, къ улучшенію ихъ жребія, къ чему и самая справедливость неотмѣнно потребовала бы обращать собственное его вниманіе»[3]). Съ другой стороны, калмыцкіе законы допускаютъ «разстриженіе» духовныхъ противъ ихъ желанія, въ случаѣ нарушенія ими «запрещенныхъ заповѣдей» (духовныхъ обѣтовъ), — нарушенія, при которомъ, по буддійскому каноническому праву, нарушитель обѣтовъ «не можетъ жить вмѣстѣ съ духовными, онъ долженъ занять свое прежнее положеніе (сдѣлаться міряниномъ), быть отлученъ и исключенъ изъ сожительства»[4]). Правила, запрещающія оставленіе духоваго званія, касаются всѣхъ «посвященныхъ» въ духовныя степени (гецулей, геленовъ и пр.). У монголовъ къ посвященнымъ относятся наравнѣ съ жрецами и

[1]) Зинз. улож. ст. 3, 17. Зачисленіе въ податные классы бывшихъ духовныхъ, по рожденію принадлежавшихъ большею частію къ знатнымъ или извѣстнымъ въ обществѣ людямъ, было во всякомъ случаѣ деградаціей и прямымъ наказаніемъ.

[2]) Зинз. улож. 17.

[3]) Но и въ такихъ случаяхъ требуется, чтобы духовный под... объяснилъ хурулу и владѣльцу о причинахъ, заставляющихъ его вст... «въ сословіе свѣтскихъ людей». (Зинз. улож. 18). Оцѣнка уважительности такихъ причинъ, очевидно, принадлежала хурулу и владѣльцу, отъ кот... зависѣло не увольнять просителя, если заявленныя имъ причины оказ... неуважительными.

[4]) См. Пратимокша-Сутра, 31. Калмыцкіе законы относятъ къ п... намъ разстриженія духовныхъ: прелюбодѣяніе и вообще нарушеніе обѣта безбрачія, пьянство, несоблюденіе 10-ти заповѣдей (см. ниже) и пр. См. ...

ученики вѣры (баньди): въ силу мѣстныхъ каноническихъ правилъ, они считаются навсегда связанными обѣтами своего званія (главнымъ образомъ, обѣтомъ безбрачія) и потому не могутъ безъ особенныхъ причинъ выходить въ оставленную ими «мірскую жизнь». Въ иномъ положеніи находятся у калмыковъ манжи, сближающіеся въ этомъ отношеніи съ убаши: какъ уже замѣчено, манжи, по окончаніи обучанія у бакши, могутъ изъявить желаніе посвятиться въ гецули, но могутъ и оставить званіе ученика безъ особенныхъ ограниченій и возвратиться въ свой родъ, въ качествѣ мірянъ, слагая съ себя обѣты, соединенные съ духовнымъ званіемъ[1]).

Улусное духовенство распредѣляется по *округамъ* (Kürö), подвѣдомственнымъ отдѣльнымъ ламамъ, и живетъ въ разныхъ мѣстахъ монгольскаго кочевья, главнымъ образомъ при ламахъ и владѣльческихъ ставкахъ, вблизи которыхъ обыкновенно располагаются ламайскія кумирни или капища, служащія главными средоточіями ламайскихъ «монастырей». Духовныя лица живутъ также при отдѣльныхъ кочевыхъ таборахъ-аймакахъ и котонахъ[2]). Въ этомъ отношеніи въ калмыцкихъ законахъ замѣчается стремленіе по возможности сосредоточить улусное духовенство въ *общежительства*, какъ этого требуютъ вообще

640 ст. 146. Зинз. улож. 6, 8—10, 12, 13. Разстриги не «занимаютъ своего режняго положенія», но обращаются въ податныхъ людей.

[1]) См. Палласа Saml. II, 133—135. Ср. уст. 1640 ст. 23-я объ «оженившемся бандѣ» (по сп. Палл.—о духовныхъ, оставлявшихъ свое званіе и ступавшихъ въ бракъ, что дозволялось только убаши и баньди). Разсмотрѣнныя выше правила Зинз. уложенія о принятіи и посвященіи въ духовное ваніе (см. ст. 15) прямо констатируютъ положеніе, въ силу котораго учеикъ вѣры (манжи), достигнувъ 17-ти лѣтъ, могъ «пожелать» посвятиться въ эцули, но онъ могъ и не пожелать, какъ и «общество» могло (по той же гатьѣ) не изъявить согласія на посвященіе принадлежащаго къ его составу анжи, «признавая его нужнымъ»: въ обоихъ случаяхъ (т. е. при собственомъ нежеланіи ученика и несогласіи общества) манжи оставлялъ свое званіе входилъ въ «общество», нуждавшееся въ немъ.

[2]) См. Палл. Saml. II. 127.

буддійскіе обычаи, въ силу которыхъ еще старые буддисты-отшельники жили отдѣльными общинами (сангхи). На этомъ основаніи Зинз. уложеніе запрещаетъ духовнымъ кочевать отдаленно отъ своего «монастыря», ламы или владѣльца; право откочевки въ другія мѣста можетъ быть предоставлено духовному лишь ламой или владѣльцемъ, «и тогда имѣютъ они находиться въ мѣстахъ, приличныхъ ихъ званію»[1]). Въ настоящее время калмыцкое духовенство обыкновенно живетъ при мѣстной кумирнѣ общежительствомъ, которое «можно назвать монастыремъ, тѣмъ болѣе, что живущіе въ немъ совмѣстно, хотя и въ отдѣльныхъ кибиткахъ, имѣютъ общую трапезу, а по особому уставу собираются на моленія»[2]). Такія общежительства составляютъ духовныя собранія—*хурулы* (Churull)[3]), напоминающія собой сангхи, или собранія (общины) древнихъ буддистовъ. Мѣстные хурулы — монастыри управляются «хурульными старѣйшинами»—бакши, гепкю и др.[4]) и считаются у кочевниковъ средоточіемъ ихъ религіозной святыни. У калмыковъ хурулы служатъ убѣжищемъ для преступниковъ[5]); при хурулахъ духовные и міряне, провинившіеся въ нарушеніи

---

[1]) Зинз. улож. 4. У сибирскихъ буддистовъ также назначено пребываніе духовныхъ въ монастыряхъ. См. Нила Будд. 257.

[2]) См. Бентковскаго, въ Сборн. ст. св. по Ставр. губ. I, 88.

[3]) Въ калмыцкихъ уставахъ подъ хуруломъ разумѣется духов. собраніе, монастырь—молитвенныя кибитки съ живущимъ при немъ духовенствомъ, — также кумирня или капище, наконецъ дворъ (Hoflager) высшаго улуснаго ламы (см. уст. 1640 ст. 135, 146; Зинз. улож. 4, 13, 18 и пр. Ср. Небольсина, въ Библ. CXIII, № 6 стр. 145; Пржевальскаго I, 56). У сибирскихъ буддистовъ капища называются дасаны или дацаны (См. Нила, 93). По Бюлеру хурулъ у калмыковъ означаетъ собственно «богослужебный обрядъ», но мѣстное калмыцкое управленіе употребляетъ его для обозначенія капищъ или кочевыхъ монастырей калм. духовенства. (См. От. Зап. 1846 № 8, стр. 121.

[4]) Уст. 1640 ст. 147; Зинз. улож. 4, 5 и пр. Объ устройствѣ ламайскихъ кумирень см. Небольсина въ Библ. CXIII, № 6 стр. 145. Нила 93. Пржевальскаго I, 56.

[5]) См. Бюлера въ От. Зап. 1846, № 8 стр. 124.

обѣтовъ, держатся въ качествѣ кающихся на работѣ, молитвѣ и постѣ[1]). Здѣсь же, особенно при главныхъ улусныхъ капищахъ, учреждаются малыя и большія *собранія духовныхъ* (хурулы въ собственномъ смыслѣ). Собранія малыя (Churull) составляются изъ мѣстнаго духовенства, приписаннаго къ данному капищу, для общихъ моленій въ обыкновенные дни и для «общихъ покаяній» въ дни постовъ (мацаковъ, бывающихъ 8, 13 и 15 числъ въ каждомъ мѣсяцѣ)[2]) и пр. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ кочевья, обыкновенно при ставкахъ главныхъ владѣльцевъ, учреждаются по временамъ большія собранія (Jike Churull), куда стягиваются изъ разныхъ мѣстъ духовные цѣлаго округа или улуса, напр. въ большіе народные праздники и въ чрезвычайныхъ случаяхъ—при выборѣ въ прежнее время хановъ (теперь владѣльцевъ), по случаю ихъ смерти и пр.[3]). По древнимъ буддійскимъ обычаямъ, духовныя собранія (сангхи), въ отношеніи къ совершаемымъ на нихъ обрядамъ, раз-

---

1) См. Зинз. улож. ст. 1.

2) См. Зинз. улож. 149, 150. Ср Бентковскаго, въ Сборн. св. по Ставр. губ. VII, 24.

3) См. Палл. Saml. II, 127. Бакунинъ описываетъ періодическія собранія тибетскихъ ламаитовъ въ монастырѣ (близъ Хлассы), «въ которомъ обрѣтается духовныхъ служителей нѣсколько тысячъ: когда востребуетъ нужда, тогда всѣ духовные сбираются въ помянутое капище и сѣдши по мѣстамъ своимъ съ великимъ благоговѣніемъ читаютъ молитвы» и пр. (Бакун. Рукоп. 108 оборот.). У него же описано большое собраніе калмыцкаго духовенства въ 1735 г. по случаю объявленія грамоты Далай Ламы о пожалованіи Черенъ Дондука ханскимъ чиномъ (см. тамъ же, 105 и слѣд.). У среднеазіатскихъ монголовъ находится при каждой кумирнѣ масса ламъ, представляющихъ собраніе въ нѣсколько сотъ, иногда до тысячи и больше духовныхъ (Пржеваль. I, 56). По Тимковскому, въ монгольскихъ капищахъ иногда помѣщается до 4-хъ тысячъ ламъ во время торжественныхъ собраній; особенно масса ламъ собиреется въ случаяхъ празднованія появленія новыхъ кутухтъ. Въ Ургѣ по этому случаю въ 1729 г. собралось до 25 тыс. ламъ. Въ ургинскомъ капищѣ собирается ежемѣсячно, въ каждое 15-е число, для общихъ моленій до 4-хъ тысячъ ламъ. а въ большіе праздники ихъ собранія доходятъ до 14 тысячъ ламъ. См. Тимковскаго Путеш. I, 46, 113; III, 400.

дѣлялись на нѣсколько видовъ и состояли изъ положеннаго числа посвященныхъ духовныхъ (бикшу). Сангха, состоявшая меньше четырехъ членовъ, не могла совершать никакихъ обрядовъ; для нѣкоторыхъ изъ нихъ требовалось собраніе не меньше четырехъ бикшу (напр. обряды всеобщей исповѣди Vposatha каждаго 15 числа ежемѣсячно), для другихъ не меньше пяти, десяти и двадцати бикшу, — послѣднее собраніе могло совершать всѣ обряды[1]). Въ калмыцкихъ уставахъ встрѣчаемъ лишь правила, запрещавшія являться въ собранія (хурулы) духовнымъ, уличеннымъ въ несоблюденіи обѣтовъ или «запрещенныхъ заповѣдей», — самый порядокъ собраній калмыцкаго духовенства опредѣляется ихъ каноническими уставами[2]).

Ламайское духовенство, организованное въ отдѣльную автономическую общину подвижниковъ, вышедшихъ «изъ міра», живетъ по своимъ особымъ уставамъ, приспособленнымъ къ цѣлямъ и задачамъ буддійскаго отшельничества[3]), управляется особой «духовной властію» и подлежитъ «духовному суду»[4]) Автономія ламайской общины, дѣлавшая ее въ старое время поч-

---

[1]) См. введеніе къ «Пратимокша Сутрѣ, изд. Минаевымъ, стр. XL Въ текстѣ самаго служебника изложены указанія на порядокъ собраній (сангхи), въ 15-е число каждаго мѣсяца, для всеобщей исповѣди (Vposatha). Тамъ же, стр. 25—29.

[2]) См. уст. 1640 ст. 146; Зинз. улож. ст. 1.

[3]) О духовныхъ законахъ говорятъ Дербетовскій уставъ и Зинз. уложеніе. Въ 145 ст. стараго устава по сп. Палласа упоминаются «Gesetze der Geistlichkeit, — въ Зинз. улож. ст. 4 — «уставъ священнаго сана», въ ст. 11 — «духовный законъ». О каноническомъ правѣ ламайскихъ буддистовъ см. мое соч. — Др. Монг. уст. 212—214.

[4]) См. уст. 1640 ст. 6, 145, 146, 148; Зин. улож. 4, 5, 7, 11, 43. 52, 157, 159. Въ слѣдующей части мы разсмотримъ церковную администрацію и судъ въ связи съ общей администраціей по калмыцкимъ уставамъ. Здѣсь замѣтимъ, что духовные лишь въ важнѣйшихъ случаяхъ подлежатъ по этимъ уставамъ свѣтскому суду, — для нихъ компетентенъ судъ «духовенства» вообще и въ частности «духовной власти», «знатныхъ изъ духовенства», «хурульныхъ старѣйшинъ и настоятелей», «гецкю» и пр. Кромѣ духовныхъ лицъ, и міряне подлежатъ духовному суду—по дѣламъ о семейныхъ ссорахъ, разводахъ и пр.

ти вовсе независимой и даже «страшной» (по выраженію Палласа)[1]) для монгольскихъ вождей, не избавляетъ калмыцкое духовенство отъ значительнаго вліянія владѣльцевъ, констатированнаго въ особенности въ Зинзилинскомъ уложеніи. Оно предоставляетъ владѣльцамъ, имѣющимъ свои хурулы, избирать ламъ, смотрѣть за соблюденіемъ въ хурулахъ порядка и духовныхъ правилъ, разрѣшать пріемъ въ духовное званіе новыхъ членовъ, возлагать на духовныхъ лицъ свѣтскія обязанности и пр.[2]). Съ другой стороны, духовные у монголовъ еще со временъ Чингиса принадлежатъ къ тарханникамъ, свободнымъ отъ всякихъ даней и повинностей въ пользу вождей и родовыхъ союзовъ[3]), — правило, вполнѣ констатированное и въ калмыцкихъ уставахъ[4]).

Въ свою очередь, улусное духовенство монголовъ изстари принимало самое дѣятельное участіе въ общественной и частной жизни мірянъ. Верховенство Далай Ламы придавало ламайской духовной общинѣ такую силу, съ которой должны были считаться въ старину самые могущественные вожди монголовъ. Безъ участія представителей этой общины не предпринималось монгольскими вождями никакое общественное дѣло и предпріятіе. Для старыхъ ойратскихъ вождей ламы были первыми и ближайшими совѣтниками и думцами: въ зарго (думѣ) ойратскихъ хановъ и тайшей знатные ламы стояли выше свѣтскихъ Sargatschiner[5]). У калмыковъ духовные (гелены) так-

---

[1]) См. выше стр. 380.

[2]) См. Зинз. улож. 3, 4, 15—18, 31.

[3]) См. мое соч. — Др. монг. уст. стр. 191 п. 10.

[4]) См. уст. 1640 ст. 24; Зинз. улож. ст. 39, гл. о подводахъ п. 1. — Ср. Палласа Saml. II. 120. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 8 стр. 121. У среднеазіатскихъ монголовъ духовенство свободно отъ ратной службы, податей и повинностей; лишь въ особыхъ случаяхъ духовные привлекаются къ сборамъ и личной службѣ. Духовные, состоящіе при должностяхъ, вполнѣ свободны отъ повинностей; за нештатныхъ же платятъ ихъ семейства. См. Тимковскаго III, 401. Пржевальскаго I, 55.

[5]) См. Палл. Saml. I, 188.

же избирались до 30-хъ годовъ въ ихъ улусные зергачи (члены улуснаго суда—зарго)[1]. Далѣе, калмыцкіе уставы вполнѣ констатируютъ фактъ участія ламайскаго духовенства въ дѣлѣ законодательства не только духовнаго, но и свѣтскаго[2]. Принимая дѣятельное участіе въ родовомъ нарядѣ монголовъ, ламайское духовенство, въ лицѣ своихъ высшихъ главъ (ламъ), сопутствовало въ старину родовымъ вождямъ монгольскихъ ордъ въ ихъ хищническихъ предпріятіяхъ, въ которыхъ ламы играли такую же видную роль, какъ и въ мирное время въ родовомъ нарядѣ[3].

Еще выше поднимается значеніе ламайской общины въ частномъ быту міранъ. «Почитаніе» духовныхъ составляетъ одинъ изъ старинныхъ догматовъ буддійскаго культа[4]), упр-

---

[1]) Гелюнги, «присвоившіе себѣ монополію знаній» между калмыкам до 1825 г. избирались, въ числѣ двухъ, въ народный судъ Найманъ-Зарг, а съ того времени до 1836 г. назначались въ улусный судъ два член изъ гелюновъ. См. Бюлера, От. Зап. 1846, № 11, стр. 16—17.

[2]) Въ ряду лицъ, участвовавшихъ въ составленіи устава 1640 г., н первомъ планѣ стоятъ 4 кутухты. Законы Дербетевскаго улуса составлены 6-ю высшими духовными лицами. Наконецъ, Зинз. уложеніе составлено в собраніи главъ свѣтскихъ и духовныхъ—ламъ и гелюновъ.

[3]) Роль ламъ въ военныхъ предпріятіяхъ старыхъ ойратовъ конст-тирована въ военномъ ярлыкѣ второй половинѣ XVII в., записанномъ на Абаканской писаницѣ. См. мое соч. — Др. монг. уст. 235—237.

[4]) Приведемъ изъ Тимковскаго извлеченія изъ старыхъ кан-ническихъ книгъ монголовъ касательно почитанія ламъ. Книга «Номунъ Д-лай» (море книгъ) предписываетъ слѣдующее: «почитать ламу должно не пренебреженіемъ, но признаніемъ всего содѣяннаго имъ за добро; не опр-верженіемъ, но принятіемъ за совершенное всего проповѣданнаго въ книгахъ священныхъ; и наконецъ выполненіемъ того, что веселитъ духъ ламы и отверженіемъ отъ всего, противнаго тому». По другому древнему источнику (книгѣ «Цагунъ Курдуну»). «достигнете величайшей премудрости, если т. обр. будете прославлять ламу; самое солнце, освѣщающее непостижимую мгл. одолжено восхожденіемъ своимъ прославленію ламы; самыя грѣховныя ст-сти излѣчаются уваженіемъ врача ламы. Отъ прославленія вышняго ламъ бурханы и бодисаду (ихъ праведники) пріобрѣтаютъ благую волю уклоняться отъ зла и творить добро; чрезъ ублаженіе царя ламъ наслаждаетъ

чившій чрезвычайное значеніе духовныхъ среди монгольскихъ кочевниковъ. «Помолиться святому, коснуться его платья или получить благословеніе, считается (у средneазіатскихъ монголовъ) великимъ счастіемъ»[1]). Не меньшимъ значеніемъ пользуется и калмыцкое духовенство: кочевникъ шагу не сдѣлаетъ безъ совѣта съ своимъ жрецомъ. Послѣдній — единственный руководитель и наставникъ молодаго поколѣнія, — «начиная съ глубокой древности и до нашего времени, въ рукахъ буддійскаго духовенства, главнымъ образомъ, сосредоточивается, какъ воспитаніе молодаго поколѣнія, такъ и храненіе религіозныхъ преданій»[2]). Жрецъ необходимъ для мірянина въ пору обычныхъ у кочевниковъ гаданій, требъ и жертвъ умилостивительныхъ, при кочевыхъ передвиженіяхъ, особенно при скотскихъ

крѣпостію силъ, молодостію лѣтъ, выгодами и славою. Когда одинъ день, съ откровенностію въ сердцѣ, непритворными устами и бдительною волею посвятите *ублаженію ламы*: то всѣ прегрѣшенія, содѣянныя вами въ безчисленныхъ перерожденіяхъ, очистятся; *человѣкъ дѣлается тогда бурханомъ* (богомъ). Въ противномъ же случаѣ, утративъ столькожъ добродѣтельныхъ заслугъ, онъ впадаетъ въ адъ. По мѣрѣ злобной хулы противу ламы, теряются добродѣтельныя заслуги, пріобрѣтенныя въ теченіи тысячныхъ переселеній. Хула злобная, состоящая въ презрѣніи святости ламской, наказывается измѣненіемъ въ безобразный видъ, умноженіемъ болѣзней и пр. Хула противу заповѣди ламы наказывается косноязычіемъ, легкомысліемъ и пр.; хула на духъ ламской наказывается бѣснованіемъ, совершеннымъ помраченіемъ памяти и разума и переселеніемъ въ мѣста вѣчныхъ мукъ. По мѣрѣ злобной хулы противу ламы, теряются добродѣтельныя заслуги, пріобрѣтенныя въ переселеніяхъ; и должно будетъ на толикое же число переселеній подвергнуться тяжкимъ мученіямъ ада и пр. Хула сія превышаетъ всякое зло. Кто не укротитъ величайшую болѣзнь злости, тому не будетъ спокойствія: ни тѣлу, ни языку ниже духу его... Почему и должно, какъ предписывается въ книгахъ, прославлять вышняго ламу постояннымъ терпѣніемъ». См. Тимковскаго Путеш. III, 397—399.

[1]) Счастіе это, впрочемъ, «обходится не дешево, такъ какъ всякій вѣрующій долженъ непремѣнно сдѣлать при этомъ извѣстное приношеніе, иногда довольно значительное». См. Пржевальскаго Монг. I, 54.

[2]) См. Бентковскаго, въ Сборн. по Ставр. губ. VII. 25. Ср. Небольсина, въ Библ. CXIII, № 6. стр. 112

падежахъ и другихъ бѣдствіяхъ степной жизни; онъ необходимъ для каждаго ламаита во всякую пору его жизни — въ минуту болѣзни и смерти, при родахъ и свадьбахъ, и притомъ не только какъ духовникъ, но и какъ единственный, компетентный врачъ и гадатай (зурхачи), который, руководясь буддійскими книгами, назначаетъ счастивые дни для всякаго дѣла и предпріятія и пр.[1]). Если верховный лама является неизбѣжнымъ совѣтникомъ и думцемъ родоправителей, то простой геленъ и гецулъ будутъ такими же совѣтниками для простаго кочевника: при малѣйшей сдѣлкѣ семейной, имущественной и пр. онъ нуждается въ помощи своего гелена, и обладающаго монополіей «знанія» не только религіозной догмы, но и правовыхъ обычаевъ, кодифицированныхъ въ священныхъ буддійскихъ книгахъ. Вес это должно было развить до громадныхъ размѣровъ вліяніе ламайскаго духовенства на народъ. И дѣйствительно, вмѣша тельство духовныхъ въ частную жизнь мірянъ приняло у монголовъ и калмыковъ характеръ обязательной, религіозной догмы «ублаженія» духовныхъ, —догмы, соблюденіе которой, по каноническому ученію ламаитовъ, «человѣка дѣлаетъ бурханомъ»[2]). И нужно сказать, что ламайскіе отшельники съумѣли съ замѣчательной цѣпкостью поддержать этотъ догматъ, на почвѣ котораго (какъ показываютъ наблюденія надъ старымъ и новымъ бытомъ монголовъ и калмыковъ) они развили эксплуатацію суевѣрныхъ кочевниковъ до неслыханныхъ размѣровъ. Дѣло въ томъ, что буддизмъ, съ его гуманитарно-практическимъ направленіемъ, привился къ быту монгольскихъ племенъ, какъ ихъ господствующій культъ, уже въ то время, когда политическая самобытность этихъ племенъ близилась къ концу, и когда всѣ общественныя формы, сложившіяся вѣка назадъ, приняли окаменѣлый характеръ,

---

[1]) См. Небольсина, тамъ же, № 6 стр. 93—116; № 7 стр. 55.

[2]) См. выше стр. 421 примѣчаніе — извлеченія изъ монг. книгъ о «почитаніи» ламъ.

мало пригодный къ восприиятію новыхъ жизненныхъ началъ. Буддизмъ долженъ былъ самъ приспособляться къ этимъ формамъ, не въ силахъ былъ обновить застарѣлую хищническую культуру кочевниковъ. Мало того: духовная буддійская община, приспособляя свои догмы къ условіямъ монгольскаго быта, сама подчинилась ихъ вліянію, быстро всосала въ себя всѣ воззрѣнія и идеалы, развившіеся на почвѣ монгольскаго хищничества. Буддійскіе обѣты воздержанія и уклоненія отъ «мірской злобы» сдѣлались для монгольскихъ ламъ и ховраковъ лишь параднымъ знаменемъ, подъ прикрытіемъ котораго скрывалась и скрывается доселѣ хищническая эксплуатація народа со стороны своихъ ламъ и всей отшельнической общины «посвященныхъ служителей вѣры». Положеніе дѣла въ такомъ именно направленіи констатируется не только офиціальными данными, но и цѣлымъ рядомъ интересныхъ наблюденій старыхъ и новыхъ изслѣдователей, близко изучавшихъ бытъ монголовъ и калмыковъ, — Палласа, преосвященнаго Нила и др. Въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка Палласъ встрѣтилъ въ калмыцкихъ геленахъ огулонъ сущихъ «кровопійцевъ» простолюдина,—праздношатаекъ, которые, кромѣ своихъ требъ, ничего не дѣлаютъ, только ѣдятъ, пьютъ, спятъ да «fremde Weiber miszbrauchen», не знаютъ никакихъ семейныхъ заботъ, не платятъ никакихъ податей, обманываютъ суевѣрный народъ, какъ хотятъ, и пользуются каждымъ несчастьемъ и болѣзнію, чтобы грабить и пр.[1]). Не лучше отзывы о калмыцкомъ духовенствѣ въ нынѣшнемъ столѣтіи. Въ 1803 году главный калмыцкій приставъ сообщалъ такія свѣдѣнія о калмыцкомъ духовенствѣ: «духовные составляютъ между калмыками десятую часть народа, обогащаютъ себя обманывая его, ведутъ себя непристойно и нагло, присвоивъ себѣ право согрѣшать безгрѣшно, вмѣшиваются во всѣ дѣла, тяжбы и ссоры, принимаютъ въ свое сословіе всѣхъ молодыхъ людей, избѣгающихъ трудовъ и

[1]) См. Палласа Saml. II, 130—131.

лужбы, сбирая за это много денегъ»[1]). Чрезъ 30 лѣтъ опять слышатся офиціальные отзывы въ томъ же духѣ: «духовенство калмыцкое, за исключеніемъ весьма немногихъ, вмѣсто того, чтобъ служить образцомъ доброй нравственности для народа, подаетъ собою соблазнительный примѣръ въ жизни. Пьянство, карточная игра, волокитство, суть отличительная черта почти каждаго духовнаго лица. Развратъ наиболѣе замѣтенъ между гелюнгами, которые, безпрестанно отлучаясь отъ своихъ хуруловъ, скитаются по хотонамъ, аймакамъ, сосѣднимъ селамъ и городамъ, разсказываютъ нелѣпыя новости, поселяютъ раздоры и несогласія между калмыками, подстрекаютъ своими совѣтами къ недѣльнымъ тяжбамъ, пишутъ ябедническія просьбы, принимаютъ на себя званіе ходатаевъ по присутственнымъ мѣстамъ, втираются въ посредники или примирители по домашнимъ ссорамъ и выдаютъ себя за лекарей, употребляя при леченіи больныхъ разнаго рода шарлатанства. Вмѣшательство гелюнговъ и вообще духовенства въ дѣла свѣтскія имѣетъ въ виду одну цѣль, именно — пріобрѣтеніе безъ труда денегъ, дабы употребить оныя на распутство»[2]). Подобная эксплуатація и распущенность калмыцкаго духовенства вызвала въ Зинзилинскомъ уложеніи рядъ мѣръ, имѣвшихъ въ виду установить строгія наказанія духовныхъ за пьянство, наложничество и пр., съ запрещеніемъ оставлять хурули и съ ограниченіями касательно пріема въ духовное званіе, въ особенности же съ отмѣной всякаго вмѣшательства духовныхъ въ общественныя и частныя дѣла мірянъ (напр. въ качествѣ ходатаевъ «въ судилищахъ по дѣламъ общественнымъ или по тяжбамъ родственниковъ и прочимъ претензіямъ»), «ибо сіе сану ихъ неприлично и вредно»[3]). Послѣдняя мѣра, т. е. запрещеніе духовнымъ вмѣшиваться въ мірскія дѣла, была осуществлена правительствомъ въ 1836 г. особымъ закономъ[4]). Тѣмъ не менѣе, нельзя сказать, чтобы послѣ того значительно

[1]) См. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 8 стр. 120.

[2]) Тамъ же, стр. 121.

[3]) См. Зинз. улож. 3, 4, 17.

[4]) См. Бюлера, № 11, стр. 17.

измѣнилось дѣло къ лучшему: бар. Бюлеръ, изучавшій быть калмыковъ въ 40-хъ годахъ, свидѣтельствуетъ, что «вліяніе его (духовенства) на народъ въ теченіи послѣдняго десятилѣтія осталось въ прежней силѣ, при чемъ отличительныя черты этого класса составляютъ понынѣ корыстолюбіе, алчность, тунеядство и невѣжество»[1]). Тѣми же красками рисуютъ очевидцы бытъ духовенства сибирскихъ буддистовъ и китайскихъ монголовъ. Преосвящ. Нилъ, наблюдавшій въ 50-хъ годахъ духовенство сибирскихъ буддистовъ—бурятъ и др., описываетъ самую неприглядную картину эксплуатаціи народа буддійскимъ духовенствомъ, которое по своей распущенности и хищничеству ничѣмъ не лучше калмыцкихъ геленовъ[2]). Точно также, по словамъ Пржевальскаго, «ламское сословіе составляетъ самую страшную язву Монголіи, такъ какъ занимаетъ лучшую часть мужскаго населенія, живетъ паразитомъ на счетъ остальныхъ собратій и своимъ безграничнымъ на нихъ вліяніемъ тормозитъ народу всякую возможность выйдти изъ того глубокаго невѣжества, въ которое онъ погруженъ»[3]).

[1]) См. тамъ же, № 8, стр. 121. «Столь же суевѣрные и грубые, какъ бо̀льшая часть народа, гелюнги удерживаютъ его въ суевѣрной зависимости, и она до того велика, что если гелюнгъ, надутый азіатской спѣсью, сближаясь съ чернью только въ случаѣ надобности, скажетъ слово простому калмыку или подастъ ему совѣтъ, то слово это для него становится ненарушимо и свято» (тамъ же) И до настоящаго времени слышатся отзывы вообще далеко не въ пользу калмыцкаго духовенства. Въ 1876 г. такъ отозвался I. В. Бентковскій — близкій знатокъ современнаго калмыцкаго быта: «буддизмъ, въ противоположность браминизму, отвергнувъ кастичность духовенства и предписавъ ему обѣтъ безбрачія, тѣмъ самымъ сплотилъ своихъ послѣдователей, такъ — сказать, въ одну цѣльную народную массу и въ тоже время отдалъ міранъ въ крѣпкія руки духовенства. Неудивительно, если будд. духовенство, въ теченіи многихъ вѣковъ, пользуясь широкимъ вліяніемъ на народъ, успѣшно достигаетъ личныхъ цѣлей прежде всего путемъ воспитанія, а потомъ проповѣдью и поученіями... Иныхъ послѣдствій впрочемъ и быть не можетъ, когда великіе учители буддизма признали, что «нѣтъ подаянія равнаго проповѣди», и когда каждый духовный, за поданную ему милостыню, долженъ по обѣту вознаградить благодѣтеля проповѣдью или краткимъ поученіемъ». См. Сборн. по Ставр. губ. VII, 25.

[2]) См. Нила Буддизмъ, 258—261.

[3]) См. Пржевальскаго Монголія, I, 56.

Калмыцкое духовенство извлекаетъ для себя содержаніе изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ. Сюда нужно относить прежде всего находящійся въ исключительномъ его завѣдываніи, особый классъ калмыковъ-простолюдиновъ, извѣстныхъ подъ именемъ *хурульныхъ*, обязанныхъ содержать хурулы всѣмъ «достояніемъ своимъ», вмѣстѣ съ личными послугами хурульному духовенству. Появленіе у монголовъ особаго класса людей, подвластныхъ ламайскому духовенству, совпадаетъ съ утвержденіемъ у нихъ ламаизма и съ признаніемъ верховенства Далай Ламы, когда всѣ монгольскіе вожди, вступившіе съ нимъ въ ойратство, посвятили тибетскому папѣ часть своихъ подвластныхъ улусниковъ въ значеніи его «собственности» (Eigenthum), съ тѣмъ, что такіе подвластные остаются при своихъ князьяхъ (т. е. кочуютъ съ своими родами) и подчиняются юрисдикціи послѣднихъ[1]). Съ появленіемъ затѣмъ въ монгольскихъ ордахъ и улусахъ многочисленной общины ламайскихъ духовныхъ, содержаніе послѣднихъ обезпечивалось улусными родоправителями, выдѣлявшими изъ своихъ подвластныхъ цѣлые роды и улусы въ исключительное завѣдываніе духовенства, вмѣстѣ съ освобожденіемъ ихъ отъ всякой зависимости отъ мірскихъ родоправителей. Этимъ путемъ «ламинскіе люди» монголовъ становились къ своимъ новымъ владѣльцамъ-ламамъ и прочимъ духовнымъ въ тѣже самыя отношенія, въ какихъ въ центрѣ ламаизма (Тибетѣ) весь народъ стоялъ къ своему верховному главѣ — Далай Ламѣ и цѣлой общинѣ ламайскихъ отшельниковъ[2]). Ойратскій уставъ 1640 г. уже знаетъ цѣлые аймаки и улусы, подчиненные ламамъ и духовенству, говоритъ о разореніи ихъ людей и «имѣнія» и

---

[1]) См. Палл. Saml. I, 27.

[2]) Интересныя указанія на «суверенность» тибетскаго духовенства даетъ Бакунинъ въ своей лѣтописи, подъ 1718 г.: говоря о пожалованіи ханомъ Аюкою прибывшему отъ Далай Ламы, изъ Тибета, Шукуръ ламѣ улуса, принадлежащаго «ламинскому чину», Бакунинъ затѣмъ сообщаетъ, что этотъ Шукуръ «былъ ламою въ тамошнемъ (тибетскомъ) одномъ монастырѣ, на-

о выкупѣ людей изъ «рукъ ламинскихъ»[1]). У средне азіатскихъ монголовъ до сихъ поръ существуетъ многочисленный классъ духовныхъ «крѣпостныхъ» извѣстныхъ подъ именемъ «шаби» (шабины) или «шабинскаго», вѣдомства и приписанныхъ къ ставкамъ кутухтъ, ламъ и отдѣльныхъ хуруловъ, съ обязанностью ухода за хурульнымъ скотомъ, платежа податей и сборовъ для содержанія духовенства и личныхъ послугъ при хурулахъ и ставкахъ духовенства[2]). Такой же классъ подвластныхъ духовенству людей (шабины, шабинеры, шангуды, люди или служители ламинскіе и хурульные) доселѣ существуетъ у русскихъ калмыковъ[3]). Классъ хурульныхъ образовался изъ потомковъ людей подвластныхъ, которыхъ жертвовали въ прежнее время ханы и владѣльцы ламамъ[4]) и хуруламъ, въ частности бурганамъ и монгольскимъ первосвященникамъ (Далай-

---

зываемомъ Шакуръ, и губернаторомъ надъ провинціею, тому монастырю подчиненною, а таковыхъ монастырей въ Тангускомъ народѣ находится семь, по которымъ и народъ Тангутской раздѣляется на семь провинцій, а оными не только въ духовныхъ, но и въ свѣтскихъ дѣлахъ, управляютъ яко губернаторы духовные ихъ ламы, изъ каковыхъ и тотъ Шакуръ лама былъ». (См. Рукоп. Бакун. 10). Здѣсь констатируется свѣтская власть духовенства въ Тибетѣ далеко раньше признанія ея Китаемъ. Выше уже замѣчено о признаніи такой власти за Далай Ламой ойратскими вождями еще въ концѣ XVI вѣка.

1) См. уст. ст. 6 и 11. Въ русскомъ уставѣ говорится о «ламинскомъ улусѣ».

2) Ургинскій кутухта владѣетъ цѣлой арміей крѣпостныхъ шабиновъ,— Тимковскій засталъ ихъ до 30 тыс., а Пржевальскій насчитываетъ до 150 тыс. шабиновъ, зависѣвшихъ непосредственно отъ ургинскаго кутухты. Въ верхней Монголіи есть цѣлыя мѣстности, населеніе которыхъ находится въ исключительномъ управленіи ставки монгольскаго первосвященника. См. Тимковскаго Пут. I, 40, 49. Пржеваль. I, 8.

3) См. уст. 1640 ст. 6. Зинз. улож. I, 2. Страхова нынѣш. сост. калм. нар. 25 Небольсина въ Библ. CXIII № 5, стр. 44. Какъ видно изъ Бакунина (стр. 10), въ прошломъ вѣкѣ хурульные назывались «шабины», какъ и у монголовъ.

4) По сообщенію Бакунина, въ 1718 г. «прибылъ въ калмыцкіе улусы чрезъ Сибирь отъ Далай Ламы, по прошенію хана Аюки отправленной,

Ламѣ и кутухтѣ), ламамъ и даже отдѣльнымъ геленамъ[1]) Шабинеры жертвовались не только тому или другому духовному чину, но и лично — извѣстному ламѣ или гелену; по смерти послѣднихъ, принадлежавшіе имъ люди, какъ и все ихъ имущество, дѣлались общимъ достояніемъ хурула и приписаннаго къ нему духовенства[2]). Есть, кромѣ того, указанія, что въ прежнее время калмыцкіе ламы пріобрѣтали шабинеровъ путемъ покупки подвластныхъ людей у владѣльцевъ «на собственное достояніе ламы единственно для спасенія души въ нынѣшнемъ и будущемъ вѣкѣ»[3]). Путемъ такихъ пожертвованій и покупокъ сосредоточилась въ рукахъ калмыцкаго духовенства значительная часть простолюдиновъ, исключительно зависѣвшихъ отъ него на такихъ же основаніяхъ, какъ вообще «подвластные» зависятъ отъ своихъ владѣльцевъ[4]). Въ прошломъ столѣтіи калмыцкіе шабинеры раздѣлялись по «чинамъ» и бурханамъ, которымъ они были пожертвованы, — были шабинеры Burchanin, Sunkabain, Chutuktin, Lamain, Zordshin, Bakschin и пр.[5]). Въ новое время установилось раздѣленіе

знатной ихъ духовный, называемой Шукуръ лама, котораго онъ Аюка принялъ съ великою честію и отдалъ ему во владѣніе калмыцкой *улусъ, принадлежащій ламинскому чину*, именуемой *шабинами*, котораго въ то время считалось до четырехъ тысячь кибитокъ». См. Рукоп. Бакунина, 10).

[1]) См. Палл. Saml I, 222; II, 120. Страхова, 25. Бюлера, № 11 стр. 41. Небольсина, № 5 стр. 44. О пожалованіи шабинеровъ геленамъ, въ особенности прославившимся своими познаніями въ медицинѣ и астрологіи, см. Небольсина указан. цитату. Въ прошломъ вѣкѣ у калмыковъ были шабинеры, называвшіеся Bakschin, Zordshin, — по пожертвованію ихъ «чинамъ» бакши и цорджи. См. Палл. Saml. I, 222.

[2]) Ст. Небольсина въ Библ. СХШ, № 5, стр. 44. Ср. Палл. II, 120.

[3]) См. Бюлера въ От. Зап. № 11 стр. 40 — 41.

[4]) Выше приведена изъ Бакунина цитата, изъ которой видно, что въ началѣ прошлаго вѣка ламинскій улусъ состоялъ изъ 4-хъ тыс. кибитокъ. По Палласу, въ одной торгоутской ордѣ было нѣсколько тысячъ кибитокъ шабиновъ (Saml. II, 120). Въ началѣ текущаго столѣтія Страховъ сообщалъ, что «этихъ вредныхъ чирьевъ отъ испорченной народной крови находится между калмыками едва ли не *пятая часть*». См. нын. сост. калм. нар. 26.

[5]) См. Палл. Saml. II, 222.

шабинеровъ на ламаинъ и хурульныхъ, т. е. приписанныхъ къ «ламинскому чину» или къ отдѣльнымъ хурудамъ, — затѣмъ собственно шабинеровъ и шангудовъ — пожертвованныхъ или купленныхъ, съ изъятіемъ ихъ изъ природныхъ ихъ хотоновъ и родовъ (отъ которыхъ шабинеры отчислялись непосредственно къ хуруламъ), или же (какъ шангуды) съ оставленіемъ ихъ на родовыхъ кочевьяхъ (съ изъятіемъ только изъ вѣдомства улусныхъ родоправителей)[1]). Непосредственное управленіе хурульными принадлежитъ тому лицу, чину или хурулу, которымъ жертвовались зависимые люди, — хурульные цѣлаго улуса подчиняются на общемъ основаніи высшему улусному ламѣ, владѣвшему также непосредственно принадлежавшими ему ламинскими людьми[2]). Всѣ хурульные издавна считаются «духовной собственностію», принадлежащею хуруламъ и духовенству на правѣ «вѣчнаго владѣнія»[3]), изъ котораго можно было выходить на волю (напр. выкупомъ) на томъ же основаніи, какъ и изъ родовой зависимости отъ владѣльцевъ[4]). Со времени за-

---

[1]) См. Нефедьева о волж. калм. 99. Бюлера въ От. Зап. 1846, № 11 стр. 41. Небольсина въ Библ. CXIII № 5 стр. 44. Въ положеніи шангудовъ были подвластные, пожертвованные въ концѣ XVI вѣка ойратскими вождями Далай Ламѣ (см. выше). Ламайское управленіе показало въ 1844 году, что шабинеры дѣлятся на обыкновенныхъ или общихъ такъ называемыхъ по «родоназванію» ихъ (собственно шангуды), и на особенныхъ — пожертвованныхъ и купленныхъ (см. Бюлера указан. цитату). По Небольсину теперь хурульные дѣлятся на шабинеровъ и шангудовъ, т. е. на дворовыхъ, живущихъ при самыхъ хурулахъ, и задворныхъ, живущихъ при своихъ родахъ.

[2]) См. Палл· Saml. I, 222. Небольсина, № 5 стр. 44. Бюлера, № 11, стр. 39. — Коммисія калм. дѣлъ, при пересмотрѣ Зинз. уложенія, предположила изъять людей подвластныхъ изъ личнаго владѣнія ламъ и прочихъ духовныхъ и передать ихъ родичамъ или хуруламъ въ «собственность» (См. Зин. ул. I, ст. 2). Но показанія Нефедьева и другихъ говорятъ, что у калмыковъ до послѣдняго времени подвластными владѣли не только хурулы, но и лично духовные, особенно ламы и старшіе гелены.

[3]) См. Палл. Saml. II, 120. Зинз. улож. I, 2. Страхова 25. Бюлера, № 11, стр. 41.

[4]) Уст. 1640 ст. 11.

численія зависимыхъ людей въ разрядъ хурульныхъ, послѣдніе вступаютъ къ своему духовенству въ такія же тягловыя отношенія, въ какихъ прежде находились къ владѣльцамъ: они содержатъ «достояніемъ своимъ» родовые или ламайскіе хурулы, состоятъ въ услуженіи хурула и духовенства, занимаются пастьбой и уходомъ за хурульнымъ скотомъ, платятъ сборы и взносы и пр.[1]). Въ прошломъ вѣкѣ, по показаніямъ Палласа, улусные ламы ежегодно получали отъ хурульныхъ добровольные взносы, — при смерти же ламы, шабинеры должны были давать отъ всего своего имущества десятину, которая, вмѣстѣ со всѣмъ имуществомъ умершаго ламы, дѣлилась между его клиромъ, съ выдѣломъ лишь незначительной доли его роднымъ[2]). Не видно, чтобы этотъ обычай сохранился въ текущемъ столѣтіи. Наконецъ, нужно считать стародавнимъ обычнымъ правиломъ изъятіе хурульныхъ отъ владѣльческихъ и улусныхъ податей и повинностей[3]).

Кромѣ пользованія «достояніемъ» и службою хурульныхъ, калмыцкое духовенство владѣетъ большими стадами *скота*, принадлежащаго хуруламъ и лично духовенству. Для пастьбы скота, духовенство по обычаю пользуется вмѣстѣ съ народомъ отведенною ему землею; для хуруловъ, кромѣ того, выдѣляются отдѣльныя пастьбища, охраняемыя отъ потравы посторонними людьми[4]). Подъ вліяніемъ духовенства установился, далѣе, рядъ народныхъ обычаевъ, служащихъ для перваго обильнымъ источникомъ доходовъ. Таковъ обычай, въ силу котораго иму-

---

[1]) Страхова 25, Нефедьева 100. Бюлера, № 11, стр. 40, 42. Небольсина. № 5, стр. 44.

[2]) См. Палл. Saml. II, 120.

[3]) См. Палл. Saml. I, 222; II, 120. Страхова 26. Нефедьева 99 — 100. Ср. въ особенности обстоятельное изслѣдованіе бар. Бюлера объ обычаяхъ, освобождающихъ хурульныхъ отъ податей и повинностей. См. От. Зап. 1846. № 11, стр. 39 — 42. Объ изъятіи хурульныхъ отъ вліянія владѣльцевъ и зайсанговъ см. Нефедьева о волж. калм. 100.

[4]) См. Зинв. улож. 18, п. 18 и 19. Ср. Бюлера, въ От. Зап. 1846. № 8, стр. 122.

щество умершаго, кромѣ обыкновенной части, выдѣляемой хурулу наслѣдниками при общемъ раздѣлѣ наслѣдства, забирается жрецами «на хурулъ» иногда до послѣдняго платья и кибитки, какъ въ видѣ платы жрецамъ за умилостивленіе боговъ въ пользу умершаго и пр., такъ и на основаніи поддерживаемаго духовенствомъ вѣрованія, что «имущество покойнаго не можетъ быть благомъ для наслѣдниковъ, а для самаго умирающаго пагубно»[1]). Большіе доходы калмыцкое духовенство получаетъ, наконецъ, въ видѣ *добровольныхъ приношеній* мірянъ, *платы* за совершаемыя требы, моленія и «поученія», за леченіе больныхъ, гаданія зурхачей, обученіе дѣтей и пр.[2]).

Что касается *имущественныхъ правъ*, лично принадлежащихъ каждому члену ламайской духовной общины, то въ этомъ отношеніи вышеизложенныя данныя о вліяніи духовенства на мірянъ и о средствахъ его содержанія ясно говорятъ о полномъ отклоненіи ламайской общины отъ буддійскихъ идеаловъ, ставившихъ цѣлыя «сангхи» (духовныя буддійскія общины) и отдѣльныхъ членовъ въ положеніе оставившихъ міръ «отшельниковъ» — неимущихъ, питавшихся исключительно подаяніемъ вѣрующихъ мірянъ буддистовъ. Въ старыхъ общинахъ буддійскихъ духовныхъ господствовалъ строгій принципъ «общежительства», въ силу котораго у нихъ было «все общее — имущество, занятія, слова и мысли»[3]). Сангха и ея члены «не жнутъ и не сѣютъ», не промышляютъ и не торгуютъ: «подаяніе», милостыня (и то въ размѣрахъ лишь самаго необходимаго

[1]) См. Палл. Saml. II, 131. Страхова 22. Нефедьева 203. Нила 260. Небольсина въ Библ. CXIII № 6, стр. 128. Бюлера въ От. Зап. 1846, № 11 стр. 26 — 27.

[2]) См. Палл. II, 130 — 131. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 8, стр. 121 — 124. Ср. Нила Будд. 258 — 261. Здѣсь констатируются поразительные факты эксплуатаціи ламайскимъ духовенствомъ суевѣрія кочевниковъ, — эксплуатаціи, намѣренно задерживающей народъ въ глубокомъ невѣжествѣ.

[3]) См. Минаева община, въ Жур. Мин. Пр. 1879, янв. 23.

для строгой отшельнической жизни), не личный трудъ и про-мыслъ — единственные источники пропитанія цѣлыхъ сангх и отдѣльныхъ ея членовъ. Отсюда отрицаніе за буддій-скими отшельниками индивидуальныхъ правъ на имущество и на добываніе его личнымъ трудомъ. По буддійскимъ уставамъ «собственностію» духовнаго можетъ быть лишь «милостыня», «подаяніе», и то только въ видѣ вещей и предметовъ первой необходимости — одежды (чивары), чаши, постилки, сѣда-лища и пр., притомъ строго опредѣленныхъ размѣровъ, каче-ства и количества[1]). Строгія правила подвижничества старыхъ буддійскихъ общинъ, питавшихся лишь скуднымъ подаяніемъ, остались и остаются доселѣ «темнымъ преданіемъ» въ быту и самыхъ уставахъ ламайской духовной общины. Калмыцкіе ус-тавы по крайней мѣрѣ показываютъ, что духовные ламанты владѣютъ «людьми» и «пожитками», «имѣніемъ», стадами ско-та и пр.: За провинности противъ обѣтовъ духовные штра-фуются лишеніемъ скота и пожитковъ, лично имъ принадлежа-

[1]) Буддійскій служебникъ — Пратимокша Сутра — доводитъ до ми-нимума имущественную правоспособность буддійскаго духовенства. Бы-такіе періоды въ году («лѣтованія» или «время дождей»), когда отшельник должны были скрываться въ пустынѣ и ходить совершенно нагими: «од собирались въ дупла сухихъ деревьевъ... другіе безъ всякаго покрова стр-дали попеременно отъ жары и холода; были такіе, которые подъ открыты небомъ, при сильномъ дождѣ, забирались въ колоды или же подобно пасту-хамъ жили въ шатрахъ» (Прат.-Сутра, XXIX, XXXI) По буддійскому слу-жебнику, духовные живутъ во время дождей «въ пустынныхъ мѣстахъ опас-ныхъ и страшныхъ», отказываясь отъ всякаго имущества, оставаясь без одежды шесть ночей, а съ разрѣшенія сангхи, — и долѣе (Пратим. 41). Въ остальное время духовные владѣютъ лишь самымъ необходимымъ. «До-хозяева» (т. е. люди съ достаткомъ) принадлежали къ «отверженнымъ», не имѣвшимъ права присутствовать при собраніяхъ сангхи. Духовный мог имѣть одежду (чивару), полученную лишь подаяніемъ, — неподаренн нельзя ни носить, ни имѣть у себя. Каждый членъ сангхи могъ имѣть больше трехъ чиваръ опредѣленнаго размѣра; брать одежду, какъ подаяніе или же просить ее у другаго, дозволялось лишь въ томъ случаѣ, когда за-личная чивара погибла, украдена или пришла въ негодность; изъ даруемыхъ

щихъ какъ и простымъ мірянамъ[1]). Какъ уже замѣчено (см. выше стр. 169), Зинзилинское собраніе стремилось къ возстановленію въ калмыцкомъ духовенствѣ чистоты буддійскихъ правилъ жизни, имѣло въ виду поднять его на уровень буддійскихъ идеаловъ и съ этой цѣлью установило нѣкоторыя ограниченія въ правахъ духовныхъ. Къ такимъ правиламъ, между прочимъ, относится положеніе, развитое въ 12 статьѣ Зинзилинскаго уложенія и основанное на буддійскомъ ученіи объ отреченіи «посвященныхъ» отъ «міра»: гелюнгъ, какъ «отрекшійся отъ всего мірскаго», не въ правѣ требовать себѣ выдѣла принадлежавшей ему (по родству) части изъ имѣнія родственниковъ, — послѣдніе обязаны, «по возможности и состоянію», лишь давать «отъ удѣла» подъ вьюкъ кибитки его двухъ верблюдовъ и дойный скотъ[2]). Не смотря однако на всѣ эти ограниченія, калмыцкое духовенство, вмѣсто класса «неимущихъ» отшельниковъ, живущихъ по буддійскимъ уставамъ общежительно, однимъ подаяніемъ, представляетъ, по

многихъ чиваръ можно въ такихъ случаяхъ взять не больше двухъ. Духовный не въ правѣ принимать отъ другаго сборъ напр. на одежду, но беретъ самую вещь, и притомъ сдѣланную не по его заказу, но милостинодателя. Далѣе, духовный можетъ имѣть лишь одну чашу опредѣленной формы — одну постилку (опредѣленнаго качества и безъ перемѣны ея въ теченіе 6-ти лѣтъ), сѣдалище и пр. На «испрошенныя» средства онъ можетъ наконецъ построить хижину, но опредѣленныхъ размѣровъ и на извѣстныхъ мѣстахъ. Принимать и имѣть у себя золото и серебро, перлы и драгоцѣнности, заниматься ихъ мѣной, какъ и вообще продавать и покупать, — все это проступки, не дозволительные для духовнаго по буддійскому ученію. См. Пратим.-Сутра, стр. 28, 32, 36—41, 48, 52—53.

[1]) См. уст. 1640 ст. 6, 22, 24 145. Зинз. улож. I п. 2; ст. 3, 6, 18 п. 18 и 19. За несоблюденіе обѣтовъ духовный штрафуется скотомъ въ пользу того хурула, гдѣ онъ совершалъ до того богослуженіе (Зинз. улож. 6), — правило, ясно указывающее на то, что хурульное духовенство владѣетъ стадами, не принадлежавшими хурулу и составлявшими личную собственность духовныхъ.

[2]) Геленъ можетъ получить свою часть лишь послѣ оставленія духовнаго званія, съ зачисленіемъ въ податное сословіе. См. Зинз. улож. 12.

свидѣтельству очевидцевъ, самый богатый и достаточный послѣ владѣльцевъ классъ, обладающій множествомъ источниковъ къ легкой наживѣ и обогащенію, — старыя буддійскія правила отшельничества «теперь никѣмъ не соблюдаются[1]).

Коренное различіе ламайскихъ сектъ красношапочной и желтошапочной высказывается въ догматѣ *безбрачія* духовныхъ. Какъ мы видѣли, догматъ этотъ развитъ ученіемъ реформатора Цзонхавы — основателя тибетскаго ламаизма желтошапочниковъ, въ отличіе отъ южно-тибетской секты, допускающей для духовныхъ брачную жизнь на общемъ основаніи съ міряиами[2]). Тотъ же догматъ признанъ калмыцкими уставами, запрещающими духовнымъ нарушать обѣтъ цѣломудрія[3]). По Зинз. уложенію духовный, вступившій въ бракъ или принявшій наложницу, долженъ развестись и принести покаяніе; иначе ему воспрещается являться въ хурулъ и съ требами къ людямъ. вмѣстѣ съ разстриженіемъ въ податные люди[4]).

[1]) См. Бюлера, въ От Зап. 1846, № 8, стр. 122. Бентковскаго, въ Сборн. ст. св. по Ставроп. губ. VII, 27.

[2]) См. Палл. Saml. II, 128, 131. Небольсина въ Биб. СХIII, № 6, стр. 102 Нила Будд. 68, 257. Тимковскаго III, 401. Пржевальскаго I, 287. — По Бакунину «калмыцкіе и мунгальскіе гелены или попы женъ не имѣютъ, а которые изъ нихъ похотятъ жениться, и таковые изъ духовныхъ ихъ чиновъ исключаются». См. Рукоп. 106 обоьот.

[3]) Ст. уст. 1640 по сп. Палл. ст. 145—146. Выше замѣчено, что банди могли оставить свое званіе и вступить въ бракъ безъ особыхъ ограниченій. См. уст. 1640 ст. 23.

[4]) См. Зинз. улож. ст. 13. — По свидѣтельству Палласа, у калмыцкихъ геленовъ въ прошломъ вѣкѣ существовали иные обычаи. Жрецы. въ особенности знатные, открыто держали у себя наложницъ, — «trösten sich in ihrem ehelosen Stande durch junge Haushälterinen» (Nirma) Для калмыцкихъ папъ были открыты и другія средства смягчать иго воздержанія (Joch der Enthaltsamkeit): во всякой кибиткѣ мірянина геленъ пользовался въ своихъ разъѣздахъ ночлежнымъ правомъ занимать ложе хозяина и правомъ гостепріимнаго гетеризма,—почему «die Frau von rechts wegen sich zu demselben schlafen legt». У селенгинскихъ бурятъ каждый жрецъ точно также имѣлъ наложницъ изъ проститутокъ и молодыхъ вдовъ—Ubaschenza. причислявшихся съ Ubaschi къ первой духовной степени. См. Палл. II, 128. Выше мы привели разсказъ Палласа объ обычаѣ калмыцкихъ монахинь по

Догматъ «почитанія» духовенства, строго развитый ламайскимъ каноническимъ правомъ (см. выше), поднималъ до высокой степени *личное значеніе* духовныхъ. Калмыцкіе уставы строго наказываютъ оскорбленіе личной чести духовныхъ ругательствомъ, побоями, даже простымъ прикосновеніемъ руки[1]). Ойратскій уставъ, въ статьѣ о побояхъ, на первомъ планѣ ставитъ «учителя» (бакшù)[2]), а затѣмъ уже говоритъ о родителяхъ[3]). Мало того: сравнивая плату за безчестье, наносимое духовнымъ, съ безчестіемъ владѣльцевъ и другихъ расрядовъ, мы видимъ, что лишь главные владѣльцы стояли въ этомъ отношеніи выше улусныхъ духовныхъ лицъ (но не верховныхъ первосвященниковъ и ламъ), — остальные ранги владѣльцевъ, по безчестію, стоятъ ниже геленовъ; меньшіе владѣльцы равны баньди (ученику вѣры, причетнику), а зайсанги — убаши[4]).

достиженіи 30-ти лѣтъ отдаваться первому встрѣчному мужчинѣ. Обычаи религіознаго и гостепріимнаго гетеризма ламайское духовенство калмыковъ и монголовъ унаслѣдовало отъ стараго ихъ шаманства. Древніе уставы монголовъ оставляли вполнѣ безнаказаннымъ сожительство шамановъ съ наложницами. Тѣже обычаи въ прошломъ вѣкѣ существовали у большинства калмыцкаго и монгольскаго духовенства. См. мое соч. Др. мон. уст. 303. Ср. Іакинѳа опис. Чжуньгаріи, II, 158.

[1]) См. уст. 1640 ст. 21, 23, 39. Зинз. улож. 1, 2.

[2]) Бакши составляли высшій рангъ геленовъ.

[3]) См. уст. 39.

[4]) Замѣтимъ при этомъ, что ойратскій уставъ вовсе не касается безчестія высшихъ классовъ духовныхъ, хубилгановъ—первосвященниковъ и верховныхъ ламъ: они достигали такой святости, что было немыслимо оскорбленіе этихъ «святыхъ». Приведемъ параллельно штрафы за безчестіе духовныхъ и мірянъ бѣлой кости:

духовенство:	*міряне*:
цорджи 81 скотинъ	вел. владѣлецъ — разореніе.
бакши 45 скотинъ	
геленъ 27 скотинъ	чиновны влад. и табангоуты—10 ск.
баньди и шабаганца 5 скотинъ	меньшіе владѣльцы — 5 скотинъ.
убаша и убасунца 1 лошадь.	ясашн. сборщики (зайсанги) 1 лош. и 1 овца.
См. уст. 21.	См. уст. 25—28.

Калмыцкіе уставы констатируютъ, наконецъ, общую систему *запрещенныхъ заповѣдей*, или обѣтовъ, по буддійскому ученію обязательныхъ для членовъ духовной общины, вмѣстѣ съ установленіемъ наказаній и штрафовъ за нарушеніе заповѣдей. Зинзилинское уложеніе упоминаетъ вообще о 10-ти заповѣдяхъ духовныхъ, затѣмъ о четырехъ главныхъ, нарушаемыхъ прелюбодѣяніемъ, лжесвидѣтельствомъ, клятвопреступленіемъ и злоупотребленіемъ святости; кромѣ того, уставы относятъ къ духовнымъ обѣтамъ — воздержаніе отъ употребленія крѣпкихъ напитковъ, хожденіе въ оркомжи (поясѣ, обязательномъ для ношенія духовными), соблюденіе постовъ (мацаковъ — 8, 15 и 30 чиселъ ежемѣсячно, съ всеобщимъ покаяніемъ) и молитвенныхъ дней[1]). Наказанія, налагаемыя на духовныхъ за несоб-

[1]) См. уст. 1640 ст. 145, 146, 148. Зинз. улож. 3. 4, 6, 13, 18 (п. 17). 148—150. — Десять заповѣдей, упоминающихся въ Зинз. улож., принадлежатъ къ кореннымъ обѣтамъ духовенства, имѣвшимъ силу еще въ старыхъ буддійскихъ общинахъ. Сюда относится воздержаніе: 1) отъ убіенія всего живаго, (этотъ обѣтъ и соединенный съ нимъ обычай употребленія постной (не мясной и растительной пищи такъ объясняются въ рукописи Бакунина: «онижъ (калмыки) исповѣдуютъ переселеніе душъ изъ человѣка въ животное и изъ животнаго въ человѣка и множество міровъ, т е. въ солнце и луне (луну) и въ звѣздахъ, и для того нѣкоторые изъ нихъ законники, такъ же какъ и индѣйцы, не ѣдятъ мяса и рыбы, а питаются молокомъ, масломъ хлѣбомъ и другими плодами» (ст. 105 обор), — 2) отъ присвоенія недарованнаго (не укради), — 3) отъ прелюбодѣянія, — 4) отъ лжи, — 5) отъ пьянства (какъ причины охлажденія къ вѣрѣ), — 6) отъ ѣды не во время,— 7) отъ пляски, пѣнія, музыки и зрѣлищъ, — 8) отъ гирляндъ, благоуханій и всего украшающаго, — 9) отъ высокихъ и большихъ сѣдалищъ и постилокъ, — 10) отъ пріема золота и серебра (см. Минаева Община, въ Жур. Мин. Пр. 1879. янв. 17). Буддійскій служебникъ, по которому происходитъ всеобщая исповѣдь духовныхъ (15 числа каждаго мѣсяца), подраздѣляетъ всѣ проступки противъ духовныхъ обѣтовъ на слѣд. разряды: *4 смертныхъ грѣха* (прелюбодѣяніе, кража, убіеніе живаго существа и злоупотребленіе святости, т. е. самомнѣніе, увѣренность въ полномъ знаніи), *13 грѣховъ отпускаемыхъ* (сознательный онанизмъ, прикосновеніе къ тѣлу женщины, сладострастныя рѣчи женщинѣ съ цѣлью плотскаго соитія и пр., — сводничество, постройка хижины не на подаяніе и противъ правилъ, оговоръ другаго въ смертномъ грѣхѣ, внесеніе раздора въ духовную общину и пр.), 2 *неопредѣ-*

люденіе «запрещенныхъ заповѣдей», слагаются по калмыцкимъ уставамъ изъ слѣдующихъ разрядовъ: разстриженія, т. е. удаленія изъ духовной общины, съ зачисленіемъ въ податные люди (главнымъ образомъ, за несоблюденіе главныхъ десяти обѣтовъ), — затѣмъ штрафовъ скотомъ и пожитками (по Зинз. уложенію, также деньгами), ударовъ палкою въ хурулѣ, услуженія при хурулѣ и покаянія[1]).

ленныя дѣйствія, *30 отбрасываемыхъ проступковъ*, *92 проступка* и *4 грѣхи*, искупаемые покаяніемъ. За грѣхи смертные положено полное отлученіе изъ общины, — за остальные — отлученіе временное (болѣе или менѣе продолжительное) и покаяніе (См. Пратим.-Сутра, стр. 30—53). Обѣты міранъ раздѣлялись на главные (не убей, не укради, не лжи и не прелюбодѣйствуй) и второстепенные (не пьянствуй, не украшай волосъ цвѣтами и пр.). (См. Минаева Община, ib. 23). Цзонхава, основатель тибетскаго ламаизма, обязалъ міранъ исполнять три главные обѣты (не прелюбодѣйствуй, не укради и не убей); изъ Зинз. уложенія видно, кромѣ того, что міряне должны въ три поста (мацаки) каждаго мѣсяца соблюдать восемь запрещенныхъ заповѣдей (очевидно, аналогическихъ съ главными обѣтами духовныхъ; см. Зинзил. ул. 149; ср. Бентковскаго, въ Сборн. св. по Ставроп. губ. VII, 24). Для духовенства же ламайскій реформаторъ установилъ обѣты сообразно съ духовными степенями: 8 для простыхъ тойновъ, 40 для гецулей и 220 для гелюнговъ. См. Бентковскаго, тамъ же 24. Ср. его же Взглядъ на кочев. культур. 25. Тимковскаго Пут. I, 63; III, 405.

[1]) См. уст. 1640 ст. 22, 145—148. Зинз. улож. 1, 5—11, 13.

ОПЕЧАТКИ.

стран.	строка.	*Напечатано:*	*слѣдуетъ читать*
5	20 св.	оп	по
7	7 »	п за онаго	и за онаго
26	14 »	Улускаго	Улуснаго
61	5 »	воздумаетъ	вздумаетъ
68	6 »	Пом.	Ком.
70	13 »	Уничтожаются	Уничтожается
74	1 сн.	собраніи	собратіи
100	1 сн.	всѣ, т	ствѣ
123	12 »	«гебке»	«гебкю»
125	7 св.	родитеди	родители
128	7 »	188 (п. 2)	169, 188 (п. 2)
137	1 »	168	35 (п. 13), 168
—	9 сн.	(гл. V, п. 1)	(гл. VI, п. 1)
143	17 св.	Хошоуты. 199	Хошоуты. 119
163	14 сн.	иимущественныхъ	имущественныхъ
168	19 св.	найги	найти
174	12 сн.	«прибавленіи»	«прибавленія»
193	16 св.	ниложницами	наложницами
198	1 сн.	Щанова	Щапова
227	19 св.	шебинеры	шабинеры
—	22 св.	шебинеровъ	шабинеровъ
233	7 »	вслѣдъ стадами	вслѣдъ за стадами
234	2 сн.	Верезина	Березина
238	7 »	положснія	положеніе
255	7 св.	1687	1787
296	17 »	франгментовъ	фрагментовъ
297	18 сн.	и лѣвое крыло съ центромъ и имѣли во главѣ крыло съ центромъ и имѣли во	и лѣвое крыло съ центромъ и имѣли во

стран.	строка.		
297	12 сн.	изъ ограды за	изъ ограды; за
304	16 св.	телю	телью
307	12 »	отствав	отставав
308	19 »	валмыцкой	калмыцкой
335	5 »	организаціи	организація
336	13 »	серватутовъ	сервитутовъ
355	5 »	зайсанга	зайсанга
376	6 »	соединилось	соединялось
381	1 сн.	какую у евреевъ талму-	какую у евреевъ доселѣ удерживаетъ раввинатъ. Какъ у евреевъ талму-
384	4 »	Вуддизмъ	Буддизмъ
386	17 св.	полпымъ	полнымъ
—	10 сн.	обѣды	обѣты
387	16 »	1831	1868
389	4 »	обяаались	обязались
391	10 »	и догматико	но и догматико
—	3 »	можно	могло
392	2 св.	старой	строй
397	12 »	набира	избира

Томъ XII. Протоколы зас. сов.: 6 сент.—5 дек. 1873. Програма курса церковнаго законовѣдѣнія. *Кандаковъ Н. П.* Памятникъ гарпій изъ Ксанеа въ Ликіи. *Лигинъ В. Н* Объ ускореніяхъ высшихъ порядковъ.

Томъ XIII. Протоколы зас. сов.: 6 янв.—2 марта 1874. *Кочубинскій А. А.* Записка о путешествіи по славян. землямъ. *Лебедевъ Д. П.* Федонъ, переводъ съ примѣчаніями. *Павловъ А. С.* Каноническія рукописи моск. синод. библіотеки.

Томъ XIV. Каталогъ дублетовъ библіотеки н. нов. ун—та. *Кудрявцевъ А. Н.* Вступ. лекція. *Лебедевъ Д. П.* Анализъ Федона. *Шпилевскій М. М.* Матеріалы для исторіи народнаго продовольствія въ Россіи.

Томъ XV. Отчетъ о состояніи н. нов. ун. за $18^{73}/_{74}$ ак. г. *Лигинъ В. Н.* Истор. очеркъ изобрѣтенія желѣзныхъ дорогъ. *Спиро П. А.* Къ вопросу объ иннерваціи дыхательныхъ движеній. *Лигинъ В. Н.* Кинематика. I.

Томъ XVI. Протоколы зас. сов.: 20 сент.—23 дек. 1874. *Успенскій Ѳ. И* Значеніе византійскихъ занятій въ изученія средневѣк. исторіи. *Цитовичъ П. П.* Отзывъ о соч. г. Дювернуа «Осн. форма корреальнаго обязательства». *Сицуовъ И. Ѳ.* Отчетъ объ экскурсіяхъ въ губ. сарат. и сам. *Шпилевскій М. М.* Полицейское право какъ самостоятельная отрасль правовѣдѣнія. *Павловъ А. С.* Замѣчанія на програму изданія церк. правилъ.

Томъ XVII. Протоколы зас сов.: 25 янв—12 мая 1875. Отчетъ о состояніи н. нов. ун—та за $18^{74}/_{75}$ ак. г *Волковъ А. Н.* Къ вопросу объ ассимиляціи. *Шельтинга А.* Изъ исторіи развитія предростцевъ папоротниковъ *Кн. Кантакузинъ гр. Сперанскій М.* Опытъ понятія военной контрабанды.

Томъ XVIII. Протоколы зас. сов.: 19 авг.—18 дек. 1875. *Вальцъ Я. Я.* О вліяніи свѣта на нѣкоторые процесы раст. жизни. *Спиро П. А.* О кожномышечныхъ рефлексахъ. *Кононовичъ А.* Способы вычисленія орбитъ двойныхъ звѣздъ. *Головкинскій Н. А.* Мысли о прошедшемъ и будущемъ нашей планеты. *Шельтинга А.* Вліяніе тепла на растенія. *Кондаковъ Н. П.* Отчетъ, 1 марта—1 сент. 1875. *Спиро П. А.* Прибавленіе къ ст. «О кожном. рефлексахъ». *Кочубинскій А. А.* Отчетъ, 1 авг. 1874—1 февр. 1875.

Томъ XIX. Протоколы зас. сов.: 19 янв.—29 мая 1876. Докладъ о перенесеніи библіотеки. *Кононовичъ А.* Способы.... (продолж.). *Клименко Е. Ф.* Матеріалы для исторіи молочной и пировиноградной кислотъ. *Кн. Кантакузинъ гр. Сп. М.* О кодификаціи международнаго права. *Воеводскій Л. Ф.* О т. наз. гомеровскихъ поэмахъ. *Карастелевъ К. И.* Приложеніе теоріи функцій.

Томъ XX. Отчетъ о состояніи н. нов. ун. за $18^{74}/_{75}$ ак. г. *Вальцъ Я. Я.* Отзывъ о дисерт. г. Волкова «Къ вопросу объ ассим.» *Малининъ М. И.* Отчетъ, 1874—75. *Григоровичъ В. И.:* 1. Отчетъ о поѣздкѣ въ Петербургъ 1875 г.; 2. Объ участіи сербовъ въ нашихъ обществ. отношеніяхъ. *Кочубинскій А. А.* Отчеты 2. и 3., 1 февр 1875—1 февр. 1876. *Кондаковъ Н. П.* Отчетъ, 1 сент. 1875 — 1 марта 1876. *Палаузовъ В. Н.* Къ вопросу о формѣ участія народнаго элемента въ уголовной юстиціи. *Вальцъ Я. Я.* О размноженіи растеній частями сѣмянъ. *Кудрявцевъ А. Н.* Мохаметанская религія.

Томъ XXI. Протоколы зас. сов.: 18 авг.—7 окт. 1876. *Кондаковъ Н. П.* 1. Исторія визант. искусства и иконографіи по миніатюрамъ греч. рукописей. 2. Отчетъ, 1 марта—1 авг. 1876. Index seminum an. 1876.

Томъ XXII. Протоколы зас. сов.: 21 окт.—16 дек. 1876. Докладъ комисіи о спец. средствахъ. *Войтковскій В. М.* Разборъ соч. «Константинъ Вел.». *Малининъ М. И.* Судебное признаніе въ гражд. дѣлахъ. *Кочубинскій А. А.* Отчетъ, 1 февр.—1 іюня 1876. *Лигинъ В. Н.* О способѣ Кемпе для мех. рѣшенія уравненій. *Успенскій Ѳ. И.* Отчетъ, май—окт. 1876.

Томъ XXIII. Протоколы зас. сов.: 20 янв.—20 янв. 1877. Отчетъ о состояніи н. нов. ун. за $18^{76}/_{77}$ ак. г. *Кочубинскій А. А.* Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій. Основная вокализація плавныхъ сочетаній. I. *Брунъ Ф К.* О разныхъ названіяхъ Керчи.... *Клименко Е. Ф.* Отвѣтъ проф. Алексѣеву.

Томъ XXIV. *Воеводскій Л. Ф.* Этологическія и миѳологическія замѣтки. Чаши изъ человѣческихъ череповъ. *Посниковъ. А. С.* Общинное землевла-

дѣніе. *Перетятковичъ Е. И* Вступ. лекція. *Петріевъ В. М.* О моно- и двоеза-малоновыхъ кислотахъ

Томъ XXV. Протоколы зас. сов.: 7. апр.—29 сент. 1877. *Кочубинскій А. А.* Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славян нарѣчій.... *Малининъ М. И.* Комментарій къ 366 ст. уст. гр. судопроизводства. *Панкевичъ* ... Объектъ авторскаго права. *Цитовичъ П. П.* Курсъ русскаго гражд права ... Общая часть.—Содержаніе первыхъ 25 т. «Записокъ и. нов. ун.» (185... —$1877/_{78}$).

Томъ XXVI. Протоколы зас. сов.: 6 окт. — 8 дек. 1877 г. *Умовъ Н. А.* Курсъ математ физики. I. Введеніе. Съ 2-мя табл. *Цитовичъ П. П.* Новые пріемы защиты общиннаго землевладѣнія. По поводу соч. «Общинное землевладѣніе». А. Посникова. *Малининъ М. И.* Комментарій къ 366 ст. уст. гражд. судопроизв.—*Его же.* По поводу рецензіи г. Гедримовича. *Сабининъ Е. Ѳ.* Къ интегрированію дифференціальныхъ уравненій помощію рядовъ. *Кочубинскій А. А.* Памяти товарищей. Двѣ рѣчи. *Цитовичъ П. П.* Курсъ русскаго гражд. права. I. Ощая часть (продолженіе).—Объявленіе.

Томъ XXVII. Краткій отчетъ о дѣятельности и. нов. ун. за 187... ак. г. Протоколы зас. сов. 19 янв. — 23 авг. 1878 г. Прил. къ нимъ. *Кочубинскій А. А.* Polabani. Разборъ соч. на фак. премію: «Очеркъ языка славянъ Балт. Поморья, Бранд.» *Некрасовъ И. С.* Отзывъ о комед. «Свадьба», увѣнч. преміей И. Ю Вучины. *Пономаревъ П.* Къ исторіи производныхъ группы моч. кислоты. *Трачевскій А. С.* Соврем. задача истор. науки. *Успенскій Ѳ. И.* Образованіе втор. Болг. царства. *Ярошенко С. П.* Проэкт. геометрія.

Томъ XXVIII. Протоколы зас. сов.: 7 сент.—9 дек. 1878 г. *Преображенскій В. В.* О логариѳм. потенціалѣ. *Брунъ Ф. К.* Черноморье. Сборн. изсл. по ист. геогр. юж. Россіи. Ч. I. *Леонтовичъ Ѳ. И.* Древн. монг.-калм. или ойрат. уст. взыск. (Цааджинъ-Бичикъ). *Ярошенко С. П.* Проэкт. геометрія (продолж.)

Цѣна тома 2 р. 50 коп. (томъ I, XXVII 3 р., XXVIII 4 р.).

Складъ изданія въ университетѣ. Выписка чрезъ всѣ книжные магазины Одессы.

«Записки императорскаго новороссійскаго университета» выходятъ въ неопредѣленные сроки, отъ 3 до 4 томовъ въ годъ, отъ 25 до 30 и болѣе печатныхъ листовъ томъ, in 8° (съ протоколами).

Редакціи періодическихъ изданій, которыя пожелали бы вступить съ редакціей «Записокъ» въ обмѣнъ своими изданіями, благоволятъ обращать свои заявленія въ **Правленіе имп. нов. университета.**

Редакторъ:

Орд. проф. А. Кочубинскій.

Цѣна XXIX т. $4\frac{1}{2}$ рубля.